

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXIV.

1884.

ЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Паб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
Отъемы особой комиссіи, разсматривавшей труды по исторіи и географіи, удостоенныя имперіи императора Петра Великаго въ 1884 году (разборы трудовъ гг. Калловича, Замысловскаго, Штудера и Рождественскаго)	35
И. В. Голубинскій. Объ Узакъ и Половцахъ	1
Я. Г. Гуревичъ. Происхожденіе войны за Испанское навадство и коммерческіе интересы Англіи. I—IV	23
И. И. Весоловскій. Пріемъ въ Россіи и отпускъ средне-азиатскихъ пословъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ	69
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
— Старинныя русскіе закононики въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества	106
И. В. Помяловскій. Путь къ Синаю. А. В. Елизеева. 1884.	122
И. И. Петровъ. Палинодія Захарія Коныстеевскаго. В. З. Засвишневича. 1883.	131
А. И. Весоловскій. Разсказанія о греческихъ богатирскихъ былинахъ. Г. Дестуниса. 1883.	142
Ф. Т. Мищенко: Къ вопросу о Геродотовыхъ Скісахъ	145
Г. С. Дестунисъ. Записки греческаго историческаго и этнографическаго общества	155
Ц. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. IX.	172
В. Колумбусъ. Къ вопросу о преподаваніи бухгалтеріи	1
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	5
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОПИСЬ.	
— Научныя предпріятія Православнаго Палестинскаго Общества	1
— Педагогическіе курсы для преподавателей начальныхъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи въ 1883 году	17
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	31
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа.	48
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
Э. К. Шторкъ. Что значитъ сочетаніе patres conscripti.	1
А. Д. Вейсманъ. Запѣты къ трагедіи Еврипида ΠΗΡΟΔΑΓΤΟΣ.	12
В. К. Криштедтъ. ΠΑΙΔΩΣΙΣ.	23
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:	
И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе)	169

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 4-го іюля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІV.

1884.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

PSlav 318.10

~~Slav 318.10~~

~~PSlav 318.10~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Наб. Екатеринин. кан., д. № 78.
2574.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (24-го апрѣля 1884 г.). О свидѣтельствovanіи выписей изъ актовыхъ книгъ Виленскаго центрального архива.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго совѣта, о свидѣтельствovanіи выписей изъ актовыхъ книгъ Виленскаго центрального архива, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель Государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе Государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о свидѣтельствovanіи выписей изъ актовыхъ книгъ Виленскаго центрального архива, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе статьи 9-й Именнаго Высочайшаго указа правительствующему сенату 2-го апрѣля 1852 года объ учрежденіи центральныхъ архивовъ для актовыхъ книгъ западныхъ губерній (полн. собр. зак. т. XXVII, № 26126), постановить:

„Къ участію въ свидѣтельствovanіи выписей изъ актовыхъ книгъ Виленскаго центрального архива приглашается, вмѣсто губернскаго стряпчаго (должность котораго упразднена), предсѣдатель учрежденной въ городѣ Вильнѣ комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, или одинъ изъ членовъ оной, особо къ тому назначенный распоряженіемъ попечителя Виленскаго учебнаго округа“.

2. (12-го іюня 1884 г.). Обѣ учрежденіи въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 12-ти стипендій имени Государя Императора Александра II.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія ходатайства Рязанскаго губернскаго земскаго собранія обѣ учрежденіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Россіи почившаго Государя Императора Александра II, на счетъ имѣющихъ быть ежегодно отпускаемыми изъ суммъ Рязанскаго губернскаго земства 3,600 р., двѣнадцати стипендій при университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ размѣрѣ по 300 р. каждая, съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ имени императора Александра II, въ 12-й день сего іюня Высочайше на сіе соизволилъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

4-го мая 1884 г. (№ 4). Производятся: бывшій директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Бажановъ—въ тайные совѣтники.

Занимающійся въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, по найму, сынъ провизора, Станиславъ Хрещоновичъ—въ коллежскіе регистраторы.

Утверждается на три года: тайный совѣтникъ Ивановъ—почетнымъ попечителемъ Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: лаборанту Императорскаго Новороссійскаго университета Вернеру—на одинъ годъ.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета, протоіерей Дьячанъ и экстраординарный профессоръ сего университета, надворный совѣтникъ Трессъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Будиловичъ и доцентъ сего университета Любовичъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и шестнадцать дней.

и б) за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Шмидтъ—съ 15-го сентября по 1-е ноября 1884 года.

Ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Востоковъ и св. Владимира—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бунге и статскій совѣтникъ Субботинъ, и исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Вѣховъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г.

Ординарный профессоръ императорскаго Варшавскаго университета Вржесніовскій—съ 11-го іюня по 25-е августа 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Симоненко—съ 1-го іюня по 20-е августа 1884 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Скворцовъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и десять дней.

Ординаторы Императорскаго Московскаго университета: хирургической факультетской клиники, лѣкарь Знаменскій, и акушерской клиники, лѣкарь Типяковъ—на три съ половиною мѣсяца.

Ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондаковъ и статскій совѣтникъ Успенскій—на три мѣсяца и двадцать дней.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сивинцнъ—съ 15-го мая по 10-е сентября 1884 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Арнштейнъ, экстраординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ Толмачевъ, доцентъ того же университета Усовъ, исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Зининъ и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Губаревъ—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ послѣднему въ командировку съ ученою цѣлю разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяць.

Лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Геричъ—на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Алексѣевъ—съ 1-го іюня 1884 г. по 16-е сентября 1885 г.

Продолжается срокъ отпуска за границу: почетному попе-

ителю Одесской второй прогимназіи Росси на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ по болѣзни: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Маакъ—въ Россіи и за границу на три мѣсяца.

Попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Ларовскій—въ разныя губерніи съ 15-го іюня по 15-е августа 1884 г.

5-го мая 1884 г. (№ 5). Увольняется отъ службы: директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Брадке, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтаны, сей должности присвоенный.

Назначается: окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аничковъ—директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 4-го сего мая, нижепоименованнымъ лицамъ, оказавшимъ своею дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія.

Ордена: св. Анны 2-й степени: коллежскимъ совѣтникамъ: члену по хозяйственной части Нижегородскаго Александровскаго института Корвинъ-Круковскому; члену и казначею комитета Таганрогскихъ мореходныхъ классовъ и попечителю Таганрогскаго перваго начальнаго приходскаго училища Хандрину и почетному блюстителю Пологскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Духовницкаго уѣзда, Черсвипу; почетному блюстителю Вознесенскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Юхновскаго уѣзда, отставному гвардіи поручику Воронцу; потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: члену попечительства Казанскаго реальнаго училища, 1-й гильдіи купцу Дмитрію Вараксину и Александру Антонову и почетному блюстителю Кундышево-Володинскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Даниловскаго уѣзда, 1-й гильдіи купцу Сергѣю Володину, изъ нихъ Вараксину, Антонову и Володину съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зап. отл. т. I св. зав., изд. 1876 г.

Св. Станислава 2-й степени: Бердянскому уѣздному предводителю дворянства, отставному маіору Браккеру; почетнымъ блюстителямъ: Братушанскаго однокласнаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Яскаго уѣзда, отставному капитану Кузминскому и иргизскаго русско-киргизскаго училища заурядъ хорунжему Кудубекову; потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: 1-й гильдіи купцамъ: почетному смотрителю С.-Петербургскаго самосіевскаго городскаго училища Василю Петрову и попечителю и содержателю Никольско-богоявленскаго начальнаго народнаго училища, Московскаго уѣзда, Алексію Лепточникову и почетному блюстителю С.-Петербургскаго Введенскаго двухкласснаго приходскаго училища, 2-й гильдіи купцу Ивану Максиму; изъ нихъ: Петрову, Лепточникову и Максиму съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл. т. I св. зак., изд. 1876 года.

Св. Анны 3-й степени: губерскимъ секретарямъ: почетному блюстителю Кишиневскаго пятаго приходоваго училища Кярову и учителю начальнаго при Новинской учительской семинаріи училища Казанскому; почетному блюстителю Актюбинскаго русско-киргизскаго училища, заурядъ хорунжему Беркымбаеву и члену Хотинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, дворянину Льву Геевскому.

Св. Станислава 3-й степени: члену попечительнаго совѣта Дорогобужской женской прогимназіи, коллежскому ассессору Крапучину; попечителю Серебрянскаго начальнаго народнаго училища, Бахмутскаго уѣзда, отставному штабсъ-ротмистру Мессарошу; почетному блюстителю Алексіевскаго однокласнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Юрьевѣ, Задонскаго уѣзда, коллежскому секретарю Миллеру; попечителю Лапатковскаго училища, Крапивенскаго уѣзда, отставному артиллеріи подпоручику Кологривову; почетному блюстителю Кишиневскаго третьяго приходскаго училища, губерпскому секретарю Кушковскому; попечителю Казаченскаго сельскаго училища, Крапивенскаго уѣзда, коллежскому регистратору Полякову; дворянамъ: члену попечительнаго совѣта Дорогобужской женской прогимназіи Сергѣю Барышникову и почетному блюстителю Русятинскаго однокласнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Алексинскаго уѣзда, Александру Бороздину; попечителю начальнаго народнаго училища въ мѣстечкѣ Мѣловомъ, Херсонскаго уѣзда, потомственному почетному гражданину Михаилу Агаркову; попечителю Бутурлинскаго начальнаго народ-

наго училища, Серпуховскаго уѣзда, 1-й гильдіи купцу Петру Рябову и почетному члену археологическаго института, 2-й гильдіи купцу Дмитрію Прилукову; изъ нихъ Агарьову, Рябову и Прилукову съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл. т. I св. зак., изд. 1876 года.

Медали съ надписью „за усердіе“: для пошепія на шеѣ: золотныя на лентахъ: Андреевской: члену попечительныхъ совѣтовъ Читинской и Якутской женскихъ прогимназій, Иркутскому 1-й гильдіи купцу Ивану Голдобану; Александровской: почетнымъ попечителямъ прогимназій: Коломенской мужской, потомственному почетному гражданину Гурію Левину и Якутской почетному ипородцу 1-го Черуктейскаго наслега, Олекминскаго округа и улуса Степану Идельгину; с.-петербургскимъ 2-й гильдіи купцамъ: старостѣ церкви С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Якову Козлову; учредителямъ состоящей въ С.-Петербургѣ бесплатной для бѣдныхъ дѣтей двухклассной Коммисаровской школы Ивану Павлову и Дмитрію Петрову; Владимірской: 2-й гильдіи купцамъ: Козмодемьянскому, почетному смотрителю Козмодемьянскаго городского трехкласснаго училища, тамошнему городскому головѣ Павлѣ Бичкову; Московскому, попечителю Турбичевскаго начальнаго народнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, Михаилу Бучумову; харьковскому, Ильѣ Силину и временному С.-Петербургскому, Павлу Тѣстову и члену-соревнователю Императорскаго географическаго Общества, ипородцу 2-го Тылымскаго наслега Восточно-Кангаласкаго улуса, Якутскаго округа, Герасиму Соловьеву; Аннинской: потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: членамъ попечительнаго совѣта Коломенской женской прогимназій Егору Левину и Виктору Токареву; 1-й гильдіи купцамъ: Ростовскому, почетному попечителю Ростовской-на-Дону гимназій Гавріилу Шуппанову; Царскосельскому, попечителю Карачаровскаго сельскаго начальнаго народнаго училища Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи, Григорію Фонталову и Кишиневскому, члену совѣта Кишиневской еврейской общественной талмудъ-торы Абраму Динину; 2-й гильдіи купцамъ: почетному смотрителю Вѣльскаго городского трехкласснаго училища Николаю Зембицкому; Оренбургскому, почетному блюстителю Оренбургскаго 2-го мужскаго приходскаго училища Антону Клямпю С.-Петербургскому, попечителю Усадищскаго начальнаго училища Василию Лебедеву и временному Маловишерскому, Дмитрію Кононову; предсѣдателю попечительнаго совѣта Зарайской женской про-

гимназіи, купеческому брату Николаю Курносову; Дорогобужскому городскому головѣ, 2-й гильдіи купеческому брату Дмитрію Свѣшникову и почетному блюстителю Троицкаго русско-киргизскаго училища, волостному управителю Дамбарской волости Николаевскаго уѣзда, Тургайской области, Бекмухаммеду Карникову; Станиславской: учителю Петровскаго начальнаго училища, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, неимѣющему чина Александру Шумилину; потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: попечителю Нижегородскаго Троицкаго мужскаго училища, Нижегородскому 1-й гильдіи купцу Михаилу Щелокову; попечителю перваго Коломенскаго городскаго приходскаго женскаго училища, Коломенскому купцу Константину Туяницыпу и Василию Кандинскому; 1-й гильдіи купцамъ: Киевскому, почетному блюстителю Радомысльскаго однокласснаго еврейскаго училища Веніамину Адольфу Ноткину; Московскому, попечителю Семеновскаго начальнаго народнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, Ивану Шатловскому и Саранульскому, Дмитрію Ижболдину; 2-й гильдіи купцамъ: Ставропольскому, почетному попечителю Ставропольской Ольгинской женской гимназіи Дмитрію Венеціанову; Рязскому, почетному блюстителю Ухоловскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Рязскаго уѣзда, Рязанской губерніи, Фѣдору Шалирипу и Канпскому, попечителю Каргатскаго сельскаго училища Капитону Ерофѣеву и Старицкому купцу, члену Старицкаго уѣзднаго училищнаго совѣта Тимоѣю Филипову; серебряныя на лентахъ: Аннинской: почетному блюстителю Турлакскаго приходскаго училища, Аккерманскому купцу Сарагану Асвадурову; курьеру департамента народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ писарей 1-го класса медицинскаго департамента военнаго министерства Аписяму Бормину и служителю при канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, исправляющему обязанности курьера, отставному кондуктору 2-го класса морской артиллеріи Льву Иванову; Станиславской: личнымъ почетнымъ гражданамъ: завѣдывающему Бишиневскимъ еврейскимъ однокласснымъ начальнымъ училищемъ Абраму Китловкеру и курьеру при президентѣ Императорской академіи наукъ Николаю Кристалеву; 1-й гильдіи купцамъ: Серпуховскому, попечителю Талижскаго начальнаго народнаго училища, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, Михаилу Карпову; Новоладожскому, попечителю Хомантовскаго начальнаго училища, Новоладожскаго уѣзда, Михаилу Шарипову; С.-Петербургскому, Матвѣю

Бакину и Камышловскому, Алексѣю Ошивалову; завѣдывающимъ одноклассными еврейскими начальными училищами: Опшянскимъ— Менделю Рудницкому и Лидскимъ—Герасиму Зархину; завѣдывающему Виленскою казенною еврейскою школою русской грамотности № 5 Овсею Раковщяну; почетному смотрителю Вяземскаго городского четырехкласснаго училища, Вяземскому 2-й гильдіи купцу Григорію Кустареву; члену Лебединскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, Лебединскому 2-й гильдіи купцу Ивану Сиѣсареву; члену Ружскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, ружскому купцу Ивану Ильину; 2-й гильдіи купцамъ: Вытегорскому временному, почетному блюстителю Ильинскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Олонецкаго уѣзда, Дмитрію Максимову; Шадринскому, почетному блюстителю Тюменскаго мужскаго приходскаго училища Василю Волчихину; временному Лодейнопольскому, почетному блюстителю Вознесенскаго однокласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Лодейнопольскаго уѣзда, Александру Зннину; С.-Петербургскому, члену совѣта состоящей въ С.-Петербургѣ бесплатной для бѣдныхъ дѣтей двухклассной Комиссаровской школы Федору Васильеву; Златоустовскому временному, почетному блюстителю Верхне-чусовскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія Павлу Кропачеву и Карачевскому, попечителю Глыбочевскаго сельскаго начальнаго народнаго училища Карачевскаго уѣзда, Орловской губерніи, Василю Сунгурову; почетному блюстителю Оренбургскаго 1-го мужскаго приходскаго училища, Оренбургскому 2-й гильдіи купеческому сыну Василю Панфилову; ефремовскимъ купцамъ: попечителямъ училищъ Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи: Кадновскаго—Семену Долгову, Хомяковскаго—Николаю Ширяеву и Вѣдинскаго и Масловскаго—Аванасію Николаеву; отставному квартирмейстеру 1-го флотскаго экипажа, причисленному къ мѣщанамъ города Новгорода, Бартоломею Станукипасу; сторожу при черномъ отдѣленіи библиотеки Императорской академіи наукъ, отставному артиллерійскому надзирателю 2-го класса Николаю Жижину; вахтеру при домѣ Императорской академіи наукъ, отставному унтеръ-офицеру Леонтію Михайлову; служителю инспекти при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, отставному лейбъ-гвардіи Гатчинскаго полка унтеръ-офицеру Корнѣю Антрову; почетнымъ блюстителямъ двухклассныхъ училищъ: Павловскаго, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, торгующему по купеческому свидѣтельству крестьянину Дмитрію

Маклакову и Ладвинскаго начальнаго министерства народнаго просвѣщенія, Петрозаводскаго уѣзда, крестьянину Ладвинской волости Василию Кипрушкину и сторожу при архивѣ комитета правленія Императорской академіи наукъ, отставному утѣрь-офицеру Трофиму Чекулаеву; серебряныя для пошенія на груди: на лентахъ: Аннинской: попечителю Кривскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, Московскому 2-й гильдіи купцу Михаилу Тимонину; почетному блюстителю Когальницкаго приходскаго училища, мѣщанину Василию Татаринцеву почетному блюстителю Чучуленскаго сельскаго двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Кишиневскаго уѣзда, Васиенскому волостному старшинѣ, поселянину с. Чучулень Федору Пожогѣ; крестьянамъ деревень: Турыгиной, попечителю Турыгинскаго начальнаго народнаго училища, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, Месоодию Дунашеву; Зовцева, попечителю Цереславцевскаго начальнаго училища, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Василию Каллистратову и Дутшевой, попечителю Раменскаго сельскаго начальнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, Василию Дегтяреву; волостному старшинѣ Чадырь-Лунгской волости, Бендерскаго уѣзда, поселянину Николаю Кирову; старшинѣ Осминской волости, Гдовскаго уѣзда, крестьянину Петру Лариону: старшинѣ Путиловской волости, Шлиссельбургскаго уѣзда, крестьянину Андрею Шарипину и крестьянину Грязовецкаго уѣзда, Степуриной волости, деревни Дьякова, Ивану Языкову; Станиславской: почетнымъ блюстителямъ училищъ: Аринскаго двухкласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, Каванскому 2-й гильдіи купцу Андрею Хохрякову; Каушанскаго однокласснаго сельскаго, Бендерскаго уѣзда поселянину с. Токузь, Павлу Васильковану; Рогачевскаго двухкласснаго, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянину села Рогачева, Матвѣю Сударинову; Калюсскаго народнаго, Ушицкаго уѣзда, крестьянину Терентію Шкварковскому и Руговерскаго однокласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія, крестьянину Повѣнецкаго уѣзда, Богоявленской волости, Константину Кузнецову; смотрителю Рикасовскаго сельскаго училища, Архангельскаго уѣзда, крестьянину Рикасовской волости, Алексѣю Апаньину; попечителямъ училищъ: Подосиновскаго, Крашневскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянину деревни Зуевой, Андрею Апасову; Маринскаго въ с. Воржѣ начальнаго, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянину Ва-

свлю Маслову; Покровско-Раменскаго начальнаго, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянину деревни Захарова, Воскресенской волости, Петру Емельянову; Щетинскаго начальнаго, Пошеховскаго уѣзда, Ярославской губерніи, крестьянину Давиду Пѣшехову; Шемербиискаго сельскаго, Ядринскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьянину изъ Чуваши деревни Большой-Четасовой, Николаю Разумову; Вѣлпесочкаго начальнаго народнаго, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, крестьянину Вѣлпесочкой слободы, Степану Утыну; Новоруднянскаго и Череновскаго сельскаго, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, крестьянину Новорудненской волости, Василию Розанову; Ржевскаго, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянину Михаилу Кузнецову; Чернско-Слободскаго, Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянину Аванасію Шацкому и Козьевскаго, крестьянину Ѳедору Степанову; швейцару при Императорской академіи наукъ, отставному рядовому Якубу-Яну Энису; волостному старшинѣ Костомаровской волости, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянину Михаилу Алехину; старшинѣ Чулцовской волости, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, крестьянину той же волости, Эсперу Морозову; волостнымъ старшинамъ волостей: Успенской, Ваземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, Егору Евстафьеву и Павлохуторской, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, крестьянину Фролову; старшинѣ Кузоватовской волости, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи, крестьянину-собственнику села Баяви, Кириллу Рогашеву; волостному старшинѣ Замарайской волости, Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи, крестьянину Тимоею Сержантову; отставному боцману Павлу Доильницину и крестьянину изъ Чуваши деревни Второй-Кинярь, Козьмодемьянскаго уѣзда, Казанской губерніи, Роману Петрову.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (26-го мая 1884г.) Положеніе о стипендіи имени умершаго генераль-адъютанта Лесовскаго при Кронштадтской Александринской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Кронштадтской Александринской женской гимназіи учреждается

стипендія имени умершаго генералъ-адъютанта Степана Степановича Лесовскаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу р., пожертвованнаго супругою покойнаго, Екатериною Владиміровной Лесовской, и заключающагося въ облигаціи восточнаго 1877 г. займа за № 178247.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Кронштадтскомъ казначействѣ, и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ ввсепннаго капитала, въ размѣрѣ 50 р. въ годъ, обращаются въ уплату за право ученія стипендіатки.

§ 4. Право избрапія стипендіатки принадлежитъ пожизненно супругѣ умершаго генералъ-адъютанта Е. В. Лесовской, а послѣ ея смерти, право это предоставляется попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, и притомъ съ согласія супруги покойнаго, Лесовской.

§ 6. Пользованіе стипендію не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ упраздненія въ Кронштадтѣ женской гимназіи, попечительному совѣту предоставляется право передачи стипендіальнаго капитала съ таковымъ назначеніемъ въ одну изъ ближайшихъ женскихъ гимназій.

2. (26-го мая 1884 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей журнала „Русскій Архивъ“ средне-учебнымъ заведеніямъ.

Издатель Русскаго Архива П. И. Бартевевъ обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о распространеніи его изданія въ бібліотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, находя означенное ходатайство Бартевева заслуживающимъ полнаго уваженія, полагалъ рекомендовать оное для бібліотекъ мужскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

Соглашаясь съ означеннымъ постановленіемъ ученаго комитета, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго намъ

учебнаго округа на вышеупомянутое изданіе на случай выписки онаго для библіотекъ подвѣдомственныхъ имъ заведеній.

3. (27-го мая 1884 г.) Положеніе о стипендіяхъ имени жены потомственнаго гражданина Маріи Федоровны Морозовой при Московской 4-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей; пожертвованнаго женою потомственнаго почетнаго гражданина Морозовой учреждаются при Московской 4-й гимназій двѣ стипендіи имени жертвовательницы.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 4-й гимназій, составляя неотъемлемую собственность этой гимназій и оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала употребляются на плату за право ученія въ названной гимназій двухъ бѣдныхъ учениковъ русскаго происхожденія.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту 4-й Московской гимназій.

§ 5. Образовавшіеся по какому бы то ни было случаю остатки отъ стипендіальной суммы могутъ быть выдаваемы бѣднѣйшимъ изъ лучшихъ учениковъ гимназій по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 6. Наблюденіе за своевременнымъ обученіемъ процентовъ и за выходомъ облигаціи въ тиражъ лежитъ на обязанности директора 4-й Московской гимназій, который въ семъ послѣднемъ случаѣ обмѣниваетъ ихъ на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги.

§ 7. Пользованіе означенными стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

4. (27-го іюня 1884 г.) Положеніе о постоянномъ фондѣ, основанномъ профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи А. М. Карпинскимъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ и пособій недостаточнымъ студентамъ сего института.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Основной фондъ составился: а) изъ суммы, собранной профессоромъ института Карпинскимъ отъ продажи его сочиненія „Lasady

gospodarstwa stawowego", въ количествѣ 2104 руб. 22 коп. и б) изъ частныхъ пожертвованій въ пользу того же фонда и процентовъ, всего въ количествѣ 645 р. 78 коп.

§ 2. Основной фондъ, состоящій нынѣ въ количествѣ 2750 руб., изъ которыхъ 2500 руб. въ процентныхъ бумагахъ (облигаціи восточныхъ займовъ) и 250 руб. наличными деньгами, хранится въ Новоалександрійскомъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты, поступающіе съ этой суммы и могущія быть пожертвованія частныхъ лицъ, присоединяются къ основному фонду, пока онъ не достигнетъ до суммы 3000 руб. номинальныхъ, и тогда онъ получаетъ названіе постояннаго фонда; послѣ сего всѣ проценты, причитающіеся на эту сумму, назначаются для выдачи безпроцентныхъ ссудъ и пособій недостаточнымъ студентамъ института.

§ 4. Могущіе образоваться къ концу года остатки отъ процентовъ и частныхъ пожертвованій и не розданные въ ссуду присоединяются къ постоянному капиталу и употребляются или на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ, или могутъ быть розданы въ ссуду въ будущемъ году, если встрѣтится въ томъ надобность.

§ 5. Правомъ на полученіе ссудъ и пособій пользуются исключительно недостаточные студенты института, отличающіеся хорошими успѣхами и поведеніемъ. Назначеніе пособій дѣлается правленіемъ по представленію инспекціи, къ которой обращается студентъ, желающій получить ссуду или пособие.

§ 6. Размѣръ ссуды и пособія ограничивается 10 руб. на одно лицо въ одинъ разъ и уплата ссуды производится по мѣсячно по частямъ, въ назначаемые при выдачѣ сроки;—желающіе же могутъ возвратить взятую ссуду и всею полностью одновременно.

§ 7. Для веденія отчетности по сему фонду должна существовать особая шпуровая книга, въ которую записываются приходомъ поступающіе проценты на постоянный фондъ, частныя пожертвованія и уплаты выданныхъ ссудъ и пособій; въ расходъ же записываются выдачи ссудъ съ обозначеніемъ кому, въ какомъ количествѣ и на какой срокъ выдана ссуда и количество назначенныхъ пособій.

§ 8. Повѣрка книгъ и суммъ производится ежегодно правленіемъ или по его порученію однимъ изъ членовъ правленія. Причемъ Директору института предоставляется право производить повѣрку книгъ и суммъ во всякое время, по его усмотрѣнію, какъ лицу, на которомъ лежитъ обязанность наблюдать за цѣлостію суммъ и точнымъ исполненіемъ этого положенія.

§ 9. Процентныя бумаги, составляющія постоянный фондъ, хранятся всегда въ Новоалександрійскомъ уѣздномъ казначействѣ, или въ другомъ правительственномъ кредитномъ учрежденіи, въ числѣ депозитовъ института; суммы же назначаемыя для раздачи ссудъ и пособій, у того лица, которому будетъ поручено веденіе кассовой книги и выдача ссудъ и пособій.

§ 10. Означенный капиталъ состоитъ въ распоряженіи правленія института. Въ случаѣ же закрытія Новоалександрійскаго института, капиталъ переходитъ въ распоряженіе начальства парнавскаго учебнаго округа, которое, сохраняя первоначальную цѣль образованія фонда, выдаетъ, по своему усмотрѣнію, пособія и ссуды воспитанникамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, существующихъ или имѣющихъ быть учрежденными, въ которыхъ, по преимуществу, изучаются науки сельскаго хозяйства; а за неимѣніемъ таковыхъ заведеній, пособія выдаются бѣднымъ ученикамъ разныхъ заведеній, по усмотрѣнію г. попечителя округа.

5. (2-го іюня 1884 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о преподавателяхъ учебныхъ заведеній, состоящихъ на государственной службѣ, и таковыхъ же по вольному найму.

Нѣкоторыя изъ начальствъ учебныхъ округовъ въ представленіяхъ своихъ недѣлаютъ различія между лицами, исправляющими должности преподавателей, имѣющими установленное свидѣтельство на званіе учителя гимназій, прогимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній, и неимѣющими означеннаго свидѣтельства, называя тѣхъ и другихъ одинаково исправляющими должность учителя такого-то предмета.

Вслѣдствіе сего имѣю честь изъяснить, что лица, имѣющія право на занятіе должности учителя исправляя должность преподавателя, пользуются всѣми правами государственной службы, лица же, неимѣющія такового права, могутъ быть допускаемы къ исполненію преподавательскихъ обязанностей лишь въ случаѣ неимѣнія кандидатовъ для занятія вакантной преподавательской должности изъ лицъ, имѣющихъ на то право, и получаютъ за свой трудъ вознагражденіе изъ платы по найму, не пользуясь при этомъ правами государственной службы.

Въ виду сего нужнымъ считаю покорнѣйше просить Ваше пре-

восходителство, во избѣжаніе смѣшанія преподавателей различныхъ категорій, въ представленіяхъ въ министерство, лицъ допущенныхъ къ исполненію преподавательскихъ обязанностей безъ правъ государственной службы, называть не иначе какъ преподавателями изъ платы по найму.

6. (7-го іюня 1884 г.) Правила для стипендіи въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра имени бывшихъ профессоровъ сего университета: на историко-филологическомъ факультетѣ Ивана Яковлевича Нейкирха и на медицинскомъ факультетѣ имени Вилибальда Готлибовича Бессера.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ ознаменованіе 50-ти-лѣтняго существованія университета Св. Владиміра и въ память двухъ бывшихъ профессоровъ сего университета членъ военно-медицинскаго совѣта тайный совѣтникъ Викторъ Вилибальдовичъ Бессеръ пожертвовалъ 14000 руб. облигаціями 3-го восточнаго, съ купонами на срокъ 1-го мая 1884 г., займа, на каковой капиталъ учреждаются при упомянутомъ университетѣ двѣ стипендіи: одна—имени профессора Ивана Яковлевича Нейкирха на историко-филологическомъ, другая—имени профессора Вилибальда Готлибовича Бессера на медицинскомъ факультетахъ, кажды по 300 руб. въ годъ на слѣдующихъ условіяхъ:

§ 2. Стипендіаты должны быть христіанскаго исповѣданія.

§ 3. Запѣщеніе обѣихъ стипендій должно принадлежать пожизненно вдовѣ профессора Ивана Яковлевича Нейкирха, Каролинѣ Вилибальдовнѣ Нейкирхъ, а затѣмъ совѣту университета.

§ 4. Совѣтъ университета запѣщаетъ вакантныя стипендіи по представленіямъ подлежащихъ факультетовъ, на основаніи конкурса, условія котораго опредѣляются факультетами; къ конкурснымъ испи-таніямъ допускаются несостоятельные студенты 1-го и 2-го курсовъ. Но ежели къ соисканіямъ учреждаемыхъ стипендій явятся студенты, прямыя потомки профессора Виктора Вилибальдовича Бессера и Ивана Яковлевича Нейкирха, то таковыя получаютъ любую стипендію безъ конкурса.

§ 5. Стипендіаты Бессера и Нейкирха освобождаются отъ платы за ученіе и за пользованіе стипендіями не обязаны ни къ какой отслужѣ.

§ 6. Стипендіаты Нейкирха и Бессера во все время пользованія стипендіями обязаны подвергаться установленнымъ испытаніямъ; не
часть сохххiv, отд. 1.

выдержавшіе успѣшно экзамена, а равно неодобительно аттестованные въ поведеніи лишаются стипендій.

Стипендіаты не могутъ оставаться болѣе года на одномъ курсѣ, за исключеніемъ причинъ, признанныхъ подлежащими факультетами и совѣтомъ вполне уважительными.

§ 7. Стипендіаты Бессера и Нейкирка, окончившіе курсъ успѣшно, при выходѣ изъ университета получаютъ единовременное пособіе изъ остатковъ отъ ежегодныхъ $\%$ на 14 т. руб., но не болѣе 250 руб. каждый.

§ 8. Капиталъ въ 14000 руб., представляемый для учрежденія 2-хъ стипендій, не можетъ быть обращаемъ университетомъ ни на какія другія цѣли, кромѣ указанныхъ жертвователемъ тайнымъ совѣтникомъ Викторомъ Вилибальдовичемъ Бессеромъ; въ случаѣ же университета не исполнить такового условія, наследники тайнаго совѣтника Бессера могутъ требовать пожертвованный капиталъ обратно.

7. (9-го іюня 1884 года). Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аркадія Андреевича Толочанова при Ломжинской мужской гимназій.

§ 1. На проценты съ капитала, собраннаго Ломжинскимъ городскимъ обществомъ и служащими всѣхъ вѣдомствъ, въ тысячу рублей, учреждается при Ломжинской мужской гимназій одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аркадія Андреевича Толочанова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Ломжинской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ. Деньги, полученныя за вышедшія въ тиражъ облигаціи, подлежатъ обращенію на покупку соответственныхъ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ стипендіального капитала вносится плата за ученіе стипендіата, а остатокъ выдается родителю или лицу, на попеченіи котораго будетъ находиться стипендіатъ, на покупку ему книгъ и учебныхъ пособій и другія его нужды.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ Ломжинской гимназій.

§ 5. Избраніе стипендіата предоставляется Ломжинскому губернскому совѣту общественнаго призванія, членами котораго состоятъ чинов-

ники разныхъ вѣдомствъ и извѣстныя своею благотворительностію обыватели, съ тѣмъ, чтобы на совѣщаніе по сему предмету былъ приглашаемъ директоръ гимназій; утвержденіе же избраннаго стипендіата принадлежитъ попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

§ 6. Желающій получить стипендію, долженъ представить о томъ заявленіе въ Ломжинскій губернской совѣтъ общественнаго призрѣнія, съ приложеніемъ свидѣтельства гимназическаго начальства о приѣмѣ его въ число учениковъ гимназій и о его успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи.

§ 7. Выдача стипендіи прекращается: а) въ случаѣ неперевода стипендіата въ высшій классъ; б) неодобрительнаго его поведенія; в) при улучшеніи матеріальнаго положенія родителей стипендіата и г) съ выходомъ стипендіата изъ Ломжинской гимназій.

§ 8. Объ открывшейся вакансіи на эту стипендію совѣтъ общественнаго призрѣнія публикуетъ въ Ломжинскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (10-го іюня 1884 года). Положеніе о стипендіи имени Іоасафа Θεодоровича Шетохина при Корочанской Александровской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ руб., собраннаго по подпискѣ дворянами Корочанскаго уѣзда и жителями г. Корочи, учреждается при Корочанской мужской гимназій одна стипендія имени мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, статскаго совѣтника І. Ѳ. Шетохина.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Корочанской гимназій, составляя собственность гимназій и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Право пользованія стипендіею предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ, по успѣхамъ и поведенію, воспитанниковъ Корочанской гимназій, безъ различія сословій. Стипендія выдается по полугодно.

§ 4. Избраніе стипендіата и лишеніе его стипендіи предоставляется, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназій, І. Ѳ. Шето-

хину, а по его смерти, старѣйшему изъ его потомковъ въ томъ случаѣ если самъ Шетокинъ или же старѣйшій изъ его рода будетъ имѣть мѣстожителство въ Курской губерши, въ противномъ же случаѣ, распоряженіе стипендіею предоставляется непосредственно педагогическому совѣту гимназій.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (17-го іюня 1884 года). Положеніе о Калмыцкой стипендіи имени Императора Александра II при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 12-го іюня 1884 г., учреждается при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Императора Александра II на счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи пятьсотъ руб., пожертвованнаго обществомъ 18-и сотенъ Калмыцкаго кочевья области войска Донскаго въ память посѣщенія въ Бозѣ почившаго Императоромъ Александромъ II Донскаго края въ 1872 году.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% билетахъ, хранится въ Новочеркасскомъ областномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предпазачается для дѣтей бѣдныхъ родителей калмыцкаго происхожденія.

§ 4. Избраніе кандидатовъ на полученіе стипендіи предоставляется Калмыцкому правленію, по сношенію съ сотенными правленіями.

§ 5. Изъ числа этихъ кандидатовъ педагогическимъ совѣтомъ Новочеркаскаго реального училища назначается стипендіатомъ получившій на пріемныхъ испытаніяхъ лучшія отмѣтки.

§ 6. Избранный стипендіатъ, не живущій у родителей или родственниковъ, по указанію педагогическаго совѣта, помѣщается въ одной изъ общихъ ученическихъ квартиръ и стипендія употребляется на уплату за квартиру ученика, на его обмундированіе и приобрѣтеніе для него книгъ и учебныхъ пособій; изъ нея же вносятся и плата за ученіе стипендіата.

§ 7. Стипендіату же, живущему у родителей или родственниковъ и имѣющему пособіе отъ послѣднихъ, не выдается вся стипендія, а

изъ нея удовлетворяются тѣ изъ его нуждъ, указанныхъ въ § 6 настоящаго положенія, которыя будутъ заявлены родственниками стипендіата.

§ 8. Могущіе вслѣдствіе сего образоваться остатки отъ стипендіи выдаются стипендіату по окончаніи имъ курса въ училищѣ; если же стипендіатъ не окончатъ курса, или послѣдуетъ смерть его, то остатки причисляются къ капитальной суммѣ, къ которой причисляются также остатки, могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи.

§ 9. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время ученія въ Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ, но въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія можетъ быть лишенъ стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 10. Отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохраненіе стипендіи въ томъ случаѣ, если стипендіатъ будетъ оставленъ на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ.

§ 11. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

У. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

28-го апрѣля 1884 года (№ 4). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ—вновь деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Ринекъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ оперативной хирургіи съ факультетскою клинкою, съ 28-го марта 1884 г.

Доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ астрономіи Кононовичъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ астрономіи, съ 22-го марта 1884 г.

Исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лица по международному праву, магистръ Ладыженскій—въ сей должности.

Директоръ Елисаветградской прогимназіи, статскій совѣтникъ Балыкъ—директоромъ Николаевской гимназіи, съ 6-го апрѣля 1884 г.

Испекторъ Ченстоховской мужской прогимназіи, статскій совѣт-

никъ Дахновичъ — директоромъ сей прогимназін, съ 1-го января 1884 года.

Инспекторъ Одесской второй прогимназін, коллежскій совѣтникъ Прохешъ — директоромъ Елисаветградской прогимназін, съ 6-го апрѣля 1884 г.

Учитель Немировской гимназін, коллежскій ассессоръ Караваевъ — инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской.

Коллежскій ассессоръ Чичеринъ и поручикъ Вышеславцевъ — членами попечительства Тамбовскаго реальнаго училища, на три года.

Исправляющій должность чиновника особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, коллежскій регистраторъ Маметъ-Мурза-Карапайскій — почетнымъ попечителемъ Симферопольской татарской учительской школы, на три года, съ 24-го марта 1884 г.

Опредѣляются: изъ отставныхъ тайный совѣтникъ Николай Благовѣщенскій — вновь на службу по министерству народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному, съ 6-го апрѣля 1884 г.

Членъ совѣта министра государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Архиповъ, директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ, бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кеппенъ, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Кирпичевъ, директоръ ремесленнаго училища Песаревича Николая, статскій совѣтникъ Аноповъ, начальникъ гидрографической экспедиціи Балтійскаго моря, капитанъ 1-го ранга Березинъ и директоръ центрального училища техническаго рисованія барона Штиглица, надворный совѣтникъ Месмахеръ — членами особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію; Архиповъ и Березинъ — съ 29-го февраля, Ильинъ, Кеппенъ и Кирпичевъ — съ 11-го, а Аноповъ и Месмахеръ — съ 31-го марта 1884 г.

Оставляются на службѣ: директоръ училищъ Томской губерніи, статскій совѣтникъ Сциборскій, по 1-е іюля 1884 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣевичъ — на пять лѣтъ, съ 26-го сентября 1883 г.

Командируются съ ученою цѣлію: директоръ Кубанскаго

Александровскаго реального училища, статскій совѣтникъ Дивари—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г., въ гг. Москву и С.-Петербургъ.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Совѣтовъ—съ 1-го іюня по 1-е октября 1884 г., въ южныя губерніи Россіи и на Кавказъ.

Профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: ординарные—дѣйствительный статскій совѣтникъ Игонииковъ, статскіе совѣтники: Павловъ, Владимірскій-Будановъ и Антоновичъ, экстраординарный—статскій совѣтникъ Лучицкій, доценты сего университета: коллежскіе совѣтники Мищенко и Дашкевичъ, надворный совѣтникъ Флоринскій и коллежскій ассессоръ Кулаковскій—съ 15-го августа по 1-е сентября 1884 г., въ г. Одессу на VI-й археологическій сѣздъ.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Лучицкій—съ 20 мая по 15 августа 1884 г., въ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Соболевскій—съ 1-го іюня по 13-е сентября 1884 г., въ С.-Петербургъ и Москву.

Хранитель геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Соколовъ—на четыре съ половиною мѣсяца, въ С.-Петербургскую, Астраханскую и Курляндскую губерніи.

Хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Никольскій—на шесть мѣсяцевъ, на озеро Валхашъ.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на мѣсяць: директоръ народныхъ училищъ Олопецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ, въ Москву и С.-Петербургъ; директора гимназій: Московской IV—статскій совѣтникъ Новоселовъ, Θεодосійской Виноградовъ—въ разныя губерніи, Варшавской II мужской—статскій совѣтникъ Троицкій, во внутреція губерніи, и Маріампольской мужской—коллежскій ассессоръ Соловьевичъ, въ Виленскую губернію и г. Варшаву, начальницы женскихъ гимназій: Казанской Ксеніинской—Камкова и Сарапульской—

Цепелева, въ разныя губерніи, директоръ Острожской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Водолагмицъ, въ Херсонскую, Кіевскую и Таврическую губерніи, директоръ Тамбовскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ, въ Москву и Кіевъ, и директоръ Глуховскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Вѣлявскій, въ разныя губерніи. Изъ нихъ Нѣвоселовъ и Соловьевичъ по болѣзни.

Съ 20-го іюня по 10-е августа 1884 года: начальникъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркіановичъ, въ Крымъ, по болѣзни.

На два мѣсяца: окружной инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимошеевъ, директоръ Шупинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Тирютинъ, въ разныя губерніи, и дѣлопроизводитель VI-го класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Новицкій, въ С.-Петербургскую и Новгородскую губерніи; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать восемь дней: директора гимназій: Казанской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ Имшенникъ, на Кавказъ, Полтавской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Шафрановъ, въ разныя губерніи, и директоръ Полтавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Лагорио, на Кавказъ:

На три мѣсяца: учитель Токмакскаго приходскаго училища Фелоповъ, въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и два мѣсяца: директоръ училищъ Тобольской губерніи Пановъ, во внутреннія губерніи.

На четыре мѣсяца: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Шляревскій, въ г. Одессу, и исправляющій должность помощника завѣдывающаго Киргизскимъ пансіономъ при Вѣрненской мужской гимназіи Морозовъ, въ разныя губерніи; первый по болѣзни.

б) въ Россіи и за границу: на четыре мѣсяца: учителя гимназій: Тобольской—коллежскій совѣтникъ Таккелль и Вѣрненской мужской—Урбанъ.

и в) за границу: на одиннадцать дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Мерингъ.

На четырнадцать дней: сверхштатный ординаторъ Импера-

торскаго Московскаго университета, лѣкарь Рыкуновъ и профессоръ Рижскаго политехническаго училища Пфуль.

На двадцать-восемь дней: врачъ Кіевской женской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Функе и письмоводитель Варшавской IV мужской гимназіи Тушовскій; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ и статскій совѣтникъ Чериновъ, Харьковскаго—статскіе совѣтники Алексѣенко, Оболенскій и Дятятинъ, Новороссійскаго—статскіе совѣтники Лигинъ и Азаревичъ и коллежскій совѣтникъ Петріевъ, Дерптскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: Стида, Фолькъ, Митгофъ и Мюлау, статскіе совѣтники: Гершельманъ, Гаусманъ, Лѣшке, Вейраухъ, Бруннеръ и Эмминнгаусъ, коллежскій совѣтникъ Вальцъ и Рунге, Варшавскаго—коллежскій совѣтникъ Цервольфъ, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго—коллежскій ассессоръ Браунъ и Казанскаго—надворный совѣтникъ Крушевскій, доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—Меликовъ и Варшавскаго—Гезбера, прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Викчемскій, учитель фехтованія сего университета Буро, исправляющій должность инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Вегеръ, директоры гимназій: Люблинской мужской—статскій совѣтникъ Сѣнгаевичъ, Московской третьей—Лавровскій и Ананьевской—коллежскій совѣтникъ Гасплъ, исправляющій должность инспектора Варшавской I мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Веденяпинъ, учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: второй—статскій совѣтникъ Кенигъ и надворный совѣтникъ Давиденковъ, третьей—Вильдъ и Райманъ, Ларинской—Ольшенскій и Копсовичъ, пятой—статскій совѣтникъ Де-ла-Фоссъ и коллежскій ассессоръ Нингеръ, шестой—Кеммерлингъ и Кабеле, седьмой—Мерсіо, десятой—Гриваръ и Струнке, Новгородской—Яновскій, Вологодской—Розенфельдъ, Московскихъ: первой—коллежскій ассессоръ Гавелька и Збраславскій, четвертой—статскій совѣтникъ Вислоцкій, надворный совѣтникъ Петипьеръ и Стрѣльцовъ, Нижегородской—статскій совѣтникъ Морисъ, Воронежской—коллежскій ассессоръ Норупъ, Новочеркасской—коллежскій ассессоръ Пинкава, Полтавской—Вельяръ, Новгородсѣверской—Николайчикъ, Одесскихъ: второй—статскій совѣтникъ Ліоте и третьей—Копце, Феодосійской

—статскій совѣтникъ Чеховскій, Клишиневской—Шимановскій, Ришельевской—Вавлинка, Бердянской—Юрса, Херсонской—Флегель и Шипинскій, Уфимской—Паскало, Ставропольской—надворный совѣтникъ Лопатинскій, Кутанской—Бунаковъ, Варшавскихъ мужскихъ: I—статскій совѣтникъ Мальмъ и Бушъ, II—статскій совѣтникъ Склядовскій, коллежскій совѣтникъ Крынскій, коллежскій ассессоръ Влошекъ, Вадовскій, Пленкевичъ, Герцъ и фонъ-Дуйсбургъ, III—Шумовскій, Островскій, Марковскій, Тиме, Дембидкій, Хойко и исправляющій должность Покривницкій, IV—статскіе совѣтники Конопчинскій, Добжевичъ, надворный совѣтникъ Радлинскій, коллежскіе ассессоры Квѣтневскій, Радзюкинасъ, коллежскій секретарь Наркевичъ, Поплонскій и Познанскій, V—Войно и VI—Ржига, Вобрукъ и Гольдбергъ, Люблинской мужской—Вроль, Прюсъ и Федонъ, Калишской мужской—статскій совѣтникъ Фукъ, титулярные совѣтники Вальчевскій и Галчинскій, Реутъ, Новакъ, Смогоржевскій, Гиллеръ, Пикъ и Ивановскій, Кѣлецкой мужской—Вабнеръ, Матулевичъ, Рыбарскій, Шперль, Стравинскій и Бемъ, Сувалкской мужской—статскій совѣтникъ Гонсіоровскій, Ломжинской мужской Давидъ и Пржибыловскій, Ревельской Александровской—статскій совѣтникъ Виренъ, Рижской городской—надворный совѣтникъ Варцъ, старшіе учителя гимназій: Дерптской—коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и Голланъ, Рижской городской—статскіе совѣтники Гельмзингъ и Рике, надворный совѣтникъ Пельхау, Вернеръ и Боке, законоучитель лютеранскаго исповѣданія Варшавской VI мужской гимназій Медингъ, учитель Ставропольской Ольгинской женской гимназій, коллежскій совѣтникъ Динникъ, помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Калишской—Алексѣевъ и Сѣдлецкой—Романскій, воспитательница Варшавской I женской гимназій Плесцова, надзирательница Кѣлецкой женской гимназій Юхновская, директоръ главнаго Нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, учителя сего училища: Аккерманъ, О. Миллеръ, Фремонъ, Вонжуръ, Давыдовъ, Тюрель, Глевеке и Миттеллахеръ, учителя училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Време, Кенигъ, Бойль и Фридрица, инспекторъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Тидеманъ, учителя сего училища: Гаге, Петрикъ, Гартманъ, Нерлингъ, Ирекъ и фонъ-Шванебахъ, инспекторы прогимназій:

Уманской—статскій совѣтникъ Ронталеръ, Александровской Серпуховской—коллежскій совѣтникъ Киндлеръ и Ченстоховской мужской—статскій совѣтникъ Дахновичъ, учителя прогимназій: Петергофской—Широкъ и Ламихъ, Харьковской—Озле, Рылской—Хостникъ, Глуховской—Сормилчъ, Острожской—Зарицкій, Чугаевичъ и Шармаркевичъ, Уманской—фонъ-Герсдорфъ и Троицкій, Одесской первой—Драгошъ, Херсонской—Индра и Марекъ, Павлоградской—Войнаръ, Кишиневской—коллежскій ассессоръ Продапъ, Возпесенской—титулярный совѣтникъ Якобсонъ, Варшавскихъ мужскихъ: I—коллежскій ассессоръ Коперницкій, Цетнаровичъ и Гарбаль, II—Лозипскій, Скаловскій и Грубецкій, Замостской мужской—Киричипскій, Ченстоховской мужской—надворный совѣтникъ Дубицкій, Коссовскій, Рутскій и Грабовскій, Пинчовской мужской—Хрупчаловскій и Раубаль, надзирательница Замостской женской прогимназіи Гаврилова, классныя дамы сей прогимназіи Никольская и Юрьева, учитель коллегіи Павла Галагана, коллежскій совѣтникъ Трегубовъ, управляющій реальнымъ училищемъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ Каминскій, учителя реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго—Ильницкій, Псковскаго Сергіевскаго—Анспахъ и Хорошавиль, Великолуцкаго—Штепанекъ, Костромскаго—коллежскій совѣтникъ Фарванья, Скопинскаго—Фогль, Ливенскаго—коллежскій совѣтникъ Савепъ, Одесскаго—статскій совѣтникъ Сергѣевъ, надворный совѣтникъ Юрченко, Князевъ и Рябовъ, Николаевскаго—статскій совѣтникъ Генель и Неклѣвичъ, Мелитопольскаго—Павровскій, Кубанскаго Александровскаго—коллежскій ассессоръ Гонсбергеръ, Харьковскаго—Крюгеръ, Новозыбковскаго—Неръ, Влоцлавскаго—Кліоновскій, Каль и Асписъ, Ловичскаго—Копыстницкій, Гречаниновъ и Геевскій, Деритскаго—Фогтъ, Рижскаго городскаго: Меттигъ, Гельманъ, Бюнгнеръ и Вахъ, инспекторъ Деритскаго городскаго высшаго жѣнскаго училища Пфейль, учитель Варшавской учительской семинаріи Клемке, инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, коллежскій совѣтникъ Карповъ и учитель сего училища, коллежскій совѣтникъ Шмидтъ, учитель мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ Кремеръ, учитель начальной школы при семъ училищѣ Вѣлеръ, начальникъ высшаго Бессарабско-Болгарскаго центрального училища въ селѣ Камратъ Говедарица, учитель сего училища Златовъ, учи-

тельница Кріулянскаго народнаго училища Кавкова и завѣдывающій Одесскимъ первымъ казеннымъ еврейскимъ училищемъ Сегаль. Изъ нихъ по болѣзни: Кожевниковъ, Вейраухъ, Вруннеръ, Іезбера, Лавровскій, Веденяпинъ, Мальмъ, Бушъ, Складовскій, Крпикскій, Влошекъ, Бадовскій, Пленкевичъ, Герцъ, фонъ-Дуйсбургъ, Шумовскій, Островскій, Марковскій, Тиме, Дембицкій, Хойко, Покривницкій, Конопчинскій, Добкевичъ, Радлинскій, Квѣтневскій, Радзюкинасъ, Наркевичъ, Поцлонскій, Познанскій, Войно, Ржита, Бобрукъ, Гольдбергъ, Броль, Прюссъ, Фѣдонъ, Фукъ, Бальчевскій, Галчинскій, Реутъ, Новакъ, Смогоржевскій, Гиллеръ, Пикъ, Ивановскій, Вабнеръ, Матулевичъ, Рыбарскій, Шперль, Стравинскій, Бемъ, Голсіоровскій, Давидъ, Прибыловскій, Вейнеръ, Медингъ, Алексѣевъ, Романскій, Плещова, Юхновская, Дахновичъ, Озле, Коперницкій, Цетнировичъ, Лозинскій, Скаловскій, Грубецкій, Бирчинскій, Дубицкій, Коссовскій, Рутскій, Грабовскій, Хрупчаловскій, Раубаль, Гаврилова, Никольская, Юрьева, Хорошавинъ, Кліоновскій, Валь, Асписъ, Копыстинскій, Гречаниновъ, Геевскій, Клемке, Карповъ и Шмидтъ.

На шесть недѣль: врачъ Варшавской VI мужской гимназіи Шнабль и врачъ Острожской прогимназіи Подгорецкій, первый по болѣзни.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1884 года: учитель С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища Филевичъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и семь дней: учитель Харьковской второй гимназіи Шено.

На лѣтнее вакаціонное время и по 15-е августа 1884 года: директоръ частной гимназіи, коллежскій совѣтникъ Май, по болѣзни.

Съ 10-го іюня по 1-е августа 1884 года: исполняющій обязанности инспектора Сумскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Кузьмицкій.

На мѣсяцъ и двадцать два дня: врачъ Холмской мужской гимназіи Висъневскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и десять дней: старшій учитель Либавской Николаевской гимназіи, надворный совѣтникъ Гроссетъ и учитель Либавскаго уѣзднаго училища Аустерманъ; оба по болѣзни.

На четырнадцать дней и лѣтнее вакаціонное время 1884 года: учитель Рязскаго городскаго реальнаго училища Барро, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и четырнадцать

дней: директоръ Петроковской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Мигулинь, учитель Варшавской V мужской гимназіи Гродзинскій и надзирательница Варшавской II женской гимназіи баронеса Боѣе; всѣ трое по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и пятнадцать дней: директоръ Варшавской VI мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ, доцентъ императорскаго Новороссійскаго университета Реняховъ и классная дама Варшавской II женской гимназіи Байеръ; изъ нихъ Стефановичъ и Байеръ по болѣзни.

На два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія князь Абамелекъ-Лазаревъ, учитель Полтавской гимназіи, коллежскій ассессоръ Камарить и почетный смотритель Елифановскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ Гагемейстеръ.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать дней: главная воспитательница Холмско-Маріинскаго женскаго училища Нолле, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать пять дней: учитель Влоцлавскаго реальнаго училища Рыбаловъ, по болѣзни.

На два съ половиною мѣсяца: учитель коллегіи Павла Галагана, надворный совѣтникъ Ярешъ и помощникъ учителя Валтскаго начальнаго еврейскаго училища Ейчесь; послѣдній по болѣзни.

Съ 21-го мая по 6-е августа 1884 года: старшій учитель Гольдингенской гимназіи, коллежскій ассессоръ Вилле, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать восемь дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карастелевъ, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—статскіе совѣтники Лебедевъ и Дриновъ, Казанскаго—статскіе совѣтники Петровскій и, съ 15-го мая 1884 г. Ермолаевъ, директоръ С.-Петербургской восьмой гимназіи, статскій совѣтникъ Моръ, старшій учитель Аренбургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Гольцмайеръ, учитель гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества Шнейдеръ, учитель Сувалкской мужской гимназіи Пожерскій, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій и преподаватель Казанской учительской семинаріи Смоленскій; изъ нихъ Лебедевъ, Петровскій, Ермолаевъ, Моръ, Гольцмайеръ, Шнейдеръ, Пожерскій, и Ляхницкій по болѣзни.

Съ 20-го мая по 1-е сентября 1884 года: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ.

Съ 15-го мая по 10-е августа 1884 года: начальница Маринской Донской женской гимназій Свѣтчикова, по болѣзни.

Съ 1-го іюня по 1-е сентября 1884 года: временный преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лямбль.

На два мѣсяца и лѣтнее вакаціонное время 1884 года: старшій учитель Перновской гимназій, надворный совѣтникъ Виндербъ, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Тауберъ и почетный попечитель Одесской второй прогимназій Росси; послѣдній по болѣзни.

Увольняются отъ службы: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волинской, коллежскій совѣтникъ Петровскій, за выслугою срока, съ 3-го апрѣля 1884 г., съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Инспекторъ училищъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, статскій совѣтникъ Лихачевъ, согласно прошенію, по болѣзни, съ 20-го апрѣля 1884 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: директорамъ гимназій: Харьковской первой—дѣйствительному статскому совѣтнику Тихоновичу, Курской—дѣйствительному статскому совѣтнику Жаворонкову и Пензенской—статскому совѣтнику Бѣлицкому—за совершенно удовлетворительное, образцовое состояніе вѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній.

Инспектору народныхъ училищъ Вологодской губерніи Тимоосеву и учителю-инспектору Вологодскаго городскаго училища Достойнову—за труды ихъ по устройству сѣзда учителей и учительницъ Вологодскаго уѣзда.

Законоучителямъ, изъ инородцевъ Уфимской губерніи: Мензелинскаго уѣзда: Палимовскаго земскаго училища, священнику Василю Маякову и Кабанъ-Вястрыкскаго миссіонерскаго училища, священнику Ильѣ Андрееву, Стерлитамакскаго уѣзда: Трапнинской церковно-приходской школы, священнику Макарію Григорьеву и Белебеев-

скаго уѣзда? Ермолинской церковно-приходской школы, священнику Григорію Федорову, Юмашевской миссіонерской школы, священнику Николаю Петрову и Бакалинскаго женскаго и Ахматовскаго земскаго училищъ, священнику Василию Леонтьеву — за приносимую ими пользу въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи дѣтей и породцевъ.

Землевладѣльцу Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи, дворянину Унковскому, за пожертвованіе его въ пользу Тумбажскаго начальнаго народнаго училища сего министерства.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Казанской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Островскій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Русская грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Преображенскій (преподаватель Московской 4-й гимназіи). Часть вторая. Синтаксисъ. Изданіе 2-е, вновь обработанное и значительно дополненное. М. 1884 г. Цѣна 50 к.“ — одобрить какъ руководство для гимназій.

— Книгу: „Общій курсъ словесности для V и VI классовъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ М. Балмиковъ, преподаватель словесности въ Новочеркасской гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное. Новочеркасскъ. Цѣна 85 коп.“ — одобрить какъ руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Русская хрестоматія для приготовительнаго класса среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста Евангелія и свода грамматическихъ свѣдѣній. Составили П. Виноградовъ и А. Андреевъ. М. 1884. Цѣна 75 коп.“ — допустить въ приготовительные классы гимназій, отдѣливъ отъ хрестоматіи приложенную къ ней грамматику.

— Книгу: „Neuere und neueste Geschichte zum Gebrauch in den obersten Klassen höherer Lehranstalten, herausgegeben von Frese, Oberlehrer der historischen Wissenschaften am Gymnasium zu Dorpat. Dorpat. 1884“ — допустить для гимназій и равныхъ съ ними училищъ Дерптскаго учебнаго округа.¹⁾

— Книгу: „Курсъ географіи Европы. Составилъ Ив.^о Штудеръ. М. 1883. Цѣна 80 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій и для учительскихъ институтовъ.

— Изданіе: „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1883 г. № 1, 2 и 3 и 1884 г. № 1, 2 и 3“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Справочная книга для инженеровъ, механиковъ, техниковъ и строителей. Составилъ инженеръ-механикъ П. И. Мальцовъ, главный инженеръ-механикъ, управляющій мастерскими Императорскаго технического училища и ассистентъ по кафедрѣ проектированія машинъ. М. 1884. Цѣна 3 р. 50 коп.“ — одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособия, а также для основныхъ и ученическихъ библіотекъ реальныхъ и среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу: „К. Горацій Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1883. Цѣна 3 р.“ — рекомендовать какъ учебное пособие для гимназій, а также для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учениковъ.

— Автографическія тетради: 1) „Географическіе чертежи Европы, Азии, Африки, Америки и Австраліи, съ указаніемъ пріема класснаго черченія. Составилъ Михайловъ. С.-Пб. 1882. Цѣна 50 коп.“ 2) „Географическіе чертежи Европы и европейскихъ государствъ, съ указаніемъ пріема класснаго черченія и упрощеннаго очертанія. Составилъ Михайловъ. С.-Пб. 1882. Цѣна 30 коп.“ и 3) „Географическіе чертежи Россіи для класснаго черченія, съ указаніемъ пріема класснаго черченія Европейской Россіи, Азиатской Россіи, Туркестана и Кавказа. Составилъ Михайловъ. С.-Пб. 1882. Цѣна 60 коп.“ — допустить какъ необязательное учебное пособие для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „М. П. Фабриціусъ. Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго. Текстъ иллюстрированъ сдѣланными съ натуры 76 рисунками и 14 фотографіями. Москва. 1883“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразованія и женскихъ учебныхъ заведеній М. Клина. Перевелъ съ

пятаго нѣмецкаго изданія, съ измѣненіями и дополненіями, баронъ Н. А. Корфъ. С.-Пб. 1883. Цѣна 75 коп.—допустить въ библіотеки среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: 1) „Шекспиръ для юношества, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго. Король Лиръ. С.-Пб. 1884. Въ 8-ю д. л., 136 стр. Цѣна 85 коп.“ и 2) „Шекспиръ для юношества, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго. Макбетъ. С.-Пб. 1884. Въ 8-ю д. л., 94 стр. Цѣна 85 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Казацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ, въ пересказѣ, съ объясненіями и разборомъ ея. М. А. Андріевскаго Съ картою. Одесса. 1884. Въ м. 8-ю д. л., 82 стр. Цѣна 60 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Иллюстрированная хрестоматія, составленная изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей, для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 25-ю портретами русскихъ писателей. Составилъ А. Тарнавскій. Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1884. Въ 8-ю д. л., 354 стр. Цѣна 1 руб.“—допустить къ употребленію въ городскихъ училищахъ юго-западнаго края, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ ея изданіи были сдѣланы указанія ученымъ комитетомъ исправленія.

— Книгу: „Практическая русская грамматика. Руководство для учениковъ народныхъ училищъ. Съ двумя приложеніями: а) для упражненія въ славянскомъ чтеніи и б) для упражненія въ чтеніи письменнаго шрифта. Составилъ К. Козьминъ. М. 1884. Въ 8-ю д. л., 74 стр. текста и 16+32 стр. приложеній. Цѣна 35 коп.“—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ
часть ссхххiv, отд. 1.

школахъ. Вып. 1-й. Составилъ Ив. Романченко. Ростовъ на Дону. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 75 стр. Цѣна 25 коп.—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книги, составленныя А. Архангельскою: 1) „Домби и сынъ. Диккенса. Сокращенный переводъ для дѣтей средняго возраста. М. 1883 г. Въ 16-ю д. л., 157 стр. Цѣна 65 коп.“ и 2) „Оливеръ Твистъ. Диккенса. Сокращенный переводъ для дѣтей средняго возраста. М. 1884 г. Въ 16-ю д. л., 147 стр. Цѣна 65 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Віографіи замѣчательныхъ людей. Вып. 2-й. Авраамъ Линкольнъ. Составила А. П. Мунтъ. Изъ журнала Дѣтское чтеніе. Съ 8 рис. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 64 стр. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Віографіи русскихъ образцовыхъ писателей. Съ 11-ю портретами. Пособіе для городскихъ училищъ. А. Павлова. С.-Пб. 1884 г. Въ 8-ю д. л., 46 стр. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

О ВОСЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІИ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.

Отзывы особой комиссіи, разсматривавшей труды по исторіи
и географіи, удостоенные преміи императора Петра Великаго
въ 1884 году.

I.

М. О. Колловичъ. Читанія по исторіи Западной Россіи. Изданіе третье. При-
ложена этнографическая карта. С.-Петербургъ. 1884.

Происхожденіе книги, о которой мы призваны дать отчетъ и свое
мнѣніе, было связано съ важнымъ историческимъ моментомъ въ жизни
Западной Россіи и въ развитіи русскаго самосознанія по отношенію
къ судьбамъ этого края. Въ 1864 году, когда усмирялась польская
смута, надѣлавшая столько горя и бѣды Русскому народу, въ неболь-
шомъ обществѣ лицъ высшаго круга ощутилась потребность познако-
миться ближе съ исторіей русской же страны, вызывавшей тогда об-
щее усиленное къ себѣ вниманіе. Ради этой цѣли одинъ изъ немно-

---

¹⁾ Утвержденное г. министромъ опредѣленіе ученаго комитета о восьмомъ
присужденіи преміи императора Петра Великаго напечатано въ июньской книжкѣ
Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

гихъ въ то время ученыхъ, спеціально знакомыхъ съ предметомъ, приглашенъ былъ прочесть рядъ лекцій, которыя въ сжатомъ видѣ, но согласно съ научными данными — представили бы общее обзорнѣе исторіи края. Лекторомъ былъ профессоръ духовной С.-Петербургской академіи, Михайлъ Осиповичъ Кояловичъ, въ то время еще молодой ученый, но уже извѣстный въ наукѣ большимъ и важнымъ, можно сказать — капитальнымъ трудомъ по исторіи Западной Россіи. Мы разумѣемъ книгу, вышедшую въ двухъ томахъ въ 1859 и 1860 годахъ, подъ заглавіемъ: „Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Кояловича“. Эта книга, посвященная наиболѣе выдающемуся, основному явленію въ печальныхъ судьбахъ Западно-Русскаго края, представляла, можно сказать, первую попытку настоящаго историческаго изученія даннаго предмета, такъ какъ предшествовавшіе труды (Вантисшъ-Каменскаго) не удовлетворяли самымъ первоначальнымъ и существеннымъ требованіямъ науки; авторъ ставилъ себѣ задачей не только разказать внѣшнія судьбы уніи, но и объяснить условія, которыя помогли ей вырости, а также прослѣдить различныя внутреннія въ ней движенія и логически развивавшіяся направленія; все это было достигнуто при помощи обширнаго изученія изданныхъ тогда, а отчасти и не изданныхъ (рукописныхъ) источниковъ всякаго рода, преимущественно западно-русской обличительной богословской литературы. Однимъ словомъ, книга стояла совершенно въ уровень съ научными требованіями и тогдашнимъ состояніемъ источниковъ; она не утратила своего значенія и до сихъ поръ.

Лекціи, читанныя такъ хорошо подготовленнымъ лекторомъ, въ томъ же 1864 году стали являться въ одномъ московскомъ изданіи (въ газетѣ День); съ самаго начала онѣ обратили на себя вниманіе какъ публики, такъ и присяжныхъ ученыхъ всякаго направленія и лагеря; какъ это естественно было при данной обстановкѣ и при близкомъ отношеніи теоретическихъ научныхъ воззрѣній, высказываемыхъ притомъ съ полною искренностію, прямою и горячностію, къ событіямъ дня и вопросамъ русской дѣйствительности, чтенія г. Кояловича вызвали даже нѣкоторую раздражительную полемику, которая болѣе или менѣе открыто направлялась не только противъ ученыхъ мнѣній автора, но и противъ его патріотическаго обще-русскаго направленія. Наибольшій успѣхъ и весьма практическое значеніе чтенія, вскорѣ явившіяся въ видѣ отдѣльной книги, имѣли, конечно, въ Сѣверо-Западномъ крайѣ—въ воскресавшей тогда русской свѣтской школѣ, а

тѣмъ болѣе въ духовной школѣ, оставшейся русскою и во время исключительнаго преобладанія и даже видимаго торжества чуждыхъ, пришлыхъ началъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и говоря словами автора оцѣниваемой нами книги, многое измѣнилось и въ паукѣ, и въ западно-русской жизни. Пробудилась на время съ особеннымъ одушевленіемъ ученая русская дѣятельность на мѣстѣ, въ старыхъ центрахъ древней русской и позднѣйшей польско-католической умственной дѣятельности: объ этомъ можно теперь читать въ послѣдней лекціи книги г. Кояловича; открыто было и вновь издано не малое число чрезвычайно важныхъ письменныхъ памятниковъ, еще и еще свидѣтельствовавшихъ о правахъ русской народности въ краѣ и объ ея прошлыхъ судьбахъ; появилось не мало новыхъ научныхъ трудовъ. Если гдѣ изчезло или остыло первоначальное рвеніе и живое участіе къ дѣлу, если многое принятое и задуманное не было доведено до конца, то все-таки вопросы, поставленные русской наукой самою жизнью, продолжали вызывать новыхъ тружениковъ и новые труды. Не измѣнилось только одно. Вѣрнымъ себѣ и неизмѣннымъ въ своихъ стремленіяхъ и въ своемъ одушевленіи оставался все это время М. О. Кояловичъ. Онъ принималъ самое близкое и плодотворное участіе въ изданіи новыхъ источниковъ; памятники, имъ самимъ изданные, принадлежатъ къ самымъ важнымъ и капитальнымъ по своему значенію для науки; иное, имъ же открытое, было указано другими. Въ числѣ научно-литературныхъ трудовъ, основанныхъ на изученіи стараго и новаго матеріала, М. О. Кояловичу также принадлежатъ наиболѣе выдающіеся. Мы не имѣемъ здѣсь нужды перечислять все и ограничимся указаніемъ важнѣйшаго. Въ 1865 году онъ принималъ руководящее участіе въ составленіи сборника документовъ, объясняющихъ исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ, изданнаго археографическою комиссіей съ переводомъ на французскій языкъ, и написалъ историческое изслѣдованіе о Западной Россіи, служащее предисловіемъ къ документамъ, переведенное также на французскій языкъ. Въ 1869 году онъ издалъ по порученію археографической комиссіи „Дневникъ Люблинскаго сейма“ по двумъ редакціямъ и съ переводомъ на русскій языкъ. Ранѣе того, на основаніи того же источника, написано было М. О. Кояловичемъ небольшое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Люблинская унія“ (изд. 1863). Ему же принадлежитъ изданіе по порученію Академіи Наукъ „Дневника послѣдняго похода Стефана Баторія на Псковъ“. Въ 1869 году М. О. Коялови-

чемъ было издано небольшое сочиненіе о почившемъ митрополитѣ Литовскомъ Іосифѣ. Въ 1873 году явилась „Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ“ (то-есть, до 1800 г.), трудъ капитальный, основанный на изученіи обширнаго архивнаго матеріала и увѣнчанный Уваровскою преміей отъ Академіи Наукъ. Время отъ времени появляющіяся частныя изслѣдованія, замѣтки и рецензіи М. О. Кояловича свидѣтельствуютъ о томъ, что, согласно съ заявленіемъ и обѣщаніемъ, высказанными въ послѣднемъ его большомъ трудѣ, онъ неослабно и неутомимо работаетъ надъ исторіей уни въ настоящемъ столѣтіи. Были и другіе труды М. О. Кояловича, посвященные другимъ вопросамъ, другимъ областямъ историческаго знанія; но любимымъ спеціальнымъ предметомъ его изслѣдованій всегда оставалась исторія западно-русскаго народа. Мы имѣемъ предъ собою заслуживающую глубокаго уваженія, возвышенную и, можно сказать, высокую личность ученаго, всецѣло и безкорыстно преданнаго своей идеальной задачѣ, одной учено-патріотической идеѣ, которая составляетъ для него дѣло души и дѣло жизни. Мы имѣемъ предъ собою болѣе чѣмъ цѣлую четверть вѣка, чуть не половину человѣческой жизни, посвященную неутомимымъ трудамъ въ одномъ избранномъ направленіи. Дѣятельность эта была, конечно, не безплодна. Здѣсь не мѣсто распространяться о важномъ общественномъ значеніи этой дѣятельности, принимавшей нерѣдко и публицистическій характеръ; скажемъ только одно, что все русское и православное въ Сѣверо-Западномъ краѣ знаетъ М. О. Кояловича какъ бодрого, неуныпающаго стража, подвижника и неустрашимаго борца за государственныя и народныя интересы русскіе. На разныхъ чредахъ служенія есть не мало лицъ, вышедшихъ изъ школы М. О. Кояловича и на дѣлѣ, не только теоретически, проводящихъ идеи учителя, одушевленныхъ тѣмъ же чувствомъ. Съ нашей точки зрѣнія, то-есть, съ точки зрѣнія ученаго комитета, наибольшую важность имѣетъ отношеніе трудовъ М. О. Кояловича къ потребностямъ нашей школы, къ преподаванію историческому въ гимназіяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ М. О. Кояловича, его ближайшими учениками и слушателями предприняты и совершены были многія ученныя работы, отчасти появившіяся въ печати, которыми онъ справедливо могъ бы гордиться, и о которыхъ съ обычною ему скромностію, но съ сердечною теплотой, онъ самъ упоминаетъ въ новыхъ изданіяхъ „Чтеній“. Не только въ большихъ спеціальныхъ трудахъ М. О. Кояловича, но и въ намекахъ и указаніяхъ, вы

сказанныхъ именно въ „Чтеніяхъ“, находили себѣ вдохновеніе и побужденіе къ ученымъ самостоятельнымъ трудамъ преподаватели гимназій, семинарій какъ духовныхъ, такъ и учительскихъ (гг. Котовичъ, Крачковскій, Елеонскій и др.): поддерживая въ себѣ самихъ этими занятіями интересъ и любовь къ дѣлу, тотъ священный пламень, который особенно нужно и особенно трудно сохранить школьному учителю, они, конечно, тѣмъ успѣшнѣе и сильнѣе вліяли на своихъ учениковъ; но и помню пишущихъ и издававшихъ свои труды, и тѣ преподаватели, которые ограничивались живымъ словомъ, несомнѣнно всѣ знали труды М. О. Кояловича. Въ настоящемъ году вышли сначала второе переработанное и дополненное, а затѣмъ и третье изданіе „Чтеній по исторіи Западной Россіи“. Самъ авторъ сообщаетъ намъ въ предисловіи, что давно уже, а особенно въ послѣднее время, онъ сталъ получать изъ Западной Россіи настойчивыя приглашенія переиздать свои лекціи и чтенія. Слѣдуетъ радоваться заключающемуся здѣсь, и особенно въ появленіи третьяго изданія въ слѣдъ за вторымъ, признаку, кажется не случайному, какого-то новаго пробужденія вниманія со стороны патриотически настроенныхъ русскихъ людей къ судьбамъ и современному положенію Западной Россіи, и слѣдуетъ надѣяться, что если бы нашимъ врагамъ и удалось поднять какую-либо смуту, то они уже не нашли бы вновь въ русскихъ умахъ и сердцахъ того колебанія, той неясности и шатающагося, въ которыхъ только и могли бы заключаться ихъ надежды на успѣхъ. Не только такимъ утѣшительнымъ выводомъ, но и самымъ фактомъ, на который онъ указываетъ, мы, конечно, обязаны въ немалой долѣ, какъ вообще ученой дѣятельности М. О. Кояловича, такъ въ частности лежащему предъ нами изданію, его „Чтеніямъ по исторіи Западной Россіи“. Намъ слѣдуетъ выразить пожеланіе, чтобы теперь непосредственное собственное слово вдохновителя и направителя многихъ еще больше и чаще, чѣмъ прежде, находило доступъ къ умамъ юныхъ поколѣній, воспитывающихся въ школахъ, особенно въ Западной Россіи.

Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ и содержаніемъ „Чтеній“, то-есть, того изъ трудовъ М. О. Кояловича, который въ сжатомъ видѣ выражаетъ результаты его долговременныхъ ученыхъ занятій и благодаря своему происхожденію и формѣ имѣетъ ближайшее отношеніе къ школѣ и учебному дѣлу, намъ нѣтъ нужды пускаться въ подробную критическую оцѣнку взглядовъ и разныхъ мнѣній автора по частнымъ и общимъ вопросамъ. Основанія и доказательства

находятся въ тѣхъ его специальныхъ и обширныхъ ученыхъ трудахъ, которые прямо не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, но достоинство и значеніе которыхъ признано не менѣе насъ компетентными учреждениями, начиная съ Академіи Наукъ. Для нашей цѣли будетъ вполне достаточно сдѣлать краткое обзорніе содержанія и основныхъ идей книги. Теперь же можно замѣтить, что въ новомъ изданіи „Чтеній“ нѣкоторыя лекціи, именно тѣ, которыя касаются XVIII столѣтія, не только исправлены, но почти вновь написаны согласно съ результатами, которые добыты преимущественно собственными работами М. О. Кояловича надъ вновь открытыми памятниками этого времени. Число лекцій, однако, осталось прежнее, то-есть, шестнадцать.

Въ первыхъ двухъ чтеніяхъ лекторъ старался установить правильную точку отправленія и разчистить себѣ путь устраненіемъ разныхъ неѣрныхъ возрѣній на историческую жизнь Западной Россіи. На западно-русскую исторію слѣдуетъ смотрѣть съ русской, народной точки зрѣнія; ни возрѣнія польской литературы, дѣлающія носителемъ исторіи ничтожное численно меньшинство польской шляхты и основнымъ содержаніемъ исторіи торжество чуждыхъ, пришлыхъ, враждебныхъ народу началъ, ни идея о политической независимости Литвы и свободномъ усвоеніи польской цивилизаціи безъ насильственного подавленія мѣстныхъ народныхъ особенностей, одушевлявшая нѣкоторыхъ ученыхъ, примыкавшихъ къ бывшему Виленскому университету, но заключающая въ себѣ внутреннее противорѣчіе и осужденная исторіей, не могутъ быть признаны ни научными, ни пригодными основаніями для историческаго обзорнія прошлыхъ судебъ края. Русскій народъ единъ на востокъ и западъ, на югъ и на сѣверъ; но историческія судьбы основали особую тѣснѣйшую связь двухъ его племенъ, мало-русскаго и бѣло-русскаго, и это даетъ право излагать исторію обонхъ племенъ совмѣстно, какъ исторію народа Западной Россіи; задача лекцій состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ единый Русскій народъ раздѣлился и потомъ соединился опять, и въ частности разказать, что пережила и испытала одна изъ половинокъ во время своего раздѣльнаго существованія. Дѣленію Русскаго народа на восточную и западную половины противоположается дѣленіе его на южную и сѣверную отрасль или даже, какъ гласитъ извѣстная теорія, на двѣ самостоятельныя народности — малорусскую и великорусскую; съ точки зрѣнія этой теоріи, имѣющей весьма слабыя научныя основанія и приводящей къ весьма вреднымъ практическимъ послѣдствіямъ, основной взглядъ г. Кояловича подлежалъ,

конечно, осужденію и протесту; объединеніе Вѣлоруссовъ, племенное тожество которыхъ съ Великоруссами никакъ не можетъ быть отрицаемо, въ одинъ народъ съ Малороссами заключало въ себѣ провозглашеніе общаго исконнаго тожества и единства всего Русскаго народа, и по этому самому не правилось теоріи. Мы не имѣемъ нужды разбирать научныя основанія обонхъ взглядовъ; замѣтимъ только, что теорія основывается преимущественно на языкѣ, составляющемъ только одинъ изъ признаковъ и условій отдѣльной народности, да притомъ она преувеличиваетъ силу и твердость этого основанія, такъ какъ исконная самостоятельность малорусской рѣчи въ южной Россіи далеко еще не доказана научно; и что съ другой стороны, общая судьба, общія радости и страданія въ прошедшемъ, сходное или одинаковое положеніе въ настоящемъ служить не менѣе прочнымъ элементомъ объединенія, чѣмъ нарѣчіе и языкъ, а сверхъ того, и по отношенію къ языку могутъ быть выставлены на видъ доказательства нѣкоторой цѣльности западной половины Русскаго народа, какъ это и сдѣлано въ „Чтеніяхъ“.... Съ третьей лекціи начинается собственно историческое обзореніе. Историческія обстоятельства, необходимость бороться на востокъ съ напирющими азіатскими кочевниками, на западѣ—съ Нѣмцами и римскимъ католичествомъ, раздѣляли цѣльную массу Русскаго народа на двѣ половины: восточную и западную. На западной сторонѣ, согласно съ настоятельною потребностію обороны, Русскіе пробовали образовать свои государственные центры—въ Полоцкѣ, въ Галичѣ и на Волыни; но эти попытки были неудачны. Они рѣшились тогда соединиться съ Литвинами и съ ними строили свою государственность; работа пошла удачно и, казалось, прямо вела къ той цѣли, которую задала исторія западно-русскому народу—къ сліянію опять съ восточно-русскою половиною. Но въ Литвинахъ сильно было сознаніе своей независимости и мало средствъ для ея поддержанія. Не имѣя силъ защищать ее и отъ русскаго Московскаго государства, и отъ другихъ враговъ, они рѣшились соединить всю Западную Россію съ Польшей. Этими они затормозили на долго естественное развитіе западно-русской жизни. Союзъ съ Польшей, начавшійся въ 1386 году, кое-какъ держался, пока не задумали скрѣпить его потѣснѣе; но едва задумали это дѣло въ 1569 году на Люблинскимъ сеймѣ, едва рѣшились слить Западную Россію съ Польшей, какъ сейчасъ же стали подготавливаться элементы къ разложенію Русско-Польскаго государства. Разложеніе обнаружилось ясно въ половинѣ XVII столѣтія. Народъ при-

звать на помощь восточную Россію, и часть Западной Руси присоединилась къ ней; но не могла присоединиться вся Западная Русь, какъ желалъ западно-русскій народъ. Обнаружилось, что онъ жестоко поплатился за союзъ съ Польшей. Онъ потерялъ почти все высшее сословіе свое, почти все среднее, потерялъ почти свою вѣру. Оказалось у него слишкомъ много западно-русскихъ и литовскихъ людей, испорченныхъ Польшей и таявшихъ къ ней назадъ. Борьба его затѣмъ съ Польшей была еще слабѣе, помощь Россіи нужна была еще сильнѣе. Она явилась при Екатеринѣ II; но тогда сильно заслонено было дѣйствительное народное стремленіе къ соединенію съ Россіей, а дипломатія, въ особенности Пруссіи и Австріи, даже совсѣмъ было закрыла его. Всѣ стали въ неправильное положеніе въ отношеніи къ раздѣламъ Польши, которой распаденіе на русскую и польскую части было строго историческимъ и неминуемымъ. Положеніе это, выгодное Пруссіи и Австріи, оказалось не совсѣмъ невыгоднымъ и Полякамъ, но оно было весьма невыгодно Россіи и тѣмъ болѣе западно-русскому народу. Выстрое оживленіе, блескъ и шумъ польской партіи въ Западной Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія совершенно заслонили народную западно-русскую исторію; она какъ будто кончалась въ это время для потомства. Но на дѣлѣ было иначе; народная западно-русская исторія развивалась своимъ старымъ путемъ, и развивалась несравненно больше и живѣе, чѣмъ думаемъ мы, развивалась въ формѣ религиозной—въ униатскомъ вопросѣ. Значительная часть тогдашняго русскаго общества не поняла русскаго, народнаго значенія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ. Только въ послѣднюю польскую смуту всѣмъ стало ясно, что это было великое дѣло, не только церковное, но и государственное, и что та и другая сторона его крѣпко стоятъ на основахъ народныхъ и живыхъ историческихъ преданійхъ. Единеніе восточной и западной Россіи съ тѣхъ поръ начало сказываться тѣмъ яснѣе, что совершилось великое дѣло освобожденія крестьянъ, и уже не одни образованные люди могли принимать участіе, заявлять и словомъ, и дѣломъ это единеніе обѣихъ половинъ Россіи, а всѣ Русскіе люди той и другой. Таковы воззрѣнія на общій ходъ западно-русской исторіи, развиваемыя въ „Чтеніяхъ“ и переданныя собственными словами автора. Они въ сущности тѣ самыя, какъ были высказаны въ первомъ изданіи труда. „Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ“, пишетъ М. О. Колловичъ въ предисловіи, — „такъ и теперь настоятъ вопіющая нужда знать Западную Россію по русски, понимать по русски (что, какъ

увидимъ, ближе всѣхъ другихъ возрѣній къ истинѣ) и вводить въ это знаніе и пониманіе миллионы новыхъ нашихъ гражданъ Западной Россіи, болѣе и болѣе вступающихъ послѣ освобожденія крестьянъ въ область знаній и стремленій образованныхъ людей“.

Появленіе „Чтеній“ М. О. Кояловича въ двухъ новыхъ изданіяхъ даетъ и ученому комитету удобный поводъ выразить свое признаніе къ заслугамъ автора предъ школою внесеніемъ его труда въ списки учебныхъ пособій, особенно рекомендуя оный для гимназій и училищъ Виленскаго и Кіевскаго округовъ и тѣмъ самымъ содѣйствуя осуществленію прекраснаго желанія, выраженнаго въ только что приведенныхъ строкахъ предисловія. Съ своей стороны, комиссія единогласно признаетъ этотъ трудъ достойнымъ большой Петровской преміи.

II.

Учебный атласъ по русской исторіи. Составленъ и изданъ подъ редакціей *Е. Замысловскаго*. Изданіе второе. С.-Пб. 1869.

Научно-составленный историческій атласъ состоитъ изъ собранія историческихъ картъ. Каждая такая карта требуетъ со стороны составителя большаго труда, неутомимаго вниманія и обширнаго знакомства съ многочисленными источниками историческими и географическими; она требуетъ разумной выборки данныхъ и ихъ критической провѣрки. Данныя этой карты должны быть одной опредѣленной эпохи. Такимъ образомъ составленная историческая карта представляетъ результатъ историческихъ изслѣдованій относительно сложившихся отношеній между государствами, равно какъ и состоянія этихъ государствъ, въ отдѣльности взятыхъ. Въ подобной исторической картѣ нуждается и историческій изслѣдователь, который находитъ въ ней какъ добытые уже результаты, такъ и указанія, въ какомъ именно направленіи должны быть имъ сдѣланы дальнѣйшія его изслѣдованія по специально занимающему его историческому явленію; въ ней нуждается и образованный человѣкъ, который изъ наглядныхъ очерковъ прежнихъ отношеній государствъ между собою и состоянія государствъ въ опредѣленную эпоху извлекаетъ основы для болѣе вѣрнаго сужденія о современномъ состояніи государства; въ ней нуждается и занимающійся изученіемъ систематическаго курса исторіи,

которому она служить и необходимымъ пособіемъ, и руководствомъ. Составитель такой научной исторической карты, такихъ историческихъ картъ или такого научнаго атласа, слѣдя за историческими изслѣдованіями, вынужденъ исправлять, дополнять, нерѣдко за-ново составлять какъ отдѣльную карту, такъ и рядъ картъ, составляющихъ его атласъ.

• Въ нашей исторической литературѣ существуетъ въ научномъ отношеніи весьма цѣнный атласъ; мы разумѣемъ „Учебный атласъ по русской исторіи“ Е. Е. Замысловскаго. Слово „учебный“ авторъ понимаетъ широко, такъ какъ его атласъ обнимаетъ не только тѣ историческія данныя, которыя заключаются въ учебникахъ Соловьева и Иловайскаго, но и тѣ данныя, которыя, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, необходимы при чтеніи болѣе пространныхъ, общедоступныхъ историческихъ сочиненій. Имѣя въ виду послѣднюю цѣль, составитель нанесъ на карты и такія мѣстности, которыя не упоминаются въ нашихъ учебникахъ. Однимъ словомъ, г. Замысловскій составилъ научный атласъ по русской исторіи.

„Учебный атласъ по русской исторіи“ состоитъ изъ слѣдующихъ девяти картъ, соотвѣтствующихъ дѣленію на періоды, которое рѣзко обозначается въ самомъ ходѣ русской исторіи: 1) карты восточной и средней Европы (862—1054), съ означеніемъ этнографическихъ границъ Славянскаго племени; 2) карты Русской земли съ половины XI в. до половины XIII вѣка (1240); 3) карты Русской земли въ XIV вѣкѣ и въ первой половинѣ XV в.; 4) карты Россіи со второй половины XV в. до начала XVII в. (1610); 5) карты Россіи отъ 1613 по 1689 г.; 6) карты Россіи съ 1689 по 1762 г.; 7) карты Россіи въ царствованіе Екатерины II (1762—1796); 8) карты Россіи въ XIX в. (1865 г.); 9) карты Сибири (1581—1865 г.). Кромѣ того, въ „Атласѣ“ мы находимъ и планы городовъ: Кіева (988—1240), Новгорода (въ началѣ XVIII в.), Москвы (съ рисунковъ въ путешествію Мейерберга, 1611) и Петербурга (1703—1738), а также карту окрестностей Москвы и планы сраженій при Полтавѣ и при Бородино. Сверхъ того, г. Замысловскій приложилъ: 1) Перечень водныхъ путей сообщенія въ древней Руси, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ то время, когда водные пути играли роль современныхъ желѣзныхъ дорогъ, и 2) Алфавитный указатель мѣстностей, встрѣчающихся въ атласѣ, при чемъ составителемъ отмѣчены разныя названія нѣкоторыхъ мѣстностей, носившихъ въ разныя эпохи нерѣдко нѣскольکو названій. Въ этомъ крайне необходимомъ и внимательно со

ставленномъ указателѣ мы нашли 2645 названій! Не смотря на такое обиліе названій, мѣстности легко отыскиваются на картѣ; напримеръ, Онутъ г., № 2, VI, 4. На картѣ № 2 цифра VI находится между 48° — 50° с. ш.; цифра 4 находится между 42° — 44° в. д. по меридіану Ферро. Есмонъ мѣст., № 8, IV, 5. На картѣ № 8 цифра IV находится между 50° — 55° с. ш.; цифра 5 находится между 45° — 50° в. д.

Имѣя въ виду, что почтенный ученый, при новомъ изданіи своего „Атласа“, внесетъ исправленія, дополненія, мы пойдемъ къ нему на встрѣчу съ нѣкоторыми поправками. [1]

На картѣ № 1 городъ Бѣлоозеро обозначенъ тамъ, гдѣ онъ находится нынѣ; по въ описываемую эпоху онъ былъ на восточномъ берегу озера, гдѣ былъ тогдашній торный путь; затѣмъ поселеніе было перенесено къ выходу р. Шексны изъ озера; отсюда уже перенесено на нынѣшнее мѣсто. Тамъ, гдѣ значится Пермь, слѣдуетъ писать Воты или Вотяки, а слово Пермь перенести на Вычегду, Сысолу до средняго теченія р. Камы, ибо начальная лѣтопись знакома только съ Пермью Вычегодскою, а не съ Камскою, тѣмъ паче не съ Чепецкою.

На картѣ № 3 земли по р. Сухонѣ причислены къ Москвѣ, что слишкомъ рано; если тамъ и были московско-ростовскія поселенія, то ихъ число было незначительно. Пермь обозначена новгородскою областью, хотя со времени учрежденія Пермской епархіи въ 1383 г., этою странюю владѣли Пермскіе епископы, какъ дѣйствительные владыки, и не подчинялись вліянію Повгорода, который упорно считалъ ее своею землею до второй половины XV в. Слово Зыряне должно быть снято съ карты совсѣмъ, такъ какъ оно входитъ въ употребленіе только съ половины XVI в. и замѣняетъ прежнее слово Пермь. При словѣ Пермь на картѣ № 3 не слѣдуетъ писать Великая, о которой рѣчи можетъ быть только съ конца XV в., со времени епископа Іоны; что же касается слова Малая, то оно должно быть совершенно исключено, какъ сочиненіе книжниковъ конца XVI или начала XVII в., противопоставлявшихъ слово Малая слову Великая.

На картѣ № 4, воспроизводящей событія съ половины XV в. до начала XVII в. (1610), Донскіе казаки несвоевременно включены въ составъ Московскаго государства. На картахъ № 3, 4 и 6 обозначена р. Вышера, которая значится въ указателѣ: „р. Вишера, № 3, 4, 6, II, 10, 11“. Это значить, что р. Вышера встрѣчается на картахъ № 3, 4 и 6; цифра II показываетъ 60° — 65° с. ш.; цифра 10

соотвѣтствуетъ 70°—75° в. д., цифра 11 соотвѣтствуетъ 75°—80° в. д.: Эта рѣка въ „Историко-географическихъ замѣткахъ“ (стр. 15, ст. 2) названа р. Вытегрою. Видимо тутъ опечатка.

Мы желали бы, чтобы г. Замысловскій обратилъ вниманіе на обозначеніе границы тундры, особенно же на обозначеніе границы степей, знаніе которыхъ имѣетъ немаловажное значеніе въ виду нашей тысячелѣтней борьбы со степняками и въ виду устройства сторожевыхъ постовъ отъ ордынцевъ.

Полагаемъ, что не было бы роскошью, если бы на картѣ № 7 былъ приложенъ картонъ, на которомъ были бы обозначены какъ этнографическія границы расселенія Поляковъ, Литовцевъ и Русскихъ, такъ и границы бывшаго Литовско-Русскаго государства. Тогда рѣзко выдвинулся бы важный моментъ воссоединенія литовско-русскихъ земель съ Русскимъ государствомъ.

Такъ какъ г. Замысловскій въ своихъ „Историко-географическихъ замѣткахъ“ справедливо обращаетъ большое вниманіе на устройство поверхности, на почву и климатъ, то онъ не найдетъ ли возможнымъ на картахъ №№ 3 и 4 приложить въ видѣ картоновъ почвенную карту Европейской Россіи, а также климатическую? Это мы выражаемъ свои мечты, но не требованія. При обозначеніи устройства поверхности Европейской Россіи, безъ сомнѣнія, г. Замысловскій обратитъ вниманіе на карту г. Мусницкаго, который десять лѣтъ тому назадъ читалъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ свой интересный докладъ объ устройствѣ поверхности Европейской Россіи. Составленная г. Мусницкимъ карта воспроизводится въ картографическомъ заведеніи г. Ильина и на стѣнныхъ картахъ, и на картахъ учебнаго географическаго атласа (безъ обозначенія имени автора). Данныя карты г. Мусницкаго, будучи перенесены на карты г. Замысловскаго, не разъ заставили бы изслѣдователя задумываться при распространеніи Русскаго народа по территоріи Европейской Россіи.

Достоинства научнаго „Атласа по русской исторіи“ г. Замысловскаго сами по себѣ таковы, что заслуживаютъ уже высшей преміи имени Петра Великаго; но въ этомъ цѣнномъ трудѣ есть еще нѣчто не менѣе почтенное и важное: мы разумѣемъ „Историко-географическія замѣтки для объясненія картъ“, вѣрнѣе сказать, нервую у пасъ историческую географію Россійской имперіи. Недостатокъ учебника исторической географіи ощущается и за границей, гдѣ такъ много научныхъ рабочихъ силъ, и гдѣ такъ сравнительно легко составить по-

добный учебникъ; составленіе же учебника исторической географіи Россійской имперіи едва исполнимо, какъ вслѣдствіе недостатка научныхъ рабочихъ силъ, такъ и вслѣдствіе почти полнаго отсутствія предварительныхъ работъ. Авторъ справедливо говоритъ въ своемъ предисловіи: „Крайне неудовлетворительное состояніе нашей исторической географіи, до настоящаго времени не подвергавшейся полной спеціальной обработкѣ въ широкомъ объемѣ, затрудняетъ отысканіе самыхъ обыкновенныхъ историко-географическихъ указаній, необходимыхъ для объясненія картъ, и нерѣдко даетъ поводъ къ разнымъ неосновательнымъ догадкамъ и предположеніямъ, получающимъ однако силу непогрѣшимой истины“. Энергія и неутомимое трудолюбіе помогли г. Замысловскому составить такіа „Историко-географическіа замѣтки“, которыя мы можемъ считать первымъ учебникомъ исторической географіи нашего отечества. Только со времени появленія этого труда возможно было приступить къ подробной спеціальной работѣ извѣстнаго періода исторической географіи ¹⁾. Мы желали бы, чтобъ авторъ, при новомъ изданіи своего „Атласа по русской исторіи“, нашелъ возможнымъ издать эти „Историко-географическіа замѣтки“ отдѣльною книгою, которая составитъ около 200 страницъ обычнаго формата.

Сообщимъ вкратцѣ содержаніе этихъ „Историко-географическихъ замѣтокъ“, которое дастъ возможность составить понятіе и о томъ, чтѣ заключается въ историческихъ картахъ „Атласа“.

Въ объясненіяхъ карты № 1 г. Замысловскій даетъ сначала общее понятіе о родственныхъ Славянамъ племенахъ, далѣе говоритъ о размѣщеніи Славянъ въ Европѣ, при чемъ указываетъ точныя мѣста размѣщенія Славянскихъ племенъ съ ихъ мелкими подраздѣленіями и съ краткимъ историческимъ очеркомъ. Мы знакомимся тутъ со Славянами Балтійскими и Полабскими, Польскими, затѣмъ съ Чехами, Моравами и Словаками, Хорутанами, Хорватами и Сербамъ, Болгарами и Русскими Славянами, о которыхъ говорится особенно подробно. Отъ Славянъ г. Замысловскій переходитъ къ Литовскимъ племенамъ, потомъ къ Финскимъ и, наконецъ, къ Тюрескимъ народамъ, съ которыми Русь постоянно вела борьбу въ сторонѣ степей. Далѣе говорится о распространеніи предѣловъ Русскаго государства въ теченіе IX—XI вв. и объ открытіи первыхъ епархій. Каждое объясненіе г. За-

¹⁾ И подобную спеціальную работу совершилъ г. Замысловскій въ своемъ новомъ трудѣ: «Герберштейнъ и его историко-географическіа извѣстія о Россіи».

мысловскій подтверждаетъ ссылками на источники, которыми онъ пользовался. Эти указанія чрезвычайно полезны учащимся и учащимъ и даже занимающимся историческими изслѣдованіями.

Въ объясненіяхъ карты № 2 авторъ говоритъ сначала о русскихъ земляхъ, приблизительно въ предѣлахъ первой половины XII в., о земляхъ Новгородской, Суздальской, Муромско-Рязанской, Полоцкой, Смоленской, Чернигово-Сѣверской, Переяславской, Кіевской, Волынской и Галицкой. Объясненія заканчиваются перечисленіемъ новыхъ епархій. Ссылка на источники и выписки нѣкоторыхъ болѣе важныхъ мѣстъ также полны и интересны, какъ и въ объясненіяхъ карты № 1.

Въ объясненіяхъ карты № 3 говорится объ усиленіи Московскаго княжества, при чемъ дается историческій очеркъ приобрѣтеній Московскихъ князей въ XIV и въ первой половинѣ XV в. Затѣмъ говорится о Тверскомъ княжествѣ, о землѣ Новгородской, упоминается о караулахъ (монг. харагуль—мѣсто, откуда смотреть) для защиты южныхъ предѣловъ, пограничныхъ со степью. Сказавъ о юго-западной Руси, подчинившейся въ XIV в. Литовской Руси, г. Замысловскій говоритъ объ учрежденіи епархій въ Сараѣ и Перми, затѣмъ о возникновеніи монастырей Троицко-Сергіевскаго и др. И эти объясненія всюду сопровождаются ссылками на источники.

Въ объясненіяхъ карты № 4 г. Замысловскій говоритъ о приобрѣтеніяхъ Іоанна III и о столкновеніяхъ Московской Руси съ Литовскою Русью, которая при Іоаннѣ IV, когда она была не въ состояніи успѣшно оборониться отъ Москвы, связала свою судьбу съ судьбами Польскаго государства. Такъ объединеніе Руси было задержано на цѣлѣ вѣка. Упомянувъ о торговыхъ городахъ этой эпохи, г. Замысловскій говоритъ о заселеніи Пермскаго края, затѣмъ Башкирскаго края, объ утвержденіи Русскихъ въ средѣ Черемисовъ, Вотовъ, Чувашъ, также по Волгѣ; далѣе говорится о сторожевой линіи со стороны Крымской орды. Объясненія заканчиваются извѣстіями о возникновеніи новыхъ епархій и о распространеніи христіанства въ средѣ Лопарей. Вездѣ указаны ссылки на источники.

Въ объясненіяхъ карты № 5 подробно говорится объ отношеніяхъ Московскаго государства къ Швеціи и Польско-Литовской Руси, особенно подробно объ отношеніяхъ къ послѣдней, и о Малороссіи, которая вовлекла насъ въ борьбу съ Польско-Литовскимъ государствомъ и Турецкимъ султаномъ. Сказавъ о мѣрахъ защиты южной Украины отъ набѣговъ ордынцевъ, о Донскихъ казакахъ, о вступленіи Калмыковъ въ русское подданство и объ основаніи городка Гурьева, г. За-

мысловскій даетъ свѣдѣнія о новыхъ епархіяхъ, монастыряхъ и о возникшихъ раскольничьихъ скитахъ. Ссылки на источники обычны.

Въ объясненіяхъ карты № 6 дается краткій очеркъ отношеній Петра Великаго къ Турціи и къ Запорожской Сѣчи, говорится объ укрѣпленіи южной границы Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка, объ основаніи сербскихъ поселеній и о Донскихъ казакахъ. Возвращаясь къ событіямъ начала XVIII в., г. Замысловскій говоритъ объ утвержденіи Русскихъ по берегамъ Финскаго залива, о распространеніи владѣній по берегамъ Каспійскаго моря, объ устройствѣ водныхъ сообщеній, открытіи заводовъ, укрѣпленіи восточной окраины и объ отношеніяхъ къ Калмыкамъ, Башкирамъ и Киргизамъ; наконецъ, говорится объ основаніи раскольничьихъ скитовъ и открытіи новыхъ епархій при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ концѣ прилагаются росписи губерній 1708 и 1719 годовъ.

Въ объясненіяхъ карты № 7 г. Замысловскій говоритъ о царствованіи Екатерины II, объ утвержденіи Русскихъ на берегахъ Чернаго моря, о присоединеніи Крыма и о разрѣшеніи живаго русскаго вопроса, занимавшаго Іоанна IV въ послѣдніе 23 года его жизни и принесшаго за собою запрещеніе перехода крестьянъ, которое совпадаетъ со временемъ окончанія Запольскаго перемирія. Мы желали бы, чтобъ авторъ былъ менѣе скупъ на свѣдѣнія относительно этого вопроса—присоединенія Вѣлой Руси, Малой Руси и Литовской Руси къ Россійской имперіи—вопроса, къ успенію значенія котораго посвящена многолѣтняя дѣятельность нашего ученаго, М. О. Кояловича. Въ концѣ приложена роспись губерній 1766 г. и роспись намѣстничествъ, учрежденныхъ въ царствованіе Екатерины II.

Въ объясненіяхъ карты № 8 г. Замысловскій даетъ историческій очеркъ приобрѣтеній въ началѣ XIX в. отъ Швеціи и Турціи; далѣе говоритъ о возникновеніи Варшавскаго герцогства и Польскаго царства; наконецъ, о дѣлахъ на Кавказѣ въ царствованія Александра I, Николая I и Александра II. Въ концѣ приложена роспись губерній 1863 года.

Въ объясненіяхъ карты № 9 дается краткій очеркъ Сибири за 1578—1600, 1600—1620, 1620—1640, 1640—1660 гг.; затѣмъ указывается на занятіе Камчатки, Курильскихъ острововъ, Приамурскаго края, и наконецъ, говорится объ административномъ раздѣленіи Сибири.

Въ объясненіяхъ плана Кіева (№ 10) дается подробный и интересный историческій очеркъ Кіева; такіе же очерки даются при каждой части сохххiv, отд. 1.

ясненія плановъ Новгорода (№ 11), Москвы (№ 12), Петербурга (№ 13; № 14, карта окрестностей Москвы, осталась безъ объяснительнаго текста; въ концѣ находимъ объясненія плановъ сраженій при Полтавѣ (№ 15) и при Бородинѣ (№ 16).

Это перечисленіе содержанія „Историко-географическихъ замѣтокъ для объясненія картъ“ указываетъ на обширный научный историко-географическій матеріалъ, какъ самаго „Атласа“, такъ и „Замѣтокъ“. Такъ какъ „Замѣтки“ представляютъ матеріалъ достаточно разработанный, то мы считаемъ ихъ первымъ учебникомъ исторической географіи Россійской имперіи, составленнымъ по источникамъ, которые постоянно указываются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, нередко съ приведеніемъ цитатъ и критическою оцѣнкой извѣстій. Нельзя не взумляться глубокому вниманію автора къ тѣмъ даннымъ, которыми онъ пользовался, той отчетливости и тому искусству, съ какимъ изъ обширнаго матеріала выбраны только нужныя данныя.

Чтобы показать, какъ мы высоко цѣнимъ достоинства труда г. Замысловскаго и какъ дорожимъ имъ, приведемъ нѣкоторыя поправки:

Родонскія горы не суть отроги Балкановъ, какъ говоритъ авторъ (на стр. 7, ст. 1), а отдѣльное поднятіе, болѣе высокое, чѣмъ Балканы. — Авратинскія горы — известковыя, Карпаты—гранитныя, развѣтвленія Карпатовъ (Каменная града)—гранитныя; отсюда ясна ошибка автора, который говоритъ: „Здѣсь простираются восточныя развѣтвленія Карпатскихъ горъ, извѣстныя подъ названіемъ Авратинской сплошной возвышенности“ (стр. 7, ст. 2). — „По С. Двинѣ“, говоритъ авторъ, — „если и были новгородскія поселенія, то во всякомъ случаѣ положеніе ихъ было небезопасно (?) по сосѣдству съ ними Финновъ (которые—замѣтимъ отъ себя—никогда мирныхъ поселенцевъ не трогали), и къ началу XIII ст. относятся упоминанія о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ туземцами, обитавшими по р. С. Двинѣ“ (стр. 11 ст. 2). Замѣтимъ, что о настоящихъ новгородскихъ поселенцахъ по р. С. Двинѣ не можетъ быть рѣчи въ XI, XII и даже въ XIII в.; она можетъ быть только въ XIV в.; враждебныя же столкновенія, о которыхъ говоритъ авторъ, были между туземцами и ушкуйниками и собирателями дани. — „Въ XIV ст. начинается (?) усиливаться княжество Московское, занимавшее выгодное географическое положеніе въ центрѣ (?) другихъ (?) русскихъ областей“ (стр. 13, ст. 2). Эти другія русскія области не указаны; зная же, что начало усиленія Москвы совпадаетъ съ тѣмъ временемъ,

когда между Новгородомъ и Тверью были отношенія далеко не дружественныя, и когда Новгородъ поддерживалъ Московскаго князя (напримѣръ, Юрія Даниловича), мы недоумѣваемъ, что авторъ разумѣетъ подъ выгоднымъ географическимъ вліяніемъ Москвы въ центрѣ другихъ русскихъ областей.—Почтенный авторъ изъ статьи пр. Ешевскаго приводитъ слѣдующую странную выписку: „Необозримые лѣса (!) тянутся и теперь еще отъ сѣверныхъ частей Костромской губерніи къ Вѣлому морю по тундрамъ (!) береговъ Сѣвернаго океана“ (стр. 14, ст. 1, прим. 8). — „Положеніе Малороссіи на границѣ со степью, борьба за вѣру и народность обусловили ея военное устройство“ (стр. 16, ст. 2). Такъ какъ на предыдущихъ страницахъ не дано нужныхъ фактовъ для уразумѣнія этого мѣста, то переходъ къ перечисленію малороссійскихъ полковъ въ 1650 г. очень рѣзокъ.— „Союзъ между Россіей и Польшей, заключенный въ правленіе царицы Софіи, далъ Петру I возможность начать (?) войну противъ Турціи“ (стр. 18, ст. 1). Тутъ забыты интересы Донскихъ казаковъ и Малороссовъ, а также обязательства договора, заключеннаго съ Польшей, и отсюда происходившіе Крымскіе походы.

Заканчивая нашъ отчетъ, мы повторимъ, что въ трудѣ г. Замысловскаго заключаются собственно два труда, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности составляетъ уже цѣпный вкладъ въ науку: 1) научный атласъ по русской исторіи съ алфавитнымъ указателемъ и 2) историко-географическія замѣтки для объясненія картъ, составляющія учебникъ исторической географіи Россійской имперіи.

Въ обонхъ этихъ трудахъ историческій изслѣдователь найдетъ уясненіе добытыхъ историческихъ результатовъ и нужныя указанія для продолженія своихъ специальныхъ изслѣдованій; образованный человѣкъ найдетъ въ нихъ основанія для болѣе вѣрнаго сужденія о современныхъ отношеніяхъ государства; изучающій же систематическій курсъ исторіи найдетъ въ нихъ нужныя данныя и опытное руководство при изученіи отечественной исторіи. Въ виду указанныхъ достоинствъ „Атласа по русской исторіи“ и перваго курса исторической географіи Россійскаго государства, мы полагаемъ, что авторъ ихъ, Е. Е. Замысловскій, заслуживаетъ высшей преміи императора Петра Великаго, любителя и знатока исторіи и географіи своего отечества.

Курсъ географіи Европы для старшихъ классовъ определенныхъ учебныхъ заведеній.
Оставилъ *Ив. Штуцеръ*. Москва. 1884.

„Курсъ географіи Европы“ составленъ г. Штуцеромъ на основаніи тѣхъ принциповъ, которые выяснены въ пѣмецкой методологической литературѣ, особенно въ статьяхъ Вагнера. Европа избрана авторомъ для описанія потому, что она—болѣе изслѣдованная часть свѣта, и что она, послѣ отечественной географіи, „всего пригоднѣе для выполнения великой педагогической роли (?) предмета въ старшихъ классахъ“ (предисловіе, IV).

Курсъ географіи Европы проходится въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ III классѣ, то-есть, въ младшемъ возрастѣ, и повторяется въ VII классѣ; но г. Штуцеръ вполне основательно предлагаетъ свой „Курсъ“ для старшаго возраста. „Здѣсь, въ старшихъ классахъ“, говоритъ онъ,—„познанія учащихся достигли наибольшаго объема какъ въ гуманистическихъ наукахъ, такъ и въ наукахъ физико-математическихъ. При своихъ изслѣдованіяхъ географія одинаково пользуется приемами и результатами обѣихъ группъ знаній, приучаетъ къ тому же и занимающихся ею и вмѣстѣ съ тѣмъ становится необходимымъ звеномъ для завершения всей системы общаго образованія“ (предисловіе, III).

Современную научную географію авторъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что она, „развертывая передъ окомъ учащагося все то дивное, строго гармоническое и изумительно изящное разнообразіе, какое представляетъ земная поверхность, воспитываетъ пониманіе природы и любовь къ ней; приучаетъ правильно оцѣнивать и силы отдѣльнаго человѣка и силы цѣлаго народа, ограниченнаго и направленнаго въ своихъ стремленіяхъ тою страной, въ которой онъ живетъ“ (тамъ же).

Хотя авторъ и утверждаетъ, что въ его трудѣ человѣкъ ни мало не забытъ, и что ему удѣлено даже больше мѣста, чѣмъ обычно, но изъ самаго труда мы видимъ, что авторъ сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на описаніи земной поверхности и желалъ въ учащихся возбудить пониманіе природы и любовь къ ней.

Географическій матеріалъ авторъ сгруппировалъ хорографически, по естественнымъ областямъ. Давъ весьма краткій общій очеркъ Европы, онъ подробнѣе очерчиваетъ сначала южную Европу, которую раздѣляетъ на три части: на Балканскій полуостровъ съ его

землями (Боснія и Герцоговина стр. 13—14, Черногорія 15—16, Сербія 16—17, Болгарія 18—20, Европейскія земли Турціи 20—25, Греція 25—29, Австрійская Далмація 29), Апеннинскій полуостровъ съ прилежащими островами (стр. 29—43) и Пиринейскій полуостровъ (Испанія 45—54, Португалія 54—55); затѣмъ въ средней Европѣ разсматриваются: Швейцарія 59—69, Франція 69—89, Бельгія 89—91, Нидерланды 91—96, Германская имперія 96—123, имперія Австро-Венгрія 123—146, Румынія 147—148. Наконецъ, въ сѣверо-западной Европѣ обозрѣваются: Британскіе острова 151—165, земли Датскаго королевства 166—169 и Скандинавскій полуостровъ 169—178. Въ концѣ книги помѣщенъ краткій обзоръ важнѣйшихъ европейскихъ владѣній въ другихъ частяхъ свѣта.

Не смотря на то, что г. Штуцеръ не выставляетъ основаній своего дѣленія западной Европы на южную, среднюю и сѣверо-западную, мы считаемъ это дѣленіе болѣе вѣрнымъ, чѣмъ то какое, существуетъ въ нашихъ учебникахъ, такъ какъ оно болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ и климатическимъ, и историческимъ, и этнографическимъ. Что же касается описанія отдѣльныхъ странъ Европы, то они изложены такимъ изящнымъ языкомъ, какого въ нашихъ географическихъ учебникахъ мы почти не встрѣчаемъ, и обработаны весьма тщательно: каждая изъ естественныхъ областей обрисована на столько съ достаточною ясностію и пластичностію, что, какъ авторъ справедливо говоритъ: „Въ устномъ изложеніи со стороны преподавателя, да при надлежащихъ иллюстраціяхъ (рекомендуются: стереоскопическія картины, стекла для волшебнаго фонаря, политипажи у Гирта, стѣнные омеографіи Гельзеля), очеркъ заинтересуетъ учащихся и оставитъ въ нихъ умѣ и воображеніи законченный рядъ представленій“. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эти очерки отдѣльныхъ естественныхъ областей, которые составляютъ „законченный рядъ представленій“, имѣютъ свою невыгодную сторону, состоящую въ томъ, что подробный очеркъ естественной области въ изложеніи автора, безъ надлежащихъ иллюстрацій, потребуетъ со стороны учащихся слишкомъ большой работы и фантазій, и памяти; рядъ же такихъ очерковъ будетъ не по силамъ учащихся. Напримеръ, какое будетъ у учащагося представленіе объ Альпахъ, если ему придется извлекать это представленіе о нихъ на стр. 13, 15, 24, 31, 56, 57, 60, 61, 62, 63, 70, 74, 75, 100, 123, 126 и т. д.?

Дѣленіе страны или государства на естественныя области можетъ быть сдѣлано или сообразно бассейнамъ морей и рѣкъ, или же со-

образно устройству поверхности; совмѣщеніе же этихъ основаній значительно усложняетъ дѣло и запутываетъ основную мысль дѣленія, то-есть, не даетъ учащемуся одной опредѣленной мѣрки. Такое совмѣщеніе основаній мы замѣчаемъ у автора при описаніи естественныхъ областей. Напримѣръ, Францію онъ дѣлитъ на слѣдующія области: а) бассейнъ Роны: 1) бургундское плоскогоріе, заключающее въ себѣ Франш-Конте, часть Бургундіи и часть Ліоннэ; 2) Западныя Альпы и Лангедокская низменность, заключающія въ себѣ Савойю, Дофинэ, Провансъ, Ниццу и часть Лангедока; б) низменность бассейна Гаронны, заключающая въ себѣ Гієннэ, Гасконь съ Беарномъ и западную часть Лангедока; в) центральное плато и низменность Луары, заключающія въ себѣ часть Лангедока, часть Гієнни, большую часть Ліоннэ, Лимузенъ, Бурбоннэ, Пуату, Берри, Орлеанъ, Турень, Анжу, часть Бретани и др.; г) Бретань и западная часть Нормандіи; е) бассейнъ Сены и Соммы, заключающія въ себѣ сѣверную часть Бургундіи, Шампань, Иль-де-Франсъ, восточную часть Нормандіи, Пикардію и Артуа; ф) бассейнъ Шельды и Рейна, заключающія въ себѣ Фландрію и Лотарингію. Въ этомъ подробномъ дѣленіи мы видимъ, что Лангедокъ упоминается въ трехъ разныхъ мѣстахъ, Ліоннэ — въ двухъ, Бургундія — въ двухъ, Гієннэ — въ двухъ, Бретань — въ двухъ, Нормандія — тоже въ двухъ мѣстахъ. Очевидно, что историческое дѣленіе Франціи, важное во многихъ отношеніяхъ, особенно въ бытовомъ, не совмѣщается въ этомъ дѣленіи автора, и такимъ образомъ, вопреки его мнѣнію, мы не будемъ имѣть возможности достаточно „оцѣнивать и силы отдѣльнаго человѣка, и силы цѣлаго народа, ограниченнаго и направленнаго въ своихъ стремленіяхъ тою страной, въ которой онъ живетъ“ (предисловіе, III).

Очеркъ каждой естественной области, данной авторомъ, на столько подробенъ, что онъ превосходитъ соотвѣтственный очеркъ бассейновъ или пространствъ въ учебникахъ отечественной географіи. Вотъ, напримѣръ, какъ подробно авторъ описываетъ бассейнъ Сены (стр. 85—86): „Бассейнъ Сены, вмѣстѣ съ бассейномъ Соммы, по поверхности представляетъ холмистую страну, которая съ Бургундской равнины поднимается крутыми обрывами плоскогорій Котъ д'Оръ (у верховьевъ Сены) и Лангръ (у истоковъ Марны) и крайне покато спускается къ с.-в., въ сторону Ламанша... Сенскій бассейнъ почти у всѣхъ окраинъ представляетъ известковья возвышенности. Изъ извести состоятъ Котъ д'Оръ и Лангръ. Того же состава рядъ холмовъ

вдоль всей сѣверо-восточной границы бассейна, отъ верхняго теченія Мааса до Па-де-Калэ (мыса Gris Nez). На ю.-в., въ сторонѣ гранитнаго Морвана (у истоковъ Ионны)—части Центрального плато, и въ сторонѣ гранитной западной Нормандіи—такіе же известковые холмы. По составу почвы, строго говоря, слѣдовало бы отнести къ Сенскому бассейну и восточную часть Котантэна. Лишь въ сторонѣ самаго сѣвернаго изгиба Луары, которая здѣсь близко подходитъ къ Севѣ, нѣтъ такихъ холмовъ, и въ этомъ мѣстѣ низменность окрестностей Парижа сливается съ подобными же равнинами близъ Орлеана. Къ этому наружному известковому поясу примыкаетъ болѣе внутренній мѣловой поясъ, впрочемъ, крайне различной ширины. Сюда принадлежитъ большая часть Шампань, которую можно еще назвать плоскогоріемъ; въ сторонѣ же Шельды изъ мѣла состоятъ лишь не многіе холмы. Сѣверо-западная половина Сенскаго бассейна, ближайшая къ Ламаншу, представляетъ низменность съ необычайно плодородною мергелевою почвой. Но и здѣсь есть отдѣльные холмы и небольшія плоскогорія, въ которыхъ мѣлъ выступаетъ на поверхность, и изъ мѣла же состоитъ высокое, но бѣдное гаванями побережье Ламанша отъ Котантэна до Па-де-Калэ. Составъ почвы вноситъ важное различіе въ общій видъ мѣстностей. Известковыя окраины, хотя и живописны, но рѣдко плодородны. Даже сѣверо-западный склонъ Котъ д'Ора гораздо бѣднѣе виноградниками, чѣмъ южный. Бѣднѣйшая же часть бассейна—Шампань, которая въ то же время является примѣромъ изумительнаго трудолюбія..... Но лучшія пространства Сенскаго бассейна принадлежатъ мергелевымъ почвамъ сѣверо-западной половины. Здѣсь воздѣланъ каждый пригодный клочекъ земли, всюду видишь цвѣтущія поля, сочные луга, огороды и сады, и послѣдняя деревушка привлекаетъ пріѣзжаго своимъ щегольскимъ видомъ". Этотъ трудный для изложенія примѣръ указываетъ, какъ на тщательное описаніе данной земной поверхности (на что, какъ выше мы замѣтили, авторъ преимущественно обращалъ свое вниманіе), такъ и на тщательную литературную обработку.

Мы минуемъ климатическій отдѣлъ въ трудѣ г. Штудера, такъ какъ этотъ отдѣлъ—обычное больное мѣсто въ географическихъ работахъ вообще, и тѣмъ болѣе въ географическихъ учебникахъ.

Мы замѣтили въ началѣ нашего отзыва, что г. Штудеръ считаетъ научную географію необходимымъ звеномъ для завершенія всей системы общаго образованія. Мы согласны съ этимъ положе-

ніемъ автора и думаемъ, что его „Курсъ“ былъ бы болѣе поучительнымъ курсомъ географіи, если бы въ немъ, послѣ описанія природы, обращено было большее вниманіе на описаніе добывающей промышленности человѣка данной территоріи, особенно земледѣльческой, что въ свою очередь тѣсно связано съ владѣніемъ землею, то-есть, исторически-сложившимися обстоятельствами. Но отдѣлъ добывающей промышленности обработанъ авторомъ менѣе подробно, чѣмъ отдѣлъ земной поверхности, хотя кое-гдѣ и встрѣчаются намеки на то, что нужно было бы и расширить и уяснить, и что однако авторомъ не сдѣлано. Приведемъ примѣры его случайныхъ замѣтокъ этого характера.

„Въ сѣверной Италіи много мелкихъ городовъ, но напрасно ищешь деревню: вмѣсто нихъ лишь отдѣльныя усадьбы. Землевладѣльцы, обыкновенно владѣющіе огромными помѣстьями, живутъ въ городахъ, а ихъ фермеры, каждый со своими рабочими, среди арендуемаго участка“ (стр. 33). Мы не видимъ у автора уясненія, какъ вліяетъ этотъ распорядокъ на добывающую промышленность сѣверной Италіи.—„Въ Испаніи и Португаліи обработка земли стоитъ ниже, чѣмъ въ Италіи... Со времени утраты большей части американскихъ колоній, въ первой четверти настоящаго столѣтія, промышленность (добывающая?) стала дѣлать замѣтныя успѣхи“ (стр. 44). Авторъ недостаточно уяснилъ, почему утрата колоній возвысила добывающую промышленность этихъ странъ, а равно не обратилъ вниманія на то, что переходъ монастырскихъ и другихъ земель въ 1850-хъ годахъ въ руки земледѣльцевъ оказалъ вліяніе на успѣхи земледѣлія въ Испаніи, или же нѣтъ?—„Въ Португаліи между Тахо и Гвадіаной огромныя пространства представляютъ лишь пастбища мериносовъ, какъ въ смежной Эстремадурѣ. Виною тому переселенія (!) въ Бразилію: слишкомъ много силъ отвлекается отъ обработки страны“ (стр. 55). Изъ этого примѣра видимъ, что авторъ недостаточно оцѣниваетъ вліяніе владѣнія землей; ибо извѣстно, что въ Португаліи господствуетъ крупное землевладѣніе, вызывающее увеличеніе пастбищъ мериносовъ и переселеніе рабочихъ силъ въ другія страны.—„Францію не даромъ называютъ богатѣйшею страной Европы. Дѣйствительно, только въ Даніи крестьянинъ живетъ богаче. Лишь въ неурожайный годъ не хватаетъ своего хлѣба, и главный хлѣбъ пшеница, что одинаково говоритъ и въ пользу хорошаго качества почвы, и въ пользу высокаго состоянія земледѣлія“ (стр. 72). Авторъ забылъ упомянуть о вліяніи великой реформы въ землевладѣніи, со-

вершенной при Людовикѣ XVI, во время существованія учредительнаго собранія, на успѣхи добывающей промышленности Франціи, какъ онъ забылъ упомянуть и о черезчуръ мелкихъ земельныхъ участкахъ.— „Въ Германіи плотность населенія больше, нежели во Франціи, чѣмъ отчасти (1) объясняется сильная эмиграція Нѣмцевъ въ другія страны“... Далѣе говорится о высокомъ состояніи земледѣльческой промышленности въ Германіи и какъ бы случайно прибавляется: „однако своего хлѣба не хватаетъ“ (стр. 99). Сильную эмиграцію Нѣмцевъ авторъ приписываетъ плотности населенія и прибавляетъ: отчасти; но какія же другія причины этой сильной эмиграціи, которую можно объяснить только отчасти плотностію населенія? Отчего Французы не оставляютъ родины, даже изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе плотнѣе, чѣмъ въ Германіи, и гдѣ земельные участки черезчуръ мелки, а Нѣмцы между тѣмъ сильно эмигрируютъ?— „Въ порядкахъ Англіи“, говоритъ г. Штудеръ,— „обращаетъ вниманіе крупное землевладѣніе, поддерживаемое закономъ о майоратѣ. Двѣ трети земли принадлежатъ 10,000 крупныхъ аристократовъ, а отчасти церкви и разнымъ учрежденіямъ. Въ силу закона о майоратѣ вся земля переходитъ къ старшему сыну, отчего не дробятся крупныя владѣнія, какъ обыкновенно въ другихъ странахъ“ (стр. 153). Авторъ не уяснилъ отношеній между такими англійскими порядками и англійскою добывающею промышленностію. — „Всѣ растенія, которыя любятъ сырость, находятъ себѣ въ Англіи настоящій рай. Именно потому (?) въ Англіи больше луговъ, чѣмъ полей, что трава необычайно роскошна“ (стр. 155). Авторъ забылъ настоящую причину того, почему луга воеобладали надъ полями, то-есть, забылъ о крупномъ землевладѣніи, о которомъ говорилъ двумя страницами прежде. — „Въ такой нуждѣ, какъ Ирландцы, не живетъ ни одинъ народъ въ Европѣ. Виною тому чисто историческія причины: вся земля громадными помѣстьями принадлежитъ Англичанамъ“ (стр. 165). Причина указана вѣрно, но вліяніе этого факта на добывающую промышленность не указано. — О Даніи говорится: „Нигдѣ крестьянинъ не живетъ такъ богато, нигдѣ не стоитъ на такой высокой степени образованности и нигдѣ не пользуется такимъ почетомъ. На горожанина, на купца онъ смотритъ даже свысока: по его убѣжденію, нѣтъ занятія почетнѣе земледѣлія“ (стр. 167). Авторъ, однако, ни однимъ словомъ не обмолвился о земельной реформѣ прошлаго столѣтія и о значеніи небольшихъ земельныхъ участковъ въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ, на что слѣдовало бы

ему обратитъ свое вниманіе для уясненія того, почему Датчане-поселяне говорятъ, что „нѣтъ занятія почетнѣе земледѣлія“.

Предыдущее наше изложеніе достаточно показываетъ, что авторъ на сколько живо и образно описываетъ земную поверхность, на столько же слабо излагаетъ ту часть своего труда, которая имѣетъ въ виду человѣка и его дѣятельность. Это произошло, по видимому, какъ отъ того, что онъ не нашелъ нужнаго матеріала въ сочиненіяхъ Гуте-Вагнера, Клёдена, Давіэля, Э. Реклю и др. (напримѣръ, Гюммеля), которыми онъ пользовался, такъ и отъ того, что онъ недостаточно знакомъ съ исторически-сложившимися обстоятельствами, вліяющими на промышленную дѣятельность человѣка. Въ этой дѣятельности человѣка автору болѣе знакома фабричная промышленность. Для обозначенія этой промышленности у насъ существуетъ знакомый опредѣленный терминъ — „обрабатывающая промышленность“. Авторъ пренебрегъ этимъ терминомъ, который замѣнилъ терминомъ „фабричная промышленность“, разумѣя подъ нимъ и мануфактурную промышленность, и заводскую, и тѣсно связываетъ ее съ каменнымъ углемъ.

„Фабричная промышленность на южныхъ полуостровахъ Европы и не можетъ существовать“, говоритъ г. Штудеръ, — „ибо природа не дала южной Европѣ каменнаго угля“ (стр. 9). — „Безъ каменнаго угля фабричная промышленность въ Италіи не могла, конечно, развиться. Но многія отрасли производства стоятъ высоко — ручное приготовленіе шелковыхъ тканей и бархата“ и пр. (стр. 30). Авторъ, видимо, отличаетъ здѣсь мануфактурную промышленность отъ фабричной промышленности. — „Богатые каменноугольныя залежи въ Каталоніи повели къ такому развитію фабричной промышленности, какого мы не видимъ нигдѣ въ южной Европѣ“ (стр. 52). — „Хотя Франція далеко не богата каменнымъ углемъ, но во всей Европѣ число фабрикъ больше только въ Англии“. Какъ же небогатая каменнымъ углемъ Франція устраиваетъ это дѣло? — „С. Этіеннъ обязанъ своимъ значеніемъ каменноугольнымъ копямъ въ окрестностяхъ: эти копи сдѣлали изъ города одну сплошную фабрику, не знающую себѣ равной по производству шелковыхъ лентъ“ (стр. 82). Шелковыя ткани, ленты не производятся ли способомъ мануфактурнымъ, напримѣръ, около Ліона? — „Въ бассейнѣ Шельды плодородная иловатая почва (!) и пласты каменнаго угля (!!) вызвали такое плотное населеніе (!) и такую громадную фабричную промышленность (!!), что въ этомъ (?) отношеніи Фландрія — первая область Франціи“ (стр. 88).

Авторъ выражается не совершенно ясно; что значить: въ этомъ? — „Въ Германіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, около каменноугольныхъ залежей, фабричная промышленность достигла громаднаго развитія, но большая часть страны носитъ еще чисто земледѣльческій характеръ“ (стр. 99—100). Выше замѣчено, что Германія плотно населена, что это плотное населеніе отчасти способствуетъ сильной эмиграціи Нѣмцевъ въ другія страны; здѣсь же указывается, что большая часть страны носитъ еще чисто земледѣльческій характеръ, то-есть, 1) какъ будто бы Германія не такъ плотно населена, какъ сказано авторомъ, 2) какъ будто бы Германія не есть еще такая благодатная страна, какая желательна автору, видящему въ развитіи фабричной промышленности высшій идеалъ человѣческой дѣятельности.— „Въ Эльзасѣ, куда легко подвозить изъ Марсели хлопчатникъ, а изъ Рейнскихъ шиферныхъ горъ каменный уголь, еще подъ властію Франціи развилось обширное производство хлопчато-бумажныхъ тканей“ (стр. 105). Здѣсь авторъ только разъ обмолвился, что подъ фабричною промышленностію онъ разумѣетъ и производство хлопчато-бумажныхъ тканей.— „Рурскій каменноугольный бассейнъ превратился въ огромный фабричный округъ, который напоминаетъ подобныя округи не только французской Фландріи или Бельгіи, но даже Англии“ (стр. 108). Что же именно производятъ здѣшнія фабрики?— „Вдоль подошвы Рудныхъ горъ въ Германіи простирается богатый каменноугольный пластъ“ (стр. 116); „предгорія Германскихъ склоновъ Судетъ богаты залежами каменнаго угля“ (стр. 118). Изъ этихъ фактовъ авторъ не дѣлаетъ однако заключенія о развитіи фабричной промышленности.— „Чехія, Моравія и Австрійская Силезія—первыя по фабричной промышленности, чему не мало содѣйствовали богатые залежи каменнаго угля въ с.-з. Чехіи. Пльзень въ области каменноугольныхъ копей; много фабрикъ и заводовъ“ (стр. 136). Ясно, что авторъ отличаетъ здѣсь, какъ и при описаніи С. Этіенна, заводы отъ фабрикъ, чего въ другихъ мѣстахъ не дѣлаетъ.— „Горы въ Великобританіи и Ирландіи (!) богаты именно тѣми минералами, которые всего важнѣе для промышленности: каменнымъ углемъ, желѣзомъ и мѣдью. Не безъ основанія Англичане называютъ свои каменноугольные копи „Черною Индіей“; безъ нихъ Англія не могла бы стать всемирною фабрикой, какою является теперь“ (стр. 151—152; слич. выше стр. 99 — 100). Значить, Англія—страна благодатная, ибо она—всемирная фабрика; Германія—страна не совсѣмъ благодатная, ибо большая часть ея носитъ еще земледѣльческій характеръ.— „Известковья

предгорья Пикъ—богатѣйшая залежами каменнаго угля часть Англіи, отчего область Пеннинскихъ горъ превратилась какъ бы въ одну сплошную фабрику... Въ Корнваллисѣ нѣтъ только каменнаго угля, почему не могла развиться фабричная промышленность" (стр. 154). Авторъ забылъ свое замѣчаніе относительно Эльзаса, куда каменный уголь привозится изъ Рейнскихъ шиферныхъ горъ, а хлопокъ изъ Марселя. Неужели въ Корнваллисѣ привести каменный уголь изъ Валлиса труднѣе? — „По линіи отъ Бристольскаго канала (?) къ Гумберу, въ области каменноугольныхъ копей, фабричная дѣятельность занимаетъ большее число рукъ, чѣмъ земледѣіе; городъ почти убилъ деревню... Юго-восточной Англіи природа не дала каменнаго угля, хотя фабрики ни мало не отсутствуютъ, и даже во Франціи эта такъ-называемая „земледѣльческая“ Англія выдѣлялась бы своею фабричною промышленностію" (стр. 156). Здѣсь авторъ позабылъ свое замѣчаніе о Корнваллисѣ. — „Ньюкастль—первый городъ Англіи и Европы по торговлѣ каменнымъ углемъ" (стр. 159). Каменный уголь подъ бокомъ, но есть ли тутъ обширная фабричная промышленность?— „Благодаря близости каменноугольныхъ копей и желѣзныхъ рудниковъ, фабричная промышленность приняла такіе размѣры, что въ этомъ отношеніи Глазго не знаетъ себѣ равнаго даже въ собственной Англіи" (стр. 160). Какой видъ фабричной промышленности тутъ развить?— „Въ Ирландіи (слич. стр. 151) фабричная промышленность и не могла развиться: каменнаго угля почти нѣтъ" (стр. 164).— „Фабрики производятъ столько, что Швеція мало покупаетъ за границей мануфактурныхъ (!!) товаровъ и даже сама отправляетъ за границу нѣкоторыя произведенія фабричной промышленности: металлическія издѣлія и спички" (стр. 177). О каменномъ углѣ не было сказано; затѣмъ мануфактурное производство какъ бы отличается отъ фабричнаго; наконецъ, заводская промышленность (металлическія издѣлія) есть также фабричная.

Изъ этихъ примѣровъ видимъ, что г. Штудеръ въ отдѣлѣ фабричной промышленности остается описателемъ, что у него нѣтъ даже намека на то, что, напримѣръ, фабрикація хлопчатобумажныхъ тканей утвердилась именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде уже существовало производство полотенецъ. Производство полотенецъ прямо привело бы автора къ добывающей промышленности данной области и уяснило бы связь между промыслами добывающею и обрабатывающею; тогда связь человѣческой дѣятельности съ условіями историческими и климатическими стала бы очевидна. Мы указываемъ на этотъ не-

достатокъ автора потому особенно, что его „Курсъ“ предназначенъ для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ учащіеся съ интересомъ и пониманіемъ отнеслись бы къ напоминанію исторически-сложившихся обстоятельствъ народной дѣятельности.

„Курсъ географіи Европы“ г. Штуцера, предназначенный для учащихся въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, не смотря на слабое изложеніе добывающей и обрабатывающей промышленности въ разныхъ государствахъ, выдѣляется изъ ряда другихъ географическихъ учебниковъ подробнымъ и тщательнымъ описаніемъ естественныхъ областей земной поверхности западно-европейскихъ государствъ и тщательною обработкою литературнаго изложенія, почему мы полагаемъ, что автора его, г. Штуцера, слѣдовало бы поощрить къ дальнѣйшему усовершенствованію своего труда второю преміей имени императора Петра Великаго, этого державнаго труженника.

VI.

Отвѣтственная исторія въ картинахъ для школы и дома. Составилъ и издалъ С. Рождественскій примѣнительно къ своимъ учебникамъ. С.-Пб. 1881.

Важность наглядныхъ пособій при элементарномъ преподаваніи всякаго учебнаго предмета, а слѣдовательно, и исторіи, уже давно признана въ западно-европейской педагогической литературѣ, а съ шестидесятихъ годовъ и въ нашей педагогикѣ. По отношенію къ преподаванію исторіи это выразилось въ изданіи цѣлаго ряда учебныхъ пособій на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, въ которыхъ текстъ иллюстрированъ рисунками, изображающими планы древнихъ городовъ, памятники, старинные храмы, дворцы, различные предметы одежды и оружія. Не только учебныя пособия, но и многія руководства, распространенныя въ нѣмецкихъ и французскихъ школахъ, представляютъ такіе рисунки. Таковы въ нѣмецкой учебной литературѣ руководства Гндели, употребляющіяся преимущественно въ австрійскихъ школахъ, а на французскомъ языкѣ—общезвѣстныя руководства Дюрюи. Такія роскошныя иллюстрированныя изданія, какъ „Histoire des croisades“ Мишо или „Histoire de France, racontée pour mes petits enfans“ Гизо, хотя и очень дороги по цѣнѣ, также служатъ подспорьемъ для школьнаго препода-

даванія во Франціи, какъ прекрасныя книги для чтенія. Къ такимъ же полезнымъ и роскошнымъ изданіямъ принадлежатъ въ нѣмецкой исторической литературѣ „Deutsche Geschichte“ Штаке, „Hellas und Rom“ Фальке и, наконецъ, обширное изданіе профессора Опкена, заключающее въ себѣ множество отличныхъ гравюръ и портретовъ выдающихся историческихъ дѣятелей, изданіе, отдѣльные томы котораго переведены и на русскій языкъ. Наконецъ, въ послѣднее время стали появляться въ Германіи и во Франціи картинные атласы, рассчитанные по своимъ размѣрамъ на то, чтобы служить пособіемъ не только для отдѣльныхъ учениковъ, но и какъ классныя пособія въ народныхъ школахъ и въ низшихъ классахъ сродныхъ учебныхъ заведеній. Таковы атласъ, изданный въ Вѣнѣ Беккеромъ, изображающій всѣ главныя моменты изъ исторіи Германіи и Австріи подъ заглавіемъ: „Bilder aus der Geschichte für Schule und Haus nach Angaben von Becker in Farbendruck ausgeführt und herausgegeben vom artistischen Institute von Hartinger und Sohn“, прекрасное хромофотографированное изданіе, художественно выполненное, а также дрезденское изданіе картинъ изъ нѣмецкой исторіи Майнгольда, подъ заглавіемъ „Bilder zur deutschen Geschichte. Ein Hilfsmittel zur Unterstützung und Belebung des geschichtlichen Unterrichts“. Изъ французскихъ изданій въ этомъ родѣ извѣстно изданіе Гашетта, гораздо болѣе дешевое, чѣмъ названныя только что нѣмецкія изданія, но и гораздо хуже выполненное, озаглавленное „Enseignement par les yeux, nouvelles images à l'usage des salles d'asile et des écoles élémentaires“. Содержаніе картинъ, какъ изданія Майнгольда, такъ и Гашетта, очень односторонне: сюжеты картинъ почти всѣ заимствованы не изъ бытовой жизни, а изъ области политическихъ событій, и притомъ преимущественно военныхъ, такъ что, напримѣръ, въ изданіи Гашетта изъ 20 картинъ 14 изображаютъ различныя болѣе или менѣе выдающіеся военныя подвиги французскихъ королей и полководцевъ.

Въ нашей педагогической литературѣ первый опытъ изображенія исторіи Россіи въ картинахъ сдѣланъ былъ въ 60-хъ годахъ покойнымъ педагогомъ В. Золотовымъ. Содержаніе составленныхъ Золотовымъ картинъ обнимаетъ исторію Россіи отъ призванія Варяговъ и до второй половины царствованія императора Александра II. Всѣхъ картинъ 107, изданныхъ въ 10 выпускахъ. Каждая картина сопровождается довольно подробнымъ текстомъ, изъ содержанія котораго заимствованъ сюжетъ картины. Текстъ этихъ картинъ болѣею ча-

стію мало удовлетворителенъ, а при многихъ картинахъ и совершенно неудовлетворителенъ, да и самыя картины, какъ по исполненію, такъ и въ археологическомъ отношеніи, не соотвѣтствуютъ своему назначенію; ясности изображенія много вредитъ и слишкомъ большое число фигуръ на картинахъ при маломъ ихъ размѣрѣ; по выборѣ сюжетовъ очень разнообразный.

Въ 1866 году появилась безъ имени издателя „Исторія Русскаго народа въ картинахъ“, изъ которыхъ первая изображаетъ принятіе христіанства Владиміромъ Святѣмъ, а послѣдняя — празднованіе Петромъ Великимъ Ништадтскаго мира. Каждая картина сопровождается текстомъ. Но какъ текстъ, такъ и картины, совершенно неудовлетворительны.

Нѣсколько лучшимъ, но въ сущности также неудовлетворительнымъ, слѣдуетъ признать атласъ историческихъ картинъ, изданный въ Москвѣ въ 1873 г. въ приложеніи къ книгѣ „Русское царство отъ Рюрика до Петра Великаго“ и состоящей изъ 29 картинъ. Наконецъ, въ 1875 г. впервые появились картины изъ русской исторіи, выполненныя и въ археологическомъ, и въ художественномъ отношеніи съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большою тщательностью. Мы говоримъ о четырехъ стѣнныхъ хромофотографированныхъ картинахъ изъ русской исторіи, изданныхъ г. Сизовымъ, именно „Крещеніе Кіевлянъ“, „Сожженіе Татарами Владиміра на Клязьмѣ“, „Дмитрій Донской у преподобнаго Сергія предъ походомъ на Татаръ и Торжественный въѣздъ князя Пожарскаго въ Москву въ 1612 г.“. Только уже пять лѣтъ спустя явилась пятая картина г. Сизова, изображающая „Переяславскую раду или присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству“. Изъ этихъ пяти картинъ двѣ, изображающія „Дмитрія Донскаго у преподобнаго Сергія“ и „Переяславскую раду“, особенно удачно выполнены. Картины эти отличаются и искусною группировкою лицъ на картинахъ, и вѣрностью воспроизведенія бытовыхъ чертъ — одежды, оружія, утвари. Къ каждой картинѣ приложены, въ формѣ отдѣльныхъ брошюръ, объясненія, какъ сюжета самой картины, такъ и бытовыхъ предметовъ, на ней изображенныхъ. Но къ сожалѣнію, за восемь лѣтъ появилось лишь пять картинъ г. Сизова, не представляющихъ ничего цѣлаго, законченнаго.

Также неполнымъ, не законченнымъ является и альбомъ рисунковъ изъ отечественной исторіи покойнаго Прохорова, изданный въ 1882 г. и представляющей 15 рисунковъ изъ древне-русской жизни до избранія Михаила Федоровича включительно. Въ отношеніи архео-

логическомъ збриси Прохорова, отличаются несомнѣнно многими достоинствами, но оставляютъ многого желать въ отношеніи техническомъ и художественномъ. Да и по самымъ размѣрамъ альбомъ Прохорова не можетъ служить подходящимъ класснымъ пособіемъ при преподаваніи отечественной исторіи.

Тѣмъ менѣе можно это сказать объ изданіи редакціи журнала Досугъ и дѣло, появившемся въ теченіе 1880, 1881 и 1882 гг. въ шести выпускахъ подъ заглавіемъ: „Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго“ г. Павловича, которыя и въ художественномъ, а тѣмъ болѣе въ археологическомъ отношеніи, выполнены весьма аляповато и притомъ изображаютъ лишь событія до-петровской эпохи.

Единственную законченную, хотя и далеко не полную коллекцію картинъ изъ отечественной исторіи, приспособленную къ требованіямъ не только домашняго, но и класснаго преподаванія, обнимающую главнѣйшіе моменты изъ всей русской исторіи, отъ начала Русскаго государства и до нашего времени, представляетъ „Отечественная исторія въ картинахъ“ г. Рождественскаго.

Въ картинахъ г. Рождественскаго очень наглядно изображены различныя эпизоды отечественной исторіи отъ основанія Русскаго государства до начала настоящаго царствованія. Всѣхъ картинъ 30. Къ этимъ картинамъ, изданнымъ еще въ 1880 г., прибавлена авторомъ еще одна, только на дняхъ отпечатанная, изображающая коронаваніе нынѣ царствующаго императора Александра III. Изъ этихъ 31 картинъ около половины относятся къ послѣднимъ двумъ столѣтіямъ; и на одно XIX столѣтіе приходится одинадцать картинъ, тогда какъ на IX, X, XI, XII, XIII и XIV вв. — только по одной картинѣ, а всего на весь до-петровский періодъ только 14 картинъ. Картинамъ составитель предпослалъ коротенькое объясненіе ихъ, и кромѣ того, подъ каждою изъ картинъ помѣщенъ текстъ, мало впрочемъ объясняющій ихъ содержаніе¹⁾. На первомъ планѣ каждой изъ картинъ выдвинуты главныя историческія дѣятели данной эпохи, и по всему видно, что составитель заботился болѣе всего о томъ, чтобъ ученики, знакомящіеся съ отечественною исторіей по его картинамъ,

¹⁾ По нашему мнѣнію, составитель поступилъ бы гораздо лучше, еслибы помѣстилъ подъ каждою картиною объясненіе ея, которое онъ предпосылаетъ на отдѣльномъ листѣ, а то ученики безъ чужой помощи не могутъ понять, кто и что изображено на картинахъ.

могли прежде всего видѣть на нихъ изображеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ русской исторіи въ различныя эпохи ея. Но въ картинахъ обращено также большое вниманіе на изображеніе одежды и вооруженія данной эпохи: такъ, костюмы до-петровскаго времени рисованы подъ наблюденіемъ покойнаго В. А. Прохорова, а военныя костюмы съ Петра пересмотрѣны начальникомъ интендантскаго музея барономъ В. В. Штейнгелемъ. На нѣкоторыхъ картинахъ воспроизведены и древніе рисунки, оставшіеся въ разныхъ письменныхъ памятникахъ. Акварельные рисунки г. Кившенко производятъ художественное впечатлѣніе; но они были бы еще лучше, еслибы хромолитографическое исполненіе ихъ стояло на высотѣ рисунковъ художника. Нѣкоторыя изъ картинъ, какъ напримѣръ, № 4 (Владиміръ Мономахъ и Долобскій съѣздъ) и № 22 (Наполеонъ, оставляя Москву, выѣзжаетъ изъ Кремля), а также нѣкоторыя другія, воспроизведены особенно тщательно; но есть и такія, какъ напримѣръ, № 30 (Освященіе народной школы въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны), которыя воспроизведены далеко неудачно.

Размѣры картинъ (9 вершковъ въ высоту и 10 въ длину) таковы, что онѣ могутъ съ большою пользою быть употребляемы въ качествѣ пособія для класснаго преподаванія, какъ въ низшихъ классахъ гимназій, такъ и въ народныхъ школахъ.

Что касается до содержанія картинъ, то въ этомъ отношеніи остается желать значительнаго числа дополнительныхъ изображеній, такъ какъ существующій составъ ихъ, по содержанію своему, является уже слишкомъ эпизодичнымъ, а подчасъ и случайнымъ. Конечно, нельзя требовать отъ картиннаго атласа по исторіи того или другаго народа, чтобы картины эти, по изображаемымъ въ нихъ явленіямъ, исчерпывали послѣдовательно всѣ болѣе важные моменты исторической жизни даннаго народа, тѣмъ болѣе, что такія картины назначаются какъ пособіе преимущественно при преподаваніи эпизодическаго курса; но все-таки можно требовать отъ составителя возможно болѣе строгаго и обдуманнаго выбора сюжетовъ, а также и того, чтобы содержаніе картинъ не отличалось слишкомъ одностороннимъ, а тѣмъ менѣе случайнымъ характеромъ. Картины же г. Рождественскаго именно отличаются такимъ характеромъ. Главныя моменты нерѣдко совершенно опущены составителемъ, а второстепенныя выдвинуты на первый планъ. Кромѣ того, содержаніе картинъ занимаетъ почти исключительно изъ области политическихъ событій: картинъ изъ бытовой жизни почти вовсе нѣтъ, а между тѣмъ явленія

часть ссхххiv, отд. 1.

бытовой жизни и нуждаются главнымъ образомъ въ рельефномъ наглядномъ изображеніи; событія же, поддающіяся живому повѣствованію, пріобрѣтаютъ нерѣдко наглядность, благодаря живости и картинности разказа преподавателя. Такъ, напримѣръ, между картинами г. Рождественскаго нѣтъ такихъ, которыя изображали бы поклоненіе Перуну, пиры Владиміра, пріемъ иноземныхъ пословъ Московскими государями, ассамблею времени Петра Великаго и т. п. Составитель, какъ бы самъ сознавая этотъ недостатокъ бытового элемента, старался восполнить его на нѣкоторыхъ картинахъ, но не всегда удачно, такъ что пробѣлъ все-таки остается пробѣломъ. Такъ, на первой же картинѣ, изображающей призваніе Варяговъ, въ правомъ верхнемъ углу картины изображенъ на горѣ многовѣтвистый дубъ, подъ которымъ стоитъ идолъ и жертвенникъ, гдѣ Славяне язычники совершали жертвоприношенія. Но, не говоря уже о томъ, что въ Новгородской области, на сколько извѣстно, дубы не росли, и ничего не извѣстно о поставленіи идоловъ подъ дубами, во всякомъ случаѣ эта часть картины не даетъ дѣтямъ никакого рельефнаго представленія о поклоненіи Перуну и о языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ вообще. Односторонность и неполнота содержанія картинъ г. Рождественскаго выступить еще болѣе, если мы прослѣдимъ изображенныя на нихъ историческіе моменты и укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые, по нашему мнѣнію, никакъ не слѣдовало обходить составителю ихъ.

Въ первыхъ четырехъ картинахъ, изображающихъ событія изъ русской исторіи въ періодъ отъ IX до XII столѣтія включительно, мы вовсе не видимъ и намека на дѣятельность вѣча, тогда какъ періодъ этотъ характеризуется постояннымъ, болѣе или менѣе дѣятельнымъ участіемъ вѣча въ политическихъ судьбахъ Руси.

Въ числѣ картинъ, изображающихъ явленія XIII и XIV вв., весьма чувствителенъ недостатокъ картины, изображающей начало и первый періодъ монгольскаго ига: нѣтъ ни картины, изображающей взятіе Татарами Владиміра на Клязьмѣ или Кіева, ни картины, на которой воспроизведена была бы мученическая смерть Михаила Черниговскаго въ ордѣ.

Больше имѣется такихъ картинъ, на которыхъ воспроизведены различные моменты изъ періода возвышенія Москвы. Сюда относятся №№ 6, 7, 8, 9 и 10. Но и въ этомъ отдѣлѣ пропущены очень важныя моменты. Особенно ощутителенъ недостатокъ въ такихъ картинахъ, которыя выдвигали бы сильное вліяніе лучшихъ представителей духовенства. При изображеніи эпохи Іоанна Грознаго важно

было бы дать картины, въ которыхъ Сильвестръ выступаетъ передъ Іоанномъ Грознымъ какъ наставитель на цуть истины, или же картину, на которой изображенъ былъ бы св. Филиппъ, обращающійся къ Грозному съ своею смѣлою, правдивою, укоризненною рѣчью. Недостаетъ также картины, изображающей принятіе царскаго титула Іоанномъ Грознымъ.

Изъ эпохи смутнаго времени имѣется только одна картина подъ № 11: „Воззваніе Козьмы Минина къ Нижегородцамъ“. Между тѣмъ это время представляетъ нѣсколько чрезвычайно драматическихъ моментовъ, какъ, напримѣръ, патріархъ Гермогенъ въ темницѣ.

Исторія Западной Россіи и Малороссіи почти совсѣмъ обойдена. Изъ этого пажпаго отдѣла русской исторіи имѣется только одна картина подъ № 14: „Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи“, воспроизводящая притомъ этотъ моментъ крайне неудачно.

Для царствованія Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича даны всего только три картины подъ №№ 12, 13 и 14: „Избраніе Михаила Феодоровича на престолъ“, „Патріархъ Никонъ предлагаетъ новыя богослужебныя книги“ и „Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи“. Недостаетъ изъ этого періода такихъ картинъ, на которыхъ воспроизведены были бы утвержденіе соборнаго уложенія Алексѣя Михайловича или сожженіе разрядныхъ книгъ Феодоромъ Алексѣевичемъ. Нашелъ же г. Рождественскій возможнымъ дать картину, изображающую чтеніе народу „Русской Правды“, хотя сюжетъ этотъ вовсе не историческій. По крайпей мѣрѣ лѣтопись не упоминаетъ вовсе о всенародномъ чтеніи и обсужденіи „Русской Правды“, тогда какъ представленіе уложенія на утвержденіе земскаго собора есть несомнѣнный и важный историческій фактъ.

Эпоха Петра изображается тремя картинами: № 15 „Начало русскаго флота“, № 16 „Начало регулярнаго войска“ и № 17 „Полтавскій бой“. Но какъ изображено начало русскаго флота? Петръ катается на ботикѣ по р. Москвѣ, при чемъ Голландецъ Брантъ объясняетъ ему, какъ управлять ботикомъ. Не важнѣ ли было бы изобразить Петра, какъ простаго работника, на Саардамской верфи съ топоромъ въ рукахъ? Начало регулярнаго войска изображено въ видѣ потѣхъ молодого Петра. Эта картина, конечно, не можетъ быть признана лишнею. Но нѣтъ ни одной картины, на которой Петръ изображался бы какъ великій государственный дѣятель и преобразователь помимо организаціи арміи и флота. Отчего бы не дать картинъ,

изображающихъ „Ассамблею при Петрѣ Великомъ“, или „Заложеніе Петербурга Петромъ Великимъ“?

Къ царствованію Екатерины II относятся двѣ картины: № 18 „Екатерина II съ княгиней Дашковой въ кабинетѣ Ломоносова“ и № 19 „Чесменскій бой“. Посѣщеніе Екатериною Второю кабинета Ломоносова не можетъ, конечно, считаться особенно выдающимся событіемъ ея царствованія; остается лишь Чесменскій бой, представляющій несомнѣнно очень эффектную картину, но не имѣющій вовсе такой важности, какъ цѣлый рядъ другихъ, болѣе выдающихся событій этого славнаго царствованія, каковы блестящіе подвиги Румянцева и Суворова, созваніе комиссій уложенія, воссоединеніе западно-русскихъ земель и нѣкоторые другія событія.

Переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ, воспроизведенный на картинѣ № 20, хотя и представляетъ, конечно, также очень эффектную картину, могъ бы быть опущенъ безъ всякаго ущерба для дѣла, тѣмъ болѣе, что этотъ подвигъ Суворова, какъ и всѣ его подвиги въ Италіи, не имѣлъ никакихъ послѣдствій для Россіи. Изобразить Суворова и помимо этого перехода черезъ Чортовъ мостъ представляется не мало случаевъ: и побѣда Суворова при Римникѣ, и взятіе штурмомъ Праги представляютъ, конечно, болѣе важныя событія, чѣмъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ.

Эпоха Отечественной войны и слѣдующіе за нею годы до втораго Парижскаго мира дали составителю матеріалъ лишь для трехъ картинъ: № 21 „Военный совѣтъ въ Филяхъ“, № 22 „Выѣздъ Наполеона изъ Кремля“ и № 23 „Въѣздъ Александра I въ Парижъ“. Этотъ выборъ сюжетовъ нельзя, конечно, считать неудачнымъ, но важно было бы эти картины дополнить еще такими, на которыхъ воспроизведены были бы, напримѣръ, Бородинская битва или переправа Французовъ черезъ Верезину.

Время Николая Павловича представлено на двухъ картинахъ: № 24 „Награжденіе Сперанскаго за составленіе свода законовъ“ и № 25 „Синопское сраженіе“. Первая изъ этихъ картинъ почти ничего не даетъ, кромѣ изображенія лицъ, да пожалуй, еще изображенія внутренности кабинета императора Николая I. Но при этомъ составитель, забывая главнымъ образомъ объ изображеніи портретовъ выдающихся лицъ данной эпохи, сдѣлалъ отступленіе отъ того, какъ въ дѣйствительности совершилось награжденіе Сперанскаго. Извѣстно, что на самомъ дѣлѣ императоръ Николай Павловичъ возложилъ на Сперанскаго ленту св. Андрея Первозваннаго въ награду за состав-

леніе свода законовъ не въ своемъ кабинетѣ, а въ полномъ собраніи государственнаго совѣта, что, конечно, было гораздо эффектнѣе, чѣмъ изображеніе, воспроизведенное на разсматриваемой картинѣ г. Рождественскаго. Но дѣло не въ эффектности той или другой картины, а въ томъ, что выносить ученики изъ созерцанія того или другаго изображенія.

Изъ исторіи осады Севастополя, хотя и бѣдственной для нашего отечества, но запечатлѣнной цѣлымъ рядомъ подвиговъ русскихъ воиновъ, г. Рождественскій не нашелъ удобнымъ взять ни одного момпта. Изъ всей эпохи Восточной войны взято только „Синопское сраженіе“.

Эпоха славнаго царствованія покойнаго Государя Императора Александра II представляетъ въ картинахъ г. Рождественскаго цѣлый рядъ выдающихся моментовъ. Таковы: картина № 26 „Покореніе Кавказа“, № 27 „Выраженіе признательности царю-освободителю освобожденными крестьянами“, № 28 „Взятіе Карса“, № 29 „Паденіе Плевны“ и № 30 „Освященіе народной школы въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, нынѣ Государя Императора и Государыни Императрицы“.

Существеннымъ возраженіемъ противъ увеличенія числа изображаемыхъ моментовъ, а слѣдовательно, и числа картинъ, могло бы быть то, что и при настоящемъ числѣ ихъ цѣна, назначенная составителемъ (20 рублей, а съ пересылкою 22 руб.), уже на столько велика, что является серьезное основаніе желать, чтобы при слѣдующемъ изданіи картинъ составитель уменьшилъ цѣну на нихъ и далъ бы этимъ возможность приобрѣтать картины не только гимназическимъ бібліотекамъ, но и народнымъ школамъ. Но мы полагаемъ, вопервыхъ, что, даже и не увеличивая и безъ того высокой цѣны на разбираемое изданіе, составитель могъ бы увеличить число картинъ, другими словами, что назначенная имъ высокая цѣна даетъ уже право разчитывать на большее число картинъ; вовторыхъ, мы думаемъ, что можно было безъ ущерба для дѣла уменьшить въ слѣдующемъ изданіи число картинъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ исторіи XVIII и XIX вѣковъ, и увеличить въ замѣнъ ихъ число недостающихъ болѣе важныхъ картинъ изъ до-петровскаго періода, для ознакомленія съ которымъ, особенно въ отношеніи бытовой жизни, представляется гораздо больше надобности въ наглядныхъ пособіяхъ, чѣмъ для ознакомленія съ явленіями и бытомъ болѣе близкаго къ намъ времени. По нашему мнѣнію, вмѣсто картинъ, изображающихъ пере-

ходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ, посѣщеніе кабинета Ломоносова Екатериною II, награжденіе Сперанскаго орденомъ за составленіе свода законовъ, взятіе Карса и т. п., можно было бы дать картины болѣе существеннаго содержанія.

Но если вопросъ относительно выбора сюжетовъ можетъ еще въ какомъ бы то ни было отношеніи казаться спорнымъ, и составитель можетъ найти и нѣкоторое оправданіе сдѣланному имъ выбору, то болѣе или менѣе грубыя и притомъ довольно многочисленныя ошибки въ отношеніи научномъ, погрѣшности противъ исторіи и археологін, встрѣчающіяся преимущественно на картинахъ, изображающихъ допетровское время, конечно, не такъ легко оправдать. Укажемъ здѣсь на тѣ ошибки, которыя пройдутъ, можетъ быть, незамѣченными со стороны неспеціалистовъ по русской исторіи, но которыя желательно было бы во всякомъ случаѣ устранивъ въ слѣдующемъ изданіи „Отечественной исторіи въ картинахъ“.

На первой картинѣ „Начало Руси“ костюмы прибывшихъ Варяговъ ничѣмъ не отличаются отъ древняго русскаго костюма. Въ „объясненіи картинъ“ говорится: „Гостомыслъ предлагаетъ (Рюрику) хлѣбъ-соль и дары, состоящіе изъ червонцевъ и снизки соболей“. На сколько извѣстно, червонцевъ въ древнемъ Новгородѣ не было.

На картинѣ № 2 „Крещеніе Руси“ лица духовныя изображены безъ покрововъ, епископъ—безъ митры. Не понятно, почему только князь и княгиня на коврѣ, а лица духовныя—просто на травѣ.

На картинѣ № 3 „Ярославъ Мудрый“ изображеніе Софійскаго собора заимствовано съ рисунка XVII вѣка. Списокъ „Русской Правды“ въ рукахъ чтеца напоминаетъ столбецъ XVII столѣтія, а не ту характерную рукопись, на которой была написана подлинная „Правда“. Почему у Ярослава въ рукахъ посохъ?

На картинѣ № 4 „Владиміръ Мономахъ. Долобскій стѣздъ“ изображенъ шатеръ, раскинутый на берегу Долобскаго озера, близъ Кіева. По стѣнамъ шатра развѣшано древнее вооруженіе, принадлежности и трофеи охоты, лосиная голова, лукъ, колчаны со стрѣлами и т. п. Совѣщающіеся о необходимости похода противъ Половцевъ князь Святополкъ II и Владиміръ Мономахъ сидятъ на табуретахъ, покрытыхъ дорогою матеріей; подъ ногами у нихъ коверъ. На самомъ дѣлѣ князь сидѣли на коврахъ и мебели съ собою въ походъ не брали. Голова лося и украшенія на стѣнахъ шатра немислимы.

На картинѣ № 5 „Невская битва“ католическій епископъ изображенъ въ митрѣ; но не извѣстно, надѣвали ли западные епископы митру во время битвы. Воинъ, державшій стягъ, едва ли могъ принимать дѣятельное участіе въ битвѣ: его оберегала вся рать, и до него нужно было дорубиться.

На картинѣ № 6 „Димитрій Донской у св. Сергія“ Димитрій изображенъ въ одеждѣ русскаго князя XII вѣка.

На картинѣ № 7 „Марса посадница“ и московскіе бояре, и Новгородцы изображены въ корзнахъ, о которыхъ сохранились упоминанія изъ XII вѣка.

По поводу картины № 9 „Взятіе Казани“ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ древней Руси регалій на подушкахъ не носили.

По поводу картины № 14 „Богданъ Хмельницкій. Подданство Малороссіи“ считаемъ необходимымъ напомнить составителю, что бабъ на казачьихъ радахъ не бывало.

На рисунокѣ 11 „Воззваніе Минина къ Нижегородцамъ“ Волга изображена какъ небольшая рѣка; а сверхъ того, позволительно усумниться въ томъ, чтобы пожертвованія лаптями и сапогами принимались.

На рисункахъ № 16 и 17 Петръ Великій совершенно не узнаваемъ.

На № 20: „Переходъ Суворова Чортовъ мостъ“ прощаль представлена такою, что черезъ нее русскій солдатъ могъ перешагнуть, а по двумъ жерднямъ армію перевести нельзя. Суворовъ походить на факельщика, а солдаты одѣты въ фантастическіе костюмы.

Не смотря на указанные недостатки, изданія г. Рождественскаго, по нашему мнѣнію, не лишено достоинствъ и заслуживаетъ поощренія; составителю могла бы быть присуждена малая премія Петра Великаго.

ОБЪ УЗАХЪ И ТОРКАХЪ.

Въ массѣ всевозможныхъ племенъ, двигавшихся изъ Средней Азии чрезъ южно-русскія степи, послѣдними явились Печенѣги, Торки и Половцы. Шествіе, впрочемъ, завершилось Татарами, нахлынувшими въ XIII вѣкѣ. При своемъ появленіи въ Европѣ эти племена стали играть видную политическую роль. Занявъ пространство отъ р. Урала до Дуная, они приходятъ въ столкновенія съ многими государствами и то своими набѣгами, то какъ посредники въ торговлѣ съ восточными странами, то какъ военная сила, всегда готовая къ услугамъ того, кто больше дастъ, они заставляютъ обратить на себя вниманіе: ихъ имена являются въ лѣтописяхъ Русскихъ, Поляковъ, Венгровъ, Грековъ, Арабовъ; ихъ извѣстность распространяется и въ западной Европѣ. И вотъ писатели разныхъ національностей выдвигаютъ намъ цѣлую массу именъ. Если въ названіяхъ: Печенѣги, Патъсахъта, Pezinegi, Pedenei, Petinei, Pieszyngi, Pincanakitae, Wesenyö и т. д., мы можемъ видѣть лишь варианты одного какого-то первоначальнаго, котораго опредѣлить мы не въ состояніи ¹⁾, то

---

¹⁾ См. наши русскія лѣтописи, хроникъ Титмара въ Мошм. Pol. hist. v. I, стр. 317 и 292; тамъ же письмо Врунона къ императору Генриху, стр. 224; тамъ же хроникъ Мартина Галла, стр. 383; также у Длугоша въ Historia Poloniae, у Стрыйковскаго: Kronika Polska. Г. Европеусъ старался объяснить слово «Печенѣгъ» изъ остаткаго языка: pitšeng — сосновый человѣкъ; см. его исследование объ Угорскомъ народѣ. С.-Ив. 1874 г.—О различныхъ названіяхъ для Печенѣговъ у Венгровъ см. З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т., II, статья г. Кумика: О Торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по венгерскимъ источникамъ. Также: P. Hunfalvy. Die Ungern. Wien und Teschen. 1881. Изъ источниковъ часть ССХХІV, отд. 2.

ничего общаго нельзя найти въ именахъ — „Половцы“, „Кумане“, „Valani“, „Blaven“, „Обѣо“, „Торки“, „Кóμανοι“ и т. д. Созвучными являются: Кумане, Кóμανοι, Commani, какъ варианты одного и того же имени; также—Половцы, Plauci; Blaven, Walven и Valani. По созвучію именъ, понятию, не указываетъ, что подъ всѣми ими разумѣлся одинъ и тотъ же народъ. Сличимъ небольшое число имѣющихся у насъ извѣстій средневѣковыхъ писателей, чтобы рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли подъ всѣми этими именами разумѣть одно племя?

Въ 1201 году между Болгарами и Византіей былъ заключенъ миръ ¹⁾, закончившій долгую борьбу этихъ двухъ народовъ, въ которой на сторонѣ первыхъ, по византійскимъ источникамъ, стояли Скыны или Комане. Въ этомъ году, по разказу Никиты Хониата, Влахи и Комане разорали Фракію, но князь Галицкій Романъ напалъ съ большимъ войскомъ на землю Команъ, разграбилъ и опустошилъ ее безъ труда. Этотъ писатель знаетъ также, что въ этомъ году Романъ и Рюрикъ дрались между собою; при чемъ на сторонѣ второго были Комане. Наша лѣтопись подтверждаетъ это извѣстіе, ставя на мѣсто византійскихъ Команъ своихъ Половцевъ: „Тое же зимы“, говоритъ она, — „ходи Романъ на Половцы и взя вежи Половечьскіе, и приведе полона много и душъ христіанскихъ отпологи много, и бысть радость въ земли Русѣй... Тое же зимы, генваря 2-го, взять бысть Кіевъ Рюрикомъ и Ольговичи, и всею Половечьскою землею“ ²⁾. Тождество Команъ и Половцевъ вполне

первой руки самые важные въ *Scriptores rerum hungaricarum Schwaadtneri. Vindobonae. 1746, v. I*: хроника Анонима и Туроца; затѣмъ въ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Budaë. 1829—1844*; въ немъ, напримѣръ, грамоты короля Стевана св. 1019 г., Бела III — 1190, Бела IV — 1238, венгерскаго епископа іобаніонамъ 1299 и др. См. также Баера: *Geographiæ Russiae vicinarumque regionum... ex Constantino Porphyrogeneta* въ *Commentarii Ac. Scient. Imp. Petropol.*, v. IX, 1734.

¹⁾ Успенскій. Образование втораго Болгарскаго царства. Одесса. 1879, стр. 108.

²⁾ Νικήτα τοῦ Χονιάτου ἱστορία. Воннае. 1835, р. 691 — 692; Воскресен. Лѣт. ч. I, стр. 107 — 108 (П. С. Р. Л. ч. VII). Г. Успенскій предполагаетъ, что походъ произошелъ въ 1200 г. (стр. 200). Въ *Essai de chronographie byzantine, par Edouard de Muralt. S.-Pb. 1871, p. 261—262, v. II*, это событіе помѣщено подъ 1201 г. Воскр. и Лаврент. лѣтописи ставятъ его подъ 1202 г.; Никоновск. лѣт. подъ 1201 г. полагаетъ походъ на Половцевъ, а разграбленіе Кіева отно-

видно отсюда. У западно-европейских писателей и въ актахъ они носятъ названіе *Somalí* или *Comshalí*. Одинъ англійскій путешественникъ XIV в., Мандевиль, бывшій въ Египтѣ у султана Мелека Мандиброна, разказываетъ слѣдующее: „Изъ Команъ нѣкогда явилось въ Египетъ небольшое количество бѣглецовъ, которое, болѣе и болѣе увеличиваясь, приобрѣло такое значеніе, что, кажется, властвуетъ надъ покоренными туземцами. Вѣдь изъ своей среды они выдвинули и того, который теперь султаномъ, Мелекъ-Мандибронъ“ ¹⁾. Если теперь мы обратимся къ источникамъ византійскимъ, то найдемъ тамъ подтвержденіе этому, хотя фактъ и передается съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ разказа Мандевилля. Георгій Пахимерь и Никифоръ Грегора разказываютъ, что султанъ Египетскій заключилъ съ Греческимъ императоромъ торговый договоръ, въ силу котораго египетскіе корабли могли свободно ѣздить къ берегамъ Меотиды, чтобы скупать рабовъ, „ибо султанъ, происходя самъ изъ Команъ, продавшихъ въ рабство“, старался собирать около себя свое племя... ²⁾. У Рубруквиса же мы находимъ, при описаніи южно-русскихъ степей, извѣстіе, что на нихъ обыкновенно жили Кумане

силь къ 1202 г., что вполнѣ вѣрно. Первые двѣ лѣтописи сдѣлали ошибку. Эти событія должны были совершиться въ два различные года. Лѣтопись Воскресенская, поставивъ разграбленіе Кіева подъ 2-мъ января, тотчасъ послѣ сообщенія о походѣ на Половцевъ, этимъ самымъ показываетъ, что послѣдній фактъ совершился въ декабрь или раньше. Такъ какъ, слѣдовательно, походъ произошелъ въ первые десять мѣсяцевъ *мартовскаго* года (мартъ — декабрь), то, по способу г. Куника (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд., т. II, 1854 г. О признаніи 1223 года временемъ битвы на Балкѣ), получаемъ $6710 - 5508 = 1202$ г.—годъ похода. Такъ какъ разграбленіе Кіева совершилось 2-го января, то-есть, въ два послѣдніе мѣсяца *мартовскаго* года, то, по тому же способу, $6710 - 5507 = 1203$ г.—время кіевскаго погрома. Лавр. лѣтопись и отнесла его къ 1203 г. Но извѣстно, что Лавр. и Воскр. лѣтописи идутъ годомъ впередъ (*Поюдинъ*, Изслѣд., замѣч. и лекціи о русск. исторіи. Москва. 1850, т. IV, стр. 126). Слѣдовательно, приходится брать не 6710, а 6709 г. Тогда путемъ такого же вычисленія находимъ: $6709 - 5508 = 1201$ г. — время похода на Половцевъ; $6709 - 5507 = 1202$ г. — годъ взятія Кіева Гюрикомъ. Такимъ образомъ походъ на Половцевъ не можетъ быть отнесенъ ни къ 1200, ни къ 1202 г., а относится къ 1201 г., что вполнѣ согласно съ датой г. Мюралята, по времени разграбленія Кіева у него невѣрно датировано 1201 годомъ.

¹⁾ *Hakluyt's Collection*. London. 1810, v. II, p. 122.

²⁾ Γεωργίου τοῦ Παχυμέρης. Μιχαὴλ ὁ Παλαιολόγος. Βονναε. 1835, I, p. 175, 176, также: Νικηφόρου τοῦ Γρηγόρα ῥωμαϊκῆς ἱστορίας Λόγος. Βονναε. I, 101.

прежде, чѣмъ пришли Татары, а далѣе онъ повторяетъ: „На ней (этой равнинѣ) обыкновенно кочевали Кумане, которые называются Капшатъ“ (*Capshat*=Кипчакъ)¹⁾. Тождество нашихъ Половцевъ и Кипчаковъ видно изъ сличенія извѣстій Ибнъ-эль-Атира и нашей лѣтописи. По словамъ этого арабскаго писателя, Татары проникли чрезъ Дербентъ въ страну Кипчаковъ, отлекли ихъ отъ союза съ Алланами и разбили по одиночкѣ тѣхъ и другихъ; тогда Кипчаки искали спасенія у Русскихъ. То же самое повѣствуетъ и Абульгази²⁾. Вполнѣ согласно съ этими писателями говорить и наша лѣтопись, но на мѣсто Кипчаковъ ставитъ Половцевъ: „Въ лѣто 6732. Приде несмѣнная рать: безбожніи Моавитяне, рекомии Татарове, придоша на землю Половецкую... Прибѣгшимъ же Половцемъ многимъ въ Рускую землю...“³⁾. Какъ Ибнъ-эль-Атиръ и Абульгази разказываютъ потомъ о пораженіи Русскихъ и Кипчаковъ, такъ наши лѣтописи говорятъ о побѣдѣ Татаръ надъ Русскими и Половцами. Такимъ образомъ, приведенныя данныя даютъ право сказать, что подъ именами: Половцы, *Comani*, *Komanos*, *Comani*, Кипчаки, разумѣется у средневѣковыхъ писателей одинъ и тотъ же народъ.

Обращаясь снова къ извѣстіямъ Рубруквиса, мы находимъ у него слѣдующее добавленіе: „Нѣмцами же они (Кумане) называются Валанами, а область ихъ Валаніей“⁴⁾. Происхожденіе этого имени возможно прослѣдить по другимъ даннымъ. Въ польскихъ источникахъ Комане носятъ названіе *Plauci*. Такъ мы находимъ: „*Wislicia sedes Plaucorum sive Comanorum destruitur*“⁵⁾. Въ другой хроникѣ есть слѣдующее сообщеніе: „*Contigit autem non longe post hoc Plaucos, qui almanice Balwen (Blawen) dicuntur innumerabiles convenire*“⁶⁾. Въ письмѣ же братьевъ проповѣдниковъ и митро-

¹⁾ „In illa planicie solebant esse *Comani*, antequam venirent Tartari... In hac (solitudine) solebant pascere *Comani*, qui dicuntur *Capshat*. *Fejer*, Codex diplom. Hungariae eccles. et civil. Budae. 1829—1844, v. IV, pars 2, p. 264—268.

²⁾ *Записки Ах. Н. по I и III отд.* 1854 г. II. Выписки изъ Ибнъ-эль-Атира на стр. 569. *Histoire généalogique des Tartars, d'Abulgasi-Bayadur-Chan. A Leyde. 1726, Traduite par D., p. 309—315.*

³⁾ Ипатьск. лѣт., стр. 495.

⁴⁾ „...a Teutonis vero dicuntur Valani, et provincia Valania“ (*Fejer*, Codex diplom., v. IV, pars 2, p. 268).

⁵⁾ *Rocznik krakowski* въ *Monumenta Poloniae historica*, v. II, p. 832.

⁶⁾ *Kronica ziążat polskich* въ *Monum. P. hist.* v. III, p. 457.

ритовъ, писанномъ въ 1241 г., говорится, что въ числѣ войскъ Татаръ есть и „Кумане, которыхъ мы“, — объясняетъ авторъ письма —, называемъ по нѣмецки *Valwen*“¹⁾. Изъ сличенія этихъ извѣстій вытекаетъ, что и подъ именами: *Plauci*, *Blawen* или *Balwen*, *Valwen* и *Valani*, разумѣются наши Половцы. Послѣдняя форма, по всей вѣроятности, есть олатинизированное *Valwen*, происшедшее изъ *Balwen*. *Plauci*, кажется, измѣненіе русскаго названія „Половцы“. Изъ *Plauci* могла образоваться нѣмецкая форма *Blawen*. У венгерскихъ писателей наши Половцы называются еще *Cupi*, что ясно обнаруживается изъ сопоставленія извѣстій нашей лѣтописи и хроники Туроца о Саянской битвѣ 1097 года. Венгерскій писатель разказываетъ, что Русскіе призвали себѣ на помощь Куновъ противъ короля Коломана; Венгры потерпѣли страшное поражение²⁾. По нашему источнику, Святополкъ Кіевскій пригласилъ Коломана противъ Володаря и Василька, но Половцы, приведенные Давидомъ Игоревичемъ, на голову разбили Венгровъ³⁾.

И такъ, именами Куманъ, Команъ, Киичаковъ, Куновъ, Валановъ, *Valwen* и *Blawen*, Цлавковъ назывался одинъ народъ, наши Половцы.

Остаются, такимъ образомъ, *Ouzoi* греческихъ писателей, Гузы арабскихъ и Торки русскихъ лѣтописей. Новые ли это варианты имени Половцевъ, или подъ ними слѣдуетъ разумѣть отдѣльныя племена, кочовавшія въ южно-русскихъ степяхъ въ то же время, какъ и Половцы, то-есть, въ IX—XIII вв.? Извѣстія средневѣковыхъ писателей на столько ясно отличаютъ *Ouzoi* отъ *Πατζιναχίται*, Гузовъ отъ Баджнаковъ, какъ называли Арабы Печенѣговъ, и Торковъ отъ Печенѣговъ, что никто изъ ученыхъ и не думалъ отождествлять эти народы. Явился только одинъ человѣкъ, произведшій удивительную перетасовку въ указанныхъ нами именахъ: это — Гаммеръ. Такъ *Πατζιναχίται* византійскихъ писателей, по его мнѣнію, суть Киичаки восточныхъ писателей. Узы, Гузы, Огузы, Туркоманы, Куманы, Половцы, Куны, Торки признаются за одинъ народъ. Кангаръ (древнѣйшее названіе Печенѣговъ, по Константину Багрянородному)⁴⁾

¹⁾ „et quamvis dicantur Tartari multi sunt cum eorum exercitu pessimi christiani, et *Cumani*, quos theutonice *Valwen* appellamus“. Codex dipl. Hungariae, v. IV, pars 1, p. 212—213.

²⁾ *Scriptores regum hungaricarum*, v. I, p. 135—136.

³⁾ Ипатьев. лѣт. стр. 177—178.

⁴⁾ *Constantinus P.*, v. III, *Bonnae*, p. 169: οἱ δὲ Πατζιναχίται οἱ πρότερον Κάγγαρ ἐκονομαζόμενοι..... καὶ τῶν Πατζιναχίτων τῶν τρυκαῖα Κάγγαρ ἐκονομαζόμενοι.

считается за отдѣльный народъ и отождествляется съ Канкли, Кангитами¹⁾. Мы не будемъ подробно разбирать эту теорію, такъ какъ намѣрены рассмотреть на основаніи источниковъ первой руки вопросъ объ Узахъ. На основаніи приведенныхъ нами выше данныхъ видно, что Куманы, Половцы, Куны и Кипчаки должны быть признаваемы за одинъ народъ. Знакомый хоть сколько-нибудь съ византійскими извѣстіями не можетъ отдѣлять *Káyyar* отъ *Πατζαχίται*. Такимъ образомъ, у Гаммера является страшная смѣсь правды съ невѣрностями. Еще раньше Клапротъ сдѣлалъ выводъ, что „Кумане и Печенѣги образовали одинъ народъ, съ различіемъ, которое они показали въ Европѣ около 894 г. Это были Кипчаки, которыхъ племенное названіе было *Kankly* или *Kánkly*“²⁾. Еслибы Клапротъ остановился на утвержденіи, что въ Азіи эти племена составляли нѣкогда одинъ народъ, то съ этимъ нельзя было бы не согласиться; но считать Канкли племеннымъ именемъ Кипчаковъ нѣтъ никакой возможности. По Рашидъ-Эддину и Абульгази, какъ мы увидимъ ниже, имена Канкли и Кипчакъ—самостоятельно племенные для двухъ различныхъ народовъ.

Мы отвлечлись отъ нашей главной цѣли. Относительно *Ούζοι*, Узовъ и Торковъ существуетъ нѣсколько мнѣній. Нѣкоторые ученые, какъ Ваеръ³⁾, Тунманъ⁴⁾, Сумъ⁵⁾, Фесслеръ⁶⁾, Хвольсонъ⁷⁾, Гаркави⁸⁾, Соловьевъ⁹⁾, Гунфальди¹⁰⁾, признавали Узовъ за одинъ народъ съ Половцами. Другіе отождествляли Узовъ съ Торками

¹⁾ *Geschichte der Goldenen Horde v. Hammer-Purgstall*. Pesth. 1840, pp. 5, 7, 18, 20, 23, 24.

²⁾ *Memoires relatifs à l'Asie*. 1828, v. III, p. 117.

³⁾ *Commentarii Acad. scientiarum Imp. Petropol.*, v. IX ad annum MDCCXXXVII: *Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter A. Ch. DCCCCXLVIII*. Ex Constantino Porphyrogeneta, p. 385.

⁴⁾ *Acta Societatis Jablonovianae*, v. IV: *De Chunis, Cunis, Hunnis et Cumanis Slavis*, p. 142—143.

⁵⁾ Объ Уцахъ или Половцахъ. Перев. съ датск. протоіерея С. Сабинина въ *Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн.* т. III, № 8.

⁶⁾ *Geschichte von Ungarn*. Leipzig. 1867. Т. I, p. 48.

⁷⁾ Извѣстія о Хазарахъ, Вуртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ,—Ибизъ-Дада. С.-Пб. 1869, стр. 46.

⁸⁾ Сказаніи мусульманскихъ писателей, стр. 144.

⁹⁾ *Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Москва, 1879. Изд. 5-е, т. II, стр. 16.

¹⁰⁾ *Die Ungern oder Magyarer*. Wien und Teschen. 1881, p. 41.

русскихъ лѣтописей. Такъ думали Карамзинъ ¹⁾, Вагилевичъ ²⁾, Погодинъ ³⁾, Иловайскій ⁴⁾, Рамбо ⁵⁾, Брунъ ⁶⁾. Г. Васильевскій не высказывается положительно ⁷⁾. Но если подъ Узами византийскихъ и Гузами арабскихъ писателей слѣдуетъ разумѣть Половцевъ, то въ такомъ случаѣ приходится рѣшать вопросъ: какое же племя слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Торковъ? Полевой считалъ ихъ толпой, оторвавшеюся отъ Половцевъ ⁸⁾. Арцыбашевъ считаетъ Торковъ единоплеменниками Хазаръ и Венгровъ, которыхъ византийскіе историки называютъ Турками ⁹⁾. Полиѣ, но все-таки безъ опредѣленнаго рѣшенія, говоритъ г. Куникъ. Сказавъ, что къ сѣверу отъ Кавказа кочевали различныя орды Турковъ, о которыхъ сохранилось множество восточныхъ и византийскихъ извѣстій, онъ затѣмъ дѣлаетъ слѣдующія соображенія: „Династія настоящихъ Хазаровъ во всякомъ случаѣ была турецкая, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что старинная династія Мадьяровъ, говорящихъ на восточно-финскомъ нарѣчій, происходитъ отъ Азовскихъ Турковъ. Византийцы X столѣтія (и слѣдующій имъ Италіанецъ Ліудпрандъ, хорошо знакомый съ Венграми) прямо называютъ Мадьяровъ Тоѵрκοι, что указываетъ на долготу коренной гласной буквы. Разбросаннымъ остаткомъ этой нѣкогда значительной азовской турецкой орды, по видимому, были также Торки или Торцы, которые подъ этимъ названіемъ, рядомъ съ другими небольшоими соплеменными ордами, часто являютъ въ русскихъ лѣтописяхъ со временъ Владиміра Великаго, и въ походахъ Русскихъ князей нерѣдко составляли ихъ копницу, такъ какъ Славяне и Норманны были плохіе наѣздники“ ¹⁰⁾. Г. Самчевскій не старается рѣшить вопроса о Торкахъ: „Судя по той незначительной роли, какую игралъ этотъ народъ въ то время, когда мы начинаемъ за нимъ слѣдить“, говоритъ онъ,—, можно думать, что это былъ остатокъ

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго. С.-Пб. 1833, т. I, примѣч. 87, 396; т. II, примѣч. 106.

²⁾ *Лантеонъ* 1855 г., т. 21, кн. V, О Гупулахъ, стр. 18.

³⁾ *Исслѣдованія, замѣчанія и ледція*. Москва. 1857, т. V, стр. 136.

⁴⁾ *Исторія Россіи*. Москва. 1876, ч. I, примѣч. 42.

⁵⁾ *Histoire de la Russie*. Paris. 1879, p. 23.

⁶⁾ *Черноморье*. Одесса. 1870, ч. I, стр. 21 и passim.

⁷⁾ *Византия и Печенѣги*. *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г., № 11 и 12.

⁸⁾ *Исторія Русскаго народа*. Москва. 1830, т. I, стр. 48—49.

⁹⁾ *Повѣствованіе о Россіи*. Москва. 1836, ч. I, стр. 48, примѣч. 207.

¹⁰⁾ *Касній, Дорна*. С.-Пб. 1875. Статія г. Куника, стр. 385—386, примѣчаніе.

какого-нибудь народа, пришедшаго изъ Азіи во времена самна отдаленныя, во времена, въ которыя онъ не могъ быть внесенъ ни въ лѣтописи туземныя, ни въ лѣтописи иноземныя, покорившаго, можетъ быть, какой-нибудь народъ * 1).

Источниками для рѣшенія интересующаго насъ вопроса являются извѣстія мусульманъ, византійскія хроники и русская лѣтопись. Разберемъ же сначала извѣстія Византійцевъ.

Самый важный писатель для географіи и этнографіи IX и X вв. бесспорно—Константинъ Багрянородный, по богатству сообщаемыхъ имъ данныхъ, которыя собирать было для него удобнѣе, легче, чѣмъ для кого-либо другаго. Онъ знаетъ Узовъ въ Европѣ между Волгой и Лякомъ, на мѣстахъ, гдѣ, по его словамъ, жили прежде вытѣсненные ими Печенѣги 2). Отчего же для императора осталось неизвѣстнымъ другое имя этого народа — Комане или Кипчаки, если бы, дѣйствительно, это было одно племя? Авторъ, такъ подробно говорящій о Печенѣгахъ, о союзѣ Узовъ съ Хазарами, не могъ не имѣть свѣдѣній о названіяхъ этого племени, еслибъ ихъ было нѣсколько. Но, можетъ быть, эти же самые Узы съ теченіемъ времени измѣнили свое имя, стали называться Куманами, Кипчаками? Отвѣтъ на это мы находимъ при разсмотрѣніи извѣстій другихъ византійскихъ писателей. Въ первый разъ Комане появляются участвующими въ дѣлахъ Балканскаго полуострова въ 1078 г. Въ это время они вмѣстѣ съ Печенѣгами осаждаютъ Адрианополь 3). Никакихъ упоминаній о нихъ раньше этого мы не находимъ у Византійцевъ. Между тѣмъ племя, насъ теперь интересующее, переходитъ Дунай еще въ 1064 г., и все-таки подъ своимъ собственнымъ именемъ Узовъ. Объ этомъ намъ сообщаютъ два писателя — Атталиота и Скилица, оба писавшіе въ XI в. По мнѣнію г. Васильевскаго, второй дѣликомъ списывалъ у перваго. Атталиота же былъ участникомъ въ дѣятельности императора Романа 4) и потому заслу-

1) *Архивъ историко-юридич. свидѣній, относящихся до Россіи, Калачова*, 855 г. кн. II: Торки, Берендан и Черные Клобуки, *Самоевскаго*, стр. 90.

2) *Corpus scriptorum historiae byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus*, v. III, p. 161.

3) *Μιχαὴλ τοῦ Ἀτταλειῶτου Ἱστορία*. Bonnæ 1835, p. 300—301. *Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzæ Curopolitæ*. Bonnæ. 1839, v. II, p. 741. *Essai de chronographie byzantine* p. *Edouard de Mursalt*, v. II, p. 38.

4) *Histoire littéraire des Grecs pendant le moyen âge*. Trad. de l'anglais par *Boulard*. Paris. 1822; *Васильевскій*, *Византия и Печенѣги* — *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г. № 11, стр. 142, примѣч. 2.

живаеѣтъ полнаго нашего довѣрія. Въ своей исторіи онъ постоянно отличаетъ Куманъ отъ Узовъ. О переправѣ послѣднихъ черезъ Дунай мы находимъ у него подробный разказъ: какъ они переправлялись, какъ разбили Болгаръ и Грековъ и разграбили весь Иллирикъ до Фессалоники и даже до Эллады. Но зима сгубила ихъ. Часть ихъ приняла византійское подданство. „Тѣ, которые пришли“, говоритъ Атталиота, — „къ Римскому императору, взявъ государственную землю въ Македоніи, стали на сторону Римлянъ и по сѣю пору остаются союзниками ихъ... и были удостоены сенаторскихъ и сіятельныхъ чиновъ“¹⁾. Это мѣсто особенно важно для нашего вопроса. Выраженіе „по сѣю пору“ показываеѣтъ, что писавшій самъ знаетъ эти поселенія Узовъ, что они существовали въ то время, когда онъ писалъ свое сочиненіе. Кромѣ того, Атталиота могъ лично знать нѣкоторыхъ Узовъ, облеченныхъ сенаторскимъ званіемъ, служившихъ въ византійской арміи. Участникъ походовъ Романа, онъ долженъ былъ быть близко знакомъ съ представителями этого племени. Слѣдовательно, нашъ писатель имѣлъ полную возможность различать Узовъ и другія тюркскія племена—Печенѣговъ, Половцевъ. Скилица одинаково не лишена была возможности наблюдать и Печенѣговъ, и Узовъ, и потому, хотя онъ и не самостоятеленъ въ смыслѣ фактическомъ, но все-таки различіе, дѣлаемое имъ между Узами и Куманами, заслуживаетъ вниманія. Оба приводимые писателя, при появленіи Половцевъ въ 1078 г., прямо говорятъ, что это—Комане²⁾. Отчего же они не назвали новыхъ враговъ Узами? Переходи затѣмъ къ извѣстіямъ Анны Комниной, мы видимъ у нея полное подтвержденіе нашего мнѣнія. Она разказываетъ о событіяхъ царствованія своего отца, когда Кумане-Половцы принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбахъ Византіи. Говоря о борьбѣ императора Алексія съ Куманами и Печенѣгами, она указываетъ, что въ войскахъ ея отца были Узы, отличая такимъ образомъ послѣднихъ отъ Куманъ; разказывая о борьбѣ Пе-

¹⁾ 'Ατταλειότου ιστορία, pp. 83, 85 и 87: "Ὅσοι δὲ προσῆλθον τῶν τῶν Ῥωμαίων βασιλεῖ (καὶ γὰρ προσῆλθον τινες) χώραν λαβόντες δημοσίαν ἀπὸ τῆς Μακεδονικῆς τὰ Ῥωμαίων ἐφρόνησαν καὶ σύμμαχοι τούτων μέχρι τῆς δευτέρας γεγονάσι.... καὶ ἀξιωματῶν συζητητικῶν καὶ λαμπρῶν ἤξισθησαν. Ср. Scylitzae excerpta. Bonnæ. 1879, p. 655—656.

²⁾ Приведемъ цитату изъ исторіи Атталиоты о событіи 1078 г.: Σκόθαί (Печенѣги)... τῇ Ἀδριανουπόλει προσήγγισαν.... παραβουθούτων αὐτοῖς καὶ ἀπὸ τοῦ μαχηματώτατου ἔθνους τῶν Κομάνων πολλῶν... (p. 300—301).

ченѣговъ съ Кумапами, о томъ, что послѣдніе запыли болото Озолмину, Анна даетъ намъ знать, что это имя произошло отъ народа Узовъ, пѣкогда здѣсь остановившагося лагеремъ ¹⁾). Намъ не важень филологическій домыселъ писательницы, а фактъ признанія ею Узовъ за отдѣльный народъ. Цѣнность извѣстій Анны увеличивается еще тѣмъ, что она несомнѣнно пользовалась разказами своего отца, что видно изъ мелкихъ подробностей въ описаніяхъ битвъ и дѣйствій императора. А никто уже не можетъ отрицать, что Алексѣй сознательно отличалъ Узовъ отъ Команъ: первые были въ его войскѣ, а со вторыми онъ велъ борьбу и принималъ ихъ посылства.

Приведемъ здѣсь одно западное извѣстіе изъ временъ Крестовыхъ походовъ, которое подкрѣпляетъ сказанное выше. Именно по Раймунду Агильскому, въ войскѣ императора Алексѣя были Гузы, Фанаки (Печенѣги) и Комане; ихъ всѣхъ крестоносцы застали въ 1096 г. въ Драчѣ ²⁾). Ясно, что это писано по разказамъ очевидцевъ, а потому заслуживаетъ быть принятымъ въ число доказательствъ.

Сличимъ теперь показанія приведенныхъ писателей съ извѣстными нашей лѣтописи. Мы приводили уже раньше извѣстія Константина Багрянороднаго о томъ, что Узы въ IX в. жили еще за Яикомъ въ Азіи, а затѣмъ, потѣснивъ Печенѣговъ, заняли область между Яикомъ и Волгой ³⁾). Писатель X вѣка Массуди находитъ ихъ уже на правой сторонѣ рѣки Дона, который отдѣляетъ отъ нихъ Хазарію ⁴⁾). Географическія свѣдѣнія Русскихъ о мѣстностяхъ въ области Волги и Дона въ X в. были довольно значительны, благодаря походамъ на востокъ Святослава ⁵⁾). Въ раздачѣ удѣловъ Владиміромъ Святымъ упоминается уже Тмуторокань ⁶⁾, на восточномъ берегу Керченскаго пролива. Какой-же народъ знаетъ наша лѣтопись въ степяхъ около Дона въ X столѣтіи? Печенѣговъ и Торковъ. Услугами послѣднихъ воспользовался въ 985 г. Владиміръ Святой, когда шелъ на Волжскихъ Болгаръ: „Иде

¹⁾ *Stritter*, *Memoriae populorum*, v. III, pp. 862—869, 870—871, 946.

²⁾ *Рунъ*, Черноморье, ч. I, стр. 21.

³⁾ *Constantinus Porphyrogenitus*, v. III, p. 164.

⁴⁾ *D'Ohsson*, *Les peuples du Caucase*, p. 117; *Frähn*, *Ibn-Fozzlan's und anderer Araber Berichte*, p. 60.

⁵⁾ *Григорьевъ*, О древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ, въ сборникъ: *Росія и Азія*. С.-Пб. 1876.

⁶⁾ *Ипатск. лѣт.*, стр. 83.

Володиміръ на Болгары съ Добрынею уемъ своимъ въ лодяхъ, а Торкы берегомъ приведе на конѣхъ¹⁾. Что это племя Торковъ, дѣйствительно, жило у Дона, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что его остатки въ первой четверти XII в. ведутъ на берегахъ этой рѣки отчаянную борьбу съ Половцами²⁾. Затѣмъ, Константипъ Багрянородный въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ весьма важное сообщеніе: „Должно знать“, говоритъ онъ, — „что въ то время, когда Печенѣги были выгнаны изъ своей земли, нѣкоторые изъ нихъ по своей волѣ и по взаимному соглашенію остались тамъ и стали жить съ такъ-называемыми Узами и до сихъ поръ находятся между ними“³⁾. Эта небольшая горсть оставшихся Печенѣговъ могла быть отличена отъ Узовъ только благодаря сохраненію своей національной одежды, какъ говоритъ нашъ императоръ-писатель⁴⁾. Прочитайте теперь всѣ наши лѣтописи, и вы убѣдитесь, что Печенѣговъ среди Половцевъ не было. Последніе въ нашей лѣтописи вездѣ являютъ одни. Но вмѣсто того мы находимъ въ нашихъ русскихъ источникахъ другіе важныя факты. Первое нападеніе на Русь, по нашей лѣтописи, было въ 915 г.⁵⁾, а послѣдняя битва съ ними у Золотыхъ воротъ произошла въ 1034 г. Они были разбиты на голову: „такъ погибоша, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дня“⁶⁾. Печенѣги не погибли окончательно, и послѣ этого пораженія на Руси мы видимъ ихъ сильный напоръ на Византію въ 1035 г.⁷⁾ Русская же земля избавилась отъ Печенѣжскаго народа. Съ этого времени съ ними начинается имѣть дѣло только Балканскій полуостровъ. Въ теченіе 82 лѣтъ (1034—1116) глѣтъ о нихъ упоминаній въ русской лѣтописи. Но вотъ послѣ такого длиннаго періода они неожиданно являютъ снова на Дону въ 1116 году: „В се же лѣто“, говоритъ лѣтописецъ, — „бишася Половци с Торкы и с Печенѣги у Дона, и сѣкошася два дни и двѣ ноци, и придоша в Русь къ Володимеру Торци и Печенѣви“⁸⁾. Неужели они снова перекочевали

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 56.

²⁾ Ibidem, стр. 204.

³⁾ Ἰστορίων διὰ κατὰ τὸν καιρὸν ὃν οἱ Πατρινακίται ἀπὸ τῆς ἰδίας χώρας ἐξεδιώχθησαν, θελήσαι τινές ἐξ αὐτῶν καὶ οἰκεία γνώμη ἀναπέμψαναι ἕκαστε καὶ τοῖς λεγομένοις Οὐζοῖσι συνήκησαν, καὶ μέχρι τοῦ νῦν εἶσιν ἐν αὐτοῖς... (р. 166).

⁴⁾ Ibidem, sequent.

⁵⁾ Ипатск. лѣт. стр. 26.

⁶⁾ Ibidem, стр. 106.

⁷⁾ Γεωργίου τοῦ Καδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Βоннае, 1839, т. II, р. 512; *Strittet*, *Memoriae populorum*, т. III, р. 814.

⁸⁾ Ипатск. лѣт., стр. 204; Исслѣд., замѣч. и лекціи *Полюдина*, т. V, стр. 182.

навадь изъ придунайской области? Это для нихъ было не возможно, ибо за ними стояли другіе кочевники. Очевидно, это были тѣ самыя Печенѣги, которые, по словамъ Константина, остались среди Узовъ. Такимъ образомъ, тожество нашихъ Торковъ и Узовъ вполне обнаруживается. И въ дальнѣйшихъ событіяхъ Печенѣги являютя неразрывно съ Торками: „Прогна Володимеръ (въ 1121 г.) Берендичи изъ Руси, а Торци и Печенѣзи сами бѣжаша“¹⁾. Печенѣги и Торки вмѣстѣ поселились и по рѣкѣ Роси, образовавъ военныя поселенія. Если этотъ небольшой остатокъ Печенѣговъ сроднился съ Торками, то это нисколько не мѣшало послѣднимъ вести борьбу съ цѣлымъ народомъ Печенѣжскимъ, занявшимъ послѣ 1034 г. юго-западную часть степей. Византіицы сообщаютъ намъ о постоянныхъ стычкахъ Печенѣговъ съ Узами²⁾. Но послѣдніе не Половцы, которые въ южно-русскихъ степяхъ появились въ первый разъ лишь въ 1055 году, а первое нападеніе ихъ на Русь произошло въ 1061 (или 1063) г.³⁾ Занятіе Половцами юго-западныхъ окраинъ степей, какъ видно изъ византіискихъ источниковъ, относится къ послѣдней четверти XI столѣтія⁴⁾. Между тѣмъ эта борьба Печенѣговъ съ Узами происходила еще раньше 1050 г.⁵⁾ Въ это же время, по нашимъ лѣтописямъ, степи около Днѣпра заняли Торки, двигавшіеся, конечно, подъ напоромъ Половцевъ. Такъ въ 1055 г. Всеволодъ долженъ былъ ходить на нихъ для защиты Переяслава; въ 1060 году князь предпринялъ на нихъ походъ соединенными силами. Извѣстіе о немъ нашей лѣтописи для насъ весьма интересно. Вотъ что повѣствуетъ она: „Того же лѣта (1060) Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше воя бещислены и поидоша на конихъ и в лодяхъ, бещисленное множество, на Торки. И се слышавше Торци, убоявъшеся, пробѣгоша и до сего дни, и помроща бѣгающе гоними, овни отъ зимы, друзни же голодомъ, нини же моромъ и судомъ Божіимъ, и тако Богъ избави крестьяны отъ поганыхъ“⁶⁾. Какъ нашъ лѣтописецъ описываетъ гибель Торковъ, такъ Византіецъ Аталіота говоритъ о пораженіи Узовъ. По его

¹⁾ Ипатск. лѣт., стр. 205.

²⁾ Γεωργίου τοῦ Καβρῆνου Ἐκδοφῆς ἱστορίων. Воннае, 1839, т. II, 582—587.

³⁾ Ипатск. лѣт., стр. 114 и 115. Объ этой датѣ см. ниже.

⁴⁾ 1078 г.; см. выше.

⁵⁾ Васильевскій, Византія и Печенѣги—Ж. М. Н. Пр. 1872 г. № 11, стр. 123 и л.; Stritter, Memoriae populorum, III, p. 819.

⁶⁾ Ипатск. лѣт., стр. 114—115.

словамъ, они потерпѣли сильно отъ зимы, были изнурены болѣзнями и голодомъ ¹⁾. Далѣе этотъ писатель сообщаетъ намъ интересный фактъ, что Узы, ушедшіе обратно за Дунай, были разсѣяны княземъ Мирмидоновъ около его городовъ ²⁾. Кто бы ни были эти Узы, но по сѣ сторону Дуная они являлись въ южно-русскихъ степяхъ. Никакихъ другихъ городовъ, кромѣ русскихъ, они найти не могли; никакой князь, кромѣ русскаго, разогнать ихъ у своихъ городовъ не могъ. И вотъ подъ 1080 г. мы находимъ въ нашей лѣтописи слѣдующее: „Заратншася Торці Переяславстни на Русь, Всеволодъ же шедъ побилъ Тороки“ ³⁾. Откуда же опять явились эти кочевники, когда, по словамъ того же лѣтописца они погибли въ 1061 г.? Ясно, что они откуда-то вернулись. Мы можемъ найти отвѣтъ только въ приведенномъ выше разказѣ Атталіоты ⁴⁾, но при этомъ придется признать тожество Узовъ съ Торками.

¹⁾ Μιχαήλ τοῦ Ἀτταλαίτου ἱστορία. Βονναε, 1853, pp. 83 и 85.

²⁾ Ibidem, p. 87.

³⁾ Ипатск. лѣт., стр. 143. Соображеніе о князѣ Мирмидоновъ, какъ князѣ русскомъ, сдѣлано в. Васильевскимъ въ статьѣ «Византія и Печенѣги» — *Ж. М. Н. Пр.* 1872 г. № 11, стр. 141, примѣч. 1.

⁴⁾ По датѣ Византіица Скилитцы, приходъ Узовъ на Дунай произошелъ въ 6573 г. отъ сотворенія міра. Въ нашей лѣтописи пораженіе Торковъ отнесено къ 6568 г. Въ перломъ случаѣ 6573—5508=1065 г., а по лѣтописи 6568—5508=1060 г. Гдѣ же были Узы вирожденіе пяти лѣтъ? Это разногласіе источниковъ, намъ кажется, возможно примирить. Византіицы считали годъ отъ сентября (*Учен. Записки Ах. II. по I и III отд.* 1854 г., т. II). Узы, перѣхавшіе Дунай, бросались грабить, но на возвратномъ пути изъ небѣга были захвачены зимой. Такимъ образомъ, между переправой и наступленіемъ зимняго времени прошло немного. Слѣдовательно, они совершили вторженіе въ осенніе мѣсяцы, позже августа. Теперь, поступая по способу г. Куника, находимъ: 6573—5509=1064 г. Беря во вниманіе, что разстановка годовъ въ лѣтописи весьма часто является произвольною, мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующее соображеніе: Подъ 6568 г. мы находимъ извѣстіе о пораженіи Торковъ *лѣтомъ*. Подъ 6569 г. сообщается, что *2-ю февраль* пришли Половцы. Такъ какъ нашъ лѣтописецъ признавалъ годы *мартовскіе*, то *лѣто*, въ которое совершился походъ на Торковъ, и *февраль*, когда пришли Половцы, могли быть въ одномъ и томъ же *мартовскомъ* году. Весьма возможно, что лѣтописецъ разбилъ на два года событія, относящіеся къ одному *мартовскому* году. Но слѣдующій 6570 годъ оказывается пустымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ пустой годъ и есть годъ упомянутыхъ событій, ибо оставленіе пустыхъ годовъ было дѣломъ произвола лѣтописца. Если мы примемъ, что эти событія произошли въ 6570 *мартовскомъ* году, то, по способу г. Куника (см. выше), находимъ: 6570—5508=1062 г. отъ Р. X.—время похода на Торковъ; 6570—5507=1063 г.—время прихода Половцевъ. Если Торки по-

Полная картина этихъ событій дѣйствительно и получается лишь изъ соединенія извѣстій нашей лѣтописи и исторіи Атталіоты. Переходимъ теперь къ извѣстіямъ мусульманскихъ писателей. Они знаютъ Узовъ или Гузовъ сначала въ Азіи, затѣмъ въ Европѣ. До насъ дошла географія писателя XIV в. Абульфеды. Онъ жилъ и писалъ въ такое время, когда ни Узовъ, ни Кумановъ уже не существовало. Его географическій трактатъ оконченъ въ 1321 г. Свѣдѣнія для прошлаго онъ черпалъ изъ богатой бібліотеки, бывшей у него въ Гаматѣ ¹⁾. Абульфеда дѣлаетъ грубую хронологическую и географическую ошибку, описывая уже не существующее, какъ дѣйствительный современный ему фактъ ²⁾, по это приписитъ извѣстнаго рода пользу: очевидно, что различіе, полагаемое Абульфедой для турецкихъ народовъ, признавалось и тѣми авторами, изъ которыхъ онъ черпалъ.

Въ этомъ трактатѣ Кумане - Кипчаки постоянно отличаются отъ Узовъ. Абульфеда отдѣльно описываетъ границы этихъ народовъ. Такъ Кипчаковъ онъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ страны Башкиръ, а относительно Гузовъ говоритъ, что они „находятся между Хазарами, страной Карлоковъ и Булгарами“ ³⁾. Могущество Кипчаковъ, по его словамъ, было уничтожено Татарами ⁴⁾. Ничего подобнаго не говоритъ онъ объ Узахъ. Мы знаемъ, что нашествіе Татаръ сломило силу Половцевъ. Въ географіи Эдризѣ Половцы постоянно называются Куманами, а не Узами, тогда какъ это названіе означаетъ у него обитателей Туркестана ⁵⁾. Эль-Бекри разказываетъ, что къ сѣверу

терпѣли пораженіе въ 1062 г., то они могли удалиться въ юго-западную часть степей и кочевать тамъ, пока приходъ Половцевъ въ 1063 г. не заставилъ ихъ двинуться къ предѣламъ Византіи, куда они и могли явиться въ 1064 г. Г. Васильевскій признаетъ временемъ появленія Узовъ на Балканскомъ полуостровѣ сентябрь 1064 года (*Ж. М. Н. Пр.* 1872 г. № 11, стр. 138).

¹⁾ Géographie d'Aboulféda. Ed. Reinand. Paris. 1847, v. 1, pp. XXIII, XXIV.

²⁾ Принимая за народы, еще существующіе, Печенѣговъ, Узовъ, Куманъ, онъ старается всѣмъ имъ найти мѣсто. Куманъ и Кипчаковъ онъ какъ будто признаетъ за два различныхъ народа — очевидно, потому, что новыя кочевники южно-русскихъ степей приняли имя Кипчаковъ, существовавшее еще раньше ихъ появленія, но сейчасъ же и опровергаетъ себя тѣмъ, что разказываетъ о пораженіи Кипчаковъ Татарами.

³⁾ Géographie d'Aboulféda, v. II, p. 293—294, 297: „Les Gouzes sont établis entre les Khazars, le pays des Kharloes et les Bulgares“.

⁴⁾ Ibidem, p. 294.

⁵⁾ Брунъ, Черноморье, ч. I, стр. 21.

отъ страны Баджнакъ лежить земля Kifdjak (Кипчакъ), на югъ Хазарія, на востокъ Гузія, на западъ Славяне ¹⁾, и такимъ образомъ отличаетъ страну Кипчаковъ отъ Гузіи. Изъ извѣстій Ибнъ-эль-Атира видно, что и для него Гузы и Кипчаки были двумя отдѣльными народами. Такъ онъ говоритъ о службѣ Кипчаковъ у Грузинскихъ царей и о тѣсной связи владѣтелей Адзербейджана съ Гузами (les Gozz) ²⁾. Всѣ приведенные писатели говорятъ намъ о Гузахъ въ Азіи. Припомнимъ при этомъ также извѣстіе Константина Багрянороднаго, что Узы въ IX в. жили за Ураломъ. Подробныя извѣстія объ этомъ племени мы находимъ у путешественника X в. Ибнъ-Гаукаля, лично носѣтившаго мѣстности, о которыхъ онъ говоритъ. Онъ разказываетъ, что Гузы живутъ на песчаныхъ равнинахъ къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера, до средняго теченія р. Sihoun, также между Каспійскимъ моремъ и р. Djihoun, на югъ до Джурджанской провинціи ³⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ Гузовъ или Узовъ въ IX и X вв. въ степяхъ Средней Азіи. Но затѣмъ они являютъ уже въ Европѣ. Въ Европѣ ихъ знаетъ Абульфедъ. „Руссы“, говоритъ онъ,— „народъ турецкой національности, который съ востока граничитъ съ Гузами, народомъ такого же происхожденія“ ⁴⁾. Руссы не могли бы граничить съ Гузами, пока они были у себя въ Азіи. О переселеніи ихъ въ Европу говорить, какъ мы видѣли, и Константинъ Багрянородный. Болѣе подробныя данныя объ европейскихъ поселеніяхъ Гузовъ мы находимъ у Массуди. Онъ разказываетъ, что къ югу отъ Славянъ страны заняты нѣсколькими турецкими племенами, и что Гузы кочуютъ со своими стадами по песчанымъ равнинамъ; ихъ территорія отдѣлена

¹⁾ *Defrémery*, *Fragments des géographes ed d'historiens arabes et persans inédits*. Paris. 1849, p. 14—15.

²⁾ *Ibidem*, p. 26—27 и 32.

³⁾ „Les Gouzes, Turcs nomades, qui habitent les plaines sablonneuses au nord de la mer Caspienne et du lac de Khorazm, ainsi que les steppes qui séparent cette petite mer de la Transoxane, du Khorassan et de la mer Caspienne. Leur territoire s'étend à l'est jusqu' à la ville d'Isbidjab sur le Sihoun, et au midi jusqu'au Dihistan, ville frontière du Djourdjan...“ *Les peuples du Caucase*, p. D'Ohsson. Paris. 1828, p. 146. См. также карту Азіи XIII в. при *Histoire des Mongols* p. D'Ohsson. Paris. 1834, v. I. Д'Оссонъ относится къ этому сообщенію Ибнъ-Гаукаля съ полнымъ довѣріемъ (*Histoire des Mongols*, v. I, p. 178, прим.).

⁴⁾ „Les Russes sont un peuple de race turque, lequel de côté de l'Orient touche aux Gouzes, peuple également de race turque“. *Geographie d'Aboulfeda*, II, p. 296. Турецкое происхожденіе Руссовъ—почти общая ошибка Арабовъ.

отъ Хазарь большою рѣкою, которая соединяетъ Итиль (Волгу) съ заливомъ Меотиды (Азовское море) ¹⁾. Эта рѣка, какъ извѣстно, есть Донъ. Такимъ образомъ, Узы, кочевавшіе сначала въ степяхъ Средней Азій, въ X в. уже являются въ Европѣ. Но даже и въ XI в. мы находимъ это племя въ Азій. Въ этомъ столѣтій Гузы завоевали Персію и основали Сельджукскую монархію ²⁾. Слѣдовательно, мы въ правѣ сказать, что въ Европу выселилась только часть Гузовъ, сохранивъ свое собственное имя, какъ оно является у Массуди и Византійцевъ.

И такъ: 1) у византійскихъ и восточныхъ писателей Узы или Гузы принимаются за народъ особый отъ Куманъ-Кипчаковъ-Половцевъ; 2) въ русскихъ лѣтописяхъ Торки отличаются отъ Половцевъ; 3) гдѣ Византійцы говорятъ объ Узахъ и Массуди—о Гузахъ, тамъ русскія лѣтописи разказываютъ то же о Торкахъ. Слѣдовательно, Узы или Гузы суть Торки нашихъ лѣтописей.

Но намъ необходимо обратить еще вниманіе на двухъ монгольскихъ писателей — Рашидъ-Эддина и Абульгази. Они, перечисляя тюркскія племена Средней Азій: Уйгуръ, Кипчакъ, Канкы, Карлукъ, Калачъ ³⁾, не упоминаютъ совершенно объ Узахъ или Гузахъ, такъ что послѣдніе могутъ разумѣться подъ какиъ-нибудь изъ только что названныхъ племенъ. Рашидъ-Эддинъ разказываетъ, что Кипчаки жили между страной Кара-Китаемъ и Янкомъ ⁴⁾. Абульгази утверждаетъ, что Огузъ-ханъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, назначилъ племени Кипчаковъ вести борьбу съ Руссами, Улаками (?), Мадьярами и Башкирами, которые жили на берегахъ Дона, Волги и Лика. Онъ прибавляетъ, что Кипчаки, занявъ эти мѣстности, жили тутъ до Чингизъ-хана, и что вся ихъ страна называлась Дешти-Кипчакъ, то-есть, по объясненію самого Абульгази и Ибнъ-Хальдуна, степью Кипчаковъ ⁵⁾. Припимая вполнѣ эти данныя, пришлось бы видѣть

¹⁾ D'Oleson, Les peuples du Caucase, p. 117; *Frdln*, Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte, p. 60.

²⁾ D'Oleson, Histoire des Mongols, v. I, p. 178.

³⁾ *Замиски Им. Р. Археол. Общ.* т. XIV: *Берекма*, Выписки изъ Рашидъ-Эддина, стр. 12; Histoire généalogique des Tartars, d'Abulgasi - Boyadur - Chan. A Leyde. 1726, p. 84.

⁴⁾ Ibidem; Рашидъ-Эддинъ, стр. 18—19.

⁵⁾ Abulgasi, p. 45—46: „Ogus-Chan luy (au Kipzak) donna une armée considérable pour aller faire la guerre aux Urusses, Ulakes, Madsahres et Baschkirs, qui habitaient sur les bords des rivières de Tin, d'Atell et de Jagik. Op. p. 47; *Defrémery*, p. 142 изъ Ибнъ-Хальдуна.

Кипчаковъ во всѣхъ племенахъ Турковъ, двигавшихся по южно-русскимъ степямъ. Но мы не имѣемъ никакого права дѣлать подобное заключеніе. Въ сообщеніяхъ Рашидъ-Эддина и Абульгази мы имѣемъ дѣло съ народными преданіями. Первый изъ нихъ писалъ въ XIV в., а второй въ XVII в. ¹⁾. Но и самыя преданія могли подвергнуться передѣлкѣ въ рукахъ монгольскихъ ученыхъ. По разказу Абульгази, Газанъ-ханъ, одинъ изъ прямыхъ потомковъ Чингизъ-хана, поручилъ Рашидъ-Эдину составить книгу генеалогіи, религіи и обычаевъ Монголовъ на память потомству ²⁾. Приказаніе и было исполнено. Но очевидно, излагая исторію Монголовъ по желанію хана, авторъ ся долженъ былъ позаботиться о возвеличеніи рода своего государя, выдвинуть добродѣтели его предковъ и освятить завоеванія, сдѣланныя Чингизъ-ханомъ. И вотъ мы находимъ, что Огузъ-ханъ началъ борьбу изъ-за истинной религіи съ своимъ отцомъ, что Чингизъ-ханъ — прямой потомокъ Огузъ-хана ³⁾. Мы не можемъ придавать историческое значеніе всѣмъ этимъ извѣстіямъ, но не имѣемъ права совершенно игнорировать ихъ, какъ матеріалъ этнографической, и въ этомъ отношеніи должно признать мнѣніе г. Катрмера о важности этихъ данныхъ ⁴⁾.

Передадимъ вкратцѣ самыя преданія. У Кара-хана, одного изъ сыновей Могула, который въ седьмомъ колѣнѣ происходилъ отъ Турка, сына Яфетова, былъ сынъ Огузъ-ханъ. Когда Огузъ началъ борьбу съ своимъ отцомъ, къ нему явились нѣкоторые изъ его родственниковъ съ своими родами и признали его власть. Ихъ всѣхъ Огузъ назвалъ Уйгуръ (пришедшій на помощь), а всѣ они стали носить имя Огузцевъ или Угузцевъ, по имени своего властителя. По прошествіи извѣстнаго времени, отъ этой массы Угузцевъ отдѣлились колѣна Уйгуръ, Канкы, Кипчакъ, Карлокъ и Балачъ, получившія свои имена по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ, Канкы названы этимъ именемъ оттого, что ихъ родона-

¹⁾ Березинъ въ *Запискахъ Имп. Археол. Общ.*, т. XIV, и Abulgasi, p. 79 и 7. По словамъ послѣдняго, онъ самъ писалъ 372 года спустя послѣ Рашидъ-Эддина, кончившаго работу въ 742 г. гджры; у него Абульгази многое заимствовалъ.

²⁾ Abulgasi p. 79: „il est nécessaire que fasse compiler un livre des familles, de la religion et costumes des nos Moguls pour le laisser à la posterité“ (слова Газанъ-хана Рашиду).

³⁾ Abulgasi, pp. 34—41, 156—160.

⁴⁾ Мнѣніе его у г. Березина въ *Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ.*, т. XIV. ЧАСТЬ ОСХХХІV, ОТД. 2. 2

чальникъ изобрѣлъ телеги, сильно скрипѣвшія, которыя названы были куннекъ, и, какъ изобрѣтатель, получилъ отъ Огузь-хана имя Каякли. Кипчаки назвались такъ отъ своего предка, найденнаго Огузомъ въ дуплѣ дерева и потому получившаго названіе Кипчакъ, что значитъ пустое дерево, и т. д. Эти различныя племена поселились въ разныхъ мѣстахъ. Такъ Кипчаки сначала жили между р. Яикомъ и Кара-Китаемъ, а потомъ Огузь-ханъ отправилъ ихъ въ область рр. Волги и Дона, гдѣ Кипчаки и жили 4000 лѣтъ до Чингизъ-хана. Между тѣмъ самое имя Огузцевъ или Угузцевъ исчезло и замѣнилось названіемъ Турмень ¹⁾.

Такія преданія образуются у всѣхъ народовъ, лишь только у нихъ проявится историческое самосознаніе. Прежде всего народъ старается объяснить свое происхожденіе. Сходство языка, обычаевъ у нѣсколькихъ племенъ заставляетъ ихъ признавать себя родственниками и искать общаго родоначальника. Очевидно, что и Уйгуры, Кипчаки, Каякли, Карлоки, чувствуя свою близость по языку, по обычаямъ, стремились объяснить это непонятное для нихъ явленіе. Они отыскивали себѣ родоначальника въ Огузь-ханѣ.

Не придавая историческаго значенія извѣстіямъ Рашидъ-Эддина и Абульгази о временахъ столь отдаленныхъ, какъ эпоха совмѣстнаго кочеванія Туркскихъ племенъ, мы можемъ извлечь изъ нихъ этнографическія указанія, свидѣтельствующія, что всѣ Туркскія племена представляли нѣкогда одно цѣлое, изъ котораго потомъ выдѣлились колѣна, постепенно разселившіяся на западъ въ Европу и на югъ и юго-западъ въ Азію.

О нѣкогда бывшемъ единствѣ всѣхъ этихъ народовъ говорятъ намъ и историческія свидѣтельства. Такъ, наша лѣтопись смотритъ на Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ какъ на соплеменниковъ между собою: „А Измаилъ роди 12 сына“, говоритъ она, — „отъ нихъ же суть Торкьмени, Печенѣги и Торци, и Половци“ ²⁾. Намъ, конечно, не важенъ ихъ лѣтописный родоначальникъ, а важно признаніе лѣтописью родственности этихъ племенъ. Изъ разказовъ Анны Комниной видно, что Печенѣги свободно объяснялись съ Половцами ³⁾, что доказываетъ

¹⁾ Abulgasi-Buyadur-Chan. Histoire généalogique des Tatars, pp. 39, 41, 47, 52, 56, 85; Рашидъ-Эддинъ въ *Запискахъ Имп. Р. Археол. Общ.*, XIV, стр. 2, 3, 7, 12, 18—19, 21—22.

²⁾ Ипатьев. лѣт., стр. 163.

³⁾ *Stritter*, *Memoriae populorum*, v. III, p. 899—914.

родственность ихъ языка. Скилица прямо говоритъ, что Узы одного рода съ Печенѣгами ¹⁾). Родство нашихъ кочевниковъ съ восточными Тюрками также подтверждается византийскими извѣстіями. Во время борьбы Грековъ съ Сельджуками въ войскѣ императора были Узы.

Атталиота указываетъ, что послѣдніе и первые—одно и то же племя. Родственное влеченіе и выразилось сейчасъ же тѣмъ, что часть Узовъ перешла на сторону Сельджуковъ ²⁾). Путешественники XIII вѣка подтверждаютъ соображенія о выселеніи нашихъ кочевниковъ изъ степей Средней Азии. Такъ ПIANO-КАРПИНИ разказываетъ, что жители Бисерменской земли говорили языкомъ команскимъ ³⁾; Рубруквисъ указываетъ на важный фактъ, что „у Уйгуровъ находится основаніе и корень языка турецкаго и команскаго“ ⁴⁾).

Но отчего же въ преданіяхъ, записанныхъ Рашидъ-Эддиномъ и Абульгази, нѣтъ упоминанія о Печенѣгахъ и Узахъ? Что первые кочевали, предъ своимъ выходомъ изъ Епрону, въ Азію, на это мы имѣемъ историческія данныя. Такъ Эль-Бекри знаетъ ихъ на равнинахъ отъ Джорджаніи до горы Корезма ⁵⁾. Аль-Ямбуи также видѣлъ Печенѣговъ въ Азіи: овъ прибылъ къ нимъ изъ Бухары ⁶⁾. Поэтому надо допустить, что имя ихъ забылось или замѣнилось другимъ. По извѣстію Абульгази, одно изъ колѣвъ Угузцевъ, Кангли, кочевавшее также въ степяхъ Каспійскаго и Аральскаго морей, распалось затѣмъ на двѣ части, изъ которыхъ одна удалилась на востокъ, а другая осталась на старыхъ мѣстахъ ⁷⁾. Путешественникъ XIII в. Рубруквисъ разказываетъ, что степи къ сѣверу отъ Каспійскаго моря до прихода Татаръ занимало племя Кангли (Canglae), между

¹⁾ Ibidem, p. 940—941.

²⁾ Игуаѣл тоῦ Ατταλειότου Ἱστορία. Βονναε. 1853, p. 156: τὸ γὰρ τῶν Σκοθῶν μισθοφορικόν, ἑμφερές κατὰ πάντα τοῖς Τούρκοις: ὄν, ἀμφίβολον ἐποίησε τὸ νῦν ἐπιχειρημένον; ср. p. 157.

³⁾ Языковъ, Собраніе путешествій къ Татарамъ. ПIANO-КАРПИНИ и Асцелинъ, стр. 27, 151—153.

⁴⁾ Fejer, Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, pars 2, p. 281: „Apud Jugures est fons et radix idiomatis turci et comanic“. Это племя жило, по Абульгази, въ гористой странѣ къ югу отъ верховьевъ Иртыша и около озера Зайсанъ (Abulgasi, p. 91—96 и карта при Histoire des Mongols p. D'Ohsson). Впрочемъ, мѣстность способствовала болѣе чистому сохраненію прилика.

⁵⁾ Defreméry, Fragments des géographes, p. 14.

⁶⁾ Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 183—185.

⁷⁾ Abulgasi, p. 85—86.

рѣками Волгой и Якомъ¹⁾). Очевидно, что это то же самое племя Канкли, съ нѣскольکو измѣненнымъ именемъ. Современникъ Рубруквиса, Плато-Карпини, въ этихъ же мѣстностяхъ, но съ болѣе обширною территоріей, между Команіей, землею Торкменовъ и Каспійскимъ моремъ, помѣщаетъ народъ Кангитовъ²⁾). Можно сказать, что эти области оба наши путешественника посѣтили въ одно и то же время, а слѣдовательно, и говорятъ объ одномъ и томъ же племени. Племенное имя Кангиты невольно напоминаетъ намъ извѣстіе Константина Вагрянороднаго, что Печенѣги до своего перехода черезъ Волгу, до борьбы съ Хазарами, назывались *Кăууар*³⁾). Сводя приведенныя нами данныя, мы видимъ, что, по арабскимъ извѣстіямъ, Печенѣги кочуютъ въ Азіи, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ монгольскіе историки помѣщаютъ Канкли, гдѣ путешественники европейскіе знаютъ Кангловъ и Кангитовъ; что *Кăууар* было именемъ Печенѣговъ въ то время, когда они занимали область между Волгой и Якомъ, гдѣ мы находимъ племя Кангли; слѣдовательно, можно сдѣлать тотъ выводъ, что имя „Печенѣги“ явилось у даннаго племени уже по переходѣ его въ Европу, а племенное имя — Канкли = Кангли = Кангиты = *Кăууар* — ступеневалось, оставшись только за нѣкоторыми колѣнами Печенѣговъ. Этимъ объясняется, почему при перечисленіи племенъ у Рашидъ-Эддина и Абульгази мы не находимъ Печенѣговъ: это имя явилось уже въ Европѣ; арабскіе писатели, говорящіе о Печенѣгахъ въ Азіи, даютъ имъ уже имя, полученное при отдѣленіи ихъ отъ ихъ азіатскихъ предковъ, называя ихъ Баджпакъ. Такимъ же образомъ довольно правдоподобно объясняется и фиктивный фактъ переселенія Кипчаковъ въ Европу за 4000 лѣтъ до Чингизъ-Хана. Въ народной памяти могли сохраниться воспоминанія о нѣкогда дѣлавшихся выселеніяхъ въ Европу изъ степей Средней Азіи, а такъ

¹⁾ „Ad aquilonem (Каспійское море) habet illam solitudinem, in qua modo sunt Tartari: prius vero erant ibi quidam, qui dicebantur *Canglae*“. Рубруквисъ переправился черезъ Волгу, и въ этой-то мѣстности и нашелъ Кангловъ, ибо онъ повторяетъ: „...per totam illam terram, et adhuc amplius habitabant *Canglae* quaedam parentella Comanorum. Ad aquilonem habebamus majorem Bulgariam et ad meridiem praedictum mare Caspium. Postquam iteramus duodecim diebus ab Etilia, invenimus magnam flumen, quod vocant *Yagag*“. *Rezer*, Codex diplomaticus, v. IV, p. 2, pag. 274, 278.

²⁾ *Исыковъ*, Собраніе путешествій къ Татарамъ. Плато-Карпини, стр. 19, 25, 27.

³⁾ Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 169.

какъ Монголы нашли въ степяхъ южной Россіи Кипчаковъ - Половцевъ, то легко было народному воображенію переселить туда послѣднихъ чуть не за три тысячи лѣтъ до Р. Х.

Что касается упоминанія о Гузахъ или Узахъ, отсутствующаго у Рашидъ-Эддина и Абульгази, то весьма возможно подозрѣвать тутъ фактъ довольно важный. Уйгуры, Кипчаки, Канкы, Карлоки отыскали себѣ, какъ мы видѣли, родоначальника въ Огузь-ханѣ. Это имя является довольно страннымъ. Народъ всегда называетъ своего прародителя именемъ, взятымъ у какого-нибудь изъ существующихъ племенъ или нѣкогда существовавшихъ. Между тѣмъ среди перечисленныхъ мы не находимъ народа Огузь. Но очевидно, что преданія, записанныя Рашидъ-Эдиномъ, восходятъ къ глубокой древности. И вотъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ IX и X вв. въ степяхъ Средней Азіи, въ тѣхъ же самыхъ областяхъ, гдѣ позже находимъ Кипчаковъ и Канкы, племя Гузь, Огузь, Узъ. Отъ него - то, какъ видно, и взято имя родоначальника всѣхъ перечисленныхъ монгольскими писателями племенъ. И самое преданіе ставитъ связь между Огузь-ханомъ и этими племенами народъ Угузцевъ, при чемъ первые относятся къ послѣднему, какъ видъ къ роду. Нѣтъ вполне достаточныхъ данныхъ, чтобы сдѣлать категорическій выводъ, но приведенные факты и соображенія заставляютъ допустить гипотезу, что тюркскія племена Кипчакъ, Канкы (Канкы, оставшіеся въ Азіи, Печенѣги въ Европѣ) и Узы или Гузы (въ Азіи и въ Европѣ) составляли нѣкогда одно цѣлое, можетъ быть, племя этихъ же самыхъ Гузовъ, только отдѣльное колено которыхъ сохранило свое праплеменное имя. Въ этомъ только смыслъ Кипчаки, можетъ быть, были нѣкогда Гузами, но Гузы никогда не были Кипчаками. Вотъ только что можно извлечь изъ извѣстій монгольскихъ историковъ для нашего вопроса о Гузахъ или Узахъ и Торкахъ. Всѣ сообщенія другихъ писателей не позволяютъ намъ отождествить Половцевъ - Кипчаковъ съ Узами. На основаніи всего ранѣе сказаннаго мы дѣлаемъ выводъ, что Узы или Гузы суть Торки нашихъ лѣтописей.

III. Голубовскій.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ.

I.

**Возникновеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ и война за
Испанскіе Нидерланды.**

Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію причинъ войны за испанское наслѣдство и вліянія коммерческихъ интересовъ Англіи на происхожденіе этой войны, рассмотримъ самое возникновеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ и прослѣдимъ главные моменты вѣдшей политики Людовика XIV до начала войны за испанское наслѣдство.

Ожесточенная вражда между Габсбургами и Бурбунами проявилась уже со вступленія на престолъ Франціи перваго короля изъ дома Бурбоновъ, который въ свою очередь какъ бы унаслѣдовалъ вражду къ Испаніи отъ дома Валуа. Вервенскій миръ, заключенный съ Испаніей въ годъ изданія Нантскаго эдикта (2-го мая 1598 г.)¹⁾, вызванъ былъ лишь крайне печальнымъ состояніемъ финансовъ Франціи и администраціи ея вообще. Но когда финансы ея при содѣйствіи Сюлли были приведены въ порядокъ, и когда улеглись религиозныя смуты, Генрихъ IV сталъ мечтать объ униженіи Испаніи и вообще Габсбурговъ. Съ этою цѣлью Генрихъ IV поддерживалъ Голландію противъ Испаніи; съ подобною же цѣлью былъ заключенъ союзный договоръ между Генрихомъ IV, съ одной стороны, и курфюрстами Бранденбургскимъ и Палатинскимъ и другими германскими

---

¹⁾ *Dumont, t. V, partie I, p. 561.*

государями — съ другой, противъ Австрійскаго дома для защиты княжествъ Клеве и Юлиха отъ притязаній Германскаго императора¹⁾). Приближавшаяся Тридцатилѣтняя война представляла удобный случай для вмѣшательства въ дѣла Германіи. Неожиданная смерть Генриха IV помѣшала исполненію его плановъ. Осуществленіе ихъ выпало на долю Ришелье.

Ришелье, стремясь возвратитъ Франціи ея старинныя естественныя границы и ослабитъ Габсбурговъ въ Германіи и Испаніи, вступилъ противъ нихъ въ союзъ съ протестантскою унией въ Германіи, съ Швеціей, съ Голландіей, съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ и ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, съ Швейцаріей и съ Савойей. Ришелье поддерживалъ также возстаніе Каталоніи и Португаліи противъ Испаніи. Такимъ образомъ война велась одновременно на многихъ пунктахъ: въ Германіи, въ Испанскихъ Нидерландахъ, на Рейнѣ, въ Италіи, въ Средиземномъ морѣ, на океанѣ. Умирая, Ришелье оставилъ Францію побѣдоносною на всѣхъ пунктахъ борьбы и увеличенною провинціями Лотарингіею, Эльзасомъ (за исключеніемъ Страсбурга) и Руссильономъ.

Смертью Ришелье и малолѣтствомъ Людовика XIV Испанія воспользовалась, чтобы напасть на Францію. Испанская армія сдѣлала нападеніе со стороны Шампани и думала уже идти прямо на Парижъ, по знаменитая побѣда при Рокруа, одержанная выдвинутымъ Мазарини, юнымъ, но чрезвычайно талантливымъ полководцемъ Конде, герцогомъ Энгиенскимъ, падею славившемуся еще въ то время своею доблестью и дисциплиною испанскою арміей, привела къ тому, что Испанцы были изгнаны изъ Франціи. Вскорѣ затѣмъ побѣды Тюренна и Конде въ Германіи, особенно же пораженіе, нанесенное Австріи при Нордлингенѣ, обезсилили послѣднюю. Между тѣмъ, въ то время, когда Тюреннъ продолжалъ войну въ Германіи, она велась также съ успѣхомъ и въ Испанскихъ Нидерландахъ, и въ Каталоніи. Благодаря побѣдамъ Конде, Дюпвирхенъ былъ впервые завоеванъ для Франціи.

Вестфальскій миръ, униживъ домъ Габсбурговъ, немало способствовалъ возвышенію династіи Бурбоновъ. Начавшаяся во Франціи въ самый годъ заключенія мира внутренняя смута, извѣстная подъ именемъ Фронды, дала Испаніи возможность снова вмѣшаться въ дѣла

¹⁾ *Dumont*, t. V, partie II, p. 135.

Франціи, и Испанскій король оказался не въ силахъ противостоятъ соблазну, особенно когда самъ великій Конде, порвавъ связь съ французскимъ дворомъ, началъ сносятся съ Испаніей, а затѣмъ, удалившись во Фландрію, сдѣлался генералиссимусомъ всѣхъ испанскихъ войскъ. Пользуясь смутами Фронды, Испаніи удалось возвратить многіе города и земли, отпатые у нея во Фландріи, въ Испанскихъ Нидерлапдахъ. Съ окончаніемъ Фронды успѣхи Испанцевъ приостановились. Вскорѣ, благодаря союзу, заключенному въ 1657 году кардиналомъ Мазарини съ протекторомъ Англіи Кромвелемъ, а также благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Испанцами Тюреннемъ при помощи Англичанъ въ извѣстномъ „сраженіи на дюнахъ“, Франція не только возвратила себѣ Дюнкирхенъ, уступленный ею Англичанамъ, но и вышла полною побѣдительною изъ войны съ Испаніей. Последняя, будучи доведена до крайности, давно желала мира. Переговоры о мирѣ велись уже съ 1656 года, но безуспѣшно. Главнымъ затрудненіемъ было желаніе Анны Австрійской, а также и Мазарини, чтобы одна изъ дочерей Испанскаго короля Филиппа IV была обручена съ Людовикомъ XIV, на что не соглашался Испанскій король, который, не имѣя еще ни одного сына, опасался присоединенія Испаніи со всѣми ея владѣніями къ Франціи. Подобныя опасенія оправдывались вполне установленнымъ въ Испаніи еще съ половины XIII вѣка, именно съ закона Альфонса X отъ 1260 года, и сохранившимся силу до начала XVII вѣка, такъ-называемымъ когнатнымъ порядкомъ престолонаслѣдія, въ силу котораго при отсутствіи наслѣдниковъ мужскаго пола женщины по прямой линіи пользовались преимуществомъ передъ наслѣдниками мужскаго пола боковой линіи¹⁾. Извѣстно, что еще Карлъ V своимъ завѣщаніемъ отъ 6-го іюня 1554 года и Филиппъ II своимъ завѣщаніемъ отъ 23-го августа 1597 года подтвердили когнатный порядокъ престолонаслѣдія²⁾. Правда, съ 1612 года порядокъ престолонаслѣдія въ Испаніи былъ нѣсколько ограниченъ и измѣненъ, именно, когда при бракосочетаніи матери Людовика XIV, Анны Австрійской, съ Людовикомъ XIII, устроеннымъ съ цѣлью поддержанія установленнаго Вервенскимъ миромъ согласія, последняя, въ силу особаго брачнаго договора³⁾, должна была отказаться отъ всякихъ притя-

¹⁾ *Mignet, Négociations, t. I, p. 14—26.*

²⁾ *Ibidem, p. 26.*

³⁾ *Contrat de mariage entre Louis et l'infante Anne, fille de Philippe III roi d'Espagne. Dumont, t. V, p. II, p. 215; Lamberty, t. I, p. 554—560.*

зній съ ея стороны на испанское наслѣдство; правда, это отреченіе было черезъ нѣсколько времени снова подтверждено особымъ актомъ отъ 16-го октября 1615 года, получило въ Испаніи силу закона въ 1640 г.¹⁾ и не было нисколько нарушено Франціей; но теперь, когда возникъ вопросъ о бракосочетаніи Людовика XIV съ инфантой испанскою, Филиппъ IV считалъ формальное отреченіе ея отъ притязаній на испанское наслѣдство недостаточною гарантіей для неприкосновенности Испанской монархіи, такъ какъ при отсутствіи прямого потомства мужскаго пола, инфанта Марія-Терезія, старшая изъ его дочерей, была прямою и законною наслѣдницею всего испанскаго наслѣдства. Между тѣмъ положеніе Испаніи становилось все болѣе затруднительнымъ, какъ вслѣдствіе цѣлаго ряда военныхъ неудачъ, такъ и вслѣдствіе изолированнаго положенія, въ которомъ очутилась она послѣ образованія въ августѣ 1658 года Рейнскаго союза. Поэтому, когда у Филиппа IV въ началѣ 1658 г. родился сынъ, а затѣмъ годъ спустя, другой сынъ, и когда наслѣдованіе мужской линіи казалось обеспеченнымъ, переговоры о мирѣ пошли болѣе успѣшно. Однако послѣ долгихъ личныхъ переговоровъ между кардиналомъ Мазарини и уполномоченнымъ Филиппа IV Луисомъ-де-Гаро, затанувшихся еще вслѣдствіе нежеланія Мазарини согласиться на формальное отреченіе Анны Австрійской отъ испанскаго наслѣдства, 7-го ноября 1659 года подписаны были условія Пиринейскаго мира, который былъ какъ бы завершеніемъ мира Вестфальскаго и по которому Франція удержала Артуа съ Аррасомъ, Руссильонъ и Лотарингію²⁾. Но самымъ важнымъ для Франціи условіемъ мира, по убѣжденію Мазарини³⁾, было выговоренное въ 33-й статьѣ этого договора бракосочетаніе Людовика XIV съ испанскою инфантой Маріей-Терезіей, которая за огромное приданое (въ

¹⁾ Известно, что этотъ брачный договоръ былъ потомъ (16-го октября 1615 г.) подтвержденъ особымъ актомъ отреченія принцессы Анны, въ которомъ она совмѣстно съ супругомъ своимъ Людовикомъ XIII торжественно отказывалась отъ всякихъ правъ на испанское наслѣдство. *Dumont*, t. V, p. II, p. 254; *Mignet*, *Négociations*, t. I, p. 27.

²⁾ *Dumont*, t. VI, p. II, p. 264.

³⁾ *Mignet*, *Négociations*, t. I, p. 36: Lettre de M. de Lionne à la reine, Madrid 24 Sept. 1656.... „Lorsque j'ai exécuté les ordres que son éminence (ro-естъ, Мазарини) m'avait données, de presser le mariage de l'infante avec le roi, à quelques conditions que ce pût être, quand même il faudrait pour cela sacrifier toutes nos conquêtes sans retenir une seule place“....

500 тысячъ золотыхъ экю) должна была въ силу особаго брачнаго договора¹⁾ торжественно отказаться за себя и за свое потомство отъ всякихъ притязаній на испанское наслѣдство, подобно тому, какъ отказалась за себя и за свое потомство отъ всякихъ подобныхъ же притязаній инфанта Анна Австрійская при вступленіи въ бракъ съ Людовикомъ XIII. Зная жалкое состояніе финансовъ Испаніи, хитрый Мазарини, благодаря содѣйствію Ліонна, поставилъ соблюденіе послѣдняго условія Пирнейскаго мира въ зависимость отъ условленнаго приданаго и притомъ въ условленные сроки²⁾. Такимъ образомъ Мазарини подготовилъ на будущее время предлогъ для притязаній Вурбонувъ на испанское наслѣдство, чтò давно уже составляло его любимую мечту, желѣнную имъ еще съ 1646 г., то есть, за четырнадцать лѣтъ до осуществленія ея³⁾.

Пирнейскій договоръ, съ точностью опредѣлившій границы между Испаніей и Франціей, и условленное бракосочетаніе Маріи-Терезіи съ Людовикомъ XIV, дѣйствительно состоявшееся 4-го іюня 1660 года, примирили долго враждовавшія между собою сосѣднія державы и должны были, казалось, сблизить на долго двѣ царственные семьи. Но и Пирнейскій миръ не былъ болѣе проченъ, чѣмъ миръ, заключенный въ Вервенѣ и еще ранѣе (1559 г.) въ Шато-Камбрези. Бракъ Людовика XIV съ Маріей-Терезіей послужилъ только къ скорѣйшему возобновленію борьбы. Не помогли нисколько дѣлу ни вторичное официальное отреченіе, собственноручно подписанное Маріей-Терезіей, уже по достиженіи ею двадцати лѣтъ, по гаспичивому желанію отца ея⁴⁾, ни клятвенное обѣщаніе Людовика XIV въ неукоснительномъ соблюденіи имъ отреченія Маріи-Терезіи⁵⁾.

¹⁾ Contrat de mariage de Louis XIV roi de France et de l'infante Marie Thérèse fille aînée du roi catholique. *Dumont*, t. VI, p. II, p. 283. *Lamberty*, t. I, p. 561—568 и 573; *Mignet*, t. I, p. 52—57.

²⁾ *Mignet*, t. I, p. 52: Extrait du contrat de mariage de Louis XIV avec l'infante Marie Thérèse du 7 Nov. 1659 art II.

³⁾ *Mignet*, *Négociations*, t. I, p. 33 et 34: Extrait d'un mémoire adressé le 20 janvier 1646 par le cardinal Mazarin aux plenipotentiaires français à Munster.... „L'infante, étant mariée à sa Magesté, nous pourrions aspirer à la succession des royaumes d'Espagne quelque rénonciation qu'on lui fit faire“ etc.

⁴⁾ Текстъ этого акта отреченія помѣщенъ у *Lamberty*, t. I, p. 568—572, у *Dumont*, t. VI, p. II, p. 288. См. также *Mignet*, t. I, p. 58—59: Renonciation avec serment de l'infante Marie Thérèse future reine de France à tout le droit de succession d'Espagne.

⁵⁾ *Mignet*, *Négociations*, t. I, p. 95.

Мы знаемъ дѣйствительно, что съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XIV¹⁾ сталъ самодержавно управлять Франціей, онъ постоянно обнаруживалъ намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ нарушить упомянутое условіе Пиринейскаго мира, подтвержденное ею клятвеннымъ общаніемъ, и постоянно занятый вопросомъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, хлопоталъ объ уничтоженіи акта отреченія, готовясь въ то же время къ войнѣ на случай неудачи переговоровъ. Людовикъ XIV тѣмъ болѣе настаивалъ на своихъ правахъ на испанское наслѣдство, что Филиппъ IV не выплачивалъ суммы денегъ, обѣщанной Маріи-Терезіи въ замѣнъ ея правъ на испанское наслѣдство и, стало быть, самъ не выполнялъ того условія Пиринейскаго договора, въ зависимость отъ котораго было поставлено самое отреченіе Маріи-Терезіи отъ отцовскаго наслѣдства. Не получая условеннаго приданнаго, Людовикъ XIV не разрѣшилъ своей супругѣ подтвердить данное ею отреченіе послѣ пріѣзда во Францію, согласно съ условіями брачнаго договора. Между тѣмъ это отреченіе могло бы имѣть болѣе значенія для успокоенія Мадридскаго двора, чѣмъ отреченіе, данное ею еще до бракосочетанія и какъ бы независимое¹⁾.

Обвиняя Филиппа IV въ нарушеніи брачнаго договора, Людовикъ XIV началъ съ Мадридскимъ дворомъ переговоры объ уничтоженіи акта договора и старался приготовить и остальные европейскія державы къ мысли о возобновленіи своихъ притязаній на испанскую корону. Можно сказать, что всѣ дипломатическіе переговоры, веденные Франціей въ теченіе долгодѣтнаго царствованія Людовика XIV, касались болѣею частью косвенно или прямо испанскаго наслѣдства, споръ о которомъ былъ главною пружиною всей дипломатической и военной дѣятельности Людовика XIV²⁾. Испанское наслѣдство занимало вѣншію политику и армію Людовика XIV въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ. Особенно ловко и искусно были ведены дипломатическія сношенія до начала семидесятыхъ годовъ, когда дипломатія Франціи была направляема тонкимъ и пропитательнымъ де-Люппомъ. Но извѣстно, что и самъ Людовикъ XIV былъ ловкимъ политикомъ, очень живо интересовался всѣми тонкостями дипломатіи и давалъ ей тонъ и направленіе.

¹⁾ *Mignet, Négociations, I, 70:* Louis ne se presse pas d'accomplir la formalité de la seconde renonciation, qui lui était imposée par le contrat. Il en était dispensé par le peu d'exactitude que Philippe IV avait montré dans l'exécution de ses propres engagements.

²⁾ *Mignet, Négociations, Introduction.*

Людовикъ XIV, успѣвшій очень скоро войти во вкусъ пріобрѣтенія испанскаго наслѣдства и начавшій съ этою цѣлью переговоры уже вскорѣ по вступленіи въ самодержавное управленіе Франціей, не считалъ нужнымъ отказаться отъ своихъ плановъ и послѣ того, какъ со смертію Филиппа IV испанская корона перешла на голову малолѣтняго Карла II. Послѣдній былъ болѣзненный ребенокъ, но ждать его, по видимому, близкой смерти казалось Людовику XIV, все-таки слишкомъ долгимъ и томительнымъ дѣломъ, и вотъ онъ придумалъ средство присвоить себѣ хотя бы часть испанскаго наслѣдства, не дожидаясь смерти Карла II. Основываясь на такъ-называемомъ деволуціонномъ правѣ, то-есть, на господствовавшемъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Испанскихъ Нидерландовъ обычаѣ, въ силу котораго при передачѣ отцовскаго наслѣдства отдавалось предпочтеніе дѣтямъ отъ перваго брака предъ дѣтьми втораго брака, Людовикъ XIV объявилъ притязанія по крайней мѣрѣ на часть испанскаго наслѣдства, именно на тѣ провинціи Испанскихъ Нидерландовъ, въ которыхъ господствовалъ упомянутый обычай. Убѣдившись въ невозможности добиться своего требованія путемъ дипломатіи, Людовикъ XIV прибѣгъ къ силѣ оружія и началъ войну за Испанскіе Нидерланды. По Ахенскому миру, которымъ окончилась эта война, Людовикъ XIV пріобрѣлъ цѣлый рядъ очень важныхъ для Франціи крѣпостей съ ихъ территоріями (Шарльруа, Атъ, Дуэ, Турнэ, Уденардъ, Лиль и др.), расширившихъ и упрочившихъ ея сѣверо-восточныя границы, до того времени очень слабыя съ этой стороны.

Война за Испанскіе Нидерланды повлекла за собою войну съ Голландіей. Людовикъ XIV рѣшился отомстить Голландской республикѣ за заключеніе ею тройственнаго союза съ Англіей и Швеціей противъ Франціи, союза, по настоящему посредничеству котораго былъ заключенъ союзъ въ Ахенѣ. Разстроивъ искусными дипломатическими маневрами этотъ тройственный союзъ, Людовикъ XIV обрушился на безпомощную, предоставленную лишь собственнымъ силамъ Голландію. Нападеніе Людовика XIV на Голландію испугало Германію и вызвало коалицію противъ Франціи изъ императора, курфюрста Бранденбургскаго, большей части имперскихъ княжествъ и Испаніи. Нимвегенскій миръ, которымъ закончилась война съ Голландіей, принесъ Франціи только ту пользу, что Испанія, вмѣшавшаяся въ борьбу, заплатилась за это потерю Франшъ-Конте и четырнадцати городовъ въ Испанскихъ Нидерландахъ.

II.

Безсиліе западной Европы въ виду возрастающаго могущества Франціи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка.

Успѣхи Франціи въ войнѣ за Испанскіе Нидерланды и въ войнѣ съ Голландіей, явное стремленіе Людовика XIV къ расширенію и укрѣпленію границъ своего государства на сѣверо-востокъ, притязанія его на все испанское наслѣдство, и вообще, быстрое развитіе могущества Франціи съ начала самодержавнаго правленія Людовика XIV стали внушать серьезныя опасенія западной Европѣ за сохраненіе политическаго равновѣсія. И дѣйствительно, Франція въ короткій періодъ времени выросла въ первенствующую державу, съ которой ни одна европеѣйская держава, сама по себѣ, не въ силахъ была состязаться. Во главѣ ея стоялъ проникнутый сознаниемъ своего самодержавія король во цвѣтѣ силъ, дѣятельный, трудолюбивый, съ твердою волею, олицетворявшій въ своей особѣ все государство, съ безграницною властью надъ своимъ народомъ, исполненный жаждою славы и окруженный такими дѣятельными и даровитыми сотрудниками, каковы были Кольберъ, Лувуа, де-Лионнъ, такими опытными и знаменитыми полководцами, какъ Тюренпъ, Конде, Люксамбургъ. Все должно было безусловно подчиниться неограниченной волѣ короля, который опирался на сочувствіе и благоговѣніе своего народа, жаждавшаго послѣ смуты Фронды строгаго порядка и государственнаго единства; передъ авторитетомъ короля, почти убѣжденнаго въ божественномъ происхожденіи своей власти, должны были смолкнуть парижскій парламентъ и преклониться еще такъ недавно мутившая гордая, строптивая аристократія. Во всѣхъ сферахъ жизни закипѣла энергическая работа; много накопившихся злоупотребленій, обусловливавшихся или насиліемъ вельможъ, или бездѣятельностью и хищничествомъ администраціи, было устранено; реформы Кольбера въ сферахъ финансовъ, торговли и промышленности, а также и администраціи, увеличили матеріальное благосостояніе Франціи, сдѣлали ее способною соперничать со своими сосѣдями въ торговлѣ и промышленности, подготовили громадныя средства для осуществленія политическихъ замысловъ Людовика XIV, ввели порядокъ и единство въ сферахъ управленія; реформы въ сферахъ суда улучшили гражданское законодательство и обезпечили личную и имущественную безопасность;

реформы Лувуа создали сильную, стройную и строго дисциплинированную армию, способную побѣдоносно бороться съ арміями многихъ коалицій, образовавшихся противъ Франціи; рядъ крѣпостей, сооруженныхъ по планамъ гениальнаго Вобана, обезопасилъ Францію отъ нападеній враговъ и упрочилъ сдѣланныя ею пріобрѣтенія; флотъ, созданный усилиями Кольбера и маркиза Сеньеле и руководимый такими адмиралами, какъ Дюкенъ, и Турвилъ, сдѣлался опаснымъ даже для такой морской державы, какою была тогда Голландія; благодаря начавшейся колонизаціи, господство Франціи утвердилось и за океаномъ. Въ это время Франція выросла и въ умственномъ отношеніи: Расинъ, Корнель, Мольеръ, Боссюэтъ, Фенелонъ придали блескъ французской литературѣ и сдѣлали ее предметомъ удивленія и подражанія во всей западной Европѣ. Французскій языкъ со времени Нимвегенскаго мира сталъ дипломатическимъ языкомъ всей Европы, а къ концу XVII столѣтія и разговорнымъ языкомъ всего образованнаго европейскаго общества; Франція сдѣлалась также законодательницей модъ, которымъ рабски слѣдовала вся Европа. Но особенно сильно давало себя чувствовать подавляющее превосходство Франціи съ начала царствованія Людовика XIV въ международныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ. Всюду, по всей Европѣ, дипломатія и политика Версальскаго кабинета раскинула свои сѣти, и не было, казалось, такого сколько-нибудь выдающагося политическаго вопроса въ жизни главѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ, на рѣшеніе котораго не имѣла бы большаго или меньшаго вліянія ея политика. И нужно сказать, что положеніе западно-европейскихъ государствъ во второй половинѣ XVII столѣтія этому, какъ нельзя болѣе, соответствовало. Въ Англии со времени реставраціи Стюартовъ Людовикъ XIV постоянно поддерживаетъ антагонизмъ между королемъ и парламентомъ, въ Голландіи — республиканскую партію противъ оранской; въ Германіи онъ господствуетъ надъ Рейнскимъ союзомъ и поддерживаетъ постоянно возстаніе Венгровъ противъ Австріи, а подчасъ направляетъ противъ нея и Турокъ; на Пиринейскомъ полуостровѣ Людовикъ XIV поддерживаетъ Португалію противъ Испаніи; всюду Людовикъ XIV находитъ себѣ союзниковъ, готовыхъ къ его услугамъ: Швейцарія является постоянною его союзницею, а также большою частію и Швеція; въ Германіи такимъ, почти постояннымъ, союзникомъ Франціи былъ курфюрстъ Баварскій, въ Италиі — герцогъ Савойскій. Всѣмъ этимъ объясняется легкость и нерѣдко безнаказанность многихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Людовикомъ XIV

въ первыя десятилѣтія его царствованія. Не говоря уже о приобрѣтеніи Дюнкирхена, безразсудно уступленнаго Карломъ II Франціи за пять милліоновъ ливровъ, Людовикъ XIV утверждаетъ свое господство надъ Лотарингіей, отнимаетъ у Испаніи Франшъ-Конте и цѣлый рядъ крѣпостей во Фландріи. Но Людовику XIV мало всего этого: онъ помышляетъ о приобрѣтеніи всего испанскаго наслѣдства, а при удобномъ случаѣ, даже и императорской короны.

Такъ какъ во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Людовикомъ XIV до конца XVII вѣка, ему всегда приходилось, вслѣдствіе его притязаній на испанское наслѣдство, вести борьбу съ Испаніей, и даже непосредственно предъ принятіемъ завѣщанія Карла II, Людовикъ готовился, при неудачѣ дипломатіи, силой оружія овладѣть Испанскою монархіей, то мы считаемъ нужнымъ выяснитъ здѣсь прежде всего, на сколько Испанія въ силахъ была, по своему внутреннему положенію въ царствованіе Филиппа IV и Карла II, оказать противодѣйствіе, равносильное стремленіямъ Франціи.

Въ территоріальномъ отношеніи Испанія въ царствованіе Филиппа IV и его сына не много утратила изъ тѣхъ земель, которыя входили въ составъ ея въ блестящую эпоху Филиппа II: и теперь, какъ прежде, солнце не заходило во владѣніяхъ Испанскаго короля. Но еще со времени Пиринейскаго мира она была бессильна въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Это безсиліе обуславливалось въ значительной степени и экономическимъ разстройствомъ и вообще внутреннею политикою Испаніи. Изгнаніе изъ Испаніи промышленнаго населенія Мавровъ и Евреевъ, презрѣніе Испанцевъ ко всякому промышленному труду, постепенное исчезновеніе прежней политической свободы, фанатическая дѣятельность инквизиціи, отпаденіе Нидерландцевъ, безпрерывныя войны, плохая администрація, все это, вмѣстѣ взятое, крайне ослабило Испанію, разорило ее въ экономическомъ отношеніи и свело на степенъ второстепенной державы. Такой король, какъ Филиппъ IV, еще въ молодости умышленно изгнанный и развращенный Лермою и находившійся подъ чуждымъ вліяніемъ то Лермы, то Оливареса, то другихъ, конечно, не въ состояніи былъ улучшить положеніе государства; преобразовательныя планы Оливареса, двадцать лѣтъ почти неограниченно управлявшаго Испаніей за Филиппа IV, ограничились лишь нѣкоторыми частными мѣрами (ограниченіе роскоши, мѣры для увеличенія народонаселенія) и не привели ни къ чему, а страшный произволъ, введенный имъ при вымогательствѣ новыхъ налоговъ для нескончаемыхъ войнъ,

только возбудилъ негодованіе въ Португаліи и привелъ къ отпаденію ея и къ возстанію въ Каталоніи, въ Андалузїи, въ Палермо и Неаполѣ. Ко времени, совпадающему почти съ началомъ самодержавнаго правленія Людовика XIV, именно въ 1662 г., финансовое положеніе Испаніи будто улучшилось, и государственные доходы значительно возрасли; но это обусловливалось такими чрезвычайными мѣрами, отъ которыхъ нельзя было ожидать постояннаго или даже продолжительнаго улучшенія, а именно отъ ухудшенія чекана монеты, отъ произвольнаго пониженія процентовъ по государственному долгу, отъ чрезмѣрнаго увеличенія и безъ того высокихъ косвенныхъ налоговъ, отъ введенія гербовой бумаги и, наконецъ, отъ продажи государственныхъ должностей и дипломовъ на дворянство. На самомъ же дѣлѣ финансовое и экономическое положеніе Испаніи въ царствованіе Филиппа IV постоянно ухудшалось, и многіе изъ процвѣтавшихъ прежде торговыхъ и промышленныхъ городовъ Испаніи, какъ Севилья, Толедо, Бургосъ и др., лишились значительной части своего населенія, уменьшили производительность снью и торговые обороты. Ухудшилось и внѣшнее политическое положеніе Испаніи. Не говоря уже о земляхъ, уступленныхъ Франціи, Испаніи тергѣла также и въ борьбѣ съ Голландіей. Голландскіе флоты опустошали колоніи и угрожали отнятіемъ Бразиліи, угрожали Кадиксу и Коруньѣ; прежнее господство Испаніи на моряхъ было утрачено; отъ громаднаго испанскаго флота временъ Филиппа II уцѣлѣли только жалкіе остатки, такъ что къ концу царствованія Филиппа IV всѣ морскія силы Испаніи состояли только изъ шести испанскихъ и изъ восемнадцати сицилійскихъ, неаполитанскихъ и сардинскихъ галеръ ¹⁾. „Дай Богъ, чтобы ты счастливѣе царствовалъ, чѣмъ я“: таковы были послѣднія слова умирающаго Филиппа IV, обращенныя къ его малолѣтнему наслѣднику; по желанію этому не суждено было осуществиться и въ царствованіе этого послѣдняго отпрыска испанскихъ Габсбурговъ. Карлъ II, который отличался такимъ болѣзненнымъ и ненормальнымъ развитіемъ, что пяти лѣтъ не умѣлъ свободно ходить, и котораго даже десяти-лѣтняго нерѣдко носили на рукахъ приставленныя къ нему женщины, Карлъ уступавшій по способностямъ своему отцу и дѣду, былъ плохую опорой для сильно распатанной Испанской монархіи. Для серьезнаго дѣла у Карла II до конца жизни

¹⁾ *Havemann*, Darstellung aus der inneren Geschichte Spaniens während des XV, XVI und XVII Jahrhunderts. Göttingen, 1850. S. 337—352.

не хватало ни силъ, ни терпѣнія, хотя онъ былъ на престолѣ 36 лѣтъ. Регенство надъ Испаніей было, согласно завѣщанію Филиппа IV, поручено королевѣ матери Маріи-Аннѣ Австрійской, сестрѣ императора Леопольда, въ помощь которой назначенъ былъ правительственный совѣтъ. Но регентша, ревниво оберегавшая свою власть и свои права предъ остальными членами регенства, совершенно подпала вліянію своего нѣмецкаго духовника Эбергарда Нейтгарда, очень хитраго, но крайне ограниченнаго іезуита, который былъ сдѣланъ генераломъ-инквизиторомъ и по своему званію занялъ видное мѣсто и въ регенствѣ. Не только Нейтгарду не было никакого дѣла до интересовъ Испаніи, но и сама регентша, не питавшая ни малѣйшей любви къ Испаніи, заботилась только объ интересахъ австрійскаго дома въ Испаніи; единственный способный и дѣятельный человекъ, который могъ имѣть сильное вліяніе на государственныя дѣла, именно побочный сынъ Филиппа IV, донъ-Жуанъ Австрійскій былъ, по настоянію королевы, устраненъ отъ участія въ совѣтѣ регенства. При такомъ правительствѣ политическое положеніе Испаніи съ каждымъ днемъ только ухудшалось. Слабость ея была такова, что она оказывалась неспособною не только къ борьбѣ съ усиливающеюся Франціей, но даже къ защитѣ своихъ владѣній отъ слабой сосѣдней Португаліи, такъ что не только въ Кастиліи, но и въ окрестностяхъ Севильи Испанці терпѣли сильно отъ нападений и грабежей Португальцевъ. Наконецъ, гордое, не смотря на свое безсиліе, испанское правительство, долго не соглашавшееся признать за Браганцскимъ домомъ королевскій титулъ, принуждено было въ 1668 г. признать Иакова IV королемъ Португаліи и, обезопасивъ себя этою цѣной со стороны менѣе сильнаго сосѣда, обратить свои силы на защиту Испанскихъ Нидерландовъ со стороны Франціи. Но само собою разумѣется оказавшаяся бессильною даже противъ Португаліи, Испанія не въ состояніи была ничего противопоставить могущественному королю Франціи. На борьбу съ многочисленною, образцовою и всѣмъ въ изобиліи снабженною арміею французскою, предводимую Тюреннемъ, испанское правительство выставило въ Испанскихъ Нидерландахъ немногочисленные полки, которые, не получая жалованья, должны были питаться милостыней¹⁾. И только благодаря образованію тройнаго союза, Испанія по Ахенскому миру заплатила менѣе за свое безсиліе, чѣмъ можно было бы ожидать, суля по началу блестящей кам-

¹⁾ *Наветана*, 357.

паніи французской арміи. Когда же, во время войны Людовика XIV съ Голландіей, Испанія рѣшилась принять сторону послѣдней противъ Франціи, то по Нимвегенскому миру понесла еще большія утраты во Фландріи и лишилась Франшъ-Конте. Еще не задолго до Нимвегенскаго мира Мессина, возставшая противъ ненавистнаго ей испанскаго владычества, провозгласила своимъ королемъ Людовика XIV, который уже отправилъ было туда своего вице-короля (февраль 1675 г.). Итальянскія и каталонскія войска, предназначавшіяся для войны противъ Франціи, успѣли подавить возстаніе, но былъ моментъ, когда, казалось, весь островъ Сицилія былъ уже потерянъ для Испаніи, и только своевременное появленіе голландскаго флота съ талантливымъ Рюйтеромъ во главѣ положило предѣлъ угрожавшей со стороны Франціи опасности ¹⁾.

Когда Карлъ II въ 1675 г. достигъ совершеннолѣтія, ему удалось ускользнуть изъ-подъ вліянія матери и приблизить къ себѣ въ качествѣ перваго совѣтника донъ-Жуана Австрійскаго. Но переворотъ, происшедшій въ управленіи Испаніей съ удаленіемъ въ Толедо регентши, оказался только внѣшнимъ и притомъ временнымъ. И донъ-Жуанъ, хотя и умный человекъ, оказался не способнымъ вывести Испанію на новый путь: его занимали всего болѣе его честолюбивыя мысли о достиженіи испанскаго престола, о благѣ же Испаніи онъ вовсе не заботился; онъ, напротивъ, умышленно поддерживалъ безопасность короля и всѣ сколько-нибудь выдающіяся по способностямъ личности удалялъ отъ двора. Но вскорѣ онъ и самъ былъ низвергнутъ интригами духовника Карла II, и возвратившаяся въ столицу Марія-Анна снова получила прежнее значеніе и вліяніе на дѣла. Эта борьба партій при мадридскомъ дворѣ еще болѣе ослабляла безсильную Испанію.

Къ концу царствованія Карла II разстройство Испаніи въ отношеніи политическомъ и общественномъ, въ отношеніи военныхъ силъ, финансовъ и народнаго хозяйства еще болѣе увеличилось, такъ что безъ защиты со стороны остальныхъ западно-европейскихъ государствъ Испанская монархія могла сдѣлаться легкой добычей для французскаго оружія, тѣмъ болѣе что пріобрѣтеніе испанскаго наслѣдства и составляло завѣтную мечту Людовика XIV, для осуществленія которой онъ былъ готовъ на всякія жертвы.

Везиліе Германіи еще съ Вестфальскаго мира обнаружилось въ

¹⁾ *Banko*, Franz. Gesch. V. III, S. 318; *Навотани*, 358.

полной мѣрѣ: императорскій домъ былъ униженъ; единство Нѣмецкой имперіи, давно уже, впрочемъ, бывшее почти только призракoмъ, было окончательно разрушено; самое имя „Германія“ сдѣлалось уже только традиціоннымъ географическимъ названіемъ для 355 духовныхъ и свѣтскихъ независимыхъ владѣній, которыя находились между собою въ отношеніяхъ права международнаго; безсиліе центральной власти, бездѣйствіе и неповоротливость имперскаго сейма, безнадежная испорченность медленной и продажной имперской юстиціи, постоянное возрастаніе власти отдѣльныхъ государей въ ущербъ единству имперіи; экономическое и финансовое разореніе страны, обнищаніе и одичаніе народа отъ долготѣщихъ войнъ, безсиліе въ военномъ отношеніи, упадокъ національнаго созванія и рабское слѣпое подражаніе всему французскому въ высшемъ классѣ — вотъ характеристическія черты Германіи во второй половинѣ XVII вѣка, когда съ запада ей постоянно угрожала Франція, а съ востока — Турція. Положеніе Австріи, стоявшей во главѣ имперіи, было немногимъ лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хуже, чѣмъ положеніе другихъ государствъ, входившихъ въ составъ имперіи, хотя, за исключеніемъ Богеміи, Австрія сравнительно меньше пострадала отъ Тридцатилѣтней войны, чѣмъ имперія вообще ¹⁾. Во главѣ Австріи стоялъ императоръ Леопольдъ, отличавшійся характеромъ слабымъ, нерѣшительнымъ, апатичнымъ, наивно-довѣрчивымъ. Заботясь почти исключительно о выгодахъ своихъ наследственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа, Леопольдъ ничего не сдѣлалъ и для улучшенія положенія своего государства: во всякихъ нововведеніяхъ и реформахъ онъ питалъ упорное недовѣріе и предубѣжденіе; яснаго и вѣрнаго взгляда на общее политическое положеніе Европы вообще и Австріи въ особенности у него никогда не было; въ дѣлахъ внутреннихъ онъ руководился большею частью совѣтами своего духовника и нѣсколькихъ іезуитовъ, съ которыми поддерживалъ постоянныя сношенія; въ экономическомъ и въ умственномъ отношеніи Австрія послѣ Вестфальскаго мира очень плохо и медленно оправлялась отъ крайняго разоренія; а между тѣмъ при дворѣ и въ администраціи господствовала крайняя расточительность: содержаніе безчисленнаго множества ненужныхъ чиновниковъ и многочисленнаго двора поглощало значительную часть бюджета, тогда какъ государственныи доходъ въ военное время оказывался недоста-

¹⁾ *Gaedeke, Die Politik Oesterreichs, II, 58.*

точнымъ даже для содержанія арміи, не говоря уже о расходахъ чрезвычайныхъ. Министры Леопольда — Лобковицъ, Ауэршпергъ, Ламбергъ, Квинскій, Гаррахъ Старшій и другіе — были большею частію такіе же нерѣшительные, апатичные и безцвѣтные люди, какъ и самъ король, а нѣкоторые изъ нихъ еще позорили себя и продажною. Политика Вѣнскаго кабинета отличалась крайнею близорукостью, безконечною медлительностью и частою безтактною. Между тѣмъ государство, состоявшее изъ совершенно разнородныхъ элементовъ, при крайней децентрализаціи, нуждалось въ твердомъ и сильномъ правительствѣ, которое сумѣло бы придать хоть нѣкоторое единство, нѣкоторую общность искусственно собраннымъ подъ одною верховною властью землямъ. На самомъ же дѣлѣ не только не существовало такого единства, но Австрія должна была еще постоянно опасаться отложенія одной изъ важнѣйшихъ провинцій, именно Венгріи, не разъ возстававшей противъ Габсбурговъ и мечтавшей о самостоятельной политической жизни. Не говоря уже объ опасности со стороны Франціи, Австріи нужно было постоянно почти быть на готовѣ противъ Турокъ, соединявшихся иногда съ Венграми. Между тѣмъ положеніе Австріи дошло до того, что самая столица ея чуть не попала въ руки Турокъ. Несомнѣнно, что безъ неожиданной помощи Польшы, Австрія оказалась бы безсильною освободить столицу, осажденную въ 1683 г. Турками. Правда, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., какъ въ войнахъ съ Турціей, такъ и въ войнахъ за испанское наслѣдство, Австрія имѣла значительный успѣхъ, но это объясняется или побѣдами гениальнаго Евгенія Савойскаго или содѣйствіемъ союзниковъ, то-есть, случайными причинами.

Руководимая слабымъ, нерѣшительнымъ императоромъ, раздробленная Германія оказывалась, разумѣется, большею частію совершенно несостоятельною въ борьбѣ съ могущественною Франціей или если и удавалось германскимъ войскамъ одерживать побѣды надъ арміями Людовика XIV, какъ это было во время войны за Голландію въ союзѣ съ Испаніей, съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и другими, то Германія не умѣла извлекать изъ своихъ побѣдъ тѣ выгоды, на которыя давали ей право ея побѣды, какъ это обнаружилось ясно при заключеніи Нимвегенскаго мира. Не даромъ же послѣ этого мира великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ, возмущенный слабостью и нерѣшительностью императора, отказался отъ союза съ имперіей и снова перешелъ, правда, на время, на сторону Людовика XIV; не даромъ, позже того, курфюрстъ Майнцскій, по

случаю захвата Людовикомъ XIV Страсбурга безъ всякаго противо-
дѣйствія со стороны императора, въ порывѣ раздраженія противъ
обнаруженной имъ слабости, воскликнулъ: „Австрія, очевидно, не спо-
собна болѣе отстоять имперію, нужно намъ поискать себѣ другою
императора“¹⁾).

Таково было положеніе Германіи въ виду возрастающаго могу-
щества Франціи, и понятно, она не могла служить противовѣ-
сомъ этому могуществу, не въ силахъ была поддержать политиче-
скаго равновѣсія Европы.

Положеніе Англіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII столѣтія также
благопріятствовало честолюбивымъ замысламъ и^o завоевательнымъ
стремленіямъ Людовика XIV. Когда по смерти Кромвеля власть
надъ Англіей перешла къ военачальникамъ, не имѣвшимъ ни спо-
собностей великаго протектора, ни его доблестей, и когда государ-
ству грозило господство солдатъ, обѣ господствующія партіи, кавалеры
и круглоголовые, епископы и пресвитеріане, забывъ на время
свои распри, рѣшились съ общаго согласія возстановить конститу-
ціонную монархію со Стюартами во главѣ. Но обѣ эти партіи, при-
мирившіяся на минуту для возстановленія монархіи, тотчасъ послѣ
реставраціи возобновили старинную вражду, какъ въ отношеніи по-
литическомъ, такъ и въ религіозномъ. Хотя въ палатѣ общинъ, из-
бранной еще до реставраціи, преобладали пресвитеріане, но боль-
шинство націи склонялось на сторону роялистовъ. О казни Карла I
и о господствѣ арміи толпа вспоминала уже съ омерзевіемъ. Встрѣ-
ченный при возвращеніи своемъ въ Англію съ неподдѣльнымъ вос-
торгомъ, Карлъ II въ первое время былъ такъ любимъ народомъ,
какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Но легкомысленный, лѣ-
нивѣй, преданный чувственнымъ наслажденіямъ и равнодушный къ
слабѣ, Карлъ II, хотя и одаренный отъ природы отличными способ-
ностями, не сумѣлъ сохранить народную привязанность и воспользоваться
своимъ благопріятнымъ положеніемъ для упроченія династіи Стюар-
товъ. Изъ всѣхъ превратностей судьбы, испытанныхъ имъ во время
своего скитальчества, онъ не вынесъ никакого умудряющаго опыта,
никакихъ благородныхъ стремленій. Подобно своему отцу и дѣду,
онъ тяготился контролемъ парламента и склоненъ былъ къ деспоти-
ческому правленію, не потому, чтобы раздѣлялъ убѣжденія
своего дѣда о божественномъ происхожденіи королевской власти, и

¹⁾ Ranke, Franz. Geschichte, B. III, S. 346.

не потому, что онъ находилъ, подобно отцу, наслажденіе въ личномъ управленіи государствомъ, а потому, что онъ не могъ выносить ничего, что стѣсняло его, мѣшало его сладострастному покою. Но стремясь къ усиленію своей власти, Карлъ II не обнаруживалъ никакого упорства и настойчивости, не шелъ на проломъ по системѣ Страффорда, а оказывался чрезвычайно гибкимъ и терпѣливымъ, пуская въ ходъ и подкупъ, и лесть, и уступки, и убіщанія, старался по возможности поддержать хорошія отношенія съ парламентомъ и выжидая благоприятнаго времени для начала борьбы, въ надеждѣ на сформированіе и поддержку постоянной арміи. Будучи въ душѣ католикомъ, Карлъ II и по политическимъ соображеніямъ своимъ отдавалъ предпочтеніе католическому вѣроисповѣданію предъ протестантскимъ, сознавая, что деспотизмъ въ государствѣ едва ли возможенъ при свободѣ совѣсти и изслѣдованія, неразлучной съ протестантизмомъ. Сильное противодѣйствіе со стороны парламента скоро убѣдило Карла II въ необходимости посторонней поддержки для осуществленія своихъ политическихъ и религіозныхъ плановъ. Эту поддержку Карлъ II надѣялся найти всего скорѣе въ Людовикѣ XIV, какъ въ самомъ абсолютномъ монархѣ и ревностномъ защитникѣ католицизма. Въ стремленіи къ усиленію своей власти Карлъ II находилъ въ первое время поддержку и въ канцлерѣ королевства, графѣ Кларендонѣ, который раздѣлялъ изгнаніе со Стюартами, и послѣ возвращенія въ Англію, сдѣлавшись первымъ министромъ, игнорируя происшедшій въ нравахъ и понятіяхъ переворотъ, по прежнему стоялъ за усиленіе монархической власти и съ ненавистью смотрѣлъ на круглоголовыхъ. Въ религіозныхъ же убѣжденіяхъ онъ расходился съ королемъ, будучи крайнимъ защитникомъ епископальной церкви и ненавидя пуританъ. Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ возстановленія на престолѣ Карла II, не только возстановлено было вполнѣ прежнее епископальное устройство, но начались даже жестокія гоненія противъ диссидентовъ, въ то время какъ папистовъ правительство щадило. Это естественно возбудило во многихъ подозрѣніе на счетъ искренности протестантскихъ убѣжденій короля и подорвало популярность его. Но скоро и сами роялисты стали осуждать дворъ, видя какъ возрастали пышность и роскошь его, а финансы все болѣе разстраивались. Обильное вино, веселые разговоры, красивыя леди поглощали все время короля. Продажа Людовику XIV Дюнкирхена, этого трофея англійской храбрости, усилила еще ропотъ противъ правительства, но этотъ глухой ропотъ замѣнило скоро бурное не-

годованіе всей націи, когда Карлъ II въ союзѣ съ Людовикомъ XIV началъ войну противъ протестантской Голландіи. Эта война покрыла Англію позоромъ и еще болѣе уронила въ глазахъ націи правительство. Всего болѣе гнѣвъ народа обрушился на Кларендона, какъ на отвѣтственнаго главу министерства: его обвиняли и въ продажѣ Дюнкирхена, и въ соженіи англійскихъ кораблей ворвавшимися въ Темзу Голландцами, осадившими самую столицу. Только бѣгствомъ изъ Англіи Кларендонъ спасъ свою жизнь, но былъ осужденъ парламентомъ на вѣчное изгнаніе. Такъ какъ приверженность къ Франціи было однимъ изъ главныхъ обвиненій, выставленныхъ нижнею палатою противъ Кларендона, и такъ какъ англійская нація подозрительно смотрѣла на сношенія своего правительства съ французскимъ дворомъ, то Карлъ II и его новыя совѣтники нашли нужнымъ переменить фронтъ и, уступая общественному мнѣнію, разорвать дружбу съ Франціей и заключить союзъ съ Генеральными штатами противъ Людовика XIV, армія котораго въ это время уже побѣдоносно дѣйствовала въ Испанскихъ Нидерландахъ. Переговоры съ Голландіей поручено было вести опытному дипломату Уильяму Темплю, англійскому резиденту въ Брюсселѣ. Голландія, сама ревниво слѣдившая за усиліями французскаго оружія въ сосѣдней Фландріи, охотно вступила въ переговоры съ Англіей. Къ союзу, заключенному между ними, вскорѣ примкнула и Швеція, и такимъ образомъ составился тройной союзъ (Triple-alliance). Этотъ союзъ, который съ одинаковою радостью привѣтствовали въ Англіи и роялисты, и круглоголовые, не былъ по душѣ Карлу II, давшему свое согласіе только въ виду усиленія такъ-называемой патриотической партіи (Country party). Но уступка, сдѣланная этой партіи, къ которой принадлежали искренніе патриоты, какъ изъ епископаловъ, такъ и изъ пуританъ, придала ей много силъ и увеличила ея притязанія. Чувствуя себя связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, тяготясь давленіемъ парламента и не имѣя на своей сторонѣ никакой партіи, Карлъ рѣшился вступить въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV и съ помощью его армій и денежныхъ субсидій сбросить съ себя зависимость отъ парламента. Посредницею между Вайтгольскимъ и Версальскимъ дворами была сестра Карла II, Генріэта, герцогиня Орлеанская, невѣстка Людовика XIV. Черезъ нее-то Карлъ II далъ знать Людовику XIV о своей готовности принять открыто католицизмъ, расторгнуть тройственный союзъ и соединиться съ Франціей противъ Голландіи подъ условіемъ военной и денежной помощи со стороны Лю-

довика XIV для утвержденія неограниченнаго правленія въ Англіи. Людовикъ XIV, надѣясь извлечь пользу изъ союза съ Англіей для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ, охотно согласился на предложеніе Карла II. И вотъ въ маѣ 1670 г. между Англіей и Франціей былъ заключенъ въ Дуврѣ тайный договоръ, въ силу котораго Карлъ II обязывался объявить въ Англіи католицизмъ господствующею религіей, помогать Людовику XIV въ войнѣ противъ Голландіи и поддерживать притязанія его въ Испаніи; съ своей стороны, Людовикъ XIV обѣщаль Карлу II, кромѣ денежной субсидіи, и военную поддержку въ случаѣ возмущенія въ Англіи. Для упроченія своего союза съ Англійскимъ королемъ, Людовикъ XIV не щадилъ никакихъ средствъ: зная слабость Карла II къ красивымъ женщинамъ, Людовикъ XIV отправилъ къ двору его дѣвицу Керруай, которая должна была овладѣть Карломъ II и привязать его къ французской политикѣ.

Предполагаемая война съ Голландіей требовала громаднхъ издержекъ, а поступавшіе въ казну доходы оказывались недостаточными даже и въ мирное время. Пришлось прибѣгнуть къ новому займу, по которому правительство затруднялось уплатить даже проценты, не говоря уже о погашеніи долга. Между тѣмъ война съ Голландіей усложнилась вслѣдствіе присоединенія къ послѣдней Испаніи и Германіи. Попытка произвольно возвысить налоги могла вызвать возмущеніе, а на помощь Людовика XIV для подавленія этого возмущенія Карлъ II не могъ разчитывать во время войны: пришлось волей-неволей созвать парламентъ для разрѣшенія налоговъ. Созванный весной 1673 г. парламентъ тотчасъ далъ почувствовать Карлу II свою власть. Незадолго передъ тѣмъ новое министерство Кабаль, поддерживавшее политику короля, издало эдиктъ о свободѣ вѣроисповѣданій съ цѣлью дать правительству возможность покровительствовать католикамъ. Отечественная партія во вновь созванномъ парламентѣ съ яростью напала на политику министерства и потребовала уничтоженія акта о свободѣ вѣроисповѣданій. Но затѣмъ палата общинъ пошла далѣе и вынудила у короля согласіе на законъ, извѣстный подъ именемъ Test-act, въ силу котораго всѣ лица, находившіяся на военной и гражданской службѣ, должны были давать присягу въ томъ, что они не раздѣляютъ догматовъ католической церкви. Карлъ II долженъ былъ также распустить ненавистное министерство Кабаль и заключить союзъ съ Голландіей. И дѣйствительно, въ началѣ 1674 г. Англія заключила отдѣльный миръ съ Голлан-

дѣй, и Людовику XIV пришлось уже одному продолжать борьбу съ цѣлою коалиціей державъ. Когда Версальскому кабинету стало извѣстно, что нижняя палата настаиваетъ на войнѣ съ Франціей, и что патриотическое направленіе новаго премьера, графа Донби, начинаетъ брать верхъ въ самомъ совѣтѣ короля, тогда Людовикъ XIV вдругъ переимѣнилъ политику въ отношеніи Англіи: до сихъ поръ онъ поддерживалъ тронъ противъ парламента, теперь онъ вошелъ въ сношенія съ парламентскою оппозиціей чрезъ своего посла Барильона и сталъ поддерживать парламентъ противъ Карла II, которому онъ также мало довѣрялъ, какъ и оппозиція. Такимъ образомъ, начиная съ реставраціи, Людовику XIV удавалось или пользоваться силами Англіи, какъ союзной державы, или держать ее въ совершенномъ бездѣйствіи. Въ такомъ бездѣйствіи относительно континентальныхъ дѣлъ оставалась Англія до вступленія на престолъ Англіи Вильгельма Оранскаго. Правда, въ началѣ 1678 г., когда принцъ Оранскій былъ обрученъ съ племянницей Карла II, Маріей, дочерью герцога Йоркскаго, заключенъ былъ оборонительный союзъ между Англіей и Соединенными Штатами Нидерландовъ; но, какъ оборонительный, союзъ этотъ нисколько не мѣшалъ завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XIV. Карлъ II, напротивъ того, продолжалъ поддерживать связи съ Людовикомъ, и даже Галифаксу, ставшему во главѣ министерства вмѣсто Донби, низвергнутаго интригами Версальскаго кабинета, не удалось при всемъ расположеніи къ нему Карла убѣдить его разорвать связи съ Людовикомъ и заключить съ Голландіей договоръ на основаніяхъ тройственнаго союза: и самъ Карлъ, и братъ его герцогъ Йоркскій, получившій сильное вліяніе на дѣла, все еще продолжали дѣлать въ душѣ надежду на осуществленіе цѣли Дуврскаго трактата. Когда же вступилъ на престолъ герцогъ Йоркскій подъ именемъ Іакова II, то положеніе Людовика XIV относительно Англіи сдѣлалось особенно выгоднымъ. Іаковъ II, стремившійся уже явно къ водворенію католицизма въ Англіи и тяготившійся контролемъ парламента, подобно Карлу II, сознавалъ, что только съ помощію арміи и золота Людовика XIV, онъ могъ еще разчитывать на достиженіе своихъ политическихъ и религіозныхъ плановъ; но, кромѣ того, онъ относился еще къ Людовику съ унижительнымъ подобострастіемъ: недѣлю спустя послѣ вступленія на престолъ, онъ шлетъ Людовику XIV увѣреніе въ своей неизмѣнной преданности ему. Онъ безъ обиняковъ высказываетъ французскому послу, что безъ помощи Людовика XIV онъ ничего не можетъ сдѣ-

лать, что Французскій король имѣетъ право совѣтывать, а онъ, король Англии, готовъ принимать совѣты. Послѣ общанія денежной субсиди со стороны Людовика XIV слѣдуетъ заключеніе тайнаго союза между Англійей и Франціей; когда же Людовику XIV начинается грозить опасность со стороны Аугсбургской лиги, ему удается убѣдить Иакова II вступить въ союзъ открытый. Такимъ образомъ отъ реставраціи до революціи 1688 г., возведшей на престолъ Вильгельма Оранскаго, Англія не только не оказывала серьезнаго противодѣйствія Людовику XIV, но нерѣдко благопріятствовала его честолюбивымъ планамъ, не смотря на подозрительное и недоброжелательное отношеніе къ возрастающему могуществу Франціи со стороны англійской націи.

Въ совершенно иномъ положеніи была Франція относительно Голландіи во второй половинѣ XVII в. Голландія была единственнымъ государствомъ, которое по своему политическому и экономическому положенію могло оказывать и дѣйствительно оказывало въ теченіе всей второй половинѣ XVII в. почти систематическое противодѣйствіе завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XIV. Голландія была въ то время узломъ всѣхъ коалицій, которыя образовывались противъ Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ Испанія послѣ долгой и упорной борьбы должна была признать въ 1609 г. независимость Голландіи, эта незначительная по территоріи и абсолютному количеству населенія республика играла въ Европѣ въ теченіе всего XVII в. роль великой европейской державы и даже нерѣдко первенствующую роль. Такое важное значеніе Голландской республики въ это время обуславливалось прежде всего ея неоспоримымъ первенствомъ на моряхъ и въ сферѣ промышленности и торговли. Въ половинѣ XVII в. Голландія имѣла на морѣ такое же значеніе, какъ Англія при Наполеонѣ: она считала корабли свои тысячами и могла выставить до ста тысячъ матросовъ; голландскіе каперы были въ это время ужасомъ морей; гдѣ только торговля сношенія велись морскимъ путемъ, посредниками являлись Голландцы; половина Европы строила свои флоты на саардамскихъ верфяхъ. Морская торговля въ то время ни у одного народа не достигла такихъ размѣровъ, какъ у Голландцевъ: она обнимала весь тогдашній міръ и всѣ отрасли торговой промышленности. Это торговое господство въ теченіе долгаго времени обуславливалось первенствомъ Голландіи на моряхъ, чрезвычайнымъ развитіемъ кораблестроенія и чрезвычайною дешевизной фрахта. Благодаря этому, Голландія въ XVII в. не только доставляла въ Европу

индѣйскіе и американскіе продукты, но и въ самой Европѣ служила главною торговою посредницею между различными государствами. До 70-хъ годовъ XVII в. вся торговля тропическаго пояса была раздѣлена между двумя голландскими компаніями: Остѣ-индскою и Вестѣ-индскою, и когда въ 1674 г. Вестѣ-индская компанія послѣ полувѣкова процвѣтанія прекратила свое существованіе, Остѣ-индская продолжала увеличивать свои торговые обороты, такъ какъ наивысшей степени могущества въ Остѣ-индіи Голландцы достигли именно въ концѣ XVII в.

Отъ 30 до 40 большихъ трехмачтовыхъ кораблей ежегодно совершали рейсъ между Голландіей и Индіей, и каковы были размѣры торговли Остѣ-индской компаніи можно судить по тому, что въ 1663 году грузъ, привезенный изъ Индіи на пяти корабляхъ, былъ проданъ за миллионъ гульденовъ, между тѣмъ какъ покупная цѣна не превышала 600 тысячъ гульденовъ, а грузъ, доставленный въ 1697 г., купленный на мѣстѣ за 5 миллионъ гульденовъ, проданъ былъ за 20 миллионъ гульденовъ. Быстрое развитіе колонизаціи Голландіи въ Остѣ-Индіи, на Зондскихъ островахъ и въ Вестѣ-Индіи также, конечно, много способствовало развитію торговли въ Голландіи. Этому соотвѣтствовало и широкое развитіе промышленности: голландскія полотна до сихъ поръ еще въ славѣ; гарлемскія бѣлизны пользовались извѣстностью во всемъ мірѣ; лейденскія шерстяныя издѣлія превосходили даже англійскія; не говоримъ уже о сельскомъ промыслѣ, этомъ „золотомъ днѣ“ Голландіи: извѣстно, что она снабжала рыбой не только всю Европу, но и колоніи въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ. Благодаря свободѣ печати, Голландія приобрѣла господство и на книжномъ рынкѣ. Но не въ отношеніи только матеріальнаго благосостоянія выдвигалась Голландія среди другихъ западно-европейскихъ государствъ. Еще рѣзче выдѣлялась она господствовавшей въ ней политической и религіозною свободой и высокимъ и къ тому же общераспространеннымъ образованіемъ; въ каждой деревушкѣ была своя народная школа. Не только на поприщѣ науки и искусства, но и на государственномъ, Голландія выдвинула въ XVII в. цѣлый рядъ выдающихся личностей. Въ тотъ вѣкъ, когда во главѣ различныхъ отраслей науки стояли такіе ученые, какъ Салмазий, Гуго-Гроціи, Снеліусъ, когда цѣлый рядъ художниковъ, съ Рюйсдалемъ и Рембрандтомъ во главѣ, возводятъ ландшафтную и жанровую живопись на степень высокаго совершенства, цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, какъ Ольденбарневельдъ,

де-Виттъ, Рюйтеръ, Вильгельмъ Оранскій, Гейнзійусъ руководятъ военными и гражданскими дѣлами республики. Но, господствуя на моряхъ, Голландія была слаба на сушѣ, такъ что на сухомъ пути она не въ силахъ была отбиться собственными средствами не только отъ многочисленной арміи Людовика XIV, но даже отъ ничтожнаго войска Минстерскаго епископа. Тѣмъ не менѣе Голландія на континентѣ была для Франціи опаснѣе всѣхъ другихъ западно-европейскихъ державъ не по своимъ военнымъ силамъ, а по богатству, которое давала Голландской республикѣ возможность составлять союзы противъ Франціи, поддерживать подобно Людовику XIV своихъ союзниковъ денежными субсидіями, покупать чужеземное войско. Если Голландія уклонялась отъ войны, то другимъ державамъ трудно было воевать съ Людовикомъ XIV, потому что у нея былъ нервъ войны—деньги. Это-то всего болѣе и раздражало Людовика XIV противъ дерзкихъ торгашей, какъ называлъ онъ Голландцевъ въ порывѣ раздраженія. Но и помимо того, Людовикъ XIV, какъ глава абсолютной и католической державы, долженъ былъ естественно смотрѣть враждебно на сосѣднюю протестантскую республику, гдѣ, пользуясь свободой печати, начинала свивать себѣ гнѣздо оппозиціонная литература Франціи, гдѣ находили себѣ убѣжище гонимые во Франціи гугеноты, когда началось преслѣдованіе ихъ. Голландія же болѣе другихъ государствъ имѣла основаніе опасаться возрастающаго могущества Франціи и притязаній Людовика XIV на испанское наслѣдство, особенно его покушенія на Испанскіи Нидерланды. Вотъ почему Голландія была центромъ всѣхъ коалицій и соглашеній, направленныхъ противъ завоевательныхъ стремленій и захватовъ Людовика XIV и тройнаго союза, заключеннаго по инициативѣ Вильгельма Оранскаго между Голландіей, Швеціей, Испаніей и императоромъ для поддержанія основъ Вестфальскаго и Нимвегенскаго договора ¹⁾, и наконецъ, Аугсбургской лиги. Но въ Голландской республикѣ не было уже того единодушія, которое дало ей возможность выйдти побѣдоносно изъ борьбы съ колоссальною Испанскою монархіей: въ Голландіи уже давно шла борьба двухъ партій—республиканской и штатгальтерской или оранской. Республиканская партія, стоя на стражѣ политической свободы, не боялась морскихъ войнъ, клонившихся къ поддержанію морскаго и торговаго могущества республики, но постоянно противилась сухопутной войнѣ, опасной по неимѣнію

¹⁾ *Ranke*, Franz. Gesch., III, 345.

сухонутнаго войска и нежелательной по тому значенію, какое могъ получить стоящій во главѣ арміи полководецъ. Главою республиканской арміи былъ пенсіонарій провинціи Голландіи, имѣвшій по своимъ личнымъ достоинствамъ рѣшительное вліяніе на дѣла Соединенныхъ Штатовъ. Партія штатгальтерская или оранская, отличавшаяся приверженностію къ потомству Вильгельма Молчаливаго, желала видѣть во главѣ страны принца Оранскаго Вильгельма III, единственнаго представителя Оранскаго дома. Эта борьба партій, ослаблявшая силы Голландской республики, была на руку Людовику XIV, тѣмъ болѣе, что боявшаяся сухонутной войны республиканская партія должна была желать мира съ могущественною Франціей и даже искать ея союза: только сильный страхъ, вызванный вторженіемъ Людовика XIV въ Испанскіе Нидерланды и быстрыми успѣхами его оружія, заставилъ де-Витта поспѣшить образованіемъ тройнаго союза. Но послѣ Ахенскаго мира союзъ распался. Англійскій и Шведскій короли, купленные французскимъ золотомъ, перешли на сторону Людовика XIV; Ганноверъ, Кельнъ, Мюнстеръ также примкнули къ союзу съ Франціей. Императоръ Леопольдъ, подъ вліяніемъ своихъ, подкупленныхъ Людовикомъ XIV, министровъ, обязался тайнымъ договоромъ не помогать ни Голландіи, ни Англіи, ни Швеціи противъ Франціи; герцогъ Лотарингскій, на помощь котораго разчитывала Голландія, лишился своихъ владѣній. Когда въ изолированную такимъ образомъ Голландію вторглась многочисленная армія Людовика XIV и, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, стала овладѣвать провинціями Соединенныхъ Штатовъ, республиканская партія готова была купить миръ и деньгами, и территоріальными уступками; тогда-то партія оранская, какъ партія войны, взяла верхъ, и принцъ Оранскій былъ провозглашенъ штатгальтеромъ и генераль-капитаномъ. Глава республиканской партіи, Іоаннъ де-Виттъ и его братъ погибли жертвой народной ярости. Сторону находящейся на краю гибели Голландіи приняли вскорѣ курфюрстъ Бранденбургскій, императоръ, Испанія. Но стратегика гениальнаго Тюрення, а еще болѣе несогласія союзниковъ, дали Людовику XIV возможность выйдти побѣдоносно изъ борьбы съ этою коалиціей; Вильгельмъ Оранскій, дѣйствовавшій наступательно, терпѣлъ одну неудачу за другою въ битвахъ съ французскою арміей, которая не переставала одерживать побѣды и послѣ того, какъ лишилась Тюрення (въ битвѣ при Сасбахѣ). Не смотря на свои неудачи, Вильгельмъ Оранскій готовъ былъ продолжать войну до послѣдняго истощенія силъ Голландіи, такъ какъ

война дѣлала его власть необходимою. Республиканская же партія, опасавшаяся чрезмѣрнаго усиленія власти принца Оранскаго, провозглашеннаго въ 1674 г. наслѣдственнымъ штатгальтеромъ въ Голландіи, Зеландіи и Утрехтѣ, и напуганная его бракомъ съ англійскою принцессою Маріей, племянницею Карла II, желала, какъ можно скорѣе, заключить миръ съ Людовикомъ XIV, съ которыми она поддерживала сношенія. Такъ какъ отъ долгой войны слишкомъ сильно страдали коммерческіе интересы Голландіи, то требованіе мира сдѣлалось скоро почти всеобщимъ, и Голландія тѣмъ болѣе имѣла основаніе быть довольною условіямъ мира, что ей возвращены были всѣ города и земли, занятые Французами. Всѣ же невыгоды обрушились на Испанію. Опытъ показалъ, что только въ союзѣ съ сильной коалиціей, и то съ громаднымъ ущербомъ для своихъ финансовъ и торговли, Голландія могла бороться съ Людовикомъ XIV. Только когда сторуку Голландіи приняла и Англія, съ Вильгельмомъ Оранскимъ во главѣ, дѣла получили другой оборотъ.

III.

Притязанія Людовика XIV и императора Леопольда на испанское наслѣдство и проектъ раздѣла этого наслѣдства между ними.

Въ испанскомъ наслѣдствѣ были заинтересованы непосредственно, главнымъ образомъ, Франція и Германія или, вѣрнѣе, Французскій король Людовикъ XIV и императоръ Леопольдъ, которые оба основывали свои притязанія на это наслѣдство на близкомъ родствѣ съ королемою Испаніи, бездѣтницею Карломъ II. Отецъ Карла II, Филиппъ IV, былъ дважды женатъ: отъ перваго брака родилась дочь его Марія-Терезія, супруга Людовика XIV и мать дофина Франціи; отъ втораго брака родились у Филиппа Карлъ II и Маргарита, первая супруга императора Леопольда. Отъ этого брака императора съ испанскою инфантою произошла эрцгерцогиня австрійская Марія-Антуанета, вышедшая за-мужъ за курфюрста Баварскаго Максимилиана. Сынъ ихъ, принцъ Баварскій, имѣвшій послѣ дофина наибольшее правъ на испанскую корону, имѣлъ ко времени Ресвикскаго мира около пяти лѣтъ отъ роду. Мать же его умерла скоро послѣ разрѣшенія имъ отъ бремени (въ октябрѣ 1692 г.).

Отецъ Филиппа IV, Филиппъ III имѣлъ также двухъ дочерей, которыя обѣ были за мужемъ: одна, именно старшая, Анна Австрійская за отцомъ Людовика XIV Людовикомъ XIII, другая же, младшая, Марія-Антонія,—за императоромъ Фердинандомъ III, отцомъ императора Леопольда. Значить, Людовикъ XIV и императоръ Леопольдъ происходили отъ двухъ родныхъ сестеръ и женаты были на родныхъ сестрахъ, принцессахъ испанскихъ. Притомъ и мать, и жена Людовика XIV составляли старшую отрасль испанскаго дома, и потому Людовикъ XIV долженъ былъ бы быть признанъ главнымъ и законнымъ претендентомъ на испанское наслѣдство, еслибы мать и жена его, при выходѣ замужъ, не отrekliсь формальнымъ образомъ отъ всякихъ притязаній на наслѣдство, какъ за себя, такъ и за свое потомство. Но Людовикъ XIV не признавалъ законной силы этихъ актовъ отреченія, какъ несогласныхъ съ исконными обычаями и постановленіями относительно порядка наслѣдованія въ Испанской монархіи. Императоръ же не признавалъ никакого права за Людовикомъ XIV на испанское наслѣдство, опираясь на законной силѣ вышеупомянутыхъ актовъ. Опасаясь, однако, притязанія на испанское наслѣдство со стороны своего внука, принца Баварскаго, который имѣлъ больше права на то, чѣмъ самъ императоръ, послѣдній ставилъ свою дочь, жену курфюрста Баварскаго, передъ ея смертью, поднискать отроченіе отъ своихъ правъ на испанское наслѣдство за себя и за свое потомство въ пользу прямыхъ потомковъ императора мужскаго пола; такимъ образомъ Леопольдъ считалъ себя безусловно главнымъ и законнымъ претендентомъ на все испанское наслѣдство, въ случаѣ смерти бездѣтнаго Карла II.

Карлъ II былъ дважды женатъ: въ первый разъ на Маріи-Луизѣ, племянницѣ Людовика XIV, именно дочери брата его, герцога Орлеанскаго, и во второй разъ на Маріи-Аннѣ Палатинской, дочери курфюрста Филиппа-Вильгельма Палатинскаго и сестрѣ второй супруги Леопольда. Пока была въ живыхъ первая супруга Карла II, онъ склонялся на сторону Франціи, но она умерла прежде своего мужа. Вторая супруга Карла II, совершенно завладѣвшая имъ, склоняла его на сторону Австріи. Но такъ какъ у Карла II вовсе не было дѣтей ни отъ перваго, ни отъ втораго брака, то наслѣдниками его по закону были слѣдующія лица: 1) сынъ Людовика XIV и старшей дочери Филиппа IV—дофинъ Франціи; 2) принцъ Баварскій, сынъ курфюрста Баварскаго и внукъ Филиппа IV, и 3) сынъ императора Леопольда. Сверхъ того, въ томъ случаѣ, если бы все

потомство Филиппа IV вымерло, притязанія на испанское наслѣдство могъ предъявить еще герцогъ Савойскій, какъ правнукъ дочери Филиппа II, вышедшей замужъ за герцога Савойскаго Карла-Эммануила. Наконецъ, самыя отдаленныя права на испанскую корону принадлежали королю Португальскому.

Предвидя, въ случаѣ смерти Карла II безъ потомства, борьбу за испанское наслѣдство, Людовикъ XIV, еще за тридцать-два года до наступленія развязки критическаго вопроса, предложилъ императору проектъ предварительнаго раздѣла испанскаго наслѣдства. Переговоры съ Германскимъ императоромъ были начаты еще мѣсяцевъ за пять до вторженія французской арміи во Фландрію, вслѣдствіе предъявленія Людовикомъ XIV правъ на Испанскіе Нидерланды, и то не прямо черезъ посла Людовика XIV, а чрезъ преданнаго Людовику XIV графа Фюрстенберга, брата курфюрста Кельнскаго, и какъ бы по инициативѣ послѣдняго, будто бы взявшаго на себя роль посредника между Французскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ. Сначала переговоры эти велись лишь слегка, почти намеками, такъ какъ императоръ нисколько не довѣрялъ Людовику XIV и опасался своимъ согласіемъ на предложеніе Людовика XIV возбудить неудовольствіе Испанскаго короля. Тѣмъ не менѣе Людовикъ XIV извлекъ изъ начатыхъ переговоровъ, хотя неуспѣшно веденныхъ, желаемую пользу, такъ какъ ему удалось удержать императора въ полномъ бездѣйствіи во время войны за Испанскіе Нидерланды. Но и помимо того, что, благодаря начатымъ переговорамъ, Франція была гарантирована отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Австріи во время вторженія французской арміи во Фландрію, Людовику XIV было очень важно втѣнуть императора въ соглашеніе о раздѣлѣ Испанской монархіи, такъ какъ, при такомъ оборотѣ дѣла, предъявленное Французскимъ королемъ право на испанское наслѣдство, не смотря на формальное отреченіе отъ него и матери, и супруги Людовика XIV, было бы признано за нимъ со стороны государя, наиболѣе заинтересованнаго въ безусловномъ отрицаніи предъявленнаго притязанія¹⁾. Только уже мѣсяцевъ семь спустя, когда неуспѣшно начатые и потому прерванные переговоры были возобновлены, именно въ концѣ 1667 года, они приняли болѣе опредѣленный характеръ, какъ это видно изъ полномочія, даннаго Людовикомъ XIV его весьма

¹⁾ *Mignet, Négociations, II, p. 323 и слѣд.*

ловкому и искусному дипломатическому агенту при германскомъ императорѣ, кавалеру Гремонвиллю, отъ 12-го декабря 1667 г., и изъ собственноручнаго письма Людовика XIV къ самому императору Леопольду, отъ 13-го декабря того же года. Желая сохранить свое предложеніе о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства съ императоромъ въ самой строгой тайнѣ, Людовикъ помимо официальной инструкціи, данной Гремонвиллю отъ имени короля (и то безъ приложенія большой государственной печати), далъ своему полномочному послу въ Вѣнѣ еще полномочіе, писанное собственною его рукой, въ которомъ предоставлялъ ему договориться съ министрами императора и подписать съ ними условія относительно всѣхъ пунктовъ мирнаго договора по поводу столкновенія съ испанскою короною, возникшаго изъ-за Фландріи, вслѣдствіе непризнанія несомнѣваемыхъ правъ Французской королевы на эту провинцію, а также относительно предварительнаго улаженія тѣхъ споровъ, которые могли бы возникнуть между Французскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ въ недалекомъ будущемъ изъ-за испанскаго наслѣдства, въ случаѣ, если бы Испанскій король умеръ, не оставивъ по себѣ дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ ¹⁾). Въ концѣ этого полномочія Людовикъ XIV обязуется своимъ королевскимъ словомъ одобрить и привести въ исполненіе все то, на что упомянутый кавалеръ Гремонвиль согласится отъ имени его, Французскаго короля, въ силу даннаго полномочія ²⁾).

Въ силу предположеннаго Людовикомъ раздѣла Испанскаго государства между Франціей и Германскимъ императоромъ Гремонвиль уполномоченъ былъ предложить министрамъ императора проектъ слѣдующаго договора: На долю императора должны были достаться: 1) королевство Испанія, за исключеніемъ Наварры съ прилегающею къ ней мѣстности и укрѣпленнаго пункта Розъ; 2) всѣ

¹⁾ *Mignet, Négociations, II, p. 379—380.*

²⁾ *Ibidem. Pouvoir de la main de Louis XIV au chevalier de Gremonville. Paris 12 decembre 1667. «Je donne pouvoir au chevalier de Gremonville de negocier avec tels ministres, que le sérénissime empereur monsieur mon frère voudra députer munis d'un pareil pouvoir et d'ajuster avec eux conclure et signer tant les articles d'un traité de paix sur les differents présents que j'ai avec la couronne d'Espagne, que ceux d'un accommodement éventuel sur les differents que je pourrais avoir a l'avenir avec le dit sérénissime empereur pour raison de la succession aux Etats de la monarchie d'Espagne en cas de mort du roi catholique monsieur mon frère, sans enfans nés en légitime mariage» etc.*

Западныя Индіи; 3) Канарскіе острова; 4) всѣ земли въ Африкѣ; 5) королевство Сицилія; 6) Сардинія, и наконецъ, 7) Валлеарскіе острова. Французскій же король, въ силу предполагаемаго соглашения, долженъ былъ получить слѣдующія земли: 1) Франшъ-Конте; 2) герцогство Миланское; 3) королевство Неаполитанское; 4) нѣкоторые прибрежныя пункты въ Тосканѣ, включая и близъ лежащій островъ Эльбу; 5) Финаль, 6) Наварру съ прилежащею къ ней мѣстностью и съ укрѣпленнымъ пунктомъ Розъ по ту сторону Пиринеевъ, и наконецъ, 7) Филиппинскіе острова. При этомъ Гремонвилль долженъ былъ выставить на видъ министрамъ императора крайнюю умѣренность Французскаго короля, готоваго довольствоваться такимъ неравнымъ раздѣломъ, такъ какъ несомнѣнно, что одна только Испанія съ Западными Индіями составляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ земли, выговоренныя себѣ Французскимъ королемъ, вмѣстѣ взятая. Но если бы Гремонвилль убѣдился, что и на такія умѣренныя требованія короля Французскаго императоръ не согласенъ, и что изъ за этого могли бы прерваться начатыя переговоры, то Гремонвилль имѣлъ право, вслѣдствіе даннаго ему полномочія, поступиться своими требованіями въ пользу Франціи, но только съ крайнею постепенностью. Онъ долженъ былъ сначала поступиться Филиппинскими островами, потомъ мѣстностью Розъ и потомъ уже Наваррою. Еслибы императоръ сталъ еще настаивать на дальнѣйшихъ уступкахъ со стороны короля, особенно же на уступкѣ Милана и Финаля, то и отъ этихъ земель Гремонвилль уполномоченъ былъ отступить, но только въ томъ случаѣ, если бы въ замѣнъ Милана съ Финалемъ императоръ согласился уступить Франціи Сардинію и Сицилію, такъ что за всѣми уступками Франція могла бы получить слѣдующія земли: Франшъ-Конте и остальную часть Испанскихъ Нидерландовъ, королевство Неаполь, Сицилію и Сардинію и извѣстныя укрѣпленныя пункты Тосканы. Гремонвилль, согласно даннымъ ему инструкціямъ, долженъ былъ постараться убѣдить министровъ Германскаго императора въ томъ, на сколько предполагаемый договоръ выгоденъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ, то-есть, и для Франціи, и для Германіи, такъ какъ, въ силу этого договора о раздѣлѣ, каждая изъ нихъ должна пріобрѣсти гораздо болѣе земель, чѣмъ обѣ державы вмѣстѣ могли бы получить, рѣшая вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ посредствомъ оружія, въ случаѣ смерти Карла II безъ потомства ¹⁾).

¹⁾ *Mignet, Négociations, II, p. 359.*

Послѣ долгихъ переговоровъ, представлявшихъ, по замѣчанію Гремонвилля, много комичнаго ¹⁾; дѣло наконецъ было улажено, и 19-го января 1668 года въ Вѣнѣ подписаны были условія тайнаго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства между Людовикомъ XIV и Германскимъ императоромъ ²⁾.

Въ силу 3-й статьи договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, Франція выговорила себѣ въ концѣ концовъ слѣдующія земли: Испанскіе Нидерланды, Франшъ-Конте, Филиппинскіе острова, Наварру съ прилежащими къ ней землями, укрѣпленный пунктъ Розъ, земли, лежація на сѣверномъ берегу Африки, королевство Неаполь и Сицилію съ принадлежащими къ ней землями.

Въ силу 4-й статьи, договаривающіяся стороны обѣщали другъ другу всевозможную взаимную помощь для осуществленія договора въ томъ случаѣ, если бы которой либо изъ сторонъ встрѣтилось затрудненіе въ утвержденіи своихъ правъ въ какой-либо изъ выговоренныхъ договоромъ земель.

Въ силу 5-й статьи договоръ о раздѣлѣ теряетъ совершенно свою силу въ случаѣ рожденія у Карла II ребенка и достиженія имъ шестилѣтняго возраста, какъ будто бы между Людовикомъ XIV и императоромъ не состоялось никакого соглашенія.

По смыслу 8-й статьи, во все то время, пока договоръ будетъ имѣть силу, ни одна изъ договаривающихся сторонъ не имѣетъ права, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и по какой бы то ни было причинѣ, вступить въ соглашеніе съ какимъ бы то ни было королемъ, владѣтельнымъ княземъ или республикой, соглашеніе, которое было бы противно какой бы то ни было статьѣ даннаго договора.

Этому тайному договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, дѣйствительно сохранившемуся въ тайнѣ до сравнительно недавняго времени ³⁾, суждено было остаться мертвою буквою: болѣзненный Испанскій король, на близкой смерти котораго былъ построенъ весь проектъ раздѣла испанскаго наслѣдства, еще тридцать-два года

¹⁾ Ibidem, p. 412. Extrait d'une lettre du chevalier de Gremonville à M. de Lionne, Vienne, 8 Janvier 1668. «C'est une veritable representation de comédie italienne que la negociation ou je suis».

²⁾ Traité secret de partage de la succession d'Espagne entre Louis XIV et l'empereur Leopold, Vienne, 19 Janvier 1668. *Mignet*, II, p. 441—449.

³⁾ *Mignet*, Négociations, II, p. 13.

продолжалъ влечь свое жалкое существованіе, а предъ смертью, подъ вліяніемъ испанскихъ грандовъ и тонко веденной Людовикомъ XIV интриги, завѣщалъ все свое наслѣдство внуку Людовика XIV, Филиппу Анжуйскому.

IV.

Угрожающая политическому равновѣсію Европы политика Людовика XIV и борьба его съ Аугсбургской лигой. — Риевмскій миръ.

Ободренный своими блестящими успѣхами въ войнахъ за Испанскіе Нидерланды и въ войнѣ съ Голландіей и выступившею на ея защиту коалиціей, убѣдившись въ безсиліи каждаго изъ противниковъ въ отдѣльности, въ особенности раздробленной Германіи, Людовикъ XIV уже вскорѣ послѣ заключенія Нимвегенскаго мира задумалъ воспользоваться слабостью Германіи для расширенія и упроченія восточной границы Франціи и для утверженія французскаго господства на Рейнѣ. Онъ намѣтилъ себѣ съ этою цѣлью Люксембургъ, Страсбургъ и нѣкоторыя другія крѣпости (Гомбургъ, Вичъ и др.); особенно же важное значеніе придавалъ Людовикъ XIV окончательному присоединенію Эльзаса съ Страсбургомъ и Келемъ включительно, такъ какъ Эльзасъ прикрывалъ собою Франшъ-Конте и Шампань и обезпечивалъ Франціи обладаніе Лотарингіей. Не имѣя въ сущности никакого права на эти земли, Людовикъ XIV тѣмъ не менѣе заявилъ свои притязанія на нихъ, довольствуясь произвольнымъ толкованіемъ неясно формулированныхъ параграфовъ Вестфальскаго договора, тракующихъ объ уступкѣ Франціи трехъ епископствъ и опредѣлявшихъ положеніе десяти входившихъ прежде въ составъ Эльзаса имперскихъ городовъ ¹⁾. При заключеніи Нимвегенскаго мира Германія оказалась слишкомъ слабою для того, чтобы настоять на болѣе точномъ формулированіи спорныхъ пунктовъ Вестфальскаго договора, которое обезпечивало бы права имперіи, и вотъ Людовикъ XIV, пользуясь благоприятнымъ для него положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и тѣмъ, что Франція къ концу 70-хъ годовъ успѣла уже отдохнуть отъ предшествовавшихъ войнъ, учреждаетъ въ 1679 году въ Медѣ

¹⁾ *Banke, Franz. Geschichte, III, 331—332.*

и Брейзахѣ особые суды, такъ-называемые „камеры воссоединенія“ (chambres de réuion), которыя должны были розыскать, какія земли должны быть присоединены къ Франціи, какъ зависѣвшія когда-либо отъ Эльзаса и трехъ епископствъ. Мецкая палата признала права Франціи на множество чужеземныхъ леновъ, въ томъ числѣ Гомбургъ, Зальмъ, Саарбургъ и др., а Брейзахская палата, уравненная въ правахъ съ французскими парламентами, присудила безапелляціонно королю Французскому Гагенау и Вейсенбургъ и десять эльзасскихъ имперскихъ городовъ, которые по Вестфальскому миру были оставлены за имперіей. Только на основаніи приговора „воссоединительныхъ палатъ“ Людовикъ XIV занялъ всѣ эти города; всюду былъ выставленъ гербъ Французскаго короля; владѣтельные князья, чиновныя лица, сословія, должны были принести Французскому королю присягу въ вѣрнопопданствѣ. Если жители занятыхъ мѣстностей проявляли сопротивленіе и отказывались приносить присягу, ихъ подчиняли силой; если владѣтели жаловались Французскому королю на насиліе, ихъ жалобы направлялись въ воссоединительныя палаты, какъ будто эти послѣднія пріобрѣли значеніе общеевропейскихъ судилищъ. 30-го сентября 1681 года захваченный въ распахъ Страсбургъ долженъ былъ принять французское подданство. Еще ранѣе безансонскій парламентъ оттягалъ у герцога Виртембергскаго Монбельяръ, какъ принадлежавшій когда-то къ Фрапншъ-Контѣ, и такимъ образомъ герцогъ Виртембергскій Георгъ, какъ графъ Монбельяра, былъ признанъ вассаломъ Французскаго короля. Но воссоединительными палатами были нарушены права не только Германской имперіи, но и Шведскаго и Испанскаго королей и личные интересы Вильгельма Оранскаго. Въ 1681 году герцогство Цвейбрюкенское по праву наслѣдства перешло во владѣніе Шведскаго короля Карла XI, происходившаго изъ Пфальцъ-Клебургскаго дома, и это-то герцогство, по приговору мецкой палаты, было признано леномъ Французскаго короля, а такъ какъ приглашенный по этому дѣлу палатой Карлъ XI не счелъ нужнымъ явиться, то отнятое у него герцогство было отдано родственнику его, пфальцграфу Биркенфельдскому, въ качествѣ французскаго лена. Уже и прежде не расположенный къ Франціи, король Шведскій, оскорбленный безцеремонностью относительно него со стороны Версальскаго двора, рѣшилъ порвать союзъ съ Франціей и искать союза съ Голландскою республикой. Мецкая палата объявила притязанія также на владѣнія Испанскаго короля—графство Шани, герцогство и крѣпость Люксембургъ. Всѣ эти вла-

дѣнія, за исключеніемъ самой крѣпости Люксембурга, были тотчасъ же заняты; 4-го іюня 1684 года завоеванъ былъ и Люксембургъ, что сдѣлало Германію еще болѣе открытою со стороны Франціи. Захватомъ графства Шини Людовикъ XIV задѣлъ также права принца Оранскаго, какъ обладателя нѣкоторыхъ небольшихъ владѣній (Віанденъ, Сентъ-Витъ), входившихъ въ составъ графства Шини. Вызовъ мецкой палаты Вильгельмъ Оранскій принялъ за личное оскорбленіе, которое могло только усилить накипѣвшую въ душѣ его вражду къ Людовику XIV. Въ это-то время подъ вліяніемъ Вильгельма Оранскаго образуется оборонительный союзъ противъ Людовика XIV между Голландіей и Швеціей, и къ этому союзу вскорѣ примыкаютъ императоръ и Испанія. Цѣлью этого союза было возстановленіе политическаго равновѣсія Европы въ томъ видѣ, какъ оно было утверждено Вестфальскимъ и Нимвегенскимъ мирными договорами. Какъ мало Людовикъ XIV обращалъ вниманіе на этотъ оборонительный союзъ, доказываетъ лучше всего то, что въ томъ же году онъ захватилъ нѣкоторые города и округа въ Испанскихъ Нидерландахъ, а маршалъ Крени занялъ Триръ. Ни Голландія, ни Испанія, ни Германія ничего не могли сдѣлать въ это время для поддержанія политическаго равновѣсія, такъ какъ въ Голландіи, въ досадѣ Вильгельма преобладала въ то время анти-оранская партія, то-есть, партія мира, а безъ Голландіи безсильная Германія и Испанія не въ состояніи были дать отпоръ Людовику XIV. Какъ безсильна была въ это время Испанія, видно ужъ изъ того, что по договору, заключенному въ іюнѣ 1681 г. между Франціей и Голландіей, послѣдняя обѣщаетъ Людовику XIV заставить Испанію уступить Франціи на время заключеннаго на 20 лѣтъ перемирія отнятыя въ Испанскихъ Нидерландахъ города, со включеніемъ Люксембурга, а Людовикъ XIV обязуется за это прекратить на это время свои завоеванія въ Испанскихъ Нидерландахъ. Что этимъ перемиріемъ Людовикъ XIV не считалъ себя связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ относительно остальныхъ владѣній Испаніи, видно уже изъ появленія французскаго флота въ 1686 году въ гавани Кадикса, лишь по тому поводу, что испанскія таможи стали обнаруживать вдругъ особенную строгость относительно ввоза французскихъ товаровъ. Разумѣется, слабой Испаніи пришлось отказать отъ всякихъ строгихъ мѣръ относительно торговли съ Франціей.

Что касается Германіи, то она переживала въ это время самое критическое положеніе, угрожаемая одновременно и Франціей, и Турціей

и обезсиленная еще недостаткомъ единства, особенно же переходомъ курфюрста Бранденбургскаго на сторону Франціи. Понятно, что при такомъ положеніи созванный въ Регенсбургъ сеймъ долженъ былъ принять безусловно навязанное ему двадцатилѣтнее перемиріе, по которому за Франціей утверждались всѣ захваты, сдѣланные ею на основаніи договоровъ воссоединительныхъ палатъ до августа 1681 г., включая сюда Страсбургъ и Кель. Людовикъ XIV обязывался прекратить на время перемирія дальнѣйшія завоеванія въ Германіи. Это обязательство не помѣшало однако Людовику XIV уже въ слѣдующемъ году предъявить свои притязанія на части Шфальца импемъ Елизаветы-Шарлотты, жены брата Французскаго короля, герцога Орлеанскаго, урожденной принцессы Шфальцской. Могущество Людовика XIV давало себя чувствовать въ это время не только въ Испаніи, но и въ Италіи, гдѣ онъ въ 1681 г. отнялъ у герцога мантуанскаго важную крѣпость Казале, приобрѣтеніе которой было уже намѣчено дальновиднымъ кардиналомъ Ришелье, и которая была ключемъ къ Милану и къ испанскимъ владѣніямъ въ Италіи; бомбардированіе Генуи въ маѣ 1684 г. безъ всякаго достаточнаго повода со стороны Генуэзской республики и обнаруженная ею готовность униженіемъ предъ „великимъ королемъ“ умиловитъ его гнѣвъ еще болѣе доказываютъ всемогущество Людовика XIV въ это время и вызванное имъ опасеніе за нарушеніе политическаго равновѣсія Европы. Опираясь на преданное ему французское духовенство, прославлявшее „великаго короля“ за гоненія на гугенотовъ, какъ новаго Константина, новаго Θεодосія, Людовикъ XIV, хотя ревностный католикъ, позволялъ себѣ третировать и папу. Въѣхавъ въ Римъ въ 1687 г. съ вооруженною свитой, даже съ двумя эскадронами кавалеріи, французскій посланникъ презиралъ папу въ самой столицѣ его, а когда Иннокентій XI произнесъ надъ посланникомъ церковное отлученіе, Людовикъ XIV приказалъ занять Авиньонъ и арестовать папскаго нунція. Можно сказать, что одною только мобилизаціей нѣкоторыхъ частей грозной арміи своей, почти безъ выстрѣла, Людовикъ XIV приобрѣлъ въ мирное время насильственными захватами гораздо больше земель, чѣмъ приобрѣлъ онъ оружіемъ до Нимвегенскаго мира; въ сознаніи рѣшительнаго превосходства своихъ силъ, Людовикъ XIV не допускающимъ возраженій тономъ предписываетъ всѣмъ государствамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе, условія мира, обезпечивающія сдѣланные имъ уже захваты; мирные трактаты не мѣшаютъ ему предъявлять новыя притязанія, дѣлать новыя захваты; въ сознаніи своего всемо-

гущества, Людовикъ не смущался тѣмъ негодованіемъ, которое должны были вызвать его захваты въ Германіи и въ Испаніи, ни ненавистью и противодѣйствіемъ самаго непримиримаго его противника—Вильгельма Оранскаго, ни раздраженіемъ Шведскаго короля, которое было вызвано отнятіемъ Цвейбрюкенскаго герцогства. Лишившись союзницы въ Швеціи, Людовикъ тотчасъ приобрѣтаетъ новую союзницу въ Давіи, самомъ непримиримомъ врагѣ Швеціи. Не страшна была Людовику и могущественная въ 80-хъ годахъ XVII вѣка Турція, которая также съ опасеніемъ взирала на возрастающее могущество сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи и была молчаливою свидѣтельницей постоянныхъ нападений французскаго флота на Варварійскія владѣнія, признававшія верховную власть султана, именно на Триполи и на Алжирь. Слава о побѣдахъ „великаго короля“, грозная для своихъ враговъ и милостивая къ друзьямъ, проникла и на отдаленный Востокъ. Опираясь на свою армію, доведенную въ мирное время до 200 тысячъ человекъ и превосходившую арміи всѣхъ европейскихъ государствъ и способностью къ легкимъ и быстрымъ передвиженіямъ, и замѣчательною исправкой и дисциплиной, а также благодаря многочисленному флоту, который по численности (до 100 линейныхъ кораблей) былъ почти вдвое больше англійскаго флота, Людовикъ XIV, не останавливаясь на сдѣланныхъ уже приобретеніяхъ, все болѣе расширялъ свои властолюбивые планы и мечталъ о подчиненіи своему авторитету непосредственно или посредствомъ политики всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Стремясь возвести на престолъ Польши принца изъ дома Бурбоновъ, чему способствовало существованіе въ Польшѣ довольно значительной французской партіи, Людовикъ XIV надѣялся приобрести рѣшительное вліяніе на политику Польши и чрезъ нее имѣть возможность угрожать непосредственно и имперіи, и снова перешедшему на сторону послѣдняго курфюрсту Бранденбургскому и даже Россіи¹⁾). Въ это время, на высотѣ своего могущества, Людовикъ XIV болѣе, чѣмъ когда-либо, мечталъ и о достиженіи императорской короны. Неудача, испытанная имъ въ 1658 году, когда онъ явился соперникомъ Леопольда при избраніи его на императорскій престолъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, не заставила его окончательно отказаться отъ своихъ притязаній; напротивъ, по мѣрѣ усиленія своего могущества, онъ все болѣе вѣрилъ въ возможность осуществленія долго желанной мечты: не даромъ же Людовикъ XIV въ своемъ

¹⁾ *Ranke, Franz. Gesch. IV, 13 u 14.*

завѣщаніи дофину указываетъ на права дома Бурбоновъ, какъ прямого потомства Карла Великаго, на всѣ земли, входившія нѣкогда въ составъ его обширной монархіи, стало быть, и на Германію; Людовикъ XIV уплачивалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ Саксонскому курфюрсту Иоганну-Георгу II громадную денежную субсидію, чтобы только заручиться его голосомъ за Францію на сеймѣ. Надежды на поддержку притязаній Людовика XIV на императорскую корону со стороны Бранденбургскаго курфюрста Фридриха-Вильгельма заставляли Людовика XIV особенно высоко цѣнить союзъ и дружбу Великаго Курфюрста, который и самъ въ 1680 году, въ негодovanіи противъ слабости императора Леопольда, помнилъ о перенесеніи послѣ смерти Леопольда императорской короны на французскаго принца и въ этомъ смыслѣ вступилъ въ соглашеніе съ Людовикомъ, разчитывая съ его помощію присоединить къ своимъ владѣніямъ Померанію. Когда въ 1688 году на престолъ Бранденбургскій вступаетъ курфюрстъ Фридрихъ III, Людовикъ XIV спѣшитъ возобновить съ нимъ договоръ заключенный съ Великимъ Курфюрстомъ относительно содѣйствія дому Бурбоновъ въ достиженіи императорскаго престола ¹⁾. Фридрихъ III далъ уклончивый отвѣтъ, и переговоры не повели ни къ чему. Но Людовикъ XIV, не покидая надежды на успѣхъ, дѣятельно велъ переговоры съ наиболѣе вліятельными германскими князьями о доставленіи императорской короны французскому принцу и могъ, по видимому, разчитывать на успѣхъ, имѣя уже нѣсколько голосовъ въ коллегіи курфюрстовъ на своей сторонѣ: по крайней мѣрѣ курфюрсты Кельскій и Трирскій были на его сторонѣ, а подчиненіе Пфальца давало поводъ разчитывать и на голосъ курфюрста Пфальцскаго, такъ что Людовикъ XIV могъ бы располагать даже большинствомъ голосовъ въ коллегіи курфюрстовъ. Но этимъ честолюбивымъ замысламъ Людовика XIV не суждено было осуществиться.

Не отказываясь отъ притязаній на императорскую корону, Людовикъ XIV тѣмъ менѣе могъ отказать отъ притязаній на испанское наслѣдство: этой цѣли онъ никогда не упускалъ изъ виду и ждалъ только наступленія удобнаго момента, чтобы выступить со своими притязаніями, но какъ только состояніе здоровья Карла II угрожало приближеніемъ катастрофы, какъ было это въ 1687 году: Людовикъ XIV тотчасъ же напоминаетъ о неприкосновенности своихъ правъ на

---

¹⁾ *Ranke, Franz. Gesch.* III 346—47; IV, 13.

испанское наслѣдство и о готовности всѣми мѣрами отстаивать эти права.

Постоянныя насилія Людовика XIV, его не прекращающіеся захваты, возрастающія вмѣстѣ съ его могуществомъ притязанія, страшный гнетъ, испытываемый почти всею западною Европой отъ ничѣмъ не умѣряемаго произвола и высокоумія Людовика, грозили ей серьезною опасностью: казалось, недалеко уже было до осуществленія того призрака универсальной монархіи, который снова возникъ въ запуганномъ воображеніи западно-европейскихъ народовъ. подъ вліяніемъ невыносимаго давленія Франціи, какъ былъ это въ эпоху высшаго могущества Испанско-Габсбургскаго дома, особенно Карла V, въ то время, когда политика его давала себѣ такъ сильно чувствовать. Но насилія Людовика XIV и угнетеніе имъ западной Европы накопили противъ него во всѣхъ государствахъ ея страшную вражду, которой отиѣна Нантскаго эдикта и систематическое преслѣдованіе гугенотовъ во Франціи придали во всѣхъ протестантскихъ государствахъ особенную горечь и остроту. Особенно это сказалося въ союзнной съ Франціей Голландіи, въ которой гонимые гугеноты находили чаще всего пріютъ, и во главѣ которой стоялъ самый ревностный защитникъ протестантизма и самый заклятый врагъ Людовика XIV—Вильгельмъ Оранскій; вражда его къ Людовику обусловливалась отчасти и его личными интересами, но еще болѣе—принципіальною ненавистью къ насильственной и ультра-католической политикѣ Людовика XIV. Подавляющее могущество Франціи во второй половинѣ XVII вѣка, обрушившееся прежде всего на собственное отечество Вильгельма III, и проявившееся потомъ въ цѣломъ рядѣ произвольныхъ политическихъ актовъ Людовика XIV, воспламенило Вильгельма никогда не угасавшимъ въ немъ чувствомъ вражды къ Франціи и особенно къ Людовику XIV; спасеніе отъ чрезмѣрнаго властолюбія Людовика XIV Вильгельмъ видѣлъ только въ противовѣсѣ, образуемой другими, болѣе слабыми государствами или хоть большинствомъ ихъ, и со времени Нимвегенскаго мира онъ дѣйствительно былъ творцомъ и руководителемъ всѣхъ образовавшихся противъ Франціи коалицій. Но мы видѣли, что, на бѣду для Европы, Вильгельмъ Оранскій въ самомъ отечествѣ своемъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе со стороны республиканской партіи, стоявшей за миръ съ Франціей.

Между тѣмъ и въ другихъ государствахъ западной Европы возрастала вражда противъ Людовика XIV, и это дало возможность Вильгельму Оранскому еще въ 1686 году образовать Великую Аугсбург-

скую лигу для поддержанія *statu quo* противъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV. Къ этому союзу применили, кромѣ Испаніи, Голландіи, императора, курфюрста Бранденбургскаго и многихъ другихъ германскихъ князей, Швеція и Савойя.

Но и образованіе Аугсбургской лиги не остановило захватовъ Людовика. Вскорѣ послѣ того онъ отнимаетъ всѣ владѣнія Тевтонскаго ордена въ Лотарингіи, Эльзасѣ и Франшъ-Конте и отдаетъ ихъ основанному имъ ордену св. Лазаря. Затѣмъ онъ посягнувъ на права маркграфа Баденъ-Дурлахскаго, построивъ на принадлежавшемъ ему рейнскомъ островѣ фортъ Луи и соединивъ его съ германскимъ берегомъ Рейна. Въ одномъ только отношеніи можно въ это время замѣтить переѣмъ въ политикѣ Людовика XIV: у него стало обнаруживаться опасеніе за возможность удержанія за собою неприкосновенными всѣ сдѣланныя приобрѣтенія; образованіе Аугсбургской лиги также служило ему въ этомъ отношеніи предостереженіемъ; онъ, конечно, понималъ, что, какъ только императору удастся или побѣдить Турокъ, или заключить съ ними миръ, Германія устремитъ всѣ свои силы противъ Франціи и попытается возвратитъ захваченныя ею земли. Вотъ почему въ это время Людовикъ XIV старался всѣми силами склонить Германію къ признанію за Франціей на всегда ея правъ на всѣ тѣ земли и приобрѣтенія, которыя были признаны за Франціей Рогенсбургскимъ сеймомъ только на срокъ заключеннаго съ Людовикомъ XIV двадцатилѣтняго перемирія. Но съ одною Германіей легко было справиться; сильна могла быть Германія только въ союзѣ съ другими государствами, и особенно съ Голландіей, финансовая помощь которой могла дать возможность союзнымъ съ нею державамъ выдержать долгую войну; поэтому раздраженіе Людовика XIV противъ Голландіи стало все болѣе возрастать: гдѣ только онъ могъ, онъ старался вредить Голландской республикѣ; такъ, въ 1686 году онъ началъ переговоры съ султаномъ, имѣвшіе цѣлью запрещеніе Голландцамъ вести торговлю въ Османской имперіи ¹⁾. Мало того, Людовикъ XIV помышлялъ серьезно объ уничтоженіи Голландской республики и для этого думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, когда Германія, занятая войной съ Турціей, не въ состояніи была оказать республикѣ серьезную поддержку. Людовикъ XIV разчитывалъ даже склонить императора на свою сторону противъ Голландіи и въ союзѣ

¹⁾ *Depping. Correspondance administrative, III, 656: Lettre du roi 31 août 1686.*

съ нимъ и съ Англійскимъ королемъ Іаковомъ II, раздѣлявшимъ враждебныя чувства Людовика XIV къ республикѣ, осуществить свои разрушительныя планы относительно нея ¹⁾. Только съ Англійей Людовикъ XIV старался поддержать союзъ и дружбу, довольный подобострастнымъ поклопеніемъ Іакова II, и сознавалъ, что переходъ Англійи на сторону враговъ его могъ бы значительно увеличить ихъ силы и неблагопріятно отозваться на положеніи Франціи. Но именно то, чего такъ опасался Людовикъ XIV, то-есть, присоединеніе Англійи къ его врагамъ, совершилось послѣ революціи 1688 г., результатомъ которой было сверженіе съ престола Іакова II, искренняго друга и союзника Людовика XIV, и возведеніе на англійскій престолъ Вильгельма III, заклятаго врага Людовика XIV.

Еще до вступленія Вильгельма на престолъ Англійи столкновеніе Людовика XIV съ папою Иннокентіемъ XI, вызванное отказомъ папы назначить Кельнскимъ архіепископомъ кандидата, покровительствуемаго Людовикомъ XIV, именно кардинала Фюрстенберга, вмѣсто умершаго курфюрста Кельнскаго Фердинанда Баварскаго, вѣрнаго союзника Голландской республики, и угроза Людовика XIV посадить своего кандидата помимо Рима и имперіи дало принцу Оранскому давно уже съ нетерпѣніемъ ожидаемый предлогъ для того, чтобы приступить къ организаціи общей коалиціи изъ противниковъ французскаго вліянія и начать вооруженія. Вильгельмъ надѣялся удержать Людовика XIV на Рейнѣ и этимъ временемъ воспользоваться для высадки въ Англійи и занятія ея престола, о чемъ шли у него переговоры съ вождями парламентской оппозиціи еще съ начала 1686 г. Случай, представившійся теперь Вильгельму осуществить давно задуманные имъ планы, вызвалъ наружу всю его энергію. Въ нѣсколько недѣль образовалась огромная коалиція противъ Франціи изъ Голландіи, Австріи, Испаніи, Бранденбурга, Баваріи, Саксоніи, Даніи, Швеціи, Савойи. Даже папа примкнулъ къ оппозиціи противъ Людовика XIV и обѣщалъ Вильгельму III значительныя субсидіи ²⁾.

Было очевидно, что война становится неизбежною. Людовикъ XIV рѣшился сдѣлать первый шагъ и быстрымъ нападеніемъ на правый берегъ Рейна заставилъ императора, все еще занятаго войною съ Турціей, заключить вмѣсто прежняго перемирія прочный миръ на

¹⁾ *Ranke*, Franz. Gesch. B. IV, S. 14.

²⁾ *Ranke*, Римскіе папы, т. III.

тѣхъ условіяхъ, которыя были установлены въ 1684 году: Извѣстіе, полученное Людовикомъ XIV о взятіи императорскими войсками Бѣлграда, доставившемъ Австріи перевѣсъ въ войнѣ съ Турціей, ускорило начало наступательныхъ дѣйствій со стороны Франціи. Не смотря однако на блистательные и быстрые успѣхи французскаго оружія, чему способствовала сковывшая императора все еще продолжавшаяся война съ Турціей, Людовикъ XIV изъявилъ готовность возвратить имперіи только что отнятыя отъ нея города (Филипсбургъ, Фрейбургъ, Мангеймъ, Майнцъ и др.), лишь бы вынудить у императора согласіе на прочный миръ и имѣть возможность обратить всѣ силы противъ ненавистной ему Голландіи, гдѣ Вильгельмъ Оранскій, вождь предлогъ войны противъ Франціи, собиралъ силы для высадки въ Англію. Предвидя всю опасность, которая грозила не только Іакову II, но еще болѣе Франціи, въ случаѣ успѣшнаго выполненія затѣянной Вильгельмомъ III высадки, Людовикъ XIV обратился къ Іакову II съ настоятельнымъ совѣтомъ принять мѣры къ предупрежденію приготовлениямъ принцемъ Оранскимъ вторженія въ Англію, предлагая и вооруженную помощь противъ Голландцевъ; но Іаковъ II, не доверѣвая ничего, что противъ него замышляется, питая даже непоколебимую увѣренность въ любви къ нему своихъ подданныхъ, отклонилъ категорически и совѣты Людовика XIV, и предложенную имъ помощь, а когда Людовикъ XIV попробовалъ запугать штаты, объявивъ, что между нимъ и Іаковомъ II существуетъ такой тѣсный союзъ, что всякую попытку Голландіи противъ Англіи онъ сочтетъ за покушеніе на собственную его корону, Іаковъ II посѣдѣшилъ опровергнуть заявленіе Людовика ¹⁾ относительно союза, на который указывалъ штатамъ Людовикъ XIV, не желая смущать общественнаго мнѣнія Англіи, постоянно враждебно относившагося къ союзу Стюартонъ съ Франціей. Какъ извѣстно, Іакову II вскорѣ пришлось разочароваться относительно прочности своего положенія на престолѣ: Іаковъ долженъ былъ покинуть Англію, а въ концѣ февраля 1689 года Вильгельмъ Оранскій возложилъ на себя англійскую корону. Это событіе послужило поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ политическихъ отношеній западно-европейскихъ государствъ а для дальнѣйшаго развитія политическаго могущества Франціи имѣло

---

¹⁾ *Ranke*, Franz. Gesch. IV, 28; *Арманъ-Каррель*, Исторія контрреволюціи въ Англіи, т. I, стр. 340—341.

роковое значеніе. Отнынѣ и до Вѣнскаго конгресса Англія стала постоянно, если не во главѣ, то въ рядахъ самыхъ непримиримыхъ враговъ Франціи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вступленія на престолъ Англіи Вильгельма Оранскаго, именно 12-го мая 1689 года, уже заключенъ былъ наступательный и оборонительный договоръ между Германіей, Англіей и Голландіей, въ силу котораго союзныя державы согласились до истощенія силъ бороться противъ Франціи, стремясь къ восстановленію того политическаго состоянія Европы, которое установлено было Вестфальскимъ и Пиринейскимъ договорами; особенно важно то, что морскія державы обязались поддержать кандидатуру старшаго сына Леопольда на императорскій престолъ и права младшаго его сына (Карла) на испанское наслѣдство, въ случаѣ если Карлъ II умретъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника. Скоро и Испанія, и всѣ другія государства, применившія въ Аугсбургской лигѣ, заключили союзы съ Англіей противъ Франціи: страхъ передъ подавляющимъ могуществомъ Франціи сблизилъ католическія и протестантскія державы и породилъ небывалое еще единодушіе въ политически раздробленной религіозною враждою Германіи. Почти вся Европа съ радостью привѣтствовала вступленіе на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго; одинъ только Людовикъ XIV, давъ у себя убѣжище бѣжавшему изъ Англіи Іакову II, не хотѣлъ признать Вильгельма королемъ, и это, разумѣется, еще болѣе усилило вражду послѣдняго къ Людовику XIV, такъ что борьба съ нимъ до послѣднихъ силъ, уже и до того времени бывшая главною цѣлью политической дѣятельности Вильгельма, получила еще, кромѣ національныхъ и общеевропейскихъ мотивовъ, и сильный личный интересъ.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за ходомъ такъ-называемой Орлеанской войны въ ея подробностяхъ, но считаемъ необходимымъ указать на тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ, какое вліяніе на ходъ войны имѣло участіе Англіи въ коалиціи, и какъ между тѣмъ измѣнилось положеніе Франціи. Извѣстно, что, начиная съ 1688 года наступательныя дѣйствія противъ Германіи, Людовикъ XIV разчитывалъ рѣшительнымъ движеніемъ своей арміи на правый берегъ Рейна вынудить у императора миръ на желаемыхъ условіяхъ и затѣмъ уже наброситься на другихъ своихъ враговъ, лишенныхъ поддержки Германіи, особенно на Голландію. Присоединеніе Англіи къ коалиціи и дѣятельное ея участіе въ ней подъ вліяніемъ Вильгельма Оранскаго, руководившаго въ качествѣ наслѣдственнаго штат-

галтера и дѣлами Голландской республики, дало возможность коалиціи оказать упорное и продолжительное противодѣйствіе Людовику XIV и затянуть войну на цѣлыя восемь лѣтъ. Благодаря умному и энергическому руководству Вильгельма Оранскаго, въ дѣйствіяхъ коалиціи почти до конца войны обнаруживалось замѣчательное единство, и Людовику XIV пришлось одновременно вести войну и въ Испанскихъ Нидерландахъ, и на Рейнѣ, и въ сѣверной Италіи, и въ Каталоніи; но кромѣ того, Людовику XIV пришлось въ этой войнѣ, благодаря участию Англіи, выдерживать серьезную борьбу не только на сушѣ, но и на морѣ, борьбу, которая отразилась очень неблагоприятно на положеніи Франціи, особенно на ея торговлѣ и промышленности. Морскія силы Франціи несомнѣнно превосходили силы Англіи и Голландіи въ отдѣльности, и при мысѣ Бевезьерѣ Турвиллю удалось даже нанести серьезное пораженіе соединенной англо-голландской эскадрѣ; но это была послѣдняя побѣда французскаго флота въ этой войнѣ. Съ половины 1692 г., послѣ страшнаго пораженія, испытаннаго французскимъ флотомъ при Лагогѣ, перевѣсъ морскихъ силъ былъ уже рѣшительно на сторонѣ морскихъ державъ; англійскій флотъ серьезно угрожалъ сѣверо-западнымъ берегамъ Франціи, и Людовику XIV пришлось уже съ самаго начала войны значительную часть своихъ силъ держать для защиты важнѣйшихъ береговыхъ пунктовъ, что далеко не всегда удавалось (Дьеннъ и Гравслингенъ были обращены въ пепелъ, Гавръ де-Грасъ большею частію разрушенъ; Сепъ-Мало и Дюккирхенъ подверглись бомбардировкѣ). На сушѣ арміи Людовика XIV, предводимыя такими талантливыми полководцами, какъ маршалы Люксамбуръ и Катина, одерживали еще въ первые годы войны блистательныя побѣды (при Флерюсѣ, при Стаффордѣ), но съ 1693 года Людовикъ встрѣчаетъ уже и на сушѣ неодолимыя противодѣйствія: армія, предводимая Вильгельмомъ Оранскимъ, заставляетъ Французовъ снять осаду съ Льежа и отступить; Людовикъ XIV начинаетъ обнаруживать не свойственную ему склонность къ уступкамъ: въ концѣ 1693 года онъ высказываетъ готовность отступить отъ значительной части захваченныхъ у Германіи земель, возстановить герцога Лотарингскаго въ его владѣніяхъ, отказаться отъ своихъ притязаній на Пфальцъ, если только Страсбургъ навсегда останется за Франціей. Съ 1694 и до 1697 г. военныя дѣйствія Французовъ имѣютъ уже чисто оборонительный характеръ. Отправляя маршала Виллеруа съ стотысячною арміею въ Нидерланды, Людовикъ XIV даетъ ему инструкцію не испытывать счастья

и избѣгать генеральнаго сраженія; союзники, напротивъ, переходятъ въ наступленіе: Вильгельмъ Оранскій отвоевываетъ Намюръ.

Въ виду открывавшейся перспективы на испанское наслѣдство, Людовикъ XIV еще задолго до окончанія войны началъ хлопотать чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ о посредничествѣ второстепенныхъ державъ (Швеція, Польша, Данія и др.) для скорѣйшаго заключенія мира. Послѣ взятія Вильгельмомъ Оранскимъ Намюра Людовикъ XIV пошелъ даже на громадныя уступки. Графъ д'Аво объявилъ Шведскому королю Карлу XI отъ имени Людовика, что если союзники желаютъ начать переговоры о мирѣ, то Людовикъ готовъ возвратитъ Испаніи Люксембургъ и всѣ завоеванія въ Каталоніи, а герцогу Савойскому Казале и Ниццероль; еще большія выгоды предлагалъ Людовикъ XIV Голландіи, понимая, что для заключенія мира было особенно важно склонить къ нему Генеральные Штаты Нидерландовъ, такъ какъ безъ ихъ денежной помощи Англія и особенно Германія оказались бы совершенно несостоятельными къ продолженію затнувшейся войны; выгодныя условія были предложены и Германіи; но самое чувствительное для Людовика XIV уступкою съ его принципиальной точки зрѣнія было согласіе его признать Вильгельма Оранскаго королемъ Англіи, относительно чего шли долгіе переговоры между маршаломъ Вуффлеромъ и довѣреннымъ лицомъ Вильгельма Оранскаго, герцогомъ Портландомъ. Въ то же время Людовикъ XIV завязалъ переговоры объ отдѣльномъ мирѣ съ герцогомъ Савойскимъ. Но та же причина, которая главнымъ образомъ побуждала Людовика XIV желать ускоренія мира, именно собраться съ силами и приготовиться къ новой, очень вѣроятной войнѣ за испанское наслѣдство въ случаѣ смерти Карла II, та же причина заставляла Германскаго императора настаивать на продолженіи войны и на сохраненіи направленной противъ Людовика XIV Аугсбургской лиги. Уполномоченные императора въ Гагъ настаивали на томъ, что Франція воспользуется заключеніемъ мира для завоеванія Испанской монархіи, и что, благодаря огромнымъ силамъ Франціи и содѣйствію ея съ Испаніей, это завоеваніе можетъ осуществиться прежде, чѣмъ успеетъ образоваться новая лига противъ Франціи¹⁾). Разчитывая при помощи коалиціи осуществить по смерти Карла II свои притязанія на испанское наслѣдство, императоръ всѣми мѣрами старался удер-

¹⁾ *Rapin Thoyras*, XI, p. 291.

жать герцога Савойскаго отъ заключенія отдѣльнаго мира съ Франціей, что дало бы послѣдней возможность добиться нейтралитета всей Италіи, направить дѣйствующую тамъ французскую армію во Фландрію и въ Германію и такимъ образомъ склонить и другихъ членовъ Аугсбургской лиги къ заключенію мира съ Франціей. Но всѣ усилія императора оказались тщетными. Когда заключенный между Людовикомъ XIV и герцогомъ Савойскимъ отдѣльный мирный договоръ сдѣлался извѣстенъ морскимъ державамъ, а успѣхи французскаго оружія одновременно съ блестящею экспедиціей французскаго флота, направленною противъ испанскихъ владѣній въ Америку, напугали Испанію и заставили ее съ радостью ухватиться за выгодныя условія мира, предложенныя Франціей, то и морскія державы поспѣшили приступить къ переговорамъ съ Людовикомъ XIV. Изъ переписки Вильгельма III съ Гейнзюсомъ ¹⁾ видно, что онъ считалъ необходимымъ воспользоваться, какъ можно скорѣе, миролюбивымъ расположеніемъ Франціи, и что онъ надѣялся склонить къ миру и Германію ²⁾. Трудно было, конечно, продолжать войну Франціи, истощеніе которой во время войны съ Аугсбургскою лигой потребовало даже такихъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ, какъ введеніе поразряднаго налога (*capitation*) ³⁾, но и истощеніе другихъ воюющихъ державъ и особенно вредъ, нанесенный торговлѣ Англіи и Голландіи продолжительною войною, заставлялъ ихъ желать мира. Наконецъ миръ этотъ былъ заключенъ въ Рисвикѣ въ 1697 году.

По этому миру Франція удержала за собою всѣ прежнія завоеванія и владѣнія Страсбургомъ. При стремленіи Людовика XIV во что бы то ни стало заключить миръ съ Аугсбургскою лигой, эти условія могли бы даже считаться выгодными для Франціи, если бы си судоходство и торговля не потеряли значительныхъ выгодъ отъ другаго одновременно заключеннаго съ Англіей и Голландіей коммерческаго трактата, по которому Голландія въ отношеніи рыбной торговли и ввоза во Францію своихъ мануфактуръ стала пользоваться новыми льготами, и голландскія суда были освобождены отъ пошлины

¹⁾ *Grimblot*, vol. I p. 39, 89, 97, 98, 103. 122—125.

²⁾ *Ibidem*, p. 51, 71, 95, 99.

³⁾ *Bailly*, *Histoire financière de la France*, vol. II, p. 13. Ср. также *Forbonnais*, *Recherches et considerations sur les finances de France*, t. II, p. 82—83.

въ 50 су съ тонна при входѣ въ гавани Франціи. Англійскія мануфактуры получили также болѣе свободный и выгодный доступъ въ порты Франціи, тогда какъ до того времени они были подчинены общимъ тарифамъ ¹⁾).

Что же могло побудить Людовика XIV въ такомъ (съ меркантильной точки зрѣнія того времени) значительнымъ и унизительнымъ уступкамъ въ пользу Англии и Голландіи, тогда какъ неблагоприятствовавшая ему во все время войны судьба именно подъ конецъ ея стала покровительствовать успѣхамъ его оружія? Что могло побудить Людовика XIV пойти на уступки въ пользу Испаніи, не смотря на успѣхи его оружія въ Каталоніи и на предстоящую капитуляцію Барцелоны?

Дѣло въ томъ, что Людовику XIV, не перестававшему мечтать о притязаніяхъ своихъ на испанское наслѣдство, необходимо было заручиться расположеніемъ Испанскаго короля и испанской націи, необходимо было показать себя великодушнымъ относительно ея, и это было ему тѣмъ легче, что онъ былъ увѣренъ, что за всѣ свои уступки онъ будетъ вознагражденъ сторицею, если только осуществится его давнишняя мечта о приобрѣтеніи испанскаго наслѣдства. Съ этой точки зрѣнія заключеніе скорѣйшаго мира было для Людовика особенно желательно. Еслибъ Испанскій король Карлъ II умеръ до заключенія мира съ Аугсбургскою лигой, и война за испанское наслѣдство открылась бы при существованіи лиги въ полномъ ея составѣ, то морскія державы, опасаясь увеличенія могущества Франціи, постарались бы доставить корону сыну императора Леопольда, и Франція, поставленная въ необходимость обороняться со всѣхъ сторонъ, не въ состояніи была бы, пожалуй, какъ это и оказалось впоследствии на дѣлѣ, осуществить свои притязанія на испанское наслѣдство силой оружія. Людовикъ XIV надѣялся добиться испанскаго наслѣдства путемъ дипломатическихъ уловокъ, хотя достиженіе этой цѣли не легко было въ виду враждебнаго настроенія всей почти Европы противъ Франціи. Если же Людовику XIV не удалось бы воспользоваться разстройствомъ Аугсбургской лиги, чтобы дипломатическимъ путемъ добыть себѣ испанское наслѣдство, то ему во всякомъ случаѣ необходимо было искать мира для того, чтобы

¹⁾ *Bailly*, Histoire financière de la France, p. 13 et 14.

приготовиться къ новой предстоявшей ему войнѣ чуть ли не со всю Европой за испанское наслѣдство ¹⁾. Пужно было дать французскому народу хоть передохнуть и оправиться отъ страшнаго истощенія силъ ²⁾.

Я. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Mémoires historiques concernant les négociations de la paix de Ryswick, p. 38—40: «Il fallait donc faire promptement la paix à quelque prix que ce fût, afin d'avoir les mains libres pour se jeter sur l'Espagne et s'en rendre le maître dès que 'sa Majesté Catholique viendrait à rendre le dernier soupir» etc. См. также Supplement à l'histoire de la rivalité de la France et de l'Angleterre par Gaillard, IV, p. 218—221: «Il faut l'avouer, ce n'était point le pur amour de la paix qui avait arraché à Louis XIV les sacrifices, dont son peuple s'étonnait; c'était par l'ambition, qu'il était modéré; c'était par intérêt qu'il paraissait désintéressé; il songeait à recueillir du moins en partie la succession d'Espagne».

²⁾ Говоря о мотивахъ, побудившихъ Людовика XIV желать скорѣйшаго заключенія мира, слѣдуетъ также имѣть въ виду одно обстоятельство, которое хотя и не имѣло никакого прямого отношенія къ вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, вліяло однако жъ косвеннымъ образомъ на уступчивость Людовика XIV при заключеніи мира въ Рисвикѣ: это именно не удавшаяся попытка его доставить упрямившійся престолъ Польши принцу Конти, что, по расчету Людовика, должно было увеличить его силы въ борьбѣ съ коалиціей. Осуществленіе этой надежды Людовика XIV, уже казалось, было несомнѣнно и близко, когда курюрствъ Саксонскій Августъ II принятіемъ католической вѣры и разными промѣнами склонилъ на свою сторону принца и аристократію Польши и, вступивъ на престолъ ея, отрѣзалъ династію Бурбоновъ и французскому вліанію путь въ предѣлы Польши (*Sommerville, The history of political transactions, p. 436*).

ПРИЕМЪ ВЪ РОССИИ И ОТПУСКЪ СРЕДНЕАЗИАТСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

По документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

«И пословъ частыхъ къ государю нашему присылають съ великими конники и почестливостью».

(Изъ посольскихъ приговоровъ).

Съ построениемъ Оренбурга дворъ нашъ избавился отъ приема среднеазиатскихъ посланцевъ, такъ какъ всѣ дѣла по сношенію съ Хивой, Бухарою, Коканомъ и другими среднеазиатскими владѣніями сосредоточились съ тѣхъ поръ въ этомъ городѣ. И только въ исключительныхъ какихъ-нибудь случаяхъ посланцы препровождались въ С.-Петербургъ, обыкновенно же дальше Оренбурга ихъ не пускали. Но въ XVII столѣтіи и первой половинѣ XVIII между нашимъ высшимъ правительствомъ и ханами происходили самыя оживленные, непосредственныя сношенія, для насъ довольно убыточныя. Впрочемъ, относительно оживленности надо замѣтить, что не столько мы сами были тому причиною, сколько среднеазиатскіе владѣльцы. У насъ же выдавались иногда періоды, хотя и незначительныя, когда мы совершенно забывали и о существованіи самой Средней Азии и о тѣхъ несчастныхъ нашихъ соотечественникахъ, которые томились тамъ въ рабствѣ. За то ханы насъ никогда не забывали и слали къ намъ пословъ за послами. Предложенія хановъ, въ сущности, были довольно однообразны и, можно сказать, довольно пусты. Обыкновенно они просили о торговыхъ сношеніяхъ, заявляли о необходимости возобновленія этихъ сношеній—не по нашей, однако, винѣ прерывавшихся—вызываясь, съ своей стороны, оказывать всякое содѣйствіе, покрови-

тельство и „обережу“ русскимъ купцамъ въ своихъ владѣніяхъ ¹⁾. Мы называли эти предложенія „пустыми“ потому, что не объ этомъ совсѣмъ заботились ханы: поступки ихъ на самомъ дѣлѣ скорѣе должны были убить всякую торговую предпримчивость, а никакъ ужъ не вызвать ее. Обищая на бумагѣ свое содѣйствіе, ханы въ дѣйствительности всячески притѣсняли у себя нашихъ пословъ и нашихъ купцовъ, а случалось, что и грабили ихъ ²⁾. Кромѣ посольствъ, отправляемыхъ къ намъ подъ прикрытіемъ заботъ о торговлѣ, ханы не упускали случая поздравить Русскаго государя съ восшествіемъ на престолъ или извѣстить о своемъ вступленіи на ханство, или же, наконецъ, уладить взаимныя препирательства ³⁾. Но главная, сокровенная, такъ-сказать, цѣль всѣхъ этихъ посольствъ заключалась въ выжиманіи у насъ подарковъ. Представляя нашимъ государямъ, черезъ пословъ, свои „любительныя поминки“, ханы безъ всякаго конфуза заявляли, что имъ желательно получить взаимно своего приношенія, обыкновенно неважнаго, а иногда и вовсе никуда негоднаго ⁴⁾. Не довольствуясь обычными у насъ отдариваніями въ видѣ сукна, соболей, юфти и т. п., ханы почти всякій разъ старались припросить еще что-нибудь особенное. Чаще всего просили прислать кречетовъ, иногда панцрей, пушекъ, а то и просто денегъ ⁵⁾.

Подобныхъ посольствъ къ намъ изъ одной только Хивы за время съ 1616 по 1744 годъ насчитывается до 27, не считая дополнительныхъ, къ нѣкоторымъ изъ нихъ, гонцовъ, пріѣзжавшихъ съ многочисленными свитами особо. Среднимъ числомъ одно хивинское посольство на $4\frac{1}{2}$ года. Но такъ какъ послы жили у насъ многіе мѣсяцы и даже годы, то эта тягота оказывалась для насъ довольно чувствительною.

Правительство наше сразу же поняло дѣйствительную причину столь многочисленныхъ посольствъ безъ всякой видимой надобности; но смотрѣло на нихъ, какъ на неизбѣжное зло. Случалось, что принимало оно разныя мѣры къ ограниченію частыхъ къ намъ пріѣздовъ посланцевъ изъ Средней Азій, даже вовсе воспрещало имъ въѣздъ въ Россію. Послѣдняя мѣра примѣнена была въ 1623 г. по отношенію къ Сибири, гдѣ мѣстные воеводы буквально осаждались калмыцкими и уранхайскими посланцами-попрошайми; но вскорѣ же пришлось это распоряженіе отмѣнить изъ опасенія вызвать серьезныя затрудненія на нашей сибирской границѣ. Подачку стали выдавать по прежнему.

Приемъ у насъ среднеазіатскихъ пословъ не всегда, однако, отли-

чался радушіемъ и гостепрѣимствомъ; случалось, что правительство наше принимало и крутыя мѣры по отношенію къ нимъ: сажало подъ арестъ, конфисковало привезенное ими имущество. Дѣлалось это, и вполнѣ основательно, съ цѣлью обуздать дерзость хановъ ⁹⁾. Но въ концѣ концовъ казна наша несла убытки самыя непроизводительныя, а посланники наши подвергались въ средне-азиатскихъ хапствахъ всевозможнымъ неурядицамъ и униженіямъ.

Мы обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на хивинскія дѣла потому собственно, что бухарскія уже извлечены изъ архива ⁷⁾, а дѣла по сношенію съ другими владѣніями ифется самое ограниченное число. Цѣль наша—показать, съ одной стороны, какъ происходилъ у насъ пріемъ пословъ и ихъ отпущекъ, съ другой—какимъ характеромъ отличались сношенія Русскихъ государей съ среднеазиатскими ханами. Поэтому и статья наша распадается на двѣ части: текстъ и примѣчанія. Въ текстѣ вошло описаніе двухъ хивинскихъ посольствъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго цѣлымъ столѣтіемъ: первое относится къ началу пріемовъ посланцевъ изъ Средней Азіи (посольство Парбуна Авезъ Багадыря отъ хана Исфендіяра въ 1636 году), второе—къ концу непосредственныхъ сношеній хановъ съ нашимъ высшимъ правительствомъ (посольство Артыкъ Ватыря въ 1739 году отъ хана Ильбарса) ⁸⁾. Въ примѣчаніяхъ мы старались прежде всего помѣщать такіе факты, которые до сихъ поръ оставались архивною тайною.

Языкъ подлинниковъ сохраненъ вполнѣ; мѣстами только измѣнена орѳографія.

Посольство Нарбуна Авеза Багадыря.

Въ 7144 (1636) году марта 7 дня пріѣзжалъ къ государю царю Михаилу Федоровичу къ Москвѣ ⁹⁾ Юргенского Исфендіяра царя посольцъ Нарбунъ Авезъ Багадырь, и съ нимъ царевыхъ людей было 3 человекъ, да его посольскихъ 7 человекъ ¹⁰⁾.

А встрѣчи послу на пріѣздѣ за городомъ не было. А приставъ къ нему посланъ на дворъ, какъ онъ къ Москвѣ пріѣхалъ, а наказу ему не дано. Поденного корму давано съ людьми отъ Астрахани въ дорогѣ: послу по 8 копѣекъ, питья по 3 чарки вина, по 3 кружки меду на депъ; царевымъ людямъ тремъ человекомъ по 2 копѣйки человеку на день; посольскимъ людямъ 7 человекомъ по 3 денъги человеку на день. Питья царевымъ и посольскимъ людямъ всѣмъ по

двѣ чарки вина, по двѣ кружки меду чловѣку на день⁴¹⁾. Всего послу и съ людьми давано корму по 23 $\frac{1}{2}$ копѣекъ на день.

А въ тотъ день, какъ посолъ пріѣхалъ въ Москвѣ, дано ему и съ людьми государева жалованья корму въ стола мѣсто: баранъ съ шерстью, нога говядины, трехъ куровъ, 12 хлѣбовъ, 15 калачей дву-денежныхъ; да съ кабака питья: 3 кружки вина, 5 ведеръ меду доброго. Поденного же корму и питья велѣно послу съ людьми давати съ пріѣзду его до государева указу передъ дорожнымъ съ прибавкою по 40 копѣекъ на день. Да на два аргамака, которые приведены были ко государю въ дарѣхъ, давано сѣно и овесъ, и на постель соломы до тѣхъ мѣстъ, пока тѣ аргамаки взяты на государеву конюшню. Да послу же и съ людьми давано на дворъ по два вова дровъ на недѣлю. Да питья изъ новья чети⁴²⁾ давано: послу—по 6 чарокъ вина, по полу-ведра меду, по полу-ведра пива на день; людямъ его 10 чловѣкомъ—по 2 чарки вина, по кружкѣ меду чловѣку на день и виѣсто пива — тоже. А послѣ того прибавлено по посольскому челобитью питья на сына его послова чарка вина, кружка меду, кружка пива; а былъ тотъ его сынъ въ томъ числѣ въ 10 чловѣкахъ.

А какъ посолъ былъ у государя на дворѣ на пріѣздѣ, и ему дано въ тотъ день государева жалованья въ стола мѣсто корму и питья съ людьми: изъ большого приходу⁴³⁾: баранъ съ шерстью, нога говядины, гусь, утя, 2 куровъ, 12 хлѣбовъ, 12 калачей дву-денежныхъ; питья изъ новья чети: 4 кружки вина, 6 ведеръ меду доброго.

Да въ тѣже поры, какъ посолъ былъ у государя, былъ онъ чломъ государю: даютъ де ему и сыну его и людямъ на Москвѣ поденного корму мало, а прежнему де послу, который былъ напередъ его, давано корму больше того. И по тому его челобитью прибавлено ему государева жалованья поденного корму 20 копѣекъ, а велѣно ему давать поденного корму съ сыномъ и съ людьми по 60 копѣекъ на день⁴⁴⁾.

Марта 20 дня хивинской посолъ Нарбунъ Авезь Вагадырь былъ у государя на пріѣздѣ слѣдующимъ порядкомъ.

Посланы по него посла приставъ Иванъ Протопоповъ, который съ нимъ въ городъ ѣхалъ. А лошадь съ санями послана подъ него съ государевы конюшни, а сказана—отъ посольского думного дьяка, отъ Федора Лихачева. А стрѣльцы въ то время были въ городѣ всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ, безъ пищалей. А государь былъ въ

золотой палатѣ въ царскомъ платьѣ и въ діадемѣ со скипетромъ. А яблоко стояло на столнцѣ отъ государя по правую сторону. А при государѣ стояли рынды *) въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чѣпкахъ *). А боаре и дворяне и дьяки были въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ **).

А какъ посолъ пріѣхалъ въ городъ и вышелъ изъ саней у посольской палаты, и шелъ въ посольскую палату. А какъ вошелъ въ палату, и дьяки, вставъ, съ нимъ хорошевались и спрашивали его о здоровьѣ. И велѣли ему сѣсть, и говорили съ нимъ о государевыхъ дѣлѣхъ, что съ нимъ къ государю наказано. И сказалъ ему думной дьякъ, что великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи самодержецъ указалъ ему быть у себя, государя, на дворѣ, видѣть свои царскіе очи и грамоту отъ государя своего подать царскому величеству. И сказалъ про него думной дьякъ Федоръ Лихачевъ государю; а посолъ дожидался государева выходу въ посольской палатѣ.

А какъ государь велѣлъ идти къ себѣ юргенскому послу, и юргенской посолъ шелъ, а съ посольского приказу площадью да вверхъ середнею лѣстницею въ проходныя сѣни и въ Золотую палату. А съ нимъ шелъ приставъ его, Иванъ Протопоповъ.

А какъ посолъ вошелъ къ государю въ палату, и явилъ его государю челомъ ударить думной дьякъ Федоръ Лихачевъ, а молвилъ: „Великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, Юргенского Исмендеяра царя посолъ Нарбунъ Авезъ Багадырь вамъ великому государю челомъ ударилъ“. И государь пожаловалъ, велѣлъ посла позвать къ рукѣ и клалъ на него свою царскую руку ***). И посолъ бѣвъ у руки, правилъ государю отъ Исмендеяра царя челобитье. А какъ посолъ государю отъ Исмендеяра царя челобитье исправилъ, и государь спросилъ посла про цареву здравье, сидя; а молвилъ: „Исмендеаръ царь по здорову-ль?“ И посолъ сказалъ про цареву здравье, подалъ государю Исмендеяра царя грамоту ****). И государь велѣлъ грамоту принять думному дьяку Федору Лихачеву, и велѣлъ государь спросити посла: опричь грамоты съ нимъ Исмендеяра царя приказъ есть ли? И посолъ говорилъ рѣчь о чемъ съ нимъ наказано.

А послѣ того думной дьякъ Федоръ Лихачевъ явилъ государю Исмендеяра царя поминки. А какъ думной дьякъ поминки явилъ, и государь велѣлъ думному дьяку Федору Лихачеву послу молвить рѣчь.

*) То-есть, въ чѣпкахъ:

А какъ думной дьякъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ послу сказать свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ и отпустить его на подворье.

А на отпускъ тотъ юргенской посолъ былъ у государя на дворѣ въ 144-мъ году іюня въ 4 день. А въ тотъ день были напередъ его у государя кизылбашской купчина, а послѣ него молдавскіе послы. А посыланъ по него приставъ его, Иванъ Протопоповъ. А лошадь съ сѣдломъ послана подъ него съ государевы конюшни, а сказано—отъ думнова дьяка, отъ Федора Лихачева. А стрѣльцы въ то время были въ городѣ всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ безъ пищалей.

А какъ посолъ пріѣхалъ въ городъ и онъ дожидался государева выхода въ посольской палатѣ. А какъ государь велѣлъ послу идти къ себѣ, государю, и посолъ изъ посольской палаты шелъ площадью мимо Архангела къ Грановитой палатѣ, да вверхъ лѣстницею подлѣ Грановитой палаты на постельное крыльцо, да на лѣво въ проходную палату, да въ проходныя сѣни, да въ Золотую палату. А съ нимъ шолъ приставъ его.

А государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи въ то время сидѣли въ средней въ золотой въ подписной палатѣ въ своемъ царскомъ мѣстѣ въ царскомъ платьѣ и въ діадемѣ со скипетромъ. А яблоко стояло на стоанцѣ отъ государя по правую сторону. А при государѣ стояли рипды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чѣпкахъ. А бояре и окольнічіе сидѣли отъ государя въ лѣвую сторону въ золотомъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ. А въ проходной палатѣ и въ сѣняхъ сидѣли дворяне и дьяки, и гости въ золотѣ же и въ черныхъ шапкахъ. А по крыльцу стояли дворяне же и дѣти боярскія и подъячіе въ чистомъ платьѣ.

А какъ посолъ вошелъ къ государю въ палату, и явилъ его государю челомъ ударить думной дьякъ Федоръ Лихачевъ. И государь пожаловалъ, спросилъ посла о здоровьѣ. И посолъ на государевѣ жалованѣ билъ челомъ. А послѣ того думной дьякъ Федоръ Лихачевъ говорилъ послу рѣчь. А какъ думной дьякъ Федоръ Лихачевъ изговорилъ и далъ послу грамоту, и государь приказалъ къ Исмендеару царю съ посломъ поклонъ сядя¹⁾). И пожаловалъ посла къ рукѣ и клалъ на него свою царскую руку. А послѣ того велѣлъ государь послу сказать свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ и отпустилъ на подворье.

Съ помянутымъ посломъ Юргенской царь просилъ государя въ гра-

нотѣ своей, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣтъ къ нему прислать своего государева жалованья навипись, да кречать доброй.

А онъ Исмендеяръ царь прислалъ ко государю въ поминкахъ: аргамалъ сѣръ въ 25 рублей, кожу бобровую въ 2 рубля. Да посоль отъ себя челомъ ударилъ: жеребецъ аргамачей гвѣдъ въ 30 рублей. А противу того послано къ Юргенскому царю государева жалованья за его поминки: 40 соболей въ 60 рублей да кречать подкрасной, кречать крапленой, снаряди да шапиръ. А послу дано государева жалованья за его дары: 40 соболей въ 40 рублей, другой 40 соболей сверхъ даровъ въ 30 рублей. Царевымъ людемъ тремъ челоукомъ дано государева жалованья по 12 рублей челоуку, посольскихимъ людемъ семи челоукомъ по 6 рублей челоуку деньгами.

Посольство Артыкъ Батыря Разумбаева *) 1739—1742.

15-го сентября 1739 года явился въ Астрахань посланецъ отъ Хивинскаго хана Ильбарса, Артыкъ Батырь. При немъ находились купчина Аллаверды, писарь мулла Ниязъ; всего же свита его состояла изъ 40 челоукъ (25 хановыхъ людей и 15 посольскихихъ). При отправленіи въ Москву, куда прибылъ 21-го марта 1740 года, просилъ онъ оставить въ Астрахани изъ свиты его 10 челоукъ, и двинулся въ путь только съ тридцатью **). „Того жъ года іюня 23 дня помянутой посоль пріѣхалъ въ С.-Петербургъ **). Іюля 30 дня предъ полуднемъ во 12 часу былъ онъ у государственнаго вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана для отданія отъ хана своего листа, слѣдующимъ порядкомъ.

Для привезенія посла посланы были отъ вице-канцлера двѣ кареты, одна цугомъ съ двумя вершниками, а другая о дву лошадахъ. По переды въ каретѣ ѣхалъ купчина его и, сидя по правую сторону, держалъ на рукахъ листъ ханской, а по лѣвую сторону сидѣлъ дорожной приставъ его, прапорщикъ. Въ другой же каретѣ сидѣли по правую сторону посоль, а по лѣвую переводчикъ Турчаниновъ. И какъ пріѣхалъ посоль въ домъ вице-канцлера, то вошедъ къ нему учинилъ обыкновенной поклонъ и посаженъ былъ въ кресла напротивъ его, вице-канцлера. Вице-канцлеръ сказалъ ему, послу, что дорогою ѣхать ему, чаю, не безъ труда было, и которую дорогою онъ ѣхалъ: водянымъ или сухимъ путемъ? Посоль на сіе отвѣтствовалъ, что дорогою ѣхать хотя ему не безъ труда было, однако же, увидя его графское сіятельство, все забвенію предалъ. А ѣхалъ онъ посоль водою, а не

сухимъ путемъ: отъ воровскихъ Киргизъ-кайсаковъ и другихъ ѣхать невозможно.

Потомъ вицекандлеръ спросилъ: на какомъ онъ суднѣ ѣхалъ и какимъ моремъ? Посольскъ сказалъ, что ѣхалъ онъ на суднѣ купца Тихона Демидова Каспійскимъ моремъ²³). Вицекандлеръ паки спросилъ, что у нихъ въ Хивѣ нѣтъ ли какихъ вѣстей и что дѣлается? На что посольскъ сказалъ, что во время бытности его въ Хивѣ ханъ собиралъ войско и деньги имъ раздавалъ, и нѣсколько пушекъ изготовлено было, и намѣренъ былъ войною идти на Персіанъ, а пошелъ или нѣтъ, того онъ посольскъ не знаетъ²⁴).

На вопросъ — сколько Хивинской ханъ войска собрать можетъ, и Трухменцы всѣ ли въ послушаніи хана Хивинского, отвѣтствовалъ посольскъ, что ханъ Хивинской 300,000 человекъ хивинского войска, а другихъ Татаръ еще столько же, собрать можетъ²⁵). Вицекандлеръ говорилъ: при отъѣздѣ его посла ханъ въ какомъ состояніи былъ? И на то посольскъ отвѣтствовалъ, что въ добромъ здравіи хана своего оставилъ, и приказалъ его графское сіятельство поздравить. Вицекандлеръ спросилъ: что отъ Хивы до Бухаръ много ли дней ѣзды и есть ли какія переправы, горы и трудныя дороги? И на то посольскъ отвѣтствовалъ, что до Бухаръ верблюдами ѣзды 10 дней, а лошадьми 2 дня; дорогою ѣхать никакихъ трудныхъ мѣстъ нѣтъ, и ѣздить все по берегу рѣки Дарьи и токмо въ одномъ мѣстѣ черезъ опую переправляются. Паки вицекандлеръ спросилъ: на какихъ судахъ или плотахъ, или въ плавы лошадей переправляются и въ которомъ мѣстѣ, и сколько широка оная рѣка? На что посольскъ сказалъ, что переправляются оную рѣку не доѣзжая до Бухаръ верблюжьею ѣздою 3 дни, на судахъ, а на плотахъ и въ плавы переправляются невозможно; а шириною оная рѣка будетъ противъ Невы рѣки въ десять разъ шире.

Потомъ, взявъ посольскъ у купчины ханской листъ, ему вицекандлеру подалъ. На сіе отвѣтствовалъ вицекандлеръ, что по прочтеніи того листа, еще о дѣлахъ съ нимъ посломъ говорить будетъ. Посольскъ просилъ, дабы чрезъ предстательство его сіятельства онъ ея императорскому величеству представленъ былъ, а о другихъ дѣлахъ впредь онъ посольскъ доносить будетъ чрезъ кого его графское сіятельство прикажетъ; а нынѣ болѣе утруждать не желаетъ, понеже онъ посольскъ еще по прибытіи своемъ въ Астрахань услышалъ о болѣзни его графского сіятельства, и желаетъ отъ Бога всякого здравія. На то вицекандлеръ сказалъ, что пріѣздъ его и посольство весьма пріятно и

угодно есть. По прочтеніи ханскаго листа ея императорскому величеству всеподданнѣйше донести не преминеть и уповаетъ, что предъ ея императорское величество допущенъ, и высочайшею милостію оставленъ не будетъ. А о дѣлахъ своихъ представлялъ бы онъ посылъ чрезъ ассессора Тевколева.

По окончаніи вышеписанныхъ рѣчей, отъѣхалъ онъ посылъ въ квартиру свою вышеписаннымъ же порядкомъ²⁹⁾.

Августа 8 дня того жъ 1740 года допущенъ былъ хивинской посылъ на аудіенцію къ государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующимъ порядкомъ.

Пополудни во 2-мъ часу съ конюшеннаго ея императорскаго величества двора посланы два берлина, заложеныя парами съ двумя вершники и третьей за берейтора, да для посольскихъ служителей 10 верховныхъ лошадей съ сѣдлами, на Васильевской островъ къ кадетскому корпусу. И переводчикъ Турчаниновъ туда пріѣхалъ и, сѣдши въ одинъ берлинъ, поѣхалъ въ квартиру посольскую на Васильевской же островъ на дворъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Когда онъ переводчикъ Турчаниновъ подъѣзжалъ къ квартирѣ посольской, и тогда ихъ хивинская музыка играла, стоя на галлерей. И какъ переводчикъ Турчаниновъ въѣхалъ на дворъ посольской, тогда у кареты встрѣчалъ его, Турчанинова, посылъ со всѣми чиновными людьми его. И когда переводчикъ Турчаниновъ указомъ ея императорскаго величества послу объявилъ, что присланы къ нему кареты и онъ бы ѣхалъ при провожденіи его, Турчанинова, на аудіенцію къ ея императорскому величеству, то посылъ говорилъ, что за высочайшую милость ея императорскому величеству всенжайшее благодареніе приношу и ѣхать готовъ, и оборотясь лицомъ ко дворцу ея императорскаго величества, учинилъ поклонъ, и поѣхали.

Въ первой каретѣ сидѣлъ посылъ по правую руку, а переводчикъ Турчаниновъ—по лѣвую; а предъ тою каретою ѣхали два вершника и два человекъ изъ посольскихъ служителей, а за ними предъ самою каретою управитель, за берейтора. Въ другой каретѣ сидѣлъ купчина и ясаулъ, которой въ рукахъ держалъ ханской листъ, зашитой въ парчевомъ мѣшкѣ; а противъ нихъ въ той же каретѣ сидѣлъ ихъ посольской дорожной приставъ, прапорщикъ Черевинъ. За тѣми каретами ѣхали посольской свиты люди верхами. И тако пріѣхали ко двору ея императорскаго величества въ исходѣ 4-го часа и вышли у канала, и препровожденъ онъ посылъ въ кабинетныя па-

таты и тамо ожидалъ присылки. И когда повелѣно было идти въ аудіенцъ-залу, тогда посолье листъ хана своего у ясаула взявъ и положи на чалму свою, шелъ, а купчина, ясауль и служители шли безъ шапокъ, и ни на комъ изъ нихъ сабель и кинжаловъ не было.

Вступя въ хоромы, веденъ посолье чрезъ аудіенцъ-залу и другія двѣ палаты, и съ нимъ купчина да ясауль; а служители его оставлены въ передней подлѣ залы. Въ той каморѣ, въ которой ея императорское величество изволила быть, посолье, увидя ея величество, учинилъ поклонъ по обычаю сперва стоя на ногахъ, а потомъ ставъ посолье купчина и ясауль, всѣ трое, на колѣни, говорилъ посолье съ письма на своемъ языкѣ къ ея императорскому величеству рѣчь:

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская и иныхъ многихъ земель обладательница! Изъ древнихъ дѣтъ между Россійскою имперіею и Хивинскимъ государствомъ всегда дружба имѣлася, и послы и купеческіе караваны ѣзжали, и нынѣ къ вашему императорскому величеству хивинской Ильбарсъ Магомедъ Багадырь-ханъ, государь мой, меня прислалъ ради засвидѣтельствования своей дружбы и приказалъ наше императорское величество поздравить и просить, дабы отъ вашего императорского величества посолье отправленъ былъ“), а въ прочемъ о дѣлахъ мнѣ наказанныхъ выслушать повелѣтъ. Я же предаю себя въ высокомонаршую милость вашего императорского величества и припадаю къ ногамъ вашего величества“. Сію рѣчь переводилъ ассессоръ Тевкелевъ.

А между тѣмъ посолье и съ нимъ купчина и ясауль, не вставая, учинили ея императорскому величеству три поклона до земли. Потомъ, не вставая же съ мѣста, посолье немного приподнявъ подалъ оной листъ дѣйствительному тайному совѣтнику фонъ-Миниху²⁸⁾, и по припятіи того листа оной дѣйствительной тайной совѣтникъ фонъ-Минихъ отъ лица ея императорского величества на посольскую рѣчь сказалъ отвѣтъ слѣдующій:

„Ея императорскому величеству Ильбарсъ Магомедъ Багадырь-хана доброжелательное поздравленіе и присылка его посла пріятны, и пріемлетъ оное съ милостивымъ удовольствіемъ, а о дѣлахъ вамъ приказанныхъ всемилостивѣйше повелитъ выслушать у васъ министрамъ своимъ и въ прочемъ общасживастъ васъ, посла, спосю императорского величества милостію“.

И по отправленіи того, допущенъ посолье, купчина и ясауль къ рукъ ея императорского величества. И пошли вонъ, уступая назадъ

спиннами, и на первомъ мѣстѣ ставъ наикъ на колѣни, учинилъ ея императорскому величеству три поклона до земли же. И вышедъ посоль въ переднюю, присланные въ подарокъ мѣхъ и овчинки бухарскія сѣрныя и черныя отдалъ, и приняты дворцовыми служителями²⁹⁾. Отъ двора ея императорского величества до квартиры проведены тѣмъ же порядкомъ, какъ и приведены. По выходѣ того посла изъ дворца введены въ хоромамъ аргамакъ карій, да иноходецъ бурій и одинъ бабръ, и ея императорское величество изволили ихъ смотрѣть.

Почти годъ спустя по приѣздѣ посла въ С.-Петербургъ, а именно 18-го мая 1741 года, поручено было статскому совѣтнику Петру Курбатову рѣспросить Артыкъ Батыря о дѣлахъ, ханомъ съ нимъ порученныхъ. Посоль отъ имени хана просилъ: 1) разрѣшить ввозъ изъ Россіи въ Хиву ружья, панцири и сталь, что было строго запрещено³⁰⁾; 2) позволить хивинскимъ купцамъ увозить съ собою на родину тѣхъ Калмычекъ и Татарокъ, на которыхъ они поженились въ Россіи. На оба эти ходатайства отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Затѣмъ, Артыкъ Батырь заявилъ, что до него дошелъ слухъ о погромѣ Хивы шакомъ Надиромъ и о казни хана Ильбарса; а потому просилъ позволенія пожить пока въ Астрахани, такъ какъ боялся ѣхать въ свое отечество. Остаться въ Россіи ему было разрѣшено; но только не въ Астрахани, какъ хотѣлось посланцу, а въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.

Въ виду совершившихся въ Хивѣ событій ни отпускной аудіенціи посланцу не было, ни грамоты съ подарками хану не послано³¹⁾. Тѣмъ не менѣе посланца и свиту его не обидѣли: на прощанье имъ дано: послу 300 рублей, купчинѣ 50 руб., ясаулу 20 руб., духовному 12 р.; на 27 человекъ людей 150 р. Всего 532 рубля. Сверхъ того отпущено въ дорогу кормовыхъ на 2 мѣсяца 300 рублей. Мѣстомъ пребыванія Артыкъ Батыря назначена была Самара, гдѣ указано выдавать ему со всею свитою уже только по 30 р. въ мѣсяцъ. Въ іюлѣ 1741 г. Артыкъ Батырь отпущенъ изъ Москвы въ Тверь на 60 подводкахъ, а оттуда долженъ былъ ѣхать въ Самару водою. Въ нему опредѣленъ караулъ: 12 рядовыхъ при одномъ урядникѣ. 20-го сентября водворился посланецъ на жительство въ Самарѣ. А вскорѣ затѣмъ началось о немъ особое, долго тяпущееся дѣло.

Въ мартѣ 1742 года прибыли къ Яяку Хивинцы, которыхъ рѣспрашивали о положеніи дѣлъ въ Хивѣ, и которые заявили, что у нихъ избранъ на ханство Нурали, сынъ Абуль-Ханра хана, русскаго

подданнаго. Вслѣдствіе этого Соймоновъ и Пенлюевъ отравили изъ Самары запросъ, какъ имъ обращаться съ новымъ ханомъ: какъ съ подданнымъ русскимъ, или какъ-нибудь иначе, „чтобы не возбудить подозрѣнія у Персіянъ“, и въ то же время спрашивали, что имъ дѣлать съ хивинскимъ посломъ, Артыкъ Батыремъ, который живетъ въ Самарѣ, получаетъ кормовыя деньги по 30 рублей въ мѣсяцъ и заявляетъ еще, что такимъ содержаніемъ недоволенъ, ибо-де въ Петербургѣ получалъ онъ по 180 р. въ мѣсяцъ. На этотъ запросъ послѣдовалъ такой указъ: Нурали называть просто ханомъ безъ прибавленія слова „подданный“, Артыкъ Батыря отпустить домой, „попозже отъ содержанія его въ Самарѣ напрасное иждивеніе происходитъ“: Когда объявили Артыкъ Батырю, что онъ можетъ ѣхать домой, и при томъ не черезъ Оренбургъ, такъ какъ онъ боялся Киргизовъ, а черезъ Астрахань, то онъ „не охотенъ явился“; но потомъ объявилъ, что черезъ Астрахань ѣхать готовъ. Выдали ему кормовыя деньги на мѣсяцъ 30 рублей и отпустили.

Но въ Астрахани посланецъ этотъ опять застрялъ со всею своею свитой и не хотѣлъ ѣхать въ Хиву ²²). А ханы, между тѣмъ, при всякомъ удобномъ случаѣ требовали у насъ возвращенія Артыкъ-Батыря. Такое требованіе высказалъ ханъ Элкази (Абуль-Гази) Магомедъ Багадырь ханъ въ 1743 году черезъ посланца своего Алла-Верди ²³), и ханъ Каипъ черезъ Ширбека (1749—1752 гг.). Послѣднему было заявлено, что Артыкъ Батырь „волею своею въ Астрахани живетъ, а чтобы его выгнать изъ государства такого примѣру нѣтъ“, ибо каждому изъ ипородцевъ позволено жить, какъ въ Оренбургѣ, такъ и въ Астрахани. Наконецъ, въ іюнѣ 1757 года прибылъ въ Астрахань къ губернатору посланецъ Алла-Шукуръ съ просительнымъ отъ хана листомъ выслать изъ Астрахани Артыкъ Батыря съ женою и дѣтьми въ Хиву. По этому поводу изъ астраханской губернской канцеляріи отправлено было слѣдующее донесеніе отъ 30-го сентября 1757 года, съ извѣщеніемъ, какія мѣры были приняты въ Астрахани по отношенію къ этому зажившемуся у насъ посланцу, (въ началѣ приведена справка изъ прежнихъ резолюцій коллегіи, которая, какъ изъ дѣла видно, уже въ 1743 г. лишила Артыкъ-Батыря казеннаго продовольствія): „Указомъ ея императорскаго величества изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ о бывшемъ въ Россіи хивинскомъ посланцѣ Артыкъ-Батырѣ Разумбаевѣ... повелѣно: 1) прошлаго 1743 года декабря отъ 24-го дня: ежели оной посланецъ Артыкъ-Батырь изъ Астрахани въ Хиву ѣхать не похочетъ, въ

такимъ случаѣ квартиры, караула, кормовыхъ денегъ ему не давать и объявить ему, чтобъ онъ послѣ уже не назывался, и когда онъ въ Астрахани будетъ жить по его собственной волѣ, то-бъ жилъ своимъ коштомъ; 2) прошлаго 1744 года сентября 3 дня, что касается до прошенія его Артыкъ-Батыря о принятіи его въ протекцію Россійской имперіи и о дозволеніи жить ему въ Астрахани и когда въ томъ не безъ пользы быть можетъ и безъ сумнѣнія имѣють въ Астрахани жительство и другіе хивинскіе купцы, и претензіи о нихъ никакой со стороны хивинскихъ хановъ не происходитъ, то-бъ и оному Артыкъ-Батырю о житіи его въ Астрахани дать позволеніе и въ томъ, и въ отводѣ ему потребной на пашню и сѣнокосъ земли, поступить по разсмотрѣнію. Только ему Артыкъ-Батырю въ силѣ оного указа, за немнѣніемъ отъ него прошенія, никакого мѣста на пашню и сѣнокосъ дано не было, и жительство имѣлъ онъ въ Астрахани по своей волѣ. А сего 1757 года іюня 6-го дня отъ хивинскаго хана чрезъ посланнаго отъ него человека Алла-Шукура получено здѣсь письмо на имя генералъ-маіора и астраханскаго губернатора Жилина, которымъ онъ просить, чтобъ его, Артыкъ-Батыря, со имѣющеюся при немъ свитою, съ женами и дѣтьми и съ его экипажемъ тому посланному его препоручить и съ нимъ въ Хиву отпустить, и тѣмъ показать знакъ благосклонности...." Далѣе въ томъ же доношеніи сообщается, что жена Артыкъ-Батыря не подданная русская: „въ 1742 году при возвращеніи его Артыкъ-Батыря изъ С.-Петербурга куплена имъ въ жену въ городѣ Самарѣ у бывшихъ тамъ киргизъ-кайсацкихъ аманатчиковъ“; съ нею-то и прижилъ онъ двухъ сыновей. Присяги на подданство не принималъ. А такъ какъ ханъ теперь пишетъ, чтобы отпустили Артыкъ-Батыря въ Хиву, „о чемъ и онъ Артыкъ-Батырь самъ просить“, то астраханскій губернаторъ и отправилъ его на родину вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Въ Россіи пробылъ онъ 19 лѣтъ.

Въ Хивѣ Артыкъ-Батырь, по видимому, не подвергся никакой опасности; по крайней мѣрѣ родной братъ его, Алла-Шукуръ-бай, привѣщавшій въ Астрахань въ 1762 г. отъ Темиръ-Гази-хана, сказывалъ, что братъ его командовалъ въ то время въ Хивѣ семитысячнымъ корпусомъ.

Затѣмъ дальнѣйшихъ извѣстій объ этомъ замѣчательномъ посланцѣ у насъ не имѣется.

Сравнивая оба эти прѣзда посланцовъ, видимъ, что приемъ у насъ пословъ въ теченіе столѣтія значительно измѣнился; въ XVIII столѣтіи мы усвоили много европейскихъ обычаевъ въ дѣлѣ международныхъ сношеній съ Востокомъ. Только Средне-Азіаты нисколько не измѣнились, старались обирать насъ по прежнему и обманывали—это ихъ главное стремленіе—еще удачнѣе, потому что мы меньше стали понимать Азію, чѣмъ понимали столѣтіемъ раньше. И это видно изъ тѣхъ наказовъ, называвшихся въ древности „памятью“, которые давались посламъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ при отправленіи ихъ на Востокъ⁵⁴). Тамъ съ удивительною тонкостью предугадывались всѣ вопросы, которые могли быть предложены послу въ чужой землѣ, и тутъ же давались на нихъ отвѣты. Такое глубокое пониманіе Азіи происходило главнымъ образомъ изъ того, что посламъ нашимъ вѣнялось въ непремѣнную обязанность представить, по возвращеніи, подробный отчетъ о положеніи тѣхъ странъ, которыя они посѣщали,—и это главная польза отъ нашихъ посольствъ въ Среднюю Азію. А кромѣ того, при отправленіи, послашника знакомили со всѣмъ тѣмъ, что было сдѣлано его предшественниками и что имъ было достигнуто. Относительно западной Европы мы во многихъ отношеніяхъ пребывали въ невѣдѣніи, писали грамоты государямъ давно уже умершимъ; но Азію знали превосходно. Вслѣдствіи дѣло пошло какъ разъ на оборотъ. Въ XVIII столѣтіи въ инструкціяхъ посламъ не говорится уже о томъ, напримѣръ, что они не должны на аудиенціяхъ и приемахъ садиться ниже другихъ пословъ, по за то требуется отъ нихъ прежде всего стараться заключать письменные договоры, которые въ Средней Азіи не имѣли и не имѣютъ никакого значенія, а намъ, напротивъ, они стѣсняли свободу дѣйствій. У насъ стали обращать вниманіе на мелочи и упускать изъ виду дѣйствительные интересы⁵⁵).

Мы многое стали прощать ханамъ. Мы простили, напримѣръ, разграбленіе нашего каравана въ 1732 году Киргизскимъ султаномъ Батыремъ въ то время, какъ Орда присягала на подданство Россіи⁵⁶). Мы простили грабежи Киргизовъ, учиненные ими въ нашихъ уже предѣлахъ во время Пугачевщины. Мы долго не принимали никакихъ мѣръ противъ Хивы, сдѣлавшейся съ XVIII столѣтія главнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ невольниковъ въ сосѣднія ханства, и не знали, какъ приступить къ усмиренію этого хищника⁵⁷).

Примѣчанія.

1. Въ 1669 году Вухарскій ханъ Абдуль-Азизъ въ грамотѣ своей, отправленной къ Алексѣю Михайловичу съ посломъ Мулло Форрухомъ, писалъ: „А какъ между вами и нами путь будетъ чистъ, чтобъ намъ обонимъ государямъ держать ссылку, и что вамъ великому государю будетъ въ нашемъ государствѣ годно, и мы отъ вашихъ подданныхъ не будемъ скрытно быть, и чтобъ между обонми нами послы ходили безурывно о добрыхъ дѣлѣхъ съ поминки“.

Съ подобнымъ же предложеніемъ пріѣзжалъ къ Петру Великому въ 1705 г. отъ Вухарскаго хана Абайдуллы (Убейдъ-уллы) Магометь Богадыря Алмиъ-бекъ Кочекъ Вековъ и получилъ благопріятный отвѣтъ. Вообще, во всѣхъ грамотахъ торговля стоитъ на первомъ планѣ. Приводимъ, для образца, цѣликомъ грамоту къ Алексѣю Михайловичу отъ Юргенскаго (Хивинскаго, по главному городу ханства, Ургенчу) хана Анавши (Ануши), присланную съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Федотьевымъ:

„Въ Месіей законѣ честному и благодатному и праведному великому государю превысочайшему и многихъ государствъ государю, Бѣлому царю, всея Россіи самодержцу, аки солнцу сіяюще и надъ всѣми христіанами великому государю и христіанскаго закона правителю любительное наше поздравленіе. Прислали вы къ намъ съ любительными своими грамотами Ивана Матѣева (Федотьева) подкрѣпить дружбу и любовь предковъ вашихъ и нашихъ, какъ бывало напередъ сего между нами дружба и любовь. И тотъ вашъ присланной грамоту вашу намъ подавъ, и мы грамоту вашу принявъ и рѣчи выслушали и вырази́ли, и то намъ учинилось пріятно, что дружбу съ вами подкрѣпить и выше прежнего въ дружбѣ быть; а которыя ссоры межъ нами напередъ сего были, и нищъ мы тѣ ссоры отложили и впредь то ни которыми дѣлами помянуто не будетъ, и отъ нынѣшняго времени учинились въ соединенъе, чтобъ между нами на обѣ стороны путь былъ чистъ и послы бѣ и посланники ссылались и всякими торговнымъ людемъ ѣздить и торговать поволью противъ предковъ, какъ напередъ сего между нами ссылка бывала безъ урыву, и нынѣ мы, хотя съ вами быти въ дружбѣ и любви, послали къ вамъ посла своего и честнаго челоуѣка Полянъ Кулу Богадыря, и вамъ бы для нашей дружбы и любви посла нашего пожаловать достойною честію и рѣчамъ его во всемъ повѣрять, потому что посланъ отъ

насъ для нашея дружбы и любви съ полнымъ наказомъ. И о чемъ вамъ великому государю тотъ нашъ посолъ учнетъ говорить, и вамъ бы пожаловать всякія дѣла его велѣть совершить. Потомъ подай Господь Богъ вамъ великому государю благодать свою и надъ недруги одолѣніе". Переводъ съ фарсовскаго письма. Съ фарсовскаго, значить, съ персидскаго; но это невѣрно, потому что вся переписка съ ханами у насъ велась на татарскомъ языкѣ, какъ это было и на сей разъ.

Но можетъ быть, торговля съ Хивой и другими ханствами доставляла нашимъ торговцамъ большіе барыши? Было изъ-за чего хлопотать? А вотъ что говорить про эту торговлю Иванъ Федотьевъ въ своемъ статейномъ спискѣ: отъ нея (торговли съ Хивой) русскимъ людямъ „большіе прибыли и пожитковъ не чаятъ". Восемьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1750 году, два русскіе торговца татарина, Абдулла Хаялинъ и Кубекъ-бай Назаровъ, бывшіе въ Хивинскомъ ханствѣ, доносили, что торгъ въ городѣ Хивѣ „малой да и то только по пятницамъ бываетъ. Чего де ради тутъ чрезъ то время ничего и не продали; переѣхали оттоль хивинскаго же владѣнія въ городъ Урганичъ", и тамъ ничего не продали. Но пошлину за товаръ съ нихъ взыскали исправно.

Въ слѣдующемъ году былъ въ Хивѣ и Бухарѣ Шарыпъ Бекметовъ имѣстѣ съ другими прикащиками, и по возвращеніи доносилъ, что въ Хивѣ ничего не продалъ, а въ Бухарѣ долженъ былъ продать за что придется, и большею частію въ долгъ, чтобы только сбить товаръ. Также поступили и его товарищи. Въ заключеніе говоритъ онъ, что отъ такого торгу „пользы никакой нечаятельно, но еще убытку". Не изъ-за чего же было и хлопотать такъ ханамъ о торговлѣ. Очевидно, что эта торговля была нужнѣе для Средней Азіи, чѣмъ для насъ.

2. Вольше другихъ тѣснили нашихъ купцовъ Хивинскіе ханы, которые въ своихъ грамотахъ особенно часто взыскались покровительствовать торговымъ сношеніямъ, а ханы Ануша и сынъ его Аранъ просили даже наше правительство построить городъ у „Трухменской пристани". Иванъ Хохловъ, по возвращеніи изъ Бухары залнилъ въ посольскомъ приказѣ, что ему и находящимся при немъ людямъ отъ Юргенскаго царя Абеша и отъ Ильбарса царевича „была многая тѣснота и убытки великіе". Знаменнѣйшій изъ Хивинскихъ хановъ, Абуль-Гази, ограбилъ въ 1646 году русскихъ купцовъ, имѣвшихъ товаровъ на 10,257 рублей, а самихъ ихъ, въ числѣ 15 чело-

вѣтъ, посадилъ въ тюрьму и намѣревался раздать въ неволю. Только бѣгствомъ избавились они отъ такой участи. И что же,—прервалъ ли Абуль-Гази сношенія съ Россіей послѣ такой богатой добычи? Пичуть не бывало. Въ томъ же 1646 году отправилъ опъ въ Москву гонца Шихъ Бабу съ поздравительною грамотою къ Алексѣю Михайловичу и съ просьбою продолжать торговныя сношенія съ Хивой и отпустить въ это ханство задержанныхъ въ Астрахани хивинскихъ пословъ, Назара и Эмина. Послы эти прибыли отъ прежняго хана и были задержаны вслѣдствіе грабежа Абуль-Гази. Гонцу этому говорили въ Астрахани: „Какъ же царь его пишетъ, чтобы торговые люди русскіе ходили въ Хиву, а самъ ихъ обираетъ и въ тюрьму сажаетъ?“ Гонецъ оправдывалъ хана тѣмъ, что не такъ давно разграбили въ Астрахани караванъ хивинскій, а сыску не сдѣлано. На это астраханскіе воеводы замѣтили гонцу, что у Русскаго царя такихъ разбоевъ никогда не бываетъ, а что хивинскій караванъ разграбили въ степи близъ Яика Татары, и что государь посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ, и они тѣхъ воровъ перенимали и многіе грабежные животы сыскали, и что сыскали, то все имъ Юргенцамъ торговымъ людямъ отданы“. Уличенный въ такой нахальной лжи, Шихъ Баба не смутился, а тутъ же возразилъ, что „онъ присланъ къ царскому величеству его великого государя поздравлять на его царского величества великихъ и преславныхъ государствахъ съ грамотою, а не о грабежныхъ животахъ и не о ссорахъ; а о тѣхъ де ссорахъ прислалъ къ царскому величеству Абылгазы царь (не Абуль-Гази, а Исфендіяръ) посла своего Эмина, и нынѣ онъ живетъ въ Астрахани, онъ де и отвѣтъ вамъ дастъ“. Вотъ какіе остроумные дипломаты явились къ намъ изъ Средней Азіи. Просьба хана не была, однако, уважена, имущество пословъ и гонца пошло на уплату потерпѣвшимъ русскимъ купцамъ, а такъ какъ такимъ путемъ вознаградилась только часть убытковъ, то послы изъ-подъ ареста не были освобождены. Впослѣдствіи, уже въ 1654 году, правительство наше соглашалось удовольствоваться съ пословъ половиною оставшейся не уплаченной суммы и отпустить ихъ на родину, если бы они дали въ томъ на себя росписки (крѣпостныя письма). Чѣмъ кончилось это дѣло, сказать не можемъ, только изъ дѣла о пріѣздѣ въ Москву хивинскаго посланца (1657—1658 гг.) Девлети-Мамбетъ Батыря Шукурова видно, что Эминъ и всѣ его товарищи умерли въ Астрахани въ моровое повѣтріе.

Въ 1695 году, передъ отправленіемъ въ Индію, черезъ Хиву,

Семена Маленькаго, подана была гостемъ Сергѣемъ Лабазинымъ челобитная, въ которой онъ заявлялъ, что его торговые люди, Захарка Григорьевъ, Федька Горбловъ, Алешка Семеновъ, отправившіеся изъ Астрахани въ Бухару, были задержаны въ Хивѣ ханомъ Араномъ (Арабъ-ханомъ), при чемъ товары ихъ и верблюдовъ ханъ забралъ на себя, а людей частію раздарилъ, частію продалъ въ неволю. Тотъ же ханъ задержалъ въ Хивѣ русскаго подданнаго новокрепца, торговца Алексѣя Мурасова (Дѣло по памяти изъ приказа большія казны въ Посольскій приказъ о посланкѣ къ Хивинскому хану Арабъ Багатырю грамоты съ купчиною гостининой сотни Маленькимъ 1695=7203 г.). Замѣтимъ, что ханъ этотъ нуждался въ поддержкѣ со стороны Россіи, что вскорѣ же выразилось прошеніемъ его къ императору Петру о принятіи его въ русское подданство. Затѣмъ, ханъ Каипъ, который просто осаждал оренбургскаго губернатора Неплюева просьбами установить съ Хивою постоянное движеніе торговыхъ каравановъ, отнялъ въ 1752 г. товары у нашихъ купцовъ, прибывшихъ туда по его приглашенію и задержалъ посланныхъ къ нему изъ Оренбурга дипломатическихъ чиновниковъ.

Эти притѣсненія крупныя и повторялись, конечно, не часто; но по нимъ все-таки можно судить о тѣхъ мелкихъ придиравкахъ, которыя позволяли себѣ хивинскіе ханы по отношенію къ русскимъ посламъ и торговцамъ, нисколько не заботясь о будущемъ и думая только удовлетворить свою алчность и корыстолюбіе.

3. Хивинскій посолъ Абренемъ Ажизовъ, пріѣзжавшій въ 1691 г. отъ хана Арана (у Сенковскаго—Эренкъ; Араномъ называли у насъ Арабъ-хана), преемника Ануши хана, между прочимъ, заявилъ, что въ 1686 г. приходили лицкіе казаки числомъ въ 1500 человекъ, въ хивинскія юрты войною. Сообщая объ этомъ думному дьяку Украинцеву, просилъ объявить ему, послу: „тѣ лицкіе казаки приходили на нихъ войною за указомъ ли великихъ государей или своевольствомъ?“ Дьякъ навелъ справку объ этомъ дѣлѣ и извѣстилъ посланца, что „тѣ казаки ходили безъ указу“.

4. Каковы присылались къ намъ отъ хановъ подарки, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ 1745 г. прибылъ въ Астрахань посланецъ, Хаджи Мухаммедъ Ахунъ мулла Турсуновъ, отъ хивинскаго хана Абуль-Гази, сына Ильбарсова. Привезъ онъ императрицѣ въ подарокъ отъ хана лошадей. Ко двору пропущенъ онъ не былъ, такъ какъ правительство наше сомнѣвалось въ независимости Хивы, незадолго предъ тѣмъ разгромленной персидскимъ шахомъ Надиромъ.

По поводу же подарка астраханскій губернаторъ Татищевъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ такое заявленіе: „а подарочная де лошадь самая простая, кою за 15 или за 20 рублей купить можно, къ тому жъ и хромаетъ, и того ради повѣлено ли будетъ оную ко двору отправить: яко въ проводѣ ея до Санктъ-Петербурга или до Москвы, болѣе денегъ издержано будетъ, нежели что она сама цѣною стоитъ“.

Этотъ же посланецъ можетъ служить образцомъ тѣхъ попрошайствъ, которые являлись къ намъ въ качествѣ пословъ изъ среднеазиатскихъ владѣній. Когда ему заявили, что ко двору его не пропустить, то онъ отдавая ханскій листъ губернатору умолялъ, „дабы не оставленъ онъ былъ награжденіемъ противъ прежнихъ посланцевъ, объявляя, что онъ въ проводѣ своемъ чрезъ толь дальнюю путь, понесъ немалые убытки“. Вотъ что имѣли въ виду всѣ посланцы, являясь къ намъ въ качествѣ представителей интересовъ своего народа. Но какіе же это были представители? При продажности въ Средней Азій званія посла имъ могъ быть любой торгашъ, безъ разбора. И дѣйствительно, въ качествѣ пословъ въ большинствѣ случаевъ являлась къ намъ всякая дрянь, на томъ основаніи, что цѣнрише и не заслуживаютъ лучшихъ представителей. Таковъ былъ и бухарскій посланецъ Мулладжанъ, пріѣзжавшій къ намъ въ 1857 году. Онъ до того надоѣлъ своимъ попрошайствомъ Оренбургскому начальству, что то не жалѣло уже издержекъ, чтобы только выпроводить его скорѣе на родину. Но вотъ въ отвѣтъ на посольство полковника Игнатьева прибылъ къ намъ изъ Бухары посолъ необыкновенно важный, Токсаба Неджимъ-ух-динъ, второе лицо послѣ Эмира, управлявшій дѣлами ханства во время разъяздовъ Эмира,—и что же? Когда ему предложили на выборъ получать содержаніе деньгами или натурой, то заявилъ, что пріѣхалъ не за деньгами и сталъ брать натурой, что намъ обошлось гораздо дороже. Но какъ только ему предложили 600 р. за путевыя издержки отъ Сыра до Орска, то взялъ съ удовольствіемъ.

И все-таки эти посланцы всякій разъ успѣвали выговорить что-нибудь въ пользу своего государства въ ущербъ нашимъ торговымъ интересамъ, и особенно въ текущемъ столѣтіи.

- 5. Въ 1633 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ Хивинскаго хана Исфендіара посолъ Хози Магометъ Богадырь съ грамотою, въ которой ханъ изъявлялъ желаніе свое къ возобновенію взаимной пересылки и торговли и просилъ прислать ему добрый панцырь. Затѣмъ,

въ 1642 году два посла отъ того же хана, Авязь-бекъ и Кошутъ, привезли довольно интересную грамоту, въ которой ханъ хивинскій просилъ Московскаго царя ссылаться съ нимъ „поминками“ и изъявлялъ желаніе, чтобы торговые люди „на обѣ стороны ходили безъ зацѣпокъ“; а въ заключеніе, въ выпискѣ о грамотѣ, сказано: „да онъ же Исфендіаръ царь хочеть женить сына своего и просить у царского величества, чтобъ царское величество его пожаловалъ, велѣлъ прислати къ нему для свадебного подъему денегъ нѣсколько“. Сынъ же хана, Сейтъ, писалъ къ царевичу Алексѣю Михайловичу: „а будетъ изволить государь царевичъ къ нему прислати соболей, да лисицъ добрыхъ черныхъ, да къ нему же бы прислати дѣвку Черкаску добрую, и то де ему будетъ гораздо пріятно и въ любовь“. Хотя царь и не удовлетворилъ этой просьбы вполнѣ, однако не оставилъ и безъ послѣдствій. Въ дѣлѣ объ этомъ посольствѣ записано: „а въ Юргенчи по государеву указу послано: Исфендіару царю за его дары и по запросу для свадебного подъему соболями на 400 рублей. Сыну его, Сейту царевичу, вдвое противъ его даровъ на 100 рублей“¹⁾.

¹⁾ Дѣлаемъ замѣчаніе по поводу Сейта. Въ 1641 г. отправлены были въ Хиву и Бухару въ посланникахъ Астраханецъ Савинъ Гороховъ и посадскій Анисимъ Грибовъ, въ Хивѣ уже бывалый. Первый умеръ на Кабалыккой пристани, второй отправился по назначенію. Дорогою Грибовъ узналъ, что „Юргенского Исфендіара царя не стало въ живыхъ, а на его мѣсто воцарился нынѣ въ Юргенчахъ его Исфендіаръ царь Сейтъ царевичъ и владѣтъ-де Юргенчѣмъ городомъ и всею своею областью по прежнему, какъ и отецъ его“. Грибовъ представился Сейту, передалъ возложенныя на него порученія, и въ концѣ 1643 г. отправился дальше въ Бухару. Тамъ пробылъ онъ довольно долго и былъ свидѣтелемъ завоеванія Хивы бухарскимъ ханомъ Надырѣ Мухаммедомъ: „И севраля 20 дня... бухарскій Надыръ Маметъ царь послалъ изъ Бухаръ подъ Хиву и подъ Азаристъ (Гевараспъ) ближнего своего царя человека Узбекъ Хову, а съ нимъ воинскихъ людей двѣ тысячи человекъ и приказалъ Хиву и Азаристъ взять, а царя Сейта велѣлъ предъ себя привести. И Узбекъ-Хова пріѣхалъ подъ Хиву и подъ Азаристъ и города осадилъ; и хивинского Сейта царя ближніе люди, поговори съ черными людьми, бухарского Надырѣ Мамета царя съ воинскими людьми бою не учинили, Хиву и Азаристъ сдали, бухарского царя людей въ городъ пустили, своему юргенскому Сейту царю извѣстили и его самого Сейта царя и съ братомъ Ушреѣмъ Солтаномъ и съ матерью привезли въ Бухары... и Надырѣ Маметъ царь вездѣ Юргенского царя съ братомъ и съ матерью, поѣхалъ съ ними въ Бальхъ городъ. И нынѣ бухарской Надырѣ Маметъ царь владѣтъ Хивою и Азаристомъ“. На обратномъ пути Грибовъ прибылъ въ Хиву въ іюль 1644 года, прожилъ тамъ 6 недѣль и видѣлъ заведенные

Во время переговоровъ съ бухарскимъ посломъ Аджи Фарукомъ, (то-есть, Хаджи Фарукомъ), прїѣзжавшимъ въ Москву въ 1669 году, на вопросъ у него—какіе поминки ханъ желаетъ получить, посолъ заявилъ, чтобы государь „изволилъ послать кречетовъ да часы боевые, а къ нимъ колоколь пуда въ полтора или въ два и съ часовникомъ, да цымбалы и къ нимъ игреца и наказать тому часовому мастеру и цымбальному игрецу, чтобы они, покажѣста царского величества посланникъ у хана побудеть (съ Хаджи Фарукомъ отправлялись въ Бухару братья Пазухины), часовникъ бы часовъ заводитъ изъ тамошняго народа кого, а цымбальной игрець хановыхъ игрецовъ на цымбалѣхъ играть научили бы“. Эти-де поминки государя прїятіе всего хану будутъ.

Наиболѣе интересную просьбу привезъ въ 1761 г. бухарскій посланникъ Кули-бекъ топчи-баши. Онъ передалъ, что ханъ, извѣстившись о побѣдахъ, одержанныхъ государемъ надъ Шведами, и наслышавшись о храбрости этого народа, проситъ прислать ему девять Шведокъ.

Хивинскій посолъ отъ хана Лдигера, Ашуръ-бекъ, въ 1714 году, просилъ 6 маленькихъ пушекъ для войны противъ Каракалпаковъ, и просьба эта была исполнена.

Случалось, надо замѣтить, и намъ обращаться къ азіатскимъ государямъ съ просьбой о присылкѣ денегъ. Отправленный въ Персію князь Михайло Барятинскій (въ 1618—1624 годахъ) вручилъ шаху Аббасу грамоту, въ которой царь просилъ „по настоящему военному времени вспомогательной казны“ для борьбы съ Жигмонтомъ (Персидскія дѣла, книга № 6; стат. списокъ, связка 1/а, № 1). И одинъ разъ такая просьба была даже удовлетворена.

Панцири озабочивали также и нашихъ царей. При отправленіи въ Персію въ гонцахъ жильца Ивана Свѣзева (который, однако,

---

въ Хивѣ Бухарцами порядки. Абуль-Гази разказываетъ дѣло нѣсколько иначе. Вопервыхъ, о ханствованіи Сейта не говоритъ онъ ни единого слова; вторыхъ сообщаетъ, что сыновей Иссеидіра выдала Надиру Туркмены. Но намъ кажется, что преимущественно въ этомъ случаѣ надо отдать русскому послу, на глазахъ котораго совершились эти событія и который къ тому же лично убѣдился во враждебности Туркменъ къ бухарскому хану. Но кто же этотъ Сейтъ ханъ? Сейтъ (Сейидъ)—не имя, а духовный титулъ, принимаемый ханами по родству съ потомками Мухаммеда, объ имени же его въ документахъ нашихъ не говорится. По Абуль-Гази у Иссеидіра осталось два сына: Юшанъ и Амрееть (Умрееть—у Грибова); несомнѣнно, стало быть, что подъ названіемъ Сейта въ Хивѣ былъ ханомъ Юшанъ.

отправленъ не былъ, а вмѣсто него ѣздилъ Ивалъ Хвостовъ) составлена была въ 1661 году „память“ что купить въ Персіи для государевой оружейной палаты, и въ этой „памяти“ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ панцири. Сверхъ того, гонцу поручалось „привзвать на годъ или на два мастеровъ 2 человекъ, которые бы умѣли панцири дѣлать и починивать; 2-хъ же человекъ, которые умѣли булатныя и желѣзныя сабли заваривать доброю кызылбашскою и черкескою заваркою; 1-го человекъ, который бы умѣлъ писать сѣдла и дренка, чтобы имъ на Москвѣ научить учениковъ, а говорить имъ, чтобы они на государскую милость были падежны, шли къ Москвѣ не опасаясь никакія скудости: на Москвѣ имъ будутъ кормы довольныя. А какъ они на Москвѣ учениковъ научатъ, и великій государь за то ихъ мастеровъ своимъ государевымъ жалованьемъ велитъ отпустить въ свою землю безъ задержанья“ (Персидскія дѣла, книга № 14, листъ 265).

Птицы и звѣри, посылаемые въ видѣ подарка къ азіатскимъ государямъ, не продавались, по видимому, иностраннымъ купцамъ, а если и продавались, то съ ограниченіемъ, какъ это можно видѣть изъ дѣла, возникшаго у насъ въ 1621 г. по запросу астраханскаго воеводы Семена Прозоровскаго съ товарищи: продавать ли оставленнымъ въ Астрахани отъ шаховыхъ пословъ и купчинъ людямъ, между прочими товарами, соколовъ, ястребовъ и болобановъ? На этотъ запросъ послѣдовалъ отпускъ государевой грамоты о непродажѣ оными Персіанамъ не токмо хорошихъ птицъ, но и лучшихъ соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ, дабы не одешевить чрезъ то посылаемые къ шаху подарки (Персидскія дѣла, связка 3/а, № 1).

Интересныя свѣдѣнія о ханѣ Ядигерѣ сохранились въ нашихъ документахъ, и только въ нихъ. Въ грамотѣ его къ Петру Великому читаемъ: «Божію милостію и молитвою, припявъ себѣ въ Меккѣ благословеніе и бывъ у гроба Магометова и у всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣстъ, приѣхавъ изъ Индѣйской земли въ прошломъ 1124 году (1712) мѣсяца джумазнеля 14-го дня, и восприявъ отца своего мѣсто Хивинскаго ханства, и всею Хивинскою землею нынѣ я владѣю». О происхожденіи его посланецъ, Ашуръ Бекъ сообщилъ, что Ядигеръ Мухаммедъ Бегадуръ былъ сынъ Ануши хава и, спустя 8 мѣсяцевъ по наступленіи на ханство, отправилъ посла къ Петру Великому съ поздравленіемъ¹⁾.

Такимъ образомъ теперь выясняется, кто былъ этотъ Ядигеръ.

¹⁾ Въ своемъ «Очеркѣ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ», С.-Пб. 1877, стр. 162 — 163, мы считали хана Ядигера отдѣльнымъ

Особенно щедрый подарокъ достался на долю хивинскаго хана Арана въ 1703 году. Съ посломъ Достакомъ Багадыремъ, который словесно сообщилъ, что ханъ желаетъ быть въ подданствѣ у Петра Великаго, отправлено этому хану 1000 золотыхъ червонцевъ, 40 более добрыхъ, да 3 кречета.

Раньше у насъ заявлялось, что Петръ Великій самъ отправилъ хану Арану подтвердительную грамоту о принатіи его въ Русское подданство; изъ дѣла же о пріѣздѣ Достака видно, что грамота эта (отъ 30-го мая 1703 года) отправлена вслѣдствіе просьбы самого хана, хотя и переданной словесно черезъ посланца.

6. И надо замѣтить, мѣра эта всегда имѣла уснѣхъ, только, къ сожалѣнію, рѣдко примѣнялась къ дѣлу. Послѣ притѣсненій, которыя испыталъ въ Хивѣ русскій посланникъ Иванъ Хохловъ, въ Москвѣ были задержаны хивинскіе посланцы Махтабай и Хаджи Исупъ, прибывшіе въ 1625 году, а ихъ пожитки конфискованы. Узнавъ о томъ, новый ханъ хивинскій, Исфендіаръ, отправилъ въ 1633 г. посланца въ Москву Хози Магометъ Багадыря съ просьбой отпустить пословъ и возвратитъ ихъ пожитки. Задерживать дольше пословъ, очевидно, не было надобности, и они получили свободу, но имущество имъ не возвратили, такъ какъ не были возвращены отнятыя у Хохлова вещи. И ханъ Исфендіаръ во все свое дальнѣйшее ханствованіе Русскихъ, проникавшихъ въ Хиву, не притѣснялъ. Осторожнѣе сталъ и Абуль Гази, послѣ урока, даннаго ему за ограбленіе русскихъ торговцевъ (см. примѣч. 2). Еще разъ отнявъ у русскихъ торговцевъ деньги въ количествѣ 2765 р. 10 алтынъ, онъ самъ же слѣшилъ донести о томъ русскому правительству черезъ посла Девлетъ Маметка (1654 г.), но старается замаскировать дѣло тѣмъ, что де взялъ онъ у нихъ эти деньги на сбереженіе изъ опасенія, чтобы не отняли ихъ во время обратнаго пути торговцевъ Туркмены, такъ „чтобъ межъ нами ссоры въ томъ не было“, заявлялъ онъ. Въ то же время просилъ возобновитъ торговля сношенія и отпустить посла Эмина Багадыря, котораго онъ послалъ къ государю, но „астраханскіе наши воеводы до васъ государя того нашего посла не допустили и тѣ наши поминки и посольскіе животы торговые люди понмали въ Астрахани

-лицомъ отъ Мухаммедъ Багадура, тогда какъ это имя одного хана. Въ такую ошибку мы были вовлечены Я. В. Хамковымъ, который въ своей «Пояснительной запискѣ къ картѣ Хивинскаго ханства» (*Зан. Геогр. Общ.* кн. V, стр. 272, 273), сдѣлалъ такое раздѣленіе.

(гра)бежемъ и на правѣжѣ мучили (безъ) милости и дву человекѣ замучили (на пра)вѣжѣ до смерти. А нынѣ мы съ гонцомъ своимъ Девлетъ Маметемъ къ вамъ государю въ поминкахъ (послали) двѣ камки золотныхъ да два ..... а велить поминки вамъ го(сударь) поднести послу своему Иминю Багатирю". Столѣтіемъ позже, можетъ быть, подобная грамота и имѣла бы успѣхъ; но въ XVII на нее отвѣчали, съ тѣмъ же посломъ, что прежде всего Абуль Гази долженъ освободить задержанныхъ русскихъ людей, прислать въ Астрахань бухарскихъ зеденей на 2765 р. 10 алтыпъ по бухарской цѣнѣ, и тогда хивинскіе послы будутъ освобождены и можно будетъ повести рѣчь о торговыхъ сношеніяхъ. Чѣмъ кончилось это дѣло, свѣдѣній не имѣемъ.

Удачно примѣнена была эта мѣра въ 1753 г., чтобы заставить Хивинскаго хана Каипа освободить нашихъ чиновниковъ, имъ задержанныхъ, и наконецъ еще разъ во время похода въ Хиву въ 1839 г. Мѣра эта имѣетъ, конечно, большое неудобство: тутъ страдаютъ люди ни въ чемъ неповинные; вся вина ихъ состоитъ развѣ только въ томъ, что родились они Хивинцами. Но съ практической стороны она заслуживаетъ полного одобренія. Въ Азіи гуманности не понимаютъ, и не мы, конечно, виноваты въ этомъ. Цѣлыми тысячелѣтіями воспитывались тамъ народы въ страхѣ и привыкли уважать только силу, а потому всякое снисхожденіе принимаютъ они за слабость и соразмѣряютъ съ этимъ свое поведеніе. Замѣтимъ кстати, что точно такая же мѣра практиковалась въ Ганзойскомъ торговомъ союзѣ. За неплатежъ или неисполненіе договора однимъ купцомъ, конфисковались товары у всѣхъ его соотечественниковъ купцовъ, если самого его достать было нельзя.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ XVI столѣтіи съ среднеазиатскими посланцами у насъ не заигрывали, какъ впоследствии, и поступали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Когда въ 1670 году посланецъ отъ Аनावши, Цолванъ Кули бекъ, вздумалъ искать вознагражденія за убытки, причиненные ему Стенькою Разиннымъ, то получилъ отвѣтъ, что это дѣло „надо оставить на волю Божию“, тѣмъ посланцу и пришлось удовольствоваться. Теперь мы такой поступокъ назовемъ, разумѣется, несправедливымъ; но съ точки зрѣнія XVII столѣтія дѣло представляется совсѣмъ иначе. Нельзя же въ дѣлѣ сношеній съ Востокомъ требовать отъ насъ большей справедливости, чѣмъ мы сами тамъ видѣли. А ужъ, конечно, ханъ Хивинскій поступилъ бы

точно также, если бы дѣло случилось на оборотъ. Надо принять во вниманіе духъ нравовъ и понятій того времени.

Съ царствованія Екатерины Великой по отношенію къ Средней Азіи начинаетъ преобладать у насъ гуманность и опасеніе раздражить хановъ. Не за долго предъ тѣмъ, въ 1758 году при Астраханскомъ портѣ были учреждены двѣ коммерческія компаніи. Одна изъ нихъ имѣла въ своемъ вѣдѣніи восточное побережье Каспійскаго моря. Вскорѣ же начались отъ нея нѣкоторыя притѣсненія для хивинскихъ купцовъ, что вызвало пріѣздъ къ намъ посланца Алла Шукуръ-бая, который жаловался на отягощеніе въ Россіи хивинскихъ купцовъ пошлинами. И вотъ, въ дѣлѣ о пріѣздѣ этого посла находится такое мнѣніе, идущее отъ высшаго правительства не въ пользу компаніи: „и какъ такой развратъ между компаніею и купцами произошелъ и что Хивинцы и Бухарцы, злѣясь за оное притѣсненіе, могутъ Россійскихъ людей захватывать въ плѣнъ“. Компанія была закрыта. Какими были Средне-Азіаты въ XVII столѣтіи, такими остались они и въ XIX. Хивинцы, не смотря на всѣ враждебныя къ намъ дѣйствія въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а именно: грабительства Киргизовъ, посылка къ нимъ эмиссаровъ съ возмутительными письмами, притѣсненія русскихъ торговыхъ каравановъ въ Хивѣ и т. п., какъ ни въ чемъ не бывало отправляли къ намъ своихъ пословъ съ разными предложеніями. И что особенно удивительно, многіе изъ нихъ пропускались даже въ Петербургъ.

Отмѣтимъ еще, что средне-азиатскихъ хановъ ставили у насъ ниже другихъ восточныхъ владѣтелей. Прежде всего это замѣтно въ титулахъ, которые въ дипломатическихъ сношеніяхъ того времени (XVII и XVIII вв.) имѣли большое значеніе. Ханъ такъ и оставался ханомъ, или же просто титуловался „начальниками“ земли Юргенской, Бухарской, Балхской, тогда какъ Персидскихъ шаховъ, на примѣръ, величали въ болѣе пышныхъ выраженіяхъ. Въ дѣлахъ по сношеніямъ съ шахомъ Аббасомъ I онъ титулуется не иначе, какъ „шахъ-Аббасово величество“, или „шахъ-Сефиево величество“. Какъ наши переводчики передавали это по персидски—не знаю. Грамота Великому Моголу Шахъ-джегану начиналась словами: „Врату нашему, великому государю, высокопрестольному Шахджеганову величеству Индейскому и всѣя Восточныя страны повелителю“.

7. Впервые, въ Архивѣ Калачева помѣщена статья о нашихъ сношеніяхъ съ Бухарой на основаніи подлинныхъ дѣлъ; повторныхъ, въ Сборникѣ кн. Хилкова, изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1879 году,

напечатаны эти дѣла въ видѣ приложенія къ статейному списку Ивана Хохлова, тамъ же опубликованному.

8. Описаніе это извлечено нами изъ дѣла, хранящагося въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и озаглавленнаго такъ: „Выписка о бывшихъ хивинскихъ въ Россіи послахъ съ обстоятельнымъ показаніемъ пріѣзда ихъ, порученныхъ дѣлахъ, на оныя отвѣтовъ, приемовъ и содержаніи. 1616—1744 годъ“. Кроме того, въ архивѣ имѣются отдѣльныя дѣла о каждомъ посольствѣ особо, куда вошли также и „церемоніалы“ приема посланцовъ.

9. Прежде чѣмъ отправить ко двору прибывшаго въ Астрахань посланца, о немъ шла еще переписка, иногда довольно длинная, между астраханскими воеводами и высшимъ правительствомъ. Какъ велось это дѣло, и какъ принимались посланцы въ Астрахани, можно видѣть изъ донесенія къ государю астраханскихъ воеводъ, Василья Ромодановскаго съ товарищи, по поводу пріѣзда посланца отъ Абуль Гази хана, Девлетъ Маметъ Батыря Шукурова (Дѣло о его пріѣздѣ съ сентября 1657 г. по июнь 1658 г.): „Сентября де, государь, въ 7 день пріѣхалъ въ Яицкой городъ отъ юргенского Абыль Газия царя посоль Девлетъ Маметъ Батырь Шукуровъ; а посланъ де онъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ послахъ съ листомъ, да съ нимъ же де юргенского Абыль Газия царя послано къ тебѣ государю въ дарѣхъ аргамакъ, да четыре иноходца. И онъ де Богданъ (Яицкій стрѣлецкій голова) того посла отпустилъ въ Астрахань водянымъ путемъ съ провожатыми, давъ твоимъ государевымъ лошадямъ на кормъ овса и сѣна. И сентября, государь, въ 22 день юргенской посоль Девлетъ Маметъ Батырь въ твою государеву отчину въ Астрахань пріѣхалъ, а съ нимъ царевыхъ людей 10 человекъ да его посольскихъ шесть человекъ. И мы холопи твои велѣли ихъ встрѣтить противъ прежняго по посольскому обычаю и поставить въ бѣломъ каменномъ городѣ на бухарскомъ дворѣ, а въ приставѣхъ и для всякаго береженья у него велѣли бытъ астраханскому сыну боярскому Антииѣ Чуридінову да толмачу, и для береженья стрѣльцамъ—на караулѣ. И послали мы холопи твои къ тому юргенскому послу спросить: къ тебѣ-ль великому государю къ Москвѣ отъ юргенского царя онъ посланъ или онъ присланъ въ Астрахань къ намъ холопомъ твоимъ для какихъ дѣлъ, и листы къ тебѣ великому государю юргенской царь съ нимъ послалъ ли и изъ котораго города? И юргенской посоль Девлетъ Маметъ Батырь сказалъ: послалъ де его юргенской Абыль Гази царь изъ Юргенского города къ тебѣ великому государю

царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ въ послѣхъ, а съ нимъ де къ тебѣ великому государю подать листъ, да челомъ ударить 5 лошадей и иные дары. И въ Астрахань де онъ Абыль Газия царя листъ къ намъ холопомъ твоимъ съ нимъ объ его отпускѣ есть же. И сентября, государь, въ 24 день прислалъ въ приказную палату къ намъ холопомъ твоимъ юргенской посолъ Девлетъ Маметъ Батиръ съ ясауломъ своимъ съ Досумкомъ Назаровымъ листъ писавъ турецкимъ письмомъ и сказалъ ясауль, что де тотъ листъ прислалъ къ намъ холопомъ твоимъ юргенской Абагзая царь съ тѣмъ своимъ посломъ, и мы холопи твои тотъ листъ велѣли перевести и съ того, государь, листа въ переводѣ написано, чтобъ по прежнему въ твою, государеву отчину въ Астрахань его юргенского Абыль Газия царя людямъ для торговли ѣздить повольно, а твоимъ бы де государевымъ людямъ къ намъ потому жъ для торгу ѣздить повольно жъ было. Да юргенской же посолъ Девлетъ Маметъ Батиръ приказывалъ къ намъ холопомъ твоимъ, чтобъ ты великой государь пожаловалъ его, посла, велѣлъ его изъ Астрахани отпустить къ собѣ государю къ Москвѣ противъ прежнихъ отпусковъ. И въ ипѣшнемъ, государь, въ 165 году маія въ 21 день того юргенского царя посла да съ нимъ царевыхъ людей десяти человекъ да его посольскихъ шти человекъ, да съ нимъ 5 лошадей и дары отпустили къ тебѣ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцу къ Москвѣ ми холопи твои противъ прежнихъ отпусковъ. А въ приставѣхъ и для всякого береженья послали съ ними до Москвы кречетника Данила Петрова, да толмача Терешку Реугова. А твоего государева жалованья поденного корму и питья имъ дано въ дорогу отъ Астрахани до Казани маія съ 21 числа на шесть недѣль: послу Девлетъ Маметю Батирю Шукурову по два алтына по три деньга, да питья по четыре чарки вина да по полуведра меду на день; царевымъ людямъ десяти человекомъ по шти денюгъ, да питья по двѣ чарки вина; посольскимъ людямъ шти человекамъ по 3 деньга человекъ, да по чаркѣ пива. Да всѣмъ вообще царевымъ и посольскимъ людямъ полтора ведра пива на день; а лошадямъ овесъ и сѣно“.

10. Нельзя сказать, что свита посланца изъ ничтожнаго, въ сущности, владѣнія была мала. Но бывали примѣры, что за посломъ слѣдовала значительная партія его соотечественниковъ, которымъ надо было давать подводы и содержаніе. Въ іюлѣ 1640 года при-

ходилъ изъ Бухарской земли посоль, Казіанъ именемъ, въ Tobольскъ; а съ нимъ было 200 человекъ, до 100 вьюковъ верблюдовъ съ товарами; а на посольство даровъ государю несли 37 человекъ. „И такого славного посла прежде въ Tobольскѣ не бывало“ (Вивлюэнка, VI, 250). Мы сейчасъ увидимъ, что означала эта щедрость въ подаркахъ, щедрость въ сущности фиктивная. Далѣе. У хивинскаго посланца Абренма Ажизова, пріѣзжавшаго къ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ 1689 году отъ хана Арана, свита состояла изъ 50 человекъ: 30 человекъ хановыхъ людей и 20 посольскихъ. У Бухарскаго посла Кули-бека въ свитѣ находилось 62 человека. Такой длинный хвостъ у посланцовъ очень просто объясняется тѣмъ, что для среднеазіатскихъ купцовъ было довольно выгодно пристроиться къ посольству, такъ какъ съ членовъ его пошлины за товаръ не взымалось. Что подобная нышность посламъ вовсе и не была нужна, это у насъ отлично понимали, и въ Москву пропускали только незначительное число посольскихъ людей, оставляя прочихъ въ Астрахани. Случалось даже, что Астраханскіе воеводы принимали свои мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій: они облагали пошлиной товары среднеазіатскихъ купцовъ, не признавая ихъ членами посольства, чѣмъ, конечно, вызвали жалобы со стороны хановъ (см. дальше, примѣч. 19). А то и пословъ не признавали въ этомъ званіи, какъ было поступлено, на примѣръ, съ посланцомъ хивинскимъ Тангри-бирди въ 1762 году. Но такіе случаи были весьма рѣдки, обыкновенно же отправленіе посольства служило для мѣстнаго купечества выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ. Нашимъ посламъ въ казакахъ также предписывалось пошлинъ не платить; но тутъ правительство наше руководилось не коммерческимъ расчетомъ, а оберегало достоинство посла, и при томъ съ нашей стороны никакихъ злоупотребленій не бывало.

11. Интересное явленіе: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ мусульмане Средней Азіи открыто потребляли пиво и вино. Посланцы оттуда не только не отказывались у насъ отъ запретныхъ для нихъ спиртныхъ напитковъ, но еще просили прибавки для себя и отпуска для хановъ. Въ дѣлѣ о пріѣздѣ посланца Ибрагима Ажизова читаемъ: „да ему послу по его челобитью про хановъ обиходъ и про себя велѣно купить въ Касимовѣ на кружечномъ дворѣ вина сто ведръ, а для того, чтобъ онъ посоль и люди его, ѣдучи дорогою до Астрахани, вино не торговали, велѣно въ Касимовѣ запечатать то вино таможенною печатью“. Посланцы иногда просто спивались. О пріѣзжав-

шемъ въ 1733 году въ Астрахань хивинскомъ послѣ Хаджи Батырѣ астраханскій губернаторъ доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 10-го апрѣля того года, что „тотъ хивинскій посолъ Аджи Батырь въ Астрахани отъ безвѣрнаго пьянства 8 числа апрѣля умре“. У бухарскаго посланца Чеге Арази, бывшаго въ Россіи въ 1737 году, пьянство сопровождалось еще и буйствомъ, при чемъ онъ „смертно“ билъ своего отца и лѣзь въ драку съ конвойными солдатами (см. Сборникъ кн. Хилкова, стр. 573—577).

12. Приказъ новая четверть былъ главнымъ распорядителемъ винной регалии, находившейся въ завѣдываніи казны и ею отдаваемой на откупъ.

13. Большой приходъ въ Москвѣ служилъ центральнымъ учрежденіемъ для управления таможенными сборами.

14. Посланцу хивинскому Хозъ Мамету, свита котораго состояла также изъ 10 человекъ, выдавалось въ 1634 году „поденнаго корму“ по 70 копѣекъ на день.

Среднеазиатскимъ посланцамъ при вѣздѣ въ наши предѣлы нечего уже было заботиться о своемъ пропитаніи: ихъ встрѣчали вполнѣ гостеприимно. Укажемъ на нѣкоторые исключенія. Въ 1720 году, вскорѣ послѣ истребленія отряда Вековича-Черкаскаго, прибылъ изъ Хивы посолъ Мурза Вейсъ Мамбетъ, и астраханскій губернаторъ Артемій Волынский, въ отвѣтъ на донесеніе о пріѣздѣ посланца, получилъ приказъ слѣдующаго содержанія: „оного хивинскаго посла прислать изъ Астрахани въ Санктпетербургъ, давъ ему подводы и кормовна деньги не яко послу, но яко арестанту, чѣмъ бы ему съ людьми токмо мочно быть сыту“, и подъ конвоемъ. Заставили его отдать ханскую грамоту. Посланецъ этотъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ, о чемъ канцлеръ и увѣдомилъ хана черезъ одного Хивинца (прочіе были задержаны), требуя въ то же время выслать русскихъ плѣнныхъ. Но вообще надъ замѣтить, что пріемъ посланцовъ изъ среднеазиатскихъ владѣній, въ виду ничтожной отъ нихъ пользы, обходился намъ дорого. Это и тѣмъ болѣе досадно, что наши посланники въ Средней Азій принимались далеко не такъ хлѣбосольно. Ихъ справедливое требованіе быть принятыми въ ханствахъ такъ, какъ у насъ принимались ихъ посланцы, всегда встрѣчало упорный отказъ. Нашъ посланникъ въ Хиву и Бухарію Анисимъ Грибовъ (1641—1643 гг.) въ своемъ статейномъ спискѣ разказываетъ, что ему начали выдавать содержаніе только тогда, какъ онъ прибылъ на дворъ Хивинскаго хана. Тутъ выдали ему 18 батмановъ пшена, 150 батмановъ пшеницы, 20 бат-

мановъ пшена (?), 1000 яицъ, да лошадямъ корму 150 батмановъ югарей (джугары); а въ батманѣ будетъ, говоритъ онъ, 12 гривенокъ русскихъ. При этой выдачѣ было прибавлено, что „корму oprичъ того не будетъ ничего, сколько ни станешь жить въ Юргенчахъ“, потому что въ Хивѣ посланникамъ корму oprичъ трехъ дней не дается. Въ Бухарѣ Грибову заявили, что кормъ станутъ выдавать послѣ того, какъ онъ отдастъ царскую грамоту; но и по врученіи посломъ грамоты онъ жилъ на своихъ харчахъ. Впрочемъ, произошло это потому, какъ говорили послу ближніе хановы люди, что ханъ Падиръ Мухаммедъ обидѣлся тѣмъ, что Хивинскому хану Сейту отъ царя послано было 8 сороковъ соболей добрыхъ, а Бухарскому только 4, „и тѣмъ де вашъ великой государь нашего Бухарского Надыръ Мамета царя передъ Юргенскимъ царемъ и иныхъ государствъ цари своими поминки обезчестилъ, а нашъ де Бухарской Надыръ Маметь царь да и прежніе Бухарскіе цари, какъ и Бухара зачалась, юргенскихъ царей честиѣ (то-есть, почетнѣе)... и нынѣ де Бухарской царь о томъ добре гнѣвень и корму де за то тебѣ государеву посланнику вскорѣ не указалъ“. Только черезъ три мѣсяца ханъ велѣлъ выдать 5000 денегъ бухарскихъ старыхъ, вмѣсто корму и въ жалованье на прїѣздъ и въ дорогу, а въ бухарской деньгѣ московскихъ денегъ два алтина да 5000 батмановъ хлѣба всякаго.

Другому нашему посланнику Ивану Федотьеву (1670—1673 гг.) въ Хивѣ выдано было „корму“ на три дни по 9 лепешекъ да по барану. „И онъ Иванъ (читаемъ въ его статейномъ спискѣ) о корму выговаривалъ, что они предъ нхъ юргенскимъ посломъ, которой былъ у великого государя у его царского величества на Москвѣ въ корму и въ подводахъ оскужены, потому что по указу великого государя жалованье поденной кормъ и питье, какъ на Москвѣ, такъ и въ дорогѣ въ оба пути давалъ двойной“. На это приставъ откровенно заявилъ: „великой де государь его царское величество милостивъ кого изволеть, того и пожалуетъ, да и жаловать де есть чѣмъ: государства у него великого государя многія и многолюдныя и всѣмъ изобильныя, а юргенскому де хану такихъ расходовъ держать не изъ чего: владѣніе малое и скудное“.

15. Рындами были стольники, выбиравшіеся обыкновенно изъ лучшихъ фамилій, при чемъ имѣла значеніе красивая паружность стольниковъ. Они стояли на пріемахъ при царѣ.

16. Если пріемъ происходилъ лѣтомъ, то „въ прохладной палатѣ и въ сѣняхъ сидѣли дворине и дѣвки и гости въ золотѣ жѣ и въ часть сохххiv, отд. 2.

черныхъ шапкахъ. А по крыльцу были дворяне и дѣди боярскіе и подъячіе въ чистомъ платьѣ" (пріемъ въ 1634 году посланца Хозь Мамета Багадхри).

17. Обычай класть руку на посланника практиковался у нашихъ царей только по отношенію къ мусульманамъ. Въ статейномъ спискѣ Григорія Васильчикова, бывшаго въ Персіи посланникомъ отъ царя Федора Іоанновича къ шаху Худобендею (въ 1588 — 1589 годахъ), находимъ интересное сообщеніе по этому поводу. Въ Персіи Васильчиковъ встрѣтился съ грузинскимъ посланникомъ, который успѣлъ уже представиться шаху Аббасу I (сыну и преемнику Худобенди) и возвращался домой. Новы еще были для насъ въ то время персидскіе порядки, и потому Васильчиковъ прежде всего поспѣшилъ распросить у своего коллеги, какъ онъ представлялся шаху? Тотъ отвѣчалъ, что на аудіенціи шахъ протянулъ ему ногу, „и язь шаха цѣловалъ въ ногу, да и всякимъ посломъ и посланникомъ даетъ цѣловать ногу“. Не понравился нашему послу такой обычай и сталъ онъ протестовать противъ него: „У государя нашего“, говорилъ онъ персидскимъ сановникамъ, — въ обычай ведется: коли бываютъ у государя нашего царского величества отъ христіанскихъ государей послы и посланники, отъ цесаря римского и короля литовского и отъ иныхъ христіанскихъ государей, и государь нашъ царское величество тѣмъ посломъ и посланникомъ даетъ цѣловать свою царскую руку; а на басурманскихъ государей пословъ кладеть руку. А государя нашего пословъ христіанскіе государи даютъ по тому же руку цѣловать, а басурманскіе государи кладутъ руки. А того нигдѣ не ведется, что государемъ цѣловать ногу: то посломъ безчестье великое“. И хотя Персіане возражали Васильчикову, что ему въ чужой землѣ своихъ законовъ не устанавливать, однако шахъ уважилъ ходатайство русскаго посланника: на пріемъ клалъ на него свою руку, не давая цѣловать ноги (см. Персидскія дѣла, связка 1/а, стат. списокъ Григорія Васильчикова и подъячаго Аванасья Монастырева).

18. Грамоты въ „столпѣ“ не имѣется, равно какъ и отвѣта на нее.

19. Въ описаніи этого посольства не имѣется рѣчи посла, говоренной имъ на пріемъ, а равнымъ образомъ и отпускнуой ему рѣчи, которую говорилъ думный дьякъ. Ради образца мы беремъ на выдержку рѣчь этого дьяка при отпускѣ посланца Эмина, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1641 году отъ Хивинскаго хана Исфендіяра. Послѣ спроса государемъ посла о здоровьѣ слѣдуетъ: „А послѣ того по государеву указу печатникъ и думной дьякъ Федоръ Федоровичъ Ляхачевъ говорилъ

послу рѣчь. А молвилъ: Эминь Багадыр! Великой государь царь и великой князь Михайло Федоровичъ всея Русіи Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорить: прислалъ тебя къ нашему царскому величеству юргенской Исфендеаръ царь съ грамоты, и мы великой государь пожаловали, велѣли тебѣ видѣти наши царскія очи и грамоты велѣли принять, и перевести, и выслушали любительно. А въ грамотахъ своихъ къ нашему царскому величеству Исфендеаръ царь писалъ о ратныхъ людѣхъ на Калмыковъ и объ нихъ разныхъ дѣлѣхъ. А нынѣ намъ великому государю учинилось вѣдомо, что Исфендеара царя не стало, а на его мѣсто учинился въ Юргенцахъ царемъ сынъ его Сейтъ царевичъ, и мы великой государь для дружбы и любви отца его, съ нимъ Сейтомъ царемъ такъ же хотимъ быти въ дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, какъ и съ отцемъ его были, и тебя посла, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли есмя отпустить къ Сейту царю. И о которыхъ дѣлѣхъ отецъ его Исфендеаръ царь къ нашему царскому величеству съ тобою посломъ въ грамотахъ своихъ писалъ и о тѣхъ дѣлѣхъ писано къ Сейту царю въ нашей царского величества грамотѣ. А что довелось взять съ царевыхъ товаровъ пошлинъ 701 р. 82 коп., и мы великой государь наше царское величество, для Сейта царя дружбы и любви тѣхъ пошлинъ имати не велѣли, и Сейтъ бы царь то принялъ въ любовь и за то бы намъ великому государю воздавалъ своею любовью. И какъ ты посолъ будешь у государя своего Сейта царя, и ты ему нашу царского величества дружбу и любовь объяви". Ханъ Исфендіаръ, во первыхъ, предлагалъ Михаилу Федоровичу союзъ для совместнаго нападенія на Калмыковъ, "которые шкоту чинятъ"; во вторыхъ, жаловался на астраханскихъ воеводъ, притѣсняющихъ будто бы хивинскихъ пословъ, которыхъ считаютъ торговыми людьми, сажаютъ въ тюрьму и требуютъ пошлинъ.

20. Съ именами пословъ и вообще инородцевъ мы ничуть не церемонились и зачастую придѣлывали имъ фамиліи съ русскимъ окончаніемъ: Разумбаевъ (Рузумъ-бай), Рагимжановъ (Рахимъ-джанъ), Ибрагимъ Аживовъ (Ибрагимъ хаджи), Вековъ (Векъ), Турсуновъ (Турсунъ), Алагуловъ, Курмаметевъ (такимъ образомъ возникли у насъ Адашевы *), Васкаковы и т. п); а то и вовсе по русски: Пермаметко (Пиръ Мухаммедъ), Елумбетка Казембетевъ и т. д. Даже

*) Адамъ значитъ «тезка».

Шейхъ-уль-Ислама обратили мы въ Шейха Исламовича, въ какомъ видѣ и красуются онъ въ посольскихъ дѣлахъ.

21. По прїѣздѣ Артыкъ Ватыря въ Астрахань, ему было опредѣлено наше содержаніе, а при отправленіи изъ Астрахани въ Москву отпущено ему кормовыхъ денегъ на 2 мѣсяца 151 р. 90 к. (по 75 р. 95 к. на мѣсяць), а поденно по 60 копѣекъ. Въ Москвѣ, въ конторѣ иностранной коллегіи опредѣлено ему дать кормовыхъ денегъ на одинъ мѣсяць 100 рублей (съ 4-го апрѣля на 30 дней) да на зажилые въ Москвѣ дни съ прїѣзда его въ Москву на 14 дней (по 4-е апрѣля) въ астраханской дачѣ по 80 коп. на день, всего 111 р. 20 к. серебряною рублевою монетою. „Но овъ посолъ тѣхъ денегъ не принялъ, объявляя, что такими кормовыми недоволенъ и до всемилоствѣйшого ея императорского величества особливаго о немъ указу будетъ содержать себя съ людьми своимъ коштомъ, а на милости ея императорского величества за присылку кормовыхъ всенижайше благодарствовалъ, и просилъ, чтобы показать ему деньги какія принесены. И какъ объявлены, то взялъ себѣ два рублевика и, привставъ съ мѣста, оные рублевики положилъ себѣ на голову, а снявъ съ головы своей, еще благодарствовалъ, сказывая, что опъ посолъ такія кормовыя приметъ тогда, когда ему объявятъ, что толикое число особливымъ указомъ дать ему опредѣлено“.

Недовольство кормовыми деньгами заявляли почти всѣ посланцы, и большею частью съ успѣхомъ: имъ дѣлали прибавку. Прибавили ли посланцу въ Москвѣ, изъ дѣла не видно. Замѣчательно же тутъ то обстоятельство, что посланецъ посмѣшилъ заявить неудовольствіе, еще не выдавъ денегъ и не имѣя еще возможности смекнуть о ихъ цѣнности.

22. Въ Петербургѣ Хивинцамъ назначено такое содержаніе: послу по 1 рублю на день, а на мѣсяць 30 рублей; ханскимъ 20 человекамъ по 15 коп. на день каждому; посольскимъ людямъ 10 человекамъ по 10 коп. на день каждому; всего 150 рублей въ мѣсяць. Но потомъ, вѣроятно вслѣдствіе попрошайства, послу прибавили еще 30 рублей въ мѣсяць.

23. То-есть, шелъ изъ Хивы степью на Мангышлакъ.

24. Въ грамотѣ вице-канцлеру ханъ писалъ: „Еще же да будетъ вамъ извѣстно: понеже лукавые Кызылбаши со всѣми ближними государствами никакой постоянной дружбы не имѣютъ и всѣхъ озлобляютъ и вредятъ, того ради и мы вознамѣрились на нихъ идти войною, дабы за мусульмановъ имъ достойное отмщеніе учинить, а

о прочемъ посолъ нашъ словесно объявить имѣеть". Средне-азиатцы—сунниты, Персіане (Кызылбаши)—шиты, отсюда столкновения первыхъ съ послѣдними часто принимали религіозный оттѣнокъ. На этотъ разъ столкновение кончилось погромомъ Хивы и казнію хана Ильбарса.

25. Хвастовство—непремѣнная принадлежность средне-азиатскихъ дипломатовъ. Иногда черта эта проглядывала и у насъ въ дѣлѣ сношенія съ западною Европой, когда послы наши заявляли о подчиненіи русскому царю („въ государя нашего волю") такихъ владѣній, которыя ни въ чемъ отъ Россіи не зависѣли. Замѣтимъ въ пользу Артыкъ Батыря, что въ дѣлѣ хвастовства не превзошелъ еще онъ другихъ посланцевъ. Алла Шукуръ-бай, пріѣзжавшій въ 1762 году въ Астрахань отъ хана Темиръ Гази, на подобный же вопросъ губернатора заявилъ безъ всякаго смущенія, что у хана постоянного войска имѣется 400,000 человекъ. На этотъ отвѣтъ въ „дѣлѣ" сдѣлана слѣдующая замѣтка: „почему предвидится, что неправда". Нѣсколько нерѣшительный тоиъ ея, при преувеличеніи по крайней мѣрѣ разъ въ 50, показывается, что теперь посланцы смѣло могли хвастать, не рискуя быть уличенными во лжи.

26. Ханъ прислалъ въ подарокъ вице-канцлеру 40 овчинокъ бухарскихъ и двѣ доли изъ бухарскихъ же овчинокъ.

27. Очень часто ханы, отпуская русскихъ пословъ, просили черезъ нихъ о присылкѣ „особливаго" посла для окончательнаго удовлетворенія нашей просьбы. Такъ поступилъ, наприимѣръ, бухарскій ханъ Абуль-Азизъ, отпуская братьевъ Пазухиныхъ въ 1672 году; то же сдѣлалъ Ширгази въ Хивѣ въ 1725 году, отправляя Флоріо Беневени. Желаніе хановъ почаще видѣть у себя русскихъ пословъ понятно: не съ пустыми же руками явятся послы въ ханамъ, а содержаніе-то ихъ было неубыточно. Но съ конца XVIII столѣтія развилась у хановъ подозрительность: они стали бояться Россіи, строго слѣдили за русскими послами въ своихъ владѣніяхъ и нерѣдко держали ихъ въ заперти, устраняя ихъ отъ всякаго сношенія съ посторонними лицами изъ туземцевъ или изъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся тамъ въ рабствѣ, и явно не желали пріѣзда ихъ.

28. Въ „листѣ" ханъ просилъ, по обыкновенію, о дружбѣ, о торговыхъ сношеніяхъ и кромѣ того извѣщалъ о намѣреніи своемъ идти войною на Персіанъ.

29. Подарки отъ хана императрицѣ были слѣдующіе: 1 аргамакъ гнѣдой, 1 иноходецъ бурый, 1 бобръ, да одного бобра чучело;

1 тулупъ черній волнистый, 60 волнистыхъ овчинокъ, двои перчатки.

30. Вывозъ изъ Россіи въ Среднюю Азію ружей, свинца, стали былъ запрещенъ. И разъ правительство наше сильно встревожилось, получивъ извѣщеніе о тайномъ провозѣ этихъ предметовъ изъ Астрахани въ Хиву. Случилось это въ 1765 году вслѣдствіе донесенія о томъ капитана Богдана Асланова, который былъ отправленъ изъ Россіи въ 1763 году въ Персію и Бухарію развѣдать о военныхъ замыслахъ Афганскаго хана Агаметца (Ахмеда), такъ какъ до насъ дошелъ слухъ о приготовленіяхъ этого хана къ походу противъ Китайцевъ съ цѣлію отнять у нихъ Восточный Туркестанъ, незадолго предъ тѣмъ Китайцами завоеванный. Правительство наше не прочь было оказать въ этомъ случаѣ поддержку Афганцамъ, опасаясь Китайцевъ, которые послѣ одержанныхъ побѣдъ сдѣлались очень „высокомѣрными“; но надо было удостовѣриться въ правдивости слуховъ. Аслановъ изъ Персіи проникъ въ Бухарію, гдѣ будто бы получилъ извѣстія о тайномъ провозѣ изъ Россіи въ Среднюю Азію запрещенныхъ предметовъ. Наряжено было по этому поводу слѣдствіе, но результатъ его мнѣ неизвѣстенъ. При отправленіи пословъ обратно на родину нашему пограничному начальству предписывалось строгаго слѣдить за тѣмъ, чтобы не провезли они чего-либо запрещеннаго и даже бѣглыхъ: „пересмотрѣть всякихъ товаровъ и ясырю, и дѣвокъ, и жонокъ, и робятъ, и нѣтъ ли у кого, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, товаровъ и ясырю лишнихъ“.

31. См. выписки по Хивинскимъ дѣламъ, съ 1714 по 1770 годъ, ч. I.

32. Хивинскій посолъ Аджи Мугамедъ Ахунъ мулла Турсуновъ, явившись въ Астрахань въ 1745 г. только съ тремя служителями, добиваясь разрѣшенія проѣхать въ Петербургъ, заявлялъ, что, для поддержанія своего достоинства, возьметъ изъ свиты Артыхъ Батыря 11 человекъ. Такъ какъ правительство наше не имѣло еще свѣдѣній о томъ, возстановилась ли самостоятельность Хивы послѣ персидскаго погрома, то изъ опасенія, какъ бы не вступить въ сношенія съ владѣльцемъ, состоящимъ въ шаховой „депенденціи“, не разрѣшило пропускъ посла въ Петербургъ; а стало быть и свита ему не понадобилась.

33. Нарушить наказъ было опасно. У насъ придавалось большое значеніе тому, какъ держалъ себя посланникъ въ чужой землѣ, и на этотъ счетъ были выработаны строгія и опредѣленные правила; укло-

неніе отъ нихъ могло подвергнуть виновника великой опалѣ. И нарушителей являлось немного. Одинъ изъ посланниковъ въ Персію, дворянинъ Михайлъ Тихановъ (1613—1615 гг.), ѣздившій извѣстить шаха Аббаса о вступленіи на престолъ Михаила Федоровича, по возвращеніи былъ привлеченъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ, подъячимъ Алексѣемъ Бухаровымъ, за подобное нарушеніе. Въ присутствіи государя думный дьякъ прочиталъ посланникамъ обвинительный актъ, въ которомъ указывались три проступка: 1) Когда посланники прибыли въ Персію, „въ то жъ время были у шаха при васъ отъ вѣдомого вора и государева и всего російскаго государства измѣнника отъ Ивашка Зарудкаго и отъ Маринки посланника Иванъ Хохловъ да Юкушъ Глюковъ съ товарищи, и въ шаху посольство правили при нихъ и за столомъ сидѣли съ ними вмѣстѣ... и съ собою ихъ сверстали и выше государевыхъ людей, которые отъ государя посланы съ вами, сажали; а въ шаху объ нихъ ничего не говорили и въ воровствѣ ихъ не обличили“. 2) Сидѣли у шаха за столомъ ниже „бухарскаго царевича челобитчиковъ (а бухарскій царевичъ, какъ доносилъ посоль, въ подданствѣ у шаха) и тѣмъ въ царскаго величества имени не честь же учинили“. 3) „Да вы же, Михайло и Алексѣй, учинили мимо государевъ наказъ, чего некоторые государевы послы и посланники напередъ сего не дѣлывали: не вѣдомо есте кого послушавъ, или будетъ своею глупостью затѣявъ, или будетъ съ пьянства забывъ свою русскую природу и государскіе чины, ѣдили есте на отпускѣ къ шаху въ его шаховѣ платьѣ вадѣвъ на себя по два кафтана азіатскихъ, одинъ кафтанъ наверхъ объ одну завязку, а другой подъ-исподъ. И вы тѣмъ царскому величеству учинили не честь же, не вѣдомо вы были у шаха, государевы посланники; не вѣдомо были у шаха въ шутѣхъ“ (Дѣла персидскія, стат. списокъ Михайла Тиханова и Алексѣя Бухарова, связка 1/а).

34. Абуль-Гази, сынъ Ильбарса, ханствовалъ всего четыре года (см. дѣло о пріѣздѣ въ Оренбургъ изъ Хивы въ 1761 года посланца Исаака-муллы). Онъ былъ убитъ вліятельнымъ атаманомъ Куразбекомъ за то, что „въ ханы противъ его Куразбекова желанія произведенъ“. И послѣ него возведенъ былъ, съ согласія Персидскаго шаха, Каипъ.

35. Въ 1761 году пріѣзжалъ изъ Хивы посланецъ Исаакъ мулла съ поздравительнымъ листомъ отъ хана Темиръ Гази (сына Мухам-

медь Хаджи Султана), роднаго брата бухарскаго хана Абуль-Гази. „Листъ“ оказался безъ печатей, которыя были приложены только на пакетѣ. На вопросъ губернатора Давыдова о такомъ нововведеніи, посланецъ отвѣчалъ: на прежнихъ листахъ печати были „потому, что у нихъ предъ симъ ханы были изъ Киргизъ-кайсацкихъ солтановъ, подданныхъ ея императорскому величеству, а нынѣ же Темиръ Гази ханъ не изъ Киргизъ-кайсацкихъ солтановъ, но изъ тамошнихъ природныхъ ханской фамиліи, отъ каковыхъ де, какъ въ Бухаріи, такъ и въ Персіи и во всей Азіи находящихся нодъ письмами печатей отнюдь не прикладывается и обыкновеніи такого у нихъ нѣтъ“. Давыдовъ усомнился въ правдивости этого объясненія, но листъ принялъ. Однако, послу было отказано въ пропускѣ въ двору. По сообщенію Исхака муллы, Темиръ Гази былъ избранъ Хивинцами на ханство за четыре года передъ тѣмъ.

Подобнымъ же образомъ въ 1783 г. генераль-поручикъ Апухтинъ задержалъ хивинскаго посла отъ хана Фелатъ (Пуладъ) Гази Магометъ Багадуръ за то, что на листѣ „печать ханская приложена въ заглавіи и въ лицѣ, а не въ окончаніи и не на оборотѣ“, и представлялъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что посланца слѣдуетъ отправить домой безъ отвѣта, какъ поступлено было губернаторомъ Врылкинымъ въ 1751 году въ подобномъ же случаѣ.

36. На основаніи показанія русскихъ плѣнныхъ (въ доношеніи изъ Самары генераль-лейтенанта князя Урусова, 1741 г.) оказывается, что послѣ Ширгази былъ ханомъ въ Хивѣ Мамыръ, „которого, ѣздя къ моленію въ мечеть, убила лошадь“; а потомъ—Батырь. „И оной, опасаясь своихъ Хивинцевъ, чтобъ не убили, ушелъ въ Киргизцы къ Абуль-Хаиръ хану, которой и нынѣ имѣется у оного хана“.

Батырь, сынъ Киргизскаго султана Каипа, былъ женатъ на дочери Ширгази хана, и послѣ смерти его былъ избранъ Хивинцами ханомъ. Но потомъ бѣжалъ оттуда и жепился на дочери Абуль-хаира. Его сынъ, Каипъ, впоследствии ханствовалъ въ Хивѣ (см. дѣло объ отправленіи Гарбера въ Хиву).

37. Въ 1840 г. ханъ Алла-кулъ выслалъ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ не вслѣдствіе похода въ Хиву графа Перовскаго въ 1839 г.—неудача похода должна была еще болѣе бы ободрить Хивинцевъ—а вслѣдствіе того, что мы употребили нашу старинную мѣру: задержали всѣхъ находившихся въ Оренбургѣ Хивинцевъ. Впоследствии,

въ 1847 году для удовлетворенія хивинскихъ купцовъ, потерпѣвшихъ отъ задержанія, наше правительство отправило хану 5,500 червонцевъ. Ханъ удержалъ эти деньги для себя, и наше великодушіе такимъ образомъ не достигло цѣли.

Н. Весселовскій.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества.

Житіе и хоженіе Данила Русьскія земли игумена. 1106—1108 гт. Издано подъ редакціей *М. А. Венгитинкова* (*Православный Палестинскій Сборникъ*. Томъ I, выпускъ 3. С.-Пб. 1883).

Хоженіе гостя Василья. Издано подъ редакціей архимандрита *Леонида* (*Православный Палестинскій Сборникъ*. Томъ II, выпускъ 3. С.-Пб. 1884).

Странствованія Василья Григоровича-Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 гт. Изданы Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ по подлинной рукописи подъ редакціей *Николая Барсукова*. Три выпуска. С.-Пб. 1884.

Русская паломническая литература, какъ извѣстно, довольно богата. Издревле, съ первыхъ вѣковъ просвѣщенія Руси христіанскою вѣрою, Русскіе люди ходили поклониться Гробу Господню, и нѣкоторые изъ этихъ набожныхъ поклонниковъ, начиная съ XII вѣка, оставили намъ описанія своихъ хоженій и видѣнныхъ ими святыхъ. Палестинское Общество сочло полезнымъ вновь напечатать описанія странствованій нашихъ старинныхъ паломниковъ и уже приступило къ этому важному труду.

Во главѣ этого ряда изданій Общество естественно должно было поставить знаменитый памятникъ русской письменности XII вѣка: „Житіе и хоженіе Данила Русьскія земли игумена“. Это замѣчательное сочиненіе принадлежало къ числу книгъ, наиболѣе читавшихся въ древней Руси. Въ теченіе семи вѣковъ оно служило для удовлетворенія интереса набожныхъ Русскихъ людей, желавшихъ получить наглядное понятіе о той странѣ, съ которою связаны вели-

чайшія воспоминавія христіанской религіи, и почва которой обогрена кровію Спасителя міра. Данилово хожденіе часто переписывалось въ прежнее время, такъ что извѣстны списки его, сдѣланные еще въ прошломъ и даже въ пунѣшнемъ вѣкѣ. Къ сожалѣнію, раннихъ списковъ памятника не сохранилось. Отрывки изъ Данилова хожденія были впервые напечатаны Карамзиннымъ—въ примѣчаніяхъ ко II-му тому „Исторіи Государства Россійскаго“, и затѣмъ А. Н. Муравьевымъ—въ „Путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ“, а цѣликомъ оно издано было впервые И. П. Сахаровымъ въ 1837 году. Затѣмъ онъ же переиздавалъ его еще три раза въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, а въ 1864 году Данилово хожденіе было издано вновь археографическою комиссіей подъ редакціей А. С. Норова. Не смотря на этотъ рядъ изданій, хожденіе игумена Данила вполнѣ заслуживало быть вновь напечатаннымъ — не только потому, что оно есть древнѣйшее изъ русскихъ описаній Святой Земли, но и потому, что прежнія изданія его не вполнѣ удовлетворяли научнымъ требованіямъ. Недостатки этихъ прежнихъ изданій указаны въ обстоятельномъ изслѣдованіи М. А. Веневитинова (С.-Пб. 1877), посвятившаго много лѣтъ на изученіе Данилова хожденія. Изданія Сахарова и Веневитиновъ признаетъ неудовлетворительными потому, что послѣдній пользовался слишкомъ малымъ числомъ списковъ; изданіе же Норова хотя и основано на большемъ числѣ списковъ, однако также не представляетъ хорошо обработаннаго текста, ибо издатель—какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его предисловія—видѣлъ въ Даниловомъ хожденіи не столько важный памятникъ древняго русскаго языка и словесности, сколько одно изъ древнѣйшихъ и лучшихъ описаній Палестины, могущее служить важнымъ пособіемъ для исторіи памятниковъ христіанской вѣры. „Руководствуясь такимъ взглядомъ“, говоритъ г. Веневитиновъ въ своемъ упомянутомъ выше изслѣдованіи (стр. 39),— „издатель не особенно затруднялъ себя вопросами литературно-исторической критики и отнесся къ очисткѣ текста Данилова путешествія не какъ къ прямой цѣли своего труда, а какъ къ подспорью или къ матеріалу для примѣчаній, дѣлаемыхъ имъ для уразумѣнія исключительно топографическаго и церковно-историческаго смысла текста. Обвиняя переписчиковъ, А. С. Норовъ исправляетъ ихъ ошибки и неточности, но исправляетъ ихъ на основаніи своего субъективнаго отношенія къ задачѣ“. Результатомъ работы А. С. Норова было составленіе полнаго своднаго текста Данилова хожденія на основаніи тѣхъ списковъ, которые онъ признавалъ лучшими; по мнѣнію же г. Вене-

вѣтнова, конечною цѣлью изученія хожденія должно быть восстановление по возможности первоначальнаго текста его. Это вполне справедливо; но къ сожалѣнію, достиженіе этой цѣли—какъ признаетъ и самъ г. Веневитиновъ—много затрудняется тѣмъ, что у насъ не сохранилось списковъ, достаточно близкихъ ко времени написанія памятника. Исслѣдованіе, напечатанное г. Веневитиновымъ въ 1877 году, свидѣтельствуетъ однако, что уже къ тому времени имъ сдѣлано было много въ означенномъ направленіи. Сахаровъ пользовался всего 10 списками хожденія; Норовъ зналъ ихъ уже 31, но собственно для изданія употребилъ только 15, которые признавалъ наиболѣе важными. Г. Веневитиновъ въ 1877 году имѣлъ въ виду уже болѣе полусотни списковъ; онъ выдѣлялъ изъ нихъ три главныхъ редакціи изслѣдуемаго памятника, основываясь для того преимущественно на числѣ отдѣльныхъ главъ или статей, составляющихъ Данилово путешествіе, и сверхъ того, отмѣтилъ списки сокращенные и списки, не подходящіе ни подъ одну изъ главныхъ редакцій. Очевидно, это было крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія памятника. Тщательный трудъ г. Веневитинова естественно долженъ былъ указать Палестинскому Обществу на этого основательнаго изслѣдователя, какъ на лицо, наиболѣе подготовленное для научнаго изданія старѣйшаго изъ русскихъ паломниковъ-писателей. Общество и воспользовалось услугами г. Веневитинова и въ 3-мъ выпускѣ I-го тома своего Сборника начало печатаніе текста Данилова хожденія, приготовленнаго къ изданію его новѣйшимъ изслѣдователемъ.

Въ настоящее время г. Веневитинову извѣстно уже 70 списковъ хожденія, при чемъ, за исключеніемъ 5 снятыхъ въ новое время съ научною цѣлью и 5 писанныхъ не извѣстно когда, остальные 60 списковъ распредѣляются по времени написанія слѣдующимъ образомъ: 3 относятся къ XV вѣку, 3 — къ XV—XVI вв., 18 — къ XVI в., 6—къ XVI—XVII вв., 19 — къ XVII в., 10 — къ XVIII и 1 — къ XIX вѣку. Старѣйшій списокъ помѣченъ 1475 годомъ, и вмѣстѣ съ двумя другими списками XV же вѣка, представляетъ собою три главныхъ редакціи нашего памятника: такимъ образомъ очевидно, что къ исходу XV вѣка хожденіе пережило уже довольно длинную исторію и подверглось, въ иныхъ спискахъ, уже значительнымъ измѣненіямъ. Мы упомянули выше, что еще въ изслѣдованіи 1877 года г. Веневитиновъ установилъ три главныхъ редакціи памятника и, кромѣ того, поставилъ въ особыя группы списки, не подходящіе ни къ одной изъ этихъ главныхъ редакцій. Дальнѣйшее изученіе

списковъ дало ему теперь возможность указать (въ предисловіи къ новому изданію) примѣты еще четвертой редакціи и даже образцы полной передѣлки памятника, въ позднее впрочемъ время¹⁾. Все это свидѣтельствуетъ о томъ живомъ интересѣ, съ которымъ относились въ старинной Руси къ Данилову хожденію. Разумѣется, послѣдовательность редакцій установлена г. Веневитиновымъ соотвѣтственно разнообразнымъ нараставшимъ въ спискахъ измѣненіямъ, и списки первой редакціи онъ признаетъ наиболѣе сохранившими первоначальный составъ памятника. Замѣчательно, что списковъ этой первой редакціи до сихъ поръ найдено только 6, въ томъ числѣ 1 — конца XV в., 1 — начала XVI в., 2 — изъ середины XVI в., 1 — изъ конца того же столѣтія или изъ начала слѣдующаго, и 1 — XIX в.; притомъ этотъ послѣдній составляетъ прямую копію съ одного изъ упомянутыхъ выше списковъ XVI в., а три другіе, всѣ принадлежащія тому же XVI столѣтію и весьма между собою сходныя, представляютъ, по всей вѣроятности, копій съ одного болѣе стараго оригинала, нынѣ утраченнаго. Такимъ образомъ число характерныхъ списковъ первой редакціи еще болѣе сокращается. Это — думаемъ — доказываетъ, что въ XVI вѣкѣ первая редакція уже стала дѣлаться рѣдкою, и ее стали замѣнять въ обращеніи читателей списки другихъ редакцій, представляющіе болѣе или менѣе значительныя отмѣны отъ старѣйшаго, извѣстнаго намъ, состава памятника. Отсюда съ особенностію можно сдѣлать то заключеніе, что эта старѣйшая редакція сохранила намъ памятникъ въ видѣ болѣе или менѣе близкомъ къ первоначальному его составу.

Мы не будемъ исчислять всѣхъ гѣ примѣты, по которымъ г. Веневитиновъ распредѣлялъ списки хожденія по редакціямъ. Замѣтимъ только, что первая редакція памятника, впервые ясно выдѣленная г. Веневитиновымъ (и это составляетъ его существенную научную заслугу), вообще полнѣе другихъ по составу, что въ спискахъ этой редакціи памятникъ носитъ заглавіе: „Житіе и хоженіе Данила Русьскія земли игумена“, и что во всѣхъ этихъ спискахъ тождественны и исторически точны имена Русскихъ князей, записанныхъ Даниломъ для поминовенія въ лаврѣ св. Саввы. Въ спискахъ же другихъ редакцій имена эти уже перепутаны, а общее заглавіе памятника измѣнено, и притомъ такъ, что въ третьей редакціи хожденіе яв-

¹⁾ Объ одной изъ такихъ передѣлокъ, сдѣланной въ западной Россіи, см. статью г. Веневитинова въ майской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Просв.* за 1883 годъ.

лется уже анонимнымъ, то-есть, имени Данила не названо. Въ этой редакціи, а также въ спискахъ сокращенныхъ, хожденіе, по видимому, служило какъ бы путеводителемъ по Святой Землѣ для позднѣйшихъ русскихъ паломниковъ.

Въ основу изданія Данилова хожденія, предпринятаго Палестинскимъ Обществомъ, положенъ старѣйшій (1496 г.) списокъ первой редакціи; это тѣмъ важнѣе, что редакція эта оставалась до сихъ поръ совсѣмъ не изданною, такъ какъ Сахаровымъ былъ принятъ въ основу списокъ третьей редакціи, а Норовымъ — списокъ второй редакціи. Варианты къ основному тексту въ новомъ изданіи взяты изъ старѣйшихъ списковъ (XV—XVI вв.) другихъ редакцій и имѣютъ по преимуществу лексическое значеніе. По отношенію состава памятника основной текстъ пришлось пополнить только вставкою двухъ мѣстъ, которыя извлечены изъ одного списка четвертой редакціи (XV—XVI вв.); въ печати эти небольшія вставки заключены въ скобки, такъ какъ мѣстъ этихъ не встрѣчается ни въ одномъ изъ списковъ основнаго типа. Такимъ образомъ новое изданіе Данила даетъ текстъ памятника въ томъ наиболѣе старомъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился, и въ то же время сообщаетъ всѣ существенныя особенности болѣе позднихъ редакцій хожденія, имѣющія значеніе для дополненія или объясненія основнаго текста. Многолѣтнія занятія г. Веновитинова этимъ памятникомъ ручаются за тщательное исполненіе новаго изданія записокъ старѣйшаго русскаго паломника-писателя ¹⁾,

Важнымъ результатомъ новѣйшихъ изслѣдованій о хожденіи Данила, впервые заявленнымъ въ предисловіи г. Веновитинова, должно быть признано новое, болѣе точное опредѣленіе времени, когда это путешествіе было совершено. До сихъ поръ предѣльнымъ временемъ хожденія считали періодъ съ 1104 по 1113 годъ, основываясь на томъ, что Данилъ означаетъ городъ Акру находящимся въ рукахъ кресто-

¹⁾ Замѣтимъ одну омовку, вкравшуюся въ предисловіе къ новому изданію. На стр. VI упоминается, въ числѣ примѣтъ первой редакціи, отсутствіе вставки въ главѣ «о столпѣ Давыдовомъ», въ текстѣ же означенная вставка, заключенная въ скобки, оказывается въ главѣ «о дому Уріевомъ». Омовка эта объясняется тѣмъ, что указаніе предисловія сдѣлано не по новому изданію текста, а по изданію А. С. Норова, гдѣ принято двойное дѣленіе текста—на главы и параграфы, и при всемъ томъ, число заглавій гораздо менше, чѣмъ въ первой, нынѣ изданной, редакціи памятника; такимъ образомъ особая глава новаго изданія «о дому Уріевомъ» отнесена въ Норовскомъ текстѣ подъ одно заглавіе съ предшествующею ей статьёй «о столпѣ Давыдовомъ».

поспевъ (отнята ими у Арабовъ 26-го мая 1104 года), и на упоминаніи великаго князя Кіевскаго Святослава Изяславича (1093—1113 гг.) и короля Іерусалимскаго Балдуина I (1100 — 1118 гг.). Этими данными г. Веневитиновъ не нашелъ возможнымъ ограничиться. „Даніиломъ“, говоритъ онъ, — „указывается еще одно обстоятельство, которое могло бы болѣе точно опредѣлить годъ его странствованія, именно соупутствіе его Балдуину въ походѣ послѣдняго противъ Дамаска. А. С. Норовъ, основываясь на Вильгельмѣ Тирскомъ и „Исторіи Крестовыхъ походовъ“ Мишо, приурочивалъ упомянутый походъ Балдуина къ 1115 году; но такъ какъ годъ этотъ не согласовался съ упоминаніемъ въ живыхъ великаго князя Святополка Изяславича († 16-го апрѣля 1113 г.), то Норовъ предполагалъ, что Даніилъ, выѣхавъ изъ Россіи еще при жизни этого князя, не зналъ о его кончинѣ въ 1115 году, и на этомъ основаніи относилъ Даніилово хожденіе къ 1113—1115 годамъ. Такому предположенію, еще ранѣе Норова, высказанному Сахаровымъ, Шевыревымъ и митрополитомъ Макаріемъ, противорѣчатъ слѣдующія соображенія: При постоянныхъ сношеніяхъ Россіи съ Царьградомъ, едва ли можно допустить, чтобы Даніилъ въ теченіе двухъ лѣтъ не узналъ о смерти великаго князя даже по своемъ возвращеніи въ Царьградъ, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, оканчивалъ свое хожденіе, а если зналъ, то не могъ говорить о Святополкѣ Изяславичѣ, какъ о живомъ. Затѣмъ разказъ Даніила о походѣ Балдуина на Дамаскъ не можетъ относиться къ 1115 году, какъ это обстоятельно доказалъ г. Гагенмейеръ въ своихъ комментаріяхъ на изданную имъ хронику Крестовыхъ походовъ Еккегарда ¹⁾. Походъ Балдуина 1115 г. былъ направленъ не противъ Дамаска, а напротивъ, въ союзѣ съ Дамасскимъ эмиромъ Тогтекиномъ и Балдуиномъ Антиохійскимъ, противъ турецкаго вождя Бурзукъ, который, расположившись лагеремъ въ Шецарѣ, между Алеппо и Дамаскомъ, равно угрожалъ этому послѣднему городу и Антиохіи. Въ этомъ походѣ, продолжавшемся не 10 дней, какъ пишетъ Даніилъ, а цѣлыхъ три мѣсяца, войско Балдуина Іерусалимскаго доходило не до Кесаріи Филипповой, а гораздо сѣвернѣе, до Шецера или Сизера (нынѣ Кулатъ ес-Сейджаръ), города въ 6 миляхъ отъ Апамен, какъ утвердительно опредѣляетъ Фюльхерій Шартрскій, служившій источникомъ Вильгельму Тирскому. Изъ лѣтописей королевскаго Іерусалимскаго

¹⁾ Ekkehardi Urangiensis abbatis Hierosolymita. Tübingen. 1877, pp. 360—362.

Примчаніе г. Веневитинова.

видно, что Валдуинъ велъ съ Дамасскимъ эмиромъ постоянную войну съ 1106 по 1108 годъ и неоднократно предпринималъ въ это время походы противъ Дамаска, что подтверждаютъ Фульхерій Шартрскій, Альбертъ Ахенскій и Хамиль Алтевархъ. Въ одномъ изъ этихъ годовъ, но въ которомъ именно—опредѣлить съ точностью не возможно, Даниилъ, по всей вѣроятности, сопровождалъ Валдуина. Болѣе точнаго согласованія разказа Даниила съ тѣмъ походомъ Валдуина, который имѣется имъ въ виду, слѣдуетъ ожидать отъ результатовъ дальнѣйшаго изслѣдованія исторіи Крестовныхъ походовъ, а пока можно только признать, что пребываніе Даниила въ Святой Землѣ отнесется, по вышеизложеннымъ даннымъ, не къ 1113—1115 годамъ, какъ предполагалось А. С. Норовымъ, а къ 1106—1108 годамъ*.

Аргументацію эту должно признать вообще достаточно убѣдительною; но сличая изложеніе г. Веневитинова съ соответствующими мѣстами примѣчаній А. С. Норова, нельзя не замѣтить, что новый изслѣдователь не совсѣмъ точно передаетъ разбираемыя имъ соображенія Норова: въ примѣчаніи 2-мъ на стр. 107 Норовъ не говоритъ, что походъ Валдуина въ 1115 г. былъ направленъ противъ Дамаска. Вотъ слова этого примѣчанія: „Здѣсь говорится о походѣ 1115 г., когда Дамасскій эмиръ заключилъ союзъ съ христіанскими князьями. Король Валдуинъ I, князь Антиохійскій и графъ Триполійскій соединили свои войска съ войсками новыхъ своихъ союзниковъ, чтобъ идти противъ муссульской и багдадской рати. Этой значительной соединенной силы было достаточно, чтобы освободить Сирію отъ нашествія варваровъ и заставить ихъ отступить за Евфратъ (Willermi Tug. Hist. LXI, с. 23; Michaud, Hist. des Croisades, II, р. 60)“. Точно также и въ примѣчаніи 5-мъ, на стр. 116, хотя и употреблено выраженіе „походъ Валдуина I на Дамаскъ“, но и его не слѣдуетъ разумѣть въ томъ смыслѣ, что, по толкованію А. С. Норова, именно на этотъ городъ было направлено нападеніе Валдуина: въ томъ же самомъ примѣчаніи Норовъ приводитъ слова Вильгельма Тирскаго о томъ, что эмиръ Дамасскій Тогтекинъ вышелъ на соединеніе съ Валдуиномъ въ качествѣ его союзника („Porro Doldequinus, sicut et vicinior erat, ita et domini regis praevenerat exercitum, nostrorum castris, tanquam socius se adjungens“). Невѣрное пониманіе словъ покойнаго А. С. Норова, само по себѣ, не составляетъ еще большой бѣды; но оно невольно наводитъ на вопросъ болѣе важный, а именно—позволительно спросить: слѣдуетъ ли и слова самого Даниила: „поиде... Валдуинъ... на войну къ Дамаску“ и еще: „прииде князь съ войны той отъ Дамаска“

понимать непременно въ томъ смыслѣ, что Балдуинъ ходилъ воевать именно Дамаскъ. Данилъ могъ говорить такимъ образомъ, разумѣя только то, что Дамаскъ былъ на пути Балдуинова похода, а цѣль его нападенія находилась еще дальше. При такомъ пониманіи словъ Данила хронологическая поправка, предлагаемая Гагенмейромъ и затѣмъ г. Веневитиновымъ, теряла бы твердую почву, и являлась бы возможность возвратиться къ предположенію А. С. Норова, что хожденіе русскаго игумена совершено въ 1113—1115 годахъ. Но опять противъ этого предположенія говоритъ указанная г. Веневитиновымъ невозможность допустить, чтобы Данилъ въ 1115 году еще не зналъ о смерти великаго князя Святополка Изяславича, умершаго за два года передъ тѣмъ. Это послѣднее соображеніе и даетъ, по нашему мнѣнію, наибольшій вѣсъ аргументаціи г. Веневитинова, а потому установленные ими предѣльные года для странствованія Данила должны быть признаны, въ концѣ концовъ, весьма вѣроятными.

Въ разсматриваемомъ выпускѣ Палестинскаго Сборника изданіе Данилова хожденія еще не закончено: здѣсь помѣщено только предисловіе издателя и большая часть текста; окончаніе текста и объяснительный указатель къ нему появятся въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Сборника. При той тщательности, которою отличается работа г. Веневитинова, можно надѣяться, что этотъ указатель представитъ богатое пособіе для объясненія древнѣйшаго памятника русскои паломнической литературы. А что памятникъ этотъ заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія и нуждается въ разнообразныхъ объясненіяхъ, это вполне убѣдительно доказано самимъ г. Веневитиновымъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи его 1877 г., и еще недавно подтверждено нѣсколькими любопытными замѣчаніями, которыя сдѣлалъ на нѣкоторые мѣста хожденія академикъ А. Н. Веселовскій въ своихъ „Разысканіяхъ о русскихъ духовныхъ стихахъ“¹⁾. Представимъ здѣсь хотя одинъ примѣръ, чтобы показать, къ какому любопытному соображенію можетъ привести внимательное изученіе хожденія Г. Веневитиновъ, въ своемъ изслѣдованіи 1877 года, обратилъ вниманіе на общій составъ тѣхъ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ встрѣчается Данилово хожденіе, и между прочимъ указалъ на то, что оно нерѣдко бываетъ соединено въ однѣхъ рукописяхъ съ полемическими статьями противъ латинцавъ. Чѣмъ объяснить такое

¹⁾ Разысканія III—V (С.-Пб. 1881), стр. 9, 10, 13, 43, 44; VI—X (С.-Пб. 1883), стр. 417.

соединеніе? Должно ли его считать случайнымъ, или ищущимъ какую-либо внутреннюю причину? На это даетъ отвѣтъ одна записка г. Веселовскаго по поводу апокрифическаго преданія о Мельхиседекѣ, занесеннаго Данииломъ въ свой разказъ о горѣ Оаворѣ. Даниилъ разказываетъ, что на Оаворѣ онъ видѣлъ пещеру, на днѣ которой „святая трапеза стоитъ, на нейже Мельхиседекъ царь жртву сътворяетъ Богови хлѣбомъ и виномъ“; здѣсь Мельхиседекъ жилъ и навѣщенъ былъ Авраамомъ, „и изиде Мельхиседекъ и внесе хлѣбъ и вино и създа жртовникъ Богови въ пещерѣ той, и сътвори жртву Мельхиседекъ, царь Салинскій, Богови хлѣбомъ и виномъ предъ Авраамомъ, и абие изятся жртва на небо къ Богу... Тотъ бо Мельхиседекъ первое нача литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ; о томъ бо Пророкъ глаголетъ: ты еси іерей въ вѣки по чину Мельхиседекову... И есть до днешняго дни трапеза та святая въ пещерѣ той; и инѣ ту приходитъ святой Мельхиседекъ и литургисаетъ въ пещерѣ той святой на той трапезѣ“. По поводу этого преданія г. Веселовскій замѣчаетъ слѣдующее: „Въ „Стязаніи съ Латиню“, приписанномъ Кіевскому митрополиту Георгію (ок. 1062—1079 г.), вслѣдъ за обвиненіемъ латинянъ, что они „ни чьтатъ святаго олтаря болѣ, яко же пріяхомъ и научихомся отъ святыхъ, а прибожьнокъ придверіе въ иномъ чину ижѣемъ... а ти святой олтарь тако именууть, яко и прибожьникъ“,—стоятъ непосредственно слова: „о сей бо древней божественнѣй святѣй службѣ Богоотець Давидъ Духомъ Святимъ предзря, рече: Ты еси іерей во вѣки по чину Мельхиседекову“. А. Поповъ, Историко-литературный обзоръ русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (М. 1875), стр. 90, находитъ въ послѣднихъ словахъ—обвиненіе противъ латинянъ въ употребленіи ими, при таинствѣ евхаристіи, опрѣсноковъ, и такъ какъ въ „Стязаніи“ говорилось о томъ же выше, заключаетъ, что упоминаніе Мельхиседека вставлено позднѣйшими переписчиками изъ Толковой Пален. Оно дѣйствительно не вяжется съ предыдущимъ—идеей опрѣсноковъ; но связь могла быть другая, затемненная въ крайне испорченномъ текстѣ: память о Мельхиседекѣ могла быть вызвана словами: „не чьтатъ святаго олтаря“ (Разсканія, II — V, стр. 44, прим.). То-есть—добавимъ ми уже отъ себя—связь могла быть основана на воспоминаніи о преданіи, встрѣчающемся въ апокрифическомъ словѣ о Мельхиседекѣ¹⁾ и записанномъ также у Даниила. Такимъ

¹⁾ Н. Я. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописемъ Соловецкой бібліотеки; стр. 133—135.

образомъ, хожденіе Даниіла представляло нашимъ стариннымъ книжникамъ матеріалъ для противолатинской полемики, а потому и вносилося въ рукописи или сборники на ряду съ сочиненіями, направленными противъ латинянъ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Веневитиновымъ о спискахъ Даниілова хожденія, оказывается, что въ старой письменности почти не было лицевыхъ рукописей этого памятника; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ извѣстенъ только одинъ такой списокъ, XVI—XVII вв.; онъ принадлежитъ Московскому Никольскому единовѣрческому монастырю и попалъ туда въ составъ библиотеки А. И. Хлудова ¹⁾. Палестинское Общество сочло полезнымъ воспроизвести рисунки изъ этого списка въ своемъ изданіи Даниіла, хотя они и не имѣютъ значенія по вѣрности изображеній, а любопытны единственно по тѣмъ условнымъ представленіямъ, въ которыхъ предки наши олицетворяли себѣ разныя достопамятности Святой Земли.

Другой памятникъ русской паломнической литературы, изданный нынѣ Палестинскимъ Обществомъ, есть „Хоженіе гостя Василья“. Странствованіе это было совершено во второй половинѣ XV столѣтія (1465—1466 гг.), и для достиженія Святой Земли Василій избралъ такой путь, по которому не ходилъ ни одинъ изъ прочихъ русскихъ поклонниковъ Гроба Господня, оставившихъ намъ свои путевыя записки. Василій шелъ чрезъ Малую Азію отъ города Бруссы сперва почти параллельно берегу Чернаго моря, а потомъ все болѣе и болѣе отклоняясь къ юго-востоку, пока у Алеппо не повернулъ на югъ; затѣмъ черезъ Дамаскъ онъ вышелъ къ морю, съѣздилъ въ Каиръ и уже оттуда отправился въ Іерусалимъ. Обратнo Василій шелъ опять чрезъ Малую Азію, и самое описаніе его хожденія начинается и оканчивается Бруссой.

Не смотря на краткость Васильева хожденія, въ немъ довольно отчетливо выражается особый характеръ путешественника: при всей своей набожности, при всемъ вниманіи къ предметамъ священнымъ, въ немъ видѣтъ мірянинъ, и именно человѣкъ торговый; проходя разные города, онъ упоминаетъ не только о храмахъ христіанскихъ, тамъ находящихся, но и о строеніи и укрѣпленіи городовъ, о торгахъ, о мельницахъ, о баняхъ, о каравансараяхъ, о мѣстнхъ произведеніяхъ, служащихъ предметами потребления. Та-

¹⁾ Подробное изслѣдованіе объ этомъ спискѣ помѣщено г. Веневитиновымъ въ Памятникахъ древней письменности 1881 г., вып. V.

ковъ въ особенности характеръ описанія городовъ мало-азіатскихъ и Каира, между тѣмъ какъ въ замѣткахъ о Святой Землѣ рѣчь идетъ исключительно о святинѣ и о соединенныхъ съ нею воспоминаніяхъ, дорогихъ для всякаго христіанина. Какъ по особенному характеру описаній Василія, такъ и въ виду того, что онъ обошелъ всѣ главные торговые пункты внутри Малой Азіи, а затѣмъ, уже прибывъ въ Святую Землю съ сѣвера, не пошелъ прямо въ Іерусалимъ, но переправился сперва въ Египетъ и только на обратномъ пути оттуда посѣтилъ палестинскія святини, можно предположить, что цѣль его путешествія была не единственно паломническая, но также и торговая. Какъ извѣстно, въ XIV и XV вв. русскіе товары проникли и въ среднюю, и въ переднюю, и въ Малую Азію, и притомъ не только при посредничествѣ восточныхъ торговцевъ, закунавшихъ ихъ въ Россію, но вѣроятно, и чрезъ русскихъ торговыхъ людей, привозившихъ русскія издѣлія въ города Азіи и въ замѣтъ того закунавшихъ тамъ продукты восточныя. Покойный Срезневскій указалъ на слѣды такихъ сношеній Россіи съ Востокомъ XV в. въ нашей старинной письменности и въ свидѣтельствахъ нашего стараго языка. „Многое“—говоритъ онъ— „изъ того, что составляетъ достоинствѣ торговли—ткани, драгоценныя камни, плоды, цвѣты и соки растений, деньги—ранѣе, нное даже гораздо ранѣе XV вѣка, было у насъ въ ходу подъ восточными именами. Конечно, большая часть этихъ названій перешла въ общій обычай у насъ отъ иностранныхъ торговцевъ, и между прочимъ отъ Татаръ; но есть между ними и такія, которыя указываютъ на болѣе прямое вліяніе торговцевъ русскихъ, или по крайней мѣрѣ на прямой привозъ товаровъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыя указываютъ ихъ названія. Такъ, на примѣръ, со второй половины XV вѣка были у насъ въ ходу камки, тафты, фараузы, шелки не только изъ Цареграда, Кафы и т. п., но и изъ Алено (халинскіе), Токата (токатскіе, тохатскіе), Езда (ездинскіе, ездѣйскіе) и пр.“¹⁾ Въ замѣткѣ о земляхъ за Араратомъ, встрѣтившейся въ одномъ сборникѣ XVI в., но составленной не позже второй половины предшествовавшаго столѣтія, Срезневскій отмѣтилъ географическія имена, переданныя въ народной, не книжной формѣ, и на этомъ основаніи сдѣлалъ весьма вѣроятное предположеніе, что замѣтка эта записана со словъ русскаго путешественника, самовидца тѣхъ странъ. Однимъ

¹⁾ Учен. Записки 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ, т. II: Хожденіе за три моря Аванасія Никитина, стр. 228.

изъ такихъ самовидцевъ былъ и нашъ гость Василій. Онъ тоже передаетъ иногда восточныя географическія названія въ народной формѣ: такъ Брусса называется у него Бурса; по поводу Севастіа онъ замѣчаетъ: „градъ Сивазъ, по нашему языку Савастіа“; „градъ мисюрскій“, „царскій градъ“—говоритъ онъ о поселеніяхъ, принадлежавшихъ въ его время или раньше Египетскому султану или Византійскому императору. Подобно своему знаменитому современнику, путешественнику въ Индію, Аванасію Никитину, гость Василій обнаруживаетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ много дѣловитой наблюдательности. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ словахъ описываетъ онъ Каиръ, который называетъ градомъ Египтомъ: „И пріѣхали во Египетъ за недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, мѣсяца декабря на память святаго мученика Севостіана, а всего есмь ѣхали отъ Бурсы до Египта 100 дней. Египетъ градъ вельми великъ, а въ немъ 14 тысящъ улицъ, да во всякой улицѣ по два врата и по двѣ стрѣльницы, да по два стража, котора зажигаютъ масло на свѣшпидѣ; да въ нинхъ улицахъ домовъ по 15 тысящъ, а въ нинхъ улицахъ до 18 тысящъ дворовъ, да на всякой улицѣ по торгу по великому, а улица съ улицей не знается, опроче великихъ людей“. Также подробно описанъ Васиіемъ городъ Токать, и еще болѣе обстоятельно—Алеппо. О самой же Бруссѣ упомянуто только вскользь. Но во всякомъ случаѣ замѣчательно, что все это города, давшіе названіе вывозимымъ изъ нихъ въ Россію товарамъ^{*)}. Посѣщеніе этихъ городовъ

*) Именно ко второй половинѣ XV в. и затѣмъ къ XVI в. относятся упоминанія въ актахъ о товарахъ, вывозимыхъ изъ Египта, Токата, Алепо и Бруссы или Бурсы. Приводимъ наиболѣе раннія указанія. 1486 г.: *камка мисюрская* (Собр. гос. грам. I, 302; ср. *Временникъ М. Общ. ист. и др. росс.* 1850 г., отд. III, стр. 20, 30); конецъ XV в.: *мыло галляское*, *шелкъ токатскій* (Ист. Росс. *Соловьева*, т. V, стр. XX); 1589 г.: *таета шакатская* (Опис. Моск. оруж. палаты *Вельямкина*, стр. 17, 18); 1503 г.: *камка бурская* (Собр. госуд. грам. I, стр. 339; ср. Доп. къ акт. истор. I, 210). Токатскій округъ донынѣ производитъ много шелку и самый городъ еще сохраняетъ свое древнее торговое значеніе (Обозрѣніе Малой Азии, *М. Вронченко*, ч. II, стр. 135). Точно также донынѣ Брусса известна производствомъ шелковыхъ и полшелковыхъ тканей (тамъ же, стр. 276). По словамъ турецкаго путешественника XVII в. Евліа-эфенди, главнымъ занятіемъ жителей Бруссы было тогда шелководство и изготовленіе бархата и другихъ тканей, называемыхъ *sereng* и *chatma*, а также подушекъ для соевъ (Narrative of travel in Europe, Asia and Africa in the XVII century, by *Evlia efendi*, translated from the Turkish by the Ritter von Hammer. London. MDCCCL, v. II, стр. 17). Производство названія „бурская камка“ вѣрно указано еще Карамзиннымъ отъ Бруссы (Ист. Госуд. Росс., т. X, прил. 110) и ошибочно редакторами Собранія госуд. грамотъ—отъ французскаго города Буржа (Собр., I, стр. 339).

нашимъ гостемъ можетъ въ особенности служить доказательствомъ тому, что онъ ѣздилъ чрезъ нихъ между прочимъ и по торговымъ дѣламъ. Это обстоятельство не лишаетъ однако Васильево хожденіе извѣстнаго значенія и въ смыслѣ паломничества. Но и въ этомъ отношеніи оно сохраняетъ за собою особенный характеръ путевыхъ записокъ мірянина. Василій былъ человекъ грамотный, но очевидно, небольшой начетчикъ въ Священномъ Писаніи; по поводу видѣнныхъ имъ святыхъ онъ лишь вкратцѣ, своими словами припоминаетъ библейскія сказанія или передаетъ позднѣйшія преданія и часто, описавъ въ немногихъ словахъ ту или другую святиню, простодушно прибавляетъ: „видѣхомъ и поклонихомся“. Для исторіи памятниковъ Святой Земли записки эти представляютъ, конечно, немного данныхъ, но онѣ заслуживаютъ вниманія какъ остававшееся доселѣ неизвѣстнымъ, самое раннее изъ описаній Святой Земли, составленныхъ русскими паломниками не изъ лицъ духовныхъ.

Въ изданіи Палестинскаго Общества хожденіе гостя Василія впервые появляется въ печати: до сихъ поръ оно было извѣстно только по упоминаніямъ Сахарова (въ „Путешествіяхъ Русскихъ людей“ и въ „Сказаніяхъ Русскаго народа“) и Строева (въ „Библиологическомъ Словарѣ“) и по немногимъ отрывкамъ, сообщеннымъ А. Н. Муравьевымъ (въ „Путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ“) и Ѡ. И. Вуслаевымъ (въ „Исторической Христоматіи“ 1861 г.). Для изданія въ Палестинскомъ Сборникѣ хожденіе приготовлено извѣстнымъ знатокомъ христіанскаго Востока, о. архимандритомъ Леонидомъ, по единственной, извѣстной нынѣ рукописи, XVI в., хранящейся въ Московской синодальной библіотекѣ ¹⁾.

Изъ числа позднѣйшихъ нашихъ паломниковъ самый замѣчательный, безъ сомнѣнія, Василій Григоровичъ-Барскій, посвятившій болѣе чѣмъ полжизни, съ 1723 г. по 1747, на странствованіе по Святымъ Мѣстамъ Востока и оставившій намъ обширное описаніе своего многолѣтняго путешествія и многотрудныхъ похожденій. Сочиненіе это

¹⁾ По видимому, у Сахарова былъ какой-то другой списокъ этого хожденія. Въ предисловіи ко II-му тому «Сказаній Русскаго народа» онъ говоритъ, что не повѣстывалъ некоторыхъ путешествій въ своемъ сборникѣ, и въ томъ числѣ хожденія гостя Василія, «не имѣя хорошихъ списковъ» ихъ: следовательно, имѣлъ все-таки какіе-нибудь. Отдѣльно Васильево описаніе Египта встрѣчается въ одной рукописи бывшей Царскаго, нынѣ гр. А. С. Уварова, но безъ имени автора (Строевъ, Рукописи Царскаго, стр. 474). Въ нашей старой письменности есть впрочемъ и другія извѣстія русскихъ очевидцевъ о Египтѣ, XV и XVI вв. (см. *Вост. Илл. Р. Географ. Общества* 1853 г., ч. VII, отд. VIII, стр. 42).

имѣло столь своеобразное и столь важное значеніе въ нашемъ не только религіозномъ, но и общественномъ развитіи, что оно не могло не обратить на себя особеннаго вниманія Палестинскаго Общества. Сочиненіе Барскаго пользовалось значительною извѣстностью еще въ рукописи и съ половины прошлаго вѣка стало распространяться въ спискахъ. Затѣмъ въ 1778 г. оно было впервые напечатано и послѣ того неоднократно перепечатывалось въ цѣломъ видѣ и по частямъ¹⁾: явное доказательство того живаго интереса, который оно возбуждало въ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно, проникнутое благочестіемъ и чувствомъ теплой вѣры не менѣе, чѣмъ записки нашихъ древнихъ паломниковъ, оно, подобно имъ, но въ формѣ болѣе соотвѣтственной новымъ условіямъ образованности, удовлетворяло сердечной потребности набожныхъ Русскихъ людей въ ближайшемъ, наглядномъ знакомствѣ со Святыми Мѣстами; а въ то же время оно давало своимъ читателямъ обширный запасъ положительныхъ свѣдѣній о странахъ и народахъ христіанскаго Востока и о томъ бѣдственномъ состояніи, въ какомъ они находились подъ господствомъ Турокъ, еще очень сильныхъ полтора вѣка назадъ. Если въ прежнее время, когда не были возбуждены вопросы народности, въ русскомъ обществѣ очень слабо было сочувствіе къ нашимъ единоплеменникамъ, находящимся подъ игомъ Турокъ, то сочувствіе къ единовѣрцамъ, изнемогающимъ въ тяжелой турецкой неволѣ, изстари находило себѣ доступъ въ русское сердце, и несомнѣнно, это сочувствіе составляло тотъ идеальный мотивъ, который двигалъ если не главными, то рядовыми дѣятелями нашихъ турецкихъ войнъ по крайней мѣрѣ со временъ Екатерины. Въ этомъ продолжалось преданіе древней Руси, и написанныя въ духѣ этого преданія, записки Барскаго множествомъ фактическаго матеріала питали симпатіи Русскихъ людей къ ихъ единовѣрцамъ на Востокѣ. Барскій не былъ путешественникъ ученый, но и не былъ простецъ безъ образованія. Уроженецъ города Бара въ Подоліи, воспитанникъ Кіевскихъ латинскихъ школъ, онъ задумалъ продолжать образованіе во Львовѣ; оттуда, увлеченный примѣромъ товарищей, пошелъ въ Римъ, посѣтилъ Баръ-градъ, изъ Венеціи перебрался на греческіе острова, побывалъ на Афонѣ, и наконецъ, пріютившись безмездно на кораблѣ, везшемъ поклонниковъ въ Святую Землю, достигъ Гроба Господня. Палестинскія святыни

¹⁾ О старинныхъ изданіяхъ Барскаго см. статью *М. Полуденскаго* въ *Библиограф. Запискахъ* 1859 г.

онъ осматрѣлъ въ подробности, побывалъ и на Кипрѣ, и въ Египтѣ, и на Синаѣ, и въ Месопотаміи, учился и самъ училъ въ разныхъ греческихъ училищахъ, принялъ монашество и наконецъ, вызванный русскимъ резидентомъ въ Константинополь Вешняковымъ, прибылъ туда въ 1744 году. Затѣмъ снова посѣтилъ оупъ Афонъ, обошелъ сѣверно-греческія области и чрезъ Царьградъ, Румелію, Болгарію, Молдавію и Польскую Украину достигъ Кіева въ октябрѣ 1747 г., а мѣсяць спустя здѣсь же скончался. Достойнымъ плодомъ его странническаго подвига осталось обширное сочиненіе, въ которомъ онъ описалъ и свои личныя походы, и все имъ видѣнное, и людей, съ которыми встрѣчался, и въ которое вообще внесъ множество свѣдѣній разнаго рода, по преимуществу же археологическихъ и историческихъ, извлеченныхъ изъ разныхъ, большею частью рукописныхъ источниковъ; такъ, напримѣръ, на Афонѣ онъ въ монастырскихъ архивахъ пересмотрѣлъ хранившіеся тамъ древніе акты, составилъ имъ опись и списалъ нѣкоторые изъ нихъ. Эти археографическія работы его до сихъ поръ не потеряли своей научной цѣны, какъ на то было еще недавно указапо однимъ изъ нашихъ славистовъ¹⁾.

Мы не намѣрены однако вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе трудовъ Барскаго и въ оцѣнку его сочиненія. Но ужъ и изъ не многого нами сказаннаго видно, что описаніе его путешествія составляетъ чрезвычайно важное явленіе въ нашей умственной жизни, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по своему вліянію среди русскаго общества. Не только вполнѣ живо еще нравственно-религіозное значеніе этой книги для огромнаго множества русскихъ читателей, но и научный интересъ ея не утратился и даже можетъ возрасти съ болѣе обстоятельнымъ изученіемъ ея содержанія.

Всѣмъ этимъ разнообразнымъ запросамъ читателей разнаго рода можетъ удовлетворить новое изданіе страствованій Барскаго, предпринятое Палестинскимъ Обществомъ. Трудъ изданія Общество возложило на члена археографической комиссіи Н. П. Барсукова, извѣстнаго составленіемъ прекрасной біографіи П. М. Строева и „Ис-

¹⁾ *Т. Флоринскій*, Афонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова (С.-Пб. 1880), стр. 5—9. Въ путешествіи Барскаго находятя также очень любопытныя данныя о состояніи образованности у Грековъ въ первой половинѣ XVIII в. На значеніе сообщеній Барскаго для истории греческаго возрожденія указано В. И. Дамаскимъ въ его историческихъ замѣчаніяхъ, составляющихъ приложение къ его сочиненію: „О Славянахъ въ Малой Азии, Аеріи и Испаніи“, стр. 3—7 (*Учен. Зап. 2-го отд. Акад. Н., в. V.*)

точниковъ русской агіографіи⁴, изданіемъ записокъ Храповицкаго, Порошина и многими другими учеными работами. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Барсуковымъ начаты были подготовительныя работы къ изданію Барскаго, для чего онъ ѣздилъ спеціально въ Кіевъ, а съ начала нынѣшняго года имъ приступлено и къ печатанію. Изданіе дѣлается по подлинной рукописи Барскаго, принадлежащей графу А. С. Уварову, при пособіи трехъ другихъ рукописныхъ текстовъ путешествія, откуда пополняются мѣста, недостающія въ подлинникѣ. Печатаніе по рукописи оказалось необходимымъ потому, что въ изданіи 1778 г., послужившемъ оригиналомъ и для всѣхъ послѣдующихъ, текстъ Барскаго былъ значительно сокращенъ и передѣланъ тогдашнимъ редакторомъ В. Г. Рубаномъ¹⁾. Такимъ образомъ, только теперь замѣчательный трудъ неутомимаго и любознательнаго паломника явится предъ читателями въ подлинномъ видѣ благодаря просвѣщенному почину Палестинскаго Общества и испытанному усердію Н. П. Барсукова въ подобныхъ работахъ. Средства для исполненія этого предпріятія, въ размѣрѣ 5,000 руб., предоставлены Обществу великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ. Въ полномъ своемъ объемѣ путешествіе Барскаго составитъ три большіе тома въ 8-ю долю листа; но для того, чтобы публика теперь же могла знакомиться съ предпріятымъ изданіемъ, оно выходитъ въ свѣтъ ежемѣсячными выпусками по 2 печатныхъ листа каждый. Къ изданію прилагаются фотолитографическіе снимки съ собственноручныхъ рисунковъ Барскаго, которые сохранились въ количествѣ 130.

¹⁾ На измѣненія, которыя дѣлалъ Рубанъ въ текстѣ Барскаго, впервые было указано въ печати П. М. Строевымъ въ описаніи рукописей Царскаго, (стр. 650), и болѣе подробно А. И. Артемьевымъ въ его статьяхъ о рукописяхъ бібліотеки Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1852 г. Въ 1852 г. трудъ Артемьева изданъ въ болѣе полномъ видѣ археографическою комиссіей, и въ этомъ изданіи описаніе рукописи путешествія Барскаго, принадлежащей Казанскому университету, помѣщено на стр. 30—41. Какъ видно изъ сличеній Артемьева, Рубанъ исключалъ по преимуществу такіе разказы Барскаго, гдѣ выступаютъ элементъ чудеснаго, измѣнялъ числа дней и годовъ, указываемыя Барскимъ, вычеркивалъ греческія слова и т. п. Все это еще въ 1852 г. побудило Артемьева выразить сожалѣніе, что путешествіе Барскаго остается не изданнымъ „въ надлежащемъ первоначальномъ видѣ“. Достаточно сличить хотя бы нѣсколько страницъ Рубановскаго изданія съ изданіемъ г. Барсукова, чтобы убѣдиться въ громадной разницѣ обомъ текстахъ. На важность именно Уваровской рукописи для новаго изданія Барскаго обратилъ вниманіе еще П. М. Строевъ.

Путь къ Синаю 1881 г. *А. В. Елисева* (*Православный Палестинскій Сборникъ*. Томъ II, вып. I. С.-Пб. 1884).

Имя автора сочиненія, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, и которое вошло въ составъ издаваемого Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ Сборника, безызвѣстно въ нашей ученой литературѣ; ему, между прочимъ, принадлежитъ статья: „Обитатели Каменистой Аравіи“, помѣщенная въ 1882 году въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и обнаружившая въ авторѣ не только наблюдательнаго путешественника, но и человѣка съ солидною ученою подготовкой, которая не ограничилась исключительно естественными науками (спеціальность автора), но и простерлась на знакомство съ исторіей и археологіей. И описаніе поѣздки его на Синай интересно поэтому не только для естествовѣда, но и для историка и археолога.

Въ русской литературѣ существуетъ, сравнительно, не много описаній Синайскаго полуострова; если мы назовемъ Уманца (Поѣздка на Синай въ 1843 г., издана въ 1850 г.), архимандрита Антонина (Изъ записокъ синайскаго богомольца въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1871 и слѣд.), епископа Порфирія, А. С. Норова (Иерусалимъ и Синай въ 1861 г., изд. въ 1878 г.), Н. П. Кондакова (Путешествіе на Синай въ 1881 г., изд. въ 1882), г. Смышляева,—то перечислимъ главнѣйшія имена лицъ послѣдняго времени, оставившихъ въ русской литературѣ болѣе или менѣе обстоятельныя описанія своихъ путевыхъ впечатлѣній и наблюденій на Синаѣ. Да и то большинство этихъ путешественниковъ останавливается не столько на описаніи пути къ Синаю, сколько на самомъ Синаѣ съ его святынями и древностями. Теперь же передъ нами цѣлая книга въ 197 страницъ, посвященная исключительно описанію пути къ Синаю и оканчивающаяся, какъ разъ стѣнами обители. Уже одна эта особенность достаточно отдѣляетъ трудъ г. Елисева отъ трудовъ его предшественниковъ. Отдѣляется онъ, какъ мы увидимъ ниже, и многими другими характерными чертами. Что касается первой, только что упомянутой особенности, то она находитъ себѣ объясненіе, между прочимъ, въ слѣдующемъ: изъ Суэца на Синай существуютъ два главные пути ¹⁾: одинъ, морской, вдоль Аравійскаго залива, до гавани эль-Торъ, которую можно назвать подворьемъ Синайскаго монастыря,

¹⁾ См. *Елисева*, Обитатели Каменистой Аравіи, стр. 8.

и которая отстоитъ отъ него на два-три дня пути на верблюдахъ; этимъ путемъ ѣдетъ большинство путешественниковъ, какъ самымъ кратчайшимъ и менѣе неудобнымъ. Но есть и другая дорога, сухопутная, вдоль берега залива, рѣзко дѣлящаяся на двѣ половины: одна идетъ по пустыни, другая по отрогамъ хребта Синайскаго. Эту послѣднюю дорогу избралъ г. Елисеѣвъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что описанію своего продолжительнаго странствованія онъ посвятилъ цѣлую книгу. Самъ путешественникъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ цѣль своего путешествія: „Я задался цѣлью, познакомившись предварительно нѣсколько съ памятниками древняго Египта, преимущественно съ доисторическими, пробраться въ Палестину черезъ всю Каменистую Аравію не наикратчайшимъ путемъ черезъ египетскую пустыню, а приблизительно по тому пути, котораго придерживались Евреи при переходѣ черезъ Аравійскую пустыню, и которымъ впоследствии шли позднѣйшіе путешественники, изучавшіе на мѣстѣ исторію Исхода“.

И дѣйствительно, г. Елисеѣвъ постоянно имѣетъ въ виду путь Евреевъ, комментируя библейское о немъ сказаніе. Въ объясненіяхъ нашего путешественника, знакомаго съ новою литературою вопроса объ Исходѣ, есть нѣсколько оригинальныхъ мыслей, на которыя излишнимъ будетъ указать.

Въ виду означенной цѣли автора, естественно, что онъ не могъ обойти вопросъ о мѣстѣ исхода Евреевъ изъ Египта. Этимъ мѣстомъ г. Елисеѣвъ считаетъ не библейскій Раамсесъ, но скорѣе всего Бубастъ, лежавшій на восточной окраинѣ дельты. вмѣстѣ съ Бругшт-беємъ, г. Елисеѣвъ не допускаетъ, чтобъ Евреи перешли Красное море; но тогда какъ первый ученый проводитъ ихъ черезъ часть Сербонійскаго озера, нашъ авторъ, основываясь на геологическомъ строеніи почвы, думаетъ, что Суэцкій перешеекъ, во времена Исхода, не былъ еще перешейкомъ въ полномъ смыслѣ слова, а цѣною болотъ и озеръ, въ которыя съ сѣвера врѣзвалось озеро Мензале, а съ юга глубокой Герополитанскій заливъ... „Въ виду доказаннаго для Суэцкаго перешейка поднятія, понятно изъ гипсометрическихъ данныхъ, что въ то время, когда еще была дномъ морскимъ добрая часть нынѣшняго перешейка, море заливало и долину Тумилать, и озеро Тымсахъ, и другія горькія озера, черезъ которыя впоследствии проходилъ морской каналъ Сезостриса, Пехая, Дарія Гигаста, Птолемея Филадельфа, Траяна, Амру. Такія же возвышенности, какъ ел-Гизръ (на 16 метровъ выше уровня Средиземнаго моря) на сѣ-

верѣ и джебелъ-Генеффѣ съ юга и отроги юга Рахійскаго хребта на востокѣ, служили соединяющимъ звеномъ земель перешейка съ дельтою. Около этихъ мостовъ глубоко врѣзывающійся заливъ Герополитанскій (нынѣшній Суэцкій) былъ на столько не широкъ и не глубокъ, что легко его можно было перейти даже такой массой людей, какъ Евреи. По нашему мнѣнію, такимъ образомъ, переходъ состоялся черезъ эту, не существующую нынѣ часть моря, гдѣ-нибудь около ел-Гизръ или Тусуна; потому что Тумлатъ должна была быть еще затопленною, если заливъ Суэцкій доходилъ до Тимзахъ... Не глубокий заливъ, песчаное дно и отливъ, могущій обнажать дно морское въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, дѣлаетъ переходъ очень возможнымъ и ни сколько не чудеснымъ. Это осушеніе дна морскаго могло производиться и отъ порывовъ сильныхъ вѣтровъ, дующихъ въ пустынѣ. Нѣкоторые старяки помнятъ, что до прорытія канала очень не рѣдко заливъ у Суэца во время бури освобождался отъ воды у береговъ, и тогда можно было проходить по морю, яко по суху" (стр. 86).

Мы не считаемъ себя компетентными для того, чтобы входить въ оцѣнку этой гипотезы, которая, какъ и предположенію Бругша, не согласна съ примымъ смысломъ Моисеева разказа. Гипотеза эта, какъ и большинство новѣйшихъ попытокъ объяснить переходъ Израилитинъ причинами естественными, относится къ безгранично широкой области вѣроятнаго и возможнаго. Свообразенъ и заслуживаетъ большаго вниманія взглядъ г. Елисѣева на попытки отождествленія библейскихъ мѣстностей съ настоящими, отождествленія, играющаго столь важную роль во всѣхъ объясненіяхъ книги Исходъ. Въ связи съ этимъ взглядомъ стоятъ и воззрѣніе автора на численность Евреевъ, и на значеніе ихъ переселенія въ землю Обѣтованную. Г. Елисѣевъ того убѣжденія, что ни одинъ нынѣшній оазисъ, ни одинъ источникъ Синайской пустыни нельзя отождествлять съ библейскимъ, только судя по топографіи мѣста. Говоря о второмъ оазисѣ послѣ источниковъ Моисея, авторъ упоминаетъ о томъ, что нѣкоторые изслѣдователи отождествляли оазисъ этотъ съ Елимомъ, гдѣ, по Моисею, было двѣнадцать источниковъ воды и семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ, и гдѣ Евреи расположились станомъ при водахъ (Исходъ XV, 27).

„Всѣ 12 источниковъ Елима“, говоритъ г. Елисѣевъ, — „какъ бы они ни были велики, если только они были похожи на настоящие, не могли бы папоть многія тысячи народа Божьяго, также какъ и окружающая природа накормить эту массу людей и жи-

вотныхъ. Надо допустить два условія, чтобы библейскій фактъ не показался невѣроятнымъ: во первыхъ, что флора и гидрографія Синайскаго полуострова были совершенно иныя прежде, чѣмъ теперь, и вторыхъ, что народа Божьяго было не два милліона, а разъ во сто, по крайней мѣрѣ, менѣе. Относительно перваго, мнѣ кажется, слѣдуетъ высказаться положительно, хотя нѣкоторые изслѣдователи всѣми силами стараются доказать, что флора полуострова не измѣнилась вовсе со временъ Моисея, и что мы видимъ пустыни и дебри Синая такими же, какъ ихъ видѣлъ и Израиль. Я думаю, если кто внимательно и серьезно взглянетъ на топографію этихъ библейскихъ мѣстностей, тотъ согласится со мною. Весь полуостровъ носитъ на себѣ характеръ такой страны, гдѣ поработали довольно и вулканическія, и нептуническія силы. Первые выдвинули или, вѣрнѣе сказать, вылили изъ нѣдра земли тѣ огромныя каменные громады, которыя составляютъ Синайскій горный узелъ, остальное докончила водяная сила. Пустыни совершенно нептуническаго образованія, песчанниковыя и известковыя формаціи, такъ обильныя въ горахъ и холмахъ Каменистой Аравіи—тоже. Эти уади, прорванныя въ скалахъ и загроможденныя камнями—тоже слѣдъ водной стихіи. Она прорвала горы и разметала обломки скалъ на своемъ пути и образовала уади. Даже въ наше время, въ періодъ зимнихъ дождей случаются такія наводненія, которыя заливаютъ цѣлыя уади и разрываютъ камни, а тысячи лѣтъ тому назадъ, когда образовалась, какъ уже доказано, самая дельта Нила, тогда нептуническія силы работали еще энергичнѣе. Безъ сомнѣнія, когда было больше влаги на полуостровѣ, когда водяные потоки прорывали скалы и холмы, тогда флора была богаче во много разъ въ этихъ дебряхъ и пустыняхъ. Вчитайтесь даже въ книгу Исхода, и тамъ найдете указаніе на это, не говоря уже о томъ, что во времена Фараоновъ, какъ гласятъ гіероглифы, Египтяне обитали въ такихъ мѣстностяхъ полуострова, гдѣ теперь не возможно жить. Если громадные караваны пересѣкали Каменистую Аравію во всѣхъ направленіяхъ въ то время, когда она служила звеномъ, соединяющимъ всѣ торговые пути міра, тогда, безъ сомнѣнія, условія существованія лѣдей тамъ были лучше, иначе не цвѣли бы Каменистая Аравія, Петра и Моавія своими многочисленными городами.

Еще несомнѣннѣе второе наше положеніе. Никогда народъ Израила не могъ достигать количества двухъ милліоновъ; не даромъ Богъ иногда наказывалъ избранный народъ за его склонность къ увлече-

ніямъ. Совершенно вѣрно остроумный Шлейденъ предполагаетъ, что число Евреевъ, превосходившее шесть сотъ тысячъ человѣкъ, носящихъ оружіе, а слѣдовательно, достигавшее minimum до двухъ милліоновъ обоого пола, не могло быть не только напоено источниками Карандель, но даже и двигаться въ пустынѣ. Сдѣлайте простой арифметическій расчетъ, кладя хоть по полквдратныхъ аршинъ на человѣка,—и вы увидите, что не нашлось бы мѣста даже двигаться такой массѣ людей. Они должны бы были при своемъ движеніи идти не одною дорогою, а распространиться по всему полуострову, и тогда бы онъ былъ населенъ гораздо гуще, чѣмъ средняя Германія. Около 35,000 ведеръ воды ежедневно необходимо было, чтобы напоить такую массу людей, не считая скота. Всѣ источники Каменистой Аравіи нынѣ не дадутъ и половины такого количества.

Вудучи гораздо меньше числомъ, Евреи не проблуждали, разумѣется, и сорока лѣтъ, потому что проблуждать было негдѣ; напротивъ того, они шли довольно быстро, какъ видно по Исходу, до Элима и Синая; число сорокъ было выбрано, какъ священное, часто повторяющееся въ Библии. Я смотрю на весь исходъ Евреевъ и блужданіе ихъ по пустынѣ не столько какъ на переходъ, сколько на попытку обосноваться гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ. Не находя себѣ подходящаго, еврейская орда двигалась далѣе, пробивалась, отступала, наступала и, наконецъ, промаявшись нѣсколько лѣтъ на границахъ Палестины, куда ихъ не сразу пустили туземцы, постепенно завладела странюю Обѣтованною.....“ (стр. 58).

Соображенія эти настолько оригинальны, что мы сочли умѣстнымъ привести ихъ *in extenso*. Не менѣе любопытенъ взглядъ автора на нищу Евреевъ въ пустыни и, въ частности, на манну, которая, по разказу Моисея, чудеснымъ образомъ ниспослана была народу Божию съ неба. И въ настоящее время маппою (ел-манъ) называется сладкая бѣлая клейковинная масса, которая выступаетъ въ большомъ количествѣ на сучкахъ тамарисковъ, коихъ особенно много въ оазисахъ Каменистой Аравіи. Манна эта скопляется въ довольно большія тяжелыя капли, которыя засыхаютъ и падаютъ на землю; эти упавшіе кусочки манны бедуины собираютъ въ кожаные мѣшки и частію употребляютъ сами, прижѣвывая къ хлѣбнымъ лепешкамъ, частію же сбиваютъ въ Суецъ и въ Синайскій монастырь. Г. Елисеѣвъ склоненъ видѣть въ современной маннѣ патологическое отдѣленіе тамарисковъ, обусловленное, подобно чернильнымъ орѣшкамъ, уколомъ тѣхъ или другихъ насѣ-

комыхъ. Склоняется онъ къ этому потому, что время „маннаго дождя“ совпадаетъ съ метаморфозомъ многихъ насѣкомыхъ, которыя во множествѣ появляются на тарфахъ. Питательныя достоинства манны сомнительны, вслѣдствіе чего г. Елисѣевъ думаетъ, что Евреи не могли питаться ею исключительно, хотя употребляли и собирали ее „съ большимъ усердіемъ“. „Мы“ продолжаетъ авторъ,—„пришли къ вопросу о пищѣ Израильтянъ въ пустынѣ. Для рѣшенія его мы взглянемъ сперва на современныхъ обитателей пустыни и посмотримъ, чѣмъ они питаются. Я вполне согласенъ со взглядомъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что теперешніе сыны пустыни не много ушли въ цивилизаціи со времени патриарховъ и прохожденія Евреевъ въ пустынѣ. Та же патриархальность царствуетъ между бедуинами пустыни, какъ и древле среди номадовъ племенъ, блуждавшихъ по простору Каменистой Аравіи. Финикия, небольшое количество хлѣба и оливъ, овощи, молоко домашнихъ животныхъ, птица и рыба составляютъ пропитаніе Синайскихъ Арабовъ. Тѣмъ же, разумѣется, питались и Евреи. Стоитъ только поуменшить число выходцевъ и припомнить то количество скота, которое велъ съ собою народъ избранный, и прибавить къ тому то, что мы сказали о прежнемъ богатствѣ флоры полуострова,—и тогда не нужно будетъ искать съ небесъ ниспавшую манну для прокормленія Израиля. Разумѣется, чудесное для нехитрыхъ умовъ Евреевъ Моисея, появленіе манны могло подать поводъ къ извѣстному библейскому сказанію; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы манна была исключительнымъ продуктомъ питанія народа Израильскаго въ Синайской пустынѣ“ (стр. 63).

Изъ приведенныхъ выписокъ можно усмотрѣть, отношеніе г. Елисѣева къ библейскому разгазу о странствованіи Евреевъ въ пустынѣ. Соображенія его, какъ очевидца-наблюдателя современной природы и жителей Каменистой Аравіи, имѣютъ свое значеніе, хотя, конечно, не всякій приметъ тѣ выводы, которые дѣлаетъ авторъ изъ своихъ наблюденій.

Какъ натуралистъ, г. Елисѣевъ сообщаетъ много подробностей относительно флоры и фауны посѣщенныхъ имъ мѣстностей, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на описаніи ихъ и тѣхъ особенностей, которыя онѣ представляютъ съ естественно-историческомъ отношеніи. Описанія эти, изложенныя весьма живо и наглядно, интересны и для неспеціалистовъ. Точно также съ любовью авторъ описываетъ свои поиски остатковъ до-историческаго человѣка—поиски, увѣнчавшіеся успѣхомъ и весьма важные для изучающаго первыя

движенія человека въ такой мѣстности, которая представляет со-единительное звено между Азіей и Африкой. Но, какъ было замѣчено выше, кругозоръ нашего путешественника весьма широкъ и не ограничивается исключительно его спеціальностью: наблюдательность г. Елисѣева простиралась и на предметы, входящіе въ область исторіи и археологій. Изъ этихъ его описаній выберемъ два, какъ наиболѣе важныя и интересныя: знаменитыя синайскія надписи и египетскіе рудники въ уади Магара.

Синайскія надписи, и доселѣ представляющія загадку для археологовъ, попались нашему путешественнику впервые въ уади Магара, но въ особенности ими богата уади Моккатебъ, скалы которой покрыты надписями на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ. Начертанія надписей въ высшей степени разнообразны и представляютъ смѣсь условныхъ знаковъ съ изображеніемъ людей и животныхъ; мѣстами есть цѣлыя сцены изъ охотничьей жизни и даже корабли. Г. Елисѣевъ отмѣтилъ двѣ интересныя подробности въ знакахъ этихъ надписей: одинъ знакъ—это точки или кружки большаго или меньшаго углубленія, расположенныя частію группами, частію рядами; другой знакъ имѣетъ сходство съ арійскою свастикой, представляя видъ прямаго или андреевскаго креста, каждый конецъ котораго имѣетъ колѣно подѣ прямымъ угломъ; иногда колѣно это имѣетъ и вторичное колѣно и т. д., при чемъ направленіе всѣхъ этихъ колѣнъ всегда идетъ въ одну сторону у всѣхъ точекъ. Г. Елисѣевъ не считаетъ невозможнымъ появленіе арійской свастики на скалахъ Каменистой Аравіи, черезъ которую уже въ глубокой древности шла транзитная торговля, соединявшая страны двухъ частей свѣта. Не менѣе интересно сопоставленіе, которое дѣлаетъ г. Елисѣевъ между этими синайскими начертаніями и надписями на скалахъ Восточной Сибири. По способу исполненія своего синайскія надписи представляются разнообразными: однѣ исполнены довольно грубо и небрежно, другія же весьма искусно и тщателью, при чемъ поверхность скалы, на которой онѣ начертаны, представляется какъ бы отполированной. Уже со времени Козьмы Индикоплевста (540 г.), являются попытки объяснить эти надписи, но попытки эти до сихъ поръ не привели ни къ какому положительному результату: одни приписываютъ начертанія христіанскимъ паломникамъ, ходившимъ на Синай, другіе отодвигаютъ ихъ въ эпоху азычскую, приписывая то Набатемъ, то Арамеямъ, то Кинеемъ (мнѣніе преосвящ. Порфирія, изложенное въ его спеціальному сочиненіи: Письмена Кинее Манаенъ на Синайскихъ

утесахъ) и т. д. При разнообразіи приуроченія надписей той или другой національности, большинство археологовъ сходится въ томъ, что видятъ въ нихъ начертанія, коими передавали потомству свои имена, происхожденія и впечатлѣнія посѣщавшіе Синай паломники. Что они были и въ языческую эпоху, явствуетъ изъ того, что джебель Сербаль, одна изъ высочайшихъ вершинъ Синайскаго полуострова (6720 ф.), еще во время Финикійянъ служила мѣстомъ поклоненія солнцу, лунѣ и звѣздамъ; объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ и ея наименованіе (Сер-Баадъ). Но г. Елисеѣвъ не считаетъ возможнымъ согласиться съ такимъ толкованіемъ: во первыхъ, потому, что надписи не представляютъ того изумительнаго разнообразія прифтовъ и начертаній, которое должно быть неизбѣжнымъ, если ихъ начертали путники всевозможныхъ націй; между тѣмъ, надписи довольно однообразны и по общему впечатлѣнію, даже кажутся одного и того же происхожденія; во вторыхъ, многія надписи исполнены весьма тщательно и искусно, что заставляетъ сомнѣваться, чтобы онѣ были начертаны путниками во время отдыха; наконецъ, трудно предположить, чтобы онѣ были вырѣзаны кремневыми орудіями, какъ предполагаютъ многіе изслѣдователи; предположить же, чтобы паломники запасались особыми рѣзцами ad hoc, совершенно невѣроятно. Поэтому г. Елисеѣвъ склоненъ раздѣлять предложеніе Пальмера о томъ, что въ уади, богатыхъ этими начертаніями, особенно въ уади Моккатебъ, происходили въ древнія времена большія празднества, на которыя стекались массы народа. „На подобныхъ торжествахъ людямъ было досужно, и очень естественно, что они могли даже захватывать потребныя орудія для увѣковѣченія своихъ именъ или цѣлыхъ молитвъ на каменныхъ стѣнахъ священнаго мѣста. Интересно распредѣленіе Синайскихъ надписей. Ихъ очень много на Сербалѣ. Главное теченіе ихъ, какъ говоритъ Эберсъ, идетъ туда; другое, гораздо меньшее, на Синай; направленіе третьяго и четвертаго, очень небольшихъ, совпадаетъ съ путемъ на Петру и на Хауранъ. Замѣчательно, что на самомъ Синаѣ ихъ очень немного“ (стр. 119). Кромѣ вышеупомянутыхъ непонятныхъ надписей, на Синаѣ есть и гіероглифическія начертанія, которыя свидѣтельствуютъ объ покореніи Египтомъ полуострова и о распространеніи въ немъ египетской цивилизаціи (см. Елисеѣвъ, Обитатели Каменистой Аравіи, стр. 68 и сл.).

Весьма любопытно описаніе и другаго памятника древности — ивѣдныхъ и бирюзовыхъ копей, а также порфировыхъ ломокъ, находящая часть ссхххiv, отд. 2.

щихся въ уади Магара. Отсюда Египтяне брали розовый камень, которыми обшивали лицевыя части пирамидъ и другихъ построекъ. И до сихъ поръ сохранились шахты и длинныя, соединяющія ихъ галлерей, прорытыя еще въ глубокой древности; шахты представляютъ низкія, но довольно широкія нещеры, до того невысокія, что приходится почти все время пробираться на колѣнахъ, работая руками и ногами. Г. Елисеѣвъ посѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ и нашелъ тамъ, между прочимъ, нѣсколько кремневыхъ орудій человѣка каменнаго періода. Эта находка навела г. Елисеѣва на мысль, что всѣ громадныя подземныя работы въ уади Магара произведены при помощи каменныхъ орудій. На гладкихъ стѣнахъ подземныхъ ходовъ нашъ путешественникъ замѣтилъ проблески синеваго цвѣта, по всей вѣроятности той бирюзы, ради которой копались древніе рудокопы. Тѣмъ не менѣе, свидѣтельства гіероглифовъ указываютъ опредѣленно на то, что въ рудникахъ этихъ добывалась не голубая бирюза, а камень—мафкатъ, имѣвшій зеленый цвѣтъ. По поводу этого противорѣчія факта свидѣтельству г. Елисеѣвъ дѣлаетъ остроумное предположеніе о томъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, когда разрабатывались рудники Магары, по всей вѣроятности, глазъ Египтянъ не былъ такъ совершененъ относительно различенія цвѣтовъ, чтобы раздѣлить голубой отъ зеленого или синяго, и что поэтому слово мафкатъ можетъ относиться ко всѣмъ веществамъ голубаго, синяго и промежуточныхъ цвѣтовъ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что новѣйшія изслѣдованія относительно употребленія названій красокъ у другихъ народовъ древности, и въ частности, Грековъ, доказали, что народы эти смѣшивали такія краски, которыя мы теперь различаемъ. Весьма интересно и то, что сообщаетъ г. Елисеѣвъ относительно національности рудокоповъ. „Гіероглифическія таблицы“, говоритъ онъ,—„украшающія въ значительномъ количествѣ стѣны этой уади, особенно по линіи шахтъ, очень обстоятельно говорятъ, какъ о рудокопахъ, такъ и объ ихъ господахъ. Стоитъ только присмотрѣться къ этимъ чуднымъ рельефнымъ изображеніямъ, высѣченнымъ на скалахъ, чтобы найти даже профану и тѣхъ и другихъ; египтологъ же, кромѣ того, по этимъ гіероглифамъ прочтетъ всю исторію рудниковъ Магара. Великая Гаторъ, египетская Венера, Тотъ и Горъ-Супти были богами-покровителями этихъ урочищъ; ястребовидная голова Гаторъ очень часто попадаетъ на гіероглифическихъ таблицахъ. Этимъ богамъ были обречены тѣ несчастные, которыхъ, какъ изображено на таблицахъ, ихъ властители — Фараоны гордаго Египта, ведутъ на казнь;

на нѣкоторыхъ табулахъ они колѣнопреклонены. На другихъ—изображены побѣжденные работающими подѣ присмотромъ египетскихъ солдатъ. Пѣроглифы называютъ этихъ несчастныхъ — Менпу; они были, по всей вѣроятности, покоренные и закабаленные обитатели полуострова или военноплѣнные изъ другихъ мѣстностей, а можетъ быть, и Иудей. Во всякомъ случаѣ, то было не одно и то же племя; потому что ихъ представлено нѣсколько типовъ: есть и безбородые, и съ длинными бородами, и съ высокими коническими шапками. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ изображены съ различными инструментами, которые они употребляли для рудныхъ работъ; другіе—съ жепами и дѣтьми. На таблицахъ представлены, кромѣ того, различныя египетскія власти: и надсмотрщики, и солдаты, и жрецы". „Египтологъ скажетъ вамъ, что первый Фараонъ, оставившій свое имя и изображеніе на скалахъ уади Магара, былъ Снефру (последній царь III династїи). Лики Хеопса и Хуфу помѣщаются надъ самымъ входомъ въ рудники; многіе и другіе фараоны V и VI династїи оставили здѣсь свои имена. Забытые на время, рудники Магары, при Аменемхѣ III, начали снова разрабатываться. При этомъ фараонѣ была завоевана Каменистая Аравія, также какъ и при Тутмесѣ, пославшемъ сюда экспедицію для окончательнаго покоренія. До времени Рамзеса II Египтяне здѣсь разрабатывали руду" (стр. 106).

Много выписокъ пришлось бы намъ дѣлать, еслибы мы захотѣли ознакомить читателя со всѣмъ богатствомъ содержанія разсматриваемой книги. Можемъ ее рекомендовать всѣмъ желающимъ ознакомиться съ своеобразною странюю, посѣщенною путешественникомъ, одареннымъ даромъ наблюдательности, проникнутымъ любовію къ своей задачѣ, владѣющимъ способностью описывать свои впечатлѣнія наглядно, живо и даже увлекательно.

III. Шеняловскій.

Палинодія Захарія Копыстенскаго и въ мѣсто въ исторіи западно-русской полемикѣ XVI и XVII вв. Изслѣдованіе В. З. Завитинскаго. Варшава. 1883:

Палинодія Захарія Копыстенскаго (1621—1622 гг.)—одинъ изъ лучшихъ полемическихъ памятниковъ православной полемической литературы въ Западной Россіи. Но еще прежде чѣмъ Копыстенскій принялся писать названное сочиненіе, литература эта обладала уже

цѣлымъ рядомъ произведеній, въ которыхъ было поставлено и такъ или иначе разсмотрѣно нѣсколько вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнью, мѣтко подхваченныхъ и по своему перетолкованныхъ полемистами противной стороны. Копыстенскій, какъ новый полемистъ, долженъ былъ, съ одной стороны, взвѣсить все сдѣланное его предшественниками и что было тамъ слабаго, осужденнаго временемъ, подновить и подкрѣпить сообразно съ измѣнившимися запросами времени; съ другой стороны, онъ долженъ былъ обнаруживать чуткость и къ тѣмъ вопросамъ, которые вновь выдвинула идущая своимъ чередомъ жизнь. Отъ того, на сколько въ Палинодіи принята во вниманіе указанная задача, и на сколько авторъ сумѣлъ воспользоваться всѣми доступными для него средствами,—отъ этого, говоритъ, зависитъ и большее или меньшее ея историческое значеніе. Понятно, что такая постановка вопроса налагаетъ на изслѣдователя обязанность познакомиться сначала съ тѣми предшествовавшими историческими условіями, отъ которыхъ зависѣла подготовка задачи, выпавшей на долю Копыстенскаго, какъ полемиста. Къ этимъ условіямъ относятся, какъ предшествовавшая по времени Палинодіи полемическая литература, такъ и тѣ историческія обстоятельства, отъ которыхъ зависѣлъ самый ходъ ея развитія (стр. 6 и 7). Обзоръ историческихъ условій и западно-русской полемической литературы до Палинодіи Захарія Копыстенскаго составляетъ первую половину изслѣдованія г. Завитневича. Вторую же его половину составляетъ изслѣдованіе о самой Палинодіи, какъ литературно-полемическомъ памятникѣ, въ связи съ очеркомъ жизни и ученой дѣятельности З. Копыстенскаго. Обѣ половины изслѣдованія распадаются на слѣдующія подраздѣленія: „I. Въ первомъ отдѣлѣ“, говоритъ авторъ,—„разсмотрѣны разнаго рода историческіе факторы, вліявшіе на выработку отношенія между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ въ періодъ до Брестской уніи,—отношенія, оказавшаго вліяніе на ходъ самой полемики. II. Второй отдѣлъ посвященъ историко-литературному обзору полемической литературы конца XVI и начала XVII в. до Палинодіи З. Копыстенскаго. III. Третій отдѣлъ представляетъ библиографическое изслѣдованіе о жизни и ученой дѣятельности Захарія Копыстенскаго. IV. Четвертый отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе о Палинодіи, какъ литературно-полемическомъ памятникѣ. V. Въ пятомъ отдѣлѣ излагается общее содержаніе „Палинодіи“ въ связи съ „Оброной Уніи“ Л. Кривы“.

Первый отдѣлъ, издаലെка подступающій къ главному предмету со-

чиненія, знакомить читателя съ тѣми разнообразными историческими факторами, которые, вліяя на фактъ отношенія православныхъ Западно-Руссовъ къ латинно-польской церкви, способствовали окраскѣ этого отношенія въ такой, а не иной цвѣтъ. Эти факторы раздѣляются у автора на двѣ категоріи: 1) на отрицательныя, которые способствовали развитію антагонизма между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ при ихъ столкновеніи, и 2) на положительныя, которые вліяли на ихъ взаимное сближеніе. Къ первой категоріи факторовъ принадлежитъ враждебное отношеніе русскаго православія къ польскому католицизму, унаслѣдованное еще отъ первоначальныхъ миссіонеровъ и осложнившееся съ теченіемъ времени столкновеніями Юго-Западной Руси съ Польшею. Во второй категоріи факторовъ первое мѣсто принадлежитъ дѣлу ассимиляціи русскаго національнаго элемента съ польскимъ, а второе — неполноправному положенію православныхъ въ Польшѣ. Мысль о крайне-печальномъ положеніи внутренней жизни православной церкви и о не менѣе безотрадномъ состояніи въ политическомъ отношеніи ея исповѣдниковъ, въ виду надежды на лучшее будущее, въ случаѣ заключенія союза съ Римомъ, естественно могла склонять православныхъ къ послѣднему, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли подвергнуться сильному вліянію польской національности. Но дѣло должно было принимать другой оборотъ, когда рѣчь заходила о самыхъ условіяхъ этого союза, и когда вообще вопросъ о послѣднемъ становился предметомъ горячаго обсужденія. И такъ, хотя въ общемъ настроеніи православныхъ Западно-Руссовъ можно было отыскать нѣсколько и слабыхъ сторонъ, большихъ, такъ-сказать, мѣстъ, которыми, при извѣстныхъ условіяхъ; съ успѣхомъ могла пользоваться уніатская пропаганда для своихъ цѣлей, но при этомъ необходимо было соблюдать крайнюю умѣренность и осторожность, такъ какъ всякаго рода крайность неминуемо должна была вызывать оппозицію, съ которою такъ свѣкло западно-русское православное общество. Такова была та нравственная почва, съ которою пришлось имѣть дѣло завязавшейся къ концу XVI вѣка литературной полемикѣ, разсматриваемой авторомъ во второмъ отдѣлѣ его изслѣдованія.

Этотъ второй отдѣлъ книги г. Завитневича—самый обширный и занимаетъ немного менѣе половины всей книги. Уже по одному объему его можно судить, что онъ непропорціонально великъ въ сравненіи съ существеннымъ, основнымъ содержаніемъ книги. Авторъ довольно подробно обзрѣваетъ всѣ полемическія сочиненія западно-

русскихъ православныхъ противъ польскихъ католиковъ и униатовъ, явившіяся до Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, хотя многія изъ нихъ и не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ ней. Но, рассматриваемый самъ по себѣ, безъ отношенія къ другимъ частямъ сочиненія, отдѣлъ этотъ представляется однимъ изъ наиболѣе интересныхъ по своей обстоятельности и полнотѣ. Авторъ довольно тщательно подобралъ всѣ извѣстныя доселѣ полемическія западно-русскія сочиненія противъ католиковъ и униатовъ и всѣ свѣдѣнія объ этихъ сочиненіяхъ, разсѣяныя по разнымъ изданіямъ, такъ что его книга въ рассматриваемомъ отдѣлѣ представляетъ наиболѣе полный обзоръ противо-католической и противо-униатской полемики Западно-Руссовъ до появленія Палинодіи. Мало того, г. Завитневичъ попытался распредѣлить обзорѣваемыя имъ полемическія сочиненія по извѣстнымъ категоріямъ и прослѣдить прогрессивный ходъ въ развитіи православной полемической литературы за рассматриваемое время. Соотвѣтственно этому второй отдѣлъ книги г. Завитневича раздѣляется на пять главъ. Въ первой (по общему счету—третьей) главѣ онъ говоритъ о первыхъ полемическихъ сочиненіяхъ латинянъ противъ западно-русской православной церкви, именно о сочиненіяхъ Сакрана и Скарги. Сакранъ, въ своемъ сочиненіи *Elucidarius ergoium ritus ruthenici*, 1500 г., задавшись цѣлю разоблачить заблужденія Русской церкви, ограничилъ свою задачу простымъ констатированіемъ факта и освѣщеніемъ его съ точки зрѣнія простаго наблюдателя изъ латинянъ. Мысль о подчиненіи Русской церкви Римскому престолу казалась Сакрану слишкомъ смѣлою и не осуществимою. Но со второй половины XVI в. въ памятникахъ латинской полемической литературы уже ясно проводится тенденція о необходимости подчиненія Русской церкви подъ власть Римскаго папы. Таково прежде всего сочиненіе Скарги „О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ Русскимъ народамъ, держащимся Грековъ“. Въ первыхъ двухъ частяхъ своей книги Скарга старается доказать, что Восточная церковь, въ составъ которой входитъ и Русская, находясь въ единеніи съ церковью Римскою, въ самой глубокой древности признавала монархическія права Римскаго первосвященника; фактъ раздѣленія церковей есть-де не что иное, какъ отпаденіе отъ тѣла вселенской церкви одного ея члена—церкви Греческой, что вполне признавала и эта послѣдняя и цѣлымъ рядомъ помысловъ, изъ которыхъ

послѣдняя состоялась на Флорентійскомъ соборѣ, старалась возстановить прежнее единеніе. Все это Скарга клонить къ тому, чтобы доказать, что Русская церковь, какъ одинъ изъ меньшихъ членовъ тѣла вселенской церкви, поставленная исторіей въ необходимость поддерживать единеніе съ ея главою посредствомъ связующаго звѣна — церкви Греческой, въ настоящее время, когда это связующее звѣно окончательно отпало отъ церковнаго организма, должна отказаться отъ посредничества Греческой церкви и стать въ непосредственную связь съ церковью Римскою. Въ третьей части Скарга, указавъ на то, какъ опасно для Русской церкви оставаться далѣе въ единеніи съ Греческою, приводитъ цѣлый рядъ (19-ть) мнимыхъ заблужденій Русской церкви, которыя рассматриваетъ какъ естественное слѣдствіе отдѣленія ея отъ церкви Римской.—Во второй (4-й) главѣ своего сочиненія г. Завитневичъ говоритъ о послѣдователяхъ и противникахъ Скарги. Въ его духѣ и направленіи написана была небольшая брошюрка Бенедикта Гербеста „Выводы вѣры Римской церкви и исторія греческаго порабоженія“, 1586 года. Оба эти сочиненія, то-есть, Скарги и Гербеста, лишь слегка были затронуты въ „Книжицѣ“ извѣстнаго клирика Острожскаго Василя, 1588 года, и долго оставались безъ прямого отвѣта со стороны православныхъ, вслѣдствіе недостатка у нихъ образованія. Въ отвѣтъ Гербесту выпущено было въ 1587 году православнымъ полемистомъ сочиненіе „Ключъ Царства Небеснаго“, которое затрогивало мимоходомъ и Скаргу. Что же касается сочиненія Скарги, то отвѣтъ на него со стороны православныхъ послѣдовалъ уже послѣ втораго изданія этого сочиненія въ 1590 году. Одинъ экземпляръ его Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ отправилъ къ Александрійскому патриарху Мелетію, который въ свою очередь отослалъ его съ своимъ письмомъ на Аеонъ, гдѣ и написаны были и посланы въ Россію два сочиненія: 1) „Защипка мудраго латышника съ глухимъ Русиномъ въ диспутацію“, приписываемая Іоанну Вишенскому, и 2) „Краткословный отвѣтъ Θεодула противъ писанія Петра Скарги“. Вся историческая часть сочиненія Скарги, гдѣ во всей силѣ выступаетъ его эрудиція, осталась почти не тронутою въ этихъ двухъ полемическихъ сочиненіяхъ, что объясняется, главнымъ образомъ, младенческимъ состояніемъ тогдашней православной полемической литературы. Тѣмъ не менѣе эти полемическія сочиненія, возбуждая непосредственно чувства вражды и ненависти православныхъ къ латинству, соотвѣтствовали настроенію современнаго православнаго общества и достигали своей цѣли.—Третья глава

второго отдѣла книги г. Завитневича посвящена обзору такихъ полемическихъ сочиненій, въ которыхъ вопросъ объ униі разсматривался окольнымъ путемъ. Таковы именно сочиненія о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ между восточною церковью, съ одной стороны, и западною и разными протестантскими сектами — съ другою. Къ числу этихъ сочиненій у г. Завитневича отнесены: „Книжка клирики Острожскаго Василя“, 1588 г., гдѣ затронуты и по-сильно рѣшены почти всѣ важнѣйшіе вопросы, которые въ разсматриваемое время могли быть предметомъ горячихъ споровъ, и въ разрѣшеніи которыхъ существенно пуждались члены православной церкви; „Катихизисъ“, 1595 г., и „Казаніе св. Кирилла объ Антихристѣ“, 1596 г., Стефана Зизанія, котораго — кстати замѣтить — г. Завитневичъ довольно основательно защищаетъ отъ обвиненій въ неправославіи нѣкоторыхъ его мыслей, и посланія Іоанна Вишенскаго. При обзорѣ этихъ сочиненій православныхъ писателей г. Завитневичъ касается и латино-униатскихъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ православія, какъ-то: „Уніи Грековъ съ костеломъ Римскимъ“, Ипатія Поцѣя, 1595 г., „Plewy“ и „Kąkol Stephanka Zizania“. — Въ четвертой (а по общему счету шестой) главѣ сочиненія г. Завитневича дѣлается обзоръ полемической литературы, вызванной непосредственно Врестскою унией 1596 года. Со стороны латино-униатовъ въ защиту Врестской униі написанъ былъ „Соборъ Врестскій“ П. Скарги, 1596 г., а со стороны православныхъ — „Апокрисисъ“ Христофора Филалета, „Ектезисъ“ 1597 г., „Перестрога“, вѣроятно — Львовскаго священника Андрея, между 1600—1605 гг. Около „Апокрисиса“, какъ около основнаго ядра, образовалась чуть ли не цѣлая литература, которая даже можетъ быть разсматриваема какъ отдѣльная вѣтвь на кудрявомъ деревѣ общей полемической литературы описываемаго времени; по этой вѣтви авторъ не разбираетъ подробно, такъ какъ она уже разсмотрѣна г. Скабаллановичемъ въ его изслѣдованіи объ „Апокрисисѣ“, и въ заключеніе разсматриваемой главы дѣлаетъ обзоръ частной полемики по тѣмъ же вопросамъ, выражавшейся въ перепискѣ отдѣльныхъ лицъ. Въ пятой главѣ второго отдѣла сочиненія г. Завитневича предлагается обзоръ латино-униатскихъ и православныхъ полемическихъ сочиненій, трактовавшихъ за и противъ униі съ исторической точки зрѣнія. Главное вниманіе полемистовъ, въ данномъ случаѣ, сосредоточивалось на слѣдующихъ двухъ основныхъ пунктахъ: во-первыхъ, на исторіи Флорентійскаго собора, и во-вторыхъ, на отношеніи православной Руси къ состоявшимся на этомъ соборѣ

постановленіямъ. Отъ такого или инаго рѣшенія этихъ вопросовъ неизбежно зависѣла судьба и многихъ другихъ мелкихъ вопросовъ, которые съ логическою послѣдовательностью вытекали изъ первыхъ; какъ изъ своихъ посыловъ. Болѣе извѣстными памятниками полемики со стороны православныхъ, по первому изъ означенныхъ вопросовъ, были: „Исторія о латрійскомъ соборѣ“, около 1601 г., Antifragi, 1608 г., приписываемые Мелетію Смотрицкому, Фриносъ Теофила Ортолога (Мелетія Смотрицкаго), 1610 г., противъ которыхъ латино-униатами издаванъ были: „Оброна“ Теоодоровича, 1604 г., „Heresiae“ и „Harmonia“ 1608 г., „Na trenu y lament Theophila Orthologa... prczstroga“ Скарги, 1610 г., и Peregoria Мороховскаго, 1612 года. Православная полемическая литература въ это время уже значительно расширилась въ количественномъ отношеніи и возвысилась въ качественномъ. Но при всемъ томъ, говоритъ г. Завитневичъ, — рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что лучшіе изъ полемистовъ, выставленныхъ въ это время православною стороною, каковы Смотрицкій и Филалетъ, были люди, получившіе западно-европейское образованіе, и что въ ихъ сочиненіяхъ на каждомъ шагу сквозитъ, если не исключительное, то преимущественное знакомство авторовъ съ латинскимъ языкомъ и латинскою литературой. Этотъ фактъ даетъ право заключать, что въ это время греко-славянскія школы, поставившія свою задачею приготовить борцовъ за православіе путемъ ознакомленія съ греческимъ языкомъ и литературой, еще далеки были отъ своей цѣли. Цѣль эта въ значительной степени достигается лишь послѣ, чѣмъ съ успѣхомъ воспользовались православные полемисты въ борьбѣ со своими противниками въ слѣдующемъ новомъ фазисѣ развитія полемики (стр. 236—237), когда латино-униатскіе полемисты, съ Львомъ Кривою во главѣ, пытались найти оправданіе для Брестской уніи во всей предыдущей исторіи Западно-Русской церкви и доказать исконную будто бы связь этой послѣдней съ Римомъ. Противъ сочиненія Кривы „Оброна уни“, 1617 года, и выступилъ съ своею „Палиподіей“ Захарія Коныстенскій во всеоружіи научныхъ средствъ, вынесенныхъ имъ изъ греко-славянскихъ школъ.

Биографія З. Коныстенскаго, въ связи съ его ученою дѣятельностью, составляетъ третій отдѣлъ книги г. Завитневича. Биографическія свѣдѣнія очень часто являются у автора, за неизмѣнимъ положительныхъ данныхъ, съ предположительнымъ характеромъ; но тѣмъ не менѣе они собраны и обслѣдованы весьма тщательно. Захарія Коныстенскій принадлежалъ къ фамиліи перемышльскихъ дворянъ,

преданной православію, и приходился близкимъ родственникомъ Перемышльскому православному епископу Михаилу Копыстенскому. Г. Завитневичъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Копыстенскій получилъ образованіе въ одной изъ греко-славянскихъ братскихъ школъ, и именно въ Львовской, и при этомъ отдаетъ рѣшительное преимущество этимъ школамъ передъ позднѣйшею Кіево-Могиланскою коллегіей. „Для насъ въ данномъ случаѣ“, говоритъ авторъ, — „особеннаго вниманія заслуживаетъ система воспитанія греко-славянскихъ школъ, отличающаяся отъ схоластической системы, введенной впоследствии въ Кіево-Могиланской коллегіи, что отразилось и на самыхъ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера ученыхъ, испытывавшихъ на себѣ вліяніе этихъ системъ. Въ то время, какъ въ Кіево-Могиланской коллегіи, благодаря господству схоластики, привившейся здѣсь, какъ извѣстно, въ самомъ уродливомъ видѣ, главное вниманіе обращали на форму усвояемаго, въ греко-славянскихъ школахъ существенное значеніе придавалось тому, чтобы воспитанникъ какъ можно больше усвоилъ и понималъ усвоенное... Результатомъ такой системы воспитанія, естественно, должно было явиться въ воспитанникахъ развитіе реального направленія мысли и уваженія къ положительному методу познанія“. Самымъ лучшимъ примѣромъ разсматриваемаго направленія мысли въ воспитанникахъ греко-славянскихъ школъ служить учепая дѣятельность З. Копыстенскаго, и особенно его Палинодія. Есть основаніе думать, что Захарія Копыстенскій, еще въ бытность свою въ Львовѣ, или въ Перемышлѣ, предпринималъ по содѣйствию путешествіе на югъ въ единоплеменные и единовѣрные земли, и притомъ съ научною цѣлію. Въ 1616 году З. Копыстенскій былъ уже въ Кіевѣ. Г. Завитневичъ не знаетъ, когда и подъ вліяніемъ какихъ побужденій Копыстенскій оказался въ Кіевѣ. Но въ предисловіи къ Тріоди Цвѣтной 1627 г. самъ Копыстенскій прямо говоритъ, что его въ служеніе обители Печерской „потщался привести благоразсужденіемъ своимъ всечестный отецъ Елисей Плетенецкій“. Кромѣ изданія богослужебныхъ книгъ, свято-отеческихъ твореній и Номоканона, З. Копыстенскому принадлежатъ или приписываются авторомъ слѣдующія сочиненія: „Книга о вѣрѣ“ Виленскаго изданія около 1602 г. и Кіевскаго 1619 г.; „Палинодія“ 1621—1622 г., „О правдивой едноти православныхъ христіанъ церкви восточной“ 1623 г., съ содержаніемъ котораго г. Завитневичъ знакомитъ читателя, и нѣсколько проповѣдей. Копыстенскій скончался 21-го марта 1627 г., въ санѣ Кіево-Печерскаго архимандрита.

Четвертый отдѣлъ книги г. Завитневича заключаетъ въ себѣ „библіографическія изслѣдованія о Палинодіи“. З. Копыстенскій, по предположенію автора, задумалъ ее еще въ 1619 году, началъ писать въ 1621 г., а окончилъ не раньше 1622 года. Такимъ образомъ „Палинодія“ написана была въ Кіевѣ, и именно въ то время, когда Копыстенскій жилъ въ Кіево-братскомъ монастырѣ. Но она, какъ извѣстно, не была издана въ свое время. Причину этого г. Завитневичъ усматриваетъ, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что „Палинодія“, вслѣдствіе богатаго собранія въ ней разнообразнаго матеріала, могла сдѣлаться, такъ-сказать, настольною книгою для послѣдующихъ ученыхъ, и послѣдніе, вмѣсто того, чтобъ издавать ее цѣликомъ въ оригиналѣ, нашли для себя болѣе удобнымъ популяризировать ея содержаніе въ своихъ сочиненіяхъ по частямъ. Подтверженіемъ этому служитъ книжица, составленная игуменомъ Кіевского Михайловскаго монастыря Павананомъ, какъ можно думать, около 1644 года. Паванандъ, при составленіи своей книжицы, частію буквально, частію въ видѣ краткаго извлеченія, внесъ въ нее нѣсколько отдѣловъ изъ „Палинодіи“, которые вмѣстѣ съ тѣмъ вошли и въ извѣстную Книгу о вѣрѣ, изданную въ Москвѣ въ 1648 году. Въ своей „Палинодіи“ Копыстенскій беретъ представити: а) защиту православной вѣры св. католической, восточной, апостольской церкви; б) защиту достоинства каноповъ и привилегій св. четырехъ восточныхъ патріарховъ; вмѣстѣ съ тѣмъ в) общаетъ дать отвѣтъ какъ отступникамъ, называющимся уніатами, такъ и другимъ противникамъ православія, при чемъ д) общаетъ говорить о епископахъ стараго Рима; е) о нынѣшнемъ положеніи Грековъ; ф) о принятіи вѣры Русскимъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Кіевскихъ митрополитахъ и нѣкоторыхъ другихъ сюда относящихся вопросахъ; г) о томъ, что востель римскій поступилъ бы богоугодно и рационально, если бы пришелъ къ единенію въ вѣрѣ и ея догматахъ съ восточною церковью; въ заключеніе намѣренъ предложить краткій трактатъ: h) объ исхожденіи Св. Духа отъ самого Бога Отца. Не смотря однакожь на всю широту этой задачи, авторъ при осуществленіи ея нашелъ удобнымъ сосредоточить свое вниманіе главнымъ образомъ на критическомъ разборѣ одного незадолго предъ тѣмъ вышедшаго уніатскаго сочиненія, именно „Оброны уніи“ Льва Кривзы, имѣвшаго вліяніе на общій планъ и на болѣе частное распредѣленіе содержанія Палинодіи. Методъ изслѣдованія въ Палинодіи строго научный, проникнутый реальнымъ направленіемъ мысли; изложеніе содержанія отличается замѣчательною

всесторонностью и обстоятельностью. Провѣряя источники Палинодія, г. Завитневичъ приводитъ довольно длинный рядъ писателей, которыми пользовался З. Копыстевскій; но и этотъ списокъ далеко неполный. Не включенъ въ него между прочимъ Маркъ-Антоній De Dominis (Господиновичъ), не смотря на то, что о немъ пишутся свѣдѣнія и въ нашей русской литературѣ. По богатству и разнообразію эрудиціи „Палинодія“ не имѣетъ ничего себѣ равнаго въ предшествующей колемнической литературѣ. Что же касается критической разработки матеріала, и вообще во своему научному методу Палинодія не уступаетъ ни одному изъ предшествующихъ ей православныхъ колемническихъ сочиненій и можетъ быть поставлена наравнѣ съ Авокриссомъ Филалета и сочиненіями М. Смотрицкаго. Теоретическою своею стороною, какъ сочиненіе богословское, Палинодія основывается на древнемъ церковномъ преданіи и имѣетъ подъ собою твердую историческую почву, и поэтому совершенно свободна отъ той неустойчивости мысли и прихвѣса протестантизма, которыя проглядываютъ, наприимѣръ, въ Авокриссѣ Хр. Филалета. Наконецъ, какъ историческій памятникъ, Палинодія заключаетъ въ себѣ, во первыхъ, матеріалъ для исторіи Западно-Русской церкви; во вторыхъ, она служитъ драгоценнымъ памятникомъ, на основаніи котораго можно судить какъ о высотѣ уровня современной богословской науки, такъ и о направленіи въ ея разработкѣ.

Въ пятомъ и послѣднемъ отдѣлѣ книги г. Завитневича излагается общее содержаніе Палинодія, въ связи съ „Оброной Униі“ Льва Кривсы. Впрочемъ, этотъ отдѣлъ, собственно говоря, есть не что иное, какъ приложение къ изслѣдованію, съ особымъ счетомъ страницъ. Мѣстами въ примѣчаніяхъ показывается историческое развитіе извѣстнаго пункта „Палинодія“ въ предшествовавшей ей колемнической литературѣ.

Въ общемъ изслѣдованіе г. Завитневича производитъ весьма пріятное впечатлѣніе на читателя. Собралъ обильный матеріалъ для своего труда, авторъ съ большимъ умѣньемъ пользуется имъ, подвергаетъ его критической разработкѣ и путемъ строго-логическихъ выводовъ приходитъ иногда къ новымъ заключеніямъ или освѣщаетъ эти факты съ новой точки зрѣнія. Даже такія положенія, о которыхъ можно еще спорить, обоснованы у г. Завитневича довольно прочно, какъ наприимѣръ; мысль о преимуществѣ греко-славянскихъ школъ предъ Кіево-Могиланскою коллегіей. Мы, впрочемъ, лично раздѣляемъ

эту мысль автора, хотя и считаемъ натянутымъ сдѣланное имъ сближеніе Исаи Копинскаго съ Бѣкономъ Веруламскимъ (стр. 263—265).

Къ сожалѣнію, подлинникъ Палинодіи, долго хранившійся въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора, въ послѣднее время исчезъ безслѣдно, а извѣстные въ настоящее время списки ея страдаютъ значительною несправностью, чтò должно было невыгодно отразиться и на печатномъ изданіи „Палинодіи“, и на изслѣдованіи г. Завитневича о ней. Несправность списковъ, кромѣ искаженія переписчиками нѣкоторыхъ мѣстъ, состоитъ въ значительныхъ пропускахъ, которые и указаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящаго, въ высшей степени добросовѣстно исполненнаго изданія. Вслѣдствіе этого оказалась невозможною полная провѣрка всѣхъ приводимыхъ на страницахъ Палинодіи цитатъ, такъ какъ цифры въ Палинодіи иногда представляютъ ошибку переписчика. Такъ напримѣръ, доказывая равенство власти и чести Константинопольскаго патріарха съ Римскимъ, Копыстенскій на стр. 657 печатнаго изданія Палинодіи дѣлаетъ вѣрную ссылку на 28-й канонъ Халкидонскаго собора. Черезъ нѣсколько же страницъ (688) этотъ канонъ уже называется 21-мъ, и еще черезъ нѣсколько страницъ (697)—58-мъ. „Очевидно“, говоритъ г. Завитневичъ, — „что при такихъ условіяхъ почти нѣтъ никакой возможности провѣрить всю массу встрѣчающихся на страницахъ Палинодіи цитатъ“. Изъ болѣе крупныхъ пропусковъ укажемъ ниже слѣдующіе: Въ части второй, въ отдѣлѣ первомъ, артикулъ второй не оконченъ: въ немъ нѣтъ ни выводовъ, ни общаго заключенія. Въ синодальномъ списокѣ Палинодіи вслѣдъ за послѣдними словами слѣдуютъ еще двѣ съ половиною страницы, оставленныя пустыми. Въ концѣ шестаго артикула отдѣла пятаго, части третьей, сдѣлана слѣдующая приписка: „ту вписати листъ Петра Антиохійскаго, до патрїарха Римскаго писаній, якъ опреснока не пріймуетъ, и другой листъ того до Домника, архіепископа Венедицкаго, о томъ же, третій листъ Іоанна, Антиохійскаго патріарха, ко Адрианополиту, о томъ же писаній“.

Мы имѣемъ основаніе думать, что съ теченіемъ времени откроется возможность пополнить пробѣлы и исправить ошибки переписчиковъ извѣстныхъ доселѣ списковъ Палинодіи. Уже по выходѣ въ свѣтъ книги г. Завитневича въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи поступилъ отъ бывшаго профессора ея покойнаго Н. И. Щеголева дефектный списокъ Палинодіи, писанный, по свидѣтельству позднѣйшей приписки, въ Кіевѣ въ 1635 году, то-есть,

только черезъ 13 лѣтъ послѣ составленія „Палинодіи“. Она заключаетъ въ себѣ значительную часть второй части и начало третьей части книги и, по нашему мнѣнію, можетъ служить лучшимъ пособіемъ при исправленіи текста сохранившихся въ немъ частей Палинодіи.

Н. Петровъ.

РАЗЫСКАВІЯ О ГРЕЧЕСКИХЪ ВОГАТЫРОСКИХЪ БЫЛИНАХЪ СРЕДНЕВѢКОВАГО ПЕРІОДА.
Опытъ переводнаго и объяснительнаго сборника. *Гаэрилла Дестуниса*.
О.-Пб. 1888.

Русскіе изслѣдователи будутъ благодарны Г. С. Дестунису за его попытку собрать и объяснить тѣ древніе и новыя отзвуки средневѣковаго народнаго греческаго эпоса, которые до сихъ поръ, благодаря своей разбросанности по разнымъ изданіямъ, были мало доступны изученію. А изученіе это является настоятельною потребностью, не только для интересующихся народною греческою поэзіей вообще, но и для всѣхъ тѣхъ, кого занимаютъ общіе вопросы эпоса и его сложенія.

Издатель распредѣлилъ сведенный имъ пѣсенный матеріалъ на четыре группы: 1) былины о Дигентѣ; 2) былины о сынѣ Андроника; 3) былины о Порфирѣ; 4) былины, покажутся стоящія особникомъ. Въ этотъ послѣдній отдѣлъ самъ г. Дестунисъ былъ дважды вкладчикомъ: я разумѣю изданную имъ пѣсню объ Армури, одинъ изъ перловъ сборника, и отрывокъ былины о Ксанениѣ, которую издатель могъ теперь сличить съ отрывкомъ другой редакціи, напечатанной Триандафилидомъ.

Былины сообщаются въ прекрасныхъ, своеобразныхъ переводахъ, къ стилю которыхъ насъ издавна приучилъ г. Дестунисъ. Помимо знанія языка въ его современныхъ говорахъ, такіе переводы предполагаютъ еще и особое чутье, позволяющее вжиться въ народно-поэтическія особенности подлинника. Дополнить и исправить останется не многое, и это чаще всего будетъ зависетьъ отъ случайнаго появленія того или другаго непонятнаго слова въ какомъ-нибудь мѣстномъ глоссаріи (сл. на стр. 126—127 замѣтку о словѣ ἀφρίτης), или иногда отъ новаго пересмотра того или другаго мѣста текста въ связи съ цѣлымъ. Въ послѣднемъ отношеніи переводъ Армури (сл. стр. 102, прим. 203) представляетъ исправленіе къ предшествовав-

шему. Прежде значилось такъ: Армури, мальчиш-малолѣтка, отецъ котораго находится въ отсутствіи, хочетъ выѣхать; мать велитъ осѣд- лать для него „вороного отцовскаго, что двѣнадцать ужъ годовъ води не пьетъ, что двѣнадцать ужъ годовъ подъ верхомъ не былъ“. Этотъ переводъ замѣнилъ слѣдующимъ: „что двѣнадцати годовъ, а воды еще не пивалъ, что двѣнадцати годовъ, а подъ верхомъ еще не былъ“. Почему? Потому ли что онъ типическій богатырскій „жеребенокъ“? Но вѣдь онъ уже служилъ отцу, отчего и названъ „отцовскимъ“; но стараго богатыря нѣтъ ужъ двѣнадцать лѣтъ (такъ конструирую я): вотъ почему не пьетъ и не ходитъ подъ верхомъ его вороной. Я предпочитаю первый переводъ, указывающій, быть можетъ, и на возрастъ мальчика Армури: если отецъ оставилъ его еще ребенкомъ, или же онъ и родился въ отсутствіи отца, Армури былъ бы „двѣнадцатилѣткомъ“ нашего эпоса.

Имя Армури, не объясненное въ первомъ изданіи поэмы, нашло себѣ теперь (стр. 114) предположительное толкованіе: разоритель. Г. Дестунисъ, впрочемъ, не стоитъ за него, да вообще нѣтъ ничего труднаго, какъ орудовать съ собственными именами живущаго народнаго эпоса. Они на-ново осмыслялись и видоизмѣнялись по требованіямъ народной этимологій: Дигенисъ (авторъ постоянно пишетъ: Дигенъ) въ началѣ, несомнѣнно, двоеродный: сынъ христіанки и Сарацина; въ этомъ смыслѣ я старался объяснить и царя „Дигина“ болгарскаго житія Езопъ, издавнаго г. Сырку (сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., январь, критика и библиографія, стр. 78); между тѣмъ на Критѣ, гдѣ еще сохранилась мѣстная память о древнемъ богатырѣ, его имя объясняется уже иначе: λέγομεν δὲ περὶ τοῦ Διγενῆ ὅτι ἔζησε βίον δοῦ γυναικῶν, ἐξ οὗ καὶ ἔλαβε τὴν ὀνομασίαν (Κωνδολάκης, Νεοελληνική τῆς Κρήτης μυθολογία, въ Δελτίον I, 2, р. 276). Либо титулы, прозвища обращаются въ собственное имя: таковы нашъ былинный Дюкъ, Акритъ въ русской повѣсти о Девгеніи; такъ уже Кандака у Псевдо-Каллисена. Иной разъ, на оборотъ, собственное имя, почему бы то ни было памятное, обобщается до значенія эпонима и нарицательнаго, и далѣе пѣсня продолжаетъ имъ орудовать, какъ таковымъ. Таково значеніе имени Константина въ южно-славянскихъ и русскихъ былевыхъ пѣсняхъ и, можетъ быть, уже въ греческихъ. Въ одной трапезунтской пѣснѣ о взятіи Константинополя (Passow, № СХСVIII) говорится, что городъ этотъ основалъ ὁ Ζάκι Κωνσταντίνων; значеніе этого Ζάκι, несомнѣнно восточнаго слова, я объясню при другомъ случаѣ: оно такое же общее, какъ „Эллинъ“ дру-

гой, такой же трапезунтской редакціи той же пѣсни (Іоаннидъ, № 25):

στῆν κοίτην ὄντας ἄρξεν ὁ Ἕλλησιν Κωνσταντίνου.

Императоръ (даже: ὁ βασιλεὺς!) встаетъ за общими значеніемъ: вяти, богатыри, въ томъ особомъ значеніи слова „Эллины“, какое удержалось на почвѣ ново-греческаго народнаго преданія. Въ томъ же смыслѣ и греческая Александрія особаго состава, сохранившаяся въ рукописи XVI вѣка, говоритъ объ Эллинѣ Голиаѣ.

Съ общими соображеніями г. Дестуниса о былинахъ Дигенисовскаго цикла (стр. 59 и слѣд.) нельзя не согласиться, какъ съ отрицательной, такъ и съ положительной ихъ стороны. Я особенно имѣю въ виду вопросъ объ отношеніи пѣнѣ записанныхъ въ народѣ пѣснѣ къ поэзі, изданной, по разнымъ рукописямъ, Сабои и Леграномъ и Мильараки. Нѣтъ сомнѣнія, что за современными пѣснями лежатъ слои болѣе древнихъ и народныхъ, послужившихъ источникомъ поэмы. Отношеніе можно предположить приблизительно такое же, какое для испанскаго эпоса: испанскіе романы о Сидѣ не восходятъ по тексту ранѣе XV вѣка, но за поэмой о Сидѣ и такъ-называемой Риомованной хроникой необходимо допустить существованіе старыхъ романсовъ-кантиленъ, матеріалъ позднѣйшихъ, болѣе цѣльныхъ эпическихъ сложений.

Изученіе средне-греческихъ былинъ, или и недавно записанныхъ, но съ тѣмъ же содержаніемъ, въ особенности важно для занимающихся русскимъ билевымъ эпосомъ. Важно здѣсь не только возможное сходство содержанія и иногда вѣроятныя гипотезы вліянія и перенесенія, но и интересныя совпаденія образности. Когда Турки взяли Константинополь—поется въ одной трапезунтской пѣснѣ (Іоаннидъ, № 25), — церкви и храмы пришли въ печальное запустѣніе. Выражено это такимъ образомъ:

Μοιρολόγουν τὰ ἐκκλησιάσ κλαίγουν τὰ μοναστήρια,
μοιρολόγῃ καὶ ἡἰὰ Σοφία, κλαίει καὶ ὁ Θεολόγος.

„Причитаютъ церкви, слезы льютъ монастыри, причитають св. Софія, плачетъ Иванъ Богословъ“.

Сл. былины о Васильѣ Игнатьевичѣ: Татары поднялись на Кіевъ; туряца златорогая идетъ мимо городской стѣны „со турамп со дѣтшкками“. Видѣли они диво дивное:

Подъ тою ли стѣною гороною
Ходятъ дѣвица душа красная,

Во рукахъ держать книгу Левантдову,
Не столько читаетъ, вдвоемъ она плачетъ.

Турца объясняетъ дѣтямъ, что то не дѣвица душа красная,

А тутъ плакала стѣна мать городовая,
Она вѣдала невзгодушку великую (Рыбн. I, № 29).

Иначе въ другомъ вариантѣ (ib. II, № 11):

А ходила та мать Пресвѣта Богородица,
А плакала стѣна мать городовая.

Поэтическое значеніе этой плачущей стѣны - оплота понятно — при Богородицѣ: такъ плачетъ, но не въ виду враговъ, а по разгромѣ Царьграда, св. Софія.

Г. Дестунисъ чуть не единственный у насъ ученый, посвящающій свои досуги византійской литературѣ и народной греческой поэзіи. Тѣмъ большее ему спасибо за поддержаніе священнаго огня, еще не возженнаго на университетской кафедрѣ.

Александръ Веселовскій.

Въ вопросу о Геродотовыхъ Скиноахъ.

Fr. Lenormant. LES ORIGINES DE L'HISTOIRE D'APRÈS LA BIBLE. Paris. 1882. II
Herm. Vámbéry. DER URSPRUNG DER MAGYAREN. Eine ethnologische Studie.
Leipzig. 1882.

Въ настоящей замѣткѣ мы разсматриваемъ новые труды Ленормана и Вамбери лишь по столько, по сколько они касаются вопроса о происхожденіи и національности Геродотовыхъ Скиноахъ, вопроса, остающагося до сихъ поръ открытымъ. Въ русской литературѣ въ послѣднее время замѣтное преобладаніе получила гипотеза Мюлленгофа, который, на основаніи скудныхъ данныхъ языка, относитъ Геродотовыхъ Скиноахъ къ иранской вѣтви Арійцевъ. Какъ извѣстно, г. Боннель въ своемъ сочиненіи „Beiträge zur Alterthumskunde des Russlands“ (St.-Pet. 1882), указывая германство нѣкоторой части Скиноахъ, опирается на выводы берлинскаго академика, какъ не допускающіе сомнѣнія. Между тѣмъ аргументація Мюлленгофа нисколько не убѣдительна для такихъ свронецкихъ ученыхъ, какъ этнографъ Фридрихъ Мюллеръ, лингвистъ Овелаакъ (Novelaque), знаменитый географъ Кипертъ или антропологъ Топинаръ. Кипертъ находитъ возможнымъ, что нѣко-

часть сохххiv, отд. 2.

тория скинскія имена, безспорно иранскихъ корней, могли быть просто заимствованы Скинами отъ арійскихъ народовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе, и потому совершенно непригодны для той цѣли, которой съ помощью ихъ достигаетъ Мюлленгофъ. Вообще пользоваіе лингвистическими данными, даже болѣе многочисленными и надежными, нежели тѣ, какія относительно Скиновъ оставилъ намъ Геродотъ, для цѣлей этнологіи требуетъ необыкновенной осмотрительности; понятно, требованіе это имѣетъ особенную силу по отношенію къ народамъ древнимъ, не существующимъ болѣе. Фр. Ленорманъ по другому поводу дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Употребленіе того или инаго языка не находится въ такой неразрывной зависимости отъ расы даннаго народа, чтобы можно было поставить его выше всякихъ историческихъ комбинацій. Напротивъ, существуютъ языки, усвоенные народами вслѣдствіе завоеванія, торговыхъ сношеній или путемъ вліявія сильнѣйшихъ по культурѣ сосѣдей. Часто народы забывали языки своихъ предковъ, замѣняя ихъ языками господъ или даже подданныхъ. Многочисленные примѣры этого явленія представляетъ исторія“ (*Les Origines*, II, p. 318 сл.). Кромѣ того, каждый знаетъ, въ какомъ до неузнаваемости искаженномъ видѣ сохранены древними греческими писателями имена нѣкоторыхъ народовъ.

Вообще по вопросу о національности Геродотовыхъ Скиновъ существуютъ въ европейской литературѣ три главныя гипотезы: одна изъ нихъ зачисляетъ Скиновъ въ семью такъ-называемыхъ туранскихъ народовъ, другая приписываетъ имъ арійское происхожденіе, согласно третьей терминъ „Скинъ“ и у Геродота имѣетъ не этнографическое, а географическое значеніе, то-есть, подъ Геродотовыми Скинами слѣдуетъ разумѣть разнородное по расѣ населеніе, въ составъ котораго входили племена частью арійскія, частью урало-алтайскія или туранскія. По нашему мнѣнію, послѣдняя гипотеза наиболѣе вѣроятна; необходимо только пожитію Геродотовыхъ Скиновъ придавать значеніе не географическаго, а политическаго термина, болѣе ограниченнаго по содержанію. Поименованные въ началѣ статьи ученые высказываются о національности Скиновъ не въ смыслѣ Мюлленгофа: Ленорманъ вообще склоняется къ заключенію Киперта—„тураниста“, а Вамбери, вслѣдъ за Фридр. Мюллеромъ и другими, называетъ Скиновъ народомъ, смѣшаннымъ изъ элементовъ арійскихъ и въ гораздо болшемъ количествѣ урало-алтайскихъ, именно турецко-татарской вѣтви.

Въ сочиненіи „Les Origines de l'histoire“ французскій ученый посвящаетъ Скиѣамъ II-ю главу своего критическаго разбора этнографической таблицы древнихъ народовъ, содержащейся въ книгѣ Бытія. Документу этому онъ придаетъ важное историческое значеніе, признавая въ основаніи его этнографической, а не географической принципъ распределенія народовъ. Скиѣны въ библейской таблицѣ упоминаются подъ именемъ *Mâgog*, народа, который уже еврейскіе писатели и согласно съ ними новыя изслѣдователи отождествляютъ съ Геродотовыми и Страбоновыми Скиѣами. Однако, настоящее имя варварскаго народа было *Gôg*; названіе же *Mâgog* первоначально принадлежало страшѣ, занимаемой этимъ народомъ; въ такомъ именно различномъ значеніи имени эти употребляются въ пророчествахъ Іезекииля (гл. XXXVIII и XXXIX), но уже смѣшиваются и ставятся рядомъ въ Апокалипсисѣ. Имя *Gôg* авторъ считаетъ вполне историческимъ на основаніи данныхъ, доставляемыхъ клинообразными письменами; здѣсь имя это носитъ предводитель Саковъ или Скиѣовъ во время войнъ Ашшуръ-бани-абала. Авторъ идетъ дальше и высказываетъ предположеніе, что Гогъ былъ дѣдомъ того Скиѣскаго царя, побѣдителя Кіаксара и покорителя Мидіи, который у Геродота и Страбона называется Мадіэсъ (*Μαδύης*). Израильскій пророкъ, называя въ числѣ подданныхъ Гога *Tôgarmâh*, *Toûbâl* и *Mescheh*, тѣмъ самымъ опредѣляетъ территорію, которую этотъ народъ занималъ передъ вторженіемъ въ Палестину и въ Переднюю Азію; территоріей этою была сѣверо-западная Арменія и Каппадокія. Въ этой самой мѣстности, по свидѣтельству клинообразныхъ надписей, упомянутый выше Ассирійскій царь навесѣ жестокое пораженіе Скиѣамъ, которые въ ассирійскомъ памятникѣ носятъ названіе Саковъ, *Sa'hi*. Событіе это предшествовало 660 году до Р. X. Отсюда слѣдуетъ, что, по ассирійскимъ лѣтописямъ, Скиѣны или Саки перешли Кавказъ, запли верховья рѣки Кура и дали этой мѣстности названіе Сакасны лѣтъ за семьдесятъ до нападенія на Мидію и Палестину. Свидѣтельства ассирійскихъ памятниковъ вполне согласуются съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Страбона: „Саки, подобно Киммерійцамъ и Трерамъ, совершали набѣги то въ болѣе, то въ менѣе отдаленныя страны. Они заняли было Бактріану, а въ другой разъ завоевали себѣ лучшую часть Арменіи, которой и оставили названіе Сакасны; отсюда они проникли въ Каппадокію, особенно въ ту часть ея, которая прилегаетъ къ Евксинскому Понту и называется теперь Понтикою“ (XI, 8, 4, р. 511). Сѣверо-западная Арменія и служила для Скиѣовъ операціоннымъ бази-

сомъ въ опустошительномъ вторженіи ихъ въ Переднюю Азію и Палестину, о которомъ израильскіе пророки сохранили неизгладимыя воспоминанія.

Пророчествуя о будущихъ бѣдствіяхъ, грозившихъ Израильскому народу со стороны сѣверныхъ свирѣпыхъ кочевниковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, устремляющихся на лошадяхъ съ далекаго сѣвера, Іеремія и Іезекіиль заимствовали краски изъ дѣйствительности, очевидцами которой они стали сами. Это—тотъ самый походъ Скиеовъ въ Переднюю Азію, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ (I, 103—106) и коротко упоминаютъ Юстинъ и Страбонъ.

Сличеніе показаній Геродота съ документальными свидѣтельствами ассирійской исторіи не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто въ послѣдней четверти VII вѣка. Ленорманъ сокращаетъ только періодъ господства Скиеовъ надъ Мидіей. Дѣло въ томъ, что разрушеніе Ниневіи Кіаксаромъ относится къ 608—607 г. до Р. Х.; по Геродоту, истребленіе Скиеовъ въ Мидіи непосредственно предшествовало этому походу Кіаксара на Ассирійцевъ, почти совпадало съ симъ послѣднимъ. Французскій ученый, напротивъ, признаетъ необходимость пѣкотораго промежутка времени между двумя событіями для того, чтобы Персидскій царь могъ собраться для труднаго похода съ новыми силами. Если Мидія была завоевана Скиеами въ 634 г., а разрушеніе Ниневіи послѣдовало въ 608—607 гг., то освобожденіе отъ Скиеовъ, совершившееся въ тотъ же промежутокъ времени, должно быть отодвинуто назадъ къ 634 году, по мнѣнію Ленормана, гдѣтъ на двадцать.

Уже въ книгахъ Ветхаго Завѣта, а еще больше у христіанскихъ писателей, имя Góg вмѣстѣ съ Mágóg сдѣлалось нарицательнымъ или символическимъ для обозначенія вообще дикихъ ордъ варваровъ или безпощадныхъ язычниковъ, угрожающихъ церкви Христовой. Тѣмъ не менѣе, какъ имена Góg и Mágóg, такъ и внѣшніе отличительные признаки этихъ народовъ, а равно опустошительныя набѣги ихъ, о которыхъ пророчествовали израильскіе пророки и „Апокалипсисъ“, все это имѣетъ вполнѣ историческое, реальное основаніе.

Ленорманъ рѣшительно отвергаетъ арійскую этимологію именъ Góg и Mágóg, защищаемую Тухомъ и Кнобелемъ и принимаемую, какъ доказанную, г. Боппелемъ. Подобную этимологію авторъ называетъ „чудовищною“, такъ какъ въ сей санскритское слово связывается съ персидскимъ. Вслѣдъ за извѣстнѣйшими современными праписателями Ленорманъ отрицаетъ возможность объясненія Mágóg

изъ иранскихъ діалектовъ вообще, что согласуется съ отсутствіемъ арійскаго вліянія въ той части Арменіи, въ которой слѣдуетъ искать библейскую страну Мадогъ. Персидское названіе Скиновъ Саки встрѣчается въ клипообразныхъ надписяхъ подъ видомъ Sa'hi. Безнадежными и непозволительными съ точки зрѣнія серьезной критики называетъ авторъ различныя сближенія Rösch, одного изъ эпитетовъ Гогъ, съ византійскимъ Рѣс. „Вообще“, говоритъ онъ,—не слѣдуетъ полагаться на нѣкоторыя созвучія, на первый взглядъ соблазнительныя, какія представляются формами языка новыми и сокращенными; созвучія эти исчезаютъ, лишь только мы восходимъ къ формамъ древнимъ, полнымъ“ этихъ самихъ словъ.

Французскій ученый признаетъ варварскія орды Скиновъ, наводившія ужасъ на Израильскій народъ, смѣшанными по составу; но онъ не находитъ въ древней исторіи никакихъ указаній на то, чтобы Сака-сена—она же Мадогъ—населена была Арійцами не только въ VII в. до Р. Х., но и гораздо позже, слѣдовательно, на то, чтобы въ составѣ тогдашнихъ жителей этой области находились арійскія племена.

Вамбери занятъ собственно Геродотовыми Скинами, занимавшими въ V в. до Р. Х. югъ и юго-востокъ нынѣшней Россіи. Подобно Ленорману, онъ предостерегаетъ изслѣдователей отъ довѣрчиваго отношенія къ лингвистическимъ свидѣтельствамъ, слишкомъ недостаточнымъ и ненадежнымъ въ вопросѣ о Скинахъ, и въ подтвержденіе своей мысли, между прочимъ, указываетъ на слово ἄσχο, которымъ у Геродота (IV, 23) называется сгущенный сокъ какихъ-то плодовъ, употреблявшійся въ пищу у Аргиппеовъ. Вмѣсто отождествленія этого имени съ татарско-казанскимъ „akschi“ или съ асі, онъ предлагаетъ, какъ болѣе вѣроятное, сближеніе его съ асі, аś, что по татарски значитъ вообще пища, питаніе; отождествленіе Геродотова слова съ осетинск. achsīg авторъ совершенно отвергаетъ. Онъ обращаетъ также вниманіе на то, что позднѣйшіе изъ греческихъ писателей, каковы Менандръ, Теофилактъ, Константинъ Багрянородный и др., передаютъ названія извѣстныхъ имъ народовъ въ сильно искаженномъ видѣ. Гораздо большее значеніе придаетъ Вамбери извѣстіямъ древнихъ о нравахъ и обычаяхъ народовъ, вообще о ихъ образѣ жизни.

Въ извѣстіяхъ Геродота о Скинахъ Вамбери различаетъ одни, относящіяся къ народамъ полукочевымъ-полуосѣднымъ, и другія—къ настоящимъ кочевникамъ. Полукочевне-полуосѣдлые, по мнѣнію Вамбери, характеризуются у Геродота занятіемъ земледѣліемъ, употребленіемъ

паровой бани, жизнью въ повозкахъ съ палатками, употребленіемъ женщинами, для натиранія тѣла, настоя на кипарисѣ, кедрѣ и лаванномъ деревѣ. Къ образу жизни номадовъ въ собственномъ смыслѣ слова Ванбернъ относить занятіе скотоводствомъ, употребленіе кумиса, гаданіе по палочкамъ, упоминаемое Амміаномъ Марцеллиномъ въ извѣстіяхъ о Гуннахъ, турецко-татарскій способъ погребенія покойниковъ и т. п. На основаніи этихъ данныхъ авторъ выставляетъ гипотезу, что собственные Скины, то-есть, царскіе и земледѣльцы, а также, быть можетъ, Агаирыси и Савроматы, были не Урало-Алтайцы, но вѣроятно, Арийцы, и что, напротивъ, родственные имъ или и совершенно чуждые пограничные народы были частью смѣшанными, частью чистыми Урало-Алтайцами. Онъ совершенно не соглашается съ Бруномъ и Мюлленгофомъ, будто кочевой образъ жизни вѣкоторыхъ Скиновъ не есть достаточный аргументъ противъ иранства ихъ, такъ какъ онъ не знаетъ другихъ какихъ-либо Иранцевъ-кочевниковъ. „Такимъ образомъ“, предполагаетъ онъ,—„та часть Геродотовой Скинои, которая простиралась къ сѣверо-востоку отъ Меотійскаго озера и къ Волгѣ, заселена была народами урало-алтайской расы—весьма вѣроятно—Турками, чѣмъ не исключается возможность того, что отдѣльныя группы этой же расы или турецкаго народа находились и среди такъ называемыхъ Понтійскихъ Скиновъ“. Эссасетовъ, Гирковъ, Аргицеевъ и Исседоновъ онъ считаетъ народдами турецко-татарской расы.

Персидское названіе Скиновъ Саками (Герод. VII, 64) приводитъ автора къ замѣчанію, что одинъ изъ южно-сибирскихъ народцевъ, искони турецкій, до сихъ поръ носятъ имя *Saghai*, что азіатскія владѣнія Скиновъ ограничивались Памирскою возвышенностью и Алтайскимъ хребтомъ, и что въ глубокой древности также, какъ и теперь, границею между иранскою и урало-алтайскою землями служила рѣка Іаксартъ, а не Оксъ. Тюркскія племена Саковъ сильно тревожили своими набѣгами эллинское населеніе въ Согдіанѣ и Бактріанѣ. Согласно съ этими послѣдними наблюденіями, Ванбернъ, кажется, расширяетъ первоначально принятыя имъ предѣлы урало-алтайства въ Геродотовой Скинои. Въ концѣ главы о Скинахъ и Сакахъ авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются относительно Скиновъ и Саковъ у греческихъ писателей, а равно тѣхъ скудныхъ извѣстій, которыя дошли до насъ изъ времени Сассапидовъ, мы можемъ заключить, что воинственные номады, выступающіе въ послѣдніе вѣка передъ нашею эрой частью въ земляхъ Понта, частью по ту сторону Іаксарта въ

Согдианѣ и Бактрианѣ, и потерявшіе господство при наследникахъ Александра Македонскаго, — что эти номады были Урало-Алтайцы, по всей вѣроятности, Турко-Татары*.

Соглашаясь съ основнымъ положеніемъ венгерскаго ученаго о смѣшанномъ составѣ Геродотовыхъ Скивовъ, мы не можемъ принять разныя подробности его мнѣній. Прежде всего для насъ остается совершенно неяснымъ, почему авторъ причисляетъ Царскихъ Скивовъ къ народамъ полукочевымъ, а не кочевымъ. Дѣло въ томъ, что Геродотъ, говоря вообще о Скивахъ, разумѣетъ подъ этимъ именемъ главнымъ образомъ Скивовъ Царскихъ, „наиболѣе отважныхъ и многочисленныхъ, считавшихъ остальныхъ Скивовъ своими рабами“ (IV, 20). Не имѣющими городовъ, укрѣпленій, обработанной земли, бѣдными, живущими скотоводствомъ, а не хлѣбопашествомъ, историкъ называетъ прежде всего Царскихъ Скивовъ; отъ нихъ онъ отличаетъ ясно Скивовъ-земледѣльцевъ, Скивовъ-пахарей, Алазоновъ, Калипидовъ, которые занимались земледѣліемъ. Всѣ тѣ черты кочевой жизни, о коихъ говорятъ Вамбери, принадлежатъ именно Царскимъ Скивамъ. Къ этимъ послѣднимъ относится и замѣчаніе Страбона, что они скорѣе воины, нежели разбойники, что они уступили землю для обработки другимъ народамъ, съ которыхъ и взимаютъ умѣренную дань на удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей (VII, 4, 6, p. 311). Принесеніе въ жертву богамъ лошадей предпочтительно передъ другими животными, особенно торжественное чествованіе военного божества, почитаніе умершихъ царей человѣческими жертвами въ видѣ всадниковъ, деспотическое политическое устройство, систематическое поощреніе въ населеніи военныхъ или разбойничьихъ вистинитовъ, все это такія черты Скивовъ, которыя едва ли могли быть свойственны Скивамъ-землевладѣльцамъ или Греко-Скивамъ; и которыя вполнѣ согласуются лишь съ образомъ жизни воинственныхъ кочевниковъ, каковыми изображаетъ Геродотъ Скивовъ Царскихъ. Сихъ послѣднихъ историкъ отличаетъ отъ остальныхъ поклоненіемъ морскому божеству (*Θαυμασάδας*), прочимъ Скивамъ неизвѣстному. Крайняя національная исключительность, жертвами которой стали два скивскіе царя, также должна быть приписана прежде всего Царскимъ Скивамъ, и вѣроятно, тѣмъ, которые у Геродота носятъ особое названіе Скивовъ-номадовъ. Черта эта не могла быть свойственна нѣмъ Скивамъ, потому что были же и Греко-Скивы, представлявшіе смѣшеніе Скивовъ съ Греками.

Съ другой стороны, во главѣ тѣхъ полчищъ, которыя произво-

дили опустошенія въ Передней Азіи, которыя въ ассирійскихъ письменяхъ являются подъ именемъ Sa'hi, которыя назывались у Персовъ Саками, были, само собою разумѣется, такъ-называемые у Геродота Царскіе Скионы. Между тѣмъ Ленорманъ не находитъ никакихъ слѣдовъ присутствія арійскихъ племенъ въ той части Арменіи, которая была занята Скионами въ первой четверти VII вѣка до Р. X. Подобно тому, войну съ Даріемъ, по исному свидѣтельству греческаго историка, ведутъ собственно Царскіе Скионы: только о нихъ и идетъ рѣчь у Геродота (IV, 120). Выстъ съ тѣмъ, самъ Вамбери относить азіатскихъ Саковъ къ тюркской расѣ. Вотъ почему въ аргументаціи и выводахъ Вамбери относительно національности Скионовъ замѣтна непослѣдовательность и даже противорѣчіе: въ концѣ главы Скионовъ урало-алтайскаго типа оказывается больше въ Геродотовой Скионіи, нежели въ началѣ. Авторъ совершенно умалчиваетъ о характеристикѣ Скионовъ, дошедшей до насъ отъ Гиппократа, наблюдателя не менѣе достовѣрнаго и внимательнаго, чѣмъ и отецъ исторіи, къ тому же болѣе проникательнаго въ оцѣнкѣ физическаго строепія наблюдаемаго народа. Жившій почти въ одно время съ Геродотомъ, Гиппократъ называетъ Скионовъ народомъ совершенно особымъ, походящимъ только на самого себя; Скионы изображаются у него желтокожими, толстотѣлыми, безбородыми и потому мужчины женоподобными. У насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что греческій естествоиспытатель и врачъ разумѣетъ подъ Скионами какой-либо изъ пограничныхъ съ Скионіей народовъ, зачисляемыхъ Вамбери въ урало-алтайскую группу.

Слѣдовательно, если Геродотъ и сдѣлалъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками въ томъ смыслѣ, что онъ ограничилъ понятіе Скионовъ и Скионіи болѣе опредѣленными предѣлами, то все-таки онъ располагалъ весьма недостаточными средствами наблюденія и изслѣдованія для того, чтобы съ надлежащею обстоятельностью и точностью отмѣтить отличительныя этнологическія черты различныхъ скивскихъ племенъ. Царскіе Скионы были одни свободны (IV, 110), остальныхъ Скионовъ они держали въ совершенномъ подчиненіи; первыхъ-то Геродотъ и имѣлъ главнымъ образомъ въ виду, какъ наиболѣе типическихъ представителей Скионіи, какъ политическихъ господъ этой страны.

Присутствіе арійскихъ племенъ среди племенъ Скионовъ необходимо слѣдуетъ и изъ того еще, что предшественниками ихъ въ понтійскихъ земляхъ были Киммерійцы, народъ арійской расы, скорѣе всего ерако-

фригійскаго типа. Часть Киммерійцевъ, также по всей вѣроятности неоднородныхъ по составу, осталась въ Скиѣи и послѣ занятія ея Геродотовыми Скиеами; Киммерійцы удержались преимущественно на черноморскомъ побережьѣ, пограничномъ съ владѣніями греческихъ колониствоу, то-есть, приблизительно на тѣхъ мѣстахъ или подлѣ нихъ, гдѣ впоследствии жили Каллипиды, Алазоны, Скионъ-земледѣльцы. Отличными отъ этнхъ послѣднихъ, по изображенію самаго Геродота, были Царскіе Скионъ.

Несогласно съ показаніями греческаго историка Вамбери, въ числѣ мѣстъ жительства Царскихъ Скиоувъ, называетъ область между Истромъ и Тирасомъ. Не извѣстно также, почему венгерскій ученый считаетъ Скиоувъ-кочевниковъ, жившихъ на востокѣ особо отъ общей массы скинскаго народа, выдѣлившимися изъ „Скиоувъ-номадовъ“ и поселившимися на Танаисѣ. На самомъ дѣлѣ Геродотъ говоритъ объ этомъ такъ: „Дальше къ верху, болѣе на востокъ (то-есть, къ сѣверовостоку отъ Фиссагетовъ и Гирковъ), живутъ другіе Скионъ, нѣкогда отдѣлившіеся отъ Царскихъ и ушедшіе въ эту страну“ (IV, 22). Слѣдовательно, по словамъ историка, они поселились не на Дону, а приблизительно въ западныхъ частяхъ нынѣшней Оренбургской губерніи. Наконецъ, Вамбери высказываетъ сомнѣніе въ существованіи какихъ-либо другихъ Иранцевъ-кочевниковъ; между тѣмъ примѣромъ такихъ Иранцевъ могутъ служить теперешніе Осетины. Въ сказаніяхъ и бытѣ этого кавказскаго народца имѣются нѣкоторыя черты, напоминающія Геродотовыхъ Скиоувъ. На основаніи этихъ сходствъ профессоръ В. О. Миллеръ поддерживаетъ гипотезу Мюлленгофа объ иранствѣ Скиоувъ. „Изъ всѣхъ догадокъ, предложенныхъ о національности Сарматовъ и Скиоувъ“, замѣчаетъ исследователь Осетинъ— „до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые, на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ), видятъ въ этихъ народахъ Иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими индо-европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыми въ южной Россіи другими, уже не индо-европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока“¹⁾. Гипотезу эту г. Миллеръ предлагаетъ, впрочемъ ограничить въ томъ смыслѣ, чтобъ Иранцевъ считать только однимъ изъ индо-европейскихъ народовъ, скрывавшихся подъ именемъ Скиоувъ; онъ помѣ-

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.*, августъ 1882 г.: «Черты старинны въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ».

щаетъ ихъ въ восточныхъ частяхъ Скиѳіи, по сѣверному побережью Повта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона. Доводы почтеннаго профессора не представляются намъ однако убѣдительными. Во первыхъ. Осетины изслѣдованы до сихъ поръ весьма недостаточно: самъ авторъ называетъ фантастичными и слишкомъ поспѣшными тѣ выводы, какіе дѣлются Пфафомъ и Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ изъ осетинскаго эпоса относительно древней исторіи осетинскаго народа. Вторыхъ, по словамъ самого г. Миллера, осетинскій эпосъ, изъ котораго онъ черпаетъ главнѣйшія данныя въ пользу гипотезы Мюлленгофа, оказывается далеко не самобытнымъ; онъ предлагаетъ даже догадку, что главные типы осетинскихъ нартовъ (богатырей) сложились подъ сильныхъ вліяніемъ кабардинскаго эпоса, принадлежащаго народцу не арійскому. „Многовѣковое сосѣдство“, замѣчаетъ онъ, — „одинаковый складъ жизни, постоянныя военныя и мирныя сношенія, все это распространило однѣ и тѣ же нартскіе типы и эпическіе мотивы на равнинѣ сѣвернаго Кавказа, откуда въ послѣдствіи они перешли и въ горы“. Втретихъ, Осетины, небольшой горный народъ, окружены многочисленными и сильнѣйшими народами такъ-называемаго кавказскаго типа—Чечепцами, Кабардинцами, Грузинами и др. Въ виду всего этого понятна ненадежность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, того этнологическаго матеріала, который представляютъ сказанія и бытъ Осетинъ. Бытъ можетъ, дальнѣйшія изслѣдованія кавказскихъ населеній представятъ намъ любопытныя примѣры взаимодѣйствія арійскихъ и урало-алтайскихъ народцевъ, живущихъ въ одинаковыхъ приблизительно условіяхъ. Бытъ можетъ, они дадутъ намъ новое свидѣтельство того, какъ мало можно полагаться въ иныхъ случаяхъ на формы собственныхъ именъ мѣстностей и лицъ какого-либо народа, особенно древняго и недостаточно извѣстнаго въ своей исторіи. Бытъ можетъ, наконецъ, окажется, что значительная часть тѣхъ сходствъ Осетинъ съ Геродотовыми Скиѳами, о которыхъ говоритъ г. Миллеръ, есть результатъ вліянія сосѣднихъ, чуждыхъ имъ народцевъ. Во всякомъ случаѣ, кажется, ясно, что нынѣшніе Осетины не могутъ пока дать вѣскихъ доказательствъ въ пользу той или другой гипотезы о національности Геродотовыхъ Скиѳовъ.

Возвращаясь въ заключеніе къ Вамбери, мы должны замѣтить, что онъ оставилъ безъ вниманія многія обстоятельства, говоряція противъ его способа раздѣленія Скиѳовъ на Арійцевъ и Урало-Алтайцевъ, противъ его соединенія Скиѳовъ Царскихъ и земледѣльцевъ въ одно національное цѣлое. По нашему мнѣнію, Царскіе Скиѳы, бытъ

можетъ, вмѣстѣ съ „Скинами-номадами“, должны быть отдѣляемы отъ остальныхъ, какъ по образу жизни, такъ, по всей вѣроятности, и по расѣ ¹⁾).

Ф. Мищенко

Записки греческаго историческаго и этнологическаго Общества.

Δελτίον της ιστορικης και ἔθνολογικης ἑταιρίας της Ἑλλάδος. Τομ. I, τευχος 2, 1883, τευχος 3, 1884. Αθην.

Греческое историческое и этнологическое Общество продолжаетъ свою издательскую дѣятельность, имѣя задачей собираніе и обнаруженіе памятниковъ жизни греческаго народа за все продолженіе христіанскаго періода. Мы здѣсь дадимъ короткій отчетъ о томъ, что издано въ выпускѣ 2-мъ его Записокъ, вышедшемъ въ октябрѣ прошлаго года, и въ выпускѣ 3-мъ, выпущенномъ за послѣдній февраль, распредѣляя статьи по группамъ для большаго удобства читателей. Начинаемъ съ двухъ важныхъ находокъ: это—Посланіе апостола Поликарпа къ Филиппійцамъ и Византійскія письма изъ времени Льва Философа.

Изъ греческаго текста Посланія св. Поликарпа, епископа Смирнскаго, къ Филиппійцамъ, до сихъ поръ обнаружена была лишь наименьшая часть его. По недавно епископомъ Ставропольскимъ Константіемъ Плизиотомъ открытъ былъ на островѣ Андрѣ въ обители Живоноснаго Источника (της Ζωοδόχου Πηγῆς) почти весь текстъ этого посланія: недостаетъ, по видимому, лишь очень малой частицы, такъ какъ послѣдній листъ въ кодексѣ—оторванъ²⁾). Этотъ текстъ напечатанъ во 2-мъ выпускѣ Записокъ на стр. 210—226. Первымъ девяти параграфамъ его соотвѣтствуетъ та извѣстная доселѣ часть греческаго текста, которая помѣщена въ V-мъ томѣ греческой Патрологіи Минья³⁾: потому-то подъ этою частью въ Запискахъ выставлены различія Миньева изданія. Извѣстенъ былъ, однако, со времени Ко-

¹⁾ Подробнѣе о Царскихъ Скинахъ мы говорили въ особой статьѣ, которая появилась въ майской книжкѣ *Кіевской Старины* за текущій годъ.

²⁾ Δελτίον, 2, 209: Επιστολή αἰγίου Πολυκαρπού προς Φιλιππησίους. Другіе тексты, найденные въ томъ же сборникѣ, гдѣ и это посланіе см. на стр. 209, Δελт.

³⁾ *Migne, Patrologia Ser. Gc. V. 1005—1013.*

телегія, изданный имъ впервые старинный латинскій переводъ посланія св. Поликарпа ¹⁾). Сличеніе въ первый разъ нынѣ напечатанныхъ греческихъ параграфовъ (то-есть, слѣдующихъ за девятыю первыми) съ слѣдующими тоже за девятымъ параграфами стариннаго латинскаго перевода удостовѣрило насъ въ томъ, что эти тексты одинъ другому совершенно чужды. Это, конечно, не замедлитъ обратить на себя вниманіе (если уже не обратило) знатоковъ свято-отеческой литературы и вызоветъ вопросъ: который изъ двухъ текстовъ заслуживаетъ большаго довѣрія—новозданный греческій, или старинный латинскій переводъ. На первый разъ отмѣтимъ здѣсь, что задачей автора Посланія въ нашихъ главахъ представляется, между прочимъ, необходимость объяснить для назиданія паствы многія Моисеевы постановленія, какъ содержащія въ себѣ прообразованія событій новозавѣтныхъ.

Хранитель рукописей Аѳинской національной бібліотеки г. Іоаннъ Саккеліонъ помѣстилъ въ 3-мъ выпускѣ Записокъ 27 доселѣ не изданныхъ писемъ подъ заглавіемъ: „Письма Льва магистра, апопата, патраркія, Симеона, повелителя Болгарин, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ“ ²⁾). Этотъ сборникъ писемъ, любопытный во многихъ отношеніяхъ, включается, вмѣстѣ съ другими произведеніями письменности, въ пергаминной книгѣ Патмской бібліотеки за № 178, написанной въ концѣ X или началѣ XI в. ³⁾. Въ своемъ предисловіи издатель сообщаетъ свѣдѣнія о Львѣ магистрѣ и Симеонѣ, царѣ Болгарскомъ (стр. 378—380). Эти письма, какъ то замѣчено уже издателемъ, относятся къ тремъ разнымъ временамъ. Постараемся поближе обозначить эти три отдѣла писемъ. Первые 14, между Симеономъ и Львомъ магистромъ, касаются сношеній Греческой имперіи съ Болгаріей. Такъ какъ въ первомъ (А') изъ писемъ говорится о случившемся „въ предпрошломъ году“ (προπέρου) затмѣніи, а оно было, какъ извѣстно, въ 887 г., поэтому письмо относится къ 889 году: а это тотъ годъ, когда Симеонъ Болгарскій началъ войну съ Византійей. По близкой связи остальныхъ 13 писемъ (отъ В' до ΙΔ') этой группы съ письмомъ первымъ, ихъ можно всѣ отнести къ тому же 889 году.

¹⁾ См. Antiqua versio Epistolae S. Polycarpi ad Philippenses (Cotelierius, Patres apostolici, ed. Amat. 1724, I, 190) in Patr. Mig. V, 1015—1022.

²⁾ Εκ των ανεκδοτων της Πατριαρχης βιβλιοθηκης. Λεοντος μαγιστρου ανθυπατου πατριχου, Συμεων αρχοντος Βουλγαριας και τινων αλλων επιστολαι, εκδιδοντος Ιωαννου Σακκελιωνος... Δελт. I, 3. 377.

³⁾ Прочія произведенія названы издателемъ въ прил. 1 къ стр. 377.

Вторую группу составляют 5 писем (отъ КА' до КЕ') между Львомъ магистромъ (язъ Багдада) и другими лицами (въ Багдадѣ), въ которыхъ читаемъ о счастливыхъ послѣдствіяхъ мира, заключеннаго Львомъ магистромъ съ халифомъ Багдадскимъ, и о болѣзни Льва магистра. Однимъ изъ такихъ послѣдствій своей дѣятельности выставляеть послѣдній данное восточными патриархами согласіе на признаніе законности четвертаго брака императора Льва Философа¹⁾. Такъ какъ еще въ 908 г. патриархъ Константинопольскій Николай отвергалъ законность четвертаго брака, за что и былъ смѣщенъ, то письмо КА' должно относиться къ какому-нибудь году позднѣйшему, нежели 908, а съ нимъ и остальные четыре письма этой группы. Наконецъ, 8 писемъ, а именно 6 отъ ІЕ' до К' включительно, обращенныя къ императору Льву и еще примыкающія къ нимъ по содержанію КСТ' и КЗ' (одно къ Стефану, другое къ Никитѣ), и составляющія третью группу, написаны Симеономъ магистромъ еще позже второй группы, такъ какъ содержатъ въ себѣ упоминаніе о событіяхъ первой и второй группы и о престарѣломъ возрастѣ ихъ автора. Затрогиваемые въ этихъ 27 письмахъ факты даютъ нѣчто новое, что необходимо тщательно сличить съ другими извѣстіями объ этой эпохѣ. Письма эти очень интересны и со стороны языка и письменнаго слога.

Перейдемъ къ нововзданнымъ написямъ христіанскаго періода. Г. Ламбакій, стараясь объяснить надпись одной христіанской печати, отысканной въ Египтѣ (= Востичѣ) въ 1869 г. и обнаруженной въ первый разъ г. Нидеромъ въ Египтѣ (№ 379), а затѣмъ самимъ г. Ламбакіемъ въ Запискахъ²⁾, читаетъ ее промежду сторонъ предполагаемаго креста такъ: ΣΥΒΕΡΟΥ ΟΙΚ[ΟΣ], и полагаетъ, что οἶκος „домъ“ имѣетъ здѣсь значеніе οἰκογένεια, то-есть, не зданія, а семейства, какъ и въ Новомъ Завѣтѣ, въ выраженіяхъ: Στεφανῶ οἶκος, Φιλίππου οἶκος, Ὀνησιφόρου οἶκος³⁾. Такъ какъ авторъ не выдаетъ этого мнѣнія за окончательное рѣшеніе, и такъ какъ въ вопросѣ о древностяхъ очень многое зависитъ и отъ формы письма, а въ настоящемъ случаѣ и отъ формы креста, то не входя въ дальнѣйшую передачу этого прекраснаго разысканія, мы приглашаемъ специали-

¹⁾ Ср. письмо ІІІ' и примѣчаніе къ нему 1-е съ письмомъ КА' и примѣчаніе къ нему 2-е.

²⁾ Περὶ τινος Χριστιανικῆς σφραγίδος, ὑπὸ Τ. Λαμβάκη Δ. 3, 508—517.

³⁾ Авторъ разысканія ссылается на 1 Коринт. 1, 16; Дѣян. 21, 8; 2 Тимое. 4, 19.

ство въ христіанскіи древности изучити и изображение и разска-
заніе о немъ въ самыхъ Запискахъ. Г. Зисій сообщаетъ сдѣланныя
имъ замѣтки, при раскопкѣ въ мартѣ 1881 г. въ Афинахъ, касаю-
щіяся обломковъ одной христіанской церкви ¹⁾. На одномъ обломкѣ
карниза онъ прочелъ *ὁτὼνδε τεύξας τῆ ν* (*αῦ τὸν περιβολὸν* или *τὸν νᾶρ-
θηνα*); на другомъ же обломкѣ карниза слѣдующую надпись, состав-
ленную амбическимъ триметромъ, но написанную въ одинъ рядъ: *κτ]*
ἠιγερὸν τῆς ἐνθάδ' ἐκκλησίας ἔχον σονεργὸν τοῦ κόκοο καὶ τοῦ τρέκοο ἀδελ-
φοῦ καὶ μάλιστα γνησιώτατοο [οἶόν;]. Но чтобы вышли три триметрическіе
стиха, не нужно бы, думается намъ, прибавлять *οἶόν*, и нужно бы чи-
тать не *ἀδελφοῦ* и не *γνησιώτατοο*, а *ἀδελφὸν* и *γνησιώτατον*, ибо *OV*,
составляющее дважды окончаніе этихъ словъ, можетъ быть оба раза
прочтано и за *ON* (сравни. примѣчаніе г. Ламбакиа къ предидущей
статѣ по поводу одной христіанской надписи XII в. (*Δελ.* 2, стр. 513,
прим. 5)). Тотъ же г. Зисій приложилъ снимокъ слѣдующаго рѣзанаго
на камнѣ четырехстишія:

Ἐκτίεν βάθρα τῆ ναῦ σοο, καρθένε,
Δέων Ἀργείων ἀλιτρὸς θεηκόλοο
ἔπερ (!) παράσχοοο λύτρον ἀμπλακτημάτων
εἰς ἀντάμειψιν εὐλογημένη κόρη +
έτοοο ΣΤΧΝΖ μηνῆ (!) Ἀπριλλίω (!) ἰνδ. Ιθ. ²⁾. +

То-есть: „Положилъ основы храму Твоему, Дѣво, Левъ грѣшникъ свя-
щеннослужитель Аргійцевъ, которому въ возмездіе подай, благословен-
ная Дѣво, отъ грѣховъ избавленіе, 6657 года, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, ин-
диктіона 12-го“. Эта надпись находится на стѣнѣ одного изъ храмовъ
женскаго монастыря, что къ сѣверо-востоку отъ Навплии въ разстояніи
получаса отъ этого города. Она дала издателю ея возможность, на
основаніи разныхъ историческихъ сопоставленій предположить въ
чредѣ святителей Аргійской церкви доселѣ бывшаго неизвѣстнаго
архіепископа Льва II. Г. Θεοπουλъ обнаруживалъ три христіанскія на-
писи Патрскія, относящіяся къ исторіи церкви: одна въ XIV, другая
въ XV, третья въ XVIII столѣтій ³⁾.

¹⁾ Χριστιανικαὶ ἀρχαιοτήτες Ἀθηνῶν, ὑπο Κ. Γ. Ζησιού, Δ. 3, 517, 518, 519.
См. табл. 11-ю.

²⁾ Χριστιανικαὶ ἀρχαιοτήτες Ναυπλίου, ὑπο Κ. Γ. Ζησιού. Δ. 3, 521 — 523 и
табл. 11-ю. Мы оставили восклицательныя знаки, поставленные издателемъ,
хотя въ третьемъ случаѣ и не уразумѣли, зачѣмъ онъ ихъ поставилъ.

³⁾ Χριστιανικαὶ ἐν Πατρῶσι ἐπιγραφαὶ, ὑπο Χ. Μ. Θεοδοκοῦλου. ἀπόσπασμα
ἀνεκδότου ιστορίας τῶν Πατρῶν. 523—526.

чеканялась въ предмѣстьѣ Корфу, Гарницѣ, монета подь названіемъ „газеты“ (gazetta, γαζέτα), установившаяся въ эпоху венеціанскую. Такихъ газетъ на одинъ венеціанскій талеръ приходилось 240. За время управленія этими островами россійскаго уполномоченнаго Мочениго отличными ученикамъ раздавались медали: одна медаль давалась ученику отъ Коркирской республики, другая отъ россійскаго уполномоченнаго. Далѣе говорится и о медаляхъ эпохи временнаго владѣнія британскаго. Всего монетъ и медалей въ статьѣ Г. П. Ламбра описано 21, изображено же ихъ на таблицахъ 19.

Греческая письменность представляетъ большое множество стихотворныхъ произведеній разныхъ временъ, которыя, не смотря на то, что не всегда поэтичны, служатъ вѣрными свидѣтелями прожитаго, прочувствованнаго, передуманнаго. Въ разбираемыхъ нами выпускахъ Записокъ издано такихъ произведеній письменности три. Извѣстный знатокъ ново-греческой филологин Эмиль Легранъ издалъ надгробные стихи (ἐπιτάφιον) на смерть одного знатнаго византійскаго юноши, написанные древнимъ греческимъ языкомъ съ отбѣнками византійскаго слога, шестистопнымъ ямбомъ ¹⁾. Они принадлежатъ перу Іоанна Евгеника, участвовавшаго въ званіи номофилака на Флорентійскомъ соборѣ въ 1439 г. и составившаго „Возраженія противъ собора“ (ἀντιρρητικὸν κατὰ τῆς συνόδου), изъ которыхъ до сихъ поръ обнародованы были только отрывки. Этотъ Іоаннъ Евгеникъ былъ братомъ знаменитаго и незабвеннаго въ лѣтописяхъ православной церкви Марка Ефесскаго. Изданные нынѣ 96 стиховъ имѣли цѣлью утѣшить родныхъ покойнаго юноши, уцѣдrenнаго дарами природы и воспитанія. Находящіяся въ надгробіи указанія на родственныя связи юноши съ царской семьей Палеологовъ не дали еще возможности г. Политу, помѣстившему въ слѣдъ за стихами свои попытки объясненія происхожденія этого юноши, окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Въ концѣ авторъ стиховъ, обращаясь къ зрителямъ гроба, гдѣ лежалъ юноша, пишетъ:

ἀλλ', ὦ θεατά, μὴ σκοπήστεις τὸν τάφον
ὡς τάφον ἀπλῶς ἢ καὶ τὸν τύπον τόνδε,
ἀλλ' ἡρέμα πρόχουφον ἐλθῶν ἐνθάδε,

¹⁾ Ιωάννου του Ευγενικού ἐπιτάφιον τῷ αὐθεντοπούλῳ, ἐκδιδόμεν. ὑπὸ *Em. Legrand*. Въ небольшомъ вступленіи находится извѣстіе о рукописи, изъ которой списано надгробіе, а въ послѣсловіи, составленномъ г. Политомъ, біографическія свѣдѣнія, которыми мы здѣсь воспользовались.

καὶ δάκρυον ζάλαξον ἐκ συμπαθείας,
καὶ γνῶθι σαυτὸν εὐμαθῶς ἐκ τῆς θείας,
καὶ κατάγνωθι τοῦ πικροῦ τούτου βίου,
καὶ τοῖς παραμένουσι τὸ πλεῖστον δίδου·
εἰ γὰρ σιγῇ τὸ τοῦ χρυσοῦ παιδὸς εἶμα,
πλὴν ἄλλ' ἔχει δύναμιν ἀρρήτων λόγων,
καὶ γίνεται σοὶ τοῦ βίου διδάσκαλος.

(„А ты, зритель, не взирай на этот гробъ, просто какъ на гробъ, или какъ на вѣшность; а подойди сюда тихо и пролей слезу собо-лѣзнованія, и изъ этого зрѣлища безъ труда познай самого себя, и сознай горечь жизни сей, и остающимся воздай должное. Если золо-таго юноши уста и безмолвствуютъ, все же въ нихъ сила словъ не-выразимыхъ; они становятся тебѣ наставниками жизни“).

Г. Политъ изъ забытой книги, изданной въ 1740 г. въ Моско-полѣ подъ заглавіемъ: Ἀκολουθία τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Νασὸν τοῦ θαυματουργοῦ и т. д., перепечаталъ вирши Михаила Горы (Μιχαὴλ ὁ Γκόρτσ) ¹⁾. Замѣтимъ, мимоходомъ, что Москополь имѣлъ тогда греческое училище и греческую типографію, вторую, основан-ную въ Греческой землѣ. Къ упомянутой книгѣ приложены на пяти страницахъ стиховки, которыхъ значеніе состоитъ собственно въ опи-саніи свирѣпствовавшаго въ 1740 году въ Македоніи голода. Съ февраля до іюня за оку пшеницы платили 27 аспръ, за оку говя-дины 20 аспръ, за оку соли 12 аспръ, за яйцо 1½ аспра. Въ чече-вицу замѣшивали древесную кору. Крайность довела людей до про-дажи имущества своего за безцѣнокъ, до продажи родителями своихъ дѣтей. Такое же фактическое значеніе имѣеть и стихотвореніе Ксури, изданное г. Гунаропуломъ ²⁾. По случаю осады острова Тенеда, взя-таго Русскими въ апрѣлѣ 1807 г., тамъ блокированы были три ким-скія судна, торговавшія виномъ. Между Кимейцами находился нѣкто Ксури, описавшій повогреческими стихами, простымъ языкомъ, ра-стѣпую, иѣкоторыя частности осады Тенедской крѣпости Турками. Ихъ начальникъ, Сандѣ-Али, такъ настойчиво осаждалъ ее, что рус-скій комендантъ (не названный) рѣшился было уже сдать крѣпость

¹⁾ Статья г. Политъ озаглавлена: Περὶ τοῦ ἐν Макеδονία λιμοῦ ἐν εταῖ 1740 σκο Ν. Γ. Πολίτου (О голодѣ, бывшемъ въ Македоніи въ 1740 г.). Δελ. ч. 2, 266—273.

²⁾ Τα χάτα τον Αἰῶν καὶ Τενεδον ἐν εταῖ 1807. Στιχοῦργημα Ἰω. Δ. Ζουρη, ἐκδιδομενον ὑπὸ Κ. Α Γουναροπουλου. Δελт. 3, 461—480.

Туркамъ. Но собравшіеся къ русскому коменданту Греки уговорили его не сдавать крѣпости, а дожидаться прибытія Сенявина. Въ ночь на воскресенье Греки отслужили молебень и стали храбро обороняться. Уже Сандъ-Али готовъ былъ атаковать крѣпость съ моря, какъ появленіе Сенявина, радостно встрѣченное Греками, заставило турецкія суда удалиться къ Аѳону. Сенявинъ, снабдивъ Тенедцевъ провизіей и порохомъ, пошелъ къ Аѳону. Храбрый майоръ Рафаилъ, тѣсный Турками, вынужденъ былъ начать съ ними битву до получения на то приказа: вскорѣ онъ обращаетъ часть судовъ въ бѣгство. Затѣмъ, съ приближеніемъ Сенявина, пострадалъ и трехдечный адмиральскій корабль, бывшій подъ командой самого Санда-Али. Уже Рафаилъ, воспользовавшись сѣвернымъ вѣтромъ, новалилъ три мачты этого корабля и истребилъ до 800 непріятелей, но къ несчастью, и самъ палъ отъ турецкаго ядра. Побѣда Русскихъ была окончательная, и черезъ шесть дней русскій флотъ ужъ возвратился къ Тенеду. Вотъ что заключается въ первой части стихотворенія, не имѣющаго пачала (стр. 462—476). Во второй части, которой начало также не сохранилось, описываются послѣдовавшія затѣмъ бѣдствія Грековъ на островѣ Тенедѣ. По отбытіи Русскихъ онъ былъ разоренъ Турками, въ огромномъ количествѣ вышедшими изъ Азіи. Они сожгли городъ и церковь Богородицы; жители обѣдѣли и частью разсѣялись. Въ первой части есть нѣкоторыя любопытныя подробности военныхъ дѣйствій, достовѣрность которыхъ подлежитъ повѣрѣ; вторая представляетъ плачь о безпечномъ и роскошномъ житіи Тенедцевъ до упомнутаго турецкаго погрома.

И по изученію греческаго языка имѣемъ въ этихъ двухъ выпускахъ три статьи. Г.³ Хадзидакій предлагаетъ свой „Четвертый вкладъ въ исторію ново-греческаго языка: О временахъ въ ново-греческомъ языкѣ, образуемыхъ описательно“¹⁾. Высказавъ свою вполне основательную мысль о томъ, что предположенный вопросъ можетъ быть уясненъ только посредствомъ сличенія всѣхъ описательныхъ спрягательныхъ формъ, авторъ приложилъ трудъ выписать ихъ всѣ. Съ будущаго времени произошло изъ усѣченія $\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota \iota\upsilon\alpha$ въ $\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota \nu\acute{\alpha}$ — $\theta\alpha\nu\acute{\alpha}$ — $\theta\acute{\alpha}$. Это $\theta\acute{\alpha}$, на сколько извѣстно, не встрѣчается въ письменности, предшествовавшей взятію Константинополя, такъ что оно въ XV вѣкѣ, вѣроятно, еще не было въ употребленіи. Въ Калимерѣ, мѣ-

¹⁾ Τετάρτη συμβολή εις την ιστορίαν της νεας ελληνικής γλώσσης. Περὶ τῶν περιφραστικῶς σχηματιζομένων χρόνων της νεας ελληνικής γλώσσης. Δελτ. 2, 226—261.

водимыхъ) въ пользу эразмовскаго произношенія¹⁾. Повѣрка эта касается собственно тѣхъ положеній, которыя были высказаны недавно Бласомъ во 2-мъ изданіи его сочиненія „О выговорѣ греческаго языка“²⁾; положенія же Бласа, содержащіяся въ его 1-мъ изданіи (того же сочиненія), подвергались повѣркѣ того же греческаго ученаго дѣтъ девять тому назадъ въ греческомъ журналѣ Аѳинѣѣ³⁾. Такимъ образомъ мы очутились посреди живой перепалки между защитниками двухъ противоположныхъ воззрѣній. Въ этомъ краткомъ очеркѣ мы не рѣшимся излагать столь обдуманную съ разныхъ сторонъ систему доказательствъ, какова система г. Папа-Димитракопула. Затрогивать ее мимоходомъ уже потому было бы неумѣстно, что русскію знатоки греческаго языка, держась кто того, кто другаго выговора, никакихъ вопросовъ по этому предмету не поднимаютъ. Дѣло въ томъ, что одинъ выговоръ унаслѣдованъ Русскими отъ самихъ Грековъ вслѣдствіе долговременнаго обращенія съ ними и введеннаго ими и подъ ихъ вліяніемъ преподаванія; другой же выговоръ внесенъ школами новыми подъ вліяніемъ дидактики западной. Возвореніе на Руси сперва одного, потомъ другаго греческаго произношенія произошло путемъ заимствованія. Если же съ нѣкотораго времени нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ послѣдуютъ эразмовскому произношенію по убѣжденію, то да позволено намъ будетъ выразить догадку, что это убѣжденіе возникло въ нихъ отчасти въ слѣдствіе исключительнаго ознакомленія ихъ съ положеніями и доводами одной стороны, то-есть, гипотезы эразмовской. Правда, этой гипотезы держались и держатся лучшіе представители европейской науки въ теченіе болѣе трехъ съ половиною столѣтій: какое наглядное доказательство въ ея пользу! И однакожь справедливость требовала бы, чтобы русскіе эллинисты прислушивались и къ доводамъ греческихъ ученыхъ. Поэтому мы увѣрены, что рано или поздно наши филологи-классики дадутъ себѣ трудъ познакомиться съ упомянутыми статьями г. Папа-Димитракопула, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщаетъ со

¹⁾ Βασανος θεμελιωδων τιτων υπερ της Ερασμικης προφορας αποδειξεις. Δελτ. 3, 411—455.

²⁾ Fr. Blass, Ueber die Aussprache des Griechischen. Zweite vollständig umgearbeitete Auflage. Berlin.

³⁾ Въ статьѣ: Βασανος των αποδειξεων των εκ της γραφης και της ετυμολογιας λαμβανομενων υπερ της Ερασμικης προφορας. Помѣщено въ Αθηναιον, Том. β', 323—358 и Том. γ', 26—71.

временемъ подробно разобрать мнѣнія по тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь, не одного только Бласа, но и Кюнера, Курція и другихъ ¹⁾.

Третья филологическая статья въ Запискахъ—это краткій грамматическій очеркъ и словарькъ греческаго говора въ мѣстечкѣ Фертакены (τὰ Φαρτάκαινα), совершенно новый вкладъ вносимый въ греческое языкованіе г. Алекторидомъ ²⁾. Это мѣстечко, приуроченное къ древней Великой Каппадокіи, а нынѣ въ церковномъ отношеніи къ епархіямъ Кесарійской и Ликаонійской, отрѣзано отъ цѣлаго греческаго народа. Оно населено на $\frac{2}{3}$ Турками и на $\frac{1}{3}$ христіанами, говорящими по гречески; лежитъ на полчаса ѣзды отъ Нигде (древнихъ Норгъ) и на 3 часа ѣзды отъ Килисѣ—Хисара (что близъ древнихъ Тіанъ) ³⁾. Весьма замѣчательно, что при большемъ оскуднѣніи въ этомъ говорѣ флексій, предлоговъ и т. п., онъ сохранилъ нѣкоторыя древне-греческія формы. Таковы сохранившіяся въ немъ, хотя и исчезнувшія въ общенародномъ языкѣ, слова на ηρ: γαρτήρ, кратήρ, νικτήρ и др. Сохранилось древнее значеніе слова ἀλοχόν въ смыслѣ ἀλμυρόν (соленое), γέλασμα не въ значеніи обмана, какъ у прочихъ нынѣшнихъ Грековъ, а въ древнемъ значеніи этого слова (смѣхъ); сохранилась форма δάκνω и т. д. Теперь отмѣтимъ мимоходомъ одинъ заговоръ, употребляемый при засореніи глаза. Хлопая вѣками произносятъ: „Спятый мой Георгій, приходи: коли то спичка, слухъ ее; коли камешекъ, столкни его“. (Αἰ Γεώργη μ' ἔλα, ἂν ἔν' ἐύλο φύσα το, ἂν ἔν' χθέρη χύλα το). Еще обращаетъ на себя вниманіе новый народный терминъ κλωστοί: подъ нимъ разумѣютъ тѣхъ христіанъ, которые прежде считались мусульманами, и явно имѣли турецкія имена, но которые послѣ хати-хамаяна съ 1856 г. открыто и официально исповѣдаютъ свою вѣру.

Займемся статьями, посвященными повѣрьямъ, преданіямъ, сказкамъ, пѣснямъ и тому подобному народному достоянію. Критянинъ г. Кондилакій сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о повѣрьяхъ Критянъ

¹⁾ Въ своихъ разсужденіяхъ авторъ не разъ ссылается, кроме вышеупомянутой статьи *Лемел*, на одну подобную статью свою, помѣщенную въ журналъ *Πλατων*, намъ не извѣстную.

²⁾ Λεξιλογίου τοῦ ἐν Φαρτάκαιοις τῆς Καππαδοκίας γλωσσικοῦ ιδιώματος ὑπο Λυστασίου Σ. Αλεχτορίδου. Δελτ. 3, 480—508.

³⁾ Въ 1840 г. Вронченко относилъ Нигде (или Нидге) и Килиси-Гиссаръ къ пашалыку Бонійскому. Замѣтимъ, что упомянутыя мѣстности находятся къ северу отъ Киликійскаго ущелья.

относительно гигантовъ и Эллиновъ ¹⁾. Жители Крита не смѣшиваютъ гигантовъ съ Эллинами. Гиганты—древнѣе: ихъ называютъ сарандапахами (*sarantapachis*), то-есть, сорокалокотными; приписываютъ имъ силу перебрасывать съ мѣста на мѣсто цѣлыя скалы, какъ камешки. Когда насталъ потопъ, они стали спасаться на вершинѣ Иды, чтобы не потонуть. Сперва высота горы и необычайность ихъ роста спасли-было ихъ отъ потопленія; но такъ какъ имъ пришлось много дней стоять на ногахъ, и притомъ по горло въ водѣ, то у нихъ на подошвахъ развелись черви. Исполины наклонялись, чтобы поймать червей, но теряли равновѣсіе, падали и тонули. По однимъ разказахъ, ихъ тяжесть мѣшала имъ подниматься, а по другимъ переламывался у нихъ хребетъ. Такъ всѣ и перемерли. Послѣ гигантовъ въ Критѣ жили Эллины. Это люди первой исторической эпохи въ Критѣ; вторая эпоха—Арабовъ, третья—Франковъ, четвертая—Турокъ. Эллинамъ тоже приписывается большая сила, какъ видно изъ поговорки: „онъ работаетъ какъ Эллинъ“ (*δουλεύει 'ὡς Ἕλληνας*), которую, однако, должно понимать и въ смыслѣ чрезвычайнаго трудолюбія. Эллины—представители искусства: древнія статуи или зданія, остатки древнихъ городовъ (напримѣръ, Кносса и Преса τῆς Κνωσοῦ καὶ τῆς Πράισου) жители Крита называютъ эллинскими. О хорошемъ зданіи говорятъ: „оно прочно, какъ эллинское“ (*αὐτὸ εἶνε χτῆρ ἀέτητο 'ὡς ἑλληνικό*). Извѣстнаго во всей народной области Грековъ эпическаго витязя Дигена (*Διγένης*) жители Месары относятъ къ исполивамъ-сарандапахамъ; они указываютъ на огромные утесы, которые онъ кидалъ, какъ кости, для развлечения. Одну гору близъ села Камары (*Καμάρας*), имѣющую на своей вершинѣ углубленіе, именуютъ „сѣдломъ Дигена“ (*σέλλα*): это углубленіе образовалось подъ тяжестью этого великана, когда онъ сѣлъ на эту гору, и т. д. Когда онъ умеръ, то былъ похороненъ на гладкой высотѣ близъ деревни Гергеры, а такъ какъ тѣло его было длиннѣе, чѣмъ поверхность этой высоты, то тѣло его, для удобства погребенія, разрѣзано было на семь частей. Надъ деревней Неокурой, въ Ханійскомъ уѣздѣ, есть высокое, очень крѣпкое мѣсто, на которомъ, при каждомъ возстаніи Критянъ, происходили между Греками и Турками упорныя битвы. Эта высота называется „могилой Дигена“ и „Каратидомъ“ (*τῶ Διγενῆ τὸ μνημα καὶ Καρτιδί*). Народъ разказываетъ, что этому мѣсту этотъ вои-

¹⁾ Νεοελληνικῆ τῆς Κρητῆς μυθολογία. Γιγάντες. I. Δ. Κονδουλακῆς, Κρητ., Δελτ. 2, 273—278.

тель-великанъ обязанъ былъ своимъ постоянными побѣдами. Отсюда и произошла поговорка, сохраняющаяся въ устахъ народа: „Мѣсто тебѣ способствуетъ, Дигенъ, что ты выходишь побѣдителемъ“ („Βοηθᾶ σ'ὸ τόπος, Διγενῆ, καὶ βγαίνεις κερδαμένος“). О Дигенѣ сказываютъ, что онъ жилъ въ продолженіе двухъ поколѣній, откуда и получилъ онъ свое имя (=Δέχομαι περί τοῦ Διγενῆ ὅτι ἔζησε βίον δύο γενεῶν, ἐξ οὗ καὶ ἔλαβε τὴν ὀνομασίαν). Такъ вотъ какая народная этимологія этому имени нашлась въ Критѣ: она напоминаетъ то представленіе нѣкоторыхъ сказаній о Дигенѣ, по которымъ онъ умеръ въ глубокой старости. Эта народная этимологія означаетъ: „жившій вдвое дольше другихъ людей“, „жившій два человѣческихъ вѣка“. Совсѣмъ другое корнесловіе придумано народомъ или авторомъ поэмы о Дигенѣ (Девгеніи); тамъ это имя означаетъ „родившагося отъ двухъ разныхъ племенъ“, такъ какъ поэма даетъ ему въ отцы Грека, а въ матери Саракинку. Вотъ и основывайте, послѣ этого, эпопею о Дигенѣ на данныхъ историческихъ, и составляйте ему родословную на основаніи лѣтописей! Это отступленіе мы позволили себѣ сдѣлать имѣя въ виду предисловіе къ поэмѣ „Объ Акритѣ Дигенѣ“ (Les exploits de Digénis... Introd. (Paris 1875) и наши возраженія на высказанные въ этомъ предисловіи ипотетическіе взгляды¹⁾. Г. Кондилакіи даетъ еще критскія сказанія и о сарандапихахъ, и о дракахъ, и о лисѣ-перяндѣ, и объ Аралахъ. Мы считаемъ его статью за важный придатокъ къ разысканіямъ гг. Шмита и Цолита.

Подъ названіемъ греческихъ преданій Гг. Полить и Кориллъ помѣстили 19 мѣстныхъ повѣрій²⁾. Тутъ есть и люди съ собачьими головами, и чортовы ступни, и нераяды, и ламны, и о созданіи зайца и гончей, и зачѣмъ собаки гоняются за кошками, а кошки за мышами, и о происхожденіи именъ горъ Вондья и Олонъ (Βοϊδιᾶς, Ὀλονός). Особо отъ предыдущей статьи г. Полить напечаталъ месинійскую сказку „О лысомъ ребенкѣ“ (τὸ κούτρολο παιδί), въ которой разка-

¹⁾ См. Общія соображенія о былинахъ Дигеновскихъ. Ихъ вѣроятное отношеніе къ письменной поэмѣ о Дигенѣ, стр. 59—68, помѣщенные въ нашихъ Разысканіяхъ о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода, С.-Ив. 1883.

²⁾ Ἑλληνικαὶ παραδόσεις ἐπὶ Ν. Γ. Πολίτου (Α'—ΙΑ') Δελτ. 2, 349—354. Ἑλληνικαὶ παραδόσεις Συλλεγμέναι ἐπὶ Χ. Κορυλλοῦ Δελт. 2, 355—3, 531—533 (1—8).

заны обычные подвиги лисцы ¹⁾. Сверхъ того, онъ приложилъ три варианта (παράλλαξι) этой сказки и свои замѣчанія по этому предмету. Въ такомъ ея видѣ эта сказка, также какъ и „Η φυλλάδα τοῦ γαδάρου“ (сказка объ ослѣ), по мнѣнію автора статьи, хотя и не восполняетъ собою никакого пробѣла средневѣковой эпохи о лисѣ, все же сообщаетъ нѣкоторые варианты и частности довольно любопытныя. Разбирая разныя пересказы о происхожденіяхъ лисы по преданіямъ германскимъ, романскимъ, славянскимъ, эстонскимъ, еврейскимъ, латландскимъ и даже готтентотскимъ, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что эпизодъ о погубленіи волка лисою, научившемъ его, какъ ловить хвостомъ рыбу, есть тотъ стволъ, изъ котораго выросли многочисленныя вѣтви лисьяго эпоса.

Госпожа Камбуроглу продолжаетъ снабжать Записки „Аѳинскими сказками“ ²⁾. Мы приведемъ только ихъ заглавія (въ Вып. 2, 289—348): Муженекъ изъ сахару (ὁ Ζαχαροπλασμένος), Треплетый (Ὁ τρισκατάρατος), Царица Горгонъ (Ἡ βασίλισσα τῶν Γοργόνων), Царевна-вѣдьма (Ἡ στρίγγλα βασίλοπούλα), Арапъ (Ὁ Ἀράπης), Царь Сонъ (Ὁ βασιλιάς Ὕπνος), Заколдованное озеро (Ἡ μαγεμένη λίμνη), Кошки (ἡ κατσούλας), Птичій царь (Ὁ βασιλέας τῶν πουλιῶν); Спящій царевичъ (τὸ κοιμισμένο βασιλόπουλο); (въ Вып. 2, 533—549) Прекрасная царевна (Ἡ ὡραία βασίλοπούλα), Гьвзель Халваджи (Ὁ Γκιουζέλ Χαλβαντζής), Юноша-четверникъ (Ὁ Μοδᾶς). Сказки прекрасно разказаны.

Изъ 23-хъ пѣсень переводимъ здѣсь одну ³⁾:

„Вдова обманщица“ (Χήρα ἡ ψευματοῦρα). 2, 362.

„Продавала вдова вино, продавала пшеницу. Приходятъ Цакони выпить вина, пшеницы купить. „Вдова, въ винѣ у тебя вода, въ пшеницѣ земля!“ „Если у меня въ винѣ вода, а въ пшеницѣ земля... одно дитяtko у меня... волкъ его съѣшь!“ ⁴⁾ Нагрузились Цакони, по своему дѣлу пошли. Какъ настала пора неудачная, пора несуразная, какъ выхватилъ волкъ сына изъ объятій матери. И никто-то его не спасалъ, никто-таки не спасаетъ; одна только мать,

¹⁾ Ἑλληνικά παραμῦθια ἐξεταζόμενα ἐν συγκρίσει πρὸς τὰ τῶν ἄλλων λαῶν ὑπο Ν. Γ. Πολίτου. Δ'. Τὸ κούτραλο παιδί (Μακεδονία), Λεπτ. 2, 278—288 (то-есть, греческія сказки, рассматриваемыя сравнительно со сказками другихъ народовъ).

²⁾ Ἀθηναϊκά παραμῦθια, συλλεγόμενα ὑπο τῆς Κ. Μαρτιαννῆς Καμπούρογλου.

³⁾ Ἀσμάτων δημοτικὰ Τριφυλίας, συλλεγόμενα ὑπο Σ. Καραβίτου D.2. 362—364.— Δημοτικὰ ἄσματα Πελοποννήσου. Δ. 3. 549—558.

⁴⁾ „Пусть съѣстъ его волкъ“... (бував.).

чей ребенокъ былъ, одна только и спасаетъ: „Оставь мнѣ, волче, сына; на мѣсто его меня возьми, на мнѣ вишь и мясо и кости, поѣшь и останется тебѣ“. Какъ возговорить ребенокъ изъ пасти волка: „Вернись, мама, домой, или по своему дѣлу: ты меня волку общалась дать, такъ волкъ меня и съѣсть!“

Кромѣ пѣсень, находимъ любовныя двустипіи, собранныя въ Румелии г. Дросиніемъ ¹⁾).

Г. Кондилакій сообщаетъ свадебные обряды Грековъ города Амиса, въ Малой Азій ²⁾. Мы не станемъ ихъ передавать, а отмѣтимъ одну только черту, которая намъ показалась особенно выдающеюся. Въ субботу по полуднѣ, къ дверямъ того дома, гдѣ живетъ женихъ, приходятъ свирѣльщикъ и бубенщикъ того селенія (ὁ ζουρατζής, ὁ ταβουлаτζής). Тогда мать жениха начинаетъ подъ звуки свирѣли плясать одна и пляша приближается къ дверямъ, потомъ подаетъ каждому изъ музыкантовъ по платку и вводитъ ихъ сама въ домъ свой. А когда зазвучитъ колоколъ къ вечерни, то родственники жениха вмѣстѣ съ нимъ идутъ въ церковь при звукѣ упомянутыхъ музыкальныхъ инструментовъ. По окончаніи же вечерни они приходятъ къ могиламъ своихъ родственниковъ, и тамъ женщины причитываютъ и призываютъ умершихъ на радость (свадьбу) ихъ дома. Наконецъ, потчуютъ присутствующихъ хлѣбомъ, сыромъ и другимъ съѣстнымъ, а также виномъ, и ворочаются домой.

Въ отдѣлѣ библиографическомъ г. Спиридонъ Ламбръ, сынъ, знакомитъ публику съ сочиненіемъ г. Анри Бордь: „Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la bibliothèque nationale, par Henri Bordier. Paris. 1883 (Вып. 1, въ 4°, VIII, 120) ³⁾. Изъ 4500 греческихъ кодексовъ Парижской бібліотеки, заслуживающими описанія собственно за находящіяся въ нихъ рисунки оказалось всего 1540; изъ этихъ же отмѣчено отличнѣйшихъ и достойныхъ подробнаго описанія всего 150. Описаніемъ этихъ-то 150 лицевыхъ рукописей и занимается г. Бордь. Въ появившемся 1-мъ выпускѣ описано 24 кодекса, писанныхъ въ VIII—X стол. Съ сочиненіемъ г. Бордь познакомятъ насъ, безъ со-

¹⁾ Ερωτικά διατίχα 2, 356—361 (числомъ 51).

²⁾ Γαμηλία ἐθίμα των περι την 'Αμισον τη: Μικρῆς 'Ασίας οἰκούντων Ἑλλήνων Δ. З., 526—530.

³⁾ Въ вып. 2-мъ, 369—373.

мнѣнія, наши знатоки исторіи искусства; мы же, имѣя въ виду ознакомленіе нашихъ читателей съ дѣятельностью ученыхъ Грековъ, выпишемъ здѣсь только общій взглядъ на научныя занятія византійскою живописью одного изъ ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ греческихъ византійцевъ.

„Византійская живопись до сихъ поръ была недостаточно извѣстна“, говоритъ г. С. Ламбрь;— „это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что сохраняющіеся памятники были изучаемы очень мало и только отрывочно, а разысканія непрерывныя, каковы Французъ Дидрона, не нашли многихъ послѣдователей. Стѣнописи (τοιχογραφία) Святой Горы, приписываемыя Панселину, хотя и привлекли вниманіе многихъ, по еще не сдѣлались извѣстными большинству, да и не были систематически изучены знатоками. Знаменитыя мозаики восточныхъ церквей, каковы мозаики Дафія, обители св. Луки, Монеивасійскія, Константинопольской обители Хорской (Χώρας), нынѣ Кахріе-Джами ¹⁾, и многія другія остаются не изданными. Да и другой важный источникъ изученія живописи византійскихъ временъ до сихъ поръ надлежащимъ образомъ далеко не изученъ. Мы говоримъ о разсѣянныхъ по разнымъ рукописямъ изображеніяхъ (εἰκόνες) и о разпобраныхъ ихъ украшеніяхъ. Такія греческія лицевыя рукописи (ιστορημένα ἑλληνικά χειρόγραφα) уже привлекли къ себѣ справедливое вниманіе многихъ критиковъ искусства (τεχνοκριτῶν): по временамъ издаваемы были и превосходные снимки (καπομοίωτοκα) съ изображеній. Такъ довольно будетъ упомянуть о публикаціяхъ Французовъ Даженкура, Силвестра, Жюля Лабарта, Англичанъ Генри Шоу (Shaw) и Вествуда, Нѣмца Ф. Вагена и Русскаго—Кондакова ²⁾. Стоитъ упомянуть, что уже и Монфоконъ въ своей Греческой Палеографіи и Ламбейцъ въ своемъ Каталогѣ рукописей Вѣнской бібліотеки включили въ свои издачія и рисунки, заимствованные изъ рукописей греческихъ. Но до сихъ поръ недоставало сочиненій, занимающихся совокупно всѣми хранящимися въ какой-либо бібліотекѣ лицевыми

¹⁾ Должно быть, ученому автору разбора осталась неизвѣстною книга: Мозаики мечети Кахріе-Джами—*μουνη της χωρας въ Константиноπολι.* Съ XII табл. рис. Н. Кондакова. Одесса. 1881. in—4°. 39.

²⁾ Между Русскими, кромѣ г. Кондакова, котораго труды мы высоко цѣнимъ, желательно бы читать тутъ имена гг. Булаева, Прохорова, Срезневскаго, Филимонова, Севастьянова и другихъ.

рукописями. Доброе начало такимъ изданіямъ положилъ г. Бордье, почетный бібліотекаръ въ рукописномъ отдѣлѣ Парижской національной бібліотеки, издавшій нынѣ первый выпускъ спеціальнаго сочиненія о греческихъ лицевыхъ кодексахъ этой бібліотеки. Подробнаго и цѣлаго сужденія объ этомъ трудѣ произнести еще нельзя; пока онъ не оконченъ; тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ показать коротко теперь же важное значеніе его для греческой палеографіи (γραφογυωσία) и для исторіи византійской живописи¹⁾. Это и дѣлаетъ далѣе въ названной рецензій г. Ламбръ; къ ней и отсылаемъ нашихъ любителей этого дѣла.

Кромѣ того г. С. Ламбръ объясняетъ въ другой рецензій важность изданнаго въ 1882 г. Эйсенхартомъ отрывка изъ книги Корфусца Андроника или Никандра Нукія, который, находясь въ свитѣ Ветвиха, посла Карла V, въ разныхъ его разлѣздахъ, сочинилъ свои такъ называемыя „Поѣздки“ (Ἀποδημίαι)²⁾. Рецензентъ по поводу этого отрывка упоминаетъ о другихъ частяхъ сочиненія Нукія, изданныхъ частью Крамеромъ, частью Андреемъ Мустоксидомъ и наконецъ частью сыномъ послѣднато, Михаиломъ Мустоксидомъ по рукописямъ своего отца. До сихъ поръ однако „Поѣздки“ Нукія еще не изданы въ ихъ цѣлости, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ онъ былъ внимательнымъ наблюдателемъ всего видѣннаго имъ въ разныхъ частяхъ Востока и Еяронны, наблюдателемъ, надѣланнымъ политическимъ разумомъ. Сверхъ того, редакція Записокъ сдѣлала мнѣ честь помѣщеніемъ въ своей бібліографіи составленнаго мною и отиравленнаго въ Греческое историческое и этнологическое Общество краткаго отчета о вышедшемъ въ Петербургѣ капитальномъ сочиненіи по всеобщей исторіи профессора В. И. Ламанскаго, вышедшемъ въ началѣ нынѣшняго года подъ заглавіемъ: *Secrets d'Etat de Venise*.

Наконецъ, о нѣкоторыхъ статьяхъ Записокъ мы здѣсь только упомянемъ, вовсе не входя въ ихъ разборъ. Таковы слѣдующія: о семействѣ Будури (2, 261—263), замѣтка объ Іонійской академіи (2, 263—266), вкладъ въ греческую антропологию (2, 365—367), сличеніе кодексовъ, содержащихъ въ себѣ не изданное слово Пахомія Русана (2, 367—369), и перечень подарковъ, сдѣланныхъ разными

¹⁾ А. 2, 369—370.

²⁾ Nicandri Nucii fragmentum *Franciscus Eysenhardt* ex codice Ambrosiano exscriptit. Hamburg. 1882. (Программа Іоанновской гимназій за № 643; 4^о, стр. 12).

обществами и лицами въ архивъ и бібліотеку Общества, равно какъ и денежныхъ пожертвованій въ его кассу.

Вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ 4-й выпускъ Записокъ, о которомъ мы постараемся дать отчетъ въ непродолжительномъ времени.

Г. Доступинскъ.

Очерки западно-европейской историографіи ¹⁾.

XI.

Четырехсотлѣтіе рожденія Лютера, которое праздновалось съ такою торжественностью въ Германіи, вызвало, конечно, цѣлую массу рѣчей, статей и книгъ о Лютерѣ и реформаціи, но нельзя сказать, чтобъ эти юбилейныя произведенія особенно увеличили запасъ нашихъ свѣдѣній относительно начала протестантизма или указали какія-нибудь новыя точки зрѣнія на ту эпоху. Несомнѣнную важность имѣютъ только двѣ книги, вышедшими по поводу юбилея, и обѣ представляютъ не изслѣдованія, а собранія документовъ; разумѣю „Памятника лютеранской реформаціи“, изданное Валаномъ ²⁾, и сборникъ писемъ Лютера и его современниковъ, изданный Кольте.

Работа Валана интересна еще и потому, что она представляетъ первый крупный результатъ открытія Ватиканскаго архива учеными. Какъ извѣстно, до прошлаго года можно было пользоваться только рукописями такъ-называемой Ватиканской бібліотеки, да и то съ разными затрудненіями, изъ которыхъ наименьшимъ было отсутствіе каталоговъ; архивъ былъ совершенно закрытъ для изслѣдователей, и только недавно Левъ XIII распорядился сдѣлать его доступнымъ. Изданіе Валана заключаетъ въ себѣ документы 1521—1525 годовъ и сдѣлано на основаніи собственноручныхъ коллекцій Александра, официальныхъ копій и оригинальныхъ писемъ различныхъ лицъ, стоявшихъ въ сношеніяхъ съ папскою куріей. Наиболѣе интересную часть собранія составляетъ несомнѣнно переписка Александра за время его пребыванія въ Германіи въ 1521 году; многіе изъ относящихся сюда

¹⁾ См. июньскую книжку *М. Ж. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Monumenta Reformationis Lutheranae.*

документовъ были уже изданы Фридрихомъ по тридентской рукописи, по весьма неудовлетворительно ¹⁾. Значительная часть разнообразнаго матеріала въ повомъ собраніи совершенно не была издана. Мы находимъ тутъ письма Льва X и Климента VII къ Карлу V, допесенія Кампеджіо и Эка, письма императора, эрцгерцога Фердинанда, Майнца ского архіепископа, Іоахима Бранденбургскаго и т. п. Нечего и говорить, что трудъ Балаана, черпающій матеріалъ изъ папскаго архива, предпринятъ былъ никакъ не съ цѣлю возвеличить протестантизмъ, хотя и долженъ бытъ причисленъ къ юбилейнымъ изданіямъ по поводу годовщины рожденія Лютера. Въ своемъ предисловіи издатель, католическій прелатъ, обнаруживаетъ ненависть къ заблужденіямъ нѣмецкихъ схизматиковъ, но документы говорятъ сами за себя, и читателю нечего стѣсняться убѣжденіями издателя. Въ виду важности книги нелишне будетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на ея содержаніи.

Балаанъ особенно настаиваетъ на нѣкоторыхъ открытіяхъ, которыя ему удалось узнать благодаря рукописямъ архива. Оказывается, напримеръ, что письмо Льва X къ Фридриху Саксонскому отъ 8-го іюля 1520 г., напечатанное во II томѣ сочиненій Лютера, значительно искажено: выпущены мѣста, которыя показываютъ, что папа отлично зналъ о благорасположеніи курфюрста къ реформатору и имѣлъ въ виду упрекнуть и отклонить его. Балаанъ не прочь предположить тутъ подлогъ со стороны лютеранъ, хотя не видно, что они могли выиграть отъ такого подлога. Любопытно также, что рѣчи Алеандра къ курфюрсту Саксонскому, переданная Палавичини, въ сущности состоятъ изъ двухъ совершенно раздѣльныхъ частей—изъ дѣйствительной, короткой рѣчи, произнесенной Алеандромъ, и изъ подробныхъ инструкцій, составленныхъ для пословъ къ этому князю. Главное дѣло, впрочемъ, не въ этихъ поправкахъ и измѣненіяхъ, а въ общей картинѣ, которую рисуютъ намъ подробныя и откровенныя допесенія папскихъ агентовъ. Особенно интересно все, что относится къ посольству Алеандра: его собственныя письма, наскоро составленныя на странномъ полулатинскомъ-полунталіанскомъ нарѣчій, отличаются большою живостью, непосредственностью и пронзательностью. По натурѣ онъ самъ истый

¹⁾ Въ *Запискахъ Баварской академіи* за 1870 годъ. Ср. *K. Jansen, Alexander in Worms. 1883.*

представитель гуманнаго, одаренный безграничнымъ самолюбіемъ и доходящимъ до мелочности самолюбіемъ съ большою дозою змѣной мудрости и чувства самосохраненія и безпощадною нетерпимостью по отношенію къ врагамъ. Но онъ отдаетъ свои способности и знанія на службу церкви, и хотя съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ о своихъ профессорскихъ успѣхахъ, тѣмъ не менѣе рѣзко осуждаетъ людей, которые посвящаютъ силы и время бесплоднымъ упражненіямъ въ словесности. Всѣхъ, кто имѣетъ какую-либо связь съ реформаціей, Александръ ненавидитъ лично и не находитъ достаточно сильныхъ выраженій для своей злобы. Лютера онъ видѣлъ немного, но замѣтилъ, что онъ самоувѣренно оглядывался по сторонамъ передъ цезаремъ и сеймомъ, замѣтилъ его дерзкія сверкающіи глаза. Сильнѣе достается князьямъ, покровительствовавшимъ реформатору. Грузный курфюрстъ Саксонскій уподобляется сурку, который едва въ состояніи раскрыть свои сонные глаза; Пфальцграфъ обыкновенно не можетъ произнести десяти словъ подъ радъ, но за Лютера мычалъ какъ десять быковъ. При такомъ отношеніи ко всему, что сопрякалось съ реформаціей, нельзя ожидать спокойной оцѣнки причинъ, ея вызвавшихъ, но и въ этомъ случаѣ сужденіе Александра интересно и поучительно, хотя и односторонне. Онъ всегда былъ проникнутъ сознаніемъ, что стоитъ лицомъ къ лицу съ движеніемъ громадной исторической важности, и старался по возможности внушить то же убѣжденіе своимъ римскимъ корреспондентамъ, которые иногда расположены были относиться довольно легкомысленно къ дѣйствіямъ нѣмецкихъ скызматиковъ. „Вы наказываете мнѣ“, пишетъ онъ кардиналу Медичи, — „чтобъ я не подбиралъ всякой капельки въ этихъ ссорахъ; благодарю покорно за милостивое предписаніе, но по важности дѣла я принужденъ поступать такимъ образомъ, и еслибы ваша милость видѣла сотую долю волненія, охватившаго Германію, *alter sentiret*. Я внимательно читалъ исторію этой націи, ересей, соборовъ и расколовъ, и никогда не было ничего подобнаго. Расколъ Генриха противъ папы Григорія VII, который начался здѣсь въ Вормсѣ, сравнительно просто цвѣточки, потому что въ то время сынъ императора и почти вся Германія были за насъ, а теперь я не знаю, кто на нашей сторонѣ, кромѣ цезаря“. И далѣе въ томъ же донесеніи онъ указываетъ на гордость и самосознаніе нѣмецкаго образованнаго класса, какъ на главную причину волненія. Эти собаки владѣютъ теперь и словесностью, и оружіемъ и хвастаются, что перестали быть скотами безъ мысли подобно предкамъ, „что Италія по-

теряла господство въ литературѣ, „quod Tiber defluxit in Rhenum“. Вообще Алендръ часто останавливается на роли гуманистовъ въ реформаціонной агитаціи, хотя указываетъ и другіе источники броженія. „Противъ насъ легіонъ рыцарей и немущихъ нѣмецкихъ графовъ, duce Hutteno Coniurati, qui sitiunt sanguinem cleri и только ждутъ случая, чтобъ irruere in nos. Противъ насъ также здѣшніе юристы, хотя Мартинъ Лютеръ ubique damnat ихъ профессію; глупцы проповѣдуютъ и защищаютъ его, потому что не знаютъ своей науки, но кичатся быть ораторами. Хуже ихъ morosissimum grammatarum et poetulorum genus, quorum Germania plenissima est; hi tunc demum putant se haberi doctos et praesertim graece, quando profitentur se dissentire a communi ecclesiae via“. Форма характеристики каррикатурная, но содержаніе любопытно, потому что указываетъ на тѣсную связь между гуманистическимъ и реформаціоннымъ движеніями. Интересно также, что Алендръ съ самаго перваго шага въ въ Германіи убѣждается въ необходимости извѣстной католической реформаціи, которая положила бы предѣлъ вымогательствамъ и правонарушеніямъ Римской куріи. Эта реформація должна, конечно, исходить отъ папы и направиться преимущественно противъ самихъ же Нѣмцевъ, которые у себя дома кричатъ о римскомъ развратѣ и жадности, а въ Римѣ болѣе всѣхъ другихъ хлопочутъ объ изъятіяхъ и доходныхъ статьяхъ.

Выясненію опасности лютеранскаго раскола существенно содѣйствовало то обстоятельство, что Алендръ лично принужденъ былъ наталкиваться на весьма не двусмысленныя выраженія симпатій германской націи. Въ Вормсѣ онъ чувствовалъ себя какъ на островѣ среди бурнаго приливающего моря. „Самые камни за Лютера“, пишетъ онъ въ Римѣ. Лютеранскіе памфлеты продаются и раздаются совершенно свободно; не проходитъ дня, чтобъ папскому послу не пришлось вытерпѣть какое-нибудь оскорбленіе, и хотя непосредственная близость императора защищаетъ его отъ насилія, но недалеко и Гуттенъ, который способенъ на все, не остановится и передъ убійствомъ. Чего можно было ожидать отъ толпы, когда пріоръ св. Доминика въ Аугсбургѣ (І. Фаберъ) имѣлъ дерзость, произнося надгробную проповѣдь передъ императоромъ и князьями, защищать Лютера, требовать исправленія папы и упрекать императора за то, что онъ не взялъ въ руки Италію, какъ навѣрно бы сдѣлалъ Максимилианъ?

Въ виду великой опасности отъ лютеранъ Алендръ не можетъ одобритъ общей политики папскаго двора, который не прекращаетъ

сношеній съ Франціей и этимъ возбуждаетъ недовѣріе своихъ единственныхъ союзниковъ—дезаря и его совѣтниковъ. Не смотря на свое несомнѣнное правовѣріе и презрѣніе къ схизматикамъ, Карлъ V не принимаетъ рѣшительныхъ мѣръ, потому что не хочетъ развязать руки папѣ, который вѣроятно, воспользуется своею свободою во вредъ имперіи. „Пусть вашъ папа не путаетъ нашихъ дѣлъ“, замѣчаетъ Шьверъ Алеандру,—и онъ получаетъ все, о чемъ просилъ“. Подъ вліяніемъ извѣстій о соглашеніи между куріей и Французскимъ королемъ, въ Вормсѣ измѣняютъ форму охранной грамоты для Лютера и въ его пользу. Съ другой стороны, Алеандръ старается по возможности внушить совѣтникамъ императора, что они напрасно подчиняютъ рѣшеніе въ дѣлѣ Лютера постороннимъ соображеніямъ. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ. Рима тотъ, что развивающійся расколъ столь же опасенъ для государства, сколько для церкви, что дѣло идетъ о подрывѣ всякой власти, духовной и свѣтской. Какъ впоследствии выражался Кампеджіо, „agnoscent quid sit dare plebi libertatem dogmatizandi; dum impune loquuntur actiones parant“.

Не смотря на всѣ старанія Алеандра, его дѣло подвигалось весьма медленно и встрѣчало всевозможныя препятствія. Сожженію сочиненій Лютера, которое онъ выхлопоталъ тотчасъ послѣ появленія своего въ Германію, не создало *fait accompli*, какъ ожидала и желала папская курія. Пришлось начинать все сызнова въ Вормсѣ, пришлось выслушать Лютера вмѣсто того, чтобы сжечь его вслѣдъ за книгами. Легко себѣ представить чувства папскаго легата, когда онъ, сидя въ своей тѣсной квартирѣ, прислушивался къ шуму народа, бѣжавшаго на встрѣчу ересіарху. Нечего и говорить, что Алеандръ слѣдилъ за каждымъ поступкомъ врага и обо всякой мелочи доносилъ въ Римъ. Наиболѣе интересенъ его разказъ о свиданіи Лютера съ трирскимъ официаломъ у Трирскаго архіепископа; защитникъ католицизма пустилъ въ ходъ всѣ тонкости діалектики и добился отъ ересіарха отвѣта, что логика просто безуміе. Интересны также письма о бесѣдѣ императорскаго духовника Глаціона и Ермсторфа съ Гуттеномъ, Буцеромъ и Сиккингеномъ. Послѣдняго Алеандръ очень боялся и былъ убѣжденъ, что онъ всегда можетъ захватить все собраніе князей въ Вормсѣ вмѣстѣ съ императоромъ. *Sichingen solus principum in Germania regnat*: таковъ его выводъ относительно политическаго состоянія имперіи. Много пайдется и другихъ любопытныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ въ этой перепискѣ; упомяну только еще объ оцѣнкѣ дѣятельности Эразма, котораго Алеандръ считалъ

опаснѣ Лютера. Вторая половина книги не имѣетъ единства первой, потому что не сосредоточивается вокругъ опредѣленной личности и событія, но за то въ ней больше совершенно не изданныхъ документовъ.

Съ другой стороны представляетъ намъ развитіе протестантизма собраніе Кольде ¹⁾. Писемъ Лютера тутъ не много, и они не имѣютъ особеннаго значенія, но очень много интереснаго сообщено изъ переписки его сподвижниковъ и современниковъ. Относительно всѣхъ почти главныхъ событій въ исторіи реформаціи при Лютерѣ найдутся въ этомъ изданіи разъясненія и дополнительныя свѣдѣнія. Для пачатковъ движенія не лишено значенія письмо къ Лютеру Конрада Целликаца, францискаускаго пріора въ Базель, отъ 16-го марта 1520 г., въ которомъ онъ сообщаетъ объ успѣхѣ новаго ученія между прочимъ среди монаховъ, но довольно характерно выражаетъ свое неудовольствіе относительно послѣдователей Эразма. „Они дышатъ ненавистью къ монахамъ, обзываютъ всѣхъ фарисеями, обманщиками, возражаютъ противъ всякой обрядности, глумятся надъ исповѣдью, богослуженіемъ, духовнымъ чиномъ. Конечно, многое слѣдуетъ измѣнить во всемъ этомъ, но они бросаются въ крайность, пишутъ неразумно противъ Евангелія, противъ Павла, противъ отцовъ церкви, и не для того, чтобъ исправить, а чтобы сломить въ концѣ пригнутую трость“. Если Целликацъ жаловался Лютеру на крайности эразміанцовъ, то патріархъ швейцарскихъ гуманистовъ, Муціанъ Руфъ, находилъ, что самъ Лютеръ идетъ слишкомъ далеко. Онъ ссылается на мнѣніе Ульриха Цазія, который признаетъ Лютера знатокомъ богословія, свѣтиломъ августинскаго ордена, и въ то же время желалъ бы, чтобы въ интересѣ спокойствія и согласія этотъ учитель держался въ предѣлахъ монастырской ограды.

Ради важности Вормскаго сейма нельзя не упомянуть о донесеніи Цевтингера о допросахъ Лютера (стр. 30), хотя оно только подтверждаетъ то, что уже извѣстно объ этомъ событіи. Поведенія Лютера во время крестьянской войны касается письмо Германа Мюльнфорта изъ Цвикау къ Рову въ Виттенбергъ: авторъ горько жалуется на противорѣчія между различными мнѣніями, выраженными реформаторомъ въ этомъ дѣлѣ. Но особенно много матеріала даетъ изданіе Кольде для исторіи споровъ между протестантами по разнымъ пунктамъ вѣроученія и попытокъ установить соглашеніе въ этихъ спорахъ.

¹⁾ *Annalecta Lutherana.*

Цѣлый рядъ писемъ Гербеля изъ Страсбурга показываетъ, какъ развивалось несогласіе между виттенбергскими и страбургскими богословами по вопросу о таинствахъ крещенія и причащенія. Гербель всячески старался раздуть вражду и съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ Лютеру все, что могло бы раздражать его. Особенное значеніе онъ придаетъ успѣху Ойколампадія противъ Экка на Баденскомъ диспутѣ: съ тѣхъ поръ какъ католическій ученый не въ состояніи былъ отвѣтить на аргументъ противъ пресуществленія, всѣ считаютъ въ Страсбургѣ, что Цвингли и Ойколампадій проповѣдуютъ истину. О степени неудовольствія Лютеромъ среди верхненѣмецкихъ и швейцарскихъ богослововъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ выписокъ, изъ которыхъ самая характерная взята изъ письма цюрихскаго проповѣдника Льва Iudae: „Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ императоръ Христова войска и имѣетъ право дѣлать все, что ему взбредетъ въ голову, какъ прежде дѣлалъ папа?“

Съ другой стороны, многіе документы Кольде свидѣтельствуютъ о попыткахъ установить формулы, которыхъ могли бы держаться обѣ стороны. Какъ извѣстно, особенно старался объ этомъ Вуцеръ¹⁾; въ собраніи Кольде напечатано нѣсколько его писемъ къ Лютеру по этому поводу; интересны также донесенія Каселя о своихъ переговорахъ съ Лютеромъ въ 1525 г. и дневникъ Германа Мускулуса о такъ-называемомъ Виттенбергскомъ единеніи. Естественно, что представители различныхъ направленій въ протестантизмѣ пытались всѣми мѣрами устранить начинающіеся раздоры, особенно въ виду общей опасности отъ католиковъ, но ихъ дѣятельность въ данномъ случаѣ имѣла искусственный характеръ и не обѣщала прочныхъ успѣховъ. Поэтому наиболѣе энергичные прямо совѣтывали разойтись. Цвикъ изъ Констанца, который отказался скрѣпить Виттенбергское единеніе своею подписью, увѣщевалъ своихъ швейцарскихъ соотечественниковъ въ 1537 году молиться не о мирѣ и согласіи, а о раздорѣ, потому что Христосъ принесъ не миръ, а мечъ на землю. Еще характернѣе конфиденціальное письмо того же Цвика къ цюрихскому проповѣднику Буллингеру: „Для меня представляется вопросомъ: должны ли всѣ люди и церкви быть соединены, хотя и думаютъ различно; конечно, хорошо было бы оставаться въ единеніи, только, я полагаю, не въ подчипеніи единой формѣ“.

Споръ съ Швейцарцами и южно-нѣмецкими богословами относя-

¹⁾ Ср. *Köstlin*, Martin Luther, II, 326 и сл.

тельно таинствъ былъ не единственною причиною броженія и разногласій среди протестантовъ. Въ непосредственной близости Лютера, среди его личныхъ друзей и постоянныхъ сподвижниковъ возникали мнѣнія, которыхъ онъ не могъ одобрить. Меланхтонъ и Круцигеръ придерживались такого взгляда на значеніе покаянія, противъ котораго возражалъ Cordutus, и Лютеръ, соглашаясь съ послѣднимъ, очень рѣзко выражался о его противникахъ. Разъ онъ даже дошелъ до того, что заявилъ: „Меланхтонъ знатокъ словестности и философіи, и не больше“. Поводъ къ этому разногласію, какъ и къ многимъ другимъ, подавали псаисности и противорѣчія въ ученіи самаго Лютера въ разное время.

Зарождавшіеся повсюду вопросы и споры не внушали главнымъ руководителямъ протестантизма мысли, что необходимо относиться съ терпимостью другъ къ другу. Лютеръ съ своею обычною вспыльчивостью менѣе всего расположенъ былъ щадить противниковъ. Въ 1533 году онъ настаивалъ, чтобы герцогъ Альбрехтъ Прусскій принялъ принудительныя мѣры противъ поселившихся въ его княжествѣ представителей евангелическаго исповѣданія. Отвѣтъ Альбрехта напечатанъ у Кольде и можетъ считаться первымъ манифестомъ традиціонной прусской политики по отношенію къ свободѣ вѣроисповѣданій. Герцогъ пишетъ, что его владѣнія такъ пустынны и такъ нуждаются въ колонистахъ, что онъ не можетъ противиться поселенію евангеликовъ. Они не имѣютъ права проповѣдывать и пропагандировать свое ученіе, по пусть каждый думаетъ и вѣритъ, какъ считаетъ возможнымъ отвѣтить на Страшномъ Судѣ. Съ другаго конца Германіи мы имѣемъ свидѣтельство о терпимости и гуманномъ отношеніи къ Евреямъ. Капитанъ пишетъ изъ Страсбурга противъ предполагавшагося, по слухамъ, гоненія на Евреевъ въ Саксоніи и напоминаетъ происхожденіе отъ одного благословеннаго ствола: „они—отсѣченныя вѣтви оливковаго дерева, мы—привитыя къ нему побѣги“.

Значительно дополняются наши свѣдѣнія о двоеженствѣ ландграфа Гессенскаго и неблаговидной роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ виттенбергскіе богословы. У Кольде напечатано письмо ландграфа къ Лютеру послѣ захвата его второй жепы въ плѣнъ герцогомъ Генрихомъ, протоколы Эйзенахскихъ переговоровъ между Лютеромъ и совѣтникомъ ландграфа Фейге, наконецъ, письмо виттенбергскихъ богослововъ, въ которомъ они предлагаютъ Филиппу Кассельскому или отречься отъ своего втораго брака, или дать уклончивые и двусмысленные отвѣты.

Болѣ пріятное впечатлѣніе производятъ отчетъ швейцарскаго стипендіата Вега о своемъ пребываніи въ Виттенбергѣ (1542 г.) и о лекціяхъ въ тамошнемъ университетѣ. Онъ жалуется на дороговизну и неудобства жизни, происходящія отъ скопленія студентовъ изъ всѣхъ странъ: слушателей въ университетѣ около 2300; за то преподаваніемъ онъ очень доволенъ и особенно восхищается Меланхтономъ, у котораго слушаетъ объясненіе Эврипида—въ шесть часовъ утра. Въ третьемъ часу по понедѣльникамъ и вторникамъ Мартинъ Лютеръ читаетъ о книгѣ Бытія, но къ сожалѣнію, часто пропускаетъ свои лекціи по разстроенному здоровью. На этомъ извѣстіи объ университетской жизни Виттенберга мы и оставимъ богатое интересное свидѣніями собраніе Кольде.

Чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ исторію культуры является работа Рейша объ индексѣ запрещенныхъ книгъ ¹⁾, первый томъ которой обнимаетъ XVI вѣкъ и вышелъ въ прошломъ году. Цѣль автора—разобраться въ массѣ запрещенныхъ католическими властями книгъ, опредѣлить точки зрѣнія и способъ составленія указателей, показать вліяніе запрещеній на развитіе мѣстн. Книга на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ о громадномъ и кропотливомъ трудѣ, вполне разрѣшаетъ первую часть задачи и даетъ драгоценный матеріалъ для разрѣшенія второй, хотя нельзя не сказать, что главное достоинство автора заключается въ трудолюбивомъ опредѣленіи отдѣльныхъ данныхъ, а не въ комбинаціи ихъ, и потому оцѣнка вліянія индексовъ потребуетъ еще дополнительныхъ работъ. I-й томъ, какъ сказано, посвященъ XVI вѣку, то-есть, періоду, когда католическая цензура дѣйствовала преимущественно противъ протестантизма; впоследствии она обращается, главнымъ образомъ, противъ произведеній, вышедшихъ изъ католической среды. При этомъ съ одинаковымъ вниманіемъ разбираются авторомъ римскіе „Indices“, вышущіе подъ санкціей папы, и различныя цензурныя постановленія мѣстныхъ властей, потому что послѣднія были главнымъ источникомъ первыхъ и часто объясняютъ само по себѣ непонятныя мѣста въ папскихъ указателяхъ.

Исторія запрещенія книгъ въ христіанскомъ мірѣ начинается съ того момента, какъ церковь получаетъ официальное признаніе отъ государства: первый Шикейскій соборъ запрещаетъ Талію Аріа. Для

¹⁾ *Reusch*, Der Index der verbotenen Bücher.

установленія принципа цензуры важно рѣшеніе мѣстнаго Александрійскаго собора 399 г., запрещавшее читать и держать книги Ормена. Противъ такого постановленія египетскіе монахи возражали, что не слѣдуетъ осуждать хорошія сочиненія за то, что въ нихъ вкра-лось кое-что не заслуживающее одобренія. Епископы, однако, настояли на запрещеніи въ виду многочисленности хорошихъ книгъ, которыя можно читать безъ всякаго соблазна. Нечего и говорить, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ церковныя власти часто прибѣгали къ запрещеніямъ, чтобъ остановить распространеніе ереси и заблужденій. При этомъ цензура часто направлялась противъ сочиненія чисто философскаго свойства: Парижскій соборъ 1209 г. запретилъ метафизику Аристотеля, а епископъ Парижскій въ 1276 г. осудилъ 219 тезисовъ, которые „истинны въ философіи, но ложны по католической религіи“. Въ иныхъ случаяхъ эти средневѣковыя постановленія сдѣлялись источникомъ смѣшныхъ недоразумѣній позднѣйшей цензуры: Павелъ IV, наприимѣръ, создалъ еретическаго писателя „Лолларда“, противъ сочиненій котораго до сихъ поръ предупреждаютъ папскіе указатели.

Но настоящимъ основателемъ цензуры слѣдуетъ считать Александра VI Борджіа: онъ первый обратилъ вниманіе на опасность вліянія книгопечатанія. „Такъ какъ мы занимаемъ на землѣ мѣсто Того, кто сошелъ съ неба, чтобъ освѣтить умы людей и разсѣять тьму заблужденій“, говоритъ папа въ буллѣ 1-го іюня 1501 года,— „то и запрещаемъ своею апостольскою властью всѣмъ типографщикамъ и ихъ помощникамъ подъ страхомъ отлученія и денежнаго штрафа печатать книги, трактаты или сочиненія безъ разрѣшенія архіепископовъ, генеральныхъ викаріевъ и официаловъ“. Булла имѣла въ виду только нѣкоторыя нѣмецкія епархіи, въ которыхъ особенно распространялись вредныя книги, но Левъ X расширилъ ея примѣненіе буллой *Inter sollicitudines*, изданною на Латеранскомъ соборѣ 1515 года. Въ великій четвергъ Римская церковь произноситъ проклятіе надъ еретиками всѣхъ временъ и, съ 1524 года, надъ всѣми, кто читаетъ ихъ книги безъ особаго разрѣшенія. Надо замѣтить, что преступающіе противъ этихъ постановленій, какъ типографщики, такъ и читатели, подпадаютъ „великому“ отлученію, то-есть, не только отстраняются отъ таинствъ и теряютъ право занимать должности, но отлучаются отъ богослуженія, христіанскаго погребенія и утрачиваютъ свои гражданскія права.

Борьба противъ реформаціи вызвала цѣлый рядъ запрещеній и,

въ связи съ ними, подала поводъ къ составленію каталоговъ не дозволенныхъ книгъ. При этомъ университеты Парижскій и Лувенскій дѣйствовали не менѣе энергично, чѣмъ правительство Карла V и Генриха VIII. Не желательнымъ представлялось не только чтеніе еретическихъ сочиненій, но и чтеніе Библии, но крайней мѣрѣ для большинства, и почти повсюду запрещаются ея переводы. Свои владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ Карлъ V имѣлъ въ виду совершенно предохранить отъ всякихъ дурныхъ вліяній и потому въ 1543 году запретилъ тамъ печатать и читать романы и повѣсти. При всемъ томъ поражаетъ невѣжество и небрежность лицъ, надзиравшихъ за соблюденіемъ запрещеній: часть ихъ теряетъ смыслъ, потому что почти не возможно догадаться, какія книги имѣеть въ виду. Въ каталогѣ тулузскаго инквизитора въ 1548 году, между прочимъ, занесены имена Martini Lutheri и Vulpici Zironga: въ послѣднемъ Рѣйшъ какими-то способами открылъ Ульриха Цвингли.

Въ исторіи католической реставраціи понтификатъ Павла IV имѣетъ особенное значеніе. Этотъ энергичный папа столько же сдѣлалъ для подавленія разномыслія, сколько для улучшенія порядковъ въ церкви. Надзоръ за книжнымъ рынкомъ онъ поручилъ инквизиціи, а въ 1559 году издалъ первый римскій Index librorum prohibitorum. Главнымъ источникомъ его послужилъ венеціанскій указатель 1554 года, который, въ свою очередь, безъ особеннаго разбора перепечатывалъ имена изъ библіографіи Геснера и даже изъ переписки Цвингли съ Ойколампадіемъ. Не мудрою, что въ число запрещенныхъ авторовъ попали ревностнѣйшіе католики, въ родѣ Штауница и Мурнера (1), попали люди, никогда не написавшіе ни одной строки, попали лица, даже совсѣмъ не существовавшія. Относительно волшебника Мерлина по крайней мѣрѣ обозначено, что преслѣдуется его Liber obscurorum visionum, но Arturus Britannus, Артуръ Круглаго Стола, просто занесенъ въ первый разрядъ, то-есть, осужденъ со всеми своими сочиненіями. Выочтавленіе на литературный міръ было удручающее: римскіе ученые тотчасъ принялись старательно обыскивать свои бібліотеки, и нѣкоторые рѣшили вообще приостановить писаніе книгъ во время, когда нѣтъ житья книгамъ, уже написаннымъ. Во Франціи и Испаніи не приняли указателя Павла IV цѣликомъ, а Тридентскій соборъ напелъ пужнымъ пересмотрѣть его и кое-что выкинуть. Между прочимъ, Index III IV, изданный въ 1564 году на основаніи рѣшеній собора, отмѣчаетъ только нѣкоторыя изъ книгъ Эразма, тогда какъ Павелъ IV отнесся

къ этому гуманисту съ особенною суровостью: его имя стояло въ первомъ разрядѣ съ спеціальнымъ прибавленіемъ: „со всѣми его комментаріями, примѣчаніями, схолиями, діалогами, письмами, цензурами, переводами и книгами, хотя бы они ничего ровно (*nil penitus*) не заключали противъ религіи или относительно религіи“. Ни одинъ авторъ не удостоился чести такого отзыва. Сикстъ V возстановилъ общее осужденіе Павла IV, но Климентъ VIII опять снялъ Эразма со списка перваго разряда и оставилъ только осужденіе нѣкоторыхъ его сочиненій.

Любопытно, что римская цензура, безпощадно преслѣдовавшая всякое разномысліе, никогда не старалась систематически противо-дѣйствовать распространенію безнравственныхъ произведеній, которыя размножались въ Испаніи больше, чѣмъ гдѣ-либо. Главнымъ подвигомъ ея въ этомъ направленіи было очищеніе Бокаччіо, да и то изданіе 1574 года имѣло въ виду главнымъ образомъ устранить неудобныя мѣста относительно духовенства. Ради этой цѣли монахини обращены въ знатныхъ дамъ, монахи въ волшебниковъ, архангелъ Гавріилъ въ царя духовъ и т. п.

Учрежденіемъ въ 1571 году особой конгрегаціи индекса начинается новый періодъ въ исторіи римской цензуры. Главными результатами ея дѣятельности за послѣднюю четверть XVI вѣка были указы Сикста V (1590 г.) и Климонта VII (1596 г.). Характерно для новаго направленія, что вниманіе обращается на литературу католическихъ страпъ, а преслѣдованіе лютеранскихъ и реформатскихъ произведеній отступаетъ на задній планъ. Какъ придирчиво относились къ малѣйшему разногласію, видно изъ двухъ фактовъ: Белларминъ, знаменитый кардиналъ Белларминъ, попалъ во второй классъ индекса Сикста V, потому что въ своемъ сочиненіи о папской власти имѣлъ неосторожность заявить, *quod papa non est directus dominus mundi*. Вина Юста Липсія была не менѣе тяжкая: въ четвертой книгѣ своей Политики онъ рѣшился утверждать, что нѣтъ надобности преслѣдовать отдѣльныхъ диссидентовъ, которые не пропандируютъ своихъ мнѣній; онъ думалъ, что *doctore magis hic opus sit quam tortore*, и за это Политика его была запрещена, *donec corrigatur*. Белларминъ предлагалъ измѣнить непріятную фразу такъ: *quod si doctor non persuasit, deinde tortore*.

Не совсѣмъ удовлетворяетъ читателя книга Вейдлинга о реформациіи въ Швеціи¹⁾. Заглавія различныхъ отдѣловъ возбуждаютъ

¹⁾ *Julius Weidling, Schwedische Geschichte zur Zeitalter der Reformation.*

большой интересъ: развитіе аристократіи и демократіи при Стуррахъ, социальна-политическій планъ Христіана II, ученая оппозиція и античные образцы въ шведскомъ искусствѣ, и т. п.; но на повѣрку оказывается, что содержаніе главъ весьма мало отвѣчаетъ ихъ названіямъ. Трудно безъ спеціальнаго знанія источниковъ сказать, въ какой степени можно было пополнить картину, но несомнѣнно, что она вышла чрезвычайно не законченнымъ очеркомъ. И за то приходится однако быть благодарнымъ, потому что книга Вейдинга даетъ возможность познакомиться съ общимъ ходомъ реформаціоннаго движенія въ Швеціи и съ главными событіями въ государственной дѣятельности Густава Вазы.

Вопросъ объ antecedентахъ реформаціи въ средніе вѣка всегда останется однимъ изъ самыхъ важныхъ. Любопытно, что самые ранніе признаки религіознаго броженія въ Швеціи стоятъ въ связи съ русскими вліяніямъ. Сношенія съ Новгородомъ заносили въ Швецію взгляды, которые представлялись очень опасными съ точки зрѣнія представителей католицизма, и уже въ 1229 г. Григорій IX предписываетъ Линкѣпннскому епископу и аббату цистерціанскаго монастыря на Готландѣ удерживать готландскихъ купцовъ отъ торговли съ русскими невѣрными. На шведскихъ соборахъ приходилось осуждать тѣхъ, кто отрекался отъ повиновенія папѣ и Римской церкви. Другимъ пунктомъ, возбуждавшимъ сомнѣнія въ Швеціи, былъ вопросъ о таинствѣ причащенія. Въ началѣ XIV вѣка нѣкій Бомульфъ сталъ отрицать пресуществленіе. Бомульфа сожгли въ 1311 г., по его жеученію, очевидно, имѣло какъ бы національные корни, потому что среди сомнѣній, осаждавшихъ св. Бригитту, видную роль играетъ также вопросъ о пресуществленіи. Виднѣіе св. Бригитты въ началѣ XV вѣка вообще чрезвычайно интересно для оцѣнки религіознаго броженія въ Швеціи. Хотя она была капоинизована католическою церковью и основала великолѣпный монастырь, тѣмъ не менше она весьма сильно выражаетъ нѣкоторыя анти-католическія воззрѣнія. Шведская пословица говоритъ: Богъ даетъ, церковь беретъ; св. Бригитта энергично описываетъ развратъ и жадность духовенства, для котораго всѣ десять заповѣдей сосредоточиваются въ одномъ словѣ: деньги. Воззваніе къ Риму звучитъ такъ, что оно могло бы найдти мѣсто въ сочиненіи любого протестанта: „О Римъ, Римъ, я буду говорить о тебѣ, какъ пророки говорили о Іерусалимѣ: розы и лиліи въ твоемъ саду заглохли передъ репейникомъ, стѣны твои пали, ворота стоятъ безъ стражей, алтари опус-

тъли. Священные сосуды проданы, и ониамъ не восходитъ изъ святилища. Горе тебѣ!" При этомъ значительная часть упрековъ приходится на долю папы: „Бонифацій VII воссѣдаетъ на престолѣ высокомѣрія; но придетъ время, когда престолъ папскій обрушится въ бездну, какъ тяжкій камень, который летитъ внизъ, пока не достигнетъ дна пропасти“.

Относительно исторія матеріальнаго вліянія и могущества церкви—матеріальныхъ побужденій секуляризаці Вейдлингъ, къ сожалѣнію, даетъ мало свѣдѣній: видно только, что захваты Густава Вазы были далеко не новизною. Уже національный король Карлъ Кнутсонъ въ половинѣ XII вѣка протестуетъ противъ нарушенія церковью заповѣди Спасителя относительно бѣдности, уничтожаетъ лишніе праздники, затрудняетъ переходъ земли въ руки церкви и конфискуетъ имѣнья, пріобрѣтенныя вопреки дѣйствовавшимъ законамъ.

II. Виноградовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНІИ БУХГАЛТЕРІИ.

Въ настоящее время довольно быстро развитія отечественной промышленности и торговли, наша судебная практика весьма богата дѣлами, содержаніе которыхъ есть разрѣшеніе многихъ недоразумѣній и споровъ между лицами, приходящими въ соприкосновеніе съ выше-помянутою дѣятельностью. Особенно часто встрѣчаются дѣла о несостоятельности, причина чего заключается отчасти въ несовершенствѣ нашихъ торговыхъ законовъ вообще (теперь, впрочемъ, пересматривающихся), и законовъ о несостоятельности въ особенности, отчасти же въ чрезмѣрномъ стремленіи къ быстрой наживѣ, вслѣдствіе чего многие вступаютъ въ явно рискованныя предпріятія, при чемъ стремленіе это нерѣдко соединено съ неопытностію и малымъ образованіемъ отъ торговомъ дѣлѣ¹⁾. Во всѣхъ указанныхъ дѣлахъ приходится участвовать въ роли адвокатовъ юристамъ, въ настоящее время не иначе, какъ получившимъ высшее юридическое образованіе. Тутъ-то и сказывается, и притомъ весьма нерѣдко, нѣкоторый чувствительный пробѣлъ въ юридической подготовкѣ адвокатовъ, кончившихъ университетскій курсъ.

Извѣстно, что законы всѣхъ государствъ, а наши въ особенности предписываютъ торговцамъ и промышленникамъ всѣхъ родовъ и видовъ имѣть соответствующія книги для записыванія въ нихъ всѣхъ текущихъ операций, по извѣстной опредѣленной формѣ,—однимъ словомъ, требуется вести правильное счетоводство или бухгалтерію (Свод. Закон., томъ XI, ч. 2. Уставъ торговый, ст. 517—540). Правильно веденнымъ книгамъ придается доказательная сила, и значитъ, юридическое значеніе, а за неисполненіе требованій закона о бухгал-

---

¹⁾ Правда, нѣмцы и другія государства представляютъ примѣры грандіознѣйшихъ банкротствъ, за которыми намъ и не угнаться.

терскихъ книгахъ назначается наказаніе (Т. XI, Уст. Торгов. ст. 534 и 1620—1630 и Улож. о Наказаніяхъ ст. 1163, 1173 и 1174). Изъ сказаннаго ясно, что адвокатамъ по разнымъ конкурснымъ и вообще торговымъ дѣламъ необходимо хорошо знать бухгалтерію, такъ какъ данныя для споровъ заключеній о состояніи того или другаго отношенія между тяжущимися лицами они должны извлечь изъ торговыхъ книгъ. Но какъ извѣстно, наши юристы не получаютъ въ университетахъ и подобныхъ имъ заведеніяхъ никакихъ свѣдѣній о бухгалтеріи, а потому въ своей практической дѣятельности бывають поставлены въ большое затрудненіе, когда имъ приходится имѣть дѣло съ торговыми книгами, веденными по всѣмъ правиламъ бухгалтерской техники, такъ что безъ помощи эксперта, какъ оныя показали, имъ обходиться не возможно, даже въ несложныхъ дѣлахъ. И дѣйствительно, какъ могутъ наши юристы судить о томъ, на сколько точно выполнены требованія закона относительно конторскихъ книгъ, если они сами не знаютъ существа веденія счетоводства отъ момента его открытія до заключенія, его основныхъ требованій, обычныхъ формъ, ихъ значенія и взаимной связи книгъ, а главное признаковъ вѣрности счетоводства? Намъ случалось нерѣдко видѣть опытныхъ юристовъ которые однако блуждали по бухгалтерскимъ книгамъ словно по какому-то лабиринту, не въ силахъ будучи узнать изъ нихъ самыхъ простыхъ вещей. А между тѣмъ бухгалтерское искусство въ сущности и простое, и интересно, а усваивается оно только путемъ практическаго изученія. На бухгалтерію еще до сихъ поръ смотреть, какъ на нѣчто такое, чтò знать и понимать надлежитъ только бухгалтерамъ, а для другихъ это чуть не китайская грамота, тогда какъ она есть пульсъ всякаго предпріятія, по которому узнають его здоровье или болѣзненность. Какъ же послѣ этого юристамъ игнорировать знаніе бухгалтеріи?

Для устраненія такого пробѣла въ знаніяхъ юристовъ, по нашему мнѣнію, было бы полезно ввести въ кругъ предметовъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ и бухгалтерію во всѣхъ ея видахъ, со всѣми необходимыми для нея коммерческими вычисленіями. На лекціяхъ этихъ студенты встать будутъ имѣть случай познакомиться со многими торговыми обычаями, приѣмами, терминами, своеобразными расчетами, документами и проч., чтò все, особенно въ виду отсутствія чтенія торговаго права, было бы весьма для нихъ полезно въ будущей практической дѣятельности, какъ юрисконсультовъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Теперь же они, принявъ

на себя таковыя обязанности, находятся, въ известномъ отноше-
ніи, во власти бухгалтеровъ, могущихъ представить имъ какіе
угодно по виду самовѣрнѣйшіе балансы, безусловно не понятные
юристу. И чтобы выйти изъ такой неизвѣстности, послѣдній дол-
женъ по неволѣ посвятить свое время на изученіе счетоводства того
предпріятія, интересамъ котораго онъ служитъ своими юридическими
познаваніями. И все-таки эти знанія будутъ недостаточны, какъ не
имѣющія теоретической основы и притомъ одностороннія, такъ какъ
счетоводство, сообразно задачамъ самаго предпріятія, имѣетъ, кромѣ
общихъ всѣмъ родамъ счетоводства чертъ, и нѣкоторыя свои осо-
бенности. Такъ одно дѣло — банковая бухгалтерія, и другое — то-
варная.

Мысль ознакомленія юристовъ съ бухгалтеріей еще въ универ-
ситетѣ не нова: я предлагаю только то, что отчасти уже и дѣлается
за границею. Такъ на примѣръ, нѣкоторые ученые, каковы: Pardessus
(томъ I, стр. 86—94; 321—327), Bravard-Veyrières (т. I, стр. 111—
114), Anschutz-Völderndorff (т. I, стр. 215—296) и другіе, сооб-
щаютъ въ своихъ трактатахъ по торговому праву главныя основанія
торгового счетоводства (книговодство). Но, по нашему мнѣнію, осно-
ванному на многолѣтнемъ опытѣ, подобныхъ свѣдѣній недостаточно.
По нимъ нельзя вполнѣ ознакомиться со всѣми необходимыми пра-
вилами и разнообразными приѣмами бухгалтерской техники, безъ спе-
ціальнаго изученія ея путемъ чисто практическимъ. Мало знать
книгу, надо умѣть ее вести, а главное—заключать. При этомъ
надо помнить, что бухгалтерія не наука, и до сихъ поръ ни къ чему
еще не привели странныя попытки возвести ее на степень науки.
Это—искусство, построенное на очень немногихъ простыхъ теорети-
ческихъ положеніяхъ, имѣющихъ чрезвычайно широкое и разнообраз-
ное практическое приложеніе въ веденіи различныхъ коммерческихъ
книгъ въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ. Что ка-
сается времени и распредѣленія занятій въ университетахъ по бух-
галтеріи и вычисленіямъ, то, по нашему мнѣнію, послѣднія слѣдуетъ
читать студентамъ 3-го курса по два часа въ недѣлю, а первую —
студентамъ 4-го курса по пяти часовъ въ недѣлю. Подобное при-
близительное распредѣленіе, имѣя въ виду число слушателей, пред-
лагается опять на основаніи усилнаго многолѣтняго опыта. При ми-
нистерствѣ народнаго просвѣщенія существуютъ особые спеціальные
курсы для приготовленія преподавателей коммерческихъ предметовъ
(то-есть, бухгалтеріи и коммерческихъ вычисленій) въ реальныхъ

училищахъ. Слушателями этихъ курсовъ имѣютъ право быть только лица, получившія высшее юридическое образованіе (университетское или ему подобное), и вотъ у нихъ-то число часовъ занятій и подходит къ предлагаемому выше, хотя они и соединены въ одинъ годъ. Сказанное о стипендіатскихъ курсахъ можетъ служить еще повою, хотя, конечно, второстепенною причиною введенія бухгалтеріи въ курсъ юридическихъ факультетовъ, такъ какъ тогда юристы могутъ составить изъ себя постоянный и многочисленный контингентъ преподавателей коммерческихъ предметовъ въ реальныхъ училищахъ, нужда въ которыхъ въ будущемъ весьма значительна, а слѣдовательно, представляется новое почтенное поприще для дѣятельности просвѣщенныхъ юристовъ. Министерство же тѣмъ самымъ избавится отъ весьма значительнаго, связаннаго съ нѣкотораго рода обоюдными обязательствами, расхода на содержаніе поминутыхъ курсовъ.

Лекторами бухгалтеріи и коммерческихъ вычисленій въ университетахъ могли бы быть по праву и по опытности преподаватели этихъ предметовъ въ реальныхъ училищахъ, какъ лица, получившія спеціальную подготовку и обладающія университетскимъ дипломомъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что бухгалтерія, подобно судебной медицинѣ и новымъ языкамъ, можетъ и не быть принимаема въ расчетъ при выводѣ кандидатскихъ отбѣтовъ.

Заговоривъ о преподаваніи бухгалтеріи въ университетахъ, невольно встрѣчаешься и еще съ однимъ вопросомъ: почему этотъ предметъ (какъ и политическая экономія) не читается студентамъ технологическаго и горнаго институтовъ, которымъ обстоятельное знаніе фабричной и заводской бухгалтеріи безусловно необходимо для сознательнаго и плодотворнаго участія въ хозяйственной, экономической жизни промышленныхъ предпріятій? Оба названные предмета имѣютъ право на существованіе въ этихъ институтахъ не менѣе, напримѣръ, чѣмъ заводская и фабричная архитектура. Не зная политической экономіи и бухгалтеріи, техникъ никогда не можетъ сдѣлаться хорошимъ, полезнымъ управляющимъ завода или фабрики. Вотъ почему въ заграничныхъ высшихъ, да даже и среднихъ, техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также у насъ въ Рижской политехнической школѣ, экономической наукѣ отведено почетное мѣсто; счетоводство же (бухгалтерія)—это ея ближайшій спутникъ, во всякомъ промышленномъ предпріятіи, построенномъ на правильныхъ экономическихъ началахъ.

Петръ Колумбусъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Краткій греческій синтаксисъ, для употребленія въ гимназіяхъ, составленный
М. Вукомъ, преподавателемъ Троицкой гимназіи. С.-Пб. 1884. Цѣна 60 к.

Главныя достоинства учебнаго руководства составляютъ краткость и точность изложенія и наименьшее количество необходимаго для цѣли книги матеріала. Сознвая важность этихъ условій, г. Вукъ предлагаетъ учащемуся юношеству учебникъ, въ которомъ на 103 страницахъ, въ 89 §§, въ сжатомъ видѣ излагаются необходимѣйшія для пониманія греческихъ авторовъ синтактическія правила. Рассматриваемая книга дѣлится на двѣ части: о простомъ предложеніи и о предложеніяхъ сложныхъ; въ 1-й части разбираются синтактическія свойства всѣхъ частей рѣчи, входящихъ въ составъ предложенія, а во 2-й—виды предложеній, соотношенія ихъ между собою и частицы, выражающія такое соотношеніе. При группировкѣ матеріала составитель руководствуется системою, по которой примѣры, то по одному, то по нѣскольку, предшествуютъ излагаемымъ правиламъ; но эта система не повсюду соблюдается, такъ какъ встрѣчаются примѣры, помѣщенные и позади правилъ. Книга не снабжена ни спискомъ опечатокъ, ни указателемъ, но за то въ ней находится подробное оглавленіе и предисловіе, въ началѣ котораго составитель высказываетъ свой взглядъ на изученіе греческой грамматики. Не имѣя въ виду вступать въ разборъ его мнѣнія, мы считаемъ долгомъ указать на логическую несообразность протасиса и аподосиса. Слѣдовало бы, или опустивъ въ протасисѣ слова „главнымъ образомъ“, сохранить

---

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

редакцію аподосиса, или же, сохранивъ протасисъ, замѣнить въ аподосисѣ слово „только“ словомъ „преимущественно“. Хотя въ этомъ предисловіи ничего не сказано объ источникахъ, которыми г. Вукъ воспользовался при составленіи своего труда, однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ приступилъ къ этому труду лишь по близкомъ ознакомленіи съ работами своихъ предшественниковъ по части краткихъ греческихъ синтаксисовъ. И дѣйствительно, какъ по приведеннымъ примѣрамъ, такъ и по редакціи правилъ, трудъ его во многихъ мѣстахъ, напоминаетъ о разныхъ нѣмецкихъ учебникахъ того же рода. Какъ на примѣръ:

Стр. 1. § 1, 2. Εγὼ μὲν ἀσθενῶ, σὺ δ'ἔρρωσαι. См. Carl Rothe, Griechische Schulgrammatik. Syntax. Leipzig 1870. § 20.

Стр. 4. § 3. τὴν ἡδίστην τε καὶ ράστην ὁδὸν εἴθε σε и др. см. Rothe, l. l. § 66.

Стр. 5. § 4. 1. εὐθὺς παῖδες ὄντες μανθάνουσιν (οἱ Πέρσαι) ἄρχειν τε (ἄλλων) καὶ ἄρχεσθαι. См. Rothe, l. l. § 70.

Стр. *ibid.* глаголы. 1) ἄρχειν, κρατεῖν и т. д. 2) κιστεύειν, ἀπιστεῖν и т. д. См. Rothe, l. l. § 70; гдѣ вѣрно приведено φθονεῖν, что у Вука, по ошибкѣ, перешло въ гл. φρονεῖν.

Стр. *ibid.* гл. κταίω—ἀποδνήσκειν и т. д. См. Dr. Joseph Klein, Die wichtigsten Regeln der griechischen Syntax. Bonn. 1872. § 126.

Стр. 10. § 8. Οἱ Ἀθηναῖοι ἐπὶ μὲν Πελασγῶν ὀνομάζοντο Κραναοὶ х. т. л. См. Rothe, l. l. § 74.

Стр. 12. § 10. Ὁ μὲν πόλεμος ἀπάντων ἡμᾶς ἀπεστήρηκε х. т. л. см. Rothe. l. l. § 76, гдѣ примѣръ еще дополненъ объясненіями.

Стр. 25. § 18. 1. гл. ὠφθαλμῶν, ὀνιάναι и т. д. см. Rothe, l. l. § 29.

Стр. 26. § 18. 4. см. Klein, l. l. § 63. e).

Стр. 27. § 19. καλλίστην μάχην μάχεσθαι, celeberrimam (?) pugnam pugnare. См. Rothe, l. l. § 30.

Стр. 28. § 20. Μῆδοι Δηϊόκην х. т. л. и прим. Δηϊόκης ὑπὸ τῶν Μήδων βασιλεὺς ἀποδέχθη. См. Rothe, l. l. § 33.

Стр. 35. § 28. 1. См. Rothe, l. l. § 46.

Стр. 57. §§ 51—56. См. Dr. Fr. Holzweissig. Griechische Syntax in kurzer übersichtlicher Fassung usw. Leipzig 1878. Cap. 4. §§ 40—58

Стр. 76. Прим. см. Klein, l. l. § 24. Anm.

Ibid. 3. см. Klein, l. l. § 29. e. и т. д. и т. д.

Другія мѣста синтаксиса г. Вука напоминаютъ объ учебникѣ: L. Braune, Attische Syntax für d. Schulgebrauch (Berlin. 1870). Пав-

нымъ образомъ система группировки, по которой, какъ выше сказано, примѣры приводятся впереди правилъ, оказывается и у Роте.

Въ виду этихъ заимствованій мы не можемъ признать трудъ г. Вука самостоятельнымъ, что легко было бы заключить изъ совершеннаго умолчанія въ предисловіи объ употребленныхъ въ дѣло источникахъ.

Относительно изложенія матеріала, которое, за исключеніемъ указаній на русскій языкъ, ничѣмъ не отличается отъ матеріала вышеозначенныхъ нѣмецкихъ учебниковъ, слѣдуетъ сказать, что г. Вукъ по мѣрѣ силъ старался выполнить условія краткости, точности и вѣрности, но не вездѣ съ успѣхомъ. Докажемъ это примѣрами:

Стр. 3. прим. Сказано, что „въ изъяснительномъ наклоненіи въ такомъ случаѣ (то-есть, въ значеніи существовать) „εστιν энклитика“. Но, вопервыхъ, положеніе это еще вовсе не общепринято, а во вторыхъ, изъ предпосланнаго примѣра: θεοί εἰσιν видно, что г. Вукъ принимаетъ за энклитику не только 3-е лице ед. числа.

Стр. 8 и 9. § 6. Perfectum и plusquamperfectum подводятся подъ совершенный, а aoristus—подъ однократный видъ. Тутъ термины „совершенный“ и „однократный“ по понятію не совпадаютъ съ равнозначащими терминами русской грамматики, что г. Вукъ, относительно „совершеннаго“ вида, и самъ сознаетъ, говоря, что, „въ русскомъ языкѣ нѣтъ соответствующаго вида“; тѣмъ не менѣе, тождественные по звуку термины не могутъ не приводить учащагося въ недоумѣніе. Aoristus также не подходитъ подъ видъ однократный; въ виду такихъ примѣровъ, какъ Hom. Od. IX. 361 τρίς μὲν ἔδωκα φέρων; Hom. Il. I. 396., πολλὰκι γὰρ σὸ πατρός, ἐνὶ μεγάροισιν ἄκουσα εὐχομένης; Dem. Olynth. 11. 9. δταν δ'εἰς κλεονεξίας καὶ πονηρίας τις ᾤσκηρ οὗτος ἰσχύσῃ, ἢ πρώτη πρόφρασις καὶ μικρὸν πταῖσμα ἅπαντα ἀνεχαιτίσει καὶ διέλυσεν; Dem. Mid. 72 οὐ γὰρ ἡ πληγὴ παρέστησε τὴν ὀργήν, ἀλλ' ἡ ἀτιμία, οὐδε τὸ τύπτεσθαι τοῖς ἐλευθέροις ἐστὶ δεινόν и т. д., нельзя говорить объ однократности дѣйствія въ аористѣ; въ большей части случаевъ, и особенно въ косвенныхъ наклоненіяхъ, по виду дѣйствія греческій аористъ можетъ быть сопоставленъ съ русскимъ совершеннымъ видомъ. Вообще главная неудача г. Вука встрѣчается въ разъясненіи временъ и наклоненій греческаго глагола.

Стр. 12. § 8. 2. с) „если надо обратить вниманіе на продолженіе рѣчи, разказа или на чувство въ его продолжительномъ развитіи“. Что значить чувство въ его продолжительномъ развитіи?

Ів. п. 4. „*μῆλα, ἀδικία* и т. д., которые въ настоящемъ времени имѣютъ perfectum“ вмѣсто „если имѣютъ значеніе perfectum“.

Ів. п. 5. „Отъ гл. *εἶμι, εἶμι, ἦκα, οὔχομαι, κατέζομαι* и т. д. формы imperfectum имѣютъ только временное (?) значеніе, такъ что употребляются и вмѣсто аориста“. Правило не понятное.

Стр. 13. § 10. 2. „Прошедшее совершеннаго вида (plusquamperfectum) означаетъ состояніе прошедшее какъ результатъ совершеннаго дѣйствія“. Также не понятное правило.

Ів. § 11. 1. „Аористъ обозначаетъ окончаніе дѣйствія“ и стр. 14 § 11. 2. „У глаголовъ, которые въ настоящемъ означаютъ состояніе, аористъ обозначаетъ наступленіе дѣйствія“. Поэтому выходитъ, что аористъ обозначаетъ окончаніе дѣйствія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также наступленіе, и притомъ въ обоихъ пунктахъ приводится аористъ гл. *βασίλευσιν*. Изъ такого объясненія учащійся и, пожалуй, иной преподаватель не только ничего не пойметъ, но даже совершенно собьется съ толку.

Стр. 15. § 12. „Сослагательное, желательное, повелительное, неопредѣленное и причастіе не обозначаютъ времени, а только видъ“. Относительно причастія правило невѣрно и противорѣчитъ п. 2 того же § (см. стр. 16) с), гдѣ г. Вукъ самъ говоритъ, что „participium aoristi (обозначаетъ) дѣйствіе однократное, совершившееся раньше другаго дѣйствія“.

Стр. 16. прим. 2. Г. Вукъ возвращается тутъ къ прежнему ошибочному мнѣнію, будто „причастіе аориста само по себѣ не выражаетъ дѣйствія прошедшаго раньше дѣйствія управляющаго глагола“. Приведенныя въ подтвержденіе примѣры ничего не доказываютъ, кромѣ развѣ того, что participium aoristi при главномъ глаголѣ въ аористѣ принимаетъ лишь видъ одновременности, а въ самомъ дѣлѣ обозначаетъ совершившійся фактъ, служившій въ своей окончательности причиной или основаніемъ совершившагося факта. *Εὖ γ' ἐποίησας ἀγαθὴν με*—ты совершилъ доброе дѣло тѣмъ, что ты напомнилъ мнѣ. Что participium aoristi неотъемлемо сохраняетъ значеніе предшествовавшаго дѣйствія, очевидно явствуетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ: Dem. Mid. 192. *ὁ γάρ τὰ ἔργα παρὰσχηκῶς—δικαίотат' ἄν ταύτην ἔχοι τὴν αἰτίαν,—οὐχ ὁ ἐσκεμμένος, οὐδ' ὁ μεμνησας τὰ δίκαια λέγειν νῦν.* (Тутъ part. aor даже параллельно поставлено съ part. pf.). Menandri monost. 294; *Καὶ ζῶν ὁ φαῦλος καὶ θανὼν χολάζεται.* Men. monost. 749 *Χάρις λαβὼν μέρμηρο καὶ δοῦς ἐπιλαβοῦ.* и т. д.

На стр. 15. § 12. прим. 3, говорится: „Причастіе будущее имѣть только временное значеніе и означаетъ дѣйствіе, которое должно совершиться“, а выше, на стр. 15 § 12, сказано, что причастіе обозначаетъ только вѣдъ. Ни то, ни другое не вѣрно вполнѣ, потому что греческое будущее время соотвѣтствуетъ то русскому несовершенному, то совершенному виду, и это свойство простирается и на причастіе.

Стр. 16. прим. 1. „Participium praesentis соотвѣтствуетъ русскому дѣепричастію и т. д.“ Но тутъ, во первыхъ, пропущено *activi* и *medii*, и вторыхъ, все, сказанное въ примѣчаніи оказывается вѣрнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда *participium praesentis* и т. д. согласуется съ подлежащимъ.

Стр. 17. прим. „Въ греческомъ языкѣ ко всѣмъ наклоненіямъ (за исключеніемъ повелительнаго) можно прибавить модальную частицу *ἄν*“. Слѣдовательно, и къ изъявительному наклоненію настоящаго времени?

Стр. 17. § 14 прим. „Изъявительное прошедшаго времени употребляется для выраженія недѣйствительности и т. д.“ Тутъ пропущено указаніе на родъ глаголовъ, къ которымъ относится примѣчаніе.

Стр. 18. 3. Примѣры: *ὁ μὲν ἀγαθὸς ἀνὴρ γένοιτ' ἄν* *ποτε* и т. д. не принадлежать ни къ какому правилу.

Ibid. „Изъявительное историческихъ временъ съ *ἄν* обозначаетъ возможность прошедшую“. Что значить прошедшая возможность? Развѣ такая, которая перешла въ дѣйствительность. Приведенный тутъ примѣръ *ἀναλαμβάνων τὰ ποιήματα διηρώτων ἄν αὐτοῦ* относится не къ предыдущему правилу, а къ тому случаю, въ которомъ *indic. temp. histor. c. ἄν* обозначаетъ повторяющееся при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствіе.

Стр. 22. § 17. II. 6) „Родительный притяжательный можетъ быть родительнымъ подлежащаго (*genitivus subjectivus*) и родительнымъ предмета дѣйствія (*genitivus objectivus*)“. Не притяжательный (*gen. possissivus*), а опредѣлительный родит. падежъ (*gen. attributivus*) дѣлится на *genit. subjecti* и *genit. objecti*; родительный же притяжательный составляетъ подраздѣленіе родительнаго подлежащаго.

Стр. 24. „Приложеніе обыкновенно бываетъ имя существительное. Оно согласуется съ своимъ существительнымъ, какъ именное сказуемое съ своимъ подлежащимъ“. Изъ этого слѣдовало бы, что приложеніе употребляется въ одномъ лишь именительномъ падежѣ.

Стр. 33. II. „Дательный въ значеніи творительнаго и т. д. “Тутъ нѣтъ никакихъ примѣровъ, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ правилахъ. См. ниже.

Стр. 35. § 28. „Родительный аблятивный“ Что это за терминъ?

Стр. 38. прим. „Предметъ дѣйствія вещи“. Что это такое?

Ib. § 31 и 4. в) „при прилагательныхъ въ сравнительномъ значеніи и при сравнительной и превосходной степеняхъ (вмѣсто ѣ съ именительнымъ и т. д.)“. Не понятно; во первыхъ, что значитъ прилагательныя въ сравнительномъ значеніи, и во вторыхъ, что частица ѣ употребляется и при превосходной степени.

Стр. 41. Б. „О собственномъ родительномъ“. Какой это родительный падежъ можетъ быть не собственнымъ?

Стр. 44. О дополненіи въ неопредѣленномъ наклоненіи. „Неопредѣленное наклоненіе по своему происхожденію отглагольное существительное въ дательномъ или мѣстномъ падежахъ“. Положеніе, требующее доказательства и подробнаго объясненія.

Ограничиваясь этимъ примѣрнымъ перечнемъ замѣченныхъ въ книгѣ г. Вука недосмотровъ и отчасти невѣрностей, считаемъ долгомъ указать и на то, что приведенныя въ ней примѣры не объяснены русскимъ переводомъ, отсутствіе котораго тѣмъ ощутительнѣе, что 1) примѣры, по плану книги, должны служить исходными точками для правилъ, и 2) отрывочность ихъ, во многихъ случаяхъ, не можетъ не затруднять не только ученика, но и инаго преподавателя. Кромѣ того, не указано, откуда взяты цитаты; а такое указаніе облегчило бы пониманіе дѣла и дало бы возможность исправить вкравшіяся опечатки, какъ напримѣръ: стр. 25 § 18, а) 2. Ἐρχόμεθα πρὸς τὴν αἰώνιον (?) ἀνάβρασις κτλ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются примѣры безъ правилъ, какъ напримѣръ, на стр. 18. § 14. 3. Ὁ μὲν ἀγαθὸς ἀνὴρ γένοιτ' ἂν κατὰ καὶ κακός, κτλ. и др.; или правила безъ примѣровъ, какъ стр. 33. II. Дательный въ значеніи творительнаго и т. д. стр. 46. Добавленіе 1) стр. 90. прим. 3. на глаголы ожиданія, стр. 101. 4. предложенія придаточныя и т. д.

И такъ, не смотря на сочувствіе, въ которомъ нельзя отказать идеѣ, послужившей основаніемъ разбираемой книги, мы не можемъ скрыть, что трудъ г. Вука, ставя преподавателя слишкомъ часто въ необходимость исправлять редакцію правилъ и указывать на недосмотры и отчасти на невѣрности даннаго матеріала, не обѣщаетъ пользы при преподаваніи греческаго языка.

Руководство по средней истории (для учеников VI-го класса). Составлено преподавателем при Ананьевской гимназии *М. Иващенко*. Ананьевъ. 1882.

Руководство по средней истории, составленное г. Иващенко, отличается отъ всѣхъ существующихъ своимъ построениемъ и планомъ. Обыкновенно наши учебники, вслѣдъ за нѣмецкими и французскими своими образцами, преимущественно, почти исключительно занимаются исторіей первенствующихъ западныхъ народовъ, и только въ концѣ въ видѣ какого-то дополненія или привѣска сообщаютъ нѣчто о Византійской имперіи и о южно-славянскихъ народахъ. Въ послѣднее время эти отдѣлы въ учебныхъ книгахъ, правда, болѣе и болѣе разрастаются и увеличиваются, но большаго вліянія на преподаваніе это по всѣмъ признакамъ не оказываетъ — можетъ быть, по той простой и чисто внѣшней причинѣ, что, при недостаткѣ времени, которымъ располагаютъ въ шестомъ классѣ преподаватели исторіи, они совсѣмъ иногда не проходятъ отдѣловъ, казущихся не существенными и стоящихъ внѣ общей связи историческаго развитія. Сознаніе необходимости для русскаго человѣка знать нѣсколько поближе исторію Сербіи и Болгаріи возникаетъ собственно внѣ школы, находится въ связи съ развитіемъ русскаго самосознанія, съ самыми важными событіями государственной и народной жизни послѣдняго времени, а также, конечно, и съ нѣкоторымъ болѣе самостоятельнымъ движеніемъ въ разныхъ областяхъ историческаго и филологическаго вѣдѣнія, по преимуществу въ области славистики и русской исторіи; чрезъ посредство учебныхъ книгъ это сознаніе совершенно законнымъ путемъ достигаетъ и школы, но тутъ оно встрѣчаетъ своего рода отпоръ въ укоренившихся преданіяхъ и привычкахъ научныхъ, педагогическихъ и не педагогическихъ. Притомъ нужно сказать правду, что самыя требованія высказываются слишкомъ нерѣшительно и робко. Оставляя даже въ сторонѣ русскую и славянскую точку зрѣнія, мы все-таки должны признать, что современное научное пониманіе средних вѣковъ не только допускаетъ, но и требуетъ такого изложенія ихъ исторіи, при которомъ православная Восточная имперія и славянство признавались бы полноправными и равноправными членами христіанской европейской семьи народовъ. Наиболѣе свободные отъ предразсудковъ расы и племенныхъ пристрастій, англійскіе ученые, и притомъ первостепенные, уже давно выдвигаютъ на первый планъ, какъ объединяющую точку зрѣнія для всего средневѣковья,

идею непрерывности Римской имперіи и вѣдѣмъ ея двойственнаго продолженія на Востокъ и на Западъ. Въ другомъ своемъ видѣ, какъ она формулирована известнымъ русскимъ ученымъ славистомъ, эта идея получаетъ еще большую жизненность и глубину; это есть идея противоположности греко-славянскаго и романо-германскаго міровъ, и уже, конечно, не на почвѣ средневѣковой исторіи можно оспаривать научную состоятельность этой идеи. Вотъ, слѣдовательно, наиболѣе подходящая точка зрѣнія, отправляясь отъ которой, можно излагать средневѣковую исторію для школы согласно съ запросами жизни и не противорѣча требованіямъ науки. Примѣрная программа этого отдѣла исторіи, приложенная къ учебнымъ планамъ 1877 года, отчасти построена на такомъ взглядѣ, и притомъ предполагалось, какъ это и высказано въ объяснительной запискѣ, что даже въ чисто педагогическомъ отношеніи отсюда могутъ получиться большія выгоды относительно цѣльности курса и его удобообозримости, другими словами—относительно ясности его построения и, слѣдовательно, большей легкости усвоения.

Въ книгѣ г. Иващенко мы видимъ первую попытку выполнить предложенный планъ на самомъ дѣлѣ, осуществить примѣрную программу министерства народнаго просвѣщенія, и попытка эта должна быть признана довольно удачною. Весь курсъ, который, правда, можетъ показаться довольно обширнымъ для VI-го класса, гдѣ еще проходитъ русская исторія (294 страницъ, впрочемъ, крупной и разгонистой печати), распадается на девять главъ; двѣ изъ нихъ посвящены такъ-называемой внутренней исторіи, и одна (шестая) озаглавлена: „характеристика основныхъ началъ средневѣковой исторіи“, а другая (именно девятая) подъ заглавіемъ: „эпоха возрожденія“, заходитъ отчасти въ новую исторію, гдѣ иными учебниками и помѣщается цѣлая половина ея содержанія. За исключеніемъ этихъ двухъ, остается еще семь главъ, въ которыхъ размѣщены событія соответствующихъ періодовъ, и слѣдовательно, можно подумать, что еслибы нужно было прослѣдить исторію того или другаго государства или народа, то пришлось бы собирать ея по клочкамъ въ семи отдѣлахъ. На самомъ дѣлѣ этого однако нѣтъ: отдѣльная исторія новѣйшихъ европейскихъ народовъ, начинается, какъ известно съ IX вѣка, а это соответствуетъ только третьей главѣ разсматриваемаго нами учебника. Сверхъ того, не признано было необходимымъ непременно въ каждомъ отдѣлѣ сообщать что-нибудь о каждомъ изъ европейскихъ новыхъ народовъ; если въ теченіе даннаго времени ничего

важнаго и новаго въ жизни извѣстнаго народа не случилось, то о немъ и не говорится въ соответствующемъ отдѣлѣ - періодѣ; напримеръ, въ четвертомъ отдѣлѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи объ исторіи Англіи и только нѣсколько словъ сказано о Франціи, такъ какъ въ данное время историческій интересъ сосредоточивался на другихъ странахъ... Однимъ словомъ, мы не находимъ, слишкомъ большой подробности въ усвоенномъ г. Иващенко планѣ для распределенія матеріала, какъ извѣстно весьма сложнаго и съ трудомъ поддающагося группировкѣ. Въ учебникѣ Вит. Шульгина усвоенъ другой планъ; согласно съ желаніемъ избѣгать по возможностидробнаго дѣленія на періоды, изложеніе событій разбито Крестовными походами на два отдѣленія, и по нимъ проведена исторія главныхъ историческихъ странъ, а исторія второстепенныхъ государствъ (въ томъ числѣ и славянскихъ) представлена въ общихъ чертахъ въ концѣ курса, безъ дѣленія на періоды. За то сколько же получилось отдѣльныхъ большихъ главъ или рубрикъ? Не менѣе какъ восемнадцать. Нѣчто подобное можно находить и въ другихъ учебникахъ: на сколько тутъ выигрывается въ одномъ отношеніи, столько же или гораздо больше теряется въ другомъ. Конечно, полезно и нужно имѣть цѣльное представленіе о ходѣ исторіи каждаго отдѣльнаго европейскаго государства изъ первостепенныхъ, но точно также, а можетъ быть, еще болѣе нужно усвоить себѣ ясныя представленія объ общемъ ходѣ міровой исторіи и различныхъ его фазисахъ. Первое имѣетъ цѣну болѣе для развитія, такъ-сказать, политическаго образованія, то-есть, для воспитанія привычки судить и рядить о разныхъ формахъ государственнаго строя, второе—для развитія національнаго самосознанія. Чтобы понять или только почувать положеніе Русскаго народа среди другихъ, чтобы объяснить себѣ его прошедшія судьбы и призваніе, для этого гораздо болѣе важны перипетіи племенной борьбы и религіозныхъ раздоровъ между Западомъ и Востокомъ, чѣмъ исторія образованія англійскаго парламента и т. п. Несомнѣнно, что въ изложеніи г. Иващенко, которое, конечно, нельзя считать сразу достигшимъ совершенства, многое становится болѣе яснымъ и понятнымъ, чѣмъ у другихъ, благодаря усвоенному имъ общему плану. Разумный ученикъ и теперь догадается сдѣлать полезныя обобщенія, облегчающія разумѣніе, особенно если ему придется на помощь разумный преподаватель. Только на первый взглядъ можетъ иное показаться въ учебникѣ слишкомъ безсвязнымъ, пестрымъ и сложнымъ.

Возьмемъ для примѣра второй отдѣлъ, озаглавленный „Продолженіе

Римской имперіи въ Константинополѣ" (стр. 51). Здѣсь съ начала идетъ рѣчь объ Юстиніанѣ, о его законодательствѣ и постройкахъ, о возвращеніи Италіи и Африки подъ власть имперіи, о вторженіяхъ Славянъ и Волгарь, о Лангобардахъ и покореніи ими сѣверной Италіи; затѣмъ налагается время Ираклія, и говорится о поселеніяхъ Сербовъ и Хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ; вторая глава того же отдѣла посвящена времени Ираклія и его преемниковъ того же дома: совершенно естественно и согласно съ выяснившимся уже ходомъ вещей здѣсь продолжается исторія славянскихъ поселеній въ Македоніи, Фессаліи и Пелопоннѣсѣ, что иногда совершенно ускользаетъ отъ вниманія обозрѣвателей средневѣковой исторіи; въ той же самой общей связи авторъ обращается къ возникновенію на Востокѣ магометанства: и, объяснивъ основныя черты новой враждебной христіанскому міру религіи, переходитъ въ третьей главѣ къ Исаврійской династіи; отраженіе арабскаго нашествія Львомъ Исавромъ при такомъ порядкѣ изложенія получаетъ свое настоящее значеніе; въ связи съ иконоборствомъ говорится о паденіи императорской власти въ Италіи и о возвышеніи авторитета Римскаго епископа (разумный учитель, для объясненія причинъ отчужденія Италіи отъ Восточной имперіи, можетъ еще разъ указать здѣсь на ослабленіе Балканскаго полуострова): потерявъ опору въ своемъ законномъ государѣ и нуждаясь въ защитѣ противъ Лангобардовъ, Римскій епископъ, представитель интересовъ мѣстнаго населенія, заключаетъ союзъ съ Франками, съ фамиліей, управлявшею тогда Меровингскимъ государствомъ, и прямымъ слѣдствіемъ этого союза представляется, съ одной стороны, достиженіе Каролингами королевскаго достоинства, а съ другой—пріобрѣтеніе свѣтской власти папою; о дѣятельности Бонифація говорится здѣсь же потому, что она прямо содѣйствовала скрѣпленію союза и объединенію романскихъ и германскихъ элементовъ, скрѣпленію и обособленію западнаго міра, и все завершается превозглашеніемъ Карла Великаго императоромъ; наконецъ, совершенно естественно было здѣсь же сказать объ отношеніи Каролинговъ, и въ частности Карла, къ западнымъ Славянамъ. Если сколько-нибудь вникнуть въ существо дѣла и въ общій ходъ исторіи, то послѣ этого оглавленіе втораго отдѣленія уже не покажется страннымъ и безсвязнымъ. Обратимъ вниманіе на четвертый отдѣлъ (стр. 111 и сл.). Общее заглавіе слѣдующее: „Западная имперія при Саксонской династіи и Восточная при Македонской“. Уже одно сопоставленіе двухъ имперій можетъ много содѣйствовать историческому пониманію и сдѣлать не

нужными многія повторенія, потому что Саксонская династія на Западѣ и Македонская на Востокѣ не только современны хронологически, но и имѣли такія точки соприкосновенія, которыя приводили къ столкновеніямъ и борьбѣ. Съ Западною имперіей соединены параграфы, касающіеся западныхъ Славянъ, такъ какъ главнѣйшій интересъ нѣмецкой исторіи за этотъ періодъ, помимо походовъ въ Италію ради императорской короны, именно и состоитъ въ борьбѣ со Славянами, въ ихъ германизации, въ ихъ подчиненіи имперіи Западной и, слѣдовательно, во введеніи ихъ въ кругъ западнаго развитія. Если отдѣлать эту часть славянской исторіи въ особый отдѣлъ, то или придется два раза говорить объ одномъ и томъ же, либо говоря объ императорахъ Саксонской династіи, молчать пока о важнѣйшей сторонѣ ихъ дѣятельности и наполнять параграфы какими-нибудь не нужными подробностями, такъ какъ нельзя же оставить одни голыя имена императоровъ и королей. На такихъ же точно основаніяхъ изложеніе судьбъ Восточной имперіи соединено съ разказами о царѣ Симеонѣ и Самуилѣ Болгарскомъ, о Святославѣ Русскомъ. Третья глава этого четвертаго отдѣла въ учебникѣ начинается слѣдующими строками: „Между тѣмъ какъ западные Славяне и во главѣ ихъ Велико-Моравское княжество пали подъ ударами Нѣмцевъ и Угровъ, на востокѣ Европы начало проявлять свою жизнь новое славянское государство. Значительная часть нынѣшней россійской низменности (это, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо сказано) преимущественно бассейны рѣки Днѣпра, озера Ильмена и верховья въ западной Двины издавна заселены были Славянами. Первымъ Русскимъ княземъ былъ Рюрикъ; преемники его уже... стали производить нападенія на Византію, гдѣ въ то время царствовала Македонская династія“ (стр. 195, 196). Затѣмъ рѣчь идетъ о Василии I Македонянинѣ, о Львѣ VI и о походѣ Олега, и параграфъ заключается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Такимъ образомъ византійское правительство избавилось отъ Олега, но гораздо большая опасность стала угрожать ему со стороны Болгаръ“, и дальнѣйшій параграфъ посвящается Болгарскому царству Симеона. Намъ кажется, что при такой системѣ и порядкѣ изложенія получаютъ ясное и наглядное выраженіе такія точки зрѣнія, которыми слѣдуетъ дорожить особенно русскому преподавателю. Мы не будемъ утверждать, что все одинаково легко укладывается подъ рубрики и основныя раздѣлы, принятые въ учебникѣ г. Иващенко; иное въ самомъ дѣлѣ окажется довольно запутаннымъ и труднымъ для усвоенія, наприимѣръ, въ отдѣлѣ „Время Гогенштауфеновъ“, а также

и въ восьмомъ, но повторяемъ, если имѣть въ виду полное и систематическое, а не эпизодическое изложеніе средневѣковой исторіи, то почти и не возможно избѣжать таковыхъ затрудненій, а сверхъ того, мы должны смотрѣть на трудъ г. Иващенко, какъ на первый опытъ, способный къ усовершенствованіямъ при дальнѣйшей обработкѣ.

Что касается умѣнья въ выборѣ подробностей и характера изложенія, то въ этомъ отношеніи новое руководство представляется намъ, говоря вообще, очень удовлетворительнымъ. Многія страницы, особенно во второй половинѣ книги, даже поражаютъ насъ какою-то необычною въ произведеніяхъ такого рода твердостью и увѣренностью пріемовъ; кратко, сжато, но весьма опредѣленно разказываются основные факты французской и англійской исторіи; почти нѣтъ выраженій, сказанныхъ не впопадъ, хватающихъ мимо цѣли, либо далѣе ея, какъ это обыкновенно случается съ компиляторами. Излишне было бы донсѣиваться, изъ какихъ источниковъ заимствованы составителемъ эти отдѣлы, такъ какъ учебникъ имѣетъ право брать свое хорошее вездѣ, гдѣ оно ему попадется.

Переходимъ къ указанію частныхъ промаховъ и недочетовъ. Первая самая вопіющая погрѣшность, подобныхъ которой уже болѣе не встрѣчаемъ, находится на стр. 2; въ обзорѣ провинцій Римской имперіи сказано: „Реція — съ главнымъ городомъ Винделиціей“; на самомъ дѣлѣ города Винделиціи не существовало, а это была такая же цѣлая страна, какъ и Реція, хотя не столь важная и объединяемая съ послѣднею ради сосѣдства и единства управленія. Самымъ важнымъ городомъ провинціи „Реція и Винделиціи“ была *Augusta Vindelicorum*, теперь Аугсбургъ. Относительно той эпохи, которую имѣетъ въ виду обзорѣ провинціи, можетъ быть, и нельзя сказать, что Скотты населяли сѣверную часть острова Британіи: предполагается, что они распространились въ нынѣшней Шотландіи позднѣе, въ IV и V вв. нашей эры.

Стр. 3. Едва ли можно найти мѣста у древнихъ географовъ, гдѣ Галлы назывались бы народомъ дикимъ; такой эпитетъ не идетъ къ нимъ.

Стр. 4. Друидъ по латини *druida*, множ. *druidae*, а не *druides*.

Стр. 5. „(Галлы) думали, что боги сносятся съ людьми“ — очень неопредѣленная фраза. Не понятны также слова, что на бардовъ возлагались не только религіозныя, но и общественныя обязанности: какія? Сверхъ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ учебникѣ по средней исторіи едва ли умѣстно возвращаться къ характеристикѣ

первоначального галльского быта; этому мѣсто въ древней исторіи, при первомъ выступленіи Кельтовъ на поприще историческое.

Стр. 6. Нельзя сказать, что при Августѣ, для искорененія всякихъ воспоминаній объ ихъ прежней независимости, старые чисто галльскіе города были уничтожены и замѣнены новыми: напротивъ того, римскіе города возникали на мѣстѣ прежнихъ галльскихъ поселеній, нося даже ихъ имя, какъ и самый Лугудунъ (Лионъ), приведенный въ примѣръ; вся сила въ томъ, что галльскіе города, которыхъ притомъ было не много, имѣли совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ римскіе; они не уничтожались, а превращались въ нечто другое, высшее, въ самоуправляющіяся городскія общины. Странно говорить, что съ расширеніемъ городской римской жизни въ Галліи увеличивалась осѣдлость самихъ Галловъ; и ранѣе они уже совсѣмъ не были кочевымъ народомъ. Не вѣрно, что Римляне обратили особенное вниманіе на искорененіе національной галльской религіи: можно говорить только о преслѣдованіи человѣческихъ жертвъ.

Стр. 7. Высшую школу въ Марселѣ нельзя приводить въ образецъ латинскихъ, потому что она была греческая. Мало сказать, что латинскій языкъ сдѣлался только любимымъ въ высшемъ обществѣ; притомъ необходимо упомянуть и о распространеніи въ низшихъ классахъ населенія крестьянской латыни (*sermo rusticus*), отъ которой собственно и ведутъ свою родословную романскіе языки. Что Иберы поселились въ Испаніи изъ сѣверной Африки, это теорія довольно невѣроятная и не получившая обширнаго признанія; ей не мѣсто въ учебникѣ.

Стр. 9. Романизованные Даки „образовали особый, румынскій народъ, Влаховъ“: не говоря о томъ, что теорія о непрерывности существованія романскаго населенія на сѣверѣ отъ Дуная, въ Троянополю Дакии, съ ученой точки зрѣнія сомнительна, во всякомъ случаѣ Влахи не совсѣмъ совпадаютъ съ Румынами, они живутъ не въ одной нижнѣйшей Румыніи и не въ древней только Дакии могли появиться на свѣтъ; и на югъ отъ Дуная были романизованная области.

Стр. 10. То, что говорится о равнодушіи Грековъ къ вопросу, приять ли чужую культуру, или остаться вѣрными своей, и не ловко выражено, и не вѣрно исторически.

Стр. 13. У Германцевъ будто бы каждый молодой дворянинъ имѣлъ право набирать дружину; это сомнительно и противорѣчитъ

почти общепринятому мнѣнію принадлежности такого преимущества только королямъ и князьямъ, вообще народнымъ властямъ.

Стр. 15. Слишкомъ далеко идетъ авторъ, утверждая, что древніе Германцы не имѣли ни городовъ, ни селъ; даже у Тацита говорится о сѣлахъ.

Стр. 21. Мы ничего не знаемъ о вліяніи греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря на Готовъ, и не понятно, какъ уже во второй половинѣ III вѣка могло у Готовъ распространиться арианство, когда его еще и въ Римской имперіи не существовало; здѣсь нужно было говорить просто о христіанствѣ, а напротивъ ниже, гдѣ рѣчь идетъ о дѣятельности Ульфила, слѣдовало выставить на видъ арианство, чего опять не сдѣлано.

Стр. 25. О Θεодосіи Великомъ сказано, что онъ положилъ основаніе возвышенію церковной іерархіи въ государствѣ: это было сдѣлано еще Константіномъ, и нужно было точнѣе обозначить, что же именно въ указанномъ отношеніи совершено было Θεодосіемъ.

Стр. 27. Атаульфъ „подчинился вліянію императорскаго двора, женился на Плакидіи, сестрѣ Гоноріа“: тутъ есть небольшая внутренняя неточность, заключающаяся собственно въ сопоставленіи двухъ фактовъ неодновременныхъ: женитьба на Плакидіѣ совершилась противъ воли и желанія римскаго двора.

Стр. 31. Невры и Гелоны должны быть опущены въ перечисленіи народовъ, подвластныхъ Атилѣ и принимавшихъ участіе въ его походѣ на Рейнъ, хотя бы такіа имена и встрѣчались въ одномъ изъ источниковъ.

Стр. 33 и 34. Объясненіе причинъ паденія Римской имперіи не-удовлетворительно: „испорченность нравовъ привилегированнаго населенія“, „рядъ ничтожныхъ императоровъ“, „искусныя интриги“, благодаря которымъ „замѣчательные люди“ гибли отъ рукъ своихъ государей; одно слишкомъ обще, другое указываетъ на два на три случайные факта, которымъ придаю преувеличенное значеніе. Императоръ, который царствовалъ послѣ убитаго имъ Валентиніана III, долженъ быть называемъ не просто Петроніемъ, а Петроніемъ Максимомъ или же скорѣе однимъ послѣднимъ именемъ (Fl. Anicius Maximus).

Стр. 35. Вѣрнѣе, что Одоакръ принадлежалъ къ Ругамъ, чѣмъ къ Тунцилингамъ.

Стр. 37. Ранѣе было сказано, что въ Константинополѣ первоначально господствовала латинская цивилизація и языкъ; между тѣмъ

Теодорихъ Остготскій знакомится здѣсь въ юности только съ греческою цивилизаціей (нужно было сказать: „съ греко-римскою“).

Стр. 40 и сл. Хлодовикъ, основатель Франкскаго государства, называется въ учебникѣ то Хлодвикомъ (что терпимо), то Кловисомъ (что не хорошо).

Стр. 45. Британія сдѣлалась добычею германскихъ завоевателей не раньше, а позже Испаніи и Галліи, если припомнить Вест-Готы и Бургунды.

Стр. 46. „Константинопольская монархія“ — не ладное выраженіе.

Стр. 47. Цвѣтъ волосъ Славянъ былъ русый, будто бы „переходившій чисто въ рыжій“. Это напоминаетъ намъ одно мѣсто Прокопія, неправильно переводимое на русскій языкъ нѣкоторыми русскими учеными. Можно обойтись и безъ рыжаго цвѣта, довольствуясь русымъ.

Стр. 48. „Жива, богиня плодородія“ должна быть вычеркнута изъ числа славянскихъ божествъ; объясненіе причины составитель учебника можетъ найти въ статьяхъ В. И. Ламанскаго, помѣщенныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Стр. 49. Когда императоръ Троянъ покорилъ Дакию, то и Славяне, жившіе въ ней, подчинились Римлянамъ. Римляне времѣнь Трояпа ничего не слышали о Славянахъ или Венедахъ въ Дакии и не думали хвалиться тѣмъ, что имѣли такихъ подданныхъ.

Славяне поселились преимущественно у бассейновъ рѣкъ: Дуная и т. д. Отмѣчаемъ собственно неловкое выраженіе.

Стр. 54. Велизарій, подобно Юстиніану, былъ славянскаго происхожденія: то и другое болѣе, чѣмъ сомнительно.

Стр. 57. Мы не отмѣчали до сихъ поръ опечатокъ, которыя встрѣчались; но вотъ одна, которую необходимо указать: „въ половинѣ II в. королемъ Лангобардовъ является Альбоинъ“. Конечно, слѣдуетъ читать: VI в.

Стр. 59. „Въ то время (рѣчь идетъ о времени переселенія народовъ) церковный клиръ во всѣхъ провинціяхъ и городахъ Италіи занималъ важныя мѣста и общественныя должности, даже префектуры“: не складно, не ладно, да и не точно. Кліръ не могъ занимать важныхъ общественныхъ должностей, а развѣ только отдѣльные его члены; не знаемъ, что именно разумѣется подъ префектурами.

Слѣдовало говорить объ ученіи клира въ куріяхъ и городской администраціи, о правѣ надзора за гражданскими властями и т. п.

„Вторженіе Лангобардовъ въ Италію было однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствъ: въ этомъ народѣ Римскій престолъ нашелъ себѣ пособника для ослабленія и даже уничтоженія императорской власти въ Италіи“. Лангобарды когда пришли въ Италію, были ариане и отчасти язвчники; завоеванія ихъ сопровождалось разореніемъ и опустошеніемъ городовъ и селъ, уничтоженіемъ множества монастырей и епархій; послѣ они постоянно угрожали Риму, такъ что никакъ нельзя сказать, что само по себѣ лангобардское вторженіе было благопріятнымъ обстоятельствомъ для насъ.

О Григорій I нельзя сказать, что онъ подчинилъ своей власти въ духовномъ отношеніи Галлію.

Стр. 60. Борьба Ираклія съ Персами: нужно было объяснить, какіе Персы тутъ разумѣются; ранѣе ничего не было о Сассанидахъ.

Стр. 65. „Могущественное сословіе жрецовъ“ у Арабовъ до Магомета есть вещь очень сомнительная.

Стр. 73. О поселеніи Славянъ въ Аттікѣ съ городомъ Аенинами говорить нужно подумавши; настоящее положеніе научныхъ изслѣдованій совсѣмъ не позволяетъ этого.

Стр. 75. По сверженіи императрицы Ирины преслѣдованіе иконъ не тотчасъ возобновилось, а между тѣмъ по изложенію учебника это можетъ такъ показаться.

Стр. 80. Пала Стефанъ II совершилъ надъ Пипиномъ Короткимъ помазаніе не въ г. Повтіонѣ, а въ Сент-Дени; въ Понтуазѣ (ad Ponte-Migone) произошла только первая встрѣча.

Стр. 98. Набѣги Норманновъ начались уже въ VI вѣкѣ: чтó это—ошибка или опечатка?

Стр. 101. Альфредъ Великій, не имѣя возможности противостоять сильному врагу, то-есть, Датчанамъ или Норманнамъ, удалился—сказано въ учебникѣ—на сѣверъ: но развѣ Соммерсетскія болота находятся тамъ? Притомъ нельзя сказать, что Альфредъ положилъ конецъ норманнскимъ набѣгамъ, какъ это выражено на предыдущей страницѣ.

Стр. 105. Весьма сомнительно, чтобы тотъ Меодій, который упоминается въ исторіи обращенія Бориса Болгарскаго, былъ именно братъ св. Кирилла, одинъ изъ славянскихъ апостоловъ, и совсѣмъ не вѣрно, что крещеніе надъ Борисомъ совершилъ первый Болгар-

скій епископъ Іосифъ: крещеніе было совершено ранѣе, чѣмъ ханъ былъ первый ослѣпъ епископъ Волгарамъ.

Стр. 126. Законодательный сборникъ, носящій названіе Василикъ (*τὰ βασίλικα*) изданъ скорѣе при Львѣ Мудромъ, а при Василиѣ Македонскомъ только начатъ; объ этомъ, можетъ быть, слѣдовало сдѣлать оговорку въ руководствѣ, и во всякомъ случаѣ необходимо устранить всякій поводъ къ неправильному словопроизводству Василикъ отъ имени Василя. „Василика“ просто значить царскія книги.

Стр. 129. Въ характеристикѣ Никифора Фоки опущено взятіе острова Крита, величайшій его подвигъ въ глазахъ современнаго христіанскаго міра и главное право на великую его славу въ исторіи.

Стр. 155 и 157. слѣдовало бы сказать о союзѣ Алексѣя Комнина противъ Норманновъ съ Венеціей, а также съ Генрихомъ IV, а въ объясненіи причинъ перваго Крестоваго похода указать на трудное положеніе Византіи и на обращеніе Алексѣя къ западнымъ князьямъ съ мольбами о помощи.

Стр. 163. Говоря о бенедиктинскомъ уставѣ, составитель учебника опустил самую существенную и характеристическую черту—обязательность физическаго земледѣльческаго труда и ученыхъ занятій.

Стр. 164. О феодализмѣ по обыкновенію говорится не удовлетворительно; что при этомъ нужно—указано было еще разъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія при разборѣ учебника г. Белларминава.

Стр. 170. Въ учебникѣ можно обойтись и безъ упоминанія о *ius primaе noctis*.

Стр. 197. Въ изложеніи содержанія Великой хартіи короля Іоанна Безземельнаго приведена такая статья, что не (то-есть, ни) одинъ человекъ не можетъ быть преданъ суду на основаніи только простаго подозрѣнія. Такой статьи нѣтъ въ хартіи.

Великій совѣтъ или парламентъ существовалъ и ранѣе Великой хартіи; въ ней находится только точка отправленія для его преобразования изъ феодальнаго королевскаго двора въ національное представительное собраніе.

Стр. 198. Людовикъ VI не былъ непосредственнымъ предшественникомъ Филиппа Августа; хотя учебникъ не утверждаетъ прямо противнаго, но подаетъ поводъ такъ думать.

Стр. 199. То, что написано о Людовикѣ IX Святомъ, необходимо пересмотрѣть и улучшить.

Стр. 201. Мосульскій султанъ Нуреддинъ не носилъ титула калифа, точно такъ, какъ и Саладинъ.

Стр. 211. „Еще до вступленія на престолъ Алексѣя I въ Константинополь цѣлыя улицы были населены Венеціанцами, Генуэзцами и т. д.“ Это не вѣрно: большія поселенія начались только со времени Комниновъ.

Стр. 241. „Турки-Османы—народъ Монгольскаго племени“. Турки-Османы не новый какой народъ, а только новая династія, положившая основаніе новому государственному соединенію; прежде всего они Турецкаго племени или Турскаго, а уже развѣ только потомъ, во второй линіи, Монгольскаго.

Въ книгѣ есть также и не мало опечатокъ и невѣрныхъ написаній собственныхъ именъ, что прежде всего требуетъ внимательнаго пересмотра и исправленія. Стр. 92: Сонною; стр. 107: Солоникки; стр. 109: Силлезіи; стр. 134: Адельбертъ вмѣсто Адальбертъ; стр. 140: Атель-статъ; стр. 145: эмилъ-аль мушенинъ; стр. 148: Горняляно; стр. 149: Танкреда д'Овила; стр. 153: узамы вмѣсто Узамы (народъ); стр. 227: колонна вмѣсто Колонна (фамилія); стр. 264: Свернеръ вмѣсто Сверкеръ. Сверхъ того, на стр. 241 опущено сверху общее заглавіе отдѣла.

Памятныя таблицы по восточной и русской исторіи. Курсъ III-го и IV-го классовъ гимназій. Составилъ А. Сукрухо (примѣнительно къ учебной программѣ). Одесса. 1884.

Памятныя таблицы г. Сукрухо состоятъ изъ перечисленія собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ первоначальныхъ курсахъ исторіи по общепринятымъ учебникамъ; имена распределены въ столбцахъ отдѣльно для каждаго государства или народа; даже для такихъ странъ, которыя упоминаются почти мимоходомъ, не имѣя связной исторіи, по мѣстамъ являются отдѣльными графы; такъ на стр. 15 для Нумидіи, на стр. 35 для Крыма, на стр. 37 для Черногоріи. Отдѣльные столбцы, рассматриваемые горизонтально, представляютъ съ нѣкоторою наглядностію синхронизмъ историческихъ фактовъ въ разныхъ странахъ за извѣстные періоды. Все это довольно просто и удобно. Лучшее въ изданіи составляютъ, можетъ быть, обширныя, ни чѣмъ не наполненныя бѣлыя мѣста, которыми ученикъ можетъ воспользоваться для собственныхъ замѣтокъ, для выписокъ, для ссылокъ на учебникъ. Написаніе собственныхъ именъ не всегда правильно: Псамметикъ, Зедекіа, Красъ, Деоклетіанъ, Аньянъ, Тотилъ, Тей, Вилизарій, Карбога, Метиславъ (опечатка), Михаилъ Черикъ (опечатка).

Арифметика. Систематическій учебникъ для высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Д. Мартыновъ, кандидатъ математическихъ наукъ. Второе изданіе, тщательно исправленное. Москва. 1884. Стран. 173 въ 8-ку. Цѣна 70 коп.

Находящееся предъ нами второе изданіе „Арифметики“ г. Мартынова, по мнѣнію автора, „тщательно исправленное“, дѣйствительно нѣсколько лучше перваго, но все еще несвободно отъ множества недостатковъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ здѣсь лишь самыя крупныя.

Авторъ категорически приписываетъ (стран. 24) Пифагору изобрѣтеніе извѣстной таблицы умноженія. Столь же категорически утверждаетъ онъ (на стран. 52), что „годъ, въ которомъ (sic) родился Иисусъ Христосъ, былъ високосный“. Наука, какъ извѣстно, не располагаетъ еще данными, оправдывающими эти смѣлыя соображенія автора.

По мнѣнію г. Мартынова (стран. 65), „обыденное выраженіе времени нельзя считать арифметическимъ числомъ (курсивъ въ подлинникѣ): оно не представляетъ собою именованнаго числа съ раздѣльными разрядами“.

На стран. 69 утверждается, что въ метрической системѣ мѣръ „крупнѣе франка монеть нѣтъ“.

На стран. 136: „Складывать и вычитать по членно (почленно) можно только такія пропорціи (кратныя), у которыхъ знаменатели одинаковы“.

На стран. 146 (курсивомъ): „Всякая задача на правило процентовъ есть задача на тройное правило, но только въ примѣненіи къ денежнымъ интересамъ“.

На стран. 149: „Если должникъ пожелаетъ уплатить по векселю ранѣе срока, то кредиторъ обязанъ скинуть съ вексельной суммы проценты за недодержанное время“.

Разстановка знаковъ препинанія, усвоенная авторомъ, весьма своеобразна, но едва ли умѣстна въ особенности въ учебной книгѣ. Вотъ образчикъ (стран. 36):

„Иногда при рѣшеніи задачи не объясняютъ письменно,—почему для рѣшенія нужно совершить тѣ или другія дѣйствія,—а выполняютъ одни только дѣйствія,—конечно,—въ томъ порядкѣ,—который устанавливается содержаніемъ задачи (.) то-есть, ея условіями: это называется расположеніемъ задачи“.

Опечатокъ авторъ не потрудился оговорить, а слѣдовало бы, по-

тому что между ними встрѣчаются, напримѣръ, такіа (стр. 85. курсивъ): „Всякое число должно безъ остатка дѣлиться не на всевозможныя произведенія, какія можно составить изъ его первоначальныхъ производителей“.

Азбука домоводства и домашней гигиены для самообразованія и женскихъ учебныхъ заведеній. *М. Клима*. Перевелъ съ пятого нѣмецкаго изданія, съ измѣненіями и дополненіями баронъ *Н. А. Корфъ*. С.-Петербургъ. 1888. Стр. 218. Цѣна 75 коп.

Книга эта, какъ уже указываетъ ея заглавіе, посвящена изученію хозяйственнаго механизма и домашней гигиены и назначена для самообразованія и женскихъ учебныхъ заведеній. Изложенныя въ ней свѣдѣнія, затрогивая самыя насущныя интересы домашняго быта, имѣютъ со ірсо характеръ чисто практическій, чуждый всякихъ теоретическихъ умствованій, и находятъ себѣ полное примѣненіе въ обыденной жизни каждаго семьянина. Польза подобныхъ знаній для каждой женщины, которой выпало на долю руководить домашнимъ бытомъ, быть представительницею семейства, едва ли можетъ быть оспариваема. Эта истина осуществлена на практикѣ, особенно въ Германіи, гдѣ такой авторитетъ, какъ Вирховъ, нѣсколько дѣтъ тому назадъ, далъ себѣ трудъ вложить въ особую брошюрѣ необходимость для домохозяекъ знанія нѣкоторыхъ естественныхъ наукъ въ примѣненіи къ обыденной жизни.

Книга г-жи Клима заключаетъ въ себѣ шесть главъ: 1) качества хорошей хозяйки; 2) уходъ за дѣтьми; 3) въ домѣ и во дворѣ; 4) пища въ домашнемъ хозяйствѣ; 5) одежда и ея принадлежности, обувь; 6) освѣщеніе и топливо. Книга эта, какъ справедливо замѣчаетъ переводчикъ въ предисловіи, не имѣетъ ничего общаго съ „поваренными“ и такъ-называемыми „хозяйственными“ книгами, которыя ограничиваются непосредственно приложенными, эмпирическими указаніями на то, какъ удовлетворить той или другой потребности домашняго быта. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ этой книги далеко не всегда даетъ самый рецептъ къ исполненію, но стремится къ тому, чтобы элементарно объяснить научныя основанія многосторонней дѣятельности домашней хозяйки, попеченію которой ввѣрены маленькія дѣти и взрослые члены семьи, заботливости которой распространяется на пищу, одежду, бѣлье, обувь семьи, на кухню, погребъ, устройство самой квартиры, отопленіе и освѣщеніе ея и, наконецъ, на уходъ за больными въ семействѣ. Въ такомъ обширномъ смыслѣ авторъ понимаетъ слово

„домоводство“. Въ подлинникѣ разбираемая книга озаглавлена „Haus-haltungskunde“, то-есть, „ученіе о домоводствѣ“; но переводчикъ придавъ ей въ переводѣ названіе, гораздо болѣе соответствующее характеру книги и задачѣ автора.

Нѣкоторые отдѣлы книги, напримѣръ, о чисткѣ металловъ, матерій и другихъ предметовъ и о „домашней аптекѣ“ имѣютъ исключительно справочное значеніе; всѣ же остальные отдѣлы, по содержанию и способу обработки, относятся къ воспитывающему чтенію и обученію, представляя элементарное, но полное изложеніе главнѣйшихъ научныхъ данныхъ, необходимыхъ въ области домашняго хозяйства и домашней гигиены, въ весьма доступной формѣ, при обиліи указаній на лучшіе способы примѣненія ихъ на практикѣ. Книга г-жи Клима имѣетъ свою задачу воспитывать не кухарку или экономку, но разумную мать и сестру, сознательно относящуюся не только къ духовнымъ, но и къ матеріальнымъ потребностямъ семьи.

Не ограничиваясь одною переименованіемъ заглавія книги, переводчикъ исключилъ изъ оригинала то, что казалось ему не соответствующимъ назначенію его, и дополнилъ въ немъ то, что казалось ему упущеннымъ авторомъ изъ виду, не нарушая однако общаго характера книги, не обезличивая автора ея и не вступая въ противорѣчіе съ его основною точкою зрѣнія. Главнѣйшія дополненія, сдѣланныя переводчикомъ слѣдующія: дыханіе растений и животныхъ, комнатные ледники, папиновъ котель, глазныя души, трихины, крупа, варенье, квасъ, тѣсто, дезинфекція, герметическія печи, кушанья мясныя, рыбныя, фруктовыя и изъ яицъ. Курсивомъ напечатаны въ переводѣ слова, которыми исчерпывается главнѣйшее содержаніе всѣхъ частей каждаго параграфа. Первая половина „введенія“ написана переводчикомъ для того, чтобы согласовать его съ новымъ названіемъ книги, не произвольно придуманнымъ, но вытекшимъ изъ самаго содержанія труда г-жи Клима. Въ предисловіи помѣщены также библиографическія указанія для учительницы, учителя и читателей этой книги вообще. Книга переведена языкомъ вполне безукоризненнымъ, популярнымъ, удобопонятнымъ и читается съ интересомъ. Въ типографскомъ отношеніи она также удовлетворительна. Опечатокъ почти вовсе нѣтъ.

Указавъ на общія достоинства разбираемой книги, не можемъ не коснуться и нѣкоторыхъ ея недостатковъ, большинство которыхъ имѣетъ впрочемъ лишь условное значеніе.

Начать съ того, что въ книгѣ не мало такихъ предписаній и со-

вѣтовъ домохозяйкамъ и матерямъ, которые указываютъ, что авторъ имѣлъ въ виду читательницъ, если не съ роскошною обстановкою жизни, то по крайней мѣрѣ изъ весьма достаточнаго класса людей. Затѣмъ встрѣчается въ книгѣ столько общензвѣстныхъ, мелочныхъ, азбучныхъ истинъ, что, право, не стоило ихъ печатать. Для подтвержденія этихъ словъ, позволимъ себѣ указать на слѣдующія мѣста:

Стр. 18. „Въ домѣ, гдѣ чистота и порядокъ получили право гражданства, необходимо каждый день по нѣскольку разъ мести полъ, въ комнатахъ и кухнѣ, и выметать соръ, собирающійся въ углахъ и подъ мебелью и т. д.“. Въ хозяйствѣ средней руки едва ли это осуществимо.

Стр. 19. „Коври слѣдуетъ выкалачивать или каждый день, или, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю“. См. тамъ же чистка мебели и т. д.

Стр. 20. „Столовую провѣтривать послѣ каждого принатія пищи“.

Стр. 21. „Фланелевыя одѣяла должны ежедневно вывѣтриваться и выбиваться“.

Тамъ же. „Въ домѣ, гдѣ существуетъ порядокъ, нужно мыть двери и окна разъ въ мѣсяць.“

Стр. 25. „Въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ, кромѣ хозяйки дома, только одна прислуга и т. д.“. Авторъ упускаетъ изъ виду, что не мало есть семействъ, живущихъ совсѣмъ безъ прислуги.

Стр. 33 и 34. Авторъ совѣтуетъ избѣгать долговъ, стараться покупать дешевле. Слишкомъ наввныя вещи.

Стр. 40. „Подушки и матрацы дѣтской постели необходимо вывѣтривать ежедневно“. Едва ли это возможно въ сѣверномъ климатѣ.

Стр. 43. „Ребенокъ можетъ сидѣть въ холодной ваннѣ минутъ семь“. Такому ребенку едва ли поздоровится.

Стр. 44. Авторъ совѣтуетъ брать съ собою во время путешествій каучуковыя складныя ванны. Излишняя роскошь.

Стр. 45. „Новорожденныхъ слѣдуетъ распеленывать отъ 4 до 6 разъ въ день“. Едва ли эта мѣра принесетъ пользу новорожденному.

Тамъ же. „Англійская болѣзнь дѣтей—результатъ дурнаго ухода“. Такой сложный патологическій процессъ, какъ англійская болѣзнь, обуславливается самыми разнообразными причинами.

Стр. 51. „Во время сна происходитъ обильная испарина“. Это не вѣрно. Въ нормальномъ состояніи, во время сна, температура человеческого тѣла понижается. Ночная испарина — явленіе патологическое.

Стр. 74. Указаніе, какъ чинить бѣлье. Слишкомъ извѣстныя вещи.

Стр. 92. Авторъ упустилъ изъ виду самое дѣйствительное, но-
вѣйшее средство отъ обжоговъ—растворъ соды.

Тамъ же: крупная ошибка, состоящая въ томъ, что при отрав-
леніи фосфоромъ никакъ не слѣдуетъ давать ни молока, ни
вообще масляныхъ веществъ, которыя предлагаетъ авторъ какъ
противоядіе.

Стр. 101. Та же ошибка.

Стр. 102. „Арника помогаетъ противъ зубной боли“. Такъ ли?

Тамъ же: „Отъ постоянного употребленія раствора марганцово-
кислаго кали исправляются зубы“. Совершенно невѣрно.

Стр. 104. „Если же болѣзнь кожи происходитъ отъ остроты крови,
то приготовить мазь и т. д.“. Излишнее и ненаучное умствованіе.

Стр. 117. „Мясо убитаго животнаго должно повисѣть или поле-
жать нѣсколько дней до своего употребленія“. Тутъ очевидное не-
доразумѣніе или опечатка.

Стр. 118. Въ новѣйшее время лучшимъ средствомъ для предо-
храненія мяса отъ гніенія считается салициловая кислота, а не мар-
ганцовокислое кали, которое рекомендуетъ авторъ.

Стр. 132. „Мясо, по питательности, превосходитъ хлѣбъ“. Это
не вѣрно.

Стр. 143. „Какъ только мы вынуждены обстоятельствами лишать себя
пищи, содержащей соли калия, въ нашемъ организмѣ наступаютъ хи-
мическіе процессы, слѣдствіемъ которыхъ являются разныя сыпныя
болѣзни“. Ни на чемъ не основанное патологическое воззрѣніе.

Паровая машина и телеграфъ. Общедоступное изложеніе, предназначенное
преимущественно для оканчивающихъ сельскія народныя школы. Со-
ставилъ Д. А. Онанкій, помощникъ учителя городского училища. Кіевъ.
1834. Въ 8-ку, 52 стр., съ 56 рисунками въ текстѣ. Цѣна 40 коп.

При похвальномъ стремленіи г. Онанкаго, не ограничиваясь пре-
подаваніемъ, расширить свою дѣятельность изданіемъ общедоступ-
ныхъ сочиненій, исполненіе принятой имъ на этотъ разъ на себя
задачи—изложить популярно устройство паровой машины и телеграфа,
не оказалось, къ сожалѣнію, по силамъ автору. Брошюра, называемая
г. Онанкимъ „для учениковъ, оканчивающихъ сельскія народныя
школы и затѣмъ для всѣхъ остальныхъ крестьянъ, желающихъ знать
общія устройства паровой машины и телеграфа“, не достаточно обще-
понятна и заключаетъ въ себѣ не мало промаховъ и ошибокъ.

На стр. 6 авторъ для объясненія того, что паръ имѣетъ упругость, описываетъ не исполнимый опытъ съ резиновымъ мячемъ, наполненнымъ паромъ и сжимаемымъ рукой.

На стр. 9 авторъ, для объясненія паровой машины, предполагаетъ конецъ рычага предохранительнаго клапана папинова котла соединеннымъ съ пружиной, и думаетъ, что колебанія рычага приведутъ въ движеніе пружину. Опытъ, очевидно, столько же не исполнимый, какъ и предыдущій. Слѣдующее затѣмъ исключительно кинематическое описаніе паровой машины и отчасти локомотива едва ли будетъ ясно понятно тѣмъ читателямъ, для коихъ брошюра назначается.

Опытъ (стр. 34) касательно электрическаго состоянія разныхъ частей гальваническаго элемента, въ простѣйшей формѣ двухъ металлическихъ пластинокъ (мѣди и цинка), между концами положена папка смоченная, какъ не точно выражается авторъ, „ѣдкою жидкостію—сѣрною кислотою“, также описанъ въ не исполнимой формѣ. При этомъ авторъ говоритъ, что кислота „будетъ разѣдать или разлагать какъ мѣдь, такъ и цинкъ“.

На стр. 39 авторъ, забывъ о законѣ Ома, утверждаетъ, что „во сколько разъ больше возьмемъ мы (гальваническихъ) элементовъ, во столько же разъ будетъ болѣе и сила тока“.

Англійскаго ученаго Даниеля авторъ почему-то называетъ (стр. 37) Итальянцемъ, а Американца Морза—Французомъ (стр. 44).

Схематическое описаніе устройства телеграфа страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и описаніе паровой машины.

Слово гдѣ авторъ употребляетъ и въ смыслѣ откуда, и въ смыслѣ куда. „Гдѣ берется паръ?“ говоритъ онъ на стр. 5.—„Если налить въ тарелку немного воды и нагрѣвать ее, чтобы она кипѣла, то, спустя нѣкоторое время, можно замѣтить, что ея не стало. Гдѣ же она дѣлась, если изъ тарелки ее никто не выливалъ?“

Брошюру свою авторъ назначаетъ преимущественно для окончившихъ ученіе въ сельской школѣ. Полагать надо, такковыя достаточно развиты, чтобы не думать „будто“—какъ выражается авторъ—„машину гонитъ самъ чертъ“, и не нуждаются въ объясненіи того, что „паровая машина и телеграфъ устроены руками и умомъ человѣка, безъ всякаго вмѣшательства нечистой силы“. Тѣмъ болѣе излишне было дополнять объясненіе такимъ наивнымъ аргументомъ: „Если бы машину приводилъ въ движеніе чертъ, то ее и называли бы чертовою машиной, а ее называютъ не чертовою, а паровою.“

Справочная книга для инженеровъ, механиковъ, техникумовъ и строителей, составилъ инженеръ-механикъ *П. И. Мальцовъ*, главный инженеръ-механикъ, управляющій мастерскими Императорскаго технического училища, и ассистентъ по кафедрѣ проектированія машинъ. Москва. 1884. Стр. 166+167+240+170. Цѣна 3 р. 50 к.

Это изданіе представляетъ очень полную справочную книгу, которая по объему, содержанію и общему характеру нѣсколько подходитъ къ прежнимъ изданіямъ извѣстной нѣмецкой справочной книги общества „Nütte“. Книга г. Мальцова раздѣлена на четыре части, содержанція въ себѣ 21 отдѣлъ. Въ первой части находятся: математическія таблицы, собраніе наиболѣе употребительныхъ математическихкихъ формулъ, таблицы мѣръ и вѣса, разныя физическія и химическія таблицы, собраніе формулъ и таблицъ по прикладной механикѣ, при чемъ особый отдѣлъ посвященъ свѣдѣніямъ, относящимся къ гидравликѣ; въ слѣдующихъ отдѣлахъ собраны справочныя данныя, относящіяся къ теплотѣ вообще, и къ водяному пару въ особенности; далѣе идетъ обширный отдѣлъ, посвященный сопротивленію матеріаловъ. Во второй части собраны данныя относительно устройства главнѣйшихъ частей машинъ, то-есть, такъ-называемыхъ элементовъ или деталей машинъ; для всѣхъ ихъ приведены чертежи, опредѣляющіе нормальную форму ихъ, а также правила построения, вмѣстѣ съ таблицами, облегчающими вычисленія, сюда относящіяся. Третья часть содержитъ въ себѣ свѣдѣнія относительно устройства двигателей—живыхъ, гидравлическихъ, вѣтряныхъ, паровыхъ, calorическихкихъ и газовыхъ; въ этой же части приведены данныя, опредѣляющія конструцію нѣкоторыхъ исполнительныхъ машинъ, а именно: насосовъ, подъемныхъ машинъ, вентиляторовъ, машинъ-орудій для обработки металловъ и дерева и, наконецъ, правила построения пароходовъ и ихъ двигателей. Четвертая часть занята свѣдѣніями, относящимися къ устройству полныхъ фабрикъ и заводовъ: мельницъ разнаго рода, пивоваренныхъ, винокуренныхъ и сахарныхъ заводовъ, прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ; далѣе идутъ отдѣлы, занимающіеся отопленіемъ и вентиляціей, производствомъ чугуна, желѣза и стали, устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ подвижнаго состава, при чемъ приведены также данныя касательно устройства конно-желѣзныхъ дорогъ; затѣмъ слѣдуютъ статьи: о постройкѣ мостовъ, небольшой отдѣлъ, посвященный строительному искусству вообще, отдѣлъ о землѣмѣрномъ искусствѣ и нивелированіи и, наконецъ, при-

бавленіе, въ которомъ разсмотрѣны газовое производство и электрическое освѣщеніе.

Въ технической литературѣ имѣется много справочныхъ книгъ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, и эти существующія сочиненія, конечно, значительно облегчили г. Мальцову трудъ по составленію его книги, на что онъ и указываетъ въ своемъ предисловіи. Нѣкоторые отдѣлы его книги представляютъ буквальный переводъ соответствующихъ главъ изъ технического календаря Уланда и другихъ источниковъ, но большинство статей обработаны самостоятельно на основаніи большого числа литературныхъ источниковъ и личной опытности автора. Между прочимъ, приведено много данныхъ относительно конструкціи американскихъ приводовъ, получившихъ за послѣдніе года обширное распространеніе въ западной Европѣ. Г. Мальцовъ заслуживаетъ также благодарности за то, что онъ помѣстилъ въ своей книгѣ свѣдѣнія относительно очистки воды по способу Дершау и по способу Веранже и Штингля, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе для фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ.

Существуютъ извѣстные отдѣлы техники, относительно которыхъ въ Россіи установилась практика и приемы, отличные отъ принятыхъ за границей. Иногда это вызывается особенностью нашихъ климатическихъ условій; въ другихъ же случаяхъ причиною такой разницы служитъ то обстоятельство, что эти отрасли техники развивались въ Россіи самостоятельно и независимо отъ историческаго хода того же дѣла въ западной Европѣ. Послѣднее имѣло мѣсто относительно металлургіи чугуна и желѣза; извѣстно, что типы доменныхъ печей на Уралѣ отличаются отъ заграничныхъ типовъ; что на Уралѣ изготовляютъ особый сортъ желѣза: такъ-называемое глянцевое, подобнаго которому не дѣлаютъ за границей, хотя этотъ сортъ цѣнится тамъ очень высоко; приготовленіе большихъ кричныхъ крицъ также есть оригинальная особенность уральской металлургіи. На это обстоятельство обращено вниманіе г. Мальцовымъ, который привелъ много данныхъ относительно уральской практики по выплавкѣ чугуна изъ рудъ и ввелъ въ составъ своей книги статью о производствѣ въ Россіи листового желѣза, написанную инженеръ-механикомъ Карельскимъ. Слѣдовало бы также обработать, на основаніи русской практики, статьи о строительномъ искусствѣ и о вентилациіи и отопленіи. Къ сожалѣнію, это не сдѣлано, и указанные отдѣлы прямо переведены изъ календаря Уланда, вслѣдствіе чего является нѣко-

торая неполнота свѣдѣній. Напримѣръ, въ статьѣ о крышахъ, когда говорится о нагрузкѣ на стропила, не приведено данныхъ относительно вѣса снѣга, могущаго скопиться на крышѣ, а у насъ эти данныя необходимы для расчета стропилъ. Таблица на стр. 148, въ которой даны размѣры деревянныхъ частей стропилъ для крышъ разныхъ пролетовъ, не вполне пригодна у насъ, потому что не соответствуетъ размѣрамъ имѣющагося у насъ въ продажѣ лѣса. Въ статьѣ о водопроводахъ приведено правило относительно глубины укладки трубъ, принятой въ Германіи, а также имѣются свѣдѣнія относительно расходовъ на устройство водоснабженія въ германскихъ городахъ; но конечно, слѣдовало бы замѣнить эти данныя свѣдѣніями относительно водопроводовъ, устраиваемыхъ въ Россіи, и проч. Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, что число техническихъ данныхъ, имѣющихся для Россіи другія величины, чѣмъ для западной Европы, очень не велико; въ большинствѣ случаевъ техника имѣетъ вполне международный характеръ, такъ что высказанное нами замѣчаніе относится только къ самой незначительной части разбираемой книги.

Составленіе полной справочной книги для инженеровъ и механиковъ—работа очень нелегкая; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ составленіемъ руководства по одной изъ прикладныхъ наукъ или по одному какому-нибудь техническому производству. Въ небольшомъ объемѣ справочной книги укладывается масса свѣдѣній, формулъ и численныхъ данныхъ, и при такомъ обиліи матеріала затруднительно избѣжать недосмотровъ. Въ особенности много трудностей доставляютъ опытные данныя, и эмпирическія формулы и правила; при большомъ числѣ произведенныхъ опытовъ, иногда противорѣчащихъ другъ другу, и при разнообразіи взглядовъ и правилъ, даваемыхъ практиками относительно устройства машинъ и заводовъ, отъ составителя справочной книги требуется очень внимательное отношеніе къ каждому числу или коэффициенту, имъ приводимому. Еще чаще встрѣчаются въ такихъ книгахъ противорѣчія между данными, приводимыми въ разныхъ отдѣлахъ сочиненія; происходитъ это отъ того, что данныя эти заимствуются у разныхъ авторовъ, и составитель справочной книги не рѣдко не въ состояніи уничтожить эти противорѣчія, такъ какъ онъ принужденъ въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ придерживаться всей системы данныхъ, приводимыхъ избраннѣйшимъ авторитетомъ и находящихя во взаимной связи. Нѣсколько такихъ недосмотровъ и противорѣчій можно указать и въ книгѣ

г. Мальцова, въ надеждѣ, что онъ ихъ исправитъ въ слѣдующемъ изданіи своей книги.

Прежде всего укажемъ на величины коэффиціентовъ упругости при крученіи, или такъ-называемыхъ коэффиціентовъ скользянія; величины ихъ для дерева, приведенныя на стр. 116 первой части и заимствованныя у Онвина (6327 для сосны и 5764 для дуба), совсѣмъ не тѣ, какія приведены на стр. 149 и заимствованы у Редтенбахера (48000). Для разъясненія противорѣчія нужно обратиться къ опытамъ Вертгейма, которые представляютъ наиболѣе цѣнный и заслуживающій довѣрія источникъ по вопросамъ относительно механическихъ свойствъ дерева; изъ этихъ опытовъ оказывается, что вышеозначенный коэффиціентъ упругости, измѣняется отъ 7500 до 10000 кил. на квад. сантиметръ ¹⁾). Такимъ образомъ числа, приводимыя Онвиномъ, довольно близки къ истинѣ; что же касается до коэффиціента, приводимаго Редтенбахеромъ, то онъ неправиленъ, и легко понять, отчего произошла эта ошибка: Редтенбахеръ вычислилъ величины коэффиціентовъ скользянія для дерева по величинамъ ихъ коэффиціентовъ упругости при растяженіи, допуская, что отношеніе между этими коэффиціентами имѣетъ такую же величину, какая найдена для металловъ, и вообще для тѣлъ почти изотропныхъ; но вслѣдствіе анизотропіи дерева для этого матеріала нельзя примѣнять означенное отношеніе.

Затѣмъ на стр. 118, въ таблицѣ, заимствованной изъ справочной книги общества „Hütte“, даны ошибочныя величины коэффиціентовъ упругости для разныхъ породъ камней, напримѣръ, для известняка даны величины отъ 170 до 560 килогр. на квад. сантим.; разумѣется, это опечатки, которыя изъ книги „Hütte“ перешли и въ справочную книгу г. Мальцова. Правильныя величины коэффиціентовъ упругости камней должны быть взяты изъ опытовъ Ваушингера ²⁾, представляющихъ единственный источникъ по этому вопросу; изъ нихъ оказывается, что коэффиціенты упругости камней довольно близки къ коэффиціенту упругости стекла, напримѣръ, для одного известняка Ваушингеръ получилъ: $E = 512000$ килогр. на квад. сантиметръ.

Въ статьѣ о передачѣ работы помощію пеньковыхъ канатовъ

¹⁾ См. *Wertheim*, Mémoire sur la torsion, въ *Annales de Chimie et de Physique* 1857 года.

²⁾ См. *Bauschinger*, Mittheilungen aus dem mechanisch-technischen Laboratorium zu München. Heft V.

(стр. 69) у г. Мальцова принята такая же величина отношенія между натянутостями двухъ вѣтвей каната, какъ и для ременной передачи; но въ случаѣ канатовъ, это отношеніе гораздо больше, нежели при ремняхъ, и происходитъ это вслѣдствіе того, что веревка защемляется въ ободѣ шкива между щеками выточенного клиноваго жѣлобка. По опытамъ англійской фирмы Pearese Brothers, специально занимающейся устройствомъ канатныхъ передачъ, названное отношеніе измѣняется отъ 6 до 24; среднюю величину его слѣдуетъ принять равную 9 или 10, а не двумъ, какъ у г. Мальцова. Эта неправильность повлекла за собою то, что величина работъ, которыми передаются канатами извѣстныхъ размѣровъ, приведенныя въ таблицѣ страницы 70, излишне малы. Напримѣръ, при $d = 50$ и $v = 15$ метровъ у г. Мальцова получается работа въ 15,7 лошади, а по нашему разчету она должна быть 22,5 лошади; послѣднее число близко подходитъ къ установившейся машиностроительной практикѣ; такъ извѣстная швейцарская фирма Зульцера считаетъ, что при вышеозначенныхъ условіяхъ канатъ передаетъ работу отъ 20 до 25 лошадей.

Мы считаемъ еще необходимымъ указать на несогласіе формулъ, которыя служатъ для опредѣленія размѣровъ трубъ, подверженныхъ наружному давленію, и помѣщены на стр. 127 первой части, съ подобными же формулами, находящимися на стр. 139 второй части. Можетъ быть разница коэффициентовъ этихъ формулъ есть слѣдствіе опечатокъ, которыхъ въ разсматриваемой книгѣ имѣется довольно много, и хотя значительное число ихъ указано авторомъ, но все-таки еще есть не замѣченныя имъ корректурныя погрѣшности. Мелкій шрифтъ и тѣсная печать книги дѣлаютъ очень затруднительнымъ корректированіе ея, и вслѣдствіе того значительное число опечатокъ почти неизбежно въ первомъ изданіи справочной книги.

Составителямъ техническихъ справочныхъ книгъ приходится бороться еще съ одною трудностью; мы говоримъ о затрудненіи вмѣстить все разнообразіе практическихъ случаевъ въ короткія и простыя правила и формулы. Многія формулы и совѣты техническихъ руководствъ применимы только въ извѣстныхъ предѣлахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, а внѣ этихъ предѣловъ, при исключительныхъ какихъ-либо условіяхъ, общепринятые правила дадутъ непригодный результатъ. Можно указать и въ книгѣ г. Мальцова такія правила, которыя не всегда безошибочно применимы. Напримѣръ, возьмемъ заимствованныя у Рѣло эмпирическія формулы для опредѣленія

часть сохххiv, отд. 3. 8

толщины котельныхъ днищъ (стр. 78 третьей части); въ случаѣ плоскихъ доньевъ, при діаметрѣ котла равномъ двумъ метрамъ и при давленіи пара въ 5 атмосферъ, получимъ, что дно должно быть сдѣлано на 10 миллиметровъ толще цилиндрическихъ стѣнокъ котла, что конечно, на практикѣ не можетъ быть допущено; однако же такой выводъ не доказываетъ, чтобы формулы Рѣло были вполне повѣрны, такъ какъ ими можно пользоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно формулы, опредѣляющей продолжительность службы проволокаго каната (II часть, стр. 74); можетъ быть, она и справедлива въ нѣкоторыхъ тѣсныхъ предѣлахъ; но мы позволимъ себѣ усумниться въ правильности примѣненія ея къ столь продолжительному сроку, какъ получаемый у г. Мальцова въ его первомъ примѣрѣ, гдѣ оказывается, что канатъ будетъ служить слишкомъ 13 лѣтъ. Слѣдовало бы указать, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть употреблена эта формула, а то неопытные конструкторы пожалуй рѣшатся, руководствуясь данною г. Мальцевымъ формулой, разчитывать условія, при которыхъ проволокаго канатъ можетъ служить нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Вслѣдствіе указаннаго разнообразія условій, представляющихся при рѣшеніи техническихъ вопросовъ и вытекающей отсюда ограниченности предѣловъ въ примѣнимости правилъ, помѣщаемыхъ въ справочныхъ книгахъ, для пользованія этими сочиненіями необходимо имѣть извѣстную опытность и знаніе, при отсутствіи которыхъ легко придти къ невѣрнымъ результатамъ. Поэтому справочныя книги ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить техническихъ руководствъ и основательное изученіе прикладныхъ наукъ; онѣ представляютъ собою главнымъ образомъ сборники для облегченія памяти, а не руководства. Въ виду этого мы полагаемъ, что справочныя книги нужно писать, разчитывая на кругъ читателей, уже получившихъ техническое образованіе, а не для начинающихъ; объясненія же, относящіяся къ основнымъ понятіямъ, мы считаемъ вполне излишними въ такихъ книгахъ и только напрасно увеличивающими ихъ объемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти объясненія могутъ быть даже вредны, такъ какъ при краткости изложенія не будутъ поняты надлежащимъ образомъ и могутъ подать поводъ къ превратнымъ взглядамъ.

Разсматривая книгу г. Мальцова съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что нѣкоторыя части ея написаны какъ будто бы не для техниковъ, а для учениковъ. Сюда относятся свѣдѣнія о теплотѣ вообще и въ особенности о механической теоріи тепла. Какъ примѣръ воз-

возможных недоразумѣній, вызываемыхъ сжатостью изложенія, приведемъ стр. 103 первой части, гдѣ авторъ, говоря о скрытой теплотѣ паровъ эфира, дѣлаетъ слѣдующее короткое замѣчаніе: „Значительная скрытая теплота водяного пара заключаетъ въ себѣ причину, почему въ паровыхъ машинахъ употребляется много топлива“. Мы сильно опасаемся, что лица, незнакомыя съ механическою теоріей тепла, выведутъ отсюда заключеніе, что въ двигательныхъ машинахъ водяной паръ долженъ быть замѣненъ какою-либо другою жидкостью, имѣющей меньшую скрытую теплоту, напримѣръ, эфиромъ. и такое неправильное заключеніе будетъ прямымъ послѣдствіемъ сжатости изложенія. Въ статьѣ о сопротивленіи матеріаловъ, законы сопротивленія подобныхъ тѣлъ изложены такъ коротко, что легко могутъ подать поводъ къ неправильнымъ выводамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе г. Мальцова принимаетъ какъ бы элементарный характеръ, именно тамъ, гдѣ онъ приводитъ примѣры, и подробные разчеты. Между прочимъ онъ прилагаетъ подробные разчеты подъемныхъ машинъ, которые признаемъ излишними; конструкція подъемныхъ аппаратовъ представляетъ статью, вездѣ почитаемую совершенно необходимою дисциплиной, неизбежно входящею въ программу образованія механиковъ, и съ этимъ дѣломъ навѣрное знакомы всѣ техники, которымъ приходится заниматься конструированіемъ машинъ. Кстати замѣнить, что въ упомянутыхъ разчетахъ употребленъ не вполне правильный приемъ для опредѣленія тренія на блокахъ, при чемъ сумма натянутости цѣпей, поддерживающихъ блокъ, выходитъ больше того груза, который виситъ на блокѣ.

Оставляя въ сторонѣ частности и рассматривая книгу г. Мальцова въ цѣломъ, мы должны признать ее очень почтеннымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, заслуживающимъ поощренія. Давно уже у насъ ощущалась потребность въ такомъ сочиненіи. На русскомъ языкѣ имѣется нѣсколько справочныхъ книгъ, отчасти оригинальныхъ, напримѣръ, прекрасная справочная книга для инженеровъ и архитекторовъ, составленная гг. Глуховымъ, Собко и Сулимою, „Спутникъ механика“ Фелькнера, справочныя книги гг. Кирѣева и Чернова, Прохорова и Рудыковскаго, Недзьялковскаго и проч., а отчасти переводныхъ, куда относятся переводы „Результатовъ“ Редтенбахера и „Конструктора“ Рело; но всѣ эти сочиненія или другаго рода, чѣмъ книга г. Мальцова, или значительно устарѣли и не соответствуютъ настоящему положенію техники. Хотя справочная книга г. Мальцова появилась недавно, но она уже получила извѣстное распространеніе въ нашихъ

высшихъ техническихъ заведеніяхъ, слушатели которыхъ пользуются ею при своихъ расчетахъ. Это сочиненіе могло бы быть полезно и для реальныхъ училищъ, такъ какъ помѣщенныя въ немъ свѣдѣнія даютъ богатый матеріалъ для задачъ, и отсюда можно черпать множество примѣровъ конструкціи и размѣровъ машинъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ дѣйствительно устриваются, что будетъ очень поучительно и полезно для учениковъ этихъ заведеній, при изученіи ими основаній прикладной механики, химической и механической технологіи.

Переводные вѣселя, внутренніе и иностранные или девизы (тратты и римессы). Составилъ и издалъ А. Скрыгинъ. Одесса, 1882. Въ 4-ку. Стр. VI+136.

Книга г. Скрыгина имѣетъ назначеніе служить пособіемъ для торговыхъ людей и всѣхъ лицъ, занимающихся въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Она состоитъ изъ предисловія, вступленія, четырехъ отдѣловъ и приложенія.

Въ предисловіи авторъ поясняетъ поводъ появленія его книги, а именно, давно чувствуемую у насъ потребность въ руководствѣ, которое, хотя въ сжатой формѣ, давало бы обстоятельное и общедоступное понятіе о девизахъ, и чрезъ то оказало бы помощь тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые въ качествѣ лицъ торговаго сословія, служащихъ въ конторахъ, учащихся или преподавателей желали бы освоиться съ этимъ дѣломъ. За симъ, ссылаясь на неперевоимость многихъ специальныхъ терминовъ, авторъ оправдывается въ томъ, что имъ приведены всѣ формы и выраженія на французскомъ языкѣ, при чемъ указываетъ на попытку имъ сдѣланную подстрочнаго перевода ихъ на русскій языкъ въ особомъ приложеніи.

Во вступленіи авторъ устанавливаетъ понятіе о деньгахъ металлическихъ и бумажныхъ, говоритъ объ отношеніи цѣнъ благородныхъ металловъ, объ его измѣненіяхъ, указываетъ на недостатки металлическихъ денегъ и затѣмъ объясняетъ происхожденіе и пользу приносимую девизами.

Отдѣлъ первый, озаглавленный въ сочиненіи словомъ: Формы, имѣетъ цѣлю подробное объясненіе сущности разнаго рода девизовъ, при чемъ авторъ распространяется особенно подробно объ основной формѣ—векселѣ, опредѣляетъ его существо, указываетъ на лицъ, участвующихъ въ его составленіи, опредѣляетъ понятія: трассента, трассата, ремитенсета, векселедержателя, приводитъ существенныя и несущественныя принадлежности переводнаго векселя, по нашему и

по иностраннымъ законодательствамъ, даетъ образцы траттъ по предъявленіи, трехмѣсячной, подробно излагаетъ объ индоссо, о случаѣ нужды, предвидимой въ траттѣ, о предъявленіи, объ акцентѣ, о заступничествѣ, о протестѣ, регрессѣ, дубликатахъ, копіяхъ траттъ, траттахъ собственному приказу, траттахъ по порученію, траттахъ по мѣстожительству, траттахъ съ указаніемъ курса, излагаетъ о квитируваніи, о поручительствѣ, объ отстрочкѣ и наконецъ о бланкахъ, употребляемыхъ для траттъ, и приемахъ для ихъ написанія. Изъ прочихъ формъ, кромѣ векселя, авторъ преимущественно останавливается на чскахъ и ихъ равновидностяхъ, вкратцѣ только говоря о бопахъ, мандатахъ и квитаціяхъ.

Отдѣлъ второй обозначенъ названіемъ: Вычисленія (стр. 51—94). Въ этомъ отдѣлѣ авторъ прежде всего даетъ понятіе о монетномъ паріи, о курсѣ, курсовомъ бюллетенѣ, употребительныхъ въ немъ обозначеніяхъ, объ измѣчивости курсовъ и вычисленіяхъ съ ними связанныхъ. Вкратцѣ указавъ основныя правила исчисленія процентовъ, авторъ переходитъ къ учету векселей, преимущественно вѣшнихъ, и рассматриваетъ при этомъ различные вопросы о срокахъ траттъ, о дисконтѣ векселей на срокъ, при различныхъ срокахъ и по предъявленіи, представляетъ различные образцы счетовъ по дисконту векселей, и переходитъ къ вексельной редукиці, предпосылая ей $2\frac{1}{2}$ страницы свѣдѣній о пропорціяхъ, тройномъ и цѣпномъ правилахъ. За сими рассматриваетъ вексельную редукицію прямую и посредническую, а послѣ того приступаетъ къ вопросу о монетномъ паріи, предпосылая предварительно понятія о пробѣ, лигатурѣ, монетной стопѣ, ремедиумѣ или толеранціи, о монетахъ европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, о правилахъ и обычаяхъ при торговлѣ золотомъ и серебромъ. Въ статьѣ о монетномъ паріи авторъ рѣшаетъ задачи о стоимости монетъ англійскихъ, Латинскаго союза, германскихъ, австрійскихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, турецкихъ, португальскихъ и сѣверо-американскихъ въ русской металлической валютѣ. Послѣдняя глава этого отдѣла посвящена вопросу о вексельномъ паріи.

Отдѣлъ третій книги г. Скрягина названъ имъ: Свѣдѣнія. Онъ заключаетъ въ себѣ указаніе употребительныхъ единицъ времени при счетѣ процентовъ, свѣдѣнія о размѣрахъ куртажа, вексельныхъ обычаяхъ, а также о вексельномъ и марочномъ сборѣ; въ составъ этого отдѣла входятъ таблицы цѣнъ вексельной бумаги и указанія содержанія курсовыхъ бюллетеней на главнѣйшихъ биржахъ Россіи, Франціи,

Англіи, Германіи, Италіи, Бельгіи, Австріи, Голландіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ четвертый отдѣлъ книги, подъ заглавіемъ: Арбитражъ. Въ началѣ этого отдѣла авторъ разсматриваетъ походы къ арбитражу, предметы, на которые онъ направляется, средства, коими онъ производится, при чемъ разбираетъ вліяніе курсовъ на самый способъ арбитража съ помощію траттъ и римессъ; затѣмъ по порядку излагаетъ объ арбитражѣ вексельномъ, фондовомъ и металлическомъ, при чемъ послѣдніе два проходитъ весьма кратко, но останавливается съ особою подробностію на вексельномъ арбитражѣ, разсматривая сначала прямой или непосредственный арбитражъ, а затѣмъ сложный или посреднический вексельный арбитражъ; при разборѣ перваго, онъ изучаетъ рѣшеніе двухъ важнѣйшихъ вопросовъ, опредѣляющихъ способъ дѣйствія въ вексельномъ арбитражѣ, а именно, вопроса о выборѣ между трассированіемъ и ремиттированіемъ и вопроса о выборѣ между векселями краткосрочными и долгосрочными. По сложному или посредническому арбитражу авторъ разбираетъ главнѣйшія задачи, здѣсь представляющіяся, и указываетъ на обстоятельства, опредѣляющія выборъ между римессами и траттами, а затѣмъ даетъ примѣры вексельныхъ арбитражныхъ вычисленій. За этимъ отдѣломъ слѣдуютъ нѣкоторые добавленія и исправленія текста: приложеніе, содержащее въ себѣ исчисленіе существующихъ кредитныхъ учрежденій и биржъ въ Россіи, и подстрочные переводы образцовъ, данныхъ на иностранныхъ языкахъ въ первомъ отдѣлѣ.

Какъ видно изъ вышеназложеннаго, книга г. Скрыгина заключаетъ довольно полное изложеніе операцій, производимыхъ при помощи переводныхъ векселей, и для начинающихъ заниматься банковымъ дѣломъ представляетъ хорошій сборникъ необходимыхъ по этой части свѣдѣній, изложенныхъ хотя не всегда совершенно отчетливо и ясно, но въ большей части случаевъ достаточно удобопонятно для того, чтобы прибѣгающіе къ этой книгѣ могли почерпнуть изъ нея необходимыя въ ихъ практикѣ справки; но, къ сожалѣнію, книга г. Скрыгина не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, довольно крупныхъ.

Прежде всего не лишнимъ будетъ замѣтить, что языкъ книги не принадлежитъ къ числу образцовыхъ, заключаая въ себѣ перѣдко выраженія двусмысленныя, неясныя, вульгарныя, не приличествующія книгѣ, назначенной для употребленія юношества, или же не подходящія къ предмету, или иностранныя, не смотря на то, что на рус-

скомъ языкѣ есть выраженія равпосильныя. Какъ примѣры такого рода недостатковъ могутъ быть приведены слѣдующія выраженія:

(Стр. II). „Если припять во вниманіе, что трудъ этотъ популяризуеть предметъ весьма сложнаго содержанія и притомъ такого рода, который въ странѣ самостоятельно почти не существуетъ, то и проч.“. Здѣсь рождается вопросъ, къ чему относятся слова: такого рода, къ труду или къ предмету, и къ чему бы они ни относились, то-есть, къ книгѣ г. Скрыгина или къ переводнымъ векселямъ, очень трудно понять, что хотѣлъ сказать авторъ словами, что онъ въ странѣ самостоятельно почти не существуетъ.

(Стр. IV). „Отношенія между ними (благородными металлами) должны были мѣняться“ вмѣсто: „отношеніе между цѣнами ихъ должно было мѣняться“.

(Стр. I). „Эти-то послѣдніе (переводные векселя) составляютъ сюжетъ настоящаго руководства“.

(Стр. 52). Курсъ есть „извѣстное количество счетной или обращающейся единицы одного государства, на которое въ данное время можно получить извѣстное количество такой же единицы другаго, но существующей цѣнѣ ея противъ парі“,— между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, курсъ есть количество обращающихся монетныхъ единицъ сдого государства, которое въ опредѣленный день можно получить за одну обращающуюся монетную единицу другаго государства.

(Стр. 54). „Угнетеннос состояніе нашей валюты заключается.... въ возможности различныхъ манипуляцій со стороны клики гешефтмахеровъ“.

(Стр. 58). „Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія относительно сути внѣшняго дисконта, вотъ въ заключеніе общее резюмэ его теоріи“.

(Стр. 109). „Если изъ взаимнаго сопоставленія курсовъ оказалось, что извѣстная валюта можетъ быть всего дешевле куплена на такомъ-то рынкѣ и всего выгоднѣе продана тамъ-то, то самое дѣйствіе, вслѣдъ за симъ совершенное, называется арбитражною операціею“,— такъ что, папримѣръ, и прогулка, вслѣдъ за рѣшеніемъ указанныхъ задачъ совершаемая, будетъ арбитражною операціею; притомъ едва ли въ одной десятой части случаевъ арбитражныя операціи совершаются при указанныхъ условіяхъ. Обыкновенно, чтобы предпринять и совершить арбитражную операцію, убѣждаются лишь въ томъ, получитсѣ ли отъ нея извѣстная выгода; вопросъ же о наибольшей вы-

годѣ рѣдко рѣшается, тѣмъ болѣе, что на арбитражъ надобно рѣшаться скоро,—а вычисленія, необходимыя для отысканія наибольшей выгоды, и у опытнаго арбитражиста отнимаютъ много времени.

Затѣмъ есть утвержденія болѣе или менѣе рискованныя. или по крайней мѣрѣ многими оспариваемыя, которыя въ руководствѣ не должны находить себѣ мѣста, особенно, если руководство безъ нихъ можетъ обойтись. Сюда относится, напримѣръ, на стр. V утвержденіе, что между системами замѣны металла бумажными деньгами предложеніе Келлога и система Камбеля „суть, безъ сомнѣнія, такія, которымъ принадлежитъ будущее“. Для чего нужно было говорить объ этомъ въ книгѣ о переводныхъ векселяхъ, совершенно непонятно, тѣмъ болѣе, что больше ни одного слова во всей книгѣ не сказано ни о предложеніи Келлога, ни о системѣ Камбеля, которыя такъ и остаются неизвѣстными читателю.

На стр. 54 помѣщено длинное разсужденіе изъ политической экономіи, относительно обезцѣненія бумажныхъ денегъ, вмѣстѣ съ указаніемъ даже средствъ, которыя, по мнѣнію автора, должны нособить дѣлу. Не входя вовсе въ разборъ правильности идей автора по этому предмету, нельзя не сказать, что всѣ сіи разсужденія къ трактату о переводныхъ векселяхъ не идутъ, и слѣдовало бы ихъ изъ него выпустить.

На стр. 111 авторъ утверждаетъ, будто бы существуетъ одна правильная система арбитража, на готовыхъ разницкахъ въ курсахъ основанная, а система, пользующаяся склопностью курсовъ къ повышенію или пониженію, можетъ приводить къ благопріятнымъ результатамъ только благодаря слѣпому случаю. Это едва ли справедливо, такъ какъ арбитражъ, основывающій свои расчеты на склонности курса къ измѣненію, обыкновенно принимаетъ въ соображеніе обстоятельства, эту склопность вызывающія, и дѣйствуетъ на основаніи оцѣнки вѣроятностей повышенія и пониженія. Такое рѣзкое сужденіе автора тѣмъ болѣе странно, что онъ самъ же смидѣтельствуеть, что осуждаемая имъ, какъ не коммерческая, система арбитража нынѣ преобладаетъ вездѣ. Еслибы благопріятныя отъ нея результаты получались также, благодаръ слѣпому случаю, то едва ли она нашла бы такое сильное распространеніе.

Къ подобнаго же рода утвержденіямъ относится и неблагопріятное мнѣніе автора о дюметализмѣ.

Сверхъ вышешлаго, можно упрекнуть автора въ отсутствіи у него строгой системы изложенія; такъ, на стр. 8 онъ приводитъ обра-

зецъ векселя безъ регресса, а между тѣмъ о регрессѣ говоритъ только на стр. 18. О существенныхъ и несущественныхъ принадлежностяхъ векселей, о законѣ и обычаяхъ для нихъ, авторъ начинаетъ говорить на стр. 2, а между тѣмъ указаніе сроковъ уплаты, акцепта и протеста и многія другія важныя свѣдѣнія излагаются въ совершенно другомъ отдѣлѣ на стр. 97.

Странно поражаетъ въ книгѣ о переводныхъ векселяхъ изложеніе свойствъ пропорцій и цѣпнаго правила (71 и 72 стр.), особенно если принять въ соображеніе, что книга написана для людей, уже получившихъ коммерческую подготовку.

Независимо отъ указаннаго, начинающіе встрѣтятъ при употребленіи книги г. Скрыгина нѣкоторыя затрудненія; такъ напримѣръ, усвоивъ себѣ правило, согласно опредѣленію на стр. 2, что въ составленіи переводнаго векселя должно участвовать не менѣе трехъ лицъ, они затруднятся въ разборѣ случаевъ, когда изъ числа этихъ трехъ два лица совмѣщаются въ одномъ. Слово соло-вексель употребляется авторомъ безъ опредѣленія его значенія, тогда какъ значеніе его, конечно, менѣе общезвѣстно, чѣмъ то, что въ пропорціи произведеніе крайнихъ членовъ равно произведенію среднихъ, о чемъ авторъ распространяется. Отдѣлъ объ арбитражѣ изложенъ вообще слишкомъ коротко и для многихъ будетъ мало понятенъ.

Наконецъ, нельзя не указать на нежелательное однообразіе примѣровъ, въ томъ отношеніи, что въ большей части ихъ при объясненіи операцій упоминается Одесса; хотя это обстоятельство объясняется тѣмъ, что книга появилась въ Одессѣ, но, если авторъ желаетъ ея употребленія во всей Россіи, въ такомъ случаѣ Петербургъ и Москву слѣдовало бы упоминать въ примѣрахъ столь же часто, какъ Одессу.

Не смотря на всѣ указанныя нами недостатки, книга г. Скрыгина можетъ, тѣмъ не менѣе, принести существенную пользу начинающимъ заниматься банковымъ дѣломъ.

ПОПРАВКА.

Въ іюньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ статьѣ „Наша учебная литература“ вкрались слѣдующія опечатки: На стр. 105, въ 4-й строкѣ сверху, вмѣсто къ себѣ напечатано въ себѣ, и на той же страницѣ, въ 17-й строкѣ сверху, вмѣсто постепенной напечатано совершенной.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАУЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА ¹⁾).

I.

Раскопки близъ храма Воскресенія въ Иерусалимѣ.

Въ 1883 году Православному Палестинскому Обществу представилась возможность осуществить задуманное при самомъ его основаніи предпріятіе — произвести раскопки въ принадлежащемъ Россіи мѣстѣ въ Иерусалимѣ, находящемся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Храмомъ Воскресенія. Мѣсто это, приобрѣтенное покупкою еще въ 1858

---

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1883 года было сообщено объ основаніи Православнаго Палестинскаго Общества и о тѣхъ цѣляхъ, которыя оно себѣ поставило, какъ по поддержанію православія въ Святой Землѣ, такъ и оказаніемъ пособія русскимъ паломникамъ. Съ этою послѣднею цѣлью соединяются и задачи научнаго характера—описаніе и изученіе святынь палестинскихъ, для большаго ознакомленія съ ними русскаго общества и вообще для лучшаго выясненія значенія и судьбы этихъ великихъ памятниковъ. Въ вышеупомянутой статьѣ уже было сказано о тѣхъ научныхъ работахъ, которыя Палестинское Общество предположило исполнить при настоящемъ своихъ средствахъ. Замѣчательная энергія, съ которою Общество повело свою дѣятельность, и въ особенности свои научныя предпріятія, налагаютъ на насъ обязанность познакомить читателей съ первыми результатами этихъ работъ, прекрасное выполненіе которыхъ вполне соответствуетъ энергическому и просвѣщенному почину Общества. Ученныя изданія его рассмотрѣны въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ во второмъ отдѣлѣ настоящей книжки *Журнала*; здѣсь же предлагается обзоръ раскопокъ и другихъ изслѣдованій, совершенныхъ въ Святой

ЧАСТЬ ССХХІІІ, ОТД. 4. 1

году, первоначально предназначалось для постройки здания, въ которомъ должна была помѣщаться руссiйская миссія; но съ приобрѣтеніемъ для русскихъ построекъ другого мѣста, внѣ городской черты, первое осталось незанятымъ ничѣмъ и представляло пустырь, покрытый мусоромъ, изъ котораго выдавались остатки какихъ-то развалинъ. Августѣйшій Предсѣдатель Палестинскаго Общества, великій князь Сергій Александровичъ, посѣтившій въ 1881 г. Святую Землю, благоволилъ обратить вниманіе Общества на важность раскопокъ въ русскомъ мѣстѣ и пожертвовалъ необходимыя для нихъ средства. Различныя обстоятельства препятствовали Обществу въ теченіе довольно долгаго времени осуществить предложеніе своего Августѣйшаго Предсѣдателя. Къ началу 1883 г. главнѣйшія препятствія были устранены, въ мартѣ пачаты раскопки и дали блестящіе результаты. Съ ними, равно какъ и съ ходомъ самихъ раскопокъ, читатели могутъ ознакомиться по слѣдующимъ изданнымъ Обществомъ статьямъ и сообщеніямъ: а) Докладъ В. Н. Хитрово о раскопкахъ въ русскомъ мѣстѣ, близъ Храма Воскресенія, читанный въ засѣданіи Общества 22-го марта 1884 года; б) Сообщенія о раскопкахъ начальника нашей духовной миссіи въ Иерусалимѣ, архимандрита Антонина, которому Его Императорскому Высочеству благоугодно было поручить производство раскопокъ; къ сообщенію этому приложено нѣсколько прекрасно исполненныхъ фотолитографій, изображающихъ открытыя развалины, приложены и необходимыя чертежи и планы; в) извлеченіе изъ писемъ того же о. архимандрита и г) объяснительная записка архитектора-археолога Шика къ составленнымъ имъ планамъ и разрѣзамъ. Пользуемся этими матеріалами для того, чтобы вкратцѣ ознакомить читателей съ главнѣйшими результатами раскопокъ и указать на ихъ важность для уясненія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ въ топографіи Иерусалима.

Какъ уже было замѣчено выше, русское мѣсто находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ храмомъ Воскресенія, такъ какъ оно съ сѣверо-запада выходитъ на восточную площадку передъ храмомъ, покрывающую часовни Обрѣтенія Креста и св. царицы Елены. Такое

Землѣ по почину Палестинскаго Общества. Кроме собственно ученыхъ изданій, Палестинскимъ Обществомъ выпущена небольшая книжка въ 12-ю долю листа, озаглавленная «Къ животворящему Гробу Господню». Это—небольшой путеводитель по Святой Землѣ для паломниковъ; онъ составленъ обстоятельно и изложенъ ясно и тепло, такъ что можетъ быть доступенъ пониманію самыхъ простыхъ людей.

Ред.

его положеніе придаетъ ему особую важность въ археологическомъ отношеніи, потому что мѣстность эта занимаетъ часть базилики Воскресенія, воздвигнутой св. равноапостольнымъ царемъ Константиномъ. Такое его значеніе было уже давно понято западными учеными: въ 40-хъ годахъ, прусскій консулъ Шульцъ открылъ на этомъ мѣстѣ остовы трехъ колоннъ, торчавшіе изъ земли, а также особый выступъ, въ видѣ пилястра. Топографами Іерусалима колонны эти были приурочены къ остаткамъ пропилей, входившихъ въ составъ Константиновыхъ построекъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ на этомъ же мѣстѣ производили раскопки графъ Воггэ, англійскіе инженеры и Клермонъ Ганно; но такъ какъ раскопки эти не были систематическія, то и не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ. Ихъ суждено было достигнуть Палестинскому Обществу, которое расчистило безъ малаго весь русскій участокъ и внесло новыя данныя въ топографію Св. Града. Данныя эти касаются главнымъ образомъ опредѣленія того направленія, въ которомъ шла вторая Іерусалимская стѣна, и для указанія важныхъ деталей въ Константиновыхъ постройкахъ.

Вторая Іерусалимская стѣна, иначе называемая стѣною Неемін, была сооружена въ 445 г. до Р. Х. и во дни Спасителя составляла гранцу Іерусалима (третья стѣна, сооруженная Иродомъ Агриппой, начата въ 43 г. по Р. Х.); отъ нея до настоящаго времени сохранились лишь ничтожныя остатки, и вопросъ объ ея направленіи представляется однимъ изъ затруднительнѣйшихъ въ топографіи Іерусалима. Между тѣмъ его рѣшеніе имѣетъ необычайную важность, такъ какъ отъ него зависитъ доказательство подлинности нынѣ чтимыхъ пещеры Гроба Господня и Голгоѣи. По прямому смыслу евангельскаго разказа о крестной смерти Спасителя оказывается, что Голгоѣа и мѣсто погребенія Христа находились внѣ городскихъ стѣнъ, но не далеко отъ воротъ, потому что у Голгоѣи было много „мимокладшихъ“. Потому, отождествленіе теперешней Голгоѣи съ древнею возможно лишь тогда, когда съ положительностью будетъ доказано, что она находилась внѣ предѣловъ второй, Нееминной стѣны. До открытій Палестинскаго Общества вопросъ этотъ можно было рѣшать и въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть думать, что современная Голгоѣа не есть евангельское Крапиево мѣсто, или что она, вопреки свидѣтельству евангелистовъ, входила въ площадь, обнесенную стѣнами; предположеніе того и другаго рода высказывались топографами Св. Града, и къ отчету Палестинскаго Общества приложенъ планъ, на который напесено 16 главнѣйшихъ изъ высказанныхъ съ 1841 г.

предположеній относительно направленія стѣнъ древняго Иерусалима. Раскопки Палестинскаго Общества прежде всего открыли въ западномъ углу русскаго участка, примыкающаго къ часовнѣ Обрѣтенія Креста, три древнія стѣны, окаймляющія его съ трехъ сторонъ и оказавшіяся несомнѣнно еврейскаго происхожденія; возможно было откопать съ обѣихъ сторонъ лишь одну южную стѣну, которая состоитъ изъ 2—4 рядовъ хорошо сохранившихся камней, кои, если и уступаютъ по величинѣ камнямъ Иерусалимскаго храма, то все-таки, при длинѣ отъ 3—6 и при ширинѣ отъ 3—4 футовъ, представляются весьма значительными. По выступамъ, выходящимъ изъ стѣны, по выпукловымъ камнямъ, стѣна эта наиболѣе подходитъ къ стѣнѣ Хевронскаго храма. Въ серединѣ южной стѣны имѣется дверь, современная сооруженію стѣны. Три упомянутыя стѣны оказываются принадлежавшими одной постройкѣ. Другой принадлежитъ остатокъ стѣны, составляющей восточную границу нашего участка; стѣна эта, основанная на скалѣ, состоитъ изъ шести рядовъ большихъ камней и носитъ несомнѣнно отпечатокъ древне-еврейскаго происхожденія. По направленію своему эта восточная стѣна оказывается параллельною одной изъ упомянутыхъ выше трехъ стѣнъ западной стороны, и сѣверный ея конецъ соединяется съ южнымъ концомъ этой послѣдней особыми выступами, черезъ которые проходили ворота, шириною въ 1½ сажени. Такимъ образомъ ворота эти были вставлены въ постройки несомнѣнно еврейскаго происхожденія. „Порогъ ихъ состоитъ изъ двухъ громадныхъ плитъ, весьма потертыхъ и какъ бы выложенныхъ отъ долговременной ходьбы по нимъ. Линія большихъ дверныхъ створокъ видна совершенно отчетливо, обозначающая выбоиною въ камнѣ съ двумя по краямъ ямками неравной величины для утвержденія пяти бывшихъ створчатыхъ дверей. Середина порога, именно въ мѣстѣ соединенія плитъ, несмотря на то, что глубоко выбита стопами людскими, представляетъ въ себѣ очеркъ четверугольной ямки, въ которой утверждался дверной засовъ когда ворота были на половину или совсѣмъ запертыми. Послѣ того, какъ ямка была не въ мѣру развѣдена желѣзомъ, по сосѣдству же съ нею, но уже не въ центрѣ двернаго поперечника, выдолблена была другая, имѣющая видъ пятки обыкновеннаго ключа“ (сообщеніе о. Антонина, стр. 25). Что же это за стѣна и что это за ворота? Для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо замѣтить; что стѣны эти пахотятся недалеко отъ городскаго рва, который, идя отъ сѣвера къ югу недалеко отъ нашего мѣста, круто поворачиваетъ къ западу, затѣмъ, послѣ не-

большаго пространства опять подъ прямымъ угломъ измѣняетъ направление на южное, съ тѣмъ, чтобы черезъ небольшой промежутокъ вновь принять западное. Такимъ образомъ городской ровъ, а слѣдовательно, и направление городской стѣны представляетъ въ данной мѣстности ломанную подъ прямыми углами линію, составляющую основаніе для двухъ сторонъ четырехугольника; соответствующее направление двухъ другихъ сторонъ указывается тремя стѣнами еврейской кладки, открытыми раскопками о. Антонина. Площадь этого четвероугольника отождествляется съ Акрою или „престоломъ областеначальника“. Престоль этотъ, сообразно своему назначенію, представлялъ укрѣпленное мѣсто, а потому съ внѣшнихъ сторонъ, сѣверной и западной, былъ обнесенъ ровомъ и стѣною, защищавшими его отъ непріятельскихъ нападений. Такихъ Акръ въ Іерусалимѣ было нѣсколько, и однимъ изъ такихъ слѣдуетъ признать упомянутый четвероугольникъ, находящійся къ востоку отъ храма Гроба Господня. Архитектору Шияку принадлежитъ та заслуга, что, пользуясь съ одной стороны русскими раскопками; а съ другой—благодаря долголѣтнему внимательному изученію мѣстности, прилегающей къ храму Воскресенія—онъ успѣлъ не только очертить форму Акры, но указать, съ большимъ или меньшимъ правдоподобіемъ, всѣ детали, изображенныя имъ на особомъ планѣ. Будучи укрѣпленнымъ замкомъ, Акра въ то же время служила мѣстопребываніемъ намѣстника и поэтому заключала въ себѣ дворъ, куда могли собираться народъ и войско и гдѣ производился судъ. „На югѣ находился собственно большой дворъ, который дѣлился однакоже на двѣ части, изъ коихъ нижележащая образовывала обыкновенный проходъ, другая высшая (на неѣ ведутъ ступени), представлявшая террасу, вымощенную большими плитами, образовывала форумъ съ судебною палатою на западѣ, близъ городскихъ воротъ... Здѣсь находился главный входъ въ замокъ, но не непосредственно, а черезъ проходъ или улицу... Изъ этого внутренняго прохода (облегавшаго Акру съ запада и сѣвера) защищались какъ городскія стѣны, такъ и самый замокъ. Со стороны города такого прохода не требовалось. Въ случаѣ, еслибы даже стѣны были взяты непріателемъ, то и тогда замокъ могъ бы защищаться, такъ какъ лежащій между нимъ и стѣною внутренній проходъ служилъ ровомъ. Тутъ же находились отверстія систернъ, изъ одного положенія которыхъ опредѣляется положеніе этого внутренняго прохода. Замѣчательно, что въ самомъ замкѣ не находилось систернъ, что объясняется тѣмъ, что положеніе ихъ внутри замка было бы неудобно и

неадорово" (Записка Шика, стр. 45). Такимъ объясненіемъ вполне удовлетворительно рѣшается вопросъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ во внѣшности вновь открытыхъ стѣнъ: для городской стѣны онѣ оказываются не въ мѣру тонкими, для стѣнъ же частной постройки—чрезмѣрно толстыми; главная ихъ сторона, наиболѣе тщательно отдѣланная, обращена внутрь города, къ югу, что также было бы необъяснимо при принятіи этихъ стѣнъ за городскія. Городская стѣна шла параллельно рву и образовывала сѣверную и западную сторону Акры. Въ концѣ этой послѣдней, при поворотѣ стѣны на западъ, находились городскія ворота, спускавшіяся въ ровъ и ведшія затѣмъ въ загородные сады. Почти непосредственно за этимъ рвомъ находится возвышеніе Голговы. Такимъ образомъ, прежде всего неопровержимо устанавливается тотъ фактъ, что Голгова находилась за предѣлами второй, Нееминной стѣны, вблизи городскихъ воротъ, на мѣстѣ бойкомъ, гдѣ было много „мимоходящихъ“. Затѣмъ дѣлается очевиднымъ и то, что черезъ ворота эти, прилегавшія къ западному концу Акры (ворота эти Шикъ признаетъ за врата Ефремовы), проходилъ конечный пунктъ „крестнаго пути“, начинавшагося, какъ извѣстно, отъ площади замка Антонія. Идя этимъ путемъ обратно, то-есть, вступая въ предполагаемые Ефремовы ворота, путникъ шелъ проходомъ, параллельнымъ южной сторонѣ Акры, и затѣмъ черезъ особую арку, или проходъ заворачивалъ подъ прямымъ угломъ на сѣверъ. Въ концѣ этого поворота, тамъ гдѣ онъ равнялся съ этою южною стѣною; въ ея продолженіи и находится тотъ проходъ, о которомъ мы говорили выше; проходъ этотъ велъ на торговую площадь; такимъ образомъ, протяженіе пути между воротами Ефремовыми и повоткрытымъ порогомъ представляетъ на планѣ фигуру латинской буквы L, обгибающей внѣшній дворъ Акры, помостъ котораго, крытый толстыми камнями и обгивавшій возвышенную площадку, отождествляемую Шикомъ съ форумомъ Акры, былъ также обнаруженъ раскопками Палестинскаго Общества. Изъ сказаннаго очевидно, что по русскому мѣсту пролегалъ путь, обгивавшій Акру и оканчивавшійся воротами, въ 20 приблизительно саженьяхъ отъ которыхъ находится Голгова. Путь этотъ не можетъ быть инымъ, какъ тотъ, по которому шелъ Богочеловѣкъ на крестную смерть.

- Изъ вышензложеннаго явствуетъ, что открытія Палестинскаго Общества имѣютъ первостепенную важность въ библейской археологій и, кромѣ того, обнаружили памятникъ, священный въ глазахъ каждаго христіанина. Кромѣ того, раскопки о. Антонина дали нѣкото-

рые не маловажные результаты и для позднейшей топографии Иерусалима, именно для ознакомления съ некоторыми деталями выстроенной Константиномъ Великимъ базилики Воскресения. Главное мѣсто объ этомъ памятникѣ находится въ биографіи Константина, написанной Евсевіемъ Памфиловымъ (v. Const. l. III 24 и сл.), и при общемъ риторическомъ планѣ, которымъ написано все сочиненіе, не отличается особенною ясностью. Вотъ главные черты разказа Евсевія: До Константина пещера Гроба Господня была засыпана землей и представляла высокую площадь, которая была устлана камнемъ; на ней былъ выстроенъ храмъ Афродиты. Первымъ распоряженіемъ Константина было—разрушить этотъ храмъ и весь матеріаль его, каменный и деревянный, свести подальше отъ мѣста; затѣмъ онъ приказалъ снести наносную землю и вывести ее также подальше. Рѣшивъ выстроить храмъ около пещеры Гроба, онъ послалъ всѣмъ начальствовавшимъ надъ восточными народами приказаніе помогать постройкѣ щедрыми приношеніями; къ епископу же Иерусалимскому Макарію послалъ нисымо, въ которомъ, между прочимъ, поручалъ ему руководить и распоряжаться постройкой; относительно сооруженія и отдѣлки стѣнъ порученія были даны Дракиліану, начальнику провинціи; все же остальное предоставлялось Макарію, который распоряжался числомъ рабочихъ и художниковъ, указывалъ на матеріаль, изъ котораго должны были изсѣкаться колонны, и другія мраморныя украшенія; ему же храмовздателъ предоставлялъ рѣшить, сдѣлать ли потолокъ въ постройкѣ штучный или иной какой; въ первомъ случаѣ предоставлялось покрыть его позолотой. Тотчасъ было приступлено къ работамъ, и былъ при Гробѣ Господнѣ воздвигнутъ новый Иерусалимъ, насупротивъ стараго, опустѣвшаго послѣ убіенія Господа. И прежде всего, царская щедрость украсила пещеру (Гроба) отборными колоннами и разнообразными украшеніями, затѣмъ переходила на огромную площадь, растилающуюся подъ открытымъ небомъ, которая была выстлана блестящими камнями и съ трехъ сторонъ окружена длинными обходами портиковъ. Ибо къ противоположному боку пещеры, обращенной на восходъ солнца, примыкала базилика. Эта постройка отличалась вышиною и занимала обширное пространство въ длину и ширину; внутренняя ея отдѣлка состояла изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, вышняя же была изъ полированныхъ камней, такъ плотно соединенныхъ другъ съ другомъ, что своимъ блескомъ они весьма близко подходили къ мраморной облицовкѣ. На кровлѣ, вышнія части постройки были крыты свинцомъ, внутреннія же были устроены на подобіе штучнаго потолка, который былъ вы-

золоченъ и подобно морю разливался надъ всѣмъ зданіемъ. Кругомъ же обонхъ боковъ двойныхъ портиковъ, надземныхъ и подземныхъ, тянулись вдоль базилики двойныя галлерен, потолокъ которыхъ также былъ украшенъ золотомъ; лицевыя галлерен опирались на громадныя колонны, внутреннія же воздвигались подъ четырехугольными подставками, которые снаружи были великолѣпно украшены¹⁾. Притекающую къ храму толпу принимали три симметрично расположенныя двери, обращенныя къ восходящему солнцу. Противъ нихъ былъ главный пунктъ всего полукружія, расположенный при вершинѣ базилики; его вѣнчали двѣнадцать колоннъ, равночисленныя апостоламъ; верхи этихъ колоннъ были украшены серебряными кратерами.

Оттуда, если идти впередъ ко входамъ, лежащимъ передъ храмомъ, оказывалось открытое мѣсто; тамъ, по обѣимъ сторонамъ были: первый дворъ, за нимъ портики, и послѣ всего двери во дворъ; за дверями же на самой серединѣ рыночной площади находились превосходно украшенныя пропилеи всей постройки. Не смотря на то, что описаніе Евсевія есть описаніе очевидца (онъ присутствовалъ при освященіи храма, 13-го сентября 335 г.), нельзя сказать, чтобы оно было для насъ совершенно ясно. Этимъ объясняется то, что попытки реставраціи этихъ сооружений, дѣлавшіяся различными учеными, выходили довольно разнообразны. Палестинскимъ Обществомъ изданы пять такихъ попытокъ: Виллиса, Тоблера, Вогюэ, Сеппа, Шика. На послѣдней изъ нихъ, какъ основанной на долготѣннемъ и внимательномъ изученіи мѣстности и принявшей во вниманіе произведенныя о. Антонинномъ раскопки, мы считаемъ нужнымъ остановиться нѣсколько долѣе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Константиновыя сооружения заняли сравнительно огромное пространство, въ которое

¹⁾ Ἀμφὶ δὲ ἐκάτερα τὰ πλευρὰ διττῶν στοῶν ἀναγείων τε καὶ καταγείων διόμας καρστάβας τῆ μῦκας τοῦ νεῶ συνεστήσειοντο . . . ὧν αἱ μὲν ἐπὶ προσώπου τοῦ οἴκου κίονι καμμάγεθσαν ἐκπρείδοντο, αἱ δὲ εἰς τὴν ἴσθηδον ὑπὸ κεκοίης ἀνυψείοντο. Въ докладѣ В. Н. Хитрово это мѣсто, на основаніи перевода В. Г. Васильевскаго, передано такъ: Во всю длину ея, по обѣимъ сторонамъ тянулись двойныя колонны, верхнія и нижнія, двойныхъ портиковъ . . . Одна изъ нихъ, при лицевой сторонѣ базилики, опирались на громадныя столбаки, а внутреннія переднихъ частей стояли подъ четверугольными подставками.—По весьма взрѣотному толкованію Шика, первый портикъ соответствуетъ среднему кораблю базилики; они двойныя—надземныя и подземныя; послѣдніе необходимыя тамъ, гдѣ базилика занимаетъ мѣсто городскаго рва; по обѣимъ сторонамъ средняго корабля тянулись два боковыя корабли; лицевыя колонны суть тѣ, которыя примыкаютъ къ среднему кораблю, пилластры же примыкали къ стѣнамъ базилики.

вошла и Акра предшествующаго періода. Строители базилики воспользовались ея стѣнами, равно какъ и стѣною городской, чтобы превратить ихъ въ стѣны базилики; ровъ же, который шелъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу и затѣмъ поворачивалъ отъ востока къ западу, былъ засыпанъ для того, чтобы сравнять всю площадь мѣстности. Такимъ образомъ, въ стѣны Константиновой базилики были превращены: сѣверная, восточная и южная стороны Акры, изъ которыхъ первая образовала стѣну параллельнаго базилики крытаго портика, вторая же и третья—стѣны самой базилики. Слѣдовательно, въ составъ базилики вошли и открытыя на русскомъ мѣстѣ еврейскія стѣны, образовывавшія юго-восточный уголъ базилики. Этимъ приѣмомъ постройки, характеризующимъ позднѣйшій періодъ архитектуры, объясняется одна бросающаяся въ глаза подробность сооруженій, именно то, что ось ихъ представляетъ не прямую, какъ слѣдовало бы ожидать, по ломанную линію; это отклоненіе къ югу представляетъ на крайнемъ восточномъ концѣ разстояніе въ двѣ сажени. Воспользовавшись постройкой Акры, архитекторъ (по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, Евставій, пресвитеръ Константинопольскій) немного расширилъ площадь къ Востоку, захвативъ часть торговой площади по ту черту, которая образовывалась выходящими за стѣну выступами, среди которыхъ былъ открытый нынѣ порогъ; такимъ образомъ, ворота крестнаго пути, ведшія на форумъ Акры, ворота Ефремовы были заложены, но проходъ въ видѣ буквы L остался, образуя улицу, шедшую вдоль крытаго портика, который составлялъ южную границу базилики. На русскомъ мѣстѣ сохранились два столба, поддерживавшіе этотъ портикъ; разстояніе между столбами составляетъ 4,75 метра. Затѣмъ, на томъ же мѣстѣ находятся два столба и пилястръ, принадлежавшіе, по реставраціи Шика, пропиленнымъ, внѣшнимъ столбамъ которыхъ выходили на торговую площадь. Обозрѣвая реставрацію Шика, прежде всего, на крайнемъ западномъ концѣ мы видимъ наружную полукруглую стѣну, съ тремя абсидами, которая въ этомъ видѣ сохранилась и въ настоящее время. Къ стѣнѣ этой непосредственно примыкалъ крытый портикъ, вслѣдъ за которымъ въ видѣ круга стояли 20 колоннъ въ равномъ другъ отъ друга разстояніи; входъ между ними приходится съ восточной стороны, и онъ былъ нѣсколько шире разстояній между колоннами; какъ разъ противъ входа находилась пещера Гроба Господня, надъ которою воздвигалась поддерживаемая восемью столбами часовня—такъ-называемый *martirion*, въ узкомъ, специальномъ смыслѣ. Къ востоку отъ пещеры и

полукруга простиралась обширная открытая площадь, имѣвшая, по измѣреніямъ Шика, 40 метровъ длины и 45 ширины, всего 1,800 квадратныхъ метровъ. На площади этой находилось возвышеніе Голгофы, о которомъ Евсевій, страннымъ образомъ, не упоминаетъ. Площадь была обнесена съ трехъ сторонъ портиками, при чемъ оба крыла западнаго портика, примыкавшія къ колоннамъ, окружавшимъ пещеру Гроба, стояли на мѣстѣ столбовъ нынѣшняго храма. Четвертую, восточную сторону площади занимала западная сторона базилики. Къ ней вели три входа, изъ коихъ средній приходился какъ разъ насупротивъ пещеры Гроба. Базилика дѣлилась на пять продольныхъ кораблей и имѣла въ длину 65, въ ширину 45,75 метра, занимая площадь въ 3000 квадратныхъ метровъ. Корабли поддерживались 17 колоннами, при чемъ однако средній корабль насчитывалъ ихъ лишь по 10 на обѣихъ сторонахъ. Вышина колоннъ, по предположенію Шика, составляла $\frac{1}{3}$ вышины всего зданія; при этомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ базилика пересѣкала городской ровъ, колонны были двухъ-этажны—одинъ надъ, другою подъ землею. Въ самой базиликѣ, по свидѣтельству Евсевія, находилось полукружіе—*ημισφαίριον*. Въ реставраціи Шика оно находится на восточной сторонѣ базилики, прямо противъ средняго въ нее входа, а слѣдовательно, и противъ пещеры гроба; полукружію этому Шикъ придалъ значеніе алтаря, четырехугольный престолъ котораго окруженъ стѣною изъ 12 колоннъ, о которыхъ говоритъ Евсевій. Стѣна въ свою очередь обнесена 16 колоннами, поддерживающими куполь; за ними же идетъ кружной проходъ, представляющій видъ полукруга и обычный во многихъ восточныхъ храмахъ древней постройки. Вся эта реставрація не только весьма вѣроятна, но даже и убѣдительно; только въ одной ея частности Шикъ счелъ необходимымъ отступить отъ общераспространеннаго воззрѣнія. Это отступление касается опредѣленія мѣста обрѣтенія Креста. Согласно древнему преданію, которое записано и въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ описаніяхъ Іерусалима, кресты Спасителя и двухъ разбойниковъ были брошены въ городской ровъ; между тѣмъ нынѣ чествуемое мѣсто обрѣтенія Креста находится не во рву, а въ скалѣ; во рву же приходится существующій нынѣ храмъ св. царицы Елены. Чтобы согласовать преданіе съ существующими данными, Шикъ находитъ пущимъ мѣсто обрѣтенія Креста видѣть въ храмѣ св. Елены, которому, въ своей реставраціи базилики, придаетъ видъ часовни, поддерживаемой четырьмя колоннами; въ современномъ же придѣлѣ обрѣтенія Креста онъ видитъ

ничто иное, какъ цистерну, ту самую, которая въ предыдущій періодъ находилась во внутреннемъ проходѣ Акры. Другая, соответствующая ей цистерна находится дагѣ къ сѣверу и помѣщается Шикомъ на внутренней окраинѣ крытаго портика. Съ сѣвера и юга къ базиликѣ примыкали открытые проходы, непосредственно за которыми шли крытые портики, заканчивавшіе собою всю систему Константиновыхъ сооружений. Отъ портика южнаго прохода сохранились еще на мѣстѣ два остатка столбовъ, по разстоянію которыхъ оказалось возможнымъ нанести на планъ и остальные. Последнею частью Константиновой постройки Евсевій упоминаетъ пропилеи; по реставраціи Шика, они приходятся на восточной, поперечной сторонѣ базилики и выходятъ на рыночную площадь; отъ нихъ до нихъ сохранились три колонны и угловой пилластръ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что предпріятія Палестинскимъ Обществомъ раскопки уяснили важныя детали Константиновыхъ сооружений, именно: дали точныя разстоянія нѣкоторыхъ ихъ частей, „указали планъ пропилеевъ и найденною массивною стѣною доказали, что открытая площадь не была смежною съ пропилеями, а отдѣлялась отъ нея большимъ сооруженіемъ, которымъ могла быть только базилика“ (докладъ В. Н. Хитрово, стр. 110).

Сводя къ одному общіе результаты раскопокъ общества, нельзя не признать, что они воиолнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды, и доказали вѣрность археологическаго взгляда, указавшаго на нихъ, какъ на первый опытъ для научныхъ работъ Общества на священной почвѣ земли Обѣтованной.

II.

Обзоръ грузинскихъ древностей на Синаѣ и въ Іерусалимѣ.

Другое научное предпріятіе Православнаго Палестинскаго Общества, исполненное въ 1883 году, составляетъ изслѣдованіе находящихся въ Іерусалимѣ и на Синаѣ древнихъ памятниковъ грузинскихъ. На памятники эти обратилъ вниманіе Общество Августѣйшій Предсѣдатель его и поручилъ ему заняться ихъ описаніемъ и изслѣдованіемъ, присоединивъ къ древностямъ іерусалимскимъ древности синайскія и, если окажется возможнымъ, то и афонскія вмѣстѣ съ константинопольскими. Изслѣдованіе это тѣмъ болѣе необходимо, что число остатковъ и рукописей грузинскихъ на Востокѣ ежегодно

уменьшается (разительный примѣръ этому будетъ приведенъ ниже), а между тѣмъ, могло бы дать обильную жатву, ибо памятники эти до сихъ поръ не составляли предмета спеціальнаго изученія, тогда какъ остатки другихъ народностей, находящіеся на Святой Землѣ, подвергаются постояннымъ и многостороннимъ изслѣдованіямъ. Остановившись на вышеуказанной задачѣ, Общество предложило разрѣшеніе ея профессору грузинскаго языка и литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. А. Цагарели, который и исполнилъ данное ему порученіе, посѣтивъ Синай и Іерусалимъ и описавъ находящіяся тамъ грузинскія древности. Заимствуемъ изъ доклада г. Цагарели наиболѣе любопытныя данныя о его поѣздкѣ.

Путешественникъ нашъ началъ свои изслѣдованія съ Синая, куда прибылъ 9-го февраля 1883 года. Главныя древности грузинскія на Синаѣ состоятъ изъ рукописей. Еще покойный А. С. Норовъ, посѣтившій Синай въ 1861 г., указалъ на значительное количество грузинскихъ рукописей, видѣнныхъ имъ въ Синайской обители. Разказъ его на столько характеренъ, что мы считаемъ не излишнимъ привести его здѣсь: „Я спросилъ однажды у достопочтеннаго архіепископа (Синайскаго Кирилла): не находятся ли еще гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ бібліотеки, нѣкоторыя рукописи? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что подъ однимъ сводомъ есть довольно значительное количество оныхъ, но что всѣ эти рукописи на грузинскомъ языкѣ. Увѣренный въ его любезности, я немедленно попросилъ его приказать высвободить ихъ изъ мрака и показать мнѣ. Въ тотъ же день половина моей комнаты была завалена горами рукописей, и дѣйствительно, то были болѣею частью грузинскія и двѣ или три коптскія, но всѣ пергаментныя и, конечно, весьма древнія, а нныя изъ нихъ, можетъ быть, и весьма важныя... Хранилище, изъ котораго вынесены были эти рукописи, не было еще истощено тѣми книгами, которыя были мнѣ принесены, и я увѣренъ, что другіе путешественники будутъ счастливыи меня. Я просилъ архіепископа, и онъ обѣщалъ мнѣ обратити все вниманіе на сохраненіе этихъ рукописей и на огражденіе, могущихъ еще открыться, отъ истребленія“ (Норовъ, Іерусалимъ и Синай. С.-Петербургъ. 1878, стр. 110). О значительномъ количествѣ грузинскихъ рукописей на Синаѣ свидѣлствуютъ и другіе русскіе путешественники—архимандритъ Антоній и епископъ Порфирій. Чѣмъ объяснить такое значительное количество грузинскихъ рукописей въ Синайской обители? Большая часть изъ нихъ писана, по наблюденіямъ г. Цагарели, въ самомъ монастырѣ, и только немногія

привезены изъ Палестины, съ Афона и изъ другихъ мѣстъ. Фактъ интересный, свидѣтельствующій о томъ, что въ древности въ Синайской обители жило много выходцевъ изъ Грузіи. „Мы знаемъ“, говоритъ г. Цагарели, — „что въ VI или VII вѣкѣ на Синаѣ жили два монаха Грузины Михаилъ и Евстафій; изъ грузинскихъ рукописей узнаемъ сверхъ того, что въ X—XIII вѣкахъ подвизалась на Синаѣ грузинская братія: нѣкоторые изъ членовъ ея были ризничими и игуменами монастыря; имъ принадлежали двѣ малыя церкви въ самомъ монастырѣ — церковь св. Стефана и св. Георгія. Церкви эти существуютъ и въ настоящее время“ (стр. 64). Совершенно подобное явленіе находимъ мы и на Афонѣ, гдѣ въ X в. основана была знаменитая община Иверская выходцемъ изъ Грузіи Іоанномъ Торникіемъ. Все это указываетъ на близкое общеніе православной Грузіи съ главными центрами святыхъ христіанской на Востока: фактъ, подтверждаемый и другими многочисленными данными. Всѣхъ грузинскихъ рукописей оказалось 88; изъ нихъ одна Псалтирь на папирусѣ VI—VII столѣтія, 63 пергаментныхъ, начиная съ VIII в., остальные 24 бомбициновыя и бумажныя, начиная съ XIII в. Всѣ рукописи оказались духовнаго содержанія: библейскія, церковно-богослужебныя, отеческія творенія и синодики съ обозначеніемъ именъ и званій греческихъ паломниковъ и жертвователей въ пользу монастыря. Между рукописями есть роскошныя экземпляры по письму и по художественному исполненію, украшенныя цвѣтными инициалами, заставками и миниатюрами лучшей поры византійскаго миниатюрнаго искусства. Кромѣ того, онѣ испещрены записями писцовъ и паломниковъ, драгоценными для исторіи сношеній Грузіи съ Синаемъ и Палестиной въ теченіи ряда вѣковъ (стр. 64). Г. Цагарели не говоритъ о томъ, видѣлъ ли онъ на Синаѣ какіе-нибудь иные предметы грузинской древности, кромѣ рукописей, говоритъ онъ лишь о томъ, чего онъ не видѣлъ: такъ, онъ уже не нашелъ видѣнной епископомъ въ 50-хъ годахъ иконы св. Георгія съ изображеніемъ Грузинскаго царя изъ Багратидовъ; не нашелъ и грузинскихъ надписей на золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, бокалахъ и кружкахъ, между тѣмъ, какъ въ 60-хъ годахъ видѣлъ ихъ А. С. Норовъ, который говоритъ, что нѣкоторые изъ этихъ драгоценностей носили имена жертвователей — Грузинскихъ царей. Факты эти краснорѣчиво свидѣлствуютъ о томъ, что предметы древности и въ настоящее время исчезаютъ изъ монастырскихъ хранилищъ. Изъ монастыря г. Цагарели поднимался на гору Хоривъ (7359 ф.), надѣясь найти что-нибудь грузинское въ часовняхъ св.

Иліи и Богородицы Давидовой, основаніе которыхъ приписываютъ Грузинскому царю Давиду Вовобновителю, царствовавшему въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. Надежды путешественника однако не осуществились, и никакихъ письменныхъ памятниковъ грузинской древности въ названныхъ церквахъ опъ не нашель.

Покончивъ съ описаніемъ синайскаго книгохранилища, г. Цагарели отправился въ Палестину, куда прибылъ въ 20-хъ числахъ марта. Сношенія Грузіи съ Палестиной начались раньше, чѣмъ съ Синаемъ. Нововозникшая церковь Грузинская въ началѣ VI в. была приписана къ Антиохійской патриархіи и почти въ то же время завязались сношенія съ Палестиной, которую стали посѣщать грузинскіе поклонники; такъ, грузинскіи лѣтописи повѣствуютъ, что будто ходили въ Палестину на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ въ IV вѣкѣ еще первый христіанскій царь Грузіи Миріанъ, а въ V в. Вахангъ I, которому, сверхъ того, приписываютъ приобрѣтеніе земель въ Іерусалимѣ и основаніе грузинскаго монастыря. Въ началѣ V же вѣка жилъ и подвизался въ Палестинѣ грузинскій царевичъ Мурваносъ, воспитанный въ Константинополѣ, принявшій впоследствии монашескій санъ и извѣстный подъ именемъ святаго Петра, епископа Маюмскаго, что на палестинскомъ берегу Средиземнаго моря, близъ Газы... Кромѣ того, въ періодъ времени отъ V до VIII вѣка жили въ Палестинѣ грузинскіе подвижники и переводчики Священнаго Писанія; между ними особенно извѣстны Давидъ и Стефанъ, которые переводили не только съ греческаго языка на грузинскій, но и съ арабскаго. И иностранные писатели свидѣтельствуютъ о хожденіи Грузинъ въ Святую Землю въ раннюю пору христіанства; такъ, Руфинъ, современникъ Константина Великаго, разказывая подробно объ обращеніи Грузинъ въ христіанство, говоритъ, что онъ все это слышалъ въ Іерусалимѣ изъ устъ самого царя (царевича) иверійскаго Вакурія... Другой византійскій историкъ VI в. Проконій... говоритъ, что императоръ Юстиніанъ возобновилъ Иверійцамъ ихъ монастырь. Если въ половинѣ VI столѣтія монастырь, пршшедшій въ ветхость, нуждался уже въ возобновленіи, то надо полагать, имѣя въ виду прочность тогдашнихъ построекъ, что онъ простоялъ, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ. Слѣдовательно, съ V столѣтія была уже грузинская религиозная и книжная дѣятельность въ Палестинѣ. Къ этому же времени (V — VII вв.), по всей вѣроятности, относятся и найденныя грузинскія папирусныя рукооиси: палестинскій Часословъ въ трехъ книгахъ и синайская Псалтирь" (стр. 70). Съ X по XII столѣтіе мы

имѣемъ мало частныхъ свѣдѣній о Грузинахъ въ Палестинѣ; знаемъ только, что ихъ общеніе не прерывалось, доказательствомъ чему могутъ служить многочисленные факты. „Съ XIII по XVII в. Грузины приходили въ Святую Землю во множествѣ, нерѣдко оставались тамъ продолжительное время, были въ большомъ почетѣ и пользовались нѣкоторыми льготами преимущественно передъ прочими христіанами... Но когда съ XVII в., вслѣдствіе неоднократныхъ опустошительныхъ вторженій въ Грузію Персидскаго шаха Абаса, тяготѣніе этой страны къ Россіи усилилось, Турки перемѣнили политику въ отношеніи Грузинъ; тогда и грузинскіе монастыри одишъ за другимъ стали переходить въ чужія руки... Грузинскій архіепископъ Тимофей, посѣтившій Святую Землю въ половинѣ прошлаго столѣтія, насчитываетъ до 15 монастырей и параклисовъ, въ разное время основанныхъ или возобновленныхъ Грузинами въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. О принадлежности Грузинамъ 8 наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ монастырей свидѣлствуютъ и иностранные писатели... Въ настоящее время большая часть этихъ монастырей находится въ рукахъ Грековъ, меньшая же часть ихъ въ рукахъ католиковъ, армянъ и мусульманъ“ (стр. 73). Не удивительно поэтому, что въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ путешественникъ нашъ нашелъ обильную для себя жатву, не смотря на то, что многое изъ грузинскихъ древностей, существовавшихъ еще очень недавно, теперь исчезло; въ числѣ исчезнуваемаго особенно замѣчательнъ мраморный патріаршій престолъ на Голгоѣ съ большою грузинскою надписью XVI вѣка. Онъ сгорѣлъ во время большаго пожара въ 1808 году. Тамъ не менѣе, въ одномъ храмѣ Гроба Господня г. Цагарели видѣлъ до 12 разныхъ предметовъ для церковнаго обихода и дорогихъ ризъ XVII—XVIII вѣковъ съ грузинскими надписями. Но болѣе всего сохранилось грузинскихъ древностей въ Крестномъ монастырѣ близъ Іерусалима; монастырь этотъ, основанный въ XI в. царемъ Багратомъ, извѣстенъ и нынѣ, какъ преимущественно грузинскій. Въ немъ г. Цагарели нашелъ не мало фресокъ съ грузинскими надписями и изображениями, а также имѣлъ возможность ознакомиться и съ книгохранилицемъ. Всѣхъ книгъ въ монастырѣ, куда свезены и рукописи изъ патріархіи и Саввинскаго монастыря, оказалось 138; почти всѣ онѣ духовнаго содержанія, изъ нихъ 61 рукопись пергаменныя, начиная съ X вѣка, остальные бомбициновыя и бумажныя, съ XIII столѣтія. Между ними есть роскошные экземпляры, украшенные разноцвѣтными миниатюрами, инициалами и заставками. Г. Цагарели нашелъ между этими же ру-

копиями, хотя не полный, но превосходно сохранившійся списокъ грузинской Библии, конца XI или начала XII в. (стр. 77).

Остается желать, чтобы подробное описаніе грузинскихъ древностей видѣнныхъ и изученныхъ г. Цагарели благодаря усердной инициативѣ православнаго Палестинскаго Общества, было издано въ возможно непродолжительномъ времени. За описаніемъ этимъ останется та неоспоримая заслуга, что черезъ него ученый міръ впервые ознакомится съ тѣми памятниками грузинской древности, которые доселѣ или описывались случайно и мимоходомъ, или же не описывались вовсе.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ КУРСЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1882 ГОДУ.

Съ 1-го по 25-е августа 1882 года состоялись, съ разрѣшенія г. Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, педагогическіе курсы для учителей Инсарскаго и Наровчатскаго уѣздовъ, Пензенской губерніи. Курсы происходили при Инсарскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ; руководилъ ими Инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, 2-го участка, Н. Н. Ивановъ; программа занятій была составлена имъ же и утверждена Попечителемъ округа.

Главная цѣль учрежденія курсовъ состояла въ томъ, чтобы ознакомить учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ болѣе правильными способами и приемами преподаванія по всѣмъ отраслямъ начального обученія, съ методикою преподаванія каждаго предмета, съ лучшими педагогическими руководствами и учебными пособиями по начальному обученію и, наконецъ, со школьными порядками и классною дисциплиною.

Согласно съ предполагаемною цѣлью, занятія на курсахъ раздѣлялись на утреннія и вечернія.

Утреннія занятія состояли изъ практическихъ уроковъ, даваемыхъ Инспекторомъ и валичными преподавателями училищъ, подъ его руководствомъ, во временно устроенной школѣ. Въ первые три дня въ школѣ было дано по три, а въ остальные дни по четыре урока. Временная школа состояла изъ 4-хъ отдѣленій: въ младшее отдѣленіе были набраны мальчики совершенно безграмотные; въ среднее приняты ученики, переведенные по экзамену изъ младшаго отдѣленія; въ старшемъ находились ученики, переведенные изъ сред-
часть сохххiv, отд. 4.

няго, и, наконецъ, 4-е отдѣленіе состояло изъ учениковъ, оставлен-ныхъ въ старшемъ отдѣленіи на одинъ годъ и изъ окончившихъ курсъ приходскаго училища. Цѣль образованія 4-го отдѣленія состояла въ томъ, чтобы ознакомить учителей съ ходомъ занятій въ старшихъ отдѣленіяхъ по объяснительному чтенію, письменнымъ упражненіямъ и ариметикѣ въ разное время учебнаго года.

Въ школѣ—учащихся находилось всего 32: въ младшемъ отдѣленіи 11 мальчиковъ, въ среднемъ—7 мальчиковъ и 4 дѣвочки, въ старшемъ 4 мальчика и 2 дѣвочки и въ 4-мъ отдѣленіи 4 мальчика. Дѣвочки помѣщались въ каждомъ отдѣленіи особо отъ мальчиковъ. Занятія велись постоянно въ трехъ отдѣленіяхъ, такъ какъ ученики 4-го отдѣленія, если съ ними не занимались отдѣльно, присоединялись къ ученикамъ 3-й группы. Если же въ 4-мъ отдѣленіи назначались какія-либо особыя занятія, то ученики 3-й и 2-й группы составляли одно отдѣленіе.

Утреннія занятія начинались и оканчивались молитвами. Молитвы предъ уроками начались въ 8¹/₄ часовъ, уроки — въ 8¹/₂. Каждый урокъ продолжался 55 минутъ. Между 1 и 2, 3 и 4 уроками давалось дѣтямъ 10 минутъ отдыха, между 2-мъ и 3-мъ ¹/₄ часа. Во время большой сѣбны ученики занимались гимнастикой и играми. Изъ игръ были ведены: „зайка“, „кошка и мышка“ и „коршунъ“.

Вечернія занятія происходили отъ 4-хъ и до 7-ми часовъ и состояли: 1) въ разборѣ уроковъ, данныхъ учителями утромъ; 2) въ обсужденіи конспектовъ тѣхъ уроковъ, которые предположены на слѣдующій день и 3) въ объясненіяхъ и чтеніи извлеченій изъ различныхъ педагогическихъ руководствъ, относящихся до того или другаго отдѣла начальнаго обученія.

На курсы съѣхалось 25 учителей и 8 учительницъ Инсарскаго уѣзда, 10 учителей и 2 учительницы Наровчатскаго уѣзда и, сверхъ того, два кандидата на учительскія должности, всего 37 учителей и 10 учительницъ. Изъ съѣхавшихся преподавателей, 1 окончилъ курсъ въ духовной семинаріи, 7 окончили курсъ въ учительской семинаріи, 16—въ уѣздныхъ училищахъ, 11 въ духовныхъ училищахъ, 2 получили домашнее образованіе. Изъ 10 учительницъ 2 окончили курсъ въ епархіальномъ училищѣ, 4 — въ жепскойprogимвази и 4 получили домашнее образованіе. Всѣмъ учителямъ и учительницамъ, командированнымъ на курсы, было назначено отъ Училищныхъ Советовъ каждому лицу по 12 рублей добавочныхъ къ получаемому ими

жалованію и, сверхъ того, прогоны на одну лошадь для проѣзда въ г. Инсары и обратно.

Курсы открыты были 2-го августа въ 11 часовъ утра молебствіемъ, которое было совершено Инсарскимъ протоіереемъ Щепотинымъ и законоучителемъ городского приходскаго училища, священникомъ Доброхотовымъ. На молебнѣ присутствовали г. Предсѣдатель Земской Управы, онъ же и Городской Голова, всѣ собравшіеся учителя, учительницы и ученики временной школы.

Послѣ молебна священникъ Доброхотовъ обратился къ собравшимся преподавателямъ съ назидательнымъ словомъ. Инспекторъ же народныхъ училищъ, указавъ имъ причины, побудившія Инсарскій и Наровчатскій Училищные Совѣты ходатайствовать объ устройствѣ временныхъ педагогическихъ курсовъ, объяснилъ въ чемъ заключается педагогическая задача начальной школы, ознакомилъ преподавателей съ программой занятій, и просилъ ихъ откровенно высказывать всѣ тѣ вопросы, недоразумѣнія и сомнѣнія, съ которыми они встрѣчались въ своей школьной практикѣ, чтобы, разрѣшивъ ихъ при совѣстномъ обсужденіи, они вернулись въ свои школы съ болѣе ясными воззрѣніями къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Эти вопросы онъ просилъ ихъ изложить письменно, съ присовокупленіемъ подробныхъ свѣдѣній о состояніи школы, завѣдуемой каждымъ или каждою изъ нихъ, и о способахъ преподаванія, ими употребляемыхъ. Послѣ того были прочтены правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5-го августа 1875 г., и хоромъ всѣхъ присутствовавшихъ былъ пропѣтъ народный гимнъ „Боже Царя храни!“

Утро слѣдующаго дня было посвящено письменному изложенію преподавателями и преподавательницами упомянутыхъ выше свѣдѣній о состояніи каждой школы и вопросовъ, которые они предполагали представить на обсужденіе и разрѣшеніе въ продолженіе курсовъ. Эта письменная работа дала возможность инспектору-руководителю ознакомиться съ научной подготовкою каждого учителя и учительницы и впоследствии сообщить въ соотвѣтствующіе Училищные Совѣты обстоятельный обзоръ состоянія школъ въ томъ и другомъ уѣздѣ. Примѣрные уроки начались во временной школѣ съ середины 4-го августа.

Всѣхъ уроковъ дано было во временной школѣ при 3-хъ ея отдѣленіяхъ 64, изъ которыхъ 12 Инспекторомъ и 52 учителями и учительницами, именно: по звуковому обученію—9, по письму и

чтенію—11, по ариметикѣ—20, по письменнымъ грамматическимъ упражненіямъ—14 и по объяснительному чтенію—10. При занятіи учителя въ одномъ отдѣленіи, въ другомъ задавались ученикамъ самостоятельныя работы, вытекающія изъ предшествующихъ занятій учителя или имѣющія съ ними тѣсную связь. Всѣхъ самостоятельныхъ работъ было предложено 100. На каждый урокъ назначалось по два учителя; они сами должны были составлять конспекты предполагаемыхъ уроковъ и представить ихъ Инспектору за день до урока. Конспекты въ тотъ же день вечеромъ обсуждались на вечернихъ собраніяхъ преподавателей. Одинъ изъ двухъ избранныхъ учителей допускался къ преподаванію, а другой долженъ былъ наблюдать въ то же время за самостоятельными работами учениковъ.

Кромѣ 8 учителей, ежедневно избираемыхъ на 4 урока, другіе 5 человекъ составляли протоколы утреннихъ уроковъ и вечернихъ занятій. За тѣмъ, двое назначались дежурными на время утреннихъ и вечернихъ занятій, и одинъ для занятій играми или гимнастикой во время большой смѣны. Такимъ образомъ, каждый день привлекалось къ дѣлу 16 учителей и учительницъ. Учительницы отъ дежурства и отъ занятій гимнастикой были освобождены.

Обученіе грамотѣ соединено было со слѣдующими упражненіями: 1) съ предварительными бесѣдами, 2) съ письменными работами, 3) съ черченіемъ по клѣткамъ и 4) съ звуковыми упражненіями.

Предварительныя бесѣды имѣли цѣлью ознакомить дѣтей съ нѣкоторыми существенными приѣмами, школьными порядками и дисциплиною, безъ чего невозможно правильное занятіе въ классѣ. Во время бесѣдъ, дѣти также знакомились и съ предметами, которые находились въ классѣ, съ ихъ назначеніемъ и употребленіемъ, причалясь къ внимательности, наблюденію и къ правильнымъ, громкимъ и полнымъ отвѣтамъ.

Передъ началомъ письменныхъ упражненій ученикамъ сообщалось, какъ они должны сидѣть при письмѣ, какъ держать корпусъ, голову, руки и ноги, какъ держать грифель и доску; за тѣмъ имъ было показано, какъ подъ тактъ вынимать и прятать доски и какъ готовиться къ письму. Послѣ того было уже приступлено къ письменнымъ упражненіямъ, при чемъ неуклонно наблюдалось за выполненіемъ учениками всѣхъ указанныхъ правилъ. Письменные работы начинались съ упражненій, служащихъ для развитія руки, кисти и пальцевъ, и составляли переходъ къ письму элементовъ буквъ. Элементы буквъ, буквы и слова ученики писали подъ тактъ на разлинованныхъ грифельныхъ

доскахъ, по наклону, обозначенному косыми линиями. На основательное письмо элементовъ было обращено особенное вниманіе учителей, такъ какъ искусство красиваго и четкаго письма находится въ прямой зависимости отъ умѣнья писать хорошо элементы и соединять ихъ другъ съ другомъ. Во время письменныхъ упражненій, разъ или два въ продолженіи урока, ученики продѣлывали ручныя гимнастическія упражненія.

Черченіе по клѣткамъ линий и фигуръ, помѣщенныхъ въ первой книжкѣ „Роднаго Слова“, велось одновременно съ письменными упражненіями. На вечернихъ занятіяхъ учителямъ было объяснено, что черченіе, не имѣя прямого отношенія къ чтенію и письму, косвеннымъ образомъ приноситъ для того и другаго весьма большую пользу: ученики, занимаясь черченіемъ линий, угловъ, оваловъ, полуоваловъ, фигуръ и прочее, знакомятся съ терминами письма, развиваютъ свой глазомѣръ, упражняютъ кисть руки. Съ этою цѣлью и во временной школѣ практиковалось упражненіе въ черченіи двоякаго рода: а) черченіе различныхъ предметовъ по клѣткамъ и б) черченіе просто отъ руки, безъ клѣтокъ, различныхъ горизонтальныхъ, перпендикулярныхъ и наклонныхъ линий, кружковъ и проч.

Звуковыя упражненія имѣли цѣлью подготовить учениковъ съ одной стороны—къ различенію членораздѣльныхъ звуковъ человѣческаго голоса, а съ другой—къ разумному и легчайшему усвоенію процессовъ чтенія и письма. Они состояли въ разложеніи словъ на звуки и сліяніи звуковъ; первое необходимо для письма, а второе—для чтенія. Прежде всего ученики были ознакомлены съ твердыми гласными—а, у, изъ словъ: „ау“ и „уа“; далѣе былъ выдѣленъ звукъ—у изъ слова—усть, потомъ звукъ—о изъ слова о-са, и подобнымъ же способомъ звуки: и, е, ы, я, л, м, н, р, ш, ж, ц, в. Звуки—и, е, я выдѣлялись изъ словъ, начинающихся съ этихъ звуковъ: И-вапъ, Ёль, я-ма; звукъ—ы былъ выдѣленъ изъ слова—осы, и т. д.

Правильное сліяніе звуковъ дается всегда съ большимъ трудомъ дѣтямъ и составляетъ обыкновенно камень преткновенія для многихъ преподавателей, при обученіи дѣтей чтенію по звуковой методѣ, а между тѣмъ это условіе необходимо для дальнѣйшаго успѣха въ чтеніи. О важности и значеніи правильнаго сліянія звуковъ разъяснено было учителямъ на вечернихъ занятіяхъ и на это обращено было особенное вниманіе при практическихъ занятіяхъ ихъ въ школѣ. На курсахъ выдѣлено было всего 14 звуковъ и въ послѣдніе дни не

встрѣчалось болѣе надобности назначать для звуковыхъ упражненій отдѣльные уроки.

По ознакомленіи учениковъ съ буквами, элементами буквъ, съ различіемъ звуковъ въ словахъ и со сліяніемъ звуковъ, было приступлено къ обученію ихъ письму и чтенію одновременно, и было имъ разъяснено, что каждый звукъ можно изобразить особымъ знакомъ—буквой, при чемъ учитель обращалъ вниманіе ихъ на составныя части каждой буквы, на соединенія ихъ между собою, на наклонъ и счетъ или тактъ; далѣе сравнивалъ буквы между собою, указывалъ, что буквы написаны въ томъ же порядкѣ, въ какомъ произносятся звуки и заставлялъ учениковъ прочитать написанное.

Порядокъ изученія буквъ былъ припять—указанный въ книгѣ Ушинскаго; о томъ же, когда и какъ учениковъ знакомить съ буквами е, ѣ, и э, съ твердымъ и мягкимъ знаками, съ двоякимъ употребленіемъ буквы и (і) и съ полугласной ѣ, объяснено преподавателямъ по наставленіямъ Ельницкаго и Тихомирова.

Относительно запятій съ учениками по первой книгѣ „Роднаго Слова“, руководитель обратилъ вниманіе преподавателей на указанія Ушинскаго, помѣщенные въ его руководствѣ, при чемъ объяснилъ достоинства чтенія, заключающіяся въ громогласности, правильности сознательности, бѣглости и выразительности чтенія. Всѣхъ этихъ качествъ не возможно достигнуть одновременно. Прежде всего слѣдуетъ требовать, чтобы ученикъ читалъ громко, правильно и понималъ прочитанное, но громкое чтеніе не должно переходить въ излишнюю крикливость. Для правильнаго чтенія, необходимо обращать вниманіе, чтобы при чтеніи ученики произносили всѣ звуки, изъ которыхъ состоитъ слово, совершенно ясно и въ томъ порядкѣ, какъ они написаны. Что же касается до произношенія нѣкоторыхъ словъ не по книжному, а такъ какъ говорятъ, учителямъ рекомендовалось обращаться съ такимъ требованіемъ только тогда, когда ученики пріобрѣтутъ нѣкоторый навыкъ уже къ бѣглому чтенію, иначе требованіе учителя будетъ противорѣчиво его собственнымъ указаніямъ: въ одномъ случаѣ онъ будетъ требовать, чтобы ученикъ при чтеніи не пропускалъ и не измѣнялъ ни одной буквы; а въ другомъ, чтобы ученикъ произносилъ нѣкоторыя слова иначе, чѣмъ они написаны. Съ тою же цѣлью, достигнуть правильнаго чтенія, рекомендовало учителямъ ознакомлять дѣтей постепенно: а) съ составомъ словъ и разложеніемъ ихъ на слоги, б) съ удареніемъ и в) разъяснять „за чѣмъ слова отдѣляются другъ отъ друга“, вводя учениковъ такимъ

образомъ незамѣтно въ область знаковъ препинанія, безъ которыхъ чтеніе бываетъ непонятно слушателямъ.

Чтеніе на каждой ступени должно быть сознательнымъ. Если ученикъ не будетъ понимать прочитаннаго, то чтеніе обратится въ простую механическую работу и не будетъ имѣть никакого развивающаго значенія; поэтому при чтеніи ничего нельзя оставлять неразъясненнымъ; но при томъ не слѣдуетъ забывать, что объясненія должны быть, по возможности, кратки; подробности на первое время были бы вовсе не у мѣста. Для усвоенія же бѣглости въ чтеніи, руководитель давалъ совѣтъ каждую статью заставлять учениковъ читать нѣсколько разъ, доколѣ не достигнуть извѣстной степени скорости. Мало толку будетъ, если ученики, кое-какъ разобравъ одну статью, перейдутъ къ другой, а тамъ къ третьей, не прочитавъ удовлетворительно ни одной. Бѣглости чтенія также способствуетъ заучиваніе наизусть небольшихъ стихотвореній, пѣсенъ, пословицъ и прозаическихъ отрывковъ; въ этомъ случаѣ ученики научаются правильно и скоро произносить всѣ заученныя слова, какъ легкія, такъ и трудныя для произношенія и, кромѣ того, знакомятся съ новыми словами и оборотами русской рѣчи, принятыми въ образованномъ классѣ. Заучиваніе короткихъ отрывковъ изъ образцовыхъ произведеній дѣйствуетъ и воспитательнымъ образомъ на дѣтей, вызывая въ душѣ ихъ такія чувства, которыя составляютъ основу нравственной природы человѣка.

Наконецъ обращено вниманіе учителей на выразительность чтенія. Хорошее и выразительное чтеніе учениковъ можетъ болѣе, чѣмъ что-либо иное, расположить народъ къ уваженію школы. Выразительность въ чтеніи должна состоять въ простотѣ и естественности: ученикъ долженъ читать такъ, какъ говорить или бесѣдуетъ. Напыщенность и искусственная чувствительность не должны быть допускаемы. Выразительное чтеніе можетъ быть достигнуто въ той школѣ, гдѣ учитель самъ умѣетъ хорошо читать; а потому учителямъ данъ совѣтъ не слишкомъ полагаться на свое умѣнье и передъ уроками прочитывать вслухъ статьи, предназначенныя для класса. Изъ числа учителей, находившихся на курсахъ, многимъ слѣдовало по больше обращать вниманія на себя, и по возможности, чаще упражняться чтеніемъ вслухъ.

Выразительное чтеніе возможно только послѣ всесторонняго разъясненія статьи и послѣ полного усвоенія учениками ея смысла, а потому выразительное чтеніе преимущественно вырабатывается на

урокахъ объяснительнаго чтенія, хотя учитель, преслѣдуя на первыхъ же ступеняхъ обученія сознательность въ чтеніи, долженъ въ то же время наблюдать и за его выразительностію.

Статьи, предназначаемыя для объяснительнаго чтенія въ младшемъ отдѣленіи, должны быть кратки, должны состоять изъ короткихъ предложеній и должны быть совершенно доступны для учениковъ по своему содержанію. Въ среднемъ же и старшемъ отдѣленіяхъ при чтеніи встрѣчаются статьи, болѣе трудныя по содержанію, въ которыхъ, кромѣ непонятныхъ словъ и выраженій, учителю приходится объяснять и зависимость словъ одно отъ другаго въ томъ или другомъ предложеніи, указывая логическую связь между мыслями и такимъ путемъ доводить учениковъ до пониманія какъ отдѣльныхъ мыслей, такъ и содержанія всей статьи. Въ этомъ отношеніи у многихъ учителей оказались весьма сбивчивыя понятія, и пришлось на вечернихъ занятіяхъ выяснять имъ сущность объяснительнаго чтенія, и значеніе этой методы обученія, а на утреннихъ урокахъ показать самый способъ и приемы веденія объяснительнаго чтенія въ начальной школѣ.

Общій планъ занятій по объяснительному чтенію былъ такого рода: Статья предназначенная для чтенія, по содержанію своему дѣлилась на части. По прочтеніи какой-либо части или отдѣльной мысли, объяснялись ученикамъ не понятныя ими слова и выраженія, а затѣмъ, при помощи различныхъ вопросовъ, выяснялась зависимость между словами въ предложеніи и предложеній между собою. Послѣ таковой предварительной подготовки, учитель самъ читалъ ту же часть, чтобы показать дѣтямъ образецъ хорошаго чтенія; послѣ учителя дѣти снова ее читали и затѣмъ уже передавали содержаніе по вопросамъ, предлагаемымъ учителемъ. Содержаніе прочитанной части въ немногихъ словахъ, въ видѣ заглавія, записывалось учителемъ на классную доску. Прочитавъ такимъ же образомъ слѣдующую часть и записавъ на классной доскѣ, ученики сравнивали прочитанныя части между собою или опредѣляли зависимость между частями. Когда была прочитана и разобрана послѣдняя часть, повторялось чтеніе всей статьи, прежде учителемъ, потомъ учениками, и разказывалась она по частямъ, согласно плану ея, записанному на классной доскѣ, и по вопросамъ учителя, исчерпывающимъ ея содержаніе. Послѣ подобнаго перечитыванія и катихизаціи, ученики пересказывали сами содержаніе статьи уже вполне сознательно и въ выраженіяхъ довольно близко подходящихъ къ подлиннику. Преподавателемъ было

объяснено, конечно, что впоследствии, когда дѣти достаточно разовьются, катихизація постепенно сокращается и замѣняется болѣе общими вопросами, обнимающими собою нѣсколько мыслей. Объяснительное чтеніе закрѣплялось письменными упражненіями, которыя бывали различны, смотря по степени развитія учениковъ въ томъ или другомъ отдѣленіи, и состояли: или въ полныхъ отвѣтахъ на отдѣльные вопросы, или въ изложеніи статьи по вопросамъ болѣе общимъ, или наконецъ, въ изложеніи содержанія статьи безъ всякихъ вопросовъ.

Согласно съ вышеизложеннымъ планомъ, каждый учитель, назначаемый на урокъ объяснительнаго чтенія, обязанъ былъ предварительно въ представленномъ имъ конспектѣ указать слова и выраженія, которыя считаетъ пужнымъ объяснить ученикамъ, въ избранной имъ статьѣ для чтенія; далѣе, обозначить части статьи и вопросы, при помощи которыхъ выяснялось бы содержаніе каждой части; за тѣмъ, опредѣлить главную мысль статьи, изложить примѣрный пересказъ ея содержанія и наконецъ, обозначать вопросы, имъ заготовленные, для письменной работы учениковъ, частныя и общіе.

По важности объяснительнаго чтенія въ курсѣ начальной школы и образовательному значенію его для учащихся, руководителемъ было обращено особенное вниманіе на веденіе его во временной школѣ и отъ учителей онъ требовалъ самой тщательной подготовки къ урокамъ. Всего по объяснительному чтенію дано было 10 уроковъ, изъ коихъ 2 руководителемъ и 8 учителями. Такъ какъ объяснительное чтеніе, кромѣ главной задачи — приученія дѣтей къ сознательному, правильному и выразительному чтенію, должно служить средствомъ: 1) къ расширенію познаній учащихся, 2) къ развитію въ нихъ религіозно-нравственныхъ чувствъ и 3) къ правильному употребленію языка въ разговорѣ и письмѣ, то руководитель въ концѣ запятій указалъ преподавателямъ на тѣ статьи Ушинскаго и Паульсона, которыя съ пользою могутъ служить матеріаломъ, однѣ для письменныхъ работъ, другія для грамматическихъ упражненій, третьи—для заучиванія наизусть.

Письменные упражненія, предлагавшіяся на курсахъ, состояли изъ слѣдующихъ отдѣловъ: къ первому были отнесены имѣющія прямую связь съ чтеніемъ, списываніе съ книги прочитанныхъ и объяснейшихъ статей, письмо недоконченныхъ фразъ, помѣщенныхъ въ первой книгѣ „Роднаго Слова“, письмо на память разобранныхъ и выученныхъ наизусть пословицъ, поговорокъ и стихотвореній; письмо

полныхъ отвѣтовъ на вопросы учителя по поводу прочитаннаго, письменное изложеніе содержанія части статьи или всей статьи, и т. д.

Ко второму роду упражненій были отнесены помѣщенные въ 3-мъ отдѣлѣ второй книжки „Роднаго Слова“ и назначенныя для подготовленія учениковъ къ грамматическимъ упражненіямъ, а также и тѣ грамматическія упражненія, которыя помѣщены въ элементарныхъ грамматикахъ г. Тихомирова и Пуциковича и имѣли прямую связь съ уроками учителя.

Къ третьему отдѣлу письменныхъ упражненій была отнесена диктовка. Диктовка велась съ двойною цѣлью: во-первыхъ, при помощи ея сообщались ученикамъ необходимыя правила правописанія, которыя цѣлымъ рядомъ подходящихъ упражненій закрѣплялись въ памяти учениковъ (при этой диктовкѣ ошибки всегда предупреждались, а выведенныя правила записывались учениками въ свои тетради); во-вторыхъ, съ цѣлью провѣрить, насколько ученики усвоили то или другое правило правописанія (ошибки въ это время не предупреждались). Въ первомъ случаѣ, одинъ изъ болѣе слабыхъ учениковъ писалъ на доскѣ, а прочіе ученики на своихъ тетрадяхъ данный примѣръ; учитель, выяснивъ на примѣрѣ какое-либо правило, диктовалъ подобный же примѣръ ученикамъ; провѣривъ написанное, диктовалъ другіе примѣры, которые въ свою очередь также провѣрялись, при чемъ ученики отдавали отчетъ, почему они написали такъ, а не иначе. Во второмъ случаѣ, учитель диктовалъ нѣсколько предложеній. При повѣркѣ, сдѣланныя ошибки исправлялись самими учениками, при чемъ также сообщались тѣ правила, противъ которыхъ эти ошибки были сдѣланы.

Обученіе славянскому чтенію рекомендовано преподавателямъ начинать въ то время, когда ученики удовлетворительно стануть читать по-русски. Въ школѣ, при среднемъ уровнѣ успѣховъ, это обыкновенно бываетъ въ концѣ перваго или въ началѣ втораго учебнаго года. Процессъ обученія церковно-славянскому чтенію тотъ же, что и при обученіи русской грамотѣ. Такъ какъ славянскій языкъ представляетъ нѣкоторыя особенности: въ начертаніи алфавита, въ произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ и въ обозначеніи ихъ двумя буквами (ѡ, Ѡ, оу), въ сокращеніи, обозначаемомъ титлами, къ которымъ дѣти не привыкли, то учителямъ предложено знакомить учениковъ съ этими особенностями постепенно, а не вдругъ, подготовляя изъ подвижныхъ буквъ для чтенія слова и изреченія съ этими особенностями. Пользуясь подвижными буквами, учитель зара-

нѣе, до урока, подбираетъ нужныя ему слова и изреченія изъ Евангелія, для объясненія особенностей славянскаго языка.

Въ виду того, что изъ числа учителей, прибывшихъ на курсы, весьма немногіе имѣли правильное понятіе о способѣ преподаванія ариметики, изложенномъ въ методикѣ Бутушевскаго и въ другихъ современныхъ методическихъ руководствахъ по тому же предмету, при занятіяхъ на курсахъ обращено было главное вниманіе на изученіе чиселъ по одиночѣ до 20, и далѣе десятками до 100, на выдѣленіе ариметическихъ дѣйствій по изученіи чиселъ до 100, на изученіе нумераціи и ариметическихъ дѣйствій надъ числами любой величины, на объясненіе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ, на приращеніе этихъ мѣръ къ вычисленію поверхностей и объемовъ и, наконецъ, на рѣшеніе практическихъ задачъ.

На вечернихъ собраніяхъ руководитель старался ознакомить преподавателей съ ходомъ занятій при изученіи въ младшемъ отдѣленіи школы чиселъ до 20, при чемъ объяснялъ имъ тотъ порядокъ упражненій, какой предлагается въ методикѣ Бутушевскаго. Составъ каждаго числа представляется наглядно изъ единицъ, двоекъ, троекъ и т. п. Имѣя предъ собою такое наглядное составленіе числа, ученики, при помощи его, могутъ производить всѣ дѣйствія надъ числами въ предѣлѣ изучаемаго числа. Чтобы не предлагать ученикамъ двухъ трудностейъ за разъ, учителямъ давъ совѣтъ, первыя десять чиселъ изучать прежде всего на наглядныхъ пособіяхъ, а потомъ уже учениковъ знакомить съ цифрами и ариметическими знаками, вводя послѣдніе постепенно, при обозначеніи зависимости между числами въ табличкахъ и формулахъ; послѣ того, какъ ученики научатся представлять зависимость между числами при помощи цифръ и знаковъ, вести нумерацію чиселъ до ста, а затѣмъ продолжать дальнѣйшее изученіе чиселъ до 20.

Въ среднемъ отдѣленіи, въ продолженіи курсовъ, были основательно изучены числа третьяго десятка, откуда учителя могли получить ясное понятіе о томъ, какъ слѣдуетъ изучать числа десятками. При устныхъ упражненіяхъ, относящихся къ сложенію и вычитанію, постоянно обращалось вниманіе на приемъ, котораго держатся ученики при вычисленіяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ученики вычисляли неправильно, прибѣгалось къ пособію счетовъ, вычисленія на которыхъ показывали путь для устнаго вычисленія.

Передъ изученіемъ состава чиселъ изъ множителей, ученики ознакомлялись съ мѣрами, отношеніе которыхъ равнялось какому-либо

числу 3-го десятка, чтобы потомъ вводить эти мѣры при ознакомленіи учениковъ съ кратнымъ составомъ чиселъ. При ознакомленіи съ кратнымъ составомъ чиселъ, наглядность употреблялась только тогда, когда множитель въ данное число входилъ менѣе 10 разъ, то-есть, когда при однозначномъ множителѣ, другой бываетъ также однозначный. Нагляднымъ пособіемъ при этомъ служили счеты. Положивши на каждую изъ трехъ проволокъ по 7 косточекъ, учитель объяснялъ составъ числа 21 изъ 3 и 7, отношенія его къ 3 и 7, а также трети и седьмыя части этого числа. Прибавивъ на каждую изъ трехъ проволокъ по одной косточкѣ, получали составъ числа 24 изъ 3 и 8, прибавивъ еще по одной, получали составъ 27 изъ 3 и 9. Далѣе разсматривался составъ 24 изъ 4 и 6, 28 изъ 4 и 7, 25 изъ 5 и т. д. Во время самостоятельныхъ работъ, ученикамъ предлагалось обозначать такой же составъ чиселъ при помощи кружечковъ, крестиковъ и т. д.

По изученіи кратнаго состава чиселъ, ученики измѣряли числа 3 десятка предшествующими числами. Измѣреніе, напримѣръ, числа 27 шестью представлялось въ видѣ слѣдующей таблицы:

$$27 = 6 + 6 + 6 + 6 + 3.$$

$$27 = 6 \times 4 + 3.$$

$$27 - 6 - 6 - 6 - 6 = 3.$$

$$27 - 3 : 6 = 4.$$

За недостаткомъ времени квадратныя и кубическія мѣры не могли быть показаны въ школѣ, а потому при вечернихъ занятіяхъ учителямъ было обстоятельно объяснено, какимъ образомъ они должны пользоваться наглядностью для опредѣленія отношеній квадратныхъ и кубическихъ мѣръ, вообще, и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится ознакомить учениковъ съ опредѣленіемъ поверхности прямоугольника или объема комнаты, сундука, колодца и т. д.

Такъ какъ при осмотрѣ училищъ г. Ивановымъ, имъ было замѣчено, что весьма часто самостоятельныя работы, задаваемыя ученикамъ, не имѣютъ связи съ уроками учителя, предлагаются безъ всякой послѣдовательности и по своему однообразію утомляютъ учащихся, то на курсахъ онъ обратилъ вниманіе преподавателей на эти недостатки, старался избѣгать ихъ въ примѣненіи къ преподаванію подобныхъ же упражненій во временной школѣ и требовалъ строгаго надзора какъ за выполненіемъ, такъ и за исправленіемъ ученическихъ работъ.

Утренніе уроки на курсахъ располагались такъ, чтобы учитель, при занятіи въ одномъ отдѣленіи, могъ разъ или два въ теченіи урока обойти другія отдѣленія для надлежащихъ указаній и передъ окончаніемъ урока провѣрить заданныя работы; когда же письменныя работы требовали болѣе основательной повѣрки, то передъ концомъ класса отбиралъ тетради, чтобы просмотрѣть ихъ на дому, а на слѣдующій день возвращалъ ихъ ученикамъ для исправленія замѣченныхъ ошибокъ.

Классная повѣрка работъ производилась различно. Если результаты ожидались у всѣхъ учениковъ одинаковыя, какъ на примѣръ, при отвѣтахъ на вопросы учителя, при дописываніи фразъ, при вычисленіи формулъ, рѣшеніи задачъ и проч., то учитель производилъ общую провѣрку, заставивъ прочесть первую часть работы одного ученика, потомъ другаго, третьяго, спрашивалъ, такъ ли написано, рѣшено или вычислено у другихъ, указывая на вѣрный отвѣтъ и требуя соотвѣствующихъ исправленій, потомъ переходилъ къ слѣдующей части и т. д. Когда же результаты получались различныя, на примѣръ, при подыскиваніи и письмѣ словъ съ сомнительными звуками, при письмѣ словъ, означающихъ предметы, качества ихъ и т. д., при рѣшеніи неопредѣленныхъ ариметическихъ задачъ, тогда учитель повѣрялъ работу каждаго ученика отдѣльно, и чтобы избѣгнуть траты времени, иногда ограничивался провѣркою работъ наиболѣе слабыхъ учениковъ. Списываніе съ книгъ и письмо заученныхъ наизусть стихотвореній исправлялось учениками по книгамъ, а за работами по записанію наблюдалось во время самаго письма.

Обо всемъ, касающемся до самостоятельныхъ работъ учениковъ, подробно было объяснено учителямъ при вечернихъ занятіяхъ съ ними и тутъ же указаны тѣ упражненія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ степени развитія учениковъ старшаго, средняго и младшаго отдѣленій. Такъ, для самостоятельныхъ занятій въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ признаны полезными: самостоятельное чтеніе учениками про себя статей, легкихъ по содержанію, и статей, прочитанныхъ и разобранныхъ заранѣе съ учителемъ; заучиваніе наизусть стихотвореній и басенъ; письменныя работы въ связи съ чтеніемъ; грамматическія упражненія въ связи съ сообщенными грамматическими свѣдѣніями; ариметическія вычисленія, разложеніе и сравненіе чиселъ; рѣшеніе неопредѣленныхъ и общихъ задачъ; вычисленіе формулъ.

Изъ самостоятельныхъ работъ, которыя могутъ быть предложены

въ младшемъ отдѣленіи, указаны: отыскиваніе знакомыхъ буквъ въ ящикѣ съ буквами или на листкахъ газеты и какой-нибудь книжки, составленіе словъ изъ буквъ разрывной азбуки, списываніе съ доски буквъ и словъ, списываніе съ книги прочитанныхъ словъ и фразъ и т. д.

За два дня до окончанія курсовъ, уроки въ школахъ были прекращены и послѣдніе свободные часы руководитель посвятилъ исключительно занятіямъ съ учителями.

Во все время занятій на курсахъ, учителя и учительницы отличались безукоризненнымъ поведеніемъ, внимательностью и усидчивымъ трудомъ; они видимо были заинтересованы своимъ дѣломъ. Успѣху занятій не мало способствовало то обстоятельство, что прибывшіе на курсы были обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, и что помѣстились группами, по 8 и 9 человекъ на одной квартирѣ, помогая другъ другу при домашнихъ своихъ занятіяхъ. За ихъ квартирами былъ учрежденъ надзоръ, въ которомъ принималъ непосредственное участіе самъ инспекторъ народныхъ училищъ, имъ назначенный въ руководителя.

Курсы были закрыты послѣ благодарственнаго молебствія. Разставаясь съ преподавателями, г. Ивановъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой еще разъ указалъ на ту пользу, какую могутъ они извлечь изъ уроковъ, данныхъ во временной школѣ по заранее составленному и обдуманному плану, давалъ совѣтъ точно также подготавливаться къ своимъ занятіямъ ежедневно, какъ они готовились на курсахъ, не забывая и разъясненій, имъ сдѣланныхъ при вечернихъ занятіяхъ съ ними; просилъ обратить вниманіе на развитіе и укрѣпленіе въ ученикахъ нравственно-религіозныхъ чувствъ, служить лично въ томъ примѣромъ ученикамъ и въ праздничные дни отправляться съ ними въ церковь къ богослуженію; просилъ во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣтятся какое-либо затрудненіе или сомнѣніе, обращаться къ нему за разъясненіями, не откладывая запроса со дня на день.

Учитель Орловъ, въ отвѣтъ, отъ лица всѣхъ учителей и учительницъ прочелъ благодарственное письмо и за тѣмъ, въ заключеніе, былъ снова пропѣтъ народный гимнъ „Боже Царя храни“, которымъ открыты были занятія на курсахъ.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Варшавскаго университета въ 1883 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; измѣненія въ порядкѣ преподаванія предметовъ; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе медалей и премій; ученые труды преподавателей и другихъ лицъ; публичныя лекціи; командировки съ ученою цѣлію; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; мѣры для приготовленія профессоровъ; свидѣнія объ учащихся; бюджетъ университета; клиники.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ 1-му января 1884 года со стоило преподавателей по штату: въ историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 5, лекторовъ 5; въ физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 2, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 4; въ юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 2; въ медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 10, экстраординарныхъ 6, доцентовъ 3, временныхъ преподавателей 3, прозекторъ 1, лаборантовъ 2. Вообще штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ имѣлось: ординарныхъ профессоровъ 29, экстраординарныхъ 17, доцентовъ 12, временныхъ преподавателей 3, лекторовъ 5, прозекторъ 1, астрономовъ-наблюдателей 2, лаборантовъ 6; итого 75 лицъ. Сверхштатныхъ преподавателей было 3: два ординарныхъ профессора по кафедрамъ римскаго права и исторіи русскаго права, и одинъ экстраординарный по кафедрѣ минералогіи. Приватъ-доцентовъ имѣлось три при слѣдующихъ кафедрахъ: уголовного права и уголовного судопроизводства,

душевныхъ и нервныхъ болѣзней и математики. Всего такимъ образомъ преподавателей разныхъ категорій въ Варшавскомъ университетѣ къ началу 1884 года состояло 81.

Вакантными въ 1883 году были слѣдующія кафедръ: на историко-филологическомъ факультетѣ—исторіи всеобщей литературы; на физико-математическомъ—а) физической географіи, б) агрономической химіи; на юридическомъ—гражданскаго судопроизводства и судопроизводства; на медицинскомъ—а) фармаціи и фармакологіи, б) судебной медицины и в) терапевтической факультетской клиники. Но преподаванія не было только по кафедрѣ агрономической химіи; по всѣмъ же остальнымъ преподаваніе поручено было преподавателямъ другихъ предметовъ.

Факультеты имѣли въ теченіе года засѣданій: историко-филологическій—13, физико-математическій—14, юридическій—11, медицинскій—22. Съ разрѣшенія совѣта университета, сдѣланы были слѣдующія измѣненія въ порядкѣ преподаванія предметовъ: на историко-филологическомъ факультетѣ, преподаваніе физиологіи голоса, возложенное въ 1882 году на профессора физиологіи, распространено на оба семестра, такъ какъ опытъ доказалъ невозможность изложить этотъ предметъ въ надлежащей полнотѣ въ одинъ семестръ при двухъ лекціяхъ въ недѣлю; на физико-математическомъ факультетѣ, по той же причинѣ, преподаваніе сферической астрономіи и отдѣла теоретической астрономіи, относящагося къ опредѣленію орбитъ изъ наблюдений, порученное астроному-наблюдателю, производилось по четыре часа въ недѣлю вмѣсто двухъ; на медицинскомъ факультетѣ добавленъ одинъ часъ сверхъ положенія для преподаванія гігіены студентамъ III курса въ гігіенической лабораторіи отъ 3 до 4 часовъ, а лекціи по нервнымъ болѣзнямъ, преподававшіяся на IV курсѣ, вслѣдствіе слишкомъ большого числа лекцій на этомъ курсѣ, перенесены на III курсъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ цѣли этой служили практическія упражненія профессоромъ со студентами и письменныя работы послѣднихъ. Практическія занятія (родъ семинарій) производились по всѣмъ почти главнымъ предметамъ двухъ старшихъ курсовъ. Что касается письменныхъ упражненій студентовъ, то, по установленнымъ правиламъ, каждый студентъ обязательно долженъ представить одну письменную курсовую работу, а не представившій оной не допускается ни къ переходнымъ, ни къ окончатель-

нымъ испытаніямъ. За лучшія изъ курсовыхъ работъ студентамъ назначались, съ утвержденія совѣта, денежныя преміи. Независимо отъ курсовыхъ работъ, нѣкоторыми студентами были представлены еще сочиненія на медали и на денежныя преміи, о чемъ сказано будетъ ниже. На физико-математическомъ факультетѣ отъ студентовъ не требуются обязательныя письменныя работы, такъ какъ студенты-математики младшихъ курсовъ слушаютъ только общіе курсы наукъ, не могущіе дать темъ для самостоятельныхъ разработокъ, а студенты старшихъ курсовъ и безъ того весьма обременены специальными занятіями по многочисленнымъ и труднымъ предметамъ. Темъ не менѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, для студентовъ-математиковъ были установлены обязательныя практическія занятія по астрономіи, механикѣ и математикѣ. Занятія по астрономіи состоятъ въ томъ, что по мѣрѣ теоретическаго усвоенія студентами свѣдѣній изъ практической части науки, обсерваторія доставляла имъ возможность практическаго ихъ примѣненія какъ по обращенію съ инструментами, такъ и по производству наблюденій, для чего назначались часы для практическихъ занятій студентовъ: по два часа въ недѣлю для студентовъ III курса днемъ и по одному вечеру въ недѣлю для студентовъ IV курса. Студенты-естественники почти все свободное отъ лекціонныхъ занятій время проводятъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, занимаясь практическими наблюденіями и изслѣдованіями. Результатомъ этихъ наблюденій хотя и появляются по временамъ болѣе или менѣе замѣчательныя работы, но назначеніе годичныхъ сроковъ для такихъ работъ представляется невозможнымъ, такъ какъ изслѣдованія могутъ продолжаться и нѣсколько лѣтъ, пока представится возможность сдѣлать опредѣленные изъ нихъ выводы. Такія наблюденія и изслѣдованія студентовъ-естественниковъ состояли въ слѣдующемъ: Въ физическомъ кабинетѣ, студенты старшихъ двухъ курсовъ ежеднѣвно по три часа и вечеромъ въ свободное время упражнялись въ пользованіи основными измѣрительными методами. Кандидатъ Мерчингъ закончилъ изслѣдованіе надъ фокусными состояніями оптическихъ рѣшетокъ, и результаты напечатаны въ отчетахъ Парижской академіи. Съ осени 1883 года двое студентовъ занимались экспериментальнымъ изслѣдованіемъ проэлектричества, антиэлектричества и пьезоэлектричества по заданной факультетомъ темѣ. Въ зоотомическомъ кабинетѣ студенты старшихъ двухъ курсовъ занимались сравнительной анатоміей и эмбриологіей, а студенты I курса—анатоміей человѣка по препаратамъ, находящимся въ кабинетѣ. Въ зооло-

часть ССХХIV, отд. 4.

3

гическомъ кабинетѣ студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались практически по коллекціямъ, находящимся въ кабинетѣ. Въ ботаническомъ кабинетѣ студенты всѣхъ курсовъ, за исключеніемъ I-го, занимались изслѣдованіемъ водорослей, мховъ и сосудистыхъ споровыхъ растений. Въ ботанической лабораторіи студенты II курса занимались практически анатоміей растений и знакомились съ методами микроскопическаго изслѣдованія; студенты III курса знакомились съ экспериментальными методами фито-физиологии. Студентъ этого курса Гросгликъ занимался изученіемъ вопроса о развитіи ассимиляціонной ткани въ зависимости отъ свѣта; студентъ этого же курса Давидъ началъ работать по вопросу о термотропизмѣ; студентъ II курса Козіоровскій занимался растительной гистологіей вообще и началъ изслѣдованіе анатомическаго строенія *Prímulasae*, а кандидатъ Сосновскій произвелъ изслѣдованіе объ интрамолекулярномъ дыханіи и о дыханіи въ чистомъ кислородѣ. Въ химической лабораторіи студенты младшихъ двухъ курсовъ занимались практически аналитической химіей. Въ лабораторіи технической химіи студенты двухъ старшихъ курсовъ занимались аналитическими изслѣдованіями техническихъ продуктовъ и препаратовъ. Въ мипералогическомъ кабинетѣ естественники всѣхъ курсовъ и медики I курса занимались упражненіями надъ кристаллографическими моделями и опредѣленіемъ минераловъ. Пять студентовъ естественнаго отдѣленія спеціально занимались измѣреніемъ кристалловъ; изъ нихъ Вульфъ представилъ письменную работу „О кристаллахъ дифенилпараксилметана“, два студента занимались изслѣдованіемъ силикатовъ и горныхъ породъ въ химическомъ и микроскопическомъ отношеніяхъ; изъ нихъ студентъ IV курса Разульчикъ закончилъ изслѣдованіе основной массы горныхъ породъ; наконецъ, одинъ студентъ работалъ надъ опредѣленіемъ минераловъ посредствомъ паяльной трубки. На юридическомъ факультетѣ, также, какъ и на историко-филологическомъ, производились письменныя упражненія. По заведенному порядку, каждый студентъ обязательно избираетъ одинъ изъ факультетскихъ предметовъ его курса и въ теченіе года представляетъ по этому предмету письменную работу на тему, одобренную преподавателемъ. Независимо отъ этихъ курсовыхъ работъ, нѣкоторыми студентами представлены еще сочиненія на медали и денежныя преміи. На медицинскомъ факультетѣ всѣ вѣдѣющія занятія, какъ и на естественномъ отдѣленіи, состоятъ въ практической дѣятельности студентовъ въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и кли-

никахъ, проявившейся въ 1883 году въ слѣдующемъ рядѣ занятій: Въ анатомическомъ кабинетѣ студенты занимались практически анатоміей и приготовленіемъ препаратовъ какъ для кабинета, такъ и для лекцій профессора. Въ кабинетѣ оперативной хирургіи студенты IV курса упражнялись въ операціяхъ на трупахъ и на живыхъ животныхъ и два студента V курса готовили препараты для кабинета. Въ лабораторіи медицинской химіи 149 студентовъ II курса занимались качественнымъ и отчасти количественнымъ анализомъ, а 15 студентовъ II и III курсовъ занимались специальными изслѣдованіями на заданныя факультетомъ темы. Во вновь устроенной гигиенической лабораторіи нѣсколько студентовъ занимались, по 4 часа въ недѣлю, въ свободное отъ лекцій время, изслѣдованіями воздуха, воды и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Въ гистологической лабораторіи упражнялись въ употребленіи микроскопа 48 студентовъ, и занимались самостоятельными научными изслѣдованіями 18 студентовъ. Въ діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи студенты III курса упражнялись въ перкуссии и аускультации, а также въ химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи мочи и мокроты. Въ факультетской терапевтической клиникѣ занимались студенты IV курса; имѣя каждый среднимъ числомъ отъ двухъ до трехъ больныхъ подъ собственнымъ наблюденіемъ, они представляли завѣдывающему клиникѣ исторію болѣзней. Во вновь устроенной при клиникѣ лабораторіи, студенты занимались химическими и микроскопическими изслѣдованіями и упражнялись въ приемахъ электротерапіи. Кромѣ того дѣлались патолого-анатомическія вскрытія. Студентъ IV курса Буйвидъ, занимавшійся химическимъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ мокроты въ случаяхъ острыхъ и хроническихъ болѣзней дыхательныхъ органовъ, представилъ отчетъ объ этихъ изслѣдованіяхъ въ факультетъ; сверхъ того, онъ напечаталъ въ Варшавской Медицинской Газетѣ на польскомъ языкѣ нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ въ клиникѣ о микробактеріи bacillus tuberculosis. Въ хирургической госпитальной клиникѣ занятія студентовъ IV курса состояли въ наблюденіи больныхъ и веденіи подробной исторіи болѣзней. Каждый студентъ, получивъ больного, долженъ былъ собрать предварительныя свѣдѣнія о началѣ болѣзни и о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя имѣли съ нею связь; затѣмъ излагалъ передъ профессоромъ всѣ симптомы своего больного, стараясь по нимъ поставить діагнозъ, а въ заключеніе долженъ назначить соответственное лѣченіе. При операціяхъ студентъ помогалъ профессору. Перевязки ранъ, язвъ и всѣ хирур-

гическія манипуляціи студентъ производилъ подъ наблюденіемъ профессора или ординатора клиники. Этимъ путемъ студенты практически знакомились съ уходомъ за хирургическими больными. Каждый представляющійся случай служилъ матеріаломъ для подробной лекціи. Новѣйшія наблюденія и способы лѣченія хирургическихъ больныхъ были излагаемы студентами и примѣняемы на больныхъ. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ, каждый студентъ V курса имѣлъ не меньше двухъ больныхъ, а нѣкоторые имѣли ихъ по три и четыре. Курированіе больныхъ заключалось какъ въ непосредственномъ изслѣдованіи и наблюденіи больныхъ студентами, такъ и въ веденіи ими хирургическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій выдѣленій и отдѣленій больныхъ (мочи, рвотной массы, испраженій и проч.). Эти наблюденія и изслѣдованія велись при непосредственномъ руководствѣ профессора, и четырехъ его ординаторовъ. Какъ результатъ своихъ занятій въ клиникѣ, студенты обязаны были представить въ теченіе года не менѣе двухъ исторій болѣзней. Въ хирургической госпитальной клиникѣ студенты V курса занимались изслѣдованіемъ и наблюденіемъ больныхъ, присутствовали при положеніи повязокъ и операціяхъ, изъ которыхъ менѣе сложныя дѣлали сами. Каждый студентъ принялъ и наблюдалъ двухъ больныхъ, нѣкоторые—трехъ. Въ клиникѣ накожныхъ и венерическихъ болѣзней, каждый изъ студентовъ подалъ одну исторію болѣзни; кромѣ того, они упражнялись въ клиникѣ въ изслѣдованіи больныхъ вообще, а въ частности эндоскопомъ и ларингоскопомъ. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней студенты-медики V курса и юристы IV курса знакомились со всѣми интересными случаями сумасшествія какъ въ случаяхъ отказа отъ пищи, такъ и въ притворствѣ конскриптовъ или подсудимыхъ, присланныхъ въ больницу на испытаніе. Въ судебно-медицинскомъ клиническомъ отдѣленіи произведено въ присутствіи студентовъ 46 судебно-медицинскихъ вскрытій, о которыхъ они и написали протоколы. Кромѣ того, студенты занимались изслѣдованіемъ крови и другихъ вещественныхъ доказательствъ. Для болѣе правильной организаціи практической дѣятельности студентовъ, въ 1883 году назначено было изъ специальныхъ средствъ университета на увеличеніе бюджетовъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій свыше 12,000 руб., съ цѣлю пріобрѣтенія потребныхъ снарядовъ, инструментовъ, приборовъ и книгъ; привлечены къ надзору за практическими занятіями студентовъ помощники прозекторовъ, сверхштатные ординаторы и лаборанты съ особымъ вознагражденіемъ; учреждены

должности сверхштатных лаборантов при лабораторіяхъ химической, ботанической и гигиенической и при кабинетахъ ботаническомъ и оперативной хирургіи. Къ исполненію этихъ обязанностей были приглашены или окончившіе курсъ студенты или студенты старшихъ курсовъ. Наконецъ, съ 1883 года вновь открыта при мѣстной больницѣ Св. Духа гинеатрическая клиника, а при больницѣ Св. Роха устроена амбулаторная клиника по глазнымъ болѣзнямъ. Способами контроля за занятіями студентовъ служили, какъ и въ предыдущіе годы, главнымъ образомъ переходныя и окончательныя испытанія, наблюденіе преподавателей за исполненіемъ студентами письменныхъ работъ, за ихъ практическими занятіями въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и наконецъ неослабное наблюденіе инспекціи, чтобы студенты аккуратно посѣщали лекціи.

На соисканіе наградъ медалями предложены были факультетами слѣдующія темы: историко-филологическимъ факультетомъ— „Фонетическія и морфологическія особенности въ идиаліяхъ Теоокрита“, физико-математическимъ— „Сравнительное микроскопическое и химическое изслѣдованіе основной стекловидной массы (Basis) въ горныхъ породахъ кислыхъ и основныхъ третичнаго времени, а также и естественныхъ стеколъ и изслѣдованіе дѣйствія на эту массу NaCl , KCl , CaCl_2 при высокой температурѣ и, по возможности, и мокрымъ путемъ“ и „Рѣшеніе алгебраическихъ уравненій помощію трансцендентальныхъ функцій“; юридическимъ— „О значеніи желѣзныхъ дорогъ для государственнаго и народнаго хозяйства“ и „Юридическій и политическій бытъ Польши по лѣтописи Галла“; медицинскимъ— „Микроскопическая повѣрка мокроты въ острыхъ и хроническихъ болѣзняхъ дыхательныхъ путей“, „Геморроидальные узлы (патологическая анатомія, клиническіе симптомы и оперативные способы лѣченія)“ и „О значеніи электричества, какъ боль утоляющаго средства“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены студенты: а) золотыми медалями—IV курса физико-математическаго факультета Ром. Разумѣйчикъ, того же курса юридическаго факультета Як. Неймаркъ, III курса того же факультета Маркъ Борковскій, IV курса медицинскаго факультета Об. Вуйвидъ и V курса того же факультета Фр. Кіевскій; б) серебряными—IV курса историко-филологическаго факультета Ст. Цыбульскій и III курса юридическаго факультета Казим. Павликовскій; в) почетнаго отзыва—III курса медицинскаго факультета Лаз. Френкель. Два изъ представленныхъ 10 сочиненій (одно по историко-филологическому факуль-

тету, другое по физико-математическому) не признаны достойными награды, и пакеты съ именами авторовъ сожжены. Независимо отъ поименованныхъ наградъ, нѣкоторые студенты удостоены были, за ихъ ученые труды, денежныхъ премій. Такихъ премій выдано было по всѣмъ факультетамъ 81; въ томъ числѣ на историко-филологическомъ факультетѣ—15, на физико-математическомъ —3, на юридическомъ—8, на медицинскомъ—5. Размѣръ этихъ премій составлялъ отъ 10 до 50 руб. включительно.

Преподаватели Варшавскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ 1883 году въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессора: Пикитскій помѣстилъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Отношенія Новгородскаго владыки къ нѣмецкому купечеству по новымъ даннымъ“; Струве напечаталъ 6-е изданіе „Элементарной логики“ и помѣстилъ статьи: въ журналъ Kłosy—„О Рафаэлѣ Санціо“ и рядъ эстетическихъ статей, въ газетѣ Wiek—„Метафизика пессимизма“ и въ Biblioteka Warszawska—„О теоріи наказаній по Канту“; Павинскій напечаталъ двѣ книги: „Polska XIII wieku pod wzgldem geograficzno-historycznym“ (два тома) и „Jana Ostrogogu Zywoť i piśmo o parawie gzeszy rospolitey“ (однѣй томъ); Первольфъ напечаталъ отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею въ 1882 году; Будиловичъ издалъ „Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній“ и помѣстилъ: въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — критическій разборъ сочиненія Качановскаго: „Неизданный Дубровницкій поэтъ Антонъ Глеговичъ“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—критическій разборъ сочиненія Засадкевича: „Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ“ и некрологъ В. В. Макушева, и въ Сборникѣ имени В. И. Ламаускаго — статью „Полузабитый стародадатинскій панславистъ Еронимъ Копальинъ“; Мѣржинскій издалъ переводъ Корнелія Непота, съ историческими объясненіями; Смирновъ издавалъ Русскій Филологическій Вѣстникъ; Гротъ напечаталъ: въ Сборникѣ имени В. И. Ламаускаго — статью: „Новые труды по исторіи Венгріи“, въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ — вступительную лекцію въ Варшавскомъ университетѣ, и въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества—замѣтки ого и П. Я. Данилевскаго: „О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебадію“; Карѣевъ издалъ сочиненіе: „Основные вопросы философіи исторіи“ и помѣстилъ: въ Юридическомъ Вѣстникѣ—статью „Общество и организмы“.

въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ—„Введение въ курсъ новой исторiи“, актовую рѣчь: „О современномъ значенiи философи исторiи“, и отчетъ о заграничной командировкѣ, и въ журналѣ Русская Мысль—полемическую замѣтку; Сонияпъ напечаталъ въ Acta mathematica статью: „Sur la généralisation d'une formule d'Abel; Врже-снiовскiй издалъ польскiй переводъ сочиненiя Гексли „Основанiя практической биологiи“; Егоровъ помѣстилъ въ Comptes rendus des séances de l'académie des sciences статью: „Sur la production des groupes telluriques fondamentales A et B du spectre solaire par une couche absorbante d'oxygène“; Потылицынъ напечаталъ второе изданiе своего труда „Начальный курсъ химiи“ и помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго Химическаго Общества двѣ статьи: „О составѣ водъ, сопровождающихъ нефть“ и „О скоростяхъ реакцiй“; Трейдосевичъ напечаталъ: въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ—отчетъ о геологической экскурси въ южныя губерни Царства Польскаго и въ Физиографическомъ Сборникѣ—статью: „О третичныхъ образованiяхъ Люблинской губерни“; Ганинъ, Ришави и Лагорiо помѣстили въ Протоколахъ VII сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей сдѣланныя ими на этомъ сѣздѣ сообщенiя: первый—„Къ вопросу о развитiи ротовой полости у Vertebrata“, второй—а) „О влiянiи внѣшнихъ факторовъ на образованiе формы растенiя“, б) „Къ вопросу о движенiи воды въ растенiи“, в) „О системѣ дѣленiя растительныхъ органовъ на равныя по величинѣ участки“, г) „О зависимости роста растенiй отъ количества воды въ почвѣ“ и д) „О зависимости дѣленiя отъ количества углеводорода въ растенiи“; послѣднiй—а) „Объ основной стекловидной массѣ изверженныхъ горныхъ породъ“ и б) „О связи между геологическимъ и орографическимъ строенiемъ Крыма и о роли породъ изверженныхъ“; Кашница помѣстилъ въ периодическомъ изданiи статью на польскомъ языкѣ: „Нѣсколько словъ о значенiи политическихъ партiй“; Будзинскiй напечаталъ въ журналѣ Gazeta Sądowa нѣсколько статей и издалъ сочиненiе по-польски „О преступленiяхъ въ особенности“; Миклашевскiй издалъ: „Jurisprudencya Senatu rządzącego. Wyciągi z wyroków Kassacyjnych Departamentu Kryminalnego z r. 1878“, „Jurisprudencya Sonatu rządzącego. Wyciągi z wyroków kassacyjnych Departamentu Kryminalnego z r. 1879“, „Zbiór prawo i rozporządzen rządowych, zamieszczonych w urzędowym wydaniu, n. 3. Собранiе узаконенiй и распоряженiй Правит. w r. 1882“ и помѣстилъ статьи: въ Gazeta Sądowa Warszawska—„Wyciągi z wyroków kassacyjnych“, „Jurispru-

dencya Senatu rządzącego“, „Przegląd bibliograficzny, „Jósef Wieszorkowsky. Nekrolog“ и „Sprawozdanie sądu Okręgowego Warszawskiego z r. 1882“, и въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права — „Замѣчанія по 14—19, 22, 23, 27, 31, 32 ст. проекта уложенія о наказаніяхъ“; Окольскій напечаталъ 3-й томъ „Административнаго права“; Зигель помѣстилъ: въ Сборникѣ имени В. П. Ламанскаго — статью: „Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправления въ Чехіи и въ Польшѣ“ и въ Юридическомъ Вѣстникѣ — некрологъ В. Мацѣевскаго; Траутфеттеръ помѣстилъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью: „Къ вопросу о современномъ состояніи дерматологіи въ Россіи“; Гойеръ помѣстилъ въ двухъ нѣмецкихъ медицинскихъ изданіяхъ „Рефераты изъ русскихъ и польскихъ сочиненій по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи“; Навроцкій напечаталъ: въ Gazeta lekarska — статью: „John Magow“ и въ Hoffman u. Schwalbe Jahresbericht — рефераты; Ефремовскій помѣстилъ въ Протоколахъ VII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей статью: „О грижахъ Литтре и кишечно-стѣнныхъ грижахъ“; Чаусовъ напечаталъ въ Archiv für Anatomie und Physiologie статью: „Resultate der makro-und mikroskopischen Untersuchungen über die tiefen Muskeln des vorderen Dammes beim Manne und über das Verhalten der Venen zu ihnen“ и русскій переводъ этой статьи помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ; Шалфеевъ помѣстилъ въ журналѣ Русскаго физическаго и химическаго Общества статью „Объ удѣльныхъ элементахъ въ тѣлахъ жидкихъ и твердыхъ“; Скворцовъ напечаталъ въ Врачебныхъ Вѣдомостяхъ — а) „О расширеніи преподаванія гігіены въ университетахъ и о введеніи ея въ программы другихъ учебныхъ заведеній“, б) „О предметахъ и задачахъ гігіены“ и в) „Гигіена и наше современное общество“, въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Гигіена на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Москвѣ“, въ Русской Медицинѣ — „Проектъ реформы медицинскаго образованія въ Россіи“; Тауберъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ двѣ статьи: „Osteomyelitis multiplex. Exarticulatio femoris“ и „Къ вопросу о физиологической связи между щитовидной железой и селезенкой“ и напечаталъ переведенное съ французскаго языка сочиненіе Tillaux: „Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи“. Доценты: Любовичъ напечаталъ сочиненіе: „Исторія реформація въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи“. Вержбовскій издалъ два сочиненія: „Christophori Vazsevici Opera“

scula inedita“ и „Jakób Sobieski Królewicz, dyariusz wyprawy Wiedeńskiej w 1603 r.“ и помѣстилъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ: программу лекцій по исторіи польской литературы и два отчета—о научныхъ занятіяхъ заграницей въ 1881 году и о заграничной командировкѣ въ 1883 году; Вѣховъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статьи: „О римской литературѣ въ вѣкъ Августа“; Гемиліанъ помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго физико-химическаго Общества и въ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft* статью „Дефинилпараксилиметанъ и продукты его разложенія“; Пленсковскій напечаталъ въ Библіотекѣ медицинскихъ наукъ 2-ю часть своего труда: „Психіатрія“; Нейгебауэръ помѣстилъ статьи: въ *Centralblatt für Gynäkologie*—„Fall von unheilbarer Vesicovaginalfistel in welchem sich nach Beseitigung der das Leiden begleitenden Harnincontinenz durch Operativen Verschluss des Vaginalkanals nachträglich ein grosser Harnstein der Vesicovaginalhöhle gebildet hat“, въ *Organ der Leopoldinisch-Carolinischen deutschen Akademie der Naturforscher*—„Nachtrag zu der im achtzehnten Hefte der Leopoldina“, mitgetheilten Biographie des Vilnaschen Professors Dr. Adam Ferdinand Adamowicz von Dr. Ludwig Adolf Neugebauer“, и въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„О древнихъ хирургическихъ и гинеатрическихъ инструментахъ, найденныхъ въ развалинахъ римскихъ городовъ Помпей и Геркуланума“. Ординаторы: Габшевичъ помѣстилъ въ *Gazeta lekarska* двѣ статьи: „*Raemia chronica puerperalis*“ и „*Abscessus chronicus ossis tibiae*“; Хелмонскій напечаталъ въ томъ же изданіи статью „*Przypadek uciśnięcia rozgałęzlen tętnicy płuconey*“; Руппертъ помѣстилъ тамъ же: „*Dwa przypadki przemieszczenia trzew wrodzonego (Heterotoxis) oraz teoryja powstawania tego zbrozzenia*“; Пацановскій напечаталъ статью: въ *Gazeta lekarska*—„*Kilka uwag nad przebiegiem tyfusu brzusznoego i wysypkowego w klinice terapeutycznej w szpitalu S-tego Ducha za rok 1872—1882*“ и „*Wrodzme potężenie komórek sercowych*“, и въ *Kronika lekarska*—„*Obesny stan nauki o reptonach w moczu*“; Яковскій помѣстилъ въ *Gazeta lekarska* статьи: „*Próba szczepienia laseczniokow gruźliczych*“ и „*Lymphosarcoma glandularum branchialium*“. Лекторъ Пржиборовскій напечаталъ въ *Biblioteka Warszawska* статью: „*Przyczynki do historyi mennis wielkopolskich w końcu XVI wieku*“. Хранители кабинетовъ: Тачановскій помѣстилъ: въ *Proceedings of the Zoological Society of London*—„*Oiseaux nouveaux du Pérou de la collection de M. Raïmondi*“ и „*Liste des oiseaux de l'Écuadeur occidental recueillis*

par Stolzman et Scemiradzki, и въ Bulletin de la Société Zoologique de France — „Notice sur la sittelle d'Europe“, „Liste des oiseaux recueillis à Kamtschatka par le D-r Dybowski“ и „Liste supplémentaire des oiseaux de Kamtschatka“; Валѣцкій напечаталъ въ Физиографическомъ Сборникѣ статью „Описание пресмыкающихся (Reptilia)“. Лаборанты: Слюсарскій въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ помѣстилъ „Материалы къ многоножкамъ (Myloroda) здѣшняго края“; Майзель напечаталъ статьи: въ Hoffmann's Jahrbuch—рефераты русскихъ и польскихъ сочиненій по анатоміи, гистологіи и эмбриологіи“ и въ Gazeta lekarska—„O gruźlicy w wypadkach gruźliczych“. Приватъ-доценты: Варанецкій напечаталъ книгу: „Ариметика. Теоретическій курсъ“; Пастернацкій помѣстилъ въ Архивѣ психіатріи, неврологіи и судебной психопатологіи двѣ статьи: „Прогрессивный параличъ умалишенныхъ и псевдофазаическое помѣшательство“ и „Къ вопросу о прызрѣніи нашихъ душевно-больныхъ“. Помощникъ прозектора Эльзенбергъ издалъ отдѣльною книгой переводъ сочиненія А. Турнье: „Syphilis et Mariage“ и помѣстилъ рефераты въ Gazeta lekarska. Кандидатъ-стипендіатъ Нуссбаумъ напечаталъ: въ львовскомъ журналѣ Космосъ — „Повѣйшіе взгляды на происхожденіе животныхъ тканей“ и въ Zoologischer Anzeiger — „Chorda dorsalis bei Astropoda“.

Публичныя лекціи въ 1883 году читали два профессора: Струве — „О Рафаэлѣ Санціо“ и Егоровъ — „О солнцѣ“. Командированы были съ ученою цѣлію за границу: профессора: Будиловичъ — для ближайшаго ознакомленія съ современною разработкою на западѣ тѣхъ отдѣловъ исторіи средневѣковой литературы, изученіе которыхъ оказалось необходимымъ для г. Будиловича при составленіи курса исторіи древне-русской письменности; Павинскій — для изученія хранящихся въ г. Бреславлѣ до-историческихъ древностей Силезіи; Егоровъ — для занятій въ Парижской обсерваторіи и для осмотра всемірной электрической выставки въ Вѣнѣ; Ришави — для занятій въ Вюрцбургской лабораторіи профессора Сакса; Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ — для производства сравнительныхъ наблюденій надъ южно-европейскою весеннею флорою; Чаусовъ — для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ анатомическихъ институтовъ и музеевъ; Поповъ — для посѣщенія клиникъ и курортовъ; Ефремовскій — для обзоренія хирургическихъ институтовъ; Траутфеттеръ — для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ клиникъ наложныхъ и веперическихъ болѣзней; Скворцовъ — для ученыхъ поѣздокъ въ Берлинъ на

гигиеническую выставку, въ Амстердамъ на всемірную выставку, и въ Мюнхенъ для ознакомленія съ гигиеническими институтами, и доцентъ Вержбовскій—для пополненія матеріаловъ по изготовленной имъ магистерской диссертации. Кромѣ того, командированъ былъ профессоръ Лагоріо за границу и въ Россію для геологическихъ изслѣдованій.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій, совѣтомъ Варшавскаго университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора медицины — лѣкаря: Войцѣдзскій, Розенталя, Вольбергъ, Павинскій и Пикитицъ; б) въ степени магистра славянской филологіи — магистрантъ С.-Петербургскаго университета Качановскій; в) въ степени кандидата—30 лицъ (по историко-филологическому факультету—7, по физико-математическому—10, по юридическому — 13); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—24 (по историко-филологическому факультету — 3, по физико-математическому — 3, по юридическому — 18). По медицинскому факультету утверждены: въ степени лѣкаря 48, въ званіи инспектора врачебной управы 1, уѣзднаго врача 1, провизора 42, аптекарскаго помощника 69, дантиста 2, повивальной бабки 37. Сверхъ того по юридическому факультету 4 лица утверждены въ званіи землемѣра II класса.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированъ былъ за границу, на счетъ средствъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія, бывшій кандидатъ-стипендіатъ историко-филологическаго факультета, нынѣ магистръ славянской филологіи Качановскій. Съ тою же цѣлю оставлены были при университетѣ, на счетъ средствъ онаго, два кандидата юридическаго факультета: Нонаковскій—по кафедрѣ гражданскаго права и Водзипскій—исторіи польскаго права. Сверхъ того, при университетѣ продолжали состоять изъ числа оставленныхъ въ прежніе годы кандидаты-стипендіаты съ содержаніемъ изъ специальныхъ университетскихъ суммъ: Заусцинскій—по кафедрѣ русской исторіи, Лагодовскій—по славянской филологіи, Нуссбаумъ—по сравнительной анатоміи и докторантъ Васильевъ—по хирургіи.

Въ Варшавскомъ университетѣ къ началу 1883 года было 1,195 студентовъ, къ 1-му января 1884 года ихъ оставалось на лицо 1,228, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ — 45 (на первыхъ двухъ курсахъ, не раздѣленныхъ на разряды, 27, на классическомъ отдѣ-

леніи 4, на славяно-русскомъ 8, на историческомъ 6), въ математическомъ—148 (на математическомъ отдѣленіи 99, на естественномъ 49), въ юридическомъ—445, въ медицинскомъ—590; б) по курсамъ: на I курсѣ—457, на II—261, на III—248, на IV—183, на V—79; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 116, греко-уніатовъ 2, римско-католиковъ 849, лютеранъ и реформатовъ 48, Армякъ 1, Евреевъ 212; г) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 762, духовнаго званія 36, почетныхъ гражданъ и купцовъ 26, мѣщанъ и разночинцевъ 359, крестьянъ 32, иностранныхъ подданныхъ 13; д) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 1,211, семинаристовъ 12, изъ другихъ учебныхъ заведеній 5; е) по учебнымъ округамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 15, Московскаго 7, Оренбургскаго 2, Сибирскаго 1, Харьковскаго 6, Одесскаго 14, Кіевскаго 55, Виленскаго 65, Варшавскаго 1,037, Дерптскаго 18, Кавказскаго 4. Изъ заграничныхъ заведеній поступило 4. Вольнослушателей было: къ 1-му января 1883 года 106, къ началу 1884 года—112. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались: во второмъ полугодіи 1882—1883 года 181 лицо и въ первомъ полугодіи 1883—1884 года 179, всего на сумму 37,284 р. 9 к., въ томъ числѣ: 10,500 р. изъ суммъ государственнаго казначейства, 5,835 р. изъ специальныхъ средствъ университета, именно суммы сбора за слушаніе лекцій, 14,693 р. 95 к. изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. Стипендіи назначались въ размѣрѣ отъ 50 до 400 руб. включительно. Въ теченіе года лишены были стипендій 16 студентовъ; изъ нихъ 11 вслѣдствіе того, что другіе студенты получили лучшіе баллы на переходныхъ испытаніяхъ, а 5—за участіе въ происходившихъ въ апрѣлѣ 1883 года беспорядкахъ. Лишенные стипендій студенты принадлежатъ къ факультетамъ: юридическому—1, физико-математическому—4, медицинскому—11. Независимо отъ стипендій, университетскимъ начальствомъ выдавались несостоятельнымъ студентамъ единовременныя денежныя пособія. Такими выдачами воспользовались 618 студентовъ, а вся сумма, израсходованная на пособія, составляетъ 9,435 руб. 58 коп. Прошеній объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій подано было: въ первомъ полугодіи—165, во второмъ—190. Вслѣдствіе сего правленіемъ университета, съ утвержденія попечителя учебнаго округа, освобождено отъ взноса полной платы: въ первомъ полугодіи—103, во второмъ—112 студентовъ, и отъ взноса половинной платы—6 студентовъ во второмъ полугодіи. Сверхъ того, на основаніи положенія о стипендіи имени

одного частного лица, освобождены были отъ взноса платы 4 студента, пользовавшіеся этою стипендіею. Сверхъ того, съ разрѣшенія попечителя же, разрѣшена отсрочка по взносу платы недостаточнымъ студентамъ: въ первомъ полугодіи — до 1-го мая 226 студентамъ, а во второмъ полугодіи — до 1-го декабря 1883 года 181 студенту.

Финансовыя средства Варшавскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: I) штатныя суммы: къ 1-му января 1883 г. имѣлось въ остаткѣ 12,185 руб. 11 коп.; на 1883 г. по финансовой смѣтѣ ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе университета всего 262,031 руб. (на личный составъ 195,180 р., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 41,468 руб., на добавочное жалованье за выслугу узаконенныхъ лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ 11,053 руб. 67 коп., въ пособіе на изданіе журнала Русскій Филологическій Вѣстникъ 500 руб., командированному за границу съ ученою цѣлію кандидату на содержаніе его 604 руб. 33 к., въ прогонны и на подъемъ вновь назначенному ректору 1000 руб., на стипендіи 30 студентамъ русскаго происхожденія 11,000 руб., на содержаніе Варшавской фельдшерской школы 1.025 руб.); въ 1883 году израсходовано 258,799 руб. 59 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1884 года оставалось 15,416 руб. 52 коп. II) спеціальныя средства, именно: а) сбора со студентовъ за право слушанія лекцій: остатка отъ 1882 года было 15,582 руб. 50 коп., въ 1883 году поступило 63,116 руб. 44 к., въ тотъ же срокъ израсходовано 54,760 р. 64 коп., оставалось къ 1-му января 1884 года 24,238 руб.; б) переходящія, именно: пожертвованныя на стипендіи и пособія капиталы, и суммы, назначенныя на вспомошествованіе недостаточнымъ студентамъ: оставалось къ началу 1883 года 4,315 р. 61¹/₂ к., въ 1883 г. поступило 13,462 руб. 46¹/₂ коп., въ теченіе года израсходовано 14,225 руб. 39 коп., затѣмъ къ 1-му января 1884 года на лицо имѣлось 3,552 руб. 9 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за ученіе были слѣдующіе: на содержаніе и устройство учебно-вспомогательныхъ учрежденій (лабораторій, музеевъ, библіотеки, астрономической обсерваторіи и проч.) 13,784 руб., на хозяйственныя расходы, ремонтъ домовъ и другія надобности 9,961 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 7,920 руб., на жалованье и плату сверхштатнымъ служащимъ 5,743 руб., на вознагражденіе профессоровъ и другихъ преподавателей 3,955 руб., на канцелярскіе расходы и разное печатаніе (изданіе Университетскихъ Извѣстій, издательство ученыхъ трудовъ профессоровъ, преподавателей и т. п.) 3,244 руб., на коман-

дировки преподавателей съ ученою дѣлю 2,848 руб., на содержаніе оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ и лѣкарей 2,618 руб., на добавочное къ штатному содержанію профессоровъ и другихъ лицъ 2,589 руб., на преміи и награды студентамъ 1,384 руб., на пособія и награды служащихъ и на расходы по погребенію умершихъ лицъ 900 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Варшавскаго университета представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: а) терапевтическая факультетская (въ больницѣ Св. Духа, 50 кроватей): въ теченіе 1883 года больныхъ поступило 398, изъ нихъ выздоровѣло и вышло 361, умерло 37; малыхъ операций произведено 35, патолого-анатомическихъ вскрытій сдѣлано 37; б) терапевтическая госпитальная (въ больницѣ Младенца Іисуса, 59 кроватей): больныхъ отъ 1882 года оставалось 49, въ 1883 году поступило 610, выздоровѣло и вышло 577, умерло 40, къ 1884 году оставалось на лицо 56; в) хирургическая факультетская (въ больницѣ Св. Духа, 50 кроватей): въ 1883 году поступило 671, изъ нихъ выздоровѣло 577, умерло 40, оставалось къ 1884 году на излѣченіи 54, приходящихъ больныхъ было 20,605; операций хирургическихъ было произведено: большихъ 183, малыхъ 314; амбулаторныхъ больныхъ операций сдѣлано 506; г) хирургическая госпитальная клиника (въ больницѣ Младенца Іисуса, 55 кроватей): въ теченіе 1883 года поступило 522, выздоровѣло и вышло 485, умерло 37; операций произведено: большихъ 44, малыхъ до 140; д) офтальмологическое клиническое отдѣленіе (въ больницѣ Св. Роха, 2 кровати): въ 1883 году больныхъ поступило 5, всѣ они выздоровѣли и вышли, амбулаторныхъ больныхъ было 341. Изъ мѣстной амбулаторной аптеки выдаво лѣкарствъ бесплатно для 180 бѣдныхъ больныхъ, которые, по роду болѣзни, не могли быть приняты въ клинику и пользовались амбулаторно; е) діагностическое клиническое отдѣленіе (въ больницѣ Младенца Іисуса, 26 кроватей): въ теченіе года больныхъ было 272, вышло 248, умерло 26. Анатомическихъ вскрытій сдѣлано 19; ж) акушерская клиника (въ той же больницѣ, 12 кроватей): къ началу 1883 года беременныхъ и роженецъ было 6, въ 1883 году поступило 277, выздоровѣло и вышло 268, умерло 7, къ 1884 году оставалось на излѣченіи 8. Операций произведено 70; з) клиника сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Лазаря, 57 кроватей): въ 1883 году больныхъ было 281, изъ нихъ выздоровѣло и вышло 279, умерло 2; амбулаторныхъ больныхъ было 216; операций произведено было 186, вскрытій сдѣлано 2; и) клиника душев-

ныхъ и нервныхъ болѣзней (въ больницѣ Св. Іоанна Божьяго, 69 кроватей): отъ 1882 года оставалось 44, въ 1883 году поступило 58, выздоровѣло и вышло 42, умерло 14 (по большей части безумныхъ и паралитиковъ), затѣмъ къ 1884 году оставалось 46, больныхъ приходящихъ за совѣтами было 58; i) гинеатрическая клиника (въ больницѣ Св. Духа, 8 кроватей): больныхъ находилось 77, изъ нихъ выздоровѣло и вышло 66, умерло 3, осталось къ 1884 году на излѣченіи 8; операций произведено 32; патолого-анатомическія вскрытія произведены на двухъ трупахъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Іюнь.

I.

Я сообщалъ вамъ не разъ за эти послѣдніе годы о стараніяхъ нашего правительства развить образованіе молодыхъ дѣвицъ. Теперь можно сдѣлать общій обзоръ достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ; это тѣмъ удобнѣе, что главный двигатель закона объ организаціи женскаго средняго образованія, Камилль Сэ, бывшій депутатъ, а теперь членъ государственнаго совѣта, издалъ недавно книгу по этому предмету. Эта книга, заключающая въ себѣ 580 страницъ, озаглавлена такъ: „Лица и коллегіи для молодыхъ дѣвицъ“. Въ ней собраны всѣ документы — доклады и рѣчи въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ, декреты, постановленія и министерскіе циркуляры, относящіеся къ новой организаціи женскаго образованія, и къ ней приложена карта, разъясняющая всю его статистику; введеніе написано самимъ Сэ. Чтобы оцѣнить важность документовъ, собранныхъ въ этомъ сочиненіи, нужно знать, въ какомъ состояніи находилось женское образованіе въ то время, когда внесенъ былъ этотъ законъ въ палату (въ декабрѣ 1879 г.).

Въ то время школы, содержимыя частными лицами или духовными конгрегаціями, были не многочисленны; онѣ распредѣлялись по мѣстностямъ случайно, потому что были учреждаемы безъ общаго плана; образованіе получалось въ нихъ весьма поверхностное. Въ программахъ очень немногихъ школъ стояли предметы средняго учебнаго курса, а зачастую они и не преподавались; число школъ, содержимыхъ духовными учрежденіями, значительно превышало число

школъ, содержимыхъ свѣтскими лицами; этихъ послѣднихъ вовсе не было во многихъ мѣстностяхъ.

Правда, еще Дюрюи, во время своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1867 году открылъ средне-учебные курсы для молодыхъ дѣвицъ, но этому пововведенію сильно противодѣйствовало духовенство, которое всегда желало сохранить за собою монополію въ женскомъ образованіи. Тогда говорили, что это нововведеніе не долговѣчно, а между тѣмъ оно упрочилось въ Парижѣ. Тамъ существуютъ даже частныя курсы для дѣвицъ, состоящія въ за нѣдыванія свѣтскихъ лицъ и пользующіеся сочувствіемъ многихъ семействъ.

Нѣкоторые провинціальныя города стали подражать Парижу, но большая часть основанныхъ ими курсовъ имѣла очень ограниченное число слушательницъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ они просуществовали лишь нѣскольکو мѣсяцевъ. Въ январѣ 1870 года курсы существовали въ 14 городахъ, а къ 1879 году они уцѣлѣли только въ 5, считая въ томъ числѣ и въ Парижѣ. А въ Парижѣ въ то время было только 128 ученицъ.

И такъ, въ департаментахъ созданная Дюрюи организація женскаго образованія потерпѣла полную неудачу; это произошло частью отъ враждебнаго вліянія духовенства, частью же отъ того, что школы были учреждены безъ общаго плана и не имѣли хорошаго педагогическаго управленія. Каждый городъ предоставленъ былъ самому себѣ: онъ устраивалъ курсы по своему желанію и управлялъ ими по собственному разумію. Въ одномъ преподавалась литература, исторія и точныя науки, въ другомъ точныя науки и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, въ третьемъ законовѣдѣніе или домашняя экономія. Гигіена не была включена ни въ одну программу. Эти импровизированныя курсы не имѣли штатныхъ преподавателей и большею частью не имѣли постоянныхъ ученицъ; были только слушательницы. „Молодыя дѣвушки“, справедливо замѣчаетъ Сз, — „присутствовали тамъ какъ бы на засѣданіяхъ или въ спектаклѣ“. Отъ нихъ не требовали ни свѣдѣній о ихъ возрастѣ, ни аттестатовъ о пройденномъ ими прежде курсѣ. Преподаватель не зналъ своихъ ученицъ, онъ не спрашивалъ ихъ, не задавалъ имъ уроковъ; даже въ Парижѣ, гдѣ впрочемъ курсы были хорошо организованы, ученицъ не приучали къ обязательному труду.

Съ другой стороны, этими курсами могли пользоваться только молодыя дѣвушки, жившія въ городахъ; при нихъ не было интерна-
часть ссxxxiv, отд. 4.

товъ, и лицамъ, не жившимъ въ городахъ, приходилось помѣщать своихъ дочерей въ заведенія конгрегацистовъ, гдѣ не было средняго учебнаго курса, хотя многіе и увѣряли противное. Но даже Дюпанлу, въ своей книгѣ „La femme studieuse“ (1869 г.), долженъ былъ сознаться, что женщины получаютъ у насъ образованіе легкое и поверхностное, если не фальшивое, и заявили, что истинно образованныя женщины составляютъ исключеніе. То же повторилъ онъ и въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Письма о женскомъ воспитаніи“ (Lettres sur l'éducation des filles): въ лучшихъ нашихъ пенсіонахъ, говоритъ онъ, — умственное образованіе стоитъ на очень низкой степени.

Законъ Сэ, представленный на разсмотрѣніе палатъ, встрѣтилъ тѣ же препятствія, какъ и реформа, предпринятая Дюрюи. Я не буду говорить о преніяхъ въ сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ. Они приведены сполна въ книгѣ Сэ и занимаютъ въ ней болѣе 400 страницъ. Любопытно упомянуть только о результатахъ подачи голосовъ: за законъ объ организаціи средняго женскаго образованія въ палатѣ депутатовъ подано было 347 голосовъ и противъ него 123 голоса; всѣ вотировавшіе противъ принадлежали къ клерикальной партіи; въ сенатѣ, гдѣ больше консерваторовъ, нежели въ палатѣ депутатовъ, 161 голосъ былъ за законъ и 117 противъ него. Эти пренія имѣютъ теперь историческій интересъ. Любопытно констатировать самое развитіе женскихъ лицеевъ и коллегій. Законъ былъ обнародованъ 21-го декабря 1880 г.; слѣдовательно, прошло съ тѣхъ поръ 3¹/₂ года. По этому закону, государство по соглашенію съ муниципалитетами открываетъ женскія гимназій и прогимназій. Оно принимаетъ на себя одну часть расходовъ, а городскія управленія — другую. Въ настоящее время открыто 18 гимназій и 12 прогимназій; сумма, израсходованная правительствомъ, равняется 11 милліонамъ франковъ; города истратили 8 милліоновъ; 53 города ходатайствуютъ предъ правительствомъ объ открытіи у нихъ женскихъ гимназій или прогимназій. Большая часть городовъ требуетъ учрежденія интернатовъ. Много было споровъ по вопросу о закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Очевидно, что общественное мнѣніе склоняется въ пользу интерната, и еслибы правительство не согласилось на его учрежденіе, оно не могло бы выдержать борьбы со школами духовныхъ конгрегаций. Сами родители требуютъ интерната потому, что большая часть матерей, не получивъ достаточнаго образованія, не въ силахъ слѣдить за ходомъ обученія своихъ дѣтей. Открытіе женскихъ гимназій естественно повлекло за собою учрежденіе женской учительской се-

минарн; окончившія въ ней курсъ назначаются преподавательницами въ гимназіи. Семинарія существуетъ всего два года, и теперь трудно еще сдѣлать оцѣнку ея дѣятельности. Точно также не возможно вывести рѣшительнаго заключенія о преподаваніи въ женскихъ гимназіяхъ, пока не будетъ выпуска ученицъ, окончившихъ полный назначенный программю 5-лѣтній курсъ. Я еще не сообщилъ вамъ изложенія этой программы. Подобно всѣмъ нашимъ учебнымъ программамъ, она была утверждена высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. Женскій учебный курсъ дѣлится на двѣ части: первая въ три года и вторая въ два года. Программа женскаго образованія короче программы мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которая обнимаетъ собою 8-ми-лѣтній курсъ. Высшій совѣтъ хотя и сократилъ періодъ обученія, но слишкомъ расширилъ программу. Вслѣдствіе того ее находятъ слишкомъ сложною; слишкомъ великъ установленный курсъ алгебры, физики и законовѣдѣнія; однимъ словомъ, вышло слишкомъ близкое подражаніе программѣ мужскихъ заведеній. Съ справедливо замѣчаетъ, что, напримѣръ, въ программѣ исторія вѣтъ ничего по исторіи женщины, и напоминаетъ, что италіанскіе педагоги сочли нужнымъ въ программахъ женскихъ учебныхъ заведеній отвести извѣстное мѣсто для этой стороны историческаго курса. Такъ, въ программѣ туринской высшей женской школы встрѣчаются слѣдующія статьи: „Семья и женщина у дикихъ народовъ; семья и женщина у Римлянъ, христіанъ... условія положенія женщины и семьи въ XV вѣкѣ... Новая Италія; на сколько женщина должна и можетъ содѣйствовать съ своей стороны развитію отечества, какъ мать и воспитательница“. То же помѣщено и въ программѣ миланской школы. Съ сожалѣтьемъ, что наши программы не походятъ на италіанскія, и онъ, безъ сомнѣнія, правъ. Усердно рекомендую любопытный трудъ Съ вниманію всѣхъ интересующихся развитіемъ образованія въ нашей странѣ.

Я уже сообщалъ вамъ объ образовательныхъ экскурсіяхъ, принимаемыхъ во время каникулъ, нѣкоторыми изъ воспитанниковъ нашихъ школъ. Эти ученики, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ учителей и врача, отправляются изучать какую-либо часть Франціи или другаго государства, замѣчательную по своимъ красотамъ природы, по промышленному развитію или по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. По возвращеніи они обязаны представить небольшой обзоръ видѣннаго ими и такимъ образомъ пріучаются наблюдать и описывать. Нѣсколько такихъ образовательныхъ поѣздокъ

было сдѣлано и за границу, въ Англію, Бельгію, Голландію и Швейцарію. Рядомъ съ этимъ испытано во Франціи еще одно нововведеніе, вполнѣ удавшееся въ Швейцаріи и Германіи. Я разумѣю лѣтнія школьныя колоніи. Дѣтское населеніе большихъ городовъ зачастую страдаетъ малокровіемъ; оно нуждается въ деревенскомъ воздухѣ; но родители по своимъ занятіямъ принуждены жить въ городѣ, а съ ними остаются и дѣти. Чтобы помочь этой бѣдѣ, вотъ что было придумано, въ прошломъ году, школьною администраціей IX-го парижскаго округа: выбрали въ видѣ опыта двѣ группы малокровныхъ дѣтей. 9 дѣвочекъ и 9 мальчиковъ, и отправили ихъ на мѣсяцъ въ провинцію въ школы, опустѣвшія по случаю каникулъ. Расходы вычислены были въ размѣрѣ 3 франковъ въ день на каждого ребенка, въ томъ числѣ и путевныя издержки и вознагражденіе въ 100 франковъ сопровождавшимъ ихъ учителямъ; всего израсходовано 2000 франковъ на содержаніе 21 ребенка въ продолженіе 32 дней. Вотъ образъ ихъ жизни въ теченіе этого времени: дѣти обязаны были ежедневно стлать свои постели, чистить свое платье и обувь, мыться не какъ-нибудь, какъ большая часть изъ нихъ къ тому привыкла, а съ головы до ногъ мыломъ и водой; повторять омовеніе по возвращеніи съ прогулокъ, и въ то же время снимать фланель и мокрое отъ испарины бѣлье и надѣвать къ обѣду все сухое. День начинался пѣніемъ школьныхъ пѣсенъ; пѣли дѣти и во время привала на прогулкахъ; въ дни ненастныя дѣлалась гимнастика, и за исключеніемъ одного часа, посвященнаго умственнымъ работамъ, все остальное время проводили на воздухѣ. Умственная работа состояла въ веденіи журналовъ, въ которыхъ каждый ученикъ вносилъ подробное и тщательное описаніе предшествовавшаго дня. Благодаря этому практическому занятію, дѣти не только развили въ себѣ привычку писать, но и научились отдавать себѣ отчетъ въ употребленіи времени, научились объяснять сельскія работы, положеніе какого-либо зданія, употребленіе машины, научились передавать пережитое ими впечатлѣніе; они сохранили и для себя, и для родителей поучительныя и пріятныя воспоминанія о каникулахъ и, сами того не подозревая, дали своимъ наставникамъ доказательства своего развитія умственнаго и физическаго.

Въ умственномъ отношеніи результатъ оказался превосходный, въ физическомъ еще лучше; въ этомъ отношеніи сдѣлана была цѣлая серія весьма любопытныхъ наблюденій. Передъ отъѣздомъ сдѣлано было измѣреніе вѣса дѣтей, ихъ роста и развитія груди. 20-го авгу-

ста средній возрастъ дѣвочекъ былъ $12\frac{1}{2}$ лѣтъ. По Кетле нормальное увеличеніе вѣса дѣвочки этихъ лѣтъ должно быть въ 291 граммъ въ мѣсяцъ; по возвращеніи съ каникулъ, вѣсъ дѣвочекъ увеличился на 2391 граммовъ, то-есть, почти на 9% болѣе. Для увеличенія роста, Кетле назначаетъ 4 миллиметра, ростъ дѣвочекъ достигъ 20 м. Средній объемъ груди вычисляется въ 2 миллиметра, у дѣтей онъ удвоился. Возрастъ мальчиковъ въ среднемъ достигалъ 11—13 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Кетле опредѣляетъ увеличеніе вѣса только въ 150 граммъ въ мѣсяцъ; обитатели Шомона достигали 1083 граммъ, правда, въ среднемъ выводѣ только на шесторыхъ, а не на десятирыхъ, такъ какъ двое похудѣли, а одинъ остался при прежнемъ количествѣ вѣса. Этотъ результатъ кажется менѣе успѣшнымъ, чѣмъ относительно дѣвочекъ, но это объясняется слишкомъ рѣзкимъ воздухомъ Шомона, усиленными движеніями, долгими прогулками по солнцу и пищей питательною, но въ то же время умѣренной. Ширина груди въ одинъ мѣсяцъ достигла у мальчиковъ того объема, какой признается благопріятнымъ для этого возраста, то-есть, 16 миллиметровъ, и у наиболѣе похудѣвшихъ получилось увеличеніе объема на 20 миллиметровъ. Ростъ мальчиковъ, также какъ и дѣвочекъ, увеличился на 5% (въ среднемъ выводѣ) болѣе нормального увеличенія.

Родители, конечно, были въ восхищеніи отъ этихъ результатовъ, столь важныхъ для общественнаго физическаго и моральнаго развитія. Въ нынѣшнемъ году предполагаютъ послать въ провинцію 180 дѣтей; вотъ попытка достойная подражанія и поощренія.

II.

Я сообщалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ о возрожденіи Мелюзины, спеціальнаго органа для изученія старины и народности. Писалъ я также и объ уснѣхахъ folk-logs во Франціи. Одинъ изъ издателей Мелюзины, Гедозъ приступилъ также къ изданію серіи книгъ, посвященныхъ нашему народному быту и творчеству. Общее заглавіе этой серіи будетъ слѣдующее: „Франція въ чудесахъ и легендахъ“ (La France merveilleuse et légendaire). Первая книга носитъ такое названіе: „Народныя присловья во Франціи“. (Le blason populaire de la France). Въ старо-французскомъ языкѣ blasonner значило хулить, критиковать. Во Франціи, какъ и повсюду, любятъ посмѣяться надъ сосѣдомъ. Въ каждой провинціи

есть острья присловья на счетъ сосѣдней провинціи, каждый городъ осмѣиваетъ сосѣдній городъ. Наконецъ, французскій народъ усвоилъ себѣ нѣкоторые эпитеты, которыми чествуетъ иностранцевъ. Гедозъ занялся собираніемъ всѣхъ этихъ присловій и комментируетъ ихъ. Его трудъ распределенъ въ точномъ географическомъ порядкѣ. Онъ началъ съ того, что говорится о Франціи и Французахъ вообще, о Парижѣ, о различныхъ французскихъ провинціяхъ. Затѣмъ идутъ присловья объ иностранныхъ государствахъ, гдѣ принята французская рѣчь—Бельгіи, Швейцаріи и Канадѣ, и о нашихъ колоніяхъ—Алжирѣ, Тунисѣ, Антильскихъ островахъ, Камбоджѣ и Тонкинѣ. Заключаетъ онъ перечнемъ французскихъ поговорокъ о различныхъ народахъ. Вамъ, можетъ быть, не безынтересно будетъ знать, что говорятъ о Русскихъ. Гедозъ приводитъ только три выраженія, и странное дѣло, они взяты не изъ восточныхъ провинцій Франціи, гдѣ Русскіе были въ 1815—1818 годахъ, но происходятъ изъ южныхъ и западныхъ провинцій, куда Русскіе никогда не проникали: въ Нарбоннѣ говорятъ: *Cogut comme un Russo* (сварливый, какъ Русскій), въ Кагорѣ говорятъ о человѣкѣ тяжелого характера: *Acos un Russo* (онъ—Русскій); въ Бретани говорятъ *gueux comme un Russe* (нищій, какъ Русскій). Гедозъ забылъ еще слово казакъ, которое, конечно, со времени вторженія 1815 г. осталось въ нашихъ восточныхъ провинціяхъ въ значеніи браннаго. Поляки то же породили пословицу, которая, по видимому, относится ко времени войнъ имперіи: *saoul comme un Polonais* (пьянъ, какъ Полякъ); въ Лангедокѣ говорятъ: *vifvif* какъ Полякъ. О другихъ славянскихъ народностяхъ нѣтъ упоминаній. Во всякомъ случаѣ эта любопытная книга для нравственной этнографіи Франціи и даже всей Европы.

Въ той же серіи книгъ Поль Себильо печатаетъ сборникъ французскихъ народныхъ сказокъ. Себильо—одинъ изъ лучшихъ нашихъ фольклористовъ. До сихъ поръ онъ исключительно занимался сказками и преданіями верхней Бретани, которыя и напечатаны имъ въ нѣсколькихъ томахъ. Ему же принадлежитъ книга о Гаргантюа въ народныхъ преданіяхъ. Долгое время не занимались у насъ народными сказками, думали, что наши крестьяне слишкомъ цивилизованы для храненія ихъ; если когда онѣ и попадали въ печать, то съ литературными прикрасами, лишившими ихъ оригинальнаго ихъ характера. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ Эльзасецъ Стеберъ и Бретонецъ Лизель первые напечатали критическія изданія мѣстныхъ сказокъ. Съ нѣкотораго времени упрочились у насъ болѣе научные приемы: стали

собирать и записывать сказки со словъ разказчиковъ изъ народа, сохраняя даже особенности каждаго мѣстнаго говора. Нынѣшнее собраніе Себилю какъ бы вѣнчаетъ все сдѣланное по этому предмету за послѣдніе годы; онъ даетъ 66 сказокъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ сохраняютъ народное нарѣчіе. Бретонскія сказки, сказки Басковъ, Эльзасцевъ, конечно, переведены на французскій языкъ. Нѣкоторыя сказки не были никогда въ печати.

Наконецъ появился въ свѣтъ и 9-й выпускъ „Словаря греческихъ и римскихъ древностей“ (*Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*). Черезъ каждые два года будетъ выходить по одному выпуску этого превосходнаго изданія, къ сожалѣнію, печатающагося слишкомъ медленно. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ оно начато и еще не достигло буквы D. Правда, что издатель его, Салло, положилъ себѣ за правило лично пробѣрять весь текстъ печатаемыхъ статей, и большая часть этихъ статей представляетъ прекрасныя монографіи, стоящія цѣлыхъ спеціальныхъ сочиненій. Послѣдняя книжка (160 страницъ въ 4-ку) заключаетъ въ себѣ слова отъ соена до confiscation. Къ числу важнѣйшихъ статей ея принадлежатъ слѣдующія: cohors, collegium, columna, coma, comœdia (эта статья составлена тремя авторами, одинъ изъ нихъ извѣстный профессоръ Гастонъ Буассе), concubinatus и т. д. Этотъ 9-й выпускъ „Словаря“ не составляетъ еще цѣлаго тома. Будемъ надѣяться, что весь томъ не заставитъ долго ждать своего появленія въ свѣтъ. Иллюстраціи, какъ и прежде, составляютъ вѣрное воспроизведеніе древнихъ памятниковъ.

Издатель „Словаря“ печатаетъ въ то же время и большое сочиненіе Перро и Шипье: „Исторію искусства въ древности“. Теперь готовится къ печати третій его томъ; онъ будетъ посвященъ Финикіи, Кипру и Іудеѣ. Все касающееся Финикіи уже вышло въ свѣтъ. Описаніе острова Кипра началось въ послѣднемъ выпускѣ.

Я когда-то писалъ вамъ о большомъ изданіи Эскила, предпринятомъ Вейлемъ. Этотъ почтенный эллинистъ приготовилъ на основаніи своего огромнаго труда небольшія учебныя изданія Эскиловыхъ трагедій для студентовъ. Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣ трагедіи „Прометея“ и „Персовъ“ вполне и, сверхъ того, много отрывковъ. Этого рода изданія вводятъ въ преподаваніе нашихъ лицеевъ послѣднія изысканія классической филологіи. Вейль недавно избранъ членомъ академіи надписей и изящной словесности.

Года два тому назадъ я писалъ вамъ о первомъ томѣ боль-

шаго труда Шарля Туро: „О французскомъ произношеніи съ начала XI вѣка“ (De la prononciation française depuis le commencement du XI siècle) по свидѣтельствамъ грамматиковъ. Авторъ его, профессоръ нормальной школы и членъ института, былъ однимъ изъ учивѣйшихъ нашихъ лингвистовъ. Онъ умеръ въ одно время съ появленіемъ въ свѣтъ перваго тома своего сочиненія, и можно было опасаться, что этотъ замѣчательный трудъ останется не оконченнымъ. Но по счастью, въ рукописи онъ былъ дописанъ, и Гастонъ Парисъ взялъ на себя трудъ руководить ея печатаніемъ. Второй томъ, также какъ и первый, печатался въ національной типографіи. Въ немъ говорится о согласныхъ буквахъ, о придыханіяхъ и о носовыхъ звукахъ, о долготѣ гласныхъ и объ удареніи; все это составляетъ книгу въ 775 страницъ въ 8-ку. Этотъ второй томъ снабженъ указателемъ всѣхъ словъ, приводимыхъ въ сочиненіи; оно теперь сдѣлалось необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся исторіей нашего языка.

Неутомимый изслѣдователь Тамизэ-де-Ларокъ, членъ-корреспондентъ института, только что окончилъ печатаніе писемъ Жана Шапелена. Всѣ читавшіе сочиненія Буало знакомы съ именемъ этого злполучнаго поэта, автора пресловутой „Pucelle“. Но Шапеленъ былъ не только плохимъ поэтомъ; въ свое время онъ былъ извѣстнымъ критическимъ писателемъ и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Французской академіи, не за долго предъ тѣмъ основанной Ришелье. Кардиналъ поручилъ ему составить планъ словаря и грамматики, которые должны были быть изданы академіей; ему же онъ поручилъ сдѣлать официальную критику Корнелева „Сида“. Впослѣдствіи, когда Людовикъ XIV задумалъ назначить пенсіи наиболѣе заслуженнымъ литераторамъ, Шапелену поручено было составить списокъ ихъ именъ. Этотъ посредственный поэтъ былъ пріятнымъ прозаикомъ. Его переписка, до сихъ поръ оставшаяся почти не изданною, служитъ важнымъ документомъ для исторіи литературы XVII вѣка. Трудно было бы найти болѣе знающаго издателя, чѣмъ де-Ларокъ; онъ приложилъ къ этой корреспонденціи прекрасный комментарий. Изданіе это печаталось въ національной типографіи и вошло въ составъ превосходнаго собранія не изданныхъ документовъ по исторіи Франціи, печатаемаго на счетъ французскаго правительства.

Г-жа Корнелия де-Виттъ, дочь Гизо, написавшая много сочиненій по педагогикѣ, собрала и только что напечатала письма своего отца: „Письма Гизо къ его роднымъ и друзьямъ“ (Lettres de m. Guizot à sa famille et ses amis). Эти письма, въ числѣ 163, составляютъ одинъ

томъ въ 12-ю д. л. Гизо такъ много писалъ для публики, что не имѣлъ времени вести дѣятельную переписку со своими друзьями. Письма его обнимаютъ собою періодъ въ 64 лѣтъ: первое помѣчено 1810 г., когда Гизо существовалъ литературными трудами при Наполеонѣ I, послѣднее — 1874 г. и написано послѣ паденія Наполеона III. Все выходящее изъ-подъ пера Гизо не могло быть банально; его корреспонденты были большею частію замѣчательные люди: Барантъ, Ремюза, Брольи, лордъ Абердинъ, Вите. Между прочимъ Гизо высказываетъ свои мысли о политическихъ событіяхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ, или коихъ былъ зрителемъ. Вообще книга эта очень любопытна. Она очень выгодно освѣщаетъ характеръ этого государственнаго челоука, имѣвшаго у насъ столько враговъ.

Я уже писалъ вамъ о сочиненіи Жюссера на объ англійскомъ театрѣ отъ его начала до ближайшихъ предшественниковъ Шекспира. Жюссерацъ — одинъ изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ средневѣковой Англій. Онъ намѣренъ со временемъ написать исторію этого государства не съ точки зрѣнія политической, военной или дипломатической, а съ точки зрѣнія общественной и семейной жизни. Въ Европѣ нѣтъ страны болѣе консервативной, чѣмъ Англія, и изученіе ея нравовъ въ XIII и XIV вѣкахъ можетъ объяснить намъ многое даже изъ ея новѣйшей исторіи. Теперь Жюссерацъ собираетъ необходимыя матеріалы для этого любопытнаго труда, а пока онъ далъ намъ интересный эпизодъ подъ заглавіемъ: „Англичане въ средне-вѣковую эпоху. Кочевая жизнь и дороги въ Англій XIV вѣка“ (*La vie nomade et les routes d'Angleterre au XIV siècle*). Въ цѣлой серіи главъ весьма живыхъ и написанныхъ по документамъ онъ послѣдовательно изображаетъ состояніе путей сообщенія и мостовъ, способы путешествія, грабежи на дорогахъ, бродячее населеніе шарлатановъ, пѣвцовъ, фигляровъ, страствующихъ проповѣдниковъ и пицую братію, продавцевъ индугенцій и пилигримовъ. Въ высшей степени любопытна послѣдняя глава — о пилигримствѣ во Франціи, Испаніи и о паломничествѣ въ Святую Землю. Авторъ сообщаетъ между прочимъ, что уже въ то время существовали путеводители въ родѣ гидовъ Жоанна или Бедекера, разгорюченная руководства и т. д. Можно пожелать Жюссерацу усѣбнаго продолженія его любопытныхъ изысканій.

Въ эти послѣдніе годы французское правительство отправляло ученыхъ и путешественниковъ въ среднюю и восточную Азію. Вы уже знаете о любопытномъ сочиненіи Леона Котто: „Изъ Парижа въ Японію черезъ Сибирь“: рѣдкій случай путешествія, совершеннаго сухимъ
часть ссхххiv, отд. 4.

путемъ въ Владивостокъ. Теперь Котто издастъ второй томъ: „Туристъ на дальнемъ востокѣ“ (Un touriste dans l'extrême Orient). Въ немъ онъ повѣствуетъ о своихъ поѣздкахъ по Япоііи, Китаю, Тонкину и Кохинхиѣ. Авторъ предпринималъ поѣздки внутрь Япоііи и на китайскія рѣки. Его книга, написанная просто, составляетъ прекрасную новинку въ нашей географической литературѣ. Другой путешественникъ Бонвало ѣздилъ въ Среднюю Азію для наслѣдованій по естественной исторіи. Онъ напечаталъ недавно свои впечатлѣнія подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы въ Бактріану“. Онъ путешествовалъ въ 1880, 1881 и 1882 годахъ. Главныя остановки его были въ Семипалатинскѣ, Вѣрномъ, Чимкентѣ, Ташкентѣ, Самаркандѣ, Бухарѣ, Хивѣ, Красноводскѣ и Баку. У насъ нѣбуются свои прекрасныя описанія этихъ мѣстъ, но все же любопытно знать и о впечатлѣніяхъ Француза, притомъ такого проникательнаго и неустрашимаго наблюдателя, какъ Бонвало.

Книгопродавецъ-издатель Гашеттъ предпринялъ изданіе серіи лучшихъ сочиненій по педагогикѣ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ; оно будетъ заключать въ себѣ, такъ-сказать, классическую педагогику; каждое сочиненіе снабжено будетъ введеніемъ и комментариемъ. Появилось уже нѣсколько томовъ этой коллекціи. Профессоръ Компере, хорошо извѣстный своею замѣчательною книгой объ исторіи воспитанія во Франціи, напечаталъ въ этомъ собраніи любопытный документъ: докладъ и проектъ декрета Кондорсе объ организаціи народнаго образованія, представленный въ законодательное собраніе 1792 года. Этотъ докладъ есть важнѣйшее произведеніе эпохи, много работавшей по реформѣ народнаго образованія. Безъ сомнѣнія, оно не лишено химерическихъ идей: Кондорсе, въ своемъ увлеченіи равенствомъ, мечталъ о предоставленіи абсолютно дароваго образованія всякаго рода всѣмъ гражданамъ. Онъ слишкомъ много отводилъ мѣста точнымъ наукамъ въ ущербъ словесности. Но за то онъ высказывалъ много новыхъ и вѣрныхъ идей. Онъ первый возмѣтилъ мысль о высшемъ начальномъ образованіи, осуществленіемъ которой заняты теперь. Мы думаемъ, что дѣлаемъ нѣчто новое, учреждая школьныя музеи; но первый о томъ подумалъ Кондорсе. Волѣ компетентнаго и знающаго издателя, чѣмъ Компере, нельзя было найти для этого сочиненія. Онъ уже напечаталъ въ томъ же собраніи Гашетта переводъ, съ комментаріями, сочиненія Локка о воспитаніи. На дняхъ въ *Revue g n rale* (№ отъ 15-го іюня) онъ помѣстилъ важную статью

о результатахъ обязательнаго обученія у насъ. Я еще возвращусь къ этому вопросу.

Французская академія понесла утрату въ лицѣ одного изъ лучшихъ своихъ членовъ—Жозефа д'Оссонвилля, сенатора и бывшаго дипломата; онъ написалъ нѣсколько политическихъ брошюръ, но особенно извѣстенъ по своимъ историческимъ сочиненіямъ. Изъ нихъ главныя три слѣдующія: „Исторія внѣшней политики Французскаго государства съ 1830 по 1848 годъ“, „Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи“ (4 тома), „Римская церковь и первая Имперія“ (5 томовъ), подробный разказъ о переговорахъ, предшествовавшихъ конкордату и за нимъ послѣдовавшихъ. Всѣ эти сочиненія отличаются прекраснымъ слогомъ и основательнымъ изученіемъ источниковъ. Его не должно смѣшивать съ его сыномъ, Отененомъ д'Оссонвиллемъ, печатающимъ въ *Revue des deux Mondes* этюды по вопросамъ социальнымъ и филантропическимъ.

Л. Л — рь.

ЧТО ЗНАЧИТЪ СОЧЕТАНІЕ PATRES CONSCRIPTI?

Вопросъ о значеніи выраженія „patres conscripti“ въ римскомъ государственномъ правѣ принадлежитъ-допниѣ къ числу еще спорныхъ между учеными. По этому предмету, не считая разногласій въ подробностяхъ, существуютъ два главныя мнѣнія. Одни ученые ¹⁾ полагаютъ, что причастіе „conscripti“ есть не что иное, какъ опредѣлительное дополненіе къ имени существительному patres, другіе же ²⁾ думаютъ, что этими словами обозначаются два отдѣльные разряда сенаторовъ. Уже изъ этого разногласія можно догадаться, что и древніе писатели не сообщили намъ ничего точнаго, положительнаго объ этомъ предметѣ. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ шестью различными способами объясняется происхожденіе и значеніе указаннаго сочетанія.

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь всѣ отзывы древнихъ авторовъ, касающіеся даннаго вопроса:

I. Фестъ ³⁾ говоритъ: „qui patres, qui conscripti vocati sunt in curiam? quo tempore regibus ex urbe expulsis P. Valerius consul propter inopiam patriciorum ex plebe adlegit in numerum senatorum C et LX et III, ut expleret numerum senatorum trecentorum; ita ea duo genera appellata sunt“.

Въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾ онъ же замѣчаетъ: „allecti dicebantur apud

¹⁾ *Inne*, Ueber d. patres conscripti. Lpz. 1865; *Willems*, Le Sénat Romain, I Paris. 1878.

²⁾ *Lange*, Römische Alterthümer, II. Berlin 1867; *Mommsen*, Roem. Forschungen, Berlin 1864; ero же, Roem. Geschichte. Berlin 1876; *Madvig*, Verfassung des Röm. Staates, 1881, и друг.

³⁾ p. 254. v. qui patres.

⁴⁾ p. 7. v. allecti.

Romanos, qui propter inopiam (scilicet patriciorum) ex equestri ordine in senatorum sunt numero adsumpti. Nam patres dicuntur, qui sunt patricii generis, conscripti, qui in senatu sunt scriptis adnotati¹⁾. И наконецъ, въ третьемъ ¹⁾: „conscripti dicebantur, qui ex equestri ordine patribus ascribentur, ut numerus senatorum expleretur“.

Хотя Фестъ въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ и говоритъ, что новые сенаторы были выбраны изъ всадниковъ, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежали богатые юноши, какъ изъ плебеевъ, такъ и изъ патриціевъ, однако, изъ контекста Фестовыхъ словъ видно, что и здѣсь рѣчь идетъ только о плебейскихъ членахъ этого сословія.

Тому же самому преданію слѣдуетъ Титъ Ливій: [Brutus] „patrum numerum primoribus equestri gradus lectis ad trecentorum summam explevit. Traditumque inde fertur ut in senatum vocarentur, qui patres, quique conscripti essent. Conscriptos videlicet in novum senatum appellabant lectos“. Въ глазахъ Тита Ливія „primores equestri gradus“, также плебен, ибо онъ прибавляетъ: „id mirum quantum profuit ad concordiam civitatis iungendosque patribus plebis animos“.

То же самое объясненіе нашелъ и Плутархъ ²⁾ въ своемъ источникѣ: „διὰ τὴν τῶν συγχελητικῶν τοὺς μὲν πατέρας συγγεγραμμένους, τοὺς δὲ ἀπλῶς πατέρας προσηγόρευον; ἢ τοὺς μὲν ἐξ ἀρχῆς κατανηθέντας ὑπὸ τοῦ Ῥωμύλου πατέρας ἐκάλουν, οἷον εὐπατρίδας ὄντας, πατέρας αὐτῶν ἔχοντας ἀποδοῖσαι τοὺς δὲ ὕστερον ἐπιγραφέντας ἐκ τῶν δημοτικῶν συγγεγραμμένους πατέρας ὠνόμασαν“.

И такъ, авторы, которымъ слѣдуютъ Фестъ, Титъ Ливій и Плутархъ, представляютъ себѣ дѣло такимъ образомъ, что при началѣ республики плебен были избраны въ государственный совѣтъ, который съ тѣхъ поръ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ разрядовъ сенаторовъ—патриціевъ или „patres“ и плебеевъ или „conscripti“.

II. По другимъ писателямъ ³⁾, уже законодательствомъ Сервія Туллія плебен были допущены въ сенатъ; въ объясненіи же слова „conscripti“ эти писатели сходятся съ Фестомъ, Ливіемъ и Плутархомъ: „alii patres“, пишетъ Сервій,—„a plebe in consilium senatus

¹⁾ р. 41. v. conscripti.

²⁾ II, 1. 10—11.

³⁾ Quaest. Rom. 58; хотя Плутархъ говоритъ только ὕστερον, и не „при началѣ республики“, однако, по сходству всего его разказа съ извѣстными Ливію и Фесту, не слишкомъ смѣлымъ кажется полагать, что „ὕστερον“ обозначаетъ здѣсь „по низверженіи тирана“.

⁴⁾ Zon. (ed. Dind.) II, 109. Serv. ad Aen. I, 426.

separatos tradunt, ac conscriptos, qui post a Servio Tullio e plebe electi sunt“.

III. По третьему преданію, первые консулы въ 509 году до Р. Х. пополнили сенатъ не изъ простыхъ плебеевъ, а изъ такихъ, которые сперва были уже возведены въ патриціанское сословіе. Это преданіе принято Діонисіемъ ¹⁾: ἐκ τῶν δημοτικῶν τοὺς κρατίστους ἐπιλέξαντες πατριχίους ἐποίησαν καὶ συνεπλήρωσαν ἐξ αὐτῶν τῆς βουλῆς τοὺς τριακοσίους. Оно же приводится и Тацитомъ ²⁾: „Paucis iam reliquis familiarum, quas Romulus maiorum gentium, et L. Brutus minorum gentium appellaverat“.

IV. Схолиастъ ³⁾ Цицерона различаетъ три разряда сенаторовъ: „Postea Tarquinius addidit“, говоритъ онъ, — „alios centum [eosque] conscripsit. Eone vocabulo conscriptis patribus dicti sunt conscripti. Postea placuit populo, addi familias plebeias ad senatum, et facti sunt senatores plebei. Tria sunt ergo genera: primum patrum genus, secundum conscriptorum, tertium plebetum.“

V. Въ жизнеописаніи Ромула ⁴⁾ Плутархъ сообщаетъ, что выраженіе patres conscripti возникло еще при первомъ Римскомъ царѣ. Первыхъ сто выбранныхъ имъ сенаторовъ Ромулъ, по словамъ Плутарха, называлъ πατέρες, а прибавивъ потомъ еще сто членовъ изъ сабинскихъ дворянъ, далъ всему государственному совѣту прозвище: πατέρες συγγεγραμμένοι.

VI. Наконецъ, у Исидора ⁵⁾ мы встрѣчаемъ еще особое толкованіе названныхъ словъ: „Patres conscripti, quia dum Romulus decem [de]curias senatorum elegisset, nomina eorum praesente populo in tabulas aureas contulit, atque inde patres conscripti vocati“.

Авторитетность приведенныхъ преданій, конечно, очень различна, но объ этомъ ниже. Хотя изъ этихъ толкованій и видно, что авторы ихъ пытаются объяснить себѣ происхожденіе древней формулы для созванія и прѣствія сената большею частью теоретически выдуманными системами, тѣмъ не менѣе оказывается, во первыхъ, что, по мнѣнію всѣхъ этихъ авторовъ, выраженіе patres conscripti нуждалось въ разъясненіи, и во вторыхъ, что почти единогласное преда-

¹⁾ V, 13.

²⁾ Annal. XI, 25.

³⁾ Pro Scauro § 34 p. 374 Orelli.

⁴⁾ Cap. 13.

⁵⁾ Orig. IX, 4 § 11.

не обозначает этимъ сочетаніемъ два отдѣльные разряда сенаторовъ. Дѣло поэтому не такъ легко, какъ представляетъ себя Виллемсъ: просто отвергать компетентность общаго преданія—не возможно. Какъ уже сказано, по мнѣнію Виллемса ¹⁾, patres conscripti — не что иное, какъ „записанные въ album senatorium отцы“, и чтобы подтвердить вѣрность своей догадки, этотъ ученый ссылается на свидѣтельство Цицерона ²⁾ и на одну надпись ³⁾. По моему—напрасно. Цицеронъ въ упомянутомъ мѣстѣ иронически говоритъ (въ единственномъ числѣ) объ одномъ pater conscriptus, и поэтому нельзя приводить его слова въ смыслъ важнаго фактора при разрѣшеніи нашего вопроса; что же касается того, что въ одной надписи довольно позднихъ временъ Римской имперіи читается катѣр οὐκλητος, то это доказываетъ только, что въ то позднее время первоначальное значеніе этого сочетанія уже не было болѣе понятно, а не на оборотъ, что наше преданіе, идущее изъ республиканскихъ временъ, не имѣетъ основанія. Если бы въ самомъ дѣлѣ conscriptus было опредѣленіемъ имени существительнаго pater, то оно, конечно, имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибы представляло поясненіе слова pater и видѣяло особенный родъ patres изъ числа другихъ.

По мнѣнію самого Виллемса ⁴⁾, patres „veut dire l'ensemble des sénateurs“. Такъ какъ всѣ сенаторы, безъ сомнѣнія, были записаны въ роспись, то опредѣленіе conscripti не заключаетъ въ себѣ ни почетнаго отличія, ни характеристическаго признака и составляетъ поэтому совершенно лишнюю прибавку. Это, кажется, чувствовалъ и самъ Виллемсъ: поэтому, забывъ (на стр. 40) то, что нѣсколько выше (на стр. 37) онъ сказалъ о значеніи слова patres, онъ потомъ присоединяется къ догадкѣ Ине ⁵⁾, полагающаго, что въ словахъ Діонніа: τῶν πατριῶν τοὺς καταγραφέντας εἰς τὴν βουλὴν заключается удовлетворительное объясненіе сочетанія patres conscripti. Но Христенсенъ ⁶⁾, Момизенъ ⁷⁾, Ланге ⁸⁾ и другіе неопровержимо доказали, что patros въ значеніи patricii употребляется лишь въ опредѣленныхъ

¹⁾ Sénat, I, 40.

²⁾ Phil. XIII, 13 § 28.

³⁾ Inscription de l'Asie Mineure. *Revue archéologique*, 1871, p. 111.

⁴⁾ Sénat, I, p. 37.

⁵⁾ Ueber d. patres conscripti, p. 30—31.

⁶⁾ *Hermes*, IX, p. 197.

⁷⁾ *Roem. Forsch.* I, 228 s. 16.

⁸⁾ De patrum auctoritate, I, p. 5.

оборотах ¹⁾, если рѣчь идетъ о борьбѣ плебеевъ съ патриціями за равноправность, или вообще если патриціи противопоставляются плебеямъ. Это соблюдается даже у Тита Ливія, строже чѣмъ обыкновенно до сихъ поръ полагали ученые. Поэтому мнѣніе Ине, что *patres* есть синонимъ для патриціевъ, и что *patres conscripti* обозначаетъ сенаторовъ въ отличіе отъ совокупности всего патриціанскаго сословія, противорѣчитъ законамъ латинскаго языка и, конечно, не можетъ быть принято.

Большинство ученыхъ, по моему мнѣнію, справедливо придерживается того преданія, по которому *patres (ot) conscripti* обозначаетъ два отдѣльные разряда сенаторовъ. Доказательствомъ вѣрности этого преданія служатъ также и древнѣйшая формула, употребляемая для созванія государственнаго совѣта: *qui patres, qui conscripti*, которая ясно указываетъ, что существовала какая-то разниа между отцами и записанными.

Изо всѣхъ выше приведенныхъ толкованій писателей, безъ сомнѣнія, наиболее авторитетнымъ должно считать разказъ Феста и Ливія; Моммзенъ ²⁾ безусловно слѣдуетъ ему, и можетъ быть, поэтому въ особенности опъ и дошелъ до гипотезы о существованіи особеннаго патриціанскаго сената, который, по его мнѣнію, одинъ имѣлъ право утвержденія (*auctoritas*), между тѣмъ какъ плебейскіе члены сената (то-есть, *conscripti*) могли только участвовать въ обсужденіи (*consilium*) предложенныхъ дѣлъ, и то не заявленіемъ особеннаго мнѣнія, не произнесеніемъ рѣчей, а только переходомъ на ту или другую сторону при окончательномъ собираніи голосовъ (*pedibus in sententiam ire*). Моммзенъ правъ, что иначе трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ, не смотря на то, что большинство сенаторовъ состояло изъ плебеевъ, патриціанское меньшинство было въ состояніи одерживать верхъ и еще въ теченіе полутора ста лѣтъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ государственное управленіе. Но все-таки догадка Моммзена не имѣетъ основанія. Если бы въ самомъ дѣлѣ существовалъ отдѣльный патриціанскій сенатъ, который пользовался бы такими обширными привилегіями, то конечно, должна была бы происходить ожесточенная борьба за равноправность между нимъ

¹⁾ *Scedere a patribus* (Sall. Cat. 33), *a patribus transire ad plebem* (Vell. Pat. II, 45, 2); *ad patres reverti* (Cic. ad fam. IX, 21 § 3); *conubium patrum et plebis* (Cic. d. rep. II, 37 § 63).

²⁾ Roem. Geschichte I, 255; Roem. Forsch. I, 253.

и нѣкими фигурантами, нѣвшими однако большинство въ сенатѣ. Преданіе не знаетъ ничего о такихъ расприхъ; напротивъ того, сенатъ Римской республики представляется вездѣ единодушнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ, благородѣйшимъ выраженіемъ цѣлой націи, по своей послѣдовательности и государственной мудрости, единодушію и любви къ отечеству первою политическою корпораціей всѣхъ временъ. Притомъ, хотя изъ позднѣйшихъ временъ республики мы имѣемъ извѣстія почти о ежедневныхъ событіяхъ нваго года, тѣмъ не менѣе, у авторовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго намека на то, что патриціанскіе сенаторы собирались въ отдѣльное засѣданіе, что они составляли отдѣльное вѣдомство. А писатели не могли бы умолчать объ этомъ, особенно если бы въ рукахъ однихъ патриціанскихъ сенаторовъ находилось самое важное право—подтверждать рѣшенія народнаго собранія. „Ni chez Cicéron“, говоритъ Виллемсъ¹⁾),— „ni chez le patricien César, ni chez Salluste, ni ailleurs ne se trouve mention ni de ce privilège des sénateurs patriciens, ni d'une séance quelconque du sénat patricien“.

Наконецъ, несомнѣнно ошибся Моммзенъ и въ своемъ толкованіи о значеніи и положеніи такъ-называемыхъ „исдаріонъ“, въ которомъ онъ примыкаетъ къ изслѣдованіямъ Гофмана²⁾). Данге³⁾ остроумно указалъ на то, что такъ какъ сенатъ былъ первоначально собраніемъ для обсужденія дѣлъ, такъ какъ магистраты были обязаны выслушивать его мнѣніе, то очевидно, ни одному сенатору не было по закону запрещено объявлять свое мнѣніе, если онъ не соглашался съ возрѣніемъ тѣхъ сенаторовъ, которыхъ предсѣдатель до него спрашивалъ. Такое нарушеніе свободы слова, такое стѣсненіе, которое лишало бы большинство сената возможности высказывать свои совѣты, совсѣмъ не согласно съ учрежденіями Римской республики. Если бы въ самомъ дѣлѣ *rogatio* не имѣли права *sententiae dicendae*, то и магистраты, желавшіе совѣщаться съ сенатомъ, не могли бы у нихъ *sententiam rogare*. „So gewiss es nun ist“, продолжаетъ Данге — „dass der Magistrat, wenn er wollte, gar keine specielle Umfrage zu veranstalten brauchte, so gewiss ist auch, dass ein Verbot, welches ihn hinderte, eine ganze Kategorie zum „sententiam dicere“ aufzufordern, völlig unvereinbar ist mit der Potestas des Ma-

¹⁾ Le Sénat, II, 53.

²⁾ Hofman, Der röm. Senat. Berlin 1847, p. 31, 78 и слѣд.

³⁾ R. A. II 352 и слѣд.

gistrats. Wenn der Magistrat Consulare zum Reden zwingen konnte, so muss er nicht mindere Gewalt auch gegen die geringsten Senatoren gehabt haben.

Думаемъ, что приведенныя нами соображенія достаточно опровергаютъ догадку Моммзена.

Особеннаго патриціанскаго сената не существовало. Равнымъ образомъ для conscripti не было, въ данномъ случаѣ, законнаго препятствія выражать свое мнѣніе и другимъ способомъ, кромѣ простаго перехода на ту или другую сторону. Что при аристократическомъ переворотѣ 164 года плебеи были возведены въ сенаторы, что большинство въ высшемъ государственномъ учрежденіи, „блюстителѣ общественнаго устройства“, было составлено изъ противниковъ одержавшей верхъ партіи,—этого просто не возможно допустить. Поэтому и Ланге ¹⁾, значительно уклоняясь отъ преданія, говоритъ только о томъ, что въ числѣ новоизбранныхъ сенаторовъ было и нѣсколько плебеевъ; ихъ выборомъ консулы хотѣли успокоить народъ и помѣшать своимъ опаснѣйшимъ противникамъ оказывать имъ противодействие. Но возможно ли вообще думать о томъ, что именно въ то время плебеи были введены въ государственный совѣтъ?

Въ періодъ царей по лучшему преданію, какъ признаетъ и Моммзенъ ²⁾, сенатъ былъ исключительно патриціанскимъ собраніемъ. Тарквиній сократилъ права этого собранія, но назначалъ новыхъ сенаторовъ на мѣсто умершихъ, пренебрегалъ совѣтомъ сената и обнаруживалъ стремленіе усилить свою власть и царское достоинство именно на счетъ патриціевъ и ихъ представителей ³⁾. Его насилія противъ патриціевъ, тяжкіе повинности и налоги возбудили наконецъ открытый мятежъ. Тарквиній былъ низвергнутъ, и весь царскій родъ изгнанъ. Аристократы остались побѣдителями. Возможно ли допускать, что эти побѣдители сейчасъ же сдѣлали такія небывалыя уступки плебеямъ, которые до сихъ поръ служили главною опорой послѣднихъ царей при ихъ попыткахъ утвердить царскую власть на болѣе широкой и сильной основѣ? Возможно ли допускать, что первые консулы послѣ съ трудомъ одержанной побѣды предоставили своимъ противникамъ право, которое даже демократическими уложеніями царей еще не было имъ даровано? Такой поступокъ противорѣчалъ

¹⁾ R. A. I, 577.

²⁾ Röm. Forsch. I, 251.

³⁾ Liv. I, 49; Dio Cass. fr. 11. Zon. II, 112; Flor. (ed. Iahn) I, 1; 7.

бы общаго характеру реакціи. Но мы можемъ и положительно доказать, что въ первомъ столѣтіи республики плебен не были въ сенатѣ. Все преданіе о сословной борьбѣ, по которому сенатъ является какъ единогласный представитель и защитникъ патриціанскихъ правъ, было бы совершенно не понятно, если бы мы не предположили, что государственный совѣтъ состоялъ исключительно изъ патриціевъ. Даже Титъ Ливій держится этого мнѣнія, ибо у него совершенно безъ различія употребляются выраженія *patres, patricii, senatus* для обозначенія патриціанской партіи¹⁾.

Въ своей тщательно написанной книгѣ о римскомъ сенатѣ Виллемсъ²⁾ разобралъ всѣ мѣста авторовъ, касающіеся этого вопроса, и пришелъ къ тому результату, что до конца V столѣтія плебен не имѣли своихъ представителей въ высшей государственной корпорации³⁾.

Повторять здѣсь всю аргументацію, на которой основывается такое сужденіе, было бы слишкомъ долго; приведу одно только соображеніе, которое, по моему мнѣнію, окончательно рѣшаетъ вопросъ. Послѣ удаленія плебеевъ на Священную гору, имъ дано было пять народныхъ трибуновъ, священныхъ и неприкосновенныхъ заступниковъ интересовъ ихъ сословія. Само собою разумѣется, что въ эти защитники выбирались самыя знатныя и вліятельныя лица для того, чтобы они могли съ успѣхомъ бороться противъ гордыни и высокомерія аристократовъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ трибуновъ V столѣтія мы уже встрѣчаемъ тѣхъ же *Albinos, Antistos, Licinios, Iunios, Sextios, Trebonios, Titinios*, которые при окончаніи сословной распри занимаютъ важную роль въ ряду римскихъ магистратовъ. Еслибы уже въ это время сенатъ сдѣлался доступенъ плебеймъ, то эти самыя фамиліи, конечно, принадлежали бы къ его тогдашнему составу; или если бы вообще существовали плебейскіе сенаторы, то плебен, безъ сомнѣнія, назначали бы ихъ своими заступниками, такъ какъ для трибуновъ было очень важно участвовать въ засѣданіяхъ сената, чтобы во время налагать запретъ на всѣ вредныя плебеймъ постановленія. Но мы видимъ, напротивъ того, что трибуны не были

¹⁾ II, 39, § 6—8; 67, 4, IV, 2, 4; 56, 13; 60, 7.

²⁾ *Sénat*, I, 49—63.

³⁾ Мнѣніе, это прежде Виллемса высказалъ Герцогъ: *Kritische Begründungen*, p. 131; цитую по Виллемсу, такъ какъ самъ не имѣлъ случая пользоваться этою книгою.

членами сената, что имъ даже запрещено было входить въ самое зданіе, въ храмъ, гдѣ собирався сенатъ; они могли только стоять въ дверяхъ и лишь такимъ неудобнымъ способомъ узнавать, какія мѣры были приняты, какія распоряженія сдѣланы въ государственномъ совѣтѣ.

Подводя итоги изложенному, мы можемъ считать неопровержимымъ выводомъ, что преданіе является искаженнымъ даже у Феста и Ливія. Какъ это случилось, по моему, объяснить не трудно.

Извѣстно ¹⁾, что со времени гракховскихъ смятеній, историографія у Римлянъ не разъ поступала въ службу политической агитаціи: ультра-демократическіе писатели, какъ Валерій Анціатъ и другіе, старались доказать основательность и древность притязаній низшихъ классовъ на поземельную собственность, на политическую равноправность, и съ этою цѣлью передѣлывали и дополняли довольно скудное преданіе. Въ данномъ случаѣ они, можетъ быть, и могли вычитать въ старыхъ римскихъ записяхъ, что въ началѣ республики бы ли избраны новые сенаторы изъ сословія всадниковъ; но что они бы ли плебеи, и даже 164 числомъ, это уже прибавленіе анналистовъ. Демократическимъ писателямъ позднихъ временъ казалось полезнымъ, въ интересахъ современныхъ имъ единомышленниковъ, преувеличивать значеніе, которымъ пользовались плебеи уже во времена почти со- вѣтъ баспословныя. Такъ искажены были источники, изъ которыхъ черпали Титъ Ливій ²⁾ и слѣдующіе за нимъ писатели ³⁾.

Въ данномъ случаѣ Ливій и Фестъ просто передаютъ извѣстія найденныя ими въ запискахъ анналистовъ; Діонисій, или еще тотъ писатель, изъ котораго онъ черпалъ, сомнѣвался въ вѣрности этого разказа и потому передѣлалъ его такимъ образомъ, что выбранные плебеи сперва будто бы были приняты въ совокупность патриціанскихъ родовъ. Еще другіе писатели, какъ Сервій и Діонъ, совершенно послѣдовательно развивали дальше этотъ разказъ и, найдя въ своихъ источникахъ, что въ началѣ республики существовали плебейскіе сенаторы, соединили ихъ допущеніе въ государственный совѣтъ съ

¹⁾ Mommsen, Roem. Forsch. II, 218 и слѣд.

²⁾ Nitsch, Röm. Annalistik, p. 346: „Man darf sagen, eine 'Geschichtschreibung, so getränkt und gesittigt vom Geiste unbewusster und bewusster Fälschung, wie die römische während dieser Periode gewesen sein muss, gehört zu den seltensten und unheimlichsten Erscheinungen“.

³⁾ Peter. Zur Kritik d. Quellen etc. Halle 1879, p. 24, 82. 153; etc.

именемъ Сервія Туллія, который, какъ извѣстно было, благопріятствовалъ плебеямъ.

Я уже выше упомянулъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается подлинное преданіе: „*Conscripti dicebantur, qui ex equestri ordine patribus adscribebantur*“. Этими словами мы можемъ вѣрнѣе обозначать то важное событіе, которое находится въ связи съ введеніемъ республиканскаго устройства въ римскомъ мірѣ.

Во время царей сенатъ былъ собраніемъ родовыхъ старшинъ: члены назначались царемъ изъ среди людей, которые, по своей опытности и достоинствамъ, могли дать полезный совѣтъ и смѣло обсуждать дѣла. Почти само собою разумѣется, что эта постоянная власть, этотъ государственный совѣтъ состоялъ только изъ такъ-называемыхъ *seniores*, то-есть, изъ людей, дожившихъ до сорокапятилѣтняго возраста; они были главами первыхъ семействъ въ государствѣ, а именно поэтому-то сенаторы и получили почетное прозвище *patres*.

Преданіе говорить, что по низверженіи Тарквинія оказались многочисленныя вакансіи въ сенатѣ, и что онѣ были замѣнены назначеніемъ членовъ изъ всадническаго сословія. Какъ извѣстно, всадники составляли римскую конницу, и выборъ ихъ зависѣлъ отъ имущества ценса. Хотя, такимъ образомъ, и богатые плебеи могли попадать въ число всадниковъ, но огромное большинство этого сословія состояло изъ патриціевъ¹⁾, такъ какъ аристократическіе роды обыкновенно отличались и богатствомъ; рѣдко у кого изъ патриціевъ не было достаточнаго достоянія для того, чтобы служить въ конницѣ²⁾. Такимъ образомъ и въ то время всадники являются въ нашемъ преданіи представителями чистаго аристократизма. Но такъ какъ первоначально всадники предназначались для конной службы на войнѣ, то къ нимъ принадлежали только такъ-называемые *juniores*.

При необходимомъ дополненіи сената въ началѣ республики, кажется, довольно большое количество членовъ его было избрано изъ числа всадниковъ-патриціевъ. Это замѣчательное пововеденіе было неизбежнымъ слѣдствіемъ всего республиканскаго устройства. Особеннаго постановленія о законномъ возрастѣ для занятія консульской и другихъ должностей сначала не было: могло случиться, дѣйствительно и случалось³⁾, что *juniores* избирались въ консулы. Но такъ какъ

¹⁾ *Belot, Histoire des chevaliers, I, p. 13.*

²⁾ *Liv. III, 27.*

³⁾ *Liv. VII, 26.*

завѣдываніе высшими должностями давало право занимать мѣсто въ сенатѣ, то не возможно было вполне сохранять первоначальное устройство государственнаго совѣта, какъ собранія родовыхъ старшинъ. Въ виду всего этого, можетъ быть, уже при первомъ дополненіи сената, составъ его былъ измѣненъ введеніемъ въ него новыхъ силъ. Но при консервативномъ характерѣ Римлянъ существовала сначала, можетъ быть, еще до плебесцита Овинія, разница между прежними сенаторами и этими нововзбранными младшими членами: они имѣли только право *sententiae dicendae* до тѣхъ поръ, пока не достигали сорокатицѣтиго возраста; пока они принадлежали къ *iuniores*, они, хотя и были записаны въ роспись сенаторовъ, но еще не назывались *patres*, а были обозначаемы именемъ *conscripti*.

Ливій ¹⁾ и Діонисій ²⁾, говоря о первыхъ временахъ республики, явно раздѣляютъ сенатъ на *iuniores* и *seniores*; да и слова Феста ³⁾, хотя у него рѣчь идетъ уже о слѣдующей эпохѣ, все-таки касаются и предшествующаго времени и подтверждаютъ предложенное нами объясненіе сочетанія *patres conscripti*, ибо онъ говоритъ: „*quia hi, qui ex iunioribus magistratum ceperunt et in senatum sententiam dicunt et non vocantur senatores, antequam in senioribus sunt censi*“.

Наконецъ, и Геллій ⁴⁾, который въ данномъ случаѣ опирался на лучшаго знатока римской древности Варрона, подтверждаетъ вѣрность нашего мнѣнія. Изъ его словъ видно, что droppingъ формула для созванія сената: „*qui patres, qui conscripti etc.*“ впоследствии была замѣнена другою, по смыслу совершенно сходною съ нею: „*senatores, quibusque in senatu sententiam dicere licet*“; а эта вторая формула еще яснѣе указываетъ на первоначальную разницу между *patres* и *conscripti*.

Э. Штернъ.

¹⁾ III, 41.

²⁾ V, 39; VI, 66.

³⁾ р. 339 v. *senatores*. Напрасно Виллемъ пытается исправить здѣсь преданіе; оно совсѣмъ не искажено.

⁴⁾ III, 18.

ЗАМѢТКИ КЪ ТРАГЕДИИ ЕВРИПИДА ΠΠΟΔΥΤΟΣ.

79—81. ὅσοις διδακτὸν μηδέν, ἀλλ' ἐν τῇ φύσει
τὸ σφραγεῖν εἴληχεν εἰς τὰ πάνθ' ὁμῶς,
τούτοις δρέπεσθαι.

Поправка Порсона ὅτις вм. ὅσοις вноситъ нѣкоторую правильность въ конструкцію, но не даетъ болѣе правильныхъ выраженій, такъ какъ нельзя считать точными и правильными выраженія: εἴληχεν διδακτὸν (вм. κέκτηται или ἔχει διδακτὸν) и εἴληχεν ἐν τῇ φύσει вмѣсто τῇ φύσει отъ природы. Единственно возможная поправка: оставляя ὅσοις, читать ἐνεσθιν вм. εἴληχεν, какъ это стоитъ въ *Vasch.* 315—316 стр.: ἀλλ' ἐν τῇ φύσει τὸ σφραγεῖν ἐνεσθιν εἰς τὰ πάνθ' αἰί. Считать ли эти стихи интерполяціей на томъ основаніи, что часть ихъ дословно читается въ другой трагедіи, это положительно рѣшить не возможно. И въ трагедіяхъ Еврипида встрѣчаются повторенія нѣкоторыхъ мыслей и нѣкоторыхъ выраженій¹⁾.

261—263. βίωτου δ' ἀτρεχεῖς ἐπιτηδεύσεις
φασὶ σφάλλειν πλεον ἢ τέρπειν
τῇ θ' ὑγιαίᾳ μᾶλλον πολεμαῖν.

Послѣдній стихъ не только ослабляетъ мысль предшествующихъ стиховъ, но и прибавляетъ къ ней нѣчто совершенно неумѣстное и постороннее. Во всей рѣчи кормилицы высказывается та общая мысль, что людямъ не слѣдуетъ завязывать дружбу слишкомъ интимную и глубокую, потому что вообще всякія искреннія стремленія и сильныя

¹⁾ См. *Fr. Schroeder, De iteratis apud tragicos Graecos.* Miss. Strassburg. 1882.

привязанности приносятъ въ жизни болѣе вреда, чѣмъ удовольствія. Говорить это кормилица, имѣя въ виду свои отношенія къ Федрѣ. Она ее любитъ искренно, глубоко. Поэтому страданія Федры слишкомъ глубоко трогаютъ ее. Отъ страданій Федры и она сама страдаетъ. Эти-то душевныя страданія и имѣеть въ виду кормилица, говоря, что лучше было бы для людей не слишкомъ глубоко и сильно привязываться другъ къ другу, потому что отъ подобныхъ привязанностей больше горя, чѣмъ счастья. О тѣлесномъ же здоровьѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Кромѣ того, стихъ 263-й выраженъ въ формѣ неполной и страппой („и болѣе воюютъ или враждуютъ со здоровьемъ“). Поэтому онъ кажется намъ позднѣйшею интерполяціей.

380—387. τὰ χρῆστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γινώσχομεν,
οὐκ ἔκπονοῦμεν δ', οἱ μὲν ἀργίας ὑπο,
οἱ δ' ἡδονὴν προθέοντας ἀντὶ τοῦ καλοῦ
[ἄλλην τιν' εἰσὶ δ' ἡδοναὶ πολλαὶ βίου,
μακρὰί τε λέσχει καὶ σχολή, τερπνὸν κακόν,
αἰδώς τε· δισσαὶ δ' εἰσίν, ἡ μὲν οὐ κακή,
ἡ δ' ἄχθος οἴκων· εἰ δ' ὁ καιρὸς ἦν σαφής,
οὐκ ἂν δὴ ἦσθην ταῦτ' ἔχοντε γράμματα].

Стихи, заключенные нами въ скобкахъ, не только не вяжутся съ предшествующими стихами, но и искажаютъ смыслъ ихъ. Въ предшествующихъ стихахъ Федра высказываетъ ту мысль, что люди портятъ жизнь свою не по недостатку разума, а по недостатку воли. „Хорошее мы знаемъ и понимаемъ, но не стараемся дѣлать его, одни по лѣности, другіе потому, что предпочитаютъ удовольствіе хорошему“. Эта ясная мысль совершенно искажается черезъ прибавку ἄλλην τινά. Черезъ эту прибавку противоположеніе между удовольствіемъ и хорошимъ совершенно уничтожается, и хорошее является только видомъ удовольствія („предпочитая хорошему какое-то другое удовольствіе“). Эта прибавка повлекла за собою прибавку и остальныхъ стиховъ, совсѣмъ не идущихъ къ той мысли, которую желаетъ сказать Федра, ибо какое отношеніе могутъ имѣть къ мысли, высказанной въ ст. 379 — 380 разсужденія, въ родѣ того, что „есть много удовольствій въ жизни, длинныя бесѣды и праздность и стыдъ“. Притомъ, какимъ образомъ стыдъ, хорошій ли или худой, можетъ быть соприсчисленъ къ удовольствіямъ жизни? Вейль и Гомперцъ стараются исправить это мѣсто тѣмъ, что подставляютъ φθοράι вмѣсто ἡδοναί. Но и отъ этой поправки мысль не

дѣлается яснѣе, а главное—оставляется не уничтоженнымъ то, что составляетъ τὸ πρῶτον φεῦδος или коренную порчу всего мѣста, а именно слова ἄλλην τινά. Кроме того, и при чтеніи φθοραὶ остается непонятнымъ, какимъ образомъ Федра могла отнести свою главную добродѣтель αἰδώςъ къ тому, что портить жизнь и притомъ нравственно портить? Поэтому съ этими стихами, которые и по языку, и по мысли совсѣмъ не вяжутся ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, ничего иного не остается сдѣлать, какъ выбросить ихъ изъ текста. Если ихъ выпустить, то связь въ развитіи мысли не только не нарушится, но будетъ яснѣе. Стихи 388-й и слѣдующіе составляютъ непосредственное продолженіе той мысли, которая высказывается въ началѣ рѣчи (отъ 378—382).

404—406. τὸ δ' ἔργον ἤδη τὴν νόσον τε δοσκληῖ,
[γυνή τε πρὸς τοῖσδ' οὖσα ἐγίγνωσχος καλῶς]
μίσημα πᾶσιν.

Обыкновенно объясняютъ второй стихъ такъ: „и кроме того, я хорошо знала, что я женщина, предметъ ненависти для всѣхъ“. Объясненіе грамматически вѣрное, но по мысли странное, такъ какъ подъ словомъ „для всѣхъ“ можно разумѣть только всѣхъ людей, а не всѣхъ мужчинъ. Слѣдовательно, выходитъ, что Федра утверждаетъ нѣчто абсурдное: что она, какъ женщина, есть предметъ ненависти для всѣхъ людей, то-есть, и для мужчинъ, и для женщинъ. Гораздо яснѣе выйдетъ мысль, если принять γυνή οὖσα въ значеніи participium appositum „будучи женщиной“, а μίσσημα πᾶσιν разсматривать не какъ приложение къ γυνή, а какъ приложение къ τὸ δ' ἔργον τὴν νόσον τε или, точнѣе, какъ предикатъ сокращеннаго предложенія: ἐγίγνωσχος ὅτι τὸ ἔργον ἢ νόσος τε—μίσημα πᾶσιν ἔστιν. „Будучи женщиной, я знала, что это (то-есть, такая незаконная любовь) есть предметъ ненависти для всѣхъ“. Впрочемъ, стихъ 406-й по содержанію лишній, ἐγίγνωσχος καλῶς есть только повтореніе ἤδη. Можетъ быть, онъ и не подлинный.

468—470. οὐδὲ στέγην γὰρ ἤς καταφευγῆς δόμοι
καλῶς ἀκριβώσιαν' εἰς δὲ τὴν τύχην
πесоῦσ' ὄσσην οὐ πῶς ἂν ἐκνεῦσαι δοχαῖς;

Въ первой фразѣ недостаетъ ἄν при optat. potentialis; во второй πесоῦσ' ὄσσην οὐ представляетъ неправильную грамматическую конструкцию. Подлежащее οὐ въ придаточномъ предложеніи предполагаетъ другое подлежащее въ главномъ, притомъ въ данномъ случаѣ

въ вин. пад., на примѣръ, τινά; слѣдовательно, и причастіе, относящееся къ этому подразумѣваемому подлежащему, должно было бы стоять въ вин. πεσοῦσαν, а не въ им. πεσοῦσ'. Валькенаръ, по примѣру Марклапда, ставитъ хανών вм. καλῶς и читаетъ ἀκριβῶσαι' ἄν вм. ἀκριβῶσαιαν. Эта замѣна слова καλῶς словомъ хανών совершенно невѣрно основана на схоліяхъ, такъ какъ это слово встрѣчается не въ текстѣ, цитуемомъ схоліями, а въ объясненіяхъ. Самый же текстъ, цитуемый въ схоліяхъ, не отличается отъ текста рукописей. Вотъ онъ: οὐδὲ στέγην γάρ, ὅφ' ἧς οἱ δόμοι καταρρεῖς γίνονται, καλῶς ἀκριβῶσαιαν, οἱ τέκτονες δηλοῦσι. Поправка же ἀκριβῶσαι' ἄν грѣшитъ тѣмъ, что ставитъ частицу ἄν не на томъ мѣстѣ, гдѣ она обыкновенно находится въ предложеніяхъ съ отрицаніемъ. Гораздо проще можно исправить этотъ стихъ, если читать οὐδ' ἄν вм. οὐδέ и ἀκριβῶσαιαν вм. ἀκριβῶσαιαν:

οὐδ' ἄν στέγην γάρ, ἧς καταρρεῖς δόμοι,
καλῶς ἀκριβῶσαιαν.

Труднѣе найти болѣе вѣрное чтеніе въ слѣдующей затѣмъ фразѣ. Ясная порча заключается либо въ словѣ πεσοῦσ', либо въ словѣ οὐ. Съ наименьшимъ измѣненіемъ можно было бы исправить текстъ, если вмѣсто ὄσην οὐ читать ὄσην νῦν (ὄση νῦν ἐστὶ). Замѣтимъ, что Мадвигъ предложилъ читать вм. πεσοῦσ' πεσοῦσθ' (πεσοῦντα). Вейль: εἰς κλύδωνα δὲ πεσοῦσ' ὄσαν οὐ πῶς ἢ πρ.

670—672. τίν' αὖ νῦν τέχνην ἔχομεν ἢ λόγου
σφαλεῖσαι κάθαμμα λύειν λόγου.

Въ этихъ стихахъ поражаетъ насъ повтореніе λόγους—λόγου. Одно изъ нихъ несомнѣнно испорчено. По нашему мнѣнію, испорчено второе, такъ какъ λύειν κάθαμμα λόγου представляетъ совершенно непонятное выраженіе. Схоліи даютъ въ этомъ случаѣ весьма патавнутое и замысловатое объясненіе. Они разумѣютъ подъ узломъ рѣчи узелъ, завязанный рѣчью Ипполита, узелъ будущихъ его обвиненій (?): τίνα νῦν ἢ τέχνην ἢ λόγον ἔχομεν κορίσασθαι, δι' οὗ δουηρόμεθα σφαλεῖσαι τῆς ἐλπιδος τὸν δεσμὸν τῶν ἐγκλημάτων ἀπολύσασθαι, τὸν δεθηρόμενον καθ' ἡμῶν ὑπὸ τοῦ Ἰππολύτου, ὅταν ἔλθῃ ὁ Θεαῖος. Мысль будетъ ясна, если вмѣсто λόγου читать νόσου и подъ νόσος разумѣть то, что постоянно разумѣется въ этой трагедіи подъ этимъ словомъ, а именно: любви, страсть. Федра говоритъ здѣсь не объ узлѣ (какой-то) рѣчи, а объ узлѣ страсти, любви, или объ узлѣ, завязанномъ страстью. Кромѣ того, слово νόσου по начертанію близко подходитъ къ λόγου.

Поправки Наука и Бартольда слишкомъ отступаютъ отъ текста: Наука читаетъ: αἱ λόγου σφαλεῖσαι κάθαρμα λύειν δόλους. Бартольдъ: ἢ τινας σφαλεῖσαι κάθαρμα λύειν λόγους.

818—821.

ὦ τύχα,

ὡς μου βαρεῖα καὶ δόμοις ἐπεστάθης,
 κηλὶς ἄφρατος ἐξ ἀλαστόρων τινός·
 καταχονᾶ μὲν οὖν ἀβίωτος βίου.

Последніе два стиха представляютъ грамматически нѣчто совершенно безсвязное: „о судьба, какъ тяжело нагрязнула ты на меня и на мой домъ, поворъ неожиданный отъ какого-то духа мести. Порча жизни, конечно, вевыносимая“. Замѣтимъ, что въ сколіяхъ, кромѣ чтенія катаχονᾶ (объясняемаго посредствомъ καταφθορά), сохранилось еще чтеніе катаχονᾶ (какъ 3 л. отъ глагола καταχονῶ): γράφεται καὶ катаχονᾶ ἀντὶ τοῦ καταναλίσκει. Но и при этомъ чтеніи (которое возможно только въ томъ случаѣ, если измѣнить βίου въ βίος), безсвязность грамматическая не уничтожается, потому что: 1) κηλὶς ἄφρατος ἐξ ἄ. τ. по прежнему остается какимъ-то отрывочнымъ выраженіемъ и очень тяжелымъ и неуклюжимъ приложеніемъ къ ὦ τύχα; 2) при катаχονᾶ будетъ недоставать требуемаго дополненія. Всѣ эти недостатки текста можно было бы устранить, еслибы поставить послѣ ἐπεστάθης точку и затѣмъ слѣдующіе два стиха читать такъ:

κηλὶς ἄφρατος ἐξ ἀλαστόρων τινός
 катаχονᾶ με· νῦν ἀβίωτος βίου.

(неожиданный позоръ отъ какого-то духа мести губить меня. Теперь жизнь не жизнь).

950—951. οὐκ ἂν πιθοίμην τοῖσι σοῖς κόμπους ἐγὼ
 θεοῖσι προσθεῖς ἀμαθίαν φροεῖν κακῶς.

Неясность текста заключается въ томъ, что прич. προσθεῖς употреблено безъ отрицанія, которое требуется здѣсь по смыслу. Если выразить мысль въ формѣ придаточнаго условнаго предложенія, то пришлось бы сказать такъ: οὐκ ἂν πιθοίμην τοῖσι σοῖς κόμπους ἐγὼ, εἰ μὴ προσθεῖην ἀμαθίαν θεοῖσι. Поэтому второй стихъ можно было бы исправить, возстановивъ пропущенное μὴ: μὴ θεοῖσι (какъ 2 слога) προσθεῖς ἀμ. φ. κ.

952—953. ἤδη νῦν αὔχει καὶ δι' ἀψύχου βορᾶς
 σίτοις καπήλευ'(ε).

Выраженіе δι' ἀψύχου βορᾶς σίτοις представляетъ плеоназмъ въ странной формѣ. Обыкновенная форма плеоназмовъ у Еврипида и дру-

гихъ повтовъ состоитъ въ томъ, что одно синонимическое или подобозначущее выраженіе ставится въ зависимость отъ другаго, а именно въ родительномъ падежѣ, напримѣръ, Hipp. 180 δέμνια νοσερᾶς κοίτης. Med. 436 λέκτρον τᾶς ἀνάνδρου κοίτας; или же плеоназмъ выражается такъ, что существительное опредѣляется не только родительнымъ падежемъ, но и прилагательнымъ, имѣющимъ значеніе, подобное родительному падежу, напримѣръ: Eur. Hecub. 701 πόντου πελάγιος κλύδων. Hippol. 753 διὰ πόντιον κῆμ' ἀλίχτοπον ἄλμας. (Къ плеоназму этого рода можно отнести и тѣ случаи, когда къ какому-нибудь сложному существительному прибавляется опредѣленіе въ родительномъ падежѣ, выражающее то же самое, что уже заключается въ одной части сложнаго слова. Hipp. 744 ὁ ποντομέδων πορφορέας λίμνας). Не исчисляя другихъ видовъ плеоназма, замѣтимъ, что намъ не удалось встрѣтить такой видъ его, въ которомъ синонимическія выраженія стояли бы независимо другъ отъ друга, какъ дополненіе къ одному и тому же глаголу, притомъ имѣющее грамматически одно и то же значеніе, какъ то оказывается въ данномъ мѣстѣ, гдѣ διὰ сь родит. означаетъ орудіе и затѣмъ дат. п. тоже означаетъ орудіе. „Морочь, надувай людей посредствомъ безкровной пищи, яствами“. По нашему мнѣнію, чтобы придать этому необыкновенному плеоназму болѣе правильную и обычную форму, слѣдуетъ вм. οἰοῖς читать οἰτῶν въ зависимости отъ διὰ; черезъ эту небольшую поправку выраженіе ἀψύχου βορᾶς получить болѣе правильное значеніе, какъ опредѣленіе къ οἰτῶν, такое значеніе, какое имѣетъ, напримѣръ, родит. п. въ вышеприведенныхъ примѣрахъ: δέμνια νοσερᾶς κοίτας, λέκτρον τᾶς ἀνάνδρου κοίτας. „Морочь людей яствами, состоящими изъ безкровной пищи“. Нѣсколько подходит къ формѣ мысли, выраженной въ словахъ Еврипида, толкованіе схолиаста: τοῖς οἰοῖς τοῖς δι' ἀψύχου βορᾶς ἀπάτα, гдѣ ἀψύχου βορᾶς принимается за опредѣленіе къ οἰτῶν; неправильно только поставлено διὰ при ἀψύχου βορᾶς. Поправки, предложенныя къ этому мѣсту нѣкоторыми учеными, слишкомъ мнѣняютъ текстъ и представляютъ выраженія еще болѣе необычныя и темныя, чѣмъ традиціонное чтеніе рукописей. Наукъ поправляетъ: δι' ἀψύχου βορᾶς ἰών (въ значеніи ἀψυχα βιβρώσκων); Вейль: δι' ἀψύχου βορᾶς τροφᾶς κακῆλευ'; Бартольдъ: δι' ἀψύχου βορᾶς ὄσιος κακῆλευ'.

1286—1289.

Θησεῦ, τί τάλας τοιοῦδε συνήδει,

παῖδ' οὐχ ὁσίως σὸν ἀποκτείνας,

ψευδέσι μύθοις ἀλόχου πεισθεὶς

ἀφανῆ; φανεράν δ' ἔσχεθας ἄταν.

№ 7.

2

Замѣтимъ, что ἔσχεθας есть поправка Наука вмѣсто чтенія рукописей ἔσχεας, не идущаго къ метру; ἀφανῆ уже въ сколіяхъ вѣрно отнесено къ κείσθεις и объясняется словами: ἀφανῶς, ἀνεξιλέγητος. Странность выраженія заключается въ двухъ послѣднихъ стихахъ. По смыслу ψευδοὶ λόγοι ἀλόχου κείσθεις ἀφανῆ составляетъ противоположеніе къ φανεράν δ' ἔσχεθας ἄταν и, какъ таковое, должно было бы быть тѣсно связано съ нимъ. Между тѣмъ, въ изданіяхъ оно совершенно отторгнуто отъ него и отнесено къ предшествующему предложению (τί τάλας τοῦδε σονῆσαι). Вслѣдствіе того противоположеніе совершенно ослабляется и получаетъ какую-то неуклюжую форму. Чтобы восстановить болѣе ясный смыслъ, необходимо два послѣдніе стиха отдѣлить отъ предыдущихъ и тѣснѣе связать ихъ между собою. Это возможно сдѣлать, если поставитъ послѣ ἀποκτείνης знакъ вопросительный, а слѣдующіе затѣмъ два стиха читать такъ:

ψευδοὶ λόγοι ἀλόχου κείσθεις
ἀφανῆ, φανεράν ἔσχεθας ἄταν.
(съ пропускомъ неумѣстнаго δέ).

Если же оставить δέ, то необходимо было бы предыдущее причастіе κείσθεις замѣнить изъявн. наклоненіемъ аориста ἐπίσθης и читать такъ:

ψευδοὶ λόγοι ἀλόχου ἐπίσθης
ἀφανῆ, φανεράν δ' ἔσχεθας ἄταν.

То-есть: „неявно (то-есть, безъ явныхъ доказательствъ) повѣривъ живымъ словамъ супруги, ты получилъ явный вредъ или явное зло“. Или же: „ты неявно повѣрилъ живымъ словамъ супруги, а явный получилъ вредъ“.

1292. ἢ κτηνὸς ἄνω μεταβάς βίοντα
κήματος ἔξω πόδα τοῦδ' ἀπέχεις.

Въ первомъ стихѣ представляютъ трудность слова: μεταβάς βίοντα. Схоліи толкуютъ μεταβάς по смыслу, придавая ему значеніе причастія μεταβήσας: μεταβάς δὲ μεταβιβάσας, μεταβαλὼν τὴν ζωὴν. Толкованіе это невѣрно, потому что μεταβάς постоянно употребляется въ значеніи не переходномъ: „перешедши“. Вартольдъ толкуетъ это мѣсто такъ: μεταβάς βίοντα=μεταβάς βίοντος ὁδόν. „den Lebenspfad in veränderter Richtung (μετά) aufwärts (ἄνω) schreitend“, и прибавляетъ: „ein gekünstelter Ausdruck für: „als Vogel dich emporschwingend“ (по русски: идя путемъ жизни въ измѣненномъ направленіи, вверхъ). Это

толкованіе, конечно, еще вычурнѣе, чѣмъ выраженіе Эврипида. Если $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu$ вѣрно, то это выраженіе можно принимать только въ значеніи $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma \epsilon\iota\varsigma \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu$, а все выраженіе $\acute{\alpha}\nu\omega \mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu$ разсматривать, какъ равносильное $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma \epsilon\iota\varsigma \tau\omicron\nu \acute{\alpha}\nu\omega \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu$, то-есть, „перешедши въ верхнюю, подпесенную жизнь, подобно птицамъ“. Что у поэтовъ очень часто послѣ глаголовъ движенія ставится винительный безъ предлога, это не требуетъ особыхъ подтвержденій. Для примѣра укажемъ на стихъ 836-й той же трагедіи: $\tau\acute{o} \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \gamma\acute{\alpha}\varsigma \kappa\nu\epsilon\phi\alpha\varsigma \mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu$. Если же слово $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma$ искажено и невѣрно, то его легче всего было бы замѣнить словомъ $\mu\epsilon\tau\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, при которомъ винительный $\beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu$ былъ бы необходимымъ дополненіемъ (перемѣстивши жизнь свою вверхъ, въ воздушныя пространства). Кромѣ слова $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma$, все остальное въ текстѣ совершенно ясно и правильно. Вариантъ $\acute{\alpha}\nu\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma$ вм. $\acute{\alpha}\pi\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma$ есть, безъ сомнѣнія, описка, но если даже и не считать его опиской, то ясность по крайней мѣрѣ грамматической конструкции отъ этого не затемняется. И при $\acute{\alpha}\nu\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma$ останутся тѣ же дополненія, что при $\acute{\alpha}\pi\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma$, а именно: $\pi\acute{o}\delta\alpha \xi\acute{\iota}\omega \tau\omicron\upsilon\delta\epsilon \pi\acute{\eta}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$. Поэтому поправки нѣкоторыхъ ученыхъ, старающихся сохранить слово $\mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma$, но въ то же время мѣняющихъ порядокъ словъ и ихъ грамматическую зависимость, можно считать совершенно превратными. Такъ Гартунгъ исправляетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

$\eta \kappa\tau\eta\nu\acute{o}\varsigma \acute{\alpha}\nu\omega \mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma \pi\acute{\eta}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$
 $\xi\acute{\iota}\omega \pi\acute{o}\delta\alpha, \tau\omicron\nu\delta' \acute{\alpha}\nu\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu;$

Вейль:

$\eta \kappa\tau\eta\nu\acute{o}\varsigma \acute{\alpha}\nu\omega \beta\acute{\iota}\omicron\tau\omicron\nu, \mu\epsilon\tau\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma$
 $\pi\acute{\eta}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma \xi\acute{\iota}\omega \pi\acute{o}\delta\alpha \tau\omicron\upsilon\delta' \acute{\alpha}\pi\epsilon\chi\epsilon\iota\varsigma;$

Отъ подобныхъ поправокъ не только не устраняется неясное, но даже ясное въ текстѣ дѣлается неяснымъ.

1416—1418. $\omicron\upsilon \gamma\acute{\alpha}\rho \omicron\upsilon\delta\delta\acute{\epsilon} \gamma\eta\varsigma \omicron\pi\acute{o} \zeta\acute{o}\phi\omicron\upsilon$
 $\theta\epsilon\acute{\alpha}\varsigma \acute{\alpha}\tau\tau\omicron\iota \kappa\acute{\upsilon}\pi\tau\iota\delta\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\chi \pi\omicron\theta\omicron\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$
 $\omicron\rho\gamma\acute{\alpha}\iota \kappa\alpha\tau\alpha\chi\acute{\eta}\phi\omicron\upsilon\sigma\iota\nu \epsilon\iota\varsigma \tau\acute{o} \omicron\upsilon\nu \delta\acute{\epsilon}\mu\alpha\varsigma.$

„Ни даже въ подземномъ мракѣ (или царствѣ) не обрушится на твое тѣло (или на тебя) безнаказанно гнѣвъ богини Киприды влѣдствие желанія или рвенія или охоты“. Мы нарочно перевели это мѣсто дословно, чтобы показать, что при традиціонномъ текстѣ выраженіе $\acute{\epsilon}\chi \pi\omicron\theta\omicron\upsilon\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ не имѣетъ никакого смысла, даже въ томъ случаѣ, если подразумѣвать при немъ дополненіе $\alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$, ея (то-есть, Кү-

πιδος), потому что не видно, для чего собственно прибавлено это выражение. „Гнѣвъ богини Киприды не обрушится на тебя вслѣдствіе желанія ея“. Какъ будто гнѣвъ богини можетъ обрушиться на Ипполита не вслѣдствіе желанія ея. Она же вѣдь сама желала его гибели.

По нашему мнѣнію, всю эту неясность въ текстѣ можно устранить, если вмѣсто θεᾶς читать θεῶν. Отъ этой небольшой поправки вся фраза получаетъ надлежащій смыслъ, и выраженіе Κύπριδος ἐκ προδορίας является не правдою прибавкою, а необходимымъ дополненіемъ. Эта поправка требуется и всѣмъ контекстомъ рѣчи. Въ предшествующихъ стихахъ Тесей высказываетъ сожалѣніе о томъ, что онъ молился Посидону, чтобы тотъ наказалъ его сына, и оправдываетъ себя тѣмъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе богами (δοῦτος γὰρ ἦμεν πρὸς θεῶν ἀορατόνους). Эти слова Тесея вызываютъ со стороны Ипполита замѣчаніе, направленное противъ самихъ боговъ: „О, если бы люди могли проклинать боговъ“. На это отвѣчаетъ Артемиды: „Оставь это. Ни даже въ подземномъ царствѣ гнѣвъ боговъ вслѣдствіе желанія Киприды не обрушится на тебя безнаказанно“. На Ипполита обрушился непосредственно гнѣвъ Посидона, но гнѣвъ этотъ вызванъ былъ по желанію Киприды.

Поправка Вейля слишкомъ мѣняетъ текстъ и представляетъ по языку нѣчто необычайное. Вейль поправляетъ это мѣсто такъ: οὐ γὰρ οὐδὲ γῆς ὑπὸ ζόφῳ θεοῖς ἄτιμον Κύπριδος ἐκ προδορίας ἄται κατασκήπτουσι ἐς τὸ οὐν δέρας. Эту поправку Вейль сопровождаетъ поясненіемъ, совсѣмъ не подходящимъ къ его собственному тексту: „Нѣтъ, даже во мракѣ подземнаго царства, боги не оставляютъ безъ почестей (безъ отмищенія) твое тѣло, пораженное разрушительнымъ зломъ (d'un mal destructeur) по волѣ и прихоти Венеры“. Замѣтимъ, что θεοῖς ἄτιμον не можетъ означать „безъ отмищенія со стороны боговъ“, а развѣ „безнаказанно для боговъ“; притомъ ἄτιμος обыкновенно употребляется какъ прилагательное, а не какъ нарѣчіе. Затѣмъ ἄται не употребляется просто для означенія несчастія разрушительнаго. Наконецъ, настоящее κατασκήπτουσι при οὐδὲ ὑπὸ ζόφῳ менѣе правильно, чѣмъ стоящее въ текстѣ κατασκήψουσι, требуемое самимъ смысломъ.

Кромѣ этихъ мѣстъ, укажемъ еще на нѣсколько, въ которыхъ традиціонный текстъ представляетъ выраженія неточныя или не идущія по смыслу.

115. φρονούντες οὕτως ὡς πρέπει δοῦλος λέγειν.

Вм. λέγειν вѣрнѣе было бы читать φρονεῖν.

916. ὦ πολλ' ἄμαρτάνοντες ἄνθρωποι μάτην,
τί δὴ τέχνας μὲν μορίας διδάσχετε.

Вм. ἄμαρτάνοντες, не дающаго никакого смысла, вѣрнѣе читать πολλὰ μανθάνοντες, или, какъ предлагаетъ Вейль, μαστέοντες.

1376. διὰ τ' εὐνάσαι τὸν ἐμὸν βίοντον.

Глаголь διευνᾶσαι не встрѣчается нигдѣ, кромѣ этого мѣста. Предлогъ διὰ совершенно непонятенъ въ этомъ сочетаніи. Вмѣсто διὰ τ' εὐνάσαι вѣрнѣе читать κατὰ τ' εὐνάσαι, такъ какъ глаголь κατευνᾶσαι обыкновенно употребляется не только въ прямомъ значеніи уложить въ постель, усыпить, но и въ переносномъ—усудить вѣчнымъ сномъ (умертвить). Ср. стихъ 562-й той же трагедіи и Soph. Antig. 832.

1225. (ἵπποι) βία φέρουσιν, οὔτε ναυκλήρου χερὸς
οὔθ' ἰκποδέσμων οὔτε κολλητῶν ὄχων
μεταστρέφουσαι.

Вмѣсто ὄχων, не идущаго по смыслу къ данному мѣсту, можетъ быть, вѣрнѣе было бы читать λύκων (?). λύκος: τὸ ἐν τοῖς χαλινοῖς αἰδηρον (Pesych.), волчья зубы или желѣзные зубцы на удилахъ, frena lupata. „Лошади несутъ, не обращая вниманія ни на правящую руку, ни на вожжи, ни на крѣпко-сколоченные волчья зубы или удила съ волчьими зубами“.

1274. θέλει δ' Ἔρως—
φύσιν ὀρεσκόων
σκολάκων πελαγίων θ' ὅσα τε γὰ τρέφει,

1279. τὸν Ἄλιος αἰθόμενος δέρχεται,
ἄνδρας τε.

Въ этихъ стихахъ поражаетъ насъ не столько форма градаціи, сколько прибавка, заключающаяся въ стихѣ 1279-мъ. Самую форму градаціи можно еще объяснить. Она представляетъ переходъ отъ менѣе сильнаго къ болѣе сильному. „Еротъ очаровываетъ горныхъ и морскихъ вѣтрѣй, (еще болѣе)—и все, что питаетъ земля, (еще болѣе)—и людей“, которые въ этой восходящей лѣстницѣ занимаютъ самую высшую ступень, какъ самыя сильныя существа на землѣ, господствующія надъ всѣми остальными. Непонятна только прибавка стиха 1279-го. Въ той формѣ, какъ она читается, она является чѣмъ-то лиш-

нимъ и даже некстати ограничивающимъ мысль даннаго мѣста, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о безусловномъ господствѣ Ероса надъ всѣми безъ исключенія живыми существами. По нашему мнѣнiю, стихъ этотъ получитъ настоящiй свой смыслъ, если вмѣсто τὰν читать καί. „Чаруетъ Еротъ морскихъ звѣрей и горныхъ и все, что земля питаетъ и солнце освѣщаетъ, то-есть, всѣ вообще животныя, какiя только существуютъ на землѣ и подъ солнцемъ“.

А. Вейсманъ.

ΠΑΙΔΩΣΙΣ.

При раскопкахъ, произведенныхъ въ Олимпіи въ 1875—1881 годахъ, была найдена, между прочимъ, слѣдующая надпись, помѣщающаяся рядомъ съ другою, схожаго содержанія, на одномъ и томъ же камнѣ:

[Ἴ Π πόλις ἡ τῶν Ἠλείων Χάρω-
[να τοῦ δαίνοσ] κατὰ δὲ παιδω-
. . . . . νίδα Τηλεμάχου
[ἀρ]ατῆσ ἔνσχευ.

Не печатая надпись такъ-называемымъ эпиграфическимъ шрифтомъ, изъ котораго неопытный читатель ничего не извлечетъ, а опытный—не будетъ дѣлать никакихъ заключеній, скажемъ, что, судя по характеру письма, эта надпись, по нашему мнѣнiю, относится къ I вѣку до Р. Хр. Съ лѣва камень пострадалъ, вслѣдствіе чего часть надписи погибла; дополненія, заключенныя въ скобки, принадлежатъ Диттенбергеру, издавшему эту надпись, по копiи Р. Вейля, въ *Archaeologische Zeitung* за 1879 г. (т. XXVII) стр. 55 подъ № 232. Какъ видно изъ словъ τοῦ δαίνοσ, „сына такого-то“, Диттенбергеръ угадалъ, что во второй строкѣ, передъ КАТА, не можетъ быть I (iota), какъ значится въ копiи Вейля; могу засвидѣтельствовать, что на камнѣ ясно видна буква Υ. Относительно конца той же строки и (потеряннаго) начала третьей—Диттенбергеръ дѣлаетъ такое замѣчаніе: *Z(eile) 2. 3. hat offenbar eine Formel gestanden, die dem auf Rhodos gebräuchlichen καὶ οἰοθεσίαν δὲ genau entsprach; doch scheint das dabei verwendete Substantiv ein sonst unbekanntes, dem eolischen Dialekt eigenthümliches Compositum von παῖσ gewesen zu sein, das ich nicht zu ergänzen weiss*. И это предположеніе, въ сущности, справедливо; всякій, я думаю, согласится, что то слово, которое нѣмецкiй издатель отказался

возстановить, вмѣстѣ съ предшествующими въ надписи словами κατὰ δὲ, составляло „формулу“, тождественную, по своему значенію, съ родосскимъ выраженіемъ καθ' ὑποστάσιον δὲ, „по усыновленію же“. Но Диттенбергеръ не долженъ былъ остановиться на мысли, что слово это сложное съ παις; оно могло быть и производнымъ отъ παις, если не прямо производнымъ, то при посредствѣ какого-нибудь глагола, производнаго отъ παις. Такое слово есть въ Thesaurus Linguae Graecae— παιδωσις. Правда, слово παιδωσις въ литературѣ греческой встрѣчается, по видимому, всего одинъ разъ, и не у Элепча, а у Еврея Іосифа Флавія въ его Ant. Iud. XVII, 2 extr.: παρέχοντος αὐτῷ γάρμου τα ἰσχυρὰ καὶ παιδωσεως τέχνην γυνήσιον. Такъ читается это мѣсто въ рукописяхъ Іосифа Флавія, а также въ старыхъ изданіяхъ. Вильгельмъ Диндорфъ, въ Th. L. Gr., настаивалъ на томъ, чтобы чтеніе παιδωσεως τέχνην было измѣнено на τεχνώσεως παιδων; эта конъектура принята въ текстъ какъ самимъ Диндорфомъ, такъ и Имм. Беккеромъ. Но ни Диндорфъ, ни Беккеръ никакихъ доводовъ противъ чтенія παιδωσεως τέχνην не привели. Чѣмъ слово παιδωσις могло имъ не понравиться? Вѣроятно, они усумнились въ возможности его потому, что слово это—ἄπαξ εἰρημένον. Затѣмъ, при проверкѣ его правъ на существованіе, оказалось, что дѣйствительно кое къ чему придратъся можно. Παιδωσις не иначе могло быть произведено отъ παις, какъ при посредствѣ глагола παιδῶν, подобно тому, какъ на примѣръ, отъ τέχνην произведено τεχνῶν, а уже отъ τεχνῶν—τέχνησις. Глаголь τεχνῶν много разъ встрѣчается у авторовъ, не только въ значеніи „родить, производить“, но и въ значеніи „усновлять“; глагола же παιδῶν мы у авторовъ не находимъ. Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство, рѣшившее, вѣроятно, въ глазахъ Диндорфа и Беккера, участь слова παιδωσις. Наибольше употребительные изъ глаголовъ на -ῶν произведены отъ основъ (именныхъ) на ο, какъ на примѣръ, приведенный выше глаголь τεχνῶν, а также βίῶν (βίος), ἀξιῶν (ἄξιος), βαβαίῶν (βέβαίος) и тому подобные; основа слова παις оканчивается на согласный звукъ. Эти улики противъ παιδωσις (другихъ я не придумаю), даже въ ихъ совокупности, оказываются слабыми, когда онѣ ясно и отчетливо сформулированы. Не обмануло ли молчаніе Диндорфа и Беккера прежде всего ихъ самихъ? Стоитъ заглянуть въ „Этимологическій словарь“ Папе (Pape, Etymologisches Wörterbuch der griech. Spr. стр. 378 и слѣд.), чтобы найти цѣлый рядъ глаголовъ на—ῶν, немѣющихся соотвѣтствующей именной основы на ο; для нашей цѣли достаточно будетъ обратить вниманіе на ἀνδρῶν, ἀνδραχῶν, αἰματόν,

δωρατόω, χορατοῦμαι, μαστιγῶω, μελιτόω, πνευματόω, ροτιδῶω, σαρκῶω, στολιδῶω, φρενῶω. Если рядомъ, наприимѣръ, съ *μαστιγῶω* въ одинаковомъ значеніи могло существовать *μαστιγῶω*, то тѣмъ болѣе рядомъ съ *καίζω*, иъ совершенно иномъ значеніи, могло употребляться *καίδῶω*. Что касается неупотребительности глагола *καίδῶω* въ литературѣ, то это конечно фактъ (если это фактъ), самъ по себѣ значенія не имѣющій; вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобный глаголъ, при множествѣ синонимныхъ выраженій, въ литературу не проникъ.

Мы выше согласились съ предположеніемъ Диттенбергера о томъ, что въ разбираемой олимпійской надписи выраженіе, состоящее изъ *κατὰ δὲ* и слова, котораго начало *καίδῶω*, — одинаковаго значенія съ родосскимъ *καὶ ὁμοειδίαν δέ*, то-есть, означаетъ „по усновленію же“. Между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ Іосифа Флавія *καίδῶωσις*, очевидно, должно переводить „дѣторожденіе“. Но если *τέχνησις* (см. Th. L. Gr. s. v.) можетъ означать не только „дѣторожденіе“, но и „усновленіе“, то почему не допустить то же и относительно *καίδῶωσις*? Кто съ этимъ не считасть возможнымъ согласиться, тотъ долженъ остановиться на другомъ, по нашему мнѣнію (доказать его, правда, нельзя), менѣе правдоподобномъ предположеніи, что *κατὰ δὲ καίδῶωσιν* равняется, по смыслу, выраженіямъ *φύσει δὲ*, *γόνφ δέ*— „по происхожденію“. Во всякомъ случаѣ, въ томъ, что въ разбираемой олимпійской надписи искомое слово именно *καίδῶωσιν*, а не какое-нибудь другое, не позволяетъ сомнѣваться тотъ фактъ, что слово *καίδῶωσις* встрѣчается не только у Еврея Іосифа Флавія, но и въ трехъ другихъ олимпійскихъ надписяхъ, и притомъ всѣ три раза въ винительномъ падежѣ и въ связи съ собственными именами, то-есть, по всей вѣроятности, всѣ три раза въ „формулѣ“: *κατὰ δὲ καίδῶωσιν*. Въ одномъ случаѣ, впрочемъ, и отъ словъ *κατὰ δὲ* кое-что сохранилось. Я говорю о надписи, отчасти напечатанной Диттенбергеромъ въ *Arch. Ztg.* за 1877 г. (т. XXXV) стр. 190, подъ № 92, по копіи того же Р. Вейля. Впослѣдствіи были найдены въ олимпійскомъ альтисѣ другіе обломки того же камня, благодаря которымъ надпись, въ транскрипціи и съ необходимыми дополненіями, теперь представляется въ такомъ видѣ:

Διὸς ἱερά
[Ἐπὶ τῆς] ΡΠΓ ὀλυμπιάδος
[Ἔε]οκόλοι
. . . . . -ης Διοκλέους ΦΔ
. . . . . -ωνίδας Κορύμβου

5

. . . . . -ων Φιλέρωτος	
σκο]νδοφόροι	
. . . . . -ν Καλλίππου, κατὰ]	
[δ]ε παιδ[ω]σιν Τηλέμαχ[ος]	
Τηλεμά[χου]	10
Φίλιστος Δι-	
Δαμίδων Ο-	
ἐπιμ[αλητής]	
Κάλλιπ[ος τοῦ δεῖνος]	
γρα[μματεός]	15
Θεολ-	

Документъ этотъ принадлежитъ къ числу списковъ олимпійскихъ должностныхъ лицъ и относится, какъ видно изъ заглавія, къ 36 году до Р. Хр. За секретаремъ слѣдовалъ чиновникъ, имя котораго начиналось съ М, Δ или Λ. Что это былъ за чиновникъ и какіе чиновники слѣдовали далѣе — это насъ въ данномъ случаѣ не касается. Точно также мы не будемъ разбирать, что такое могли бы означать загадочныя буквы ΦΔ въ концѣ 4-й строки; см. впрочемъ *Arch. Ztg.* 1880, стр. 57. Для насъ интересъ надписи сосредоточивается на спондофорахъ, перечень которыхъ тутъ занимаетъ 5 строкъ. Спондофоры избирались или назначались въ числѣ трехъ, какъ мы знаемъ изъ другихъ документовъ этого рода, напечатанныхъ въ *Archaeologische Zeitung*. Въ послѣднихъ двухъ строкахъ перечня спондофоровъ (стр. 11 и 12) названы два спондофора; стало быть, первыя три строки этого перечня были удѣлены одному первому спондофору. Въ виду этого, въ строкѣ 9-й представляется необходимымъ читать Τηλέμαχ[ος], а въ строкѣ 10-й — Τηλεμά[χου]. Въ 10-й строкѣ на камнѣ буквы нарочно разставлены шире, такъ что Δ приходится подъ Τ предыдущей строки. Что касается собственно словъ κατὰ δὲ παιδῶσιν, надобно замѣтить слѣдующее: Въ словѣ παιδῶσιν пострадала до неузнаваемости только буква Ω; первый полукругъ, впрочемъ, сохранился. Передъ ΠΑΙΔ стояла несомнѣнно буква Ε, хотя верхняя горизонтальная черточка и верхняя половина вертикальной черты этой буквы утрачены. Отъ слова КАТА сохранилась часть первой буквы, а именно большая половина вертикальной черты и, кромѣ того, судя по моей копіи, верхняя изъ боковыхъ черточекъ, словомъ, достаточно, чтобы признавать эту букву за Κ. Если прибавить къ этому, что мѣста для потерянныхъ теперь буквъ ΑΤΑΔ на камнѣ было вполне достаточно,

то всякій, надѣюсь, согласится, что возстановленіе выраженія κατὰ δὲ παιδῶσιν въ данномъ случаѣ никакому сомнѣнію подлежать не можетъ ¹⁾).

Другія двѣ надписи еще не изданы. Весь интересъ ихъ заключается въ словѣ παιδῶσιν. Въ виду этого считаемъ возможнымъ, не дождавшись выхода въ свѣтъ Corpus Inscriptionum Olympiacarum, сообщить текстъ этихъ надписей.

1) Обломокъ паросскаго мрамора: списокъ должностныхъ лицъ, относящійся, судя по начертаніямъ буквъ, ко времени до 200-й олимпиады. Справа край.

[ὁ δαῖνα τοῦ δαῖνος,
κατὰ δὲ π]αιδῶσιν
τοῦ δαῖνος]

. . . . .
. . . . .
. . . . .

. . . . . Ο
. . . . . Μ

ὁ δαῖνα Θ]εοτίμου Χ
ὁ δαῖνα Δ]ηοδώρου (sic)

2) Плита сѣраго известняка, разломанная на три части. Внизу край, быть можетъ, отъ позднѣйшаго употребленія камня.

. . . . . Ρ Ι Δ Α Ρ . . . . .
. . . . . Δαμέαν Το[λμίδα? κατὰ δὲ
. . . . . παιδῶσιν Πα-

Эта надпись значительно древнѣе предыдущихъ; она относится, по характеру письма, ко времени около 200 года до Р. Хр. Первая строка, по видимому, шла непрерывно отъ начала до конца; ниже надпись была раздѣлена на двѣ половины, лѣвую (потерянную) и правую, съ пустымъ промежуткомъ; ср. подобную надпись въ Arch. Ztg. 1876 (XXXIV) стр. 221 № 25. Какъ читать ΡΙΑΑΡ—не знаю: . . . . -ρίδαρ ли (= . . . . -ρίδης)? или . . . . -ρίδα 'Ρ, или еще какъ-нибудь иначе? Всѣ буквы читаются совершенно ясно.

¹⁾ Указаніемъ на то, что и въ этой надписи должно возстановить κατὰ δὲ παιδῶσιν, я обязанъ моему другу доктору К. Пургольду, приславшему мнѣ прекрасную копию, какъ съ этой надписи, такъ и съ слѣдующей. Г. Пургольдъ Берлинскою академіей наукъ поручено изданіе «Сборника олимпійскихъ надписей». Я увѣренъ, что и г. Пургольдъ признаетъ необходимымъ читать Τηλέμαχ[ος] Τηλεμά[χου].

Если не слово *παίδωσις*, то по крайней мѣрѣ юридическiй терминъ *κατὰ παίδωσιν*, намъ приходится покуда считать алензмомъ. Въ одной олимпiйской надписи (*Arch. Ztg.* 1878 стр. 88 № 139) мы находимъ выраженiе *κατὰ φύσιν δέ*. Надпись эта вырѣзана на базисѣ памятника, воздвигнутаго Ахейскимъ союзомъ Аргосцу Клеогону, сыну Сотела, „а по происхожденiю“, сыну Дамосонта. Тутъ родной отецъ Дамосонтъ поставленъ на второмъ мѣстѣ, отецъ по усыновленiю—на первомъ, точно также, какъ это дѣлалось въ Атикѣ, съ тою только разницею, что въ Атикѣ, какъ замѣчаетъ Диттенбергеръ, говорилось *γόνυ δέ* (вмѣсто *φύσει δέ*, *κατὰ φύσιν δέ*) ¹⁾. Въ другихъ государствахъ, какъ напримѣръ, на Родосѣ (*καθ' ὁμοσίαν δέ*, *κατὰ δὲ ὁμοσίαν*) и, если мы вѣрно толкуемъ слова *κατὰ δὲ παίδωσιν*, въ Элидѣ, первое мѣсто отводилось родителю. Быть можетъ, такая разница въ порядкѣ поименованiя отцовъ, усматриваемая въ надписяхъ разныхъ государствъ, объясняется нѣкоторою разницею въ юридическiхъ послѣдствiяхъ усыновленiя. Впрочемъ, если кто назоветъ это предположенiе (Диттенбергера) хотя и остроумнымъ, но правдымъ, мы спорить не станемъ. Отмѣтимъ лучше одну особенность двухъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ *παίδωσις* въ Элидѣ; отличались ли тою же особенностiю другiе два примѣра, при чрезъчуръ отрывочномъ состоянiи надписей, рѣшить нельзя. Извѣстно, что въ Атикѣ, съ законодательствомъ которой мы, благодаря литературнымъ памятникамъ, всего лучше знакомы, отецъ имѣлъ право не только дать ребенку, при внесенiи его въ списки дима и фратрiи, какое угодно имя, но и затѣмъ—перемѣнить данное ребенку имя на другое. Демосе. XXXIX 39: ὁ -- νόμος -- τοὺς γυνεῖας ποιεῖ κυρίου οὐ μόνον θεῖσθαι τοῦνομα ἐξ ἀρχῆς, ἀλλὰ καὶ πάλιν ἐξαλειψαὶ βούλωνται καὶ ἀποκηρῖσαι. Изъ той же рѣчи Демосеена мы узнаемъ о такомъ случаѣ: нѣкiй Мантий (*Μαντίας*) призналъ своимъ сыномъ (прижитымъ внѣ брака) нѣкоего Βiota (*Βιοτὸς*); Мантий внесъ Βiota подъ этимъ именемъ въ списокъ своей фратрiи; затѣмъ умираетъ Мантий, не успѣвши внести Βiota въ списокъ своего дима. По смерти Мантия, Βiota вносятся и въ этотъ списокъ, но уже подъ именемъ Мантиеоя. Другой (рожденный въ бракѣ) сынъ умершаго, по имени Мантиеоя, оспариваетъ у Βiota право носить имя Мантиеоя, указывая, во первыхъ, на разныя неудобства, сопряженныя съ одноименностiю двухъ

¹⁾ Замѣчанiе Диттенберга относится, впрочемъ, только къ надписямъ; у авторовъ атикескiхъ *φύσει*, встрѣчается, въ томъ же смыслѣ.

сыновей одного отца, состоящих членами того же дима, а восторыхъ, на то, что „дѣти, по закону, не вольны въ своемъ имени“. О томъ, что самъ Мантій, при усыновленіи Віота, не имѣлъ права переимѣнить имя его на какое-нибудь другое, нѣтъ рѣчи. Подразумѣвается, стало быть, что Мантій, какъ усыновляющій, право это имѣлъ. Однако обычай, по видимому, не признавалъ этого права; мы не знаемъ ни одного примѣра такой переимѣны имени ни изъ авторовъ, ни изъ надписей аттическихъ. Единственный извѣстный примѣръ представляетъ одна самоеракійская надпись: C. I. Gr. vol. II, p. 181 n. 2158, v. 8—10. . . . ικς Μνησι[τρ]άτου, φύσει δ[ὲ] Ἀσκληπιάδης; Ἀττάλου Κο[ζικη]νός, гдѣ Бекъ замѣчаетъ: titulus subscriptus erat donario ab Asclepiade Attali filio posito, quo solo nomine utitur is n. 2157. interim adoptatus a Mnesistrato cum patris nomine etiam suum mutavit. На этотъ случай, какъ на единственный въ своемъ родѣ, указалъ еще К. Кейль въ Rhein. Mus. N. F. XX (1865) стр. 535; сколько мнѣ извѣстно, другого примѣра и впоследствии не было найдено. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Олимпіи, въ надписяхъ мѣстнаго происхожденія, встрѣчаются два такіе примѣра. Въ спискѣ олимпійскихъ чиновниковъ 36 года до Р. Хр. мы нашли спондофора Телемаха, носившаго, до усыновленія Телемахомъ, другое имя (на—v). Но и въ первой изъ приведенныхъ нами олимпійскихъ надписей:

[Ἐ πόλις ἡ τ]ῶν Ἠλείων Χάρω-
[να . . . . -ο]υ, κατὰ δὲ παίδω-
[σιν . . . . .]νίδα Τηλεμάχου
[ἀρ]ετῆς ἔνεχεν

мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ переимѣною собственнаго имени при усыновленіи; можетъ ли въ данномъ случаѣ—νίδα быть что-нибудь иное, кромѣ окончанія винительнаго падежа собственнаго имени? Сомнѣваться возможно лишь относительно того, было ли это имя мужское. Если Диттенбергеръ въ 1-й и 2-й строкахъ вѣрно возстановилъ Χάρωνα, то и другое имя того же лица было, конечно, мужское; но ничто не мѣшаетъ въ первой строкѣ читать Χάρω¹⁾); въ такомъ случаѣ надо думать, что потерянная часть второй строки была вся занята именемъ роднаго отца чествуемой. Нѣтъ надобности доказывать, что въ Олимпіи въ это время статуи ставились, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

¹⁾ Имя Χάρω въ словарѣ Папе-Бензелера нѣтъ. Относительно производства см. Fick, Die griechischen Personennamen (Göttingen 1874), стр. XXII и 87—88.

Женщины въ Греціи упоминались сравнительно рѣдко; однако примѣровъ и этому можно найти достаточно; см. K. Keil, *Zwei griechische Inschriften aus Sparta und Gythelon*, Leipzig 1849, стр. 18, и его же *Zum C. I. Gr. в Rhein. Mus. N. F. XX* (1865) стр. 537. Въ олимпійскихъ надписяхъ мѣстнаго происхожденія, сколько извѣстно, нѣтъ примѣра упомяновенія безъ переимѣны имени; въ виду этого позволительно думать, что въ Элидѣ переимѣна имени, по такому поводу, была не исключеніемъ, какъ въ другихъ государствахъ Греціи, а нормою.

В. Ермишадъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Ваявета“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ **А. РАДОНЕЖСКІЙ**. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

1-го ЮЛЯ вышла и разослана подписчикамъ VII-я,
ЮЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукописи въ Румян-
цовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—II. Записки Густава фонъ-Штрадмана, 1771—1778 г.
Переводъ съ нѣмецк. рукописи.—III. Записки Д. М. Ростиславова, професс. Сиб.
духовной акад.: о бѣломъ духовенствѣ.—IV. Д. В. Дашковъ и гр. Д. И. Хвостовъ
въ Обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 г.—
V. Николай Ивановичъ Гитдичъ, 1784—1884 гг.—VI. Памяти Дениса Васильевича Да-
видова.—VII. Письма Ден. Вас. Давыдова къ А. М. и Н. М. Языковымъ.—
VIII. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I
съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ.—IX. Польское возстаніе съ 1830—1831 гг. Раз-
сказъ Мохнацкаго. Переводъ съ польскаго.—X. Къ исторіи покоренія Кавказа.
Кабардинскій полкъ, 1726—1880 гг.—XI. Взаимныя отношенія Руси и Польши до
половины XIV стол. Рѣчь И. А. Линпиченко въ Сиб. универс. 13 мая 1884 г.—
XII. Замѣтки: Ник. Мих. Карамзинъ.—Ел. Ал. Арсеньева, бабка поэта
Лермонтова.—В. А. Жуковский.—XIII. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ графа Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г. разошлась по подпискѣ вся
сполна, до послѣдняго экземпляра.

Вышло второе изданіе первыхъ шести книгъ „Русской
Старины“ 1884 года, а потому подписка продолжается и г.
подписчики получаютъ все двѣнадцать книгъ этого журнала
за 1884 г. съ гравюрами и портретомъ А. С. Пушкина,
отпечатаннымъ красками. Разсылка вышедшихъ №№ бу-
детъ произведена въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подиисчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подиис-
сываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Нев-

скомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москвѣ подписка принимается въ магазинѣ Мамоштова.

Иногородные неключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Продаются книги:

I. „Царица Прасковья“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, очеркъ *М. И. Семевскаго*, цѣна два рубля съ пересылкою; для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ цѣна одинъ рубль.

II. „Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка“, *Мих. Ив. Семевскаго*: Тайная канцелярія. — Проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Петръ Воликій какъ юмористъ и проч. Цѣна книги съ рисунками нѣтокъ въ Россіи, въ XVIII в., для подписчиковъ «Русской Старины» на 1884-й годъ, одинъ руб. съ пересылкою. (Осталось 170 экз.)

III. „Записки сельскаго священника“, изданіе исправленное, цѣна одинъ рубль.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд. именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 — 1879 гг.; 1880 г. (второе изд.), 1881 г., 1882 г. (29 экз.) и 1883 г. (69 экз.) Цѣна за годъ по восьми руб.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ВЫШЛА ЧЕТВЕРТАЯ КНИЖКА.

Записки композитора *Алекса Осдоровича Львова*. I. (1797—1837).—*А. С. Хомяков* о сельской общинѣ. Писано около 1849 года.—О дробленіи поземельной собственности. Письмо князя *В. А. Черкаскаго* къ князю *С. П. Урусову*.—Изъ Писемъ *А. С. Хомякова* къ *А. П. Понову* (1847—1860).—Объясненіе приложеннаго рисунка: *А. С. Хомяковъ* и его пріятели (1845).—Память о 1812 годѣ въ обсерваторіи Московскаго Университета. (Сообщено *Θ. А. Бредихинимъ*).—Очерки военныхъ цвѣтъ (1812—1814). Записки князя *Н. Б. Голицына*.—*А. С. Пушкинъ*, по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаваніямъ. Статья князя *П. П. Вяземскаго*.—*А. С. Пушкинъ* и *С. С. Хлюстинъ*. Ихъ переписка (1836).—Письмо *А. С. Пушкина* къ *П. Я. Чадаеву* съ опроверженіемъ „Философическихъ писемъ“ (1836).—Письмо *В. В. Ганки* къ *А. С. Новову* (1846).—Русскій человекъ *К. О. Везносиковъ*. Статья *И. С. Листовскаго*.—Изъ шуточныхъ стихотвореній недавней старины: а) Церемоніалъ погребенія поручика *Кузьмина*. б) *Соболевскій* про пѣвца *Гулака-Артемовскаго*. Приложение: Дневникъ княжны *Варвары Ильиничны Туркестановой* 1818 года. (Окончаніе).

Останшіяся въ маломъ числѣ годовыя изданія *РУССКАГО АРХИВА* 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ со всѣми приложениями получать можно по 6 рублей съ пересылкой. 1881 годъ, съ большимъ портретомъ *Екатерины Великой* и двумя книгами „*Озверныхъ Цѣтвъ*“, продается по 8 руб. Остальные годы разошлись всѣ.

Книги изданныя при „Русскомъ Архивѣ“:

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW: Correspondence historique 1813—1819. Три тома этой исторической переписки продаются по 5 руб. съ пересылкой.

СОЧИНЕНІЯ *А. С. Хомякова*. *Томъ первый*: Статьи литературно-политическаго содержанія. *Томъ второй*: Статьи богословскаго содержанія, полный текстъ съ предисловіемъ *Ю. Θ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора. *Томъ третій*: Записки о всемірной исторіи. Цѣна каждому тому ТРИ руб. съ пересылкой.

Тамъ же можно получать новыя дешевыя изданія стихотвореній *Хомякова* (30 к.), *Баратынскаго* (40 к.) и *Тютчева* (50 к.).

ПОДПИСКА на *РУССКІЙ АРХИВЪ* 1884 года (годъ двадцать второй) продолжается.

Русскій Архивъ выходитъ въ 1884 году шесть разъ въ годъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ съ приложениями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна *Русскому Архиву* въ 1884 году съ пересылкой и доставкой на домъ десять рублей. Для Германіи одиннадцать рублей; для Франціи, Італіи, Англии и остальныхъ странъ двенадцать рублей.

Подписка принимается въ конторѣ *Русскаго Архива* въ Москвѣ, въ Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. многогородные.

Въ Петербургѣ подписываться и получать вышедшія уже книги можно на Васильевскомъ Островѣ, во 2-й линіи, домѣ 7-й, въ книжномъ складѣ *Стасюлевича*.

А А А

Б Б

В

Г г

Д

Е Е

Ж Ж Ж Ж Ж Ж

З ?

З З З З З З З

И И И И

І І

К К

Л л

М М М М М М М

Н Н

О о о

П

Р Р Р Р

С с с

Т

У у у у у у

Х К Л

Ф

Ч ч ч ч ч

У у у

Ш

Щ

Ъ з

Ы

Ь

Ѡ ѡ Ѣ

Ѥ ѥ

Ѧ ѧ

Ѩ ѩ

Ѭ ѭ

Ѯ ѯ Ѱ ѱ Ѳ

Ѵ ѵ Ѷ ѷ Ѹ

Ѻ ѻ

- Поученіе Кирилла Іерусалимскаго. Синод. библ. (271 л.).
- Богословіе Іоанна Дамаскина. Синод. библ. (210 л.).
- Лѣствица (Климаксъ). Рум. Муз. (218 л.).
- Златоструй и Торжественникъ. Пуб. библ. (128 л.).
- Сборникъ поученій. Троиц. (202 л.).
- Сборникъ житій. Москов. Усп. собор.
- Разныя отрывки.

Вещи.

Кромѣ памятниковъ, писанныхъ на пергаментѣ, отъ XII вѣка дошелъ до нашего времени еще одинъ памятникъ, писанный на полотнѣ. Это:

— Антиминсѣ Новгородской церкви Николы на Дворищѣ (хранящейся въ Александро-Невской лаврѣ). Онъ относится къ 1149 г. (Снимокъ см. въ Древ. Пам. Русск. письма и языка). По краямъ плата написано:

жрътвѣникъ стѣго мѣѣ Георгіа сѣдѣтъ отъ Нифонта архиепискоупа Новгородьскаго повелѣннѣмъ епискоупа Ростовьскаго Нестора при бл҃гочестивѣмъ князи Георгии сѣбу Мономахову мѣа септѣбра въ .ѣ. въ .ѣѣ. .9. х(и)з индикта въ .ѣѣ.

— Рисованныхъ памятниковъ съ письменами осталось нѣсколько. Таковы, между прочимъ:

— Написи при стѣнныхъ изображеніяхъ въ церкви св. великомученика Дмитрія во Владимирѣ до 1197 г. (См. гр. С. Г. Строгонова Дмитріевскій соборъ во Владимирѣ на Клязмѣ. М. 1849. изобр. XV и XVI и стр. 11).

— Написи при стѣнныхъ изображеніяхъ въ Нередицкой церкви Спаса близъ Новгорода. Между прочимъ есть изображеніе князя-строителя съ важною записью до 1200 г. (она издана въ Древ. Памяти. Рус. письма и языка. О Нередицкой церкви см. также Извѣстія VI, ст. 378 и Археолог. описаніе церков. древностей Новгорода архим. Макарія. М. 1860, ч. I, стр. 499—505).

— Написи при стѣнныхъ изображеніяхъ въ Кирилловскомъ монастырѣ близъ Кіева.

— Написи въ пещерѣ Івана Грѣшнаго близъ Кіево-Печерскаго монастыря.

Рядомъ съ этими памятниками можно вспомнить о мозаическихъ написяхъ въ церквахъ. Такова Напись въ Кіевскомъ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ надъ изображеніемъ Тайной вечери. (Древ. Памяти. Рус. пис. и языка).

Изъ церковныхъ одеждъ съ шитыми письменами уцѣлѣла шапочка Новгородскаго архіепископа Никиты до 1108 г. (Древн. Рос. Г. I, 99).

Изъ лѣтыхъ крестовъ сохранились:

Крестъ св. Авраамія Ростовскаго около 1125 г.

Крестъ св. Варлаама Хутынскаго съ 1192 г.

Кромѣ того и болѣе другихъ важный, напрестольный крестъ св. Евфросиніи Полотской до 1161 г. съ важными записями. Между записями есть:

Въ їѣ з. п ѣ ѡ покладаетъ ѡфросинѣа чьстьныи крѣтъ въ ма-
настыри своѣмъ въ цркви стго Спаса.

Еще кресты каменные: крестъ Бориса послѣ 1128 и крестъ
Рогволода 1171 г. ¹⁾, съ написью:

въ їѣ сѣѡѡ мѣа маиа въ ѣ дѣѣ доспенѣ крѣ снѣ гѣ помози рѣбу
своѣму Василю в крещени именовъ Рогволоду снѣу Борису.

Кромѣ этого сохранилась серебрянная позолоченная чара князя
Владимпра Давидовича Черниговскаго (см. Древ. Рос. Гос. V, 1)
съ записью на ней:

а се чара кня володимирова давыдовча кто изъ нее пѣ тому на
здоровье. а хвала Бога своего шподара.

Наконецъ сохранилась часть найденныхъ въ Нѣжинѣ монетъ,
серебрянныхъ позолоченныхъ.

---

¹⁾ См. Древн. Памяти. Рус. письма и языкъ.

Русская письменность XIII вѣка.

Многіе изъ памятниковъ XIII в. знаемъ только по позднимъ спискамъ, другіе, также многіе,—только по упоминаніямъ.

Въ числѣ памятниковъ, извѣстныхъ только по спискамъ болѣе позднимъ или передѣлкамъ, должны быть поставлены:

— Сводъ Русскихъ лѣтописей, сдѣланный послѣ 1204 года и дошедшій къ намъ въ передѣлкахъ, въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Что этотъ сводъ былъ дѣйствительно сдѣланъ послѣ 1204-г., это доказывается объясненіемъ, помѣщеннымъ въ Софійскомъ временникѣ и въ Воскр. лѣтописи.

«Вастъ молю. стадо Христово. съ любовію. приклоните ѿпеса ваша разумно. како быша древнии князи и мѣжи ихъ. и како обороняхъ Рѣсскыа земля и нѣгыа страны. приимахъ подъ ся. Ты бо князи не събирахъ много имѣнныа. ни творимыхъ виръ ни продажъ въ складахъ на люди. но оже бѣдѣше правая вира. и тѣ возма далше дрѣжинѣ на орѣжинѣ. и дрѣжина кѣго кормляшеся. воююще нѣгыа страны. биющеся (+и глаголюще). Братикъ потягнемъ по своимъ князи и по Рѣсской земли. Не жадахъ. Мало ми ксть княже 200 гривнѣ. Не кладахъ на своиа жены златыхъ обрѣчен. но хожихъ жены ихъ въ серебрѣ. И расплодили были землю Рѣсскѣю. (+Нѣгыѣ же) за наше несѣтство навелъ Богъ на ны поганыа а и скоти палии и села наша и имѣнныа наша за тѣми сѣтъ. а мѣи згыихъ своихъ не отстанемъ.... Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и по рыдѣ известно да скажемъ. отъ Михаила царя до Александра и Исакиа».

За Александра лѣтописецъ принялъ Олексу, Алексѣя Ангела Комнена, а подъ Исакиемъ разумѣлъ брата его Исаака Ангела. Это были дѣти Андроника Ангела, владѣвшіе Византіей одинъ въ слѣдъ за другимъ и пережившіе подпаденіе имперіи подъ власть Франковъ въ 1204 году. Подъ этимъ годомъ (6712) вставлено и особое сказаніе о взятіи Византіи Франками; а за тѣми дано мѣсто такимъ сказаніямъ, которымъ всего лучше быть въ концѣ книги (о чудесахъ иконѣ). Немного позже и оканчивается Кеннигсбергскій списокъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и Переяславская лѣтопись.

— Книга Паломникъ, сказаніе мѣстѣ святыхъ въ Царѣградѣ—Новгородѣ Добрыни Андрейковича, бывшаго послѣ Новгородскимъ архіепископомъ подѣ именемъ Антонія, какъ онъ называетъ себя въ самой книгѣ. Въ пей же упоминается о чудѣ, бывшемъ «въ лѣто 6708 при моемъ животу мѣсяца мая въ 21 днѣ недѣльный при прѣствѣ Алексѣевѣ и патриарсѣ Иваннѣ».

— Посланіе еп. Симона къ ннокю Поликарпу, сохранившееся цѣликомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Печерскаго Патерика (изд. въ Пам. XII в. 249—257). Время написанія этого посланія опредѣляется 1) жизнью еп. Симона, умершаго въ 1266 г.; 2) упоминаніемъ о построеніи Суздальской соборной церкви (1225), объ игумнѣ Печерскомъ Акиндпнѣ (помянутомъ въ лѣтописи подѣ 1231 г.), о в. к. Верхуславѣ, объ Антоніи Новгородскомъ, о в. к. Георгіи Владимировичѣ и пр.—Тому же Симону принадлежитъ Сказаніе, писанное къ тому же Поликарпу, и состоящее изъ 3 разказовъ о подвижникахъ Печерскихъ: также сохранилось въ спискахъ Патерика Печерскаго. (Макар. III. 156—160, 160—162).

— Повѣсти черноризца Поликарпа о Кіево-Печерскихъ подвижникахъ, сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ Печерскаго Патерика. Время написанія опредѣляется временемъ жизни архим. Акиндпна (уп. 1231 г.).

— Записки Кіево-Печерскаго архимандрита Досифея объ Афонѣ: отрывокъ изъ нихъ сохранился въ позднихъ спискахъ (см. Прибавленія къ Твор. св. о. VI. 134—136. Сл. Казанскаго, Ист. Рускаго монашества 122; Макарія, Ист. Рос. церкви III. 261).

— Сказаніе Кіевского лѣтописца о нашествіи Татаръ и о битвѣ на Калкѣ: сохранилось вмѣстѣ съ другими сказаніями того же лѣтописца въ Троицкой лѣтописи XV в. (И. С. Л. I. 216—219, III. 39—41 и пр.). Оно писано уже послѣ 1227 г. потому что въ немъ упоминается о смерти Чингисхана.

— Записки лѣтописца Новгородскаго, писанныя около времени нашествія Татаръ: см. Новг. лѣт. подѣ гг. 6738 и 6746.

— Записки Суздальскаго лѣтописца, писанныя современникомъ Ростовскаго епископа Кирилла: сохранились въ спискахъ XIV и XV в.: см. Лав. лѣт. 6739.

— Списокъ книгъ ветх. завѣта Ис. Навина, Судей, Руоѣ, сохранились въ переписи XIV—XV в. въ Троицк. Серг. лаврѣ. Въ лѣтописномъ перечнѣ, прибавленномъ къ приицкѣ, упомянуть на послѣднемъ мѣстѣ Всеволодъ Георгіевичъ, ум. 1212 г.

— Сводъ лѣтописный, сохранившійся въ Троицкой лѣтописи

и составлявшійся до 1239 г.—преимущественно по лѣтописямъ Новгородской и Суздальской (П. С. Л. 1. 210—225).

— Слова на поученіе ко всѣмъ крестыаномъ, написанныя, по мнѣнію архіеп. Филарета, митрополитомъ Кирилломъ (1224—1233). Арх. Филаретъ относитъ къ этому же времени и нѣкоторыя другія слова и поученія, сохранившіяся въ спискахъ болѣе позднихъ.

— Книжки Бѣгунскыя рекоман Палеа—родъ хронографа съ Русскими вставками, которыя по содержанию надобно отнести ко времени до-Татарскому. Въ Палеѣ помѣщено нѣсколько ветхозавѣтныхъ апокрифовъ.

— Патерикъ Печерскій, сборникъ сказаній о Кіево-Печерскомъ монастырѣ и его подвижникахъ,—сохранился въ спискахъ и передѣлкахъ XV. в. и болѣе поздняго времени. Составителю принадлежитъ преимущественно трудъ собранія статей Нестора, Симона и Поликарпа. Отъ себя прибавилъ онъ только Слово похвальное преп. Θεодосію, съ упоминаніемъ о нашествіи Татаръ. Немного позже, если не одновременно, вошло въ Патерикъ и Слово о новосвятыхъ мученикахъ кн. Михайлѣ Черниговскомъ и его бояринѣ Θεодорѣ.

— Службы Рус. святымъ: кн. Ольгѣ, кн. Владимиру, кн. Борису и Глѣбу, пр. Θεодосію, кн. Игорю, пр. Исаи и Леонтію Ростовскимъ (мощи открыты въ 1164 г.), кн. Всеволоду Псковскому (мощи открыты въ 1192 г.).

— Изложеніе Іоанна Малалы о лѣтахъ мирѣ въ списокѣ около 1262 г.; сохранился списокъ XV в.

— Житіе Александра Ярославича Невскаго, написанное современникомъ его пережившимъ и ему служившимъ, сохранилось въ сводахъ лѣтописныхъ.

— Грамота Гердена кн. Полотскаго и Витебскаго о мирѣ съ Рижанами: сохранилась въ списокѣ XIII—XIV в.

— Ярлыкъ Ханскій Менгу Темира 1267 г.

— Поученія (5) Серапіона еп. Владимирскаго, умершаго въ 1275, въ списокѣ XIV и XV вв.

— Кормчая книга Волинская 1286 г., сохранившаяся въ спискахъ позднихъ (Опис. Рум. муз. 297—309).

— Двѣ грамоты Владимира Васильковича Волинскаго, написанныя имъ передъ кончиною въ 1288 г.; сохранились въ спискахъ Волинской лѣтописи.

— Грамота Мстислава Даниловича Волинскаго 1289 г.: сохранилась тамъ же.

— Волынская Галицкая летопись, заключающая въ себѣ разказы о событіяхъ 1205—1290 гг.: сохранилась въ спискахъ XV вѣка и болѣе позднихъ. Можно думать, что она, заключающая въ себѣ въ концѣ разказъ современника, имѣ же самимъ написана и вся по другимъ летописямъ: такъ она выдержана вся по изложению и такъ отлична отъ всѣхъ другихъ летописей. Годы добавлены въ ней послѣ.

— Летописи Новгородская, Тверская, Суздальская, Владимирская и Псковская XIII в.: сохранились частію въ отдѣльных спискахъ (какъ Новгородская), частію въ сводахъ.

— Грамота Новгородскаго князя Андрея Александровича о ватагахъ Печорскихъ: сохранилась въ позднихъ спискахъ (Акты Арх. Эксп. I: 1).

— Сказаніе о Псковскомъ князѣ Довмонтѣ Тимоееѣ, ум. 1299 г. Вписано въ разные летописи.

Несравненно большее количество памятниковъ XIII в. извѣстно намъ только по упоминаніямъ.

Едва-ли какое изъ столѣтій до XIII и послѣ было такъ гибельно для всей земли Русской во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ и для памятниковъ письма и языка. Разрушены были или ограблены многія церкви и монастыри, пропали цѣлыя библиотеки и собранія грамотъ, сосудовъ и т. д. Между прочимъ, въ летописяхъ упомянуты слѣдующія обстоятельства:

Подъ 1204 г. летопись рассказываетъ о разграбленіи Киевскихъ церквей и монастырей; между прочимъ Софій и Десятинной церкви Половцами: «и иконы одраша, а иныѣ поймаша; и кресты чьстныя и съсѣды свящєныя и книги, и порты блаженыхъ пєрвыхъ князен.... то все положиша себѣ въ полонь».

Подъ 1218 г. упомянуто объ иконахъ, книгахъ и украшеніяхъ церковныхъ Константина Всеволодовича Суздальскаго.

Подъ 1229—о книжномъ богатствѣ Ростовскаго еп. Кирилла.

Подъ 1240—о впаденіи Пѣмцевъ во Псковъ, при чемъ «погорѣша цєрквы, и иконы и книги и еуангелия»,— и о грабежахъ Татарскихъ.

Къ 1260-мъ годамъ относится Сказаніе о Сборникахъ, данныхъ въ разные монастыри и церкви Василиемъ Романовичемъ Волынскимъ.

Подъ 1288 г. читаемъ довольно подробное описаніе разныхъ книгъ, данныхъ церквамъ и монастырямъ Владимиромъ Васильевичемъ Волынскимъ.

Болѣе всего погибло книгъ богослужебныхъ, учительныхъ и

церковно-законодательныхъ; о нихъ есть особыя извѣстiя: между прочимъ, о спискахъ Коричей 1270-хъ и позднѣйшихъ годовъ и о какихъ-то Глубинныхъ книгахъ (еретическихъ): «Начаша клеветати (на Авраамiя Смоленскаго)... кретика (ого) нарицати и нини глаголахъ нань, Глѣбнiицыи книги читають». Здѣсь же къстати вспомнить о древнемъ обычаѣ вкладывать въ руки покойника при погребенiи грамоту душевную: о ней вспомянуто при описанiи кн. Александра Ярославича Невскаго 1263 г.

Любопытно упоминанiе о пѣснѣ славы Галицкимъ князьямъ (ок. 1249 г.); можетъ быть, онѣ были и записаны.

Сохранилось нѣсколько упоминанiй о лѣтописяхъ (Ростовской около 1200 г., Суздальской подъ 1231 и пр.), въ свое время бывшихъ подъ руками писавшихъ, и теперь, если и уцѣлѣвшихъ, то уже въ выпискахъ, помѣщенныхъ въ сводахъ. Пропали и отдѣльныя сказанiя, какъ напримѣръ сказанiя о Татарахъ, извѣстныя только по упоминанiямъ.

По упоминанiямъ или же по выпискамъ извѣстны договорныя и другiя грамоты и разныя дѣловыя бумаги. Такъ упоминанiе Новгородской лѣтописи подъ 1209 г. даетъ знать о существованiи досокъ объ имуществѣхъ: «Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша и житие ихъ понмаша а села ихъ распродаша... а что на дѣтькахъ = дѣскахъ (+остало въ письмѣ). а то князю оставиша.... Присла Всеволодъ сына своего Святослава и даша дѣтькы = дѣскы Дмитровы Святославъ и бяше на нихъ (+богатыства) безъ числа». Подъ 6749 г. (послѣ 1240) въ Волынской лѣтописи говорится, что кн. Данилъ и Василько послали печатника Кирилла исписати грабительства нечѣстивыхъ бояръ. Въ 1257—1259 и 1273 были произведены Татарами переписи народа Русскаго податнаго; есть различныя доказательства, что подобныя переписи были дѣлаемы и прежде Татаръ. Въ 1269 г. Митрофанъ, епископъ Сарскiй, оставилъ епископiю, приславъ митрополиту опись: можетъ быть, это была опись имущества, или всей епархiи.

Изъ пропавшихъ грамотъ упомянуты:

— Договорная грамота Полотска съ Ригю 1200 г.

— Договорная грамота кн. Смоленскаго Мстислава Романовича съ Нѣмцами 1214 г.

— Крестныя грамоты 1216 г.

— Грамоты Ярослава Всеволодовича Новгородцамъ до 1236 г.

— Грамоты Александра Ярославича Новгородцамъ п. 1236 г.

- Грамоты папъ 1245 и др.
- Грамота Александра Ярославича папѣ 1248 г.
- Его же грамота Устюжанамъ. 1262 г.
- Его же о прекращеніи тяжбы. 1262 г.
- Грамоты выведеннымъ людямъ до 1266 г. и послѣ.
- Грамоты Ярослава Ярославича Новгородцамъ. до 1270 г.
- Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами. 1270 г.
- Обвинительная грамота отъ Новгородцевъ кн. Ярославу. 1270 г.
- Защитительная грамота митроп. Кирилла Новгородцамъ. 1270 г.
- Грамота Владимира Васильковича кн. Мстиславу. 1288 г.
- Грамота Спасо-Ярославскому монастырю. до 1299 г.

Кромѣ того есть упоминанія о перепискѣ в. к. Верхуславы до 1225 г.; о перепискѣ митроп. Кирилла съ Болгарскимъ деспотомъ Іаковомъ Святославомъ до 1262 г.

Есть также упоминанія о грамотахъ ханскихъ (ярлыкахъ): до 1255, 1257, 1259, до 1270, 1270, ок. 1276.

Изъ несохранившихся вещей упомянуть:—Крестъ Клима послѣ 1213; печати послѣ 1240, 1264—1265 и пр.; гривны Владимира Васильковича до 1288.

Рукопись XIII в. съ годами.

Кондакаръ 1207 года.

Подъ именемъ кондакаря или кондаря (Греч. кондахѣрион) въ древней Руси извѣстно было собраніе кондаковъ (Греч. кондахіон = кондахіон), небольшихъ пѣснопѣній, посвященныхъ прославленію святыхъ и событій. Эта краткая пѣснь замѣняла собою канонъ, пока его не было, а потомъ въ канонѣ заняла мѣсто послѣ 6-й пѣсни, рядомъ съ подобною пѣснію, икосомъ. Въ Синодальной библиотекѣ хранится Греч. рукопись кондакаря XII—XIII с., гдѣ кондаки сопоставлены вмѣстѣ съ икосами. Въ нашей письменности сохранилось нѣсколько древнихъ списковъ кондакаря: одинъ принадлежитъ Нижегородскому Благовѣщенскому собору, а нынѣ Имп. Публичной библиотекѣ, XII в.; на 130 л., въ м. 4-у, безъ конца, и безъ нѣсколькихъ листовъ въ серединѣ;

— другой, принадлежитъ библиотекѣ Троицкой-Сергіевской Лавры; на 115 л. въ м. 4-у;

— третій принадлежитъ Синодальной Патриаршей библиотекѣ; на 112 л. въ мал. 4-у, безъ начала и конца;

— четвертый принадлежитъ Московскому Успенскому собору; на 204 л. въ 4-у, съ записью 1207 года.

На основаніи этого послѣдняго мы разсмотримъ содержаніе кондакаря вообще, какъ онъ былъ въ древней Русской церкви.

Первая часть кондакаря состоитъ изъ кондаковъ на дни мѣсяцевъ по порядку съ 1-го сентября до 31 августа, съ пропусками дней мѣсяца важныхъ. Между прочимъ находимъ здѣсь кондаки:

— подъ мая 2. Пренесеніи Бориса и Глѣба. (Синод. л. 10).

— — — 3. стго оца Θεодосыа иѣмена. (Нижег. 41. Успен. с.).

— подъ іюл. 24. Бориса и Глѣба. (Нижегор. 52. Троиц. 43. Успен. с.).

- Никакихъ другихъ Славянскихъ святыхъ нѣтъ; нѣтъ. Покрова подъ 1 окт., нѣтъ св. Николая подъ 9 мая.

Вторая часть кондакаря начинается кондакомъ недѣли мытаря и фарисея, четвертою передъ недѣлями вел. поста, и оканчивается кондакомъ недѣли всѣхъ святыхъ, девятой послѣ свѣтлой недѣли.

Далѣ слѣдуютъ кондаки и ипакои воскресные (въ иныхъ спискахъ вмѣстѣ, въ иныхъ отдѣльно), нѣкоторые тропари и стихиры, катавасіи и киноники (=причастны) на праздники переходные и на нѣкоторые непереходные. (Ипакои—пѣсни, подпѣваемые, по древнему обычаю, народомъ. Тропарями называются стихи каждой пѣсни канона, слѣдующіе за 1-мъ; катавасія—последній стихъ, для пѣнія котораго уставомъ положено сходиться на средину церкви пѣвцамъ обоихъ клиросовъ; киноники или причастны—суть стихи, поемые на литургіи во время причащенія священнослужителей ¹⁾).

Въ кондакарѣ 1207 года на последнемъ 204-мъ листѣ есть записъ о времени написанія:

Въ ІѢ Г. ф̄ еі. написанъ бы
ша книги снѣ мѣца июла
въ к. на памѣ стго пррка
Илиѣ.

Этотъ списокъ отличается особенно полнотою и цѣльностью. Нѣтъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ частей, помѣщенныхъ въ Нижегородскомъ списокѣ: такъ, тамъ лл. 114—121 заняты азматикомъ 8-ми гласовъ, чего нѣтъ въ списокѣ Успенскомъ.

Какъ и всѣ другіе списки, только тоже съ большею полнотою представляетъ онъ крюки и разные знаки надъ строками и въ строкахъ—такіе же, какъ и другіе списки,—давая мѣсто въ написаніи и непрерывнымъ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же гласныхъ, протягаемыхъ въ пѣніи.

Рукопись писана не крупнымъ широкимъ уставомъ очень разгонисто.

Начертанія буквъ:

А Б В Г Д Е Ж З Н І К Л
М Н О П Р С Т ОУѸ Х Ц'У
Ш ЦЪ ЪЫ Ь Ѧ Ю Я Ѧ

Правописаніе Русское, древнее, соблюдающее употребленіе гласныхъ краткихъ ѣ и ѡ. Въ слогахъ сложныхъ съ р и д, ѣ и ѡ ставятся передъ этими согласными: цѣркѣѡ.

¹⁾ Замѣчательно, что нѣкоторые стихи пѣсенъ остались въ кондакарѣ безъ перевода.

Иногда встрѣчается ж вмѣсто жд и ч вм. щ. Вмѣсто ѣ послѣ р пишется е: средѣ.

Примѣръ:

Бездѣѣ заключивши и мѣртвѣ
видимши. въ змюрѣѣ и въ
плащеницю обить въ гробѣ
полагаются тако мѣртвѣѣ.
бесъмѣртъѣѣ. жены же мго
придоша помазати. плачуще.
Се сѣбота мѣсть прѣблаго
словенана въ ню же Хри
стосѣ. Ѡснѣвъ. въскрѣснеть
триднѣвнѣнѣ.

Книга Евангѣльскихъ чтеній 1215 года.

Иначе называется эта рукопись Милатино Евангеліе по имени Милаты Лукиничя, для котораго написана. Написана она въ малый листъ въ два столбца на 160 лл.; хранится въ Имп. Публичной библиотекѣ.

Содержаніе то же, какъ и другихъ подобныхъ книгъ.

Время написанія отмѣчено въ записи, находящейся въ концѣ книги.

Помощию Хвѣю на
писашаса стѣни
бѣвидьци, аплѣ. дѣ
еуангѣлисти. Иоанъ
и Матѣен. Лоука. и
Маркъ. Аминѣ. Въ
голодной гѣто на
писахъ еуангѣне и
адлѣ обоѣ одиномъ
їѣ Дѣмъѣка по у стго
Лазора. поа. а пове
гѣннемъ. Милатино
мъ Лоукѣнищмъ. и
крилѣ обоѣ книги
на спсѣние собѣ і на
сѣдравнѣ амнѣнѣ.

О Лукиничяхъ, какъ объ основателяхъ и строителяхъ церкви апостоловъ Петра и Павла въ Сильнищи, записано въ Новгород-

ской лѣтописи подѣ 6693=1186 г. и 6700=1192 г. О Гаврилѣ Милити-ничѣ, какъ объ одномъ изъ Новгородцевъ, которые „побѣгоша къ Ярославу князю“, сказано тамъ же подѣ 6724=1216 г. Голодное лѣто было передѣ тѣмъ за годъ—въ 6723=1215 г.: „Новгородѣ зло бысть вельми. кады ржи кѣпляхѣтъ по 10 гривенъ. а овса по 3 гривнѣ. гадяхѣ люди сосновѣ корѣ. и листь липовѣ. и мохъ. О горе тѣгда братие бяше. дѣти свои дагахѣтъ одѣренъ. И поставиша скѣдельницю. и наметашу пѣльнѣ. О горе бяше. По трѣгѣ трѣбник. по ѡлицямъ трѣбник. по полю трѣбник. не можахѣ псы изѣдати челоуѣкъ“.

Вся книга, за исключеніемъ 49 страницъ (въ двухъ мѣстахъ), писана однимъ почеркомъ, такимъ же, какъ записъ: это почеркъ прямой, по мѣстамъ продолговатый, а по мѣстамъ широкій. Отмѣченныя 49 страницъ писаны уставомъ, наклоненнымъ въ право.

Вотъ буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И К Л
 З К
 З
 М Н О П Р С Т ОУ Х Ц Ч Ш
 М ОУ Х
 Ц Ъ Ы Ь Ѣ Ю А Ѧ

Письмо Русское: ж нѣтъ, а вм. іа, ж вм. жд, е вм. ѣ, ѡ и ѣ передѣ р и л, оло вм. гѣ, о вм. е:

— кожаше, одежемъса, одежда, повѣжъ, осуужали, стражеть, обижю, зижеть.

— плевелы, мрежа, небрегоша.

тѣрпю, пѣлни, мѣлнина, оумѣлкнеть, гѣрстію, вѣлнѣ.

— исполовенъ.

— озеро.

Житіе Нифонта. 1219 г.

Житіе преподобнаго и бѣгоноснаго отца нашего Нифонта, зовомаго мниха—рукопись Троицкой Лавры въ л. на 175 л. (первыя 11 листовъ приписаны на бумагѣ въ XVII в.). Начало: Таниѣ превѣ достоятъ хранити=Μονατήριον βασιλέως χροῦταιν χαλόν. Греческій по-

длинникъ въ Синодальной библиотекѣ въ, списокѣ 1126 г. (№ 379). Было сдѣлано въ древности и извлеченіе изъ этой книги, какъ видно по спискамъ. Отрывки изъ нея были переписываемы въ сборникахъ ¹⁾. Въ древности книга эта считалась въ числѣ сомнительныхъ: „Василии же новъи и Нифонтъ и Андрей юродивыи и Меодіи Патарскыи и Страинникъ подобаетъ о сихъ вѣдѣщаго въпросити, аще истина сътъ“. (Сказ. о книгахъ истинныхъ и ложныхъ).

На послѣднихъ страницахъ Троицкой рукописи есть запись тою же рукою, какъ и вся она:

„Гѣ помози рабо
мъ своимъ

(И) оану и Олексию.

написавшема книги снѣ а гдѣ

сѣу поматкы и

справа. чтѣте а

писцевъ не кльни.

Въ гѣ сѣкз

кончанты бы

ша книги

снѣ. мѣа ма

га. въ ка днь

на пма. стго

мѣнка Икре

мнѣ въ градѣ

Ростовѣ. при князи при Ва

силцѣ. при сѣоу Костантино

вѣ. а вноуцѣ Все

воложи. стѣа гже

Бѣе. стѣа апли

прѣци мѣнца

стѣи Нифонте

помози моймоу годноу Василкоу и мене грѣшно

го раба своего

Кюрила. избави въ днь соудны

и ѿ вѣчныа

моукы.:

Годъ 6727-й есть отъ Р. X-ва 1219. Князь Ростовскій Василко Константиновичъ есть сынъ князя Константина Всеволодовича Вла-

¹⁾ Извлеченіе изъ этой книги, сдѣланное Костомаровымъ, см. въ Русскомъ Словѣ 1861 г. III.

димирскаго, посаженный на столъ Ростовскій отцемъ въ 1217 г. (6726 до февраля) не задолго до смерти (К. В. умеръ февр. 2-го 6726=1218 г.). Онъ былъ въ это время десяти лѣтъ (род. въ дек. 6717=1209 г. по Март. счету). Кирилль, о которомъ поминаетъ запись, есть, вѣроятно, Кирилль епископъ Ростовскій, бывшій на этомъ мѣстѣ и до кончины кн. Константина Всеволодовича и позже до 1229 года, когда онъ, изнеможенный болѣзнію, удалился въ монастырь и постригся въ схиму. Онъ былъ богатъ, между прочимъ, и книгами (Лав. лѣт. 6737 г.). Книга о Нифонтѣ, вѣроятно, писана для него.

Вся рукопись писана одинаковымъ довольно крупнымъ, нѣсколько продолговатымъ уставомъ.

Начертанія буквъ:

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М
 Н О П Р С Т Ф Ц Ч Ш Щ
 Ѡ
 Ѹ Ю А Ъ Ы Ь

Письмо Русское: ж нѣтъ; вь стоитъ передъ р; есть ж вм. жд (вожь, сѣжю, дажь), и ч вм. щ; есть е вм. ѣ и на оборотъ (несмь, анѣли); есть прилагат. въ род. п. муж. ед. ч. на ого, его (чюжего); есть причастія на а (вм. ты): (ида, прида, веда). Есть вмѣстѣ съ тѣмъ и признаки нарѣчія юго-Славянскаго юсоваго и не юсоваго: сопоушо-моу, ѡмьрпномоу, присть, трактъскыи, притась (=прилахъ), тысоуицъ, благодѣть, —к (=късть), соу (=сжть), ѡидоу (=отъидоша), срѣтоу (=срѣ-тоша), измѣрь (=измѣрихъ).

Апостольскія посланія съ толкованіями.

Рукопись. 1220 г. Написана въ л. въ 2 столбца на 240 л. Хранится въ Московской Синод. библиотекѣ.

На оборотѣ 1-го л. всю страницу занимаетъ изображеніе арки и въ ней сс. аа. Петра и Павла, а надъ ними на сводѣ арки въ облакахъ—Спасителя, подающаго имъ что-то въ родѣ колпачицы. По сторонамъ у свода на красномъ полѣ два павлина и еще другія фи-гуры. На 2-мъ л. передъ текстомъ заставка покоемъ съ изображе-

ниемъ двухъ архангеловъ въ омофорахъ, и между ними что-то, теперь уже временемъ изглаженное. Вся рукопись писана довольно крупнымъ уставомъ, заглавія киноварью; рисованныя буквы двухъ красокъ, черной и красной, очень фигурны.

Книга содержитъ въ себѣ, кромѣ вступленія Евеалія о посланіяхъ а. Павла и частныхъ предисловіи, текстъ и толкованія слѣдующихъ книгъ: Посланія къ Римлянамъ, 1-го Посланія къ Коринѳеянамъ, 2-го Посланія къ Коринѳеянамъ, Посланія къ Галатамъ, Посланія къ Ефесеямъ до IV: 4. Очевидно, что рукопись осталась неоконченною. Переводъ текста древній, переводъ толкованій новѣе и отличается отъ текста выборомъ словъ.

На лицевой страницѣ послѣдняго листа читается записъ, середина и конецъ которой впрочемъ выскоблены.

Въ лѣтѣ ̅҃҃. ̅҃҃. ̅҃҃. кнѣ. мѣца
августа початы
быша писати кни
гмы свѣта.....
а кончаны быша
мѣца октября въ. кнѣ.
днѣ. на памѣ стго
Аверькина епѣпа.
Стала гже Бѣде и стм
и Петре и Павле стѣ
и пррци апли мчнщи
и вси стѣи помозѣ
.т.....

Буквы строчныя: .

а б в г д е ж з и ѿ га ю к
л м н о ѿ пр і то у ф х ч у
м о
ш щ з х ѣ ѣ ю а ѣ ѡ

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогін и наукъ, критики и библиографін, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Slav 20.6

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXIV.

1884.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія. 73

Каталогъ руководствъ и учебныхъ пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Объ приложеніи описки книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ.

Я. Г. Гуревичъ. Прохождение войны за Ионанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англій. V—VIII 187

П. А. Сырку. Значеніе румыновѣдѣнія для славянской науки . . . 234

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Веневитиновъ. Пѣмецкій переводъ Хожденія игумена Даміана . . . 248

П. А. Ровицкій. Черногорецъ и Черногорія 258

А. С. Вудловичъ. Географическій словарь западно- и южно-славянскихъ земель. *Я. Головацкаю.* 1884 298

П. А. Булаковскій. Два сочиненія о жизни и трудахъ І. Добровскаго . . 312

Г. А. Л—скій. *В. Андреевскій.* Египеть. 1884. 331

П. О. Морозовъ. Новые матеріалы для исторіи русскаго театра. . . 352

Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою (разборъ трудовъ по русской исторіи о П. Прлипа) 368

А. С. Архангельскій. *В. Богородничій.* Гласныя безъ удареній. 1884. . . 412

П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской исторіографіи. X. . . 414

А. Н. Веселовскій. Новости по изученію италіанской литературы . . 428

— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ) 43

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ 1882 и 1883 годахъ 62

— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній. 82

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. А. Шеборъ. Нѣсколько критическихъ замѣтокъ къ Плавту. . . 31

Э. М. Шульце. О новыхъ раскопкахъ въ Помпеяхъ 75

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (*продолженіе*) . . 177

Редакторъ **М. Майковъ.**

(Вышла 4-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXIV.

1884.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Наб. Екатеринин. кан., д. № 78.
2571.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (24-го апрѣля 1884 г.). Объ усиленіи надзора за учебными заведеніями Восточной Сибири.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ усиленіи надзора за учебными заведеніями Восточной Сибири, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи надзора за учебными заведеніями Восточной Сибири, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить должность директора народныхъ училищъ въ Иркутской губерніи и переименовать въ таковую же должность инспектора народныхъ училищъ въ Забайкальской области, съ подчиненіемъ симъ директорамъ существующихъ въ помянутыхъ губерніи и области и впредь въ оныхъ учреждаемыхъ городскихъ, уѣздныхъ и начальныхъ мужскихъ и женскихъ училищъ, всѣхъ наименованій, находящихся въ городахъ и селеніяхъ и содержимыхъ на счетъ казны и мѣстныхъ средствъ, равно и женскихъ прогимназій, находящихся въ уѣздныхъ городахъ, а также частныхъ учебныхъ заведеній и лицъ, занимаю-

щихся домашнимъ преподаваніемъ, за исключеніемъ въ Иркутской губерніи мужской и женской гимназій, находящихся въ гор. Иркутскѣ, а также прогимназій Т. С. Хаминова, завѣдываніе учебной и воспитательной частями конхъ оставить на обязанности директора Иркутской губернской мужской гимназій, а въ Забайкальской области— прогимназій въ гор. Троицкосавскѣ, которую оставить въ непосредственномъ, въ томъ же отношеніи, подчиненіи директора Троицкосавскаго Алексѣевского реальнаго училища.

2) Учредить должность инспектора народныхъ училищъ Иркутскаго, Балаганскаго и Верхотенскаго округовъ Иркутской губерніи, съ возложеніемъ на него, какъ завѣдыванія всѣми начальными училищами въ поименованныхъ округахъ, такъ и вообще инспекторскихъ обязанностей, согласно Высочайше утвержденному положенію 25-го мая 1874 года.

3) Помянутымъ (п. 1 и 2) должностямъ директоровъ и инспектора народныхъ училищъ присвоить служебныя права, установленныя Высочайше утвержденнымъ 25-го мая 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта для таковыхъ же должностей въ губерніяхъ, въ конхъ введены земскія учрежденія, а именно: директорамъ — V классъ по должности, V разрядъ по штыю на мундирѣ, а инспектору — VI классъ по должности и VI разрядъ по штыю на мундирѣ, права на пенсію по положенію объ учебной службѣ и права по чинопроизводству, предоставленныя директорамъ и инспекторамъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ имъ слѣдующихъ окладовъ содержанія: директорамъ по 2500 р. въ годъ каждому (въ томъ числѣ: жалованья 1000 р., на наемъ квартиры и канцелярскіе расходы 800 р. и на разъѣзды 700 р.); а инспектору по 2000 р. въ годъ (въ томъ числѣ жалованья 900 р., на наемъ квартиры и канцелярскіе расходы 600 р. и на разъѣзды 500 р.).

4) Существующее въ гор. Иркутскѣ уѣздное училище упразднить, оставивъ служащихъ въ немъ лицъ, если они не получаютъ другаго назначенія, за штатомъ на общемъ основаніи.

5) На покрытіе потребнаго для вознагражденія учреждаемыхъ должностей расхода, въ количествѣ семи тысячъ рублей, обратить слѣдующіе кредиты: 250 р.—отпускаемые ежегодно на разъѣзды директору Иркутской губернской мужской гимназій; 3300 р.—составляющіе окладъ содержанія инспектора народныхъ училищъ Забайкальской области, и 4060 р.—имѣющіе остаться свободными съ закрытіемъ Иркутскаго уѣзднаго училища. Сообразно сему сдѣлать

соотвѣтственныя передвиженія кредитовъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, обративъ излишне остающуюся сумму 610 р. въ ресурсы государственнаго казначейства.

Подлинное мѣтѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (1-го мая 1884 г.). О преобразованіи Ташкентской и Вѣрненской прогимназій въ гимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мѣтѣе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи Ташкентской и Вѣрненской прогимназій въ гимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мѣтѣе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Ташкентской и Вѣрненской прогимназій въ гимназій, мѣтѣемъ положилъ:

1) Проектъ штата гимназій въ гор. Ташкентѣ и Вѣрномъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

2) Сдѣланное мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ распоряженіе о преобразованіи Ташкентской и Вѣрненской прогимназій въ полныя гимназій, съ обращеніемъ потребнаго на сей предметъ расхода на счетъ ассигнуемаго, по § 3 смѣты главнаго интендантскаго управленія, земскаго кредита, утвердить.

3) Потребный на содержаніе VII и VIII классовъ упомянутыхъ въ ст. 1 гимназій расходъ, въ количествѣ девяти тысячъ четырехсотъ сорока двухъ рублей пятидесяти копѣекъ въ годъ, покрывать и на будущее время на счетъ указаннаго въ предыдущей статьѣ источника.

Подлинное мѣтѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ Гатчинѣ. 1 Мая 1884 г.

„Быть по сему“.

Ш Т А Т Ъ

гимназій въ гг. Вѣрномъ и Ташкентѣ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе. Рубли.	Классы и разряды.		По перс. сип.
				По долж-ности.	По штатю на мунди-руъ.	
Директоръ (при казенной квартирѣ)	1	—	1800	V	V	По учебной службѣ.
Ему столовыхъ	—	—	1200			
Инспекторъ (при казенной квартирѣ)	1	—	1350	VI	VI	
Ему столовыхъ	—	—	900			
Законоучитель	1	13	1440			
Учителя:						
Русскаго языка съ церковно-славянскимъ	2	24				
Латинскаго и греческаго	4	85				
Логикн	—	1				
Математики, физики, математической географіи и естествовѣдѣнія	2	37	22125	VIII	VIII	
Исторіи и географіи	1	22				
Нѣмецкаго языка	1	19				
Французскаго языка	1	19				
Чистописанія	1	5	375	IX	IX	VII
Классные наставники	5	—	1200			
Ихъ помощники (при казенной квартирѣ)	2	—	900	X	X	По учебной службѣ.
На уплату учителямъ пѣнія и гимнастики	—	—	750			
Врачъ	1	—	450	VIII	VIII	По медицинской службѣ.

Письмоводитель или бухгалтер . . .	1	—	300	X	X	VIII
Ему столовыхъ	—	—	300			
На канцелярскіе расходы и на наемъ писца	—	—	450			
На учебныя пособія	—	—	600			
На добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю	—	—	360			
На приготовительный классъ . . .	2	22	1650			
На содержаніе дома гимназій . . .	—	—	3000			
В с е г о	—	225	39150	—	—	—

Примѣчанія: 1) На основаніи § 58 устава гимназій и прогимназій 1871 г., учителя наукъ и языковъ раздѣляются на 4 разряда по окладамъ жалованья (1125, 1350, 1875 и 2250 р.), съ вычетомъ за каждый изъ недостающихъ до 12 уроковъ въ соразмѣрности съ получаемымъ окладомъ. Окладъ учителя приготовительнаго класса опредѣляется по числу 12 отдѣльных уроковъ, считая по 75 р. за урокъ.

2) Инспекторы изъ числа преподавателей, положенные, согласно съ примѣчаніемъ 1-мъ къ § 9 того же устава гимназій и прогимназій, получаютъ сверхъ преподавательскаго оклада и вообще вознагражденія за свои уроки, еще 1125 р. добавочнаго жалованья и пользуются въ отношеніи пенсін и другихъ служебныхъ правъ одинаковымъ положеніемъ со штатными инспекторами; остающіеся же отъ нормальнаго оклада инспектора 1125 р. употребляются на особое вознагражденіе учителямъ отечественнаго и древнихъ языковъ за исправленіе ученическихъ упражненій въ размѣрѣ не менѣе 150 р. каждому, а имѣющая затѣмъ остаться сумма—на учебныя пособія; въ случаѣ же, если въ гимназіяхъ, съ открытіемъ при оныхъ пансіоновъ, будутъ особые инспектора, особое вознагражденіе учителямъ за исправленіе ученическихъ упражненій при недостаточности штатныхъ суммъ должно производиться изъ спеціальныхъ суммъ гимназій и пансіоновъ, при томъ, по возможности, въ размѣрѣ 150 р. на каждого.

3) Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наименьшимъ окладомъ, по выслугѣ ими пятилѣтія, на ближайшій высшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытие сего расхода, недостающая сумма вносится въ смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственнаго казначейства.

4) Вознагражденіе за дополнительные уроки производится въ подготовительномъ классѣ по 75 р., а въ прочихъ классахъ по 90 р. за каждый урокъ.

5) Въ случаѣ назначенія, согласно съ примѣчаніемъ 1-мъ къ § 63, особыхъ надзирателей, они получаютъ содержаніе по 1050 р. каждый и должность ихъ относится къ VIII классу, а по мундиру къ VIII разряду и считается по учебной службѣ.

6) На правахъ, предоставленныхъ смѣтными правилами (ст. 33) министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, Туркестанскому генералъ-губернатору предоставляется: а) распоряженіе могущими быть въ концѣ года остатками отъ суммъ на содержаніе личнаго состава и на другіе расходы Ташкентской гимназіи и б) выдавать награды изъ остатковъ отъ суммъ на содержаніе преподавателей этой гимназіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они, кромѣ своихъ обязанностей, занимаютъ должности другихъ преподавателей.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

5. (1-го мая 1884 г.). Высочайше утвержденное положеніе объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ г. Киржачѣ.

1) Александровское женское двухклассное училище, учрежденное въ гор. Киржачѣ (Владимирской губерніи) въ память 25-ти-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го, имѣеть цѣлью обученіе общеобразовательнымъ предметамъ и полезнымъ домашнимъ рукодѣліямъ дѣтей женскаго пола небогатыхъ жителей г. Киржача.

2) Средства училища составляютъ: а) проценты съ пожертвованнаго А. А. Соловьевымъ капитала 24,000 р.;—б) плата за обученіе воспитанницъ; в) пожертвованія; г) случайные доходы.

Примѣчаніе. Училище и служанціи въ пемъ лица помѣщаются въ пожертвованномъ для этого А. А. Соловьевымъ домѣ, построенномъ на церковной землѣ.

3) Училище состоитъ изъ двухъ классовъ, съ трехгодичнымъ курсомъ въ первомъ и двухгодичнымъ—во второмъ. Первый классъ раздѣляется на три отдѣленія, а второй на два.

4) Въ училищѣ преподаются: 1) законъ Божій; 2) русскій языкъ; 3) арифметика; 4) основныя начала геометріи; 5) русская исторія и 6) географія. Сверхъ того, воспитанницы обучаются черченію, пѣнію и рукодѣлію. Объемъ преподаванія и число уроковъ по каждому предмету должны соответствовать правиламъ и программамъ, утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія—для женскихъ гимназій (ст. 29 полож. 24-го мая 1870 г.).

5) Училище состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по Московскому учебному округу и подчиняется надзору директора народныхъ училищъ Владимірской губерніи.

6) Попеченіе о благосостояніи училища и изысканіе необходимыхъ для этого средствъ возлагается на почетнаго попечителя или почетную попечительницу училища.

Примѣчаніе. Званіе почетнаго попечителя принадлежитъ пожизненно учредителю училища, потомственному почетному гражданину А. А. Соловьеву, по смерти котораго переходитъ къ его супругѣ. Затѣмъ, избраніе на должность почетнаго попечителя или почетной попечительницы производится городскою думою, изъ жителей гор. Киржача, по соглашенію съ директоромъ народныхъ училищъ Владимірской губерніи. Утвержденіе избраннаго лица въ означенномъ званіи принадлежитъ попечителю Московскаго учебнаго округа.

7) При училищѣ состоятъ: а) законоучитель, б) два учителя или учительницы и в) учительница рукодѣлія.

8) Ближайшее завѣдываніе училищемъ возлагается на педагогическій совѣтъ. Непосредственное же завѣдываніе училищемъ вѣряется старшему учителю или старшей учительницѣ.

9) Педагогическій совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ почетнаго попечителя или почетной попечительницы изъ лицъ, поменованныхъ въ ст. 7. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни почетнаго попечителя или почетной попечительницы, предсѣдательство въ педагогическомъ совѣтѣ возлагается на лицо, завѣдывающее училищемъ (ст. 8).

10) Учителя или учительницы назначаются директоромъ народныхъ училищъ, по соглашенію съ почетнымъ попечителемъ. Законо-

учитель опредѣляется тѣмъ же порядкомъ, съ соглашенія мѣстнаго епархіальнаго начальства.

11) Учителя избираются изъ лицъ, имѣющихъ званіе учителя уѣзднаго училища или домашняго учителя, а также изъ окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, а учительницы, за исключеніемъ учительницы руководѣнія, изъ лицъ, имѣющихъ званіе домашней учительницы.

12) Почетному попечителю присвоивается VI классъ по должности и VI разрядъ по штыю на мундирѣ.

13) Учителямъ предоставляется X классъ по должности и X разрядъ по штыю на мундирѣ. По чинопроизводству они пользуются правами, установленными для служащихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

14) Почетный попечитель жалованія не получаетъ. Опредѣленіе окладовъ содержанія законоучителю, учителямъ и учительницамъ и росписаніе другихъ расходовъ по училищу, въ предѣлахъ имѣющихся для этого средствъ, предоставляется педагогическому совѣту съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

15) Пенсіи за 25-ти-лѣтнюю службу производятся: учителямъ, имѣющимъ званіе уѣзднаго учителя, въ размѣрѣ 300 р. въ годъ, не имѣющимъ же сего званія, а также учительницамъ, за исключеніемъ учительницы руководѣнія, по 160 р., законоучитель получаетъ пенсію въ размѣрѣ—150 р. въ годъ.

16) Пенсіи законоучителю и учителямъ, имѣющимъ званіе учителя уѣзднаго училища, производятся изъ государственнаго казначейства, а учителямъ, не имѣющимъ означеннаго званія, и учительницамъ—изъ находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія на сей предметъ капитала. Изъ жалованья всѣхъ указанныхъ выше лицъ производится установленный 2% вычетъ.

17) Училище имѣетъ печать съ надписью: „Александровское Киржачское двухклассное женское училище“.

Предсѣдатель государственнаго совѣта (подписалъ) Михаилъ.

6. (8-го мая 1884 г.). О новомъ штатѣ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной бібліотеки.

- Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о новомъ штатѣ Кавказскаго музея

и Тифлисской публичной бібліотеки, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о новомъ штатѣ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной бібліотеки, мнѣніемъ положилъ:

1) Проектъ штата Кавказскаго музея и Тифлисской публичной бібліотеки представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

2) Исчисленный по сему штату расходъ, въ размѣрѣ двѣнадцати тысячъ девятисотъ пятидесяти пяти рублей въ годъ, вносить, начиная съ 1885 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ отпускавшихся донинѣ 8400 рублей.

3) Потребный въ нынѣшнемъ году на содержаніе Кавказскаго музея и Тифлисской публичной бібліотеки по новому штату дополнительный расходъ въ количествѣ 4555 р., обратить на равную сумму, внесенную къ условному отпуску въ ст. 8 § 18 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

4) Суммы, выручаемыя отъ установленнаго съ посѣтителей Кавказскаго музея 20-ти копѣечнаго сбора, обращать полностью въ ресурсы государственнаго казначейства, показывая ихъ, съ 1885 г., по доходнымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ Гатчинѣ, 8-го мая 1884 года. *Быть по сему.*

Ш Т А Т Ъ

Кавказскаго музея и Тифлисскаго Публичной Библиотеки.

	Число мѣс.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		О д н о м у.			ВСЕГО.	По должности.	По мѣтѣ на мѣсяцъ.	По пенсін.
		Жалованье.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.				
Р у б л я и.								
Директоръ	1	2000	400	нагу- ровъ.	2400	V	V	По учебной службѣ.
Ему же на ученые экспедиціи.	—	—	—	—	1500			
Помощникъ	1	1000	300	нагу-	1300	VI	VI	
Консерваторъ	1	750	100	225	1075	VIII	VIII	V
На научныя потребности . . .	—	—	—	—	2200			
На хозяйственныя потребности	—	—	—	—	4480			
И т о г о	—	—	—	—	12955			

Примѣчаніе. Должность консерватора можетъ быть замѣщаема и иностранцами подданными, съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ, присвоенныхъ этой должности.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

7. (29-го мая 1884 г.). Объ открытіи въ гор. Могилевѣ на Днѣпрѣ шестикласснаго реальнаго училища.

Его Императорское Величество воспользовавшись мнѣніемъ въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи въ гор. Могилевѣ на Днѣпрѣ шестикласснаго реальнаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

объ открытіи въ гор. Могилевѣ на Днѣпрѣ шестикласснаго реального училища, мнѣніемъ положила:

1) Учредить, съ 1-го іюля 1885 года, въ гор. Могилевѣ на Днѣпрѣ шестиклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ, открывъ это училище съ указанного срока въ составѣ двухъ пившихъ классовъ и прибавляя затѣмъ ежегодно по одному слѣдующему классу.

2) На содержаніе означеннаго училища вносить въ подлежащіа подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія: въ 1885 году—пять тысячъ двѣсти шестьдесятъ пять рублей; въ 1886 году—однанадцать тысячъ шестьсотъ тридцать рублей; въ 1887 году—тринадцать тысячъ восемьсотъ тридцать рублей; въ 1888 году—шестнадцать тысячъ девятьсотъ сорокъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ; въ 1889 году—двадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ и начиная съ 1-го января 1890 года—по двадцать двѣ тысячи рублей въ годъ; жертвуемые же Могилевскимъ городскимъ обществомъ и обществомъ взаимнаго кредита четыре тысячи пятьсотъ рублей ежегодно, а также Могилевскимъ еврейскимъ обществомъ изъ суммъ коробочнаго сбора въ теченіе четырехъ лѣтъ по двѣ тысячи рублей въ годъ, показывать, съ 1-го января 1885 года, по доходнымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названнаго училища.

3) Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Могилевскаго реального училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну пропорциональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ обществъ, для употребленія на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

8. (30-го мая 1884 г.) Объ учрежденіи новой катедры въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи новой катедры въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ, Высочайше утвердить и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи новой каведры въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить при С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ третью каведру по химической технологіи.

2) Присвоить занимающему эту каведру профессору служебныя права и преимущества, предоставленныя другимъ профессорамъ института.

3) Потребныя на содержаніе профессора три тысячи руб. въ годъ (въ томъ числѣ 1800 руб. жалованья, 600 руб. столовыхъ и 600 руб. квартирныхъ денегъ)—обратить на спеціальныя средства института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (5-го іюня 1884 г.). Объ учрежденіи въ гор. Харьковѣ практическаго технологическаго института.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Харьковѣ практическаго технологическаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Харьковѣ практическаго технологическаго института, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить въ гор. Харьковѣ высшее техническое училище—практической технологической институтъ, который и помѣстить въ возведенныхъ для онаго въ означенномъ городѣ зданіяхъ.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, внести въ государственный совѣтъ проекты устава и штата Харьковскаго практическаго технологическаго института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (6-го іюня 1884 г.). О расходѣ на содержаніе и ремонтъ зданій предполагаемаго къ учрежденію въ гор. Харьковѣ технологическаго института..

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о расходѣ на содержаніе и ремонтъ зданій предполагаемаго къ учрежденію въ гор. Харьковѣ технологическаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходѣ на содержаніе и ремонтъ зданій предполагаемаго къ учрежденію въ гор. Харьковѣ технологическаго института, мнѣніемъ положилъ: изъ остающихся запасенными къ условному отпуску въ ст. 2 § 14 смѣлы министерства народнаго просвѣщенія на 1884 годъ 15722 р. на содержаніе и ремонтъ зданій, предполагаемаго къ учрежденію въ гор. Харьковѣ технологическаго института, разрѣшить къ расходованію: а) на содержаніе и отопленіе означенныхъ зданій, въ дополненіе къ отпущеннымъ по Высочайшему повелѣнію 13-го марта сего года 5000 руб. еще 7500 руб., и б) на окончаніе ремонтныхъ въ тѣхъ же зданіяхъ исправленій 6830 руб. 50 коп., а всего четырнадцать тысячъ триста тридцать рублей пядьдесятъ копѣекъ, обративъ остающіеся затѣмъ отъ вышеупомянутой внесенной къ условному отпуску суммы 1391 руб. 50 коп. въ свободные ресурсы государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (6-го іюня 1884 г.). О расширеніи зданій Императорскаго Харьковскаго университета и объ отпускѣ 6000 руб. на содержаніе при этомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о расширеніи зданій Императорскаго Харьковскаго университета и объ отпускѣ 6000 руб. на содержаніе при этомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расширеніи зданій Императорскаго Харьковскаго университета и объ отпускѣ 6000 руб. на содержаніе при этомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ, мнѣніемъ положилъ: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того: 1) разрѣшить министерству народнаго просвѣщенія принять жертвуемые Императорскому Харьковскому университету статскимъ совѣтникомъ Харитоненко для потребностей сего университета домъ и 50000 р. и 2) отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1885 года, по шести тысячъ рублей въ годъ на содержаніе при Харьковскомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

12-го іюня 1884 года (№ 6). Назначается: Инспекторъ Александровской Серпуховской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Киндлеръ—окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа.

Утверждаются на три года: генералъ-лейтенантъ князь Оболенскій и дѣйствительные статскіе совѣтники Никола Терещенко и Ѳеодоръ Терещенко—почетными попечителями гимназій: первый—Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, второй—Кіевской первой и послѣдній—Кіевской второй; изъ нихъ Никола и Ѳеодоръ Терещенко съ 20-го февраля 1884 г.

Зачитается въ командировку за границу: члену совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику Вышнеградскому—разрѣшенная ему поѣздка въ теченіе лѣтняго времени сего года, за границу, на полтора мѣсяца.

Зачитаются въ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго Казанскаго университета Сколозубову и младшему помощнику библиотекаря Императорской Академіи Наукъ Гонсіоровскому, разрѣшенные имъ заграничныя отпуски: первому—на мѣсяць съ 1-го іюня 1884 г. и послѣднему—на вакантное въ Академіи Наукъ время.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго универ

ситета, надворный совѣтникъ Поповъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 года.

и б) за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иностранцевъ, и доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Эрисманъ—на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій, и доцентъ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Шварцъ—на три мѣсяца.

Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ягичъ—на три съ половиною мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета Шредеръ—на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Блокъ, съ 20-го іюня 1884 г. по 1-е сентября 1885 г.

Сверхштатный ассистентъ при зоологическомъ музеѣ Императорскаго Московскаго университета, магистръ зоологіи Тихомировъ и кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета Регель и Сазоновичъ—на два года.

Увольняются въ отпускъ: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ князь Волконскій—на два съ половиною мѣсяца, во внутреннія губерніи Россіи и за границу.

Попечители учебныхъ округовъ: Кіевскаго—тайный совѣтникъ Голубцовъ и Кавказскаго—тайный совѣтникъ Яновскій—на два мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи, по болѣзни.

Попечители учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—тайный совѣтникъ Дмитріевъ и Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Калпистъ—на время лѣтнихъ вакацій 1884 г.

Директоръ Императорской публичной бібліотеки, тайный совѣтникъ Бычковъ—до времени пачатія Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, съ командированіемъ его на сей съѣздъ отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Иваповскій—на три мѣсяца, по болѣзни, въ разныя губерніи Россіи.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (21-го іюня 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича при женскомъ училищѣ Русскаго благотворительнаго общества въ Дерптѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 4-й день мая 1884 г., учреждается при женскомъ училищѣ Русскаго благотворительнаго общества въ Дерптѣ одна стипендія имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу двѣсти руб.; собраннаго по подпискѣ членами помянутаго общества и другими лицами православнаго исповѣданія, проживающими въ Дерптѣ, по случаю всерадостнаго дня совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества, 6-го мая 1884 года.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ перваго Восточнаго Займа, остается на всегда неприкосновеннымъ и хранится въ Дерптскомъ Уѣздномъ Казначействѣ, въ вѣдѣніи училищнаго начальства, а проценты съ онаго обращаются на содержаніе одной изъ бѣднѣйшихъ дѣвочекъ православнаго исповѣданія, воспитывающихся въ названномъ выше училищѣ.

§ 3. Стипендіатки избираются Правленіемъ Русскаго благотворительнаго общества въ Дерптѣ, при чемъ каждому изъ членовъ общества предоставляется предлагать кандидатоку на стипендію.

§ 4. Опредѣленіе срока, на который назначается стипендія, равно какъ и лишеніе стипендіи за дурное поведеніе и малоуспѣшность въ наукахъ или по другимъ причинамъ, зависятъ отъ Правленія общества, по соглашенію съ лицами, завѣдующими учебною и воспитательною частью училища.

11. (21-го іюня 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени полковника Іосафа Михайловича Назарова при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ двѣсти рублей, вырученнаго отъ продажи недвижимаго имущества, завѣщан-

наго въ собственность Новочеркасскаго реальнаго училища полковникомъ Іосафомъ Михайловичемъ Назаровымъ, учреждаются при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ пяти процентныхъ билетахъ государственнаго банка, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Новочеркасскаго реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

3) Въ стипендіаты избираются двое изъ бѣднѣйшихъ учениковъ названнаго училища казачьяго сословія, отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами въ наукахъ.

4) Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Новочеркасскаго реальнаго училища при участіи душеприкащиковъ полковника Іосафа Назарова.

5) Стипендіи, въ размѣрѣ 200 руб. каждая, обращаются въ плату за квартиру, на содержаніе стипендіатовъ, на ихъ одежду, книги, учебныя пособія и на взносъ за право ученія въ Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

6) Въ случаѣ малоуспѣшности, или неодобрительнаго поведенія стипендіаты лишаются стипендій по постановленію педагогическаго совѣта при участіи въ засѣданіи совѣта душеприкащиковъ полковника Назарова.

7) Если малоуспѣшность стипендіата произошла отъ продолжительной болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ, то отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ сохранить за нимъ право на полученіе стипендіи и въ томъ случаѣ, если стипендіатъ будетъ оставленъ на второй годъ въ томъ же классѣ.

8) Остающіеся за уплатою стипендій проценты съ завѣщаннаго полковникомъ Назаровымъ капитала, а также могущіе образоваться остатки отъ незабѣщенія стипендій, вмѣстѣ съ остаткомъ въ 8 руб. 20 коп.; образовавшимися при покупкѣ государственныхъ бумагъ, обращаются на выдачу стипендіатамъ единовременныхъ пособій, въ размѣрѣ до 200 руб. по окончаніи ими курса ученія въ Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ.

9) Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

12. (28-го іюня 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей учебнымъ

заведеніямъ „Географическаго словаря западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель“ Головацкаго.

Предсѣдатель Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ и временной комиссіи по устройству и управленію Виленской публичной библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій издалъ, въ настоящемъ году, „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, съ приложеніемъ географической карты“. Цѣна 2 р. 50 к.

Принимая во вниманіе научныя достоинства Географическаго словаря, какъ весьма полезнаго пособія для всѣхъ интересующихся прошлымъ и современнымъ положеніемъ славянскихъ земель, ученый комитетъ министерства, на разсмотрѣніе котораго былъ переданъ помянутый словарь, нашелъ необходимымъ обратить вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на означенное изданіе, для выписки онаго въ фундаментальныя библіотеки сихъ заведеній; карту же продающуюся отдѣльно (1 руб., на папкѣ 1 руб. 50 коп.), рекомендовать всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, учительскимъ институтамъ и учительскимъ семинаріямъ, для вывѣшенія ея въ старшихъ классахъ.

Соглашаясь съ означеннымъ постановленіемъ ученаго комитета, имѣю честь увѣдомить о семъ ваше превосходительство для зависящаго распоряженія.

13. (30-го іюня 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недопущеніи выдачи въ ссуду принадлежащихъ женскимъ гимназіямъ капиталовъ.

До свѣдѣнія моего доведено, что попечительнымъ совѣтомъ одной изъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія выдано заимообразно изъ запаснаго капитала сей гимназій 6 т. руб.

Принимая во вниманіе, что выдача капиталовъ въ заемъ и ссуду можетъ имѣть крайне невыгодныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ для женскихъ гимназій и прогимназій послѣдствія, которыя предусмотрѣть бываетъ трудно, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предупредить попечительные совѣты названныхъ учебныхъ заведеній, что отдача въ ссуду находящихся въ нихъ вѣдѣніи капиталовъ сихъ заведеній ни частнымъ лицамъ, ни общественнымъ, а равно сословнымъ учрежденіямъ не должна быть допускаема.

14. (5-го іюля 1884 г.). Правила о приѣмѣ и содержаніи въ Казанскомъ университетѣ студентовъ на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣйствительною тайною совѣтницею Державиною.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Проценты съ капитала 8571 руб. 42³/₄ коп., пожертвованнаго дѣйствительною тайною совѣтницею Державиною и увеличившагося нынѣ отъ присоединенія къ нему оставшихся не израсходованными процентовъ до 28597 руб. 39 коп., составляющіе въ годъ 1257 руб. 84 к., согласно волѣ завѣщательницы, назначаются на содержаніе при Казанскомъ университетѣ 4 студентовъ, полагая на каждаго по 300 р. въ годъ.

§ 2. Студенты, содержимые на этотъ счетъ, именуются „Державинскими пансіонерами“.

§ 3. Они избираются изъ бѣднѣйшихъ дворянъ Казанской губерніи и принимаются пансіонерами съ утвержденія попечителя Казанскаго учебнаго округа.

§ 4. Независимо отъ бѣдности, они должны отличатся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, и потому приѣмъ ихъ пансіонерами можетъ быть не иначе, какъ по предварительномъ испытаніи въ теченіе полугода, по истеченіи котораго инспекторъ студентовъ доноситъ попечителю о ихъ благонадежности.

§ 5. Избраніе факультета предоставляется собственной волѣ пансіонеровъ; но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ они содержатся на общемъ положеніи для казенныхъ студентовъ.

§ 6. Тѣ изъ пансіонеровъ, которые окажутъ на годичныхъ испытаніяхъ безуспѣшность и потому не будутъ переведены въ высшій курсъ исключаются, по распоряженію попечителя, изъ пансіонеровъ Державинскихъ и могутъ оставаться при университетѣ только на правахъ своекоштныхъ студентовъ.

§ 7. По окончаніи университетскаго курса, Державинскіе пансіонеры не обязываются никакою казнѣ службой, а избираютъ ее по собственному произволу.

§ 8. Всѣ остатки отъ годовыхъ процентовъ, а равно остатки отъ четырехъ стипендій вслѣдствіе незаимѣченія ихъ въ теченіе какого-либо промежутка времени, присоединяются, съ обращеніемъ въ процентныя бумаги государственнаго банка, къ основному капиталу сти-

пендіи для образованія послѣдующихъ такихъ же стипендій имени Державиной.

§ 9. Относительно сохраненія стипендій за получившими ихъ студентами въ теченіе учебнаго курса и смѣщенія ихъ съ оной совѣтъ университета руководствуется правилами для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

15. (8-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей учебнымъ заведеніямъ книги „Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году“.

Департаментомъ народнаго просвѣщенія, по распоряженію моемъ упріобрѣтено отъ наследниковъ покойнаго московскаго профессора Шевырева изданіе книги „Лекціи о русской литературѣ: читанныя въ Парижѣ въ 1862 году“, которую я признаю весьма полезною для ученическихъ и фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Посему имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить мужскимъ и женскимъ гимназіямъ, учительскимъ семинаріямъ и институту, а также реальнымъ училищамъ вѣреннаго вамъ округа, выписывать это изданіе непосредственно отъ департамента, по одному экземпляру, который и будетъ высылаться немедленно по полученіи денегъ. Экземпляръ стоитъ 1 рубль. Въ виду незначительности количества книгъ (400 экземпляровъ) выписка должна быть сдѣлана въ возможно непродолжительномъ времени.

16. (15-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о печатаніи на оборотѣ аттестатовъ, выдаваемыхъ окончившимъ курсъ женскихъ гимназій лицамъ, правилъ о ихъ обязанностяхъ, какъ домашнихъ учительницъ и наставницъ, къ учебному началству, дающихъ имъ право на пенсію.

Въ комиссію прошеній поступаютъ обыкновенно множество ходатайствъ домашнихъ учительницъ о назначеніи имъ пенсій вѣдъ правилъ за педагогическіи ихъ занятія. Всѣ эти ходатайства вызываются тѣмъ, что просительницы, не смотря на болѣе или менѣе продолжительное время занятій своихъ по обученію дѣтей въ частныхъ домахъ, не могутъ однако получить, по закону, пенсій изъ спеціального на этотъ предметъ пенсіоннаго капитала, состоящаго

въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе несоблюденія ими въ продолженіе службы предписанныхъ закономъ правилъ касательно обязанностей ихъ предъ училищнымъ начальствомъ.

Признавая съ своей стороны желательнымъ способствовать, на сколько возможно, уменьшенію на будущее время числа лицъ, которыя, пріобрѣтая по образованію право на полученіе пенсін за педагогическія занятія, лишаются однако жъ этого права вслѣдствіе только несоблюденія предписанныхъ закономъ формальностей, и полагая такимъ образомъ сократить самое число ходатайствъ, удовлетвореніе коихъ въ большинствѣ случаевъ оказывается невозможнымъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство вмѣнить въ обязанность начальствамъ учебныхъ заведеній во ввѣренномъ вамъ округѣ, выдающимъ окончивающимъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ аттестаты, печатать на оборотной сторонѣ аттестатовъ, выдаваемыхъ окончившимъ полный курсъ въ женскихъ гимназіяхъ, указанія на ихъ послѣдующія обязанности, какъ домашнихъ учительницъ, по прилагаемой у сего формѣ.

Правила и обязанности домашнихъ наставницъ и учительницъ.

1) Воспитанница женской гимназіи, удостоившаяся званія домашней наставницы или учительницы, обязана обмѣнить аттестатъ объ окончаніи курса на особое свидѣтельство, выдаваемое изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа. Для сего надлежитъ представить предсѣдателю педагогическаго совѣта гимназіи: а) прошеніе на имя попечителя округа, в) аттестатъ объ окончаніи курса VII-го класса, с) удостовѣреніе о прохожденіи курса VIII-го дополнительнаго класса, д) метрическое свидѣтельство и е) 12 рублей за напечатаніе свидѣтельства.

Примѣчаніе. Документы подъ лит. в, с и д представляются съ собственноручными копіями.

2) Предсѣдатель педагогическаго совѣта посылаетъ это прошеніе съ документами въ канцелярію попечителя округа, и затѣмъ воспитанница получаетъ отъ него же, подъ росписку, установленное свидѣтельство на званіе домашней учительницы или наставницы.

3) Лица, не обмѣнившія аттестатовъ на свидѣтельства отъ округа, не пользуются правами службы на пенсію, если поступать въ частный домъ для воспитанія дѣтей или на какое либо казенное мѣсто въ учебныя заведенія.

4) При опредѣленіи въ частный домъ для воспитанія дѣтей, домашняя наставница или учительница должна предъявить свидѣтельство директору училищъ и уѣздному предводителю дворянства того уѣзда, гдѣ будетъ находиться на жительство.

Примѣчаніе. Правило это соблюдается каждый разъ при поступленіи въ другой домъ.

5) По окончаніи каждаго года зачитіи воспитаніемъ дѣтей въ частномъ домѣ, наставница или учительница обязана представлять директору училищъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и одобрительныя о себѣ свидѣтельства отъ уѣзднаго предводителя дворянства и отъ лицъ, у коихъ будетъ исполнять обязанности своего званія.

б) Домашняя наставница или учительница, если будетъ точно соблюдать эти правила, получить право, по выслугѣ въ семь званіи не менѣе 20 лѣтъ, воспользоваться пенсіей, или вступить въ домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія на казенное содержаніе преимущественно предъ тѣми, кои образованіемъ дѣтей не занимались; лица же, которыя не будутъ соблюдать всѣхъ сихъ правилъ, тѣмъ самымъ лишаются права на пенсію.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го іюня 1884 года (№ 5). Утверждены: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактовъ—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 12-го іюня 1884 г.; экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета, статскіе совѣтники Тимирязевъ и Лясковскій—ординарными профессорами сего университета по каедрамъ: первый—ботаники и послѣдній—агрономической химіи, оба съ 17-го марта 1884 г.; доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ химіи, коллежскій совѣтникъ Сабанѣевъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ химіи, съ 17-го марта 1884 г.; проректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонтовичъ—директоромъ одесскаго коммерческаго училища, съ 12-го мая 1884 г., съ оставленіемъ профессоромъ и съ увольненіемъ отъ должности проректора; инспекторъ Пензенской гимназіи Преображенскій—директоромъ сей гимназіи, съ 19-го

мая 1884 г.; учитель Оренбургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Сниткинъ—директоромъ народныхъ училищъ Забайкальской области, съ 1-го іюня 1884 г.; директоръ Виленскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крачковскій—директоромъ Туркестанской учительской семинаріи, съ 1-го мая 1884 г.; нотариусъ Изюмскаго окружнаго суда, по гор. Бахмуту, губернский секретарь Шабашевъ, потомственный почетный гражданинъ Улановъ и мензелинскій городской голова, 2-й гильдіи купецъ Пошковъ — почетными попечителями прогимназій на три года: первый — Бахмутской мужской, второй — Бѣловской, и послѣдній — Мензелинской мужской; сотникъ Войска Донскаго Суровцевъ и эсаулъ того же войска Мордвищевъ — членами попечительства Урючинскаго реальнаго училища, по май 1885 г.; пермскій 1-й гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ, коммерціи совѣтникъ Кроначевъ — членомъ попечительства Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища, на три года, съ 3-го апрѣля 1884 г.; дворянинъ Вольскій, потомственные почетные граждане: Поповъ, Фонталовъ, Умняковъ и Рымаревъ, почетный гражданинъ Михайловъ и моршанскій 2-й гильдіи купецъ Сухановъ—членами попечительства Моршанскаго реальнаго училища, на три года; надворный совѣтникъ Печковскій, поручики: Вайдакъ и Дыздеревъ, дворянинъ Лалсоре, пропизоръ Герике, личный почетный гражданинъ Козловъ; кременчугскіе 2-й гильдіи купцы: Моисеенко, Киктенко и Заславскій — членами попечительства Кременчугскаго реальнаго училища, на три года.

Назначенъ уволенный со свидѣтельствомъ на званіе уѣзднаго учителя, студентъ II курса Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Ѳедоровъ — учителемъ русскаго языка въ Сорокское уѣздное училище, съ 1-го мая 1884 г., съ обязательствомъ послужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія за каждый годъ пребыванія въ институтѣ полтора года.

Перемѣщены: директоръ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, статскій совѣтникъ Ильченко—директоромъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, съ 18-го іюня 1884 г.; директоръ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ Колосовскій—директоромъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи, съ 18-го іюня 1884 г.; директоръ Пензенской гимназіи, статскій совѣтникъ Вѣлпцкій — директоромъ Харьковской третьей гимназіи, съ 19-го мая 1884 г.; директоръ Изюмскаго реальнаго училища, коллежскій совѣт-

никъ Посадскій-Духовскій—директоромъ Сумскаго реального училища, съ 10-го мая 1884 года.

Опредѣленъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ, коллежскій регистраторъ Степановъ, съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя сего департамента, съ 1-го іюля 1884 года.

Откомандированъ причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Иванъ Давидовъ—въ распоряженіе начальства Московскаго учебнаго округа, съ 5-го мая 1884 года.

Оставлены на службѣ: по 24-е марта 1885 года, директоръ Ковепской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Апдрущенко; на четыре года, директоръ Московской прогимназіи, статскій совѣтникъ Кашадамовъ, съ 7-го мая 1884 г.; по 19-е декабря 1888 года, директоръ Шуйской гимназіи, статскій совѣтникъ Рогозинниковъ; на пять лѣтъ: директоръ Глуховскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Бѣлявскій, съ 13-го іюля 1883 г.; директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, статскій совѣтникъ Котляровъ, съ 8-го января 1884 г.; директоръ Виленскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голубиновъ, съ 19-го марта 1884 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактовъ, съ 30-го мая 1884 года.

Командированы въ Россіи съ ученою дѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ и экстраординарный профессоръ сего университета Ришави—на шестнадцать дней, въ С.-Петербургъ; ординарные профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Люперсольскій и Бережковъ—съ 10-го августа по 1-е сентября 1884 г., въ Одессу; ординарный академикъ Императорской Академіи Паукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ягичъ—на мѣсяць, въ Одессу; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Помяловскій—съ 10-го августа по 15-е сентября 1884 г., въ Одессу; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Трейдосевичъ—на лѣтнее вакаціонное время 1884 г., въ южную часть Царства Польскаго; лаборантъ фізіологической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій секретарь Ми-

хайловъ—съ 1-го августа по 1-е октября 1884 г., на зоологическую станцію въ гор. Севастополь; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, протоіерей Горчаковъ—на два съ половиною мѣсяца, въ Москву; ординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета Никитскій, Первольтъ, Мержинскій и Смирновъ; экстраординарные профессора сего университета Гротъ и Барѣвъ съ 19-го іюня по 5-е сентября 1884 г., въ Одессу; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Потылицынъ—на два мѣсяца и двадцать пять дней, на Кавказъ; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Толстомятовъ—на три мѣсяца, на Уралъ; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Самохвасовъ и экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Докучаевъ—первый на два мѣсяца въ разныя губерніи, а послѣдній на три мѣсяца въ Нижегородскую губернію; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Штукенбергъ и сверхштатный ассистентъ при геологическомъ кабинетѣ сего университета Кротовъ—на четыре мѣсяца, въ Пермскую губернію, а послѣдній и въ смежныя съ нею губерніи; доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Архангельскій—съ конца учебнаго 1884 г. по 1-е января 1885 г., въ города: Москву, С.-Петербургъ и Кіевъ.

Продолженъ срокъ отпуска за границу: дѣлопроизводителю VII класса' департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскому совѣтнику Комовскому—на два мѣсяца, по болѣзни.

Уволены въ отпускъ: въ разныя губерніи Россіи на двадцать девять дней: директоръ народныхъ училищъ Терской области, статскій совѣтникъ Грушевскій; на мѣсяцъ: предсѣдатель Виленской археологической комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій; окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Бѣлецкій; директоръ Ковенской гимназіи, статскій совѣтникъ Шокальскій; директоръ Мозырской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Дѣдовъ; почетный попечитель Бѣльской мужской прогимназіи Рѣзниковъ и директоръ Орсбургскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Поповъ; изъ нихъ Дѣдовъ по болѣзни; съ 1-го іюля по 10-е августа 1884 года: начальникъ Сувалкской учебной ди-

ректів, статскій совѣтникъ Абрамовичъ; на мѣсяцъ и тринадцать дней, окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Гришинъ; на полтора мѣсяца: ректоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Реппенкампфъ; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Камчатовъ; директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ Фармаковскій и директоръ Динабургскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Князевъ, послѣдній по болѣзни; съ 20-го іюня и до конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1884 года: директоръ Тульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Даниловъ; на мѣсяцъ и двадцать дней: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Лавровскій и директоръ Екатеринбургской гимназій, статскій совѣтникъ Дмитріевъ; на мѣсяцъ и двадцать-два дня, директоръ Севастопольскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Урусовъ; на два мѣсяца: окружные инспекторы учебныхъ округовъ; С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лапинъ; Киевскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко и Виленскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ; директора народныхъ училищъ губерній: Ставропольской — статскій совѣтникъ Соколовъ и Таврической Дьяконовъ; директора гимназій: Саратовской — статскій совѣтникъ Лакомте; Астраханской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Рубцовъ; Нижегородской — статскій совѣтникъ Миротворцевъ и Корочанской — Миротворцевъ; директора реальныхъ училищъ: Сызранскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Горскій и Елабужскаго — статскій совѣтникъ Ивановъ; инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа, коллежскій ассессоръ Катаринскій; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители: V класса — дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофѣевъ и VI класса — коллежскій ассессоръ Талантовъ; кассиръ, надворный совѣтникъ Сысоевъ; дѣлопроизводители VIII класса: титулярный совѣтникъ Гусаковскій и коллежскіе секретари Новицкій и Таскинъ; помощники дѣлопроизводителей: титулярный совѣтникъ Серковъ, коллежскіе секретари: Драницинъ и Рейнгольдъ, губернский секретарь Никифоровъ, коллежскій регистраторъ Огаренковъ и исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя, не имѣющій чина Ивановъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Латкявъ; изъ нихъ

по болѣзни: Лапінъ, Грузовъ, Рубцовъ, Миротворцевъ, Лакоте, Горскій, Тимофѣевъ, Ивановъ, Сысоевъ, Гусаковскій, Новицкій, Таскинъ, Драцицынъ Рейнгольдъ, Никифоровъ, Огаренковъ и Ивановъ; на два мѣсяца и пять дней, директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года: ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Андреевскій; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей, тайный совѣтникъ Лемониусъ и частной, статскій совѣтникъ Гуревичъ; Кишиневской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ; Таганрогской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ; Мариупольской, статскій совѣтникъ Пейкирхъ; Бердлинской, статскій совѣтникъ Алаевъ; Николаевской, статскій совѣтникъ Балыкъ; Ростовской на Дону, коллежскій совѣтникъ Филиповъ; Тифлисской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ; Эриванской, коллежскій совѣтникъ Бражниковъ; Кутаисской, статскій совѣтникъ Стояновъ, Киевской второй, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пясецкій; Немировской, статскій совѣтникъ Тихомировъ; Черниговской, статскій совѣтникъ Кязимовскій; Прилуцкой, статскій совѣтникъ Вороной; Костромской, статскій совѣтникъ Пречанъ; Симбирской, коллежскій совѣтникъ Керенскій; Царицынской Александровской, статскій совѣтникъ Третьяковъ; Шавельской, коллежскій совѣтникъ Бржевицскій; Харьковской третьей, статскій совѣтникъ Бѣлицкій; Варшавскихъ: первой мужской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ и V мужской, статскій совѣтникъ Канскій; Кѣлецкой мужской, статскій совѣтникъ Воронковъ; Радомской мужской, статскій совѣтникъ Смородиновъ; Калишской мужской, статскій совѣтникъ Семеновичъ и Ставропольскихъ женскихъ Завадскій; начальницы женскихъ гимназій: Ставропольской Ольгинской, Смалевская и Бакинскій Марининской, Лютеръ; директоры прогимназій: Коломенской, коллежскій совѣтникъ Буслаевъ; Глуховской, статскій совѣтникъ Лазаренко и Златопольской, коллежскій совѣтникъ Ильинъ; директоры реальныхъ училищъ: Костромскаго, статскій совѣтникъ Булгакъ; Урюпинскаго Ренчицкій; Воронежскаго, статскій совѣтникъ Вахиревъ; Вольскаго, статскій совѣтникъ Можайскій; Кременчугскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Самусъ; Роменскаго, Дзюблевскій-Дзюбенко; Бакинскаго, статскій совѣтникъ Каменскій; Херсонскаго, статскій совѣтникъ Месняевъ и Мелитопольскаго, статскій совѣтникъ Милашевичъ; Дерптскій директоръ училищъ, дѣйствительный статскій со-

вѣтчикъ Геекъ; директоръ Гомельской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Θεоктистовъ; директоръ Казанскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ; директора учительскихъ семинарій: Кубанской, статскій совѣтникъ Федорченко; Преславльской, коллежскій совѣтникъ Пахонскій; Вольской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій; Полинской, Токаревскій; Волчанской, статскій совѣтникъ Мальцовъ и Кутаисской губерніи, надворный совѣтникъ Стрѣлецкій; изъ нихъ по болѣзни: Андреевскій, Лемониусъ, Алаевъ, Бражниковъ, Стояновъ, Керенскій, Третьяковъ, Бѣлицкій, Воронковъ Смородиновъ, Ильинъ, Ренчицкій, Грушевскій, Месняевъ, Геекъ, Федорченко и Токаревскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 7-е августа 1884 года: директоръ Пермскаго Алексѣевского реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Дмитріевскій и директоръ Псковской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Кестнеръ, послѣдній по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1884 г. и десять дней, директоръ Пермской гимназіи, коллежскій ассессоръ Алфіоповъ; на четырнадцать дней и лѣтнее вакаціонное время 1884 года, директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамбурцовъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать-восемь дней: директора гимназій: С.-Петербургской первой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ; Виленской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Валвановичъ; Вѣльской мужской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левитскій и директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барскій, всѣ четверо по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать-девять дней: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кремлевъ; директоръ Императорской Николаевской Парсковельской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ и директоръ Вѣлгородскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Ларионовъ; на три мѣсяца и шесть дней, директоръ Песвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Николаевскій, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е октября 1884 года, исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Соколовъ; на три съ половиною мѣсяца, экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Блюмбергъ; на четыре мѣсяца причисленные къ министерству народ-

наго просвѣщенія Максимовскій и Маакъ; учитель Томской гимназіи, надворный совѣтникъ Бриллиантовъ; классная надзирательница Вѣрпенской женской гимназіи Ивандова и учитель Каинскаго уѣзднаго училища Маландинъ, изъ нихъ Максимовскій, Маакъ и Маландинъ по болѣзни; въ разныя губерніи Россіи и за границу на лѣтнее вакаціонное время 1884 года, директоръ Ревельскаго реальнаго училища Оссе, по болѣзни; на четыре мѣсяца: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь графъ Мусинъ-Пушкинъ; за границу: на четырнадцать дней, надзирательница Пестроковской женской гимназіи Фрибесъ; на двадцать восемь дней: консерваторъ статистическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Георгіевскій и помощникъ бібліотекаря Императорскаго Варшавскаго университета Размысловскій; на мѣсяць, учитель Варшавскаго рисовальнаго класса, коллежскій ассессоръ Герсонъ, по болѣзни; съ 20-го іюня по 2-е августа 1884 года, учитель Варшавскаго трехкласснаго городского училища Кильтвиновичъ, по болѣзни; на шесть недѣль, письмоводитель Сендомирской мужской прогимназіи Ясьневичъ, по болѣзни; на полтора мѣсяца: учитель Могилевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Шиле и учителя Динабургскаго реальнаго училища Пежо и Булле, изъ нихъ Шиле по болѣзни; на мѣсяць и восемнадцать дней, запоучитель православнаго исповѣданія Холмскаго Маринскаго женскаго училища, священникъ Гапановичъ; на мѣсяць и двадцать дней, учительница Кишиневской женской гимназіи Бродецкая съ 20-го іюня по 15-е августа 1884 года, инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Поповъ, по болѣзни; на два мѣсяца: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Оношковицъ-Лцина; исправляющій должность дѣлопроизводителя V класса сего департамента, надворный совѣтникъ Мамантовъ; бібліотекари Императорской Публичной Библіотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вальтеръ и статскій совѣтникъ Страховъ; лаборантъ физическаго кабинета Императорской Академіи Наукъ, надворный совѣтникъ Хвольсонъ; чиновникъ по счетной части Императорскаго Дерптскаго университета, титулярный совѣтникъ Якобсонъ; директоръ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рождественскій; инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи Шпановскій; почетные попечители Кіевскихъ гимназій: первой—

дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Терещенко и второй— дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳеодоръ Терещенко; учитель гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Сертье; классныя дамы женскихъ гимназій; Радомской, Будянская и Кѣлецкой Гасфордъ; учительница Радомской женской гимназіи Замбовская; учитель Кіевскаго реального училища Дудка-Степовичъ; юридическій дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Кинель, почетный смотритель Андреевскаго городскаго училища, коллежскій ассессоръ Бенердаки и смотритель Либавскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда Кноппингъ, изъ нихъ по болѣзни: Оношковичъ-Яцына, Мамантовъ Будянская, Гасфордъ, Замбовская, Дудка-Степовичъ, Кипель, Бенердаки и Кноппингъ; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года: заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ и Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекетовъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Склифасовскій; Новороссійскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго; св. Владимира, статскій совѣтникъ Баранецкій; Варшавскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: Струве, Тырховскій, Гойеръ и Косинскій; статскій совѣтникъ Навроцкій, Кашница и Павинскій; Дерптскаго, статскій совѣтникъ Рельманъ и Мукке; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Гиршманъ и Варшавскаго: статскіе совѣтники: Вольфрингъ и Барановскій; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго дерптскаго университета фонъ-Роландъ; доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, коллежскій ассессоръ Мансуровъ; Харьковскаго: Ломиковскій и Диллепъ и Варшавскаго, статскій совѣтникъ Нейгебауеръ; исправляющій должность доцента сего университета Вержбовскій; приватъ-доцентъ сего же университета Баранецкій; астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ Блокъ; лекторы Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, Пржиборовскій и Казанскаго Орловъ; лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Слюсарскій; сверхштатные ординаторы клиникъ сего университета Хелковскій, Голфенблумъ и Гевельке; хранитель зоологическаго кабинета сего же университета Тачаповскій; учитель верховой ѣзды Императорскаго Дерптскаго университета фонъ-Блокъ; ординарный профессоръ Им-

ператорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Миллеръ; наставникъ-руководитель гимназій сего института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейльштейнъ; преподаватель сего института, титулярный совѣтникъ Заіончковскій; лаборантъ сего института, коллежскій секретарь Явейнъ; старшій титоръ лица Цесаревича Николая, надворный совѣтникъ Ланге; преподаватель сего лица Страховъ; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Муркозь; преподаватель въ гимназическихъ классахъ сего института, надворный совѣтникъ Юргенсенъ; директоръ Рижскаго политехническаго училища Кизерицкій; профессора сего училища: коллежскій секретарь Ливенталь, Гренбергъ, Лангъ, Пфуль, Мольтъ, Ловисъ и Томсъ; доцентъ сего училища Верлинь; директора гимназій: Каменецъ-Подольской, коллежскій совѣтникъ Петръ; Плоцкой мужской, Федьинскій и Императора Александра II въ Биркенру, близъ Вейдена, Кохъ; законоучители римско-католическаго исповѣданія: мужскихъ гимназій: Варшавской V, ксендзъ Вржескій; Радомской, каноникъ Урбанскій; Люблинской, ксендзъ Свидзинскій; Холмской, ксендзъ Шимонскій и Плоцкой, ксендзъ Олдаковскій; Сандомирской мужской прогимназій, ксендзъ Куклинскій; реальныхъ училищъ: Варшавскаго, ксендзъ Стояковскій; Ловичскаго, ксендзъ Мосцицкій и Андреевской учительской семинаріи, ксендзъ Адамчикъ; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой, статскій совѣтникъ Калье; второй, статскій совѣтникъ Делла-Дроатьеръ; шестой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бастенъ, статскій совѣтникъ Клеманъ и надворный совѣтникъ Шенфельдъ и при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ Гинтовтъ; Гельсингфорской Александровской, статскій совѣтникъ Майновъ; Московской четвертой, статскій совѣтникъ Нибергъ; Орловской, статскіе совѣтники: Помянъ и Малѣ; Кіевской первой: Григоровичъ и Регаме; Каменецъ-Подольской Форъ; Тамбовской: Полоній и Микша; Курской, надворный совѣтникъ Брезоваръ; Одесской второй: статскій совѣтникъ Шетле и надворный совѣтникъ Ницинскій; Николаевской, надворный совѣтникъ Кейзларъ; Симферопольской, Ребець; Бердянской, Янъ; Лубенской, Андерле; Варшавскихъ мужскихъ—III-й, Войтасевичъ; V-й, Стефановичъ и Ханецкій и VI-й, пасторъ Фровейнъ; Петроковской мужской:

часть сохххiv, отд. 1.

3

Домбровский, Канскій и Каминскій; Плоцкой мужской: статскій совѣтникъ Масловскій, Стодолкевичъ, Служевскій и Рутскій; Рижской губернской, коллежскій секретарь Михельсонъ; Императора Александра II въ Биркенру, близъ Вендена, Зебальдъ; старшіе учителя гимназій: Ревельской губернской, коллежскіе совѣтники: Кирхгоферъ и Лайсъ и Императора Александра II въ Биркенру, близъ Вендена, Штифъ, Гарнакъ, Треймапъ и Гемпель; воспитатель пансіона Рязанской гимназій Гирлингъ; помощникъ классныхъ наставниковъ Каменецъ-Подольской гимназій, надворный совѣтникъ Бутовичъ; учителя женскихъ гимназій: Бременчугской, Александровскій и Варшавской III, Глясъ; начальница Харьковской женской гимназій Оболенская; надзирательница Варшавской IV женской гимназій Филинеусъ; классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской II, Щебальская и Плоцкой, Рау; учительница Орловской Николаевской женской гимназій Остеррихъ; инспекторъ С.-Петербургской первой прогимназій, статскій совѣтникъ Янко; учителя прогимназій: Рязанской, Сидлеръ, Бобруйской, Славскій; Херсонской, статскій совѣтникъ Шейбе; Сандомирской мужской, Целиховскій и Ченстоховской мужской, Пушъ; директоръ Рижскаго городского реальнаго училища, надворный совѣтникъ Бергъ; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Мабиль; Сергѣевскаго, надворный совѣтникъ Соколовъ; Полтавскаго: Коваржикъ и Симменъ; Сызранскаго, Давидъ; Новочеркаскаго, Адамсонъ; Одесскаго, коллежскій совѣтникъ Свиницнъ; Екатеринбургскаго Алексѣевского, Писаревъ и Варшавскаго, статскій совѣтникъ Наленинскій; коллежскій ассессоръ Жолтовскій, Пухевичъ, Старшедель, Вроблевскій, Блякъ, Сулимерскій и сверхштатный Круль; учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Маркевичъ; учитель Комисаровскаго техническаго училища, надворный совѣтникъ Церелыгмиъ; директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ; завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шаплонскій; учителя сего института: Шиманскій, Михальскій, Трояновскій, Барановскій, Новицкій, Витковскій, Штатлеръ и Родзиншевскій; старшая надзирательница сего же института Полубинская и учительница того же института Доманская; помощникъ инспектора и учитель Доритской первой учительской семинаріи, коллежскій ассессоръ Ланге; учитель острожскаго приходскаго училища Акнифѣвъ; учительница Кіево-Льбед-

скаго женскаго приходскаго училища Ростовцева; учитель начальной школы при мужском Петропавловскомъ училищѣ въ Москвѣ, титулярный совѣтникъ Ляпуновъ; учитель Андреевской учительской семинаріи, Кѣлецкой учебной дирекціи, Данецкій; учителя одноклассныхъ городскихъ общихъ училищъ: Коинскаго начальнаго Тимъ и Нешавскаго Берентъ; учителя начальныхъ училищъ: въ деревнѣ Вицѣвѣ, Плоцкаго уѣзда, Дрееръ; въ деревнѣ Ленгъ-Осѣкъ, Липновскаго уѣзда, Бунъ; одноклассныхъ: общаго, въ деревнѣ Венцлавицахъ, Кѣлецкой учебной дирекціи, Ендральскій; въ деревнѣ Пояловицахъ, Мѣховскаго уѣзда, Пташникъ и въ деревнѣ Страдовѣ, Пинчовскаго уѣзда, Маковскій; изъ нихъ по болѣзни: Вериго, Тирховскій, Кашница, Павинскій, Барановскій, Баранецкій, Приборовскій, Слюсарскій, Бейльштейнъ, Федьинскій, Бржескій, Урбанскій, Свидзинскій, Шимонскій, Олдаковскій, Куклинскій, Стояновскій, Мосцицкій, Адамчикъ, Клеманъ, Войтасевичъ, Стефановичъ, Ханецкій, Фровейнъ, Домбровскій, Канскій, Каминскій, Масловскій, Стодолевичъ, Служевскій, Рутскій, Михельсонъ, Бутовичъ, Глясъ, Филипеусъ, Шебальская, Рау, Славскій, Целиховскій, Бергъ, Мабиль, Налепинскій, Жолтовскій, Пухевичъ, Старшедель, Вроблевскій, Бялэкъ, Сулимерскій, Круль, Маркевичъ, Паппонскій, Шиманскій, Михальскій, Трояновскій, Барановскій, Данецкій, Тимъ, Бунъ, Ендральскій, Пташникъ, и Маковскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 15-е августа 1884 г. учитель харьковской первой гимназіи, статскій совѣтникъ Прокоповичъ, по болѣзни; на два мѣсяца и двѣнадцать дней, учитель Чернской гимназіи Березовскій; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и четырнадцать дней: законоучитель православнаго исповѣданія Ковенской гимназіи, священникъ Бренъ и учитель Курской гимназіи, коллежскій ассессоръ Ницкій, оба по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1884 года, учитель Гельсингфорской Александровской гимназіи Благовѣщенскій; на два съ половиною мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Луньякъ и преподавательница Нѣжинской женской гимназіи Мержеевская; Луньякъ по болѣзни; на два мѣсяца и двадцать-три дня, учитель Рижскаго политехническаго училища Кларкъ, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время и по 15-е сентября 1884 года, профессоръ Рижскаго политехническаго училища, коллежскій секретарь Оствальдъ; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и пятнадцать дней: ординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій и

статскіе совѣтники Лучкевичъ и Дыдмискій и преподаватель гимназій Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Ивановскій, всѣ четверо по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1884 года и двадцать-восемь дней: директоръ Казанской второй гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ишеникъ и старшій учитель Рижской губернской гимназій, пасторъ Тилингъ, оба по болѣзни; на три мѣсяца: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: тайный совѣтникъ Ренаръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Радонежскій; лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Флери; ординаторъ Императорскаго Варшавскаго университета Падановскій и врачъ Вердичевскаго двухкласснаго городскаго училища, надворный совѣтникъ Ротенбергъ, изъ нихъ Ренаръ и Радонежскій по болѣзни; на три мѣсяца и пять дней: учитель Едвабненскаго сельскаго начальнаго училища, Ломжинской учебной дирекціи Глуговскій; на три съ половиною мѣсяца, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бабухинъ, по болѣзни; на четыре мѣсяца, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія баронъ Медемъ.

Отчислены отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленные къ сему министерству: статскій совѣтникъ Ленстремъ, съ 21-го апрѣля 1884 г., по случаю перемѣщенія на должность младшаго цензора Рижскаго комитета цензуры иностранной, и коллежскій секретарь Баталинъ, съ 5-го іюня 1884 года, вслѣдствіе назначенія учителемъ Московской второй гимназій.

Уволены, согласно прошеніямъ, отъ службы: директоръ Харьковской третьей гимназій, статскій совѣтникъ Хорошевскій, съ 19-го мая 1884 г.; директоръ Сумскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Панковъ, съ 10-го мая 1884 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Изюскову; инспектору народныхъ училищъ той же губерніи Люстрицкому и преподавателю Казанскаго учительскаго института Анастасьеву—за труды ихъ по устройству сѣзда учителей начальныхъ народныхъ училищъ, происходившаго въ гор. Казани съ 30-го іюля по 15-е августа 1882 г., и по руководству симъ сѣздомъ; начальницъ Елецкой женской гимназій Смирновой—за полезную ея дѣятельность; начальницъ Вязниковской женской прогимназій Розакути—за усердые и полезные

ея труды; врачу Вязниковскаго городского училища Бѣлаеву — за усердныя и безвозмездныя труды въ дѣлѣ медицинской помощи ученикамъ сего училища; вдовѣ статскаго совѣтника Поповой — за пожертвованіе въ пользу церкви учреждаемаго Сибирскаго университета; самарскимъ 1-й гильдіи купцамъ: Аптону Шихобалову и Емельяну Шихобалову — за пожертвованіе ими дома для начальнаго училища въ Преполовенской волости, Самарскаго уѣзда; с.-петербургскому 2-й гильдіи купцу Павлову — за пожертвованіе до 4.000 руб. въ пользу начальнаго народнаго училища въ с. Смерди, Лужскаго уѣзда, С.-Петербургской губерніи; попечителю Бахчисарайскаго земскаго народнаго училища, бахчисарайскому купцу Михаилу — за пожертвованіе въ пользу сего училища; крестьянину Скасырской волости, Донецкаго округа, Донской области, Моложавину — за пожертвованіе въ пользу начальнаго училища, открытаго въ хуторѣ Лукичевомъ, Милютинской станицы, тѣхъ же округа и области.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Ковальскій и почетный попечитель Иркутской мужской гимназіи, тайный совѣтникъ Хаминовъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „Памятныя таблицы по всеобщей и русской исторіи, курсъ III и IV классовъ гимназій. Составилъ А. Сукрухо (принятительно къ учебной программѣ). Одесса. 1884“ — допустить къ употребленію въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Переводныя векселя, внутренніе и иностранныя или девизы (тратты и римессы). Составилъ и издалъ А. Скрыгинъ. Одесса. 1884“ — рекомендовать какъ учебное пособіе, для училищъ коммерческихъ и реальныхъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ.

— Книгу: „Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ, Н. А. Соковнина. 3-е изданіе. Москва. 1884“ — одобрить для библіотекъ учительскихъ семинарій и учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книги профессора университета св. Владиміра С. Гогоцкаго:

„Краткое обзоріе педагогики. Выпускъ I. Изданіе 2-е, и Выпускъ II. Кіевъ. 1882. Цѣна 1 р. 80 к.“ — одобрить какъ полезное приобрѣтеніе для основныхъ библиотекъ гимназій мужскихъ и женскихъ, а также учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книги: „Элементарная начертательная геометрія, съ чертежами въ текстѣ и съ задачами для самостоятельныхъ работъ учащихся. Составилъ А. Фроловъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 75 к.“ и

— „Дополненіе къ Элементарной начертательной геометріи. Составилъ А. Фроловъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 30 к.“ — одобрить въ качествѣ руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Латинская грамматика д-ра Фердинанда Шульца, обработанная для русскихъ гимназій Юріемъ Ходобаемъ. Курсъ младшаго возраста. Изданіе 6-е. М. 1883. Цѣна 80 к.“ — одобрить какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца, составленную Ю. Ходобаемъ и П. Виноградовымъ. Часть I. Этимологическія и синтаксическія упражненія для трехъ низшихъ классовъ. Изданіе 7-е. М. 1883. Цѣна 1 р. 20 к.“ — одобрить какъ учебное пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „И. Поддубный. Учебный атласъ Россіи. С.-Пб. 1884. Цѣна 1 р.“ — допустить въ качествѣ пособія при преподаваніи географіи Россіи въ младшихъ и старшихъ классахъ мужскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири Н. Раевскимъ. 4-е значительно исправленное изданіе, съ 161 рисункомъ. С.-Пб. 1884“ — одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и какъ учебное пособіе для женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій.

— „Популярныя лекціи Джона Тиндалля. Тепло и холодъ. Матерія и сила. Съ дополненіями по французскому изданію Муаньо. Переводъ подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Петрушевскаго. Съ 28 рисунками, рѣзанными на деревѣ Н. В. Куньевымъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1883. Цѣна 75 к.“ — рекомендовать для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, съ тѣмъ, чтобы приложенное къ ней добавленіе Муаньо было исключено.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу „Крутиковъ. Разказъ А. Г. Коваленской. Изд. 2-е С.-Пб. комитета грамотности. С.-Пб. 1884. Въ 16 д. л., 48 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Книгу „Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ Н. П. Черепнина (Николая Петрова). Изд. 3-е, исправленное и дополненное по новѣйшимъ источникамъ. С.-Пб. 1884. Въ 8 д. л., 130 стр. Цѣна 90 коп.“ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 12-й день іюня сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе употреблять ежегодно изъ специальныхъ средствъ гимназій и реальныхъ училищъ учебныхъ округовъ, въ районѣ которыхъ имѣются университеты: въ Московскомъ, какъ наиболѣе обширномъ, до двухъ тысячъ руб. и въ остальныхъ округахъ до тысячи пятисотъ руб. на вознагражденіе профессоровъ и доцентовъ университетовъ и окружныхъ инспекторовъ за разсмотрѣніе письменныхъ работъ на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и на окончательныхъ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ, съ тѣмъ чтобы распредѣленіе этой суммы было предоставлено усмотрѣнію окружныхъ начальствъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Суражской прогимназій размѣръ платы за ученіе, съ начала будущаго 1884—1885 года, въ приготовительномъ классѣ по десяти руб. и въ остальныхъ классахъ по двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить съ

начала 1884—1885 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Оренбургской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ съ 20 до тридцати руб. и въ остальныхъ съ 30 до сорока-пяти руб. въ годъ съ каждаго ученика.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

Открыты слѣдующія одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія: въ с. Кошнинѣ, Смоленской губерніи и уѣзда при 12 учащихся; въ с. Пушкинѣ, Дорогобужскаго уѣзда Смоленской губерніи, при 24 учащихся; въ м. Николаевѣ, Опшанскаго уѣзда Виленской губерніи; въ с. Теплицахъ, Бендерскаго уѣзда, Бессарабской губерніи; въ Ново-Драгушанахъ, Меренахъ и Вардарахъ Кишиневскаго уѣзда Бессарабской губерніи, и въ с. Шмыряхъ, Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, при 46 учащихся.

КАТАЛОГЪ РУКОВОДСТВЪ И УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ,

КОТОРЫЯ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ

ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ

ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СПИСКА КНИГЪ,

ОДОВРЕННЫХЪ

ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Изданъ по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерин. кан., л. 78.

1884.

КАТАЛОГЪ

УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И ПОСОВІЙ, КОТОРЫЯ МОГУТЪ БЫТЬ УПОТРЕБЛЯЕМЫ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ ВЪДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І. Законъ Божій.

а) Библия (книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта), на славянскомъ языкѣ, церковной печати, въ 8-ю долю листа, въ одной книгѣ. Спб. Синодальн. типогр., на бѣлой бумагѣ. 1862 и слѣдующ. Цѣна въ кожан. переплетѣ 2 р. 45 к. (безъ перепл. 1 р. 90 к.).

б) Библия на русскомъ языкѣ, гражданской печати, въ 16-ю долю листа, въ одной книгѣ, на бѣлой бумагѣ, синодальн. изданіе. Цѣна въ кожан. перепл. 3 р. 30 к. (безъ перепл. 2 р. 50 к.).

в) Библия на греческомъ языкѣ, въ 4-ю долю листа, на сѣрой бумагѣ. Цѣна въ кожан. перепл. 1 р. 70 к. (безъ перепл. 1 р.).

а) Новый Завѣтъ: 1) Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, на славянск. и русск. нарѣчій. Спб. Въ Синод. типографіи. 1881 и слѣд. 2) Дѣянія и Посланія Святыхъ Апостоловъ съ Апокалипсисомъ, на славянск. и русск. нарѣчій. Спб. Въ Синод. типографіи. 1881 и слѣд. Цѣна въ одной книгѣ, въ кожан. перепл. 85 к.

б) Новый Завѣтъ съ Псалтирю и указателемъ Евангельскихъ и Апостольскихъ чтеній, на русскомъ языкѣ, гражданской печати, въ 16-ю долю листа. На бѣлой бумагѣ. Цѣна въ корешкѣ 80 к.

в) **Новый Заветъ** на греческомъ и славянскомъ языкахъ; въ 8-ю долю листа. Цѣна въ бумажѣ 85 к.

Чтеніе изъ четырехъ Евангелистовъ и изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, для употребленія въ училищахъ, славянской печати. Спб. 1864 и слѣд. Цѣна 30 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета, для употребленія въ училищахъ. Спб. 1860 и слѣд. Цѣна въ корешкѣ 17 к.

Руководства:

а) Священная Исторія.

Богдановъ, М. Краткая Священная исторія церкви Ветхаго Завета. Изд. 15-е и слѣд. Москва. 1864. Цѣна 60 к.

Козырева, В. Краткая Священная исторія Ветхаго Завета. Спб. 1874 (для 1-го кл. гимн.). Цѣна 20 к.

Козырева, В. Краткая Священная исторія Новаго Завета. Спб. 1874. Цѣна 25.

Рудаковъ, А. Священная исторія Ветхаго Завета. Съ приложеніемъ карты Палестины. Изд. 5-е и слѣд. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Рудаковъ, А. Священная исторія Новаго Завета. Съ планомъ древняго Иерусалима. Изд. 7-е и слѣд. Спб. 1864. Цѣна 50 к.

Рудаковъ, А. Разказы о важнѣйшихъ событіяхъ Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завета. Съ приложеніемъ Символа вѣры и молитвъ, требуемыхъ программой пригготовительнаго класса гимназій. Спб. 1873 и слѣд. Цѣна 25 к.

Окворцовъ, І. Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной (Кіевъ. 1852. Цѣна 1 р.) и новозавѣтной (Кіевъ. 1853. Цѣна 1 р.).

Смирновъ, П. Священная исторія Ветхаго Завета, въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 2 картами, видоми скинии среди еврейскаго стана, 6-ю рисунками ея принадлежностей и проч. Москва. 1876. Ц. 60 к.

Смирновъ, П. Священная исторія Новаго Завета, въ объемѣ гимназическаго курса. Москва. 1876. Ц. 60 к.

Соколовъ, Д. Краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета. Спб. 1868 и слѣд. (Для низшихъ классовъ).

Соколовъ, Д. Священная исторія Ветхаго Завета, въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 17 рисунками и 2 картами мѣстностей,

упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи. Изд. 9-е. Спб. 1877 и слѣд. Ц. 30 к.

Соколовъ, Д. Связанная исторія Поваго Завета, въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 21 рисунк. и 2 картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи. Изд. 9-е. Спб. 1877 и слѣд. Ц. 30 к.

б) Ученіе о Богослуженіи.

Богдановъ, М. Краткое ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Изд. 4-е. Москва. 1862 и слѣд. Ц. 40 к.

Богдановъ, М. Краткое изъясненіе на литургію. Изд. 4-е. Москва. 1862 и слѣд. Ц. 40 к.

Дебольскій, Г. Краткое обзорѣніе Богослуженія Православной Церкви. Изд. 3-е. Спб. 1861. Ц. 75 к.

Михайловскій, В. Ученіе о православномъ Богослуженіи по гимназической программѣ. Спб. 1878. Ц. 25 к.

Скворцовъ, І. О Богослуженіи Православной Церкви. Изд. 5-е. Киевъ. 1867.

Смолодовичъ, Д. Литургика или наука о Богослуженіи Православной восточной католической Церкви. Изд. 4-е. Киевъ. 1861. Ц. 1 р.

Соколовъ, Д. Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Спб. 1872 и слѣд. Ц. 45 к.

в) Катихизисъ.

Начатки христіанскаго ученія или краткая Священная исторія и краткій катихизисъ. Изд. 73-е и слѣд. Спб. 1873 и слѣд. Ц. 12 к.

Пространный катихизисъ христіанскія Православныя католическія восточныя Церкви. Изд. 58-е и слѣд. Ц. 15 к. (на славянск. яз. 20 к.).

г) Исторія Христіанской Церкви.

Богдановъ, М. Краткая исторія христіанской Церкви при Апостолахъ и послѣ временъ апостольскихъ до XVIII вѣка. Изд. 8-е. Москва, 1864. Ц. 60 к.

Лебедевъ, А. Очеркъ исторіи христіанской Церкви. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Рудаковъ, А. Исторія христіанской Православной Церкви. Изд. 4-е. Спб. 1862 и слѣд. Ц. 1 р.

Смирновъ, П. Исторія христіанской Православной Церкви. Курсъ VI кл. гимназій и реальныхъ училищъ, Москва. 1876 и слѣд.

Смирновъ, П. Исторія христіанской Православной Церкви, составленная примѣнительно къ гимназической программѣ, съ дополненіями для учен. VIII кл. Москва. 1881. Ц. 1 р.

Пособія:

а) Священная исторія.

Вогословскій, М. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. 2 тома. Спб. 1860—61. Изд. 4-е. 1871. Ц. 1-го тома 2 р., 2-го т. 1 р. 35 к.

Гречулевичъ, В. Подробный сравнительный обзоръ четверо-евангелія въ хронологическомъ порядкѣ, съ картою Палестины и другими приложеніями, какъ пособіе къ основательному изученію евангельской исторіи. 2 части. Спб. 1864—1873. Ц. 3 р. 50 к.

Муретовъ, М. Весѣды пресвитера съ дѣтьми прихожанъ, изъ Священной исторіи Ветхаго Завѣта, съ извлеченіемъ уроковъ вѣры и правилъ жизни изъ каждаго историческаго событія. 2-е исправл. изд. Спб. 1854. Ц. 1 р. 50 к.

Поповъ, Н. Краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, съ указаніями, руководствующими къ подробному изученію ея по книгамъ Св. Писанія. Спб. 1864. Ц. 35 к. (Для низшихъ классовъ).

Ракоцій и Б^о. (Товарищество литохромтипіи). Картины для нагляднаго преподаванія Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ 5-ти вых. (50 картицъ). Изд. 2-е исправл. и дополи. Спб. 1877. (Для пригото. класса). Цѣна на простой бумагѣ 7 р. 50 к., на словной бумагѣ 16 р., раскрашенная 26 р. Сверхъ того, за наклею на холстѣ прилагается 14 р., на картонѣ 10 р., на лакировку 6 р.

Реръ, І. Ф. Палестина или историко-географическое описаніе Іудейской земли во времена Іисуса Христа. Перев. съ нѣмецк. Ф. Надежина. Спб. 1849. Ц. 1 р.

Шморгуновъ, З. Краткія свѣдѣнія о священныхъ книгахъ, съ приложеніемъ хронологическаго указателя священныхъ событій и съ указаніемъ мѣстъ Вибліи, которыя должно читать при изученіи Священной исторіи. Кіевъ. 1873. Ц. 50 к.

б) Ученіе о Богослуженіи.

Гапоновъ, Іоаннъ. Руководство къ христіанской молитвѣ въ духѣ православномъ и изъясненіе, приспособительно къ юношескому возрасту, болѣе употребительныхъ и особенно важныхъ молитвъ, пѣснопѣній, священнодѣйствій и обрядовъ православной церкви. Изд. 3-е. Харьковъ. 1861. Ц. 1 р.

Петровъ, Леон. Литургика или ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. (Для учащихся средняго возраста). Спб. 1873. Ц. 80 к.

Свѣтлаковъ, А. Изложеніе ученія Православной Церкви о церкви, церковной іерархіи, благодати и таинствахъ. Нижній Новгородъ. 1878.

Молитвословъ сокращенный или собраніе молитвъ утреннихъ, вечернихъ и при божественной литургіи. Въ 24 долю листа, на бѣлой бумагѣ. Спб. 1866 и слѣд. Ц. 30 к. (въ кожан. перепл.), 25 к. (въ валежкѣ), въ бумажѣ 8 к.

Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, для употребленія въ училищахъ Мин. Нар. Просвѣщенія. Изд. 14-е и слѣд. Спб. 1858—60—66 и слѣд. Ц. 20 к.

в) Катихизисъ.

Владиславлевъ, В. Записки по классу Закона Божія. Изд. 2-е. Спб. 1868. Ц. 75 к.

Владиславлевъ, В. Уроки по классу Закона Божія, составленные по вновь утвержденной программѣ для учениковъ IV и V классовъ гимназій. Катихизическое ученіе Православной Церкви Христовой. Тверь. 1873.

Заркевичъ, І. Очерки ученія Православной Вѣры. Пособіе къ усвоенію истицъ, изложенныхъ въ пространномъ христіанскомъ катихизисѣ Православной католической церкви. Спб. 1873 и слѣд. (Для VII класса гимназій). Ц. 1 р.

(Іеремія еписк.). Изложеніе христіанскаго ученія Православной католической церкви въ письмахъ, извлеченное изъ твореній Св. Отцовъ и Учителей Церкви, преимущественно Святителя Тихона Задонскаго. Спб. 1869.

Соколовъ, Д. Законъ Божій для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-е исправл. Спб. 1877 и слѣд. (Для приготовительн. класса гимн.). Ц. 53 к.

Соколовъ, Д. Вѣсѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Изд. 3-е исправл. и дополненн. Сиб. 1865. Часть I. Вѣтхій Завѣтъ. Часть II. Новый Завѣтъ. Послѣдн. изд. 1880. Ц. 1 р. 25 к. (Пособіе для низшихъ классовъ гимн.).

г) **Исторія Христіанской Церкви.**

Образцовъ, Пав. Исторія христіанской церкви, общедоступно изложенная. Выпуски I и II. Гатчина. 1877. Выпускъ III. Спб. 1880. Ц. 60 к.

Петровъ, Леон. Браткій очеркъ исторіи христіанской церкви съ приложеніемъ очерка исторіи славянскихъ церквей и церквей русской. Спб. 1878.

II. Русскій и церковно-славянскій языки.

Руководства:

а) **Русская и церковно-славянская грамматика.**

Антоновъ, А. Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Изд. 4-е испр. Спб. 1866. Ц. 70 к.

Ваталинъ, Н. Элементарная грамматика русскаго языка, для низшихъ классовъ гимназій и другихъ училищъ. Москва. 1876. Ц. 45 к. (Для I и II классовъ).

Будиловичъ Ант. Учебникъ церковно-славянской грамматики. Съ присовокупленіемъ изборника церковно-славянскихъ текстовъ. Варшава. 1883.

Бунаковъ, И. Учебникъ русской грамматики, для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Вуслаевъ, Ѡ. Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою. Съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора. Москва. 1869. Послѣдн. изд. 6-е. 1882. Ц. 1 р.

Бѣлоруссовъ, И. Учебникъ по русской грамматикѣ. Въ двухъ книжкахъ: I. Этимологія. II. Синтаксисъ. Нѣжинъ. 1883. Цѣна каждой книгѣ 35 к.

Бѣлявскій Е. Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Изд. 2-е. Москва. 1880. Ц. 1 р.

Водовозовъ, В. Практическая грамматика съ примѣрами и упраж-

неіями на правила древне-славянскаго языка, новаго церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. Спб. 1868. Ц. 70 к.

Востоковъ, А. Грамматика церковно-славянскаго языка, изложена по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Спб. 1863. Ц. 60 к.

Востоковъ, А. Сокращенная русская грамматика. Изд. 13-е. Спб. 1864. Цѣна въ корешкѣ 14 к.

Востоковъ, А. Русская грамматика (пространная). Изд. 11-е испр. Спб. 1867. Ц. 75 к.

Гиляровъ, Ѡ. Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій. Москва. 1876. Ц. 60 к.

Говоровъ, К. Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Курсъ I и II. Элементарная грамматика. Послѣдн. изд. 15-е. Москва. 1882. Ц. 50 к. Курсъ III, изд. 4-е. Москва. 1876. Ц. 50 к.

Давидова, Т. Краткій очеркъ русской и церковно-славянской грамматики, составленн. по руководствамъ Буслаева, Поливанова и Говорова. Москва. 1880. Ц. 60 к. (Для женскихъ гимн.).

Иваповъ, В. Учебникъ русской грамматики. Выпускъ второй. Москва. 1882. Ц. 40 к.

Юэль, М. (Joel). Russische Sprachlehre nach Ollendorf's Methode. 3 Aufl., vermehrt und verbessert von P. Fuchs. Frankfurt a. M. 1866. (Для гимн. Дерптскаго учебн. округа. Приложение: Schlüssel zu den Aufgaben, одобрено только для фундам. библиотекъ названн. округа).

Кеневичъ, В. Опытъ учебника русскаго синтаксиса. Второе испр. изд. Спб. 1868. Ц. 50 к.

Кирпичниковъ, А. и Гиляровъ, Ѡ. Пособіе для преподаванія русскаго языка и словесности. Выпускъ I. Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ. Москва. 1868. Послѣдн. изд. 17-е. Москва. 1882. Ц. 40 к.

Кирпичниковъ, А. Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію. Курсъ III класса. Москва. 1869. Послѣдн. изд. 13-е. Москва. 1882. Ц. 40 к.

Колосовъ, М. Старо-славянская грамматика. Учебникъ для гимн. Одесса. 1868. Послѣдн. изд. 11-е. Варшава. 1882. Ц. 75 к.

Перевлѣскій, П. Церковно-славянская грамматика съ сборникомъ. Послѣдн. изд. 10-е. Спб. 1879. Ц. 80 к.

Поливановъ, Л. Учебникъ русской и церковно-славянской этимологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1867. Изд. 5-е

дополненное сближеніями съ этимологіей древнихъ яз. Москва. 1877. Ц. 1 р. 20 к.

Поливановъ, Л. Браткій учебникъ русской грамматики для учениковъ первыхъ двухъ классовъ. Москва. 1871. Ц. 45 к.

Поливановъ, Л. Начальная книжка для обученія русскому языку. Руководство для приготовительнаго класса. (Христоматія. Начатки грамматики. Письменные задачи). Москва. 1884. Ц. 50 к.

Преображенскій, І. Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ, по руководству К. Вѣлицкаго. Курскъ I кл. Одесса. 1875. Ц. 50 к.

Четыркинъ, И. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики, съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ букв. ѣ. Изд. редакціи „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ. 1880. (Для подготов. класса).

б) Теорія словесности.

Бѣлоруссовъ, И. Учебникъ теоріи словесности. Изд. 2-е. Кіевъ. 1879. Посл. 5-е изд. Нѣжинъ. 1882. Ц. 70 к.

Бѣляковскій, Е. Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ. Изд. 4-е. Москва. 1883. Ц. 65 к.

Гавриловъ, И. Стилистическія задачи для четырехъ низшихъ классовъ. Разказы, описанія, сравненія и періоды. Спб. 1874. Ц. 60 к.

Кириичниковъ, А. Теорія словесности съ приложеніемъ стилистическихъ задачъ и переводовъ изъ Лессинга и Шиллера. Москва. 1878—1879. Спб. Ц. 75 к.

Савицкій, А. Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. (Брошюра изъ циркуляра Варшавск. учебн. окр. за 1881).

Эккардтъ, Людв. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Перевели съ нѣмца. и дополнили Н. Максимовъ и В. Острогорскій. Спб. 1875. 2-е изд. 1877. Ц. 1 р.

в) Исторія литературы.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній, примѣнительно къ учебному плану. Спб. 1879. Изд. 2-е. 1881. Ц. 1 р.

Пособія:

а) Русская и церковно-славянская грамматика.

Ваталинъ, Н. Русскій синтаксисъ, на основаніи изслѣдованій гг. Потемни, Миклошича и Гейзе. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1883. Ц. 60 к. (Для старш. классовъ гимн.).

Ваталинъ, Н. Руководство къ составленію періодовъ. Москва. 1876. Изд. 3-е. 1883. Ц. 30 к.

Вогдановъ, П. Употребленіе знаковь препинанія въ русскомъ письмѣ. Съ приложеніемъ синтаксиса русской рѣчи и синтаксическаго диктанта. Кіевъ. 1878 и 1880. Ц. 60 к.

Будиловичъ, Ант. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава. 1883.

Вуслаевъ, Ѡ. Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 3-е передѣланн. 2 части. Москва. 1868 и слѣдующ. изд. Ц. 2 р. 50 к.

Геннингъ, В. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія. Спб. 1879. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ, В. Учебникъ русской грамматики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Выпускъ I. Москва. 1881. Ц. 45 к.

Ислентьевъ, Вл. Практическіе уроки русской грамматики. (Для приготовит. класс.). Изд. 2-е исправл. Казань. 1881.

Камковъ, А. Начертаніе этимологій церковно-славянскаго языка. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку 1056 и 1057. Казань. 1878. Посл. изд. 6-е. 1882. Ц. 30 к.

Кендзерскій, В. Употребленіе знаковь препинанія въ русской письменной рѣчи. Харьковъ. 1879.

Классовскій, В. Русская грамматика. Два выпуска. Изд. 3-е. Спб. 1869. Ц. 1 вып. 50 к., а 2—75 к.

Классовскій, В. Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода. Второе измѣненн. изд. Спб. 1867.

Классовскій, В. Версификація. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію. Спб. 1882. Ц. 85 к. (Для приготов. и двухъ первыхъ кл.).

Крыловъ, В. Священн. Практическая славянская грамматика съ систематическими славянскими и русскими примѣрами, изборниками и словарями для упражненій. Москва. 1882. Ц. 85 к.

Фонъ-Мевесъ, Д. Иностранныя слова, усвоенныя русскому языку въ этимологическомъ отношеніи. Рига. 1874.

Михельсонъ, М. Приготовительный курсъ русскаго языка. Изд. 4-е пересм. Спб. 1865. Ц. 50 к.

Москвитина, О. И. Практическій курсъ упражненій по грамматикѣ, съ матеріаломъ изъ русской исторіи (для приготов. класса). Годъ первый. Спб. 1874.

Омельяненко, П. Русская грамматика. Кіевъ. 1867.

Поповъ, Н. Учебникъ русской грамматикѣ, примѣнительно къ преподаванію въ губерніяхъ Западнаго края. Варшава. 1880. Ц. 50 к.

Преображенскій, А. Русская грамматика для среднихъ учебн. заведен., съ приложеніемъ краткой грамматикѣ церковно-славянскаго языка, отрывковъ изъ Остромирова Евангелія. Часть I. Этимологія. Москва. 1883. Ц. 75 к.

Преображенскій, А. Краткій синтаксисъ русскаго языка. Москва. 1882. Ц. 50 к.

Рождественскій, Ѳ. Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ, примѣнительно къ правописанію, съ примѣрами для разбора и пр. Спб. 1880.

Романовъ, Е. Учебникъ русской грамматикѣ. Выпускъ I. Этимологія. (Пособіе для I кл.). Вильно. 1881. Ц. 50 к.

Савенко, Ѳ. Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ, съ руководящими вопросами для практическихъ занятій. Воронежъ. 1879. Ц. 85 к.

Семеновъ, А. Упрощенный учебникъ русской грамматикѣ въ связи съ практическими упражненіями. Выпускъ I. Начальный систематическій курсъ. Составъ рѣчи. Ц. 20 к. Вып. II. Части рѣчи. Ц. 35 к. Вып. III. Составъ и образованіе словъ. Ц. 30 к. Спб. 1877. Вып. IV. Синтаксисъ. Спб. 1878. Ц. 35 к.

Смирновскій, П. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою. Изд. 2-е и 3-е. 1883. Спб. Ц. 60 к.

Соснецкій, И. Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ. Изд. 4-е. Москва. 1865. Ц. 1 р.

Стоюнинъ, В. Русскій синтаксисъ. Спб. 1871. Ц. 35 к.

Стоюнинъ, В. Высшій курсъ русской грамматикѣ. Изд. 2-е. Спб. 1867. Ц. 55 к.

Тимашевскій, Г. Грамматика русскаго языка. Часть I. Этимологія. Одесса. 1874. Ц. 1 р. 20 к. Часть II. Синтаксисъ. Одесса. 1875. Ц. 50 к.

Филиппевъ, В. Русская грамматика. Изд. 3-е. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Опытъ учебника элементарной грамматики. Часть I и II. Кіевъ. 1867—1868. Конспектъ для учащихся при обученіи русскому языку практическимъ способомъ.

Шафрановъ, С. Таблицы русскихъ склоненій, правильныхъ и неправильныхъ. Полтава. 1880. (Для низш. кл.).

Шафрановъ, С. Таблица предложеній простыхъ, слитныхъ и сложныхъ съ примѣрами. Примѣнено къ русскому синтаксису А. Кирпичникова. Полтава. 1880.

Шолковичъ, О. Русская грамматика. Учебникъ I кл. гимназій. Изд. 2-е исправл. Вильна. 1874.

Шубинъ, Н. Наглядное пособіе при изученіи русскаго языка (Этимологія) для средняго и старшаго возрастовъ. Предлагается преимущественно какъ самоучитель. Москва. 1882. Ц. 2 р.

б) Теорія словесности.

Гавриловъ, И. Письменные упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1872 и 1875. Изд. 3-е. 1884. Ц. 1 р. 20 к.

Истомина, В. Методъ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку въ высшихъ классахъ гимназій. Варшава. 1883.

Калмыковъ, М. Общій курсъ словесности для V и VI кл. Изд. 2-е испр. Новочеркасскъ. 1880. Ц. 1 р.

Классовскій, В. Основанія словесности. Часть I. Стилистика. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Классовскій, В. Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній, примѣнительно къ практическому преподаванію словесности. Спб. 1876.

Козьминъ, К. и Покровскій, В. Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Москва. 1883. Ц. 30 к.

Козьминъ, К. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи. Для средн. кл. Москва. 1882. Ц. 1 р.

Колосовъ, М. Теорія поэзіи (для средн. учебн. зав.), съ прибавленіемъ терминологическаго словаря словесности. Одесса. 1870. Ц. 60 к.

Лебедевъ, В. Теорія словесности. Руководство для гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Москва. 1879. Ц. 75 к.

Поповъ, А. Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы. 4-е дополн. изд. Спб. 1874. Ц. 1 р. 25 к.

Случевскій, П. Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Изд. 2-е и 4-е. Москва. 1881.

Смирновскій, П. Учебникъ русской словесности для V кл. гимн. Спб. 1874. Ц. 60 к.

Смирновскій, П. Теорія словесности. Для средн. учебн. заведен. Спб. 1883. Ц. 75 к.

Стоюнинъ, В. Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. Изд. 6-е дополн. Спб. 1879. Ц. 50 к.

Стоюнинъ, В. О преподаваніи русской литературы. Изд. 2-е и слѣд. Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Тимошенко, П. Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности. Изд. 2-е. Спб. 1875.

Филоновъ, А. Учебникъ словесности: 1) стилистика, 2) теорія прозы, 3) теорія поэзіи. Для средн. учебн. завед. Спб. 1878 и посл. 1883. Ц. 1 р.

в) Исторія литературы.

Арсеньевъ, А. Карта для нагляднаго обзорнія исторіи и хронологіи русской литературы древняго періода, со словаремъ писателей IX—XVII в. Редакція О. Э. Миллера. Спб. 1882. Цѣна малой карты съ словаремъ I р. 50 к., а большой съ словаремъ—2 р.

Вураковскій. Историческій очеркъ русской литературы отъ Петра I до смерти Гоголя. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Галаховъ, А. Исторія русской словесности древней и новой. Два тома. Спб. 1763—1867. 2-е изд. съ перем. 1880. Ц. 3 р.

Евстафьевъ, П. Древняя русская литература (до-Петровскій періодъ). Выпускъ I: Устная народная словесность. Спб. 1877. Ц. 50 к. Приложение къ этому выпуску: Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи. Спб. 1877. Ц. 1 р. Выпускъ II: Книжная словесность. Спб. 1879. Ц. 1 р.

Евстафьевъ, П. Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Изд. 2-е. Спб. 1877. Ц. 1 р. 75 к.

Кирпичниковъ, А. Исторія русской литературы (для учащихся). Изд. 2-е. Москва. 1880. Ц. 1 р.

Лозановъ, И. Историческое обзорніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Вып. I: а) народная словесность; б) отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877.

Миллеръ, О. Опытъ историческаго обзорнія русской литера-

туры, съ хрестоматією, расположенною по эпохамъ. Часть I. Вып. I (отъ древнѣйшихъ временъ до Татарщины). Изд. 2-е перед. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Орловъ, М. Курсъ исторіи русской литературы. Составл. по программѣ духовн. семинарій. Вып. I: до-Пушкинскій періодъ. Изд. 3-е испр. Спб. 1878. Ц. 1 р. 20 к. Вып. II: Пушкинскій періодъ (первая половина). Изд. 2-е испр. Спб. 1878. Ц. 80 к.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть I: древнѣйшій періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра I. Изд. 2-е испр. Казань. 1876. Часть II: новый періодъ. Отдѣлъ I: отъ Петра I до Екатерины II. Казань. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Сокращено по 3-му изд. Казань. 1882. Ц. 1 р. 30 к.

г) Хрестоматіи (собранія сочиненій, сборники, изборники и проч.).

Примѣч. Полныя собранія и изданія отдѣльныхъ сочиненій русскихъ авторовъ, если онѣ не приспособлены спеціально къ класснымъ занятіямъ въ гимназіяхъ или не были представлены въ Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просвѣщенія для опредѣленія какъ научной, такъ и внѣшней исправности изданія, не включены въ нижеслѣдующій перечень собственно учебныхъ пособій.

Авенаріусъ, В. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ эпической поэзіи. Новое изд. „Книга о кievскихъ богатыряхъ“ дополн. Спб. 1880. Ц. 2 р. 70 к.

Валицкій, И. Избранные отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка древняго и новаго, со свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ, съ палеографическими снимками греческихъ текстовъ и словаремъ. Спб. 1874.

Варовъ и Кременецкая. Синтаксическій задачникъ. Изд. 2-е. Темиръ-Ханъ-Шура. 1881. Ц. 50 к.

Василовъ, П. Несторова лѣтопись для учащихся, съ примѣчаніями и словаремъ. Москва. 1869. Ц. 60 к.

Василовъ, П. Для чтенія и разсказа. Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Курсъ первый. Послѣдн. изд. 14-е. Москва. 1879. Ц. 75 к. (для I и II кл.). Курсъ второй. Для разборовъ и письменныхъ упражненій. Послѣдн. изд. 8-е. Москва. 1878 (для III, IV и V кл.). Ц. 75 к.

Ваталинъ, Н. Изборникъ статей для теоретическаго изученія

образцовъ русской литературы примѣнительно къ курсу средн. учебн. заведеній. Москва. 1875 (для IV, V и VI кл.). Ц. 1 р. 25 к. Изд. 3-е. 1883. Ц. 1 р.

Ваталинъ, Н. Статьи для диктанта. Вып. I (для пригото. и I кл.). Редакція вторая. Москва. 1883. Ц. 40 к.

Бунаковъ, Н. Христоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и пр. Воронежъ. 1872. Отдѣлъ I. Ц. 40 к. Отдѣлъ II. 1873. Ц. 1 р. 20 к. Отдѣлъ III. 1874. Ц. 1 р.

Вуслаевъ, Ѡ. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Москва. 1861. Ц. 3 р.

Вуслаевъ, Ѡ. Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Послѣдн. изд. 3-е. Москва. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, П. Первая классная книга для чтенія. Пособіе для начальнаго обученія родному языку. Изд. 2-е (1880) и 3-е. 1881. Спб. (Для пригото. кл.).

Весинъ, С. Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составл. по программѣ средн. учебн. заведеній. 2-е изд. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Вейнбергъ, П. „Русскіе писатели въ классѣ“. 7 выпусковъ: I. Кантемиръ (Сатиры). Спб. 1881. Ц. 20 к. II. Фонъ-Визинъ (Письма и Чистосердечное признаніе). Ц. 20 к. III. Императрица Екатерина II (О время! Были и небылицы). Ц. 25 к. IV. Карамзинъ (Письма русскаго путешественника). Ц. 30 к. V. Фонъ-Визинъ (Недоросль). Ц. 20 к. VI. Державинъ (Стихотворенія). Спб. 1882. Ц. 30 к. и VII. Ломоносовъ. Спб. 1882. Ц. 20 к.

Фонъ-Визинъ, Ден. Ив. „Бригадиръ“. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ и „Недоросль“. Комедія въ 5 дѣйств. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 15 к.

Фонъ-Визинъ, Ден. Ив. „Недоросль“. Съ примѣчаніями и вопросами для изученія въ учебн. заведеніяхъ В. Стоюнина. Спб. 1865 и 1872. Ц. 12 к.

Воскресенскій, В. Русская народная поэзія. Сборникъ сказокъ, былинъ, пѣсенъ, обрядовъ и пр. Изд. журнала „Семья и Школа“. Спб. 1881. Ц. 1 р. 20 к.

Галаховъ, А. Русская христоматія. Двѣ части. Послѣдн. изд. 187-е. Спб. 1881. Ц. 1 р. 75 к.

Галаховъ, А. Историческая христоматія новаго періода русской

словесности. Два тома: I. Отъ Петра I до Карамзина; II. Отъ Карамзина до Пушкина. Послѣдн. изд. 3-е. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

Гиляровъ, Ѡ. и Кириичниковъ, А. Русская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій. Москва. Послѣд. изд. 3-е. 1880.

Грибоѣдовъ, Ал. Серг. „Горе отъ ума“. Комедія въ 4 д. Изд. 4-е, подъ редакц. П. Ефремова. Спб. 1880. Ц. 10 к.

Грушецкій. Изборникъ, какъ пособіе при практическомъ изученіи русскаго языка. Курсъ первый (для младшаго возраста). Варшава. 1868.

Жуковскій, Вас. Андр. „Орлеанская Дѣва“. Трагедія въ 5 д. съ прологомъ. Фр. Шиллера; переводъ. Съ примѣчаніями Н. Максимова. Спб. 1878. Ц. 50 к.

Карамзинъ, Ник. Мих. Повѣсти: Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Марѳа Посадница, Островъ Борнгольмъ, Чувствительный и Холодный. Изд. 2-е. Спб. 1880. Ц. 15 к.

Клостерманъ, К. Чтеніе для дѣтей младшаго возраста. Варшава. 1868. Ц. 60 к.

Крыловъ, Ив. Андр. Басни, съ биографіею, написанною П. А. Плетневымъ. 20-е полное изд., съ рисунками въ текстѣ И. Панова. Спб. 1880. (Два изданія: въ 8 и 16 долю листа).

Ломоносовъ, Мих. Вас. Избранныя его сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и биографіею. Спб. 1882. (Для старш. класс.).

Максимовичъ, П. Другъ дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. Изд. 16-е. Спб. 1871. Ц. 60 к.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской литературы, съ вещественнымъ и логическимъ разборомъ и проч. Казань. 1879 и изд. 2-е 1880.

Невзоровъ, Н. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній словесности, съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли, съ 200 темъ и плановъ и проч. Часть I (для младшаго возраста). Изд. 3-е. Казань. 1882. Ц. 40 к. Часть II съ 300 темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Въ концѣ сборника—краткій курсъ теоріи словесности. Изд. 3-е. Казань. 1882. Ц. 70 к.

Николенко, М. Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. Книга I (для I кл.). Книга II (для II кл.). Спб. Посл. изд. 6-е. 1883. Ц. 60 к. Книга III, 3-е изд. Спб. 1881. Ц. 80 к.

Новаковскій, В. Русская хрестоматія. Три книжки (для I—III кл.). Спб. 1864. Цѣна за каждую кн. 60 к.

Перевлѣскій, П. Памятники старо-славянскаго языка. Изд. для лица. Спб. 1854. Ц. 2 р.

Петровъ, К. Русская историческая хрестоматія. Составл. примѣнительно къ учебн. планамъ и въ исторіи русской словесности А. Д. Галахова. Спб. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Полевой, П. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Часть I. Спб. 1872. Ц. 50 к. (для 3-хъ низш. кл.).

Поливановъ, Л. Русская хрестоматія для двухъ первыхъ класс. Москва. 1876.

Поливановъ, Л. Русская хрестоматія (для III и IV кл.). Москва. 1875.

Поливановъ, Л. Русская хрестоматія (для V, VI, VII и VIII кл.). Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи. Москва. 1878. Ц. 2 р. 25 к.

Пушкинъ, Алекс. Серг. Сочиненія (его). Изд. для школъ, подъ редакц. К. Козьмина. 3 тома. Москва. 1882. Ц. 1 тома 60 к., 2—1 р. и 3—2 р. (Первый томъ для младшихъ кл., 2—для среднихъ и 3—для высшихъ кл.).

Радонежскій, А. Родина. Сборникъ для классаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ. Последн. изд. 8-е. Спб. 1880. Ц. 75 к. (Для приготов. и 3-хъ высшихъ кл.).

Семеновъ, А. Хрестоматія, какъ пособіе при изученіи русской словесности и при повтореніи грамматики. Изд. 3-е испр. Москва. 1874.

Семеновъ, Д. Даръ слова. Книга для чтенія, письма и наглядныхъ бесѣдъ, по картинамъ „Времена года“, съ дѣтьми 9—11 лѣтъ. Спб. 1868. Ц. 40 к.

Скопинъ, В. и Кеневичъ, В. Сборникъ произведеній русской литературы. Часть I. до-Петровскій періодъ. Изд. 3-е. Спб. 1878.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности. Курсъ IV кл. мужскихъ и женскихъ гимн. Спб. 1876.

Смирновскій, П. Русская хрестоматія. Въ 2 частяхъ: 1-я—для I и II кл., 2-я—для III и IV кл. Спб. 1880. 2-е изд. 1884.

Смирновскій, П. Пособіе для учениковъ VI и VII кл. при изученіи русской словесности, примѣнительно къ новой примѣрной программѣ. Вып. I и II (средній періодъ съ XVI ст. до Ломоносова). Кронштадтъ. 1874. Изд. 3-е. Москва. 1876. Выпускъ III. Новый періодъ. Отдѣлъ I (отъ Ломоносова до Карамзина). Спб. 1875 и Москва 1876. Вып. IV. Новый періодъ. Отдѣлъ II (отъ Карамзина до Пуш-

кина). Спб. 1875 и 2-е изд. Москва. 1876. Вып. V. Новый периодъ. Отдѣлъ III (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Спб. 1875 и 2-е изд. Москва. 1876.

Соломоновскій, И. Матеріалъ для диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій (для преподаванія въ учебн. заведен. Варшавскаго учебнаго округа). Варшава. 1880. Ц. 40 к. (для низш. кл.).

Соснецкій, А. Русская хрестоматія для III и IV кл. Изд. 4-е. Москва. 1865. Ц. 1 р.

Стоюнинъ, В. Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ. Спб. 1876. Ц. 70 к.

Стоюнинъ, В. Хрестоматія въ руководствѣ для теоретическаго изученія литературы. 2 части. Спб. 1879. Цѣна за обѣ части 1 р. 25 к. Изд. 2-е. 1880. Спб.

Сыркинъ, А. Сборникъ стихотвореній для приготов. и низшихъ классовъ гимназій. Вильна. 1878.

Тихонравовъ, Н. Изд. „Слово о полку Игоревѣ“. Москва. 1866. Ц. 50 к.

Филоновъ, А. Русская хрестоматія съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Эпическая поэзія. Последнее изд. 6-е. Спб. 1880. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. Лирическая поэзія. Последнее изд. 4-е. 1878. Ц. 1 р. 25 к. Ч. III. Драматическая поэзія и Ч. IV. Проза. Изд. 2-е. Спб. 1873 г.

Цвѣтаевъ, Д. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. (Оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“). Воронежъ. 1882. Ц. 1 р.

Цвѣтковъ, А. Образцы новой русской словесности примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. I отдѣлъ. Ломоносовскій періодъ. 1882. Спб. Ц. 1 р. 40 к. II отдѣлъ. Карамзинскій періодъ. Спб. 1881. Ц. 2 р. 15 к. III отдѣлъ. Пушкинскій періодъ (до Гоголя включительно). Спб. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Шолковичъ, О. Пособіе для практическихъ занятій при изученіи русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназій. Ч. I. Вильна. 1875. (для I класса).

Щербина, Н. „Пчела“. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Изд. 2-е, исправленнае съ поличажами. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Яковлевъ, В. Русская хрестоматія. Сборникъ статей, выбранныхъ изъ произведеній русской литературы. Спб. 1869. Ц. 1 р.

Яковлевъ, В. Классная бібліотека. Литературное пособіе для

среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. Борисъ Годуновъ; трагедія А. Пушкина, съ учебными примѣчаніями. Спб. 1869. Ц. 35 к.

III. Логика.

Руководства:

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Спб. 1882. Ц. 60 к.

Румпель, Т. Философская пропедевтика или основанія логики и психологін. Перев. П. Цейдлеръ. Спб. 1876. Последн. изд. 3-е. Спб. 1880. Ц. 75 к.

Струве, Г. Элементарная логика. Руководство для преподаванія и самообученія. Варшава. 1874 и слѣд. изд. Ц. 1 р.

Пособія.

Завьяловъ, Н. Учебникъ элементарной логики и стилистики. Москва. 1875. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. 1876. (Пособіе при зачатіяхъ русскимъ языкомъ въ IV и V кл. гимназій).

Карповъ, В. Систематическое изложеніе логики. Спб. 1856. Ц. 1 р. 50 к.

Свѣтлинъ, А. Учебникъ формальной логики. Спб. 1871 и слѣд. изд. Ц. 50 к.

Соломоновскій, И. Очеркъ элементарныхъ свѣдѣній изъ психологін и логики съ педагогическими выводами. Варшава. 1880. Ц. 50 к.

IV. Классическіе языки.

а) ЛАТИНСКІЙ.

Руководства:

Грамматика и упражненія къ ней.

Ананьевъ, А. Латинская грамматика. Москва. 1865. Ц. 1 р. 25 к. (Для старш. класс.).

Влажескій, С. Элементарный учебникъ латинскаго языка. Москва. 1880. Ц. 55 к. (Для младш. класс.).

Влажескій, С. Упраженія въ латинской грамматикѣ съ этимологическимъ вокабуляріемъ для II и III кл. Москва. 1881.

Вуславъ, В. Краткій учебникъ латинскаго языка, составленный для употребленія въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Курсъ первый. Москва. 1874. (Для I и II кл.).

Вѣлицкій, К. Учебникъ латинскаго языка для первыхъ трехъ классовъ. По нѣмецкимъ руководствамъ. Изд. 6-е. Одесса. 1876. Ц. 1 р. (Для низш. кл.).

Вѣлицкій, К. Латинская учебная грамматика. Ч. I. Этимологія. Ц. 50 к. Ч. II. Синтаксисъ. Ц. 60 к. Послѣдн. изд. 6-е. Одесса. 1876. (Для четырехъ низш. кл.).

Кесслеръ, Э. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій, по нѣмецкимъ источникамъ. Спб. 1874 и слѣдующ. изд. (Для высш. кл.).

Клеменчичъ, О. Латинская грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ гимназій. Спб. 1878. Ц. 80 к.

Кремеръ, Я. Латинская грамматика съ примѣрами и упражненіями, латинскою хрестоматіею и словаремъ латинско-русскимъ и русско-латинскимъ. Составл. по Кюнеру и дополн. Ч. I. Этимологія. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 4-е. Москва. 1871. Ц. 1 р. 50 к.

Кюнеръ, Р. Руководство къ изученію латинскаго языка; составили по Кюнеру (П. Носовъ и Поповъ). Посл. изд. 12-е. Спб. 1877. Ц. 1 р. 15 к.

Лопатинскій, Л. Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку для низшихъ классовъ гимназій. Составлено по *Tirocinium* О. Шульда и *Militia* Штрава. Въ двухъ частяхъ. Изд. 3-е. Уфа. 1879. Ц. 1 р. 50 к.

Мадвигъ-Тишеръ. Латинская грамматика, сокращенная для гимназій Тишеромъ. Перев. съ нѣмецк. В. Басовъ. Москва. 1871. Ц. 85 к.

Опацкій, С. Латинскій синтаксисъ. Варшава. 1883.

Пальмцвейгъ, Л. и Кесслеръ, Э. Краткая грамматика латинскаго языка. Спб. 1878. (Для 4-хъ низшихъ классовъ).

Райманъ, Ф. Латинскія упражненія. Курсъ I класса гимназій и прогимназій. Новгородъ. 1877. Курсъ II класса. Новгородъ. 1878. Ц. 1 р. 20 к. Курсъ III класса. Новгородъ. 1879. Ц. 40 к.

Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру. Спб. 1881. Ц. 1 р. 15 к.

Сигъ, И. Краткая грамматика латинскаго языка. Спб. 1879. (Для 4-хъ низшихъ классовъ).

Сигъ, И. Руководство къ изученію латинскаго языка для 3-хъ первыхъ классовъ гимназій и духовныхъ училищъ. Курсъ I класса—*Tirocinium latinum*. Спб. 1878. 2-е изд. 1882. Ц. 50 к. Вып. II, для

II класса и первого полугодія III класса. Спб. 1880. Ц. 60 к. Вып. III, двѣ книги упражненій: а) курсъ I кл. Ц. 10 к.; б) курсъ II и III кл. Симферополь. 1882. Ц. 30 к.

Омисонъ, П. и Иогансонъ, К. Учебникъ латинскаго языка для I и II кл. Ч. I. Грамматика. Москва. 1880. Ц. 80 к. Ч. II. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго языка на русскій и обратно. Дерптъ. 1880. (Для I и II кл.). Ц. 1 р. 20 к.

Смирновъ, Я. Руководство къ изученію латинскаго языка. Вып. I. Этимологія. Вып. II. Синтаксисъ. Изд. 2-е. Москва. 1864—1869. Ц. 2 р.

Фреве, П. Элементарный курсъ латинскаго языка, составленный по учебнику Шеле. Часть этимологическая. Рига. 1863. Часть синтаксическая. Рига. 1867.

Ходобай, Ю. Латинская грамматика докт. Ферд. Шульцѣ, обработанная для русскихъ гимназій. Курсъ младшаго возраста (для 4-хъ низшихъ классовъ). Москва. Изд. 6-е. 1883. Ц. 80 к. Курсъ старшаго возраста. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 40 к.

Шписъ, Ф. Важнѣйшія правила синтаксиса по латинскимъ грамматикамъ Зиберта и Мейринга. Перев. съ 14-го изд. и дополн. примѣрами А. Аржавинъ. Митава. 1877. Ц. 30 к.

Эллендтъ-Зейффертъ. Латинская грамматика, переведенная съ приспособленіями къ преподаванію въ русскихъ гимназіяхъ П. Пѣвницкимъ и В. Зубковымъ. Съ 13-го нѣм. изд. Москва. 1875. Последн. изд. 3-е. 1879. Ц. 1 р. 25 к.

Пособія.

а) Грамматика и упражненія въ ней.

Вазъ, Н. Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Зюпфле, Гаака и др. съ ссылками на грамматику Ходобая, Кесслера, Зейфферта и стилистическими примѣчаніями. Спб. 1878. Ц. 85 к. (Для средн. и высш. классовъ).

Вѣлицкій, К. Краткая латинская синонимика. Пособіе для старшихъ классовъ. По Шульцу и Менге. Одесса. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣлицкій, К. Locutionum latinarum Thesaurus или латинская фразеологія. Пособіе для учениковъ среднихъ классовъ. Одесса. 1876. Ц. 60 к.

Вѣлицкій, К. Сборникъ русскихъ статей для перевода на латинскій языкъ. Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ. Вып. I. Одесса. 1876. Ц. 75 к.

Везенеръ. Книга упражненій по латинской этимологіи. Обработана для русскихъ гимназій К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. Москва. 1879. Ц. 1 р. (Для 3-хъ низш. кл.),

Виггертъ, Фр. *Vocabula latinae linguae primitiva*. Руководство къ изученію латинскихъ коренныхъ словъ, приспособленное для русскихъ гимназій (для низшихъ 4-хъ классовъ) И. Млинаричемъ. Москва. 1878. Ц. 65 к.

Гаргульскій, Станисл. Таблица латинскихъ спряженій, составлена съ цѣлю облегченія ихъ изученій. Варшава. 1877. (Для I кл.). Ц. 20 к.

Гельбе, К. Значительнѣйшія правила латинскаго правописанія съ алфавитнымъ словаремъ наупотребительнѣйшихъ словъ. Сиб. 1879. Ц. 40 к.

Делленъ, А. (Doellen). *Doctrinae metricae summarium*. Petropoli. 1876. (Для VIII класса).

Зубковъ, В. Сборникъ упражненій для среднихъ классовъ въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, примѣнительно къ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта, по руководствамъ Гааке и др. Москва. 1879. Ц. 1 р.

Зубковъ, В. Связныя статьи Гааке для перевода на латинскій языкъ, съ указаніями на грамматику Эллендта-Зейфферта, стилистическими примѣчаніями и словаремъ. (Для средн. и высш. классовъ). Москва. 1881.

Зюпфле, К. Статьи для перевода на латинскій языкъ. Руководство переведенное съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ К. Павликовскимъ и В. Исаенковымъ. Ч. I. Курсъ низшихъ и среднихъ классовъ. Москва. 1876. Изд. 2-е. 1877. Ц. 1 р. 40 к. Ч. II. Курсъ старшихъ классовъ.

Исаенковъ, Вл. *Repertorium* латинскаго синтаксиса. Примѣнительно къ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта по Гарре. Москва. 1882. Ц. 60 к.

Кержовіусъ, Э. Практическій курсъ латинскаго языка. Ч. I. Лейпцигъ. 1870. (Для 3-хъ низшихъ классовъ).

Класовскій, В. Латинская просодія. Спб. 1867. Ц. 60 к.

Клеменчичъ, О. Упраженія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. (Для среднихъ классовъ). Сиб. 1879. Ц. 65 к.

Кувшинскій, Н. протоіерей. Краткая просодія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка. Вятка. 1877. и слѣд. изд. 2-е и 3-е. (1883). Ц. 30 к.

Кульчицкій, Л. и Демидовъ, В. Практическій курсъ элементарной стилистики латинскаго языка въ соединеніи съ изученіемъ синонимики, составленной по Шпенделю. Выпускъ I. Москва. 1874. Ц. 80 к. (Для VI и VII кл.).

Лицея Цесаревича Николая изданіе: латинская этимологія въ сравненіи съ русской. (Для учениковъ 3-хъ низш. класс). Москва. 1868.

Мейснеръ. Латинская фразеологія для старшихъ классовъ гимназій; перевели съ нѣмецкаго К. Павликовскій и В. Исаенковъ. Москва. 1880. Ц. 80 к.

Миллеръ, Лук. (Mueller L.). *Rei metricae poetarum latinorum praeter Plautum et Terentium summarium.* Petropoli. 1878. Ц. 80 к. (Для VIII класса).

Миллеръ, Лук. *Orthographiae et prosodiae latinae summarium. In usum sodalium Instituti historici-philologici Petropolitani.* Petropoli. 1878. Ц. 75 к.

Миллеръ, Лук. Греческая и римская метрика. Для старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ. Приложение: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики. Спб. 1880. Ц. 75 к.

Петушиль, И. Латинскій синтаксисъ. Харьковъ. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Петушиль, И. Сокращенное изданіе латинскаго синтаксиса. Харьковъ. 1880. Ц. 75 к.

Опацкій, С. Практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, съ указаніемъ на грамматику Бѣлицкаго, Шульца и Мадвига. Составл. по нѣмецкимъ руководствамъ. Одесса. 1873. (Для IV и V кл.).

Опацкій, С. Сборникъ примѣровъ на правила латинскаго синтаксиса для перевода съ русскаго языка на латинскій; съ вокабулами, примѣчаніями и словаремъ. Варшава. 1884. Ц. 1 р. 15 к.

Отто, Ф. Латинская грамматика. Ч. I. Этимологія. Москва. 1872. (Для IV кл. преимущественно).

Павликовскій, Е. и Исаенковъ, В. Книга упражненій по латинскому синтаксису. Составл. по Зюпфле. Сборникъ фразъ и статей съ прибавленіемъ примѣчаній и полнаго словаря. Москва. 1881. Ц. 1 р. 25 к.

Ржаницынъ, А. Учебникъ латинскаго языка по Остерманну. (Для I кл.). Ч. I. Грамматическія свѣдѣнія. *Vocabularium.* Ч. II. Упраженія въ переводахъ. Москва. 1880. Ц. 1 р. 15 к.

Ронталеръ, Ф. Конспектъ латинскаго синтаксиса въ примѣрахъ. Одесса. 1875. (Для повтореній).

Ронталеръ, Э. Руководство къ изученію латинскаго синтаксиса по нѣмецкимъ источникамъ. Одесса. 1875. (Для IV и V кл.).

Ронталеръ, Э. Стилистика латинскаго языка въ примѣрахъ и вопросахъ. Одесса. 1876. Ц. 35 к.

Семеновъ, П. Пособіе къ повторенію важнѣйшихъ правилъ объ употребленіи временъ, наклоненій и конструкцій глаголовъ въ латинскомъ языкѣ. Составлено по Задлеру. Спб. 1879. Ц. 50 к.

Смирновъ, И. и Клеменчичъ, О. Учебникъ латинскаго языка. Вып. I для низшихъ классовъ. Изд. 3-е. Спб. 1882. Ц. 60 к. Вып. II, изд. 2-е. Спб. 1882. Ц. 75 к.

Смирновъ, Я. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій, преимущественно по Тишеру и Зейфферту. Москва. 1867. Изд. 2-е. (Для старшихъ 3-хъ классовъ). Ц. 50 к.

Суворовъ. Руководство къ повторенію (Repetitorium) латинскаго синтаксиса и нѣкоторыхъ статей изъ этимологій. Вып. I. Отступленія изъ этимологій, курсъ III кл. Ц. 10 к. Варшава. 1878. Вып. II. Отступающіе глаголы и Вып. III. Синтаксисъ съ приложеніемъ. Варшава. 1879.

Тишеръ. Темы. Переводъ съ нѣмецкаго В. Васова. Вып. I. Упражненія въ синтаксисѣ простаго предложенія. Москва. 1869. Для IV и V кл. Ц. 30 к. Вып. II. Упражненія въ синтаксисѣ сложнаго предложенія. Москва. 1873.

Фохтъ, Р. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій съ объясненіями. Спб. 1873. (Для VII и VIII кл.).

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Книга упражненій къ латинской грамматикѣ Ферд. Шульца. Ч. I. Изд. 1—7. Москва. 1883. Ц. 1 р. 20 к. Ч. II. Изд. 1—5. Ц. 70 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на латинскій: а) Ч. I (для III—V кл.). Изд. 2-е. Ц. 1 р. 20 к. Москва. 1879. б) Ч. II (для VI—VIII кл.). Ц. 1 р. 30 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Латинская стилистика съ соответствующими темами для переводовъ. По руководствамъ Эрнста Бергера. Москва. 1876. Ц. 1 р. 10 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Русско-латинскій словарь къ темамъ при стилистикѣ Эрнста Бергера. Москва. 1876. Ц. 20 к.

Чеховскій, Ерм. Главныя правила латинской просодіи и метрики. Одесса. 1879. (Для высшихъ классовъ). Ц. 65 к.

Шписъ, Фр. Книга упражненій для переводовъ съ латинскаго

языка на русский и съ русскаго на латинскій. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскіхъ гимназіяхъ Н. Ваталинъ. Вып. I (для I кл.). Москва. 1878.

б) Авторы, комментарий въ немъ и хрестоматія.

Примѣч. Печатный текстъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, изучаемыхъ въ гимназіи, рекомендуется учащимся преимущественно въ тѣхъ изданіяхъ, которыя отличаются научною точностію въ воспроизведеніи классическихъ сочиненій, свободны отъ опечатокъ и удобны для чтенія по отчетливости своего шрифта и достаточной плотности бумаги. Помимо русскихъ, одобренныхъ уже изданій, можетъ быть особенно рекомендуема лейпцигская „Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana“, гдѣ текстъ печатается довольно крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, критически исправляется по лучшимъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ *annotaciones criticae*, находящихся большею частію въ *praefatio*, указаны и оговорены важнѣйшія развочтенія; авторы могутъ быть приобретаемы какъ въ полномъ собраніи ихъ сочиненій, такъ и отдѣльными выпусками, иногда въ 3 или 4 листа, представляющими, однако всегда какое-нибудь цѣлостное произведеніе древности. Хорошо приспособлена къ потребностямъ школы и „Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum edita curantibus Ioanne Kvíčala (Кви́чала) et Carolo Schenkl“, издающаяся въ Прагѣ и Лейпцигѣ издательствомъ (*sumptibus*) Темпскаго и Фрейтага: здѣсь также выходятъ малыми выпусками отдѣльные трактаты; печать и особенно бумага вполне удовлетворительны, корректура тщательная; впереди каждаго сочиненія помѣщаются тоже *adnotaciones criticae*, по въ этомъ *Textausgabe* вышли въ свѣтъ пока еще не многіе авторы. Имѣетъ большое распространеніе и „Bibliotheca Gothana“, издаваемая Фридр. Андр. Пертессомъ (*Pertthes*) въ Готѣ: здѣсь греческіе и римскіе авторы, относящіеся къ гимназическому курсу, выходятъ въ двойномъ видѣ (*Doppelausgabe*): и съ нѣмецкими подстрочными объясненіями, предназначенными преимущественно для домашнихъ занятій учениковъ, и съ однимъ только текстомъ—для класснаго употребленія; первая серія обозначается литерою А, а вторая—В. Выпущено въ свѣтъ пока еще не много авторовъ (6).

Влюсъ, М. *Commentarii Iulii Caesaris de Bello Gallico*. Текстъ съ словаремъ объяснительнымъ. Москва. 1881. Ц. 1 р. 40 к.

Веллеръ (Weller G.). Латинская книга для чтенія изъ Геродота и словарь. Перевелъ съ нѣмецкаго О. Витошинскій. Спб. 1878. (Для низшихъ классовъ).

Публ. Вергилій Маронъ (P. Vergili Maronis opera). См. въ этомъ же отдѣлѣ: Классовскій, Нагуевскій.

Кв. Горацій Флаккъ (Q. Horatii Flacci opera omnia). См. въ этомъ отдѣлѣ: Миллеръ Лук., Классовскій, Модестовъ, Нагуевскій.

Гороцкій, Е. и Ласкинъ, В. „De conjugatione Catillinae“. Сочиненіе К. Саллюстія Криспа. Свѣдѣнія о жизни, сочиненіяхъ, комментаріи и краткое содержаніе. Калуга. 1882. Ц. 30 к.

Гофманъ, Авг. Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ. Съ объясненіями. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Спб. 1877. Ц. 80 к.

Гофманъ, Авг. Рѣчь Цицерона въ защиту Секста Росція Америкскаго. Съ объясненіями. Спб. 1881.

Классовскій, В. *Virgilia Maronis Aeneidi* пѣсни: I, II и III. Съ объясненіями. Спб. 1869. Ц. 75 к.

Классовскій, В. Кв. Горація Флакка Оды и Посланіе къ Пизонамъ. Спб. 1864.

Кувшинскій, Н., протоіерей. Живнеописаніе Мильтіада изъ Корн. Непота для обратнаго перевода на латинскій языкъ. Вятка. 1879. Ц. 15 к.

Люгебиль, К. Избранныя живнеописанія Корнелія Непота. Видоизмѣнилъ, исправилъ, дополнилъ и приложилъ словарь. Спб. 1881. Ц. 60 к.

Корн. Непотъ (Cornelii Nepotis vitae). См. К. Люгебиль, Н. Кувшинскій, *Nepos brevior*.

Nepos brevior. Руководство для употребленія въ III классѣ гимназій. Состав. А. М. 1878. Прага.

Миллеръ, Лук. Q. Horatii Flacci carmina. Избранныя оды и эподы Горація. Съ примѣчаніями. Спб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.

Модестовъ, В. Избранныя сатиры Горація для среднихъ учебныхъ заведеній. Книга I. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей о Гораціѣ. Спб. 1877 и 2-е изд. 1882. Ц. 75 к.

Нагуевскій, Д. Избранныя сатиры Горація. Съ объясненіями для гимназій. Воронежъ. 1879. Ц. 1 р.

Нагуевскій, Д. Энеида Виргилія. Для гимназій. Ч. I. Книги I—III. Лейпцигъ. 1880. Ц. 1 р.

Нагуевскій, Д. О заговорѣ Катилины, Саллюстія. Объясненія со словаремъ и примѣчаніями. Лейпцигъ. 1882. Ц. съ словаремъ 80 к.

Носовъ, П. Латинская хрестоматія. Ч. I. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 2-е. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к. (Для среднихъ классовъ).

П. Овидій Назонъ (P. Ovidii Nasonis carmina selecta): *Metamorphoses*.

Павловъ, В. Tullii Ciceronis de Officiis libri tres. Текстъ съ словаремъ. Москва. 1881. Ц. 1 р. 30 к.

Ростовцевъ, И. Рѣчь Цицерона противъ Верреса. Книга пятая (De Supplicis). Съ объясненіями, введеніемъ. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Ростовцевъ, И. Рѣчь М. Туллія Цицерона въ защиту Секста Росція Америкскаго. Переводъ съ латинскаго. Кіевъ. 1879. 2-е изд.

К. Саллюстій Криспъ (C. Sallustii Crispi bellum (или de conjuratione) Catilinae et bellum Jugurthinum). См. Гороцкій и Ласкинъ, Шрамекъ, Нагуевскій.

Титъ-Ливій Падуанскій (Titii Livii ab urbe condita libri). См. Фелькель.

Фелькель, Ю. Рѣчь М. Т. Цицерона за С. Росція Америкскаго. Съ объясненіями. Москва. 1871. Ц. 80 к.

Фелькель, Ю. Избранныя рѣчи Цицерона: Рѣчи противъ Сергія Катилины. Съ объясненіями. Москва. 1871.

Фелькель, Ю. Книга XXI Римской исторіи Тита Ливія. Съ объясненіями и словаремъ. Москва. 1868. Ц. 80 к.

Фелькель, Ю. Избранныя рѣчи Цицерона. Ч. I. Рѣчи за поэта А. Архія и за Кв. Лигарія. Съ объясненіями. Москва. 1867.

К. Юлій Цезарь (Caesaris commentarii de bello Gallico et Civili). См. Блюсъ, Шрамекъ.

М. Туллій Цицеронъ (M. Tullii Ciceronis scripta quae manserunt). См. Гофманъ Авг., Павловъ, Ростовцевъ, Фелькель, Чеховскій.

Чеховскій, Ерм. М. Tullii Ciceronis Cato Major de Senectute. Съ объясненіями. Одесса. 1881. Ц. 65 к.

Шрамекъ, И. Gal Sallustii Crispi de conjuratione Catilinae et de Bello Jugurthino libri. Текстъ латинскій. Спб. 1879. Ц. 20 к.

Шрамекъ, И. De viris illustribus urbis Romae a Romulo ad Augustum. Латинскій текстъ (Le Monde) съ словаремъ. Для III кл. Спб. 1880. Изд. 2-е.

Шрамекъ, И. *Caesaris Commentarii de bello Gallico*. Текстъ съ словаремъ (въ особой книгѣ). Спб. 1883.

Якобсъ. Латинская христоматія. Перев. съ нѣмецкаго В. Басовъ. Изд. 2-е дополненное. Москва. 1870. (Для II и III кл.). Ц. 75 к.

в) Словари:

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Сокращенный латинскій словарь. Издан. П. Леонтьева. Москва. 1862. Изд. 2-е пересмотрѣнное. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Ананьевъ, Яснецкій и Лебединскій. Полный латинскій словарь, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ. Издан. П. Леонтьева. Москва. 1862. Ц. 4 р. 50 к. съ перес.

Вазъ, Н. Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи письменныхъ задачъ. Спб. 1878. Ц. 85 к.

Влюсъ, М. Объяснительный словарь къ *Caesaris Commentarii de bello Gallico*, съ приложеніемъ карты Галліи. Москва. 1881. Ц. 1 р.

Ивашковскій, И. Полный русско-латинскій словарь. Изд. Эйнерлинга. Четыре части. Спб. 1849—1853. Ц. 3 р.

Кроненбергъ, И. Латинско-русскій и русско-латинскій лексиконъ, съ полнымъ объясненіемъ свойствъ и значеній каждаго слова. Изд. 7-е. Москва. 1870. 2 р. 50 к.

Лебединскій, И. Латинско-русскій словарь къ сочиненіямъ Корнелія Непота: *Vitae excellentium imperatorum*, съ приложеніемъ очерка жизни К. Непота, 21 рисунка древнихъ военныхъ орудій, машинъ. Спб. 1868. Ц. 1 р.

Пертесъ, Герм. Объяснительный словарь къ сочиненію Ю. Цезаря *Commentarii de bello Gallico*. Пособіе при домашнемъ повтореніи. Перев. съ нѣмецкаго А. Дилловъ. Тифлисъ. 1883. Ц. 80 к.

Ходобай, Ю. и Виноградовъ, П. Полный русско-латинскій словарь. Вып. I. А.—Ж. Москва. 1880. Ц. 1 р. — Краткій русско-латинскій словарь. Вып. II. З.—Ф. Москва. 1880. Ц. 50 к. (Для гимназій, употребляющихъ учебныя книги Ходобая и Виноградова).

Шрамекъ, И. Подробный словарь къ запискамъ Юлія Цезаря о Галльской войнѣ. Спб. 1882.

Шульцъ, Г. Латинско-русскій словарь, приспособленный къ гимназическому курсу. Изд. 2-е и слѣд. Спб. 1868. Ц. 1 р. 85 к.

г) Древности и литература.

Благовѣщенскій, Н. Гораций и его время. Спб. 1864. Ц. 1 р. 25 к.

Георгиевскій, А. Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря. Москва. 1865. Ц. 2 р.

Конио, д-ръ. Римскія древности. Описаніе государственнаго устройства, частной жизни и военнаго дѣла Римлянъ. Перев. съ нѣмецк. (Зинновьева). Москва. 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Лободинскій, Н. Латинско-русскій словарь географическихъ, нинтологическихъ и историческихъ именъ, упоминаемыхъ латинскими классическими писателями. Вып. I (отъ А до Ganymedes). Сиб. 1867.

Любкеръ. Реальный словарь классическихъ древностей. Изд. Общества классической филологической и педагогической, подъ редакціей Ф. Гельбке, П. Никитина, М. Пустомскаго и Ф. Зеллинскаго. Вып. I (отъ А до Esno). Сиб. 1883.

Миллеръ, Лук. Жизнь и сочиненія Горациа. Литературный очеркъ. Сиб. 1880.

Фотъ, А. Гораций Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями. Москва. 1883. Ц. 3 р.

б) ГРЕЧЕСКІИ ЯЗЫКЪ.

Руководства:

Грамматика и упражненія къ ней.

Валицкій, К. Греческая учебная грамматика, изложенная по руководствамъ Франке и Зейфферта. Часть I. Этимологія. Познань. 1873. Ц. 65 к. Часть II. Синтаксисъ. Одесса. 1874.

Валицкій, К. Чтеніе о гомеровскихъ формахъ, по грамматикѣ пр. Дейшле и на основаніи краткаго обзорѣнія Е. Виганда. Познань. 1873.

Григоревскій, М. Практичечкій курсъ греческаго языка по Георгу Курціусу и Коху. Часть I. Этимологія. Изд. 6-е. Москва. 1883. Ц. 1 р. Часть II. Синтаксисъ, сост. по Коху. Изд. 4-е. 1883. Ц. 80 к. (2-я часть одобрена только какъ учебное пособіе).

Канскій, В. Краткій синтаксисъ греческаго языка по Тильману. Для старшихъ классовъ. Сиб. 1883. Ц. 75 к.

Кохъ, Э. Греческій синтаксисъ. Переводъ съ 8-го нѣмецк. изд. Я. Левенштейна. Москва. 1883. Ц. 1 р. (Для VII и VIII кл.).

Брюгеръ, А. Основанія синтаксиса греческаго языка. Синтаксисъ обыкновенной, преимущественно аттической рѣчи. Перев. съ нѣмецк. К. Мысовскій. Москва. 1870.

Курціусъ, Георгъ. Греческая грамматика для гимназій. Перев. съ нѣмецк. Я. Кремеръ. 2 части. Москва. 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Кюннеръ, Раф. Элементарная грамматика греческаго языка. Перев. съ нѣмецк. К. Коссовичъ. Изд. 2-е. Спб. 1859 и 4-е изд. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Лицея Цесаревича Николая изданіе: Греческая грамматика для учениковъ III класса. Москва. 1868.

Млинаруичъ, И. а) Этимологія греческаго языка для гимназій. Москва. 1881. Ц. 1 р. б) Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Москва. 1880. Ц. 65 к.

Нидерле, Г. Грамматика греческаго языка въ обработкѣ И. Мейера и В. Рейнера. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго. Москва. 1879. Ц. 1 р. 20 к.

Нидерле, Г. Грамматика греческаго языка, обработанная для русскихъ гимназій. Часть I. Этимологія. Съ чешскаго перевелъ И. Мейеръ. Изд. 2-е. Москва. 1882. Ц. 1 р.

Рѣдниковъ, Ил. Греческій синтаксисъ, изложенный сравнительно съ латинскимъ. (Для высшихъ классовъ). Казань. 1877. Изд. 2-е. Вятка. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Фокковъ, Н. Учебникъ греческаго языка. Составленъ на основаніи главнѣйшихъ положеній сравнительнаго языкованія. Вып. I. Склоненія. Спб. 1871. Ц. 50 к. Вып. II. Спряженія. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Черный, Э. Греческая грамматика гимназическаго курса. Часть I. Этимологія по Э. Коху. Москва. 1879 и 2-е изд. 1881. Ц. 1 р. Часть II. Синтаксисъ. 1879 и 2-е изд. вновь переработ. Москва. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

Шрамекъ, И. Этимологія греческаго языка для гимназій, на основаніи сравнительнаго языкованія. Спб. 1872.

Пособія:

а) Грамматика и упражненія къ ней.

Ауссемъ. Упраженія въ переводахъ связныхъ статей съ русскаго языка на греческій. Москва. 1875. (Для старшихъ классовъ).

Вѣлицкій, К. Упраженія для переводовъ съ греческаго языка на русскій и обратно. Для III и IV кл., по грамматикамъ Курціуса и Кюннера. Познань. 1872. Ц. 50 к.

Вѣлицкій, К. Руководство къ переводамъ съ русскаго и латин-

скаго языковъ на греческій. Для старшихъ классовъ и съ ссылками на одобренную грамматику того же автора. Одесса. 1875.

Дьячанъ, Ф. Основы и времена греческихъ неправильныхъ глаголовъ, съ указаніемъ корней происходящихъ отъ нихъ словъ. Варшава. 1881. Ц. 1 р. 40 к. (Для VII и VIII кл.).

Иноземцевъ, А. Опытъ краткой грамматики древняго греческаго языка для учениковъ русскихъ гимназій. Казань. 1871. (Для повторенія вкратцѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ грамматики, пройденныхъ уже по другому руководству).

Кремеръ, Я. Упражненія на правила синтаксиса и связныя фразы для переводовъ съ русскаго на греческій. Составл. по Гауппу и Шнеллю. Москва. 1875. (Для старш. кл.).

Ловенштейнъ, Я. Руководство къ переводамъ на греческій языкъ Бергера и Гейдельберга, обработано для русскихъ гимназій. Москва. 1874. (Для IV кл.).

Малина, В. Сборникъ статей для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ греческаго на русскій и обратно. Съ словаремъ. Спб. 1874. Составл. къ Этимологін И. Шрамка.

Мейеръ, И. Книга упражненій къ греческой грамматикѣ Нидерле. Курсъ III и IV кл. Москва. 1875 и 1882. Ц. 75 к.

Рябець (Ребець), Ф. Греческая грамматика. Одесса. 1882. (Для повтореній).

Фарникъ, О. Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Спб. 1876 и слѣд. изд. Ц. 1 р. 25 к.

Фрейбергъ, О. Таблица объ употребленіи греческаго глагола по грамматикѣ Г. Курціуса. Дерптъ. 1877.

Черный, Э. Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій 4-хъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Москва. 1878. Ц. 40 к. (Для IV и V кл.).

Черный, Э. Книга упражненій по греческой этимологін по руководству П. Везенера. Съ прибавленіемъ начальныхъ правилъ греческ. синтаксиса. Москва. 1879 и 2-е и 3-е изд. 1882. Ц. 1 р. 25 к. (Для IV, V и VI кл.).

Черный, Э. и Ваталинъ, Н. Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій. Часть I. Синтаксическія фразы. Москва. 1876 и 2-е изд. 1880. Ц. 80 к. Часть II. Статьи для повторенія всего синтаксиса съ прибавленіемъ латинскихъ статей. Москва. 1878 и 2-е изд. 1880. Ц. 1 р.

Шенкель, К. Учебникъ для переводовъ съ греческаго языка на русскій и обратно; по грамматикамъ Курціуса и Кюнера. Обработана для русскихъ гимназій Я. Кремеръ. Изд. 2-е. Москва. 1871. Цѣна 1 р. 25 к.

Шрамекъ, И. Гомеровская этимологія. Спб. 1873.

б) Авторы, комментаріи въ нихъ и хрестоматіи.

Примѣч. Общія замѣчанія объ учебныхъ изданіяхъ классическихкихъ писателей см. на стр.

Геродотъ. Herodoti historiarum libri IX.

Гомеръ. Homeri carmina: Ilias, pars prima. С. I—XII, Petropoli. 1880. Ц. 35 к. Odyssea, pars prima. С. I—XII, Petropoli. 1880. Apud A. Suvorinum. Ц. 35 к. Смотри также въ этомъ отдѣлѣ: Гросничъ, Кремеръ, Шмидтъ.

Григоревскій, М. Φλοκότης Σοφοκλέους. Драма Софокла Филокеть; греческій текстъ съ объясненіями и словаремъ. Обработана по Вундеру и Шпейдевицу. Спб. 1876. Ц. 60 к. (Для VIII кл.).

Гросничъ, I. Илиада Гомера съ комментаріями для употребленія въ гимназіяхъ. Пѣсни I и II. Москва. 1879. Ц. 1 р.

Демосеенъ. Demosthenis orationes Olynthiacaе, Philippicae.

Еврипидъ. Euripidis tragoediae.

Исократъ. Isocratis orationes. Смотри ниже: Сергѣевъ.

Кремеръ, Я. Homeri Ilias. Первые XII пѣс. Текстъ съ словаремъ. Изд. 2-е. Москва. 1871. Ц. 1 р. 20 к.

Кремеръ, Я. Homeri Odyssea. Первые XII пѣс. Текстъ съ словаремъ и приложеніемъ о гомеровскомъ діалектѣ. Изд. 2-е. Москва. 1874. Ц. 1 р. 20 к.

Кремеръ, Я. Xenophontis Anabasis. Текстъ съ словаремъ. Изд. 6-е. Москва. 1878. Ц. 80 к.

Кремеръ, Я. Platonis Apologia Socratis, Crito. Текстъ съ словаремъ. Москва. 1880. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Ксенофонтъ. Xenophontis exeditio Cyri, institutio Cyri (Κοροικαίαι). Смотри: Кремеръ, Левенштейнъ.

Левенштейнъ, Я. Анабазисъ Ксенофонта съ комментаріями и словаремъ. Москва. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Лисія. Lysiae orationes.

Лукіанъ. Luciani Samosatensis dialogi Mortuorum.

Лѣсковецъ, А. Плутарховы жизнеописанія Демосеена, Цицерона, Цезаря. Съ словаремъ, комментаріемъ. Одесса. 1879. (Допущ. для

гимназій, не имѣющихъ въ достаточномъ количествѣ полныхъ греческо-русскихъ словарей).

Носовъ, П. Греческая хрестоматія съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 2-е. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к. (Преимущественно для IV и V кл.).

Платонъ. Platonis dialogi: Apologia Socratis, Crito, Phaedo, Hippias Major, Euthydemus. Смори: Кремеръ, Поспишилъ, Скворцевъ.

Плутархъ. Plutarchi vitae parallelae. См. Лѣсковецъ.

Поспишилъ, А. Избранныя сочиненія Платона. Лхетъ. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Кіевъ. 1880. Ц. 75 к.

Сергѣевъ, А. Isocratis Panegyricus. Текстъ съ объясненіями и словаремъ. Кіевъ. 1880.

Скворцевъ, И. Εὐθύδημος. Діалогъ Платона Евтидемъ. Греческій текстъ съ непрерывными къ нему примѣчаніями. Москва. 1878.

Софоклъ. Sophoclis tragoediae. См. Григоревскій.

Шмидтъ, Е. Одиссея Гомера съ примѣчаніями. Вып. I, пѣсни I—III. Спб. 1878. Вып. II, пѣсни IV—VI. Спб. 1870. Вып. III, пѣсни VII—IX. Спб. 1880..

в) Словари.

По Вензелеру. Греческо-русскій словарь. Изданіе Кіевского отдѣленія Общества классической филологіи и педагогикки. Кіевъ. 1881. Ц. 2 р. 60 к. (При каждомъ экземплярѣ непременно прилагается отдѣльный листъ необходимѣйшихъ исправленій).

Вейоманъ, А. Греческо-русскій словарь. Спб. 1879 и 2-е изд. Спб. 1882. Ц. 3 р. 20 к.

Краузе, Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ), съ 130 гравюрами въ текстѣ и картою Трои. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Ракушанъ, В. Словарь къ Олинескимъ рѣчамъ и Филиппикамъ Демосепа. Спб. 1877. Ц. 60 к. (Допущ. для гимназій, въ конхъ не окажется въ достаточномъ количествѣ полныхъ греческо-русскихъ словарей).

Тихоновичъ, П. Греко-латино-русскій словарь къ сочиненію Ксенофонта Кіровъ 'Ανάβασις. Харьковъ. 1874.

Черный, Э. Русско-греческій словарь гимназическаго курса. Съ прибавленіями правилъ для перевода видовъ русскаго глагола на греческій языкъ и краткаго латино-греческаго словаря. Москва. 1877. Ц. 2 р. 25 к.

г) Древности и литература.

Войевенъ. Пособіе къ изученію греческихъ древностей. Перев. съ нѣмецкаго К. Зембергъ. Вильна. 1874. (Для высшихъ классовъ гимназій).

Врамсонъ, Ф. Краткіе очерки классической мифологіи для учащихся, съ изображеніемъ верховныхъ олимпійскихъ боговъ. Одесса. 1880. Ц. 70 к.

Латышевъ, В. Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для старшихъ классовъ. Часть I. Государственныя и военныя древности. Вильна. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Леонтьевъ, П. Пропаиен. Сборникъ статей по классической древности. 5 томовъ. Москва. 1855—1857. Ц. 17 р. 50 к.

Страшкеничъ, К. Краткій очеркъ греческихъ древностей. Кіевъ. 1864.

Штоль, Г. Великіе греческіе писатели. Очеркъ классической литературы Грековъ въ біографіяхъ. Перев. съ нѣмецк. П. Морозова. Спб. 1880. Ц. 2 р. (Для старш. кл.).

IV. Математика.

а) АРИМЕТИКА.

Руководства.

Вуняковскій, В. Ариметика. Учебное руководство для военно-учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е. Спб. 1852.

Вуссе, Ф. Руководство къ ариметикѣ. Двѣ части. Спб. 1864 и 1870.

Вороновъ, А. Руководство практической ариметики въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1883. Ц. 75 к.

Жбиковскій, А. Основанія общей ариметики, для VII класса гимназій. Двѣ части. Спб. 1862.

Леве, А. Курсъ ариметики и собраніе ариметическихъ задачъ. Изданіе 6-е. Спб. 1865.

Леве, А. Общепонятная ариметика, излагающая необходимѣйшіе приемы для рѣшенія численныхъ вопросовъ изустно, письменно и на счетахъ. Спб. 1864.

Малининъ, А. и Вуренинъ, К. Руководство къ ариметикѣ для гимназій. Москва. 1867.

Скимашко, Ф. Ариметика. Изданіе 4-е. Спб. 1865.—Изданіе 5-е. 1879. — Изданіе 6-е. Полтава. 1881. — Изданіе 7-е. Полтава. 1883. Ц. 65 к.

Цвѣтковъ, А. Руководство къ ариметикѣ. Двѣ части. Москва. 1864.

Пособія.

Арбузовъ, А. Мининъ, А. Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Систематическій сборникъ ариметическихъ задачъ для гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій. Изд. 2-е. Москва. 1882. Ц. 50 к.

Арбузовъ, А. Мининъ, А. Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Сборникъ ариметическихъ задачъ, преимущественно для учебниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе 2-е. Москва. 1878.—Изд. 3-е. М. 1880. Ц. 50 к.

Вошъ, К. Метрическая система (стѣнная таблица), съ текстомъ къ ней. Изданіе Фену и К°. Спб. 1879 (наглядное пособіе для низшихъ классовъ).

Вугаевъ, Н. Руководство къ ариметикѣ. Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1874. — Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876.—Ариметика дробныхъ чиселъ. Москва. 1874.—Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1876.

Вугаевъ, Н. Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Москва. 1874.

Вуссе, Ф. Собраніе ариметическихъ задачъ, расположенныхъ по руководству къ ариметикѣ. Спб. 1868.

Воленсъ, В. Сборникъ ариметическихъ задачъ. Учебное пособіе при преподаваніи ариметики съ среднихъ учебныхъ заведенійхъ. Спб. 1870.

Вороновъ, А. Собраніе ариметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія. Двѣ части. Спб. 1877.—Изданіе 2-е. Спб. 1880.—Изд. 3-е. Спб. 1883. Цѣна каждой части 30 к.

Вороновъ, А. Собраніе ариметическихъ задачъ. Часть I (цѣлая

числа). 3-е издание. Спб. 1881 г. Для приготовительнаго и высшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Геде, О. Ариметическіе примѣры и задачи. Часть I. Цѣлыя числа. Спб. 1880 (для приготовительнаго и I классовъ). Ц. 40 к.—Часть II. Дробныя числа, отношенія, пропорціи и тройныя правила. Спб. 1881.—Изд. 2-е. Спб. 1882. Ц. 40 к.

Геде, О. Систематическій курсъ ариметики. Части I и II. Спб. 1881.—Изд. 2-е. 1882.

Евтушевскій, В. Сборникъ ариметическихъ задачъ. Изданіе 6-е. Части I и II. Спб. 1874.

Евтушевскій, В. Сборникъ ариметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Часть I. Цѣлыя числа. Изданіе 14-е. Спб. 1880.—Изд. 16-е. Спб. 1881. Цѣна съ отвѣтами 40 к.—Часть II. Дробн. Изданіе 9-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1880.

Иваницкій, А. Собраніе ариметическихъ задачъ, расположенныхъ по ариметикѣ Буяковскаго. Изданіе 7-е. Спб. 1866.

Канаевъ, А. Ариметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Спб. 1881.

Малининъ, А. Задачи для умственныхъ вычисленій. Составлены преимущественно по Церингеру. Москва. 1881 (для приготовительныхъ классовъ).

Малининъ, А. и Вуренинъ, К. Собраніе ариметическихъ задачъ для гимназій. Москва. 1867.

Поляковъ, П. Руководство къ ариметикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е. Москва. 1874.

Поляковъ, П. Собраніе ариметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго рѣшенія, съ прибавленіемъ упражненій въ вычисленіяхъ на счетахъ. Москва. 1871.

Серре и Комберусъ. Курсъ ариметики. Переводъ Е. Гутора. Москва. 1883. Ц. 85 к.

Симплицкій, Н. Руководство къ ариметикѣ. Москва. 1881. Ц. 60 к.

Томасъ, И. Собраніе ариметическихъ задачъ для умственнаго и письменнаго исчисленія. Выпускъ I. Спб. 1866.—Изданіе 17-е, исправленное. Спб. 1880, и выпускъ II. Изданіе 9-е. Спб. 1877. Ц. 30 к.

Щегловъ, Н. Ариметика. Изданіе 12-е, съ новыми исправленіями и дополненіями. Спб. 1866.

Юденичъ. Курсъ ариметики А. Серре. Изд. 3-е. Москва. 1875.
(для VI класса реальныхъ училищъ и для VIII класса гимназій).

б) АЛГЕБРА.

Руководства:

Веллавенъ. Алгебра, переведенная съ французскаго, значительно измѣненная и пополненная П. Погорѣльскимъ. Изданіе 8-е. Москва. 1863.

Давидовъ, А. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Москва. 1871.

Малининъ, А. и Вуренинъ, Е. Руководство алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ для гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Изданіе 4-е, дополненное. Москва. 1875.

Никульцевъ, П. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1880. Ц. 1 р. 60 к.

Сомовъ, І. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Спб. 1864.—Изданіе 3-е. 1868.—Изданіе 4-е. 1875.

Тихомандрицкій, А. Начальная алгебра. Изданіе 2-е. Спб. 1860.

Щегловъ, Н. Начальная основанія алгебры, съ таблицами степеней чиселъ отъ 1 до 1000. Спб. 1853.

Пособія:

Арбузовъ, А. Мининъ, А. Мининъ, В. и Назаровъ, Д. Сборникъ алгебраическихъ задачъ, преимущественно для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Москва. 1877.—Изданіе 2-е. М. 1880. Ц. 50 к.

Вертранъ, І. Алгебра. Съ 4-го французскаго изданія, просмотрѣннаго І. Вертраномъ и Р. Гарсэ, перевелъ инженеръ В. Прохоровъ. Въ пяти выпускахъ. Москва. 1874 (для старшихъ классовъ).

Вычковъ, Ѡ. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Три выпуска. Спб. 1868.—Изданіе 6-е. Спб. 1879.—Изданіе 8-е. Спб. 1882. Ц. 1 р. 35 к.

Гуторъ, Ев. Курсъ алгебры для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть первая. 1881.—Часть вторая. 1879.

Краевичъ, Е. Собраніе алгебраическихъ задачъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1864.—Изд. 4-е, значительно дополн. Спб. 1882. Ц. 1 р. 20 к.

Ламовскій, А. Собрание математическихъ задачъ. Москва. 1857.—
Издание 2-е. Москва. 1860.

Марковъ, С. Курсъ алгебры, составленный по гимназической про-
граммѣ. Четыре выпуска. Спб. 1864—65.

Мейеръ и Шоке. Начальныя основанія алгебры. Перев. съ фран-
цузскаго Ф. Симашко. Спб. 1864.

Мейеръ Гиршъ. Собрание формулъ и задачъ изъ буквеннаго вы-
числения и алгебры. Переводъ съ нѣмецкаго. Издание 7-е. Въ 3-хъ от-
дѣленіяхъ. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Поляковъ, П. Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ за-
дачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ пятнадцатъ-
ныхъ таблицъ логарифмовъ до 10000. Изд. 2-е. Москва. 1881.

Пржевальскій, Е. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Издание 2-е.
исправленное и дополненное. Москва. 1870.—Изд. 4-е, исправленное
и дополненное. Москва. 1881. Ц. 1 р. 25 к.

Хмыровъ, И. Азбука исуса въ задачахъ изъ алгебры и геометріи,
съ подробными вычислениями искомаго. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

в) ГЕОМЕТРІЯ

Руководства.

Веллавань. Геометрія, переведенная съ французскаго П. Пого-
рѣльскимъ. Москва. 1846. Издание 3-е, значительно измѣненное и
дополненное. Москва. 1863.

Вуссе, Ф. Основанія геометріи. Руководство, составленное для
гимназій. Издание 2-е. Спб. 1864.

Давидовъ, А. Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго
курса. Издание 3-е. Москва. 1866.

Лебе, А. Руководство начальной геометріи, составленное примѣ-
нительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Из-
дание 3-е, вновь передѣланное (съ 350 политипажамъ). Спб. 1876.

Пособія.

Александровъ, И. Методы рѣшеній геометрическихъ задачъ на
построеніе и сборникъ геометрическихъ теоремъ и задачъ на по-
строеніе и приложеніе алгебры къ геометріи. Курсъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній. Тамбовъ. 1883. Ц. 1 р.

Гехель, К. Планиметрия и стереометрія по системѣ Лежандра.

для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига. 1880. Ц. 1 р. 20 к. въ переплетѣ.

Гиза, Д. и Муромцевъ, А. Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Москва. 1879.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣколю, Шпицу и друг. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ. Книга I. Планиметрия. Съ таблицей чертежей. Спб. 1875. — Изд. 2-е. Спб. 1877, Ц. 70 к.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣколю, Шпицу и друг. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ. Книга II, ч. 1-я. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на шахмата и минта, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицей чертежей. Спб. 1879.—Часть 2-я. Отвѣты и рѣшенія на стереометрическія задачи. Спб. 1879. Книга II съ отвѣтами. Ц. 80 к.

Дудышкинъ, В. Начальная геометрія. Часть I. Планиметрия.— Часть II. Стереометрія. Съ атласомъ чертежей. Москва. 1869.

Криницынъ, П. Математическіе приборы и фигуры.

Криницынъ, П. Геометрическія тѣла и коллекція стеклянныхъ и деревянныхъ полированныхъ кристаллографическихъ формъ.

Леве, А. Начальныя основанія геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Въ трехъ частяхъ. Спб. 1872.

Мазингъ, Е. Геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Планиметрия съ IX таблицами чертежей. Москва. 1876, и приложеніе къ геометріи: Систематическій подборъ задачъ. Выпускъ I, съ 2-мя таблицами чертежей. Москва. 1876.—Стереометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1877.—Изданіе 2-е. Москва. 1879.

Мининъ, В. Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Москва. 1879. Изданіе 3-е. 1882. Цѣна 85 к.

Симашко, Ф. Начальная геометрія и коническія сѣченія. Изданіе 5-е, дополненное. Спб. 1876.—Изданіе 6-е, исправленное. Полтава. 1880. Изданіе 7-е, исправленное. Полтава. 1882. Цѣна 2 р.

г) ТРИГОНОМЕТРИЯ.

Руководства.

Герцъ, Б. Руководство къ прямолинейной тригонометрии въ объемъ гимназическаго курса. Варшава. 1870.

Дмитріевъ, А. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрии. Спб. 1872.—Изданіе 5-е. Спб. 1877. Ц. 75 к.

Малининъ, А. Руководство прямолинейной тригонометрии для гимназій. Изданіе 2-е. Москва. 1867.

Миквицъ, Г. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрии, низшей геодезій и приложенія алгебры къ геометрии. Спб. 1860.

Симашко, Ф. Тригонометрія. Съ таблицами чиселъ логарифмовъ отъ 1 до 3250 и логарифмовъ синусовъ, косинусовъ, тангенсовъ и котангенсовъ угловъ, возрастающихъ на 10 минутъ отъ 0 до 90°. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1857.

Соколовъ, И. Элементарная теорія тригонометрическихъ линий и прямолинейная тригонометрія. Харьковъ. 1853 и 1864.

Тиме, Г. Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Съ тремя таблицами чертежей. Спб. 1881.

Пособія.

Влюмбергъ, Я. Учебникъ прямолинейной тригонометрии. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Спб. 1883.

Верещагинъ, И. Собраніе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометрии для гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1883.

Гехоль, К. Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е. Дерптъ и Рига. 1880. Ц. 60 к.

Зеленый, С. Прямолинейная и сферическая тригонометрія. Изданіе 2-е. Спб. 1856.

Мининъ, В. Сборникъ тригонометрическихъ задачъ, примененный къ курсамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Москва. 1881. Ц. 75 к.

Серре, А. Прямолинейная тригонометрія. Перевелъ Ев. Гуторъ. Изданіе 2-е. Москва. 1878. (Пособіе для выпускныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

Шапошниковъ, Н. А. Курсъ прямолинейной тригонометрiи и собранiе тригонометрическихъ задачъ. Москва. 1880. Ц. 80 к.

Математическiя таблицы.

Веги, Г. Логарифмически-тригонометрическое руководство, обработано К. Брешикеромъ. Изданiе 42-е. Берлинъ. 1858.

Каллетъ. Таблицы логарифмовъ чиселъ отъ 1 до 10000 и проч. Перевелъ Д. Червошиковъ. Москва. 1836.

Таблицы обыкновенныхъ логарифмовъ чиселъ и тригонометрическихъ линiй, для употребленiя въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1862. (Объясненiе употребленiя этихъ таблицъ составлено проф. И. Сомовымъ).

Петрушевскiй, Ѳ. и Ермѣевъ, Н. Сравнительныя таблицы десятичныхъ и русскихъ мѣръ. Спб. 1868. Ц. 50 к.

Езерскiй, Г. Готовое умноженiе и дѣленiе въ таблицахъ (на всякую желаемую величину), въ трехъ тетрадахъ. А. Сокращенныя таблицы до 999. 1873.—Б. Подробныя таблицы до дѣлителя 9999. Степеньныя изданiя: 2-е 1873 и 3-е 1874 (для старшихъ классовъ).

V. Физика и космографiя.

Руководства.

Краевичъ, К. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Двѣ части. Съ 664 полнотипажамъ и литографированной таблицей. Спб. 1866.—Изд. 5-е, исправл. и дополн. Спб. 1876.—Изд. 6-е, исправл. и дополн. Спб. 1878.—Изд. 7-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

Любимовъ, Н. Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванiя. Москва. 1873.—Изд. 2-е, Москва. 1876. Ц. 3 р.

Петрушевскiй, Ѳ. Начальный курсъ физики (текстъ и атласъ чертежей). Спб. 1877. Ц. 2 р.

Краевичъ, К. Начала космографiи. Съ полнотипажамъ въ текстѣ и литографированной таблицей для среднихъ учебныхъ заведенiй. Изд. 3-е. Спб. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

Пособія.

Вальфуръ-Стюартъ. Краткій учебникъ физики. Переводъ С. Ламанскаго. Съ 146 рис. въ текстѣ и одною спектральною табл. Спб. 1875. Ц. 2 р.

Гано. Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. Переведенъ съ 15-го франц. изд. Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Спб. 1874. Ц. 3 р. 50 к.

Дакенъ. Теорія теплоты. Перс. и изд. подъ ред. акад. Э. Х. Ленца. Съ 253 полет. Спб. 1861. Ц. 1 р.

Дерюгинъ, М. Задачи къ курсу физики. Для среднихъ учебн. завед. Спб. 1865. Ц. 65 к.

Знаменскій, А. Сборникъ вопросовъ и задачъ по физикѣ для среднихъ учебн. завед. Вологда. 1879.

Зоннъ, А. Пособіе для изученія физики въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Систематическій рядъ вопросовъ для приготовленія урока и повторенія курса. Выпускъ I. Свойства тѣлъ. Механика твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. Выпускъ II. Тепло. Магнетизмъ. Электричество. Волнообразныя движенія. Звукъ. Свѣтъ. Спб. 1879.

Кристь, Ж. Начальныя основанія физики. Для низшихъ классовъ средн. учебн. завед. Перев. съ нѣмецк. Изд. Ковалевскаго. Съ 291 рис. въ текстѣ. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Малининъ, А. и Вуренинъ, Е. Руководство физики и собраніе физическихъ задачъ, для гимназій. Съ 775-ю политип. Изд. 2-е. Москва. 1870.—4-е изд. 1875. Ц. 3 р.

Ньютъ. Первоначальныя свѣдѣнія изъ физики, динамики, гидростатики и оптики. Съ задачами для упражненія. Перев. съ англ. Литвиновой, подъ редакц. Усова. Спб. 1873.

Розенбергъ, В. Л. Новые оптическіе приборы. I-я группа: графическое изображеніе пластинками посредствомъ особыхъ механизмовъ основныхъ явленій свѣта.—II-я группа: универсальная камера и приборы къ ней относящіеся. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1878.

Тиндаль, Дж. Физика въ простыхъ урокахъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію профессора физики въ Харьковскомъ университетѣ А. Шникова. Съ 89 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1881. Ц. 75 к.

Эвальдъ, Ф. Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій. Съ атласомъ 130 оригинальныхъ чертежей и рисунковъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 60 к.

Ковалевскій, С. Элементарныя свѣдѣнія изъ химіи. Учебное пособіе къ курсу физики. Спб. 1873.—Изд. 3-е, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. 1882. Ц. 35 к.

Влюмбергъ, Я. Учебникъ математической географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 4 таблицами чертежей. Спб. 1883.

Врунсъ. Астрономическій атласъ. Переводъ съ нѣм. Е. Спсоевой. Изд. 2-е, исправл. подѣ редакц. Р. Гришина. Съ прилож. 12 табл. Спб. 1875. Ц. 3 р.

Ганъ, Гохштеттеръ и Покорни. Общее землевѣдѣніе. Руководство къ астрономической географіи, геологіи и біологіи. Перев. со 2-го изд. подѣ редакц. А. Петунникова. Часть 1-я Астрономическая географія и метеорологіи, составл. Гапомъ. Съ 15 политин. и 6-ю хромотограф. табл. Москва. 1876. Ц. 85 к. — Часть 2-я. Геологія, составл. Гохштеттеромъ. Съ 124 политин. Москва. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Гейки, А. Учебникъ физической географіи. Съ 78-ю рис. въ текстѣ и 8-ю картами. Перев. съ англ. А. Гердъ. Спб. 1878. Ц. 60 к.

Звѣздное небо и его явленія. Общедоступное изложеніе нѣкоторыхъ вступительныхъ понятій объ астрономіи. Съ картою вмѣсто небснаго глобуса. Изд. картографич. завед. А. Ильина. Спб. 1874.

Ленцъ, Э. Физическая географія. Руководство для военно-учебн. завед. съ прилож. атласа. Изд. 3-е, 1860. Спб.—Изд. 5-е, 1871. Ц. 82 к.

Малининъ, А. и Вуренинъ, К. Руководство къ космографіи и физической географіи для гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 1 р. 25 к.

Мануйловъ, А. Систематическій сборникъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощью земного и небснаго глобусовъ. Кишиневъ. 1877.

Савичъ, А. Математическая географія и первыя начала космографіи. Изд. 2-е, Спб. 1859. Ц. 2 р.

Талызинъ, М. Руководство къ математической и физической географіи. Изд. 3-е, Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к.

Цемпъ, А. Физика земнаго шара. Кіевъ. 1867. 2-е изд. 1873. Ц. 50 к.

Ковальскій, Я. и Животовскій, Н. Стѣнные таблицы по математической географіи: № VI. VII. VIII. IX. X. XIV. XV и XVII. Съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1878. Ц. всѣмъ табл. 3 р. 60 к.

Пичнеръ. Dr. Pitschner. Zwei sich gegenseitig ergänzende Himmels-Karten, nebst erläuterndem Text. Uebersichtliche Darstellung der im mittleren Europa mit blossen Augen sichtbaren Gestirne. Nach Profess. Argelander, Behrmann, Heiss, etc. 1878.

VI. Исторія русская и всеобщая.

а) РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Руководства:

Иловайскій, Д. Браткіе очерки русской исторіи, приспособленныя къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 9-е. Спб. 1868 и слѣд. Ц. 1 р.

Рождественскій, С. Отечественная исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 1-е, 3-е и послѣдн. 6-е. Спб. 1880. Ц. 1 р.

Соловьевъ, С. Учебная книга русской исторіи. Послѣдн. изд. 8-е. Москва. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, С. Общедоступныя чтенія по русской исторіи. Москва. 1876.

Шуфъ, А. Разказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи съ краткимъ описаніемъ Москвы. Изд. 2-е съ измѣненіями и дополненіями. Москва. 1871. Ц. 50 к.

Пособія:

Вестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ I. Спб. 1872. Ц. 5 р. при подпискѣ на всѣ 3 тома. (Вышелъ только I томъ).

Васильковскій, С. Русская исторія въ источникахъ. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Москва. 1880. Ц. 1 р.

Водовозовъ, В. Разказы изъ русской исторіи. Два выпуска. Спб. 1864—1873. (Книга для чтенія). Ц. 1 р.

Гуревичъ, Я. и Павловичъ, В. Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ. Часть I. Спб. 1877. Ц. 1 р. 60 к. Часть II. 1878 и 2-е изд. 1881. Ц. 1 р. 75 к.

Добряковъ, А. Русскіе историческіе памятники. Наглядное пособіе къ курсу русской исторіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1880. Ц. 40 к.

Добряковъ, А. Учебный атласъ по русской исторіи для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ. Спб. 1868 и 1880. Ц. 70 к.

Добряковъ, А. Стѣнная карта по русской исторіи. Вып. I и II. Русь Московская и Литовская до 1689 г. Спб. 1877—1879. Вып. III.

Карта Русской Имперіи отъ Петра Великаго до нашего времени. Спб. 1879.

Добряковъ, А. Учебно-историческій сборникъ по русской исторіи. Пособіе къ курсу отечественной исторіи въ средн. учебнѣхъ заведеніяхъ. Т. I. Отд. 1-е. Земля и ея народы предъ началомъ государства. Съ картою Восточной Европы въ половинѣ IX в. Спб. 1865 Ц. 85 к.

Замысловскій, Е. Учебный атласъ по русской исторіи, съ указаніемъ названій мѣстностей, встрѣчающихся въ атласѣ. Спб. 1865 Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Золотовъ, В. Исторія Россіи въ картинахъ. V выпускъ: въ I—8 картинъ, во II и III—по 12 картинъ, въ IV и V—по 11 картинъ. Изд. Дементьева. Спб. 1862 и слѣд. Цѣна каждому вып. 80 к.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Часть I. Кіевскій періодъ. Москва. 1876. Часть II. Владимірскій періодъ. Москва. 1880.

Исторія Россіи въ разсказахъ. Учебникъ для младшаго возраста. Изд. 2-е исправленное, М. Вольфа. Спб. и Москва. 1867.

Карамзинъ, Н. Исторія государства Россійскаго. Изд. (5-е) И. Эйнерлинга, въ 3-хъ книгахъ, съ примѣчаніями, портретомъ автора и алфавитнымъ указателемъ, составленнымъ П. Строевымъ. Спб. 1842—1844. Ц. 10 р. Тоже изд. А. Смирдина. Спб. 1850—1853.

Кояловичъ, М. Читаніе по исторіи Западной Россіи. Съ приложеніемъ этнографической карты. Изд. 3-е. Спб. 1884. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Обозрѣніе русской исторіи отъ начала Руси до нашихъ временъ. Рига и Дерптъ. 1877. (Для гимназій Прибалтійскаго края, какъ руководство).

Овсянниковъ, А. Конспектъ къ учебному курсу русской исторіи съ приложеніемъ хронологич. и родословной таблицъ. Спб. 1881. Ц. 40 к.

Острогорскій, М. Хронологія русской исторіи съ синхронистическимъ обзоромъ всеобщей и перечнемъ замѣчательныхъ людей и государственныхъ дѣателей каждаго царствованія. Спб. 1872. Ц. 25 к.

Рождественскій, С. Отечественная исторія въ картинахъ для школы и дома. Составл. примѣнительно къ учебникамъ по отечественной исторіи издателя. Спб. 1881. Ц. 20 р. съ перес. 22 р.

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 27 томовъ. Спб. и Москва. 1857—1875. Цѣна каждому тому 2 р.

Устряловъ, Н. Русская исторія. Изд. 5-е исправл. и дополнен-

ное историческимъ обзорѣніемъ царствованія Императора Николая. Съ 5 картами и 45 планами. 2 т. Спб. 1855. Ц. 5 р.

Фармаковскій, В. Русская исторія съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей. Изложена по способу Грубе. Изд. 2-е. Вятка. 1875.

Щебальскій, П. Читенія изъ русской исторіи. Съ исхода XVII вѣка. 6 выпусковъ. Изд. 2-е дополненное. Москва. 1864—1868. Ц. 3 р. 75 к.

Щебальскій, П. Разказы о Западной Руси. Изд. 2-е дополненное. Спб. 1868. Ц. 35 к.

6) ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

Руководства:

Веллярминовъ, И. Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1874; также изд. 6-е съ 12 рисунк. и картою Римской имперіи. Послѣдн. изд. 14-е. Спб. 1884. Ц. 90 к.

Веллярминовъ, И. Руководство къ средней исторіи. Курсъ VI^и высшихъ классовъ. Составл. примѣнительно къ примѣрной программѣ. Изд. 2-е, съ картами и рисунками. 3-е изд. Спб. 1883. Ц. 60 к.

Гуревичъ, Я. Исторія Греціи и Рима (курсъ систематическій). Спб. 1876. Послѣдн. изд. 3-е. Спб. 1880. (Для VIII кл.). Ц. 1 р. 25 к.

Иловайскій, Д. Сокращенное руководство къ всеобщей и русской исторіи. Курсъ младшаго возраста, изложенный преимущественно въ чертахъ эпизодическихъ и біографическихъ. Изд. 13-е. Москва. 1881. Ц. 75 к. (Для низшихъ классовъ).

Иловайскій, Д. Руководство къ всеобщей исторіи. Средній курсъ. Послѣдн. изд. 16-е. Москва. 1880. Ц. 1 р. (Руководство преимущественно для женскихъ гимназій министерства).

Иловайскій, Д. Руководство къ всеобщей исторіи. Три части: Древній міръ, Средніе вѣка, Новая исторія. Курсъ старшаго возраста. Изд. 5-е и послѣдн. изд. 9-е. Москва. 1878.

Цвѣтковъ, А. Учебный курсъ всеобщей исторіи. Часть I. Исторія древняя. Часть II. Исторія средняя и русская до Іоанна Грознаго. Часть III. Исторія новая и русская съ Петра Великаго въ связи съ исторіей Европы. Москва. 1881.

Пособія:

Видовъ, Е. Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообученія. Спб. 1878.

Воберъ, Георгъ. Курсъ всеобщей исторіи. Перевели съ нѣмецк. Е. и В. Корши. 4 тома. Изд. 2-е. Москва. 1862. Ц. 8 р. 20 к.

Видеманъ, Е. Руководство къ первоначальному обученію исторіи, изложенное преимущественно въ формѣ біографій. Древняя исторія (до смерти Константина Великаго) и средняя. Спб. 1865. Цѣна за обѣ части 70 к.

Вроденъ, Э. Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаній замѣчательныхъ людей. Изд. 2-е. Спб. 1862. Ц. 1 р.

Вроденъ, Э. Начальный учебникъ политической экономіи. Спб. 1876.

Герье, В. Жизоописанія Плутарха. Переводъ съ греческаго. Вып. I. Москва. 1862. Ц. 60 к.

Грубе. Очерки изъ исторіи и народныхъ сказаній. Перев. съ нѣмецк. Изд. Бриницкаго и Славутинскаго. Древняя исторія. Изд. 4-е. Москва. 1865. Ц. 75 к. Средняя исторія. Изд. 3-е. 1863. Ц. 1 р. 25 к. Новая исторія. Изд. 2-е. 1863. Ц. 1 р. 25 к.

Гуревичъ, Я. Историческія сравнительно-конспективные таблицы по новой и новѣйшей исторіи. Спб. 1875. Ц. 80 к. (Для высшихъ классовъ).

Гуревичъ, Я. Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Томъ I въ двухъ изданіяхъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к. (1876). Томъ II. Спб. 1880. Ц. 2 р.

Добряковъ, А. Историческія таблицы. Подробный историческій конспектъ. Пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Изд. 2-е. Вып. I. Спб. 1874.

Добряковъ, А. Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ изяснительнымъ къ нимъ текстомъ. Спб. 1874. Ц. 1 р. 20 к.

Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи. Для III и IV кл. Изд. 5-е. Спб. 1879.

Острогорскій, М. Хронологія всеобщей и русской исторіи. Курсъ энциклопедическій III и IV кл. Спб. 1875. Ц. 25 к. и 5-е изд. 1879.

Острогорскій, М. Хронологія всеобщей и русской исторіи. 3 выпуска: I. Древняя исторія. Спб. 1879. Ц. 25 к. II. Средняя исторія. Спб. 1879. Ц. 25 к. и III. Новая исторія. Ц. 25 к.

Пютцъ, В. Сборникъ историческихъ очерковъ. Пособіе для уча-

щихся и преподавателей. Перев. съ нѣмецк. съ дополненіями И. Чацкина. 3 вып. Москва. 1864—1866. Ц. 3 р. 20 к.

Рождественскій, С. Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. (Къ программѣ VI кл.). Изд. 3-е исправл. Сиб. 1880. Ц. 75 к.

Сидонскій, И. и Иорданъ, А. Историческій атласъ. Пособіе къ изученію исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ и новой въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е и послѣдн. 9-е. Спб. 1874. Ц. 1 р. 35 к.

Соловьевъ, С. Курсъ новой исторіи. Часть I. Москва. 1869. Ц. 80 к. Часть II. Москва. 1874. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Тихомировъ, А. Атласъ по всеобщей и русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1878.

Фреве, П. Хронологическій конспектъ древней исторіи. Москва. 1880. Ц. 25 к.

Фриманъ, Э. Общій очеркъ исторіи Европы. Перев. съ 5-го англ. изданія, подъ редакціей Я. Гуревича. Сиб. 1880. Ц. 1 р.

Цейсъ, Г. Всеобщая исторія съ культурной точки зрѣнія. Перев. И. Катаевъ. Часть I. 2 выпуска. Древняя исторія. Спб. 1864. Ц. 2 р.

Хронологическія таблицы къ эпизодическому курсу исторіи III и IV классовъ. Бобруйскъ. 1876. Изд. К. Шенковского. Въ томъ же изданіи: Таблицы параллельнаго лѣтосчисленія по олимпиадамъ отъ основанія Рима. Ц. 8 к.

Хронологія всеобщей и русской исторіи въ 3-хъ выпускахъ. Спб. 1879.

Шлоссеръ, Фридр. Всемирная исторія въ 12 томахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1861—1865. Цѣна за каждый томъ 1 р. 50 к.

Штоль, Г. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ. Перев. подъ редакціей В. Васильевскаго. Изд. 2-е. Спб. 1879. (Для высшихъ классовъ). Ц. 2 р.

Штоль, Г. Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Исторія Рима въ біографіяхъ. Перев. подъ редакціей Я. Гуревича. Спб. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Примѣч. Въ пополненіе къ нѣкоторымъ изъ вышеназванныхъ учебныхъ пособій по всеобщей исторіи могутъ быть также употребляемы и историческіе атласы нѣмецкихъ издацій, какъ-то: 1) Кипертъ (Kiepert), Atlas antiquus. Двѣнадцать картъ къ древней исторіи. Изд. 6-е. Берлинь.—2) Лангль (Langl,

Joseph), Denkmäler der Kunst-Bilder zur Geschichte, vorzugsweise für Mittelschulen und verwandte Lehranstalten. Wien. 1872—1878.—3) Менке (Menke), Orbis antiqui descriptio in usum scholarum. Berlin. 18 картъ.—4) Путцгеръ (Putzger), Historischer Schul-Atlas. Бильфельдъ и Лейпцигъ. 1877. 27 картъ по древней, средней и новой исторіи.—5) Рейгардтъ (Reihardt), Album des classischen Alterthums: Athenae veteres in usum scholarum et Roma vetus.—6) Шпрунеръ и Бретшнейдеръ (Spruner und Bretschneider), Historisch-geographischer Wand-Atlas zur Geschichte Europas im Mittelalter bis auf neueste Zeit. 10 картъ.

VII. Географія русская и всеобщая.

А) ГЕОГРАФІЯ РУССКАЯ.

Руководства:

Брамсонъ, Ф. Краткое руководство къ географіи Россійской Имперіи, съ вопросами и задачами. Вильно. 1867.

Вѣлоха, П. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. 8-е исправл. изд. Спб. 1869. Ц. 1 р. 25 к.

Кузнецовъ, Я. Краткая географія Россійской Имперіи. Изд. 3-е. Спб. 1866. Ц. 30 к.

Кузнецовъ, Я. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 6-е, значительно исправленное. Спб. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

Лебедевъ, Е. Учебная книга географіи. Россійская Имперія. Курсъ гимназическій. Изд. 2-е исправл. Съ картою всей Россіи. Спб. 1871. Ц. 1 р.

Пособія:

Врызгаловъ, А. Географія Россіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1875. Ц. 75 к.

Ваденюкъ, П. Географическіе очерки Россіи. Курсъ старшихъ классовъ, изложенный монографически. Спб. 1883. Ц. 1 р. 25 к.

Пономаревъ, Н. Учебникъ сельско-хозяйственной и торгово-промышленной статистики Россіи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

Мостовскій, М. Учебная географія Россіи. Курсъ гимназическій. Изд. 6-е исправл. и дополн. Москва. 1879. Ц. 1 р. 25 к.

Семеновъ, Д. Отечествовѣдѣніе. Россія по разсказамъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдованіямъ. Вып. I. Сѣверный край и Финляндія. Спб. 1864. Ц. 75 к. Вып. II. Южный край. Ц. 1 р. Вып. III. Кавказъ и Уралъ. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Сергѣевъ, А. Географическіе очерки Россіи. 3 вып. Спб. 1866—67. Ц. 2-му вып. 35 к., а 1-му и 3-му по 40 к.

Янчинъ, И. Краткій учебникъ географіи. Курсъ IV. Географія Россійской Имперіи для IV кл. Москва. 1883. Ц. 85 к.

В) ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Руководства:

Вержбиловичъ, В. Краткій учебникъ всеобщей географіи. Кн. I, изд. 3-е. Спб. 1865. Ц. 85 к. Кн. II. Ц. 1 р. 25 к. Кн. III. Ц. 85 к.

Гулевичъ, В. Европа въ физическомъ, политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Тверь. 1877.

Мостовскій, М. Приготовительный курсъ всеобщей и русской географіи. Изд. 3-е и 4-е испр. и дополненное картой Палестины. Съ политипажами. Москва. 1875. 1879. Ц. 50 к. (Для 1-го кл.).

Раевскій, Н. Краткій учебникъ географіи. Вѣввропейскія страны. Съ 14 чертежами. Спб. 1882. Ц. 50 к.

Семеновъ, Д. Уроки географіи. Годъ 1-й. Приготовительный курсъ. Изд. 6-е. Спб. 1867. Ц. 50 к. Годъ 2-й (Азія, Африка, Америка и Австралія). Изд. 7-е. 1869. Ц. 50 к. Годъ 3-й (Европа). 1869. Ц. 50 к.

Сергѣевъ, А. Учебная книга географіи. Курсъ III класса. Западная Европа въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Спб. 1866. Ц. 75 к.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Въ 3-хъ частяхъ. 1-я: Общія географическія свѣдѣнія. Ц. 40 к. 2-я: Азія, Африка, Америка и Австралія. Ц. 60 к. 3-я: Европа. Ц. 60 к. Спб. Изд. 19-е и послѣднее 21-е. 1880—1881.

Турчаковскій, К. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Африка, Австралія, Америка и Азія. Одесса. 1883. Ц. 70 к.

Янчинъ, И. Краткій учебникъ географіи. Курсъ I (для 1-го класса). Москва. 1872. Ц. 45 к. Курсъ II (для 2-го кл.). Изд. 2-е. Москва. 1875. Курсъ III (для 3-го кл.). Москва. 1876. Ц. 60 к. Приложены карты въ текстѣ.

Пособія:

Брызгаловъ, А. Географія. Курсъ первый. Изд. 3-е значительно исправленное. 1875. Ц. 50 к.

Вялоха, П. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I (элементарный). Предварительныя понятія и обзоръ частей свѣта по ихъ природѣ и народонаселенію. Спб. 1869. Ц. 70 к.

Видеманъ, Е. Пособіе къ первоначальному обученію географіи, съ присовокупленіемъ болѣе подробнаго описанія Россійской Имперіи. Спб. 1864. Ц. 30 к.

Воронцовъ, А. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской Имперіи. 2-е исправл. изд. Спб. 1883.

Корнелъ. Предварительныя свѣдѣнія изъ математической и физической географіи, изложенныя по американской методѣ; съ атласомъ въ 9 картъ и съ 72 рисунками въ текстѣ. Спб. 1866. Ц. 1 р.

Корнелъ. Полный курсъ географіи по американской методѣ. Съ географическими картами и многими политическими. 7-е изд. Спб. 1869. Ц. 1 р. 25 к.

Лыткинъ, Г. Географическія таблицы: I. Общее обзоръ частей свѣта съ краткимъ обзоромъ Россійской Имперіи и Палестины. Спб. 1874 (для I и II кл.). II. Обзоръ странъ и государствъ внѣевропейскихъ (для II кл.). Спб. 1875. III. Обзоръ европейскихъ государствъ (для III кл.). IV. Обзоръ Россійской Имперіи (для IV и V кл.). Спб. 1878. Ц. 50 к.

Павловскій, А. Природа и люди. Курсъ географіи, содержащій описаніе частей свѣта въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Спб. 1859—69. 5 вып.: I и II (Океанія, Австралія, Африка). Ц. 1 р. 25 к. Вып. III (Ц. 1 р.) и IV (Африка). Ц. 1 р. 25 к. Введеніе: Выпускъ I. Ц. 1 р. 25 к. — Выпускъ II. Ц. 1 р.

Поддубный, И. Доска для черченія географическихъ картъ частей свѣта и отдѣльно каждаго государства. Съ приложеніемъ чертежей и цвѣтныхъ мѣлковъ. Спб. 1880. Ц. 85 к.

Пуликовскій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Спб. 1875. Часть I. Ц. 90 к. Ч. II и III (внѣевропейскія страны и Европа). Изд. 3-е. Спб. 1879.

Разумовъ, Ив. Землеустройство для начинающихъ. Съ приложеніемъ 29 картъ. Москва. 1863. Ц. 85 к.

Чержуновъ, Н. Учебникъ географіи. Курсъ I класса примѣнительно къ учебному плану. Кіевъ. 1880. Ц. 50 к.

Географическіе атласы и карты.

Авенаріусъ, Н. Учебная карта Европейской Россіи и Закавказскаго края. Варшава. 1869. Ц. 15 к. (Для низшихъ кл.).

Голубинскій. Складной карманный глобусъ, состоящій изъ 6 закругленныхъ и заостренныхъ къ концамъ картонныхъ листовъ. Варшава. 1867. Цѣна 15 к.

Ильинъ, А. (картографическое заведеніе). Стѣнные карты, изъ которыхъ одобрены: 1) Физическая карта Западной Европы; 2) Германія, Данія, Голландія и Бельгія; 3) Франція; 4) Италія, Швейцарія; 5) Австро-Венгрія; 6) Европейская Турція; 7) Европейская Россія; 8) Европейская Россія съ обозначеніемъ границъ; 9) Карта Азиатской Россіи. Спб. 1881 (Для III и IV кл.).

Ильинъ, А. Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта. Спб. 1878. Вып. VIII, карты Швеціи, Норвегіи и Даніи (сѣверный и южный листы).

Ильинъ, А. Новый учебный географическій атласъ для полного гимназическаго курса, состоящій изъ 37 картъ. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Ильинъ, А. Новый учебный географическій атласъ, состоящій изъ 16 картъ. Спб. Цѣна 60 к.

Карта Европейской Россіи и Кавказскаго края, изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, на 12 листахъ, масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ. Спб. 1867 г. Цѣна 8 руб.

Каульбарсъ, Н. Карта Австраліи (Новой Голландіи), составлена по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Спб. 1875. (для 2-го кл.). Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина.

Кукуувѣровъ. Учебная стѣнная карта Европейской Россіи. Спб. 1875.

Лебедевъ. Учебная карта Россійской Имперіи. Спб. 1873. Цѣна 75 коп.

Линбергъ, А. Учебный атласъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Лейпцигъ, у Брокгауза. Вып. I, 23 таблицы. 1873. Вып. II, 15 таблицъ. 1874. Цѣна 5 руб. (понижена по предложенію ученаго ком и тета до 3 р. 60 к.).

Симашко, Ю. Учебный атласъ всеобщей географіи. Съ 500 изображеній животныхъ и растеній. Изд. 5-е. Спб. 1871. Цѣна 3 р. 60 коп.

Михайловъ, И. Картинный учебный атласъ, примѣненный къ краткой отечественной географіи. Спб. 1871. Цѣна 2 р. 50 к.

Таблица съ изображеніемъ типовъ племенъ земнаго шара. Изд. А. Ильина (для низшихъ классовъ).

Шаванъ, Ис. Стѣнная карта Африки (Carte murale de l'Afrique). Vienne. 1879.

Шевелевъ. Стѣнные учебныя географическія карты пяти частей свѣта. Спб. 1872. Цѣна: Европы и Азіи—не наклеенныя по 1 р., Африки, Америки и Австраліи—по 75 к.; наклеенныя карты по 1 р. 50 к.

Шинновъ. Географическій атласъ по упрощенному способу черченія. Одесса. 1872. Цѣна 40 к. (для перв. кл.).

Шрейберъ. Учебная карта Европейской Россіи и Кавказскаго края. 1874. Цѣна 75 к.

Штокманъ, О. Учебный географическій атласъ Россійской Имперіи. Изд. картографическаго заведенія Юст. Пертеса въ Готѣ. 1871. Цѣна 1 талеръ (при требованіи 100 экземпляровъ уступка 40 проц.).

Штраухъ, Н. Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта, составленный по атласу Амора и руководствамъ Смирнова, Лебедева и др. Спб. 1878. Цѣна 1 р.

Этнографическая карта славянскихъ народностей. Съ перваго (М. О. Мирковича) изданія дополнена А. Риттихомъ. Изд. с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. (Для III и IV кл.). Цѣна на 2-хъ листахъ 80 к.

а) Земные глобусы, берлинскаго изданія, гладкіе, 12 дюймовъ въ діаметрѣ, съ меридіаномъ, экваторомъ и компасомъ 18 р., безъ меридіана—10 руб.

б) Земные глобусы, рельефные, берлинскаго изданія, съ надписью. Цѣна 22 р. (Въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ и съ меридіаномъ).

Примѣчаніе. За пересылку прилагается (въ 12 дюймовъ) за 37 фунтовъ; за рельефный—оплачивается вѣсъ въ 43 фунта.

Вышеуказанныя цѣны означены по каталогу 1869 г. книгопродавца Вазунова.

VIII. Естественновѣдѣніе.

Гердъ, А. Краткій курсъ естественновѣдѣнія. Съ 178 рис. (удостоенъ преміи императора Петра Великаго). Спб. 1878. Ц. 1 р. 60 к. *).

*) Пособія по естественновѣданію для гимназій помѣщены вѣстѣ съ пособіями по этому учебному предмету для реальныхъ училищъ.

IX. Новые языки.

а) ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКЪ.

Руководства:

Bastin, J. Étude philologique. Grammaire historique de la langue française (Abrégé de la Grammaire de 1878). 3-me édition. 1-re partie. St. P. 1881. Для 2 старш. класс. мужск. и женск. гимназій. Ц. 80 к.

Гоппе, А. Л. Грамматика французскаго языка для русскаго юношества. Лексикологія и синтаксисъ (Grammaire concise de la langue française à l'usage de la jeunesse russe). Спб. 1883. Ц. 60 к.

Игнатовичъ, В. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ элементарный, состоящій изъ трехъ частей. Часть I. Спб. 1873. — Часть II. Изданіе 4-е. Спб. 1877. — Часть III. Изданіе 3-е, просмотрѣнное и исправленное. Спб. 1877.

Игнатовичъ, В. Теоретико-практическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, съ приложеніемъ хрестоматіи и словаря. Спб. 1874. Ц. 1 р. 25 к.

Игнатовичъ, В. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ 3 частей. Курсъ элементарный. Части I и II. Изданіе 5-е, совершенно переделанное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1878. — Части I и II. Изданіе 6-е. Спб. 1880. — Части I и II. Изд. 7-е. Спб. 1882. Ц. 1-й ч. 40 к., 2-й ч. 60 к. (Для 2-го и 3-го кл.). — Часть III. Изд. 4-е, совершенно переделанное согласно съ указаніями учебнаго плана, утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія. Спб. 1878. — Изд. 5-е. Спб. 1880. Ц. 1 р. 25 к.

Kercoff, A. G. Cours gradué de langue française à l'usage des classes supérieures des gymnases et des écoles (Troisième partie). Syntaxe, 2-me édition, soigneusement revue et considérablement augmentée. Moscou. 1880. (Для старшихъ классовъ). Ц. 1 р. 50 к.

Мозеръ, П. Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1880. Ц. 80 к.

Мозеръ, П. Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Спб. 1880. Ц. 65 к.

Moser, P. Cours pratique et théorique de la langue française des hautes classes des gymnases. S.-Petersbourg. 1876.

Ранок, Альфонсъ. Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique de lecture, de conversation, d'orthographe, de

grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures et moyennes, par Alphonse Raney. 1-re partie. St.-Petersbourg. 1880.—2-me partie. St.-Petersbourg. 1882. (Элементарное практическое руководство французскаго языка, постепенный систематическій курсъ чтенія, бесѣдъ, правописанія, грамматики и переводовъ для употребленія въ низшихъ и среднихъ классахъ. Части 1-я и 2-я. Спб.).

Резингоонъ. Практическое руководство къ переводамъ съ французскаго языка на русскій и съ русскаго на французскій. Курсъ I. Спб. 1865 (для IV и V классовъ).

Фену, Н. Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою. Изданіе 3-е. Спб. 1877. Часть I. Лексикологія. Часть II. Синтаксисъ.—Изданіе 4-е. Часть I. Лексикологія. Спб. 1878.

Varon, E. Cours élémentaire méthodique et pratique de langue française. I et II partie. Helsingfors. 1874.—I partie, 2-me édition. St.-Petersbourg. 1876. Ц. 75 к.—II partie, 2-me édition revue et corrigée. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ приложеніемъ отдѣльной брошюры: Phraséologie destinée à faciliter la traduction des exercices russes de la 2-e partie du cours élémentaire méthodique et pratique de langue française. St.-Petersbourg. 1878.—Première partie. Troisième édition revue et corrigée. St.-Petersbourg. 1882. Ц. 75 к.

Пособія:

Bastin, J. Morceaux de lecture et exercices de mémoire et de traduction en vers et en prose ou étude pratique de la langue française. St.-Petersbourg. 1869.—Изданіе 3-е. Спб. 1880 Ц. 1 р.

Challandes, A. Grammaire française élémentaire à l'usage des classes inférieures et moyennes des établissements d'éducation. St.-Petersbourg. 1876. Première partie. Deuxième édition. St.-Petersbourg. 1877. (Для низшихъ классовъ).

Challandes, A. Grammaire française à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements etc. Seconde partie. Syntaxe.

Вейль, С. Краткая сравнительная французская грамматика. Изд. 2-е. Кіевъ. 1881.

Гемиліанъ, А. Учебникъ французскаго языка. Статьи для перевода съ русскаго языка на французскій. Замѣчанія и слова. Этимологія и синтаксисъ, для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1877.

Гемиліанъ, А. Учебникъ французскаго языка. Три части. Москва. 1864—1867 (II и III части для высшихъ классовъ).

Jaillard-Corvin, V. Chrétomathie française pour les classes moyen-

nes et les classes supérieures des établissements d'éducation, avec dictionnaire, introductions littéraires, notices biographiques, notes explicatives et exercices. T. I. Prose. Ц. 1 р.—Т. II. Poésie. St.-Pétersbourg. 1878. Ц. 1 р. 35 к.

Данилевскій. Livre de lecture et de traduction du français en russe suivi d'exercices de mémoire avec un vocabulaire. Cours moyen. 3-me édition. St.-Pétersbourg. 1867.

Керсоф, А. Cours gradué de langue française à l'usage des classes moyennes et supérieures des gymnases et des écoles. Moscou. 1873.—2-me édition. Moscou. 1877.

Керсоф, А. et Petitpièrre, I. Recueil de morceaux en prose pour servir à la lecture et à la traduction dans les classes moyennes des gymnases et des écoles. Moscou. 1879. Ц. 80 к.

Котельниковъ, М. Дѣтская книга для первоначальнаго изученія французскаго языка. Сост. для первоначальныхъ классовъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1874.

Крестлинскъ, А. Французская грамматика, составленная для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Спб. 1862.

Л. А. К. Справочная книжка французскихъ неправильныхъ глаголовъ. Вильно. 1879.

Margot, D. Cours élémentaire et progressif de la langue française à l'usage des classes inférieures et moyennes des écoles. 11-me édition. St.-Pétersbourg. 1865.—21-me édition. St.-Pétersbourg. 1875.

Margot, D. Grammaire théorique et pratique de la langue française à l'usage des classes supérieures des écoles. 10-me édition. St.-Pétersbourg. 2 ч. 1871—1878.

Меллеръ. Livre de lecture, composé pour servir à l'enseignement de la langue française dans les classes élémentaires. 1) Conversations, historiettes, contes, caractères, leçons de choses usuelles, descriptions, récits, légendes, anecdotes, lectures instructives. 2) Lectures supplémentaires. 3) Sujets de compositions. 4) Choix de poésies extraites de divers auteurs et accompagnées d'un vocabulaire. Спб. 1-е изд. 1880. 2-е изд. 1882. Ц. 40 к. (Одобрено въ видѣ хрестоматіи для низшихъ классовъ).

Мозеръ, П. Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей. (Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть 1-я. Ц. 30 к. и 2-я. Ц. 50 к. Спб. 1881.—Часть 3-я. Спб. Ц. 60 к.

Rancy, Alph. Manuel élémentaire et pratique de langue française.

ou cours systématique et gradué de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures. Première partie. St.-Pétersbourg. 1880.

Ruanlt, C. Étude pratique de la langue. Cours de la langue française, de composition et de style basé sur un choix de morceaux en prose de force graduée, extrait d'auteurs célèbres et suivis des nombreuses matières de composition analogues représentant plus de 300 devoirs à faire et de modèles indiquant l'emploi de la méthode à suivre. St.-Pétersbourg. 1878.

Сильманъ. Руководство къ изученію французскаго языка, по Магеру. Киевъ. 1865.

Стоюнинъ, В. и Павловъ, И. Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1873.

Топоровъ, В. Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и нѣмецкій. Изданіе 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса. 1875.

Tricot. Nouvelles leçons de littérature française et de morale, avec des notes explicatives et critiques. St.-Pétersbourg. 1864.

Фену, Н. Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою. Спб. 1871.

Фену, Н. Опытъ французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ. Спб. 1868. (Для высшихъ классовъ).

Фену, Н. Французская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1870.—Изданіе 6-е, со статьями для переводовъ съ русскаго и словаремъ, съ приложеніемъ полного спряженія глаголовъ, объясненіемъ приставокъ и окончаній, а также галлицизмовъ, поговорокъ и пословицъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1876.—Изданіе 7-е. Спб. 1880. Изданіе 8-е. Спб. 1882. Ц. 1 р. 35 к.

Fleury, J. Récits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire méthodique. Nouvelle édition. St.-Pétersbourg. 1878.

Флери, И. Разказы и описанія, избранныя изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій. Изданіе 4-е, исправл. и дополн.; съ словаремъ и примѣчаніями. Спб. 1876.

Fleury, Parfait et de Lafosse. Bibliothèque littéraire. Analyse et ex-

traits de tous les chefs-d'œuvre de la langue française, avec notices bibliographiques et commentaires. 1-re partie: Prose; 2-de partie: Poésie. 1882.

Fleury, J. Extraits des meilleurs auteurs français par 'ordre chronologique. Complément de l'histoire abrégée de la littérature française. St.-Pétersbourg. 1874. Tome I. Introduction. XVI et XVII siècles. — Tome II. XVIII et XIX siècles.

Fleury, J. Histoire élémentaire de la littérature française depuis l'origine jusqu'à nos jours. Edition 2-me, corrigée et augmentée d'un tiers. St.-Pétersbourg. 1879.

Flint, A. S. Manuel orthographico-orthologique de langue française (quatre cours en deux livraisons). St.-Pétersbourg. 1877.

Flint, A. S. Dictées du Manuel orthographico-orthologique. St.-Pétersbourg. 1877. (Для средних классовъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ имѣется въ виду главнымъ образомъ разговорный французскій языкъ).

Словари.

Макаровъ, Н. Полный французско-русскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1870.

Макаровъ, Н. Полный русско-французскій словарь. Въ двухъ частяхъ. Изданіе 2-е. Спб. 1874.

Макаровъ, Н. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній: Часть французско-русская. Спб. 1873.—Часть русско-французская. Спб. 1874.—Изданіе 3-е. Спб. 1880. Ц. 2 р. (г. министр народнаго просвѣщенія предложилъ начальствамъ учебныхъ округовъ приобретать означенные словари для учебныхъ заведеній предпочтительно предъ всѣми другими подобнаго рода изданіями).

Крестлингеръ, Л. Французско-русскій лексиконъ синонимовъ, поговорокъ, пословицъ и особенностей разговорнаго французскаго языка. Спб. 1862.

Рейфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карлсруэ. 1860—1861.—Часть I—русская; часть II—французская. 1874.

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Руководства:

Аллендорфъ, А. Учебникъ нѣмецкой грамматики, изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка, для среднихъ учеб-

ныхъ заведеній, въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Москва. 1875.—
Изданіе 2-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1878.

Време, А. Гриверъ, Э. и Мазингъ, Ф. Грамматика нѣмецкаго языка.
Спб. 1882.

Brehme, Grieser und Masing. Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehr-
anstalten. S. Petersburg. 1882 г. (для нѣмецкихъ училищъ, мужскихъ
и женскихъ).

Вѣлицкій, К. Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ клас-
совъ среднихъ учебныхъ заведеній. Одесса. 1874 (для II, III и IV
классовъ гимназій и прогимназій).—Часть I. Изд. 5-е, исправленное.
Одесса. 1882. Цѣна 80 к.

Вѣлицкій, К. Краткая нѣмецкая грамматика. Изд. 4-е, исправ-
ленное. Одесса. 1882. Ц. 40 к. (Для училищъ, въ которыхъ нѣмецкій
языкъ преподается по учебнику того же автора).

Кейзеръ, О. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія
Изд. 13-е. Москва. 1878.—Изд. 15-е. Москва. 1882. Ц. 30 к.—Часть
II. Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія по правиламъ этимологія.
Изд. 6-е, исправленное. Москва. 1879. Изд. 7-е. Москва. 1881. Ц.
1 р. (для II, III и IV классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

Керковиусъ, Эмилій. Краткая нѣмецкая грамматика. Изд. 6-е
съ прибавленіемъ нѣмецкаго текста. Вѣна. 1882. Ц. 50 к.

Маакъ, А. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсы I, II, III и IV
классовъ гимназій. Изданіе 2-е. Спб. 1862—1866. Тоже курсы I.
Изданіе 6-е, исправленное. Спб. 1876.—Курсы II. Изданіе 5-е, исправ-
ленное. Спб. 1875.—Курсы III. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1875.—
Курсы IV. Изданіе 2-е, передѣланное. Спб. 1876.

Фрей, А. Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій. Спб. 1866.

Пособія:

Аделловъ, Ф. Этимологія нѣмецкаго языка. Тамбовъ. 1872.

Аллендорфъ, Иванъ. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго
языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ.
Одесса. 1882. Ц. 1 р. 30 к. (для старшихъ классовъ).

Баронъ, А. Систематическій курсъ нѣмецкой этимологіи для стар-
шихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1881. Ц. 85 к.,
съ пересылкою 1 р.

Верте, Н. Нѣмецкая хрестоматія, заключающая въ себѣ выборъ
статей въ прозѣ и стихахъ изъ твореній нѣмецкихъ классиковъ всѣхъ

столѣтій. Изд. 4-е. Спб. 1866.—Изд. 12-е. Спб. 1879.—Изд. 13-е. Спб. 1881. Ц. 75 к.

Brandt, Friedrich. Deutsche Chrestomatie für russische Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen, sachlichen Erklärungen und einem deutsch-russischen Wörterbuche. S.-Petersburg. 1877. Ц. 2 р. (Для старшихъ классовъ).

Вѣлицкій, К. Нѣмецкая хрестоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Одесса. 1879. Ц. 2 р.

Герингъ, Э. Хрестоматія, или собраніе статей для переводовъ съ нѣмецкаго языка на русскій. Москва. 1858.

Де-ла-Мотъ-Фуке, Ундина. Разсказъ, изданный для русскихъ гимназій О. Шталемъ. Москва. 1866.

Кейзеръ, Э. Краткая нѣмецкая грамматика. Часть III. Синтаксисъ, съ нѣмецкими примѣрами, упражненіями и статьями для перевода съ русскаго. Изданіе 5-е, исправленное. Москва. 1879.

Кейзеръ, Э. Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, содержащій предварительныя синтаксическія правила, полный словарь на каждую статью и краткій обзоръ нѣмецкой литературы. Изданіе 3-е. Москва. 1863. Изданіе 9-е. Москва. 1882. Цѣна 1 р. (Для высшихъ классовъ).

Керковиусъ, Эм. Практическій курсъ нѣмецкаго языка. Составл. примѣнительно къ новой учебной программѣ. Изданіе 12-е. Вѣна. 1880. Изданіе 13-е (стереотипное). Вѣна. 1882 г. Цѣна 80 к. (Для низшихъ классовъ).

Керковиусъ, Эм. Deutsches Lesebuch für die oberen Klassen der Gymnasien. Leipzig. 1874. Zweite stark vermehrte Auflage. Wien. 1882. Deutsch-russisches Wörterbuch. — Нѣмецко-русскій словарь. Вѣна. 1882 г. Цѣна хрестоматіи съ словаремъ 1 р. 40 к.

Крафтъ, К. Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Кіевъ. 1878. Ц. 80 к.—Выпускъ I. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Кіевъ. 1880. Ц. 1 р.

Лешъ, П. Ученическая бібліотека. Пособіе для изученія нѣмецкаго языка. Выпускъ I. Смерть Валленштейна. Фр. Шиллера. Съ примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1873.

Массонъ, М. Практическое руководство для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Съ грамматическими упражненіями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Изданіе 4-е, исправленное. Спб. 1865.—Изданіе 9-е. Спб. 1877.

Masson, M. Musterstücke. Ein Lesebuch zum Gebrauch in den mittleren und obersten Klassen russischer Lehranstalten. Mit Erläuterungen, erklärenden Anmerkungen und einem Wörterbuche. Образцовыя статьи. Книга для чтенія и переводовъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Съ пояснительными примѣчаніями и словаремъ. Спб. 1864.—Изданіе 4-е. Спб. 1877. (Для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій).

Masson, M. Prosaische und poetische Lesestücke. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ. Пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка для употребленія въ младшихъ и среднихъ классахъ. Изданіе 11-е. Спб. 1874.

Мюллеръ, Л. Deutsches Lesebuch für Haus und Schule in Russland. I Theil. Vorbereitungsstufe. Auswahl von Uebungsstücken zum Schreiben, Lesen, Uebersetzen und Auswendig lernen nebst deutsch-russischen Vocabeln dazu. 3-te verbesserte Ausgabe. St. Petersburg. 1878. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, для употребленія дома и въ училищахъ. Часть I. Приготовительный курсъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1875.—Изданіе 3-е, исправленное. Спб. 1878.

Мюллеръ, Л. Deutsches Lesebuch für Haus und Schule in Russland. Eine Auswahl von deutschen und russischen Uebungsstücken in Prosa und Versen, nebst deutsch-russischen und russisch-deutsch-französischen Vokabeln zu denselben. Zweiter Theil, für untere Gymnasialklassen. Fünfte verbesserte, mit Vorübungen vershene Ausgabe. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для учебныхъ заведеній въ Россіи. Выборъ нѣмецкихъ и русскихъ статей въ прозѣ и стихахъ, съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго и русско-нѣмецко-французскаго словаря. Часть II. Курсъ низшихъ классовъ гимназій Пятое, исправленное и съ предварительными упражненіями умноженное изданіе. Спб. 1881 г. (Для нѣмецкихъ школъ).

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, для учебныхъ заведеній въ Россіи. Часть II. Курсъ низшихъ классовъ гимназій. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Книга для чтенія и перевода съ нѣмецкаго и русскаго языковъ, для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть III. Спб. 1875.

Мюллеръ, Л. Практическій синтаксисъ нѣмецкаго языка. Спб. 1876.

Недлеръ, Г. Сборникъ замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1877.

Недлеръ, Г. Нѣмецко-русскій словарь къ Сборнику замѣчательныхъ произведеній классической нѣмецкой литературы. Спб. 1879.

Стурцель, Ю. Сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ. Для употребленія въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій. Часть I. Москва. 1859.—Изданіе 2-е. Москва. 1878 (для V, VI и VII классовъ).—Часть II. Москва. 1871. (Для высшихъ классовъ). Ц. 1 р. 50 к.

Топоровъ, В. Гимназическій курсъ постепенныхъ грамматическихъ и практическихъ упражненій въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Изданіе 4-е, исправленное и во многомъ дополненное. Одесса. 1865.

Топоровъ, В. Нѣмецкая хрестоматія для русскаго юношества, или полный сборникъ образцовыхъ статей на нѣмецкомъ языкѣ, въ прозѣ и стихахъ. Изданіе 2-е. Одесса и Лейпцигъ. 1857. Для старшихъ классовъ).

Фидлеръ, Г. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Два курса. Москва. 1864.

Фрейсъ, М. и Цейдлеръ, Э. Сборникъ нѣмецкихъ стихотвореній для всѣхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1888. (Необязательное пособіе).

Фишеръ, А. Начальная книга нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Спб. Курсъ I. 1866.—Курсъ II. 1867.

Шафрановъ, С. Нѣмецкая хрестоматія для упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, съ объясненіемъ труднѣйшихъ выраженій и оборотовъ. Изданіе 2-е. Ревель. 1864.

Эртель, М. Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, вмѣстѣ съ словаремъ. Одесса. 1871.—Изданіе 2-е, исправленное. Лейпцигъ. 1874.

Oertel, M. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. 10-te Auflage. Odessa. 1870.

Словари.

Макаровъ, Н. и Шереръ, В. Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть русско-нѣмецкая. Спб. 1876.

Рейфъ, Ф. Параллельные словари языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Карlsruэ. 1860—1861. Часть III—нѣмецкая.

Фрей, А. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Taschen-Wörterbuch, auf Grundlage des Hand-Wörterbuches der russischen und deutschen Sprachen von Friedr. Boech und Adam Frey, zum Hand- und Schulgebrauch bearbeitet. I. Deutsch-russisches Wörterbuch. Leipzig.

Фрей, А. Schul-Wörterbuch der deutschen und russischen Sprache. Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Лейпцигъ. 1875.

Воско. Желѣзнодорожный нѣмецко-французско-русскій словарь. Со включеніемъ номенклатуры механическаго, стротельнаго и горнозаводскаго дѣла, а также вспомогательныхъ къ нимъ наукъ. Варшава. 1876.

в) АНГЛИСКІИ ЯЗЫКЪ.

Пособія:

Гердъ, Р. Modern English. Сборникъ статей изъ новѣйшихъ англійскихъ писателей, съ примѣчаніями, біографическими очерками и словаремъ. Москва. 1881 г. Цѣна 1 руб. 75 к.

Словари.

Александровъ, А. Полный англо-русскій словарь въ пяти выпускахъ. Спб. 1877—1878.

Reiff, C.H. P. H. English dictionary. Fourth part. 1862. Часть англійско-русско-французско-нѣмецкая. Carlsruhe. St.-Petersburg. Leipzig. Paris. 1862.

Х. Чистописаніе, черченіе и рисованіе.

Фонъ-Веннетъ. Курсъ чистописанія и скорописи, съ объяснительнымъ текстомъ и образчиками письма на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Одесса. 1873.

Верре, А. Способъ къ обученію скорописи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1874.

Гербачъ, В. Руководство къ обученію письму. I. Прописи русскія; II. Прописи французскія и нѣмецкія; III. Прописи латинскія и греческія. Спб. 1875.

Гербачъ, В. Русская скоропись. Упраженія для свободнаго движенія руки и приобрѣтенія четкой скорописи. Спб. 1879.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Тетради съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома (10 тетрадей). Изданіе Н. Фену и К°.

Гербачъ, В. Школа чистописанія. Французскіе и нѣмецкіе образцы. (Серія вторая, 6 тетрадей).

Грековъ, Ф. В. Полный систематическій курсъ чистописанія, скорописи и письма тушымъ перомъ. Въ 4-хъ частяхъ. Изд. I. Москвѣ. 1882. Цѣна 1-й части 25 к., 2-й 30 к., 3-й и 4-й по 50 к.

Мессеръ, Я. Обученіе письму, въ трехъ курсахъ. Спб. 1862.

Нѣмецъ, Я. Перспективное рисованіе геометрическихъ формъ. Съ 126 политипажами въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Одесса. 1877.

Павловъ, А. Руководство къ обученію письму для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ письма на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ. Москва. 1877.

Раковичъ. Краткое руководство къ линейному черченію, извлеченное изъ курса линейнаго рисованія Ла мотта. Казань. 1861.

Сапожниковъ, А. Курсъ рисованія. Спб. 1849.

Troschel. Wandtafeln für den Zeichenunterricht.

XI. Пѣніе.

Потудовъ, Н. Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной россійской церкви. Москва. 1873.

Вессель, Н. и Альбрехтъ, Е. Школьные пѣсни: 115 народныхъ литературныхъ, историческихъ и военныхъ пѣсенъ, положенныхъ для школъ на 1, 2 и 3 голоса. Спб. 1876 (для низшихъ классовъ).

Мареничъ, Г. Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію. Спб. 1878.

XII. Гимнастика.

Клостерманъ. Краткое руководство къ главнѣйшимъ волевымъ гимнастическимъ движеніямъ. Ломжа. 1873.

Шмидтъ, К. Стѣнные таблицы политипажей къ руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ семинарій и школъ. Спб. 1873.

КНИГИ, ОДОБРЕННЫЯ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ *).

М а т е м а т и к а.

АРИΘΜΕΤΙΚΑ.

Пособіе:

Прокофьевъ, А. Коммерческая арифметика и торговля операціи. Съ приложеніемъ графической таблицы колебаній русскаго вексельнаго курса. Москва. 1877.

АЛГЕВРА.

Руководства:

Гришинъ, Р. Очеркъ теоріи соединеній, въ объемъ курса реальныхъ училищъ. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Фреловъ. Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Ч. I. Приложеніе алгебры къ геометріи. Изд. 4-е. Спб. 1880.

Пособіе:

Влюмбергъ, Я. Дополнительные статьи алгебры. Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. Спб. 1878, и 2-е изданіе: Спб. 1882. Ц. 1 р.

ГЕОМЕТРІЯ И ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ЧЕРЧЕНІЕ.

Руководства:

Леве, А. Руководство начальной геометріи, составленное примѣнительно къ учебнымъ планамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Изданіе 3-е, вновь передѣланное (съ 350 политипажами). Спб. 1876.

Мамышевъ, К. Начала начертательной геометріи. Руководство для реальныхъ училищъ. Изданіе 2-е (съ таблицами чертежей). Спб. 1875.—Изданіе 3-е (съ IX таблицами чертежей). Спб. 1880. Ц. 80 к

Мамышевъ, К. Геометрическія свойства употребительнѣйшихъ кривыхъ и способы ихъ вычерчиванія. Спб. 1875.

---

*) Сверхъ книгъ общихъ для реальныхъ училищъ съ гимназіями.

Пособія:

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей. Спб. 1880 (для IV и V классовъ).

Гавловскій, А. Руководство геометрическаго черченія: I. Теорія проеціій. — II. Теорія перспективы. — III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. Спб. 1879 (для VI класса).

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Векелю, Шпицу и др. Книга I. Планиметрія. Съ таблицею чертежей. Спб. 1875 (въ особенності отдѣлъ геометрическихъ построеній). Изд. 2-е, 1877. Ц. 70 к. — Книга II. Стереометрія. Съ приложеніемъ задачъ на шахіа и мініа, а также геометрическихъ темъ для окончательныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ таблицею чертежей. Спб. 1879. Ц. 80 к.

Нечаевъ, Н. П. Курсъ черченія: I. Геометрическое черченіе. Изд. 3-е. Москва. 1880.—II. Проекціонное черченіе съ приложеніемъ задачъ по начертательной геометріи. Изд. 3-е. М. 1881.—III. Перспективное черченіе. Изд. 3-е. Москва. 1881 г.

Орловъ. Руководство къ геометрическому линейному черченію. Выпускъ I. Съ атласомъ чертежей на 28 таблицахъ. Казань. 1878.

Пальшау, А. Начала начертательной геометріи, теорія тѣпей и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Курсъ реальныхъ училищъ. Харьковъ. 1882. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, М. Я. Собраніе задачъ для геометрическаго и проекціоннаго черченія. Варшава. 1882. Ц. 1 р.

Федорченко, М. Дополнительный курсъ элементарной геометріи. Съ XII таблицами чертежей. Одесса. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

ТРИГОНОМЕТРИЯ И ТОПОГРАФІЯ.

Пособія:

Вѣликовъ, С. Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Съ чертежами въ текстѣ. Часть I. Введеніе. Черченіе плановъ и пользованіе ими.—Часть II. Инструментальная съемка. Москва. 1880.

Пржевальскій, Е. Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Съ 86 фигурами въ текстѣ. Москва. 1878.

Травинъ, В. Руководство къ низшей геодезіи. Наставленіе къ

употребленію геодезическихъ инструментовъ и производству хозяйственныхъ съемокъ. Съ приложеніемъ 15 таблицъ чертежей. Сост. по Волотову, Вауерифейду и др. Москва. 1879. (Для дополнительныхъ классовъ). Ц. 2 р.

МЕХАНИКА.

Руководства.

Котельниковъ, Е. Элементарный курсъ механики. Для реальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Спб. 1881. Ц. 3 р.

Оонне. Основныя начала прикладной механики. Перевелъ съ 5-го французскаго изданія и дополнилъ примѣчаніями и статьями объ ударѣ тѣлъ и моментахъ инерціи В. Лигинъ. Съ 12 листами чертежей. Одесса. 1876.—Изданіе 2-е, дополненное. Одесса. 1879.

Пособія:

Гуржеевъ, С. Учебникъ механики. I. Теоретическая механика. Съ 167 полнотипажамъ въ текстѣ и собраніемъ задачъ съ ихъ рѣшеніями. Спб. 1881. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, Е. Общій элементарный курсъ механики, съ приложеніемъ собранія задачъ. Изданіе 3-е, исправленное, значительно дополненное и приспособленное къ потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1877.

Котельниковъ, Е. Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной механики для реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Спб. 1881. Цѣна 50 к.

Рело. Руководство къ проектированію машинъ для инженеръ-механиковъ, строителей, фабрикантовъ и техническихъ и реальныхъ училищъ. Перевели инженеръ-механики Е. Зотиковъ, П. Тетеревъ и Н. Зиминъ. Съ 714 полнотипажамъ въ текстѣ. Выпускъ I. Москва. 1878.

Филатьевъ, А. Курсъ элементарной механики. Часть I. Съ XIV литографическими таблицами и 276 фигурами. Спб. 1875.

ФИЗИКА.

Руководство:

Полжотыцкій, В. Сокращенное руководство къ физикѣ для женскихъ училищъ, для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ и

другихъ, въ которыхъ этотъ предметъ преподается въ сокращенномъ объемѣ. Съ 307 политипажными рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Варшава. 1878.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГІЯ.

Пособія:

Лестафть, Ф. Курсъ химической технологіи. Сост. по программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. Съ 184 политипажными въ текстѣ. Сиб. 1877.

Соколовъ, П. Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученія. Политипажники въ текстѣ. Сиб. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

СЧЕТОВОДСТВО.

Пособія:

Журавъ, Ѡ. Бухгалтерія или наука книговеденія, по двойной системѣ, съ приложеніемъ 1-го чертежа и 1-го листа, объясняющихъ ходъ суммъ по счетамъ, 1-го отдѣльнаго забалансированнаго самимъ собою балансоваго листа, 1-го чертежа ярмарки и 1-го особаго листа, показывающаго подробности ярмарочныхъ оборотовъ, изложенная самымъ удобопонятнымъ образомъ и предназначенная преимущественно для самоучащихся. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1874.

Блинге, К. Руководство конторскихъ знаній. Спб. 1857.

Рейнботъ, П. Банковое счетоводство. Спб. 1874.

Рейнботъ, П. Фабричное счетоводство. Спб. 1875.

КОММЕРЧЕСКІЯ НАУКИ.

Руководство:

Прокофьевъ, А. Курсъ двойной бухгалтеріи. Руководство для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для лицъ, занимающихся конторскими и торговыми дѣлами. Москва. 1883. Ц. 2 р.

Пособія:

Васильевъ-Яковлевъ. Двойная бухгалтерія (итальянская). Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для самообученія. Кіевъ. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

Краковский, Н. Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденции. Сиб. 1882. Цѣна 4 р.

Субботинъ, А. П. Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи въ связи съ торгово-промышленною статистикою Россіи и другихъ странъ. Сиб. 1878.

Рейнботъ, П. Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. Сиб.

Рейнботъ, П. Руководство коммерческихъ и финансовыхъ вычислений. Сиб. 1865.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособія:

Кутузовъ, В. Сборникъ статей изъ новѣйшей технической литературы Франціи. Хрестоматія для специальныхъ техническихъ заведеній, съ словаремъ и 32 молитвами въ текстѣ. Изданіе для Россіи. Гейдельбергъ. 1878. (Для старшихъ классовъ).

Mangier, J. Recueil de compositions françaises, comprenant des sujets de lettres, de dialogues, de descriptions, de portraits, de narrations, de discours et de dissertations ou lieux-communs, avec des préceptes généraux sur le style de chaque genre de composition, et un plan et des développemens pour chaque devoir. Tiflis. 1878. (Для коммерческихъ отдѣленій). Ц. 1 р.

НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Пособія:

Ауссонъ, X. Капитанская дочка А. С. Пушкина. Для переводовъ на нѣмецкій языкъ снабдилъ примѣчаніями и словаремъ. Москва. 1883. Ц. 75 к. (Для реальныхъ училищъ).

Дмитріевскій, М. Нѣмецкая хрестоматія для высшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Сборникъ избранныхъ статей по естествовѣдѣнію и техническимъ наукамъ. Казань. 1879. (Для VI и дополнительныхъ классовъ). Ц. 75 к.

ЧЕРЧЕНІЕ И РИСОВАНІЕ.

Пособія:

Раевская-Иванова, М. Д. Азбука рисованія для семьи и школы. Руководство для родителей и воспитателей. Харьковъ. 1879.

Адамюкъ, I. 18 таблицъ, изображающихъ плоскіе орнаменты. (Для I класса).

ЧИСТОПИСАНИЕ.

Руководство:

Гербачъ, В. Школа чистописанія. 2) Прописи круглаго шрифта. (Серія третья, 4 тетради).

ДЛЯ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Естествовѣдѣніе.

ЗООЛОГІЯ.

Руководства:

Михайловъ, Д. Курсъ естественной исторіи: (Введеніе и краткая зоологія). Изд. 4-е. Спб. 1865. Изд. 8-е, испр. и допол. Спб. 1880. Ц. 75 коп.

Поплавскій, А. Курсъ зоологіи. Изд. 3-е, дополненное согласно программѣ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876. Ц. 60 коп.

Ясенскій, П. Учебникъ зоологіи. Руководство для реальныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ. Съ 153 полит. въ текстѣ. Сиб. 1883. Ц. 1 р. 50 коп.

Пособія:

Вогдановъ, А. Зоологія и зоологическая хрестоматія въ объемѣ среднихъ учебн. завед. Томъ 1-й (три выпуска). Безпозвоночныя животныя. Москва. 1862—1865. Ц. 4 р. 25 коп.

Времъ, А. Иллюстрированная жизнь животныхъ. Народное и школьное изданіе, обработанное Ф. Шедлеромъ. Два тома (млекопитающія и птицы). Спб. 1876. Ц. 5 р. 50 коп.

Вагнеръ, Н. Очерки зоологіи, съ франц. учебника Поля Бера, передѣланныя для русскихъ дѣтей и школы. Спб. 1883. Ц. 1 р. 40 к.

Гердъ, А. Учебникъ зоологіи для средисучебн. завед. и самообразованія. Часть I-я. Безпозвоночныя. Съ 239 рис. Сиб. 1877. Ц. 2 р.— Часть II-я. Позвоночныя. 1881. Ц. 1 р. 50 коп.

Григорьевъ, В. Элементарный курсъ естественной исторіи. Зооло-

гія. Съ 206 политип. Изд. 3-е. Москва. 1864.—Изд. 6-е. 1877, VI и 239 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Дитлейнъ. Картины изъ жизни животныхъ: зоологическая христоматія. Переводъ съ нѣм. подъ редакц. А. Кирпотенко. Вып. I. 1879. 1/2 179 стр. Ц. 60 коп. Вып. 2-й. 1880. 1/2 394 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Каршъ. Міръ насѣкомыхъ. Карманное руководство для энтомологическихъ экскурсій. Перев. подъ редакц. П. Зенгера. Съ 4 табл. Москва. 1865. Ц. 1 р. 50 коп.

Кирби и Спенсъ. Введеніе въ энтомологію или общая исторія насѣкомыхъ. Переводъ съ англійскаго Мина. Москва. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к.

Кесслеръ, К. Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европейской Россіи. Кіевъ. 1847.

Ковалевскій, А. Краткій учебникъ зоологіи, съ 365 рис. Сиб. 1867. 2-е изданіе передѣлани. изд. 1869. Ц. 1 р. 50 коп. •

Лейнисъ, О. Руководство къ зоологіи, съ таблицами для опредѣленія животныхъ. Переведено и дополн. Д. Быковымъ. Съ 489 рис. въ текстѣ. Спб. 1868. Ц. 2 р. 50 коп.

Михайловъ, Д. Приготовительный курсъ зоологіи, составленный по методу Любена и Габріеля. Спб. 1862.—4-е изд. 1875. 1/2. 206 стр. Ц. 85 коп.

Русодорфъ и Мазіусъ. Начальныя основанія физиологіи и зоологіи. Подъ редакцію Страхова и Сентъ-Илера. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 коп.

Сентъ-Илеръ, К. Элементарный курсъ зоологіи, съ приложеніемъ задачъ и лѣтнихъ занятій по зоологіи. Изд. 10-е, исправл. и значительно дополн. 1881. Ц. 1 р. 25 коп.

Симашко, Ю. Руководство къ зоологіи. 3-е испр. изд. Спб. 1861—1864. 2 части. Ц. 2 руб.

Сорокинъ, Ник. Учебникъ зоологіи. Курсъ приготовительный и систематическій. Съ 248 рис. въ текстѣ. Москва. 1883. Ц. 1 р. 50 коп.

БОТАНИКА.

Руководства:

Векетовъ, А. Руководство къ систематическому изученію ботаники для школъ и самообученія А. Любена. По 4-му нѣм. изд. Изд. 3-е. Спб. 1877.—Изд. 4-е 1880. Ц. 2 р. 50 коп.

Поплавскій, А. Курсъ ботаники. Изд. 2-е, значит. исправл. 34 рис. Варшава. 1876. Ц. 60 коп.

Раевскій, Н. Систематическій курсъ ботаники, составленный для

реальныхъ училищъ. Изд. 2-е, исправленн. Съ 142 рис. Спб. 1880. Ц. 1 р. 25 коп.

Ярошевскій, К. Учебникъ ботаники. Руководство для среднихъ учебн. завсд. съ реальнымъ курсомъ. Съ 234 полит. въ текстѣ. Москва. 1879. Ц. 1 р. 50 коп.

Пособія:

Анненковъ, А. Ботаническій словарь или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными племенами, обитающими въ Россіи. Москва. 1859.—Изд. 2-е. Спб. 1876. Ц. 8 руб.

Ауэрсвальдъ, В. и Россмеслеръ, Э. Ботаническія бесѣды. Перев. въ примѣненіи къ отечественной флорѣ А. Бекетовымъ. Съ 50 раскраш. рис. и 399 политип. Спб. 1861.—Изд. 2-е. 1866. Ц. 1 руб. 50 коп.

Ауэрсвальдъ, В. Руководство къ рациональному способу герборизаціи. Перев. въ нѣм., съ дополненіями и примѣчаніями А. Мизгера. Съ 52 политип. въ текстѣ. Харьковъ. 1864. Ц. 1 руб.

Де-Вари, А. Ботаника. Переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми измѣненіями, подъ редакц. Хр. Гоби. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1880. Ц. 60 коп.

Виницкій, А. Растительное царство или описаніе растеній, расположенныхъ по естественной системѣ. Съ 405 политип. Перев. подъ редакц. А. Бекетова. Спб. 1864. Ц. 1 руб. 50 коп.

Григорьевъ, В. Руководство къ ботаникѣ. Съ 507 политипажамми. Москва. 1863. Ц. 3 руб.

Григорьевъ, В. Краткая ботаника. Съ 492 политипажамми. Москва. 1871. Ц. 2 руб.

Гукеръ, І. Начатки ботаники. Переводъ съ англійскаго съ измѣненіями и дополненіями А. Ваталина. Съ 67 рисунками. Спб. 1877. IV и 95 стр. Ц. 50 коп.

Джонсонъ, С. Какъ живетъ растеніе. Объясненіе главнѣйшихъ явленій въ жизни растенія. Пособіе для садоводовъ и сельскихъ хозяевъ. Переводъ съ англійскаго. Изд. Императ. Россійскаго Общества Садоводства. Спб. 1872. Ц. 60 коп.

Карицкій, А. Собираніе растеній и составленіе гербарія. Практи-

ческія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ. Москва. 1878. Ц. 40 коп.

Кирпиченко, А. Учебный курсъ ботаники. Методическое руководство для среднихъ и высшихъ школъ. Вып. I-й. Курсъ приготовительный. 1880. Ц. 75 коп. Вып. II-й. Морфологія и систематика сѣмянныхъ растений. Съ 314 рисунками. 1881. Ц. 2 руб. Выпускъ III-й. Морфологія, исторія развитія и систематика споровыхъ растений. Съ 104 рисунками. Спб. 1882. Ц. 1 руб. 60 коп.

Кирпиченко, А. II. Начальная ботаника. Сокращенное изд. „Учебнаго курса ботаники“, исправленное и дополненное. Съ 250 рисунками. Спб. 1884. Ц. 1 руб. 50 коп.

Меліоранскій, М. Ботаника весной. Свѣдѣнія объ устройствѣ и жизни растений, основанныя на изученіи весеннихъ, преимущественно садовыхъ растений. Съ 70 политипажами и таблицею для опредѣленія деревьевъ и кустарниковъ въ безлиственномъ состояніи. Спб. 1879. 1/4. 164 стр. Ц. 65 к.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники, составленный по Любцу. Изд. 8-е, исправленное. Съ 49 рисунками. Спб. 1880. 1/4. 143 стр. Ц. 75 коп.

Кауфманъ. Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географическій обзоръ Московской губерніи. Москва. 1866. Ц. 3 руб.

Бюри. Руководство къ опредѣленію растений. Переводъ съ нѣмецкаго В. Григорьева. Изд. 2-е. Москва. 1875. Ц. 1 руб. 50 коп.

Постель, Э. Для ботаническихъ экскурсій. Карманный опредѣлитель сосудистыхъ растений, какъ дико растущихъ, такъ и разводныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Меліоранскаго. Спб. 1875. Ц. 1 руб. 60 коп.

Шнейдеръ, Э. Карманная книга флоры. С.-Петербургской губерніи. Спб. 1858. Ц. 2 руб. 50 коп.

МИНЕРАЛОГІЯ.

Руководства:

Гердъ, А. Руководство минералогіи. Изд. 2-е, переработанное. Съ 150 рисунками въ текстѣ. Спб. 1880. 1/4. Ц. 1 руб. 50 коп.

- Матушевскій, А. Краткій очеркъ минералогіи. Варшава. 1870. Ц. 1 руб. 15 коп.

Поплавскій, А. Курсъ минералогіи. Изд. 2-е, дополненное согласно

программъ реальныхъ училищъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Варшава. 1876. Ц. 60 коп.

Яршевскій, В. Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Съ 134 политипажами. Москва. 1877. 3-е исправленное изданіе 1880. 1/4. 233 стр. Ц. 1 руб. 25 коп.

Пособія:

Гофманъ, Э. Руководство къ минералогіи, составленное для русскихъ гимназій. Изд. 3-е, исправленное. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Квенштедтъ, А. Начальныя основанія минералогіи. Переведены и издавы подъ редакціею П. Пузыревскаго. Съ 99 политип. Изд. 2-е. Спб. 1868. Ц. 1 р. 50 к.

Котта, В. Геологическія картины. Переведены и издавы подъ редакціею П. Пузыревскаго. Спб. 1859. Ц. 2 р.

Куторга, С. Естественная исторія земной коры. Съ 181 политипажами и геогностическою картою Россіи. Спб. 1858. Ц. 3 р.

Росмеслеръ, А. Очеркъ исторіи земнаго шара. Переводъ подъ редакціею П. Пузыревскаго. Со многими политипажами. 2 части. Спб. 1861—1865.

АНАТОМІЯ И ФИЗИОЛОГІЯ.

Руководства:

Полю Веръ. Лекціи зоологіи. Переводъ съ французскаго доктора Л. Н. Симонова. Предисловіе профессора И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882. 458 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Гарчинскій, И. Очерки анатоміи, физиологіи и гигиены. Руководство для реальныхъ училищъ и пособіе для самообразования. Со многими политипажами. Спб. 1883. Ц. 1 р. 50 к.

Пособія:

Аникіевъ, П. Учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ съ краткимъ очеркомъ жизнедѣятельности растеній. Съ 81 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, исправленное и значительно пополненное. Спб. 1880. Ц. 1 р. 50 к.

Фидлеръ, А. и Влахвицъ, I. Строеніе человѣческаго тѣла. Руководство для преподаванія въ училищахъ при употребленіи анатомическихъ таблицъ Фидлера. Перев. Ф. Афанасьевичъ. 8 рис. Спб. 1875. Ц. 60 коп.

ХИМІЯ И ТЕХНОЛОГІЯ.

Руководство:

Ковалевскій, С. Учебникъ химіи. Спб. 1878. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1880. Изд. 4-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1882. Ц. 1 р. 50 к.

Пособія:

Ващенко-Захарченко, А. Приготовительный курсъ химіи. Учебникъ для начинающихъ. Вып. I. Химія описательная. Черниговъ. 1870. Ц. 55 к.

Салозинъ, В. Руководство къ качественному химическому анализу, для начинающихъ. Спб. 1880. Ц. 75 к.

Роско. Краткій учебникъ минеральной и органической химіи. Перев. съ нѣмецкаго Д. Менделѣева. Спб. 1868. 2-е изд. 1876. Ц. 2 р.

Шансель и Жораръ. Аналитическая химія. Перев., дополн. и изд. подъ редакц. Д. Менделѣева. Съ 149 рис. Качественный анализъ. Спб. 1864. Ц. 1 р. 50 к. Количественный анализъ. Три вып. 1864—1866. Спб. Ц. 3 р. 75 к.

Лесгафтъ, Ф. Курсъ химической технологіи, составленный по программѣ, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. Съ 184 полтинпажами. Спб. 1877.

Соколовъ, П. Обработка металловъ и дерева. Руководство для реальныхъ училищъ, ремесленныхъ школъ и самообученія. Полтин. въ текстъ. Спб. 1881. Ц. 2 р. 50 к.

Пособія ко некимъ отдѣламъ естествовѣдѣнія.

Варрава, М. Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Москва. Зоологія. Годъ I. 3-е изд. Ц. 80 к. Зоологія. Годъ II и III. 1879. Ц. 1 р. Ботаника. Годъ I. 3-е изд. 1882. Ц. 50 к. Ботаника. Годъ II и III. Изд. 2-е, 1882. Ц. 90 к. Минералогія. Изд. 3-е. 1882. Ц. 80 к.

Гехоли и Мартинъ. Практическія работы по ботаникѣ и зоологій (элементарный курсъ биологій). Переводъ съ англійскаго А. Герда. Спб. 1877. 8°. 218 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кирпотенко, А. Руководство къ лѣтнимъ занятіямъ по наблюденію природы и собиранію естественно-историческихъ коллекцій. Изд. 2-е, значительно дополненное. Съ рис. въ текстѣ. Спб. 1879. Ц. 30 к. Изд. 4-е. 1882. Ц. 40 к.

Любень, А. Краткое руководство къ методическому изученію естественной исторіи въ начальныхъ школахъ, городскихъ училищахъ, гимназіяхъ и семинаріяхъ, со многими задачами и вопросами. Съ 15-го нѣмецкаго изданія перевелъ Н. Огородниковъ. Спб. 1875. Курсъ I и II. 62 и 177 стр. Ц. 75 к.

Степановъ, П. Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Составилъ по Бауманну съ измѣненіями въ примѣненіи къ естественнымъ произведеніямъ Россіи. Съ 366 рис. Спб. 1868. 5-е изд. 1875. 9-е изд. 1880. Ц. 1 р.

Атласы и коллекціи.

Арендсъ, К. Учебный атласъ естественной исторіи, приспособленный къ методическому преподаванію. 2-е изд. Спб. 1873.—3-е изд. 1883. Совершенно измѣнено и дополн. д-мъ А. Брандтомъ. 53 табл. Ц. 1 р. 75 коп.

Вромше, Ф. Систематическій атласъ къ естественной исторіи. Для употребленія въ школѣ и дома. 37 раскраш. и одна черная табл. съ 700 рис. и объяснит. текстомъ, составленнымъ Ю. Симашко. Спб. 1863. Изд. 3-е испр. и доп. 1874. Текстъ составленъ Ю. Симашко и А. Павловскимъ. Ц. 3 р. 50 коп.

Стѣнные естественно-историческія таблицы, изд. Императ. вольнымъ экономическимъ обществомъ, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ. Спб. 1875. 20 наклепныхъ на папку таблицъ; изъ нихъ 3 по анатоміи челоука, 10 зоологическихъ и 7 по ботаникѣ. 2-е изд. 1879. Ц. 8 руб.

Гюбнеръ, И. Систематическій атласъ растений, содержащій на 32 табл. 400 видовъ растений и 2000 рис. по морфологій съ отдѣльнымъ текстомъ. Спб. 1876. Ц. 3 р.

Животовскій, Н. Стѣпной ботаническій атласъ. Два вып. Спб. 1878. 32 хромолитогр. табл. Ц. 18 руб.

Животовскій, Н. Учебный ботаническій атласъ. Вып. I-й, 1876. Спб. 19 хромолитогр. табл. въ 1/2 листа. Ц. 2 р.

Шубертъ. Ботаническій атласъ, какъ вспомогательное дополненіе ко всякому учебному руководству, съ приложеніемъ краткаго пояснительнаго текста. Переводъ съ нѣм. Н. Раевского. Спб. 2-е изд. 1879. ¼ VIII и 68 стр. и 53 листа рисунковъ. Ц. 7 руб.

Петунниковъ, А. Устройство человѣческаго тѣла, представленное на раскладныхъ анатомическихъ рисункахъ. Изд. 3-е, съ брошюрою подъ заглавіемъ: Начальныя основанія анатоміи человѣка. Москва. 1874. Ц. 1 р. 50 коп.

Фидлеръ, А. Анатомическія таблицы для употребленія въ училищахъ. Рисованы съ натуры и литографированы М. Брандемъ. 4 раскраш. карт. большаго формата. Рига. 1879. Ц. 4 р. На холстѣ 7 р. 50 коп.

Эгардъ, Т. Строеніе человѣческаго тѣла. Стѣнные хромотографированные рисунки внутреннихъ частей и органовъ человѣческаго тѣла. Изданы съ 4-го нѣм. изд. Фену и К°. 4 табл. Ц. 4 р. 50 к.

Коллекція стеклянныхъ и деревянныхъ полированныхъ кристаллографическихъ формъ, изготовленныхъ подъ руководствомъ профессора минералогіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ барона Ф. Ф. Розена П. Крилицынымъ.

УКАЗАТЕЛЬ

фамилій авторовъ, переводчиковъ и издателей ¹⁾).

- Авенариусъ В., 15.
Авенариусъ, Н., 53.
Адамекъ, І., 70.
Аделловъ, Ф., 60.
Александровъ, А., 64.
Александровъ, И., 39.
Аллендорфъ, А., 59.
Аллендорфъ, Иванъ, 60.
Альбрехтъ, Е., 65.
Амморъ, 54.
Ашаисъ, А., 20, 29.
Аникіевъ, П., 75.
Анненковъ, А., 73.
Автоновъ, А., 8.
Арбузовъ, А., 36, 38.
Арендсъ, К., 77.
Аржавинъ, А., 22.
Арсеньевъ, А., 14.
Ауссемъ, 31, 70.
Ауэрсвальдъ, Б., 73.
Афанасьевъ, Ф., 76.
- Базъ, П., 22, 29.
Балицкий, П., 15.
Бальфуръ-Стюартъ, 43.
Баронъ, А., 60.
- Барсовъ, 15.
Баснстовъ, П., 15.
Басовъ, В., 21, 25, 29.
Баталинъ, А., 73.
Баталинъ, Н., 8, 11, 15, 16, 26, 32.
Бауерифейдъ, 68.
Бауманъ, 77.
Бекетовъ, А., 72, 73.
Белавскъ, 38, 39.
Беллярминовъ, И., 47.
Бопзелеръ, 34.
Беннетъ, фонъ-, 64.
Бергеръ, Э., 25, 32.
Берте, Н., 60.
Бертранъ, І., 38.
Бертъ, Поль, 71, 75.
Бестюжевъ-Рюминъ, К., 45.
Благовъщенскій, Н., 29.
Блажевскій, С., 20.
Блохинъ, І., 76.
Блюмбергъ, Я., 41, 44, 66.
Влюсъ, М., 27, 29.
Богдановъ, А., 71.
Богдановъ, М., 4, 5.
Богдановъ, П., 11.
Богословскій, М., 6.

---

¹⁾ Греческіе и римскіе писатели помѣщены въ русскомъ алфавитѣ.

- Войвентъ, 36.
Вологовъ, 68.
Вонгъ, К., 36.
Врамсонъ, О., 35, 50.
Врандтъ, А., 77.
Врене, 60.
Вренникеръ, К., 42.
Вренъ, А., 71.
Вретшнейдеръ, 50.
Вронне, Ф., 77.
Вруисъ, 44.
Врыгаловъ, А., 50, 52.
Бугаевъ, Н., 38.
Будиловичъ, Ант., 8, 11.
Бунаковъ, И., 8.
Бунаковъ, Н., 16.
Бунаковский, В., 35, 37.
Бураковский, 14.
Буреничъ, К., 36, 37, 38, 43, 44.
Буслаевъ, В., 21.
Буслаевъ, О. 8, 9, 11, 16.
Бусса, О., 35, 36, 39.
Быковъ, Д., 72.
Вичковъ, О., 38.
Бѣликовъ, С., 67.
Бѣлицкій, К., 10, 21, 22, 24, 30, 31,
60, 61.
Вѣловъ, Е., 48.
Вѣлоруссовъ, Н., 8, 10.
Вѣлоха, П., 50, 52.
Вѣлявскій, Е., 8, 10.

Шагнеръ, Н., 71.
Ваденюкъ, П., 50.
Варрава, М., 76.
Васильевскій, В., 49.
Васильевъ, П., 16.
Васильевъ-Лковлевъ, 69.
Васильковскій, С., 45.
Ващенко-Захарченко, 76.
Веберъ, Георгъ, 48.
Веги, Г., 42.
Везенеръ, П., 23, 32.
Вейль, С., 56.
Вейвбергъ, П., 16.
Вейсманъ, А., 34.

Вежалъ, 40, 67.
Веллеръ, 27.
Вергилій, 27, 28.
Верещалгинъ, Н., 41.
Верихбилоничъ, В., 51.
Верре, А., 64.
Весипъ, С., 16.
Вессель, П., 65.
Вигандъ, Е., 30.
Виггертъ, Фр., 23.
Видеманъ, Е., 48, 52.
Вазинъ (фонъ-), 16.
Винмеръ, А., 73.
Виноградовъ, П., 25, 29.
Витошинскій, О., 27.
Владиславевъ, В., 7.
Владиславлевъ, М., 20.
Водовозовъ, В., 8, 45.
Воленсъ, В., 36.
Воролицкій, А., 52.
Ворововъ, А., 35, 36.
Воско, 64.
Воскресенскій, В., 16.
Востокъ, А., 9.
Вреденъ, Э., 48.
Вундеръ, 33.

Гаакъ, 22, 23.
Габриэль, 72.
Гавловскій, А., 67.
Гавриловъ, Н., 10, 13.
Газаховъ, А., 10, 14, 16, 18.
Гано, 43.
Ганъ, 44.
Ганошовъ, Іоаннъ, 7.
Гаргульскій, Станисл., 23.
Гарре, 23.
Гарсэ, Г., 38.
Гауцпъ, 32.
Гарчинскій, И., 75.
Геде, О., 37.
Гейдельбергъ, 32.
Гейзе, 11.
Гейки, А., 44.
Гексли, 77.
Гельбе, К., 23.

Гемиліанъ, А., 56.
Геннинъ, В., 11.
Георгіевскій, А., 30.
Гербачъ, В., 64, 65, 71.
Гердъ, А., 44, 54, 71, 74, 77.
Гордъ, Р., 64.
Гөрринъ, Э., 61.
Геродотъ, 27, 33.
Герцъ, К., 41.
Герье, В., 48.
Гохель, К., 39, 41.
Гика, Д., 40.
Гіларовъ, О., 9, 17.
Гоби, Хр., 73.
Говоровъ, К., 9.
Голубинскій, 53.
Гомеръ, 33, 34.
Гоппе, А. Л., 55.
Горацій Флаккъ, 27, 29, 30.
Гороцкій, Е., 27.
Гофманъ, Авг., 27.
Гофманъ, Э., 75.
Гохштеттеръ, 44.
Грековъ, О., 65.
Гречулевичъ, В., 6.
Грибоѣдовъ, Ал., 17.
Григоревскій, М., 30, 33.
Григорьевъ, В., 71, 73, 74.
Гризерь, Э., 60.
Гришинъ, Р., 44, 66.
Гроспичъ, І, 33.
Грубе, 47, 48.
Грушецкій, 17.
Гукъ, І., 73.
Гулевичъ, В., 51.
Гуревичъ, Я., 45, 47, 48, 49.
Гуржеевъ, С., 68.
Гуторъ, Е., 37, 38, 41.
Гюбнеръ, И., 77.

Давидова, Т., 9.
Давидовъ, А., 38, 39.
Дагенъ, 48.
Данплевскій, 57.
Де-Барп, А., 73.
Дебольскій, Г., 5.

Дейшле, 30.
Де-Ла-Мотъ-Фуке, 61.
Делленъ, А., 23.
Демидовъ, В., 24.
Державинъ, 16.
Дерюгинъ, М., 43.
Джонсонъ, С., 73.
Димосеенъ, 33, 34.
Дитлейнъ, 72.
Дмитріевскій, М., 70.
Дмитріевъ, А., 40, 41, 67.
Добряковъ, А., 45, 46, 48.
Дудшкинъ, В., 40.
Дьячанъ, Ф. 32.

Еврипидъ, 38.
Евстафиевъ, П., 14.
Евтушевскій, В., 37.
Езерскій, Г., 42.
Екатерина II, 16.
Еремѣевъ, Н., 42.
Ефремовъ, П., 17.

Жераръ, 76.
Жбиковскій, А., 35.
Животовскій, Н., 44, 77.
Жуковскій, Вас., 17.
Журавъ, О., 69.

Завьяловъ, Н., 20.
Задеръ, 25.
Замысловскій, Е., 46.
Заркевичъ, І., 7.
Зейффертъ, 25, 30.
Зеленый, С., 41.
Зелипскій, Ф., 30.
Зембергъ, К., 35.
Зенгеръ, Н., 72.
Зибертъ, 22.
Зиминъ, П., 68.
Зиновьевъ, 20.
Знаменскій, А., 43.
Золотовъ, В., 46.
Зонъ, А., 43.
Зотиковъ, Е., 68.

Зубковъ, В. 22, 23.
Зюпфле, К., 22, 23, 24.

Иванидкій, А., 37.
Ивановъ, В., 9, 11.
Ивашковскій, И., 29.
Игнатовичъ, В., 55.
Иловайскій, Д., 45, 46, 47.
Ильинъ, А., 44, 53, 54.
Иноземцевъ, А., 32.
Исаенковъ, В., 23, 24.
Ислентьевъ, Вл., 11.
Исократъ, 33, 34.
Истоминъ, В., 13.

Иеремія, еписк., 7.
Югансонъ, К., 22.
Юрланъ, А., 49.
Юэль, М., 9.

Яз., Л. А., 57.
Калетъ, 42.
Калиниковъ, М., 13.
Камковъ, А., 11.
Канаевъ, А., 37.
Канскій, В., 30.
Кантемиръ, 16.
Каразминъ, Н., 16, 17, 46.
Карицкій, А., 73.
Барновъ, В., 20.
Каригъ, 72.
Катаевъ, Н., 49.
Кауфманъ, 74.
Каульбарсъ, Н., 53.
Кьенштедтъ, А., 75.
Кейзеръ, О., 60, 61.
Копдзерскій, В., 11.
Кеневичъ, В., 9, 18.
Керковиусъ, Э., 23, 60, 61.
Кесслеръ, К., 72.
Кесслеръ, Э., 21, 22.
Кьпертъ, 49.
Кирби, 72.
Кирничниковъ, А., 9, 10, 13, 14, 17.
Кирпотенко, А., 72, 74, 77.
Классовскій, В. 11, 13, 23, 27.

Клеменчикъ, О., 21, 23, 25.
Клима, К., 69.
Клостерманъ, К. 17, 65.
Ковалевскій, А., 72.
Ковалевскій, С., 44, 76.
Ковальскій, Л., 44.
Козырева, В., 4.
Козьминъ, К., 13, 18.
Колосовъ, М., 9, 13.
Комберусть, 37.
Коппе, д-ръ, 30.
Корнелъ, 52.
Коригъ, 48.
Коссовичъ, К., 31.
Котельниковъ, Е., 68.
Котельниковъ, М., 57.
Котта, В., 75.
Кохъ, Э., 30, 31.
Кояловичъ, М., 46.
Красевичъ, К., 38, 42.
Кржакowski, П., 70.
Кранцъ, М., 78.
Красногорскій, П., 11.
Краузе, Вл., 34.
Крафтъ, К., 61.
Кременецкая, 15.
Бреммеръ, Я., 21, 31, 32, 33.
Крестиникъ, А., 57.
Крестиникъ, Л., 59.
Кривницкій, 48.
Кривницинъ, П., 40, 78.
Кристъ, Ж., 43.
Кронебергъ, Н., 29.
Крыловъ, В., 11.
Крыловъ, Ив., 17.
Крюгеръ, А., 30.
Ксенофонтъ, 32, 33, 34.
Кувшинскій, П., 23, 27.
Кузнецовъ, Л., 50.
Кульчискій, Л., 24.
Кукуевъ, 53.
Бурдїусъ, Г., 30, 31, 32, 33.
Буторга, С., 75.
Кутузовъ, В., 70.
Кьнеръ, Р., 21, 31, 33.
Кюри, 74.

- Ламанскій, С., 43.
 Ламовскій, А., 39.
 Ламотъ, 65.
 Лангъ, I., 49.
 Ласкинъ, В., 27.
 Латышевъ, В., 35.
 Лебедевъ, А., 5.
 Лебедевъ, В., 13.
 Лебедевъ, Е., 50, 53, 54.
 Лебедисскій, И., 29, 30.
 Лева, А., 35, 39, 40, 66.
 Лепонитойнъ, J., 30, 32, 33.
 Лежандръ, 39.
 Лейнисъ, О., 72.
 Ленцъ, Э. X., 43, 44.
 Леонтьевъ, Б., 29, 35.
 Лесгафтъ, Ф., 69, 76.
 Леспинъ, 10.
 Лешъ, П., 61.
 Лигианъ, В., 68.
 Лиловъ, А., 29.
 Липбергъ, А., 53.
 Лисіа, 33.
 Литвинова, 43.
 Лозановъ, И., 14.
 Ломопосовъ, М., 16, 17.
 Лонатинскій, Л., 21.
 Лукіапъ, 33.
 Лыткинъ, Г., 52.
 Лѣсковецъ, А., 33.
 Любенъ, А., 72, 74, 77.
 Любкеръ, 30.
 Любимовъ, Н., 42.
 Люгемиль, Б., 27.

 М., А., 27.
 Маакъ, А., 60.
 Мадвинъ, 21, 24.
 Мазинъ, Б., 40.
 Мазинъ, Ф., 60.
 Малиусъ, 72.
 Макаровъ, Н., 59, 63.
 Максимовъ, Н., 10, 17.
 Максимовичъ, П., 17.
 Малипа, В., 32.
 Малининъ, А., 36, 37, 38, 41, 43, 44.

 Мамышевъ, К., 66.
 Мануйловъ, А., 44.
 Мареничъ, Г., 65.
 Марковъ, С., 39.
 Мартинъ, 77.
 Массонъ, М., 61.
 Матушевскій, А., 74.
 Мевесъ, Д. фонъ-, 11.
 Мейеръ, 39.
 Мейеръ Гиршъ, 39.
 Мейеръ, И., 31, 32.
 Мейрингъ, 22.
 Мейстеръ, 24.
 Меллеръ, 57.
 Мелюранскій, М., 74.
 Менге, 22.
 Менделѣевъ, Д., 76.
 Менке, 50.
 Мессеръ, Я., 65.
 Мязгеръ, А., 73.
 Миквицъ, Г., 41.
 Миклошичъ, 11.
 Миллеръ, Лук., 24, 27, 30.
 Миллеръ, О., 14.
 Мининъ, А., 36, 38.
 Минипъ, В., 36, 38, 40, 41.
 Мицъ, 72.
 Миркоичъ, М., 54.
 Михайловскій, В., 5.
 Михайловъ, Д., 71, 72.
 Михайловъ, И., 53.
 Михельсонъ, М., 12.
 Млинаричъ, И., 23, 31.
 Модестовъ, 27.
 Мозеръ, П., 55, 57.
 Морозовъ, П., 35.
 Москвитянова, О., 12.
 Мостовскій, М., 50, 51.
 Муретовъ, М., 6.
 Муромцевъ, А., 40.
 Мысовскій, Б., 30.
 Мюллеръ, Л., 62.

 Шагуевскій, Д., 27, 28.
 Надежинъ, Ф. 6.
 Назаровъ, Д., 36, 38.

Невзоровъ, Н., 17.
Недлеръ, Г., 63.
Невога, Корнелій, 27, 29.
Нетушига, Н., 24.
Нечаевъ, Н., 67.
Нидерле, Г., 31, 32.
Никитинъ, П., 30.
Николенко, М., 17.
Никольцевъ, П., 38.
Новиковскій, В., 17.
Носовъ, П., 21, 28, 34.
Ньютъ, 43.
Нѣмецъ, Я., 65.

Образцовъ, Пав., 8.
Овядій Назонъ, 28.
Овсянниковъ, А., 46.
Огородниковъ, Н., 77.
Омельяненко, П., 12.
Опадкій, С., 21, 24.
Орловъ, 67.
Орловъ, М., 15.
Остерманнъ, 24.
Острогорскій, В., 10.
Острогорскій, М., 46, 48.
Отто, Ф., 24.

Шавленковъ, Ф., 43.
Павликовскій, К., 23, 24.
Павловичъ, Б., 45.
Павловскій, А., 52, 77.
Павловъ, А., 65.
Павловъ, В., 28.
Павловъ, И., 58.
Пальмцвейгъ, Л., 21.
Пальшау, А., 67.
Перемильскій, П., 9, 18.
Перевощниковъ, Д., 42.
Пертесъ, Герм., 29.
Пертесъ, Ф. А., 26.
Пертесъ, Юст., 54.
Петровъ, Б., 18.
Петровъ, Леон., 7, 8.
Петрушевскій, Ф., 42.
Петунниковъ, А., 44, 78.
Пичнеръ, 44.

Платонъ, 33, 34.
Плетневъ, П. А., 17.
Плутархъ, 33, 34, 48.
Погорѣльскій, П., 38, 39.
Поддубный, И., 52.
Покорни, 44.
Покровскій, В., 13.
Покровскій, М., 67.
Полевой, П., 18.
Полывановъ, Л., 9, 10, 18.
Полкотыцкій, В., 68.
Поляковъ, П., 37, 39.
Пономаревъ, Н., 50.
Поплавскій, А., 71, 72, 74.
Поновъ, 21.
Поновъ, А., 13.
Поповъ, Н., 6.
Поповъ, Н., 12.
Порфирьевъ, И., 15.
Поспишилъ, А., 34.
Постель, Ф., 74.
Потебня, А., 11.
Потулонъ, П., 65.
Прейсъ, М., 63.
Преображенскій, А., 12.
Преображенскій, И., 10.
Пржевальскій, Е., 39, 67.
Прокофьевъ, А., 66, 69.
Прохоровъ, В., 38.
Пузыревскій, П., 75.
Пуликовскій, А., 52.
Пустонскій, М., 30.
Путцгеръ, 50.
Пушкинъ, А., 18, 20, 70.
Пѣвницкій, П., 22.
Пютцъ, В., 48.

Градоначальскій, А., 18.
Раевская-Иванова, М., 70.
Раевскій, Н., 51, 72, 74, 78.
Разумовъ, Ив., 52.
Райманъ, Ф., 21.
Раковичъ, 65.
Ракочій, С.
Ракушанъ, В., 34.
Ранси, Альфонсъ, 55.

Рейгардтъ, 50.
Рейнботъ, П., 69, 70.
Рейперъ, В., 31.
Рейфъ, Ф., 59, 63.
Рело, 68.
Реръ, I. Ф., 6.
Ржаницынъ, А., 24.
Риллинговъ, 56.
Риттихъ, А., 54.
Рождественскій, С., 45, 46, 49.
Рождественскій, О., 12.
Розенбергъ, В., 43.
Розенъ, Ф., 78.
Романовъ, Е., 12.
Роталеръ, Э., 24, 25.
Роско, 76.
Россмеслеръ, А., 75.
Россмеслеръ, Э., 73.
Ростовцевъ, И., 28.
Рудаковъ, А., 4, 6.
Румпель, Т., 20.
Руссдорфъ, 72.
Рѣдниковъ, Ил., 31.
Рябець (Ребець), Ф., 32.

Савенко, О., 12.
Савицкій, А., 10.
Савичъ, А., 44.
Саллюстій Криспъ, 27, 28.
Саложниковъ, А., 65.
Свѣтланъ, А., 20.
Свѣтлаковъ, А., 7.
Селезневъ, В., 76.
Семеповъ, А., 12, 18.
Семсповъ, Д., 18, 51.
Семсповъ, П., 25.
Сентъ-Илеръ, К., 72.
Сергѣевъ, А., 34.
Сергѣевъ, А., 51.
Серре, А., 37, 38, 41.
Слгъ, И., 21.
Сидопскій, И., 49.
Сильманъ, 58.
Симашко, Ф., 36, 39, 40, 41.
Симашко, Ю., 53, 72, 77.
Симоновъ, Л., 75.

Симплицкій, Н., 37.
Симсонъ, П., 22.
Скворцовъ, И., 34.
Скворцовъ, I., 4, 5.
Скопинъ, В., 18.
Славутичскій, 48.
Случевскій, П., 14.
Смирновскій, П., 12, 14, 18.
Смирновъ, И., 25.
Смирновъ, К., 51, 54.
Смирновъ, П., 4, 6.
Смирновъ, Л., 22, 25.
Смолодовичъ, Д., 5.
Соколовъ, Д., 4, 5, 7, 8.
Соколовъ, И., 41.
Соколовъ, П., 69, 76.
Соловьевъ, С., 45, 46, 49.
Соломоновскій, И., 19, 20.
Сомовъ, I., 33, 42.
Сонне, 68.
Сорокинъ, Ник., 72.
Соснецкій, 12, 19.
Софоклъ, 33, 34.
Спенсъ, 72.
Степановъ, П., 77.
Стоюнинъ, В., 12, 14, 16, 19, 58.
Страховъ, Н., 72.
Страшкевичъ, К., 35.
Строевъ, П., 46.
Струве, Г., 20.
Стурцель, Ю., 63.
Субботинъ, А., 70.
Суворовъ, 25.
Сыркинъ, А., 19.
Смссосва, Е., 44.

Талызинъ, М., 44.
Тархановъ, Н., 75.
Темпскій, 26.
Тетеревъ, П., 68.
Тильманъ, 30.
Тимаевскій, Г., 12.
Тимме, Г., 41.
Тимошенко, П., 14.
Тиндаль, Дж., 43.
Титъ-Ливій, 28.

Тихомандрицкій, А., 38.
Тихомировъ, А., 49.
Тихоновичъ, П., 34.
Тихонравовъ, Н., 19.
Тихонъ Задовскій, св., 7.
Тншеръ, 21, 25.
Томасъ, И. 37.
Тоноровъ, В., 58, 63.
Травняъ, В., 67.
Турчаковскій, К., 51.

Усовъ, 43.
Устряловъ, Н., 46.

Фармаковскій, В., 47.
Фарникъ, О., 32.
Федорченко, М., 67.
Фелькель, Ю. 28.
Фену, Н., 56, 58.
Феть, А., 30.
Фидлеръ, А., 76, 78.
Фидлеръ, Г., 63.
Филатьевъ, А., 68.
Филипповъ, В., 12.
Филоновъ, А., 14, 19.
Фишеръ, А., 63.
Флери, И., 58.
Фокковъ, Н., 31.
Фохтъ, Р., 25.
Фонъ-Визинъ, 16.
Фравке, 30.
Фрезе, Б., 22, 49.
Фрей, А., 60, 64.
Фрейбергъ, О., 32.
Фрейтагъ, 26.
Фриманъ, Э., 49.
Фроловъ, 66.

Жмыровъ, И., 39.
Ходобай, Ю., 22, 25, 29.

Цвѣтаевъ, Д., 19.
Цвѣтковъ, А., 19, 47.
Цвѣтковъ, А., 36.
Цезарь, Ю., 27, 28, 29, 30.
Цейдлеръ, П., 20.

Цейдлеръ, Э., 63.
Цейсъ, Г., 49.
Цемшъ, А., 44.
Церингеръ, 37.
Цицеровъ, 27, 28.

Чацкинъ, И., 49.
Черкасовъ, В., 43.
Черкуновъ, Н., 53.
Черный, Э., 31, 32, 34.
Четыркинъ, И., 10.
Чеховскій, Ерм., 25, 28.
Чудяновъ, А., 13.

Шаваннь, Ис., 54.
Шансель, 76.
Шапошниковъ, Н., 42.
Шафрановъ, С., 13, 63.
Шевелевъ, 54.
Шедлеръ, Ф., 71.
Шеереръ, В., 63.
Шела, 22.
Шенкель, К., 33.
Шенковскій, Б., 49.
Шиллеръ, Ф., 10, 17, 19, 61.
Шинковъ, А., 43.
Шиповъ, 54.
Шлоссеръ, Фр., 49.
Шмидтъ, Е., 34.
Шмидтъ, К., 65.
Шморгуновъ, З., 6.
Шнейдевинъ, 33.
Шнейдеръ, Э., 74.
Шнелль, 32.
Шока, 39.
Шолковичъ, О., 13, 19.
Шпендоль, 24.
Шписъ, Ф., 22, 25.
Шницъ, 40, 67.
Шпрунеръ, 50.
Шрамекъ, И., 28, 29, 31, 32, 33.
Шрейберъ, 54.
Шталь, О., 61.
Штокманъ, О., 54.
Штоль, Г., 35, 49.
Штракъ, 21.

Штраухъ, Н., 54.
Шубертъ, 78.
Шубинъ, Н., 13.
Шульце, Ф., 22, 24, 25.
Шульцъ, 22.
Шульцъ, Г., 29.
Шульцъ, О., 21.
Шуфъ, А., 45.

Щебальскій, П., 47.
Щегловъ, Н., 37, 38.
Щербина, П., 19.

Эвальдъ, О., 43.
Эйнерлингъ, И., 29, 46.
Экгардъ, Т., 78.

Эккардтъ, Л., 10.
Элендтъ-Зейффертъ, 22, 23.
Эртель, М., 63.

Юденичъ, 38.
Юлій Цесаръ, 27, 28, 29, 30.

Яковъ, 29.
Яковлевъ, В., 19.
Яковлевъ, (Васильевъ-), 69.
Яцпнъ, И., 51.
Яромевскій, В., 75.
Яромевскій, К., 73.
Ясенскій, П., 71.
Яснецкій, 29.

Argelander, 44.
Bastin, J., 55, 56.
Bohrmann, 44.
Boesch, Fr. 64.
Brandt, Fr., 61.
Brehme, 60.
Bretschneider, 50.
Challandes, A., 56.
Doellen, 23.
Fleury, J., 58, 59.
Flint, A. S., 59.
Frey, Adam, 64.
Fuchs, P., 9.
Grieser, 60.
Hoiss, 44.
Joel, 9.
Jaclard-Corvin, V., 56.
Kereoff, A. G., 55, 57.
Kiepert, 49.
Kvičala, 26.
Lafosse, 58.
Langl, Joseph, 49.

Margot, D., 57.
Masing, 60.
Masson, M., 62.
Maurier, J., 70.
Menke, 50.
Moser, P., 55.
Oertel, M., 63.
Ollendorf, 9.
Parfait, 58.
Potitpiderro, J., 57.
Pitschner, 44.
Putzger, 50.
Rancy, Alphonse, 56, 57.
Reiff, C. H. P. H., 64.
Reichardt, 50.
Ruault, C., 58.
Schenkl, 26.
Spruner, 50.
Teubner, 26.
Tricot, 58.
Troschel, 65.
Varon, E., 56.
Woller, G., 27.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ ¹⁾.

V.

Положеніе Вильгельма III послѣ Рисвикскаго мира и опасенія его за политическое и коммерческое преобладаніе Франціи вслѣдствіе приобрѣтенія ею испанскаго наслѣдства.

Преобладаніе Франціи и угрожающее ея положеніе относительно остальной западной Европы, дававшее нищу развитію и упроченію системы политическаго равновѣсія въ теченіе всей второй половины XVII вѣка, сохраняло еще свою силу и въ концѣ этого столѣтія передъ самымъ открытіемъ войны за испанское наслѣдство.

Внутреннее экономическое и финансовое состояніе Франціи, по заключеніи Рисвикскаго мира, было, правда, далеко не завидное, и въ этомъ отношеніи Франція сдѣлала шагъ назадъ, сравнительно съ эпохой Кольбера. Не стало у Людовика XIV его прежнихъ министровъ—Кольбера, де-Люнна, Лувуа; не стало и прежнихъ знаменитыхъ полководцевъ—Конде, Тюренна, Люксамбура; самъ король состарился и совершенно подпалъ влиянію г-жи Ментенонъ; уничтоженіе Нантскаго эдикта также сильно ослабило Францію, лишило ее огромной части промышленнаго и богатаго населенія; но при всемъ томъ Франція сохранила еще прежній блескъ и прежнее угрожающее положеніе

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

относительно сосѣднихъ государствъ. Франція все-таки имѣла еще наготовѣ двухсотъ-тысячную армію, въ то время какъ англійскій парламентъ, тотчасъ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, заставилъ Вильгельма III распустить прежнюю армію и оставить изъ нея только отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ сухопутнаго войска, назначивъ Вильгельму III на содержаніе этого войска лишь 350,000 фунтовъ стерлинговъ. Какъ сильно озабочивало это Вильгельма III, видно лучше всего изъ переписки его съ Гейнзюсомъ въ 1697 г. Изъ всѣхъ державъ западной Европы въ концѣ XVII столѣтія одна Франція была готова къ войнѣ и имѣла несомнѣнное превосходство надъ каждымъ изъ своихъ противниковъ и даже надъ соединенными ихъ силами. Правда, истощеніе и финансовое истощеніе Франціи въ концѣ XVII вѣка заставляло ее избѣгать новыхъ войнъ, и почти нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ XIV искренно желалъ мира даже послѣ принятія завѣщанія Карла II для Филиппа V и все еще надѣялся склонить къ миру Англію и Голландію. Но то, что можетъ казаться почти несомнѣннымъ для насъ при спокойномъ взвѣшиваніи общей массы данныхъ на разстояніи слишкомъ полутора вѣковъ, не могло казаться такимъ и современникамъ начала войны за испанское наслѣдство, особенно, если принять во вниманіе неоднократное нарушеніе трактатовъ Людовикомъ XIV, его дипломатическую увертливость и его, можно сказать, политическое вѣроломство, которое не мало смущало Вильгельма III и поддерживало въ немъ опасенія за новую войну. Правда, государственный долгъ Франціи былъ, по заключеніи Рисвикскаго мира, несравненно больше, чѣмъ въ Англій и Голландіи, и вообще финансовая система хуже, чѣмъ въ обѣихъ этихъ морскихъ державахъ; но возможность начать и вести новую войну зависѣла вообще не только отъ общаго финансоваго положенія столкнувшихся державъ, отъ общей суммы государственныхъ доходовъ и отъ размѣровъ государственнаго долга, но еще и отъ положенія правительственной власти во Франціи, Англій и Голландіи, отъ возможности для правительства каждая изъ этихъ государствъ свободно располагать государственными доходами для цѣлей войны. Въ этомъ отношеніи Людовикъ XIV находился въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ Вильгельмъ III, вполне зависѣвшій въ финансовомъ и военномъ отношеніи отъ парламента. По заключеніи Рисвикскаго мира, англійская нація, въ виду огромныхъ издержекъ только что оконченной войны и ослабленія вѣншей торговли, всего болѣе желала продолженія мира. Все это отлично зналъ Людовикъ XIV, и онъ.

очень ясно высказалъ это въ инструкціи, данной имъ Таллару при отправленіи его въ Лондонъ для переговоровъ о раздѣлѣ Испанской монархіи. Вотъ что говорится по этому поводу въ упомянутой инструкціи: „Мы будемъ имѣть возможность судить о власти, которою отпущѣ въ состояніи будетъ располагать король Англійскій въ своемъ королевствѣ по рѣшеніямъ собравшагося парламента въ отношеніи суммъ, которыми опредѣляются въ будущемъ доходы этого государя. Онъ будетъ властелиномъ своего народа, если онъ въ состояніи будетъ обойтись безъ дальнѣйшей помощи его; но наглость Англичанъ заходитъ очень далеко, когда ихъ король обязанъ созывать часто парламентъ съ цѣлью получить отъ нихъ разрѣшеніе необходимыхъ денежныхъ суммъ, и то, что мы видимъ теперь, не даетъ никакого основанія предпологать, что ему будетъ возможно дѣлать что-нибудь безъ нихъ“.

„Есть основаніе ожидать“, говорится въ той же инструкціи относительно Вильгельма III,— „что онъ встрѣтитъ большую оппозицію, какъ только не хватитъ первыхъ средствъ. Долгъ, накопленный въ продолженіе послѣдней войны, достигаетъ огромныхъ размѣровъ; король Англійскій не можетъ уплатить его иначе, какъ при помощи субсидій, которыя будутъ ему разрѣшены, а ихъ можетъ онъ получить только чрезъ созванія парламента... Англійскій народъ“, говорится еще далѣе, „привыкъ заставлять своихъ королей дорого платить за такую помощь“. Какъ вѣрно понималъ Версальскій кабинетъ положеніе дѣлъ въ Англій, зависимость короля отъ парламента, обнаруживается не разъ изъ переписки Вильгельма III съ Гейнзіусомъ и Портландомъ. Въ одномъ письмѣ къ Гейнзіусу Вильгельмъ III жалуется на то, что у него на 1698 годъ нѣтъ въ распоряженіи ни одного фартинга для оказанія поддержки какому-либо изъ иностранныхъ государей; въ другомъ письмѣ Вильгельмъ сѣтуетъ на рѣшительную неспособность расплатиться съ самыми настоятельными долгами вслѣдствіе страннаго недовѣрія къ нему со стороны парламента. Превосходство въ положеніи Людовика XIV сравнительно съ Вильгельмомъ III заключалось также въ слѣпой покорности и безграничной преданности всего французскаго народа своему королю, въ то время какъ власть Англійскаго короля ослаблялась борьбой парламентскихъ партій и зависѣла отъ преобладанія въ парламентѣ виговъ или торіевъ. Извѣстно, какъ расходились военные планы Вильгельма III съ миролюбиво настроеннымъ торійскимъ большинствомъ парламента предъ началомъ войны за испанское наслѣдство, и какъ

до самаго объявленія Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, Вильгельмъ III долженъ былъ подавлять въ себѣ всякую мысль о возможности приобрести содѣйствіе англійской націи для осуществленія задуманной имъ коалиціи. Непопулярность Вильгельма III въ Англіи послѣ заключенія Рисвикскаго мира и значительное число приверженцевъ Іакова II, все еще чаявшихъ его возвращенія, также были очень выгодны для Людовика XIV и должны были, напротивъ, не мало беспокоить Вильгельма III. Изъ переговоровъ, веденныхъ непосредственно предъ заключеніемъ этого мира между графомъ Портландомъ и маршаломъ Вуффлеромъ относительно удаленія Іакова II изъ Сентъ-Жермена, ясно видно, что Вильгельмъ III все еще не считалъ себя безопаснымъ на англійскомъ престолѣ, пока соперникъ его находилъ покровительство и поддержку въ лицѣ французскаго монарха. Извѣстно, что Вильгельмъ III считалъ удаленіе Іакова II изъ Сентъ-Жермена такимъ важнымъ пунктомъ, безъ улаженія котораго не возможно было разчитывать на поддержаніе мира. Да и послѣ заключенія Рисвикскаго мира не разъ еще и Портландъ, и даже самъ Вильгельмъ III поднимали снова вопросъ объ удаленіи Іакова II изъ Франціи; но все это было бесполезно. Іаковъ II продолжалъ оставаться, подъ разными великодушными предлогами, орудіемъ въ рукахъ Людовика XIV противъ Вильгельма. Между тѣмъ заговоры на жизнь Вильгельма со стороны якобитовъ въ 1696 году и несомнѣнное существованіе весьма многочисленной партіи ихъ въ Англіи, особенно по смерти Маріи, даже въ парламентѣ, партіи, съ которою продолжали поддерживать дѣятельныя сношенія не только Сентъ-Жерменскій, но и Версальскій дворъ, все это, естественно должно было питать опасенія Вильгельма III, что при первой новой войнѣ съ Англіей Людовикъ XIV воспользуется этими выгодными комбинаціями для возстановленія Іакова II на англійскомъ престолѣ. Не въ правѣ ли былъ Вильгельмъ III дѣйствительно ожидать подобнаго шага со стороны Людовика XIV въ виду его всегдашняго вѣроломства и прежняго опыта? Не съ помощію ли французскаго оружія высадился въ 1689 году Іаковъ II въ Ирландію? Не съ помощію ли французскаго флота и французскаго оружія ведена была вся ирландская война въ 1689 и 1690 годахъ? Развѣ не считалъ тогда Людовикъ XIV возстановленіе Іакова II на англійскомъ престолѣ какъ бы своимъ собственнымъ дѣломъ? Извѣстно было также, что въ Шотландіи всѣ приверженцы епископальной церкви ждали своего спасенія и счастья отъ возвращенія изгнаннаго короля. Между Шот-

ладіей и Сень-Жерменскимъ дворомъ безпрестанно происходили живѣйшіе переговоры, да и въ самой Англій находились лорды, хвалившіеся, что они одни могутъ выставить по 10,000 человекъ въ пользу Стюартовъ. Въ виду всего этого ставится понятнымъ, какъ опасно и странно должно было казаться Вильгельму III могущество Людовика XIV, и какъ выгодно было положеніе послѣдняго въ сравненіи съ положеніемъ Англійскаго короля. Но не только въ Вильгельмѣ, но и въ массѣ англійскаго народа, образовалось мало по малу убѣжденіе въ возможности новаго нападенія Франціи на Англію и вторичной попытки возстановленія Стюартовъ на англійскомъ престолѣ съ цѣлью подчинить ее вліянію Франціи. Крестьяне въ Англій выражали опасеніе, ужь не Французы ли, вторгшись въ Англію, пожнутъ ихъ посѣвы. Въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, появившихся въ 1701 году, не разъ высказывается искреннее опасеніе близкаго вторженія французской арміи.

Но Вильгельмъ III, будучи королемъ Англій, былъ въ то же время штатгальтеромъ Голландіи, интересы которой были для него по крайней мѣрѣ на столько же дорога, какъ и интересы самой Англій, если еще не дороже. По крайней мѣрѣ Портландъ въ переговорахъ объ испанскомъ наслѣдствѣ съ Торси и Помпонномъ высказалъ напрямикъ, что для Вильгельма III, хотя онъ король Англій, интересы Голландцевъ на первомъ планѣ, а интересы Англичанъ — на второмъ. А кому же, какъ не лорду Портланду, какъ самому довѣренному лицу и другу Вильгельма, было знать его убѣжденія? Для Голландіи же могущество Франціи было особенно опасно въ случаѣ вступленія бурбонскаго принца на испанскій престолъ. Изъ опасенія чрезмѣрнаго могущества Франціи, была пущена въ ходъ Вильгельмомъ III „система политическихъ барьеръ“, въ силу которой безопасность слабѣйшихъ государствъ должна была быть гарантирована или цѣлится рядомъ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ было это сдѣлано по Рисвикскому миру относительно Голландіи уступкою ей семи крѣпостей въ Испанскихъ Нидерландахъ, или же образованіемъ изъ пограничныхъ промежуточныхъ провинцій новыхъ самостоятельныхъ владѣній, которыя могли служить оградой для слабѣйшаго государства противъ могущественнаго сосѣда; такъ, во время переговоровъ о раздѣлѣ испанской монархіи, предполагалось сдѣлать подобную барьеру изъ Испанскихъ Нидерландовъ, отдавъ ихъ курфюрсту Баварскому. Но, въ случаѣ вступленія на испанскій престолъ внука Людовика XIV, барьера, предоставленная Голландіи

по Рисвикскому миру, оказывалась недостаточной гарантіей ея безопасности; мало того, Голландія имѣла серьезное основаніе опасаться завладѣнія Испанскими Нидерландами со стороны Франціи, или даже просто присоединенія ихъ къ ней въ силу полюбовнаго соглашенія между Версальскимъ и Мадридскимъ дворами, при чемъ Голландія очутилась бы въ самомъ беззащитномъ положеніи.

Какъ сильно озабочивалъ Вильгельма III вопросъ о барьерѣ для Голландіи, видно изъ всего хода переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Расширеніе и обезпеченіе этой барьеры было исходнымъ пунктомъ всѣхъ многоразличныхъ комбинацій, испробованныхъ для улаженія перваго и втораго трактатовъ о раздѣлѣ испанской монархіи. Когда же Вильгельмъ III узналъ о нарушении Людовикомъ XIV раздѣльныхъ трактатовъ, то наиболѣе затрудненій видѣлъ онъ именно въ предупрежденіи захвата Испанскихъ Нидерландовъ Франціей. Что и общественное мнѣніе въ Англіи тѣснымъ образомъ связывало вопросъ о неприкосновенности Голландіи и ненарушимости ея барьеры съ безопасностью для самой Англіи, легко убѣдиться при болѣе близкомъ знакомствѣ съ англійскими политическими брошюрами, современными началу войны за испанское наслѣдство. И въ самой Франціи люди, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія и близко знакомые съ вопросами политики, какъ Фенелонъ, также видѣли центръ тяжести всего вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ въ Испанскихъ Нидерландахъ. Фенелонъ съ этого и началъ свои мемуары о войнѣ за испанское наслѣдство, которые онъ писалъ съ цѣлью предупредить эту пагубную войну. „Большинство мыслящихъ людей“, говоритъ Фенелонъ, — „убѣждены въ томъ, что настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ представляетъ возможность только одного изъ исходовъ: первый возможный исходъ тотъ, что Франція поведетъ энергично войну и удержитъ за собою, какъ бы въ видѣ вознагражденія, Испанскіе Нидерланды; другой исходъ, что Франція, утомленная борьбою, заставитъ Испанію уступить Испанскіе Нидерланды эрцгерцогу“. Фенелонъ утверждаетъ также, что „Голландія не имѣетъ никакой прочной опоры противъ Франціи, si la barrière est enlevée, а паденіе самостоятельности Голландіи поставило бы всю Европу въ желѣзные тиски. Голландія есть центръ и источникъ свободы всей Европы: „Le coeur est attaqué, si la barrière est perdue“. Что политическій инстинктъ не обманывалъ Вильгельма III, показали лучше всего самые факты. Какъ только принялъ Людовикъ завѣщаніе Карла II для Филиппа Анжуйскаго, онъ ввелъ тотчасъ же, по соглашенію съ кур-

фюрстомъ Баварскимъ, войска свои въ вышеупомянутыя семь крѣпостей, составлявшихъ такъ-называемую барьеру Голландіи, и хотя голландскіе гарнизоны были отпущены на волю, крѣпости остались въ рукахъ Французскаго короля. Людовикъ XIV, желая избѣжать войны, обвинялъ Голландіи въ отвѣтъ на ея жалобы, очистить эти крѣпости отъ своихъ войскъ, и даже вывести свои войска изъ Испанскихъ Нидерландовъ, какъ только Голландцы со своей стороны прекратятъ приготовленія къ войнѣ; однако отъ видовъ на самыя Испанскіе Нидерланды Людовикъ XIV все-таки не отказывался. Это доказываетъ лучше всего планъ, сообщенный французскому послу въ Испаніи (въ письмѣ отъ 30-го октября 1701 г.) Марсену уступить Людовику XIV Испанскіе Нидерланды и возраженія на это Марсена въ отвѣтъ его отъ 18-го ноября того же года. По мнѣнію Торси, было несправедливо требовать, чтобы Франція вела войну за испанскую монархію на свой счетъ безъ всякаго вознагражденія, и потому онъ находилъ весьма естественнымъ, чтобы Филиппъ V уступилъ Испанскіе Нидерланды Людовику XIV, а послѣдній за эту уступку взялъ бы на себя защиту остальной части испанской монархіи. Марсенъ же находилъ слишкомъ много невыгодъ въ такой комбинаціи: онъ находилъ, что неблагонамѣренные люди, недоброжелатели Франціи, обвинили бы ее въ стремленіи воспользоваться раздробленіемъ и слабостью Испаніи, что національная ревность и зависть пробудилась бы съ яростью, что враги Франціи имѣли бы благовидный предлогъ для нареканій на Францію, и что это повело бы къ еще болѣе упорной войнѣ Франціи съ враждебными ей державами, въ которой приняли бы навѣрное участіе и всѣ остальные европейскія государства, не питавшія вражды къ Франціи. Этотъ отвѣтъ Марсена былъ несравненно умнѣе, чѣмъ предложеніе Версальскаго кабинета, замѣчающаго по этому поводу Флассанъ. По словамъ Лувилли, довѣреннаго агента Людовика XIV при Филиппѣ V, Версальскій кабинетъ не тотчасъ отступился отъ этого плана, а даже добился согласія государственнаго совѣта Испаніи (*despacho*), но опасеніе потерять союзника въ лицѣ курфюрста Баварскаго, который самъ претендовалъ на Испанскіе Нидерланды, заставило Людовика XIV ступить отъ первоначальныхъ видовъ на эту провинцію.

Итакъ мы видимъ, что опасенія Голландіи и Вильгельма III относительно Испанскихъ Нидерландовъ были не напрасны. Съ полнымъ убѣжденіемъ и совершенною искренностью Вильгельмъ III писалъ Гейнзіусу, узнавъ о принятіи Людовикомъ XIV завѣщанія Барла II,

что если только завѣщаніе это будетъ приведено въ исполненіе, то Англія и Голландская республика подвергнутся опасности быть совершенно погубленными или разоренными Франціей.

Говоря о Вильгельмѣ III и его политикѣ относительно Франціи, нельзя упустить изъ виду и того, что онъ былъ ревностный и искренній протестантъ и, считая себя какъ бы призваннымъ защитникомъ протестантизма вообще, естественно, долженъ былъ съ сильнымъ раздраженіемъ относиться къ Людовику, не задолго предъ вступленіемъ его на англійскій престолъ отмѣнившему Нантскій эдиктъ, фанатически преслѣдовавшему своихъ протестантскихъ подданныхъ и не обнаруживавшему должной вѣротерпимости и по отношенію къ проживавшимъ во Франціи англійскимъ подданнымъ протестантскаго вѣроисповѣданія. На это съ особенною досадою указалъ Вильгельмъ III въ своемъ объявленіи войны Людовику XIV, когда въ 1689 году Англія стала во главѣ образовавшейся противъ Франціи коалиціи. „То, что насъ особенно сильно тревожитъ“, говоритъ Вильгельмъ, — „это недостойный христіанина образъ дѣйствія, которымъ Людовикъ XIV преслѣдовалъ многихъ изъ нашихъ протестантскихъ подданныхъ во Франціи единственно изъ-за религіи, вопреки международному праву и особеннымъ заключеннымъ между Англією и Францією договорамъ ¹⁾“.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, которое высказалъ о Вильгельмѣ III Гримблотъ, почтенный издатель его переписки, говоря объ отношеніяхъ его къ Англіи и Голландіи: по его замѣчанію „Вильгельмъ III, какъ политикъ, не былъ человекомъ, принадлежавшимъ одной націи болѣе, чѣмъ другой, а былъ представителемъ извѣстнаго принципа“ ²⁾. Величіе Вильгельма III состоитъ именно въ той энергіи и преданности, съ которою онъ служилъ интересамъ обѣихъ націй, во главѣ которыхъ стоялъ онъ. Будучи королемъ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ штатгальтеромъ Голландіи, Вильгельмъ III обязанъ былъ заботиться равно объ интересахъ того и другаго государства: своею личностью онъ дѣйствительно объединилъ ихъ интересы, и этому способствовала болѣе всего извѣстная связь между религіозными и политическими интересами этихъ обѣихъ государствъ.

¹⁾ *Dumont*, t. VII, partie II, p. 230—231. Declaration de guerre de Guillaume et de Marie contre le roi des Français.

²⁾ *Grimblot*, Preface: «William III is not a man of one nation more, than of another: he is the representation of a principle».

Но не умаляя нисколько признаваемого за Вильгельмомъ III величія, нельзя все-таки не признать, что поддержаніе политическаго равновѣсія Европы было только однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ его къ войнѣ съ Франціей за испанское наслѣдство, и что цѣль эта совпадала вполне съ національною политикою Англіи, которая въ сущности была тою же коммерческою политикою, какою держалась Англія еще при Елизаветѣ, и какою слѣдуетъ даже теперь.

Англія и Голландія суть единственныя государства Европы, все политическое могущество которыхъ зиждется на торговлѣ; отсюда вытекаетъ и та коммерческая политика, которой держались всегда эти морскія державы, и Вильгельмъ III, проводя эту политику, являлся только вѣрнымъ выраженіемъ ихъ исключительно національныхъ интересовъ.

Уже вскорѣ послѣ вступленія Вильгельма на англійскій престолъ обнаружилось, какъ близко къ сердцу принималъ онъ коммерческіе интересы Англіи и какъ ревниво относился къ усиленію морскаго могущества Франціи. Это показали именно тѣ мотивы, которыми обставлялъ онъ объявленіе войны Людовику XIV въ 1689 году.

Указавъ на несправедливости и насилія Людовика XIV относительно Германскаго императора и другихъ союзниковъ Англіи, вызванныя лишь своекорыстными цѣлями и стремленіями Людовика XIV, и переходя затѣмъ къ разъясненію обидъ, причиненныхъ имъ интересамъ Англіи, Вильгельмъ III выдвигаетъ на первый планъ столкновение интересовъ Англіи и Франціи въ Америкѣ, именно въ земляхъ Гудзонова залива и на Караибскихъ островахъ, затѣмъ указываетъ на запрещеніе Людовикомъ XIV ввоза изъ Англіи нѣкоторыхъ мануфактуръ и на обложеніе чрезмѣрными пошлинами другихъ, допущенныхъ къ ввозу англійскихъ товаровъ. „Всѣ эти мѣры Людовика XIV служатъ очевиднымъ доказательствомъ того“, говорится далѣе въ деклараціи Вильгельма III, — „что французскій король вознамѣрился совершенно разорить торговлю, а стало быть, и мореходство Англичанъ, отъ которыхъ зависитъ большею частію благосостояніе и безопасность этого народа“¹⁾.

Послѣ Ресвикскаго мира, уже во время переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, Вильгельмъ III въ письмѣ къ Портланду отъ 21-го марта 1697 г. еще прямѣе высказывается относительно коммерческихъ интересовъ Англіи: „Наше величайшее затрудненіе

¹⁾ Dumont, t. VII, partie II, p. 230—231.

состоитъ въ томъ, какъ бы обезпечить нашу торговлю въ Средиземномъ морѣ, а также въ томъ, склонна ли Франція удѣлить намъ что-нибудь въ Западныхъ Индіяхъ или по крайней мѣрѣ позволить намъ продолжать тамъ торговлю¹⁾.

Опасеніе Вильгельма III за утверженіе исключительнаго господства Франціи на Средиземномъ морѣ и въ Вестъ-Индіи было такъ велико въ ту пору, когда шли переговоры объ испанскомъ наслѣдствѣ, что одно время онъ предполагалъ даже для противовѣса французскому вліянію увеличить англійскую эскадру на Средиземномъ морѣ и въ Вестъ-Индіи и отправить на Ямайку четыре или пять полковъ, подъ предлогомъ защиты тамошнихъ англійскихъ колоній, полагая, что если эти войска будутъ уже тамъ, то въ случаѣ необходимости, они въ состояніи будутъ сдѣлаться господами испанскихъ владѣній въ Западныхъ Индіяхъ, въ чемъ Франція не въ состояніи будетъ помѣшать имъ²⁾.

Что опасенія Вильгельма III относительно коммерческаго преобладанія Франціи вслѣдствіе приобрѣтенія испанскаго наслѣдства раздѣляли въ это время и другіе государственные люди Англии, легко убѣдиться изъ переписки англійскихъ полномочныхъ посланцевъ въ Мадридѣ и въ Парижѣ, Стэнгопа и Манчестера, которые почти съ самаго заключенія Рисвикскаго мира внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ Людовика XIV, имѣвшимъ цѣлью приобрѣсти какія-либо преимущества передъ Англичанами въ отношеніи торговли съ Испаніей, и особенно, съ западною Индіей. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вернону (отъ 15-го января 1701 г.) Манчестеръ говоритъ прямо, что „весь вопросъ въ томъ, будетъ ли въ состояніи Франція снабжать Индію всѣми необходимыми для нихъ товарами. Если да“, говоритъ онъ далѣе, — „то мы можемъ сильно пострадать“³⁾.

Въ письмѣ отъ 11-го августа 1701 г. Шоненбергъ, посланникъ Генеральныхъ Штатовъ въ Мадридѣ, пишетъ Манчестеру: „Французы работаютъ ночь и день, чтобы сдѣлаться полными господами торговли на испанскихъ островахъ, имѣя въ виду совершенно разрушить тамъ торговлю Англии и Голландіи; но нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ державы сумѣютъ обезпечить себя отъ такихъ стремленій Франціи“.

¹⁾ *Grimblot*, I, p. 326.

²⁾ *Grimblot*, I, p. 348—349.

³⁾ *Cole*, p. 280; ср. p. 408; также *Stanhope*, p. 158, 187.

Но еще болѣе сильную поддержку находилъ въ этомъ отношеніи Вильгельмъ въ общественномъ мнѣніи англійской націи, которая, конечно, заинтересована была болѣе всего своими коммерческими выгодами, а повсе не вѣдала о политическомъ равновѣсіи Европы.

VI.

Преобладаніе меркантильныхъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ, во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

Вестфальскимъ миромъ закончился реформаціонный періодъ и характеризующій его длинный рядъ кровопролитныхъ религіозныхъ и политическихъ войнъ. Западно-европейскіе народы, словно утомленные нескончаемою церковно-догматическою полемикой и религіозными вопросами, которыми нерѣдко прикрывалась только борьба партій политическихъ, отвернулись отъ поглощавшихъ ихъ столько времени интересовъ религіи и церкви и отрезвились отъ увлекавшаго ихъ къ борьбѣ фанатизма ¹⁾.

Доведенное до крайности, прежнее религіозно-политическое настроеніе и движеніе западно-европейскаго общества, по закону реакціи, вызвало къ жизни преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, экономическихъ, торгово-политическихъ.

Уже съ половины XVII вѣка въ западной Европѣ обнаруживается это особенное увлеченіе коммерческими интересами ²⁾, которое сооб-

¹⁾ Правда, что и во второй половинѣ XVII столѣтія продолжались еще религіозные споры между различными сектами, какъ на примѣръ, между молинистами и ясенистами во Франціи, между арминіанами и гамаристами и затѣмъ между вавцистами и кокцеистами въ Голландіи, но эта борьба изъ-за различныхъ догматовъ не захватывала такого обширнаго круга, какъ религіозныя войны XVI и первой половины XVII вѣка: въ основаніи эти споры примыкали къ различнымъ религіозно-философскимъ воззрѣніямъ и имѣли мало вліянія на общій ходъ политической и общественной жизни. Большее значеніе имѣла борьба пресвитеріанъ и епископаловъ въ Англіи и Шотландіи до революціи 1688 года. См. *Système de Grovestins, Guillaume III et Louis XIV*, vol. VII, p. 88—92.

²⁾ *Martens, Corps diplomatique*, vol. III, p. 8: „La fin de la guerre de trent ans fut l'époque du reveil général des puissances de l'Europe sur leurs intérêts d commerce“.

щилось въ концѣ XVII вѣка даже такимъ странамъ, какъ Шотландія, гдѣ до того времени преобладаніе исключительно религіознаго направленія общественной мысли было особенно сильно ¹⁾).

Всюду, во всѣхъ почти странахъ Европы, даже въ такихъ второстепенныхъ пунктахъ, какими были въ то время Гепуа, Жонсва, Гамбургъ ²⁾, закипѣла усиленная промышленная и торговая дѣятельность, и обнаружилось соревнованію принять активное участіе во всемирной торговлѣ. Но съ особенною силой это направленіе сказалося прежде всего въ Голландіи, Англіи и Франціи, въ которыхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Европѣ, промышленность и торговля сдѣлали огромные успѣхи, начиная со второй половины XVII вѣка. Значительное развитіе экономической литературы въ Голландіи уже въ первой половинѣ XVII вѣка ³⁾ и особенно въ Англіи со второй половины XVII вѣка ⁴⁾, сильный толчекъ, данный экономической литературѣ во Франціи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сочиненіями Буагильбера и Вобана ⁵⁾, зарожденіе обширной политико-

¹⁾ *Hanke*, Englische Geschichte, VII, 217: Man sieht an einem Beispiel, wie der immer nach Neuem strobende Menschegeist sich auf einmal in ganz anderen Direktionen wirft, als die er bisher verfolgt hat. Die Schotten ergriffen die commerciellen Tendenzen mit einem ähnlichen Enthusiasmus, wie man ihn früher nur religiösen Angelegenheiten bei ihnen bemerkt hat. Ср. также *Buckle*, Einleitung, Uebersetzt von Ritter, B. II, Cap. XVIII, S. 35.

²⁾ Охватившее западную Европу коммерческое движеніе отразилось и на Россіи, гдѣ Петръ, увлеченный госиодетвованіемъ въ то время меркантильною системою, стремился цѣлымъ рядомъ энергическихъ правительственныхъ мѣръ создать для своего государства самостоятельную, независимую отъ западной Европы, промышленность и активную торговлю. См. *Vorkerodt's*, Russland unter Peter dem Grossen въ изданіи *Германа*, стр. 73—77: „Unberhaupt nahm er sich bei seinen Commerzanstalten folgende Punkte zum Angonmerk: wie er die Quantität der ausländischen Waaren so nach Russland gobracht werden, vermindern, die Ausfuhr seiner Landeswaaren hingehen vergtössern“ и т. д. Тарифъ на чужеземныя мануфактуры, которыя Петръ стремился развити въ Россіи, былъ повышенъ отъ 4% до 30,55 и даже 80% на сто.

³⁾ Особенно проявилось это въ голландской періодической печати въ обширной массѣ политико-экономическихъ брошюръ, представляющей особенность голландской экономической литературы. См. *Laspeyres*, Geschichte der volkswirthschaftlichen Anschauungen der Niederlanden, passim.

⁴⁾ См. *Roscher*, Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre passim.

⁵⁾ *Stein*, Lehrbuch der Finanzwissenschaft, S. 12; *Daire*, Economistes financiers du XVIII siècle, p. 18 и 153. „Le detail de la France“ Буагильбера было обнародовано еще въ 1695 году; сочиненіе же Вобана „La dñe royale“, хотя

экономической литературы въ началѣ XVIII вѣка въ Шотландіи так же, какъ и важное мѣсто, удѣленное экономическимъ вопросамъ главнѣйшими представителями философіи въ XVII вѣкѣ—Бэкономъ, Локкомъ, Вольфомъ, Лейбницемъ и отчасти Гоббесомъ и Спинозой ¹⁾, все это служитъ характеристическимъ выраженіемъ того поваго фазиса европейской культуры, въ которомъ на первый планъ выступили политико-экономическіе и особенно торгово-политическіе интересы. Это-то преобладаніе коммерческихъ интересовъ въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ западно-европейскихъ народовъ во второй половинѣ XVII вѣка и особенно при переходѣ отъ XVII къ XVIII вѣку и составляетъ наиболѣе характеристическую черту этого времени ²⁾.

Если въ началѣ XVII вѣка важное и даже преобладающее значеніе земледѣлія, на ряду съ промышленностью и торговлей, признавалось еще въ теоріи и на практикѣ, и Сюлли съ полнымъ убѣжденіемъ утверждалъ, что „земледѣліе и скотоводство суть два сосца, питающіе Францію и замѣняющіе ей настоящіе рудники и сокровища Перу“ ³⁾, то во второй половинѣ XVII вѣка это воззрѣніе сдѣлалось уже какъ бы анахронизмомъ; въ торговомъ уставѣ Людовика XIV отъ 1673 года торговля одна выставляется источникомъ общественнаго благосостоянія и богатства частныхъ лицъ ⁴⁾. Въ виду того огромнаго значенія, которое со времени открытія Америки, получили драгоценные металлы, не только какъ удобное

появилось въ печати въ первый разъ только въ 1707 году, было уже окончено и готово къ печати вѣкорѣ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, слѣдовательно, также въ 1697 году.

¹⁾ Ср. *Roscher*, Zur Geschichte der englischen volkswirtschaftslehre, S. 36—44, 47—53, 93—106; *Laspeyres*, Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederlande, S. 21—24; *Kautz*, Geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomie, B. II, S. 292.

²⁾ *Ranke*, Englische Geschichte im XVII jahrh., B. VII, S. 163; указываетъ, какъ на самое характеристическое стремленіе переходнаго времени конца XVII и начала XVIII столѣтія „die überwiegende Rücksicht auf die commercieellen Interessen und ihre Förderung“.

³⁾ *Kautz*, Geschichtliche Entwicklung, B. II, S. 323; *Blanqui*, Histoire de l'économie politique, I, p. 353: «Labourage et pâturage sont les deux mamelles de l'état» etc.

⁴⁾ Code marchand 1702 г. стр. 1 и 2, Ordonnance de Louis XIV pour le commerce: «Comme le commerce est la source de l'abondance publique et de la richesse des particuliers» etc.

орудіе для обмѣна, но и какъ сильный рычагъ политическаго могущества ¹⁾, западно-европейскіе народы стали смотрѣть на золото и на серебро, какъ на главные источники и истинное выраженіе народнаго богатства ²⁾. Но такъ какъ главнымъ и чуть ли не единственнымъ источникомъ для прилива драгоценныхъ металловъ въ тѣ страны, которыя не могли, подобно Испаніи черпать ихъ изъ рудниковъ, считалась торговля ³⁾, то процвѣтаніе ея въ той или другой странѣ сдѣлалось мѣриломъ народнаго благосостоянія. Впрочемъ, согласно съ незрѣлыми экономическими понятіями, преобладавшими какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи меркантилизма, на внутреннюю торговлю обращали мало вниманія и придавали ей значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой она содѣйствовала обращенію денегъ внутри государства и болѣе равномерному распределенію сырыхъ продуктовъ, необходимыхъ для мануфактурной промышленности. Кромѣ того, внутренняя торговля признавалась еще важною, какъ необходимое посредствующее звено между внутреннею промышленностью и вѣшнею торговлею. Въ англійской экономической литературѣ конца XVII вѣка обнаруживается не разъ такое одностороннее и неправильное пониманіе значенія внутренней торговли, высказывается даже прямо, что ею могутъ обогащаться, правда, отдѣльныя лица изъ торговаго класса, но что богатство всего народа не можетъ быть ею увеличено, и что слишкомъ большое развитіе внутренней торговли въ той или другой странѣ должно считать даже убыточнымъ для нея ⁴⁾. Быстрое же расширеніе вѣшней тор-

¹⁾ «Mémoires sur le commerce de France en 1701», рукопись Парижской національной бібліотеки № 18997. Въ мемуарѣ руанскаго депутата Менаже говорится: «Que le commerce soit utile et même nécessaire pour enrichir l'Etat, en rendre le prince plus puissant, plus riche et plus estimé de ses voisins, c'est un principe dont on ne doute point» etc.

²⁾ Огромный переворотъ, произведенный быстрымъ увеличеніемъ массы звонкой монеты въ цѣнѣ товаровъ еще болѣе выдвинулъ значеніе денегъ, что особенно явственно отразилось въ преобладающемъ содержаніи всей почти экономической литературы XVI и начала XVII вѣк. особенно въ италіанской и нѣмецкой экономической литературѣ. См. *Held-Carceys Socialwissenschaft und das Mercantilsystem*, отдѣлъ I.

³⁾ Mémoire du député de Bordeaux sur le rétablissement du commerce en France. Manuscrit de la bibliothèque nationale à Paris и «Quoique le commerce soit la source de l'abondance, quoique ce soit par son moyen que les peuples s'enrichissent et l'unique canal, par où l'or et l'argent coule en France» etc.

⁴⁾ *D'Avenant, Commercial and financial works* edited by Vithvorth, London 1771. Vol 1, p. 102. Впрочемъ, Давенантъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочи-

говли вслѣдствіе ускореннаго денежнаго обращенія, быстрое процвѣтаніе центровъ мануфактурной промышленности, политическое могущество, достигнутое Испаніей и Португаліей, вслѣдствіе развитія ихъ колониальнаго могущества, и особенно Голландіи, благодаря единственно обширному развитію ея внѣшней торговли, также какъ и важное значеніе внѣшней торговли вообще, какъ одного изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, при возрастающихъ финансовыхъ потребностяхъ усложнившейся центральной администраціи и вслѣдствіе постоянныхъ войнъ второй половины XVII в., все это содѣйствовало къ выработкѣ одного изъ главныхъ основныхъ положеній меркантильнаго ученія, по которому источникъ богатства и благосостоянія народовъ заключается во внѣшней торговлѣ, какъ наиболее прибыльной, относительно увеличенія массы денегъ ¹⁾. Изъ этого-то преувеличеннаго и неправильнаго понятія о внѣшней торговлѣ и произошло главнымъ образомъ одностороннее, но столь важное по своему вліянію ученіе о торговомъ балансѣ. Говори о важности изслѣдованія торговаго баланса, Давенантъ, первый англійскій экономистъ и финансистъ конца XVII вѣка, сравниваетъ строеніе и отправление политическаго и общественнаго организма (*the Body-politick*) съ анатомическимъ строеніемъ и физиологическими отправлениями человѣческаго тѣла, уподобляя при этомъ различные составные элементы народнаго богатства—мануфактурную промышленность, торговлю, текучую монету и пр., различ-

---

нѣй признаетъ значеніе и внутренней торговли какъ напримѣръ, VI, p. 99. Тотъ же взглядъ приводится и въ другомъ произведеніи экономической литературы конца XVII вѣка, авторомъ котораго Рошеръ считаетъ известнаго экономиста Додля Норта, именно: „A discourse of trade, coin and paper credit and of ways and means to gain and retain reiches“ London. 1697. Авторъ этой книги относитъ внутреннюю торговлю къ полезному, но непродовольственному труду, доказывая что, только „foreign markets can increase reiches“ См. *Roscher, Zur Geschichte der Volkswirtschaftslehre, S. 140.*

¹⁾ Хотя литературные представители меркантилистическаго ученія, вопреки распространенному прежде мнѣнію, и не раздѣляли вполне всѣхъ заблужденій, обнаруженныхъ въ практическомъ приведеніи меркантильной системы (*Kants* II, 262, *Held, Das Mercantilsystem, S. 7, и Biedermann, Der Mercantilismus*) не-таки остается несомнительнымъ, что отъ односторонняго ложнаго взгляда на экономическое значеніе денегъ, теоріи меркантилизма и по настоящее время не могла освободиться, доказательствомъ чему служатъ экономическія воззрѣнія Кэри.

нимъ составнымъ частямъ чловѣческаго организма, нервамъ (sinewes) артеріямъ, венамъ и обращающейся крови (flowing blood ¹⁾).

Подобный же взглядъ на важное значеніе торговли высказывался не разъ въ голландской экономической литературѣ XVII вѣка, изобилующей хвалебными выраженіями относительно торговли, какъ основы политической и общественной жизни Нидерландовъ. Торговля характеризуется часто какъ душа Нидерландовъ, какъ мать всякаго богатства ²⁾. Въ голландскихъ и французскихъ актахъ конца XVII и начала XVIII вѣка торговля характеризуется, какъ нервъ государства ³⁾. Хотя отдѣльныя проявленія меркантильной системы обнаружались въ большей части западно-европейскихъ государствъ уже съ конца среднихъ вѣковъ, ⁴⁾, по полнаго своего развитія меркантильная система достигла только во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія ⁵⁾, въ то время, когда впервые выступили въ теоріи и на практикѣ важные вопросы общественнаго кредита и государственнаго долга, денежной и монетной системы, когда обнаружилось то огромное вліяніе, какое имѣли на внутреннюю и вѣшнюю политику государствъ то или другое направленіе ихъ торговой политики, большее или меньшее развитіе колониальной системы, коммерческаго и военнаго судоходства и вообще морскаго могущества, распространеніе монополій и привилегированныхъ торговыхъ компаній, повышеніе или пониженіе тарифовъ, болѣе или менѣе выгодные ре-

¹⁾ *D'Avenant*, Au essay upon the probable methods of making a people gainers in the balance of trade. Sect. I.

²⁾ *Luspeyres*, p. 117—119. Въ доносеніи Гурраха Младшаго Германскому императору отъ 1696 г. о положеніи дѣлъ въ Испаніи говорится между прочимъ объ упадкѣ торговли въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Das Commercium, velches jedoch die Seele einer Regierung genannt zu werden pflegt, ist gänzlich destruiert» etc. См. *Historische Zeitschrift von Sybel*, XV Jahrgang, 1873, 1 Heft: «Die Mission des Grafen Aloys v. Harrach an den spanischen Hof und seine Finalrelation an Kaiser Leopold (1696—1697)» von *Gaedecke*.

³⁾ Такъ въ мемуарѣ одного изъ членовъ учрежденнаго во Франціи въ 1700 г. совѣта торговли (Conseil du commerce), а именно депутата изъ Байонны, говорится: «Le commerce est le nerf des états, qui ne sauraient subsister autrement avec splendeur etc (рукопись Парижской національной библиотеки). Точно также въ манифестѣ Голландской республики отъ 8-го мая 1702 года указывается на опасность, угрожающую со стороны Франціи торговлѣ Голландіи, qui en est le nerf. (*Dumont*, Corps diplomatique, t. VIII, partie I, p. 112—114).

⁴⁾ *Kautz*, Gechichtliche Entwicklung der National-Oekonomik, II, 257—258.

⁵⁾ *Ibidem*, II, 239, 259, 263.

зультаты торговаго баланса, болѣе или менѣе выгодныя условія международныхъ коммерческихъ трактатовъ. И такъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка экономическихъ возрѣній первоклассныя коммерческія народы западной Европы, вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ выгоднымъ сосѣднимъ положеніемъ для взаимнаго сбыта и обмѣна своихъ сырыхъ и мануфактурныхъ продуктовъ, стремились каждый захватить цѣлкомъ въ свои руки всѣ выгоды внѣшней торговли и ограничить свободный обмѣнъ продуктовъ съ сосѣдними народами, закрывая для нихъ совершенно свои рынки или по крайней мѣрѣ облагая ихъ продукты, и имѣнно мануфактуры, все болѣе высокою пошлиною ¹⁾). Начиная съ Вестфальскаго мира, при заключеніи союзовъ и нарушеній договоровъ, при объявленіи войнъ и заключеніи мира, это враждебное, наступательное направленіе тогдашней торговой политики не разъ обнаруживало свое вліяніе на дипломатію и политику западно-европейскихъ державъ. Во второй половинѣ XVII вѣка западно-европейскіе народы вели между собою почти постоянно, такъ-сказать, коммерческую войну; по только вмѣсто боевыхъ и осадныхъ орудій, война велась запретительными мѣрами, высокими тарифами, таможенными уставами. Съ одной стороны, всякое объявленіе войны сопровождалось прекращеніемъ или стѣсненіемъ торговли между столкнувшимися державами, а съ другой—всякое дружественное отношеніе или примиреніе ихъ тотчасъ выражалось во взаимныхъ коммерческихъ льготахъ, привилегіяхъ, трактатахъ ²⁾). Обыкновенно рельефнѣе высту-

¹⁾ Такъ напримѣръ, испанская таможня брала во второй половинѣ XVII вѣка около 15% съ французскихъ негодіантовъ. Но и Франція не осталась въ долгу у Англичанъ. Не говоря уже о противоположенной еще министромъ Фуке навигаціонному акту Кромвеля пошлины въ 50 су съ каждаго тонна, привозимаго на французскіе порты на иностранныхъ корабляхъ, Франція по тарифамъ 1664 и 1667 гг. обложила англійскія мануфактуры такими высокими пошлинами, что относительно нѣкоторыхъ предметовъ ввоза, какъ напримѣръ, тонкихъ англійскихъ суконъ, высокая пошлина (80 ливровъ съ тонна) равнялась запрещенію. См. *Memoirs of wool by John Smith, London 1747, p. 348*: «In 1667 the duty on an english broad cloth imported into France was raised to about eighty livres... in the same proposition, which was equal to a prohibition».

²⁾ См. *Bancroft, Geschichte der Vereinigten Staaten, B. III, S. 97*. Особенно ясно выступаетъ это при обзорѣ дипломатическихъ отношеній между Франціей, Англійей и Голландіей во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ обзорѣ актовъ объявленія войны, мирныхъ и союзныхъ договоровъ. См. *Martens, Guide diplomatique, I, 89—93 и 127—130*. Ср. также *Дчасть ССХХХIV, ОТД. 2.*

пали на первый планъ вопросы международной торговли, какъ только шло дѣло объ измѣненіи географическихъ границъ какого-либо изъ государствъ западной Европы, объ уступкѣ или присоединеніи какихъ-либо провинцій ¹⁾.

Но если вообще всякое измѣненіе европейской карты сильно возбуждало чувство коммерческой ревности, то особенно глубоко были затронуты интересы западной Европы и въ особенности морскихъ державъ, Англии и Голландіи, тѣмъ значительнымъ переворотомъ въ международныхъ политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ западной Европы, который долженъ былъ наступить со смертію Карла II въ Испаніи.

Съ началомъ развитія морской торговли и колониальной системы западно-европейскихъ государствъ (чему положено было основаніе открытіемъ Америки и новаго пути въ Остъ-Индію) международныя политическія отношенія западно-европейскихъ народовъ должны были значительно усложниться: къ прежнимъ причинамъ и поводамъ враждебныхъ столкновеній прибавилась новая причина для взаимной ревности и непріязни, вслѣдствіе соприкосновенія и столкновенія колониальныхъ владѣній и интересовъ западно-европейскихъ народовъ въ Остъ-Индіи и особенно въ Америкѣ.

Само собою разумѣется, что всего рѣзче, ожесточеннѣе должны были сдѣлаться эти столкновенія между тѣми изъ западно-европейскихъ народовъ, которые наиболѣе способны были къ развитію обширной морской торговли и колониальной системы. Въ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, однакожъ, морскія силы Англии, Голландіи и Франціи были еще въ зародышѣ; подавляющее же могущество Испаніи на европейскомъ континентѣ, рядомъ съ внутренними междоусобіями въ Англии и Франціи, не только не позволяло имъ думать о

---

mont et Rousseau, Corps universel diplomatique du droit des gens, t. VII, partie II. Враждебное направленіе международныхъ торговыхъ отношеній выразилось, между прочимъ, и въ языкѣ англійской экономической и политической литературы и политическихъ брошюръ XVII вѣка: нѣкоторыя изъ весьма часто встречающихся выраженій вполне характеризуютъ ту узкую враждебную точку зрѣнія, съ которой международныя торговыя отношенія разсматривались такимъ же образомъ, какъ и частные интересы столкнувшихся между собою отдѣльныхъ личностей. Таковы, между прочимъ, слѣдующія выраженія: *undersell; undermine the commerce; ruin our commerce; spoil our commerce, incroach the trade; ergross the trade; to command a trade; outwit one another in point of trade* и т. п.

¹⁾ *Bancroft, Geschichte der Vereinigten Staaten, B. III, s. 96.*

распространеніи своего владычества въ Америкѣ, но заставляло нерѣдко трепетать за сохраненіе своей политической самостоятельности въ системѣ европейскихъ державъ; Голландія же въ это время, подъ гнетомъ испанской инквизиціи, боролась еще за достиженіе политической свободы и независимости.

Такимъ образомъ, въ продолженіе всего XVI вѣка, весь колониальный міръ и все морское владычество оставались еще, по опредѣленію папы Александра V, исключительно католическими; въ Англіи утвердился протестантизмъ, и вслѣдствіе революціи, доставившей власть и первенство протестантской части населенія, политическая власть досталась цѣликомъ послѣдователямъ англиканской церкви; католики же были лишены всѣхъ политическихъ правъ, а въ Ирландіи они даже сдѣлались жертвою неограниченнаго деспотизма. Въ Англіи въ концѣ XVI столѣтія, вслѣдствіе торжества парламентаризма, установилась почти полная свобода мысли и печати; во Франціи свобода мысли и печати была совершенно подавлена крайнимъ развитіемъ абсолютизма. Ко всѣмъ этимъ причинамъ національной и политической вражды между Англіей и Франціей со второй половины XVII вѣка присоединилась еще борьба изъ-за колониальныхъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ ¹⁾.

Уже со времени Кромвеля и Мазарини вполне понято и оцѣнено было огромное значеніе Америки для промышленности и торговли европейской вообще, и въ особенности для Англіи и Франціи. Съ тѣхъ поръ борьба не только изъ-за господства надъ Америкой, но даже изъ-за извѣстной доли владѣнія ея природными сокровищами не разъ служила настоящею причиною жаркихъ схватокъ и продолжительныхъ кровопролитныхъ войнъ между Англіей, Голландіей, Франціей и Испаніей. Война Англіи съ Испаніей при Кромвеллѣ была въ сущности вызвана нападеніемъ Испанцевъ на англійскія поселенія въ Вестъ-Индіи и отказомъ испанскаго правительства открыть Англіи доступъ къ испанскимъ владѣніямъ въ Южной Америкѣ ²⁾.

¹⁾ Weiss, въ сочиненіи: *L'Espagne depuis le règne de Philippe II*, т. II, р. 127, цитируетъ найденный имъ въ Парижѣ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ мемуаръ, обращенный къ кардиналу Мазарини въ 1648 г. подъ заглавіемъ: „*Advis pour le commerce d'outre mer*“.

²⁾ Banke, *Englische Geschichte* IV, 148 и сл. Ср. также *Villemain, Histoire de Cromwell*, II, р. 135 и слѣд.

Результатомъ этой войны для Англии было приобретение Ямайки, и какъ важно было оно для контрабандной торговли Англии съ испанскими владѣніями въ Америкѣ, показали послѣдствія.

Борьба, начавшаяся между Англійей и Франціей въ 1662 году, когда первая, по поводу столкновения съ Голландіей, заявила свое притязаніе на господство своего флага на океанѣ, тотчасъ перенесена была на почву Америки. Здѣсь противники помѣрились своими морскими силами, вымещая каждый свое озлобленіе на неповинныхъ ни въ чемъ вестъ-индскихъ колоніяхъ враждебной стороны. Французы прогнали Англичанъ съ острововъ Сентъ-Кристофъ, Монсерра и другихъ, а Англичане захватили у Французовъ Акадію, удержанную ими по Вредскому миру (1667 г.)¹⁾. И не разъ еще послѣ того театръ войны между западно-европейскими народами переносился на почву Америки, гдѣ схватившіяся враждебныя стороны, надѣялись словно нанести другъ другу самые чувствительные удары²⁾. Въ войнѣ первой коалиціи противъ Людовика XIV происходили жаркія схватки между французскимъ и голландскимъ флотами въ Америкѣ. Голландцы захватили французскую колонію Кайенну и опустошили французскія поселенія на Антильскихъ островахъ; французскій флотъ возвратилъ Кайенну и захватилъ принадлежавшій Голландцамъ въ Антиллахъ островъ Табаго. Да и самая война Аугсбургской лиги съ Людовикомъ XIV обуславливалась въ значительной степени столкновениемъ коммерческихъ интересовъ Англии и Франціи въ Сѣверной Америкѣ и рядомъ запретительныхъ мѣръ Людовика XIV относительно торговли съ Англійей³⁾. Въ теченіе XVIII вѣка роль Аме-

¹⁾ „La guerre declarée à l'Angleterre“, говорятъ по поводу этой войны Форбоннъ,—„avait coûté plus de sang aux deux nations dans l'Amérique, qu'en Europe“. *Norbonnais, Recherches et considerations sur les finances de France*, I, 399.

²⁾ *Vancroft, Geschichte der Vereinigten Staaten*, III, 96.

³⁾ Роль Америки и колониальной политики въ международныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ народовъ въ XVIII вѣкѣ особенно ясно и рельефно очерчена въ сочиненіи Арну (Arnoult), изданномъ еще въ концѣ прошлаго вѣка подъ заглавіемъ: *Système maritime politique des Européens pendant le XVIII siècle*. Paris 1797. Совершенно противоположно Арну, де-Вобланъ, въ своемъ сочиненіи: *Du commerce maritime considéré sous le rapport de la liberté entière du commerce et sous le rapport des colonies*, Paris, 1828, p. 40—47, сѣмился доказать, но крайне неудачно, что колониальная политика не имѣла никакого вліянія на происхожденіе войнъ, вѣденныхъ Франціей съ различными государствами западной Европы.

рики въ международныхъ отношеніяхъ западной Европы получила еще гораздо большее значеніе и росла съ каждымъ десятилѣтіемъ. Международныя отношенія западно-европейскихъ государствъ на континентѣ стали въ прямую зависимость отъ ихъ колониальной политики и даже перѣдко совершенно подчинялись ей ¹⁾. Въ войнѣ за испанское наслѣдство столкнулись политическіе интересы почти всѣхъ государствъ западной Европы. Война эта была, однако же, вызвана столько же, по крайней мѣрѣ, столкновеніемъ коммерческихъ интересовъ Англіи и Голландіи, съ одной стороны, и Франціи— съ другой, сколько столкновеніемъ внѣшнихъ политическихъ интересовъ западно-европейскихъ государствъ вообще.

VII.

Состояніе торговли и финансовъ Франціи въ концѣ XVII столѣтія и виды на улучшеніе ихъ при достиженіи испанскаго наслѣдства.

Если обратить вниманіе на состояніе торговли и финансовъ во Франціи въ концѣ XVII вѣка, то становится понятнымъ, какое громадное значеніе долженъ былъ придавать Людовикъ XIV тѣмъ выгодамъ, какія могла извлечь для себя Франція въ томъ и другомъ отношеніи отъ утвержденія своего исключительнаго вліянія и почти безграничнаго господства надъ обширными владѣніями испанской монархіи.

Извѣстно, что, благодаря энергической дѣятельности Кольбера, въ особенности благодаря разумно примѣненной имъ покровительственной системѣ, Франція въ сравнительно короткое время достигла въ отношеніи мануфактурной промышленности, а также и торговли, такихъ результатовъ, что скоро стала на ряду съ главнѣйшими коммерческими державами западной Европы, именно съ Англіей и Голландіей, и съ успѣхомъ могла выдерживать съ ними конкуренцію. При этомъ Кольберъ, какъ ревностный сторонникъ меркантильной системы, особенно покровительствовалъ внѣшней торговлѣ на счетъ внутренней, чтобы дать возможность зарождающейся

¹⁾ *Baneroft*, Geschichte der Vereinigten Staaten, III, 98.

французской промышленности конкурировать съ чужеземною, и съ этою цѣлью прибѣгалъ нерѣдко къ запретительнымъ мѣрамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тарифы 1664 и 1667 годовъ. Но самъ Кольберъ понималъ слабыя стороны запретительной системы и признавалъ необходимость высокихъ тарифовъ, этихъ—по выраженію Кольбера—опоръ промышленности (*les béquilles de l'industrie*), только временною мѣрою. Преемники же Кольбера довели запретительную систему до послѣднихъ крайностей. Уже тарифъ 1687 года значительно возвысилъ пошлины на ввозныя шерстяныя матеріи. Война Франціи съ Аугсбургскою лигой также способствовала искусственному возвышенію французскихъ тарифовъ. Но такъ какъ мануфактуры Англіи и Голландіи встрѣчали слишкомъ большія затрудненія для сбыта во Францію, то и вывозъ ея въ эти страны значительно уменьшился, и торговля Франціи значительно пала. Крупная фабричная промышленность также не могла развиваться вслѣдствіе доведенной преемниками Кольбера до крайности покровительственной системы, искусственнаго регулированія фабрикаціи постояннымъ правительственнымъ контролемъ и многочисленными привилегіями и монополіями; ослабленіе же фабричной промышленности также, конечно, неблагоприятно повліяло на развитіе торговли. Къ довершенію зла, происшедшаго изъ крайностей покровительственной системы, присоединилось еще запрещеніе вывоза хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вслѣдствіе того земледѣліе, которое уже страдало отъ уменьшенія общаго сбыта, пришло въ совершенный упадокъ. Но самую пагубною мѣрою для экономическаго благосостоянія Франціи была, конечно, отиѣна Нантскаго эдикта въ 1685 году, на которую Людовикъ XIV не рѣшался, пока былъ живъ Кольберъ. Вслѣдствіе отиѣны Нантскаго эдикта и начавшагося систематическаго преслѣдованія гугенотовъ, Франція лишилась массы рабочихъ рукъ и огромныхъ капиталовъ, которыми воспользовались враги Людовика XIV.

И финансы Франціи, приведенные въ порядокъ Кольберомъ, уже тотчасъ послѣ его смерти стали приходить въ сильный упадокъ. Строгіе, послѣдовательно проведенные Кольберомъ, экономическіе и финансовыя принципы, благодаря которымъ онъ возвысилъ доходы государственныя и сумѣлъ уравновѣсить ихъ съ расходами, были словно забыты, какъ только его не стало. Преемники Кольбера въ управленіи финансами тотчасъ пустились на чрезвычайныя финансовыя мѣры, которыми можно было удовлетворить экстреннымъ расходамъ

данной минуты, не заботясь о вызываемомъ ими замѣшательствѣ въ финансахъ и объ увеличеніи бремени податнаго класса въ будущемъ. Продажа вновь придуманныхъ государственныхъ должностей, перепродажа прежнихъ, отчужденіе государственныхъ доменовъ, увеличеніе процентовъ на существовавшіи уже ренты, созданіе новыхъ рентъ, перечекавка монетъ, введеніе новыхъ пошлинъ и налоговъ и увеличеніе прежнихъ, все было пущено въ ходъ, и все это вело къ обѣдненію народа и государства. Преслѣдованіе же гугенотовъ, такъ пагубно отразившееся на торговлѣ, не менѣе пагубно отозвалось и на финансовомъ положеніи Франціи. Тогда какъ вслѣдствіе выселенія промышленныхъ и богатыхъ гугенотовъ изъ Франціи, капиталы ихъ сразу увеличили приливъ звонкой монеты на амстердамской и лондонской биржахъ и денежные обороты, во Франціи деньги стали очень рѣдки, и правительство, съ случаѣмъ надобности, могло доставать деньги только за очень высокіе проценты. Война съ Аугсбургскою лигой, продолжавшаяся почти десять лѣтъ и требовавшая содержанія многочисленной арміи, была причиною все большаго замѣшательства въ финансахъ Франціи, увеличенія ея государственнаго долга и новыхъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ. Опять начались раздачи дворянскаго титула за деньги и наложеніе денежныхъ штрафовъ на лицъ, прежде незаконно присвоившихъ себѣ дворянскій титулъ; опять стали продаваться всевозможныя вновь придуманныя должности съ разными прерогативами и льготами относительно податей, такъ что, одновременно съ увеличеніемъ государственныхъ расходовъ и налоговъ съ податнаго класса, число податныхъ лицъ постоянно уменьшалось. Все чаще стало обращаться правительство за *dons gratuits* къ городамъ и къ сеймовымъ провинціямъ (*paus d'état*). Увеличивали налогъ на соль и другія пошляпы, отдававшіяся на откупъ. Даже продажа сѣна и льда была превращена въ исключительную привилегію. Въ 1693 году французское правительство, по предложенію лангедокскаго сейма, прибѣгло къ введенію всеобщаго поразряднаго налога (*capitation*). Этотъ новый налогъ, въ которомъ и дворянство, и духовенство должно было участвовать наравнѣ съ простыми гражданами, доставлялъ правительству слишкомъ 25 мил. ливровъ дохода. Этотъ налогъ, отмѣненный послѣ заключенія Рясвикскаго мира, былъ восстановленъ въ 1701 г. Не смотря на всѣ чрезвычайныя мѣры, въ 1700 г. общая сумма налоговъ простиралась только до 119 милл. изъ которыхъ на уплату жалованья безчисленнымъ чиновникамъ приходило до 50 милл. и на всѣ прочіе расходы оставалось только

69 милл., между тѣмъ какъ расходы превышали 116 милл. Еслѣдствіе уменьшившагося во всей странѣ потребленія, общая сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ также значительно сократилась противъ прежняго ¹⁾.

Сохранилось множество вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ абсолютномъ упадкѣ и ужасающей нищетѣ, господствовавшей во Франціи въ послѣдніе годы XVII столѣтія, именно въ мемуарахъ, составленныхъ интендантами въ 1693 году по предложенію молодого герцога Бургундскаго, пожелавшаго ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ страны. По единогласному свидѣтельству очевидцевъ, Франція въ концѣ XVII столѣтія была до такой степени разорена, что становилось почти невозможнымъ собирать палочи. Между тѣмъ законъ, позволявшій сборщикамъ податей за недоимки крестьянъ отбирать у нихъ скотъ и орудія производства, только способствовалъ увеличенію нищеты въ народѣ и частому возобновленію голодовъ, отъ которыхъ народъ очень быстро таялъ, такъ что въ нѣкоторыхъ округахъ, напримѣръ, въ Ларошельскомъ, въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ народонаселеніе уменьшилось почти на одну треть ²⁾.

Въ самомъ концѣ XVII вѣка правительство Людовика XIV обратило серьезное вниманіе на обнаружившійся упадокъ торговли и финансовъ, къ чему побуждали еще заботы о необходимости изыскать новые источники государственныхъ доходовъ и расширить финансовыя средства, въ виду возрастающаго государственнаго долга и особенно въ виду предстоявшей новой войны.

Заботы Людовика XIV о развитіи торговли выразились въ 1700 г. въ учрежденіи, по предложенію генеральнаго контролера финансовъ Шамиллара, генеральнаго совѣта торговли, въ составъ котораго должны были войти, кромѣ самого Шамиллара, министра иностранныхъ дѣлъ Пошартрена и нѣкоторыхъ членовъ королевскаго совѣта, какъ Д'Агессо и Амело, двѣнадцать представителей отъ купечества, два отъ столицы и по одному отъ городовъ Руана, Бордо, Ліона, Марселя, Ларошеля, Нанта, Сентъ-Мало, Лилля, Байонны и Дюнкирхена. Представители отъ купечества должны были избираться изъ людей испытанной честности и наиболѣе опытныхъ

¹⁾ *Bailly*, Histoire financière de la France, t. II, p. 1—17; *Forbonnais*, Recherches et considerations sur les finances de France, t. IV, Années 1693—1700

²⁾ *Bonnetière*, La France sous Louis XIV.

въ коммерческихъ дѣлахъ. Засѣданія совѣта торговли должны были происходить еженедѣльно; въ нихъ должны были обсуждаться и разсматриваться всѣ предложенія и указанія, которые будутъ вносимы депутатами отъ вышеупомянутыхъ городовъ, или присылаемы изъ другихъ городовъ Франціи, должны были обсуждаться всѣ дѣла, имѣющія отношеніе къ торговлѣ сухопутной и морской, къ торговлѣ внутренней и вѣшной, къ фабричному и мануфактурному производству. Протоколы этихъ засѣданій и ихъ постановленія должны были быть представлены на разсмотрѣніе и утвержденіе короля, такъ чтобы сообразно съ рѣшеніями совѣта торговли правительство могло принимать надлежащія мѣры для поднятія торговли ¹⁾. Указъ объ образованіи генеральнаго совѣта торговли слѣдующимъ образомъ мотивируетъ соображенія, которыми вызвано учрежденіе этого совѣта: „Sa Majesté voulant plus que jamais accorder une protection particulière au commerce, marquer l'estime, qu'elle fait de bons marchands et négociants de son royaume, leur faciliter les moyens de faire fleurir et d'étendre le commerce, sa Majesté a cru, que rien ne serait plus capable de produire cet effet que de former un conseil de commerce, uniquement attentif à connaître et à procurer tout ce qui pourrait être de plus avantageux au commerce et à ux manufactures du royaume“ ²⁾.

Кунечество французское отозвалось на призывъ правительства съ большимъ сочувствіемъ и готовностью помочь дѣлу своею опытностью и совѣтами, какъ это видно изъ цѣлаго ряда записокъ относительно торговли Франціи, составленныхъ и внесенныхъ въ совѣтъ депутатами различныхъ провинцій въ 1701 году ³⁾. Изъ этихъ записокъ обращаетъ на себя вниманіе обширная и очень обстоятельная за-

¹⁾ *Forbonnais*, Recherches et considérations sur les finances de France, t. IV, p. 169—172.

²⁾ *Ibidem*, p. 170.

³⁾ Mémoires sur le commerce de France dressés et envoyés par les députés des provinces de commerce en 1701. Bibl. impériale, fonds St.-Germain № 394. Извлеченіе, хотя къ сожалѣнію очень краткое, изъ этихъ мемуаровъ можно найти у Клемана въ приложеніи къ его «Histoire du système protecteur en France».... «Ces négocians, qui sont très sensibles à l'honneur qu'on leur fait et les choisit pour un employ si distingué, ont abandonné avec autant de joye que d'empressement le. affe. (leurs affaires) et le(urs) familles po(ur) venir remplir le(ur) devoir. Il n'y en a aucun parmi eux qui n'applaudisse à l'établissement de cette chambre, qui n'en croye la continuation nécessaire et qui n'en espère des effets avantageux au public».

писка депутата изъ Байонны „*Reflexions générales sur le commerce présentées par le député de Bayonne*“. Онъ начинаетъ свою записку небольшимъ вступленіемъ, въ которомъ говоритъ въ панегирическомъ тонѣ о громадномъ значеніи торговли, указываетъ на то вліяніе, которое имѣла торговля на обогащеніе и процвѣтаніе Голландской и Генуэзской республикъ, на чрезвычайное усиленіе коммерческой дѣятельности въ Англіи и Голландіи, на положеніе Франціи въ отношеніи торговли и промышленности до Кольбера, на результаты энергической дѣятельности послѣдняго и на упадокъ торговли и финансовъ послѣ Кольбера. „*Les choses ont depuis changé de face, le commerce s'est anéanti insensiblement en France, les fermes du roi ont diminué au lieu, qu'auparavant elles ont augmenté considérablement et le mal est venu à une si haute période, qu'on a cru devoir songer bon et bon à y apporter du remède*“. Какъ на средство для улучшенія торговли и финансовъ министры и другія выдающіяся по своему положенію просвѣщенные и благонамѣренные лица указали королю на учрежденіе совѣта торговли изъ извѣстнаго числа негоціантовъ изъ различныхъ городовъ его королевства, „*pour être écoutés et donner leurs avis sur une matière si importante de laquelle on ose dire que depende la grandeur, la réputation et la richesse du royaume*“. Затѣмъ авторъ разсматриваемой записки переходитъ къ выясненію причинъ уменьшенія торговли во Франціи со смерти Кольбера и указываетъ, со своей стороны, на цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли бы, по его убѣжденію, значительно способствовать улучшенію торговли Франціи. Разсмотрѣніе всего содержанія этой въ высшей степени важной и интересной записки не входитъ въ цѣль нашего изслѣдованія; мы остановимся лишь на одной части ея, трактующей о выгодахъ, которыя могла извлечь и извлекала Франція въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія изъ торговли съ Испаніей и съ Западною Индіей. „*Торговля съ Испаніей*“, говоритъ депутатъ изъ Байонны, — „слишкомъ важна для того, чтобы можно было обойти ее молчаніемъ: извѣстно, что это самая выгодная и драгоцѣнная торговля, по сравненію со всѣми торговыми сношеніями, какія Франція ведетъ со всѣми чужеземными народами и, слѣдовательно, заслуживающая наибольшаго поощренія отъ правительства ¹⁾“. И въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ «Le commerce avec l'Espagne est trop considérable pour le passer sous silence, il est certain que c'est le plus avantageux et le plus précieux de tous

Испанія, которая сама производитъ очень мало мануфактуръ, приобрѣтаетъ ихъ отъ насъ громадными количествами какъ для собственнаго потребленія, такъ и для Индїи“ (*tant pour sa propre consommation, que pour celles des Indes*¹⁾).

Затѣмъ записка перечисляетъ всѣ тѣ мануфактуры, которыми Франція снабжаетъ Испанію и ея американскія колонїи, на поразительное количество полотенеъ изъ Руана (*la quantité prodigieuse de toilles*), Марля, Сентъ-Кантена и др., на громадное количество шелковыхъ матерій и всякаго рода кружевъ, парижскихъ, лиюскихъ и турецкихъ фабрикъ, всякихъ шерстяныхъ матерій изъ Пуату, Монтобана и другихъ мѣстъ и всякаго рода мелкаго галантерейнаго товара, мелочныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ товаровъ (*mercerie et quincaillerie*). Всѣ эти товары отправлялись изъ Франціи въ различные порты Испанїи, главнымъ же образомъ въ Кадиксъ, именно къ тому времени, когда галіоны должны были отправляться съ товарами въ Западную Индїю, откуда корабли, отправляемые съ французскими товарами, возвращались обыкновенно нагруженными слитками золота и серебра и испанскими пиастрами, полученными чрезъ Индїю²⁾.

Далѣе записка перечисляетъ тѣ продукты, которые Франція извлекаетъ изъ Испанїи, именно шерсть, шелкъ, желѣзо. Особенное значеніе депутатъ изъ Байонны придаетъ испанской шерсти, которая въ огромномъ количествѣ перерабатывалась на фабрикахъ Каркасона, Эльбефа, Аббевиля, Седана и др. Испанія доставляла Франціи также много шелку изъ Гренады, Мурсіи, Валенсіи и особенно Арагопїи. Депутатъ изъ Байонны, какъ города очень близкаго къ испанской границѣ и потому особенно заинтересованнаго въ болѣе широкой и выгодной торговлѣ съ Испанїей, указалъ на необходимость, для увеличенія торговаго значенія Байонны, *parce que cette ville est le véritable magasin de l'Espagne, освободить, ввозимыя въ этотъ*

---

ceux que la France fait avec les nations étrangères et par conséquent celui qui mérite le plus d'être favorisé».

¹⁾ Громадныя выгоды, которыя извлекала Франція изъ торговли съ Испанїей, ясно сознавалъ уже и Кольберъ, какъ это видно изъ инструкціи, данной въ сентябрѣ 1681 г. графу Вогіану, полномочному послу Людовика XIV въ Испанїи. Инструкція эта помѣщена у Клемана въ приложеніи къ его сочиненію: *Pierre Clément, Histoire de la vie et de l'administration de Colbert*. Paris. 1846, p. 464—467.

²⁾ Le retour de ces marchandises se fait ordinairement en barres et lingots d'or et d'argent, en piastres d'Espagne par le moyen de ses Indes.

городъ мануфактуры, предназначаемыя для Испаніи, отъ всѣхъ тѣхъ пошлинъ, какія взимались въ силу тарифовъ 1664, 1667, 1669 годовъ, что дало бы Франціи возможность конкурировать съ Англичанами и Голландцами, доставляющими свои мануфактуры въ испанскіе порты (Вильбао и Санъ-Себастьянъ). Вообще, какъ депутатъ изъ Байонны, такъ и всѣ другіе депутаты, призванные въ совѣтъ торговли, высказались самымъ положительнымъ образомъ противъ господствовавшей во Франціи запретительной системы и за расширение свободы торговли. Но начавшаяся вскорѣ война за испанское наслѣдство только способствовала усиленію запретительной системы ¹⁾.

Останавливаясь болѣе обстоятельно на выгодахъ для Франціи отъ торговли съ Америкой, депутатъ изъ Байонны указываетъ на значительное развитіе этой отрасли французской торговли и на тѣ виды, которые можетъ имѣть Франція на дальнѣйшее развитіе чрезвычайно выгодной эксплуатаціи не только испанскихъ владѣній, но и собственныхъ колоній въ Америкѣ. „La navigation, qui s'y fait actuellement, est très considérable, nos navires y vont en grand nombre de Rouan, Bordeaux, Nantes, La—Rochelle et autres villes maritimes, ils y portent beaucoup de nos denrées superflus aussi bien que plusieurs espèces de nos manufactures. Ils en rapportent des sucres, du tabac, de l'indigo, du coton etc., qui produisent au Roi des sommes considérables pour les droits d'entrée. Nous ne sommes plus obligé de prendre ces marchandises, des étrangers, au contraire nous leurs fournissons à present des sucres crus quand nous en avons de reste pour nos raffineries, et nous serons en état de leur en fournir davantage dans les suites puisque la paix que le Roi vient de donner à l'Europe va engager ses sujets à cultiver de nouvelles terres et de nouvelles plantations dans les îles de l'Amérique“. Для успѣшной эксплуатаціи французскихъ колоній въ Америкѣ нужно только позаботиться о болѣе широкомъ развитіи свободной торговли Неграми, недостатокъ въ которыхъ былъ единственною причиною чрезвычайно высокой цѣны на сахаръ и недостаточнаго производства табаку и хлопчатника. „Si chacun a la liberté de faire la traite des negres, nos îles nous seront toujours bien pourvues, les sucres, les tabacs, les cotons si nécessaires à la consommation et aux fabriques du Roi même y croissent abondamment et nous pourrions dans la suite des temps avoir dans l'Amérique d'aussi beaux

¹⁾ *Bailly*, Histoire financière de la France, t. II.

établissements que les anglais à la faveur de la liberté y ont formé des colonies florissantes ou ils font des commerces prodigieux“.

Въ заключеніе депутатъ изъ Байонны указываетъ въ своей запискѣ на то радостное настроеніе и розовыя надежды, которыя вызываетъ въ купечествѣ города Байонны великое событіе (le grand événement), которое, вслѣдствіе вступленія на престолъ испанскій принца французской крови (d'un prince de sang de France), привело къ соединенію интересовъ двухъ могущественныхъ европейскихъ монархій и обезпечиваетъ продолжительный миръ между обоими государствами: „Les négocians de France, qui ne craignent plus que d'autrefois les ruptures soudaines qui interrompaient le commerce, sont dans les plus belles dispositions du monde pour pousser fortement leurs affaires d'Espagne à l'exclusion des anglais et des hollandais“ etc.

Депутатъ изъ города Руана Менаже въ своей запискѣ, подобно депутату изъ Байонны, указываетъ на необходимость для Франціи увеличить производство тѣхъ мануфактуръ, которыя отправляются въ Испанію, а изъ Испаніи въ Индію, „такъ какъ эти мануфактуры, подобно магниту притягиваютъ къ намъ новое серебро и золото“. Въ другомъ мѣстѣ Менаже указываетъ на то, что уже въ теченіе 15-ти лѣтъ прибывающее во Францію серебро почти все привозится изъ испанской Индіи, а потомъ уже расходится изъ Франціи опять въ Кадиксъ¹⁾.

Депутатъ изъ города Бордо указываетъ на чрезвычайную важность для Франціи испанской шерсти и на невыгодный балансъ торговли Франціи съ Испаніей, между прочимъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій, которыми обставлена тамъ шерстяная торговля. Такъ какъ продукты, доставляемые Франціей въ Испанію, гораздо ниже той массы продуктовъ, которые Франція вывозитъ изъ Испаніи, то первой постоянно приходится переплачивать послѣдней громадную сумму золотомъ и серебромъ, такъ что то золото и серебро, которое доставляется во Францію съ прибывающихъ изъ испанской Америки галіоновъ, остается собственно въ Испаніи²⁾.

Учрежденіе совѣта торговли не прошло безслѣдно для дальнѣйшаго развитія торговли Франціи, что явствуетъ уже изъ того, что съ 1701 г. покровительство торговлѣ продолжалось очень замѣтнымъ образомъ. Было снова подтверждено, что высшее дворянство можетъ

¹⁾ Page 110—111.

²⁾ Page 131—133.

свободно заниматься оптовой торговлею безъ какого-либо ущерба для своихъ дворянскихъ правъ и привилегій (*sans déroger à leur noblesse*); ¹⁾ съ цѣлью усиленія внѣшней торговли уничтожены были вывозныя пошлины на многіе предметы вывоза, а на другіе на половину уменьшены ²⁾; завязанныя впервыя въ 1698 г., торговля сношенія съ Китаемъ встрѣтили поощреніе со стороны правительства ³⁾; стали учреждаться компаніи для торговли съ Испаніей и ея американскими колоніями ⁴⁾. Франція стала обнаруживать явно все больше жадности къ исключительному захвату всей испанской торговли и къ золоту ея американскихъ рудниковъ. Франція стремилась не только къ увеличенію собственныхъ торговыхъ выгодъ въ Испаніи и ея американскихъ колоніяхъ, но и къ совершенному устраненію опасной для нея конкуренціи со стороны Англій и Голландіи, для которыхъ торговля была ихъ жизненнымъ нервомъ.

Когда задаешься вопросомъ, что собственно, при крайне плачевномъ состояніи Испаніи во всѣхъ отношеніяхъ въ концѣ XVII вѣка, могло такъ соблазнять Людовика XIV въ испанскомъ наслѣдствѣ, что давало ему надежду найти въ этой разстроенной монархіи средства для веденія войны нзъ-за нея съ Германскимъ императоромъ и его союзниками, то находишь на это слѣдующій короткій и ясный отвѣтъ у Торси, которому, какъ министру иностранныхъ дѣлъ Людовика XIV, конечно, было извѣстно что именно руководило имъ въ его внѣшней политикѣ, особенно въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ испанское наслѣдство. „Было основаніе думать“, говоритъ Торси, — „что, не смотря на беспорядокъ въ финансахъ Испаніи, эта монархія будетъ еще въ силахъ помочь Франціи оказать противодѣйствіе ея раздробленію. Испанія представляла для защиты ея увѣрленные пункты, порты, которыми можно было воспользоваться для облегченія торговли Франціи и для уничтоженія торговли враговъ ея. Можно было также льстить себя надеждою на то, что и испанская Индіа доставитъ не маловажную поддержку“ ⁵⁾. И самъ Людовикъ XIV въ

¹⁾ *Forbonnais*, IV, 176—180.

²⁾ *Ibidem*, p. 181—182.

³⁾ *Ibidem*, p. 180.

⁴⁾ *Cole*, *Memoires of affairs of state*, p. 399 и 416; *Coxe*, *Memoires of affairs of Spain*, t. I, 211—215.

⁵⁾ *Mémoires de Torcy pour servir à l'histoire des négociations. A la Haye 1707. I, p. 156—57.* „L'Espagne livrait pour sa défense de fortes places, des ports

своей отъ 31-го октября 1701 г. депешѣ къ графу Марсену, назначенному посломъ при дворѣ Филиппа V, говорить по поводу постигшаго его разочарованія относительно денежной помощи отъ Испаніи: „Я имѣлъ основаніе надѣяться, что денежная поддержка со стороны Испаніи поставитъ меня въ возможность сдѣлать послѣднія усилія для защиты ея владѣній“ ¹⁾). Не даромъ же Людовикъ XIV въ одной изъ первыхъ инструкцій, которыми онъ снабдилъ своего внука при отправленіи его въ Испанію, говорить о томъ, что „le bien de son royaume (то-есть, Испаніи) demandera un jour, qu'il prenne des mesures pour exclure les Anglais et les Hollandais du commerce des Indes“ ²⁾).

VIII.

Политическое, финансовое и экономическое состояніе Испаніи въ концѣ XVII вѣка.

Мемуары Лувилля, Ноайля, Кокса, корреспонденція Стенгопа и Гаркура и дневникъ Гарраха даютъ достаточный матеріалъ для полнаго и всесторонняго изображенія страшнаго упадка Испаніи и господствовавшей въ ней совершенной анархіи во всѣхъ отношеніяхъ, въ концѣ XVII вѣка. Мы укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя выдающіяся черты этого положенія вещей. Стоявшій въ главѣ нѣкогда столь могущественной Испанской монархіи, слабый, болѣзненный тѣломъ и духомъ Карлъ II совершенно не подготовленный и неспособный къ управленію дѣлами государства, притомъ крайне суевѣрный, находился въ полной власти окружавшихъ его лицъ—то духовника своего, то архіепископа Толедскаго, кардинала Портокареро, котораго король любилъ, какъ отца ³⁾), болѣе же всего второй своей супруги, королевы Маріи-Анны, принцессы Пфальцъ-Нейбургской. Властолюбивая, про-

---

dont la situation facilitait le commerce de la France et pouvait ruiner celui de ses ennemis. On pouvait se flatter, que les Indes ne seraient pas d'un médiocre secours.

¹⁾ Mémoires de Noailles, I, 412—415.

²⁾ Oeuvres de Louis XIV, t. II. Mémoire remis par Louis XIV à son petit fils.

³⁾ Louville, I, 85: „Le roi l'aimait comme un père“.

никнутая гордостію и самолюбіемъ, Марія-Анна, совершенно подчинившая своему вліянію слабаго короля, сама не отличалась самостоятельнымъ умомъ или независимымъ характеромъ; она, напротивъ, была женщиной непостоянною, раздражительною, тщеславною и чрезвычайно склонною къ интригамъ; къ тому же она высокоумно смотрѣла на испанскую націю и была вполнѣ проникнута симпатіей ко всему нѣмецкому, почему она и была очень не любима въ Испаніи.

Претендуя на руководящую роль въ испанской монархіи и опираясь на свое неограниченное вліяніе на короля, она раздавала мѣста преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя лестью и угодничествомъ умѣли приобрести ея расположеніе, или же тѣмъ, кто посредствомъ подкупа заручался содѣйствіемъ ея любимой фрейлины, графини Берлепшъ, беззащитиво торговавшей государственными должностями, или патера Хиузы, безъ совѣта котораго королева обыкновенно ничего не предпринимала, такъ что всѣ нуждавшіеся въ ней старались заручиться его ходатайствомъ ¹⁾. Къ нѣмецкой же партіи примкнули и поддерживали королеву нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ испанскихъ вельможъ, какъ графъ Мельгардъ, адмиралъ Кастиліи, и графъ д'Агиларъ и нѣкоторые другіе; но почти вся остальная знать, все еще сохранившая свойственную ей гордость, хотя и сильно обидѣвшая, возмущенная явнымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ королевою всему нѣмецкому, старалась всячески противодѣйствовать ей и преданнымъ ей сторонникамъ изъ испанскихъ вельможъ и составляла національную или патріотическую партію, главою которой былъ архіепископъ Толедскій, кардиналъ Портокареро. Располагая неограниченною по принципу властію, король въ сущности ничего не предпринималъ и не рѣшался предпринять безъ государственнаго совѣта, рѣшеніе котораго нерѣдко, впрочемъ, измѣнялось подъ вліяніемъ королевы или другихъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ. Въ государственномъ совѣтѣ засѣдали архіепископъ Толедскій, какъ глава церковныхъ дѣлъ, министры финансовъ и военный, а также предсѣдатели пяти провинціальныхъ правительственныхъ совѣтовъ (consejo) съ коллегіальнымъ устройствомъ, именно президенты совѣтовъ Кастиліи, Арагоніи, Италіи, Индіи и Фландріи. Изъ восьми членовъ государственнаго совѣта большинство были люди очень дряхлые, ограниченныя, по выраженію Лувилля—, соединенныя

¹⁾ Stanhope to Vernon 10 apr. 1697: Correspondence, p. 86.

гордостію, раздѣленные честолюбіемъ и усиленные лѣнью" ¹⁾, люди, вовсе не понимавшіе отчаяннаго положенія испанской монархіи и не думавшіе о мѣрахъ къ улучшенію ея состоянія, проникнутые болѣе всего заботами о своихъ личныхъ интересахъ; почтенный кардиналъ Портокареро, имѣвшій такое сильное вліяніе на Карла II и несомнѣнно выдававшійся своею честностію, безкорыстіемъ ²⁾ и патриотизмомъ, не отличался ни самостоятельностью, ни государственнымъ умомъ, какъ это обнаружилось особенно ясно уже послѣ вступленія на престолъ испанскій Филиппа V ³⁾, когда Портокареро игралъ роль перваго министра; извѣстный своею опытностію въ государственныхъ дѣлахъ и своимъ умомъ, маркизъ Мансера по своей дряхлости мало могъ входить въ дѣла государственныхныя, хотя его голосъ еще иногда оказывался очень вліятельнымъ, какъ это было во время обсужденія въ государственномъ совѣтѣ вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ ⁴⁾; самымъ способнымъ, самымъ тонкимъ человѣкомъ изъ членовъ государственнаго совѣта, хотя и не отличавшимся широтою своихъ воззрѣній, былъ адмиралъ Кастиліи графъ Мельгардъ ⁵⁾, по то былъ человѣкъ, хотя и умный, но малообразованный, тщеславный, заботившійся только о своихъ собственныхъ интересахъ ⁶⁾, поддерживавшій изъ честолюбивыхъ видовъ королеву и ея нѣмецкую партію. Изъ всѣхъ государственныхъ людей Испаніи въ это время одинъ только графъ Оропеза, бывшій недолгое время первымъ министромъ, понималъ необходимость серьезныхъ реформъ, но онъ встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе со стороны властолюбивой королевы и завистливыхъ вельможъ, что послѣ народнаго возмущенія, происшедшаго въ Мадридѣ въ 1699 году, долженъ былъ покинуть столицу и лишился вмѣстѣ съ своимъ высокимъ положеніемъ и всякаго вліянія. Вообще, по словамъ Стэнгопа, взаимная зависть и ненависть испанскихъ вельможъ была такова, что если кто-либо изъ нихъ задумывалъ сдѣлать что-либо для общаго

¹⁾ *Louville*, I, 69.

²⁾ *Louville*, I, 85.

³⁾ *Louville*, I, p. 179—181 „Jamais fardeau plus lourd ne fut confié à une tête moins capable de le porter“.

⁴⁾ *Louville*, I, 91—92.

⁵⁾ *Hippeau*, I, p. 55.

⁶⁾ *Hippeau*, I, p. 211: L'amirante a beaucoup d'esprit... Il a cependant nulle étude. Il passe pour être avare et veut paraître magnifique...; il n'a jamais songé, qu'à ses propres intérêts etc.

блага, то тотчасъ подвергался яростнымъ нападкамъ со стороны всѣхъ остальныхъ, такъ что никакъ не могъ добиться согласія короля на задуманное дѣло ¹⁾). Но этотъ недостатокъ единства въ образѣ мыслей и въ дѣйствіяхъ вельможъ имѣлъ очень мало значенія сравнительно съ отсутствіемъ единства государственнаго. Въ то время какъ Франція страдала отъ развитой до крайности централизаціи, въ Испаніи давало себѣ чувствовать противоположное зло— крайняя децентрализація. Не говоримъ уже объ Испанскихъ Нидерландахъ, объ испанскихъ владѣніяхъ въ Италіи или въ Америкѣ, которыя только въ силу давности испанскаго господства въ этихъ земляхъ и въ силу привычки продолжали сохранять связь съ своею метрополіей, но и въ самой Испаніи связь между различными провинціями была очень слаба; старинная рознь, обособленность, даже вражда между различными провинціями, особенно между Кастиліей и Арагоніей, не смотря на два слишкомъ вѣка общей политической жизни, еще не прекращались; каждая провинція ревниво оберегала и отстаивала уцѣлѣвшія еще отъ старины особенности и привилегіи; такъ, въ Кастиліи кортесы уже не созывались болѣе, со времени вступленія на престолъ Карла II, да и при Филиппѣ IV они врядъ ли заслуживали это названіе, будучи созываемы по милости короля лишь для обсужденія текущихъ дѣлъ или для утвержденія заранѣе уже опредѣленной суммы податей, такъ что созваніе кортесовъ стало какъ бы дѣломъ пустой формальности ²⁾; въ Арагоніи же, имѣвшей свое особое устройство и самостоятельное управленіе, кортесы, приниженыя и почти со всѣмъ уничтоженныя Филиппомъ II, послѣ смерти его возвратили себѣ свое прежнее значеніе и по собственному усмотрѣнію соглашались или отвергали требованія короля, касалось ли дѣло податей, или введенія новаго закона. Да и самая тягость податей падала на Кастилію въ несомнѣнно большей степени, чѣмъ на Арагонію. То же самое было и въ Каталоніи, и въ Васкскихъ провинціяхъ.

Маркизъ Мансера въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ Стенгопомъ откровенно высказалъ ему, что въ Арагоніи и въ другихъ связанныхъ съ нею владѣніяхъ король Испанскій только по имени признается королемъ: „Король имѣетъ въ этихъ провинціяхъ“, сказалъ Мансера Стенгопу,—такую же власть, какъ вы и я; эти провинціи

¹⁾ *Alex. Stanhope, Spain under Charles the Second, passim.*

²⁾ *Havemann, Darstellungen aus der inneren Geschichte Spaniens. S. 345.*

дѣйствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ хотятъ, не справляясь съ тѣмъ, правится ли это королю, или нѣтъ" ¹⁾). По словамъ Лувилля, провинціальныя совѣты различныхъ провинцій испанской монархіи:— Кастиліи, Арагоніи, Фландріи, Индіи, хотя давно уже мотивировали передъ народомъ всѣ свои постановленія стереотипною фразою: „El rey así lo quiere!“, на самомъ дѣлѣ, при слабомъ Карлѣ II, дѣлали, что хотѣли, и нерѣдко говаривали королю: „Ваши указы получаютъ, но не исполняются“ ²⁾). Внутреннее управленіе, особенно же администрація и полиція, находились въ такомъ безпорядкѣ, что въ самой столицѣ Испаніи общественная и личная безопасность нисколько не были гарантированы: на каждой улицѣ, въ каждомъ общественномъ саду шатались многочисленныя вооруженныя бродяги и оставшіеся безъ мѣста слуги. На столѣтидесяти-тысячное населеніе Мадрида Лувилль насчитываетъ 60,000 бродягъ, промышлявшихъ грабежомъ и разбоемъ, отъ которыхъ болѣе выдающимся богачамъ Мадрида приходилось для безопасности своего имущества просто откупаться деньгами, содержа большее или меньшее число ихъ на жаловань ³⁾ дворцы многихъ изъ вельможъ и даже церкви сдѣлались убѣжищемъ для преступниковъ ⁴⁾). Административная власть была такъ бессильна, что каждое малѣйшее возвышеніе цѣны на предметы первой необходимости вызывало страшную тревогу и заставляло опасаться народнаго возмущенія. При возмущеніи, происшедшемъ вслѣдствіе дороговизны хлѣба 28-го апрѣля 1699 года, мятежники навели такой страхъ, что всѣ требованія ихъ были исполняемы, чего бы мятежная чернь ни пожелала. По словамъ Лувилля, ни одно праздничное зрѣлище боя быковъ, ни одно театральное представленіе не обходилось безъ кровавыхъ столкновеній ⁵⁾). И при такомъ положе-

¹⁾ *Stanhope, Spain under Charles the second*, письмо Стенгопа къ графу Ноттингаму отъ 20 мая 1693 г.: „... the king has only the name of Aragon and the dominions that depend on it, but said he to me he has no more power there, how you have, and they will do what they list, whether the king be pleased or displeased“.

²⁾ *Louville*, I, p. 69 „... Emancipés par un long usage des usurpations, ils disaient souvent au roi: se obedece la orden, y no se cumple“.

³⁾ *Louville*, I, p. 72.

⁴⁾ *Ibidem*. См. также *Coxe, Memoirs of the kings of Spain*, Ed. II, 1815, p. 118: „Even in the very capital the palaces of the grandees and even the churches were become the asylum of crimes“.

⁵⁾ *Louville*, I, p. 71: „de l'aven de tout le monde il ne se passait aucun fête de taureau, il ne se donnait aucune comédie, qu'on ne mit l'épée à la main“.

ни дѣлъ, общественная безопасность въ столицѣ была предоставлена на произволъ судьбы, такъ какъ кавалерійскій полкъ, въ которомъ насчитывалось всего 700 человекъ, и на который было возложено поддержаніе порядка въ столицѣ, былъ удаленъ изъ нея въ 1700 году, по предложенію кардинала Портокареро, опасавшагося, чтобъ адмиралъ Кастиліи, бывшій тогда въ силѣ у королевы, не вздумалъ, опираясь на этотъ полкъ, забрать слишкомъ много власти ¹⁾. Даже король и королева при выѣздахъ подвергались не разъ жестокимъ оскорбленіямъ ²⁾.

Если такъ было въ столицѣ Испаніи, то конечно, не лучше было положеніе дѣлъ въ провинціяхъ и особенно въ болѣе отдаленныхъ; намѣстники и вице-короли обнаруживали страшный произволъ, тѣмъ болѣе, что, покидая свою должность послѣ того, какъ нажились хищеніемъ казны и обираниемъ народа, имѣли полную возможность безнаказанно наслаждаться награбленнымъ добромъ, плодами ихъ взяточничества и продажности ³⁾. Безнаказанность преступленій лишала законы всякой силы. Судебныя власти, хотя и были несмѣняемы, не могли пользоваться большимъ авторитетомъ въ странѣ, гдѣ всякое дѣло, по усмотрѣнію высшихъ властей, могло быть поведено или путемъ судебнымъ (*via de justitia*), или путемъ административнымъ (*via de governo*) ⁴⁾.

Какъ безсиліе административной и полицейской власти обусловливало отсутствіе личной и имущественной безопасности въ самой Испаніи, такъ чрезвычайная слабость испанской монархіи въ отношеніи военныхъ силъ дѣлала ее беззащитною отъ внѣшнихъ враговъ. Какъ сухопутныя, такъ и морскія силы Испаніи были въ самомъ плачевномъ состояніи. Границы королевства со всѣхъ сторонъ были открыты для враговъ: по крайней мѣрѣ ничего не дѣлалось для укрѣпленія и защиты границъ Андалузій, Валенсій и Каталоній, хотя онѣ считались, какъ бы ключами къ овладѣнію Испаніей; крѣпости были безъ пушекъ и гарнизоновъ, и многія изъ нихъ приходили въ совершенное разрушеніе; запасныя магазины и арсеналы были пусты; на всемъ протяженіи отъ Пиринеевъ до Кадикса одна только крѣпость и была снабжена гарнизономъ и ар-

¹⁾ *Louville*, I, p. 70—71.

²⁾ *Louville*, I, p. 72.

³⁾ *Spain under Charles the II*, p. 136: письмо Стенгопа отъ 29-го іюня 1698 г.

⁴⁾ *Louville*, I, p. 78—79.

тиллеріей; армія была плохо обучена и совсѣмъ не дисциплинирована; не получая иногда по цѣлымъ годамъ жалованья, войска сами расходились; дезертирство было самымъ обычнымъ явленіемъ, и нерѣдко случалось, что изъ отряда войска, набраннаго съ большимъ трудомъ, по крайней мѣрѣ половина дезертировала и даже не безъ вѣдома офицеровъ ¹⁾.

Да и самая численность арміи была ничтожна. Лувилль увѣряетъ, что настоящаго годнаго для дѣла войска въ самой Испаніи можно было насчитать въ 1700 году только 6,000 человекъ ²⁾, а всего на всего не болѣе 20,000 человекъ. И отдаленныя провинціи Испаніи были также беззащитны, какъ и она сама: въ Испанскихъ Нидерландахъ насчитывалось 8,000 солдатъ, въ области Милапа не болѣе 6,000, въ Неаполѣ всего 600 человекъ; на островѣ Сициліи 500 человекъ, а на островѣ Сардиніи 300 человекъ ³⁾, и эта немногочисленная армія голодала и ходила оборванною; даже королевской гвардіи приходилось часто, вслѣдствіе неисправнаго полученія жалованья, побираться и перебиваться, словно нищимъ, подаянками отъ монастырей и богачей.

Также ничтожны были и морскія силы Испаніи; въ общей сложности онѣ едва равнялись десятой части той могущественной армады, которая во времена Филиппа II господствовала на водахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, наполя страхъ на всѣхъ, противъ кого была направлена. Между тѣмъ какъ для Лепантской битвы сваряжено было сто кораблей, теперь военный флотъ Испаніи состоялъ едва изъ 20-ти кораблей ⁴⁾, а по указаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ даже изъ тринадцати ⁵⁾.

Гавани Испаніи, коихъ прекрасное природное положеніе давало возможность сдѣлать ихъ совершенно недоступными для непріятель-

¹⁾ *Stanhope*, Spain under Charles the Second, pp. 41, 43, 46, 69 и 77.

²⁾ *Louville*, I, p. 70. Ср. *Havemann*, p. 369. По словамъ Гавеманна, вся боевая сила Испаніи, расположенная въ 1699 г. вдоль Пиринеевъ, состояла изъ 8,000 чел., изъ которыхъ половина была набрана во Фландріи и Германіи.

³⁾ *Coxe*, Memoirs of the kings of Spain Ed. II, 1815 T. I, p. 118—124. Ср. также *Stanhope*, Spain under Charles the Second, p. 152; *Coxe*, Memoirs of the kings of Spain, Ed. II, p. 120—122.

⁴⁾ *Das Tagebuch des Grafen Harrach*, herausgegeben von *Haedeke*, P. 53, 28 Sept. 1697. Zu Meer könnte der koenig auch nit leucht aufriehten denn meinen Vernehmen nach wären der Galeonen 8, die armada de Barlevento 6, 3 Kriegsschiff bei der Flotte und dier in der puertó zu Cadix.

⁵⁾ *Louville*, I, 70; ср. также *Havemann*, 353.

скихъ кораблей, были совершенно открыты для нихъ; самое искусство кораблестроенія пришло въ совершенный упадокъ: уже со времени Филиппа IV не было въ Испаніи ни одного корабельнаго инженера не изъ иностранцевъ ¹⁾.

Въ половинѣ XVI вѣка (въ 1548 г.) въ Испаніи насчитывалось болѣе 400 большихъ кораблей торговаго флота ²⁾, между тѣмъ какъ при Карлѣ II Испанія вынуждена была прибѣгать къ содѣйствию Англичанъ для перевозки гаванскаго табаку и для поддержанія сообщенія съ Канарскими островами и нанимать въ Генуѣ матросовъ и корабли для службы въ Новомъ Свѣтѣ ³⁾. Не удивительно поэтому, что берега Испаніи оставались беззащитными противъ набѣговъ Мавровъ сѣвернаго побережья Африки, которые, подымаясь на своихъ легкихъ судахъ по теченію рѣкъ, нападали не рѣдко безнаказанно на села и на замки вельможъ и уводили съ собою и добычу, и плѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство. На Мексиканскомъ заливѣ долгое время господствовали смѣлые Вуконійцы, принадлежавшіе болѣею частію къ французской или англійской національности. Въ 1670 году шайка Вуконійцевъ напала на Портобелло и ограбила Панаму, служившую складочнымъ мѣстомъ серебра и золота Мексики и Перу ⁴⁾. Испанія даже и не попыталась отомстить за эту обиду. До чего дошло безсиліе Испаніи въ отношеніи, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ въ концѣ XVII вѣка, видно ужъ изъ того, что когда въ 1698 году африканскіе Мавры осадили Сеуту и угрожали даже Орану, испанское правительство не только затруднилось выставить необходимое количество войска противъ нихъ, но даже не могло найти необходимаго числа судовъ для перевозки немногочисленнаго отряда, собраннаго для отраженія этого нападенія ⁵⁾.

Для содержанія многочисленной арміи и для поддержанія флота необходимы были прежде всего деньги, а казна Испанія въ царствованіе Карла II была пуста. Финансы испанской монархіи находились, дѣйствительно, въ концѣ XVII вѣка въ страшномъ разстройствѣ, не смотря на то, что народъ былъ сильно обремененъ подаjami и налогами. Уже при вступленіи на престолъ Карла II про-

¹⁾ *Havemann*, V. 386.

²⁾ *Havemann*, V. 394.

³⁾ *Weiss*, L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons, t. I; ср. также *Havemann*, 353.

⁴⁾ *Havemann*, 401.

⁵⁾ *Mémoires de Torey*, I, p. 46.

центы по государственному долгу поглощали больше третьей части всѣхъ доходовъ государства ¹⁾). Очень значительная часть доходовъ шла на содержаніе громаднаго числа чиновниковъ или въ карманы откупщиковъ податей и налоговъ, снабжавшихъ правительство единовременными крупными взносами для удовлетворенія самыхъ безотлагательныхъ расходовъ. Если и считать вѣрнымъ тотъ фактъ, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій правленія Карла II валовой доходъ Испанской монархіи простирался почти до 28-ми милліоновъ дукатовъ, или, что то же, до 70-ти милліоновъ ливровъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что большая часть этихъ сборовъ была уже заранее назначена въ обезпеченіе государственнымъ кредиторамъ, такъ что едва третья часть вышеозначенной суммы могла поступить въ казну въ видѣ прихода ²⁾). Но если вычестъ изъ этой суммы ту долю, которая шла на щедрые подарки отъ короля его приближеннымъ (такъ-называемые *merced de corte*) ³⁾ и на тѣ громадныя награды, которыя выпрашивали себѣ наиболѣе вліятельные любимцы короля, то финансовыя средства, которыя могли идти на содержаніе двора и затѣмъ уже на всѣ другія потребности государства, должны быть признаны очень незначительными ⁴⁾).

Отъ громадныхъ сокровищъ Новаго Свѣта казна получала лишь незначительную долю, такъ какъ управленіе громадными доходами отъ рудниковъ Мексики и Перу было такъ дурно поставлено, что обогащались всего болѣе вице-короли и намѣстники испанскихъ владѣній въ Америкѣ ⁵⁾).

При скудости государственныхъ доходовъ дефицитъ былъ неизбеженъ. Въ 1697 году, какъ пишетъ графъ Гаррахъ въ своемъ дневникѣ, расходы короля превышали доходы на пять милліоновъ піа-

¹⁾ *Hacermann*, 353.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Louville*, I, 78, приводитъ нѣкоторыя цѣны, дающія понятія о громадныхъ размѣрахъ этихъ *merced de corte* или *bienfaits du roi*.

⁴⁾ *Hacermann*, I, 353.

⁵⁾ *Mémoires politiques et militaires de Noailles*, t. I, p. 326: „Les vicerois du Mexique et du Pérou s'enrichissaient par toutes sortes de moyens, en trafiquant des droits du monarque“. Ср. также *Tagebuch des Grafen Harrach*, S. 51—94, Sept. 1697 и *Stanhope. Correspondence*, p. 7.

стровъ ¹⁾). Кредита правительство имѣло такъ мало, что самый ничтожный заемъ представлялъ крайнія затрудненія ²⁾). Нужда въ деньгахъ доходила до того, что въ 1680 году Карлъ II долженъ былъ отказаться отъ обычной поѣздки, которую Испанскіе короли предпринимали ежегодно въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Эскуриаль, хотя это и было существеннымъ нарушеніемъ не только давно установившагося этикета, но даже религіознаго обычая, такъ какъ пребываніе въ Эскуриаль завершалось обыкновенно поклоненіемъ гробницамъ предковъ ³⁾). Не хватало необходимыхъ средствъ даже для уплаты жалованья низшей придворной прислугѣ.

Для поправленія финансовъ правительство прибѣгало не рѣдко къ чрезвычайнымъ и крайнимъ мѣрамъ, къ перечеканкѣ звонкой монеты, къ продажѣ титуловъ и высшихъ государственныхъ должностей, не исключая и самыхъ почетныхъ, какъ должность вице-короля Индіи ⁴⁾). Но само собою разумѣется, перечеканка звонкой монеты роняла цѣнность ея и давала поводъ къ мошенническимъ продѣлкамъ съ золотомъ и серебряною монетою, что отзывалось очень пагубно на торговлѣ и даже угрожало полнымъ ея разореніемъ ⁵⁾). Чтобы найдти деньги, испанское правительство не рѣдко прибѣгало также къ продажѣ титула гранда иностранцамъ; такъ въ 1680 году одному генуэзскому банкиру, по фамиліи Гримальдо, былъ проданъ титулъ гранда за почтенную сумму; случилось даже, что одинъ Еврей приобрѣлъ себѣ въ царствованіе Карла II за 50,000 талеровъ титулъ маркиза, не смотря на то, что при Карлѣ II, именно въ 1680 году, по случаю празднованія бракосочетанія его съ принцессою Луизою Орлеанскою, устроено было въ самой столицѣ ауто-да-фе, на которомъ преданы были сожженію 18 португальскихъ Евреевъ, мужчинъ и женщинъ ⁶⁾). Прогрессивное уменьшеніе въ XVII вѣкѣ валоваго дохода Испанской монархіи, простиравшагося въ цвѣтущее время ея до 500 милліоновъ дукатовъ, при постоянно возрастающей тягости податей и введеніи новыхъ налоговъ ⁷⁾ и правительственныхъ монополій, находить

¹⁾ Tagebuch des Grafen Harrach, S. 92: „Der Koenig habe mehr Ausgaben, als Einkommen umb. 5 Millionen, alles sei verkauft und versetzt“ etc.

²⁾ Ibidem: „Was das uebelste ist, der Credit verloren“.

³⁾ Havemann, 354.

⁴⁾ Louville, I, 76—77.

⁵⁾ Louville, I, 74.

⁶⁾ Havemann, 365.

⁷⁾ Havemann, 347—348.

себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ такихъ явленій, каковы неудовлетворительная система распредѣленія и сбора податей, дурное управленіе финансами, хищничество казны, сильный упадокъ земледѣлія, мануфактурной промышленности и торговли; главная же причина печальнаго состоянія финансовъ заключалась въ постоянномъ и прогрессивномъ уменьшеніи народонаселенія Испаніи, какъ вслѣдствіе изгнанія Мавровъ и Евреевъ, непрерывныхъ почти войнъ, выселенія цѣлыми массами въ Америку и увеличенія числа монастырей, такъ и вслѣдствіе неблагоприятныхъ экономическихъ условій. Въ то время, какъ въ царствованіе Карла I населеніе Испаніи достигало почти до 30 милліоновъ человѣкъ, при Карлѣ II насчитывалось всего 5.700,000 душъ ¹⁾.

Въ Каталоніи три четверти всѣхъ селъ были оставлены ихъ прежними трудолюбивыми обитателями. Недалеко отъ Сеговіи образовалась огромная пустынная мѣстность, на 24 часа пути въ окружности, совершенно покинутая прежними жителями и потому получившая названіе „el Despoblado“ ²⁾. Такимъ образомъ, хотя налоги съ 1630 г. были увеличены втрое, сборъ податей съ Севильи доставленъ при Карлѣ II на двѣ трети менѣе, чѣмъ въ прежнее время, такъ какъ едва двадцатая часть всего пространства, находившагося въ чертѣ города, была заселена ³⁾. И въ то время, какъ общее число народонаселенія постоянно уменьшалось, число духовныхъ лицъ и особенно монашествующихъ постоянно возрастало, увеличивая такимъ образомъ непроизводительные классы населенія. О громадномъ числѣ духовныхъ и монашествующихъ лицъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ даннымъ: при Филиппѣ III на пять слишкомъ милліоновъ населенія насчитывалось слишкомъ 9,000 мужскихъ монастырей съ 60,000 монахами и около 1,000 (988) женскихъ монастырей. Въ 1675 году въ Мадридѣ, при шестидесяти-тысячъ помѣ населеніи, было 30 мужскихъ и 26 женскихъ монастырей ⁴⁾ Что касается до блага духовенства, то извѣстно, что при Фи

¹⁾ *Haettmann*, 375. Ср. *Weiss*, L'Espagne depuis le regne de Philippe II, t. II p. 44 и 45, а также *Mignet*, *Négociations*, Introduction, p. 31.

²⁾ *Ibidem*. Пустынныхъ мѣстностей (*lugares despoblados*), образовавшихся вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, было уже очень много въ Испаніи в первой четверти XVII в. (*Haettmann*, 331), но въ прежнее время онѣ не достигали такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ концѣ XVII в.

³⁾ *Haettmann*, 353,

⁴⁾ *Haettmann*, 376.

липіи II насчитывалось его слишкомъ 300,000 лицъ (312,000 чел. ¹⁾). Знаюкъ Испаніи времени Филиппа III, Монкада, утверждаетъ даже, что въ то время цѣлая треть населенія Испаніи состояла изъ служителей церкви, что можетъ быть признано вѣрнымъ, если въ этомъ числѣ считать и всѣхъ тѣхъ, которые, живя на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, находились въ зависимости отъ церквей и монастырей ²⁾). Въ рукахъ же духовенства находилась пятая часть всей повемельной собственности Испаніи ³⁾).

Постоянное возрастаніе численности монастырей и особенно нищенствующихъ монаховъ обратило на себя вниманіе самаго духовенства: въ 1603 году, въ началѣ царствованія Филиппа III, нѣкоторые изъ высшихъ духовныхъ лицъ, и въ числѣ ихъ даже генералъ монастырей францисканскаго ордена, обратились къ королю съ просьбою принять необходимыя мѣры къ ограниченію числа новыхъ монастырей, въ виду того, что основаніе ихъ особенно для нищенствующихъ монаховъ на земляхъ, получаемыхъ въ даръ отъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, ложится тяжелымъ бременемъ на живущихъ на этихъ земляхъ крестьянъ, изъ которыхъ монахи, не получая никакой поддержки отъ земли владѣльцевъ, высасываютъ послѣдніе соки ⁴⁾). На собраніи кортесовъ, созванныхъ въ 1626 г. въ Мадридѣ, заявленіе о необходимости противодѣйствовать дальнѣйшему переходу земель отъ свѣтскихъ лицъ въ руки духовенства было высказано еще въ болѣе настойчивой и рѣзкой формѣ. „Если это несчастіе еще продолжится“ заявляли кортесы, — „то въ Испаніи вскорѣ некому будетъ ни землю пахать, ни править рулемъ; не возможно, чтобы государство устояло еще хоть годъ, если не будетъ на то воли Божьей“ ⁵⁾).

Рядомъ съ возрастаніемъ числа монастырей и громадныхъ богатствъ духовенства возрастаетъ число праздныхъ людей и нищенство въ массѣ, ибо если, съ одной стороны, монахи, въ особенности нищенствующіе, питались послѣдними крохами крестьянъ, то съ другой стороны, въ свою очередь поощрили развитіе нищенства въ самомъ народѣ: тысячи и десятки тысячъ людей находили себѣ

¹⁾ Haedeke, Die Politik Oesterreichs in der Spanischen Erbfolgetrage, I, 69.

²⁾ Haedeke, I, 70.

³⁾ Havemann, 376.

⁴⁾ Havemann, 334.

⁵⁾ Havemann, 347.

ежедневное пропитаніе въ монастыряхъ за монашескою трапезой; тысячи другихъ, соблазняемые спокойною и вполне обезпеченною жизнію духовенства, поступали въ ряды его, бросая свое прежнее дѣло. Такимъ образомъ все болѣе уменьшалась численность трудящагося класса.

Увеличеніе числа монастырей и переходъ массы земель въ руки духовенства имѣли пагубное вліяніе на всѣ отрасли промышленности, но ближайшимъ образомъ отражались на земледѣліи, упадокъ котораго, не говоря уже о постепенномъ уменьшеніи народонаселенія, обусловливался въ XVII вѣкѣ и многими другими причинами, каковы право неотчуждаемости церковныхъ и монастырскихъ земель, постоянное увеличеніе числа маіоратовъ, въ связи съ привилегіями дворянства, существованіе внутреннихъ заставъ, мѣшавшихъ свободной торговлѣ хлѣбомъ, высокихъ вывозныхъ пошлинъ на сырые продукты вообще и тяжелое положеніе податнаго класса, особенно низшаго, относительно податей и налоговъ. Кромѣ всѣхъ указанныхъ причинъ, пагубное вліяніе на земледѣліе имѣло также сохраненіе за землевладѣльцами изъ дворянъ совершенно устарѣвшей привилегіи, такъ-называемой *mesta*, въ силу которой землевладѣльцы сѣверной Испаніи, содержавшіе большія стада овецъ, имѣли право, съ наступленіемъ зимы, безпрепятственно перегонять свои стада въ южныя области Испаніи, не стѣсняясь нарушеніемъ права собственности тѣхъ владѣльцевъ, черезъ земли которыхъ имъ приходилось проводить стада ¹⁾). Не удивительно поэтому, что Старая Кастилія, служившая въ XVI вѣкѣ житницей для Испаніи, производила въ концѣ XVII вѣка только не большое количество хлѣба, вина и марены, и что въ Новой Кастиліи огромныя равнины оставались вовсе не обработанными. Андалузія, Эстремадура и Гренада походили на пустыню: цѣлыя селенія лежали въ развалинахъ; въ Аррагоніи также сотни деревень сдѣлались не обитаемыми ²⁾). Не только земледѣліе и вообще сельское хозяйство пришло въ Испаніи въ упадокъ въ концѣ XVII вѣка, но и всѣ отрасли промышленности. Само собою разумѣется, что и мануфактурная промышленность страдала отъ уменьшенія народонаселенія, увеличенія монастырей, подавляющихъ пошлинъ и налоговъ, особенно такъ-называемой алкабалы (*alcabala*), взимавшейся

¹⁾ Havemann, 379.

²⁾ Weiss, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 44—45.

съ каждаго продукта при каждомъ актѣ купли и продажи ¹⁾. Но особенно пагубнымъ для мануфактурной промышленности было то презрѣніе ко всякому ремеслу, промыслу и торговлѣ, которое развилось въ Испаніи подѣ вліяніемъ особыхъ историческихъ причинъ, именно вслѣдствіе многовѣковой борьбы съ Маврами, занимавшимися преимущественно ремеслами и торговлей, и развращающаго вліянія американскаго золота, развивавшаго отвращеніе къ труду и страсть къ легкой наживѣ.

Не только званіе ремесленниковъ (*los oficios*) и податныхъ лицъ (*los pecheros*), но и званіе купца (*mercador*), считалось чрезвычайно унижательнымъ. Особенно презиралось Испанцами занятіе кожевничествомъ, которое такъ процвѣтало во время господства Мавровъ. Ремесленникъ, впрочемъ, стыдился своего ремесла еще и потому, что оно лишало его нѣкоторыхъ политическихъ правъ, какъ на примѣръ, права занимать какую-либо правительственную или выборную должность. И не только простое ремесло, но даже всякое механическое искусство было въ Испаніи въ страшномъ презрѣніи, такъ что въ Валенсіи, на примѣръ, званіе инженера и механика (*artesano*) считалось столь же унижательнымъ, какъ званіе ремесленника (*oficial*). Только въ Каталоніи ремесла пользовались уваженіемъ, такъ какъ въ ней число Морисковъ было всегда очень незначительно ²⁾. Испанское же правительство своими законами поддерживало старинные и вредные предрасудки, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать имъ: по испанскимъ законамъ, дворяне, занимавшіеся промышленнымъ дѣломъ, лишались своего герба ³⁾. Всѣмъ этимъ объясняется погоня лицъ средняго состоянія, занимавшихся ремеслами, за дворянскими титулами, подражаніе знати въ роскоши и расточительности, стремленіе перейти въ военное сословіе или въ духовенство. Такимъ образомъ произошелъ тотъ страшный упадокъ фабричной и заводской промышленности, который такъ рѣзко обнаружился въ концѣ XVII вѣка и заставилъ Испанію, столь щедро одаренную отъ природы произведеніями и умѣреннымъ и тропическаго пояса, снабжавшую въ половинѣ XVI вѣка и Старый, и Новый Свѣтъ своими фабрикатами, пользоваться большею частію привозными мануфактурными продуктами изъ Голландіи, Англіи, Франціи, Германіи и Италіи.

¹⁾ *Havemann*, 388 и 391.

²⁾ *Havemann*, 384; ср. *Wciss*, II, p. 69—76.

Ibidem.

Суконныя фабрики, которыми въ XVI вѣкѣ такъ славилась Севовія, на которыхъ 34,000 работниковъ заняты были производствомъ суконъ и выдѣлывали ежегодно по 24,000 кусковъ, пришли въ концѣ XVII вѣка въ такой упадокъ, что на нихъ выдѣлывалось уже не болѣе 400 кусковъ сукна въ годъ, и то очень посредственнаго ¹⁾. Въ Севильѣ, этомъ первоклассномъ промышленномъ и торговомъ центрѣ Испаніи, славившейся въ XVI вѣкѣ своими шелковыми, золотыми и серебряными тканями, гдѣ при Филиппѣ II было 3,600 фабрикъ, занимавшихъ руки 130,000 рабочихъ, при Карлѣ II было уже только 60 фабрикъ ²⁾. Шерсть и особенно шелкъ шли изъ Испаніи за границу большею частію въ сыромъ видѣ ³⁾.

При такомъ упадкѣ туземной мануфактурной промышленности, не удивительно, что Испаніи, славившейся своею шерстью, а въ прежнее время и шелководствомъ, приходилось выписывать шерстяныя и шелковыя матеріи изъ Англіи, Голландіи и Франціи. Какъ много приходилось переплачивать этимъ государствамъ за ввозимыя изъ нихъ мануфактуры, можно видѣть ужъ изъ того, что по вычисленіямъ, сдѣланнымъ на основаніи современныхъ испанскихъ источниковъ, въ царствованіе Карла II изъ 5.700,000 человѣкъ три милліона носили одежду изъ матерій заграничныхъ фабрикъ ⁴⁾. Девять десятыхъ всѣхъ фабрикатовъ изъ льна и конопли, въ которыхъ нуждалась Испанія, получала она изъ-за границы: рынки Кастиліи были переполнены заграничными фабрикатами.

Изъ-за границы знать получала почти всѣ предметы, необходимые для одежды: изъ Англіи — верхнее платье, изъ Германіи — обувь, изъ Голландіи — полотно, изъ Флоренціи и Милана — шелковыя матеріи. Изъ Испаніи вывозилось за границу на пять милліоновъ шерсти, шелку, вина и плодовъ; но эту сумму Испанія получала за свои продукты не звонкою монетою, а товаромъ по преимуществу мануфактурнымъ ⁵⁾.

Вслѣдствіе презрѣнія къ промышленной дѣятельности большая часть природныхъ богатствъ Испаніи пропадала втунѣ или же эксплуатировалась чужеземцами. Такъ, не смотря на то, что Бискайя изобиловала жельзомъ превосходнаго качества, Испанія получала сталь изъ Милана; изъ

¹⁾ Weiss, I, p. 15.

²⁾ Goecke, I, 69—70.

³⁾ Havemann, 392.

⁴⁾ Havemann, 383.

⁵⁾ Havemann, 392—393.

Америки Испанія получала цѣлую массу мѣди въ видѣ балласта на возвращавшихся оттуда корабляхъ, но мѣдь эта шла только на выдѣлку орудій; всю же мѣдную посуду Испанія получала изъ Голландіи и Германіи. На горныхъ хребтахъ Испаніи, покрытыхъ лѣсами, водилось множество дикихъ пчелъ, а между тѣмъ воскъ, требовавшійся въ громадномъ количествѣ для безчисленныхъ церквей, получался изъ Франціи, Англіи и Голландіи. Эксплуатація кобальтовыхъ рудниковъ Наварры перешла при Филиппѣ IV въ руки одной нѣмецкой компаніи. Мало по малу почти всѣ ремесла и промыслы въ Испаніи сдѣлались достояніемъ чужеземцевъ, которыхъ привлекали туда сравнительно очень высокая заработная плата и нѣкоторыя льготы въ отношеніи податей и налоговъ ¹⁾. Такихъ чужеземцевъ, запиравшихся ремесломъ или розничною торговлею, уже въ концѣ XVI столѣтіи насчитывали въ одномъ Мадридѣ не менѣе 40,000 человекъ, а во всей Испаніи около 150,000 человекъ, въ томъ числѣ 10,000 Генуэзцевъ. Въ XVII вѣкѣ въ Бургосѣ и Саламанкѣ поселилось очень много ремесленниковъ изъ Гасконцевъ, Нѣмцевъ, Ломбардцевъ, Валлоновъ и Англичанъ. Въ Севильѣ и Кордовѣ всѣ ремесла, особенно тѣ, которыя требовали большого труда, сосредоточивались въ рукахъ чужеземцевъ. Въ виду тѣхъ льготъ, которыми въ царствованіе Филиппа IV пользовались чужеземные ремесленники католическаго вѣроисповѣданія относительно пошлины *alcabala*, масса рабочихъ переселялась въ Испанію изъ сосѣднихъ провинцій Франціи, особенно изъ Гасконьи, Лимузена и Лангедока, такъ что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Людовикомъ XIV въ 1680 году французскими консулами въ Испанію, оказывалось, что въ различныхъ городахъ ея было въ общей сложности не менѣе 60,000 ремесленниковъ и 7,000 купцовъ французскаго происхожденія и изъ нихъ въ одной Арагоніи 20,000 чел., 18,000 ремесленниковъ и 2,000 купцовъ, а въ обѣихъ Кастиліяхъ 16,000 человекъ, въ томъ числѣ 3,600 купцовъ ²⁾.

Въ концѣ XVII столѣтія пять шестыхъ всего количества потреблявшихся въ Испаніи мануфактурныхъ продуктовъ привозились иностранцами, въ ихъ же рукахъ было девять десятыхъ всей торговли съ испанскими владѣніями въ Америкѣ, хотя Испанія и стремилась было оставить за собою монополію важной прибыльной торговли ³⁾.

¹⁾ *Havemann*, 385 и 386.

²⁾ *Weiss*, *L'Espagne depuis Philippe II*, t. II, p. 81—82.

³⁾ *Weiss*, *L'Espagne depuis Philippe II*, t. II, p. 111.

При крайнемъ упадкѣ торговли и промышленности въ Испаніи, послѣдняя не въ состояніи была удовлетворить и собственнымъ нуждамъ въ отношеніи мануфактурныхъ продуктовъ; тѣмъ менѣе могла она снабжать свои американскія владѣнія всеми товарами и продуктами, на которые былъ тамъ запросъ. Изъ всѣхъ продуктовъ и товаровъ, сбываемыхъ въ концѣ XVII вѣка изъ Испаніи въ Мексику и Перу, и стоимость которыхъ простиралась ежегодно на громадную сумму въ 54 милліона ливровъ, иностранцы доставляли всѣхъ товаровъ на 50 милліоновъ, а сами Испанцы только на четыре милліона ¹⁾. Понятно такимъ образомъ, что почти всѣ выгоды отъ торговли съ испанскою Индіей выпадали на долю тѣхъ западно-европейскихъ народовъ, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ торговлѣ съ нею, въ снабженіи Вестъ-Индіи всеми необходимыми товарами, а не на долю Испаніи. Упадокъ промышленности и торговли Испаніи совершенно парализировалъ всю строгость ея колониальной политики, которая при сильномъ развитіи торговли и промышленности въ самомъ количествѣ могла бы подавить конкуренцію западно-европейскихъ народовъ въ испанской Индіи и доставить неисчислимыя выгоды ихъ метрополіи.

И. Гуревичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ *Mignet*, *Négociations, relatives à la succession d'Espagne*, Introduction p. 30; ср. также *Weiss*, II, p. 137.

ЗНАЧЕНІЕ РУМЫНОВѢДѢНІЯ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ НАУКИ ¹⁾.

Мм. гг.! Предметомъ моихъ чтеній будутъ румынскій языкъ и румынская литература. Спрашивается: для чего эти предметы нужны славянскому филологу и историку, и какое значеніе они могутъ имѣть для русскаго слависта—историка и литератора? Не допускаются ли они въ русскомъ университетѣ только потому, что съ университетской кафедрѣ можно учить съ благою цѣлью обо всемъ, что есть въ видимой природѣ и мірѣ сверхчувственномъ? Или, можетъ быть, румынскій языкъ и литература заслуживаютъ вниманія на столько же, на сколько и языки китайскій и японскій съ ихъ литературами? Конечно, и съ этой точки зрѣнія изученіе румынскаго языка и литературы въ Россіи можетъ имѣть значеніе или, вѣрнѣе, можетъ быть цѣлесообразно. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, румынскій языкъ дѣйствительно читался въ здѣшнемъ университетѣ для практическихъ цѣлей Гинкуловымъ, который составилъ грамматику румынскаго языка, чуть ли не лучшую со стороны матеріала даже и для настоящаго времени (Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики. С.-Пб. 1840), и приложилъ къ ней хрестоматію изъ лучшихъ въ то время образцовъ новѣйшей румынской литературы, словарь и собраніе славянскихъ первообразныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ валахо-молдавскомъ. (Собраніе сочиненій и переводовъ, въ прозѣ и стихахъ, для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ. С.-Пб. 1840).

Чтобъ отвѣтить на поставленные мною вопросы, нужно указать хотя бы вкратцѣ на мѣстности, занимаемыя румынскою народностью, и

---

¹⁾ Вступительная лекція по румынскому языку и литературѣ, читанная 12-го января 1884 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

на историческую судьбу ея—съ одной стороны, а съ другой—можно отмѣтить въ общихъ чертахъ составъ румынскаго языка и главные моменты его историческаго образованія и опредѣлить зарожденіе, развитіе и характеръ румынской литературы и народной словесности,

Румынскую народность составляетъ христіанское населеніе Румынскаго королевства, Трансильваніи, части Баната, Буковины, Бессарабіи и затѣмъ Македоніи, Фессаліи и Эпира; кромѣ того, небольшія группы румынскихъ поселеній есть въ Болгаріи, Сербіи и Венгріи. Такимъ образомъ уже отсюда видно, что Румыны занимаютъ такія мѣстности, которыхъ такъ или иначе касается исторія славянскихъ народностей не только въ частности, но даже и вообще. Какъ извѣстно, Румыны занимаютъ часть прикарпатскихъ земель, составлявшихъ, по всей вѣроятности, прародину Славянъ; нынѣ же они граничатъ на сѣверѣ съ угорскими, галицкими и буковинскими Русскими и отчасти со Словаками, на сѣверѣ съ Малоруссами, а на сѣверо-западѣ съ Сербами въ Банатѣ. Въ старину эта граница Румыновъ простиралась и дальше на сѣверъ, судя по тому, что въ Моравіи до нашего времени есть цѣлая область Валахія, почти все населеніе которой называется Валахами и имѣетъ много общаго съ чисто-румынскими пастухами въ Карпатахъ. Съ востока Румыны смежны съ Малоруссами, которые уступили первымъ сравнительно недавно нѣкоторыя мѣста на лѣвой сторонѣ Днѣстра. Съ юга Дунай составляетъ только политическую границу нынѣшней Румыніи. Румыны живутъ смѣшанно съ Болгарами, начиная съ южной части Бессарабіи и затѣмъ переходя по ту сторону устьевъ Дуная, въ Добруджу. Замокнувшись здѣсь, они опять являются въ Никопольскомъ придунайскомъ округѣ спорадическими, правда, рѣдкими поселеніями врѣзывающимися въ восточные предѣлы Сербскаго королевства, которые заняты сплошнымъ румынскимъ населеніемъ. Между Никополемъ и Родопами также спорадически разсѣяны румынскія селенія, образуя отъ Македоніи къ Дунаю какъ бы путевую этнографическую цѣпь, которая въ настоящее время еще не достаточно изслѣдована; но вѣроятно, она еще въ недавнемъ прошломъ была плотнѣе и гуще, судя по нѣкоторымъ, сохранившимся до нашего времени, мѣстнымъ названіямъ и собственнымъ именамъ на подписяхъ. Приадриатическое, далматинское названіе Морлаки, въ старину Мавровлахи, указываетъ, по всей вѣроятности, на исчезнувшихъ съ теченіемъ времени Валаховъ въ прибрежныхъ мѣстахъ и на островахъ. Такъ, по край

ней ибръ, можно судить по тѣмъ остаткамъ, которые изо дня въ день угасаютъ на нашихъ глазахъ на островѣ Велии или Крѣѣ.

Но не однимъ сосѣдствомъ Румыны близки Славянамъ. Историческія связи этихъ народовъ были весьма тѣсны и постоянны почти съ того времени, съ каковаго исторія начиняетъ отмѣчать ихъ въ придунайскихъ странахъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Византійскіе, западные и русскіе лѣтописцы помѣщаютъ Румыновъ или, какъ они ихъ называютъ, Влаховъ въ предѣлахъ Болгарской земли, какъ Придунайской, такъ и Балканской. По всей вѣроятности, только Румыны, жившіе въ горахъ, на границахъ Македоніи, Фессалии и Эпира, были болѣе или менѣе независимы; но и эти нерѣдко находились въ полувисимости, если можно такъ выразиться, то отъ Византійцевъ, то отъ Болгаръ, а въ болѣе трудное время и отъ Сербовъ. Влахи играютъ иногда очень важную роль въ болгарскихъ войнахъ и народныхъ движеніяхъ. Образование втораго Болгарскаго царства совершилось при весьма сильномъ содѣйствіи Влаховъ, и Калояна, перваго Болгарскаго царя этого времени, почти всѣ лѣтописцы и историки считаютъ Влахомъ. Оказывается, что влашскій элементъ былъ такъ силенъ у Болгаръ въ это время, какъ и нельзя было предполагать сперва, судя по историческимъ даннымъ. Послѣ того весьма понятно, что чрезвычайно важно выяснитъ, какъ распредѣлены были Влахи между Болгарами и вообще между Славянами Придунайскими и Балканскими. Это обстоятельство въ свою очередь выяснило бы намъ обособленіе Влаховъ, виды и способы этого обособленія и, наконецъ, образование придунайскихъ и приварпатскихъ княжествъ, которыя играли столь видную роль въ исторіи южныхъ Славянъ до нашихъ дней. По историческимъ даннымъ можно наблюдать только тотъ фактъ, что съ того времени, какъ южное славянство, вслѣдствіе почти непрерывныхъ войнъ то между собою, то съ Византійцами и, кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ нападений на Балканскій полуостровъ Турокъ, начинаеть терять свою политическую точку опоры, на сѣверѣ отъ Дуная возникаютъ два независимыя румынскія княжества—Валахія въ XIII в. и Молдавія въ XIV в., которыя находятся въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ, какъ съ Болгарами, такъ и съ другими Славянами Балканскаго полуострова. Мало разъяснены и почти неизвѣстны первыя отношенія этихъ княжествъ къ тѣмъ же Славянамъ; но достоверно извѣстно, что въ тотъ періодъ южно-славянской борьбы Румыны являлись то въ болгарскихъ, то въ сербскихъ войскахъ; въ рѣшительныхъ битвахъ при Никополѣ, Варѣ и на Коссовѣ пало на полѣ брани не мало и румынскихъ вои-

новъ. Это вѣшателство Румыновъ въ южно-славянскія дѣла возбудило противъ нихъ гнѣвъ Турокъ и побудило ихъ къ вторженіямъ въ предѣлы княжествъ для разорительныхъ опустошеній. Но, не смотря на то, Румыны нерѣдко служили для Славянъ и христіанства оплотомъ противъ Турокъ. Вскорѣ послѣ почти полнаго завоеванія Балканскаго полуострова Турками Трансильванскій воевода Іоаннъ Корвинъ-Гуніяди нанесъ Туркамъ страшныя пораженія въ цѣломъ почти рядѣ походовъ на югъ отъ Дуная. Затѣмъ Валашскій' господарь Михаилъ Храбрый и Молдавскій—Стефанъ Великій, а также и другіе господа, прославили румынское оружіе въ своихъ войнахъ съ Османами. Уже съ самаго подпаденія Болгаръ и Сербовъ подъ турецкое иго многія лица изъ южно-славянской знати и передовыхъ людей, не пожелавшія принять магометанство или склонить свою голову подъ турецкіе ятаганы, находили себѣ убѣжище, пріютъ и широкое гостепрѣимство у Румыновъ, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались въ этой средѣ родоначальниками многихъ боярскихъ фамилій, отчасти существующихъ до настоящаго времени. Не смотря на то, что впоследствии и придунайскія княжества подпали подъ турецкую власть, множество Задунайскихъ Славянъ, и въ особенности Болгаръ, то отдѣльными группами, то цѣлыми массами, до новѣйшихъ временъ переселялись въ княжества въ качествѣ купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и огородниковъ и здѣсь населяли не только цѣлыя участки въ городахъ, но и цѣлыя общины и даже города, какъ по берегамъ Дуная, такъ отчасти и внутри страны; съ теченіемъ времени эти славянскіе выходцы совершенно орумынились, за исключеніемъ только поселенцевъ самаго послѣдняго времени. Но мало того, румынскіе господа, бояре и боярыни со временъ подпаденія Болгаріи и Сербіи подъ турецкое иго непрестанно благотворили церквамъ и монастырямъ, какъ на Афонѣ, такъ и въ самой Болгаріи, Сербіи и Македоніи, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ господарскія и боярскія грамоты и дарственные записи.

Не одни Славяне находили убѣжище въ княжествахъ. Послѣ взятія Константинополя Турками, въ XVI, XVII и XVIII вв. и даже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, какъ высшіе, такъ и низшіе представители восточныхъ православныхъ церквей не только подолжили при дворахъ государей и въ монастыряхъ румынскихъ, и многіе изъ нихъ подвизались здѣсь всю жизнь на практическомъ и литературномъ поприщѣ для улучшенія бѣдственнаго состоянія своихъ церквей и для облегченія участи Грековъ и другихъ православныхъ

христіанъ Востока. Смѣло можно сказать, что послѣ паденія Византійской имперіи Греки долгое время находили себѣ самую существенную поддержку, нравственную и матеріальную, почти въ однихъ Румынахъ, а во время господства въ княжествахъ фанаріотовъ они были здѣсь даже полными хозяевами. Кромѣ того, Румынскіе господа весьма часто являлись посредниками и ходатаями за нихъ предъ Московскими царями, сообщая въ своихъ посланіяхъ послѣднимъ вѣрныя свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи восточныхъ христіанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, много весьма интересныхъ данныхъ о состояніи православія на Востокѣ.

Исторія сношеній Румыновъ съ Польшей, казаками и, наконецъ съ Москвой мало извѣстна, но не потому, что она представляетъ мало интереса или значенія, а потому, что до настоящаго времени она очень мало изслѣдована. Тѣмъ не менѣе, на сколько она извѣстна, она представляется весьма интересною и даже поучительною. Изученіе и изслѣдованіе сношеній Румыновъ съ Польшей и казаками должно во многомъ освѣтить религіозныя движенія у Поляковъ и выяснитъ тенденціозныя отношенія послѣднихъ къ восточнымъ христіанамъ и политику ихъ по отношенію къ Турціи, а наконецъ и самое политическое состояніе Польши и состояніе православной церкви у Южноруссовъ въ XVI и XVII вв. Сношенія Румынскихъ княжествъ съ Москвой всего лучше обрисовываютъ роль и значеніе Румыновъ на православномъ Востокѣ и политическое состояніе Оттоманской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняютъ нѣкоторые моменты въ русской исторіи того же времени.

Политическое устройство и социальный строй Румынскихъ княжествъ, описанные во многихъ своихъ частяхъ почти до мельчайшихъ подробностей румынскими лѣтописцами, образовались подъ вліяніемъ государственнаго устройства и внутренняго быта по преимуществу южныхъ Славянъ; вслѣдствіе того внутренняя исторія придунайскихъ Румынскихъ княжествъ представляетъ весьма много цѣнныхъ данныхъ для выясненія внутренняго строя южныхъ и отчасти восточныхъ и западныхъ Славянъ.

Румыны, благодаря тѣснымъ связямъ со Славянами, находились подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ ихъ, и въ особенности Славянъ южныхъ. Входя съ самыхъ раннихъ временъ въ составъ Болгарскаго царства, какъ одинъ изъ этнографическихъ элементовъ его, они всенародно должны были принять крещеніе одновременно съ Болгарами. Съ этого времени, нужно полагать, введена у нихъ сла-

вянская кирилловская азбука и славянское богослуженіе. Отъ Болгаръ они унаслѣдовали языкъ дипломатическій и высшихъ слоевъ общества, который послѣ паденія Болгаріи сталъ испещряться польскими и малорусскими словами, такъ какъ Румыны подверглись сильному вліянію Польши и Южноруссовъ въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе того и литература Румыновъ была чисто славянскою; первый ея періодъ продолжается вплоть до XVI в., и только съ начала этого вѣка начинается зарожденіе чисто румынской литературы. При существованіи южно-славянскихъ государствъ, или вѣрнѣе, при существованіи Болгаріи, болгарская по преимуществу, а по всей вѣроятности, и сербская литературы служили духовною пищей для Румыновъ. Если и были у послѣднихъ особые книжники, то они, по всей вѣроятности, были по большей части изъ южныхъ Славянъ, если не всегда по происхожденію, то по образованію. Только послѣ завоеванія Балканскаго полуострова Турками литература румынская получаетъ болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, но и то только до извѣстной степени. Съ этого времени придунайскія княжества служатъ убѣжищемъ для ббльшей части южно-славянскихъ ученыхъ, подобно тому, какъ служила Италия — для византійскихъ и греческихъ послѣ завоеванія Царьграда въ 1453 году. Кромѣ того, въ XV, XVI вв. и даже въ XVII сами Румыны призывали къ себѣ съ разныхъ концовъ славянскаго міра ученыхъ для дѣятельности на пользу православной церкви и духовно-нравственнаго образованія народа. Южно-молдавскіе, валашскіе и трансильванскіе монастыри наполнялись монахами южно-славянскими и аеонско-славянскими, а сѣверно-молдавскіе и буковинскіе — южно-русскими. Припомнимъ, съ одной стороны, св. Никодима, насадителя монашества у Румыновъ, затѣмъ Григорія Цамблака и архимандрита Мелетіа Македонскаго, одного изъ лучшихъ румынскихъ дѣятелей своего времени, а съ другой — замѣчательнаго для своего времени ученаго Паисія Величковскаго, установителя монашескаго общенія въ Молдавіи. Не смотря на частые политическіе перевороты въ придунайскихъ княжествахъ, эти люди сдѣлали весьма много, и притомъ не только для самихъ Румыновъ, но и для сосѣднихъ православныхъ славянскихъ народовъ. Есть свидѣтельство XVI в., что румынскій книжникъ Радулъ грамматикъ списалъ для Болгаръ „мнози книги стѣи бжѣствныи гѣеміи. тетрѣсуглы. и стѣи ѱалтиры. и пендекостаре. и мнѣе. и свѣтъ тайнъ. и тришдре. и метофрасти. и правци. разбмичи. и стѣихъ апслы. мнози

же мали и велици¹⁾. По другому свидѣтельству XVIII вѣка, Валахскій господарь Матей Вассарабъ (1632—1654 гг.) издалъ напечатанный имъ въ „Длъгомъ Поля“ (Câmpri Lungu) Требникъ для „Молдовлаховъ, Оугровлаховъ, Руссовъ, Сръбовъ и Вѣлгаръ“²⁾. Такимъ образомъ Румыны сдѣлались въ политическомъ и въ культурномъ отношеніяхъ какъ бы преемниками южно-славянскихъ государствъ, и въ особенности Болгаріи. Въ XV, XVI, XVII вв. у Румыновъ, этого народа-мученика, вынесшаго на своихъ плечахъ, а отчасти выносящаго и до настоящаго времени множество невзгодъ и бѣдствій политическихъ и соціальныхъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, мы встрѣчаемъ людей съ высокимъ образованіемъ не только для ихъ времени, но даже и для нынѣшняго, съ знаніемъ языковъ и обширнымъ знакомствомъ съ литературами восточной и западной Европы и даже литературами не европейскими. Припомнимъ Петра Могилу съ его Кіевскою академіею и его важнымъ участіемъ въ дѣлахъ церкви православной, Николая Миклеску, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ Николая Спаарія, Берендея, а въ Россіи—Беринда, и затѣмъ Дмитрія Кантемира, бывшаго Молдавскимъ господаремъ, этого румынскаго Константина Вагранороднаго, и цѣлый рядъ другихъ, менѣе извѣстныхъ за предѣлами Румынскихъ княжествъ. Послѣ всего этого можно безъ преувеличенія сказать, что Румынскія придунайскія княжества долгое время служили передаточнымъ пунктомъ, если такъ можно выразиться, а пожалуй и центромъ славянскихъ и даже греческихъ литературныхъ связей и разныхъ благотвореній между Аеономъ и православными странами Востока. Но мало того, Румынскія княжества, находясь на рубежѣ двухъ культурныхъ мировъ, греко-славянскаго и романо-германскаго, съ которыми они были въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ и связяхъ—съ послѣднимъ, между прочимъ, и чрезъ Польшу—и подъ ихъ культурными и политическими вліяніями, служили, можно сказать, мѣстомъ, гдѣ всего чувствительнѣе сталкивались эти вліянія и, примиряясь на православной почвѣ, направляли такимъ образомъ свое теченіе по всему православному Востоку. Къ сожалѣнію, этотъ весьма важный для исторіи славянской литературы періодъ до настоящаго времени почти совсѣмъ еще не изслѣдованъ.

¹⁾ *Solimna lui Traian*, 1882, № 1, p. 54; *Ж. Мин. Нар. Пр.*, ч. СС, отд. 2, стр. 74.

²⁾ *Сърку*, Остатки славянской литературы въ Молдавіи въ *Ж. М. Н. Пр.* ч. ССХХ, отд. 2, стр. 301.

Еще съ конца XV в. начинается, можно сказать, зарожденіе другаго періода въ литературѣ Румыновъ—чисто-національнаго не столько по тенденціямъ, сколько по языку, на которомъ говорила масса темнаго румынскаго люда. Румынскій языкъ по своему составу и историческому развитію представляетъ весьма большой интересъ, какъ для филолога вообще, такъ въ частности для слависта. Румынская нація, сложившись изъ сліянія нѣсколькихъ этнографическихъ элементовъ—римскаго, еракійскаго и въ значительной степени славянскаго, дала своему языку весьма своеобразный характеръ. На латинскую или романскую основу этого языка насѣли съ теченіемъ времени варварскіе элементы: сперва еракійскіе и разные другіе въ Византіи, затѣмъ цѣлыми пластами славянскіе, въ незначительной мѣрѣ мадьярскіе и, наконецъ, турецкіе. Соотвѣтственно этому обстоятельству, какъ въ части внутренней его строй, такъ и его внѣшній обликъ отдалились значительно отъ своего прототипа. Нѣтъ надобности доказывать, какъ важно и какіе богатые и поучительные результаты можетъ дать строго-научное изслѣдованіе этого язычнаго, если можно такъ выразиться, амальгамированія, изученіе этой борьбы языковъ и побѣды одного надъ другимъ; оно дало бы намъ, хотя до нѣкоторой степени, понятіе не только о культурѣ того или другаго изъ балканскихъ народовъ, но и о живучести той или другой балканской націи. Но изученіе румынскаго языка имѣетъ для насъ, славистовъ и другое, болѣе частное значеніе. Волгары, будучи поставлены историческими судьбами съ самыхъ давнихъ временъ во многихъ отношеніяхъ въ одинаковыя условія съ Румынами на Балканскомъ полуостровѣ и на сѣверѣ отъ Дуная, естественно, въ свою очередь должны были подвергаться во многихъ случаяхъ тѣмъ же вліяніямъ, что и Румыны. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, эти одинаковыя условія сказались, между прочимъ, и на болгарскомъ языкѣ, и можетъ быть даже по преимуществу. Извѣстно, что до настоящаго времени болгарскій языкъ, изученный со стороны историческаго образованія развитія менѣе, чѣмъ другіе живые языки славянскіе, представляетъ весьма много затрудненій для изслѣдователя. Исторія румынскаго языка несомнѣнно можетъ служить прекрасною аналогіей при изученіи строя и историческаго развитія болгарскаго языка, тѣмъ болѣе что оба эти языка вліяли другъ на друга и оставили осязательныя слѣды такой взаимности. Попытка въ такой аналогіи уже сдѣлалъ проф. Хмидеу по поводу „Опыта фонетики резьянскихъ говоровъ“

проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ¹⁾. Эту параллель можно провести тѣмъ легче, что румынскій языкъ, при десяти милліонахъ Румыновъ, имѣеть сравнительно очень немного нарѣчій, всего только три: дакійское (въ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Трансильваніи и Банатѣ), македонское (въ Македоніи, Эпирѣ и Фессаліи) и истрійское (въ южной части Истріи и на островѣ Крѣѣ или Веліи).

Духовное родство Румыновъ со Славянами заключается не въ одномъ только языкѣ и вѣрѣ. Румынская народная поэзія, какъ обрядовая (а съ нею и самыя обряды народные) и лирическая, такъ и историческая, представляетъ очень много, родственнаго съ славянскою и по преимуществу южно-славянскою. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, румынскія колядки, святочные и другіе обычаи оказываются очень сходными съ малорусскими и отчасти русскими. Хожденіе со звѣздой и „Ироды“, остатки средневѣковой мистеріи, перешедшей къ Румынамъ съ Запада, по всей вѣроятности, и чрезъ Польшу, составляютъ еще донинѣ живыя явленія въ румынскихъ народныхъ праздникахъ. Сербско-болгарскій народный герой, Марко Кралевичъ или кракъ Марку, сербская баллада о построеніи Раваницы и подобныя же болгарскія разказы и пѣсни, пѣсни о послѣднихъ Болгарскихъ царяхъ, южно-славянскія хайдукскія и отчасти малорусскія казацкія и многія другія пѣсни находятъ себѣ то сильное, то слабое соотвѣтствіе въ произведеніяхъ народнаго творчества Румыновъ, и притомъ не только придунайскихъ и карпатскихъ, но даже и македонскихъ. Судя по новѣйшимъ открытіямъ, находкамъ и изслѣдованіямъ, южно-славянская апокрифическая литература имѣла сильное отраженіе у Румыновъ, къ которымъ она проникала и устнымъ, и книжнымъ путями. Но не этими только данными обращаетъ на себя вниманіе румынская народная словесность; по своей иногда дѣльности, по изяществу, своихъ образовъ она представляетъ рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное явленіе между произведеніями народной словесности европейскихъ народовъ. Она можетъ быть прекраснымъ матеріаломъ для благодарныхъ научно-сравнительныхъ работъ, которыя въ настоящее время находятся только въ зачаткѣ.

Не менѣе интересенъ для слависта и весь второй періодъ румынской литературы. Румынскій литературный или, вѣрнѣе, церковный языкъ, по слабости и несовершенству, не могъ сразу освободиться изъ славянскихъ узъ, и вслѣдствіе того румынскія книжки XVI в.,

¹⁾ *Colimna lui Traian* 1876, стр. 448—463.

сохранивъ славянскую азбуку, сперва робко дѣлають шаги къ этому освобожденію, все еще подчиняясь славянскому типу, въ ущербъ не только духу румынскаго языка, но даже и смыслу; славянская азбука была достаточно приворована къ звукамъ румынскаго языка только по истеченіи довольно долгаго времени. Первые переводы дѣлались строка въ строку, за каждымъ славянскимъ стихомъ и точкой, имѣя такимъ образомъ скорѣе значеніе глоссы; только послѣ такихъ опытовъ являються или сплошные переводы во второмъ столбцѣ, или же переводъ указаній и объясненій того, что нужно читать въ то или другое время при богослуженіи. Но не прошло и вѣка, какъ языкъ народа сталъ если не вполне, то болѣе чѣмъ на равныхъ правахъ со славянскимъ не только въ церкви, но и при дворѣ, въ дипломатіи и привилегированныхъ слояхъ общества. При этомъ, нужно замѣтить, начинается по немногу вліяніе западно-европейское, которое возникаетъ вслѣдствіе усвоенія высшими слоями общества италіанскаго языка. Усерднѣйшими распространителями румынскаго языка были два господара, одновременно правившіе въ половинѣ XVII вѣка—Молдавскій Василій Лупу (1632—1654 гг.) и Валашскій Матей Бассарабъ (1633—1654 гг.), высокообразованные, но до конца своей жизни враждовавшіе другъ съ другомъ въ своихъ стремленіяхъ къ сліянію всѣхъ Румыновъ подъ однимъ скипетромъ. Оба они открыли много румынскихъ школъ, а Василій Лупу — Васильевскую академію и два богословскія училища. Но самыми важными дѣлами ихъ нужно считать заведеніе въ княжествахъ Румынскихъ типографій, для которыхъ шрифтъ и машины они получили изъ Россіи—изъ Москвы и Кіева. Кромѣ того, оба эти господара извѣстны, какъ издатели румынскихъ уложений.

Самыми замѣчательными литературными явленіями этого періода представляються румынскія лѣтописи, которыми по справедливости можетъ гордиться румынскій народъ; изъ нихъ выдаються молдавскія по богатству матеріала и его расположенію, и въ особенноти лѣтопись Іоана Никульчи (1673—1743 гг.), одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Румынскія лѣтописи имѣють громадную важность для славянскаго историка. Большая часть ихъ, будучи составлена въ первоначальныхъ своихъ редакціяхъ по южно-славянскимъ (какъ объ этомъ и говорится въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ), а въ позднѣйшихъ—подъ вліяніемъ польскимъ, можетъ служить хорошимъ матеріаломъ при изслѣдованіи состава болгарскихъ и отчасти сербскихъ лѣтописей и хронографовъ. Но, кромѣ того, въ румынскихъ

лѣтописяхъ заключается обильный матеріалъ для исторіи южныхъ Славянъ, Польши, Украины, Галицкихъ и Угорскихъ Русскихъ, а также Турціи и Грековъ XV и затѣмъ XVI, XVII и даже XVIII вв. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ до настоящаго времени нуждается еще въ критической оцѣнкѣ.

Церковная литература имѣетъ своими представителями нѣсколькихъ ученыхъ іерарховъ, получившихъ образованіе большею частію въ западной Европѣ и Польшѣ; изъ нихъ упомянемъ Молдавскихъ митрополитовъ: Досееня (1625—1683 гг.), оставившаго потомству римовавшую Псалтырь, многія пѣсни изъ которой сдѣлались народными, и Варлаама, составившаго и издававшего цѣлый кругъ житій румынскихъ святыхъ. Затѣмъ въ XVIII в. выдаются митрополиты: Григорій I (1760 — 1787 гг.) и Іковъ Стамати (1718—1803 гг.) и епископъ Филаретъ, которые, кромѣ переводовъ богослужебныхъ книгъ и твореній отцовъ церкви, оставили замѣчательныя проповѣди, трактаты по христіанской догматикѣ и апологетикѣ и цѣлыя томы исторіи церкви всемірной и Румынской, заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ и для исторіи православной церкви въ Западной Руси. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательными борцами противъ кальвинистовъ и католиковъ въ Трансильваніи, и эта сторона ихъ дѣятельности также оставила живые слѣды въ румынской литературѣ.

Свѣтская литература румынская имѣетъ гораздо меньше выдающихся представителей, но тѣ, которые есть, могутъ считаться свѣтилами первой величины. Укажемъ еще разъ на Молдавскаго господаря Димитрія Кантемира (1673—1723 гг.), окончившаго свои дни въ Россіи. Основательно знакомый съ нѣсколькими языками европейскими и восточными, онъ былъ прекрасный знатокъ румынскаго народа и Турціи; его исторія Оттомановъ, хроника румынско-молдавско-палашиская и классическое, можно сказать, описаніе Молдавіи будутъ всегда имѣть значеніе въ наукѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранять память объ авторѣ, какъ о человѣкѣ широко образованномъ и даже ученомъ; его латинскіе богословско-полемическіе трактаты, написанные между прочимъ по поводу изданія въ свѣтъ катихизиса Теофана Прокоповича, были въ свое время довольно извѣстны и въ Россіи. Его историкъ-біографъ долженъ быть въ одинаковой мѣрѣ знакомъ съ славянскимъ и румынскимъ мірами. Въ XVIII в. является первый свѣтскій румынскій писатель Енакица Вакареску (1740—1799 гг.), если и не съ такою широкою и многостороннею дѣятельностью, какъ Кантемиръ,

то все же не менѣе замѣчательный: онъ былъ лучшій румынскій поэтъ своего времени, онъ же составилъ первую румынскую грамматику.

Австрійскіе или, вѣрнѣе, Венгерскіе Румыны-уніаты, вслѣдствіе особенности своего положенія, а также и вліянія Рима, съ особенною энергіей выдвинули теорію о вполнѣ римскомъ происхожденіи румынской народности. Руководимые этою теоріей, представители румынской литературы у нихъ уже очень рано начали тенденціозное изученіе румынскаго языка и румынской исторіи, которое, однако, дало и хорошіе плоды—нѣсколько диссертаций о происхожденіи румынскаго народа, Румынскую хроніку Шипка, нѣсколько румынскихъ словарей и грамматикъ; отъ нихъ же пошло введеніе латинской азбуки въ румынскую письменность.

Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается въ румынской литературѣ, подѣ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, поворотъ къ совершенно новому направленію, которое выражается въ стремленіи румынской мысли совершенно освободиться изъ славянскихъ узъ и приблизиться къ западно-европейскимъ Романскимъ народамъ. Нововведенія начались съ того, что, по всей вѣроятности, подѣ вліяніемъ тенденцій Румыновъ-уніатовъ, нѣкоторыя славянскія буквы были выброшены въ свѣтскихъ произведеніяхъ и замѣнены латинскими. Теперь, вмѣсто Константинополя и Москвы, румынскою Палестиной сдѣлался Парижъ и вообще западная романская Европа. Еще болѣе усиливается это стремленіе послѣ возстанія Тудора Владиміреску или революціи 1821 г. и изгнанія фапаріотовъ изъ княжествъ. Но послѣ обнародованія органическаго регламента при російскомъ императорскомъ комиссарѣ графѣ П. Д. Киселевѣ, послѣ крестьянскаго возмущенія въ Трансильваніи подѣ предводительствомъ Горія и Клошки и въ особенности послѣ объявленія нынѣшней конституціи, этотъ поворотъ разразился порывистымъ увлеченіемъ западно-европеизмомъ. Въ одахъ и диограмбахъ воспѣвались уже не Московскіе цари и не восточные патріархи, а Наполеонъ и разныя европейскія знаменитости. При князѣ Іоаннѣ Кузѣ, занявшемъ въ 1859 г. престолъ соединенной Румыніи, это увлеченіе достигло своего апогея. Куза, какъ бы желая уничтожить всю предыдущую исторію Румыніи и создать новую, при секуляризаціи монастырскихъ имѣній воздвигъ сильное гоненіе на все греческое и особенно на славянское духовенство. Въ его время славянская азбука была совершенно изгнана изъ свѣтской литературы и замѣнена вполнѣ латиницей. Самымъ сильнымъ приверженцемъ этого направленія былъ лучшій

писатель и публицистъ 40-хъ годовъ Еліады Радулеску. За нимъ пошли лучшіе румынскіе поэты болѣе поздняго времени; изъ нихъ болѣе замѣчательны Болентинеану, Константинъ Негруци, Александри, пишущій еще и теперь, и жолчный Еминеску; ихъ можно считать европейскими писателями въ полномъ смыслѣ слова.

Такое же увлеченіе существовало и въ наукѣ. Но лучшіе изъ современныхъ румынскихъ ученыхъ, каковы профессора: Хаждеу, Одобеску, Ионеску, Византи и Ксенопулъ и лучший изъ румынскихъ іерарховъ, Романскій епископъ Милхиседекъ и архимандритъ Генадій Еначану, при всѣхъ своихъ политическихъ тенденціяхъ, начинаютъ доходить до сознанія, что румынскій народъ сумѣвшій перенести и страшныя ювенія со стороны кальвинистовъ и католиковъ, и турецкое иго, и наконецъ, господство фанариотовъ, имѣетъ свою исторію, создавшуюся на Востоцкѣ, среди славянскихъ народовъ, по византийскимъ образцамъ и преданіямъ, и свою культуру, развившуюся на основѣ восточнаго православія. Нужно однако оговориться, что не у всѣхъ изъ названныхъ мною ученыхъ это сознаніе является отчетливымъ и вполне яснымъ; у большей части изъ нихъ оно какъ будто неволью пробивается и въ силу своихъ естественныхъ правъ просится наружу, какъ заключеніе изъ цѣлага ряда фактическихъ данныхъ, ими самими приводимыхъ. Это, вѣрнѣе сказать, истиннѣе, внушенный румынскому народу самою исторіей его.

Это литературное направленіе можно назвать новѣйшимъ періодомъ въ исторіи румынской литературы. Изъ сказаннаго мною о немъ видно, что онъ еще не законченъ, и слѣдовательно, на него нужно смотрѣть, какъ на переходный фазисъ въ исторіи румынскаго народа.

Послѣ всего вышесказаннаго, я отвѣчаю прямо и въ нѣсколькихъ общихъ словахъ на вопросъ, поставленный въ началѣ этого чтенія: намъ славистамъ, никогда не будутъ ясны нѣкоторыя весьма существенныя части славянской исторіи безъ знанія исторіи, литературы и языка Румыновъ, подобно тому, какъ и исторія послѣднихъ будетъ всегда не ясна безъ исторіи Славянъ. Если во Франціи, Итали и Австріи давно уже сознали необходимость изучать прошлое и настоящее Румыновъ, и съ этою цѣлью открыты румынскія каедры въ нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ болѣе необходимо румыновѣдѣніе слависту и въ особенности русскому и южно-славянскому. Если русская историко-филологическая наука игнорировала до настоящаго времени Румынію, то причиной тому

было то, что въ Россіи славистика и изученіе европейскихъ литературъ были до самого послѣдняго времени только въ зачаткѣ, и критическія изслѣдованія по русской исторіи шли медленно. При всемъ этомъ Петербургскому университету принадлежитъ честь, что опъ изъ европейскихъ первый открылъ у себя чтенія по румынскому языку и литературѣ.

И. Сьрку.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Нѣмецкій переводъ Хожденія игумена Даніила въ Святую Землю.

DIE PILGERFAHRT DES RUSSISCHEN ABTES DANIEL INS HEILIGE LAND. 1113—1115.
Uebersetzt von *A. Leskien* (*Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins.*
B. VII. Leipzig. 1884).

Исслѣдованія древностей Палестины поставлены теперь на вполне научную почву. Помимо усилій отдѣльныхъ лицъ и частной инициативы, историческіе, археологическіе и другіе вопросы, касающіеся колыбели христіанства, разрабатываются цѣлымъ рядомъ обществъ, посвященныхъ изученію Палестины и существующихъ въ большинствѣ главныхъ странъ Европы; таковы, напримѣръ, въ Англіи—общество исслѣдованія Палестины (*Palestine Exploration Fund*), во Франціи—Общество латинскаго Востока (*Société de l'Orient Latin*), въ Германіи—Нѣмецкое Палестинское Общество (*Deutscher Palaestina-Verein*) и у насъ, въ Россіи—Православное Палестинское Общество. Всѣ эти учрежденія вообще стремятся къ одной и той же цѣли по изученію палестинскихъ древностей, но каждое изъ нихъ въ отдѣльности преимущественно пользуется тѣми данными, которыя представляются древними, латинскою, еврейскою и греческою литературами и источниками по палестинологіи, встрѣчаемыми въ памятникахъ словесности тѣхъ странъ, гдѣ упомянутыя Общества дѣйствуютъ. Исключенія въ пользу иноземныхъ источниковъ встрѣчаются довольно рѣдко. Тѣмъ отрадиѣе для насъ, Русскихъ, въ этомъ отношеніи исключеніе, выпавшее въ изданіяхъ Нѣмецкаго Палестинскаго Общества на долю нашего древнѣйшаго паломника-писателя, игумена Даніила: въ началѣ

текущаго года въ Извѣстіяхъ, издаваемыхъ названнымъ учрежденіемъ, появился переводъ его Хожденія, сдѣланный профессоромъ Лейпцигскаго университета А. Лескиномъ.

Переводчикъ пользовался текстомъ Хожденія, изданнымъ въ 1864 году археографическою комиссіей подъ редакціей А. С. Норова, и не могъ еще имѣть въ рукахъ новое изданіе Данилова Хожденія, предпринятое Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, и первый выпускъ котораго появился почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ труда Лескина. Итакъ, незнакомство переводчика съ этимъ новымъ изданіемъ текста не можетъ быть поставлено ему въ вину. Но не можемъ скрыть нашего удивленія по поводу слѣдующаго обстоятельства: Въ Тюбингенѣ, еще въ 1877 году, появилась Хроника Еккегарда, писателя временъ Крестовыхъ походовъ (*Ekkehardi Uragiensis abbas Hierosolymita*), издатель которой, Гагенмейеръ, воспользовался въ своихъ комментаріяхъ Хожденіемъ Данила и подвергъ установленное въ русской наукѣ хронологическое опредѣленіе времени этого Хожденія тщательной критикѣ въ связи съ данными латинскихъ и преимущественно мусульманскихъ хроникъ. Рѣшеніе вопроса о времени Балдунова похода къ Дамаску, въ которомъ принималъ участіе нашъ наломникъ, заставило Гагенмейера опровергнуть доводы А. С. Норова и его предшественниковъ относительно времени Хожденія Данила и отнести пребываніе послѣдняго въ Палестинѣ, съ 1113—1115 годовъ, на семь лѣтъ ранѣе, именно къ 1106—1108 годамъ (см. предисловіе къ Данилову Хожденію въ 3-мъ выпускѣ Православнаго Палестинскаго Сборника, стр. I—V).

Еслибы Лескинъ имѣлъ въ виду указываемую нами книгу, то онъ не повѣрилъ бы на слово А. С. Норову и не сказалъ бы (стр. 18), что „время Хожденія опредѣляется изъ собственнаго разказа Данила, который говоритъ, что онъ предпринялъ его въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича (1093—1113), и что онъ, будучи въ Палестинѣ, совершилъ часть похода Балдунова войска, ходившаго въ 1115 г. на Дамаскъ“. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что Лескинъ смѣшиваетъ здѣсь слова А. С. Норова, въ его предисловіи, со словами самаго Данила, который выражается лишь о томъ, что ходилъ въ княженіе Святополка, а вовсе не о томъ, что онъ въ это княженіе началъ или предпринялъ (*angetreten*) свое путешествіе (Норовъ, стр. 155).

Лескинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое отношеніе къ

задачѣ: „Въ моемъ переводѣ“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи (стр. 17), — „я долженъ былъ строго придерживаться Норовскаго изданія, такъ какъ рукописные тексты мнѣ недоступны, и я недостаточно знакомъ съ географіей Палестины и съ литературой о ея святыняхъ; по этой причинѣ я не былъ въ состояніи руководствоваться вѣрнымъ выборомъ разнорѣчій, приводимыхъ Норовымъ. Мой текстъ вообще согласенъ съ Норовскимъ, какъ я убѣдился при послѣдующей провѣркѣ; однако я не могу съ полною достовѣрностью утверждать, что слѣдовалъ вѣрному пути въ случайныхъ отклоненіяхъ отъ Норова, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ его очень неясенъ, и взаимная связь выраженій сомнительна. Этими соображеніями я руководствовался при передачѣ текста съ возможно буквальной точностію; Норовскій текстъ изложенъ болѣе гладкимъ слогомъ („Noroff giebt mehr eine glatte, wohlstilisirte Version“).

Лескинъ начинаетъ свой переводъ съ самаго начала, съ первыхъ строкъ Данилова Хожденія, и доводитъ его до описанія возвращенія въ Константинополь (стр. 154 у Норова). Послѣднія двѣ страницы Норовскаго текста (155 и 156), начинающіяся указаніемъ Даниила на время своего путешествія, именно на княженіе великаго князя Святополка Ізяславича, выпущены переводчикомъ, что онъ слѣдующимъ образомъ оговариваетъ въ концѣ своего перевода (стр. 64): „Мы пропускаемъ конецъ, содержащій въ себѣ имена Русскихъ князей, поминутыхъ у Святаго Гроба Данииломъ и записанныхъ имъ въ Монастырѣ св. Саввы, и перечисленіе совершенныхъ церковныхъ службъ“. Но кромѣ этого оговореннаго пропуска, Лескинъ оставляетъ безъ перевода нѣкоторыя выраженія подлинника, затруднительныя по смыслу для передачи. Къ такимъ сознательнымъ пропускамъ слѣдуетъ отнести слѣдующія мѣста:

На стр. 25, говоря о путѣ земномъ и о мѣстѣ распятія Христова, переводчикъ, опуская слова подлинника: „мѣо стражіе быше“ (Норовъ, стр. 27), сознается, что они ему непонятны, и ссылается въ подтвержденіе на французскій текстъ Норова: „et servait de poste pour les gardes“. Недоразумѣніе Лескина вполне закономерно, такъ какъ Норовъ замѣнилъ встрѣчающіяся въ Макарьевскомъ спискѣ слова: стружіе выше испорченными разнорѣчіемъ Софійскаго списка, не понявъ значеніе выраженія стружіе, то-есть, древко (отъ корня стругъ; ср. стругать, стружка и т. д.). Эти выраженія можно было бы перевести по нѣмецки: einen Fahnenstock hoch.

На стр. 27 своего перевода Лескинъ пропускаетъ, какъ за-

труднительныя, слѣдующія слова въ описаніи Даниилова столпа (Норовъ, стр. 33): „весь есть черствъ, днеродный камень уродиса посреди его“, при чемъ ссылается, какъ на сомнительный, на французскій переводъ Норовымъ этого мѣста: *son fondement est forné de gôche vive*.

Далѣе, на той же страницѣ, пропустивъ слѣдующее мѣсто подлинника (о крестѣ, найденномъ св. Еленою): „подале отъ Распятія Господня близъ къ востоку лицемъ“ (Норовъ, стр. 34), Лескинъ ссылается на французскій переводъ этого мѣста и ограничиваетъ этимъ свое недоумѣніе.

Излагая на стр. 30 Даниилово описаніе Апостольскихъ воротъ у дома Соломонова, переводчикъ упоминаетъ, согласно Норовскому тексту (стр. 40), что ворота эти „хитро же суть сдѣланы и мѣдію позолоченою покованы суть“, но останавливается надъ продолженіемъ „издну подписано хитро и дивно подъ мѣдію тою“ и пропускаетъ эти слова, ограничиваясь ссылкой на сомнительный переводъ Норовымъ: „avec des ciselures admirables“.

На стр. 34 переводчикъ пропускаетъ слово *всилажъ* въ уподобленіи растущихъ на берегу Иордана деревьевъ (Норовъ, стр. 56) и ссылается на французскій переводъ: *buissons du cognouiller*.

На стр. 49, въ главѣ о верховѣ Иордановѣ, Лескинъ пропускаетъ напечатанное у Норова (стр. 113) курсивомъ сравненіе Иордана съ рѣкою Сновою, составляющее повтореніе словъ, помѣщенныхъ выше, въ описаніи рѣки Иордана (у Норова стр. 55, у переводчика стр. 34).

Пропущены также слова: „и вземше благословеніе у игумена и у братіи“ (Норовъ, стр. 128) въ томъ мѣстѣ перевода (стр. 54), гдѣ описывается посѣщеніе Даниломъ святныя Фаворской горы, послѣ его почлега въ монастырѣ Св. Преображенія.

Наконецъ, не объяснивъ причинъ, Лескинъ выпускаетъ на стр. 19 слова предисловія Данила, въ которыхъ упоминается о многихъ добрыхъ челоуѣкахъ, сущихъ дома и достигающихъ Св. Мѣсть посредствомъ добрыхъ дѣлъ и милостынъ убогимъ (Норовъ, стр. 2).

Къ числу выраженій, не вполне точно переведенныхъ, слѣдуетъ отнести слѣдующія мѣста:

„О пути иже во Иерусалимъ“ въ заглавіи (Норовъ, стр. 5) Лескинъ переводитъ: *von der Reise nach Jerusalem* (стр. 19). Казалось бы, что слово *Weg* здѣсь болѣе уместно.

На стр. 21 перевода (у Норова, стр. 7) упоминается объ островѣ часть ссxxxiv, отд 2.

Тилосѣ, въ которомъ „мѣка изо рва кипить сѣрою горючею“. Слова изо рва составляютъ искаженіе чтенія — Иродова, принятаго въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества (стр. 8). Иродова мѣка встрѣчается и въ описаніи Мертваго моря (тамъ же, стр. 56 и 78), и по видимому, такъ Даниилъ называетъ сѣрпыя испаренія, напоминающія адское пламя и геенну огненную, въ которой долженъ мучиться Иродъ за страданія Иисуса Христа. Между тѣмъ переводчикъ, не обративъ вниманія на приводимый Норовымъ вариантъ (стр. 7, вар. ц.) и смѣшавъ ударенія, различающія два значенія одного и того же слова, перевелъ это мѣсто такъ: auf ihr (то-есть, на островѣ Тилосѣ) giebt es (Schwefel)—Mehl; aus einer Grube (изо рва) quillt brennender Schwefel и т. д.,—принявъ здѣсь мѣку вмѣсто мѣки.

На той же страницѣ 21, описывая происхожденіе темьяна, гонфита и червяка, водящагося въ деревнѣ Зигия, Лескинъ словами: von der Grösse eines Engerlings передаетъ выраженіе Даниила „а въ болѣ яко поновровъ естъ“ (Норовъ, стр. 10), хотя эти слова Даниила, по знакамъ препинанія, скорѣе должны быть отнесены къ дереву, чѣмъ къ червяку. Значеніе Engerling Лескинъ заимствуетъ изъ чешскаго слова ропгава по лексикону Миклошича.

Разницу между епископами и митрополіей въ описаніи острова Кипра (Норовъ, стр. 12) переводчикъ (на стр. 22) выражаетъ словами Bisthumer и Erzbisthum, что значитъ только архіепископство.

„Слово „клѣтски“, разсѣянное у Даниила и употребляемое имъ для обозначенія особаго способа постройки (Норовъ, стр. 15, 30, 34, 65, 75, 101, 107), Лескинъ переводитъ gewölbt, то-есть, на подобіе свода, сводообразно (стр. 22, 27, 36, 38, 46, 48), что едва ли вѣрно, такъ какъ корень этого слова клѣтъ, но видимому, вовсе не вызываетъ представленія о сводахъ, а скорѣе о постройкѣ изъ деревяннаго матеріала.

Словомъ Stadt, Städtchen передается въ переводѣ—на стр. 45, 48 и 55, выраженіе городъ, градъ, городокъ, въ смыслѣ ограды, огорожи; во въ другихъ мѣстахъ (стр. 23, 33—36, 38, 40, 43, 45, 53, 62), тѣ слова Лескинъ переводитъ болѣе удачными выраженіями: Einfriedigung, Einfassung, steinernes Gehege (городъ камень); такимъ же образомъ, болѣе или менѣе точнымъ, онъ употребляетъ слова: eingefriedigt, mit einer Einfriedigung umbaut, mit einer Einfassung ummauert, говоря о томъ, что Даниилъ называетъ городомъ

или градомъ одѣлано (Норовъ, стр. 15, 54, 58, 68, 70, 79, 94, 96, 100, 127, 150).

Принимая всадѣ слово красный (Норовъ, стр. 22, 28, 38, 40, 93, 95) въ смыслѣ красиваго, прекраснаго и переводя это выраженіемъ: schön (Z. D. P. V. стр. 25—27, 29, 30, 43, 44), Лескинъ, однако, лучше бы сдѣлалъ, еслибы Красныя ворота, какъ имя собственное назвалъ бы *Rothes*, а не *Schönes Thor* (стр. 30; у Норова стр. 40).

Пардусовъ (Норовъ, стр. 56, 70, 86), которыхъ имя, по словарю Академіи Наукъ, означаетъ барса (*Felis Pardus*), Лескинъ (стр. 34, 38, 41) называетъ пантерами (*Panther*).

Не уяснивъ себѣ формы скалва (отъ слова скала), переводчикъ принимаетъ его, не извѣстно по какимъ соображеніямъ, за „чаши на вѣсахъ“ и передаетъ словомъ *Wageschale* (ср. у Норова стр. 68—69 и 79). Впрочемъ, тутъ Лескинъ введенъ въ заблужденіе отчасти самимъ Норовымъ, передающимъ во французскомъ своемъ переводѣ слова Давиіла о келіяхъ въ лаврѣ св. Саввы, которыя стоятъ на скалвахъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „с'est à ces murailles de rocher que sont accolées de part et d'autre les cellules des anachorètes“ (*Pelerinage*, стр. 50) и переводящимъ *sous une excavation* (тамъ же, стр. 69) Давиілово выраженіе подъ каменною скалвою (Норовъ, стр. 80). По этому поводу Лескинъ, употребивъ слово *Wageschale*, ссылается на пропускъ этого слова Норовымъ во французскомъ переводѣ и ограничивается ссылками на него (Z. D. P. V. стр. 37, примѣчанія 1 и 40, прим. 3).

Давиіалъ (у Норова, на стр. 70) пишетъ про Содомское, то-есть, Мертвое море, что въ немъ не можетъ жить никакое животное „ни каковой рыбы, ни сколки, ни рака“. По нѣмецки это мѣсто переведено такъ: *das Meer von Sodom ist nun todt, enthaelt nichts Lebendiges in sich, keinerlei Fisch,—noch Muschel, noch Krebs*“ (стр. 38). За *Muschel*, то-есть, раковину, улитку, переводчикъ привалъ здѣсь непонятное ему слово ни сколки, которое объясняется изъ вариантовъ, приведенныхъ въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ (выпускъ 3-й, стр. 56), и составляетъ искаженіе выраженія ни сколько, то-есть, ничего. Это выраженіе, въ связи со всею фразой, должно быть переведено: *keinerlei Fisch und sogar keinen Krebs*.

Выраженіе къ возводу (то-есть, къ востоку) лицомъ, употребленное Давиіломъ въ описаніи пути по рѣкѣ Иордану („подлѣ Иордана къ возводу лицомъ“, у Норова, стр. 104 и 113), переводчикъ

неправильно передаетъ слово: flussaufwärts, то-есть, вверхъ по рѣкѣ или противъ теченія, очевидно принимая здѣсь слово возводъ за верхъ или источникъ рѣки, хотя онъ и ссылается на слова: vers l'orient — изъ французскаго перевода (стр. 46, примѣч. 3 и стр. 49, примѣч. 8).

„Наяхъ кони“ (Норова, стр. 105) переведено: bestieg ich ein Pferd (стр. 47), хотя слово наяти (ср. занимать) значить по нѣмцки не besteigen, а miethen, и форма кони указываетъ на множественное число.

Лвове.....ся ражають (Норовъ, стр. 111) переведено: Loewen finden sich (стр. 48), но лучше было бы сказать: Loewen sind einheimisch.

Говоря о проводникѣ своемъ по землѣ Галилейской, мужъ старомъ, очень книжномъ, духовномъ и святомъ и т. д., Даниль пишетъ: „и сей мужъ поводи мя по всей земли той и сказа ми вси си, отъ святыхъ книгъ испытахъ добръ“ (Норовъ, стр. 114). Руководствуясь чтеніемъ Норова, у котораго слово испытахъ, относящееся собственно къ мужу книжному, а не къ Даниилу (испытавъ въ 3-мъ выпускѣ Прав. Палест. Сборника, стр. 101), не профитрено по вариантамъ, Лескинъ вызываетъ противорѣчіе между книжностью этого духовнаго мужа и словами Данила, которыя переводятъ (стр. 50): und dieser Mann geleitete mich über dies ganze Land und zeigte mir alles dies: aus der heiligen Schrift habe Ich es wohl erkundet.

Слѣдующее затѣмъ, по сомнительности перевода, мѣсто нужно прямо отнести къ неточностямъ Норовскаго чтенія, а не къ винѣ переводчика. Описавъ городъ Генисаретъ, Даниль упоминаетъ о мѣстѣ на берегу Генисаретскаго озера, на которомъ Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ народу, пришедшему отъ Декаполя и поморія Тирскаго и Сидопскаго (см. Ев. Мато. IV, 25, Луки VI, 17, ср. Марка III, 7, 8), и оканчиваетъ главу (о Генисаретѣ и Генисаретскомъ озерѣ) слѣдующими словами: „о томъ бо мѣстѣ въ Евангеліи глаголетъ: и ина многа чудеса сътвори Христосъ около езера того“ (Норовъ, стр. 120). Поставленное Норовымъ двоеточіе заставляетъ полагать, что слѣдующія за нимъ слова („и ина многа чудеса“ и т. д.) составляютъ выписку изъ Евангелія. Такъ понявъ это мѣсто в Лескинъ, перевелъ: „von diesem Ort nun heisst es im Evangelium: und viele andre Wunder that Christus in der Umgegend dieses Sees“, и замѣтилъ по этому поводу: „очень неточный намекъ на Евангеліе Іоанна

XX, 30^a, стр. 52, примѣчаніе 2). Не говоря уже о томъ, что ссылка на Іоанна здѣсь совершенно неумѣстна, такъ какъ въ ней подразумеваются лишь чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ послѣ Своего Воскресенія, нельзя не признать, что чтеніе, принятое въ вышеуказанномъ мѣстѣ Норовскаго изданія, совершенно неправильно, и поставленное Норовымъ двоеточіе напрасно смущаетъ читателя. Въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества (стр. 108) эта ошибка исправлена, и двоеточіе замѣнено точкою съ запятою, въ предположеніи, что слѣдовавшая, можетъ быть, сюда ссылка на Евангеліе (Маттея или Луки) пропущена переписчикомъ, и что слова: и ѿна многа чюдеса и проч. принадлежатъ самому Даніилу.

Выраженіе: начаша верещати свойски (Норовъ, стр. 143), не лишнее нѣкотораго презрѣнія въ отношеніи католиковъ, Лескинъ переводитъ: *begannen auch die Messe auf ihre Art* (стр. 59).

Пѣснь Проходную, входящую въ составъ Постной Тріоди (Норовъ, стр. 143 и 149, прим. 15), переводчикъ называетъ: *Gesang des Durchganges* и имѣетъ при этомъ въ виду ту молитву, которая пѣлась Евреями при переходѣ ихъ черезъ Черное море, и которая приводится въ книгѣ Исходъ, гл. XV, 1 и дал. (стр. 60 и прим. 1).

Въ концѣ сказанія о свѣтѣ святомъ, Даніилъ (Норовъ, стр. 146) разказываетъ о томъ, какъ ему удалось получить кусочекъ отъ камня Гроба Господня черезъ посредство Святогробскаго ключаря, который „видѣвъ любовь мою ко Гробу Господню и къ тому самому, удвигнувъ же дски“ и т. д. Лескинъ переводитъ (стр. 61): *da er meine Liebe zum Grabe des Herrn und zu dem Herrn Selber sah, schob die Platten* и т. д. Но слова и къ тому самому относятся скорѣе къ выраженію удвигнувъ и должны бы быть переведены: *und darum (или deswegen) schob* и т. д.

Наконецъ, переводчикъ, по видимому незнакомый съ праславною агиологіей, называетъ св. Афродита (Норовъ, стр. 69)—*Eraphroditus* (стр. 37) и св. Мартиніана (Норовъ, стр. 153)—*Marcianus* (стр. 64). Впрочемъ, личности этихъ святыхъ, упоминаемыхъ Даніиломъ, недостаточно разъяснены Норовымъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, однако, оказывается, что неточность перевода зависитъ не столько отъ Лескина, сколько отъ изданія Норова, недостаточно удовлетворительнаго или по принятому въ немъ чтенію, или по не вполне вѣрному французскому переводу, или же, наконецъ, по отсутствію необходимыхъ разъясненій въ вариантахъ и примѣчаніяхъ.

Указанъ также на слѣдующія выраженія, какъ на образчики употребленія Лескина обходить затруднительныя тонкости русскаго языка. Лукморія (Норовъ 5)—переводить отъ Meerbusen (19), свята Іоаннова (Норовъ 6)—Kleid (20), Теньмаъ Говфатъ (Норовъ 10)—Balsam Gomphytis (21), Теньмаъ Ладанъ (Норовъ 14)—Weihrauch und Balsam (22), Теньмаъ Ливанъ (Норовъ 121)—Räucherwerk (52), мезга (Норовъ 10)—Mark (21), поганье (Норовъ 44, 87, 102, 121, 129, 135)—Heiden (30, 42, 46, 52, 54, 56), залати (Норовъ, 20)—galerie (24), чюдеть, чюдю (Норовъ 82, 117, 126, 127, 145, 146)—merkwürdig (41, 50, 52, 61) и wunderbar (53, 61), дивно (Норовъ 117, 126, 145)—wunderbar (50, 52, 61), кроковать (Норовъ 87)—knorrig (42), губа (Норовъ 118)—Halbinsel (50), пречистый, пречистал, пречистое, пречистыя (Норовъ 114, 118, 131, 135, 146)—heilig (49, 50, 54, 57) и hochheilig (61), честной (Норовъ 12, 29, 34, 146)—anbetungswürdig (22, 26—28), ehrwürdig (61) и verehrungswürdig (28), Комара (Норовъ 27, 54, 114)—Gewölbe (25, 33) и Bogen (44), горница (Норовъ 75)—Söller (38), церкани (Норовъ 95)—Kapellen (44), дѣбрь (Норовъ 17, 46, 151, 152)—Schlucht (23, 31, 62, 63), и Thal (63), дѣбрь каменна (Норовъ 100)—Fels-Schlucht (45), удольное мѣсто (Норовъ 40, 46, 70)—Thal (30, 31, 38), гора равна (Норовъ 17)—flacher Berg (23), сало (о Гессинани) (Норовъ 44)—Gehöft (30), зданіе столпи (Норовъ 20, 38)—gemauerte Säulen (24, 29), теремець (Норовъ 22, 46, 54, 69, 101)—Thürmchen (kapelle) (25, 31, 33, 37, 46), крестыца, крестыци (Норовъ 23, 143)—kleine Kreuze (25), Gitterwerk и Gitter (54), Давидовъ столпъ (Норовъ 33)—Davidsthurm (27), дострѣлить мужъ (Норовъ 38, 81, 128, 150)—Pfeilschuss (28, 41, 54, 62), перестрѣлъ (Норовъ 126)—Schussweite (52), насонъ (Норовъ 39)—Aufschüttung, Fundament (29), горка (Норовъ 46)—Hügel (31), песчанъ горка (Норовъ 54)—Sandhügel (33), рожьци (Норовъ 48, 80, 94, 106, 126)—Johannisbrodbäume (32, 40, 43, 48, 52), лукаво велики и быстро (Норовъ 55 о Іорданъ)—in grossen Krümmungen und reissend (34), болонія (Норовъ 55)—Ufersümpfe (34), протолкуется (Норовъ 58, 82)—verdolmetschet (35, 41), води многи разведены (Норовъ 64)—viele Wasserläufe in verschiedene Arme getheilt (35), лпять (Норовъ 68)—kleben (37), Ссѣданіе Авраамле (Норовъ 78)—Alsteigerplatz Abrahams (39), задѣ ему (Норовъ 78)—legte ihm auf (39), дуплена (Норовъ 79)—ausgehölet (40), пригорія (Норовъ 93, 119)—Bergabhang (31) и Abhänge (43), изгорье (Но-

ровъ 96)—hervorragender Berg im Gebirge (44), гораздо устроена усыпальница (Норовъ 100)—kunstreich hergestellte Ruhestatt, Begräbnisplatz (45), поклонихся, поклонихомся (Норовъ 100, 102, 128, 129, 133, 134, 140, 142, 146, 147)—brachten wir unsere Verehrung dar (45), erzeigten wir unsere Verehrung (46, 55, 61), vorneigte mich, vorneigten uns (58, 59, 61) и beteten (54, 56), знаменія (Норовъ 101)—Wunder (46), прикруты (Норовъ 104)—Sehr Steil (46), полъ одѣяла (Норовъ 105)—Hälfte seines Kleides (47), окройница (Норовъ 105)—Obergewand (47), покровъ ручной (Норовъ 105)—Handschuhe (47), у Норова по французски Gantelets), истурга (Норовъ 106)—Cisterne (47), дубравы (Норовъ 106)—Eichenstände (48), по краемъ нивы многи плодovitы суть по полемъ тѣмъ, les champs sont couverts de toutes sortes de blé (Норовъ 106)—an den Ackerrändern sind zahlreiche Fruchtbäume auf diesem Gefilde (48), грозно (Норовъ 111)—gefährlich (48), страшно (Норовъ 144)—wunderbar (60), кунель (Норовъ 111)—Badeteich (48), княсонъ (Норовъ 111)—Münze (49), снястася (Норовъ 113)—vereinigen sich, (49), обходити (Норовъ 114)—besuchen (49), походихомъ (Норовъ 114)—begingen (49), обходяво (Норовъ 117)—umgehrbar (50), безъ боязни (Норовъ 114)—ohne Gefahr (49), рыба король (Норовъ 117)—Karpfen (50), сотниче чудо (Норовъ 118)—Wunder mit dem Hauptmann (50), обонъ полъ (Норовъ 120)—jenseits (52), велика вельми ободомъ (Норовъ 126)—sehr gross im Umfang (52), бѣдно (Норовъ 126)—mühselig (53), горка мала, камена, островерха (Норовъ 127)—ein kleiner Felshügel spitzgipfelig (53), космать (Норовъ 128)—rauch (53), дружина (Норовъ 134, 141)—Genossenschaft (56) и Gefolge (58), не засрите моему худоумію и грубости моей (Норовъ 2 и 136)—Verachtet nicht meine Einfalt und Unwissenheit (57), verdenkt es nicht meinem geringen Värstande und meiner Unwissenheit (18); повелѣ, повелѣста (Норовъ 139)—erlaubte, erlaubten (55, 58), возвѣстихъ (Норовъ 140)—Sagte ihm Bescheid (58), тутпати (Норовъ 141)—dröhnt (58), перегорода великаго алтара (Норовъ 142)—Gitter des grossen Altars (59), радость (Норовъ 144)—Herrlichkeit (60), отпущеніе (Норовъ 145)—Absolution (61), изрядно (Норовъ 145)—ausserordentlich (61), надбеше (Норовъ 152)—beschützte (63), плащаницу на 4 краи повержену (Норовъ 153)—ein Tuch an den vier Ecken gebunden (63).

Переводчикъ затрудняется, по видимому, только при одномъ словѣ вся мокачно (Норовъ 22, 39, 45, 47, 120), которое онъ приближи-

тельно переводить ganz gund, и при этомъ ссылается на примѣчанія Порова въ оправданіе своего непониманія этого слова, приводимаго въ подлинникѣ во всѣхъ мѣстахъ перевода (Z. D. P. V. стр. 24, 29, 31, 32, 52).

Указанныхъ примѣровъ вполне достаточно, чтобы оцѣнить чрезвычайно добросовѣстное отношеніе переводчика къ своей задачѣ; онъ исполнилъ ее съ дѣлающими иностранцу честь познаніями въ тонкостяхъ русскаго языка. За исключеніемъ вышеприведенныхъ примѣровъ неточной передачи нѣкоторыхъ затруднительныхъ мѣстъ, близость перевода къ подлиннику тѣмъ поразительнѣе, что Лескинъ не пожертвовалъ для нея даже изяществомъ нѣмецкаго слога, чего онъ, по видимому, опасался, судя по его предисловію.

Переводъ Данилова Хожденія снабженъ примѣчаніями, участіе въ которыхъ принялъ и самъ редакторъ Извѣстій Нѣмецкаго Палестинскаго Общества, г. Гуте. Въ этихъ примѣчаніяхъ, очень и очень сокращенныхъ изъ подробныхъ комментаріевъ къ русскому тексту, встрѣчаются нѣкоторыя добавленія изъ повѣстныхъ сочиненій Тоблера и другихъ палестинологовъ, отчасти опровергающія мнѣнія, высказанныя Поровымъ. Примѣчанія историческія, связанныя съ именемъ Валдуина, которыхъ впрочемъ немного, къ сожалѣнію въ настоящее время утрачиваютъ свое значеніе въ виду доводовъ г. Гагенмейера о новыхъ датахъ Хожденія игумена Данила.

Но дѣло не въ комментаріяхъ на этотъ памятникъ паломничества въ чемъ мы, Русскіе, болѣе заинтересованы, чѣмъ иностранцы: наша прямая и пріятная задача заключается не въ критикѣ, а въ привѣтствіи, которымъ мы встрѣчаемъ появленіе Данилова Хожденія въ крайне добросовѣстномъ нѣмецкомъ переводѣ.

М. Веневитиновъ.

Черногорецъ и Черригорка.

(сб)

Россия и Черногорія со временъ императора Петра I. И. Ю. Поповича-Липовича. С.-Петербургъ. 1883.

Книжка эта заслуживаетъ вниманія читателя, какъ по интересу своего содержанія, такъ и по легкой и пріятной формѣ изложенія. Формѣ этой нѣсколько вредятъ ошибки противъ языка, которые объясняются и извѣщаются тѣмъ, что писатель не русскій по про-

исхожденію, а Черногорець; но исправить ихъ лежало на обязанности издателей, которые однако надъ тѣмъ ни сколько не потрудились, а испортили еще больше печатками, и потому съ этой стороны книжка является въ весьма плохомъ, крайне небрежномъ изданіи.

То, что книга написана Черногорцемъ, придаетъ ей еще больше значенія и интереса, потому что иностранцу нѣтъ никакой возможности до такой степени проникнуть внутрь народной жизни и приходится ограничиваться поверхностными наблюденіями, а нерѣдко впадать въ ошибки, такъ какъ часто вѣрнѣшая форма не даетъ настоящаго понятія о внутреннемъ содержаніи. Авторъ главнымъ образомъ и имѣлъ въ виду исправить нѣкоторые ошибочные взгляды на черногорскій народъ въ сочиненіяхъ иностранныхъ путешественниковъ, и потому сразу впадаетъ въ апологетическій тонъ, отчасти сбивающій его самого съ истиннаго пути и побуждающій дѣлать уклоненія отъ главной задачи, а иногда прибѣгать къ натяжкамъ.

Изложимъ предварительно вкратцѣ содержаніе книги. Заглавіе ея совершенно не соответствуетъ содержанію; но читатель будетъ въ этомъ отношеніи только пріятно удивленъ. Исторія тутъ составляетъ лишь какой-то придатокъ, занимающій одну пятую долю книги, и безъ котораго она могла легко обойтись, такъ какъ въ очеркѣ этомъ нѣтъ ничего новаго и самостоятельнаго; а главное составляютъ два этнографическіе этюды „Черногорець“ и „Червогорка“, могущіе заинтересовать всякаго.

Въ первый этюдъ входятъ слѣдующіе предметы: рожденіе Черногорца и его первое воспитаніе; общая характеристика его: увлеченіе военною славой, выносливость, бессловность, демократическо-спартанскій духъ, свобода и равенство рядомъ съ безусловнымъ повиновеніемъ князю и т. д.; храбрость и любовь къ оружію; пастухи и битвы ихъ съ непріателемъ изъ-за стадъ; участіе дѣтей въ войнѣ; четованье (разбойничьи экспедиціи); взятіе турецкой крѣпости Жабляка; поводы четованья; вѣра (миръ, основанный на обѣщаніи не трогать другъ друга и даже помогать); трое заключенныхъ въ скадарской темницѣ; геройство Ивана Николича изъ Цеклипа; военная организація; административное дѣленіе; отношенія между народомъ и властью; духовенство бѣлое и черное и роль его въ военныхъ предпріятіяхъ; состояніе образованности; домашній бытъ: пища и гостепріимство, прославленіе имени патрона, религіозность, кумованье; отсѣченіе непріятельскихъ головъ; способъ

веденіи войны; побратимство; административное устройство; судъ и наказаніе.

Во второмъ этюдѣ, въ полтора раза обширѣйшемъ, въ томъ же порядкѣ представляется судьба черногорской женщины: рожденіе ея; равноправность женщины съ мужчиной; воспитаніе; пастушка; подвиги храбрости и чистота нравовъ; личная безопасность и огражденность женщины правами народа; трудолюбіе; о безопасности женщины; дѣвушка мститъ сама за себя; женщина въ домашнемъ быту: уваженіе къ ней, право дѣвушки на наслѣдство; обрученіе дѣтей родителями еще въ колыбели; гаданіе дѣвушки о замужствѣ; любовь Черногорца къ женѣ; похищеніе невесты; сватовство; почему иногда разстраивается свадьба; разказъ Віалли-де-Сомьеръ о томъ же; вѣчаніе и прочіе свадебные обряды; неиспорченность; первый годъ брачной жизни; набожность женщины; обязанности жены; почему мужчина не исполняетъ нѣкоторыхъ работъ; отношенія мужа къ женѣ; свобода женщины; разводъ; право наслѣдства и опеки; женщина-воинъ; она ободряетъ сражающихся и рѣшаетъ побѣду; ея участіе въ походахъ; посестримство; разказъ о мести посестримы за своего побратима; вины и вѣщности; месть вообще и месть за оскорбленіе женщины; вліяніе женщины на рѣшенія сходовъ; женщина-барьятора (знаменосица); сестра милосердія; самоотверженіе Стани; женщина на поединкѣ; одежда и остальной уборъ женщины.

Уже одинъ сухой переченьъ показываетъ богатство и занимательность содержанія; а въ добавокъ это изложено въ легкой, отчасти поэтической формѣ по народной пѣснѣ или по личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ автора. Чтобы познакомить читателя ближе съ этимъ сочиненіемъ, остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Превосходно очерчено рожденіе Черногорца съ окружающею его обстановкой: „Ружейные выстрѣлы и геройскія эпическія пѣсни встрѣчаютъ новорожденного Черногорца, да ими же провожаютъ его, въ большинствѣ случаевъ, и въ могилу. Ужасы, съ которыми онъ не расстанется во всю жизнь, иногда окружаютъ самый актъ его рожденія. Нерѣдко судьба призываетъ его къ жизни въ то самое мгновеніе, когда Турки или Албанцы, подпалнивъ деревню, вступаютъ въ рукопашную съ ея обитателями, рѣжутъ голову отцу иногда въ глазахъ рождающей... Выходитъ высоко-драматическая вещь: послѣдній крикъ умирающей жертвы сливается съ первымъ—новорожденного мстителя“. Мы знаемъ не одинъ случай, что ребенокъ родился во время бѣгства матери, въ то время, какъ отецъ его въ

тотъ же моментъ погибъ въ бою; умерла тутъ же и мать отъ истощенія силъ, и его спасаетъ отъ смерти и вырашиваетъ старая бабушка. Такъ было въ несчастномъ бою въ Полимвѣ (въ Васоевичахъ) 1854 года.

„Крѣпкій и здоровый, сынъ не избѣженныхъ родителей, черноморскій мальчуганъ не пуждается въ какой-либо изысканной обстановкѣ: она совершенно такая же, какъ и у примитивныхъ народовъ“. Да, онъ не только не знаетъ никакой нѣги и холи, но отъ первыхъ же дней подвергается самому суровому спартанскому воспитанію. Какъ червякъ, замотавшійся въ куколку, никогда не разстается съ нею, пока не преобразится въ бабочку, такъ и ребенокъ здѣсь, однажды спеленутый и уложенный въ качалку въ родѣ люльки, никогда почти не вынимается изъ нея: въ колыбели онъ переносится съ мѣста на мѣсто, привязанный къ спинѣ матери или поставленный ей на голову; нужно ли покормить ребенка—мать подносить его къ груди тоже вмѣстѣ съ колыбелью; постелька его перемѣняется только утромъ и вечеромъ, и никогда его не вынимаютъ, чтобъ дать погулять, чтобъ покачать его на рукахъ и позабавить; часто цѣлую ночь ему приходится голодать, потому что усталая отъ работы мать не слышитъ его плача, а когда и услышитъ, не считаетъ нужнымъ накормить его, и только старается закачать. Мнѣ очень часто приводилось по цѣлымъ ночамъ слушать этотъ голодный плачь иногда двоихъ-троихъ сразу, и нѣкоторыя матери, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, начинали кормить вмѣсто укачиванія, и ребенокъ засыпалъ. Поэтому авторъ совершенно справедливо говоритъ, что „по совершеніи надъ новорожденнымъ таинства св. крещенія, онъ обыкновенно предостовляется матери-природѣ“. Это не значитъ однако, чтобъ у матери не было любви и самаго нѣжнаго чувства къ ребенку. Она, какъ тигрица, будетъ защищать его противъ непріятеля, какъ бы онъ ни превосходилъ ее силой, хотя бы привелось самой погибнуть. Она любитъ его, и любитъ со страстью, какъ южная женщина. Часто, когда отсутствуетъ мужъ и другіе мужчины, она принадлежитъ къ нему лицомъ, цѣлуетъ его, слегка кусаетъ, нюхаетъ, задыхаясь отъ упоенія. Это любовь страшно горячая и дикая, которой нѣтъ границъ; но она проявляется порывами, а въ остальное время мать какъ будто совершенно забываетъ о ребенкѣ, о его нуждахъ и потребахъ. И не удивительно забыть о ребенкѣ, когда на ней главнымъ образомъ лежатъ заботы о взрослыхъ. Она только что не пашетъ, не опахиваетъ кукурузу и не коситъ, но она убираетъ весь хлѣбъ, собственными

руками, лущить кукурузное сѣмя изъ початка, а иногда она же и мелеть его на ручномъ жерновѣ; на ней лежить ухоть за скотомъ и собираніе молочныхъ сноповъ, и въ то же время она прядеть шерсть, изъ которой вяжетъ чулки и перчатки, ткеть сукно для одежды мужу, себѣ и дѣтямъ; она же изъ толстой воловьей кожи дѣлаетъ онанки (обувь, какъ поршни у малороссійскихъ пастуховъ); натаскать дровъ, нѣсколько разъ сходить по воду, хотя бы то было за пять и болѣе верстъ,—тоже обязанность женщины; часто вы увидите, что женщина разрубаетъ толстыя бревна на дрова; а нужно снести на базаръ продать хлѣба, сыра или масла и затѣмъ купить что-либо для дома, она навьючиваетъ себѣ на спину до пуда и болѣе и идетъ вмѣстѣ съ навьюченной тѣмъ же лошадейю или лошакомъ, и на ходу непремѣнно что-нибудь работаетъ руками: вяжетъ чулки, перчатки и т. п. Не удивительно послѣ этого, что у матери притуляется чувство къ плачу голоднаго ребенка, и она даже не слышитъ его.

Но вотъ эта куколка превращается въ мотылька, который сначала держится на мѣстѣ, пока не расправятся крылья, а потомъ начинаетъ порхать и дѣлаться участникомъ въ общей жизни. И тутъ начинается раздѣленіе въ воспитаніи мальчика и дѣвочки. Первому, конечно, во всемъ отдается преимущество: покуда онъ не поднимется совсѣмъ на ноги, лѣтъ до 6—8, для него нѣтъ никакихъ обязанностей, и онъ ничего не дѣлаетъ: бродитъ гдѣ хочетъ; забавляется съ ягнятами и другими кроткими животными; иногда отецъ сажаетъ его на лошадь, беретъ съ собою въ поле, гдѣ онъ только присматривается къ природѣ и работѣ. Между тѣмъ, дѣвочка лѣтъ съ 4-хъ обязательно сидитъ у колыбельки, чтобъ укачивать маленькаго братишку или сестренку, или бережетъ ребенка ползающаго и забавляетъ его, чтобъ не плакалъ; потомъ даютъ ей въ руки крючокъ, чтобъ плела что-нибудь; служить она и на посылкахъ; черезъ годъ или два ее посылаютъ уже за водой, поручаютъ затворить въ клѣтушокъ ягнать или козлятъ или пасти корову.

Мальчикъ въ этотъ первый дѣтскій періодъ все больше льнетъ къ отцу, дѣду или къ старшему брату; присаживается онъ къ нимъ, слушая разказы о войнахъ и ея герояхъ; онъ весь замретъ, прижавшись къ поющему „уз гусли“ (скрипка съ одною струною изъ конскихъ волосъ) и, когда тотъ оставитъ, старается самъ воспроизвести кое-что изъ слышанной пѣсни; хватается за смычокъ и начинаетъ понемногу гундѣть (играть на скрипкѣ).

Первымъ шагомъ мальчика на поприщѣ трудной жизни бываетъ всегда званіе чобана (пастуха). Сначала даютъ ему стеречь телятъ, ягнятъ, потомъ коровъ и наконецъ овецъ, съ которыми труднѣе справиться, потому что ихъ больше другихъ животныхъ, а когда пущены бараны, то и опасно; да и вообще чѣмъ больше какого скота, тѣмъ труднѣе его уберечь и труднѣе напасти; нужно знать уже и счетъ. Настоящимъ чобаномъ онъ станетъ только послѣ многолѣтней практики, лѣтъ въ 16 и позже. Также точно и дѣвочка. Но съ 4-хъ лѣтъ онъ уже отправляется на планину въ катуны (лѣтнія кочевья для пастбы скота), гдѣ и живетъ, какъ дилетантъ, иногда только поможетъ что-нибудь, а главное, тутъ развивается онъ физически и морально. Горный воздухъ, крѣпящій перны, кругомъ роскошная зелень, по которой разсыпалось бѣлыми точками стадо, все это ложится самыми мягкими впечатлѣніями на глаза, а безконечная даль съ высоты горъ изощряетъ зрѣніе; обильная молочная пища, чистая ключевая вода, крѣпкій сонъ, отсутствіе усиленной работы помогаютъ росту, крѣпости и разцвѣтанію организмовъ.

Въ промежуткахъ, когда стада пасутся мирно, чобаны сходятся и играютъ: кто дальше пригнетъ или броситъ камень, кто быстрѣ пробѣжитъ или взберется на высокое дерево, или старшіе младшимъ разказываютъ сказки, а иногда и событія изъ военной жизни кого-либо изъ своихъ или о чужихъ, знаменитыхъ герояхъ. Чобанки также принимаютъ участіе въ играхъ или поютъ и составляютъ хороводы. Здѣсь собственно не дѣлается никакого различія между мужчиной и женщиной въ занятіяхъ: доять скотъ не только женщины, но и мужчины. Только потомъ варятъ молоко, снимаютъ снорупъ (густая пѣнка), дѣлаютъ сыръ исключительно старшія женщины подъ руководствомъ одной, называемой планинка.

Кругомъ приволье и довольство, жизнь въ самомъ тѣсномъ обществѣ съ прекрасною природой, вдаль отъ людскихъ ссоръ и переудовъ; цѣлый день занятіе, не удручающее однако тѣла и доставляющее больше наслажденія, чѣмъ труда, ради котораго съ удовольствіемъ переносится и дождливая погода, и скудная пища въ продолженіе дня, состоящая изъ куска кукурузнаго хлѣба и сыра, особенно когда ребенокъ знаетъ, что вечеромъ будетъ вдоволь самого густаго молока или жирнаго сноруца. При такой жизни нѣтъ мѣста подугамъ ни физическимъ, ни моральнымъ; она миритъ и уравниваетъ всѣхъ.

Взрослыхъ мужчинъ тутъ не бываетъ; потому что они заняты лѣт-

ними работами въ селѣ; они только навѣдываются отъ времени до времени, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи находятся и люди, и скотина, и въ то же время самимъ отдохнуть и полакомиться свѣжимъ молокомъ. Обыкновенно же бываетъ какой-нибудь паренъ лѣтъ 18—20, не женатый или женатый—все равно. Тутъ собственно царство женщинъ, но мужчина нуженъ для охраны отъ хищнаго звѣря, а иногда и отъ злыхъ сосѣдей. Онъ непремѣнно вооруженъ ружьемъ или пистолетомъ, около него начинаютъ приучаться стрѣлять и мальчуганы лѣтъ 8—10, а мальчики 14—16 лѣтъ уже хорошей стрѣлокъ и имѣютъ свое ружье, сверхъ пистолета, который онъ имѣлъ раньше.

Но и самый малый мальчуганъ сознаетъ, что на немъ лежитъ обязанность оберегать всѣхъ. Помню я, какъ на одномъ изъ катуновъ въ Васоевичахъ маленькій Пеко, широкоплечій, крѣпкій мальчуганъ лѣтъ пяти, поднимался ночью и начиналъ завывать волкомъ, чтобы потревожить псовъ, и чтобы они на страхъ волкамъ подняли гвалтъ; а взрослый чобаникъ, спавшій обыкновенно у овецъ, въ это время стрѣляетъ. За годъ передъ тѣмъ въ тѣхъ же катунахъ случилась фальшивая тревога: кто-то крикнулъ, что идутъ Колашинцы, и все переполошилось: одни кинулись къ скоту, другіе спасались сами, и никто не замѣтилъ, что Пеко куда-то исчезъ. Когда же сматеніе улеглось, спохватились его и начали искать и звать. Но только въ сумерки, послѣ продолжительныхъ воевъ, убѣдились, что Колашинцевъ нѣтъ; наконецъ и Пеко появился, выльзши изъ какой-то щели, куда скрылся при первой же тревогѣ. Ему тогда едва ли было четыре года, а онъ уже не только зналъ, что нужно спастись, но и умѣлъ скрыться. Такъ рано пробуждается здѣсь сознательное чувство самосохраненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается искусство самозащиты, становясь какъ бы природнымъ инстинктомъ Черногорца.

Тутъ же вырабатывается и неустрашимость, чрезвычайная рѣшительность и находчивость во всякаго рода опасности." Одну зиму въ Васоевичахъ былъ недостатокъ сѣна, и потому инымъ пришлось отправляться на зимовку въ турецкую границу. Въ числѣ таковыхъ былъ и мой знакомый Е. В—ичъ. Онъ отправилъ туда со скотомъ старуху-мать и сестру, молоденькую дѣвушку 16 лѣтъ, весьма красивую, Митру. Онъ стояли у одного христіанина, который передъ тамошними Турками всячески скрываетъ, кто онъ и откуда. Но вниманіе Турокъ привлекла къ себѣ красивая дѣвушка. Стало положительно извѣстно, что одинъ Турокъ хочетъ силой завладѣть ею; тогда хозяинъ дома въ ночь вырвалъ ее, и она благопо-

лучно прибѣжала домой. Надобно замѣтить, что она однажды уже возвращалась домой съ зимовки, и въ тотъ разъ при мнѣ разказывала, въ какомъ страхѣ онѣ тамъ отъ Турокъ, и все-таки отправилась опять, пока крайность не принудила совсѣмъ бѣжать. Передъ вторымъ отправленіемъ туда, когда уже ей была извѣстна вся опасность жизни тамъ, я спрашиваю ее: „Какъ же ты опять идешь туда, когда сама же говоришь, что вамъ угрожаетъ опасность?“ „Что жь дѣлать! Я поступлю тогда, какъ та, что кинулась со скалы“. Тогда братъ ей разказалъ мнѣ слѣдующій случай, на который она намекала: Когда объявлена была послѣдняя война между Черногоріей и Турціей, находившіеся въ турецкой границѣ Васоевичи, способные носить оружіе, всѣ перешли тотчасъ же въ Черногорію и стали формировать баталіоны, а семейства ихъ побѣжали слѣдомъ за ними. Но въ погоню за ними пустились и мѣстные Турки. Въ одной группѣ бѣжавшихъ была дѣвушка, за которою и погнался Турокъ. Быстрая и легкая, она долго бѣжала; но силы ея стали истощаться, и Турокъ сталъ ее настигать. Вотъ онъ уже готовъ ее схватить и, протянувъ руку, крикнулъ: „Стой, двіцка!“ (двухгодовая козочка). Но дѣвушка въ это время стояла уже на краю пропасти и ринулась въ нее, оставивъ въ рукахъ своего преслѣдователя только бѣлый платокъ, который прикрывалъ ея косы.

По видимому, этотъ самый разказъ передаетъ и г. Поповичъ, только слишкомъ разукрашенный. Въ его разказѣ эта дѣвушка осталась одна въ живыхъ изъ цѣлаго села, скрывшись въ пещеру, гдѣ, однако, была открыта однимъ юзбашой (сотникъ, офицеръ) и послѣ нѣкотораго сопротивленія должна была отдаться въ плѣнъ. Но потомъ, она хитростью увлекла его на край отвѣсной скалы и здѣсь, стоя на границѣ жизни и смерти, она прошептала ему: „Подѣлуй меня, делибаша!“ Разгорѣлись глаза у свирѣпаго Турка, охватилъ онъ ее своими окровавленными руками, охватила и она его за шею, крѣпко прижала къ своей дѣвической груди и бросилась вмѣстѣ съ нимъ въ пропасть“ (стр. 122). Жизнь въ катувахъ чрезвычайно интересна и оригинальна; къ сожалѣнію, авторъ совершенно пропускаетъ ее, не знаю, потому ли, что она ему неизвѣстна, или потому что она, по его мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ вообще мало обращаетъ вниманіе на обыденную жизнь Черногорца, главнымъ образомъ заботясь выставить тѣ только случаи, гдѣ проявляется его геройство. Говоря о воспитаніи мальчика, онъ указываетъ только на развитіе въ немъ духа героизма, какъ будто другія

стороны его души не стоятъ никакого вниманія, и тутъ постоянно смѣшивается мальчикъ со взрослымъ. Такъ на стр. 47, рассказавъ, какъ мальчуганъ готовится сѣчь головы Туркамъ, онъ тотчасъ дѣлаетъ выводъ вообще о характерѣ Черногорцевъ, а на стр. 51 встрѣчаемъ такое сопоставленіе: „Быть храбрецомъ и имѣть богатое оружіе—мечта черногорскаго мальчугана. Для шашик, отдѣланной серебромъ и золотомъ, для пистолетовъ въ дорогой оправѣ — онъ (мальчуганъ?) согласенъ на крайнюю бѣдность, почти на голодную смерть“. И вслѣдъ затѣмъ идетъ разказъ о подвигахъ хайдуковъ. На стр. 52 авторъ опять говоритъ о мальчикѣ: „Съ десятилѣтнимъ возрастомъ настаетъ новый періодъ въ жизни Черногорца: онъ дѣлается пастухомъ“, и далѣе нѣтъ ничего о мальчикѣ-пастухѣ, а идетъ опять разказъ о взрослыхъ. Между тѣмъ въ черногорскомъ мальчикѣ есть много интереснаго и оригинальнаго, чего не встрѣтите у дѣтей другихъ народовъ. При необыкновенной живости, онъ чрезвычайно серьезенъ и рано начинаетъ смотрѣть взрослымъ. Напримѣръ, такой случай. Взрослые разговариваютъ о введеніи новаго положенія объ общинахъ: о кметахъ, общинномъ судѣ, о устройствѣ общинами дорогъ, больницъ и т. п., а мальчуганъ дѣтъ шесть все время сидѣлъ у стѣнки и слушалъ, и по окончаніи разговора дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Все это хотятъ больше навалить на шею бѣдному народу“. Или еще такой случай: Осьмилѣтній мальчикъ С. В.—въ (въ настоящее время уже офицеръ), стрѣляя изъ пистолета воробьевъ на деревѣ, попалъ шедшему тамъ перянику въ лицо и, конечно, ранилъ его (мелкою дробью). Преступникъ тотчасъ открытъ, и его повели къ князю, который былъ подъ вязомъ. Разспросивъ мальчика, какъ было дѣло, князь говоритъ: „Ну, ты долженъ быть разстрѣлянъ, поведи его“, сказалъ онъ, обратившись къ перяникамъ. Нисколько не смутясь, мальчикъ отвѣчаетъ: „Да, я виноватъ; пусть же разстрѣляютъ, одинъ разъ умереть нужно“.

Такія проявленія характера въ дѣтскомъ возрастѣ гораздо интереснѣе общихъ фразъ, что Черногорецъ воспитывается подъ звуки геройскихъ пѣсней, и безконечныхъ разказовъ о геройскихъ подвигахъ взрослыхъ. Неустрашимость и прямое презрѣніе смерти маленькаго мальчугана объясняетъ намъ вообще характеръ Черногорца больше, чѣмъ разказы о его военныхъ подвигахъ. Такихъ характерныхъ чертъ изъ дѣтскаго возраста авторъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ не мало въ своихъ воспоминаніяхъ, но только пренебрегъ ими, умо-

чалъ о нихъ, совсѣмъ ошибочно не считая ихъ заслуживающими вниманія.

Въ послѣднюю войну въ 1877 г., близъ Колашина погибъ извѣстный герой Радованъ Маденица съ троици сыновьями и двѣнадцати-лѣтнимъ внукомъ Радонсой. Этотъ долбо всѣхъ держался противъ напавшихъ на нихъ Колашинцевъ, отстрѣливаясь изъ-за одного буковаго дерева. Пистолеть его я видѣлъ послѣ у его двоюроднаго десятилѣтняго брата, который, безъ сомнѣнія, будетъ такимъ же. Такихъ примѣровъ нашлось бы много; но это составляетъ пробѣлъ въ книгѣ г. Поповича, что и заставило насъ для связи сдѣлать пѣкоторое пополненіе. Что черногорскій пастухъ въ то же время долженъ быть героемъ, это прекрасно выставлено имъ въ пѣснѣ о Никцѣ изъ Ровинъ. Всего больше авторъ останавливается на разказахъ о хайдуцкихъ шайкахъ. Эта тема—самая благодарная, потому что самая обильная матеріаломъ. Но говоря, что чета (шайка) можетъ состоять изъ десяти и до шестисотъ человекъ, авторъ смѣшиваетъ собственно четованье съ военными экспедиціями, которыя предпринимаетъ не шайка уже, а цѣлое племя; точно также, и со стороны Турокъ, если предводительствуетъ паша, то это уже не чета, а настоящее войско (стр. 67). Авторъ говоритъ: „Герцеговинско-боснійско-албанскіе пашы, беги-аристократы, наскучивъ домашнею жизнью, собирали дикихъ Арнаутовъ и съ ними нападали на Черногорію“ (стр. 68). Но это дѣлалось не отъ скуки, а съ цѣлью собрать харачъ съ замедлившихъ съ его доставленіемъ, кому слѣдуетъ, или наложить его вновь на другихъ, которые не хотѣли признать надъ собою турецкаго господства; и это никакъ не можетъ быть поставлено въ сравненіе съ четованіемъ, какъ дѣлаетъ авторъ (стр. 67).

Авторъ не дѣлаетъ различія между хайдучествомъ и военными экспедиціями. Первое составляютъ нѣчто постоянное, организованное на продолжительное время, съ постояннымъ предводителемъ, котораго называютъ арабашей; хайдукъ всю жизнь свою проводитъ въ скитаньѣ съ цѣлью грабить Турокъ или мстить имъ за свою братью христіанъ; а военныя экспедиціи предпринимаются случайно удалыми головами, которые соединяются и выбираютъ себѣ предводителя именно только для одного случая. Одною изъ самыхъ дерзкихъ подобнаго рода экспедицій было нападеніе двѣнадцати Цеклиничъ на Жабликъ въ 1835 г., которое г. Поповичъ передаетъ по пѣснѣ изъ „Сербскаго Зеркала“.

Эти 12 человекъ, подплывъ ночью въ лодкѣ подъ Жабликъ, под-
часть ссхххiv, отд. 2.

ставили къ стѣнамъ крѣпости деревянную лѣстницу, для чего предварительно получили мѣру высоты стѣны, по которой и устроили лѣстницу, и то укоротили; но все-таки влѣзли и завладѣли крѣпостью. Имъ однако угрожала опасность не выйти оттуда, потому что Туркамъ пришла помощь, но въ то же время явилась выручка и имъ, и тогда, пограбивъ и разоривъ, что могли, Цеклиняне удалились и унесли съ собою пушку, которая и теперь находится въ Цетиньѣ.

Вѣлопавичи предпринимали экспедиціи противъ близкаго къ нимъ Служа; Кучи и Пиперы нападали на Подгорицу. Это напоминаетъ намъ военныя предпріятія запорожскихъ казаковъ противъ Турціи и Польши и составляетъ нѣчто особенное отъ хайдучества.

Совершенно вѣрно характеризуетъ авторъ черногорское духовенство, которое наравнѣ со всѣмъ народомъ участвуетъ въ войнѣ, а многіе священники и игумены были знаменитыми предводителями и тѣмъ оказывали великую услугу своему народу; но въ то же время авторъ признаетъ, что умственному развитію народа они нисколько не содѣйствовали, такъ какъ и сами были едва грамотные. Все это вполне справедливо; нельзя только согласиться съ тѣмъ, что авторъ говорить о митрополитахъ Черногорскихъ. Вотъ его слова: „Черногорскіе митрополиты обыкновенно не многимъ выдѣлялись изъ массы простаго народа. Какъ они, такъ и попы, нигдѣ не оканчивали курса уже потому, что всѣ учебныя заведенія, существующія въ Черногоріи, дѣло нашихъ дней, самаго послѣдняго времени. Писали они не перьями и чернилами, а собственнаго издѣлія палочками и разведеннымъ въ водѣ порохомъ на листахъ толстѣйшей бумаги, которую они разными способами добывали изъ Австріи. Какъ скоро листъ былъ оконченъ, онъ не бросался, какъ нѣчто никуда не пригодное; на оборотъ, его тщательно вымывали, сушили на солнцѣ и продолжали писать, какъ на новомъ“.

Что эти люди должны были выдѣляться изъ массы, доказываетъ выборъ ихъ въ митрополиты; да сверхъ того, мы имѣемъ и точныя свидѣтельства, что это были люди необыкновенные. Они были любителями книги и просвѣщенія; а взявъ періодъ времени за сто-пятьдесятъ лѣтъ назадъ передъ учрежденіемъ въ Черногоріи княжеской власти, мы имѣемъ рядъ замѣчательныхъ людей, каковы были: Данилъ, Савва, Василій, Петръ I и Петръ II. Кромѣ Саввы, которымъ были недовольны за его попустливость по отношенію къ Венеціи, по который все-таки выдавался образованностью, всѣ остальные были замѣчательные по уму и характеру люди. Исторія свидѣтельствуетъ

объ ихъ необыкновенномъ умѣ и энергiи. Послѣ нихъ осталось множество рукописей, которыя всѣ писаны не разведеннымъ въ водѣ порохомъ, а черпилами и на обыкновенной того времени бумагѣ. Такимъ образомъ авторъ несправедливо относится къ личностямъ владыкъ и преувеличиваетъ нужду въ средствахъ писанiя. Если случилось кому-нибудь писать разведеннымъ порохомъ, то это могло быть развѣ на походѣ, какъ случается и теперь кому-нибудь писать кускомъ свинца или просто пулей, когда потеряешь карандашъ или не побоятся взять его съ собою. Никакъ нельзя исключительный случай возводить въ общее; а относительно митрополитовъ нужно сказать по правдѣ, что Черногорiя сохраненiемъ своей независимости обязана на сколько геройскому самоотверженiю черногорскаго народа, на столько, если еще не больше, дальновидности и высокому характеру своихъ вождей-владыкъ.

Говоря о современномъ состоянiи образованiя въ Черногорiи, авторъ дѣлаетъ ту ошибку, что упоминаетъ въ числѣ существующихъ учебныхъ заведенiй семинарiю, которая давно уже не существуетъ; а женскiй пансионъ или институтъ состоитъ не подъ покровительствомъ русскихъ дамъ, а содержится на счетъ Государыни Императрицы подъ управленiемъ русской директрисы, покровительница же пансиона—княгиня Черногорская.

Не совсѣмъ точно также выраженiе автора, что въ каждой деревнѣ существуетъ школа для дѣтей обоего пола. Такъ далеко Черногорiя не зашла еще, да и не могла зайти; и притомъ дѣвочки, кромѣ Цетинья и Подгорицы, не ходятъ въ школу потому, что родители-поселяне не видятъ въ томъ надобности. Поэтому, несправедливо также со стороны автора обвиненiе безграмотныхъ головорѣзовъ-поповъ „въ глубокомъ невѣжествѣ Черногоровъ“ (стр. 172). Какъ бы ученики были священники, врядъ ли они могли бы побороть предубѣжденiе невѣжественной массы противъ женскаго образованiя. Этотъ предразсудокъ куда держится и не въ одной Черногорiи.

Можемъ также увѣрить автора, что законникъ профессора Вогишича не только не введенъ въ дѣйствiе, но еще и не вполне оконченъ; поэтому, слишкомъ неумѣстно заключенiе автора о его безполезности, „за отсутствiемъ юристовъ въ Черногорiи и нежеланiемъ князя ихъ имѣть“ (стр. 111).

Личная и имущественная безопасность и вообще малое число преступленiй въ Черногорiи обращаютъ на себя вниманiе всѣхъ путешественниковъ, и г. Поповичъ указываетъ на то же самое съ осо-

бенимъ удареніемъ: „Смѣло можно сказать“ — восклицаетъ онъ — „что нѣтъ страны въ мірѣ, въ которой бы такъ мало случалось преступленій, какъ въ Черногоріи“ (стр. 112).

Отъ автора-Черногорца мы въ правѣ потребовать, чтобы онъ не ограничился голословнымъ повтореніемъ того, что уже было много разъ высказано и иностранцами; отъ него мы хотѣли бы знать нѣчто подробнѣе о родахъ преступленій и обстоятельствахъ, вызывающихъ ихъ, а также желали бы знать: откуда же происходитъ то, что въ Черногоріи такъ мало преступленій? Составляетъ ли это особенную добродѣтель черногорскаго народа, зависитъ ли прямо отъ его высокой нравственности и неспорченности, или же обусловливается это особенными обстоятельствами, особливою обстановкой его жизни? Вѣдь было же время, когда воровство въ Черногоріи было развито до крайности, что вызвало самыя жестокия мѣры противъ него со стороны Степана Малаго, и эти мѣры достигнуто было то, что никто не смѣлъ взять даже червонецъ, положенный на дорогѣ. Потомъ оно опять развилось при владыкѣ Петрѣ II и снова прекращено княземъ Данииломъ.

Всякій старій человекъ, къ какой бы паціи ни принадлежалъ, припоминаетъ времена, когда по селамъ его отечества совершенно не было воровства и не нужно было прибѣгать ни къ какимъ замкамъ и запорамъ. А съ осложненіемъ условій жизни, особенно съ наплывомъ пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ, съ сосредоточеніемъ населенія въ городахъ, не всегда дающихъ всякому средства къ существованію, но всегда представляющихъ массу соблазновъ и т. п., началось разложеніе первобытной народной жизни, за которымъ легко пробраться всякому пороку: пьянству, воровству, обману, безнравственности въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. И тѣ же самыя Черногорцы, которые оказываются такими нравственными дома, развѣ не отдаются весьма порочной жизни въ Царьградѣ и въ другихъ мѣстахъ за границей? Развѣ нѣтъ между ними такихъ, которые на этомъ поприщѣ приобрѣли себѣ европейскую извѣстность? Принявъ въ соображеніе малочисленность населенія Черногоріи, окажется, что процентъ преступленій не такъ малъ, какъ предполагаетъ авторъ. Что же касается убійствъ, особенно изъ мести или въ заливчивости, то врядъ ли совершается ихъ въ Черногоріи меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Да развѣ же въ остальной Европѣ, кромѣ большихъ городовъ, дѣйствительно совершается такое множество пре-

ступеній, чтобы авторъ могъ съ правомъ ставить нравственность своего отечества выше нравственности прѣлага свѣта?

Мы въ этомъ случаѣ не беремъ на себя ни утвержденія, ни отрицанія того или другаго, но кажется, имѣемъ право упрекнуть автора въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ и, не сообщая никакихъ данныхъ, заставляетъ читателя вѣрить ему на слово. Вопросъ этотъ задавалъ себѣ всякій, кто бывалъ въ Черногоріи или читалъ о ней; но иностранцу нѣтъ возможности ни констатировать фактъ, ни отдаться его изслѣдованію: это прямая обязанность того, кто берется писать о Черногоріи, какъ ея туземець.

Считаемъ также необходимымъ замѣтить, что авторъ во многихъ мѣстахъ умалчиваетъ о томъ, къ какому времени относятся его слова, и тѣмъ вводитъ въ заблужденіе читателя. Такъ онъ говоритъ, что сенатъ черногорскій судить на улицѣ (стр. 110), что при совершеніи надъ кѣмъ-либо смертной казни, осужденнаго пу-скали бѣжать со связанными руками и стрѣляли его въ догонку (стр. 112), что капитанъ судить съ кружкомъ какихъ-то старцевъ, а далѣе — со своими помощниками — стотинашами и десетчарами (стр. 107) и т. п. Для сената давно уже отведено особое помѣщеніе въ такъ-называемой билиардѣ (дворецъ владыки Петра II), капитанъ судить единолично, и никакого кружка старцевъ не существуетъ; описаннаго авторомъ способа расстрѣливанья также нѣтъ. Такія недомолвки вводятъ читателя въ заблужденіе относительнаго современнаго состоянія Черногоріи, которое, по замѣчанію самого г. Поповича, во многомъ совершенно не похоже на прежнее, старое. Прежде, по словамъ автора, на площади, подъ тѣнью раскидистаго вяза „разсуждали о политическихъ, экономическихъ и административныхъ дѣлахъ княжества, при чемъ простые Черногорцы свободно могли спорить съ княземъ, не соглашались съ его мнѣніями“ (стр. 111). Было ли это когда-нибудь совсѣмъ такъ, не могу сказать, потому что и теперь князь на досугѣ готовъ побесѣдовать съ простымъ человѣкомъ и вызывать его на разсужденіе; но споръ, конечно, тутъ не умѣстень, потому что отъ разсужденія далеко еще до рѣшенія, которое должно составиться именно на основаніи всѣхъ мнѣній, при чемъ возможны несогласія и споръ. И не можетъ же въ томъ участвовать всякій, кто только случился тутъ на площади; для рѣшенія такихъ вопросовъ существуетъ государственный совѣтъ, а иногда приглашаются компетентные люди изъ страны. Къ князю и теперь свободно подходитъ на улицѣ всякій съ заявленіемъ просьбы или жалобы,

устно или письменно; онъ выслушивается и разбирается; но дальнейшее рассмотрение и рѣшеніе дѣла все-таки передается суду, потому что самъ князь и не можетъ рѣшить, если дѣло сложно и еще залувано соперниками, ловкими казуистами. Поэтому, недовольный судомъ не можетъ сказать князь: „На твою душу, князь!“ такъ какъ это рѣшеніе суда, а не князево.

Правда, особа князя стала менѣе доступною, и введенъ „этикетъ цивилизованныхъ народовъ“; но это не вслѣдствіе особыхъ стараній объ этомъ князя, какъ говоритъ авторъ, а вслѣдствіе измѣненія всѣхъ отношеній Черногоріи. Извѣстный этикетъ требуется иностранными дворами въ сношеніяхъ съ ихъ представителями. Немыслима теперь прежняя патріархальность и во внутреннихъ отношеніяхъ, потому что Черногорія поканчиваетъ съ прежнимъ племеннородовымъ бытомъ и формируется въ чисто-политическое тѣло, какъ и всѣ другія государства. Всѣ отношенія осложнились, и съ ними настала совершенно иная обстановка; Цетинье, двадцать лѣтъ назадъ имѣвшее какихъ-нибудь два десятка домовъ, теперь имѣетъ ихъ около 200; прежде князь могъ знать всякаго Черногорца, а теперь не можетъ знать и всякаго Цетинянина, потому что прибываютъ постоянно новыя поселенцы, и множество между ними не Черногорцевъ. Прежнія патріархальныя отношенія теперь немислимы, когда самая жизнь подверглась коренному измѣненію, и нечего о нихъ сожалѣть, потому что они составляютъ только первую ступень въ развитіи гражданственности, оставаться на которой значило бы закорючить и отказаться отъ всякаго развитія и движенія впередъ.

Правда, съ культурнымъ развитіемъ народа часто случается, что мѣняютъ многое свое старое доброе на новое, служащее на порчу и гибель народа; но въ этомъ отношеніи необходима большая внимательность и осторожность, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самого народа или его представителей. Нужно не принимать ничего, что не вызывалось бы насущною потребностью, и на оборотъ—не медлить со введеніемъ новаго, необходимость чего всякимъ ощущается и сознается.

Авторъ разбираемой нами книги, увлекаясь, такъ-сказать, поэтической стороной жизни своего народа, его безпримѣрнымъ въ исторіи человечества геройствомъ, крѣпкимъ характеромъ, простотой и чистотой нравовъ, хотя и не высказывается прямо, но видимо отдастъ всѣ свои симпатіи этому старому доброму времени и видитъ въ немъ все только хорошее: духъ свободы, равенства и братства, безкорыстіе.

нравственность и честность, какой нѣтъ нигдѣ, глубокую вѣру безъ мистицизма и ханжества и т. п., но не показываетъ оборотной стороны медали. Не пускаясь далеко, мы укажемъ на одно только зло, отъ котораго всегда страдала Черногорія: это—племенная и родовая вражда и крайнее своеволие. Во имя этого начала по нѣскольку лѣтъ воевало одно племя или одно село съ другимъ; жертвы падали съ той и другой стороны, и не было проходу никому. Говорятъ, что во время общей опасности всѣ соединялись на общаго врага; но это достигалось съ большимъ трудомъ мольбами и заклинаніями владыкъ, а иногда и не достигалось: Махмудъ-паша въ 1785 г. прошелъ Черную Гору до Ловчена, именно благодаря этой враждѣ племенъ между собою. А сколько разъ инныя племена просто „за инать“ (на зло) передавались Турціи! Герои въ хайдучествѣ, Черногорцы показали себя весьма слабыми въ войнѣ съ Омеромъ-пашей въ 1853 г., и только сильная воля князя Данила спасла Черногорію отъ постыднаго бѣгства войска; а потомъ онъ же съ большими усиліями и съ помощью крутыхъ мѣръ, за которыя авторъ называетъ его жестокимъ и „резчуръ свирѣпымъ“ (стр. 89), достигъ того, что черезъ пять лѣтъ Черногорія на Граховцѣ одержала такую побѣду, которая имѣла громадное вліяніе на ея судьбу и составляетъ въ исторіи Черногоріи одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ героизма, военной ловкости и политической мудрости.

Въ старое доброе время, на Рѣку, единственное базарное мѣстечко Черногоріи, было опасно прійти всякому не Цекливанину; тамъ было тогда хуже, чѣмъ теперь гдѣ-нибудь въ Албаніи. Владыка Петръ II поставилъ для суда сенатъ и гвардію (низшая судебная инстанція) и этой послѣдней опредѣлилъ мѣстопробываніе въ Рѣкѣ, такъ какъ тамъ три раза въ недѣлю собирался народъ на базаръ, и потому всякому легче было прійти для разбирательства; тогда поднялась цѣлая Рѣцкая нахія и прогнала новыхъ судей. Не удивительно послѣ того, что въ борьбѣ съ такимъ дикимъ самоволіемъ и племеннымъ духомъ князю Данилу привелось прибѣгать къ мѣрамъ крутымъ и жестокимъ; за то при немъ простой Черногорецъ и бѣднакъ поднималъ голову противъ сильныхъ и самовольныхъ племичей. Крайнее самоволіе теперь въ Черногоріи не возможно, тѣмъ болѣе, что и по словамъ автора, „на сколько Черногорецъ храбръ и безстрашенъ по отношенію къ неприятелю, на столько онъ робѣетъ передъ строгою домашнею властью: въ томъ случаѣ онъ — рабъ“ (стр. 49). Но племенной родовой духъ еще глубоко сидитъ въ Черногорцѣ и сильно

тормозить отправленіе праваго суда и управленія: сложенный въ явныхъ проявленіяхъ, онъ даетъ себя чувствовать въ интригѣ. Высшее правительство борется и противъ этого, но иногда невольно, такъ сказать, инстинктивно поддается ему или должно лавировать и идти на компромиссы съ нимъ. Поразить это зло въ корнѣ можетъ только воспитаніе и образованіе молодого поколѣнія въ новомъ духѣ.

Говоря о военной организаціи Черногоріи, авторъ отдѣливается такою рекламой ей: „Но какимъ же образомъ безъ обязательной (? обязательная) военной службы, безъ дисциплины и т. п. ухитрились Черногорцы такъ удачно отстоять свое отечество отъ налетавшихъ на него всяческихъ бурь? задаютъ себѣ вопросъ Европейцы, интересующіеся судьбами маленькаго княжества. На этотъ вопросъ отчасти можно отвѣтить описаніемъ политическаго устройства Черногоріи“ (стр. 85). Авторъ не замѣчаетъ, что положеніе Черногоріи становилось все труднѣе и невозможнѣе по мѣрѣ того, какъ Турція стала вводить лучшую организацію въ свои войска. Старая организація, годная для стараго времени, стала совершенно негодною для новаго. Отъ автора, какъ отъ Черногорца съ военнымъ образованіемъ, мы ожидали замѣчаній по этому поводу, такъ какъ ему извѣстно, что и въ послѣднюю войну были неудачи не отъ недостатка храбрости и средствъ, а отъ не соответствующей современности военной организаціи и дисциплины. Ударившись въ апологію, авторъ выражаетъ только самодовольство. А между тѣмъ, у князя въ послѣднее время вся забота обращена на то, чтобы черногорскаго воина, не дѣлая солдатомъ, сколько-нибудь приспособить къ новымъ потребностямъ, къ новой системѣ въ веденіи войны.

Мѣстами однако видно, что авторъ и самъ понимаетъ неудовлетворительность стараго порядка вещей; это мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго описанія собранія старшинъ: „Скрестя по восточному поги, они, эти угрюмые, сосредоточенные юнаки, обсуждали способы веденія войны, задумывались надъ дипломатическими запросами европейскихъ кабинетовъ и, сбитые съ толку множествомъ дипломатическихъ уловокъ, ничего въ нихъ не понимая, ни до чего не додумавшись, не безъ комическаго отчаянія предоставляли традиціонному ятагану разрѣшить Гордіевъ узелъ. А затѣмъ, спустя какой-нибудь мѣсяць, черногорскіе главари искупали жизнью на полѣ битвъ свое непониманіе дипломатическихъ увертокъ и страстную привязанность къ своей суровой, скалистой Черногоріи“ (стр. 90). Очевидно, что тутъ

привязанность къ Черногоріи ни при чемъ, а главное дѣло заключается въ правильномъ пониманіи вещей.

Въ этюдѣ г. Поновича о черногорской женщинѣ, содержаніе котораго, весьма богатое и интересное, мы представили выше, духъ апологетизма проявляется еще больше, и потому въ немъ больше натяжекъ и недомолвокъ, что и вызываетъ насъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія во имя возстановленія истины.

Авторъ на первой же страницѣ задается ни много, ни мало—задачей доказать, „что Черногорка пользуется полнымъ равенствомъ съ Черногорцемъ“ (стр. 115). Что она въ принципѣ не рабыня, противъ этого никто не станетъ возражать, потому что въ Черногоріи вообще нѣтъ и не было я понятія рабства. Въ западной Европѣ и Россіи женщина бывала предметомъ продажи, но тамъ продавался, во имя крѣпостнаго права и мужчина; внѣ же крѣпостнаго права она также нигдѣ по закону не считается рабою. И, не смотря на это и на все стремленіе законодательствъ уравнивать въ правахъ мужчину и женщину, по народному понятію и обычаю и на практикѣ она вездѣ считается существомъ низшимъ, и права ея сокращаются.

Рожденіе дѣвочки нигдѣ не привѣтствуется весело. Вспомнитъ „Histoire morale des femmes“ Легува, гдѣ представлена эта сцена во всей наготѣ: отецъ и другіе родственники собрались въ комнатъ рядою съ комнатою томлящейся родами матери, и всѣ заняты вопросомъ не о томъ, совершатся ли роды благополучно, а о томъ, родится ли мальчикъ или дѣвочка; и когда родилась дѣвочка, всѣ дѣлаютъ кислыя мины и опускаютъ носы; даже къ матери относятся какъ-то злобно, какъ будто она въ томъ виновата. Такъ встрѣчаютъ появленіе на свѣтъ женщины во Франціи, такъ и вездѣ въ Европѣ, хотъ при этомъ не дѣлаютъ никакой разницы въ обрядахъ, сопровождающихъ роды. Что касается Россіи, тамъ это различіе чувствъ и полу рождающагося ребенка не особенно рѣзко и не у всякаго, а у протаго народа всего меньше. Иные даже считаютъ, что дѣвочки лучше мальчики, потому что работаютъ онѣ въ домѣ больше, на воспитаніе ихъ тратится меньше, и въ послѣднее время меньше тратится приданаго, а траты на свадьбу больше падаютъ на счетъ и нихъ.

Неудивительно послѣ этого, что въ Черногоріи это различіе еще больше: когда родится мальчикъ, стрѣляютъ изъ пистолетовъ; рожденіе же дѣвочки проходитъ никѣмъ не замѣченнымъ. Тутъ поэто различіе выходитъ рѣзче. Помню я, какъ однажды, придя домъ

говорю хозяйкѣ квартиры: „А слышали, что у П—ча...“; но она не дала мнѣ договорить, прерывая словами: „Да, слышала про несчастіе“. „Что же такое?“ спрашиваю я тревожно, думая, что, можетъ быть, случилось что-нибудь съ матерью. „Да родилась опять дѣвочка“, отвѣтила она, скорбя отъ всего сердца.

Семья, имѣющая больше мальчиковъ, имѣетъ больше почета и уваженія, и нигдѣ вы не встрѣтите больше заботы о томъ, чтобы рождались мальчннки, какъ въ Черногоріи. Если кто не имѣетъ своихъ дѣтей мужскаго пола, то усыновляетъ чужаго. Вотъ что объ этомъ находимъ у г. Богинича въ его „Сборникѣ теперешнихъ правовыхъ обычаевъ у юго-Славянъ“ по отношенію къ Герцеговинѣ, Черногоріи и Бокелѣ: „Многіе отцы, когда не имѣютъ мальчиковъ и не надѣются уже больше имѣть дѣтей вслѣдствіе старости своей и жены, усыновляютъ юношу 15 — 16 лѣтъ, не спрашиваясь ни у кого, кромѣ—можетъ быть—своей жены. Главнымъ побужденіемъ служить то, что онъ видитъ, какъ его собственные родные и двоюродные (отъ отцова брата) братья презираютъ и не почитаютъ, какъ бы требовалось, и онъ на зло не хочетъ оставить имъ свое имѣніе по смерти. Въ такомъ случаѣ усыновленный оставляетъ свое родовое имя, а принимаетъ его отъ своего усыновителя и продолжаетъ его поколѣніе. Самое тяжелое положеніе отца, который умретъ, не оставивъ по себѣ дитяти мужскаго пола, потому что это—говорятъ—проклятіе Божіе“ (стр. 303). „Тогда говорятъ: Домъ исчезъ безъ слѣда; угасла свѣча крестнаго имени“.

Слѣдовательно, во имя сохраненія имени, женщина должна поступиться своимъ правомъ наслѣдства совершенно чужому мужчинѣ. Какія же ея права по наслѣдству? При братьяхъ, она не наслѣдуетъ ничего, и только когда выходитъ замужъ, получаетъ въ приданое свою дѣвочку скриню (сундукъ съ одеждой и другими женскими уборами), которую она постепенно составила трудомъ своимъ собственнымъ и другихъ женщинъ въ ея домѣ, да подаренное ей отцомъ и братьями, часть денегъ и кое-что изъ скота. Но если изъ мужскаго поколѣнія не осталось никого, то все имѣніе принадлежитъ дочери, если только она не вышла замужъ прежде, и она можетъ по своей волѣ располагать имъ. „Но“—добавляетъ г. Богиничъ — „она обыкновенно тотчасъ выходитъ замужъ, то-есть, чаще всего беретъ себѣ въ домъ мужа, который и называется домазет; или если тотчасъ не хочетъ или не можетъ выйдти замужъ, то выходитъ въ домъ къ кому-нибудь изъ ближнихъ родственниковъ и

туда же переноситъ свое наслѣдство. Когда дойдетъ до замужества, она можетъ все, что принесла въ тотъ домъ, опять взять къ себѣ; но это бываетъ рѣдко, и особенно, когда она осталась малымъ ребенкомъ и была тѣмъ родственникомъ вскормлена; она довольствуется одною движимостію, оставляя ему все недвижимое наслѣдство своего отца" (стр. 355).

У Черногорцевъ различается родство по густой и тонкой крови (дебела и танка крв): первое по мужской линіи и считается важнѣе, а второе по женской.

„Хозяйкой дома (доматица) женщина можетъ быть только тогда, когда нѣтъ ни одного взрослога мужчины; какъ только сынъ подростеть, онъ считается хозяиномъ, хотя во всемъ совѣтуется съ матерью, если она умная женщина, а онъ умный сынъ. И докуда сынъ маленькій, мать его никто не назоветъ хозяиномъ, ни она сама; еслибы даже сынъ былъ еще въ колибели, мать, говоря объ немъ передъ другими, называетъ: мой хозяинъ" (Богшичъ, стр. 33). Бокели, страствуя по свѣту, адресуютъ домой письма на свое имя. Почтальонъ, принеши письмо въ домъ, читаетъ адресъ: „Ристо Яковичъ“, а жена его отвѣчаетъ: „Эво нас!“ (вотъ мы). Герцеговинецъ адресуетъ на свой домъ, а Черногорецъ на имя матери или жены или тоже на свой домъ, а если есть сынъ, хотя бы въ колибели, на его имя. Этому совершенно отвѣчаетъ въ Черногоріи обычай избѣгать названія жены своей по имени и въ разговорѣ о ней или о какомъ-нибудь актѣ, касающемся ея, хотя бы она родила сына, додавать въ видѣ оговорки: „опростите“ (извините, съ позволенія сказать), чего уже не встрѣтишь не только у болѣе цивилизованныхъ народовъ, но и у простаго русскаго мужика въ самомъ глухомъ русскомъ захолустьѣ. Черногорецъ какъ бы стыдится своей собственной жены. Это — фактъ, который не можетъ не признать и авторъ разбираемой книги; только мы не понимаемъ, къ чему онъ такъ усиливается дать этому какое-то особенное толкованіе. Самъ же онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „патріархальные права смотрятъ вообще на отношенія къ женщинамъ, какъ на грѣхъ“ (стр. 116). Поэтому у Черногорцевъ при женитьбѣ актъ первой ночи отсрочивается и психически скрывается и замаскировывается. Это слѣдствіе не собственно патріархальныхъ, а военныхъ правовъ. То же самое было у нашихъ запорожскихъ казаковъ, у которыхъ о челоѣкѣ женившемся съ презрѣніемъ говорили, что онъ „обабился“, потому что, какъ и въ Евангеліи говорится: „Оженившійся печется о жентѣ“,

слѣдовательно, отлекается отъ служенія Богу, а у военныхъ людей — отъ его военныхъ обязанностей. Изъ того же источника происходятъ безбрачіе монашескихъ орденовъ, которые обрекаютъ себя быть воинами въри. А Черногорцы имено и были воинами въри, тѣмъ болѣе, что во главѣ ихъ стояли митрополиты, и перѣдко въ бой водили ихъ священники и монахи.

Если такимъ образомъ даже по ученію христіанской въри, самой гуманной, проповѣдующей общее братство и равенство, нужъ признается главою жєны, то какиѣ же образомъ авторъ хочетъ насъ увѣрить, что въ Черногоріи, гдѣ гуманное чувство сильно подавляется вѣчнымъ военнымъ положеніемъ, и гдѣ самое существованіе страны держится на оружіи, женщина пользуется полнымъ равенствомъ съ мужчиной? Она цѣлуетъ руку мужчины, разуваетъ его, умываетъ ноги, служитъ ему, а мужчина не подастъ ей ковша воды, хотя бы она была какъ разъ у него подъ рукой, потому что стыдно.

Разкажу одинъ случай, который извѣстенъ множеству лицъ въ Черногоріи. Зимой, въ крѣпкій морозъ, дѣвочка лѣтъ 14—15, на видъ весьма слабая и плохо одѣтая, по приказанію родителей понесла боченокъ съ виномъ въ одинъ ханъ, около котораго стояло черногорское войско. Тяжесть была около пуда; дѣвочка чувствовала необходимость въ отдыхѣ, но какъ только садилась, начинала коченѣть отъ холоднаго рѣзкаго вѣтра. Въ отчаяніи она сѣла на дорогѣ и плачетъ. Тутъ же проходитъ одинъ иностранецъ; увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ предложилъ взять ея ношу на себя, только попросилъ научить и помочь навѣвчить, такъ какъ ему до сихъ поръ не приводилось носить такого рода ношу, и онъ пронесъ ей этотъ боченокъ на разстояніи версты шести до хана. Когда онъ проходилъ мимо колыбъ, по которымъ размѣщено войско, всѣ, зная его, подсмѣивались спрашивали, за сколько онъ нанался. Онъ этимъ не смущался, конечно, и только отшучивался, да къ нему и не относились, такъ, какъ отнеслись бы къ своему Черногорцу, и что еще больше: всякій призналъ это добрымъ дѣломъ и отнесся къ нему съ уваженіемъ и благодарностію. „А только намъ такъ нельзя“, говорилъ всякій. „Что же, должна бы дѣвочка замерзнуть?“ спрашиваю я по поводу этого разказа. „Да“, отвѣчаютъ мнѣ, — „могла замерзнуть, еслибы не нашелся добрый человекъ, который отвелъ бы ее въ колыбу отогрѣться, а за боченкомъ послали бы другую женщину или принесли бы двое на палкахъ“.

Дѣло въ томъ, что и Черногорецъ можетъ носить тяжесть, только не на спиной, какъ женщина, для чего существуетъ особенное выраженіе—упротятисе. Когда былъ голодный годъ, и нужда заставляла всякаго носить мѣшки съ хлѣбомъ изъ Котора или изъ Бара, носили и мужчины, поставивъ однако мѣшокъ на одно плечо. Можно нести и на палкѣ черезъ плечо. Тутъ дѣло не въ томъ, что иногда Черногорцу запрещалось правительствомъ вообще носить тяжести, такъ какъ онъ, вслѣдствіе военнаго положенія, не смѣлъ никуда отойти безъ ружья: это было въ особенныхъ случаяхъ; дѣло въ принципиальномъ, такъ-сказать, отличіи способа понесенія мужскаго отъ женскаго.

Струку (пледъ) носятъ одинаково. Черногорецъ и Черногорка, но каждый свою, хотя существенной разницы совершенно нѣтъ никакой между мужскою и женскою, и женщина можетъ иногда взять мужскую струку, но мужчина женскую никогда: стыдно! Вся разница струкъ въ томъ, что висти въ мужской на шнуркахъ крученыхъ, а въ женской они плетеные на четыре грани, и еще въ женской по краямъ больше короткихъ поперечныхъ цвѣтныхъ полосокъ. На сколько вообще мужской и женскій костюмъ различаются по необходимости, вслѣдствіе различія конструкціи, занятій или даже вкуса, съ этимъ нельзя не согласиться; но придумывать различіе единственно для раздѣленія половъ, значить—нарочно, по принципу ставить между ними грань, чтобы не было смѣшенія и равенства.

Авторъ говоритъ: „Когда дѣвочкѣ исполнилось 7 лѣтъ, въ ней уже проявляется инстинктивное стремленіе къ труду“ (стр. 116). Да развѣ это возможно, чтобы дѣтямъ одного возраста, дѣвочка ли, то, или мальчикъ, не хотѣлось скорѣе быть свободными отъ всякихъ обязанностей, гулять и ничего не дѣлать, и чтобы у одного пола являлось бы инстинктивное стремленіе къ труду, а у другого къ бездѣлю? Авторъ самъ хорошо понимаетъ, что это дѣлаетъ воспитаніе. Известно, что въ другихъ мѣстахъ Европы нерѣдко мальчики, особенно если дольше привязаны къ матерямъ, бываютъ склонны къ сидячей жизни и охотно исполняютъ женскія работы: шьютъ, вяжутъ и т. п., покуда имъ не внушатъ, что это стыдно, такъ какъ они не дѣвочки. Но дѣло въ томъ, что, какъ мы уже сказали выше, въ Черногоріи дѣвочку тотчасъ присаживаютъ за дѣло. Мальчика больше любятъ и больше балуютъ; онъ садится у огня рядомъ съ отцомъ и другими мужчинами, а дѣвочка жметъ въ сторонѣ въ уголку или около ма-

тери, а къ огню приблизится только на минутку, прибѣжавъ съ надворья, куда ее послали по дѣлу.

Опять сошлемся на г. Богинича: „Что мальчики“, говоритъ онъ, — „всякому въ домѣ милѣе, чѣмъ дѣвочки, о томъ нечего и говорить; но часто отцу становится жаль, когда мать бьетъ дочь, а матери, когда сына бьетъ отецъ. Если въ домѣ единственный сынъ или который родился послѣ многихъ дѣвочекъ (подѣвойчаръ), то его балуютъ въ домѣ всѣ, и онъ дѣлаетъ, что хочетъ, и всякій долженъ угождать ему, и горе сестрамъ отъ подѣвойчара или единца“ (стр. 289).

Сообщимъ одинъ весьма рѣдкій случай, изъ котораго видно, на сколько родители предпочитаютъ дѣтей мужскаго пола женскому. Въ Васоевичахъ у одного хозяина вздохла корова скоропостижно; по закону нужно было сейчасъ сдѣлать дознаніе, какъ она вздохла, и освидѣтельствовать трупъ, на сколько могутъ понимать мѣстные люди за отсутствіемъ лѣваря, а до того времени не трогать. При мнѣ явились посланные отъ мѣстнаго старшины къ капитану Ефрему Бокичу съ объявленіемъ о случившемся, но въ то же время замѣтили, что заразнаго тутъ не можетъ быть, такъ какъ корова вздохла, очевидно, отъ того, что, забравшись въ огородъ, поѣла всю капусту, а послѣ того напилась много воды; да кромѣ того, часть мяса уже сварили и испробовали. Капитанъ былъ возмущенъ такимъ непростительнымъ обходомъ предписанія, тѣмъ болѣе, что тамъ же, года за два назадъ, въ одномъ семействѣ также прикололи одну издыхающую корову и стали ѣсть ея мясо, но послѣ того трое или четверо умерли, а остальные переохворались такъ, что едва живы остались. „Впрочемъ“, добавили посланные, — „дали покуда мяса поѣсть только дѣвкамъ, а мальчику ни одному“. Намъ скажутъ, что это случай, но случай такой, въ которомъ во всей чистотѣ и рѣзкости выступаетъ принципъ.

Выдавая дочь замужъ, родители почти не сообразуются съ ея волей; но это такъ и вездѣ въ Европѣ среди простаго народа. Со стороны же дочери нѣтъ причины не соглашаться съ волею родителей, потому что любятъ же они ее, желаютъ ей добра и могутъ сдѣлать выборъ, можетъ быть, лучше даже, чѣмъ она сама. Одно, замѣтилъ я — то именно, что дѣвушка, только что успѣла созрѣть, страстно желаетъ выйдти скорѣе замужъ, иногда просто дитя, дѣвочка, а спросите ее, хочетъ ли выйдти замужъ, она навѣрное отвѣтитъ вамъ утвердительно. Это указываетъ, съ одной стороны, что, не смотря на

пастушество, которое въ такомъ идиллически-невинномъ видѣ представляетъ авторъ, страсть беретъ свое; съ другой, видно, что она нѣсколько тяготится пребываніемъ въ родной семьѣ, гдѣ всякій старше ея. Авторъ и г. Богшичъ утверждаютъ, что дѣвушкѣ обыкновенно даютъ работу полегче. Не могу прямо опровергнуть этого, но знаю, что въ Черногоріи она не освобождается ни отъ одной полевой работы, ни отъ ношенія воды и разныхъ тяжестей, а въ самомъ домѣ она положительно слуга всякому. Сестру особенно любятъ братья; но и она ихъ любитъ еще больше и услуживаетъ имъ еще больше, чѣмъ кому-нибудь. Иногда эти отношенія бываютъ слѣдствіемъ потребности молодыхъ людей вообще любить. Случалось, что такія отношенія заходили слишкомъ далеко. Не задолго передъ послѣднею войной въ одной семьѣ очень еще молодая дѣвочка забеременѣла отъ немного старшаго ея брата, съ которымъ постоянно спала вмѣстѣ; не дождавшись рожденія ребенка, ихъ прогнали изъ Черногоріи въ Баръ: дѣвушка потомъ тамъ и умерла, а братъ ея, кажется, воротился домой.

Подобнаго рода сближенія бываютъ и между пастухами и пастушками не родными. Это однако тщательно скрывается. Авторъ говорить, что Черногорецъ до женитьбы и не понимаетъ, „что такое дѣвственность, какъ медицинскій терминъ“; а если и найдется такой, который пойметъ, что его невѣста прежде согрѣшила, „онъ объ этомъ никому не говоритъ изъ боязни товарищескихъ насмѣшекъ. Онъ даже проситъ свою мать, сестру или родственницу держать то въ тайнѣ; но за то не разъ упрекнетъ свою жену, говоря: Берегись! обрублю носъ, если будешь такою, какою была раньше!“ (стр. 168). То же самое утверждаетъ и г. Богшичъ (стр. 263), но сообщаетъ притомъ о случаяхъ убійства новорожденнаго и о вытравливаніи плода, что, конечно, случается весьма и весьма рѣдко (стр. 605).

Мужу въ сообществѣ съ матерью тѣмъ легче скрыть грѣхъ жены, что у Черногорцевъ не существуетъ дикаго обычая выставять передъ другими доказательства невинности.

Бываютъ случаи сближенія холостаго девера со своею овдовѣвшею снохой, если она не уйдетъ въ свой родъ; и если это обнаружится, то конечно, они подвергнутся наказанію оба.

Все это, конечно, такіе случаи, которые не даютъ повода заключать о безнравственности народа. Поэтому, жестоко казня всякій подобнаго рода поступокъ, народъ въ принципѣ показываетъ и нѣкоторое снисхожденіе, что видно изъ слѣдующихъ пословицъ: Дѣ

кокот, ту има и свашто (гдѣ пѣтухъ, тамъ можетъ быть все).—Какъ соко летѣе, попрозно нетѣе (соколъ влѣтся не напрасно).— Ко не фалио, ко ли нетѣо? (кто не согрѣшилъ или ручается, что не согрѣшитъ).—Нико безъ грѣха до Бога едного.

Явлаго разврата и распущенности страсти въ томъ видѣ, какъ то практикуется во многихъ мѣстахъ остальной Европы, въ Черногоріи не существуетъ, да и не можетъ быть, вслѣдствіе особаго образа жизни, разобщенности жилищъ, отсутствія особыхъ увеселительныхъ мѣстъ, да и побужденія къ тому со стороны женщины не можетъ быть, такъ какъ дѣвушка рано выходитъ замужъ, а замужемъ совершенно поглощена, почти подавлена работой.

Фрилей и Влаховичъ въ сочиненіи „Le Monténégro contemporain“ не безъ нѣкотораго сожалѣнія замѣчаютъ, что въ Черногоріи нѣтъ мѣста для ухаживанія за женщиной въ европейскомъ смыслѣ, и потому нѣтъ никакихъ романтическихъ приключеній, что черногорская женщина совершенно лишена тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ наслажденій, которыя столь обычны въ жизни европейской женщины. Авторы эти забываютъ, что всякій народъ и любитъ, и веселится по своему; имъ не извѣстно, что у Черногорцевъ село (посидѣлки) замѣняетъ европейскія вечеринки, балы и т. п., и что у нихъ есть сходбища мужчинъ и женщинъ, какъ въ домахъ, такъ и внѣ ихъ, даже во время кочеванья со скотомъ на плавнинахъ, сходбища, которыя сопровождаются различными забавами: пляской, хороводами, играми, сказками, загадками, самою оживленною болтовней, самыми интимными отношеніями между парнями и дѣвушками. Здѣсь ли не быть романтической завязкѣ? Прежде на такихъ сходкахъ парень условливался съ дѣвушкой о ея похищеніи, а потомъ, когда власть родительская стала мягче относиться къ увлеченіямъ своихъ дѣтей, завязывавшаяся здѣсь взаимность завершается бракомъ законнымъ порядкомъ.

Какъ могутъ любить Черногорецъ и Черногорка, и какіи изъ того выходятъ романтическія, иногда съ трагическимъ финаломъ приключенія, можно видѣть изъ разказовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Поповича. Сербскія семейныя пѣсни вообще полны сценъ, рисующихъ эти отношенія двухъ половъ. Для образчика приведемъ одну пѣсенку изъ Васоевичей, чрезвычайно наивно характеризующую отношенія пастуховъ и пастушекъ:

Благо мене и тебе, дѣвойко:

Наши-ваши оте у сулаши,

Мене и те оте за овцама.

Доввино гором край ливада;
 Овце те ни пшандовати лада,
 Ми твою се подлюбити, млада,
 Под ліено дрво яворово.

Счастье намъ съ тобою, дѣвица: наши хотятъ пасти стада вмѣстѣ, мена и тебя приставляютъ къ овцамъ. Лѣскомъ подгонимъ мы овецъ на край ливады, овцы будутъ отдыхать въ полдень въ холождѣ, а мы съ тобою молодою будемъ цѣловаться подъ роскошнымъ яворовымъ деревомъ.

При такихъ близкихъ отношеніяхъ весьма легко и болѣе тѣсное сближеніе, хотя весьма рѣдко, потому что дѣвушка подѣ страхомъ жестокаго наказанія со стороны родителей или будущаго мужа сама себя бережетъ, такъ какъ, по словамъ г. Богинича, „ни одинъ народъ не прилаетъ такой важности дѣвственности, какъ въ этихъ краяхъ“ (стр. 263). Выходъ замужъ, какъ мы уже замѣчали, составляетъ одно изъ страстныхъ желаній дѣвушки. Въ книгѣ г. Поповича приводится пѣсенка, которою мать убаюкиваетъ свою маленькую дочку: „Рости дочка, пока выростешь; когда выростешь и станешь красавицей, я выдамъ тебя замужъ за добраго молодца“.

Но обѣщанія матери и ожиданія дочери часто не сбываются.

Первое, что странно тяжело ложится на молодую, это—выдача ея въ чужое племя, иногда очень далеко отъ своего рода, въ чужой родъ, гдѣ она никого не знаетъ.

Вотъ какъ это чувство высказывается въ пѣснѣ:

Полегла е дьетелина трава
 Од Котора до Павлова двора;
 Жлепа ю е злоторука Јна,
 Златном руком, сребрніем српом,
 Братскіем ю коньма полагала
 И овако нима говорила:
 „Гризте пранци, гризте и зеленци,
 „Далек тьомо нутак нутопати;
 „Преко клете три горе елове,
 „Три елове а три яворове,
 „А три есу само ясенове:
 „Э, сам брзо омрзнула братья,
 „Далеко же братья претурила“.

(Повалилась трава-клеверъ отъ Котора до двора Павла, а жала ее золотоу рука Јна, золотомъ рукою, серебрянымъ серпомъ; она братскими конями дала, и пѣтъ она говорила: „Гризте, вороные кони, гризте, и сѣрне; далекъ путь предстоитъ намъ съ вами: за три проклятыхъ лѣса еловыхъ, три еловыхъ, а три яворовыхъ, а три чисто ясеневыхъ. Эхъ, скоро же я братьямъ въ доѣла, что выдали мена въ далекій край!“).

Въ другой пѣснѣ къ этой жалобѣ придается и несчастный конецъ:

Мѣсяцъ кара звѣзду Даницу:
 Ой, Данице, одна лежанья!
 Ты пролегла вечер до собаха,
 А я предвохъ земли и градове
 И я видяхъ чудо не видѣно,
 Дѣе три брата сестрицу удаю;
 Сестрица со братьи моляше:
 „Но дайте же, братъо, надалеко!“
 Али братья за Бога не хаяю;
 Вѣтъ ю даше сином надалеко:
 Три дни хода преко поля равна,
 А четыре преко мора синя...

(Мѣсяцъ укоряеть звѣзду зарницу: „Ой зарница лежебока, ты проснала всю ночь до зари, а я прошелъ замка и города, и видѣлъ тамъ чудо не виданное, гдѣ три брата выдаютъ свою сестру замужъ, а сестра братьевъ умоляеть: „Вы не дайте меня, братцы, далеко!“ Но братья забыли Бога и выдали ее сином: три дни хода черезъ ровное поле, а четыре черезъ море синее).

Прошло много лѣтъ, братья не посѣщаютъ свою сестру; она сама отправляется въ свой родъ, и когда стала приближаться къ своему дому, слышала съ него карканье вороны, а на встрѣчу вышла только старая мать и говорить ей:

„Айде, штьерце, у зелену башчу,
 „Да ти видни ту жуту наранджу,
 „Под наранджом до три гроба леже“.

(Пойдемъ, дочка, во зеленый садъ, посмотри тамъ желтый апельсинъ, подъ апельсинномъ находятся три могилы).

Мать и дочь умирають тутъ же съ горя, оплакивая одна тронхъ синовеи, другая—братевъ.

Выданная замужъ жалуется тутъ не на отца и мать, а на братьевъ: это потому, что братьевъ она любила больше всѣхъ въ родѣ и отъ нихъ также ожидала самой горячей взаимности, а встрѣтила противное. Это необращеніе вниманія на желанія и просьбы дѣвушки гнѣсия называетъ продажею со стороны си братьевъ, и вмѣсто любви вызываетъ въ сестрѣ ненависть. Во всей рѣзкости это выражается въ слѣдующей пѣснѣ, записанной мною въ Васоевичахъ:

Ой яблане-кликоване!
 Дѣе синочь кликовао?
 —Тамо доле у ливаде,
 Дѣе брат сестру продаваше,
 Люби рухо куноваше;
 Сестра брата куниаше.

(—Ой аблоны-горемыка, гдѣ ты вчера горевала?—Тамъ внизу на ливадѣ, гдѣ братъ сестру продавалъ, женѣ платье покупалъ, сестра брата проклинала).

Сестра проклинаетъ брата съ такими пожеланіями: чтобъ его жена не износила того купленнаго платья, то-есть, чтобы прежде того умерла; а еслибъ осталась жива, то чтобы не имѣла ребенка мужескаго пола, а еслибъ имѣла, то чтобъ не провожала его на войну, то-есть, чтобъ онъ умеръ раньше, чѣмъ выростетъ; если же онъ пойдетъ на войну, то чтобы съ войны не вернулся, а возвратился бы его товарищи и привели бы его коня подъ боевымъ сѣдломъ, на сѣдлѣ рукавицы, насквозь пронитанныя кровью, всякимъ шелкомъ расшитыя, а больше всего чернымъ шелкомъ, чтобы еще чернѣе было на сердцѣ у матери.

Это ясно указываетъ на то обстоятельство, что хотя родители и не берутъ никакого выкупа за невѣсту въ родѣ калыма, существующаго у азіатскихъ народовъ, но соображаются не столько съ волей и расположеніемъ невѣсты, сколько со своимъ чисто-материальнымъ разчетомъ — выдать за богатаго, отъ котораго можно будетъ имѣть свои выгоды. Богатый женихъ всегда почти дѣлаетъ подарки всѣмъ въ невѣстиномъ домѣ: будущему тестю иногда богатое оружіе, которое онъ при случаѣ продастъ, а иногда тестъ принимаетъ впередъ довольно значительную сумму денегъ для уплаты какого-нибудь долга или какой-нибудь домашней потребности. Если жениху особенно понравилась невѣста, онъ торопится со свадьбой, а тестъ оттягиваетъ, чтобы больше вызвать его на подарки.

Авторъ разбираемой книги въ весьма привлекательномъ видѣ представляетъ положеніе женщины въ первый годъ замужества. „Первый годъ замужества“, говоритъ онъ, — „невѣста одѣвается нарядно; она постоянно бываетъ съ своими шаферами или съ отцомъ мужа на ярмаркахъ, въ хоровахъ, на крестинахъ, ходитъ на крестное имя. Въ продолженіе перваго года новобрачная служить чѣмъ-то въ родѣ украшенія дома. Работою ее не утомляютъ“ (стр. 170).

Тѣмъ не менѣе она вспоминаетъ свое дѣвичество такъ:

Дѣвованье, мое царованье!

Царъ ты бѣхъ, дакъ дѣвкой бѣхъ!

Въ самомъ счастливомъ случаѣ, когда молодая вступаетъ въ домъ, гдѣ всѣ ея встрѣчаютъ съ любовью, и гдѣ безъ нея много рабочихъ рукъ, подчиненіе женщины становится рѣзче послѣ ея замужества: „Въ первый годъ замужества“, говоритъ Богиничъ, — „куда бы молодая ни пошла внѣ своего дома, или если бы вошелъ въ ея домъ

кто-либо изъ мужчинъ, она должна поцѣловать его въ руку, хотя бы то было дитя или индїй" (стр. 216).

Скромность и наружная стыдливость, состоящая въ потушеніи глазъ передъ всякимъ, требуется отъ молодой еще больше, чѣмъ отъ дѣвушки. Она должна почитать всякаго, особенно мужчину, потому что „човѣкъ е глава, а жена трава“. Выводить ее изъ этого положенія только рожденіе перваго ребенка, особенно если онъ будетъ мужескаго пола. Но представьте себѣ ея положеніе, когда ее подолгу, иногда цѣлый годъ не сводятъ съ мужемъ. Г. Пономичъ приводитъ по этому поводу пѣсню, въ которой дочь жалуется матери: „Вотъ ужъ девять лѣтъ прошло, какъ ты, моя милая матушка, выдала замужъ, а я все еще не знаю, что такое мужчина“. Авторъ, приводя эту пѣсню, говоритъ, что она преувеличиваетъ дѣйствительность. Но въ дѣйствительности бывають случаи еще хуже. Злая свекровь опредѣляетъ молодую спать постоянно съ ея малыми дѣтьми, въ тѣхъ видахъ, чтобъ у снохи долбе не было дѣтей, которыхъ, по ея расчету, и безъ того достаточно. Прошло четыре года, мужъ сталъ ее бить тоже по наговорамъ свекрови, а объясниться съ нимъ она по своему положенію не имѣетъ никакой возможности. Опротивѣлъ ей мужъ, и она бѣжала и, какъ очень хорошая женщина, честная, скромная, услужливая, жила служанкой въ семейныхъ домахъ. Мужъ предъявлялъ свои права на нее; дѣло поступило въ судъ, тянулось около десяти лѣтъ, и только два года назадъ ихъ развели съ разрѣшеніемъ мужу вступить во второй бракъ, такъ какъ она сама отказалась отъ него и отъ брачной жизни вообще.

Или вотъ еще характерный случай: Одна женщина, проживъ съ мужемъ полгода, бѣжала отъ него на Цетинье и просила судъ развестись ихъ; а когда судъ не уважилъ ея просьбы, она надѣла свою дѣвичью шапочку и пошла въ Которъ, гдѣ и поступила въ услуженіе. Узнавъ объ этомъ, мужъ является въ судъ и проситъ возвратитъ ему жену изъ Котора; но вѣрныхъ свидѣтелей на то не было; поэтому судъ поручилъ мужу отправиться самому въ Которъ, чтобы можно убѣдиться въ тожественности дѣвушки, о которой онъ имѣетъ слухъ, съ его женою. „Да я ея не узнаю“, отвѣчаетъ мужъ, разставшись съ нею какихъ-нибудь полгода.

Дѣлъ между мужемъ и женою множество въ главномъ цетинскомъ судѣ; и нерѣдко такіе случаи, что то мужъ убиваетъ свою жену, то жена мужа, или жена убиваетъ сама себя. А недавно былъ такой случай: Родители выдали свою дочь, которой едва минуло 16 лѣтъ,

за мужчину 45 лѣтъ или больше, выдали силой. Свекровь полюбила ее, а также и остальные члены семьи, мужъ не билъ; тѣмъ не менѣе она черезъ четыре дня бѣжала. Родители отвели ее обратно къ мужу, и опять ее никто не билъ, но она бѣжала вторично. Родители отвели ее опять; тогда мужъ взялъ ножъ и изсѣкъ ее такъ, что она едва жива осталась. Мужъ, конечно, осужденъ на тюремное заключеніе; а что родители?..

Въ прежнее время трудно было женщинѣ судиться съ мужемъ: это само по себѣ было бы уже преступленіемъ, и потому не могло быть никакихъ дѣлъ; но съ тѣхъ поръ, какъ объявлена равноправность передъ закономъ безъ различія пола и состоянія, всплыла наружу вся неприглядность супружескихъ отношеній.

Поводы неудовольствій между супругами бываютъ весьма разнообразныя, иногда очень странныя; но намъ здѣсь нѣтъ надобности пускаться въ разсмотрѣніе ихъ, такъ какъ наша цѣль только во имя истины указать и на обратную сторону дѣла, которую авторъ совершенно игнорируетъ, задавшись цѣлью идеализировать положеніе черногорской женщины.

Авторъ придаетъ большое значеніе тому, что Черногорецъ мстилъ убійствомъ за оскорбленіе женщины. Да онъ мстилъ точно также за убитую собаку, за срубленное дерево, за одно оскорбительное слово и за всякую мелочь.

Неизвѣстный писатель, Черногорецъ, составившій описаніе Черногоріи въ 1839 г. по порученію владыки Петра II для графа Карачая, правителя Далмаціи, описываетъ эти отношенія такъ: „Черногорецъ свою жену самъ слабо почитаетъ, но другой никто не смѣетъ ее ни малѣйше оскорбить, потому что поплатился бы за то головой; а притомъ всякій считаетъ стыдомъ для себя нападать на слабѣйшаго. Потому женщины смѣло идутъ вездѣ, даже и тогда, когда Черногорцы ведутъ между собою самую жестокую войну, и куда мужчины не могутъ пойти, боясь другъ друга, туда посылаютъ женъ“¹⁾.

Это такъ просто, естественно и потому не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и не требуетъ никакихъ доказательствъ, тогда какъ г. Поповичу, для подтвержденія своей предвзятой мысли и идеализаціи, приходится прибѣгать къ разказамъ весьма натянутымъ, неестественность которыхъ очевидна всякому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ

¹⁾ Сербско-далматинскій магазинъ 1860 г., кн. 19, стр. 102—137.

съ характеромъ Черногорца и его обстановкой, какъ напримеръ, о Милиціѣ, встѣвшей за своего побратима Милоша (стр. 191—196), или о послѣдствіяхъ измѣны жениха певѣствъ по Віалль-де-Сомьеру (стр. 155—156).

Всѣмъ извѣстно и никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что черногорская женщина слѣдуетъ всюду за своимъ мужемъ въ войнѣ, неся за нимъ всю сѣстную провизію и ухаживая за ранеными, при чемъ, конечно, подвергается опасности быть убитою и раненою, иногда ей приходится схватиться и за оружіе; въ случаяхъ бѣгства войска, женщины, моля и стыдя своихъ мужчинъ, заставляютъ ихъ снова идти въ бой и тѣмъ рѣшаютъ иногда побѣду. Но это далеко отъ того, чтобы сказать, что „когда Черногорцы начинаютъ сраженіе, женщины, вооруженныя чѣмъ попало, пробиваются черезъ турецкія линіи“ (стр. 185), или что двѣнадцати-лѣтняя Яница вмѣстѣ съ другими пастушками и пастухами отбила нападеніе Турокъ-Колашницевъ и сама притомъ была довольно тяжело ранена атаганомъ, и что въ послѣднюю войну „русскимъ докторамъ не разъ случалось видѣть между своими націентами дѣвочекъ 8—12 лѣтъ“, такъ что самъ авторъ зналъ въ цетинскомъ госпиталѣ двухъ такихъ, которыя „были ранены въ правое плечо“ (стр. 118). Вудучи не въ состояніи опровергнуть тотъ фактъ, что черногорская женщина обременена работою несравненно больше мужчины, авторъ видитъ источникъ этого въ томъ, что „трудъ для черногорскихъ женщинъ—какая-то моральная пища“ (?), что „онъ вошелъ въ плоть и кровь нашего народа“ (стр. 173). Въ дѣлованьѣ рукъ женщинами у мужчинъ авторъ видитъ также какое-то особенное пристрастіе, такъ что мужчинъ не дать ей поцѣловатьъ руку даже очень опасно (стр. 131); а обычай омовенія ногъ гостямъ (да и не гостямъ—все равно) женщинами также, по мнѣнію г. Поповича, не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ это „обычай очень древній, старославянскій и даже античный“ (стр. 130).

Что и говорить о этомъ, что такіе обычай существовали въ глубокой древности у всѣхъ народовъ; что женщина и до сихъ поръ еще у всѣхъ, даже цивилизованныхъ народовъ считается существомъ низшимъ передъ мужчиною, и потому не способнымъ пользоваться одинаковыми съ нимъ правами; что въ западной Европѣ крайняя нужда заставляла женщину раздѣлится съ мужчиною тотъ тяжелый физическій трудъ, отъ котораго она должна бы быть освобождена, какъ вслѣдствіе болѣе слабаго въ физическомъ отношеніи организма, такъ

и вслѣдствіе особенныхъ функцій, которыхъ не можетъ раздѣлить съ ней мужчина, какъ рожденіе и первое воспитаніе дѣтей. Однако, неправильность такого положенія вещей сознается всѣми образованными людьми, и многіе унижающіе женщину обычай давно уже брошены или бросаются и осуждаются. Въ Черногоріи это положеніе удержалось больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ на практикѣ, по преданію, съ которымъ вообще тяжело разстается народъ; но и тутъ оно осуждается людьми образованными или просто видѣвшими свѣтъ. Стремленіе поправить эти отношенія, искоренить варварскіе обычай и вошедшую въ обычай несправедливость къ женщинѣ ясно видно въ законникѣ князя Данила, наприимѣръ, въ параграфахъ 67—о разводѣ, 68, 69 и 70—о бракѣ, по которымъ ограждается, сколько возможно, свобода дѣвушки противъ насилія родителей, 87—противъ обычая царпать себѣ лицо въ знакъ скорби при погребеніи кого либо и т. п. Современный высшій судъ въ Цетиньи также и еще больше беретъ женщину подъ свою протекцію, такъ какъ она страшно несправедливо и сурово была третируема, и теперъ еще третируется черногорскимъ обычаемъ.

Но авторъ этого не замѣчаетъ, а если и замѣчаетъ, то старается дурному обычаю придать благовидную форму и оправдать его. Иногда онъ, будучи не въ состояніи отвергнуть существующій фактъ, выражается о немъ темно и запутанно. Такъ, возражая Фрилею, утверждающему, что Черногорецъ бьетъ свою жену, дочь или сестру самымъ жестокимъ образомъ, и что это наказаніе не только не озлобляетъ ея, но напротивъ переносится ею съ гордостью, авторъ говоритъ: „Возможно ли вѣрить, чтобы такой нравственный народъ, какъ Черногорцы, которые не заставляли работать даже плѣнныхъ Турчанокъ, чтобы они заставляли работать своихъ родныхъ матерей, или чтобы ихъ матери свосили побои съ охотою, даже съ удовольствіемъ?“ (стр. 134). Здѣсь какъ будто съ намѣреніемъ избѣгнуто слово „жена“ и вмѣсто него поставлено слово „мать“. Конечно, никто не повѣритъ, чтобы Черногорецъ билъ свою мать: этого не бывало ни у какихъ варваровъ стараго и новаго времени. Но онъ бьетъ свою жену, мать своихъ дѣтей, и еще какъ бьетъ! Въ настоящее время это практикуется все меньше и меньше, и то между совершенно простыми людьми; но не такъ давно били своихъ жецъ даже люди чиновные и вообще занимающіе высшее положеніе, чѣмъ простой Черногорецъ, или считающіеся образованными. Громадное вліяніе на искорененіе этого обыкновенія имѣлъ князь Николай, который,

гдѣ узнавалъ о такомъ человѣкѣ, если онъ не могъ быть обвиненъ по суду, то показывалъ ему свою немилость, и при всякомъ удобномъ случаѣ передъ народными собраніями старался внушить уваженіе къ женщинамъ. А вотъ что находимъ у г. Богущича: „Всякому мужу, если онъ хоть разъ въ мѣсяцъ не поколотитъ свою жену или не дастъ по крайней мѣрѣ затрещину, скажутъ, что онъ боится жены“. Въ томъ же духѣ отъвѣчаютъ и пословицы: Ко жену не бие, он човѣкъ ние.—Жену и коня удри, ако желиш, да су теби покорни. Удри жену и змію по глави (стр. 46). Авторъ, говоря о полной безопасности женской личности, подтвержденіе тому находятъ въ отсутствіи всякаго постановленія объ оскорбленіи дѣвицы или замуженной женщины. Это онъ приводитъ въ разговорѣ русскаго путешественника Ал. Н. Попова съ владыкой Петромъ II. Да тогда и не было въ Черногоріи никакихъ писанныхъ постановленій, кромѣ 33-хъ статей Законника Петра I, обнародованнаго въ 1803 г., и котораго главное назначеніе было внести какой-нибудь порядокъ въ управленіе и установить судъ, пускаться же въ подробности криминальныхъ случаевъ въ немъ не было и мѣста. Но и въ этомъ законникѣ есть 11-я статья, въ которой говорится, что кто возьметъ чужую жену при живомъ мужѣ или похититъ дѣвушку, тотъ долженъ быть изгнанъ, какъ беззаконникъ и похититель чужихъ дѣтей, и ему въ Черногоріи нѣтъ мѣста, а его имѣніе должно быть оцѣнено и раздѣлено, какъ и послѣ убійцы; въ статьѣ 12-й говорится, что священникъ долженъ быть лишенъ сана и прогнанъ, если повѣнчаетъ кого съ чужою женой и съ насильно похищеною дѣвушкой. И какое же писанное постановленіе можетъ быть сильнѣе обычаямъ установленнаго закона, что оскорбителя можетъ безнаказанно убить на мѣстѣ отецъ или братъ оскорбленной и даже посторонній человѣкъ, и не вызвать никакой мести отъ родственниковъ убитаго? Какая неудержимая страсть должна была овладѣть замуженою женщиной или дѣвушкой, чтобы добровольно вступить въ тайную грѣшную связь, когда она знала, что ее на мѣстѣ можетъ убить всякій изъ ея родственниковъ или могутъ каменовать цѣлою общиной! Въ Законникѣ князя Даніила однако является уже прямое постановленіе, что мужъ, застигнувъ свою жену на мѣстѣ преступленія, имѣетъ право убить ее на мѣстѣ (§ 72); за истребленіе же ребенка дѣвицей тамъ полагалась смертная казнь, которая однако не должна быть произведена оружіемъ, такъ какъ оружіе назначается только для тѣхъ, кто его носитъ и умѣетъ имъ защищаться (§ 73): дѣвицѣ-

преступницъ обыкновенно вѣшали на одномъ деревѣ передъ такъ-называемою Влашскою церковью. За меньшія преступленія ихъ обыкновенно наказывали палками, положивъ на скамейку; къ мужчинамъ это послѣднее наказаніе примѣнялось исключительно только за воровство. Осужденный на такое наказаніе умолялъ лучше разстрѣлять его, только бы „не бить палками, какъ женщину“; а князь Даниилъ въ такомъ случаѣ отвѣчалъ: „Нѣтъ, разстрѣливаютъ юнаковъ, а женщинъ и воровъ бьютъ палками“ (Богшичъ, стр. 575).

За отсутствіемъ полнаго писаннаго законника въ Черногоріи, которымъ точно опредѣлялись бы права и отношенія всякаго, мы, основываясь на этихъ не многихъ данныхъ изъ писаннаго закона и народныхъ обычаевъ, никакъ не можемъ усмотрѣть равноправности мужчины и женщины въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ то стараются доказать г. Поповичъ. Даже въ наказаніи женщина не уравнивается съ мужчиной, а подвергается ему въ болѣе унижительной формѣ. Общія причины такого неравенства въ правахъ между мужчиной и женщиной заключаются, во первыхъ, въ эгоистическомъ инстинктѣ челоуѣчества сохранить свою индивидуальность въ родовомъ имени, которое преимущественно носить мужчина, и котораго лишается женщина тотчасъ по замужествѣ, а во вторыхъ, въ преобладаніи физической силы, которое также остается за мужчиной. Это преимущество мужчины передъ женщиной мы находимъ даже у народовъ, стоящихъ на степени цивилизаціи несравненно высшей, чѣмъ Черногорцы; откуда же найдется такое идеальное уравненіе правъ въ Черногоріи, все существованіе которой до сихъ поръ основывалось на самой суровой формѣ проявленія физической силы, на силѣ военной?

Военно-патріархальный бытъ, въ которомъ до сихъ поръ еще находятся Черногорцы, сообщаетъ имъ особенный характеръ, рѣзко отдѣляющій ихъ изъ семьи остальныхъ европейскихъ народовъ, давно вышедшихъ уже изъ такого состоянія. Вѣчная война воспитала въ Черногорцѣ духъ геройства и презрѣнія къ смерти, а патріархальность охраняла его нравственность и въ то же время наложила на него печать суровости, больше всего отражающейся на положеніи женщины. Исторія женщины составляетъ самую существенную и интимную сторону въ культурной исторіи народа. Чѣмъ больше въ культуру вносятся гуманности, чѣмъ больше народъ развивается въ гуманномъ направленіи, тѣмъ свободнѣе и, такъ-сказать, мягче положеніе женщины. Ни у одного изъ европейскихъ народовъ мы не встрѣчаемъ женщи-

ну поставленною на такую высокую степень во всѣхъ отношеніяхъ, какъ у Чеховъ, начиная съ болѣе извѣстнаго времени, отъ VII в. и до окончательнаго паденія самостоятельности чешскаго народа во второй половинѣ XVII в. Обратитесь ли къ чешскому законодательству, къ литературѣ того времени, которая была весьма богата, къ народнымъ обычаямъ и практической жизни, вы всюду найдете, если не полную равноправность, которая во всей послѣдовательности не допускается даже христіанскою религіей, то такое братски-гуманное отношеніе мужчины къ женщинамъ, которымъ совершенно сглаживалось всякое неравенство. Съ этимъ совершенно совпадаетъ та высокая степень цивилизаціи дѣла чешскаго народа, достигающая своего зенита въ началѣ XV в., когда рядомъ съ богатою литературою и наукой, центромъ которой былъ Пражскій университетъ, и процвѣтала и народная школа, и когда по призванію одного изъ высшихъ сановниковъ католической іерархіи, кардинала Энея Сильвія чешскія (гуситскія) женщины умѣли читать и толковать Священное Писаніе лучше, чѣмъ многіе католическіе священники. Такое положеніе женщины не освобождало ея однако ни отъ физическаго труда, ни отъ участія въ войнѣ; въ мирное время она была неустанная работница, а въ военное—дѣлала то же, что и пинѣшныя Черногорка. Во время гуситскихъ войнъ женщины показали себя самоотверженными героинями, а послѣ сокрушенія Чеховъ Тридцатилѣтнею войною, онѣ шли со своими мужьями въ изгнаніе, охотно отказываясь отъ всего, что имѣли, мѣняя всѣ удобства жизни въ своемъ отечествѣ на скитаніе и нужду въ чужомъ краю, только бы не разстаться съ мужемъ и не измѣнить своему религіозному и политическому исповѣданію. Дѣло тутъ не въ томъ, что чешскій народъ въ то время достигъ высокаго развитія въ смыслѣ великаго успѣха науки, искусства, философіи или высоко поднялъ свое экономическое и промышленно-торговое состояніе. Впослѣдствіи все это въ той же странѣ подъ австрійско-нѣмецкимъ режимомъ достигнуто въ еще высшей степени; но женщина уже не занимала такого положенія, и народный духъ вообще не поднимался такъ высоко. Дѣло въ томъ, что въ основу тогдашней чешской цивилизаціи положено было глубокое гуманное начало при полной равноправности всѣхъ и каждого.

Возвращаясь къ Черногоріи, мы должны сказать, что отъ признація равноправности женщины съ мужчиною насъ удерживаетъ не тотъ фактъ, что первая больше работаетъ, чѣмъ второй, или что женщина не принимаетъ участія въ мірскихъ сходкахъ. Сама природа

такъ устроила, что женщина больше привязана къ дому и не можетъ исполнять всѣ обязанности мужчины, какъ и онъ — ея обязанностей; а лишній трудъ черногорской женщины обусловливается особеннымъ положеніемъ страны. Ничего не дѣлающая гаремная женщина магометанина стоитъ, конечно, несравненно ниже Черногорки: человѣчище и честище быть у кого бы то ни было рабочею силой, чѣмъ служить для его потѣхи, не составляя ему существенной потребности и постоянно ожидая отставки и совершеннаго изгнанія.

Но дѣло въ томъ, что Черногорецъ относится съ презрѣніемъ именно къ той работѣ, предоставляемой женщинѣ, которую при другихъ условіяхъ долженъ бы былъ исполнять и дѣйствительно исполнять бы самъ, какъ напримѣръ, ношеніе дровъ домой и разныхъ тяжестей на базаръ. И напротивъ, пахать и косить женщинѣ не грѣхъ для нея, какъ говоритъ г. Поповичъ (стр. 173), а стыдъ семейству и оскорбленіе этимъ орудіямъ, составляющимъ какъ бы привилегію мужчины.

Какъ это ни странно, но вполне естественно и, не будучи особенною чертой черногорскаго народа, составляетъ прямое и неизбежное послѣдствіе той культурной фазы, которую онъ переживаетъ. Не нужно только закрывать глаза на такіе факты, не нужно ихъ идеализировать, чтобы въ лучшемъ свѣтѣ выставить свой народъ, какъ то дѣлаетъ г. Поповичъ въ своей книгѣ.

Задавшись такою предвзятою идеей, онъ вмѣсто простаго описанія и разказа даетъ апологію Черногорца и Черногорки и тѣмъ отнимаетъ главное достоинство такого рода книгъ—правдивость и наивность. Кромѣ того, стремленіе быть, сколько возможно, занимательнѣе побудило автора собрать въ своей книгѣ только самое выдающееся изъ обыденной жизни, притомъ не подвергая никакой критикѣ, а иногда прибѣгать къ украшеніямъ, и въ то же время пропустить многія мелкія черты изъ внутренней домашней жизни народа, которыя были бы много интереснѣе чѣмъ героическія поэмы, давно уже извѣстныя всему читающему міру и доставившія въ этомъ отношеніи заслуженную славу Черногоріи. Поэтому внутренняя сторона семейной жизни со всею ея обстановкой, различныя занятія по временамъ года, труженческая жизнь рядомъ съ празднествами, играми и забавами, проявленія народнаго юмора и остроумія, народное міровоззрѣніе, отношеніе къ природѣ, взглядъ на науку и т. д.—все это осталось у г. Поповича не разъясненнымъ, не освѣщеннымъ, уступивъ мѣсто слишкомъ многочисленнымъ разказамъ о битвахъ и

подвигахъ храбрости и голословныхъ восхваленіяхъ черногорскихъ добродѣтелей. Это происходитъ частью и отъ того, что авторъ не составилъ себѣ впередъ плана и писалъ безъ всякой системъ, дѣлая повторенія и перескакивая отъ одного предмета къ другому, такъ что у него старое не отдѣляется отъ новаго; заговоривъ, напримѣръ, о военной организаціи (стр. 84), онъ сейчасъ же переходитъ къ административному дѣленію, къ исторіи съ 1516 г., затѣмъ говоритъ о духовенствѣ, о религіозномъ чувствѣ, о школахъ о домашнемъ бытѣ, потомъ о военномъ образованіи (стр. 103), опять объ администраціи и судѣ (стр. 107); а въ „черногорской женщинѣ“ на самый конецъ въ видѣ заключенія попало описаніе ея костюма.

Полемизуя противъ неправильныхъ взглядовъ, высказываемыхъ, нѣкоторыми иностранскими писателями, каковы Фрилей и Влаховичъ, опровергая Гопчевича въ его совершенно невинномъ заявленіи, что невѣста бросаетъ яблоко черезъ крышу дома (стр. 165), и Вука Караджича въ томъ, что женихъ обязанъ снабжать невѣсту опанками до самой свадьбы (стр. 157) и т. д., ссылаясь нерѣдко на извѣстное сочиненіе г. Богнича для подтвержденія своихъ словъ, авторъ пишетъ о посестримствѣ цѣлыхъ восемь страницъ (стр. 188—196) находитъ въ томъ новое доказательство уваженія, которымъ пользуется черногорская женщина и притомъ совершенно игнорируетъ обратное, сообщаемое въ книгѣ г. Богнича, гдѣ о посестримствѣ говорится въ одномъ случаѣ такъ: „Гораздо чаще мужчины вступаютъ въ побратимство, чѣмъ между женщинами посестримство. Первое часто бываетъ и въ настоящее время“; а въ другомъ: „Братимтся между собою мужчины, и тогда называются побратимами; но ни мужчина съ женщиной, ни женщины между собою не вступаютъ въ посестримство; только сестра или дочь моего побратима становится мнѣ посестримой, а непосредственнаго посестримства не существуетъ“ (стр. 386).

Что многіе герои сербской поэзіи, и въ томъ числѣ Марко Краевичъ, звали своими посестримами всѣхъ, которыя въ нуждѣ имъ всегда помогали, это не значитъ еще, что посестримство заключалось и съ обыкновенною женщиной. Это, во первыхъ, союзъ съ высшимъ существомъ, живущимъ только въ народной фантазіи; а во вторыхъ, это ничто иное, какъ поэтическая фигура, которая допускаетъ побратимство съ простыми животными и даже съ вещью, какъ съ ружьемъ, которое при случаѣ называютъ отцомъ роднымъ и матерью, на что указываетъ

самъ авторъ (стр. 55). А вотъ и пѣсня, въ которой дѣвушка братимитъ коня:

Дѣвушка е дьога братимила:

„О дьогате, мой по Богу брате!

„Е-ли ти се господар женіо?“

„Ніе ми се господар женіо,

„Таке отве с тобом, ако Бог да“.

„Я де знадем э е то истина,

„Я би мое токе расковала,

„Теби, дьогу, шоче саковала;

„И би ситан дьердан распизала,

„Би ты, дьогу, узду поднизала“.

(Дѣвушка братимила коня: „О бѣлый конь, во имя Бога мой братъ, женать ли твой господитъ? „Нѣтъ, еще не женать, а только собирается жениться на тебѣ, если Богъ дастъ“. „Еслибы знала, что это правда, я дала бы растопить мой кованый поясъ, чтобы сдѣлать тебѣ подковы, и распустила бы мое мелкое озерелье, чтобы имъ унизать твою узду“).

Дѣлая всѣ эти замѣчанія, мы не имѣли въ виду подрывать значеніе книги г. Поповича-Липовца; но въ ней есть невѣрности и неточности, которыя вводятъ однихъ въ заблужденіе, другихъ въ сомнѣніе и недоумѣніе; поэтому мы считали своимъ долгомъ исправить и пополнить то, что намъ извѣстно, а относительно неизвѣстнаго намъ желали бы вызвать съ чьей бы то ни было стороны разъясненіе. Да кромѣ того, можно надѣяться, что и самъ авторъ не остановится на одной книжкѣ и подаритъ насъ еще какимъ-нибудь интереснымъ этюдомъ изъ черногорской жизни; въ такомъ случаѣ въ интересахъ автора и читателей желательно, чтобы книга не была особенно на занимательность, заключающуюся въ легкости изложенія, а прежде всего представляла собою вѣрную картину жизни народа, къ которому авторъ принадлежитъ по рожденію, безъ предвзятой идеи, просто и безхитростно, чтобы чтеніе ея было на сколько же занимательно, на столько поучительно и полезно.

Въ этихъ же видахъ считаемъ нужнымъ сдѣлать поправку нѣсколькихъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, которыя мѣшаютъ правильному пониманію читаемаго. Такъ Черногорцы, перебѣжавшіе къ Туркамъ и потомъ служившіе имъ противъ Черногоріи, названы — прозелитами славянства вмѣсто: ренегатами (стр. 58); Сербы, принявшіе магометанство, названы помаками, специальнымъ именемъ болгарскихъ ренегатовъ, особенно въ Родопахъ, совершенно неизвѣстнымъ ни въ Черногоріи, ни въ Босніи или Герцеговинѣ; также

неумѣстно перенесено киргизско-туркменское названіе баранты на черногорское четованіе, какъ называютъ экспедиціи удалыхъ шаекъ съ цѣлю не столько отбить скоть, сколько отмстить Туркамъ за какое-нибудь убійство или грабежъ и за угнетеніе христіанъ; такіа выраженія, какъ слѣдующія: „Черногорецъ, какъ истый потомокъ сербскихъ бояръ“ (стр. 111), или „всѣ считаютъ себя дворянами“ (стр. 49), не передаютъ того, что Черногорцы соединяютъ съ понятіемъ о хорошемъ происхожденіи; и еще менѣе вяжется съ черногорскимъ бытомъ понятіе маюрата (стр. 207), котораго никогда не существовало въ Черногоріи. Вѣрнѣ могли бы передаваться и пѣсни. Такъ, въ пѣснѣ о взятіи Жаблака говорится, что жена коменданта этой крѣпости „позвала логкую арфану“, чтобы принесла ей воды для омовенія; а въ переводѣ г. Поповича: „позвала вѣрную служанку Орфану“ (стр. 62), и такимъ образомъ сдѣлано собственное имя изъ нарицательнаго, означающаго служанку-христіанку, большею частью сироту или изъ бѣднаго семейства; эти арфаны часто являлись сообщницами своихъ единовѣрцевъ противъ Турокъ, которымъ служили только отъ нужды. Еще болѣе искаженъ переводъ пѣсни о битвѣ въ Мартиничахъ. Въ пѣснѣ дословно стоитъ такъ: „Видѣла сонъ молодая попадая сокола пона Радовича изъ краичнаго (на краю границы) села Мартиничей; видѣла сонъ, что поднялась густая туча на ровное Штитово отъ кроваваго Скадра царскаго (то-есть, султанова), идетъ туча черезъ Малесію и захватила равнину Зетскую; минула она Зету и Подгорицу, пока достигла края Служскаго; отъ него пошла къ селу Мартиничу; тутъ надъ селомъ туча опочинула; стали сверкать изъ нея молніи и гремѣтъ грома горшне; пажнее село сожгли молніи, а на верхнее пали галки (птицы); мнѣ, братья, онѣ глаза выклевали, и мовнѣ осьми молодымъ снохамъ, мовнѣ снохамъ и золовушкамъ“.

Въ переводѣ г. Поповича совсѣмъ иначе: „На албанской границѣ, въ деревнѣ Мартиничахъ, видѣла сонъ молодая попадая, вѣрная жена пона Радивон, что тучи поднялись со стороны кроваваго Скадра и спустились на село Мартиничи, а изъ тучъ вылетѣли молніи и лишили зрѣнія ее и ея восемь невѣсть (женъ ея восьми шаферовъ)“ (стр. 183). Положимъ, что это не прямой переводъ, а только перифразъ или сокращенная передача содержанія; но зачѣмъ же было измѣнять цѣлую картину, гдѣ галки, вылетѣвъ изъ тучи и выклевали глаза понадѣ, и замѣнить ее совершенно другимъ? И зачѣмъ вмѣсто краичнаго или пограничнаго села сказано „на албанской границѣ“, когда эта граница далеко оттуда за Под-

горицей? Незнаніе географіи той мѣстности еще можно извинить, такъ какъ эти мѣста только въ послѣднюю войну присоединены къ Черногоріи; но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ и пускаться въ географію, отбросивъ и безъ того достаточно точныя указанія пѣсни? Конечно, придавъ народному разказу нѣкоторыя детали мѣстности, можно, съ одной стороны, дать возможность любознательному читателю лучше ориентироваться относительно мѣста, къ которому относится разказъ; съ другой—это еще болѣе убѣждаетъ читателя въ истинѣ событія и до нѣкоторой степени служить украшеніемъ. Но для того нужно дѣйствительно хорошо знать описываемую мѣстность по личному наблюденію или по распросамъ; а безъ того лучше отказаться отъ этого аксессуара, чѣмъ давать детали картины наобумъ и не впопадъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ представляется „широкое ровное и романтическое Никшицкое поле, окруженное неприступными скалами, между которыми высится Дурмиторъ“ (стр. 68). А между тѣмъ за этими скалами идутъ хребты, не имѣющіе ничего общаго съ Дурмиторомъ, затѣмъ идутъ его предгорья, и только послѣ нихъ доходишь до Дурмитора, котораго однако съ Никшицкаго поля никакъ нельзя видѣть. Нужно бы, по крайней мѣрѣ, изучить карту.

Вотъ и еще топографическая ошибка (стр. 117): „На восточномъ краю Черногоріи живетъ племя Дрекаловичей, которые пасутъ свои стада въ густыхъ лѣсахъ высокаго, лично покрытаго снѣгомъ Дурмитора, большая часть котораго принадлежитъ Туркамъ-Колашиицамъ; паслось стадо Черногорца Митры, смотрѣла за нимъ двѣнадцатилѣтняя Яница“ и т. д. Это такое смѣшеніе, что недоумѣваешь, за чтѣмъ хватиться, чтобы сколько-нибудь повѣрить невѣроятному разказу, приуроченному къ такой непонятной мѣстности. Дрекаловичи дѣйствительно существуютъ: это главный родъ въ племени Кучъ, которые живутъ близъ Кома, а не Дурмитора; слѣдовательно, тутъ могла быть ошибка только въ имени. Но какъ тутъ явились Турки-Колашиицы, которые не владѣли никогда ни Комомъ, ни Дурмиторомъ? И какъ эти горы могутъ быть вѣчно покрыты снѣгомъ, когда ни Комъ, ни Дурмиторъ не достигаютъ даже 8500 тысячъ футовъ?

Такихъ ошибокъ въ книгѣ найдется не мало, и какъ онѣ ни мелки, ими подрывается довѣріе къ автору, и читатель начинаетъ сомнѣваться въ его компетентности, тѣмъ болѣе, что многое онъ передаетъ отъ себя лично, какъ самъ пережившій то или наблюдавшій.

Исторической части сочиненія мы не касаемся, потому что, какъ

сказали въ началѣ, она не представляетъ ничего новаго и самостоятельнаго; мы даже находимъ поэтому, что вмѣсто заглавія „Россія и Черногорія“ и т. д. правильнѣе было бы назвать ее просто „Черногорецъ и Черногорія“, что и составляетъ главное содержаніе книги.

Указавъ такимъ образомъ то, что находимъ въ книгѣ г. Попова неправильнымъ, и чего въ ней не достаетъ, мы должны однако сказать, что она прекрасно задумана, такъ какъ массу этнографическаго матеріала сообщаетъ въ живомъ разказѣ, и если не удовлетворяетъ вполне научнымъ требованіямъ, то во всякомъ случаѣ представляетъ весьма интересный этюдъ изъ жизни Черногоріи и первую попытку очертить фізіономію и характеръ народа, пользуясь явленіями изъ его быта, изъ государственной жизни и историческихъ событій.

И. Ровинскій.

Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилегающихъ странъ, составленный *Яковомъ Головацкимъ*. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1834.

Вопросъ объ очищеніи русской географической номенклатуры для областей западнаго и южнаго славянства отъ иноязычныхъ наслоеній нѣмецкаго, мадьярскаго, румынскаго, италіанскаго, албанскаго, греческаго и турецкаго происхожденія давно уже возбужденъ и даже рѣшенъ въ принципѣ, благодаря трудамъ Шафарика и его русскихъ учениковъ по исторической географіи Славянъ; но для практическаго примѣненія, въ подробностяхъ, онъ все еще представляетъ большія трудности, для устраненія которыхъ необходимы значительныя и продолжительныя усилія сначала писателей, а потомъ и представителей власти. Всѣ согласны въ томъ, что русскій языкъ долженъ быть по возможности очищенъ отъ варваризмовъ въ области не только нарицательныхъ, но и собственныхъ именъ, особенно мѣстныхъ названій; всѣ считаютъ страннымъ называть русскій Львовъ Лембергомъ, польскую Познань Позеномъ, чешскую Прагу Прагомъ, словацкій Зволень Альत्वолемъ, словинскую Люблянуп Лайбахомъ, хорватскій Загребъ Аграмомъ, болгарскую Солунъ Салониками и т. п., но далеко не всѣ согласны въ подробностяхъ очищенія географической номенклатуры отъ подобныхъ варваризмовъ. Одни думаютъ, что при реставраціи славянскихъ мѣстныхъ названій можно дѣйствовать сплеча, совершенно игнорируя и установившіяся привычки, и официальное зна-

ченіе иноязычныхъ терминовъ въ областяхъ „закордонныхъ“, и ихъ распространенность въ географической литературѣ; другіе же полагаютъ, что радикальный переворотъ въ этой области не можетъ быть оправданъ ни теоретическими, ни практическими соображеніями, что очищеніе языка отъ варваризмовъ, накопившихся вѣками, можетъ быть совершено лишь исподволь, и притомъ не лексикографами, а писателями, поэтами, жизнью, если это очищеніе не должно быть искусственнымъ и насильственнымъ вторженіемъ доктринеровъ въ область органическихъ явленій языка. Одни утверждаютъ, что славянская географическая номенклатура должна быть восстановлена на всей той области, на которой нѣкогда существовала хотя бы спорадическимъ образомъ; другіе на оборотъ ограничиваютъ ея законную сферу землями, до нынѣ славянскими—если не въ политическомъ, то хоть въ этнографическомъ смыслѣ, и считаютъ напрасными усилія восстановить въ жизни архивные термины прибалтійскаго, напримѣръ, славянства. Одни желаютъ полного подчиненія инославянскихъ мѣстныхъ терминовъ правиламъ русской фонетики и этимологіи; другіе же считаютъ полную ихъ руссификацію совершенно неумѣстнымъ и несвоевременнымъ усложненіемъ задачи и допускаютъ необходимость, а слѣдовательно, и законность измѣненія въ русской передачѣ лишь тѣхъ славянскихъ звуковъ и формъ, которые совершенно противорѣчатъ условіямъ русскаго выговора или флексивнаго движенія словъ. Одни, наконецъ, настаиваютъ на немедленномъ введеніи славянской номенклатуры „во всѣ учебники, учебные атласы и карты“ (Словарь, XIII); другіе же считаютъ дѣло не вполне еще созрѣвшимъ для пракческаго осуществленія и желали бы постепеннаго введенія въ школу лишь тѣхъ терминовъ, относительно принятія которыхъ не существуетъ болѣе никакихъ пререканій и споровъ въ наукѣ и литературѣ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ г. Головацкій держится самыхъ радикальныхъ въ славяно-русскомъ смыслѣ взглядовъ. Это служитъ доказательствомъ его испытаннаго народолюбія, передъ которымъ нельзя не преклониться; но дѣло въ томъ, осуществима ли уже теперь предлагаемая имъ реформа въ такомъ радикальномъ видѣ и направленіи? Подготовлена ли она нашею географическою литературой, въ которой, до изданія Словаря г. Головацкаго ничего почти не было подручнаго по этой части, кромѣ старой „Славянской народописы“ Шафарика и этнографической карты Славянъ г. Мирковича? Наконецъ, не показалась ли бы Славянамъ западнымъ и южнымъ восстанов-

ленная г. Головацкимъ географическая номенклатура новымъ послѣдательствомъ русскаго языка на право ихъ нарѣчій и говоромъ, вмѣсто предполагаемаго въ ней авторомъ „залога ихъ братства и свободы“ (стр. XXI)?

Вотъ почему мы, отдавая полную справедливость заслугамъ г. Головацкаго въ отдѣлѣ очищенія нашей географической номенклатуры, не можемъ оставить безъ критическаго разбора, а отчасти и опроверженія, тѣ начала, которыми онъ руководился при установленіи нормальныхъ русскихъ терминовъ, вмѣсто употребляемыхъ до нынѣ въ нашей литературѣ иноязычныхъ.

Книга г. Головацкаго состоитъ изъ а) предисловія и б) алфавитнаго перечня до 4000 (по приблизительному разчету) мѣстныхъ терминовъ въ двоякомъ обозначеніи: 1) по нынѣшней номенклатурѣ и 2) по предлагаемой авторомъ. Въ предисловіи мы ожидали бы обозначенія и мотивировки избранныхъ авторомъ критеріевъ при установленіи русско-славянскихъ терминовъ. Къ сожалѣнію, онъ посвятилъ свои вводныя замѣчанія другимъ, менѣе существеннымъ вопросамъ, именно доказательству недостатковъ нынѣшней номенклатуры и необходимости ея замѣны новою, противъ чего нѣтъ принципіи никто и не возражаетъ. Гораздо важнѣе было бы намъ узнать основанія, которыми руководился авторъ при этой замѣнѣ. Не находя ихъ формулировки въ его предисловіи, мы по необходимости должны сами извлечь ихъ изъ текста словаря.

Первый вопросъ, который представляется при опредѣленіи нормальнаго русско-славянскаго термина, заключается въ слѣдующемъ: какимъ славянскимъ говоромъ слѣдуетъ при этомъ руководиться, мѣстнымъ ли (а за его отсутствіемъ ближайшимъ изъ сосѣднихъ), или какимъ-либо инымъ? На стр. XIX предисловія г. Головацкій даетъ хоть косвенный отвѣтъ на это, говоря: „Для большей ясности мы печатаемъ русское названіе мѣстности крупнымъ шрифтомъ, возлѣ него ставимъ терминъ, употребляемый мѣстнымъ или сосѣднимъ населеніемъ“. И эта точка зрѣнія волюнтіи правильна. Мѣстные жители являются самыми авторитетными хранителями созданнаго ихъ отцами или дѣдами, либо унаслѣдованнаго отъ предшественниковъ термина; кто же предпочтетъ этому живому голосу измѣненное отраженіемъ эхо другихъ, хотя бы близкихъ и болѣе культурныхъ народовъ?

Между тѣмъ на дѣлѣ г. Головацкій очень часто предпочитаетъ книжное эхо оригинальному живому звуку. Послѣ термина русскаго

или „нормальнаго“ онъ ставитъ, какъ его ближайшую основу и источникъ, не мѣстное названіе, а чешское или чешско-славянское, хотя бы Чехи не были ни жителями, ни даже сосѣдами обозначаемой мѣстности. Такъ напримѣръ, чешскими ссылками наполнена вся почти Угрія, гдѣ какъ извѣстно существуютъ Словаки, Русскіе, Хорваты, Сербы, Словенцы, даже кое-гдѣ Болгаре, но совершенно нѣтъ Чеховъ, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ десятковъ эмеритовъ изъ баховскихъ чиновниковъ, да нѣсколькихъ сотъ управляющихъ арендаторовъ и чешскихъ служанокъ въ Пресбургѣ и Пештѣ.

Чешскія цитаты наполняютъ въ Словарѣ и русскія жупалин, напримѣръ, Сиинскую (см. Авраамовцы), Шаришскую (Пряшевѣ), Земпенскую (Бабье, Гернадѣ), Ужанскую (Варанинцы, Верипое), Бережанскую (Богеревица, съ 562 русскими, а не чешскими жителями, по словамъ самого автора!), Маримарошскую (Бычково, Борща), и сербохорватскія области: Бачку (Бачка), Банатъ (Бержава), Срѣмъ (Бешенаво), Хорватію (Вѣловарѣ), Боснію (Босна), Сербію (Голубецъ), и земли подальнѣйшихъ Словенцевъ (Словенская Окраина, Бѣлякъ, Триявань), и Семиградье (Бана, Гунядѣ, Дешѣ, Колотварѣ, Сибинѣ), и Италію (Венатки, Яновѣ), и нѣмецкія области Австріи и Германіи (Сольноградъ Salzburg, Мюнхонъ München, Добросоль Halle, Дѣшовъ Dessau, Могучъ Mainz, Моганъ Main, Цахи Aachen, Држдяны Dresden, Буковецъ Lübeck, Поступимъ Potsdam), и Францію (Ремешъ Reims), и Польшу (Глоговъ, Гибѣдно, Частохонъ Czestochowo), и даже Россію (Нѣманъ, Кіевъ!). Положимъ, многія изъ этихъ названій г. Головацкій заимствовалъ—быть можетъ и напрасно—изъ чешскихъ книжныхъ пособій; но какая была надобность подтверждать чешскою цитатою такія названія, какъ Босна, Нѣманъ, Кіевъ? Не значитъ ли это работать въ пользу чешскаго географическаго „глобуса“ и благодарность къ своимъ источникамъ доводить до раболѣпія передъ ними? Подъ перомъ писателя чешскаго желаніе очешить хоть въ книгѣ если не весь міръ, то хоть среднюю Европу, еще можетъ быть понятно, хотя и забавно; но русскому географу въ угоду чешскимъ доктринерамъ передѣлывать Венецію въ Венатки, Геную въ Яновъ, Мюнхонъ въ Мюнхонъ, Ахонъ въ Цахи, Майнцъ въ Могучъ, Реймсъ въ Ремешъ, Дрседонъ въ Држдяны и даже Ченстоховъ въ Частохонъ—это ужъ право смѣшно!

Встрѣчаются у г. Головацкаго, хотя гораздо рѣже чешскихъ, и польскія ссылки въ мѣстностяхъ неподобающихъ, напримѣръ, въ губерніяхъ Черниговской (Глуховъ), Подольской (Бакота), Виленской

(Выстрица), въ Вуковинѣ (Вуковина), Угріи (Дебрецинъ), Чехіи (Шумава). Не извѣстно, какимъ образомъ попала и сербская ссылка при Гало у Солунскаго залива въ Македоніи (стр. 81). По всей вѣроятности, и это возникло изъ благодарности къ сербскимъ источникамъ, значеніе которыхъ, на ряду съ чешскими, нашъ авторъ особенно выдвигаетъ и на стр. VII предисловія („русскіе картографы должны провѣрять свои изданія по славянскимъ, преимущественно чешскимъ и сербскимъ источникамъ“); но вѣдь случайный фактъ не можетъ быть возвышаемъ до значенія руководящаго принципа. Русскій писатель столь же мало имѣетъ поводовъ налагать сербскія клички на мѣстности македонскія, какъ и чешскія на угорскія, хотя бы словацкіи, ибо въ этихъ мелочахъ выражаются очень своеобразныя этнографическія понятія и политическія стремленія писателей сербскихъ и чешскихъ, которымъ мы ни мало не обязаны слѣдовать, а скорѣе всячески отражать ихъ, охраняя тѣмъ законныя права и другія народностей, какъ напримѣръ, болгарской въ Македоніи и русской и словацкой въ Угріи.

Ограничивъ права чешскихъ и сербскихъ пособій въ пользу первоисточниковъ географическихъ терминовъ, мы не разрѣшимъ однако всѣхъ затрудненій, возникающихъ при установленіи нормальнаго русскаго названія. Мы будемъ, пожалуй, строго держаться въ принципѣ современной чешской номенклатуры для областей чешско-моравскихъ, польской для польскихъ, сербской для сербскихъ и т. д.; но на дѣлѣ это выполнимо лишь до извѣстной степени. Въ нарѣчіяхъ чешскомъ, сербскомъ, польскомъ и т. д. мы натолкнемся при этомъ и на такіе звуки, которые совершенно чужды русскому языку и потому отчасти неуловимы для слуха, отчасти же недоступны для выговора, какъ напримѣръ, гласные (сонанты) ř , ř , чешскій шепелявый дифтонгъ ř (рж, рш), сербскіе мягкіе дифтонги đ и h (дж, ч), средніе по твердости согласные сербскаго и чешскаго нарѣчій, польскіе dź , ś , болгарскіе и словянскіе глухіе гласные звуки и т. п. Очевидно, что географъ не можетъ претендовать на утверженіе въ русской литературѣ названій, заключающихъ въ себѣ звуки неудобопроизносимые для русскаго человѣка или и совсѣмъ не артикулируемые для его органовъ. Тутъ по неволѣ приходится прибѣгнуть къ той же системѣ приворочленія чужихъ звуковъ къ условіямъ русскаго выговора, которая искони и повсемѣстно примѣняется Русскимъ народомъ къ заимствованнымъ словамъ, по свидѣтельству историческихъ, памятниковъ, и современныхъ говоровъ. Руссификація инославянскихъ терминовъ

въ этомъ отношеніи является не только законною, но и неизбѣжною, подобно невольной чехизаціи терминовъ русскихъ Чехами, полонизаціи Поляками и т. п. Вотъ почему мы вполне одобряемъ тотъ приемъ г. Головацкаго, по которому чешскіе термины Vltava, Vitava превращаются въ Берно, Волтава, серб. Врза въ Борзая, Мркополь въ Меркополь и т. п. Тутъ можно спорить не о необходимости видоизмѣненія чуждыхъ русскому языку сонантовъ Р, Д, а развѣ о способахъ ихъ передачи. Можно, напримѣръ, думать, что начертанія: Коркъ, Корка, Корконоши, Хорсово и т. п. лучше передаютъ въ русскомъ инославянскіе термины: Кгк, Кгка, Кгконоше, Хърсово, чѣмъ придуманныя г. Головацкимъ формы: Керкъ, Берка, Карконоши, Хирсово, не имѣющія даже преимуществъ послѣдовательности въ отношеніи ни другъ къ другу, ни къ аналогичнымъ терминамъ: Корчимъ, Корчула, Ползень, Хорватъ и т. п. Но эти частности нисколько не колеблютъ самаго принципа: приспособленія къ русской фонетикѣ тѣхъ звуковъ, которые ей чужды.

Столь же законны, по нашему мнѣнію, тѣ отступленія отъ инославянскихъ терминовъ, которые обусловлены особенностями русскихъ флексій, въ сравненіи съ системою склоненій другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ напримѣръ, сербскіе термины: Іадар, Задар, Ибар, отмечающіе конечное А въ падежахъ косвенныхъ (Іадра, Задра, Ибру, Іадру, Задру, Ибру и т. д.), очевидно, должны быть въ русскомъ видоизмѣнены въ Ядеръ, Задеръ, Иберъ или, пожалуй, въ Ядръ, Задръ, Ибръ, чтобы получить въ косвенныхъ падежахъ формы, согласныя съ сербскими, то-есть, Ядра, Задра, Ибра, а не Ядара, Задада, Ибара, что было бы неизбѣжно при оставленіи А въ имен. п. ед. числа. Г. Головацкій вполне оцѣнилъ значеніе этого отношенія склоненій сербскихъ къ русскимъ и пишетъ обыкновенно: Ядеръ, Задеръ, но по неизвѣстной причинѣ—Ибаръ, Градацацъ, а кое-гдѣ и Задар (стр. 2), Јадаръ (стр. 60) и т. п.; по всей вѣроятности, эти отступленія отъ принятаго правила произошли отъ недосмотра.

Съ тою же цѣлью согласованія флексій сербскихъ съ русскими г. Головацкій „обрусилъ“ окончанія такихъ терминовъ, какъ Красный Дворъ, Бѣлая Церковь, Червоная Вежа, оставивъ однако по недосмотру и противорѣчащія имъ формы: Бѣла Вода, Бѣла Тиса, Красна Гора, Червона Вода, Сяно Море (стр. 2) и т. п. Въ русскомъ языкѣ усѣченныя прилагательныя употребляются лишь въ имен. пад. въ значеніи предиката, а не атрибута, вслѣдствіе чего имена: Бѣла, Красна, Червона могутъ склоняться у насъ въ падежахъ

восвѣщенныхъ развѣ какъ существуютъ жевск. рода, чему противорѣчатъ однако ихъ значеніе, употребленіе, а отчасти и выговоръ (въ сербск. и чешск. флексивный гласный въ прилагательныхъ имѣеть долготу, которой онъ лишенъ въ существительныхъ). Этимъ неудобствомъ объясняется происхожденіе у насъ такихъ формъ, какъ Вѣграда (им. Бѣла Града), Царьграда (им. Царя Града), Новгорода (им. Нова Города) и т. п.

Изъ вниманія къ первоисточникамъ слѣдовало бы сохранять и въ русской передачѣ мягкое окончаніе такихъ словъ, какъ Венгрь (пол. Wiergz), Вольборъ (Wolborz), Бытомъ (Bytom), гдѣ г. Головацкій безъ нужды пишетъ въ концѣ Ъ.

Допуская вмѣстѣ съ г. Головацкимъ отступленія отъ подлинныхъ славянскихъ терминовъ въ двухъ означенныхъ случаяхъ: 1) при неизмѣнн въ русскомъ измѣкѣ соотвѣтственнаго звука, и 2) для согласованія внославянскихъ флексій съ русскими, мы расходимся съ авторомъ во взглядѣ на тѣ многочисленныя названія, въ составѣ которыхъ имѣть звуковъ, не приносящихъ для Русскаго, а развѣ звукосочетаній мѣнѣе въ немъ обычныя и любимыя, чѣмъ въ томъ или другомъ изъ внославянскихъ нарѣчій. Г. Головацкій считаетъ, напримѣръ, нужнымъ подчинять правиламъ русскаго полногласія не только мѣстные термины русской области (напримѣръ, Новогородокъ, Городна, Берестье, Володава им. оноличенныхъ Новогрудокъ, Гродно, Брестъ, Влодава), что вполне правильно и законно, но и за предѣлами ея, на этнографическомъ полѣ польскомъ (см. Березиня, Бересце Куявское, Бѣлоберечи, Ворона, Головачевъ), поморскомъ (Королевецъ, Золоторыя), лужицкомъ (Болота, Городокъ), чехо-моравскомъ (Березно, Вороное, Гороховъ, Жолобы), словацкомъ (Березова, Воробье), сербскомъ (Баня, Березова) и т. п. Нерѣдко, впрочемъ, мы встрѣчаемъ въ Словарѣ и противорѣчація имъ начертанія: Блатно, Браниборско, Брегъ, Врана, Градаць, Грахово и т. п., гдѣ авторъ сдѣлалъ уступку мѣстнымъ говорамъ. Въ оправданіе этой своей непослѣдовательности г. Головацкій не можетъ сослаться на прозрачность состава названій первой категорій и непрозрачность — второй, ибо и въ послѣдней мы встрѣчаемъ корни, хорошо знакомые русскому языку въ полногласной формѣ.

Избѣгать такихъ славянскихъ названій, какъ Блато, Врана, Грудокъ и т. п. мы тѣмъ менѣе имѣемъ поводовъ, что и русскому языку довольно знакомы стяженные формы полногласныхъ корней, напримѣръ, благо, влага, срамъ, прахъ, сладкій, краткій, средній, предъ,

чрезъ и т. п. Не представляетъ никакихъ затрудненій для русскаго произношенія и польско-лужицкій способъ выговора такихъ словъ, какъ напимѣръ, Блото, Врона, Гловно, Иновлодь, почему и не встрѣчается никакой надобности передѣлывать ихъ уже теперь въ Болото, Ворона, Головно или Главно (стр. 77), Иновладъ (стр. 130), какъ дѣлаетъ нашъ авторъ. Положимъ, въ отдаленномъ будущемъ еще можно предусматривать столь радикальное обрусѣніе по крайности тѣхъ названій, которыя будутъ входить въ русскую государственную область; но въ настоящее время подобныя попытки не могутъ имѣть никакого успѣха.

Столь же неуспѣшнымъ или по крайней мѣрѣ очень преждевременнымъ представляется намъ уничтоженіе ринезма въ польскихъ мѣстныхъ терминахъ не только нашей государственной области, но и „закордонныхъ“ земель. Г. Головацкій пишетъ, напимѣръ, Зубровъ вм. ломжинскаго *Ząbraw*, Лядокъ вм. варшавскаго *Łądek*, Луцица вм. вартавскаго *Łęczysa*, Ратавъ вм. плоцкаго *Raciąż*, Супольно вм. калишскаго *Sąpolno*, Будинъ вм. петровскаго *Będzin*, Бодатинъ вм. келецкаго *Bodziecin*, Зубица вм. силезскаго *Zębica*, Выбережно вм. прусскаго *Wąbrzuzno*, хотя нрѣдка и отступаетъ отъ этого правила, напимѣръ, въ терминахъ: Гомбинъ вм. прусскаго *Gąbin*, Дрѣвенца вм. *Długos* и т. п. Къ числу аналогичныхъ отступленій отъ правилъ о ринезмѣ относится и Янтра вм. болгарской *Jetra* (стр. 369). Если возможны въ русскомъ языкѣ начертанія: Гомбинъ, Дрѣвенца, Янтра, то почему слѣдуетъ устранять и совершенно аналогичныя имъ: Замбровъ, Сомпольно, Лѣндекъ и т. п.?

То же слѣдуетъ сказать и о передѣлкѣ г. Головацкимъ угро-русской рѣки Унгъ въ Угъ или даже въ Ужъ (стр. 328), при чемъ однако авторъ допускаетъ названіе города Унгоградъ (ib.), рядомъ съ болѣе извѣстнымъ въ книгахъ Ужгородомъ.

Не представляется пока особенной надобности и въ замѣнѣ польскихъ дифтонговъ *dź*, *ć* въ согласные *d*, *t*, какъ это дѣлаетъ г. Головацкій въ начертаніяхъ: Дялдово вм. прусскаго *Działdowo*, Лодъ вм. *Lodz*, Хотины вм. *Chęciny* и т. п. Кое-гдѣ онъ сбивается однако въ аналогичныхъ случаяхъ и на польскій выговоръ, напимѣръ, пишетъ Сѣразъ или Сиразъ (стр. 309) вм. польскаго *Sieradz*, гдѣ *ż*, конечно, ближе къ польскому *dź*, чѣмъ къ русскому *d*.

По той же причинѣ нельзя согласиться съ авторомъ Словаря въ необходимости замѣнять инославянскій дифтонгъ шт въ русск. щ, передѣлывая напимѣръ чешск. *Ještěd* въ Ещедъ, чешск. *Štěken* въ

Щекель, болг. Панагюриште въ Панагюрище, болг. Копривщица въ Копривщица, болг.-румунск. Пловшти, Питѣшти, Търговиште въ Пловещи, Питѣщи, Торговище, оставляя однако безъ измѣненія Штингъ въ Македоніи и Вукарештъ въ Валахїи (см. карту).

Во многихъ случаяхъ г. Головацкій при измѣненіи мѣстнаго термина руководится, очевидно, желаніемъ приспособить ихъ къ русской этимологіи. На этомъ основаніи передѣлалъ онъ: чешск. Utery во Вторникъ, чешск. Vejperť въ Выпертій, чешск. Říp въ Грибъ, моравск. Kříteny въ Крестини, польск. Inowrocławъ въ Иновладиславъ, польск. Mstowъ въ Мостовъ, польск. Kałuszynъ въ Калужинъ, хорут. Labodovecъ въ Лебелевецъ и т. п. Положимъ, русскому языку, какъ и всѣмъ прочимъ, свойственно стремленіе припоровлять непонятныя по составу иноязычныя или затемненныя временемъ свои собственныя слова къ другимъ смежнымъ по звукамъ или значенію корнямъ и словамъ, измѣняя, напримѣръ, для этой цѣли *καράδοβος* въ породу, *communicatio* въ комканье, *rosalia* въ русальи, русалки, *executor* въ сѣкурторъ и т. п.; но имѣетъ ли право и ученый географъ увлекаться этимъ народнымъ стремленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ аррадикаціи или въ болѣе широкомъ смыслѣ *Volksetymologie*, это еще вопросъ, допускающій и отрицательный отвѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, при изученіи географическихъ терминовъ нельзя упускать совершенно изъ виду и практическое ихъ примѣненіе. Языкъ есть не одно громкое размышленіе, но и средство для общаго мыслей съ другими. Усвоивъ себѣ сотни мѣстныхъ терминовъ, то есть, словъ, мало или совсѣмъ непонятныхъ другимъ, мы накапливаемъ въ головѣ балластъ, лишенный практическаго примѣненія. Такъ напримѣръ, прибывъ въ Чехію, съ цѣлью посѣтить мѣстечко Utery, сумѣемъ ли мы отыскать его, зная изъ книгъ лишь подъ названіемъ Вторника? Найдемъ ли мы на картѣ, положимъ, почтовой или желѣзнодорожной западной Европы города, съ легкой руки Чеховъ окрещенные г. Головацкімъ именами: Могучъ (Mainz), Цахи (Aachen), Яновъ (Genoa), Беатки (Venezia) и т. п. И по будеть ли намъ стоить тяжелаго напряженія и мысли, и воли, если мы пожелаемъ перенести на выдуманное болгарскими или цыгарами пастухами слово Лаха всѣ тѣ представленія и образы, которые невольно ассоцируются въ головѣ каждого изъ насъ съ классическимъ Олимпомъ?

Разсмотрѣвъ общія основанія, которыми руководился г. Головацкій при установленіи славяно-русской географической номенклатуры,

перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ и поправкамъ.

Хотя г. Головацкій ограничилъ свою задачу перечнемъ названій болѣе значительныхъ населенныхъ мѣстъ западнаго и южнаго славянства, однако кое-гдѣ онъ касается и названій горъ и рѣкъ. При этомъ обнаруживается, что оро- и гидрографическая часть славянской географіи менѣе знакома нашему автору, чѣмъ часть статистическо-топографическая.

Такъ напримѣръ, авторъ имѣетъ очень неопредѣленное понятіе о Бескидахъ, которые ошибочно пишетъ Безкиды, производя (стр. 13) отъ безъ и киды (?). Разъ онъ смѣшиваетъ Бескиды съ Татарами, говоря на стр. 8, будто „Бабыя гора находится въ Татрахъ съ сѣверной стороны“, и что она вмѣстѣ съ тѣмъ „высочайшая изъ всѣхъ горъ такъ-называемыхъ Бескидовъ“; въ другомъ же мѣстѣ (стр. 12—13) онъ говоритъ, будто у народа въ Моравіи и Галиціи Бескидомъ называется всякій верхъ или хребетъ, не поросшій лѣсомъ“, при чемъ авторъ очевидно смѣшалъ термины: Бескиды и Полонини; вслѣдъ затѣмъ онъ обозначаетъ, согласно съ „географами“, словомъ Бескиды двѣ горныя цѣпи: одну—, между Моравіей, Угорщиной и Галиціей, отъ Мыявы до Новоторжской долины на сѣв. Татровъ“, и другую—, отъ рѣки Попрада до верховья рѣки Сяна“. „Географы“ въ этомъ отношеніи гораздо вѣрнѣе передаютъ смыслъ термина Бескиды въ подкарпатскомъ населеніи, чѣмъ нашъ авторъ. Если же г. Головацкій обратилъ вниманіе на характеръ тѣхъ двухъ цѣпей: 1) къ западу и 2) къ востоку отъ Татръ, которыя и на его картѣ наименованы Бескидами, то онъ убѣдился бы, что это и не „безлѣсные хребты“, и не Татры, но на оборотъ лѣсистыя части главной водораздѣльной карпатской дуги между системами Балтійскаго и Чернаго морей. Рѣже относится этотъ терминъ къ той или другой цѣпи, сопровождающей съ сѣверной либо съ южной сторонъ срединный водораздѣльный хребтъ. Въ виду такого значенія слова Бескиды невольно является вопросъ: не въ родствѣ ли это слово съ нѣмецкимъ bescheiden, въ смыслѣ раздѣлять воды различныхъ системъ? Мы не рѣшаемся безъ дальнѣйшихъ справокъ настаивать на этомъ словопроизводствѣ; но убѣждены, что предлагаемое г. Головацкимъ объясненіе (безъ—киды) совершенно неудовлетворительно, тѣмъ болѣе, что польскіе подгорцы зовутъ Бескиды Bieszczad.

Столь же неправильно понимаетъ г. Головацкій и болгарскій

орографическій терминъ Старая Планина, который означаетъ не пограничную сербо-болгарскую цѣпь Ходжа-Балканъ, какъ думаетъ нашъ авторъ, а древній Гемусъ или по картѣ „Великій Балканъ“, отдѣляющій воды нижняго Дуная отъ Марицы. Напрасно нашъ авторъ считаетъ слово Балканъ болгарскимъ, яко бы соответствующимъ турецкому Бульдукъ: оба эти слова татарскаго происхожденія, какъ можно убѣдиться по любой орографической картѣ закаспійской Азій.

Не совсѣмъ точно обозначаетъ г. Головацкій въ Словарѣ и расположеніе горъ Велебитскихъ, которыя лежатъ де въ Далмаціи (стр. 49) и вмѣстѣ съ тѣмъ тянутся по границѣ Хорватско-Далматинской къ юго-востоку (ib.). Если „тянутся по границѣ“, значитъ, не лежатъ „въ Далмаціи“.

Не вѣрно представляетъ себѣ авторъ теченіе западнаго Буга: онъ не впадаетъ непосредственно въ Вислу, какъ читаемъ мы на стр. 34, и не принимаетъ въ себя р. Нарова, а на оборотъ вливается въ послѣдній и уже черезъ него въ Вислу.

Рѣку Бадрогъ въ восточной Угріи, впадающую въ Тису близъ города Токаля, г. Головацкій совершенно напрасно перекрестилъ въ Бодрочку, ссылаясь на какой-то сомнительный чехо-словацкій терминъ, который можетъ принадлежать развѣ одному изъ побочных рукавовъ этой мелководной рѣки.

Столь же неосновательно переименовалъ онъ на картѣ въ Яселку довольно извѣстную рѣку Лаборацъ, принимающую въ себя незначительный притокъ Яселку.

Выше замѣчено уже, что и р. Угъ или Ужъ въ Ужанской жупаніи называется въ сущности Унгомъ, и лишь ея притокъ зовется Ужокъ, что вѣроятно, и навело нашего автора на искаженіе этого термина и въ Словарѣ, и на картѣ.

Слово „Болгарія“ г. Головацкій понимаетъ иной разъ въ границахъ Сантъ-Стефанскаго договора, со включеніемъ въ нее и Македоніи (стр. 49, 51, *ibid.*), иной же разъ въ смыслѣ двухъ лишь подбалканскихъ областей: княжества Болгаріи и Восточной Румелии (стр. 26), при чемъ въ такой Болгаріи оказывается по автору, до 7 мил. жителей, изъ коихъ яко бы 5 мил. православнаго вѣроисповѣданія, тогда какъ въ дѣйствительности общее число жителей названныхъ двухъ провинцій не достигаетъ и 4 миліоновъ. Да и всѣхъ-то Болгаръ на свѣтѣ православныхъ, мусульманъ, католи-

ковъ едва ли наберется 5 милл., со включеніемъ сюда и румынскихъ, и южно-русскихъ, и сербо-венгерскихъ Болгаръ.

Напрасно причисляетъ г. Головацкій на стр. 296 столь рѣшительно Сотаконъ Земненской и Шаришской жупаній къ Словакамъ. Правда, такъ думалъ Шафарикъ и его западные послѣдователи; это составляетъ въ настоящее время и одинъ изъ догматовъ угорской официальной статистики, въ которой пуще всего боятся допускать существованіе за Карпатами Русскихъ людей; но такая тенденція словацкихъ и мадьярскихъ этнографовъ и статистиковъ нисколько не обязательна для писателя русскаго, которому нѣтъ никакой надобности уменьшать число своихъ соплеменниковъ въ Угріи на счетъ хотя бы и Словаковъ, когда и исторія, и вѣронсповѣданіе, и діалектологія свидѣлствуютъ въ пользу русскаго происхожденія и характера этихъ Сотаконъ, не смотря на всѣ усилія омадьярить или хоти ослочачить ихъ со стороны мѣстной администраціи и интеллигенціи.

Статистическія цифры населенности разныхъ областей, городовъ и посадовъ въ словарѣ г. Головацкаго заимствованы большею частью изъ очень старыхъ источниковъ, почему въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Кто повѣритъ г. Головацкому что въ Лодзи находится теперь не болѣе 34,325 жителей, а в Львовѣ 87,159? Да и не осторожнѣе ли было бы приводить данныя о населеніи въ цифрахъ нѣсколько округленныхъ?

Старыми источниками объясняются и разные историческія анахронизмы въ Словарѣ, въ родѣ, напримѣръ, мнимаго запрещенія Евреямъ жить въ городахъ Вадовицы (стр. 43) и Вилямовцы (стр. 57) находящихся въ совершенно опалестинѣвшейся уже Галичинѣ. Скорѣе мы признали бы истину замѣчательной описки на стр. 60, по которой въ городѣ Владиславовѣ имѣются 6803 жителя, изъ коихъ 9993 Евре.

Думаемъ, что къ историческимъ анахронизмамъ слѣдуетъ отнести и увѣреніе г. Головацкаго, будто „въ церкви Цетинскаго монастыря въ Черногоріи хранится до сихъ поръ голова убитаго въ 1785 г. визиря Кара-Махмута (стр. 35).

Вообще можно замѣтить, что историческія глоссы автора изъ разныхъ мѣстныхъ терминахъ отличаются большею случайностью, подчасъ и ошибочностью. Къ чему могутъ пригодиться, напримѣръ географу такія лѣтописныя цитаты, какъ приведенная на стр. 1 относительно ниже-австрійскаго города Лавы: „Въ 1260 г. по м. Лавой былъ пораженъ Чехами Угорскій король Вела, которо помогаль своимъ войскомъ Галицкій князь Даниль. Нѣмцы уди

лялись стройности русскихъ полковъ и пышности князя въ богатой одеждѣ, пришедшему (—шаго?) въ ней по русскому обычаю отцовъ своихъ”.

Умѣстно ли въ перечень топографическихъ названій вставлять и археологическія гипотезы, въ родѣ происхожденія Ятвяговъ отъ Ясовъ, на стр. 371?

На стр. 250 г. Головацкій называетъ городъ Призрѣвъ „прежнюю столицю Сербскихъ царей, съ 1376 по 1406 г.“, тогда какъ на стр. 256 онъ самъ называетъ Лазаря († 1389) „последнимъ сербскимъ“ (независимымъ?) „государемъ“. Если послѣ 1389 г. не было въ Сербіи не только царей (последнимъ былъ Урошь, убитый Вукатиномъ), но даже „государей“, то какъ же могъ служить ихъ столицю Призрѣвъ вплоть до 1406 г.?

Невѣрно утверждаетъ нашъ авторъ на стр. 56, будто подѣ Валагошемъ Гертей сдался въ 1349 г. князю Паскевичу слѣдовало сказать: генералу Ридигеру.

На стр. 11 г. Головацкій говоритъ, будто албапскій городъ Баръ (Antivari) возвращенъ былъ въ 1877 г. Черногорцами Туркамъ: на дѣлѣ этого не случилось, какъ показываетъ и карта нашего автора.

Трудно согласиться и съ тѣмъ историческимъ положеніемъ, которое формулировано г. Головацкимъ на стр. III предисловія въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что до покоренія Славянъ другими народами во всѣхъ Славянами заселенныхъ земляхъ господствовали исключительно славянскія названія областей, рѣкъ, горъ, городовъ, селеній, которыя были въ употребленіи у всѣхъ славянскихъ племенъ“. Вѣдь Славяне не были автохтонами или первыми поселенцами въ западной и южной Европѣ. Они заняли на разсвѣтѣ своей исторіи много областей, обитаемыхъ дотолѣ племенами финскими, литовскими, германскими, кельтскими, романскими, илиро-оракійскими, греческими: почему же не могли они усвоить себѣ при заселеніи отъ предшественниковъ того или другаго ихъ топографическаго либо этнографическаго термина, хотя бы и съ постепеннымъ приуроченіемъ его къ законамъ своего языка? Мы положительно знаемъ это о многихъ древнихъ городахъ далматинскихъ, илирскихъ, паннонскихъ, дакійскихъ, оракійскихъ, македонскихъ. Аналогичное можемъ предполагать и о Славянахъ прибалтійскихъ, полабскихъ, привислипскихъ, придиѣпровскихъ и т. д., ибо распространеніе Славянъ въ Европѣ имѣло обыкновенно характеръ не какого-нибудь гуинскаго или монгольскаго наводненія, смылавшаго всѣ слѣды прежней

жизни и культуры, а на оборотъ — медленной колонизаціи, шагъ за шагомъ просачивавшей инородческую почву и постепенно ассимилировавшей себѣ прежнее население, съ его, между прочимъ, топографическими терминами. Вотъ почему этимологія этихъ терминовъ труднѣе, чѣмъ словъ нарицательныхъ. Нерѣдко мы не можемъ тутъ различить названій искони славянскихъ отъ ославяненныхъ иноземныхъ терминовъ. Такъ, на примѣръ, не имѣли ли мы права производить Вѣденъ (чешск. Videa польск. Wiedeń) отъ корня вѣд, если бы намъ не извѣстно было старо-римское названіе того же города Vindobona? Впрочемъ, г. Головацкій принимаетъ иной разъ во вниманіе это обстоятельство, на примѣръ, при объясненіи слова Бойко кельтійскими Боями, а Сатаки—древними Сатагами. Слѣдовало бы возможность такихъ усложненій помнить и при объясненіи многихъ другихъ терминовъ. Тогда, быть можетъ, не сталъ бы авторъ столь легко измѣнять сербск. Раваницы въ Равеницу отъ равенъ, польск. Mstaw въ Мостовъ отъ мость и т. п.).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ отиѣтити нѣкоторые орфографическіе недосмотры и промахи г. Головацкаго при транскрипціи инославянскихъ терминовъ.

Въ употребленіи буквы ѣ г. Головацкій держится вообще здравыхъ этимологическихъ началъ, но кое-гдѣ отступаетъ отъ нихъ безъ всякихъ поводовъ. Такъ, на примѣръ, онъ пишетъ иной разъ Сплить вм. Сплѣтъ (стр. 58), забывая, что И въ хорватскихъ икающіихъ говорахъ, какъ и въ нашихъ малорусскихъ, постоянно чередуется съ этимологическимъ ѣ, и что ина Сплить, для послѣдовательности нужно бы писать и Рика вм. Рѣка, Хливно вм. Хлѣвно, Осикъ вм. Осѣкъ, Билградъ вм. Бѣлградъ и т. п. По той же причинѣ неправильно написано Дулибы (стр. 108) вм. Дулѣбы, Собѣхлебы (стр. 293) вм. Собѣхлѣбы. Безъ надобности же стоитъ ѣ вм. е въ словахъ: Сѣнь (стр. 309), Ъжовъ (!!!, стр. 361), Згѣрь (стр. 123) и т. п.

Ошибочно написано ж вм. ш въ словахъ: Спизъ, Спизскій (стр. 40, 71, 75, 76), вм. Спишь, Спизскій (какъ на стр. 297). То же должно сказать о Безкидѣ вм. Бескидъ, ибо, во первыхъ, производство отъ безъ тутъ крайне сомнительно, и во вторыхъ, з передъ к по необходимости звучитъ какъ с во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Напрасно переименовалъ авторъ Гуцуловъ въ Хоцуловъ: такое названіе неизвѣстно народу и возникло развѣ отъ недостатковъ нѣмецкаго выговора.

Далматинская р. Зерманна неправильно называется въ словарѣ Церманна (стр. 349): вѣрнѣе написано это слово на картѣ.

Изъ трехъ параллельныхъ формъ для названія угорской жупаніи: Шимигійская (стр. 353, 358), Шимекская (стр. 356) и Шомадская (стр. 358) самою употребительною у сосѣднихъ Славянъ является послѣдняя. Напрасно потому Чехи, а за ними напѣ авторъ, отдають предпочтеніе формѣ—Шимекская.

Замѣчательно, что г. Головацкій чисто русскія формы: Волохъ, волошскій считаетъ польскими: послѣднія звучали бы *Włoch*, *Włoski*, какъ чешскія и сербскія—Влахъ, влашскій, по извѣстнымъ правиламъ нославянской вокализациі русскихъ полногласныхъ формъ.

Приложенная къ словарю карта составлена очень добросовѣстно и внимательно, по системѣ Словари. Все спорное въ немъ находится и въ ней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поправокъ, въ родѣ Варъ въ Черногоріи, Зерманна въ Далмаціи, Сплѣтъ тамъ же и т. п., о чемъ упомянуто выше.

Замѣтимъ кстати, что Косово поле на картѣ простирается въ Македонію до р. Вардара: на дѣлѣ оно лежитъ на р. Ситницѣ въ системѣ Дуная.

Прерывая на этомъ свои замѣчанія на полезную и важную книгу г. Головацакаго, мы позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы она поскорѣ разошлась въ читающемъ русскомъ обществѣ, и чтобы при новомъ ея изданіи авторъ увеличилъ число мѣстныхъ, особенно оро- и гидрографическихъ терминовъ, устранивъ въ замѣнъ того излишній историческій и статистическій балластъ и нѣсколько ограничивъ размѣры руссификаціи нославянскихъ названій.

Авт. Будиловичъ.

Два сочиненія о жизни и трудахъ І. Добровскаго.

Zivot Josefa Dobrovského. Spisal V. Brandl. V Brně. 1883.

Іосифъ Добровскій. Опытъ подробной монографіи по исторіи славяновѣдѣнія *Ивана Сметирева*. Диссертациа на степень магистра славянской эпидологии. Казань. 1884.

Почти одновременное появленіе этихъ изслѣдованій на двухъ противоположныхъ краяхъ славянскаго міра можетъ уже указать, какое значеніе имѣеть личность и время Добровскаго, какъ въ такъ-

называемой славистикѣ, такъ и въ исторіи воскрешенія славянскихъ народностей.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ трудовъ чешскаго и русскаго ученаго, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на томъ фактѣ, что въ послѣднее время появляется все болѣе и болѣе трудовъ и у насъ, и у западныхъ, и у южныхъ Славянъ, имѣющихъ задачей освѣтить или эпоху національнаго и литературнаго возрожденія славянскихъ народностей или жизнь дѣятелей этого времени. И дѣйствительно, именно теперь всего естественнѣе ожидать появленія трудовъ этого рода по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, матеріалы, сохранившіеся отъ времени начала славянскаго возрожденія, постепенно появляются въ печати, а въ музеи и библіотеки поступаютъ различнаго рода переписка, документы, всякія письма, сохранившіяся отъ того времени, мемуары, не оконченные или не напечатанные труды и т. д., и все это постепенно переходитъ въ распоряженіе изслѣдователей; во вторыхъ, еще живы тѣ младшіе дѣятели славянскаго возрожденія, которые еще помнятъ отцовъ и начатниковъ его и стараются сберечь для потомства свои воспоминанія о старыхъ дѣятеляхъ и о своемъ времени; въ третьихъ, съ того времени, какъ началось пробужденіе славянства, прошло около ста лѣтъ, и изслѣдователю можно говорить *sine ira et studio* о дѣяніяхъ того времени. Эта эпоха уже не ослѣпляетъ своею близостью, не отнимаетъ возможности относиться къ ней критически и произнести спокойно судъ исторіи надъ тѣмъ или другимъ изъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ то трудное, но и полное самыхъ романтическихъ надеждъ время славянской жизни. Слависты словно чувствуютъ, что пора приниматься за подведеніе итоговъ сдѣланнаго, что романтическая пора славянскаго возрожденія миновала, что въ жизни Славянъ наступаетъ эпоха самостоятельнаго дѣланія, и потому труды, подобные вышеуказаннымъ, какъ бы подводятъ итоги всему, что было до сихъ поръ сдѣлано.

Въ данное время почти нельзя указать славянскій журналъ, гдѣ не печаталась бы переписка какихъ-нибудь знаменитыхъ дѣятелей недавняго прошедшаго Славянъ, или не оцѣнивалась бы дѣятельность того или другаго писателя и ученаго, будителя національнаго самосознанія. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Часописѣ Чешскаго музея, начиная съ 1870 г., когда появилась переписка Добровскаго съ Ганкой, и съ 1871 г., когда напечатаны записки Юнгманна, почти непрерывно тянется печатаніе чьей-нибудь переписки, имѣю-

щей значеніе для исторіи чешскаго возрожденія. Такъ въ 1871 и 1872 г. въ Часописѣ напечатана переписка Челяковскаго съ Вацлавомъ Станькомъ, въ 1873 и 1874 г. письма Шафарика къ Коллару, въ 1880 г. письма Юнгманна къ Коллару, въ 1881 г. письма Доминика Кипскаго къ Ганкѣ, въ 1881, 1882 и 1883 г. и изъ первымъ выпускѣ Часописа за 1884 г. письма Юнгманна къ извѣстному дѣятелю и патриоту священнику Антонину Марку, умершему въ началѣ 1877 г., другу Добровскаго и Юнгманна. Въ Люблинѣ неутомимый священникъ-патріотъ Іосифъ Маркъ почти ежегодно даетъ выпускъ своего Izcіsnika, въ которомъ сообщаетъ много свѣдѣній о различныхъ писателяхъ и народныхъ дѣятеляхъ словенскаго народа, даетъ ихъ біографіи, опредѣляетъ значеніе тѣхъ или другихъ дѣятелей, сообщаетъ много бібліографическихъ указаній и т. д. Журналъ Kres, выходящій въ Цѣловцѣ (Klagenfurt), въ прошломъ году печаталъ статьи Шейнигера подъ заглавіемъ „Iagnikova zarušcina“, въ которыхъ встрѣчается много выписокъ и писемъ, имѣющихъ историко-литературный интересъ. Дѣятельность Ярника относится къ первой половинѣ текущаго столѣтія (+1844). Тутъ же была помѣщена статья о Станкѣ Вразѣ и нѣкоторые его письма. Даже въ такихъ небольшихъ выпискахъ популярнаго изданія, какъ чешскій Slovanský Sborník, появились нѣкоторые письма Коллара, Ганки, Пуркина, имѣющія историческій интересъ. Письма въ Погодину, издавшаго Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей подъ редакціей профессора Н. А. Попова, составляютъ весьма цѣнный матеріалъ для изучающаго время литературнаго возрожденія Славянъ. Мы не станемъ дѣлать здѣсь указаній на русскія изданія и русскіе журналы, въ которыхъ появляющіеся матеріалы изъ недавняго прошлаго славянства болѣе или менѣе извѣстны и легко доступны всѣмъ русскимъ славистамъ.

Рядомъ съ печатаніемъ этихъ матеріаловъ идутъ и цѣльныя изслѣдованія въ видѣ монографій о писателяхъ, біографій, очерковъ и т. д. Такъ напримѣръ, Letopis Matice slovenske за 1880 г. принесла хорошій біографическій очеркъ Антона Мурко (1809—1871); г. Іосифъ Маркъ издалъ въ 1881 г. книгу: „Koritarjeva spomenica“; въ Летописѣ матицы сербской часто появляются біографическіе очерки тѣхъ или другихъ лицъ изъ числа выдающихся дѣятелей эпохи сербскаго возрожденія; въ словацкомъ журналѣ Slovenske Pohľady четвертый годъ тянется подробная біографія Людовита Штура, нанасанная Іосифомъ-Мирославомъ Гурбаномъ, и т. д.

Стали появляться въ послѣднее время и особыя изслѣдованія по

отдѣльными вопросамъ, относящимся ко времени возрожденія Славянъ. Таковы, наприимѣръ, исторіи матиць. Въ 1881 г. вышли въ Прагѣ „Dejiny Matice ceske“, составленныя Карломъ Тифтрукномъ, а Антонъ Хаджичъ напечаталъ исторію Сербской матицы въ новосадскомъ сербскомъ Летописѣ.

Это замѣтное стремленіе въ литературахъ славянскихъ подвести итоги недавнему прошлому и обозначить яснѣе стадіи развитія въ изученіи Славянъ Славянами же, а также стадіи и пути славянскаго возрожденія, достаточно объясняетъ причины появленія такихъ трудовъ, какъ тѣ, о которыхъ мы намѣренны говорить въ нашей статьѣ. Можно сказать, что труды, подобные тѣмъ, которые дали гг. Брандль и Спегиревъ славянской литературѣ, являются и необходимою въ данное время. Вышедши изъ положенія, когда отрицались права на сохраненіе своей національности, славянскія народности теперь заняты борьбою за свои политическія права, и ихъ передовые дѣятели путемъ политическихъ компромиссовъ, уступокъ, соглашеній надѣются въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ добыть лучшія условія существованія для своей народности. Но эта политическая борьба поглощаетъ силы лучшихъ людей въ славянскомъ мірѣ: являются политическія партіи, иногда проникнутыя взаимною ненавистью въ большей степени, чѣмъ это можетъ быть оправдано. Оглядка на первыхъ дѣятелей, подавшихъ толчокъ возрожденію той или другой славянской народности, исторія ихъ жизни и дѣятельности, опредѣленіе значенія того начального времени, изъ котораго вытекло нынѣшнее для Славянъ, имѣетъ потому и практическое значеніе въ жизни славянскихъ народностей. Но значеніе подобныхъ трудовъ въ наукѣ, которую называютъ общимъ именемъ славистики, еще болѣе важно: подобныя изслѣдованія разъясняютъ внутренній ростъ славянства, указываютъ причины тѣхъ или другихъ современныхъ намъ явленій въ славянской жизни, даютъ возможность уразумѣть основныя идеи времени славянскаго возрожденія. Освѣщая литературную и ученую дѣятельность того или другаго изъ выдающихся славянскихъ ученыхъ и подводя итоги его трудамъ, биографъ или изслѣдователь этимъ самымъ освѣщаетъ пути для новыхъ поколѣній дѣятелей на широкомъ и многоплодномъ поприщѣ славянской науки.

I.

Въ нашей ученой литературѣ имя Добровскаго пользуется большою славой, но трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію его жизни и часть ссxxxiv, отд. 2.

дѣятельности, весьма мало. Кромѣ перевода брошюры покойнаго Палацкаго: „Joseph Dobrowky's Leben und gelehrtes Wirken“ (Wien 1883) сдѣланнаго Царскимъ и изданнаго въ 1838 г., можно указать лишь на краткій очеркъ жизни Добровскаго въ четвертомъ выпускѣ кievскаго Славянскаго Ежегодника (1880 г.). Къ послѣднему приложенъ списокъ изслѣдованій и трудовъ Добровскаго, впрочемъ не совсѣмъ полный. Книга г. Снегирева поэтому является важнымъ пополненіемъ пробѣла въ нашей литературѣ.

Существенную разницу между изслѣдованіями гг. Брандля и Снегирева представляетъ самая цѣль разработки предмета. Въ то время какъ моравскій ученый, имѣя всѣ удобства и средства воспользоваться не изданнымъ рукописнымъ матеріаломъ для освѣщенія жизни и дѣятельности отца славянской науки, даетъ обстоятельную и полную біографію Добровскаго, русскій ученый часто въ короткихъ словахъ говоритъ о томъ или другомъ періодѣ его жизни, но съ особенною подробностью останавливается на содержаніи его трудовъ. Какъ г. Брандль, такъ и г. Снегиревъ, стараются освѣтить дѣятельность современниковъ и со товарищей Добровскаго, но моравскій ученый глубже русскаго вглядывается въ это время, когда рядомъ съ освободительными идеями вѣка французской революціи, съ ея грубо-реалистическими матеріалистическими проявленіями, уживались высоко идеальныя и даже мистическія идеи. Вообще можно сказать, что г. Брандль даетъ біографію Добровскаго въ полномъ смыслѣ слова, на сколько матеріалъ позволилъ ему освѣтить жизнь и дѣятельность этой грандіозной личности.

Сочиненіе г. Брандля раздѣлено на двадцать главъ, а двадцать первую занимаютъ „Дополненія и исправленія“. Въ послѣднемъ отдѣлѣ сочиненія, занимающемъ 17 страницъ (280—296), помѣщены отрывки изъ переписки Добровскаго, хранящейся въ Чешскомъ музеѣ, въ собраніи автографовъ въ придворной бібліотекѣ, въ земскомъ архивѣ въ Бернѣ и архивѣ графовъ Черпинныхъ въ Индриховѣ Градцѣ (Neuhaus).

Разказывая о первыхъ годахъ жизни Добровскаго и описывая его учебные годы, г. Брандль достаточно ясно рисуетъ намъ образъ будущаго суроваго ученаго критика, строгій умъ котораго не признавалъ никакихъ увлеченій и не давалъ пощады никакой иллюзіи. Говоря о времени жизни Добровскаго, проведенномъ въ іезуитскомъ новиціатѣ въ Урнѣ (съ октября 1772 г. до уничтоженія ордена іезуитовъ 21-го іюля 1773 г.), гдѣ Добровскій 17-го октября 1772 года

былъ пострижень въ монахи; г. Брандль, ссылаясь на замѣчаніе Палацкаго въ его брошюрѣ о жизни Добровскаго, замѣчаетъ, что свои обязанности въ повиціатѣ и „лекезы“ Добровскій исполнялъ иронически. „Добровскій“ продолжаетъ опъ, — „дѣйствительно по своей натурѣ не годился для ордена, который болѣе, чѣмъ другіе, требовалъ отъ своихъ членовъ исключительнаго подчиненія волѣ старшихъ... Но Добровскій при всемъ своемъ критицизмѣ былъ способенъ къ идеальному полету и любилъ берненскій повиціатъ, какъ писалъ Копитару тридцать лѣтъ спустя, именно въ 1810 г., въ надеждѣ, что будетъ миссіонеромъ въ Индію“ (Brandl, стр. 5)

Замѣтимъ, что г. Брандль во многихъ мѣстахъ своей книги занимаетъ свои клерикальными убѣжденіями и потому не прощаетъ Добровскому скептическаго отношенія къ взглядамъ и постановленіямъ католической церкви. Такъ на стр. 50 своей книги моравскій ученый, говоря о дружбѣ Добровскаго и Гурданька, въ послѣдствіи епископа Литомерецкаго, который „руководился въ отношеніяхъ свободными воззрѣніями Іосифовскаго времени“, съ горечью замѣчаетъ: „Съ Гурданькомъ завязалъ Добровскій (въ 1786 г.) дѣйствительно самую искреннюю дружбу, такъ какъ съ нимъ вполне сходился въ оппозиціи противъ іерархической силы и „римскаго преобладанія“. При такомъ взглядѣ обоихъ удивительно, что они считались вполне ортодоксальными, ибо ортодоксія основывается на догматикѣ, а догматы такъ тѣсно связаны въ католицизмѣ, что одно догматическое положеніе зависитъ отъ другаго, такъ что, прерывая одно положеніе, разрушаешь всю систему. Но тогдашній вѣкъ легко умѣлъ равнять другъ другу вѣру и догматическую распущенность: вѣдь и императоръ Іосифъ II считался догматически правовѣрнымъ католикомъ!...“ (стр. 50).

Подобныя замѣчанія г. Брандля даютъ возможность подмѣтить въ его жизнеописаніи Добровскаго нѣкоторую тенденцію. Осенью 1782 г. Добровскій на охотѣ былъ раненъ графинею Ностицъ въ бедро. Онъ закрывалъ своего ученика, замѣтивъ опасность, такъ какъ звѣрь бѣжалъ въ ту сторону, гдѣ они стояли, а охотники цѣлились въ животное. Самъ Добровскій приписывалъ свою душевную болѣзнь, начавшуюся съ 1785 г. и проявившуюся въ первый разъ болѣе сильно въ 1795 г., этой печальной случайности. Моравскій ученый приводитъ душевную болѣзнь Добровскаго въ тѣсную связь съ его принадлежностью, не доказанною съ точностью, къ масонству, а самое сочувствіе Добровскаго масонству объясняетъ его свободомысліемъ въ дѣлахъ церкви.

„Всѣ распоряженія правительства, которыми, какъ напримѣръ, въ дѣлѣ учебномъ, вводились полезныя новизны и поправки въ системѣ обученія, онъ горячо привѣтствовалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицалъ и расширенію круга вмѣшательства государственной власти въ распоряженія духовныхъ властей. Поэтому мы полагаемъ, что уже въ то время, когда Добровскій писалъ свое изслѣдованіе о Евангеліи св. Марка (1778 г.), онъ былъ свободенъ отъ мѣшій франкмасонскихъ“ (стр. 13). Добровскій въ это время былъ членомъ одной изъ четырехъ масонскихъ ложъ, бывшихъ въ Прагѣ, а именно, вѣроятно, ложи, которая именовалась: „Die sehr ehrwürdige S(ancti) J(ohannes) Loge zur Wahrheit und Einigkeit und im Orient zu Prag“. Ложи святоіоанновскія, по словамъ г. Брандл, кромѣ общеповѣннаго ученія, что масонство должно связать и пополнить всѣ искужденія гуманностью, любовью, терпимостью, то-есть, религіознымъ индеферентизмомъ, занимались алхиміей и кабалистикою, и этому вліянію слѣдуетъ приписать тѣ сумашедшія филантропическія мысли, которыя высказывалъ Добровскій всякій разъ съ той поры, какъ онъ сталъ страдать душевною болѣзью,—по время своего болѣзненного настроенія“. Что именно къ этой ложѣ „Истини и Единства“ принадлежалъ Добровскій, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что послѣ его смерти Григорій Вельный нашелъ его печати, хранящіяся нынѣ въ Райградѣ, съ масонскими знаками. Между ними одна, на которой изображенъ треугольникъ—символъ масоновъ, какъ извѣстно—употреблялась Добровскимъ весьма часто во время его болѣзненного состоянія, хотя тогда въ Австріи было уже строго запрещено масонство. Впослѣдствіи Добровскій за это свое временное членство въ масонской ложѣ подвергся подозрѣніямъ со стороны властей и не могъ получить никакой ни свѣтской, ни духовной должности (стр. 74.) Когда вскорѣ по смерти императора Іосифа II, была закрыта генеральная семинарія въ монастырѣ Градишскомъ, въ которой Добровскій былъ сначала вице-ректоромъ, а послѣ ректоромъ, онъ получилъ пенсію въ 500 гульденовъ и такъ-называемую „экспективную“, то-есть, выжидательную грамоту, иными словами формальное признаніе его правъ занять мѣсто, соотвѣтствующее по положенію и матеріальному обезпеченію тому, которое Добровскій оставилъ не по своей винѣ или волѣ. Впослѣдствіи Добровскому никогда не удавалось получить такого мѣста. Такъ, въ 1808 г. онъ искалъ пребенды въ Старомъ Болеславѣ, и хотя на подобныя должности назначались „іосифовцы“, то-есть, приверженцы постановленій и учрежденій императора Іосифа

Ц, но лишь тѣ, которыхъ имена не значились въ спискахъ масонскихъ; Добровскому же, который будто бы былъ записанъ въ числѣ масоновъ, было отказано.

Г. Брандль внимательно указываетъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги время и обстоятельства, при которыхъ проявлялась болѣзнь Добровскаго. Интересно замѣтить, что когда онъ впадалъ въ болѣзненное состояніе, то, вообще, не терпѣвшій никакой неясности, чуждый всему мечтательному и сомнѣвавшійся въ силахъ чешскаго народа и его способности воскресить свою литературу и народность, онъ внезапно становился мечтателемъ и патриотомъ, полнымъ вѣры и фантастическихъ плановъ. Быть можетъ, въ этомъ сказывались его надежды, которымъ онъ въ здоровомъ состояніи не хотѣлъ вѣрить, ибо его критическій и строгій умъ не находилъ для нихъ основаній въ суровой дѣйствительности. Въ письмѣ къ Дуриху отъ 24-го ноября 1795 года г. Добровскій говоритъ, что „ему данъ даръ пророчества отъ Отца свѣтовъ“, что „Богъ проявитъ великія дѣла на Славянахъ и чрезъ Славянъ міру чрезъ посредство того, кѣмъ управляетъ Св. Духъ“ (Добровскаго?), что „Чешское королевство могущественно разовьется и увеличится до чрезвычайности“, что „Польша, наказанная за презрѣніе роднаго языка (ибо шляхта любила болѣе французскій языкъ, чужія права и чужое платье, чѣмъ свое народное), вновь разцвѣтетъ; а Русское царство умножится и распространится до границъ Персіи и Индіи, то-есть, славянскій народъ обратнымъ ходомъ коснется тѣхъ странъ, откуда первоначально вышелъ“ (Brandl, стр. 87—90). Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о своемъ планѣ еще разъ посѣтить Россію. Въ то же время, въ письмѣ къ лужицкому ученому Антону, Добровскій обѣщаетъ дать ключъ къ сообщеннымъ ему пророчествамъ и говоритъ между прочимъ: „Кто могъ бы видѣть, хотя бы во снѣ, что Славяне предназначены къ такимъ великимъ дѣланіямъ“. Во время болѣзни Добровскій любилъ одѣваться въ голубой цвѣтъ и соблюдалъ при этомъ, чтобы всѣ части костюма были этого цвѣта. Даже Библия, которую онъ всегда имѣлъ съ собою, была переплетена въ голубой цвѣтъ. Отъ этого произошло прозвище „Голубой аббатъ“, которымъ часто называли Добровскаго, хотя онъ никогда не былъ аббатомъ.

Добровскій любилъ заниматься естественными науками, особенно ботаникой, а въ дни болѣзненнаго состоянія считалъ себя врачомъ и лѣчилъ разными экстрактами, имъ приготовленными изъ травъ, которыя онъ собиралъ по полямъ. Онъ полагалъ даже, что можетъ

воскрешать мертвыхъ. Въ 1828 году, слѣдовательно, за годъ до своей кончины, онъ писалъ графинѣ Кессельштадтъ, что онъ воскреситъ ея мужа изъ мертвыхъ (Brandl, стр. 106). Въ 1819 г., живя въ Худеницахъ у графа Евгенія Чернина, онъ обходилъ бѣдныхъ и больныхъ по окрестнымъ деревнямъ, помогая всѣмъ и особенно заботился о дѣтяхъ-сиротахъ. Его добросердечность и забота о бѣдныхъ снискали ему большую любовь простаго народа, и въ населеніи Худеницъ возникло даже вѣрованіе, что Добровскийъ никто иной, какъ возставшій изъ гроба императоръ Іосифъ (Brandl, стр. 192). Замѣтимъ еще одно характерное проявленіе богѣзвеннаго состоянія Добровскаго: въ подобномъ настроеніи онъ обыкновенно служилъ обѣдню въ часовнѣ св. Вольфганга, близъ Худеницъ, хотя тамъ не было алтаря. При этомъ онъ часто бралъ воду вмѣсто вина для совершенія таинства причащенія, служилъ безъ ризъ, безъ миссала и обыкновенно своеобразно составленную обѣдню. Подъ конецъ своей жизни онъ мечталъ о введеніи славянской литургіи у Чеховъ, хотя въ началѣ своей ученой дѣятельности настойчиво отрицалъ даже существованіе славянскаго богослуженія во время св. Месодія въ Чехіи.

Мы привели нѣсколько краткихъ свѣдѣній о поведеніи и мечтахъ Добровскаго во время его душевной болѣзни, имѣя въ виду показать, что этотъ строгій и чисто реальныхъ воззрѣній человекъ, котораго обыкновенно винятъ чешскіе ученые - патріоты въ недостатокъ поэтической воспримчивости и патріотическаго духа, былъ склоненъ къ самой сильной мечтательности, и что его патріотизмъ, обыкновенно сдержанный при взглядѣ на окружающую дѣйствительность, проявлялся въ дни, когда его умъ помрачался, въ самыхъ крайнихъ формахъ.

Въ сущности вся дѣятельность Добровскаго можетъ быть названа патріотическою. Онъ, правда, не раздѣлялъ многихъ воззрѣній современныхъ ему Чеховъ, отрицалъ подлинность Зеленогорской рукописи, но эти самыя его сомнѣнія и рѣзкія критическія статьи проистекли вѣрою въ ту истину, что истинно сильный народъ можетъ и долженъ воскреснуть безъ ложныхъ средствъ, къ которымъ могли прибѣгать первые будители народнаго самосознанія у энергичнаго чешскаго народа.

Г. Брандль, защитникъ подлинности Зеленогорской рукописи, не можетъ простить Добровскому его сомнѣнія въ подлинности Лобушина суда. Вотъ какъ, наприимѣръ, онъ отзывается по этому поводу о Добровскомъ: „Разсудочная холодность, съ которою онъ критико-

валъ и отвергалъ стихотвореніе о Любушиномъ судѣ, пріивѣтствованное всѣми патриотами Чехами съ великимъ энтузіазмомъ, утвердила многихъ во мнѣніи, что Добровскій только slavistrendor Deutscher, который своимъ критицизмомъ дѣйствительно принесъ много пользы чешскому языку, но не имѣлъ довѣрія въ жизненные силы чешскаго народа. Чешскій духъ тогда уже давалъ много признаковъ что онъ готовъ къ быстрому развитію, но эти признаки замѣчалъ лишь тотъ, кому отъ природы дана была горячность чувствъ и способность углубиться въ душу народа и этимъ способомъ узнать ее" (Brandler, стр. 232).

Когда въ 1825 г. за обѣдомъ у графа Штериберга обсуждался вопросъ объ устройствѣ чешскаго музея, и Палацкій предлагалъ; чтобъ общество музея издавало Часопись и поддерживало литературныя предпріятія, Добровскій дѣйствительно выразилъ мнѣніе, что поздно думать о воскрешеніи чешскаго народа, и что всѣ подобныя труды пропадутъ даромъ. Это мнѣніе пессимистически настроеннаго старца естественно было опровергнуто Палацкимъ, который выразился, что „еслибъ онъ былъ даже послѣднимъ представителемъ цыганскаго народа, то все-таки приложилъ бы всѣ старанія, чтобы по крайней мѣрѣ осталась честная память о немъ въ исторіи чело-вѣчества. Но это сомнѣніе Добровскаго осталось вѣчнымъ укоромъ его памяти въ глазахъ чешскихъ дѣятелей. Этимъ и объясняется, почему младшіе современники Добровскаго, даже такіе, какъ Юнгманнъ, готовы были видѣть въ немъ даже врага чешскаго возрожденія и подвергали подовѣрнію его политическую честность. Г. Снегиревъ въ своей книгѣ дѣлаетъ указаніе на это „ослабленіе симпатій молодаго поколѣнія“ Чеховъ къ Добровскому, но, по нашему мнѣнію, объясняетъ его не вполне точно (стр. 187—188). Вина этого разлада лежала не исключительно въ скептическихъ взглядахъ Добровскаго на будущее чешскаго народа, но и въ его рѣзкой натурѣ, не терпѣвшей никакой лжи, хотя бы и съ цѣлями самыми добрыми, никакого поущенія въ вопросахъ науки, въ натурѣ требующей самой строгой критики. Вотъ почему Добровскій съ самаго начала своей ученой дѣятельности постоянно находился во враждебныхъ отношеніяхъ почти со всѣми учеными и дѣятелями Чехіи, которымъ казалось слишкомъ обиднымъ терпѣливо сносить его сильныя и порою рѣзкія замѣчанія объ ихъ ученыхъ трудахъ. Заботы о возрожденіи чешскаго языка и воскрешеніи національнаго самосознанія народа требовали отъ тогдашнихъ дѣятелей не только ученой подготовки, но и

политической ловкости, которая, быть можетъ, и была одною изъ главныхъ причинъ появленія на свѣтъ Зеленогорской рукописи; но Добровский по своей склонной къ критикѣ натурѣ не былъ способенъ стать въ ряды такихъ ретивыхъ людей, и понятно, что онъ долженъ былъ войти съ ними въ коллизію: Добровский не былъ политикъ.

Г. Брандль нѣсколько разъ въ своемъ сочиненіи характеризуетъ Добровскаго, какъ человѣка, лишеннаго всякаго поэтического чувства и склонности къ поэтическимъ порывамъ и увлеченіямъ. „Добровскому была по душѣ единственно дѣятельность разума, основанная на холодномъ разсужденіи, и научныя изысканія“, говоритъ моравскій ученый на стр. 173 своей книги. Сообразно съ такимъ взглядомъ на основныя черты самой природы Добровскаго, г. Брандль старается объяснить и его недовѣріе къ планамъ горячихъ чешскихъ патріотовъ, и его предубѣжденіе противъ подлинности Любушина суда.

Добровский, какъ извѣстно, почти ничего не писалъ по чешски, такъ какъ владѣлъ на письмѣ лучше нѣмецкимъ, чѣмъ чешскимъ языкомъ. Его первое сочиненіе на чешскомъ языкѣ относится къ 1804 г., когда онъ напечаталъ предисловіе по чешски къ Сборнику чешскихъ пословицъ, изданному имъ вмѣстѣ съ Палацкимъ (Brandl, стр. 128). Этотъ сборникъ былъ выпущенъ въ свѣтъ, какъ второе изданіе Сборника пословицъ Андрея Горнаго и Якова Сернца, но на самомъ дѣлѣ онъ представляетъ совершенно новый трудъ, хотя бы уже потому, что въ первомъ изданіи было 611 пословицъ, а въ изданіи Добровскаго 1,500. Самый эпиграфъ къ этому сборнику: „Viel' každému srdce po jazyku světu, выбранный издателями, показываетъ, что Добровский далеко не былъ равнодушенъ къ судьбѣ роднаго языка. Частную переписку онъ велъ вообще на нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ, но начиная съ 1817 г. до своей смерти, переписывался съ Ганкомъ по чешски.

Все это, какъ намъ кажется, не даетъ права судить о Добровскомъ такъ, какъ судили о немъ многіе изъ его современниковъ, оскорбленные его рѣзкими отзывами объ ихъ ученыхъ трудахъ и его упорствомъ въ спорахъ. Г. Брандль, вообще склонный смотрѣть на эту черту Добровскаго глазами современниковъ, самъ оправдываетъ недовѣріе Добровскаго къ возрожденію чешскаго языка и литературы тѣмъ, что, „возносясь въ высшія сферы знанія“, онъ сильнѣе, чѣмъ другіе, чувствовалъ недостатки чешскаго языка того времени для науки и литературы (стр. 138). Тогда еще были нужны горячія воз-

званія къ чешскимъ патриотамъ, чтобъ они старались о воскрешеніи чешскаго литературнаго языка: такъ, въ 1802 г. Неѣдлий, издавшій въ это время переводъ на чешскій языкъ первой пѣсни Иліады, скорбитъ въ предисловіи надъ упадкомъ чешскаго языка и выражается такъ: „Мои земляки и всѣ мои дорогіе родственники по языку! Имѣете ли у какого-нибудь другаго народа въ мірѣ языкъ, который происходилъ бы отъ этой чешскій древности, болѣе широкимъ распространеніемъ по всѣмъ странамъ міра, былъ болѣе удобный для красоты по своей выразительной краткости, своему необычному облику словъ, пріятному созвучію, мягкости, силѣ и мелодичности?... Если мы, Чехи, можемъ по праву гордиться превосходствомъ своего языка надъ иными народами, то не слѣдуетъ ли намъ рѣшительно и торопливо постараться о томъ, чтобъ этимъ красивымъ платьемъ — то-есть, своимъ языкомъ, нарядить плоды человѣческаго духа, то-есть науку? А если мы этого не сдѣлаемъ, то это была бы, черная неблагодарность къ отечеству!“ Такая рѣчь Неѣдлаго, конечно, не могла нравиться Добровскому, привыкшему судить обо всемъ ясно и точно, и онъ не вѣрилъ въ быстрый ростъ чешскаго языка и литературы. Подобныя воззванія чешскихъ патриотовъ были долгое время гласомъ вопиющаго въ пустынѣ, и воспоминанія Чеховъ о времени до 1848 г. какъ напримѣръ, Якова Малаго, сообщаютъ много фактовъ, доказывающихъ, что и въ эту пору далеко не всюду въ Чехіи и не въ Чехи считали нужнымъ даже говорить по чешски или знать чешскій языкъ. А между тѣмъ чешская повая наука можетъ вести свое стоящее начало отъ трудовъ Добровскаго, сомнѣвавшагося въ возможности созданія чешскаго литературнаго языка.

Взгляды Добровскаго на Россію не отличались существенно отъ взглядовъ другихъ чешскихъ патриотовъ того времени. Когда Копитаръ въ 1810 г. напечаталъ въ *Vaterländische Blätter* статью *Adresse der künftigen slavischen Akademie, Patriotische Fantasie eines Slaven* и др., въ которыхъ, между прочимъ, выразилъ мнѣніе, что Славяне должны ставить выше всего Австрію, если хотятъ имѣть собственную цивилизацію, что въ Вѣнѣ нужно создать центральную славянскую академію наукъ, чтобы „портящія все“ руки Русскіе были отстранены отъ славянской науки или литературы, Добровскій въ письмѣ къ Копитару отъ 7-го августа 1810 г. упрекаетъ его въ такой отзывъ о русскихъ ученыхъ и удивляется, что Копитаръ можетъ предполагать, чтобъ русская академія наукъ сдѣлалась коимъ-нибудь лишь отдѣленіемъ вѣнской. Въ отвѣтъ на это Копитаръ

шетъ Добровскому: „Я не люблю Русскихъ за ихъ крѣпостное право даже и изъ похвалы Шледера яно, какъ долго нужно ожидать тамъ (въ Россіи) чего-нибудь болѣе человѣческаго.. Почему бы не быть Петербургской академіи наукъ отдѣленіемъ Вѣнской, а это притомъ тѣмъ легче будетъ; когда царь переселится въ Царьградъ, академіи же одного нарѣчія можетъ быть отдѣленіемъ академіи наукъ всѣхъ нарѣчій“ (Brandl, стр. 150). Эти мнѣнія Конитара весьма характерны и указываютъ большую разницу между взглядами его и Добровскаго на Россію и задачи славянства.

Мы позволимъ себѣ привести еще одинъ разказъ для характеристики взглядовъ Добровскаго на Россію, пользуясь сочиненіемъ г. Брандла: „Добровскій собираетъ около себя молодыхъ людей, о которыхъ зналъ; что они имѣютъ охоту поучиться славистикѣ, и читалъ имъ лекціи о лингвистикѣ, старо-славянщинѣ, славянскихъ древностяхъ и вообще обо всемъ, что относится къ жизни и литературѣ славянства. Эти лекціи, которыя посѣщались и людьми пожилыми, не только молодежью; онъ читалъ въ своей квартирѣ, гдѣ могъ свободнѣе говорить, чѣмъ съ какой бы то ни было каедры. Такимъ путемъ онъ велъ своихъ слушателей къ познанію, что славянство, расположенное на огромномъ пространствѣ, должно искать условій къ болѣе счастливому развитію; и сожалѣлъ, что исторія Славянъ вола ихъ не къ соединенію, а напротивъ къ разъединенію, что обнаруживается и въ исторіи славянскихъ литературъ; а потому онъ часто повторялъ предъ слушателями: „О мы, несогласные между собою Славяне!“ Особенно охотно останавливался онъ вниманіе своихъ слушателей на Россіи, къ чему побуждали его и тогдашнія политическія и военныя обстоятельства. Это было время, когда Наполеонъ въ 1812 г. приготавлился къ своему походу на Россію. Добровскій, который узналъ Русскій народъ въ 1791 году (когда онъ побывалъ въ Россіи и былъ въ Москвѣ), но предрекалъ этому походу счастливаго для арміи Наполеона жонца и говорилъ, что Наполеонъ только тогда узнаетъ Русскихъ, когда они будутъ защищать свое отечество, „святую Русь“. Живою иллюстраціей лекцій Добровскаго было появленіе Русскихъ въ Чехіи и Прагѣ въ 1813 г., послѣ уничтоженія пышной арміи Наполеона. Русскіе въ Прагѣ посѣщали чешскія театральныя представленія, искали общества чешскихъ патріотовъ и вообще всюду выражали, что чувствуютъ себя родными по крови и языку чешскому народу. Добровскаго также посѣщали русскіе офицеры, показывая этимъ, что его имя на Руси было извѣстно и славно. Но самое

блестящее доказательство этого было дано тѣмъ, что славнаго ученаго посѣтилъ Барклай-де-Толли лишь съ тою цѣлью, чтобы засвидѣтельствовать великому слависту свое почтеніе. Рыбичка разказываетъ объ этомъ посѣщеніи такъ: „Когда въ 1818 году однажды Добровскій собралъ вокругъ себя своихъ молодыхъ слушателей, въ квартиру вошелъ русскій офицеръ высшаго чина и сообщилъ, что главный начальникъ русскихъ войскъ желаетъ лично выразить Добровскому свое уваженіе и посѣтить его. Когда Добровскій охотнаго на это согласился, и офицеръ удалился, то слушатели взялись всей поспѣшностью приводить въ порядокъ и чистить помѣщеніе своего учителя, потому что тутъ обыкновенно лежало все, книги, статьи и бумаги, платье и всякая всячина въ величайшемъ хаосѣ, а посуда и все, что было у Добровскаго, было покрыто пылью и разбѣшено въ полномъ безпорядкѣ. Едва только все было приведено въ порядокъ и очищено, вошелъ въ скромное жилище величайшаго слависта въ сопровожденіи нѣсколькихъ высшихъ офицеровъ русскій генералъ, весь въ орденахъ. Привѣтствовавъ съ глубокимъ уваженіемъ Добровскаго, онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объяснилъ свои чувства почтенія къ нему и сказалъ, что почитаетъ себя счастливымъ, что лично узналъ человѣка, котораго средняя Европа признаетъ между самыми учеными и самыми почтенными людьми. Послѣ этого онъ около получаса разговаривалъ Добровскимъ о вопросахъ политическихъ и литературныхъ и затѣнулъ со свитой“ (Brandl, стр. 150).

Одною изъ самыхъ интересныхъ главъ сочиненія г. Брандла можно назвать XII-ю (стр. 142—158), гдѣ авторъ даетъ исторію связей Добровскаго съ Копитаромъ. Г. Снегиревъ лишь вкратцѣ касается исторіи этихъ связей. Копитаръ, какъ извѣстно, вступилъ въ сношенія съ Добровскимъ задолго до личнаго знакомства. Въ первомъ своемъ письмѣ къ Добровскому отъ 23-го марта 1808 г. Копитаръ предложилъ ему въ корреспонденты вмѣсто Валентина Водника. Называя Добровскаго *ministr*, Копитаръ подписывался *Slavin*, какъ видно изъ зачатальной ихъ переписки, часть которой появилась уже въ *Archiv für Slavische Philologie*. Съ этихъ поръ Копитаръ принималъ самое живое участіе въ трудахъ Добровскаго. Онъ настойчиво побуждалъ его къ новымъ работамъ и изданіямъ. Такъ, еще въ 1810 г. побуждалъ Добровскаго издать грамматику старо-славянскаго языка, задумывалъ совиѣстное изданіе Славянской энциклопедіи, мечталъ о составленіи старо-славянскаго словаря. Впослѣдствіи Копитаръ

задумалъ составленіе такого словаря, какъ свидѣтельствуеъ Добровскій въ своихъ *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* (1822 г., стр. предисловія LXIV).

Моравскій ученый, пользуясь матеріаломъ, изданнымъ въ чешскомъ Часописѣ, и не изданнымъ архивнымъ, характеризуетъ отношенія Добровскаго къ младшимъ его современникамъ довольно полно. Близкія сначала связи Добровскаго съ Юнгманномъ, которому первый оказалъ помощь при составленіи извѣстнаго Словаря, а затѣмъ разладъ и разрывъ между ними, освѣщены ясно. Тоже можно сказать и относительно характеристики связей и отношеній Добровскаго къ другимъ дѣятелямъ этой эпохи, какъ напримѣръ, къ Стаху. Г. Брандль указываетъ всюду основанія этихъ отношеній, слѣдитъ за ними и постоянно опирается на полное изученіе современной Добровскому жизни и современнаго научнаго и литературнаго уваженія.

Мы можемъ сказать, что книга г. Брандля дѣйствительно даетъ біографію Добровскаго, полную интереса. Она характеризуетъ и время, и современныхъ Добровскому Чеховъ, и ихъ дѣятелей въ наукѣ и литературѣ. Связи Добровскаго со всѣмъ, что было въ то время замѣчательнаго не только въ славянской, но и вообще въ европейской наукѣ, придають широкій интересъ исторіи его жизни и дѣятельности. Поэтому мы не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ г. Снегирева (стр. 183 его монографіи), что „жизнь Добровскаго, взятая независимо отъ его учено-литературной дѣятельности, какъ человѣка и гражданина, мало имѣетъ общаго интереса“. Она, конечно, и не можетъ быть отдѣлена отъ его учено-литературной дѣятельности, ибо эта послѣдняя проникала черезъ всѣ моменты и обстоятельства жизни Добровскаго. Самыя связи его съ представителями литературы и науки естественно объясняются лишь склонностями его ума и характера. Но связь его съ чешскими феодалами и дружескія отношенія съ тѣми, кто дѣйствовалъ въ эпоху возрожденія Чеховъ, представляютъ тоже интересъ и для Чеха, и для слависта вообще. Добровскій, самъ того не сознавая, сталъ великимъ дѣтелемъ, и быть можетъ, величайшимъ въ эпоху славянскаго возрожденія.

Заключительную (XX-ю) главу своего сочиненія г. Брандль озаглавилъ: „Характеристика Добровскаго“. Тутъ между прочимъ онъ говоритъ: „Добровскій — основатель взаимности между славистикою и обще-европейскою наукою, причастникъ безсмертія, которое принадлежитъ наукѣ“. Этотъ выводъ почтеннаго автора дѣйствительно

вытекаетъ изъ предшествовавшаго разсмотрѣнія учено-литературной дѣятельности Добровскаго, которое проходитъ чрезъ всю его біографію.

II.

Существенное различіе между изслѣдованіемъ г. Снегирева, посвященнымъ два заглавія: „Іосифъ Добровскій. Опытъ подробной монографіи по исторіи славяновѣдѣнія“ и „Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяновѣдѣнія“—и книгой г. Врандля состоитъ въ томъ, что г. Снегиревъ посвящаетъ значительно меньше мѣста собственно біографическимъ даннымъ объ этомъ патріархѣ славистики. Это объясняется отчасти тѣмъ, что г. Врандль, какъ мѣстный ученый, имѣлъ больше возможности пользоваться архивнымъ матеріаломъ, почти недоступнымъ или мало доступнымъ для другихъ и хранящимся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Но нельзя не отмѣтить и того факта, что г. Снегиревъ слишкомъ мало останавливается на біографическихъ данныхъ о Добровскомъ и мало пользуется для этой цѣли даже изданнымъ матеріаломъ.

За то особенно полны тѣ главы изслѣдованія г. Снегирева, въ которыхъ онъ передаетъ содержаніе и главныя мысли и выводы сочиненій и трудовъ Добровскаго. Эти главы можно назвать сводкою того, что написалъ Добровскій. Все сочиненіе г. Снегирева раздѣлено на пять отдѣловъ. Первый отдѣлъ (стр. 17—25) посвященъ исторіи воспитанія, образованія и начала учено-литературной дѣятельности Добровскаго и оканчивается замѣчаніями объ изданіи его: „Fragmentum Pragense Evangelii S. Marci, vulgo autographi: Pragaе 1778“. Второй отдѣлъ (26—154) распадается на четыре главы: а) жизнь Добровскаго съ 1776 до 1792 гг. (стр. 27—29); б) начало возрожденія Чехіи (стр. 29—42); в) направленіе учено-литературной дѣятельности Добровскаго съ 1779 по 1791 г. (стр. 42—74); г) труды по исторіи и славянскому языковѣдѣнію (стр. 74—154). Въ третьемъ отдѣлѣ, посвященномъ третьему періоду ученой дѣятельности Добровскаго, въ которомъ „Добровскій съ ясностью обнаружилъ свою спеціальность въ области историко-филологической—языкъ и сдѣлался грамматологомъ и лексикографомъ отечественнаго языка“ (стр. 338), съ 1792 по 1806 г., находимъ двѣ главы, изъ которыхъ первая посвящена жизнеописанію Добровскаго за это время, а вторая разсмотрѣнію его трудовъ въ той же системѣ (стр. 155—182). Четвертый отдѣлъ охватываетъ время жизни и дѣятельности Добровскаго съ

1806 г. по его смерти въ 1828 г. Онъ распадается на три главы, изъ которыхъ вторая посвящена учено-публицистической дѣятельности по славяновѣдѣнію. Наконецъ, пятый отдѣлъ посвященъ оцѣнкѣ заслугъ Добровскаго для славяновѣдѣнія и распадается на двѣ главы (стр. 321—344), въ которыхъ опредѣляется значеніе учено-литературной дѣятельности Добровскаго по славянской исторіи, какъ чешской, такъ и общеславянской, по словесности чешской и славянской; и по языку чешскому и славянскимъ нарѣчіямъ и по спеціальному изученію „инославянскихъ“ и старо-славянскаго языковъ. Вторая глава этого отдѣла даетъ общую оцѣнку заслугъ Добровскаго въ славистикѣ.

Такое дѣленіе дѣятельности Добровскаго на періоды въ сущности не основано на какихъ-нибудь внутреннихъ фактахъ и, по нашему мнѣнію, чисто внѣшнее. Оно даже въ извѣстной степени затрудняетъ автора, ибо отъ такого распредѣленія матеріала теряется нить, связывающая все сочиненіе. Автору русской монографіи о Добровскомъ предстояло дать оцѣнку его дѣятельности въ различныхъ областяхъ славянской науки и указать, что сдѣлалъ для нея Добровскій, а потому, быть можетъ, оцѣнку скорѣе бы достигъ цѣли, еслибы распредѣлилъ матеріалъ по содержанию, а не въ хронологическомъ порядкѣ появленія трудовъ Добровскаго. Правда, полемическія и критическія статьи Добровскаго тѣсно связаны съ ходомъ его жизни и его учеными и литературными связями и распрями, но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы болѣе посвятить вниманія фактическому изложенію жизнеописанія Добровскаго, чѣмъ это сдѣлано г. Снегиревымъ. Для примѣра укажемъ на стр. 165—167, на которыхъ авторъ говоритъ о „Böhmische Prosodie“ Добровскаго 1795 г. Русский ученый тутъ вскользь упоминаетъ о столкновеніи его со Стахомъ, которое характеризуетъ и тогдашніе нравы, и исторію введенія новаго стихосложенія у Чеховъ. Г. Врандль поступаетъ иначе: онъ подробно знакомитъ и съ личностью, и съ дѣятельностью Стаха (стр. 55—59), а затѣмъ довольно подробно разказываетъ и о нападеніяхъ Стаха на Добровскаго (стр. 128—132). Съ другой стороны, хотя г. Снегиревъ самъ охарактеризовалъ третій періодъ жизни Добровскаго (1792—1808), какъ таковой, когда Добровскій „обнаружилъ свою спеціальность въ области филологической—языкъ и сдѣлался передовымъ грамматологомъ и лексикографомъ отечественнаго языка“, но въ этомъ третьемъ отдѣлѣ не говорится даже объ „Ausführliches Lehrgebäude der Böhmischen Sprache“, потому что это Добровскаго

сочинение вышло лишь въ 1809 г.; Deutsch-Böhmisches Wörterbuch распределенъ по томамъ, при чемъ разсмотрѣнiе перваго томъ (1802 г.) отнесено къ третьему отдѣлу (стр. 175—178), а разсмотрѣнiе втораго (1821 г.)—къ четвертому (стр. 281). Казалось бы естественно соединить разсмотрѣнiе обоихъ томовъ вместе, тѣмъ болѣе, что второй томъ обработанъ по матеріаламъ Добровскаго главнымъ образомъ Ганкою; но такому естественному порядку не шла хронологическая система выхода сочиненiй, положенная г. Снегиревымъ въ основу распределенiя матеріала.

Желанiе г. Снегирева дать полныя свѣдѣнiя о трудахъ Добровскаго часто приводитъ автора книги къ тому, что онъ сообщаетъ даже подробныя оглавленiя изданiй его. Такъ, на стр. 204—205 дается оглавленiе статей, помѣщенныхъ Добровскимъ въ двухъ выпускахъ сборника Slovanka, при чемъ указывается и число страницъ каждой изъ нихъ. Самъ авторъ чувствовалъ ненормальность этого приѣма и сносками, въ которыхъ изложено содержанiе нѣкоторыхъ статей, надѣется дать матеріалъ для сужденiя о сборникѣ. Быть можетъ, слѣдовало лишь отмѣтить время и обстоятельства явленiя этого сборника, а статьи его распределить по ихъ содержанию такъ, чтобы онѣ вошли въ рубрики, которыя были бы въ связи съ цѣлымъ ходомъ трудовъ Добровскаго по тому или другому отдѣлу науки. Вслѣдствiе такого приѣма г. Снегирева нѣкоторыя страницы его труда, несомнѣнно свидѣтельствующаго о большой начитанности и трудолюбii, представляютъ лишь сухое оглавленiе трудовъ Добровскаго, не давая того, что слѣдовало ожидать отъ подобной книги.

Но нѣкоторыя главы труда г. Снегирева представляютъ достаточно полную и точную оцѣнку произведенiй Добровскаго. Къ числу такихъ можно причислить послѣднее отдѣленiе главы 3-й четвертаго отдѣла, посвященное разсмотрѣнiю известнаго сочиненiя Добровскаго „Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris“ (стр. 281—319). Русскій ученый предпосылаетъ своему разбору грамматики Добровскаго несколько историко-литературныхъ замѣчанiй. Остановившись на грамматикѣ Мелетiя Смотрицкаго, авторъ лишь мелькомъ упоминаетъ объ Юрiи Крижанничѣ и его „Грамматическомъ изказанiи о русскѣмъ iезику“. Затѣмъ г. Снегиревъ касается исторiи грамматическихъ трудовъ и филологическихъ работъ Добровскаго и указываетъ, въ постепенномъ складывалось все зданiе Institutionum. При помощи того приѣма и изложенiя обстоятельствъ явленiя этого знамени-

труда выясняется, почему Добровскій еще въ 1810 году могъ писать Копитару: „Моя славянская грамматика еще вовсе не начата, то-есть, ничего еще не написано на-бѣло, но она почти готова въ экспертахъ и планахъ“, (Снегиревъ, стр. 291). Далѣе авторъ монографіи переходитъ къ изложенію самого состава грамматики Добровскаго. Замѣтимъ кстати, что г. Брандль въ своей біографіи Добровскаго говоритъ лишь въ общихъ словахъ о значеніи и сущности этого труда патріарха славистики, но за то знакомитъ насъ весьма обстоятельно со всѣми фактами изъ жизни этого ученаго, относящимися къ этому времени (стр. 174—188). Копитаръ, побуждая Добровскаго писать грамматику, мечталъ о славянской академіи въ Вѣнѣ, съ президентомъ въ лицѣ Добровскаго, а въ его будущихъ *Institutiones* видѣлъ дѣло всеславянское. Когда въ 1819 г. пражскіе друзья убѣждали Добровскаго вернуться изъ Вѣны, куда онъ уѣхалъ для печатанія *Institutionum*, Копитаръ пишетъ Ганкѣ: „Очень сержусь на васъ, что призываете въ Прагу этого высокаго мужа, не обращая вниманія на то, что его пребываніе въ Вѣнѣ полезно для всѣхъ Славянъ. Изъ того можно видѣть, какіе вы эгоисты, а не Славяне. Мы въ одиночку — ничто, а вмѣстѣ — страшное множество“ (Brandl, 176).

Трудъ г. Снегирева имѣетъ для русской науки то значеніе, что въ немъ впервые сдѣлана попытка свести все существенное, сдѣланное Добровскимъ для славянской науки, и дать краткія свѣдѣнія о многихъ его трудахъ, почти недоступныхъ по своей рѣдкости. Вообще мы можемъ замѣтить, что для всякаго слависта книга г. Снегирева можетъ быть полезна, какъ пособіе при ознакомленіи съ учено-литературнымъ развитіемъ Славянъ времени Добровскаго. Съ его личностью болѣе или менѣе связаны всѣ выдающіеся ученые труды того времени у Славянъ. Указать, въ чемъ и какъ сказалося вліяніе Добровскаго въ славянской наукѣ и литературѣ, это — задача цѣлаго новаго и въ высшей степени интереснаго изслѣдованія. Отъ *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris* современные славянскіе патріоты и писатели ожидали цѣлаго переворота и въ наукѣ, и въ вопросѣ объ единствѣ литературнаго единства у Славянъ. Епископъ Лукіанъ Мушицкій, извѣстный сербскій писатель, привѣтствовалъ цѣлою славяно-сербскою одою появленіе грамматики Добровскаго (собр. соч. Мушицкаго, т. II, стр. 144—148), въ которой выражаетъ мысль, что теперь уже не только найдень общеславянскій языкъ, но и сформированъ, благодаря трудамъ До-

бровскаго: Вукъ Караджичъ въ своемъ письмѣ къ Дмитрію Фрушичу, отъ 19-го ноября 1819 г. (Додатакъ къ Серб. Новинамъ за 1821 г. № 68) съ величайшею радостью говоритъ о томъ, что Добровскій пріѣхалъ въ Вѣну печатать своя Institutiones. Всѣ этого ждали, и естественно, сочиненіе это произвело сильное впечатлѣніе и вліяніе на всѣ области славяновѣдѣнія. Какъ, въ чемъ и гдѣ оно выразилось—вотъ вопросы, на которые отвѣтитъ будущій изслѣдователь дѣятельности Добровскаго.

Въ заключительной главѣ своей книги, опредѣляя заслуги Добровскаго, г. Снегиревъ выражается между прочимъ такъ: „Дѣломъ жизни Добровскаго, какъ передоваго отечествовѣда и славяновѣда, какъ и другихъ передовыхъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія Славянскихъ народовъ, было перенесеніе плодовъ ново-европейской науки“ (къ Славянамъ?). Едва ли можно съ этимъ вполне согласиться. Вѣришь, кажется, было бы сказать, что Добровскій, самъ стоя на высотѣ европейской науки, умѣлъ ввести славистику въ область европейскихъ наукъ, вооружилъ ее ученою критикою, показалъ ей ученый методъ и систему. Онъ далъ ей прочныя основы, внесъ въ славянскую исторію строгую критику источниковъ, далъ первые опыты строго-филологическаго изученія старо-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій.

Обѣ книги, о которыхъ мы сдѣлали краткій отзывъ, представляютъ цѣнный вкладъ въ историко-литературное изученіе недавняго прошлаго славянской жизни. Онѣ взаимно пополняютъ другъ друга, и если изслѣдованіе г. Брандта богаче содержаніемъ и болѣе ярко освѣщаетъ время Добровскаго и его дѣятельность, за то трудъ г. Снегирева даетъ читателю обзоръ того, что сдѣлано было Добровскимъ въ различныхъ областяхъ славистики. Нужно ожидать, что явится еще новій изслѣдователь, который опредѣлитъ вліяніе Добровскаго на современниковъ и слѣдовавшее за нимъ поколѣніе славянскихъ ученыхъ.

Ил. Кулаковскій.

В. Андреевскій. Египтъ. Александрія, Каиръ, его окрестности, Саккара и вверга Нила до первыхъ пороговъ. Съ 5 картами, 8 фототипіями, 2 гравюрами на деревѣ и 78 полтипажами. С.-Пб. 1884.

Съ начала тридцатыхъ годовъ, со времени правленія Мегмета-Али, европейскіе путешественники стали усердно посѣщать Египтъ; часть ссхххiv, отд. 2.

а такъ какъ въ то же время, послѣ изданія въ 1824 г. Шамполіонова „Le précis du système hiéroglyphique“, начала быстро развиваться наука египетскихъ древностей, египтологія, то европейскія литературы въ послѣднее столѣтіе обогатились множествомъ замѣчательныхъ сочиненій о Египтѣ, какъ древнемъ, такъ и новомъ, разсматривающихъ исторію, бытъ, экономическую и умственную жизнь этой страны. Въ русской литературѣ мало сочиненій о древнемъ Египтѣ: у насъ есть собственно только одинъ египтологъ, г. Голеннищевъ, пользующійся впрочемъ значительною извѣстностью въ Европѣ; но онъ пишетъ мало и лишь по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ. Затѣмъ есть у насъ изслѣдованіе А. В. Прахова объ архитектурѣ египетскихъ храмовъ, есть хорошій переводъ „Исторіи фараоновъ“ Вругша, сдѣланный г. Властовымъ, и наконецъ, переводы кое-какихъ популярныхъ книгъ о древнемъ Египтѣ. Болѣе посчастливилось у насъ Египту новому. Въ тридцатыхъ годахъ его посѣтилъ и описалъ А. С. Норовъ; въ сороковыхъ тамъ были Е. П. Ковалевскій и А. А. Рафаловичъ, изъ которыхъ первый издалъ въ 1849 г. „Путешествіе во внутреннюю Африку“, а второй въ 1850 г. — „Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты“. Наконецъ, въ недавнее время описали свое путешествіе въ Египетъ Ю. Н. Щербачевъ (Поѣздка въ Египетъ. М. 1883) и авторъ разбросанной книги, В. М. Андреевскій.

Произведенія названныхъ русскихъ путешественниковъ мало похожи одно на другое, но всѣ заслуживаютъ вниманія, и всѣ имѣютъ свои достоинства. Книга г. Щербачева отличается болѣе беллетристическимъ характеромъ, но написана очень живо и читается легко. Путешествіе Ковалевскаго, мастерски изложенное, представляетъ множество прекрасныхъ наблюденій надъ современнымъ состояніемъ Египта, искусно систематизированныхъ ученымъ путешественникомъ. Книга Рафаловича имѣетъ болѣе научный характеръ и богата цѣнными данными въ этнографическомъ и экономическомъ отношеніяхъ; онъ посѣщалъ мѣстности мало извѣстныя и по своей специальности врача имѣлъ случай наблюдать многое такое, что ускользаетъ отъ вниманія обыкновенныхъ туристовъ. Наконецъ, сочиненіе Норова изобилуетъ важными археологическими замѣчаніями. Являясь въ русской литературѣ послѣ такихъ предшественниковъ въ описаніи Египта, г. Андреевскій сумѣлъ однако написать книгу, которая и на ряду съ ними имѣетъ свое несомнѣнное значеніе. Не представляя собою строго научнаго труда, книга г. Андреевскаго весьма удачно изла-

гаетъ все, что до сихъ поръ извѣстно объ Египтѣ изъ сочиненій европейскихъ ученыхъ (главнымъ образомъ французскихъ), и притомъ въ популярной формѣ, доступной для всѣхъ, кто поинтересовался бы этою страню чудесъ, „страню баснословныхъ фараоновъ, городовъ необъятныхъ, пирамидъ и таинственныхъ храмовъ; страню солнца и плодородія, видѣвшею дикихъ кочевниковъ-гиксовъ, библейскихъ патриарховъ, Камбиза и Персовъ, греческихъ философовъ, Александра и Клеопатру, Цезаря, Германика, Омара, наконецъ Наполеона и Мехмета-Али“, какъ называетъ Египетъ авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ своего предисловія. Согласно съ задачею, которую поставилъ себѣ авторъ, и критика не имѣетъ права слишкомъ строго относиться къ этому сочиненію и требовать отъ автора новыхъ научныхъ выводовъ, которыхъ онъ впрочемъ и не обѣщаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ далъ нашей литературѣ хорошій трудъ, свидѣтельствующій въ равной мѣрѣ и о талантливости автора, и о его любознательности, которую онъ доказалъ, какъ изученіемъ памятниковъ на мѣстѣ, такъ и знакомствомъ съ относящеяся сюда литературою. Но независимо отъ изученія трудовъ новѣйшихъ ученыхъ — Шамполліона, Мариетта, Ампера, Ленормана, Масперо, Лепсіуса, Бругша, Эберса и др., авторъ не пренебрегъ изученіемъ и Библии, и писателей классической древности, говорившихъ о Египтѣ — Манетона, Геродота, Діодора Сицилійскаго, Страбона и Плутарха, отъ чего трудъ его, конечно, только выигралъ. Интересу, который поддерживается во все время чтенія книги г. Андреевскаго, не мало содѣйствуетъ и самая форма изложенія, принятая авторомъ; онъ постепенно описываетъ все, что видѣлъ въ Египтѣ, и въ томъ порядкѣ, какъ видѣлъ, такъ что читатель мысленно самъ переносится въ описываемую страну и съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдитъ за записками туриста, хорошо знающаго дѣло и вездѣ дающаго историческія объясненія, такъ что читатель узнаетъ исторію всякой данной мѣстности, всякаго памятника, обычаевъ и т. п. съ древнѣйшихъ, иногда незапамятныхъ временъ до настоящаго дня. При этомъ не забыты ни религія, ни языкъ, ни литература, ни наука, ни искусство, ни исторія, какъ внутренняя, такъ и политическая, ни нравы и обычая страны; прочтя эту книгу, можно составить себѣ опредѣленное представленіе объ Египтѣ и о томъ, что связано съ этимъ именемъ.

Выѣхавъ 22-го декабря 1880 года изъ Неаполя съ цѣлюю компаніей туристовъ, нашъ авторъ прежде всего посѣтилъ Алексан-

дрію. Еще подвѣзжая къ ней, онъ видѣлъ Александрійскій маякъ, построенный на восточной оконечности бывшаго острова Фароса, на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ знаменитый древній маякъ, причисленный къ семи чудесамъ міра и выстроенный по приказанію Птолемея II Филадельфа, при чемъ строитель его Состратъ посредствомъ хитрости увѣковѣчилъ свое имя, начертавъ официальную надпись въ честь царя на штукатуркѣ, а свое имя вырѣзавъ на камнѣ, такъ что во времена Страбона сохранилось лишь одно имя строителя. Маякъ этотъ, существовавшій еще въ XIV в., по сказаніямъ Арабовъ, превосходилъ выотою самыя высокія пирамиды, слѣдовательно, имѣлъ больше 137 метровъ—вытѣшная высота пирамиды Хеопса. На верху этого маяка, по сказанію одной арабской легенды, было устроено зеркало, работы китайскаго мастера, отражавшее въ себѣ всѣ корабли, идущіе по Средиземному морю. Вотъ что говоритъ объ этомъ зеркалѣ г. Андреевскій: „Весьма возможно, что это зеркало, „талисманъ Александри“, въ которомъ видны были „небо, земля и вся природа“, точно также, какъ и зеркало фараоновъ, посредствомъ котораго они видѣли все, что происходитъ въ ихъ владѣніяхъ, было не что иное, какъ плодъ необыкновенно пылкой фантазіи Арабовъ. Впрочемъ, весьма серьезный ученый, г. Либри¹⁾, считалъ возможнымъ допустить существованіе телескопа на Александрійскомъ маякѣ. Не надо забывать, что нѣкоторыя мѣста средневѣковыхъ и древнихъ писателей позволяютъ думать, что увеличеніе предметовъ съ помощью извѣстнаго расположенія стеколъ было извѣстно до открытія Галилея²⁾. Г. Либри передаетъ, что въ Рагузѣ, за нѣсколько вѣковъ до Ньютона, находился инструментъ, весьма схожій по устройству съ телескопомъ, а Бурратини, италіанскій архитекторъ, бывшій въ Александри въ семнадцатомъ столѣтіи, полагаетъ, что этотъ инструментъ, находившійся въ Рагузѣ, тотъ же самый, который былъ въ Александри во времена Птолемеевъ, — предположеніе весьма смѣлое и весьма мало доказанное. Во всякомъ случаѣ, если допустить существованіе телескопа на Александрійскомъ маякѣ, то его надо отнести ко времени арабскаго владычества, а не къ эпохѣ Птолемеевъ, потому что, если бы такой инструментъ су-

¹⁾ Histoire des sciences mathématiques en Italie, t. I, p. 221.

²⁾ Такъ, Сенека были извѣстны увеличительныя стекла. Quaesf. not. lib. I, стр. XV.

ществовать въ ихъ время, то конечно, древніе писатели помѣстили бы его въ числѣ чудесъ Александріи⁴.

Въ самой Александріи вниманіе г. Андреевскаго было обращено прежде всего, конечно, на бібліотеку, исторію которой онъ и разказываетъ вкратцѣ, при чемъ съ нѣскольکو большею подробностью останавливается на знаменитомъ пожарѣ, приписанномъ калифу Омару: „Всякій знаетъ разказъ, сдѣлавшій изъ имени Омара синонимъ фанатизма и варварства. Бѣдный калифъ, вынесши въ продолженіе вѣковъ не заслуженную обиду, въ наши дни объявленъ почти невиновнымъ; по крайней мѣрѣ ему нашли сообщниковъ, предупредившихъ его и сдѣлавшихъ больше вреда, чѣмъ онъ. Сообщники эти—не дикіе враги цивилизаціи, не вандалы, и называются: Цезарь и христіанство. Цезарь былъ первымъ виновникомъ пожара, но виновникомъ, правда, невольнымъ. Осажденный во дворцѣ, гдѣ находилась бібліотека, онъ поджегъ ее въ томъ разчетѣ, что пламя переброситъ на египетскій флотъ и на дома, занятые непріателемъ. Въ этомъ пожарѣ погибла лишь часть бібліотеки, такъ какъ не задолго передъ этимъ, за недостаткомъ мѣста въ старомъ помѣщеніи, около половины всѣхъ свертковъ папируса было перенесено въ Серапеумъ, гдѣ помѣстилась потомъ и Цергамская бібліотека. Но и это хранилище древней мудрости, пострадавшее два раза отъ огня при М. Авреліи и Коммодѣ, должно было окончательно погибнуть при Θεодосіи. Этотъ разъ виновниками были христіане; предводительствуемце патріархомъ Теофиломъ, они приступомъ взяли Серапеумъ и уничтожили драгоцѣнные свитки, какъ ненавистные остатки язычества, такъ что ко времени калифа Омара не осталось ничего или весьма мало отъ знаменитой бібліотеки Птолемеевъ. До насъ отъ обонхъ зданій, гдѣ помѣщалась Александрійская бібліотека, осталась лишь одна Помпеева колонна, стоявшая посреди двора Серапеума и сохранившаяся до XIX столѣтія по Р. Х., какъ единственный слѣдъ бывшаго величія и значенія Александріи⁴.

Замѣтимъ тутъ встатн, что говоря объ Александрійской бібліотекѣ и указывая, что она содержала въ себѣ 900,000 свертковъ папируса, почтенный авторъ, вѣроятно, по недоразумѣнію, сильно преувеличиваетъ, такъ какъ извѣстно, что бібліотека въ Брухей содержала въ себѣ вмѣстѣ съ дублетами (такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ слово *συνμῦχῃ* Ричль) 400,000 свитковъ, а безъ дублетовъ (*ἀμῦχῃ καὶ ἀπλῶ*) — 90,000. Не изъ послѣдняго ли числа и произошла ошибка? Другіе, какъ напримѣръ, Бернгарди, объясняютъ

эти слова *οφική* и *ἀρχική* кѣи *ἐκκλη* никакъ, но число святцовъ во всякомъ случаѣ остается то же самое.

Что касается упомянутой выше Помпеевой колонны, то она, не смотря на свое названіе, ничего общаго съ Помпеемъ не имѣетъ и до сихъ поръ представляетъ для ученыхъ не разъясненную загадку, такъ какъ и Помпей не былъ никогда въ Александрію, и убійцы его или его побѣдители едва ли стали бы воздвигать въ его честь памятникъ. Загадка эта не разрѣшилась и тогда, когда Сальтъ снялъ съ греческую надпись, находящуюся на фундаментѣ колонны; но надпись эта дала, по крайней мѣрѣ, поводъ къ догадкамъ. Такъ, Летроуиъ считаетъ ее римскою триумфальною колонною, въ родѣ Траяновой или Антониновой. На надписи же этой значится, что колонна была воставлена египетскимъ префектомъ Помпеемъ (по другимъ, Публиемъ, такъ какъ на надписи сохранились только буквы *Πο...ος*) въ честь императора Діоклетіана, вѣроятно, послѣ побѣды надъ Ахилеемъ, провозгласившимъ себя незадолго передъ тѣмъ императоромъ Египта. По мнѣнію другихъ, напримѣръ, Анпера, колонна эта греческаго происхожденія и воздвигнута одновременно съ Серапеемъ, то-есть, при первыхъ Птоломеехъ. По словамъ риторика Атонія, по-сѣтившаго Александрію въ III или IV в. по Р. Х., колонна была воздвигнута съ цѣлью „служить для ориентированія, такъ какъ, когда прѣзжаешь въ Александрію, то не знаешь, куда идти, а ее видно и съ моря и съ земли“. Происхожденіе названія этой колонны самъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что преданіе часто соединяетъ знаменитое имя съ памятникомъ, исторія котораго затерялась въ туманѣ вѣковъ, и приводитъ въ видѣ примѣра одну средневѣковую башню въ Римѣ, которая носитъ названіе башни Нерона, и хорегическій памятникъ въ Афинахъ, именуемый обыкновенно фонаремъ Демосоена. Что касается до послѣдняго, то онъ не вполне выдерживаетъ сравненіе, такъ какъ исторія его не затерялась въ туманѣ вѣковъ, и очень хорошо извѣстно, что онъ былъ воздвигнутъ въ честь афинскаго хороначальника Лисиврата, Демосоеновымъ же фонаремъ называется по одному, довольно, впрочемъ, сомнительному сказанію, вслѣдствіе того, что здѣсь-де занимался въ уединеніи Демосоеенъ.

Слѣдующій послѣ Александрію городъ, лежавшій на пути нашего автора, былъ Каиръ, исторію котораго онъ и разсказываетъ. Основаніе нынѣшняго города относится къ концу X вѣка. Названъ онъ былъ Мазръ-эль-Каира, то-есть, побѣдоноснымъ. Въ настоящее время городъ принимаетъ все болѣе и болѣе европейскій видъ, такъ что не-

волью вызываетъ въ нашемъ туристѣ восклицаніе: „Грустно смотрѣть, какъ одно, отжившее, изветшалое, но прекрасное въ своей наивности, уступаетъ мѣсто другому началу, разумному, но холодному, съ другой же стороны, не будь этого вторженія, можетъ быть, не возможно или, по крайней мѣрѣ, гораздо труднѣе было бы видѣть то, объ уничтоженіи чего приходится сожалѣть“.

Говоря о народонаселеніи Каира, простирающемся до 400,000 и состоящемъ, кромѣ Европейцевъ, изъ Арабовъ, Турокъ, Коптовъ, Евреевъ, Левантийцевъ, Абиссинцевъ и Нубійцевъ, авторъ не могъ обойти молчаніемъ происхожденіе и языкъ Коптовъ, которые, какъ извѣстно, представляютъ собою потомковъ древнихъ Египтянъ, и языкъ которыхъ происходитъ отъ языка фараоновъ, что и дало возможность разобрать нѣкоторыя іероглифическія надписи, хотя въ настоящее время языкъ ихъ уже полу-мертвый и употребляется лишь для богослуженія, подобно нашему церковно-славянскому. Разница между египетскимъ и коптскимъ языкомъ заключается, по видимому лишь въ томъ, что послѣдній болѣе привороженъ къ христіанскому мировоззрѣнію, такъ какъ Копты тѣ же Египтяне, но только христіане, и въ томъ еще, что онъ усвоилъ себѣ вмѣсто прежнихъ іероглифовъ греческую азбуку. Замѣчательно также, что, подобно тому какъ древніе Египтяне были народомъ-писаремъ по преимуществу, не упускавшимъ случая исписать сверху до низу всѣ свои памятники, увѣковѣчившимъ всѣ событія самыми подробными надписями и даже домашнюю утварь не оставлявшимъ безъ письменъ, такъ и Копты — писари по призванію, унаслѣдовавшіе страсть къ писанію отъ своихъ предковъ: огромное большинство писарей въ Каирѣ изъ Коптовъ.

Изъ достопримѣчательностей Каира г. Андреевскій останавливается прежде всего на мечети Амру, которая представляетъ собою самый древній памятникъ ислама въ Египтѣ. Мечеть эта, по словамъ г. Андреевскаго, представляетъ типъ арабскихъ построекъ такого рода, типъ, воспроизведенный и въ другихъ мечетяхъ Каира и нѣсколько видоизмѣненный въ Испаніи и Сициліи. „Въ своемъ началѣ“, читаемъ мы у г. Андреевскаго, — „мечеть не была „домомъ молитвы“, но открытымъ дворомъ, окруженнымъ портиками и колоннами, изъ коихъ сама украшенная всегда обращены въ сторону Мекки. По обѣимъ сторонамъ двора, простирающагося передъ мѣстомъ, назначенномъ для омовенія и молитвы, находятся яли, скорѣе, находились бани, конюшни и помѣщенія для пріѣзжающихъ, однимъ словомъ, то, что все, вмѣстѣ взятое, называется по арабски околь, то-есть, ка-

равансарай или постоянный дворъ. Такимъ образомъ мечеть съ самаго начала получила характерный видъ храма кочующаго народа, храма дѣтей Измаила, сына Авраама и Агари. И, прежде чѣмъ сдѣлаться домомъ молитвы, мечеть была страннопримимымъ убѣжищемъ". Въ настоящее время мечеть эта въ большомъ упадкѣ, но сохранилась на столько, что поддается самому подробному описанію, которому и посвящена большая часть III-й главы разбираемаго труда. Мечеть эта замѣчательна, между прочимъ, еще тѣмъ, что въ ней не разъ собирались вѣрующіе всѣхъ исповѣданій, признающіе единого Бога, для молитвы въ годану общаго бѣдствія. Такъ было, напримѣръ, при Мехметѣ-Али во время голода, когда не разлившійся Нилъ угрожалъ повтореніемъ того же несчастія и на слѣдующій годъ.

Говори о другой мечети въ Каирѣ, Гама-эль-Азхаръ, г. Андреевскій очень живо описываетъ помѣщающійся въ ней мусульманскій университетъ, численностью своею превосходящій самыя многолюдныя университеты въ Европѣ, такъ какъ послѣдніе не насчитываютъ, сколько извѣстно, больше 4000 студентовъ (такъ бывало въ Берлинскомъ университетѣ) при 175 профессорахъ, тогда какъ въ университетѣ Гама-эль-Азхаръ болѣе 9000 студентовъ и 300 профессоровъ; зато методъ преподаванія остается все тотъ же, какой былъ и въ X вѣкѣ. Вотъ что говоритъ г. Андреевскій о самомъ университетѣ: „На громадной площади, въ тѣни портиковъ и навѣсовъ, на циночкахъ сидятъ въ различныхъ позахъ тысячи студентовъ различныхъ цвѣтовъ, начиная отъ прозрачно-бѣлаго турка и кончая чернымъ, какъ уголь, нубійцемъ, и различныхъ возрастовъ, начиная отъ десятилѣтнихъ ребятъ и кончая престарѣлыми старцами, ищущими утѣшенія въ наукѣ. Одни изъ нихъ читаютъ на распѣвъ, раскачиваясь при этомъ всѣмъ тѣломъ, другіе зубрятъ заданный урокъ, отчеканивая языкомъ, какъ поваръ ножикомъ, третьи закусываютъ, штрпаютъ разодранное платье, гуляютъ или спятъ, растянувшись во всю длину на горячемъ мраморѣ; но все это происходитъ безъ малѣйшей суматохи и непочтительности. Лишь только раздастся призывъ муэдзина, они всѣ встанутъ для омовенія и молитвы, а потомъ сядутъ группами на корточкахъ вокругъ какого нибудь профессора въ бѣломъ турбанѣ и желѣзныхъ круглыхъ очкахъ“.

Изъ Каира г. Андреевскій переноситъ насъ въ Гелиополь или, какъ онъ его называетъ, Гелиополисъ, считающій уже свое время пелѣями, какъ города Арабовъ, а тысячелѣтіями. Гелиополь есть греческій переводъ египетскаго имени города—Онъ, что значитъ городъ

Солнца, въ Ветхомъ Завѣтѣ Ветъ-Шемешъ. О древности его можно судить по тому, что увидѣвшему отъ этого города обелиску, такъ-называемому „obelisku въ Матаріѣ“, уже XLVII вѣковъ, такъ какъ надпись, воспроизведенная на его четырехъ сторонахъ, гласитъ, что онъ былъ воздвигнутъ Увортасеномъ I, фараономъ XII династіи. Обелискъ этотъ наводитъ автора на рѣчь объ обелискахъ вообще. Има это авторъ объясняетъ тѣмъ что Греки, посѣтившіе Египетъ и увидѣвшіе впервые этотъ типъ монументовъ, имѣющій продолговатую и тонкую форму съ заостренной верхушкой, окрестили ихъ словомъ *obelos*, чтобы самымъ названіемъ объяснить ихъ форму иглы или спицы. И дѣйствительно, Геродотъ, говоря объ обелискахъ, вездѣ употребляетъ слово *obelos*, которое въ римскую эпоху было замѣнено, но непонятной причинѣ, уменьшительной формой *obeliscos*. Первоначально обелиски ставились Египтянами обыкновенно попарно передъ первымъ пилономъ храмовъ, по обѣимъ сторонамъ главнаго входа. Кромѣ того, маленькіе обелиски, сдѣланные изъ известняка, находятся и въ мастаба могилъ, то-есть, во вѣншей части могилы, въ родѣ погребальной часовни. Еще они употреблялись для украшенія дворцовъ. Вслѣдствіе формы, которую они имѣютъ, ихъ часто объясняли какъ символъ солнечнаго луча или какъ символъ нефаллигическаго бога Аммона. Изъ множества обелисковъ, посвященныхъ божеству Геліополя, самыя лучшіе были взяты Римскими императорами для украшенія вѣчнаго города, въ которомъ во времена имперіи ихъ было около пятидесяти. Въ самомъ Египтѣ памятниковъ этихъ осталось не болѣе 20, причемъ нѣкоторые еще сломаны. Что касается до высоты обелисковъ, то она, по словамъ Діодора, достигала 120 локтей или 55 метровъ, а самый высокій изъ сохранившихся до сихъ поръ монолитовъ такого рода имѣетъ 33,20 метра.

Говоримъ о Геліополѣ, въ который приходили изучать астрономію Платонъ и Евдоксій, который посѣщалъ Страбонъ, и въ которомъ жилъ и писалъ исторію Египта Манетонъ, г. Андреевскій затрогиваетъ вопросъ и о греческомъ огнѣ, изобрѣтенномъ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, Каллиникомъ, жившимъ въ этомъ городѣ въ VII вѣкѣ по Р. Х. и спасшимъ, благодаря своему изобрѣтенію, Константинополь. По объясненію г. Андреевскаго, заимствованному имъ изъ сочиненія Рено и Фаве, подъ именемъ греческаго огня разумѣлись извѣстныя соединенія, въ которыхъ главную роль играла селитра, и которыя сильно походили по составу на порохъ;

поэтому можно было бы прийти къ заключенію, что порохъ былъ изобрѣтенъ до нѣмецкаго монаха Египтянами, въ пользу чего, между прочимъ говорить и изобиліе селитры въ Египтѣ; но, съ другой стороны, до сихъ поръ не найдено ничего, что могло бы хотя намекать на существованіе пороха у Египтянъ. Впрочемъ, самъ авторъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что порохъ былъ изобрѣтенъ, Китайцами и ими же занесенъ въ Египетъ, въ которомъ Арабы въ эпоху Каллиника лѣтъ сорокъ уже владѣли страной, находящеюся рядомъ съ Гелиополемъ, и гдѣ нынѣ стоитъ Каиръ. На такое происхожденіе пороха указываетъ по крайней мѣрѣ то обстоятельство что Арабы, умѣвшіе готовить селитру, называли ее „китайскимъ снѣгомъ“.

Одна изъ наиболѣе богатыхъ по своему содержанію главъ это— седьмая, посвященная описанію знаменитаго Булакскаго музея, который вмѣщаетъ въ себѣ самую полную коллекцію египетскихъ произведеній искусства, собранную по всей долинѣ Нила, начиная отъ дельты и кончая вторыми порогами. Музей былъ основанъ Мариетт-нашей при Мохамедъ-Саидъ-пашѣ, и въ немъ собрано все найденное за послѣдніа двадцать-пять лѣтъ въ Саккарскомъ некрополѣ, въ гробницахъ, сосѣднихъ съ большими пирамидами, въ Онвахъ, въ Абидосѣ, въ Елефантинѣ, въ Напата и пр. О богатствѣ музея можно приблизительно судить уже по каталогу, составленному Мариеттомъ и представляющему большой томъ въ 350 страницъ, въ которомъ описано 986 различныхъ предметовъ — статуй, барельефовъ, стелъ и надписей, саркофаговъ и мумій, столовъ для жертвоприношеній и т. п. Приступая къ описанію музея, г. Андреевскій посвятилъ часть главы общимъ замѣчаніемъ о египетскомъ искусствѣ, при чемъ съ большою убѣдительною и воодушевленіемъ доказываетъ всю несправедливость сложившагося еще со временъ Платона предубѣжденія о неподвижности египетскаго искусства. Въ этой же главѣ авторъ очень кстати помѣстилъ краткій очеркъ исторіи Египта въ ея главнѣйшихъ фазисахъ, значительно облегчая этимъ пониманіе всей книги, въ которой постоянно упоминаются фараоны той или другой династіи.

Какъ истый туристъ, нашъ авторъ не могъ, конечно, не попробовать курить гашишъ, но вмѣсто всякихъ видѣній, переносящихъ того, кто накурится гашишу, въ заоблачное царство, за тридцать земель, нашъ авторъ не почувствовалъ ничего, кромѣ непріятнаго вкуса во рту. Впослѣдствіи уже онъ узналъ, что гашишъ дѣйствуетъ только

послѣ довольно продолжительнаго, непрерывнаго его употребленія. Употребленіе гашиша онъ очень мѣтко сравниваетъ съ употребленіемъ водки, когда ее пьютъ запоемъ, при чемъ прибавляетъ, что оно имѣетъ не только тѣ же слѣдствія, но и тѣ же причины, такъ что главные его потребители это—нищета и безвыходное положеніе. Это, въ свою очередь, даетъ автору поводъ къ разсужденію объ экономическомъ положеніи земледѣльческаго класса въ Египтѣ, которое представляется крайне плачевнымъ, такъ какъ вся земля въ Египтѣ составляла принадлежность фараоновъ, при чемъ монополія эта не измѣнилась ни при Птолемахъ и Римлянахъ, ни при палифахъ, ни въ ту пору, когда страна сдѣлалась провинціей Оттоманской имперіи, такъ какъ въ это время земля сдѣлалась личнымъ достояніемъ мамлюковъ, а съ 1811 года—Мехмета-Али. При преемникѣ его Саидъ-пашѣ, положеніе это измѣнилось, и за сельскими жителями было признано право собственности на землю, но de facto положеніе осталось то же, что и прежде: феллахъ до такой степени подавленъ тяжестью налоговъ, что ему рѣшительно все равно, сколько у него ни уродится, ибо во всякомъ случаѣ все будетъ взято на уплату податей.

Но вотъ, наконецъ, мы дошли и до пирамидъ, которымъ посвящены двѣ главы (девятая и десятая). Знаменитыя Гизехскія пирамиды расположены на столько близко отъ Каира, что поѣздка туда совершается на лошадяхъ. Такъ поступилъ и нашъ русскій путешественникъ, не удовольствовавшійся однимъ лишь зрѣлищемъ, а взобравшійся на вершину наиболѣе высокой пирамиды Хеопса. Извѣстно, что пирамиды представляютъ собою загадку, которая и въ настоящее время, можетъ быть, еще не окончательно разрѣшена. Сколько самыхъ различныхъ гипотезъ было о ихъ назначеніи! Кто считалъ ихъ житницами, предполагая, слѣдовательно, что онѣ внутри пусты, кто гробницами, но гробницами, напримѣръ, Сиеа и Еноха, кто видѣлъ въ нихъ указателей, опредѣляющихъ періоды солнцестоянія и равноденствія вслѣдствіе ихъ правильной постановки по магнитной стрѣлкѣ; кто думалъ, что онѣ были выстроены съ цѣлью остановить песокъ пустыни, постоянно стремящійся ворваться въ долину Нила и засыпать обработанныя поля. Всѣ эти „грезы воображенія и грезы науки“ г. Андреевскій подробно разбираетъ и опровергаетъ, останавливаясь самъ на наиболѣе распространенномъ мнѣніи, что пирамиды суть могилы, въ пользу чего и приводитъ массу доводовъ. Соотвѣтственно тому пирамиды по формѣ и матеріалу, суть „ничто

нное, какъ выстроенный курганъ (этотъ первоначальный типъ могильнаго памятника), въ которомъ кирпичъ или камень замѣнили землю⁴.

Не менѣе интересенъ вопросъ и о способѣ, которымъ строили пирамиды. Самымъ вѣроятнымъ на первый взглядъ кажется тотъ, что постройка начиналась съ середины и шла, постепенно увеличиваясь въ ширину и высоту,—это при предположеніи, что всякій фараонъ самъ себя строилъ пирамиду, такъ что преемнику его оставалась лишь помѣстить саркофагъ въ определенное для того мѣсто, замуровать входъ и сдѣлать вѣшнюю облицовку. Въ пользу такого способа построенія говорить какъ то обстоятельство, что весьма трудно предположить, чтобы наследники стали сооружать своимъ предкамъ такія громады, стоившія страшнаго труда и страшныхъ расходовъ, такъ и различная высота пирамидъ и различная степень ихъ отдѣлки, легче всего объясняющаяся тѣмъ, что со смертью фараона постройка прекращалась. Но есть очень важный доводъ и противъ такого предположенія—это именно трудность въ объясненіи того мѣста, которое занимаютъ внутри пирамиды комнаты и проходы, такъ какъ погребальная комната лишь въ одной пирамидѣ, именно Саккарской со ступенями, находится подъ самымъ зданіемъ, во всѣхъ же остальныхъ она находится гдѣ-нибудь въ серединѣ, а въ пирамидѣ Хеопса, напримѣръ, лежитъ на половинѣ общей высоты, такъ что комнаты, пустыя пространства надъ ними для облегченія тяжести, корридоры, высокое преддверіе, отдушины и т. п. свидѣтельствуютъ въ пользу постройки по одному общему, заранее обдуманному плану. Нашъ авторъ лично склоняется въ пользу послѣдняго способа, при чемъ высказываетъ предположеніе, что пирамиды строились не однимъ какимъ-нибудь фараономъ, а оканчивались его потомками, несшими на себѣ эту тягость въ силу вкоренившейся въ Египтянахъ мысли о загробной жизни и ихъ набожности. Облицовка пирамидъ состояла изъ „самыхъ разнообразныхъ и блестящихъ камней, тщательно подобранныхъ⁵“. Вопросъ, что было на верху ихъ, такъ какъ уже во времена Діодора онѣ представляли собою гладкую площадь довольно большихъ размѣровъ, такъ что, напримѣръ, верхушка пирамиды Хеопса имѣла въ то время около 10 квадратныхъ метровъ. Нѣкоторые египтологи предполагаютъ со словъ Геродота, описывающаго двѣ пирамиды на Меридовомъ озерѣ, что на верху пирамидъ стояли статуи строившихъ ихъ фараоновъ. Въ настоящее время не осталось и слѣдовъ этихъ колоссовъ, да и самъ Геродотъ, при описаніи другихъ пирамидъ, ни о какихъ статуяхъ не говоритъ, изъ чего можно заключить, что онѣ

только и были, по крайней мѣрѣ, во время Геродота на тѣхъ двухъ пирамидахъ, при описаніи которыхъ онъ ихъ упоминаетъ. Г. Андреевскій сравнивая въ этомъ отношеніи пирамиды съ обелисками, оканчивавшимися наверху золотыми пирамидіонами, высказываетъ предположеніе, не было ли такихъ пирамидіоновъ и на пирамидахъ, хотя не останавливается, конечно, на этомъ предположеніи, какъ слишкомъ смѣломъ и ничѣмъ недоказанномъ. Высота пирамидъ, какъ уже выше было сказано, весьма различна и съ теченіемъ времени нѣсколько уменьшилась, такъ что высочайшая пирамида Хеопса, имѣвшая первоначально по разчетамъ Летронна, 144,00 метра, то-есть, уступавшая высочайшему зданію въ мірѣ—Кельнскому собору лишь на 15,00 метра, въ настоящее время имѣетъ 137 метровъ, то-есть, превосходитъ высоту шпица Петропавловскаго собора въ Петербургѣ всего на 9 метровъ.

Неподалеку отъ пирамидъ, въ концѣ дороги, ведущей къ нимъ отъ Нила, находится огромный сфинксъ—образъ восходящаго солнца, отъ котораго въ настоящее время видна лишь голова да часть спины, такъ какъ остальное все засыпано пескомъ. Замѣчательно, что, не смотря на громадныя размѣры этой статуи или скалы, превращенной въ статую, одинъ ротъ которой имѣетъ 2,00 метра, сфинксъ этотъ представляетъ тонкую и вполне законченную работу. Сзади этого сфинкса находится храмъ, описаніе котораго мы заимствуемъ цѣликомъ изъ книги г. Андреевскаго: „Онъ былъ найденъ и расчищенъ Маріеттомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Ленорманъ считаетъ его произведеніемъ той эпохи, когда Египтяне поселились на берегахъ Нила и ихъ зарождающаяся цивилизація начинала испытывать свои молодые силы. Храмъ этотъ выстроенъ изъ громаднхъ монолитовъ Сіенскаго гранита, кажущихся колоссальными даже у подножія пирамидъ. Его стѣны и перекладки изъ гладкихъ, ни чѣмъ не отдѣланныхъ и не украшенныхъ камней могутъ служить типомъ первичныхъ построекъ человѣка. Въ одной надписи время Хеопса о немъ говорится, какъ о храмѣ, сооруженіе котораго теряется во мракѣ вѣковъ, предшествовавшихъ первымъ династіямъ. Хеопсъ случайно нашелъ его засыпаннымъ песками, подъ которыми онъ былъ забытъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Передъ такою неизмѣримою древностію умъ человѣческій останавливается, воображеніе отказывается служить вамъ. Египеть, а слѣдовательно, и остальная земля, не обладаетъ ни однимъ произведеніемъ человѣка, достойнымъ носить имя памятника, которое могло бы быть сравнено по древности съ этимъ загадочнымъ храмомъ“.

Изъ Каира авторъ приглашаетъ читателей слѣдовать за нимъ далѣе вверхъ по Нилу на пароходѣ. Путешествіе это даетъ ему поводъ распространиться съ большою подробностью о самомъ Нилѣ и его разливахъ. Прежде всего поражаетъ то необыкновенное постоянство и правильность, съ какими въ теченіе столькихъ вѣковъ происходятъ эти разливы, такъ что уже въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій такъ-называемый „Нильскій періодъ“ начинается всегда ровно 16-го января. Но это еще только начало разлива, не доходящее пока до Египта, и въ Каирѣ, напримѣръ, онъ празднуется лишь 17-го іюня, когда болота вслѣдствіе вышедшей изъ береговъ воды трогаются съ мѣста и спускаютъ свой зловонный илъ и тину въ Ниль. Вода въ это время дѣлается совершенно зеленою, липкою и вонючею; употребленіе ея въ этотъ краткій періодъ, продолжающійся три—четыре дня, на столько вредно, что обыватели всегда заранѣе запасаются водою на это время. При новомъ приливѣ воды вслѣдствіе продолжающихся идти въ центральной Африкѣ дождей, потоки, текущіе съ горъ, свободно проходятъ по очищенному уже руслу болотъ и увлекаютъ собою съ горъ красновато-коричневую землю и черезъ 10—12 дней совершается послѣдній и самый необыкновенный феноменъ; вода становится совершенно красная и мало по малу Ниль принимаетъ видъ кровавой рѣки. Вода „Краснаго Нила“ не вредна для употребленія, какъ вода „Зеленаго Нила“, а напротивъ такъ вкусна и здорова, какъ никогда въ другое время. Замѣчательно также, что будучи почерпнута и отстоявшись, она нисколько не мѣняетъ своего краснаго цвѣта, а внизу даетъ осадокъ приблизительно на четверть стакана черной грязи. Оканчивается разливъ 26-го сентября, и слѣдовательно продолжается 100 дней, какъ говорилъ еще Геродотъ, если принимать за начало не первыя явленія „Нильскаго періода“, а уже самый разливъ. Затѣмъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ происходитъ постепенное паденіе Нила, который, впрочемъ, совсѣмъ никогда не высыхаетъ. Нечего и говорить о тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, которыми приноситъ съ собою каждое разлитіе Нила, и изъ Библии извѣстно, какимъ бѣдствіемъ грозитъ странѣ даже неполный разливъ, не достигающій поднятія воды на 13-ть локтей, какимъ онъ былъ, напримѣръ во времена Іосифа. Чтобъ оросить всѣ поля, Ниль долженъ подняться на 16-ть локтей.

- Первою остановкою на пути вверхъ по Нилу былъ Мемфисъ, самая древняя столица Египта, отъ которой въ настоящее время не осталось буквально ничего, что хотя намекало бы на стоявшій когда-то

величественный городъ. Но еще Шамполіонъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по гранитнымъ глыбамъ, видѣвшимся мѣстами изъ подъ земли, могъ составить себѣ представленіе объ очертаніяхъ города, а въ XIII вѣкѣ развалины Мемфиса представляли еще величественное зрѣлище, такъ что одинъ писатель того времени Абдъ-эль-Латифа, описывая городъ, прибавляетъ, между прочимъ: „Чѣмъ больше смотришь на эти развалины, тѣмъ больше растетъ чувство восторга; на каждомъ шагу встрѣчаешь новый предметъ удивленія. Едва успѣешь составить себѣ идею объ общенъ видѣ развалинъ, какъ тотчасъ же убѣждаешься въ ея несовершенствѣ; а когда думаешь, что имѣешь ясное о нихъ понятіе, то неминуемо увидишь, что то, что вы рисовали себѣ въ воображеніи, неизмѣримо ниже дѣйствительности“. До нашего времени отъ Мемфиса остался лишь на половину ушедшій въ землю колоссъ, изображающій Рамзеса II Великаго, смерти котораго такъ долго ждалъ Моисей, чтобы возвратиться въ Египетъ. Но если отъ жилищъ древнихъ Египтянъ не осталось ни малѣйшаго слѣда, что легко объясняется ихъ міровоззрѣніемъ, такъ какъ жизнь считалась у нихъ лишь мимолетнымъ пребываніемъ на землѣ, то тѣмъ больше сохранилось ихъ могилъ, къ которымъ были приложены всевозможныя заботы, и которыхъ даже само время не могло сокрушить. Мемфисскій некрополь самый большой въ мірѣ, и по его величинѣ можно себѣ составить понятіе, какъ о величинѣ города, такъ и объ его древности. Изложивъ вкратцѣ исторію города, г. Андреевскій ведетъ насъ въ этотъ некрополь и останавливается прежде всего на описаніи могилъ этого періода египетской исторіи. „Могила“, говоритъ онъ, — „состояла изъ слѣдующихъ двухъ частей; изъ внѣшней или мастаба и изъ внутренней. Внѣшняя часть представляла погребальную часовню, построенную по прямоугольному плану, съ массивными стѣнами, достигающими иногда восьми, девяти метровъ вышины. Часовни эти въ безпорядкѣ разбросаны по песчапой пустынѣ, но главный фасадъ ихъ всегда обращенъ на востокъ, то-есть по направленію къ страгѣ Хоруса (восходящаго солнца, олицетворяющаго воскресеніе). Крыша мастаба, имѣющая видъ платформы, устлана обыкновенно глиняными сосудами, въ которыхъ припасали покойникамъ нильскую воду. Внутренняя часть состояла въ періодъ Древней Имперіи изъ трехъ частей: комнаты, посвященной памяти умершаго, сердаба—потаеннаго корридора и колодца, отверстіе котораго всегда тщательно спрятано и на днѣ котораго находится склепъ съ муміей. Передъ входомъ въ наиболѣе

роскошныя могилы строили перистиль съ колоннадами, а надъ дверью висали молитву къ Анубису, богу кладбищъ, прося даровать хорошее погребеніе „послѣ счастливой и продолжительной старости“, облегчить покойнику путешествіе по загробнымъ странамъ и обезпечить исправное приношеніе яствъ, необходимыхъ для умершаго во время его долгихъ странствій по невѣдомымъ краямъ. За перистилемъ помещалась номинальная коннота, остававшаяся всегда доступною для живыхъ; въ этомъ отношеніи и большія пирамиды не составляли исключенія: сама пирамида была наглухо задѣлана со всѣхъ сторонъ; но рядомъ съ нею строилась часовня, всегда доступная для посѣтителей. Въ ней служили жрецы, совершая поминковенія фараона, поконившагося въ пирамидѣ. И только во времена Новой Имперіи, то есть двѣ съ половиной тысячи лѣтъ спустя, могилы, постепенно утратившія свой первоначальный видъ, превратились въ подземныя пещеры, входъ въ которыя тщательно прятался и уммышленно терялся“. Что касается до упомянутаго выше приношенія яствъ, то оно отнюдь не имѣло характера жертвоприношенія, какъ, напримѣръ, у Аріицевъ, а дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы умершій во время своего продолжительнаго странствія изъ этого міра въ другой, лучшей, гдѣ онъ представитъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ здѣсь на землѣ, имѣлъ, чѣмъ бы питаться.

Недалеко отъ некрополя находится Серапей, эта усыпальница аписовъ, быковъ, почитавшихся оболочкою души Озириса и принимавшихъ по смерти названіе Озириса-аписа, по египетски Озаръ-Хапи, а въ устахъ Грековъ, жившихъ въ Египтѣ при Птолемахъ, Сораписъ или Сераписъ. Основанъ былъ культъ аписа на вѣрованіи въ воплощеніе бога въ человѣка или животное, и по смерти одного аписа жрецы немедленно же принимались искать новаго быка, въ которомъ бы проявилось присутствіе Озириса. Чтобы удовлетворить всѣмъ условіямъ, онъ долженъ былъ имѣть 28 различныхъ знаковъ, заключающихся въ цвѣтѣ шерсти, формѣ роговъ и другихъ особенностяхъ.

Открытіе Серапея составило цѣлую эпоху въ египтологіи, и потому г. Андреевскій съ большою подробностью останавливается на немъ, посвящая ему всю XIII-ю главу. Онъ описываетъ постепенно весь ходъ работъ Мариеттъ-паши, начиная съ его пріѣзда въ Египетъ въ 1850 г., тѣ затрудненія, съ которыми пришлось бороться знаменитому египтологу, сдѣлавшемуся въ послѣдствіи хранителемъ Булавскаго музея,—затрудненія, которыя сначала заключались только

въ трудности раскапывать песокъ, такъ что, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ теченіе цѣлой недѣли работы подвигались лишь на одинъ метръ впередъ, и къ которымъ потомъ присоединялись новыя—въ лицѣ египетскаго правительства, старавшагося всячески препятствовать славному ученому въ его неустомимыхъ трудахъ, угнѣчавшихся, наконецъ, полнымъ успѣхомъ. 12-го ноября 1851 года Мариеттъ проникъ въ самый Серапей, гдѣ нашелъ страшное разрушеніе, относящееся, вѣроятно, главнѣйшимъ образомъ ко времени едикта императора Θεодосія, уничтожившаго въ IV вѣкѣ египетскую религію. 15-го марта 1852 года неустомимый труженикъ достигъ одной изъ отдѣльныхъ комнатъ малыхъ подземелій, гдѣ взорамъ его предстала погребальная палата аписа такую, какою она была оставлена 3230 лѣтъ тому назадъ, въ 26-мъ году царствованія Рамзеса II. Можно себѣ представить чувства, волновавшія Мариетта, когда, войдя въ этотъ склепъ, онъ увидѣлъ на тонкомъ слой песка, покрывавшаго полъ, отпечатокъ босыхъ ногъ работниковъ, кланявшихся богу въ гробъ 3230 лѣтъ тому назадъ! Изъ числа 64 гробницъ аписа Мариеттомъ было найдено лишь четыре, которыя сохранились какимъ-то чудомъ нетронутыми. По изслѣдованію Мариетта, аписовъ не мумифицировали, какъ людей, а разрубали на части (быть можетъ, на 14 частей, какъ это было съ тѣломъ Озириса?), а то, что оставалось, прямо кляли въ гробъ. Впрочемъ, главный интересъ открытія Серапея заключается не въ самомъ аписѣ, а въ найденныхъ при этомъ надписяхъ, благодаря которымъ имя Мариетта можетъ быть поставлено наравнѣ съ именемъ Шамполліона.

На дальнѣйшемъ пути по Нилу вниманіе туристовъ было привлечено лабиринтомъ, лежащимъ въ долинѣ Эль-Файумъ, верстахъ въ 25 отъ Нила. Лабиринтъ этотъ—собственно исковерканное Греками египетское слово лопе-ро-хунтъ, то-есть, храмъ или дворецъ при устьѣ озера—привлекалъ вниманіе древнихъ не менѣе, чѣмъ сами пирамиды, но до сихъ поръ остался не разгаданною загадкою какъ относительно плана и размѣровъ, такъ и относительно назначенія. Въ 1843 году Лепсіусъ открылъ развалины лабиринта, и найденныя имъ тамъ надписи подтвердили показаніе Манетона, что выстроены онъ былъ фараономъ XII династіи Амонъ-эмъ-хатъ III.

Послѣ знаменитаго лабиринта г. Андреевскій ведетъ насъ въ Делдерскій храмъ, который по грандіозности своей кажется представителемъ цвѣтущихъ временъ египетскаго водчества, но принадлежитъ гораздо болѣе позднему времени, такъ какъ начатъ былъ постройки часть сохххiv, отд. 2.

кою при Птоломеевѣ XIII, а при Тибериѣ уже окончена. Находящійся еще до сихъ поръ въ потолкѣ колоннаго пронаоса зодиакъ даетъ автору поводъ говорить объ астрономіи у Египтянъ и въ связи съ этимъ объ ихъ календарѣ. При этомъ замѣчательно, что между тѣмъ какъ у Римлянъ годъ состоялъ первоначально изъ 304 дней затѣмъ изъ 355 и только во время Цезаря былъ введенъ правильный календарь, у Египтянъ, имѣвшихъ съ незапамятныхъ временъ годъ въ 360 дней (12 мѣсяцевъ въ 30 дней каждый), уже 5168 лѣтъ тому назадъ къ 360 днямъ было прибавлено пять дополнительныхъ, при чемъ доподлинно извѣстно изъ словъ Геродота, что разница на четверть дня между гражданскимъ годомъ и солнечнымъ была извѣстна египетскимъ жрецамъ, равно какъ извѣстно было и то что черезъ каждый 1461 годъ гражданскій годъ совпадаетъ съ солнечнымъ. Одно изъ такихъ совпаденій произошло, между прочимъ, по вычисленію Біо, въ 1301 или 1300 г. до Р. Хр., въ 12-мъ году царствованія Рамзеса III, въ память чего на стѣнахъ храма Мединетъ-абу въ Оивахъ была начерчена астрономическая картина.

Продолжая свое плаваніе далѣе вверхъ по Нилу, авторъ посѣтилъ Оивы, эту столицу Египта XXXV столѣтію тому назадъ, съ ея знаменитыми храмами, развалины которыхъ сохранились до нашихъ дней. Здѣсь прежде всего поражаетъ своею грандіозностью и великолѣпіемъ Карнакскій храмъ съ заломъ въ 140 колоннъ, достроенный Рамзесомъ II, тогда какъ начата и выстроена она была, а равно и весь храмъ, отцомъ его Сети I, походы и военные подвиги котораго, а также и различные эпизоды изъ мирной жизни, расписаны на стѣнахъ, представляя изъ себя цѣлую эпопею. Какое впечатлѣніе производитъ этотъ храмъ на путешественника, лучше всего видно изъ слѣдующихъ словъ нашего автора: „Я видѣлъ много старинныхъ городовъ и древнихъ памятниковъ; я видѣлъ Римъ и Аѳины, я видѣлъ подвалы храма Соломона и почевалъ съ моею налаткой среди храма Ваала въ Вальбекѣ; я обошелъ Эфесъ и пустынную улицу Родоса—нигдѣ я не видалъ ничего подобнаго Карнаку“. Другой храмъ, находящійся здѣсь, это Гурнакскій, построенъ Сети I и Рамзесомъ Великимъ. Особенность его та, что онъ больше могильный памятникъ, чѣмъ храмъ, чѣмъ и объясняется его мѣстоположеніе при входѣ въ некрополь: онъ замѣнялъ собою мастаба могилы Рамзеса I. Далѣе слѣдуетъ Рамессеумъ, служащій также, какъ и Гурнакскій храмъ, могильнымъ памятникомъ. Выстроенъ онъ Рамзесомъ II въ память себя самому. Храмъ этотъ, не имѣя по-

давяющаго величія Карнакскаго храма, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ представителей египетской архитектуры. Передъ пилопомъ храма лежитъ гигантская статуя Рамзеса II, самый большой монолитъ въ мірѣ, изъ котораго когда-либо была сдѣлана статуя, не считал, конечно, тѣхъ, какія были высѣчены въ скалѣ подобно Гизехскому сфинску. Недалеко отъ Рамессеума лежатъ такъ-называемые колоссы Мемнона—статуи Аменофиса III, фараона XVIII-й династіи, стоявшія передъ входомъ въ его храмъ, имѣвшій то же назначеніе, что и Гурнаксій храмъ и Рамессеумъ. Особенною извѣстностью они пользуются съ тѣхъ поръ, когда въ 27 году до Р. Хр. землетрясеніе опрокинуло верхнюю часть одного изъ нихъ. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ г. Андреевскій: „Вскорѣ послѣ землетрясенія замѣтили, что отъ той части статуи, которая осталась на мѣстѣ, въ моментъ восхода солнца, когда его первые лучи озаряли долину, сталъ раздаваться звукъ, похожій на человѣчскій голосъ. Надо думать, что этотъ звукъ происходилъ отъ быстрого высыхания, камня, смоченнаго ночью росой и согрѣтаго солнцемъ. Но для Грековъ и Римлянъ, жившихъ тогда въ Египтѣ, этотъ феноменъ не замедлилъ превратиться въ чудо. Слава о немъ быстро распространилась, и вотъ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ мы видимъ сотни путешественниковъ, стремящихся въ Египетъ послушать дивный голосъ „низверженнаго бога“. Семьдесятъ-двѣ надписи по латыни и по гречески, одиѣ въ стихахъ, другія въ прозѣ, покрываютъ ноги колосса; чтобы ихъ прочесть надо влѣзть на ногу, въ которой метръ ширины. Среди различныхъ, большею частью неизвѣстныхъ именъ стоятъ имена императора Адриана и его жены Сабинны. Самыя древнія надписи относятся къ царствованію Нерона, наиболѣе позднія—къ царствованію Септимія Севера“. Последнее обстоятельство объясняется, по изслѣдованію Летронна, очень просто тѣмъ, что и самые звуки были замѣчены первый разъ въ царствованіе Нерона, немного времени спустя послѣ землетрясенія, и прекратились въ царствованіе Септимія Севера, когда онъ поправилъ разбитаго колосса. Что касается до имени этихъ колоссовъ, то Летроннъ объясняетъ его мисеологическимъ недоразумѣніемъ, основанномъ на сходствѣ словъ. Имено, колоссы стояли въ кварталѣ Эивъ, называвшемся Мемноніумъ, а потому и сами колоссы стали называться колоссами Мемнопа, а такъ какъ, съ другой стороны, звуки издавались во время восхода солнца, то Греки соединили съ этимъ представленіе, будто Мемнонъ, сынъ Эосъ, привѣтствуетъ свою мать.

Всѣ эти колоссы и громадныя сооруженія невольно рождаютъ вопросъ: какими средствами обладали древніе Египтяне, чтобы поднимать, перевозить и ставить на мѣста эти страшныя монолиты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ одна картина, сохранившаяся на стѣнѣ могилы XII-й династїи. Оказывается, что единственными извѣстными машинами были рычагъ и нѣчто въ родѣ лебедки, все же остальное дѣлалось помощью массы рабочихъ, при чемъ тяжесть устанавливалась на сани, которыя тащили рабочіе посредствомъ канатовъ, на доски же, по которымъ совершалось передвиженіе, одинъ изъ рабочихъ лилъ воду, дабы онѣ не загорѣлись.

На лѣвомъ берегу Нила стоитъ другая громада гигантскихъ построекъ въ ривандъ изъ Карнакскому храму на правомъ берегу—это храмы и дворцы Мединетъ-Абу, служившіе также для Рамзеса III тѣмъ же, чѣмъ былъ Рамессеумъ для Рамзеса II и Гурна для Рамзеса I, и получившіе свое названіе отъ коптской деревни, поселившейся нѣкогда среди ихъ развалинъ. Особенный интересъ эти развалины представляютъ потому, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Египта не сохранилось слѣдовъ царскаго жилища. Стѣны его внутри украшены картинами, представляющими сцены изъ повседневной жизни, а снаружи барельефами, изображающими побѣды надъ различными народами, одержанными бывшимъ хозяиномъ этихъ чертоговъ.

Изъ дворцовъ Мединетъ-Абу авторъ переноситъ насъ въ могилы великихъ фараоновъ и говоритъ по этому поводу о муміяхъ, найденныхъ въ 1881 году у подножія Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна въ находящемся тутъ подземельи, конкъ оказалось тридцать-шесть.

Крайнимъ пунктомъ, до котораго добралъ нашъ авторъ, былъ Ассуанъ, древне-египетскій Суанъ, изъ котораго Греки сдѣлали Σούη, а Римляне Syene; это послѣдній на югѣ городъ Египта. Климатъ здѣсь уже совершенно тропическій, и на всемъ лежитъ отпечатокъ экзотичности. Изъ Ассуана г. Андреевскій отправился на лежащій противъ города островъ Елефантину, знаменитый въ былое время своими двумя храмами, отъ которыхъ въ настоящее время не осталось и слѣдовъ, такъ какъ въ 1822 году турецкій губернаторъ употребилъ развалины въ видѣ матеріала для какой-то постройки. А между тѣмъ, одинъ изъ этихъ храмовъ былъ выстроенъ Аменофисомъ III. На югѣ отъ Елефантины за порогами лежитъ островъ Фили (Филэ), куда г. Андреевскій отправился изъ Ассуана на верблюдахъ. Островъ этотъ замѣчательнъ особенно тѣмъ, что въ воротахъ пилона большаго храма былъ найденъ знаменитый „Розеттскій ключъ“, че-

треугольная плита чернаго гранита съ тремя надписями — іероглифическою, демотическою и греческою. Къ сожалѣнію только, въ іероглифической надписи многого недоставало вслѣдствіе того, что углы ея были отбиты; но Лепсіусу посчастливилось найти на стѣнахъ храма въ Филахъ другой экземпляръ Розеттскаго декрета, безъ греческаго текста. Благодаря этой находкѣ съ примѣненіемъ къ чтенію надписи коптскаго языка была вполне подтверждена теорія Шамполліона, что іероглифы представляютъ фонетическую азбуку, а не символическую, и что каждый іероглифъ означаетъ тотъ звукъ, которымъ начинается слово, изображенное іероглифомъ. Такимъ образомъ ключъ былъ найденъ, и благодаря тому вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ египтологія подвигается впередъ такъ, что во многихъ отношеніяхъ исторія и бытъ древняго Египта извѣстны намъ чуть не во всей своей полнотѣ.

На обратномъ пути нашъ авторъ заѣхалъ только въ Абидосъ. Въ здѣшнемъ некрополѣ, по преданію, была могила Озириса, дающая автору поводъ къ разказу объ легендѣ о трагической и трогательной его кончинѣ. Изъ другихъ достопримѣчательностей Абидоса укажемъ только на знаменитый храмъ, расчищенный недавно Мариеттомъ и извѣстный особенно своими удивительными барельефами.

Сдѣланное нами обзорѣніе труда г. Андреевскаго даетъ нѣкоторое понятіе о томъ интересѣ, который въ немъ заключается. Мы не колеблемся назвать эту книгу однимъ изъ пріятныхъ явленій нашей серьезной литературы послѣдняго времени и желаемъ ей полного успѣха въ средѣ читателей — чего она вполне заслуживаетъ.

Пожалѣемъ только, что изложеніе автора, вездѣ живое и ясное, не всегда правильно, и что въ книгѣ довольно много опечатокъ, особенно въ латинскихъ и греческихъ цитатахъ. Не всегда удовлетворительна также транскрипція собственныхъ именъ. Впервыхъ, авторъ предпочитаетъ почти вездѣ именительный падежъ основъ словъ, такъ что пишеть: „Серапеумъ“ вм. „Серапей“, „Гелиополисъ“ вм. „Гелиополь“, „Акрополисъ“ вм. „Акрополь“, „Фидіасъ“ вм. „Фидій“, „Пелузіумъ“ вм. „Пелузіій“; вовторыхъ, встрѣчается взятая, по видимому, съ французскаго форма „Марселлинь“ вм. „Марцеллинь“ (стр. 228, 283), „Аппиенъ“ вм. „Аппіанъ“ (343), „Каллимакъ“ вм. „Каллимахъ“, „Скифы“ вм. „Скионъ“, тогда какъ греческая θ вездѣ передается русскою о, наконецъ, является „Тройнтъ“ (14, 115, 365) вм. „Трайнтъ“, хотя попадаетъ и вѣрная форма, напримѣръ, на стр. 208; вездѣ пишеться также „Птоломей“ вм. „Птолемей“, и хотя и общепотре-

бительная, но неправильная форма „Магометъ“ вм. „Могаммедъ“. Пожалѣемъ еще и о томъ, что авторъ нашъ столь хорошо знакомый съ западно-европейскою литературой о Египтѣ и пользующійся ею по мѣрѣ надобности, какъ бы игнорируетъ своихъ русскихъ предшественниковъ въ описаніи Египта. Въ названныхъ нами въ началѣ этой статьи сочиненіяхъ Порова, Ковалевскаго и Рафаловича много самостоятельныхъ наблюденій, и провѣрка ихъ по прошествіи тридцати или сорокалѣтняго періода представила бы интересную задачу для автора и была бы занимательна для читателей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить еще желаніе, чтобы авторъ въ случаѣ новаго изданія его книги, приложилъ къ ней указатель, по которому можно бы было навести всегда справки. Особенно это важно для такихъ словъ, которыя могутъ быть для многихъ и непонятны, если изъ памяти исчезнетъ объясненіе ихъ, уже данное авторомъ¹⁾, такъ, напримѣръ, окель, хаммаръ, минареть, бакшишъ, муэдзинъ, мухарабіа, наргиле, михрабъ, минбаръ, гама, медресе, суфи, мевлеви и мн. др.

Внѣшность изданія весьма красива; приложенные къ книгѣ рисунки и планы выполнены очень хорошо. Особенно удачно показалась намъ мысль присоединить къ плану внѣшней Александріи планъ древняго города, напечатанный на прозрачной бумагѣ, такъ что при наложеніи одного плана на другой видно, что находится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ были древнія постройки.

Г. Л—скій.

Новые матеріалы для исторіи русскаго театра.

Хроника русскаго театра, *Носова*. Съ предисловіемъ и новыми разсказаніями о первой эпохѣ русскаго театра *Е. В. Барсова*. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1881.

Исторія русскаго театра за первый періодъ его существованія до такой степени бѣдна документальными источниками и вслѣдствіе того до такой степени темна и сбивчива, что всякія новыя данныя, которыя могли бы хотя немного освѣтить эту далекую и интересную

¹⁾ Замѣтимъ тутъ кстати, что слова мастаба, встрѣчается уже на 92 стр., объясняется только на 249 стр.

эпоху, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Барсова за то, что онъ напечаталъ нѣсколько отысканныхъ имъ документовъ конца XVII и начала XVIII столѣтій, которые пополняютъ скудный запасъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Правда, г. Барсовъ не сдержалъ обѣщанія, даннаго имъ въ заглавнѣйшей книгѣ: онъ представилъ читателямъ не „разысканія“ о первой эпохѣ русскаго театра, а только выписки изъ „одной“ (какой—не объяснен дошедшей до насъ рукописи 1677 года, изъ бумагъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ брошю г. Тптова „Новыя данныя о Димитріи Ростовскомъ“, съ немногими и очень краткими примѣчаніями; но эти выписки сами по себѣ столько характерны, что, безъ сомнѣнія, послужатъ цѣпнымъ матеріаломъ для будущаго историка нашего театра. Такъ „одна“ рукопись 1677 года сообщаетъ, что въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича, кромѣ Юганна-Готфрида Грегори, во главѣ руководителей театральнаго дѣла въ Москвѣ былъ нѣкто Степа Чижинскій, „львовскаго повѣту шляхетской сынъ“, бывшій учителемъ латинскаго языка въ Кіево-братской академіи. Этотъ Чижинскій былъ приставленъ къ комедійному дѣлу бояриномъ Матвѣевымъ и по приказу сочинилъ комедію „О Давидѣ съ Голиафомъ“ и нѣсколько другихъ; онъ же училъ комедійному дѣлу 80 человѣкъ всякаго чина людей, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Изъ этихъ фактовъ, оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными, г. Барсовъ заключаетъ, что Чижинскій былъ призванъ въ Москву Матвѣевымъ для того, чтобы „придать московскому театру чисто-русскій или славянскій характеръ“ такъ какъ тогдашнее русское общество не могло удовлетвориться тяжелыми переводами нѣмецкихъ пьесъ, которыя давалъ Грегори. Такое заключеніе представляется намъ нѣсколько поспѣшнымъ: слѣдуетъ имѣть въ виду, что при Алексѣѣ Михайловичѣ театръ существовалъ не для общества, то-есть, не былъ публичнымъ (такимъ онъ явился лишь при Петрѣ), а только для царя и придворныхъ; же всегда былъ очень доволенъ представленіями труппы Грегори. Далѣе, какой „чисто-русскій или славянскій“ характеръ могли дать нашей сценѣ произведенія въ родѣ „Давида съ Голиафомъ“ всей вѣроятности, обыкновенной школьной пьесы, какія были въ Кіевской академіи? Вѣдь и Грегори давалъ подобныя библейскія „комедіи“—объ Адамѣ и Евѣ, объ Іосифѣ, объ Іудѣ и т. д.; стало быть, въ этомъ отношеніи существенной разницы репертуарѣ обѣихъ труппъ не было. Вѣроятнѣе кажется намъ

положеніе, что Чижиинскій былъ приглашенъ съ цѣлью дать театральному дѣлу въ Москвѣ болѣе широкое развитіе и упрочить его, что было далеко не лишнимъ, въ виду того, что наслѣдникъ царя Алексѣя Михайловича, по видимому, былъ не такъ расположенъ къ заморской потѣхѣ, какъ его родитель. Мы знаемъ, что со смертью Алексѣя Михайловича комедійное дѣло въ Москвѣ совсѣмъ заглохло, и что уже въ декабрѣ 1676 г. новый царь указалъ очистить палаты, которыя были заняты на комедію ¹⁾). Слѣдовательно, Матвѣевъ, какъ любитель театра, желая поддержать комедійное дѣло, могъ заботиться объ увеличеніи числа учениковъ-актеровъ и о пополненіи репертуара, и съ этою цѣлью могъ пригласить Чижиинскаго въ помощъ Григори, а не для соперничества съ нимъ и не для того, чтобы вытѣснить Нѣмцевъ съ русской сцены ²⁾).

Гораздо подробнѣе и интереснѣе данныя, добытыя г. Барсовымъ изъ архивныхъ дѣлъ относительно театра при Петрѣ Великомъ. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о поѣздкахъ извѣстнаго Яна Славскаго въ Польшу и Германію за актерами, полный текстъ договорныхъ статей съ Юганномъ Куштомъ (1702 г.), „доносительное письмо“, съ жалобами на Славскаго, которое Кунитъ подалъ въ томъ же году въ посольскій приказъ, и объясненія Славскаго, свѣдѣнія о жалованьяхъ актерамъ, о музыкантахъ, данныя, относящіяся къ устройству „комидійной хранины“, свѣдѣнія о входныхъ билетахъ Петровскаго театра и о театральныхъ сборахъ. Къ этимъ документамъ г. Барсовъ счелъ нужнымъ присоединить выписки изъ недавно изданной г. Шляпкинымъ комедіи 1701 г. „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“ и изъ пьесы, сложенной учениками школы Дмитрія Ростовскаго и разыгранной въ Ростовѣ въ день его ангела, въ 1704 году.

Свѣдѣнія, извлеченныя г. Барсовымъ изъ архивныхъ дѣлъ, безспорно, имѣютъ цѣну для первоначальной исторіи нашего театра, какъ несомнѣнныя и документальныя. Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же объ изданной имъ „Хроникѣ“ актера Носова, представляющей, какъ мы постараемся показать, наборъ фактовъ самаго сомнительнаго достоинства. Но скажемъ прежде нѣсколько словъ объ авторѣ этой хроники и о ея судьбѣ въ нашей литературѣ.

¹⁾ См. этотъ указъ въ книгѣ *Е. Е. Замысловскаго: Царствованіе Феодора Алексѣевича*, I, прилож., стр. IV.

²⁾ Кстати замѣтить, что нѣсколько новыхъ свѣдѣній о Григори встрѣчается въ вышедшей въ 1883 г. въ Берлинѣ книгѣ: *Relation du voyage en Russie fait en 1674 par Laurent Rinhuber*.

Актеръ Иванъ Носовъ извѣстенъ намъ только по небольшой статейкѣ „Изъ воспоминаній стараго актера“, помѣщенной въ Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ 1857 г. № 12. Въ этой статейкѣ рѣзказано нѣсколько анекдотовъ о Дмитревскомъ, и между прочимъ говорится, что авторъ (Носовъ) учился у Дмитревскаго декламации и посѣщалъ его, начиная съ 1813 года. Что касается до „Хроники“, то ею, по видимому, пользовался еще О. А. Кони, въ своей, довольно фантастической, статьѣ: „Русскій театръ, его судьбы и его историки“ (Русская Сцена 1864, №№ 2, 3, 6 и 8). Первые свѣдѣнiя объ этой рукописи, если не ошибаемся, были сообщены В. И. Родиславскимъ, въ статьѣ: „Древнѣйшая лѣтопись русскаго театра“ (Русскій 1868, № 18); затѣмъ, тотъ же г. Родиславскій, въ статьѣ „Мольеръ въ Россiи“ (Русск. Вѣстн. 1872), посвятилъ рукописи Носова цѣлую страницу, извлекая изъ этой рукописи различныя свѣдѣнiя, называя ее драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для исторiи русскаго театра и обѣщаясь „въ непродолжительномъ времени“ ее опубликовать. Это обѣщанiе было повторено имъ, въ прошломъ году, въ издававшемся въ Петербургѣ журналѣ Искусство, но „Хроника“ Носова явилась въ свѣтъ, трудами г. Барсова, въ Читенiяхъ прошлаго года, и затѣмъ отдѣльною книгою, заглавiе которой выписано выше. О рукописи, съ которой она напечатана, г. Барсовъ не счелъ нужнымъ сообщить какихъ-либо свѣдѣнiй, кромѣ того, что она принадлежитъ Чертковской библиотекѣ; отъ лицъ, видѣвшихъ эту рукопись, мы знаемъ, что она писана крупнымъ писарскимъ почеркомъ 40-хъ или 50-хъ годовъ, со множествомъ грамматическихъ ошибокъ и видимыхъ пропусковъ. Эта безграмотность, почему-то, во всей неприкосновенности воспроизведена и въ печатномъ изданiи, при чемъ къ ошибкамъ переписчика прибавилось не мало типографскихъ опечатокъ; все это придаетъ книгѣ какой-то страшный, перашливый видъ, не совсѣмъ обычнiй въ изданiяхъ ученыхъ обществъ. Г. Барсовъ напечаталъ рукопись, такъ-сказать, въ совершенно сыромъ видѣ, безъ всякихъ поясненiй и примѣчанiй, которыя при изданiи такого сочиненiя, по нашему мнѣнiю, необходимы болѣе, чѣмъ при какомъ-нибудь другомъ. Онъ ограничился лишь небольшимъ предисловiемъ, большая часть котораго посвящена полемикѣ съ А. Н. Веселовскимъ и защитѣ Кони ¹⁾. Здѣсь, въ самыхъ общихъ выраженiяхъ, утвер-

¹⁾ Отвѣтъ при этомъ, въ видѣ курьеза, что сочиненiе г. Веселовскаго „Старинный театръ въ Европѣ“, неоднократно цитируемое г. Барсовымъ, по-

ждается, что факты, сообщаемые „Хроникою“, имѣютъ „первостепенную важность въ первоначальной исторіи нашего театра“. Единственнымъ доказательствомъ этого мнѣнія служить свидѣтельство самого Носова, что онъ пользовался рукописною исторіей русскаго театра, которая была составлена Дмитревскимъ по порученію Россійской академіи и затѣмъ „пропала безъ вѣсти“ (замѣтимъ, что Носовъ ничего не говоритъ о томъ, что онъ видѣлъ эту исторію и какъ ею пользовался); личность же Дмитревскаго — продолжаетъ г. Барсовъ словами Кони — „слишкомъ почтенна, любовь его къ театру слишкомъ велика и щепетильность его труда слишкомъ продолжительна, чтобы можно было заподозрить его въ вымыслѣ“. Что касается до Носова, то онъ, по мнѣнію г. Барсова, едва ли могъ что-нибудь выдумывать отъ себя, такъ какъ „недостаточно владѣлъ даже грамматическимъ строемъ рѣчи“, — какъ будто для того, чтобы писать вздоръ, непременно нужно знать грамматику!

Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего предисловія, самъ г. Барсовъ ограничиваетъ безусловную достовѣрность „Хроники“ Носова, какъ историческаго источника, замѣчаніемъ, что въ ней „многое не выдерживаетъ критики, многое кажется сомнительнымъ и не достовѣрнымъ, но и далеко не все можетъ быть безусловно отрицаемо“. Посмотримъ же, какія именно свѣдѣнія, сообщаемыя „Хроникою“, могутъ быть приняты за достовѣрныя, и съ какими изъ нихъ критика не можетъ и не должна мириться.

„Хроника“ — или, какъ она озаглавлена въ самомъ текстѣ — „Лѣтопись русскаго театра отъ начала его основанія до конца XVIII вѣка“, представляетъ хронологическій матеріалъ, относящійся, собственно, къ внѣшней исторіи театра и расположенный (впрочемъ, довольно беспорядочно) по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ. По внѣшнему своему виду она напоминаетъ каталогъ или, лучше сказать, обширное собраніе театральныхъ афишъ. Между афишами, иногда въ началѣ ихъ, иногда въ концѣ, чаще же всего въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены различныя выписки, біографическія указанія, исто-

---

стоянно называется у него „Русскій театръ въ Европѣ“. Другое сочиненіе того же автора: „Deutsche Einflüsse auf das alte russ. Theater“ (Prag. 1876), по видимому, г. Барсову вовсе не извѣстно, такъ какъ не упомянуто имъ въ перечнѣ пособій для первоначальной исторіи нашего театра. Ничего не сказалъ г. Барсовъ также и о статьѣ Штелина въ *Сиб. Вѣстникѣ* 1779 г., и о книгѣ *Лехарскаго* „Наука и литература въ Россіи“.

рико-литературныя замѣтки и т. д., безъ всякой внутренней связи между собою. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ массу матеріала для исторіи русскаго театра за 124 года (1661—1785), матеріала чрезвычайно любопытнаго, но который необходимо пересмотрѣть со всею внимательностью и осторожностью, чтобъ отдѣлить „илевелы“ отъ „пшеницы“ и опредѣлить качества послѣдней.

Съ первой же страницы „Лѣтописи“ читатель, знакомый съ методомъ, встрѣчаетъ совершенную неожиданность. До сихъ поръ полагали, что театральныя представленія въ Россіи начались въ октябрѣ 1672 года, когда труппою Грегори была разыграна, въ присутствіи царя, драма «Эсѳеръ». По „Лѣтописи“ же оказывается, что еще 26-го января 1661 года (какая точность!), въ кремлевскихъ царскихъ палатахъ, для потѣхи царя Алексѣя Михайловича и его царственнаго дома, представлена Флоренцинская комедія въ шести декораціяхъ; затѣмъ, въ слѣдующіе годы, тамъ же игрались флоренцинскія комедіи (стало быть, уже не одна, а нѣсколько разныхъ). При внимательномъ разсмотрѣніи оказывается однакоже, что это извѣстіе просто сочинено: составитель хроникки прочелъ въ „Вивлюэикѣ“ Новикова статейный списокъ посольства Василя Лихачева во Флоренцію (1659 г.), гдѣ между прочимъ подробно описывается данное въ присутствіи пословъ театральное представленіе; и вотъ, составитель хроникки соображаетъ, что Лихачевъ, по всей вѣроятности, разказалъ объ этой диковинкѣ царю, который самъ захотѣлъ видѣть „флоренцинскую комедію“ (кстати: въ XVII вѣкѣ говорили не „флоренцинскую“, а „флоренскую“, и самая Флоренція называлась по русски Флоренскомъ) и повелѣлъ ее представить — будто бы, въ годовщину своей свадьбы. Эту свою догадку „лѣтописецъ“ обратилъ въ дѣйствительный фактъ, и, для большей достовѣрности, даже пересчиталъ дни, въ которые, по его соображеніямъ, могли даваться театральныя представленія въ царскихъ палатахъ: конечно, это „должны были быть“ дни рожденія и ангела царя, царицы и царевича, день вступленія царя на престолъ, святки, Новый годъ, масляница, послѣдніе дни Пасхи. Что эта сказка о русскомъ театрѣ 1661 года возникла именно такимъ путемъ, въ этомъ мы убѣждаемся и положительно, и отрицательно. Положительно — изъ того, что всѣ свѣдѣнія о „флоренцинской“ комедіи, будто бы игранный въ Москвѣ, цѣликомъ и слово въ слово списаны у Лихачева; отрицательно — изъ того, что еслибы въ Москвѣ, въ 1661 году, дѣйствительно произошло что-нибудь подобное, то, въ виду необычности такой цар-

ской потѣхи, о ней непремѣнно существовали бы современныя извѣстія; между тѣмъ, ихъ нѣтъ и слѣда.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется другое замѣчаніе „Хроникъ“, что кіевскія (школьныя) комедіи, прологи, интерлюдіи, канты и такъ-называемыя „польскія жарти“ во второй половинѣ XVII столѣтія распространились по Россіи и, между прочимъ, въ Москвѣ, гдѣ ими забавлялось простонародье; трудно только допустить, чтобы кіевскія пьесы—или хотя бы только „жарти“—исполнялись въ царскихъ палатахъ: и объ этой потѣхѣ, еслибы она дѣйствительно происходила, мы не могли бы не имѣть современныхъ извѣстій—въ „Царскихъ выходахъ“ или другихъ документахъ, въ большомъ количествѣ сохранившихся до нашего времени.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ—какъ по своей неожиданности, такъ и потому, что оно прекрасно характеризуетъ направленіе „Хроникъ“ и понятія ея составителя—слѣдующее извѣстіе, послужившее для г. Барсова поводомъ къ возраженіямъ А. Н. Веселовскому. Въ январѣ 1671 года состоялась свадьба царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кирилловною Нарышкиной: „Московскіе бояре и боярыни“, говоритъ „Хроника“,—„желая потѣшить пообрачныхъ, сговорились разыграть въ царской потѣшной палатѣ комедію, самими ими сочиненную изъ сказокъ, въ разговорахъ, съ пѣснями и плясками, которыя (?) имъ разказывали ихъ дѣдушки и бабушки, потѣшая ихъ въ ребячествѣ“. И вотъ, 25-го января, въ Кремлевскомъ дворцѣ была, будто бы, представлена „Яга-Баба“, „комедія-сказка“ (?) съ пѣснями и плясками. Іюня 8-го, того же года, въ день рожденія царевича Ѳедора; тѣми же боярами и боярынями была представлена комедія „Туръ“ („богъ древнихъ Кіевлянъ“—поясняется въ примѣчаніи)—и уже не только съ пѣснями, но и „съ славянскими, уральскими, польскими танцами и разными играми“; далѣе слѣдовали подобныя же комедіи „Праздникъ Услада“ и „Коляда“. И уже послѣ этихъ неоднократно повторявшихся спектаклей прибыли въ Москву выписанные „изъ Нѣмеди“ комедіанты (то-есть, трууна Грегори) и открыли свои представленія 13-го іюля 1672 года (какъ вполне достоверно извѣстно, это произошло не 13-го іюля, а 17-го октября). Алексѣй Ник. Веселовскій, въ своей книгѣ „Старинный театръ въ Европѣ“ (М. 1870, стр. 316—318) совершенно основательно заподозрилъ это поклазаніе Дмитревскаго, извѣстное еще по статьѣ Коии; но г. Барсовъ не соглашается съ его возраженіями и считаетъ вполне вѣроятнымъ и возможнымъ существованіе комедій съ приведенными выше

названіями; онъ полагаетъ только, что это были не пьесы, „основанныя на мнѳологической идеѳ и развитыя въ баснословныхъ дѳйствіяхъ“ (?), а простонародныя праздничныя игры, переведенныя лишь въ боярскія и царскія хоромы и получившія здѳсь „болѳе облагороженную форму“ (однимъ изъ признаковъ этого „благородства“ г. Барсовъ считаетъ замѳну традиціоннаго помела, на которомъ разѳзжается Яга, „махиною“). Далѳе, г. Барсовъ не видитъ ничего страннаго въ названіяхъ этихъ комедій и объясняетъ ихъ тѳмъ, что „заправлявшіе ими бояре знакомы были хоть съ тѳмъ же Кіевскимъ Сипонсисомъ или съ какою-нибудь польскою хроникой“.

Что касается до „Сипонсиса“ Иннокентія Гизела, то приближеннымъ Алексѳя Михайловича въ 1671 году было довольно трудно познакомиться съ этою книгою, такъ какъ первое ея изданіе вышло въ Кіевѳ лишь въ 1674 г.; польскія же хроники (какія, напримѳръ?) едва ли были имѳ на столько доступны, какъ предполагаетъ авторъ; но дѳло не въ томъ: названія этихъ „комедій-сказокъ“ совершенно соотвѳтствуютъ тѳмъ фантастически-сентиментальнымъ понятіямъ о славянскомъ „баснословіи“, которыя были у насъ въ ходу въ концѳ прошлаго столѳтія, и которыхъ въ XVII вѳкѳ не существовало; а „славянскіе, уральскіе и польскіе“ танцы отзываются временемъ еще позднѳйшимъ; также трудно допустить, чтобы бояре и боярыни занимались сочиненіемъ комедій, какъ будто бы это были эрмитажныя гости Екатерины II. Съ другой стороны, сущность факта, сообщаемаго Дмитревскимъ, если очистить этотъ фактъ отъ приставшей къ нему ложноклассической шелуды, представляется намъ вѳроятною. Въ самомъ дѳлѳ, нѳтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на святкахъ, на масланицѳ, въ Троицу и другіе дни народно-обрядоваго календаря въ покояхъ царицы устраивались обычныя увеселенія — игры, гаданья, переряживанья и т. п. Вѳроятно также и то, что и царь любилъ смотрѳть на такія потѳхи, съ музыкой и плясками; но отсюда до театральныхъ представленій, до „комедій“ съ какими-нибудь сценическими приспособленіями еще очень далеко. Идея, въ силу которой произведенія народной поэзіи слѳдовало „облагораживать“ (въ духѳ ложноклассическихъ „правилъ“), является у насъ во второй половинѳ прошлаго столѳтія; Дмитревскій, какъ и прочіе его современники, конечно, раздѳлялъ ее и потому постарался придать сообщаемымъ имѳ извѳстіямъ о царскихъ потѳхахъ болѳе „благопристойную“ по его понятіямъ форму. Это стараніе, а можетъ быть, и бессознательно усвоенная привычка прикладывать къ фактамъ давно-

прошедшаго новую классическую мѣрку проходить черезъ всю „Хронику“, наполняя ее самыми наивными анахронизмами. Нѣсколько примѣровъ будетъ приведено нами въ своемъ мѣстѣ ¹⁾. Теперь же перейдемъ къ извѣстіямъ, относящимся уже не къ доисторической, а къ исторической эпохѣ существованія русскаго театра.

Въ воскресенье, 30-го іюня 1672 года—повѣствуетъ „Хроника“, вообще всегда сообщающая самыя опредѣленныя (и потому подозрительныя) хронологическія данныя—прибыли въ Москву выписанные изъ Нѣмціи комедіанты (то-есть, труппа Грегори), и директоръ ихъ представилъ царю репертуаръ, въ которомъ находились слѣдующія піесы: „Навуходоносоръ“, „Блудный сынъ“, „Сожженіе трехъ отроковъ въ пещи“, „Царь Ассуръ“ (стр. 6—7). Это—очевидное недоразумѣніе. Перечисленные піесы, то-есть, „Навуходоносоръ“ и „Сожженіе“ (это не двѣ піесы, а одна) и „Блудный сынъ“ (о „Царѣ Ассурѣ“ нигдѣ, кромѣ „Хроники“, нѣтъ никакихъ свѣдѣній), написаны, какъ извѣстно, Симеономъ Полоцкимъ; у Грегори же былъ свой особый репертуаръ, изъ котораго намъ извѣстны: „Эсѣиръ“ или „Артаксерксово дѣйство“ (представлена 17-го окт. 1672), „Тови младшій“ (2-го ноябра 1673), „Іудинъ“ (8-го декабря 1674), „Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ“, „Малая прохладная комедія объ Іосифѣ“ и „Малая комедія Баязетъ и Тамерланъ“ ²⁾. Происхожденія этихъ піесъ составитель „Хроники“ не знаетъ, и дая, когда онѣ были представлены, не указываетъ. Между тѣмъ, нужно же ему было указать, какія именно „дѣйства“ игрались нѣмецкими актерами; и вотъ онъ прибѣгаетъ къ гипотезѣ, выдавая ее, по своему обыкновенію, за несомнѣнный фактъ. Онъ говоритъ, что творцомъ русскихъ мистерій (?) былъ Симеонъ Полоцкій, который „сочинялъ ихъ для православныхъ христіанъ-Россіянъ, дабы они, послѣ трудовъ и заботъ, въ воскресные и праздничные дни, вмѣсто разгуловъ, кулачныхъ боевъ и винопійства, за-

¹⁾ Припомнимъ кстати курьезныя разсужденія, совершенно въ томъ же духѣ, *Елагина*, который въ своемъ „Опытѣ повѣствованія о Россіи“ (М. 1803, ч. I, стр. 392—299) говоритъ, что извѣстный разказъ лѣтописца о колебаніяхъ Владиміра Святаго между различными религіями взятъ „изъ записокъ театральнаго зрѣлища“, устроеннаго миссіонерами при помощи „хитрой Гречанки, матери Святополка, въ монастырѣ бывшей“. Елагинъ разказываетъ даже содержаніе каждаго изъ пяти дѣйствій предположенной имъ мистеріи. Не мало встрѣтитесь и въ „Хроникѣ“ подобныхъ извѣстій, едва ли нуждающихся въ опроверженіи.

²⁾ См. *Тиходрозова*, Русск. драм. произведенія, I, XLIII.

нимались чтеніемъ сихъ духовныхъ комедій-мистерій и научились бы изъ оныхъ добродѣтели, великодушію, благоправію и кротости. (!) и не воображалъ, чтобы его комедій-мистерія когда-либо были разыграны; рукописи оныхъ, которыя онъ дарилъ (тѣмъ) кто только желалъ имѣть ихъ у себя, переходили изъ рукъ въ руки, переписывались, переводились съ славянскаго языка на французскій, нѣмецкій языки (!) и разыгрывались на оныхъ по иноземнымъ городамъ. Какимъ былъ пораженъ изумленіемъ Полоцкіи и какимъ объять восторгомъ, когда услышалъ изъ устъ толмача, читавшаго царю привезенный нѣмецкимъ директоромъ репертуаръ пьесъ, игравшихъ уже въ Нѣмци, его (Полоцкаго) сочиненія!" (стр. 9).

Источника этихъ свѣдѣній, наивность которыхъ едва ли нуждается въ доказательствѣ, составитель „Хроники“, по своему обыкновенію, не указываетъ; да такого источника, конечно, и не существуетъ. Соотвѣтственно его мнѣнію, что труппа Грегори ставила только пьесы Полоцкаго, составлены и всѣ дальнѣйшія показанія „Хроники“. Такъ, по ея свидѣтельству, первый спектакль Грегори состоялся 13-го іюля 1672 г., при чемъ была представлена „комедія-мистерія съ хорами и балетами“ (!) С. Полоцкаго: „Навуходоносоръ, или какъ царица Юдиѣ царю Алаферну голову отсѣкла“, въ семи дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Какъ мы уже говорили, день и пьеса этого перваго спектакля указана здѣсь невѣрно; невѣрно также указано и на авторство С. Полоцкаго. Послѣдній, дѣйствительно, написалъ пьесу „(0) Навуходоносоръ царь, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи не сожженныхъ“ (Тихонравовъ, I, 324); по пьеса, названіе которой выписано выше, совсѣмъ иная: это—„Юдиѣ“, переведенная съ нѣмецкаго и иногда называемая „Навуходоносоромъ“, по имени перваго дѣйствующаго лица. Полоцкому она не принадлежитъ, и хотя дѣйствительно была представлена труппою Грегори, но не въ 1672, а въ 1673 г., 2-го ноября (тамъ же, XIII, 76). Составитель „Хроники“, которому эта пьеса была, очевидно, хорошо извѣстна, такъ какъ она напечатана еще Новиковымъ въ VIII ч. „Вивліоонки“, приводитъ и афишу, конечно, фантастическую, изъ которой, между прочимъ, оказывается, что роль Юдиѣ играла тогдашняя знаменитость европейской сцены, копенгагенская примадонна Анна Пуансонъ (въ другихъ источникахъ ее зовутъ Паульсонъ), которую будто бы Грегори выписалъ въ Москву. Извѣстіе о присутствіи въ Москвѣ этой актрисы сообщено было еще Малиновскимъ, въ его статьѣ о началѣ русскаго театра (Сѣв. Архивъ 1822, ч. IV), но не подкрѣп-

лено указаніемъ на современный памятникъ, изъ котораго оно заимствовано, а потому его и трудно принять на вѣру (ср. Тихонравова, I, IX) ¹⁾.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на постановку „трагедіи“—тоже, будто бы, Симеона Полоцкаго—„Артаксересъ или повѣшенный Амагъ“, и опять съ афишкой. Это—„Эсепрь“ Грегори. Относительно приводимыхъ въ „Хроникѣ“ афинскѣ замѣтимъ, что въ нихъ перечисляются обыкновенныя нѣмецкія фамиліи—Шустеръ, Шубертъ, Вирмапъ, Рейнгольдъ, Берхъ, и нѣтъ указанія на лицъ, несомнѣнно участвовавшихъ въ труппѣ Грегори. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что въ „Эсепрѣ“ главную роль игралъ сынъ д-ра Влументроста; въ декабрѣ 1672 царь пожаловалъ въ прaporщики актера Фридриха Госепа; около того же времени упоминается Рипгуберъ; онъ, „по приказанію царскаго величества, наставлялъ *in exercitio comico* дѣтей, которыя должны были дѣйствовать въ „Эсепри“; ни одного изъ этихъ именъ въ „Хроникѣ“ нѣтъ и слѣда (Тихонравовъ, I, IX).

Изъ другихъ пьесъ, будто бы игранныхъ труппою Грегори, въ „Хроникѣ“ названы сочиненія С. Полоцкаго: „Царь Ассуръ“, „Рождество Христово“, „Великомученикъ Дмитрій“, „Воскресеніе мертвыхъ“; мистерія „Страсти Ісуса“, въ которой, среди дѣйствующихъ лицъ, является „хоръ учениковъ и Ісусовъ“ (?); „Агарь въ пустынѣ“, драма на музыкѣ, и „Осада Іерусалима“, историческое представленіе, сочиненіе директора нѣмецкихъ комедіантовъ, Вильгельма Рейнгольда (?) и другія подобныя же пьесы, до сихъ поръ нигдѣ не упоминавшіяся. О степени достовѣрности этихъ показаній можно судить хотя бы по тому, что говорится о содержаніи пьесы будто бы Полоцкаго: „Царь Ассуръ, камедь въ лицедѣйствіяхъ (?) съ французскими плясками и мусикійскими инструментами“ (стр. 16): подъ этимъ заглавіемъ, просто, передается извѣстное показаніе Рейтцфельса о балетѣ „Орфей“ ²⁾, которое составитель „Хроники“ заимствовалъ изъ небольшой статейки въ Русской Старинѣ Корниловича 1832 г. (стр. 126): на это указываетъ помѣщенный въ

¹⁾ Эту Паульсонъ, которая, по всей вѣроятности, въ Россіи не была, составитель «Хроники» представляетъ постоянною, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, актрисою московской труппы. Ея имя стоитъ на вѣсѣхъ неизмѣно; она, будто бы играла даже роль «Блуднаго сына» въ комедіи С. Полоцкаго... Ей приписано сочиненіе комедіи въ 1-мъ дѣйствіи «Адамъ и Ева» (стр. 52).

²⁾ *Wesselofsky, Deutsche Einflüsse, 21.*

„Хроникъ“ переводъ нѣмецкихъ стиховъ. Ни о какомъ „Царѣ Ассурѣ“ здѣсь вѣтъ и помину. Что касается до „директора нѣмецкихъ комедіантовъ“ Рейпгольда, то какъ его личность, такъ и указанныя выше сочиненія его, слѣдуетъ, кажется, признать апокрифическими, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока существованіе ихъ не будетъ подтверждено несомнѣнными документальными данными.

Дальнѣйшія извѣстія „Хроники“ о первоначальномъ періодѣ русскаго театра до такой степени краснорѣчиво сами себя опровергаютъ, что критикъ совсѣмъ нечего съ ними дѣлать. Такъ, въ длинномъ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 7—9 сообщаются слѣдствія о происхожденіи мистерій на Западѣ и о древнѣйшихъ мистеріяхъ, преимущественно французскихъ; далѣе, подъ 1675 и слѣдующими годами заглавія этихъ французскихъ мистерій фигурируютъ уже на афишкахъ московскаго театра. Такъ, если вѣрить „Хроникъ“, 29-го іюня 1675 г. на домашнемъ театрѣ княгини Аппы Ив. Хованской, собственными ея комедіантами, представленъ „Знаменитый праздникъ глупцовъ и дураковъ“; затѣмъ идутъ мистеріи Ренуара: „Мудрая и глупая дѣла“ и Жюбиналя: „Пришествіе Антихриста“¹⁾, „Святая Радогуна, погребальная сцена въ разговорахъ“²⁾, и т. п. Затѣмъ указываются такія пьесы, какъ „Нѣмецкая пирушка или принцъ съ хохломъ“ (комедія съ танцами), „Горе-богатырь“, комедія-сказка (заглавіе извѣстной комедіи Екатерины II: „Горе-богатырь Косометовичъ“), „Шаманъ Сибирскій“ (заглавіе другой ея комедіи); наконецъ, опять являются пьесы изъ области „славянскаго баснословія“: царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ приписывается сочиненіе комедіи: „Русалка или славянскія нимфы“ (?); другіе, неизвѣстные авторы будто бы написали слѣдующія комедіи, и опять съ „уральскими“ плясками „Кикиморъ или ночное пугалище“, „Козы въ сарафанѣ“, „Илья, муромскій богатырь, и Соловей-разбойникъ“ и т. п. При подобной обстановкѣ трудно не признать подозрительною подробной афиши спектакля 17-го сентября 1678 года, въ которомъ была представлена переведенная царевной Софіейкомедія Мольера „Врачъ противъ воли“, хотя г. Веселовскій и полагаетъ³⁾, что сочиненіе цѣлой афиши,

¹⁾ Забавное недоразумѣніе: ни Ренуаръ, ни Жюбиньяль, французскіе ученые первой половины текущаго вѣка, разумѣется, никакихъ мистерій не сочиняли, а издали нѣсколько мистерій средневѣковыхъ.

²⁾ Въ прим. на стр. 7 говорится: «Григорій Турскій пишетъ, что въ 587 г. при походахъ (sic!) св. Радегунды, около двухсотъ монахинь пѣли погребальному сцену въ разговорахъ вокругъ ея гробницы».

³⁾ Стар. театръ въ Европѣ, 360.
часть оохххiv, отд. 2.

съ именами и лицами того времени, было бы почти немислимо. Приведемъ, что той же царевнѣ Софьѣ „Хроника“ приписываетъ еще одинъ переводъ съ нѣмецкаго: „Мѣдвнй конь или осада Трои“, сочиненіе В. Рейнгольда, и сочиненіе мистеріи „Екатерина Мученица“¹⁾.

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя „Хроникой“ о первоначальномъ, до-петровскомъ театрѣ нашемъ. Мы разсмотрѣли ихъ подробно, желая, въ виду важности этой эпохи въ исторіи русскаго „комидійнаго дѣла“, опредѣлить достоинство „Хроники“, какъ историческаго источника. Результатъ нашего анализа, кажется, долженъ привести скорѣе къ отрицательному, чѣмъ къ положительному результату: всѣ, или почти всѣ, новыя данныя для исторіи театра, почерпаемыя изъ этого источника, должны быть по меньшей мѣрѣ заподозрѣны, какъ мало вѣроятныя или находящіяся въ прямомъ противорѣчій съ имѣвшимися до сихъ поръ, болѣе или менѣе несомнѣнными, документальными показаніями. Въ числѣ нашихъ писателей прошлаго столѣтія, къ которымъ принадлежалъ и предполагаемый составитель лѣтописи русскаго театра И. А. Дмитревскій, далеко не всѣ имѣли ясное представленіе о приемахъ исторической науки и критики и нерѣдко, ушлекаясь своими соображеніями о прошлыхъ временахъ, выдавали то, что, по ихъ мнѣнію, могло или должно было быть, за дѣйствительно бывшее. За примѣрами ходить не далеко: они извѣстны всякому, кто читалъ историческія сочиненія XVIII вѣка — Татищева, князя Щербатова, Елагина и др. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что въ такихъ случаяхъ всегда имѣло мѣсто намѣренное искаженіе фактовъ или „сочинительство“; въ большинствѣ случаевъ это черезчуръ свободное обращеніе съ исторіей приходится относить къ общему „умоначертанію“ прошлаго вѣка, видѣвшему въ исторіи лишь собраніе примѣровъ для подтвержденія заранѣе сложившихся, независимо отъ историческаго матеріала, взглядовъ и убѣжденій; за неимѣніемъ подъ рукою готовыхъ примѣровъ, писатель иногда не затруднялся создавать новыя, разсуждая по аналогіи. Такъ, по видимому, поступалъ и Дмитревскій, нисколько не заботясь о документальномъ подтвержденіи сообщаемыхъ имъ фактовъ или о соответствіи ихъ съ общимъ характеромъ той эпохи, къ которой онъ ихъ относилъ. Впрочемъ,

¹⁾ Последнее показаніе, кажется, вѣрно; по крайней мѣрѣ, его подтверждаетъ Карамзинъ въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ. Ср. Драгова, Лѣтопись русск. театра (С.-Пб. 1861), стр. 19.

трудно рѣшить, на чей счетъ слѣдуетъ поставить слабыя стороны невольной компиляціи, изданной теперь подъ именемъ „Хроники русскаго театра“, — на счетъ ли Дмитревскаго, или на счетъ его передѣлывателя и продолжателя, Носова, который, по видимому, пользовался показаніями Дмитревскаго очень свободно и очень много передѣлывалъ по своему вкусу или прибавлялъ отъ себя (такъ на примѣръ, изъ числа указанныхъ выше несообразностей „Жюбиональ“ принадлежитъ къ числу прибавокъ Носова: этотъ ученый, начавшій писать съ тридцатыхъ годовъ, не могъ быть извѣстенъ Дмитревскому, умершему въ 1821 г.). Какъ бы то ни было, разборъ „Хроники“ приводитъ насъ къ заключенію, что сообщаемыми ею данными относительно первоначальной исторіи русскаго театра можно пользоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда они подтверждаются изъ другихъ источниковъ; другими словами, въ научномъ отношеніи эта часть „Хроники“ совершенно бесполезна, какъ не дающая ничего новаго.

Подозрительный или явно апокрифическій характеръ свѣдѣній, сообщаемыхъ „Хроникой“ относительно театра въ XVII столѣтіи, заставляетъ относиться и къ дальнѣйшимъ ея показаніямъ съ крайнею осторожностью, тѣмъ болѣе, что и въ нихъ мы встрѣчаемъ немало явныхъ несообразностей. Укажемъ лишь главнѣйшія, такъ какъ подробное ихъ перечисленіе заняло бы слишкомъ много мѣста: безъ преувеличенія можно сказать, что въ той части „Хроники“, гдѣ говорится о театрѣ при Петрѣ Великомъ, нѣтъ ни одной страницы, гдѣ не встрѣчалось бы чего-нибудь подозрительнаго, певѣроятнаго или курьезнаго.

Извѣстно, что царевна Софья Алексѣевна пострижена въ монахини 21-го октября 1698 г. и съ тѣхъ поръ до самой смерти своей, 3-го іюля 1704 г., жила несходно въ монастырѣ. Составитель „Хроники“, очевидно, объ этомъ не зналъ: по его свидѣтельству, въ 1701, 1702 и 1703 гг. въ теремахъ царевны все еще продолжались театральныя представленія, и какія еще ставились пьесы! Совершенно такія же, какія можно было видѣть гдѣ-нибудь на помѣщичьей спенѣ конца XVIII вѣка. Напримѣръ, „Ай-да друзья! или Промотавшіяся господипъ“, комедія въ 1 д., въ вирнахъ, „сочиненная въ насмѣшку промотавшимся помѣщикамъ“. Дѣйствующими лицами являются: Антонъ Абрамовичъ Мотовъ; Минодора Антиповна, жена его; Евфросинія, горничная ихъ; Филиппъ, слуга Мотова. А вотъ и образецъ комедіи: Мотовъ. Эй, малой, малой! — Филиппъ. Ась? — Мотовъ. Подай водки алой! — Филиппъ. Да гдѣ она? — Мотовъ. Вотъ

подставецъ.—Филиппъ. Онъ пусть.—Мотовъ. Ступай во погребецъ.
„Прочія вирши“, прибавляетъ лѣтописецъ,—„остались во мрачности“.

Въ 1703 г., въ четвергъ, 17-го іюня—повѣствуетъ далѣе „Хроника“—въ теремахъ Софьи Алексѣевны, въ день ея рожденія, придворными ея дамами и кавалерами представлена комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Въ этомъ заглавіи, конечно, слѣдуетъ видѣть политическій намекъ. Такой же намекъ слѣдуетъ видѣть и въ совершенно невѣроятномъ извѣстіи, будто въ маѣ 1716 г., для открытія выстроеннаго въ Петербургѣ театра, была представлена трагедія „Стрѣльцы“, сочиненная царевною Софьею. Если Петръ Великій иногда и позволялъ себѣ подобныя шутки, то только надъ живыми, и въ 1716 г. ему, конечно, не было никакой причины и надобности глумиться надъ своею, уже за 12 лѣтъ предъ тѣмъ умершею, сестрой.

Изъ другихъ любителей театра при Петрѣ Великомъ, если вѣрить „Хроникѣ“, особенно отличались ученики Законодательской академіи. Вотъ нѣкоторыя пьесы, ими сочиненныя и игранныя: „Кутейники“, шутливая драма на музыкѣ; „Шемакинъ судъ“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ; „Іоаннъ Грозный или взятіе Казани“, трагедія; „Князь Пожарскій или освобожденіе отъ супостатовъ Москвы“, отечественная драма, и т. д. Кажется, эти заглавія говорятъ сами за себя.

Такимъ образомъ, и относительно исторіи русскаго театра при Петрѣ Великомъ разборъ „Хроники“ даетъ также мало утѣшительные результаты, какъ и относительно исторіи театра въ XVII вѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи „Хроники“ попадаетъ меньше видныхъ несообразностей и курьезовъ. Здѣсь, кромѣ извѣстій о представленіяхъ на русскомъ языкѣ, находятся, начиная съ 1731 года, извѣстія о представленіяхъ италіанской, нѣмецкой и французской труппъ, появившихся въ то время въ Петербургѣ (между прочимъ, италіанскіе актеры носятъ чисто-нѣмецкія фамиліи: Отто, Вольбринъ, Адамсонъ и т. д.) Тутъ составитель „Хроники“, видимо, пользовался „Краткимъ извѣстіемъ о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“ Штелина (С.-Пб. Вѣстн. 1779), откуда нѣкоторыя извѣстія заимствовалъ почти дословно.

Съ конца 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія Дмитревскій могъ писать уже „не по замышленію Воляно, а по былинамъ своего времени“, какъ дѣятельный участникъ въ созданіи поной русской сцены. Къ сожадѣнію, мы имѣемъ передъ собою не подлинный трудъ Дмитревскаго, а лишь составленную на основаніи этого труда компіляцію,

не свободную отъ разнаго рода погрѣшностей вольныхъ и невольныхъ, такъ что и по отношенію къ этой части „Хроники“ осторожность необходима. Показанія „Хроники“, вообще довольно обстоятельны, перѣдко расходятся съ показаніями „Драматическаго Словаря“ 1787 г., который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ большаго довѣрія. Эти разногласія касаются или времени представленія той или другой пьесы, или количества дѣйствій, именъ авторовъ, переводчиковъ или актеровъ. Между прочимъ, „Хроника“ приписываетъ Фед. Гр. Волкову и Дмитревскому сочиненіе или переводъ такихъ произведеній, которыя въ другихъ источникахъ (напримѣръ, у Сопикова) показаны принадлежащими другимъ лицамъ. Въ особенности любопытно это относительно Волкова, который упомянутъ въ числѣ писателей митрополитомъ Евгеніемъ только потому, что, по свидѣтельству Новикова, сочинилъ нѣсколько пѣсенъ и началъ оду Петру Великому. Изъ печатныхъ сочиненій ему приписана у Евгенія и Сопикова (№ 6225) „Торжествующая Минерва“; но это—описаніе маскарада, имъ устроеннаго, къ которому стихи (объяснительные) сочинилъ Херасковъ. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ статьѣ о Волковѣ, приписать ему еще переводъ пьесы Метастазія „Титово милосердіе“, 1742 г.; но въ „Драматическомъ Словарѣ“ переводчикомъ названъ Княжнинъ. Поэтому Волкова до сихъ поръ и не считали въ числѣ писателей; если же вѣрить „Хроникѣ“, то труды Волкова должны доставить ему довольно видное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы. Дмитревскому также безъ всякаго основанія приписано здѣсь много чужихъ трудовъ, между прочимъ переводъ съ англійскаго „Ричарда III“ Шекспира, сдѣланный и поставленный на сцену будто бы въ 1759 году. Объ этомъ переводѣ мы нигдѣ не нашли свѣдѣній. Въ „Драматическомъ Словарѣ“ указанъ „Ричардъ III“, но въ переводѣ съ французскаго и съ 1783 годомъ.

Точно также ошибочно и показаніе „Хроники“ относительно перваго представленія Фонвизинскаго „Бригадира“, которое будто бы состоялось въ Москвѣ 12-го ноября 1763, между тѣмъ какъ извѣстно, что „Бригадиръ“ написанъ тремя годами позже, въ 1766 году ¹⁾).

Подобныхъ мелкихъ неточностей и промаховъ не мало и въ этой

---

¹⁾ Сочиненія Ф.-Визина, изд. Глазунова, стр. 668. „Хроника“ вообще отличается какою-то странною наклонностью факты поздніе отодвигать къ болѣе далекому времени.

„Хроникъ“⁴⁾), переписанной, къ тому же, очень небрежно и съ видными пропусками. Но все-таки нужно признать за нею, относительно второй половины прошлаго столѣтія, такое же, приближительно, значеніе, какое имѣеть, для первой четверти нашего вѣка, „Лѣтопись русскаго театра“ Арапова, значеніе полезнаго справочнаго указателя, который, при внимательной провѣркѣ съ другими подобными трудами, можетъ оказать историку театра значительныя услуги. Этими, по нашему мнѣнію, и ограничивается достоинство „Хроникъ“, какъ историческаго труда.

И. Морозовъ.

Сношенія Рима съ Москвой.

(Разборъ трудовъ по русской исторіи о. Павла Пирринга).

Въ октябрьской книжкѣ французскаго ученаго журнала *Revue des Questions Historiques*, 1883 года, опубликовано замѣчательное воззваніе нынѣшняго папы Льва XIII къ кардиналамъ— вице-канцлеру де-Луки, бібліотекарю Шитри и начальнику архивовъ Ватикана Гергенрёттеру, приглашающее ихъ принять мѣры противъ искаженія исторіи и противъ извѣстовъ и клеветы на католическую церковь и папство. Появленіе этого документа вызвано вопросами дня, и рекомендуемыя въ немъ средства предусматриваютъ собственно мѣстную италянскую болѣзнь. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не признать, что онъ имѣеть болѣе общее, такъ-сказать, универсальное значеніе, потому что трактуетъ о всеобщей исторіи, о разработкѣ этой науки въ ученыхъ сочиненіяхъ, объ обученіи исторіи въ университетахъ и школахъ.

Исторія нынѣ обратилась въ злоумышленіе противъ истины (*l'art de l'historien est une conspiration contre la vérité*), старыя обвиненія снова пущены въ оборотъ, ложь дерзко пропикла въ многотомныя компіляціи, въ тощіе памфлеты, въ газеты и журналы и театральныя пьесы. Но самое важное заключается въ томъ, что тотъ же методъ

⁴⁾ Но мало въ „Хроникѣ“ ошибокъ и въ указаніи иностранныхъ авторовъ переводимыхъ пьесъ; считаемъ однако излишнимъ приводить примѣры послѣ того, какъ нами указаны многочисленныя недостоверныя сообщенія „Хроникъ“ о фактахъ русскихъ.

излагать исторію проникъ въ самую школу. Очень часто учениковъ обучаютъ по руководствамъ, пропитаннымъ ложью. И когда къ тому присоединяется развращенность и легкомысліе учителя, юноши, сроднившись съ такими повѣствованіями, легко получаютъ отвращеніе къ достопочтенной древности и пропитываются безстыднымъ презрѣніемъ къ самымъ святымъ лицамъ и вещамъ. Въ высшихъ заведеніяхъ къ ознакомленію съ фактами присоединяется изслѣдованіе причинъ. Здѣсь дѣлаютъ попытки къ построенію теорій, весьма часто стоящихъ въ явномъ противорѣчій съ Божественнымъ Откровеніемъ, которыхъ единственный и истинный могъ бы тотъ, чтобъ извратить и уничтожить все самое спасительное въ христіанскихъ учрежденіяхъ. Таеъ поступаетъ большинство, мало заботясь о томъ, что они непоследовательны, проповѣдуютъ нелѣпость и напускаютъ густой туманъ въ ту область, которая называется философіей исторіи“.

Было время, когда католическая духовная власть подвергала цензурѣ историческія сочиненія и вносила въ Index имена авторовъ, не сообразовавшихся съ рекомендуемыми ею взглядами; даже одинъ изъ примѣрныхъ историковъ Муратори чуть не подвергся инквизиціонному суду. Нынѣ не считается болѣе цѣлесообразнымъ прибѣгать къ этому средству; напротивъ заявляется принципъ борьбы съ превратными идеями на почвѣ историческихъ изслѣдованій, на почвѣ научной. Именно эта-то сторона документа и обращаетъ на себя наше вниманіе. Признавалъ за исторіей воспитательное значеніе и усматривалъ въ ней политическое орудіе, которымъ стали пользоваться противъ церкви, папа задается грандіозною мыслью, которую и сообщаетъ кардиналамъ къ исполненію,—овладѣть этимъ орудіемъ и разить имъ враговъ католической церкви и папства.

„Нужно“—говорится далѣе—„постараться выставить на видъ безмѣрные заслуги папства по отношенію къ Европѣ и по преимуществу къ Италіи (стр. 356—358)... По въ особенности слѣдуетъ всѣми способами воспрепятствовать тому, чтобъ изъ благороднаго занятія исторіей дѣлалась язва общественную. За исторію должны взяться люди съ добрымъ сердцемъ, не чуждые научныхъ занятій, дабы она была отраженіемъ истины и искренности, дабы оскорбительныя обвиненія, давно уже собираемыя противъ Римскихъ первосвященниковъ, пристойно и научно были разсѣяны, дабы тощимъ повѣствованіямъ противопоставлены были трудолюбивыя и зрѣлыя изслѣдованія, дабы вмѣсто безразсудныхъ мнѣній выставлено было разумное сужденіе, вмѣсто не доказанныхъ положеній явилась ученая критика. Надобно энергически

приняться за опроверженіе лжи и клеветы, прибѣгнувъ для того къ источникамъ (стр. 359)... Потребно для школъ составить такіе учебники, которые, заключая въ себѣ одну истину, предостерегая молодыхъ людей отъ опасности, возвысили бы и искусство историка. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно сначала составлять обширныя историческія изслѣдованія, согласно съ самыми точными документами, и затѣмъ дѣлать изъ нихъ извлеченія самыхъ существенныхъ частей, которыми излагать ясно и кратко; задача собственно говоря не трудная, но весьма полезная и, слѣдовательно, достойная того, чтобы къ ней приложили трудъ благородные умы. Эта задача заниматься исторіей никогда не была чужда церкви (стр. 360)... Въ настоящее время она имѣетъ къ тому особенныя побужденія: Ибо если врагъ черпаетъ свои средства въ исторіи, церковь должна употребить на защиту равное оружіе и удвоить свои силы тамъ, откуда производится самая сильная атака, дабы съ большимъ успѣхомъ отбить нападеніе.

Съ этою цѣлью мы уже распорядились, чтобы открыты были для пользованія всѣ источники, которыми располагаютъ наши архивы. Нынѣ объявляемъ, что для изготовленія историческихъ произведеній, о которыхъ говорено выше, наша Ватиканская бібліотека представитъ нужные матеріалы. Мы не сомнѣваемся, что вы легко найдете содѣйствіе въ ученыхъ людяхъ, опытныхъ въ искусствѣ писать исторію, между которыми имѣете распредѣлить темы сообразно со способностями каждаго—по установленнымъ правиламъ. А всѣмъ тѣмъ, кто посвятитъ себя этому предмету, мы рекомендуемъ ревность и мужество и обѣщаемъ наше полное благорасположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, это предпріятіе заслуживаетъ нашего вниманія и попеченія, и мы ожидаемъ отъ него неисчислимыя плоды“.

Воззваніе папы Льва XIII должно отозваться въ близкомъ будущемъ важными результатами, ибо стѣбитъ вспомнить громадныя рукописныя богатства, тщательно сохраняемыя въ архивахъ Ватикана: отъ открытія свободнаго къ нимъ доступа несомнѣнно выиграютъ многіе запутанные или неясные вопросы. Плавѣрное можно ожидать также важныхъ приобрѣтеній для русской и славянской науки. Но появленіе новыхъ историческихъ трудовъ, составленныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ Ватикана, въ свою очередь должно будетъ сопровождаться и у насъ оживленіемъ интереса къ вновь выдвигаемымъ вопросамъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ очень важною и привлекательною темой, исполняемою о. Пирлингомъ.

Рядъ сочиненій о. Пирлинга заслуживаетъ серьезнаго вниманія

не только потому, что разрабатываемая имъ тема вполне принадлежить къ русской исторіи, но также по новымъ и въ первый разъ вводимымъ въ оборотъ архивнымъ матеріаламъ, а равно и по достигнутымъ ихъ изученіемъ результатамъ. Какъ духовное лицо католической церкви, о. Пирлингъ имѣлъ свободный доступъ къ такимъ секретнымъ дѣламъ въ Ватиканскомъ архивѣ, которыми до него никто еще не пользовался; хорошее знаніе русскаго языка ¹⁾ позволило ему, съ другой стороны, овладѣть и русскою литературой по изучаемому предмету; далѣе онъ знакомъ съ польскими архивами, а также съ венеціанскимъ и флорентійскимъ, въ которыхъ русская исторія не разъ находила разъясненіе по пѣкоторымъ вопросамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ любовно и задушевно относится къ своему предмету и съ глубокимъ увлеченіемъ входитъ въ разъясненіе запутанныхъ деталей. Не будемъ, говорить онъ,—сѣтовать на нашихъ предшественниковъ, что они не вполне исчерпали матеріалы, ибо это доставило намъ восхитительныя минуты. Ничего нельзя сравнить съ высочайшимъ наслажденіемъ, какое испытываешь, вывѣдывая тайну у прошедшаго и восстанавливая забытую исторію: кто умѣетъ вкушать такое удовольствіе, не можетъ считать себя несчастнымъ. Указанныя качества и свойства трудовъ о. Пирлинга возлагаютъ на рецензента обязанность быть серьезнымъ и искреннимъ при оцѣнкѣ его положеній и выводовъ.

Сочиненія о. Пирлинга мы будемъ разсматривать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Rome et Moscou (1547—1579). Paris 1883.

2) Grégoire XIII et Ivan le Terrible (Revue des Questions Historiques, avril 1883).

3) Antonii Possevini Missio Moscovitica. Paris 1882.

---

¹⁾ Павелъ Осиповичъ Пирлингъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1840 г. и обучался во второй Петербургской гимназіи. Дальнѣйшее образованіе и научную подготовку получилъ за границей, куда переехалъ въ 1856 году. Онъ специально занимался историческими, богословскими и философскими науками въ Визъ, Инсбрукъ и Ринъ и получилъ степень доктора по этимъ наукамъ отъ Римскаго Григоріанскаго университета. Получивъ мѣсто секретаря при генералѣ орлена іезуитовъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ архивами Рима, Флоренціи и Венеціи. Въ 1879 г. совершилъ путешествіе съ научною цѣлью на Балканскій полуостровъ. Въ настоящее время живетъ въ Парижѣ и издаетъ въ Bibliothègue slave Elzévirienne рядъ монографій о сношеніяхъ Рима съ Москвою. По всей вѣроятности, эти монографіи послужатъ основаніемъ для обширнаго труда по весьма важному и для насъ вопросу.

4) Rome et Démétrius d'après des documents nouveaux. Lyon 1877.

5) La Sorbonne et la Russie (1717—1747). Paris 1882.

Въ монографіи „Rome et Moscou“ (стр. 161+VIII) разбираются сношенія между Римомъ и Москвою въ царствованіе Ивана Грознаго. Книга оканчивается на событіяхъ 1581 г., когда Римская курія поручила до сихъ поръ довольно неудачную негоціацію на Востокъ знаменитому Антонію Поссевину, который и сумѣлъ дать ей иное направленіе. По всѣмъ вѣроятіямъ, дипломатическая дѣятельность Поссевина составилъ особое изслѣдованіе, къ которому сдѣланъ уже важный шагъ, какъ изданіемъ его „Missio Moscovitica“, такъ и нѣсколькими статьями въ R. d. Q. II. Въ самомъ дѣлѣ, историку нельзя остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ прерывается книга „Rome et Moscou“, ибо дѣятельность Поссевина на Востокѣ составляетъ кульминаціонный пунктъ въ исторіи католицизма XVI в., такъ что вся исторія предыдущихъ неудачныхъ попытокъ завязать сношенія съ Москвою служить, на нашъ взглядъ, лишь прологомъ къ событіямъ послѣднихъ двадцати лѣтъ этого столѣтія. Несомнѣнно, самый живой историческій интересъ приобрѣтаютъ сношенія Рима съ Москвою начиная съ 1580 г., со времени московскаго посольства въ Римъ, которое исправлялъ Истома Шевригинъ. И роль А. Поссевина въ замиреніи Стефана Баторія и Грознаго 15-го января 1582 г. не можетъ быть понятна безъ связи съ московскимъ посольствомъ въ Римъ. Но къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай возвратиться въ свое время, тѣмъ болѣе что во взглядѣ на значеніе роли Поссевина мы не согласны съ авторомъ. Не хотимъ также предрасполагать мнѣніе читателя характеристикой личныхъ взглядовъ и воззрѣній о. Пирлинга или указаніемъ общихъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ изъ изученія эпохи. Будемъ смотрѣть на дѣло безпристрастно, устранивъ пока вѣроисповѣдную точку зрѣнія.

Первая глава (стр. 1—38) посвящена разъясненію „мистификаціи“ Шлиттена и Штейнберга, то-есть, Штемберга. Какъ извѣстно, въ 1547 г. царь Грозный сдѣлалъ порученіе проживавшему въ Москвѣ саксонскому уроженцу Гансу Шлиттену отпраздновать въ Германію и нанять нужныхъ для царя людей—ученыхъ, врачей и разнаго рода мастеровъ. Особой важности заслуживаетъ здѣсь вопросъ о текстѣ данной Шлиттену грамоты и о характерѣ полученныхъ имъ отъ царя полномочій. Оригиналъ этой грамоты не отыскано ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ архивахъ. Но содержаніе ея восстанавливается по официальному нѣмецкому переводу (Faber—Preussisches Archiv, III-te

Sammlung, 9), изъ котораго видно, что Шлиттену поручено было только нанять мастеровъ и врачей и людей, знающихъ латинскій и пѣмецкій языкъ, на полномочіе же трактовать о другихъ дѣлахъ нѣтъ и намека. Между тѣмъ изъ посольства Шлиттена разыгралась цѣлая исторія. Получивъ отъ Карла V позволеніе вербовать людей, Шлиттенъ нанялъ 123 человекъ и уже возвращался въ Москву черезъ Ливонію, когда его постигло несчастье. Именно, онъ былъ задержанъ въ Любекѣ и принужденъ распустить бывшихъ при немъ людей, при чемъ самъ заключенъ былъ въ тюрьму, гдѣ и содержался около двухъ лѣтъ. Здѣсь и начинается мистификація, о которой предоставимъ слово автору (стр. 12—14).

„Неудача однако не поколебала Шлиттена и не ослабила его предпріимчивости. Въ 1550 г. онъ снова принимается за дѣло. Съ этихъ поръ мистификація становится очевидною, и важно прослѣдить ея происхожденіе. Мы видѣли, что посольство Шлиттена вызвано было исключительно просвѣтительною идеей. Предпріятіе не удалось, переписка съ Москвою прекратилась, и ничего не произошло, что измѣнило первоначальный характеръ дѣла. При отсутствіи новыхъ инструкцій изъ Кремля изобрѣтательный Шлиттенъ придумываетъ новыя комбинаціи. Два обстоятельства должны были произвести на него впечатлѣніе въ Москвѣ: почти суевѣрное почитаніе Иваномъ своего царскаго титула и многочисленные сходства между Русскою и Римскою церковью, а слѣдовательно, легкость ушіи. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ самъ ясно выражается въ письмѣ къ Датскому королю Христіану III. Конечно, на основаніи подобныхъ соображеній онъ составилъ проежъ, отличающійся больше смѣлостью, чѣмъ практичностью: получить отъ папы королевскій титулъ для царя и убѣдить этого послѣдняго подчиниться папѣ. Новый католическій Московскій король будетъ могущественнымъ союзникомъ противъ Турокъ и защитникомъ Римской церкви, вслѣдствіе чего измѣнилась бы вся европейская политическая система. Но какъ взяться за дѣло, чтобы осуществить такое широкое и важное предпріятіе? Съ свойственнымъ ему легкомысліемъ Шлиттенъ передаетъ званіе московскаго канцлера одному австрійскому дворянину, по имени І. Штембергу, поручаетъ ему веденіе переговоровъ въ Римѣ и обязываетъ принести отвѣтъ въ Москву, гдѣ обѣщаетъ ему хорошую награду. Едва ли нужно объяснять, что право Шлиттена давать другому званіе канцлера было также сомнительно, какъ и его титулъ посла, и какъ легкомысленно было все предпріятіе“.

Въ книгѣ „Rome et Moscou“ мистификація Шлиттена составляетъ краеугольный камень, послужившій основаніемъ зданія, равно какъ въ той же мистификаціи ключъ къ открытію истины въ сношеніяхъ Рима съ Москвою при Иванѣ Грозномъ. Прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ мысли автора, намъ нужно остановиться на провѣркѣ его основнаго положенія. Могъ ли Шлиттенъ самовольно принятымъ на себя званіемъ, передачей мнимыхъ полномочій другому лицу, наконецъ, подложными грамотами ввести въ обманъ папу, императора и Польскаго короля, то-есть, одурачить, можно сказать, главнѣйшихъ дипломатовъ того времени, еслибъ онъ не былъ къ тому подстроены и попущенъ? Достаточно ли оцѣнены относящіеся до негоціаціи Шлиттена и Штемберга извѣстія, и нѣтъ ли въ нихъ указаній на главныхъ виновниковъ мистификаціи?

Нельзя признать счастливымъ планъ работы о. Пирлинга. Для достиженія предположенныхъ цѣлей неудобно было начинать 1547 годомъ исторію сношеній Рима съ Москвою. Полагая въ дѣлѣ Шлиттена исходный моментъ для выясненія дальнѣйшихъ отношеній, авторъ далъ этимъ хорошее оружіе противнику. Если нѣтъ оригинала вѣрительной грамоты Шлиттену, то и выводы объ его полномочіяхъ и объ его правѣ говорить то, а не другое, могутъ быть спорны и во всякомъ случаѣ необязательны. Совокупность же вопросовъ, поднимаемыхъ въ дѣлѣ Шлиттена—латинская унія, королевскій вѣнецъ, лига противъ Турокъ—необходимо побуждаетъ расширить историческій кругозоръ и уже никакъ не ограничиваться скудными матеріалами, относящимися къ данному лицу и событію. Словомъ, ради исторической перспективы и для лучшаго освѣщенія картины автору слѣдовало нѣсколько выступить изъ границъ времени Грознаго.

Мы думаемъ, что исторія сношеній Рима съ Москвою находится въ тѣсной связи съ тогдашнимъ состояніемъ Восточнаго или турецкаго вопроса и съ ходомъ развитія реформаціи. Въ виду того, что въ инструкціяхъ, которыми снабжались отправляемые изъ Рима въ Москву послы, видную роль играетъ унія на основаніяхъ Флорентійскаго собора и вопросъ о константинопольскомъ наслѣдствѣ, мы полагаемъ, что точкой отправленія въ исторіи сношеній Рима съ Москвою долженъ быть Флорентійскій соборъ и бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ. Соглашаясь, что такая широкая программа не входила въ задачу монографіи о. Пирлинга, мы готовы поступиться для него всѣмъ XV столѣтіемъ. Но уступать болѣе нельзя, и при-

томъ въ интересахъ его же темы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ оригинальномъ документѣ сношеній Грознаго съ Римомъ, именно въ письмѣ къ папѣ Григорію XIII, отправленномъ съ Истомою Швергиннымъ, опредѣленно указана историческая связь подлежащихъ изученію фактовъ. Иванъ Грозный ссылается на сношенія съ Римомъ своего отца: „Въ прежнихъ лѣтѣхъ межъ отца нашего блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Русіи прежніе папы Римскіе о любви и о соединеніи ссылалися... какъ прежь сего прежніе папы Римскіе съ нашимъ отцомъ — былл въ любви и въ ссылкѣ межъ собл“ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, X, столб. 2, 12). О. Пирлингъ не въ пользу изучаемой имъ темы уклонился по крайней мѣрѣ отъ бѣлаго обзора сношеній Рима съ Москвой при Василиѣ III. Это, во первыхъ, облегчило бы для него трудъ разобратъся въ дѣйствительно загадочномъ вопросѣ о мистификаціи Шлиттена, а вовторыхъ, это дало бы ему средства поставить на видъ основныя сюжеты, которые съ большею или меньшею подробностью развиваются во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Рима съ Москвой въ XVI в. Извѣстно, что въ дипломатическихъ сношеніяхъ разъ установившіяся формы и извѣстнаго рода традиціи въ способѣ обращеній, въ самомъ характерѣ веденія переговоровъ играютъ обязательное значеніе для переговаривающихся сторонъ. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ предметы переговоровъ въ сущности остаются одни и тѣ же, и основная инструкция, съ небольшими измѣненіями и прибавленіями вновь получаемыхъ о Москвѣ данныхъ, повторяется почти во всѣхъ грамотахъ, посылаемыхъ изъ Рима въ Москву; то же самое можно сказать и о письмахъ Московскихъ царей къ папамъ. Отсюда вытекаетъ, что для комментарія и раскрытія смысла краткой инструкции необходимо прибѣгать къ сличенію ея съ цѣлымъ рядомъ подобнаго же рода документовъ и искать указаній и сравненій въ другихъ источникахъ, которые иногда не имѣютъ по происхожденію ничего общаго съ официальными актами римской или московской канцеларіи. Въ виду важности предмета и по другимъ соображеніямъ считаемъ необходимымъ пополнить то, чего недостаетъ въ книгѣ о Пирлинга.

Сравнивая состояніе вопроса о сношеніяхъ Рима съ Москвой въ русской исторической литературѣ съ содержаніемъ доступныхъ для изученія источниковъ, мы можемъ смѣло сказать, что послѣдніе недостаточно изучены и не вполне исчерпаны. Разумѣемъ не только

общія сочиненія по русской исторіи (Карамзинъ и Соловьевъ), но и посвященныя специально этому вопросу, каково, напримѣръ, сочиненіе графа Д. А. Толстаго „Католицизмъ въ Россіи“, гдѣ сношенія Рима съ Москвою при Василіѣ III удѣлено лишь нѣсколько страницъ. Позволяемъ себѣ прежде всего указать, или лучше, напомнить — что есть въ литературѣ по части матеріаловъ для изученія сношеній Рима съ Москвою при Василіѣ III.

Въ 1834 г. протоіерей Григоровичъ издалъ нѣсколько официальныхъ актовъ, извлеченныхъ изъ библиотеки Барберини въ Римѣ, снабдивъ ихъ переводомъ и примѣчаніями. Книга г. Григоровича носитъ заглавіе: „Переписка папъ съ Россійскими государями въ XVI вѣкѣ“ (С.-Пб. 1834).

Въ томъ же году Итальянецъ Себастьяно Чіампи опубликовалъ библиографическій указатель рукописныхъ матеріаловъ, касающихся сношеній Рима съ Россіей и Польшею: *Sebastiano Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia* (Firenze 1834). Мы не раздѣляемъ взглядовъ тѣхъ изслѣдователей, которые слишкомъ высоко относятся къ труду Чіампи, заподозривая его въ недобросовѣстности. Скорѣе упрекъ можно сдѣлать ему какъ издателю, такъ какъ онъ расположилъ свой матеріалъ въ безпримѣрномъ безпорядкѣ. Нужно напередъ хорошо изучить эпоху и связь фактовъ и долго присматриваться къ тремъ томамъ сборника, прежде чѣмъ получить возможность извлечь у Чіампи нужное.

Въ 1841 г. появилось собраніе актовъ А. И. Тургенева, три тома: *Historica Russiae Monumenta*, выписки изъ Ватиканскаго архива и изъ другихъ библиотекъ. Изданіе Тургенева безусловно необходимо для изученія исторіи сношеній Рима съ Москвою.

Важные для нашего вопроса акты разсѣяны въ сборникѣ Тейнера и отчасти у Шуйскаго (*Scriptores rerum Polonicarum, Cracoviae 1872*), равно какъ въ *Acta Tomisiana*.

Вполнѣ серьезную и научную обработку изданныхъ матеріаловъ съ присоединеніемъ новыхъ документовъ, найденныхъ въ императорскомъ архивѣ въ Вѣнѣ, представляетъ мало у насъ извѣстный трудъ Фидлера (*Fiedler, Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Römischen Kirche im XVI Jahrhunderte*, помѣщенный въ *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien 1860, томъ 40, S. 27—123*).

Но одними официальными актами нельзя удовлетвориться въ изученіи исторіи сношеній Рима съ Москвою. Есть еще рядъ частныхъ писемъ, донесеній, путешествій и т. п. источниковъ, важность которыхъ усматривается изъ того, что они вліяли на редакцію официальныхъ актовъ и на выработку приемовъ, которыми въ Римѣ нѣдѣлись произвести эффектъ въ Москвѣ. Соотношенія между первыми и вторыми источниками у насъ еще до сихъ поръ не были показаны. Извѣстія путешественниковъ изданы Аделунгомъ (Adelung, Kritische Uebersicht der Reisenden in Russland; на русскомъ языкѣ въ Читеніяхъ Московск. Общества исторіи и древностей, ч. I, 1863 г.). Иностранцы писатели о Россіи изданы частію Семеновымъ (Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, С.-Пб. 1836: Барбаро, Контарини, Кампензе и П. Ювій; т. II, С.-Пб. 1847: Герберштейнъ), — съ большею полнотою, но безъ перевода, Старчевскимъ (Starczewski, Historiae Ruthenicae Scriptores exteri, Berolini et Petropoli 1841: Герберштейнъ, П. Ювій, Фаберъ, Гваньини, Морони, Кобенцель и нѣсколько писецъ, относящихся до миссіи А. Поссевина). Все это даетъ достаточный матеріалъ для исторіи сношеній между Римомъ и Москвою при Василіѣ Ивановичѣ III.

Честью высокаго мнѣнія о себѣ въ западной Европѣ Россія обязана не авантюристу Шлиттену, а другимъ почтеннымъ дипломатамъ и писателямъ. Записки барона Герберштейна и извѣстія Павла Ювія—вотъ гдѣ главнѣйшій источникъ свѣдѣній, циркулировавшихъ въ западной Европѣ о Россіи XVI в. Для насъ оба эти писателя имѣютъ національное значеніе, и можно пожалѣть, что знакомство съ ними не такъ у насъ распространено, какъ бы того они заслуживали. Подъ вліяніемъ Герберштейна и Ювія составлено нѣсколько донесеній и реляцій о Россіи, въ особенности Венеціанцами, которые были также того мнѣнія, что на Россію стѣдуетъ обратить вниманіе въ виду грознаго для всей Европы Восточнаго вопроса. Словомъ, усматривается цѣлый рядъ литературныхъ явленій сочувственныхъ Россіи и оправдывающихъ приготавливаемую ей роль въ рѣшеніи Восточнаго вопроса. На эти литературные факты и слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе, потому что въ нихъ заключается разгадка сношеній Рима съ Москвою при Грозномъ.

Въ періодъ съ 1517 по 1528 г. одновременно съ двухъ сторонъ начинается посвященіе Россіи въ европейскую политику, со стороны императора и папы. Императоръ Максимилианъ отправляетъ для переговоровъ въ Москву Сигизмунда Герберштейна, который оставался

у насъ съ апрѣля по ноябрь 1517 г. Въ письмѣ на имя Василя III (Паматники дипломатическихъ сношеній, I, 195) между прочимъ изложено: „Извѣстно всей вселенной какъ давно христіанскіе государи междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, и никакой отъ того христіанству пользы быть не могло, ибо невѣрныи и враги христіанскаго имени (то-есть, турки и татары) того ради смѣлѣе и угоднѣе дѣла свои дѣлать могли и полонили много людей и отняли у нашихъ многія царства, мѣста и государства, и покорили своей власти“. Поэтому императоръ и рѣшился принять мѣры къ достиженію мира между христіанскими государами. И Господь уже благословилъ его дѣло, 26 государей въ дружбѣ съ нимъ, остаются внѣ этого союза лишь Русь и Польша. Къ характеристикѣ положенія, которое занималъ, Турецкій вопросъ въ переговорахъ императора съ великимъ княземъ любопытно еще слѣдующее мѣсто (Паматники I, 356). Тотъ султанъ Селимъ въ прибавленіи своего чина и въ разореніи царя Персидскаго и въ побѣдахъ недавнихъ надъ двумя султанами Египетскими возвысился, тщится обновить и умножить войско свое земное и морское, чтобы попытать счастья и противъ христіанъ. Султанъ держитъ лучшія земли въ трехъ частяхъ свѣта, и что еще хуже—четыре патриаршества „подъ коихъ правиломъ въ духовныхъ наипаче пацется высость ваша со всѣми своими людьми“. Нужно постараться уберечь хоть ту часть Европы, которая остается еще внѣ его власти и которой онъ весьма угрожаетъ. И больше всего опасно положеніе Московскаго князя „для разстоянія отъ его государства, отъ толь лютаго врага“. Ибо Татары, которые живутъ между Турками и Московитами, не отличаются отъ нихъ ни обычаями, ни вѣрой, но могутъ составить грозную коалицію, разстояніе же между вами небольшое. Побѣды султанъ такъ еще какое христіанское государство, „очередь будетъ прямо за вашей наясностью“.

Переговоры Герберштейна усложнялись московско-польскими раздорами. Скоро Русскіе замѣтили, что для него дороже интересы Польши и Литвы, а потому недовѣрчиво отнеслись къ предложеніямъ относительно Турецкаго вопроса и европейской лиги. Въ 1526 г. Герберштейнъ во второй разъ исправлялъ посольство въ Москву, гдѣ провелъ шесть мѣсяцевъ. Результатомъ вторичнаго его пребыванія въ Россіи были „Записки о Московіи“, одинъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ, написанныхъ о Россіи иностранцами. Три раза Записки Герберштейнъ переведены были на русскій языкъ: въ журналѣ Воспони-

наніяхъ 1832 г. въ „Библіотекѣ иностранныхъ писателей“ и отдѣльно Анонимовымъ въ 1866 г. О миссіи Герберштейна см. статью В. В. Вауэра въ Ж. М. Н. Просв. 1870, мартъ. Недавно появился почетный трудъ о Герберштейнѣ Е. Е. Замисловскаго. Составляя плодъ продолжительныхъ ученыхъ изысканій автора, этотъ трудъ приноситъ много важныхъ и новыхъ страницъ въ культурную исторію древней Россіи.

Въ то же самое время сдѣланъ былъ рядъ рѣшительныхъ поцтожъ и со стороны Рима непосредственно развить перелъ московскимъ правительствомъ тѣ же самыя темы и войти въ соглашеніе по Восточному вопросу. Документальныя свидѣтельства, относящіяся къ переговорамъ Россіи съ Римомъ—вѣрительныя грамоты посламъ, письма и инструкціи, не всегда откровенно и прямо ставятъ вопросы, которые всего болѣе интересовали переговаривающіяся стороны. Отсюда понятна важность и неофициальныхъ свидѣтельствъ и непрямыхъ указаній, если они могутъ разъяснить намѣки или пополнить умолчанія официальныхъ актовъ. Прежде чѣмъ приступить къ анализу писемъ, которыми обмѣнялись съ Василиемъ III папы Левъ X и Климентъ VII, мы остановимся на переговорахъ съ Москвой магистра Тевтонскаго ордена, веденныхъ черезъ Дитриха Шимборка или Шомберга въ 1517 и слѣдующихъ годахъ.

До сихъ поръ о содержаніи этихъ переговоровъ можно было судить на основаніи цитаты у Карамзина, т. VII, прим. 189, которая, смѣемъ думать, приковывала къ себѣ вниманіе многихъ изслѣдователей, интересовавшихся исторіей сношеній Рима съ Москвой. Мы имѣемъ возможность привести сполна все мѣсто по „Статейному списку Прусскаго двора № 1“, хранящемуся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (рукопись въ 8 д. листа, всего 529 листовъ). Изъ разсмотрѣнія дѣла видно между прочимъ, что на сѣверѣ подготовлялся въ это время другой союзъ, противоположный организуемому папой и императоромъ (л. 105), и что сношенія между великимъ княземъ и магистромъ соблюдались въ величайшей тайнѣ и секретѣ.

„Въ лѣто 7025 февраля 24 пріѣхалъ отъ магистра прусскаго къ великому князю человекъ его Шимборкъ“ (л. 82).

„7027 л. марта писали великому князю изъ Пскова намѣстники князь Иванъ Шуйской да князь Цетръ Лобанъ Ряполовской, что идетъ къ великому князю отъ магистра отъ Прусскаго человекъ его Шимборкъ“ (л. 82). •

Лѣта 7027 сентября 24 прѣѣхалъ къ великому князю отъ магистра Прусскаго человекъ его Петрокъ (л. 150). А се грамота (л. 152): азъ даю твоему царскому величеству всею служебною мыслию вѣдати, что нашъ преосвященный отецъ папа отъ Римскаго цесарева величества, также и отъ себя, посла къ королю Польскому отрядилъ и какъ азъ о томъ уразумѣлъ и азъ о томъ великое прилежаніе учинилъ, что тотъ посолъ г. Николай Шхемборхъ мникъ, а въ папичѣ дворѣ въ Римѣ у его святыни ближній служебникъ имѣтца, а моему совѣтнику Дидриху Шхемборху братъ на такое посольство изыскался, путь свой отъ Кракова и до меня воспринялъ“. Сообщается о намѣреніяхъ польскаго короля заключить отдѣльный миръ съ магистромъ и съ великимъ княземъ.

Собственно второе посольство Д. Шомборга въ Москву имѣеть для насъ главный интересъ. „И какъ Шимборко прѣѣхалъ на Москву марта въ 9 день (лѣта 7027), и князь великій велѣлъ у него въ приставѣхъ быти Елизару Сергѣеву, а встрѣтилъ его Елка на всполѣ. И Шимборко отъ магистра правилъ великому князю челобитье да грамоту подалъ вѣрющую. И Шимборко говорилъ: которые были явные рѣчи и азъ на той грамоту государю подалъ, а другую грамоту государь мой далъ мнѣ на тайные рѣчи, а велѣлъ мнѣ говорить самому государю или совѣтникамъ государскимъ“ (л. 159—160).

А се запись что говорилъ рѣчью Шимборко (л. 161 и сл.): „Первое то магистръ вѣдаетъ великаго государя гораздо поминти, что магистръ ему въ послѣдней грамотѣ изъяснилъ (то-есть, очевидно въ грамотѣ, привезенной Петрокомъ), что папа прислалъ къ нему нѣкотораго мниха и тотъ мникъ многіе рѣчи говорилъ, кои великаго князя дѣлу пристоятъ, а можетъ князь великій отъ тое грамоты и отъ своего отвѣта, кои писалъ къ маистру, гораздо разумѣти, а и нынѣ чтобы государю вѣдомо было—приказалъ Шимборку того мниха приказъ папичѣ великому князю изъяснити. Первое маистръ сказалъ жалованіе великаго князя тому мниху и инымъ своимъ вѣрннмъ другомъ, какъ его князь великій жалуетъ и его чинъ, а и впередъ его жалованья къ себѣ хочетъ. А послалъ того мниха папа первое къ цесарю, а потомъ въ Угорскую землю—дѣлати о томъ противу крестьянскаго врага турецкаго, чтобы разорити его силу и смирити святую церковь да и о томъ, которымъ путемъ противу его поити: или Дунаемъ или инымъ путемъ, конѣ лучше ко Царюграду; а отъ толе того же мниха къ королю Польскому и къ маистру Прусскому да опять къ великому князю дѣлати о миру. Да

тотъ же мнихъ по приказу папину свѣдома воли и совѣла 3 го рей великаго князя, короля Польскаго и маистра которые рѣчи ворити копчаетъ имъ любви. И будетъ великому государю угодн оу то можетъ отъ меча увѣдати, что тотъ мнихъ и что ген ской архибискупъ и что бискупъ парнической говорилъ. За маистръ и его чинъ святой Римской церкви и первое повинень и не могу чинити, но все то у нихъ слышелъ и попустилъ имъ рити то что по немъ и то что противу его, какъ они говори после того маистръ втайне тому мниху говорилъ, а ни послу и гату апостольскому, что онъ безъ вѣдома и опрочъ вѣдома вели князя по своему завѣщанію и жалованью, кое князь великій маги чинитъ и обещалъ всегда его жаловати, но можетъ ничего учти а иное говорилъ не втай что онъ съ великимъ княземъ въ ед чествѣ... Да дѣлалъ тоже мнихъ по приказу папину, что бы дѣло противъ турецкого и послѣдье Константинопольскаго редъ шло (л. 164), а и напередъ сего папа и короли и началь и иные христовѣрные согласились на то, чтобы истравъ не щад а какъ тѣ истравы собравъ и перемирие взявъ, и маистръ бы П ской въ томъ дѣлѣ воеводство взялъ, занеже онъ противу невѣри уставленъ воевати.

„Да тотъ же мнихъ говорилъ маистру, что папа уразум великаго князя силу и правую и вѣрную мысль, кою мни кишитъ христовѣрно, а на невѣрныхъ на Татаръ свирѣпуетъ. И послалъ того мниха о томъ перемирье да также приказалъ гово великому князю, что папа хочетъ его и всѣхъ людей Рускіе в прияти въ единачество и согласіе Римскіе церкви умалая и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и закон но хочетъ покрѣпити и грамотою апостольскою утвердити и бл словити вся та предроченная. Запсже (л. 165) церковь Грече не имѣеть главы—патріархъ Константинопольскій и все царств турскихъ рукахъ—и онъ вѣдаетъ, что духовнѣйшій митропол есть на Москвѣ, хочетъ его и кто по немъ будетъ повзысити и нити патріархомъ какъ было преже Константинопольской, а паяси наго и непобѣдимѣйшаго царя всея Русіи хочетъ короновати крестьянскаго царя, и того папа отъ сердца желаетъ, а в великій отъ уроженнаго своего благоизволеніе плодъ безмѣрной лямъ и роду Русскому и всѣмъ христовѣрнымъ, Богу благо дающе, имѣти будетъ. А отъ того папа не проситъ ничего приби и только хочетъ хвалы божьи и соединеніе христовѣрныхъ, и ч

свершеніе то дѣло противу турскаго впередъ шло, а полнѣе о томъ тотъ же мнхъ хотѣлъ говорить. Да того для что манстръ не вѣдалъ, есть ли великаго князя на то мысль и дастъ ли о томъ отвѣтъ напѣ, только послы павнимъ къ нему придуть; также того для что манстръ не вѣдастъ—хочетъ ли князь великій о перемиріе дѣлать, также что тотъ мнхъ въ Угорской землѣ великое дѣло оставилъ;—и того дѣла манстръ отпустилъ того мнха назадъ того дѣла дѣлать, а (л. 166) отвѣчалъ ему, что хочеть перемиріе помислити будетъ ему и его завѣщателемъ угодно, и онъ возьметъ, также и воеводства противу турскаго не оставитъ, а напе отвѣтъ хочеть дать своими послы. А тотъ мнхъ говорилъ, что ему опять назадъ прити будетъ надобе, и онъ на Москву и въ иные мѣста пригожіе хочеть ѣхать. Также чтобы то перемиріе хотя того для дѣла сталося, кое противу турецкаго будетъ, занже турецкой вотчину великаго князя держать, а отъ того перемирья великому князю угода не мало можетъ бити и вѣчное доканчаніе и обороненіе иные крестьянскіе люди отъ его величества имѣти могутъ, и иные многіе пользы могутъ бити какъ явлено будетъ въ рѣчахъ. А вѣдомо что Литву не надобе оружіемъ воевати: время еѣ воетъ. Занже коли король не имѣетъ наслѣдника, ино его не будетъ ни въ Литвѣ ни въ Ластѣхъ, а то извѣстно, что Литва не похотятъ никакоже надъ собою государя Ляха имѣти, ни Ляхове Литвина и отъ того разорятца оба государства. И только нынѣ князь великій добрымъ и правымъ чиномъ ко угодію павину то пятилетнее перемиріе съ Жигимонтомъ приметъ, можетъ межъ зговора въ нынешнее лѣто воевати, занже король Польской всегда (л. 167) со дни на день ждеть конца, что князь великій перемиріе возьметъ, а вонска своего не сберетъ. А только князь великій въ приходящую осень или въ началѣ зимы перемирье возьметъ, ино уже прошло два году того перемирья, и онъ трехлѣтнее а не пятилѣтнее перемирье возьметъ.

„А нѣчто похочеть князь великій за свою отчину Костянтинопольскую стояти, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь да и помочь что ни за 100 лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники Костянтинопольскіе не имѣли, а то и отъ своего разума и отъ многихъ рѣчи вѣдати можетъ, также и того для—всѣ есмь смертны. Нѣчто во ту пору короля не станеть, и князь великій можетъ и опять съ своими завѣщателями, съ мастроитъ и съ иными, но правдѣ можетъ брашь начати съ королемъ польскимъ. И занже всѣ крестьянскіе начальники перемиріе восприняли, думаетъ манстръ, великому князю будетъ любо тожь

приняти. И будетъ то перемиріе либо прямымъ дѣломъ, великому князю и маистру будетъ пригодно другое того для — чтобы то противу турецкого на обороненіе крестьянскаго имени однокончилось. А третье какъ придетъ то перемирье 5-тилѣтнее, и такъ и нынѣ князь великій и маистръ въ завѣщаніе и одинаково какъ есть нынѣ за одинъ (л. 168) человекъ милостию Божіею и сударя великаго князя здоровьемъ. А маистръ не можетъ, ни четь никакого перемирья взяти, но ждетъ милости Божьей и великаго князя обещаннаго жалованья и друзей своихъ помочи. И чтобы промыслилъ государь и князь великій какъ лучше, а Шимборкъ еще много имѣеть въ приказе, и послѣ отвѣта на сѣбѣ изъяснить. И пѣчто перемирье и въ первыхъ великому князю угодно будетъ, и маистръ просить, чтобы его величество не поспѣшилъ уложить, а либо конечной отвѣтъ дати, доколе весь приездъ отъ Шимборка уразумѣеть, занже маистръ ниаго не желаетъ только чтобы князь великій гораздо вѣдалъ какъ дѣлаеця, и такъ можетъ все разумнѣе умыслити. А послѣ того какъ Шимборкъ и дѣломъ всѣмъ отвѣтъ восприметь, и все что въ приказе имѣеть изъяснить и уразумѣеть, что великій князь не хочетъ перемирья, а четь валку чинити, да и маистръ бы валку началъ, и Шимборкъ имѣеть въ приказе восприняти пѣнниси и сговоритися коимъ путемъ противу недруга понти и все исполнити что маистръ записалъ, и обещалъ, занже весь животь господина маистра въ власти, занже онъ по завещанію и обѣту и для великаго жалованья воспринялъ и дастъ Богъ еще восприметь, долженъ то всекрѣпко держати какъ ему милостивый Богъ поможетъ. Съ симъ маистра царскому величеству смиренне поручаетъ, его же Богъ спасетъ и сохранитъ“ (л. 169).

Въ исторіи сношеній Рима съ Москвою инициатива съ самаго начала принадлежитъ правительству пап. Въ Римѣ не оставались праздною ожиданіемъ—нока сложится въ Россіи взглядъ на европейскую политику, на Восточный вопросъ и на роль Москвы въ разрешеніи его; напротивъ, въ Римѣ создавались политическія планы комбинаціи, въ которыхъ Москвѣ давалось свое опредѣленное мѣсто и назначеніе, гораздо прежде того времени, какъ великій князь Московскій громко заявилъ о правѣ своемъ на царскій титулъ и константинопольское наслѣдство и несомнѣнно раньше, чѣмъ въ Россіи вошла въ сознаніе живая идея единовѣрности съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ, томящимся и

турецкимъ игомъ. Изучая исторію сношеній Рима съ Москвою въ XVI в., можно приходитъ къ выводамъ о подъемѣ національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ именно подъ вліяніемъ широкихъ политическихъ перспективъ, раскрываемыхъ въ Москвѣ даровитыми дипломатами, присланными изъ Рима и изъ Вѣны. Въ самомъ дѣлѣ, подводя итогъ тому, что въ первой четверти XVI в. говорили Василию III Герберштейнъ и Шомбергъ, мы должны признать, что передовая роль въ борьбѣ съ Турками была намъ не подъ силу, что отыскивать Константинопольскую вотчину было преждевременно, основаніе независимаго патріархата едва ли признавалось настоятельнымъ. Между тѣмъ эти сюжеты постоянно и—главное—весьма умно и послѣдовательно разрабатываются и развиваются въ общемъ и въ частности во второй половинѣ XVI в. Кто же можетъ отрицать, что національная постановка тѣхъ же самыхъ и стоящихъ съ ними во внутренней связи вопросовъ при Грозномъ, Петрѣ I и Екатеринѣ II не таятся, какъ въ зернѣ, въ заявленіяхъ и представленіяхъ дипломатовъ XVI в.? Во всякомъ случаѣ это любопытная задача для историка сношеній Москвы съ иностранными государствами. Такъ какъ откровенность Дитриха Шомберга превышаетъ все, что до сихъ поръ было извѣстно о характерѣ предложеній, дѣлаемыхъ Московскому князю Василию III, и такъ какъ сообщенія его должны быть почерпнуты изъ официальныхъ актовъ и словесныхъ порученій, носителемъ которыхъ былъ братъ его Николай Шомбергъ, то очевидна важность подробныхъ изслѣдованій о миссіи этого послѣдняго. Между тѣмъ наши свѣдѣнія о Н. Шомбергѣ очень скудны; съ полною увѣренностью нельзя даже сказать—былъ ли онъ въ Москвѣ, или не былъ; послѣднее даже болѣе вѣроятно. Протоіерей Григоровичъ (Переписка папъ, стр. 94—100) сообщаетъ однако текстъ письма Льва X къ Василию III отъ 4-го іюня 1518 г. и инструкцію Николаю Шомбергу отъ 1-го октября того же года— акты, извлеченные имъ изъ библіотеки графа Румянцева, — и въ этомъ можно бы по видимому, усматривать доказательство пребыванія Шомберга въ Москвѣ. Но знакомство въ Россіи съ первымъ документомъ объясняется весьма просто тѣмъ, что списокъ съ него сообщенъ былъ Дитрихомъ Шомбергомъ; второй документъ, вошедшій и въ изданіе Тейнера, *Vetega monumenta Poloniae* II. p. 378, напрасно названъ наказомъ, — это поощрительное письмо къ продолженію миссіи, и по нему трудно дѣлать заключенія къ инструкціи, которая остается неизвѣстною. Содержаніе сообщаемыхъ о Григоровичемъ писемъ къ великому князю

и къ Н. Шомбергу, свидѣтельствуя о широкихъ полномочіяхъ, нѣкъ этому послу (именно, все, что посольство будетъ обѣщать кому князю за принятіе уніи, все это заранѣе утверждается и объ обширномъ кругѣ лицъ, съ которыми онъ долженъ вступить переговоры (императоръ, короли Французскій, Испанскій, Австрійскій, Московскій князь и другіе государи) до известной степени жетъ выдержать сличеніе съ тѣми открытіями, которыя сдѣланы рѣчами Д. Шомберга. Но тѣ же самые акты могутъ служить свидѣтельствомъ того, какъ мало сравнительно излагалось на письмѣ, какъ много поручалось въ дипломатическихкихъ сношеніяхъ говорить въ словахъ.

За утратой слѣдовъ инструкціи, даппой Николаю Шомбергу торикъ не должеъ пренебрегать другими указаніями, по которымъ можно ознакомиться съ господствовавшими въ то время въ Римѣ взглядами на Москву. Въ сборникѣ Чампи (I, p. 232) сохранился любопытный протоколъ рѣшеній, принятыхъ комиссіей изъ четырехъ кардиналовъ, образованною специально для обсужденія московскаго вопроса. Въ этой комиссіи принималъ участіе и посольство Габсбургскаго короля, Гнѣзненскій архіепископъ Іоаннъ Ласскій, мнѣнія котораго, какъ знающаго дѣло человѣка, должны были имѣть для новыя комиссіи авторитетное значеніе. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришли кардиналы.

1) Миръ между его величествомъ королемъ и магистромъ меккаго ордена. Напомянемъ при этомъ, что и переговоры Д. Шомберга съ Москвой отправляются изъ этого положенія.

2) Король приметъ на себя задачу трактовать съ Московскімъ княземъ—согласенъ ли онъ подчиниться Римской церкви и апостольскому престолу. Съ этою цѣлью имѣетъ быть отправлено въ Москву посольство въ сопровожденіи уполномоченныхъ отъ Польши или Даніи, которое и вступитъ въ соглашеніе по слѣдующимъ пунктамъ: о введеніи въ Москву уніи на основаніяхъ Флорентійскаго собора; въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія этого вопроса, нунцій имѣетъ возвести великаго князя въ короли и образовать изъ его владѣній королевство. Что касается до второй статьи протокола, она по своему существу не должна быть сличаема съ негоціаціей Шомберга. Этотъ посольство долженъ былъ вести переговоры съ Москвой непосредственно отъ Польскаго короля, а въ такихъ случаяхъ, какъ увидимъ далѣе, Римская курія была гораздо прямѣе и откровеннѣе; притомъ же рѣчь Д. Шомберга построена на противоположномъ принципіи

на антипольскомъ союзѣ. Подразумѣваемый въ протоколѣ нунціи будетъ дѣлать, такъ-сказать, ложную атаку.

3) I. Ласскій обнадѣжилъ комиссію, что король приметъ возлагаемое на него посредничество, и что переговоры съ великимъ княземъ могутъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ и отецъ нинѣшняго князя былъ близокъ къ союзу съ Римомъ, какъ о томъ извѣстно изъ донесеній Московскихъ людей, бѣжавшихъ въ Польшу, и еще изъ письма Датскаго короля. Нынѣ онъ еще болѣе долженъ имѣть къ тому склонность, такъ какъ во всѣхъ войнахъ народъ его терпѣть отъ Поляковъ пораженія, и онъ не можетъ въ этомъ не видѣть дѣйствія Вожественнаго Провидѣнія, дающаго славою побѣду слабому надъ сильнымъ (!). Эта статья протокола освобождаетъ насъ своею очевидною нелѣпностью отъ необходимости дальнѣйшихъ указаній на связь съ переговорами Шомберга. Римская курія никогда не является такою легкомысленною, чтобы принимать серьезныя рѣшенія на основаніи такихъ данныхъ, какія будто бы сообщалъ кардиналамъ I. Ласскій.

4. Нунціемъ въ Москву избранъ Франциска де-Потенція, прокуратора ордена миворитовъ, которому вручить акты Флорентійскаго собора и инструкціи. Эта статья относится уже къ новому акту дипломатическихъ сношеній, къ которому сейчасъ перейдемъ.

Фидлеръ, глубоко вдумывавшійся въ занимающій насъ актъ (*Ein Versuch der Vereinigung*, S. 33), совершенно справедливо замѣтилъ, что онъ стоитъ въ противорѣчій съ традиціями и политикой Польши. Что воля Польскаго короля не могла быть такова, какъ объ этомъ доносила коллегія кардиналовъ, ясно изъ того, что король не только не согласился пропустить нунціа въ Москву, но и настоялъ на другомъ ему назначеніи. „Такъ какъ“, писалъ онъ, — „дѣло находится совсѣмъ не въ томъ положеніи, какъ вы воображаете, ваше святѣйшество, то я счелъ неприличнымъ и небезопаснымъ пропустить въ Москву пословъ“. Тѣмъ все и кончилось. Но еслибъ I. Ласскій дѣйствительно устроилъ западню для короля въ Римѣ, то повѣротно чтобъ онъ за это не заплатился очень дорого.

Но въ этомъ дѣлѣ есть еще одна сторона — хронологія актовъ. Вѣрительная грамота послу, отправленному вслѣдствіе выше приведенныхъ рѣшеній, дана 19-го сентября 1519 года, поощрительное же письмо Н. Шомбергу, уполномочивавшее его дѣйствовать въ томъ направленіи, какое ясно для насъ изъ рѣчей брата его, послано 1-го октября 1518 г. Комиссія кардиналовъ, обсуждавшая московскій

въ этотъ промежутокъ времени могло быть получено. О тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя шли черезъ Н. Шомберга, сохранившіеся акты тщательно умалчиваютъ, изъ чего нельзя не заключить, что это дѣло желали держать въ секретѣ отъ короля. Епископу Захаріи была дана инструкция (Acta Tomiciana V, 188—189 и у Чіампи II, p. 24), въ которой ему рекомендуется примирить Московскаго князя съ Польскимъ королемъ, и въ которой о склонности Василья III къ уніи сказано: *non solum ex dicto episcopo Ploensensi (Еразмъ епископъ Плоцкій, бывшій посломъ польскимъ при папскомъ дворѣ) audiverimus, sed etiam a charissimo in Christo filio nostro Dante rege per ejus literas certiores facti fuerimus, ipsum Ducem Moscovie ad hoc sponte sua jam pridem bene dispositum et inclinatum esse, то-есть, что князь Московскій по своей доброй волѣ очень склоненъ и расположенъ къ уніи, объ этомъ мы узнали не только изъ словъ епископа плоцкаго, но еще изъ письма Датскаго короля.*

Въ русскихъ архивахъ не сохранилось слѣдовъ посольства епископа Захаріи, да и не суждено было ему перешагнуть границы Польши по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже. Такъ или иначе, въ Польшѣ были серьезныя затрудненія дать ходъ этому посольству: *quod ad profectionem in Moscoviam attinet, quia res aliter se multo habet, quam sit sanctitati vestre persvasum, nec decens nec satis tutum ut illic irent putavi* (Acta Tomiciana V, 240). Важно здѣсь мимоходомъ замѣтить, что черезъ посредство Польскаго короля сношенія Рима съ Москвой вообще были менѣе удачны, чѣмъ если удавалось избѣжать этого посредства. Это сознавали и въ Римѣ, и притомъ издавна:

Въ 1520 г. прибылъ въ Москву Павелъ Чентуріоне съ рекомендательнымъ письмомъ папы Льва X. Чентуріоне имѣлъ цѣлью сообщить Московскому князю новый проектъ торговли съ Индіей. Этотъ проектъ, плодъ генуэзской предприимчивости, сулилъ Россіи много выгоды, такъ какъ предполагалась возможность направлять индѣйскіе товары Индомъ и Оксомъ въ Каспійское море, потомъ Волгой до Москвы и наконецъ сухимъ путемъ въ Ригу. Но Василій и бояре „сочли не приличнымъ открыть челоуѣку неизвѣстному, притомъ же иноземцу, области, служація путемъ къ Каспійскому морю“ (P. Iovius, De legatione Basilii Magni, у Семенова, Библиотека иностранныхъ писателей, I, 16), и потому переговоры Чентуріоне остались безъ успѣха. Но свѣдѣніями, собранными имъ въ Москвѣ, воспользовался для другой цѣли Климентъ VII, преемникъ Льва X. Вторичное по-

солство П. Чентурионе въ Москву въ 1524 г. имѣло свой эффектъ, ибо вызвало отвѣтное посольство изъ Москвы въ Римъ, исполненное Дмитріемъ Герасимовымъ.

Но здѣсь мы находимъ вполне умѣстнымъ отмѣтить политическую программу, составленную Албертомъ Кампензе, имѣвшую безспорно болѣе важное значеніе на политику Рима по отношенію къ Москвѣ, проектъ комиссіи кардиналовъ, выработанный при Лы Кампензе развилъ свои политическіе взгляды на Россію въ письмахъ къ папѣ Клименту VII (Семенова, Библиотека иностранныхъ писателей): „Я не могу довольно удивиться равнодушію которымъ предшественники вашего святѣйшества оставляли и безъ всякаго вниманія Московію, страну многолюдную, различную съ нами въ самыхъ маловажныхъ догматахъ и безусловно данную проклятію за отложеніе отъ церкви, и нисколько не заботясь о приведеніи ее обратно въ лоно истинной вѣры, тѣмъ, что исполненіе сего требовало самыхъ незначущихъ усилій. можетъ болѣе обезсмертиться имя ваше въ позднемъ потомствѣ не воспоминаніемъ о томъ, что въ управленіе ваше всѣ Московиты возвратились въ лоно истинной церкви? Отъ одной мысли о сеутеране, эти неистовые безумцы, державшіе возстать противу чуждого могущества престола вашего, горестно застонуть и покроются пыломъ стыдомъ. Обращеніе Московіи гораздо важнѣе и дороже имени христіанскаго, нежели всѣ выгоды, которыя доставятъ намъ покореніе оружіемъ Азіи и Африки. Турки, побѣжденные кореннымъ оружіемъ нашему, будутъ по прежнему косить въ своемъ, и изъ многихъ сотенъ тысячъ душъ едва ли одна и обратятся на путь истинный. Тогда какъ Московиты, обнажая мечъ, безъ пролитія крови и безъ малѣйшихъ усилій спасти всѣхъ до одного къ спасительному сталу Христову“ (стр. 10). Кампензе возлагаетъ много надежды на власть и авторитетъ великаго князя (стр. 35—36), на миролюбивую политику Василія (стр. 39) и на его готовность вступить въ лигу для борьбы съ Турками (стр. 40—41). Высказываемыя имъ далѣе соображенія о роли которую припятъ на себя Русскіе въ турецкой войнѣ, заслуживаютъ нашего вниманія (стр. 43—44): „Не должно отнюдь вѣрить тѣмъ которые утверждаютъ, будто намъ нужны одни деньги Московиты славящихся своимъ богатствомъ, а будто помощь ихъ, по причастию далевія Московіи отъ Турокъ, вовсе бесполезна. Изъ Смоленска дорога идетъ черезъ землю Руссовъ, — народа сопредѣ-

дружественнаго и живущаго въ тѣхъ же обычаяхъ, что и Московиты, прямо въ Валахію и Болгарію, а оттуда черезъ Фракію въ Константинополь. Этотъ путь весьма удобенъ для слѣдованія войскъ, а также и для атаки; ибо изъ всѣхъ границъ Турціи самая слабая, какъ мнѣ извѣстно, есть та, которая находится со стороны Московіи. Къ тому же Валахія и Болгарія населены исключительно племенами христіанскими, которыя, находясь подъ властію Турокъ, для нихъ давно уже тягостною, охотно отклонятся отъ нихъ и соединятся съ нашими войсками, если только явятся къ нимъ защитники ихъ свободы". Въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, въ особенности въ виду распространенія лютеранской чумы. союзъ съ Московскимъ государемъ представляется дѣломъ неотложной необходимости, съ одной стороны, для славы и торжества католической церкви, съ другой—для успѣха въ борьбѣ съ Турками. Въ заключеніе Кампензе рекомендуетъ снарядить въ Москву посольство, по не очень пышное, чтобы враги не узнали о томъ, и съ устраненіемъ всякаго въ этомъ дѣлѣ посредничества со стороны Польскаго короля (стр. 52—53).

И такъ, со многихъ сторонъ доходили до Рима благоприятныя извѣстія о Москвѣ, и эти извѣстія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали желаніямъ папскаго правительства, которое имѣло опредѣленные планы относительно Россіи. Въ 1524 г. Климентъ VII во второй разъ посылаетъ въ Москву извѣстнаго уже намъ П. Чентуріоне, снабдивъ его слѣдующимъ письмомъ къ великому князю (напечатано у Григоровича 9, Чіампи 1, 233, Фидлера 103): „Много хорошаго говорилъ намъ о тебѣ П. Чентуріоне, что частію мы знали прежде, частію же очень желали знать. Особенно пріятно было узнать о твоёмъ отличномъ расположеніи къ христіанской республикѣ и къ сему апостольскому престолу". Напомнивъ о сношеніяхъ въ прежнее время, папа продолжаетъ: „Такъ какъ Павелъ заявилъ, что онъ опять желаетъ идти къ вамъ, то мы рѣшились написать это письмо. Просимъ и увѣщаемъ твою свѣтлость—прочти его съ дружественнымъ расположеніемъ и прими близко къ сердцу наши просьбы и общанія, ибо онѣ исходятъ изъ любви къ тебѣ и отеческаго расположенія. Мы такъ возлюбили твою свѣтлость по слухамъ о твоей доблести и великодушій, что ничего такъ сильно не желаемъ какъ того, чтобы ты былъ въ общеніи съ нами и съ другими христіанскими государствами, въ особенности же съ апостольскимъ престоломъ, чего не было, думаю, по винѣ предшествующихъ временъ. Какая можетъ

быть причина не отвѣчать тебѣ на нашу дружбу и любовь тѣми же чувствами? Если Господу угодно будетъ просвѣтить твой умъ и ты рѣшишься быть за одно съ нами и со святымъ престоломъ, постарайся извѣстить насъ о томъ или чрезъ своего посла или инымъ какимъ образомъ. Мы же такъ заботимся о твоей чести и объ увеличеніи твоего достоинства, что ты никогда не раскаешься за рѣшеніе соединяться съ нами, какъ скажетъ тебѣ о томъ Павелъ, которому ты можешь вполне довѣрять“.

Нечего и говорить, что это письмо по сравненію съ тѣмъ, которое отправлено было въ 1519 г., отличается крайнею осторожностью въ выраженіяхъ, относящихся до чести и достоинства великаго князя. Если сравнить то, что доходило до Рима по слухамъ отъ достовѣрныхъ людей, съ довольно умѣреннымъ тономъ этого письма, то окажется, что Римскій престолъ далеко не былъ такъ легковѣренъ, чтобы вѣрить всякому слуху. Безъ сомнѣнія, пріятно было бы считать достовѣрнымъ домогательство въ Москвѣ королевскаго титула. Но за неимѣніемъ прямыхъ о томъ заявленій со стороны Василя Ш, приходилось ограничиваться намеками на этотъ вопросъ и вызовомъ къ объясненіямъ. Не смотря на свидѣтельство Кампензе и Павла Іовія, будто Московскій князь искалъ королевскаго вѣнца, въ самомъ Римѣ не могли не понимать, что тутъ есть недоразумѣніе. Если ужъ рѣшились раскрыть передъ Московскими князьями перспективы константинопольскаго наслѣдства, если указали на единовѣрныхъ въ Валахія и Волгаріи, то конечно, не могли ограничивать честь и достоинство будущаго борца за христіанскую Европу такимъ почетомъ какъ королевскій титулъ, о которомъ въ Москвѣ были далеко не высокаго мнѣнія. Естественно, намъ приходится на умъ изъ дѣлъ о Шомбергѣ вѣнчаніе царскимъ вѣнцомъ и въ связи съ этимъ учрежденіе въ Россіи патріаршества. Въ этомъ было дѣйствительное честолюбивое стремленіе, Василя и въ особенности Ивана Грознаго и на этомъ пути могли бы еще завязаться переговоры. Но вопервыхъ, подобныя стремленія осуществлены были въ Россіи не путемъ сношеній съ Римомъ, а съ восточными патріархами, и этой стороной дѣла нельзя оставлять безъ вниманія въ изучаскомъ вопросѣ; и въ вторыхъ, разсужденіе барона Герберштейна слишкомъ компетентно чтобы не принять его, въ особенности же при отсутствіи какихъ-либо намековъ въ русскихъ источникахъ на искательство королевскаго вѣнца въ Римѣ. У Герберштейна читаемъ: „Нѣкоторо пишутъ, будто Московскій князь домогался у папы и императо

Максимилиана королевскаго титула. Миѣ кажется это невѣроятнымъ. Ибо нѣтъ человѣка, къ коему онъ питалъ бы болѣе вражды, чѣмъ къ папѣ. Императора Римскаго онъ также нисколько не ставитъ выше себя и даже въ грамотахъ велитъ писать свое имя прежде императорскаго“ (Семенова, Библиотека II. 51).

Слѣдствіемъ переговоровъ Чентурионе было то, что великій князь рѣшился снарядить въ Италію посольство, во главѣ котораго поставленъ Дмитрій Герасимовъ. Характеристику его даетъ Павелъ Іовій, познакомившійся съ нимъ въ Римѣ и узнавшій отъ него много подробностей о Россіи, „Мы постараемся“, говоритъ онъ,—удержать ту же простоту, съ каковою разказывалъ намъ обо всемъ въ свободное время самъ Дмитрій. Онъ хорошо владѣетъ латинскимъ языкомъ, ибо еще въ юныхъ лѣтахъ получилъ образованіе въ Ливоніи и отправлялъ нѣсколько разъ должность посланника во многихъ христіанскихъ государствахъ,—гдѣ, окруженный людьми всякаго рода и обращаясь безпрестанно въ кругу образованнаго общества, удобно могъ очистить правильный и гибкій умъ свой отъ всего, что еще оставалось въ немъ грубаго“.

Съ Д. Герасимовымъ отправлено было письмо къ папѣ, помѣченное апрѣлемъ 1525 года. Оно цѣликомъ приведено въ сочиненіи П. Іовія De legatione и у Чіампи, I, 57. Своимъ холоднымъ и дѣловымъ тономъ оно лучше всего доказываетъ несправедливость ходившихъ на Западѣ слуховъ о готовности великаго князя перейти въ католичество. „Вы послали Павла, генуэзскаго гражданина, съ письмомъ, въ которомъ убѣждаете соединиться съ вами и другими князьями христіанскими, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ совѣтомъ и силою противъ враговъ христіанскаго имени, предлагаете давать свободный пропускъ нашимъ и вашимъ посламъ и по взаимной пріязни извѣщать другъ друга о здравіи нашемъ и о состояніи государственныхъ дѣлъ. Мы при всеблаготворности Божіей, доселѣ ратуя неустойчиво и настойчиво противъ нечестивыхъ враговъ Христовой вѣры, расположены и впредь стоять противъ нихъ; также готовы соединиться съ прочими христіанскими князьями и озаботиться мирнымъ обменомъ посольствами. Для чего посылаемъ къ вамъ возлюбленнаго и вѣрнаго нашего Д. Герасимова, вмѣстѣ съ нимъ отпустили обратно и вашего посла Павла. Просимъ освободить Дмитрія по возможности скорѣе и позаботиться, чтобъ онъ безопасно возвратился въ нашу землю. Съ своей стороны и мы примемъ надлежащія мѣры, если вы вмѣстѣ съ Дмитріемъ пошлете къ намъ своихъ легатовъ. Изъ взаим-

ныхъ переговоровъ и писемъ можетъ разъясниться какинъ образомъ предпринять и выполнить это дѣло къ общей пользѣ и на что намъ рѣшиться соотвѣтственно съ желаніями прочихъ князей". Такой сдержанный тонъ письма, которое не обнаруживаетъ ни малѣйшаго вниманія къ выдвигаемымъ въ Римѣ предметамъ переговоровъ, могъ быть пріятель развѣ только Польскому королю (Тургеневъ, Акты I. 129).

Пребываніе въ Римѣ Д. Герасимова описано въ сочиненіи П. Ювія, *De legatione* и въ Актахъ Тургенева (I, 131). Когда грамота великаго князя въ латинскомъ переводѣ стала извѣстна папѣ и его совѣтникамъ, содержаніе ея, что и понятно, найдено весьма неудовлетворительнымъ. Сначала полагали, что Дмитрій имѣеть передать на словахъ тайныя и важныя порученія, но оказалось, что такихъ порученій ему дано не было. Осмотрѣвъ Римъ, московскій посолъ сталъ просить отпуска.

Въ Римѣ надѣялся однако продолжать сношенія съ Москвой по крайней мѣрѣ на тѣхъ основаніяхъ, которыя принимались и великимъ княземъ. Въ наказѣ Франциску, епископу Скаренскому, отправляемому вмѣстѣ съ Д. Герасимовымъ въ ноябрѣ 1525 г., рекомендовано было трактовать „о вооруженіи противъ Турокъ на защиту христіанской вѣры“; въ письмѣ же на имя великаго князя снова затропуть и тѣ вопросы, которые выдвигались въ прежнихъ письмахъ и остались безъ отвѣта въ документѣ, привезенномъ Д. Герасимовымъ. „Для переговоровъ объ Уніи съ Римскою церковью посылается епископъ Францискъ, которому можно во всемъ довѣрять. Онъ откроетъ мысли папы какъ объ уніи, такъ и о лигѣ противъ турокъ, болѣе же важныя дѣла сообщить устно. Въ случаѣ согласія великаго князя на предложенія, обѣщается увеличеніе чести и достоинства“. Прибавка въ сущности не важная, но она встревожила Польскаго короля, который не желалъ допускать сношеній между Римомъ и Москвой именно изъ боязни увеличенія чести великаго князя при посредствѣ папы. Взглядъ его на это дѣло изложенъ въ письмѣ польскому послу при императорскомъ дворѣ (*Acta Tomiciāna* VII, 317), гдѣ въ то время готовилась вторичная миссія Герберштейна, имѣвшая цѣлью поддержать представленія папскаго посла. „Мы очень бы желали удержать его императорское величество отъ посланки лѣгатовъ къ этому князю, потому что па онытѣ убѣдились, что этотъ варваръ въ необычномъ своемъ высокомеріи не только не смягчился отъ этихъ посольствъ, но еще болѣе дерзкимъ и требова-

тельнымъ становится". Какъ извѣстно, папскій посолъ вмѣстѣ съ барономъ Герберштейномъ согласили великаго князя на перемиріе съ Польшей. (Обстоятельства описаны Герберштейномъ, въ переводѣ Анонимова стр. 200—202).

Въ 1524 г. Василій III снарядилъ еще посольство въ Римъ. Въ русскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого посольства; у Чіампи же (I, 235) приведены имена пословъ. Можно однако судить о содержаніи и побужденіяхъ къ переговорамъ изъ отвѣтнаго письма папы Климента VII, помѣченнаго 1-мъ февраля 1526 г. (напечатано въ *Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften, Wien 1862, т. 40, р. 76*). „Вмѣстѣ съ достопочтеннымъ Францискомъ, епископомъ Скаренскимъ, пришли къ намъ твои послы: Іеремія и дьякъ Тимошей Семеновъ сынъ Владыгинъ. Они принесли отъ тебя письмо и дары, и что особенно пріятно, увѣрили насъ въ твоёмъ благорасположеніи и въ готовности стоять заодно съ нами и съ прочими христіанскими князьями противъ невѣрныхъ. О торговыхъ сношеніяхъ и о свободномъ пропускѣ купцовъ одобряемъ твое мнѣніе и посылаемъ вмѣстѣ съ нимъ другую грамоту, которою разрешаемъ твоимъ купцамъ свободно проходить въ наши земли и безопасно жить въ нихъ и производить торговлю, какъ позволили уже купцу Алексію покупать въ нашихъ земляхъ все, что ему вздумается. Весьма сожалѣемъ, что не можемъ удовлетворить твоей просьбы о присылкѣ архитекторовъ и машинистовъ (*de architectis et machinarum conflatoribus et excussoribus*). Вѣроятно, ты слышалъ, какому жестокому разграбленію подвергся городъ Римъ (намекъ на событія 20-го сентября 1526 г.), всѣ наши архитекторы или взяты въ плѣнъ или разбѣжались, а мы не желаемъ послать такихъ, которыхъ мы не можемъ рекомендовать. Когда возвратится миръ, и когда мы направимъ христіанскихъ князей на общаго врага, тогда надѣемся обильнѣе излить на тебя нашу отеческую любовь какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Просимъ свято сохранить перемиріе, заключенное съ Польскимъ королемъ, и приготовиться къ войнѣ съ Турками, дабы остальные силы христіанства, подкрѣпленные твоимъ могуществомъ... способствовали высочайшей славѣ твоей и распространенію твоего царства“.

Затѣмъ сношенія Рима съ Москвой прерываются на продолжительное время. Причина очевидна. Исчерпавъ всѣ способы вызвать Василя III на объясненіе и получая отъ него то холодные и уклончивые отвѣты, то заявленія о такихъ нуждахъ, удовлетворить ко-

торыя было не въ интересахъ Римскаго престола, въ Римѣ нашли наконецъ неудобнымъ продолжать настаивать на томъ, чего, по видимому, въ Москвѣ не понимали, или на что не обращали должнаго вниманія.

Разборъ сношеній между Римомъ и Москвою въ десятилѣтній періодъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: Починъ въ сношеніяхъ дѣлаютъ всегда папы, а не великій князь. Предложенія со стороны Римскаго престола, объясняемыя грозой турецкаго напора, лютеранскою „чумой“ и весьма чувствительными потерями католической церкви, хотя и могли быть лестны для великаго князя, но рѣдко выражались въ той формѣ, какая дѣйствительно составляла предметъ честолюбивыхъ его желаній. Слухи о склонности великаго князя принять унию шли изъ Даніи и отъ бѣжавшихъ въ Польшу московскихъ бояръ, поддерживались же донесеніями и письмами предпринимателей и купцовъ. Папа и императоръ оба одинаково желаютъ приобщить Россію къ лигѣ, но на стражѣ стоитъ Польскій король, который и парализуетъ ихъ дѣйствія. „Не могу надивиться“, говоритъ онъ, — какъ это его величество направляетъ столько посольствъ въ Московію безъ всякой съ моей стороны просьбы; ужь конечно, онъ не снарядилъ бы посольства, еслибъ я просилъ его“ (Acta Tomiciana VII, 317). Въ самый годъ заключенія перемирія съ Москвою при посредствѣ Герберштейна и епископа Франциска, польскіе государственные люди смотрѣли на это дѣло какъ на ловушку и называли нѣмецкаго дипломата обманщикомъ и коварнымъ лстецомъ (Acta Tomiciana VIII, 272: *sublitque in mentem querimonia — quod negotia Maestatis Vestre hujusmodi impostoribus et sykophantis, qualis indubie est unus ille Sigismundus Herberstein creduntur...*). Съ другой стороны, письма Василія III къ папамъ, нисколько не соответствуя чаяніямъ и ожиданіямъ, которыми руководились въ Римѣ, послѣдительно выдерживаютъ холодный и безстрастный тонъ и позволяютъ продолжать сношенія лишь на слѣдующихъ основаніяхъ: на участіи въ борьбѣ съ невѣрными, на интересахъ торговли и на заимствованіяхъ по части мастеровыхъ людей. Спросъ не соответствовалъ предложенію.

Въ частности, на исторіи дипломатическихъ сношеній Рима съ Москвою мы ознакомились не только съ формальною стороною этихъ сношеній, но и съ матеріальною, ибо знаемъ, какъ направляемы были послы, чье требовалось согласіе на ихъ пропускъ, и какія основныя темы развивались въ вѣрительныхъ грамотахъ и въ инструкціяхъ.

Антагонизмъ между Римомъ и Вѣной, съ одной стороны, и Краковомъ—съ другой, проявляющійся въ пререканіяхъ и подозрительности по поводу сношеній съ Москвой, также мы должны признать очень важнымъ элементомъ въ изучаемомъ вопросѣ.

Съ этими данными мы надѣемся иначе объяснить дѣло Шлиттена, чѣмъ это проведено въ сочиненіи „Rome et Moscou“. О. Пирлингъ согласится съ нами, что интрига Шлиттена задумана была въ величайшемъ секретѣ отъ Польскаго короля, который дѣйствительно узналъ о ней уже по письмамъ изъ Рима; да и вообще, знакомый съ тогдашними европейскими дѣлами, Шлиттенъ не могъ ни минуты сомнѣваться, какъ отнесется къ его предпріятію король. Но онъ могъ питать надежду обмануть папу и императора? Мы позволимъ себѣ указать на слѣдующее: Папская дипломатія держала въ рукахъ нити европейской политики, въ Римѣ избирали въ легаты и нунціи даровитыхъ людей и требовали отъ нихъ неусыпной бдительности. Каждая политическая мѣра очень внимательно обсуждалась кардиналами, блюстителями традицій католической церкви, прежде чѣмъ принималось рѣшеніе. Словомъ, мы привыкли слишкомъ высоко цѣнить политическую мудрость министровъ папы и не можемъ допустить, чтобы они легкомысленно вдалились въ обманъ, не отличивъ самозванца отъ посла, и безъ оглядки пустились въ авантюру. Едва ли о. Пирлингъ далъ читателю настоящій ключъ къ открытію истины.

Хотя „мистификація“ требовала тайны и могла бы обойти нѣкоторыя формальности, къ удивленію мы находимъ официальный актъ именно тамъ, гдѣ былъ сдѣланъ первый шагъ къ обману. Напрасно въ самомъ дѣлѣ, авторъ не оцѣнилъ актъ передачи полномочій Шлиттеню Штембергу (Тургеневъ, Акты, I, 134—137). Вѣдь затѣваемая интрига началась подъ ауспичіями императорскаго величества, но въ актѣ подписались *nobiles atque integrae auctoritatis vivi Christophorus a Wrisberg et Herbertus a Langen—Caesareae Majestatis supremi et generales capitanei, qui huic negotio interfuerunt*. Названные генераль-капитаны не могли не знать, что Шлиттенъ только что освободился изъ заключенія, и что послѣ представленія Карлу V въ Аугсбургѣ 1548 г. онъ не могъ получить новой миссіи отъ Московскаго царя. И такъ, мы видимъ уже участниковъ интриги, которая для самого Шлиттена не обѣщала выгоды. Посмотримъ теперь на подставное лицо, которому передаетъ Шлиттенъ полномочія. Штембергъ не темный человекъ, не авантюристъ, напротивъ—ему былъ открытъ доступъ къ императорскому двору, онъ пользовался знаком-

ствомъ съ папскимъ нунціемъ въ Вѣнѣ Петромъ Бр et Moscou p. 16). Мало того, Штембергу дѣлаются и которыхъ номѣнала оцѣнить о. Пирлингу развѣ толь impertinable. Графъ Филиппъ Еберштейнъ предлагает на путешествіе въ Римъ, а папское правительство графа пожалованіемъ одного аббатства. Здѣсь слѣду одну неточность въ текстѣ о. Пирлинга (p. 16): en l il se ménagea tout d'abord, des ressources financières Hippo d'Eberstein lui offrit sa bourse et son concours, p le remit en possession d'une ancienne abbaye... Конеч виду документъ, напечатанный у Фидлера, p. 86 читается: col prefato m. Giovanni andra in compag Helbersten honoratissimo Cavaliere et Ufficiale Imperi dera di suo quanto sara necessario per tutta questa in ricompensa desidera altro che un Monasterio nel antico juspatronato di Casa sua. Императоръ отпра рекомендательное письмо къ папѣ Юлію III. Это пис corpus delicti въ рукахъ историка, ибо отъ него въ матеріалами и традиціями сношеній съ Москвой при никакъ не измышленіями и выдумками Шлиттена (Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и дре часть I, стр. 125, 133). Такимъ образомъ можно скорѣ интрига была задумана при Вѣнскомъ дворѣ, безъ вѣдома нунція.

Въ Римѣ Штемберга ожидалъ блестящій приѣмъ (понятно: тамъ уже предупредилъ его Петръ Бре ознакомить кардинала Фарнезе и папу подробными миссіей Штемберга. Но когда обсуждала это дѣло нловъ, случилось неожиданное обстоятельство, раз плащ. Кардиналъ Маффен имѣлъ неосторожность не мить Сигизмунда-Августа о жгучемъ вопросѣ, по і коіи съ самыхъ актовъ. Такія извѣстія произвели п и слѣдовало ожидать, взрывъ негодованія и сопровоз ческими мѣрами, напугавшими Римъ. О. Пирлингъ (добросовѣстно воспользовался здѣсь печатными акта подмѣтилъ и роль князя Радзивилла Чернаго и м скаго ордена Альберта, который давалъ королю соот тельствамъ совѣтъ—предупредить царя Грознаго о рим объяснить истинныя намѣренія папы относительно Мос

днгу не удалось освѣтить протестъ этихъ князей и польскаго короля съ широко-исторической точки зрѣнія, равно какъ онъ мало выдвинулъ политическій расчетъ, заставлявшій Польскаго короля ревниво оберегать Римъ отъ сношеній съ Москвой. Эта широкая точка зрѣнія могла быть дана аналогичными фактами изъ истории Угрии и Болгаринъ конца XII и начала XIII в.

15-го февраля 1553 г. король высказалъ свой взглядъ на затѣваемое въ Римѣ дѣло въ инструкціи послу Брѣйскому. Это документъ единственный въ своемъ родѣ: онъ весьма подробно, ясно и откровенно выражаетъ политическую программу Польши и ставитъ опредѣленные требованія къ Римскому престолу относительно его политическихъ и религіозныхъ видовъ на Москву. Роль Польскаго короля въ сношеніяхъ между Римомъ и Москвой нигдѣ такъ рѣзко и полно не обозначена, какъ въ этомъ документѣ. Поэтому находимъ уместнымъ передать его здѣсь со всѣми подробностями.

Поблагодаривъ папу именемъ короля за то, что онъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ московское, не рѣшился принять рѣшительныхъ мѣръ, прежде чѣмъ узнаетъ мнѣніе и волю Польскаго короля, посолъ долженъ былъ заявить, что съ своей стороны король не преминетъ исполнить свой долгъ, какъ благодарный, признательный и почтительный сынъ. Онъ никогда не забудетъ, что святой отецъ не опуститъ изъ вниманія, какъ близко московскій вопросъ затрагиваетъ интересы Польши, и какъ уже по самому сосѣдству Поляки хорошо изучили качества Московскаго народа. Поэтому-то папа благоволилъ не только извѣстить короля черезъ кардинала Маффея, но и совѣтовать ему, чтобъ онъ внимательно обсудилъ московское дѣло со всѣхъ сторонъ: относительно интересовъ польскаго народа, пользы христіанской религіи и достоинства апостольскаго престола. Затѣмъ посолъ пусть скажетъ: „Ничто въ жизни не можетъ быть намъ пріятнѣе и любезнѣе, какъ широкое распространеніе и приращеніе христіанской церкви. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Московиты, для которыхъ нѣтъ ничего ненавистнѣе Римской церкви и имени папы, оставивъ греческую сляму, искренно и сердечно обратились къ Римской вѣрѣ, или чтобы свойственная имъ природная гордость допустила ихъ подчиниться чужому авторитету и признать надъ собою чужую власть. Московскаго князя охватила какая-то безумная страсть къ новымъ титуламъ, на которые онъ уже и посягнулъ безъ всякаго права. Принявъ титулъ цезаря, онъ изъ-за этого имени заводитъ безконечныя ссоры съ сосѣдними народами.

Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія, что онъ соглашается на всѣ уступки лишь для того, чтобъ украсить себя королевскимъ вѣнцомъ и титуломъ, а получивъ желаемое, откажется отъ своихъ обѣщаній.

Мы знаемъ изъ лѣтописей, а равно изъ разказовъ людей какъ нынѣ живущихъ такъ и недавно умершихъ, что часто и всѣми средствами домогались того же и другіе Московскіе князья, но всегда безуспѣшно. И это потому, что папы, согласія которыхъ просили они, и нѣкоторые христіанскіе князья, которые являлись передъ свѣтымъ престоломъ ходатаями за Москвитяпъ, были таковы, что не хотѣли поступиться ничѣмъ, что относится къ приращенію Римской церкви и къ достоинству католической вѣры. Прирожденное же Москвитамъ упорство въ схизмѣ и въ заблужденіяхъ и легкомысленное отношеніе къ истиннымъ догматамъ вѣры всегда служило препятствіемъ къ осуществленію ихъ домогательствъ, такъ что и донинѣ они не могли получить желаемого. Прежде домогался того же и подъ тѣмъ же предлогомъ Даниилъ Галицкій. Мы сами, имѣя въ сосѣднихъ съ Москвой провинціяхъ множество послѣдователей греческой секты, по опыту знаемъ и сжедпено наблюдаемъ, какъ упоренъ этотъ народъ въ своихъ обрядахъ, съ какимъ трудомъ отстаеъ отъ нихъ и какъ непостояненъ въ римской вѣрѣ. Случалось, что за исключительныя и рѣдкія доблести и за особенныя заслуги государству мы и наши предки возводили нѣкоторыхъ изъ нихъ въ почетныя званія, но такъ какъ прежде полученія достоинства ставилось требованіе перемѣнить вѣру, то весьма незначительная часть не предпочитала оставаться въ презрѣнномъ состояніи, лишь бы жить по своему обряду, пренебрегая высокими званіями и почестями, получаемыми путемъ соединенія съ Римскою церковью. То же самое доказываетъ примѣръ съ митрополитомъ Исидоромъ, бывшій на памяти нашихъ дѣдовъ.

Отсюда его святѣйшеству слѣдуетъ хорошо взвѣсить и оцѣнить, какой пользы ожидать отъ памѣреній Московитовъ для себя, для церкви и христіанскихъ князей. Намъ хорошо извѣстно непостоянство этой націи, нетвердая вѣра, упорство и нравы, слишкомъ несогласныя съ искреннимъ уваженіемъ къ Римской церкви. Знали это и величайшіе папы Александръ IV и Левъ X, когда устранили домогательства Московитовъ при Василиѣ III, домогательства, поддерживаемыя императоромъ Максимилианомъ. Доказательствомъ притворной склонности ихъ къ Римской католической церкви я ложности

обѣщаній можетъ служить то, что случилось при нашемъ родителѣ. Нѣкто изъ его подданныхъ, руководимый благочестивою ревностью, напечаталъ книги Священнаго Писанія на русскомъ языкѣ и переправилъ ихъ въ Московію. Книги эти по приказанію князя подверглись публичному сожженію, ибо они изданы католикомъ и напечатаны въ католической странѣ. Такова вкоренившаяся въ этомъ народѣ ненависть къ римскому и латинскому имени.

„Нашъ спеціальныи и народа нашего интересъ — чтобы Московитъ никогда не получилъ королевскаго титула. Когда наши предки вели тяжкую и продолжительную войну со Скивами, Московитъ коварно захватилъ нѣвѣстную часть Россіи, находявшуюся въ нашемъ владѣніи. По этой причинѣ предшественники наши и родитель нашъ Сигизмундъ велъ жесточайшую войну съ отцомъ нынѣшняго Московскаго князя. И мы не можемъ терпѣть, чтобы эта часть Россіи не была возвращена подъ нашу власть.. и не прежде соединимъ наше оружіе съ прочими христіанскими князьями противъ общаго врага, какъ устроимъ наше собственное дѣло съ Москвою. Навѣрное можно опасаться, что если Московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, то Русскіе, находящіеся въ нашей власти, воспользовавшись какимъ-либо маловажнымъ поводомъ и подстрекательствомъ, будутъ стараться отпасть отъ насъ къ нему, какъ къ патрону и исповѣднику ихъ обряда, въ особенности, если увидятъ расположеніе къ нему папы и какъ бы одобреніе его догматовъ. Въ то время какъ онъ будетъ напрягать силы къ достиженію этого, а мы принимать мѣры—чтобы этого не осуществилось, никакая сила не можетъ предупредить войны и печальнѣйшей траты многихъ войскъ. Ибо для Русскихъ тяжело и невыносимо повиноваться королямъ не православнаго закона, гдѣ они не пользуются тѣми же правами, что исповѣдники латинскаго обряда.

„Но это еще не особенно насъ беспокоитъ. О чемъ главнѣйше мы заботимся и чего нужно оберечься всѣми способами, это того, чтобы не понести ущерба и не испытать несмываемаго позора имени и достоинства Римской церкви, ея главѣ папѣ и намъ, государямъ, послѣдователямъ христіанской религіи, если такая грубая и варварская нація поругается не надъ благочестивыми только мужами, но надъ матерью благочестія церковью. Намъ извѣстно, что Московская нація ничего не обѣщала, не предлагала и ни въ чемъ не притворялась, если только представлялась надежда безъ этого достигнуть цѣли своихъ желаній. По этой причинѣ наши предки изъ ревности къ

защитѣ имени христіанскаго всегда соблюдали разъ принятый обычай: всякій разъ какъ Московиты съ честолюбивыми цѣлями выставляли религіозный предлогъ, они являлись стражами и обличителями московской лжи и предупреждали апостольскій престолъ, чтобъ онъ не довѣрялъ ихъ пустымъ словамъ и обѣщаніямъ. И пипѣ, слѣдуя этому обычаю предковъ, мы обращаемъ вниманіе на московское дѣло и питаемъ увѣренность, что господинъ нашъ папа послѣдуетъ въ этомъ вопросѣ мнѣнію и авторитету своихъ предшественниковъ и приметъ въ соображеніе пользы церкви, равно какъ свои и наши и другихъ христіанскихъ князей интересы.

„Или думаетъ его святѣйшество увеличить тѣло христіанской церкви однимъ членомъ и удалить отъ единенія съ апостольскимъ престоломъ другіе, которыхъ миръ и спокойствіе возмущаетъ первый? Наши предки всегда съ глубокимъ почтеніемъ преклонялись передъ авторитетомъ и ученіемъ апостольскаго престола. И мы, слѣдуя ихъ примѣру, считали не менѣе прекраснымъ и почетнымъ, благочестивымъ и святымъ жить въ той вѣрѣ, которую приняли отъ отцовъ въ которой родились и воспитывались, за которую подвергали опасности жизнь. Московиты совсѣмъ напротивъ. Никогда они не имѣли единенія съ церковью изъ любви къ ней и по благочестію. Если честолюбію и присоединялись, то скоро отпадали къ великому поруганію христіанскаго имени и обращались къ своимъ заблужденіямъ. Имъ ненавистно самое имя Римской церкви; они не за Христа, и противъ христіанъ ведутъ войны, ненадежна и сомнительна ихъ вѣра была и будетъ. Напрасны надежды въ Римъ на миръ между Москвою и Польшей. Если бы даже и устроилось между нами перемиріе, т вельзя думать, что Московскій князь соединится противъ Турокъ с нами и съ другими христіанскими князьями: Москва отстоитъ далекъ отъ турецкихъ владѣній и, при добромъ желаніи князя воевать с Турками, онъ долженъ будетъ идти черезъ польскія владѣнія и сдѣлать длинный и трудный обходъ. Допустимъ, что онъ будетъ имѣть на то наше согласіе, но и при этомъ, прежде чѣмъ дойдетъ до турецкихъ владѣній, встрѣтитъ множество затрудненій въ нашихъ земляхъ изъ-за добыванія продовольствія. Что касается до морскаго пути Московиты такъ несвѣдуци и неопытны въ морскомъ дѣлѣ, ч напрасно было бы ожидать отъ нихъ какой-нибудь помощи противъ Турокъ. Кто же держится того мнѣнія, что они могутъ привыкнуть къ мореплаванію, какъ и другіе народы, тотъ не видитъ могущаго изъ то произойдти зла для христіанъ. Московиты или другія варварскія и

ціи, имѣющія природную склонность и старинный обычай грабежей и набѣговъ, и безъ того наносятъ много вреда христіанскимъ народамъ: покажите имъ море, они сдѣлаются еще вреднѣе и опаснѣе.

Валахи и Молдаване, слѣдующіе греческому обряду, въ послѣднее время примыкаютъ къ христіанамъ, начинаютъ питать вражду къ Туркамъ и подають нѣкоторую надежду къ обращенію ихъ подъ власть апостольскаго престола. Но есть опасность, что они утвердятся въ схизмѣ, если узнають, что Московскій князь, послѣдователь той же схизмы, украшенъ честью и блескомъ королевскаго имени. Его святѣйшеству слѣдуетъ и такъ разсудить и избрать—сдѣлать ли пріятное той варварской и жестокой націи, или намъ и нашимъ народамъ, которые никогда не позволили себя отягчать отъ апостольскаго престола" (Fiedler, Sitzungsberichte—Wien 1862, M. 40, s. 108—113). Три дня спустя, 18-го февраля, Крийскому послано было дополненіе къ инструкціи, еще черезъ три дня послѣдовало другое (Szujski, Scriptorum regum Polonicarum I, 71, 74). Если бы представленія короля не были приняты во вниманіе, посолъ имѣлъ право заявить торжественный протестъ и дать понять, что короля ничто болѣе не связываетъ съ Римомъ, и онъ готовъ даже заключить союзъ съ Турками.

Но до этого дѣла не дошло. Изъ Рима извѣстили короля, что вопросъ о посылкѣ вѣнца въ Москву приостановленъ. 15-го апрѣля папа успокоилъ и польскихъ епископовъ: „предложенія московскаго посла отвергнуты; на будущее время всѣ такіа дѣла не будутъ трактуемы безъ вѣдома короля и польскихъ епископовъ". 27-го мая въ письмѣ къ королю Фердинанду I по тому же вопросу папа говоритъ: „предложенія Московскаго князя отвергнуты въ уваженіе къ королю".

Остались слѣды этого дѣла въ проэктѣ кардиналовъ, обсуждавшихъ предложенія Штемберга (Сіашрі I, 236), и рѣшившихъ отправить въ Москву вмѣстѣ съ нимъ графа Еберштейна.

1) Московскій князь, имѣющій получить санъ короля, обязывается послать къ Римъ пословъ, которые дадутъ присягу на вѣрность и послушаніе папѣ и Римской церкви. Коронація совершена будетъ Московскимъ архіепископомъ, который назначается примасомъ королевства и приметъ отъ короля присягу на вѣрность папѣ.

2) Примасъ избирается мѣстнымъ духовенствомъ, но утверждается папой, который посылаетъ ему паллій. Избранный въ примасы долженъ или самъ лично, или черезъ прокуратора принести папѣ присягу на вѣрность.

3) Король и примась дадутъ присягу и примуть всё мѣры, чтобы Московская церковь въ возможно скорѣйшемъ времени соединилась съ Римскою.

4) Принять мѣры къ заключенію мира между Москвой, Польшей и Лявопскимъ орденомъ, дабы эти государства могли вступить въ войну съ Татарами и Турками.

Вторая глава книги о. Пирлинга (р. 39—57), можно сказать, вся основывается на архивныхъ изслѣдованіяхъ и составляетъ безспорно важный вкладъ въ исторію сношеній Рима съ Москвой. Въ мартѣ 1561 года папа Пій IV рѣшился послать приглашеніе къ Ивану IV принять участіе въ Тридентскомъ соборѣ лично или посылкой уполномоченныхъ. Въ Римѣ остановились вниманіемъ на двухъ лицахъ какъ болѣе способныхъ исполнить это порученіе; на Захаріи Делфино епископѣ Фаросскомъ и на болонскомъ уроженцѣ Францискѣ Канобіо; въ этихъ видахъ и составлено брѣвѣ къ царю въ двухъ экземплярахъ. Окончательный же выборъ лица предоставленъ былъ кардиналу Гозію, Вѣнскому легату, имѣвшему руководить переговорами съ Москвой. Кардиналъ Гозій предпочелъ Канобіа епископу Фаросскому, заручился одобреніемъ императора и чрезъ посредство Мартина Кромера пытался расположить въ пользу своего проэкта Польскаго короля. И такъ, теперь мы знаемъ, что не Захарій былъ назначенъ въ 1561 г. посломъ въ Москву, какъ можно было думать на основаніи приведеннаго у Тургенева документа (I, 181) и краткой замѣтки у Чіампи (III, 48), а Канобій (Appendice, p. 138). Въ маѣ 1561 г. онъ былъ въ Краковѣ, а въ іюнѣ представлялся королю въ Вильнѣ. О. Пирлингъ очень обстоятельно разбираетъ причины неуспѣха переговоровъ Канобіа съ королемъ, неуспѣха, который, по мнѣнію Канобіа, нужно приписать, съ одной стороны, вліянію окружавшихъ короля еретиковъ, съ другой—недостаточной настойчивости кардинала Гозія. Жаль, что авторъ мало приводитъ текстовъ, которыми онъ пользовался, а это очень важно, какъ сейчасъ увидимъ.

Во то время, какъ велись официальные переговоры съ королемъ о пропускѣ въ Москву посла, не имѣвшаго никакихъ оскорбительныхъ для Польши порученій — въ письмѣ къ царю нѣтъ ни единого намека ни на королевскій титулъ, ни на унию (Тургеневъ, I, 180), — въ Римѣ поднимается вопросъ о новомъ посольствѣ, и на этотъ разъ съ соблюденіемъ величайшаго секрета. Что это за странная игра? Добрая вѣра и на этотъ разъ помѣшала автору прямо взглянуть на дѣло. „Приближеннымъ лицомъ Пія IV былъ знаменитый кардиналъ

Амуліо, Венеціанецъ по происхожденію, великій дипломатъ, образовавшійся въ отечественной школѣ. Дѣла относящіяся къ Тридентскому собору и анти-оттоманской лигѣ были подъ спеціальнымъ его завѣдываніемъ* (Rome et Moscou, p. 52). Прекрасно, но почему же тогда этотъ кардиналъ не изложилъ своихъ взглядовъ въ инструкціи, данной Канобію, или не послалъ къ ней дополненій? Такъ какъ вѣррящая грамота новому послу, венеціанцу Іоанну Джиральду Маринеллѣ, помѣчена 29-мъ сентября 1562 г., то является весьма вѣроятнымъ предположеніе какъ о независимости втораго посольства отъ перваго, такъ и объ особенныхъ цѣляхъ снаряженія втораго посла. Дѣйствительно, содержаніе второй грамоты во многомъ отлично отъ первой. Прежде всего (Тургеневъ I, 181) Грозный титулуется величествомъ, а не высочествомъ, какъ въ первой. Приглашеніе прислать уполномоченныхъ на соборъ мотивируется дошедшими до Рима слухами о расположеніи царя къ католической вѣрѣ. Но главный сюжетъ миссіи слѣдующій: раздоры и несогласія между христіанскими государями—очевидная причина побѣдъ и завоеваній нашихъ общихъ враговъ, которые пользуются нашимъ раздѣленіемъ и подчиняютъ себѣ христіанскія государства. Его величество хорошо можетъ взвѣсить угрожающую его собственнымъ владѣніямъ опасность. О посольствѣ Канобія, правда, упомянуто, но мимоходомъ и только затѣмъ, чтобы извиниться въ скромности втораго посольства, отправляющагося секретно черезъ подозрительныя мѣста и, слѣдовательно, безъ свиты и подарковъ. Задача Джиральда заключалась въ томъ, чтобы убѣдить царя отправить въ Римъ посольство и изыскать средства провести московскихъ пословъ не замѣченными: для этого лучше направить ихъ морскимъ путемъ и притомъ переодѣтыми (*sotto abiti simulati*). Присоединена еще совершенно новая статья — хлопотать о наборѣ въ Россію молодыхъ людей и о посылкѣ ихъ въ Римъ, гдѣ имъ дано будетъ даровое обученіе и содержаніе, а послѣ обезпеченъ обратный путь: эти люди будутъ потомъ весьма полезны для службы божіей и блага Россіи. Судьба этого посольства возстановляется по актамъ Тургенева (I, p. 199—202) и по архивнымъ матеріаламъ, приводимымъ о. Пирлингомъ (p. 54). Но интересъ заключается не въ томъ, что „*ni les Polonais, ni le roi Sigismond ne voulaient d'aucune manière lui accorder le passage*“, но въ самомъ содержаніи грамоты. О. Пирлингъ скажетъ, что это несчастный отзвукъ мистификаціи Шлиттена. А по нашему мнѣнію, грамота выражаетъ дѣйствительное положеніе цѣля и рисуетъ ходячія возрѣнія на Мо-

скую въ половинѣ XVI в. Какъ за сорокъ лѣтъ назадъ, Римъ снова беретъ на себя инициативу въ сношеніяхъ съ Москвой; какъ прежде, такъ и теперь, его побуждаетъ на этотъ шагъ грозный турецкій вопросъ и потери католической церкви отъ реформаціоннаго движенія. Москва въ планахъ Римской курии должна была восполнить эти потери, а царь принять на себя рѣшеніе Восточнаго вопроса. Идея о посылкѣ Русскихъ въ Римъ для обученія, заявленная въ первый разъ въ 1561 г., будетъ съ теченіемъ времени развиваться и къ концу XVI в. осуществится. Такимъ образомъ, для правильной оцѣнки всѣхъ попытокъ Рима въ этомъ направленіи нужно было автору дать себѣ строгій отчетъ въ положеніи турецкаго вопроса. Что же касается до воззрѣній въ Римѣ на Москву, здѣсь также необходимъ къ актамъ широкой исторической комментарий и выясненіе хоть бы торговыхъ взглядовъ на Москву Венеціанской республики: кардиналъ Амуліо былъ Венеціанецъ. За подобнымъ комментариемъ отсылаемъ къ двумъ реляціямъ у Тургенева (I, p. 144—172).

Въ третьей главѣ (p. 58—86) о. Пирлипомъ удѣлено нѣсколько страницъ тому политическому вопросу, безъ вниманія къ которому нельзя изучать сношенія Рима съ Москвой. „Опасность была такъ велика и угрожала такимъ общимъ интересамъ, что можно было искать точки опоры вездѣ внѣ мусульманскаго міра. Въ эту эпоху имѣли притомъ въ Римѣ очень благопріятныя воззрѣнія на Московитовъ и ихъ царя *les négociations de 1550—1551 en étaient la cause* (p. 63). Два раза пытались отправить въ Москву пословъ, и каждый разъ Польскій король находилъ къ тому непреодолимыя препятствія. Такимъ образомъ: ничто не могло измѣнить впечатлѣнія, произведеннаго авансами Штемберга, хотя самъ Пій V сознавался, что не извѣстно, какъ отнестись ни къ достовѣрности его посольства, ни къ его предложеніямъ“. Повторяемъ, дѣло Штемберга тутъ не при чемъ, важнѣе общія традиціи и реляціи, на которыя авторъ не обратилъ вниманія

Въ 1568 году папа принимаетъ на себя роль миротворца между Москвой и Польшей, какъ было при Василіѣ III. Дѣло велось черезъ римскаго нунція въ Польшѣ Викентія дель-Портико,—эпизодъ объясненный также благодаря новымъ матеріаламъ, найденнымъ о. Пирипомъ (*Appendice* p. 140—144). Въ инструкціи, данной этому нунцію, рекомендуется сначала написать царю о желаніи папы вступить въ переговоры. По полученіи же благопріятнаго отвѣта, дель-Портико долженъ былъ отправиться въ Москву и сказать слѣдующее: „Папа недавно узналъ, что при Павлѣ III и Юліи III приходили отъ е

высочества послы съ выраженіемъ почтенія и преданности святому престолу, что они ходатайствовали о нѣкоторыхъ милостяхъ и дѣлали съ своей стороны нѣкоторыя очень благочестивыя и христіанскія предложенія, но что по разнымъ случайностямъ эти сношенія не повели ни къ какому результату и неизвѣстно почему прервались. Письмъ наша желаетъ знать, дѣйствительно ли тѣ послы дѣйствовали по приказанію князя, и остается ли онъ въ тѣхъ же расположеніяхъ. Съ своей стороны его святѣйшество не преминулъ бы послать проповѣдниковъ и епископовъ для наученія Московитовъ римской вѣрѣ^а. Рекомендуются не входить въ детали вѣроученія, развѣ только князь самъ будетъ просить разъясненій, напримѣръ о первенствѣ Петра, о чистилищѣ, о Filioque, о жизни вѣчной. Но главнѣйше нужно дать понять, что папа желаетъ единенія и согласія народовъ, дабы при помощи Божіей сокрушить надменность турецкаго тирана, алчущаго христіанской крови, возвратитъ отъ этого пса христіанскія страны, имперію, королевства и государства и не допустить его отвѣять у Венеціи Кипръ. Съ этою цѣлю его святѣйшество хлопочетъ объ образованіи лиги изъ католическихъ государей, въ которую уже вошли король Испаніи и Венеція, его католическое величество прислалъ 50 галеръ. Поэтому папа проситъ и его высочество, какъ князя христіанскаго, присоединиться къ этой лигѣ, приготовить войско и въ апрѣлѣ или маѣ начать дѣйствія противъ Турокъ. Въ виду того, что въ лигу войдутъ императоръ и король, Московскому князю можно будетъ держать путь черезъ Угрію. Въ заключеніе сказано: привилегіи и милости, которыхъ добивается получить князь, суть: королевскій титулъ, посылка священниковъ и разныхъ мастеровъ и другое. Правда ли это, пусть князь вспомнитъ.

Правда, что приведенная инструкція въ первый разъ сообщена о. Пирлингомъ, но мы обращаемъ его вниманіе на помѣщенный у Тургенева (1,218) актъ, изъ котораго онъ можетъ убѣдиться, какъ важны были бы пренебрегаемыя имъ частныя донесенія для освѣщенія официальныхъ актовъ.

Дель-Портико, получивъ эту инструкцію и письмо на имя Грознаго (Theiner, Monum. Poloniae, II, p. 796), оказался въ чрезвычайномъ затрудненіи, зная лучше, чѣмъ римскіе дипломаты, расположение царя. Съ другой стороны, и король не могъ одобрять новыхъ попытокъ сношеній съ Москвою, что онъ далъ ясно понять въ письмѣ отъ 23-го мая 1571 г. къ кардиналу Гозію: „Грека или Русскаго труднѣе обратитъ, чѣмъ Жидя, хотя упорство снѣговъ Авраамовыхъ

вошло въ поговорку; слѣдовательно, обращеніе Московитовъ—не что иное какъ химера. Есть опасность, чтобы кое на комъ не оправдалась басня о собакѣ Езоповой, которая выпустила изъ зубовъ кусокъ мяса, погнавшись за тѣнью къ водѣ*. Что же сдѣлать для исполненія возложеннаго на него порученія дель-Портико? Онъ собиралъ данныя о положеніи Москвы и о царѣ Грозномъ,—эти данныя потомъ пригодились Антонию Поссевиу (Тургеневъ, Supplementum, p. 20),—отправилъ двухъ эмиссаровъ въ Москву, хотя о. Пирлингу не удалось разыскать никакихъ слѣдовъ того, добрались ли до Москвы эти эмиссары. Но всего любопытнѣе, что папскій нунцій, желая исправить взгляды Рима на Москву, воспользовался записками бѣлаго плѣннаго Альберта Шлихтинга, составленными для снисканія благоволенія Польскаго короля, и кромѣ того, отправилъ въ Римъ донесеніе польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1570 г. Это уже значило дѣйствовать вопреки видамъ Римскаго двора.

Анализъ этой главы убѣждаетъ насъ, что въ Римѣ дѣйствительно были другія возрѣнія на Москву, чѣмъ въ Польшѣ. Въ Римѣ преобладали политическія и экономическія возрѣнія, доставляемыя венеціанскими дипломатами и купцами; разсмотрѣнная сейчасъ попытка снова завязать сношенія съ Москвою есть отзвукъ политики кардинала Амуліо и осуществленіе составленной при немъ программы дѣйствій въ Москвѣ. Дель-Портико далъ перевѣсъ польскимъ возрѣніямъ и польской партіи въ Ватиканѣ. Въ концѣ концовъ папа долженъ былъ сдаться: „мы не хотимъ писать оуъ, имѣть сношеній съ такою жестокою и варварскою націей*“: таковы результаты преобладанія въ Римѣ польской партіи. Но это не надолго, пройдетъ годъ—много два, и тамъ снова получить перевѣсъ съ новымъ папой венеціанская партія (Тургеневъ I, 222). О. Пирлинъ чувствуетъ это и заключаетъ главу такимъ признаніемъ: „Ходъ событій измѣнилъ на этотъ счетъ взгляды преемника Пія V, который дѣлаетъ новыя попытки относительно Москвы!“

Четвертая глава (p. 87—107) знакомитъ еще съ однимъ и также не осуществившимся проєктомъ папы Григорія XIII. Новый проєктъ переговоровъ съ Москвою въ 1576 г. поставленъ о. Пирлингомъ въ связь съ результатами сношеній съ Москвою императора. Проще говоря, въ Римѣ произвело глубокое впечатлѣніе составленное Кобенцелемъ описаніе своего путешествія и сдѣланнаго ему приѣма въ Москвѣ (Памятники дипломатическихъ сношеній I, 481—574; Rome et Moscou, p. 149)*. Оптимизмъ этого дипломата расшевелилъ снова

Римскую курию. Москва частію обязана ему доброй славой въ Римѣ..., впрочемъ и политическія событія привлекали святой престолъ къ тѣмъ же воззрѣніямъ и, не смотря на мрачныя извѣстія дель-Портико, дали перевѣсъ воспоминаніямъ о Штембергѣ^а (р. 95). Поворотъ воззрѣній даетъ себя чувствовать въ инструкціи отъ 26-го апрѣля 1576 года, данной кардиналу Морони, отправленному нунціемъ въ Вѣну. Такъ какъ предварительныя мѣры, принятыя Морони въ Вѣнѣ, стоятъ въ связи съ дѣлами бывшаго тогда въ Вѣнѣ Русскаго посольства (Памятники 1,664), то мы не считаемъ нужнымъ сообщать о нихъ. Нашелся способный человѣкъ для исполненія порученій для Москвы въ лицѣ Рудольфа Кленхена. Между лѣтъ 25-го августа 1576 года Морони получилъ новую депешу изъ Рима, которая оставалась до сихъ поръ неизвѣстна, и которая сообщаетъ дѣй-три новыя черты къ исторіи сношеній Рима съ Москвою (Appendice p. 150—153). Въ этой депешѣ рекомендуется поторопиться отправкой въ Москву посла и просить императора снабдить его паспортомъ и письмомъ къ царю. Отъ Московскаго царя требовать подчиненія Римской церкви, убѣждать его поставить самому патріарха: „ибо неприлично такому великому христіанскому государю терпѣть, чтобы его митрополитъ подчинялся въ духовныхъ дѣлахъ митрополиту Константинопольскому, который зависитъ отъ султана и по приказу его обязанъ совершать молебствія по случаю побѣдъ турокъ надъ христіанами^а. Далѣе выставляется на видъ, что Московскій царь могъ бы оказать большую услугу христіанству, поднявъ противъ султана Персидскаго шаха, съ которымъ по слухамъ онъ имѣетъ торговныя сношенія и дружбу. Заготовленная Кленхену инструкція (Григоровичъ, Переписка папъ, С.-Пб. 1834, стр. 33; Starczewski, Historiae Ruthenicae scriptores II, 4) и письмо къ царю составляютъ экстрактъ изъ инструкцій къ Морони. Въ нихъ трактуется а) о духовномъ подчиненіи Риму, б) о лигѣ противъ Турокъ, в) о поднятій Персовъ. Все это возмѣщается перспективой полученія королевскаго вѣнца, проповѣдниковъ и учителей. Уже все было готово къ отправкѣ посольства, какъ 15-го августа императоръ Максимилианъ II приказалъ сообщить Морони, что онъ находитъ несвоевременнымъ входить съ Москвою въ сношенія. Точное объясненіе причинъ неудачи миссіи Кленхена въ первый разъ мы имѣемъ въ изслѣдованіи о Ширлинга, благодаря новому документу, найденному имъ въ Ватиканскомъ архивѣ (р. 154—155). Императоръ мотивировалъ свое несогласіе тѣмъ, что въ Москвѣ скоро соберутся послы отъ

Австріи, Испаніи и Даніи, а потому прежде этого не слѣдует пускать отдѣльныхъ соглашеній. Антоній Поссевинъ объяснилъ чемъ этотъ отказъ иначе, именно завистью императора и боясь чтобы соглашеніе паны съ Москвой не дало первому слишкомъ силы (R. et M., p. 106). Глава составлена очень хорошо, и ед не выше предыдущихъ въ научномъ отношеніи.

Пятая и послѣдняя глава (108—133) представляетъ оригина и вновь написанную о. Пирлингомъ страницу въ забытой и сношеній Рима съ Москвой. Было принято, что послѣ неудачной миссіи Кляпхена до переговоровъ Поссевина не было въ Римѣ по къ сношеніямъ съ Москвой. Между тѣмъ, говоритъ нашъ а (p. 109),—не изданные документы даютъ возможность отиѣтитъ респектъ и не лишешный значенія дипломатическій эпизодъ. Въ 1 въ Европѣ распространились слухи о несчастныхъ для султана ствіяхъ войны съ Персіей: Персидскій шахъ самъ протягивалъ европейскимъ государямъ (персидское посольство въ Лиссабонѣ Римѣ нашли этотъ моментъ благоприятнымъ для новыхъ прое лиги, чтобы одновременно съ Персами ударить на Турокъ со ст Балканскаго полуострова. Испанія, Венеція и Польша должны образовать ядро лиги. Самое существенное препятствіе къ о ствленію проекта представляла война Стефана Баторія съ Гров. Нужно было во что бы то ни стало хлопотать о перемиріи Россіей и Польшей. Исполненіе этой важной политической миссі ручено было кардиналу ди-Комо, полномочному министру паны горіи XIII; 10-го іюня онъ отправилъ нижеприводимую шифров депешу римскому нунцію въ Польшѣ Андрею Калигари (p. 156—

„Распространяющіеся слухи о пораженіяхъ, нанесенныхъ Пе Туркамъ, даютъ прекрасный случай освободиться христіанамъ турецкой тираниіи. Вслѣдствіе чего его святѣйшество къ обыч своимъ мыслямъ и желаніямъ въ пользу христіанства присоеди нѣчто большее. Принимая во вниманіе, что король Польскій руживалъ неоднократно готовность, если представится случай служить Богу и всему христіанству, благовременно теперь восп ваться его расположеніями, чтобы направить его кавалерію ч Валахію и Молдавію въ нѣдра Турецкой имперіи. Но извѣсти святѣйшеству, что это не прежде можетъ быть осуществлено, по замиреніи съ Московитомъ, который и съ своей стороны, в чивъ миръ съ его величествомъ, охотно двинетъ свои силы пр султана со стороны Кафы и Перекопа. Посему его святѣйш

разсудилъ послать въ Москву посольство, чтобъ убѣдить великаго князя прекратить войну съ Польшей*. Рекомендуются нунцію сообщить объ этомъ королю и уговорить его простить полученныя отъ Москвиты обиды, чтобы свободно и безъ затрудненій посвятить себя на служеніе Богу. „Его святѣйшество, почитая короля самымъ мудрымъ и храбрымъ изъ нынѣшнихъ вѣнценосцевъ, желаетъ все предпріятіе вручить его управленію и посему прежде всего интересуется узнать его на этотъ счетъ мнѣніе. Затѣмъ вы пошлете оттуда посла въ Московію съ вѣрительной грамотой, которую сами можете и составить“. Въ послы рекомендуется избрать племянника Гнѣзненскаго архіепископа, какъ лицо духовнаго званія знающее русскій языкъ, бывавшее въ Москвѣ и пользующееся расположеніемъ князя. Это посольство нисколько не должно затронуть чести короля, ибо посолъ можетъ отправиться какъ бы безъ его вѣдома, по приказанію папы, въ чемъ можете также увѣрить и самого посла; для чего слѣдуетъ снарядить его съ большимъ секретомъ, какъ бы таея отъ короля. Въ инструкціи нужно выставить все, что можетъ убѣдить князя въ томъ, что отъ него желательно и не умолчать о прибытіи персидскаго посольства въ Португалію. Хорошо бы послать въ Москву одинъ или два экземпляра постановленій Флорентійскаго собора и постараться убѣдить князя принять это постановленіе и ученіе, соединившись подъ единую главу церкви и преклонить слухъ на просьбу о мирѣ съ Польшей. Въ случаѣ успѣха переговоровъ вы сами можете лично отправиться для заключенія мира. Но такъ какъ на ходъ дѣла будутъ вліять расположенія короля, то еще разъ рекомендуется дѣйствовать на него всѣми убѣжденіями, тѣмъ болѣе что, въ случаѣ его нерѣшительности, можно будетъ думать, что дружба его съ султаномъ не вынужденная, а добровольная и основанная на истинной пріязни, ибо, можетъ быть, никогда не представится подобнаго настоящему случаю сбросить маску и поступить такъ, какъ истинный христіанскій и свободный государь поступать долженъ. Онъ не только можетъ возратить себѣ ту часть Трансильваніи, которая отята у него султаномъ, но и вознаграждать себя за всѣ убытки завоеваніемъ Валахіи, Молдавіи а можетъ и самаго Константинополя (*ma si rifarà largamente dei danni patiti con l'acquisto di Valachia et Moldavia et forse di Constantinopoli stesso*). Папа наконецъ можетъ оказать ему вспоможеніе и деньгами, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, что король можетъ считать себя удовлетвореннымъ; но частности по этому

вопросу могутъ быть опредѣлены, когда наступитъ для того время. Въ заключеніе высказывается желаніе, чтобы переписка по этому дѣлу велась не обыкновенною почтой, а съ нарочными.

Война Ивана Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ была тогда въ полномъ разгарѣ, и мирная миссія Калигари оказалась весьма неувременна. Переговоры съ королемъ начались послѣ 8-го сентября, когда онъ взялъ у Русскихъ Полоцкъ, разграбилъ Соколь и былъ, слѣдовательно, въ упоеніи военною славой. Король и канцлеръ Замойскій 20-го сентября отвѣчали отказомъ на предложенія Калигари трактовать о мирѣ (Р. ot M. p. 117—118). Тѣмъ же мѣсяцемъ, 5-го октября 1579 г. нунцій добился свиданія съ Замойскимъ, а потомъ аудіенціи у короля. О. Пирлипгъ подробно знакомитъ (р. 121—122) со взглядами на это дѣло канцлера и съ возраженіями короля, который прежде всего ставилъ подъ сомнѣніемъ вопросъ о существованіи лиги, и который имѣлъ свой планъ войны съ Турками. Онъ находилъ, что захватъ Дарданеллъ и Константинополя возможенъ при достаточномъ количествѣ морскихъ и сухопутныхъ силъ, но что лига едва ли будетъ на это способна, такъ какъ она не исполнила своей задачи и послѣ дѣла при Лепанто, ибо преждевременно распалась. Между тѣмъ 22-го октября сеймъ вотировалъ продолженіе войны съ Москвой и ассигновалъ потребныя на то суммы, въ ноябрѣ появился мемуаръ о лучшихъ способахъ веденія войны съ Москвой; все такимъ образомъ поддерживало воинственный пылъ короля и его совѣтниковъ. 1-го января 1580 г. Калигари имѣлъ по тому же дѣлу новую аудіенцію, которая окончательно лишила его надежды на осуществленіе Римскаго проекта. Король безъ обиняковъ высказалъ мысль, что лиги повсе не существуетъ, и что папа хочетъ погубить Польшу, поставивъ ее одинъ на одинъ съ страшнымъ врагомъ.

Такимъ образомъ отирмлюпіе посла въ Москву откладывалось со дня на день, и нунцію наконецъ дали понять, что дальнѣйшія его представленія по этому вопросу излишни. 18-го февраля Калигари заявилъ своему правительству о неуспѣхѣ дѣла и отказывался дальнѣе предпринимать какія-либо мѣры.

Всѣ эти данныя извлечены о. Пирлипгомъ изъ Ватиканскаго архива, и наука не можетъ не быть ему признательна за это. Въ самомъ дѣлѣ, написанная имъ новая страница о проектѣ сношеній съ Москвой въ 1579 и 1580 г. — на канунѣ посольства въ Римъ Иванъ Грознаго—весьма любопытна и интересна въ общей исторіи сношеній Рима съ Москвой. Безцѣнно, наиримѣрь, это обѣщаніе Стефану Ба
часть осхххiv, отд. 2.

торію Молдавіи и Валахіи а пожалуй, и Константинополя: уже святой престолъ нѣсколько разъ направляя сюда взоры Московскаго князя и черезъ нѣсколько лѣтъ снова будетъ развивать тему о константинопольскомъ наслѣдствѣ въ поученіе Русскихъ царей! Такъ какъ далѣе въ этомъ проскѣтѣ 1579—1580 г. пужно искать ключъ къ объясненію обращенія въ Римъ Грознаго въ томъ же 1580 г., то мы, пользуясь также разыскавшими автора, отмѣтимъ еще, что вопросъ о посольствѣ не считался оконченнымъ въ маѣ и даже въ концѣ августа 1580 г., когда считали возможнымъ отправить избранное лицо въ Москву черезъ Швецію (р. 131—132). Сочиненію „*Rome et Moscou*“ мы придаемъ больше значенія, чѣмъ другимъ трудамъ о Пирлинга. Не смотря на массу затрудненій, заключающихся въ скудости матеріаловъ, въ однообразіи трактующихся сюжетовъ, авторъ умѣлъ сообщить своему разказу живость, а часто и увлекательность. Новые находки, сдѣланныя имъ въ Ватиканѣ, обезпечиваютъ за его трудомъ широкую и продолжительную извѣстность. Въ виду весьма вѣроятнаго поваго изданія, мы однако рекомендовали бы в. Пирлингу попытаться не вносить въ интересный вопросъ духа партіи и расширить историческую перспективу. Жизлупца сила науки заключается въ торжествѣ высокихъ началъ вѣчной правды и добра, которая одинаково обязательны и дороги для Эллина и для Іудея, то-есть, для православнаго и католика.

Ф. Успенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Богородицкій. Гласныя везъ ударенія въ овцигуоскомъ языкѣ. Казань. 1884.

Вопросъ, изученію котораго посвященъ трудъ г. Богородицкаго, уже былъ затронутъ въ нашей ученой литературѣ въ превосходномъ изслѣдованіи профессора Потебни: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ (Воронежъ, 1866). Въ этой книгѣ о данномъ вопросѣ трактуется мимоходомъ; но результаты, къ которымъ приходитъ профессоръ Потебня, и теперь, послѣ спеціального изслѣдованія г. Богородицкаго, остаются наиболѣе существенными.

Трудъ г. Богородицкаго вызываетъ нѣкоторые недоумѣнія, главнымъ образомъ пріемами изслѣдованія и изложенія. Относительно пріемовъ научнаго изслѣдованія авторъ доходитъ до такихъ край-

ностей, которыя дѣлаютъ правильный, научный въ своей основѣ методъ совершенно ненаучнымъ, произвольно-субъективнымъ. Научныя наблюденія и самонаблюденія переходятъ у автора очень скоро въ какое-то самосозерцаніе. Читатель невольно совершенно не видитъ въ изысканіяхъ реальной почвы, реальныхъ фактовъ; факты, подвергающіеся изслѣдованію, для него часто совершенно неослаемы: они доступны только автору, да и ему самому, по неоднократнымъ заявленіямъ, не всегда представляются вполне ясными. Впрочемъ, субъективность изслѣдованія въ значительной степени обуславливается самимъ предметомъ его; власть въ эту субъективность весьма легко, и профессоръ Бодуэпъ-де-Куртенэ вполне справедливо предостерегаетъ отъ нея (Лекціи по фонетикѣ и морфологій, Воронежъ, 1882, стр. 61 и слѣд.). Это хорошо сознаетъ и нашъ авторъ. Онъ указываетъ (стр. 15, 19, 21 и др.) на ошибки въ этомъ отношеніи даже такихъ изслѣдователей, какъ г. Бетлингъ (Изслѣдов. по русск. грамматикѣ, Учен. Зап. Ак. Наукъ, 1852) и Гротъ (Филолог. Разскапія, т. I). И однако въ субъективности изслѣдованія самъ г. Богородицкій грѣшитъ больше всего. Субъективность эта дѣлаетъ скоро его ученыя изысканія, чрезвычайно подробныя и тщательныя, почти совершенно безплодными. Таковы, напримѣръ, его „наблюденіе первое“, стр. 82—83, „наблюденіе третье“, стр. 83—84, также стр. 99—100 и много другихъ. Онъ и самъ во многихъ случаяхъ какъ бы сознаетъ эту субъективность, но не придаетъ почему-то этому обстоятельству серьезнаго значенія (см. въ его изслѣдованіи стр. 63, 86, 89, 106 и др.).

Нельзя не высказать также нѣкоторыхъ недоумѣній по поводу пріемовъ вышшняго изложенія въ книгѣ нашего автора. Рѣшительно не понятно, къ чему, для чего эти математическіе знаки, которыми исцнщрена его книга? Какимъ научно-лингвистическимъ цѣлямъ служатъ всѣ эти формулы, которыя почти и содержанія не имѣютъ никакого, повторяя одна другую? Между тѣмъ формулы эти встрѣчаются у г. Богородицкаго чуть не на каждой страницѣ. Самому дѣлу онѣ не помогаютъ ни сколько, даже совершенно напротивъ—затемняютъ дѣло. Зачѣмъ этотъ новый языкъ? Чтѣ выигрываетъ отъ него наука сравнительно языковѣдѣнія, да и можетъ ли выиграть что-нибудь? Не мало лишняго представляетъ книга и въ постоянныхъ ссылкахъ автора на анатомію, физиологію, акустику и т. д. За математическими знаками, нотами, физическими аппаратами, за анатоміей, физиологіей и т. д., за всѣми этими посторонними ве-

щами, можетъ быть, и полезными для всесторонняго изученія языковѣдѣнія но ужь во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ думаетъ авторъ, за всѣмъ этимъ читатель часто вовсе не видитъ языковѣдѣнія; за постоянными блужданіями въ той или другой сторонней сферѣ знанія авторъ перѣдко совсѣмъ забываетъ о самомъ главномъ для него—о лингвистическомъ изученіи живаго языка. Для изученія этого живаго языка, для его дѣйствительнаго уразумѣнія, книга его, признаться, даетъ не много.

Впрочемъ при всѣхъ увлеченіяхъ автора, его книга обладаетъ существеннымъ достоинствомъ всякаго научнаго труда—самостоятельностью и тщательностью изслѣдованія, и въ этомъ отношеніи можетъ считаться вкладомъ въ нашу ученую литературу.

А. Архангельскій.

Очерки западно-европейской исторіографіи ¹⁾.

X.

Мнѣ остается при обзорѣ нѣмецкой исторической литературы послѣдняго времени упомянуть о нѣсколькихъ сочиненіяхъ по XVIII и XIX вѣку. Исторіи XVIII вѣка, задуманной въ такихъ обширныхъ размѣрахъ Карломъ-фонъ-Ноорденомъ, не суждено было подвинуться далѣе начала. Въ концѣ 1882 года вышелъ третій томъ, обнимающій событія отъ 1706 до 1710 г., а въ 1883 г. даровитый авторъ умеръ, и обѣщанное имъ въ ближайшемъ будущемъ окончаніе войны за испанское наслѣдство, по видимому, не подготовлено на столько, чтобы можно было издать эту работу.

Ноордонъ—ученикъ Ранке и старается въ одинаковой степени овладѣть внутреннею и внѣшнею исторіей европейскихъ государствъ въ избранную имъ эпоху; дипломатическая и отчасти военная исторія у него удалась однако лучше, нежели характеристики внутренняго развитія, потому что для первыхъ онъ воспользовался массой не изданнаго матеріала—отчетами пословъ и агентовъ, хранящимися въ нѣмецкихъ, австрійскихъ, голландскихъ, англійскихъ и даже французскихъ архивахъ. Тѣмъ не менѣе и для втораго отдѣла онъ сдѣлалъ

¹⁾ См. юльскую книжку *Ж. М. И. Пр.* за текущій годъ.

много, особенно въ III томѣ, который насъ непосредственно интересуетъ. Разработка, конечно, не отличается такимъ гениальнымъ пониманіемъ связи между историческими фактами, какъ у Ранке, или такой ловкостью мысли и изяществомъ изложенія, какъ у Зибеля; форма страдаетъ отъ цѣпистости и вычурности выраженія; по на каждой страницѣ видно, что читатель имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ представителемъ историческаго знанія. За невозможностью дать отзывъ о всѣхъ разнообразныхъ вопросахъ и фактахъ, которые затрогиваются въ третьемъ томѣ, я останавлиюсь нѣсколько внимательнѣе на вступительномъ отдѣлѣ, посвященномъ состоянію Франціи въ началѣ XVIII вѣка, и на одной изъ послѣднихъ главъ, которая трактуетъ о внутреннемъ броженіи въ Англіи, предшествовавшемъ паденію виговъ въ 1710 году.

Довольно характерно для автора, что въ обзорѣ состоянія французскаго государства и общества лучше всего вышелъ очеркъ придворной сферы и особенно выдающихся въ ней личностей. Хотя по методу и задачамъ Ноорденъ является прямымъ послѣдователемъ Ранке, однако относительно роли лица въ исторіи онъ нѣсколько отстываетъ отъ своего учителя. Конечно, маститый патриархъ нѣмецкой историографіи никогда не отрицалъ вліянія отдѣльнаго крупнаго дѣятеля, но въ концѣ концовъ его спокойное, объективное отношеніе къ теченію историческихъ событій въ значительной степени объясняется тѣмъ, что онъ въ историческомъ дѣятелѣ видѣлъ болѣе продуктъ извѣстныхъ социальныхъ и политическихъ силъ, нежели лично творящую и лично отвѣтственную силу. Высокая художественность его знаменитыхъ характеристикъ сводится преимущественно на умѣнье показать, какъ неразрывно соединены въ томъ или другомъ выдающемся человѣкѣ индивидуальныя черты и симптомы эпохи, если можно такъ выразиться. Ноорденъ такъ резюмируетъ свой взглядъ, болѣе подходящій къ воззрѣнію Трейчке: „Въ мірѣ сознательности ничто не образуется въ силу естественной необходимости, менѣе всего государство. Прежде всего отвѣчаютъ за процвѣтаніе и паденіе политическихъ организмовъ, заключенныхъ въ формы абсолютной монархіи, государи-самодержцы, хотя нельзя оставить безъ вниманія общее положеніе западныхъ государствъ, смѣну поколѣній и содержащихся въ нихъ силы и стремленія“. Сообразно съ этимъ особенно видное мѣсто занимаетъ личная характеристика Людовика XIV, которая, однако, не отличается особенною новизной или живостью. За то Ноордену очень удалась г-жа Ментенонъ. Разказы

вая тайну ея твердости среди искушеній всякаго рода, ея борьбы противъ придворнаго легкомыслія, авторъ приводитъ драгоцѣнную обмолвку одного письма: „Высшая ловкость,—не быть виноватымъ и чувствовать себя безъ порока въ сношеніяхъ съ людьми“. Въ напряженной, систематической набожности, которая подъ ея вліяніемъ вытѣснила при дворѣ веселость и непринужденныя рѣчи, было много искреннаго и естественнаго: грустная сосредоточенная важность лучше шла къ тусклому освѣщенію и утомленнымъ лицамъ на закатѣ великаго историческаго дня. Но много фальши скрывалось въ этой полутѣмѣ, и не даромъ подруга короля избѣгала полнаго свѣта, какъ для своихъ глазъ, такъ и относительно своихъ дѣйствій и рѣчей. Все ея положеніе при дворѣ было основано на неправдѣ, и она, при всей своей сдержанности, не всегда могла скрыть, что цѣль освящала для нея средства, и ложь, какъ средство, не внушала ей нравственнаго отвращенія. „Короля приходится иногда обманывать, чтобы служить ему, и я надѣюсь, что Богъ милостиво поможетъ намъ, ради доброй цѣли и согласія, часто обманывать его и впредь“ (письмо къ епископу Шартрскому). Но какою же цѣлью задавалась при этомъ г-жа Ментенонъ? Имѣла ли она въ виду исправить политическія упущенія прошлыхъ годовъ, остановить разорительную военную политику, повліять на внутреннее возрожденіе Франціи? Нѣтъ, она стремилась спасти душу короля, то-есть, подчинить его церковнымъ предписаніямъ и собственному вліянію, и ради этого личнаго вліянія она готова была поступиться, и дѣйствительно поступилась, своими политическими воззрѣніями. Не бѣда, что ей приходилось измѣнять свои взгляды на протестантское дѣло, на квіетистовъ, на веденіе испанской войны, на достоинство тѣхъ или другихъ личностей: за то король съ удивленіемъ находилъ, обращаясь къ своей подругѣ за совѣтомъ, что она всегда отгадываетъ самую сущность его желаній.

Очень не дурны также у Ноордена силуэты другихъ выдающихся личностей французскаго двора. „Понимать жизнь какъ скучное бездѣлье—такова была привилегія дофина“. „Несмотря на строжайшую дисциплину, въ которой держалъ себя герцогъ Бургундскій, онъ не въ состояніи былъ устранить контрастъ между личностью царствовавшего короля и своимъ личнымъ характеромъ, сложившимся изъ преждевременной серьезности, подавленной вспыльчивости и мечтательной мягкости права“. Пѣсколько страннымъ только выходитъ изображеніе Елизаветы-Шарлотты, матери герцога Орлеанскаго. Хотя

она и не чувствовала себя Нѣмкой, за то она, по крайней мѣрѣ, осталась истой уроженкой нѣмецкаго Пфальца, и авторъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторой излишней симпатіи при встрѣчѣ съ своею соотечественницей. „Она была, можетъ быть, единственнымъ правдивымъ человѣкомъ среди душевной атмосферы французскаго двора“. На повѣрку оказывается, что эта правдивость нисколько не мѣшала ей лицемѣрить относительно сильныхъ міра сего и выражалась болѣе всего въ заглавной брани, которою герцогиня отводила душу въ своей корреспонденціи.

Очеркъ экономическаго фискальнаго положенія Франціи, не заключающій въ себѣ ничего особеннаго новаго, весьма ясно сопоставляетъ главныя данныя и показываетъ какъ уже въ началѣ XVIII вѣка Франція находилась на пути къ банкротству. Сравнивая французское крестьянство того времени съ низшими классами другихъ странъ, Ноорденъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: Не только въ Англіи и Голландіи, но и въ Италіи и Испаніи, положеніе мелкаго люда было лучше. Въ Германіи крестьянское населеніе было, правда, менѣе свободно, чѣмъ во Франціи, но только въ нѣсколькихъ маленькихъ княжествахъ соединеніе политической и помѣщичьей власти приводило къ столь же тягостному фактическому гнету. Въ Австріи феодальныя повинности были несомнѣнно тяжелѣе, и феодальная зависимость полнѣе, но за то ленная система почти совершенно избавляла массу населенія отъ давленія государства.

Довольно подробно переданы Ноорденомъ главныя данныя относительно роста дефицита и постепенной дезорганизации государственныхъ финансовъ Франціи: трудно понять одно—какъ не обрушился государственный строй еще во время войны за испанское наслѣдство. Нечего и говорить, что особенное вниманіе обращено на знаменитые трактаты Вобана и Буагильбера. Вообще, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ третій томъ сочиненія Ноордена можетъ быть очень полезенъ, какъ дѣльное и ясное résumé главныхъ политическихъ фактовъ.

Главы, посвященныя исторіи англійскихъ партій, имѣютъ большее значеніе. Онѣ составлены преимущественно по отчетамъ агентовъ различныхъ иностранныхъ правительствъ, при чемъ Ноорденъ особенно пользовался донесеніями Бонне для Бранденбурга и Л'Эрмитажа для Нидерландскихъ штатовъ. Еслибы авторъ писалъ собственно англійскую исторію, потребовалось бы большее знакомство съ туземными источниками, особенно съ политическими памфлетами, составлявшими столь важную часть литературы того времени. Но въ общей обработкѣ

исторіи XVIII в. относящіяся сюда главы книги Ноордена представляются весьма достаточными. При этомъ симпатіи автора на сторонѣ партіи тори. Это особенно замѣтно при изложеніи процесса Сечвереля. Совершенно вѣрно, что возбуждая преслѣдованіе за проповѣдь, въ которой заключались враждебные намеки и неприятныя теоріи, виги дѣйствовали неловко и тиранично; тѣмъ не менѣе, изъ отчета о процессѣ не видно, какъ старается доказать Ноорденъ, чтобы представители обвиненія потерпѣли поражение, а аргументы торійскихъ адвокатовъ отличались неопровержимостью. Мнѣ кажется, что Лекки гораздо болѣе правъ, утверждая, что тори вообще старались избѣжать въ процессѣ принципиальной борьбы и ограничивались въ своей защитѣ техническими уловками. Геркортъ, который болѣе всѣхъ другихъ всталъ на принципиальную точку зрѣнія, пустилъ въ ходъ доказательство, ни въ какомъ случаѣ не отвѣчавшее истинной торійской теоріи. Власть, которой запрещено противиться,—власть законодательная; революція 1688 года направлена была противъ короля, а не противъ законодательной власти; слѣдовательно, эта революція не подрываетъ ученія о пассивномъ повиновеніи, и Сечверель имѣлъ право защищать это ученіе. Аргументація весьма странная и основанная на песомпѣнномъ подмѣнѣ мысли Сечвереля.

Совершенно иной взглядъ на роль англійскихъ партій находимъ мы въ другомъ вѣмецкомъ сочиненіи, посвященномъ исторіи XVIII в. Я разумю книгу Морица Броша о лордѣ Боллингброкѣ¹⁾. Хотя авторъ и пользуется преимущественно, подобно Ноордену, посольскими реляціями, именно венеціанскими, но его политическая точка зрѣнія заставляетъ его налагать событія въ свѣтъ, выгодномъ для партіи виговъ. Онъ думаетъ, что только ея положеніе было нормальное, потому что правительство королевы Анны и Ганноверской династіи сложилось единственно благодаря проведенію ея принциповъ въ жизнь. Напротивъ, тори, отступившіе отъ своего основнаго ученія о пассивномъ повиновеніи, находились въ ложномъ положеніи въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка и въ своихъ стараніяхъ выйти изъ него прямо или косвенно работали въ пользу реставраціи Стюартовъ. „Партія эта весьма быстро позабыла поступки Іакова II и имѣла въ виду доставить ему и затѣмъ его сыну возможность возстановить свое божественное право на престолъ. Эта задняя мысль поддерживала связь между тремя фрак-

¹⁾ *M. Brosch, Lord Boltingbroke und die Whigs und Tories seiner Zeit.*

ціями, на которыя распадалась тори: одни считали, что могут особенно успѣшно подкопать существующій порядокъ, если будутъ требовать, въ союзѣ съ недовольными вигами, расширенія народныхъ правъ; другіе держались выжидательной политики и въ крайнемъ случаѣ тайкомъ вербовали приверженцевъ; третьи не останавливались передъ самыми опасными попытками. Всѣ они однако держались въ сущности одного направленія, стремились къ реставраціи". Мнѣ кажется, что эта характеристика партій идетъ слишкомъ далеко, преувеличиваетъ несомнѣнно существовавшую связь между тори и якобитами и уменьшаетъ роль второй фракціи, которая уже въ силу своихъ религіозныхъ убѣжденій не могла желать реставраціи католическаго государя. Принятіе ложной точки зрѣнія влечетъ за собою неправильную оцѣнку многихъ отдѣльныхъ событій. Такъ, побудительною мыслью торійскаго правительства при заключеніи Утрехтскаго мира Брошъ считаетъ желаніе поддержать Францію, какъ государство, оказавшее покровительство претенденту. Совершенно вѣрно, что Утрехтскій миръ, заключившій войну за испанское наслѣдство такимъ выгоднымъ для Франціи образомъ, былъ дѣломъ людей, болѣе заботившихся объ интересахъ партіи, чѣмъ о пользѣ государства. Но въ интересахъ торійской партіи найдется достаточно мотивовъ для объясненія этого факта помимо того, который указавъ Брошешъ. Война была дѣломъ виговъ, стояла главнымъ пунктомъ въ ихъ политической программѣ, и потому тори всегда проповѣдывали миръ; война гораздо тяжелѣе отзывалась на мелкомъ провинціальномъ дворянствѣ, составлявшемъ главный контингентъ торійской партіи, нежели на крупной аристократіи и торговыхъ элементахъ партіи виговъ.

Въ исторіи Ганноверскаго дома Брошъ особенно настаиваетъ на двухъ чертахъ, которыя имѣли большое значеніе въ развитіи англійской политической жизни. Георгъ I и Георгъ II оставались чистыми Цѣмцами на англійскомъ престолѣ: дѣла Ганноверскаго курфюршества продолжали занимать ихъ гораздо болѣе, нежели политика Великобританіи; они даже старались втянуть королевство въ свою мелко-нѣмецкую политику и находили въ этомъ отношеніи поддержку въ вигскихъ министрахъ. Съ конституціонной точки зрѣнія эта ограниченность Ганноверскихъ королей имѣла большое и благотѣльное вліяніе. Въ это время королевская прерогатива окончательно ступивается передъ парламентарскою администраціей. Истиннымъ, хотя и временнымъ государемъ становится вожакъ большинства въ палатѣ общинъ. Трудно думать, чтобы болѣе энергичные и дальновидные

представители монархическаго принципа могли провести въ жизнь другое начало; но во всякомъ случаѣ можно было ожидать нѣкоторой борьбы, отъ которой первые Георги избавили англійскую исторію. Второе наблюдение Броша менѣе основательно. Онъ думаетъ, что постоянныя ссоры между царствующимъ государемъ и наследникомъ, которыя характеризуютъ Ганноверскую династію, имѣли вліяніе на исправленіе англійской оппозиціи. Въмѣсто того, чтобы тянуть къ претенденту изъ дома Стюартовъ, она стала группироваться около фронтдирующаго наследника. Надо замѣтить однако, что недовольные, собравшіеся около принца Фридриха, принадлежали преимущественно не къ торійской партіи, а къ вигамъ, отстраненнымъ отъ вліянія Вальполемъ.

Что касается до изображенія личной дѣятельности Болинброкъ, то оно, конечно, представляетъ довольно мало новаго у Броша. Образу только вниманіе въ главѣ о его литературныхъ произведеніяхъ на отдѣлѣ, посвященный памфлету о „патріотическомъ королѣ“ (1737). Этотъ этюдъ имѣетъ большой интересъ, потому что представляетъ неудачную попытку указать королевской власти болѣе высокое призваніе, нежели простую бездѣятельность. Король долженъ стоять выше партій и, подчиняясь формальнымъ ограниченіямъ конституціи, возвысить свое могущество нравственными средствами. Онъ долженъ управлять, не просто царствовать. Народное верховенство найдетъ въ подобномъ королѣ болѣе вѣрнаго представителя, чѣмъ въ парламентѣ, въ которомъ распоряжаются нѣсколько могущественныхъ фамилій. Брошъ совершенно вѣрно называетъ это произведеніе политическимъ романомъ, для осуществленія котораго не имѣлось равно никакихъ практическихъ средствъ; но романъ этотъ представляетъ какъ бы звѣно между парламентскимъ развитіемъ въ Англіи и пониманіемъ просвѣщеннаго абсолютизма на континентѣ. Принципы послѣдняго, не находя себѣ почвы за кападомъ, все-таки выражаются, хотя только въ формѣ изолированнаго памфлета, которому даже и авторъ, вѣроятно, не придавалъ особеннаго значенія.

Эпохѣ просвѣщеннаго деспотизма посвящено сочиненіе Онкена о Фридрихѣ Великомъ и его времени ¹⁾ въ извѣстномъ собраніи популярныхъ книгъ по всеобщей исторіи. Я не касался многихъ изъ нихъ, потому что онѣ имѣютъ цѣлью не подвинуть впередъ науку

¹⁾ W. Oncken, Das Zeitalter Friedrich's des Grossen.

самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, а сообщить нѣкоторые главные результаты ея въ доступной формѣ. Надо сказать, что въ общемъ это обширное предпріятіе подвигается впередъ весьма успѣшно и въ смыслѣ быстроты, съ которой появляются отдѣльныя части, и въ смыслѣ ихъ достоинства. Нельзя не пожалѣть, что виѣшняя исторія значительно перевѣшиваетъ изложеніе внутренняго развитія, что особенно замѣтно въ отдѣлѣ древней исторіи. Этотъ недостатокъ приближаетъ, однако, изложеніе къ школьному пониманію исторіи, если можно такъ выразиться, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что для преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ все собраніе представляетъ необыкновенно цѣнное пособие. Я остановлюсь на этомъ разѣ на одномъ изъ появившихся въ немъ трудовъ по XVIII вѣку.

Книга Онкепа захватываетъ массу самаго разнообразнаго матеріала и разрастается въ общую исторію Европы въ XVIII в. Различныя часті весьма неодинаковаго достоинства. Авторъ принадлежитъ къ не особенно многочисленнымъ теперь въ Германіи историкамъ, занимающимся не какимъ-нибудь однимъ отдѣломъ, а многими эпохами. Первые его спеціальныя работы были посвящены Греціи¹⁾, но уже и въ нихъ было замѣтно, что вниманіе и интересъ автора не сосредоточивается на кропотливомъ изученіи древности. Сравненіе съ фактами новой и новѣйшей исторіи играетъ въ нихъ чрезвычайно важную роль, и повсюду видно, что Онкепъ—горячій послѣдователь либеральнаго Гейссера. Затѣмъ появилась книга объ Австріи и Пруссіи въ время войны за освобожденіе, въ которой выставляется національная сторона историка, принадлежащаго къ національно-либеральной партіи. Въ сочиненіи о Фридрихѣ, главы, посвященныя Пруссіи, несомнѣнно самыя лучшія. Въ остальныхъ слишкомъ часто замѣтно, что свѣдѣнія автора взяты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и что работа была произведена слишкомъ поспѣшно. За то не видно чрезмѣрной болтливости, которою отличались первые сочиненія Онкепа. Для характеристики новой его книги я возьму отдѣлъ второго тома, посвященный внутреннему управленію Фридриха II.

Онъ открывается оцѣнкой просвѣщеннаго абсолютизма, принциповъ котораго отдѣляются, по мнѣнію автора, отъ политическихъ воззрѣній древняго міра тѣмъ, что не допускаютъ рабства, отъ государственнаго быта среднихъ вѣковъ—антагонизмомъ по отношенію къ церк-

¹⁾ Isokrates, Athen und Hellas; Aristoteles und seine Staatslehre.

Нельзя не замѣтить, что указанная противоположность—вѣщная. То или другое отношеніе къ рабству и крѣпостничеству можетъ составлять весьма существенную часть программы государственной власти, не опредѣляя ея состава и характера, и я не знаю, какая принципиальная разница между положеніемъ лучшихъ Римскихъ императоровъ и просвѣщенныхъ деспотовъ XVIII вѣка. Задачи различны, время и обстоятельства различны, но „механическое“ пониманіе общественной жизни то же самое, представленіе о государѣ, какъ проводникѣ идей, выработанныхъ философій, то же самое. Нельзя также не возразить противъ мысли, что Фридрихъ Великій какъ бы создалъ просвѣщенный абсолютизмъ на практикѣ; онъ былъ очень хорошимъ представителемъ его, но самое направленіе было общему исторической необходимостью и не менѣе характерно воплотилось, напримѣръ, въ Екатерину II.

Переходя къ отдѣльнымъ мѣрамъ Фридриха, Онкенъ прежде всего останавливается на регламентѣ относительно школъ, изданномъ въ 1763 году, тотчасъ по заключеніи Губертсбургскаго мира и дѣйствительно очень характерномъ для просвѣтительной политики. Необходимо „предотвратить вредное и неприличное христіанству невѣжество, образовать и воспитать на будущее время лучшихъ и болѣе способныхъ къ дѣлу подданныхъ“. Регламентъ вводитъ принудительное обученіе, другое постановленіе заботится о назначеніи школьными учителями лицъ подготовленныхъ. Но какъ разъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи изложеніе Онкена очень неполно. Не видно, какъ могла на практикѣ осуществиться мысль объ обязательномъ обученіи: откуда взяли учителей, какъ создали школы. Дѣло не рѣшается регламентомъ на бумагѣ, а о степени или постепенности проведенія его въ жизнь мы ничего не узнаемъ.

Экономическая политика Фридриха была вполне основана на покровительственномъ ученіи. Онъ писалъ директору акцизныхъ сборовъ Де-Лоне, совѣтовавшему не стѣснять торговлю: „То, что вы мнѣ говорите о промышленности и торговлѣ, справедливо только относительно странъ, въ которыхъ промышленность составляетъ коренное основаніе торговли, а послѣдняя служитъ агентомъ промышленности. Въ моихъ областяхъ всѣ эти прекрасныя фразы—распитые кафтаны, благодаря которымъ я могу впасть въ нищенство. Промышленность здѣсь еще находится въ колибели, а торговля служитъ иностранцамъ. Я запираю свои владѣнія по мѣрѣ силъ, потому что это единственное средство заставить моихъ подданныхъ готовить себя

своими руками то, чего они не въ состояніи доставать изъ-за границы". Вообще же Фридрихъ смотрѣлъ на экономическую область глазами полководца: онъ привыкъ распоряжаться въ ней, какъ въ своемъ войскѣ и администраціи, и дѣлалъ это съ тѣмъ большею энергіей, что самыя послѣдніе успѣхи зависѣли въ значительной степени отъ матеріальнаго благосостоянія. По окончаніи Семилѣтней войны, это вмѣшательство правительственной власти имѣло чрезвычайно важное и благодатное значеніе. Разоренная страна оправилась, потому что король употребилъ около 20 милліоновъ талеровъ на облегченіе провинціи и покрытіе долговъ, передалъ въ руки общинамъ лошадей, собранныхъ для военныхъ потребностей, поддержалъ колонизацію и вообще всѣми средствами содѣйствовалъ возрожденію своей страны послѣ разгрома. Но въ общемъ, конечно, строгая дисциплина, въ которой Фридрихъ держалъ свои владѣнія, должна была казаться тягостною и весьма часто приводила къ ненужнымъ притѣсненіямъ. Опкенъ справедливо замѣчаетъ, что для правильной оцѣнки этой стороны дѣятельности великаго короля необходимо не терять изъ виду исключительное положеніе Прусской монархіи того времени. Настоятельнѣйшею необходимостью для нея было всегда располагать достаточными денежными средствами, и ради этого правительство принуждено было держать общество въ постоянномъ напряженіи.

Очень важный вкладъ въ исторію многострадальнаго Восточнаго вопроса представляетъ сочиненіе А. Беера о восточной политикѣ Австріи¹⁾ (1774—1877 г.). Авторъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ капитальныхъ работъ по новой исторіи Австріи, и для большей части своего послѣдняго труда онъ пользовался не изданными матеріалами изъ вѣнскихъ архивовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ почти офціальнаго исторіографа, Бееръ вездѣ придерживается вѣшнимъ образомъ спокойнаго тона, по общему тенденціи книги тѣмъ не менѣе сказывается весьма ясно. Нельзя сказать, чтобы она сводилась къ апологію австрійской политики: главная цѣль—показать, послѣдствъ какихъ несчастныхъ обстоятельствъ Габсбургская монархія отклонилась отъ своего движенія на Балканскій полуостровъ, не сумѣвъ воспользоваться многочисленными удобными моментами для расширенія своего владѣнія и не положила конца захватамъ Россіи въ этой области. На каждой страницѣ этого сочиненія найдутся праят

¹⁾ *A. Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs.*

ческіе уроки для дѣйствующей дипломатіи нашего времени; во всевозможныхъ фактахъ обнаруживается коренная и необходимая разность интересовъ между двумя имперіями на Востоцѣ; чрезвычайно часто уже въ XVIII вѣкѣ обрисовываются комбинаціи, которыя поразительно напоминаютъ всѣмъ извѣстныя отношенія нашего времени.

Турецкіе походы принца Евгенія, по видимому, открывали широкій путь для Австріи на Балканскомъ полуостровѣ; постепенное приобрѣтеніе подвластныхъ Турціи областей, самое занятіе Константинополя представлялось тодько вопросомъ времени. Если надежды эти не осуществились, если Австрія остановилась и даже уступила назадъ послѣ Пассаровичскаго мира, то причиной тому была двойственность задачъ ея политики; необходимость защищать на западѣ интересы, которые казались важнѣе восточныхъ. Борьба съ Фридрихомъ II отодвинула на задній планъ всѣ другіе вопросы: втягивая Россію въ эту борьбу, ей предоставляли найдти себѣ вознагражденіе въ Польшѣ и Турціи. Рескриптъ Маріи-Терезіи къ Эстергази, отъ 31-го мая 1755 г., прямо указываетъ на эту связь: если удастся стѣснить короля Прускаго въ подобающія границы, то Россія получитъ большую свободу относительно Порты и Рѣчи Посполитой. Основною мыслью канцлера Кауница было поддерживать хорошія отношенія съ Петербургскимъ дворомъ, чтобъ имѣть возможность опереться на него въ случаѣ надобности противъ Пруссіи. Напряженныя отношенія между двумя нѣмецкими государствами оказывали великую услугу русской политикѣ даже по окончаніи Семилѣтней войны и парализовали самостоятельную восточную политику Австріи даже тогда, когда правительство Екатерины II сблизилось съ Берлинскимъ дворомъ. Австрійскіе государственные люди жаждали возстановленія тѣсныхъ союзническихъ отношеній съ Россіей, и ради этого дѣлались всевозможныя уступки на Востоцѣ. Нельзя сказать, чтобы не было колебаній въ противоположную сторону. Но русская чаша вѣсовъ, если можно такъ выразиться, оказывалась постоянно тяжелѣе прусской. Уже во время первой войны между Турціей и Россіей при Екатеринѣ II Кауницъ разсуждаетъ въ запискѣ, составленной для императрицы Маріи-Терезіи, о возможномъ сближеніи съ Фридрихомъ II. Только такое сближеніе положило бы конецъ честолюбію Русскихъ. Бѣда только въ томъ, что мысль о Силезіи не покидаетъ австрійскаго канцлера, и основаніемъ для союза ему представляется возвращеніе Силезіи при посредничествѣ Порты и вознагражденіе Пруссіи

Курляндіей и западною Пруссіей. Впрочемъ, Кауницъ и не настаивалъ на этомъ планѣ, а только намѣчалъ его возможность. Іосифъ II, менѣе связанный воспоминаніями о Семилѣтней войнѣ, болѣе смѣлый и свободный духомъ, чѣмъ старый канцлеръ, съ особеннымъ вниманіемъ возвратился къ этой мысли о союзѣ съ Пруссіей какъ разъ въ то время, когда его войска дѣйствовали за одно съ Русскими противъ Турокъ. Неудача перваго похода, неудовольствіе противъ Потемкина, засѣвшаго подъ Очаковымъ, раздраженіе, которое такъ часто возникаетъ между союзниками, побуждали его искать этого выхода и замѣнить политику совместнаго дѣйствія противъ Турціи противоположною. Нидерландское движеніе отвлекло вниманіе императора и привело къ нулю всѣ добытые на Балканскомъ полуостровѣ результаты; но мысль, брошенная мимоходомъ Кауницомъ и серьезно занимавшая Іосифа, продолжала держаться въ австрійскихъ дипломатическихъ сферахъ. Особенно сильно настаивалъ на ней Филиппъ Кобенцель. „Раздоръ между Австріей и Пруссіей выгоденъ только для ихъ враговъ“, писалъ онъ. — „Ихъ согласіе не только послужило бы сдержкой для англійскаго деспотизма, но положило бы также предѣлы опасной игрѣ русской политики и пагубнымъ успѣхамъ Россіи.“ Французская революція и войны съ Наполеономъ опять-таки совершенно отвлекли вниманіе Австріи отъ балканскихъ дѣлъ. Интересно однако, что самый выдающійся представитель Австріи того времени въ военномъ дѣлѣ, эрцгерцогъ Карлъ, былъ проникнутъ сознаніемъ, что успѣхи Россіи крайне опасны для Габсбургской монархіи, и что для послѣдней совершенно необходимо занять Дунайскія княжества. Онъ даже готовъ былъ защищать мысль, что Россія, какъ скоро она утвердится на нижнемъ Дунаѣ, сдѣлается опаснѣе Франціи. Сербское возстаніе дало поводъ къ столкновенію австрійскихъ и русскихъ вліяніи на другомъ пунктѣ. Сербскіе вожди старались добиться поддержки со стороны Австріи; особенно хлопоталъ объ этомъ Георгій Черный который нѣсколько разъ видѣлся съ начальникомъ Военной Границы Цимбшеномъ и поддерживалъ съ нимъ постоянную переписку. Пр этомъ имѣлось въ виду присоединеніе Сербовъ къ славянскимъ или нѣмецкимъ землямъ монархіи, но ни въ какомъ случаѣ не подчиненіе Венграмъ. Главная причина, заставлявшая Сербовъ искать усиленно австрійской поддержки, было отчаянное положеніе возстаншихъ относительно провіанта и дальность Россіи. Тѣмъ не менѣе изъ дальней Россіи была оказана помощь въ 1809 году, а Австр

существенно повредила возставшимъ установленіемъ строгаго надзора по границѣ. Естественно, что первоначальныя симпатіи Сербовъ къ Австріи очень скоро выдохлись при этихъ обстоятельствахъ; но интересно также, что, не смотря на политику невмѣшательства, предпринятую вѣнскимъ правительствомъ, провинціальныя австрійскія власти были проникнуты сознаніемъ, что Сербія лежитъ въ сферахъ интересовъ Австрійской монархіи, и весьма неохотно подчинялись приказаніямъ свыше.

Паденіе Наполеона, по видимому, должно было развязать руки австрійской дипломатіи на Востокъ; но въ первое время не замѣтно никакой попытки дѣятельнаго вмѣшательства и не видно признаковъ опредѣленнаго плана дѣйствій. Болѣе другихъ государствъ Австріи находилась подъ вліяніемъ идей Священнаго Союза; ея управлялъ Меттернихъ, который выше всего ставилъ сохраненіе statu quo и старался не выводить Австрію изъ бездѣтельности и по возможности всѣ остальные государства привести въ такую же бездѣтельность. Греческое возстаніе причинило ему не мало хлопотъ, имѣнно потому, что представлялось крайне труднымъ убѣдить всѣхъ предоставить Грековъ ихъ участи. Лично Меттернихъ не чувствовалъ ни малѣйшаго волненія при мысли о возможной гибели массы христіанскаго населенія: „Какихъ-нибудь 30 или 40 тысячъ повѣшанныхъ, удушенныхъ, посаженныхъ на колъ по ту сторону нашей восточной границы, не имѣютъ особеннаго значенія“, разсуждалъ онъ. Но необходимо было удержать императора Александра въ воззрѣніи, что Греки бунтуютъ противъ своего законнаго государя и потому заслуживаютъ наказанія, а не помощи. Тутъ уже приходилось считаться съ фактомъ, что „двѣ души живутъ въ груди Русскаго императора“. Австрійскіе государственные люди то приходили въ восторгъ и умиленіе отъ вдохновенныхъ словъ, которыми Александръ I выражалъ въ Лайбахѣ свой взглядъ на роль Священнаго Союза, то ужасались при мысли объ интригахъ Каподистріи и Поццо-ди-Борго и при малѣйшихъ признакахъ того, что Россія принимаетъ къ сердцу дѣло своихъ единовѣрцевъ. Тѣмъ не менѣе, князь-канцлеръ не унывалъ, и никогда въ теченіе всей своей карьеры онъ не былъ такъ проникнутъ убѣжденіемъ, что двигаетъ европейскими державами, какъ нахматными фигурами. „Всѣ желаютъ чего-то“, отиѣчалъ онъ въ своихъ запискахъ, — „и никто не знаетъ, что собственно ему нужно. Я знаю, чего хочу, и что могутъ другіе. Я вооруженъ вполнѣ. Моя

шпага обнажена, мое перо очинено, мои мысли ясны и чисты подобный хрусталу источник". И любопытно, что въ то время, какъ онъ разсыпался предъ императоромъ Александромъ всевозможной лести по поводу его всемірно-историческаго при великодушія, подъ маскою скрывалась улыбка злорадства: „Е дѣло Петра Великаго и всѣхъ его наследниковъ разрушено ру кабинетомъ“, писалъ онъ въ 1822 году; — „что Россія потер нравственномъ отношеніи, выигрываетъ Порту“.

Но въ ближайшемъ сосѣдствѣ князя Меттерниха были которые съ меньшимъ самообольщеніемъ смотрѣли на точнѣе Тонкій и остроумный Генцъ отлично понималъ, что нельзя въ тическомъ разчетѣ имѣть въ виду только кругъ личныхъ влія настроеній, что имѣютъ значеніе и реальныя историческія потребности. И потому онъ осуждалъ восточную политику канцлера: „Князь неохотно принимаетъ во вниманіе отдаленности. Онъ вообще не любитъ дѣлъ, въ которыя не можетъ шаться непосредственно, и ему хотѣлось бы убѣдить себя и д въ томъ, что зло, съ которымъ онъ не можетъ справиться, все существуетъ“. И дѣйствительно, не смотря на всю проицатель и ловкость Меттерниха, не смотря на непоколебимо-консервативныя убѣжденія Александра I и Николая I, тучи все надвигались стокъ. Поведеніе австрійской дипломатіи даже прямо содѣйствовало русско-турецкому разрыву въ 1828 г., потому что ея увѣренности, что миръ не будетъ нарушенъ, побудила Порту не дѣлать покъ. Позднѣе, уже послѣ Адрианопольскаго мира, князь Меттернихъ пришелъ къ убѣжденію, что событія разыгрались не совсѣмъ какъ имъ предписывала его прозорливая политика. При этомъ пенялъ не на себя, а на Россію, и справедливо замѣчалъ, что императрица не пустилась бы въ такое предпріятіе, какъ война, если бы считала необходимымъ принимать во вниманіе интересы Австріи. Радецкій составилъ подробную записку о значеніи Адрианопольскаго мира, о выгодахъ, каемыхъ изъ него Россіей, и объ опасностяхъ, подготовленныхъ Австріей. Фикельмонъ резюмировалъ тѣ же мысли въ короткой запискѣ: „Вмѣсто буквъ написано областями, что выиграла Россія, за счетъ рѣки, которая составляетъ жизненный перлъ Австріи“.

Вторая половина книги Веера заключаетъ въ себѣ менѣе резкихъ разоблаченій, потому что событія, о которыхъ онъ говоритъ, совершились еще слишкомъ недавно, чтобъ отбросить часть сскхххiv, отд. 2.

ихъ могли открыться архивы. Исторія антагонизма между Австріей и Россіей, обнаружившаяся впервые во время Крымской войны, написана на основаніи общедоступныхъ дипломатическихъ документовъ.

II. Виноградовъ.

Новости по изученію италіанской литературы.

Въ изученіи италіанской литературы, ея памятниковъ и исторіи замѣчается въ послѣдніе годы сильное движеніе, которому нельзя не порадоваться тѣмъ болѣе, что оно совершается италіанскими силами. Труды Д'Анконы и Кардуччи, Бартоли и Аскола, Виллари и Компаретти создали цѣлую школу молодыхъ дѣятелей, владѣющихъ прекраснымъ методомъ и хорошею обще-литературною подготовкою, спасающею отъ односторонности научныхъ построеній и исключительности національныхъ воззрѣній. Такою исключительностью отличается однако недавно вышедшая книга Челезин ¹⁾, въ которой не знаешь чему болѣе удивляться — псевдо-научнымъ ли притязаніямъ, или рьяной брани, расточаемой иностранной, особливо нѣмецкой наукой, когда она принимается за италіанскій матеріалъ. Критикъ вновь предпринятаго журнала по исторіи италіанской литературы ²⁾ такъ отвѣтилъ на эти увлеченія: нѣтъ ни италіанской, ни нѣмецкой, ни турецкой науки, а только наука общечеловѣческая; проявленію народной гордости нѣтъ въ ней мѣста, потому что для этого существуютъ другія, болѣе свойственныя ей области (вып. 2, стр. 330).

Издатели новаго журнала, принадлежащіе къ новому направленію италіанской литературной историографіи, уже составили себѣ почетное имя цѣлымъ рядомъ изданій и работъ, на которыя обратила вниманіе специальная критика. Но въ обширной области италіанской литературы остается еще такъ много неизвѣстнаго, дурно и предвзято понятаго, что отдѣльнымъ усиліямъ не одолѣть ея богатства. Въ настоящее время—говоритъ программа новаго изданія (вып. I, стр. 2)—„знаніе болѣе приращается терпѣливою и мелочною работою многихъ,

¹⁾ *E. Celesia, Storia della letteratura in Italia nei secoli barbari, 2 vv. 1882—1883.*

²⁾ *Giornale storico della letteratura italiana diretto e redatto da Arturo Graf, Francesco Novati, Rodolfo Renier. 1883—1884. Семь выпусковъ.*

чѣмъ широкими гаданіями не многихъ". Новый журналъ предназначенъ служить складомъ подобнаго рода работъ, изъ которыхъ когда-нибудь построится болѣе прочное и научное цѣлое, чѣмъ то, что до сихъ поръ выдается за „исторію италіанской литературы“.

Спеціальныя задачи издаціи, главными вкладчиками и критиками котораго являются его редакторы, выясняются изъ его заглавія: журналъ долженъ быть италіанскимъ, не романскимъ въ смыслѣ той программы, которую пытались осуществить *Rivista di filologia Romanza* (издають Monaci и Stingel), преобразовавшаяся въ *Giornale di filologia Romanza* (издають Monaci), имѣющій въ свою очередь замѣнить свое заглавіе новымъ: *Studj di filologia Romanza*. Согласно съ этою цѣлью, разбирая книги смѣшаннаго содержанія, рецензенты новаго журнала относятся исключительно къ тѣмъ его сторонамъ, которыя, такъ-сказать, обращены къ Италіи. Такимъ характеромъ отличается разборъ, которому Реніеръ подвергъ изданіе Канелло: *La vita e le opere del trovatore Arnaldo Daniello* (вып. 2, стр. 312 и слѣд.).

Судя по вышедшимъ выпускамъ, журналъ обѣщаетъ быть интереснымъ и разнообразнымъ. Обращаемъ особое вниманіе на отдѣлъ критики, потому что здѣсь всего яснѣе сказывается общее направленіе, намѣченное въ программѣ: побольше совѣстливаго, пристальнаго изученія фактовъ, помельше гаданій и прозрѣній (*divinazioni*). Ихъ было такъ много, и они такъ заповоловили исторію италіанской литературы, что критика по неволѣ принимаетъ характеръ односторонне разрушительный. Стоитъ познаться только съ 5-мъ томомъ „Исторіи италіанской литературы“ Бартоли, посвященнымъ Данте, чтобы понять, что мы имѣемъ въ виду; но Реніеръ (*Giornale*, fasc. 7, стр. 104 и слѣд.) готовъ пойти и еще дальше—по дорогѣ не только отрицаній, но и помыхъ построеній, потому что это лежитъ въ природѣ вещей: новыя факты указали на несостоятельность прежнихъ обобщеній, но сами не складываются какъ $2+2=4$, и связь между ними устанавливается по неволѣ при помощи аналогическихъ наведеній, обоснованныхъ фактически, но всегда субъективныхъ.

Свѣдѣній о жизни Данте (къ которому Реніеръ вернулся еще въ двухъ критическихъ статьяхъ, вып. 3, стр. 477 и слѣд., и вып. 6, стр. 366 и слѣд.) у насъ крайне мало; о его семейной жизни мы, напримѣръ, ничего не знаемъ, то-есть, о тѣхъ ея сторонахъ, которыя особливо интересуютъ нѣкоторыхъ ученыхъ: былъ ли, напримѣръ, Данте счастливъ съ женою своею Джеммой, или нѣтъ. Вопросъ по

крайней мѣрѣ на столько же безцѣльный, какъ и другой, также вызвавшій пререканія: о большей или меньшей близости отношеній, существовавшихъ между Боккачіо и его Фіамметтой! Кстати о Фіамметтѣ. Извѣстно, что за этимъ именемъ скрывается настоящее имя женщины, которую Боккачіо любилъ въ дѣйствительности и такъ реально, что если я не ошибаюсь, ея не коснется судьба, недавно вновь постигшая Дантову Беатриче, обращенную всецѣло не то въ символъ, не то въ аллегорію. Боккачіо назвалъ свою милую Фіамметтой, то-есть, огонькомъ, искоркой, не желая и боясь профанировать ея настоящее имя — при свободѣ пѣть и сказывать о своей любви подъ принятою кличкой. Такъ дѣлали уже трубадуры, воспѣвая своихъ дамъ подъ условными именами, обыкновенно характерными нарицательными; это называлось *senhal*. Старые итальянскіе поэты, прошедшіе провансальскую школу, переняли у своихъ предшественниковъ тотъ же приемъ; отсюда знаменательныя имена: гордой, неприступной красавицы—*Seluaggia*, постоянной, вѣрной — *Costanza*, благодатной — *Beatrice*; Петрарка такъ часто играетъ созвучіемъ *Lauga* и *laugo*—лавръ, что и въ имени героини *Canzoniere* легко предположить *senhal*. Основные моменты *senhal* были бы, такимъ образомъ, слѣдующіе: любовь къ какой-нибудь женщинѣ, которую поэтъ скрываетъ подъ вымышленнымъ именемъ, при чемъ въ этомъ имени, очевидно, избѣгалось созвучіе съ настоящимъ. Если Беатриче и Лаура — *senhal*, то женщины, которыхъ поэты воспѣли подъ этими прозвищами, назывались не Беатриче и не Лаурой. Факты подтверждаютъ это по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что принятое отождествленіе поэтической Беатриче съ *Beatrice de' Portinari* и Петрарковой Лауры съ Лаурой de Sade не выдерживаетъ никакой критики и должно быть отвергнуто. Тѣмъ не менѣе можетъ остаться фактъ любви и увлеченія къ-то, кого назвали впоследствии Лаурой и Беатриче, любви, которая въ одномъ случаѣ отразилась въ памяти поэта такъ-сказать старанно, какъ сюжетъ для риторическо-художественнаго анализа, въ другомъ представляется дѣйствительно развивающеюся и въ жизни, и въ отраженіяхъ поэзіи, отъ робкаго, нѣсколько мистическаго чувства, зародившагося при первой встрѣчѣ, до просвѣтленія въ символъ. Мистическій колоритъ того чувства принадлежитъ несомнѣнно ретроспективной идеализаціи, но имѣемъ ли мы право сомнѣваться въ существованіи самого чувства? Встрѣчи Данте, Петрарки, Боккачіо съ дамами ихъ сердца и помысловъ отзываются общимъ мѣстомъ, которое легко, напризмѣръ, найти

въ греческихъ романахъ; возможность самаго факта встрѣчи о тѣмъ не менѣе не заподозрѣнною. Чтобъ имѣть право все это гнать, необходимы либо доказательные факты, которыхъ нѣтъ убѣжденіе, что полное, ясное уразумѣніе достигается лишь штрицація. Мы имѣемъ въ виду опять же поэтическую біографію (Объяснить реальную Беатриче на пути ея постепеннаго одухненія въ символъ — дѣло не легкое, не обходящееся безъ нѣскогаданій и оставляющее пробѣлы въ объясненіи; но едва ли не гаданія въ построеніи Бартоли, которое усвоить и развивая ньеръ (вып. 6, стр. 391 и слѣд.), построеніи, сплошь обраща Дантову Беатриче въ символъ, выходящемъ въ небесной Б не что иное, какъ „l'universalità dell' ideale femminile“. Мы ошибаться, но въ этомъ толкованіи больше гаданія, чѣмъ ф какъ ни остроумны сами по себѣ доводы толкователей.

Предоставляя себѣ вернуться къ этому вопросу при другой чаѣ, укажемъ на выдающіяся статьи и рецензіи, появившія: первыхъ семи выпускахъ новаго журнала.

Статья Tommaso Casini: La coltura bolognese dei secoli XII (вып. 1, стр. 5 и слѣд.) представляетъ хорошій сводъ болѣе и нѣе извѣстныхъ данныхъ о Болоньѣ, какъ учено-литературномъ трѣ въ XII—XIII столѣтіяхъ. Изъ разказа De obsidione Ancer. p. 14) мы привели хорошепый аналогъ въ нашихъ „Замечаніяхъ по литературѣ и народной словесности“ гл. 4: Къ вопросу о логгахъ Киприлла, о которыхъ говорить мимоходомъ и Райна (стр. 2 прим. 1); въ нашей замѣткѣ есть кое-какія новыя даныя этому вопросу. Нѣсколько рецензій посвящено сочиненіямъ о велии и его эпистоляріи (вып. 1, стр. 112 и слѣд.; вып. 3, стр. слѣд.; вып. 4—5, стр. 175 и слѣд.), хотя вообще XVI вѣкъ прележь сравнительно слабо: небольшая работа Ферраи (Ferrai): *vinezza di Logenzino de' Medici* затѣяна хорошо, но какъ-то скомкана въ концу. Монографія Кледа (Clédat) вызвана Новати общепіямъ о хроникѣ Салимбене и объ опущеніяхъ въ единствѣ его изданіи 1857 г. (вып. 3, стр. 381 и слѣд.), тогда какъ Д (D'Ovidio) (вып. 4—5, стр. 1 и сл.) выставилъ новыя факты въ подленіе взгляда, высказаннаго уже другими—о томъ, что такъ-имый „провансальскій Донатъ“ составленъ былъ въ Италіи. Небрикой *Varietà* сообщается цѣлый рядъ новыхъ, иногда интересныхъ данныхъ. По поводу описанія А. Графомъ извѣстнаго чернованика (Zibaldone), приписаннаго Antonio Pucci, замѣтимъ, что

вокъ (вып. 2, стр. 284—285), который Графъ сближаетъ съ легендой о трехъ инокахъ, ходившихъ въ земной рай, по всей вѣроятности, пересказанъ изъ какого-нибудь текста житія св. Макарія Римскаго.

Собственно народной литературѣ, находящей приютъ, на примѣръ, на страницахъ журнала *Romania*, новый журналъ не отвелъ у себя особой рубрики. Впрочемъ для нея существуетъ въ Италіи извѣстный органъ, Архивъ Питрѣ, о появленіи котораго своевременно было заявлено въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 г., январь ¹⁾. Съ тѣхъ поръ движеніе въ пользу такъ-называемаго *folk-lore* широко охватило Францію и Испанію: въ Испаніи образовались провинціальныя общества для изученія мѣстнаго *folk-lore*, въ Италіи — *Società per lo studio delle tradizioni popolari in Italia*. Спѣшимъ поздравить поворожденное общество съ его рѣшеніемъ—отказаться отъ ничего не значущей клички *folk-lore*, которую увлеклись однако во Франціи и въ Испаніи. Въ этомъ движеніи стѣ нѣчто страстно-юношеское, жажда новыхъ откровеній и нѣчто подобное той *fureur de l'inédit*, о которой не такъ давно говорилъ Брюнетъеръ.

Новое движеніе выразилось естественно въ появленіи или и обновленіи повременныхъ изданій, посвященныхъ разработкѣ подлежащихъ вопросовъ. Въ Испаніи ихъ затѣано нѣсколько: *El folk-lore andaluz*, *El folk-lore fregenal* и др.; во Франціи съ апрѣля мѣсяца снова ожива покойная *Méluşine*; въ Италіи появился съ прошлаго года небольшой органъ, такого же содержанія, украсившій себя именемъ стараго италіанскаго сказочника: *Giambattista Vassile*; наконецъ, Северино Феррари затѣвалъ изданіе памятниковъ италіанской народной поэзіи, сохранившихся въ рукописяхъ и старопечатныхъ текстахъ ²⁾. Первенство надо всѣми этими изданіями по прежнему принадлежитъ Архиву Питрѣ, на послѣдніе выпуски котораго (томы II и III) мы и обратимъ вниманіе:

Прежде всего укажемъ на предлагаемое ими собраніе матеріаловъ, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ первый опытъ изданія сардинскихъ сказокъ въ діалектическихъ текстахъ, опытъ, принадлежащій Гуарнеріо (*Guarnerio*) (II, I, стр. 19 и слѣд.; II, II, стр. 185 и слѣд.; II, IV, стр. 481 и слѣд.), и цѣлый рядъ любопытныхъ обрядовыхъ и бытовыхъ сооб-

¹⁾ *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari*, издаііе Pitrè и Salomone Marino.

²⁾ *Severino Ferrari—Biblioteca di letteratura popolare italiana*, anno 1-mo.

щений: объ обрядахъ перваго мая въ Сициліи (II, III, стр. 419 и слѣд., сл. тамъ же, стр. 470b замѣтку по поводу Folk-lore Journal), о народномъ празднованіи новаго года въ Piano di Sorrento: на капустѣ двѣ женщины ходятъ пѣть и славить по домамъ подъ звукъ бубна, а на утро тѣмъ же занимаются толпы мальчинокъ, съ вѣтками лавра въ рукахъ: пожелавъ кому-нибудь здоровья и счастья, они подаютъ ему вѣтку или листокъ лавра, приговаривая: 'O laugo a tuje e'a 'nferta a mel (II, III, стр. 359 и слѣд., сл. II, I, стр. 151, замѣтку о французскихъ обрядахъ на новый годъ). Эти подробности не столько же интересны для вопроса, подытаго въ нашихъ „Разысканіяхъ“, VII, какъ и старыи сициліанскій обычай, что въ день св. Антонія назали себѣ лицо сажей и красною краскою (terra rossa) и одѣвались въ козлиныя шкуры (II, III, стр. 392). Эти замарашки (inzonzelli), несомнѣнно, наслѣдіе старыхъ календѣ, передавшихъ часть своего бытоваго обихода популярному нынѣ карнавалу. Для его обрядности Архивъ представляетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. Въ Калабріи, въ послѣдніе дни карнавала, какой-нибудь мужчина ридится старухой, одѣтою въ чернос, съ веретеномъ въ рукахъ, на которое намотаны очески. Старуха прядетъ и плишетъ и поетъ Giannagiàna, комическій стихотворный діалогъ, въ которомъ Giannagiàna является такимъ же олицетвореніемъ Поста Quaresima, какъ сербская баба Коразма (II, I, 68—69). Въ Калабріи послѣдній день карнавала посвященъ его похоронамъ: на носилкахъ несутъ челоуѣка, съ лицомъ, вымазаннымъ мукою, съ оборванною шлшой на головѣ и вертеломъ въ рукахъ, на который насажены сосиски, куски свиного сала и т. п. У каждаго дома носилки останавливаются; за ними шествуетъ плакальщикъ, превозносящій въ импровизованной пѣснѣ качества покойнаго, и цѣлая толпа народа. Иначе совершаются проводы карнавала въ Палермо: роль его исполняетъ мужчина, между ногъ котораго прикрѣпленъ свертокъ бумаги въ видѣ факела, притомъ такъ, что большій его конецъ выходитъ назадъ; этотъ-то потухшій факель пытаются попеременно другъ передъ другомъ зажечь люди, сопровождающіе карнавалъ и вооруженные свѣчками. Черезъ каждые два-три шага карнавалъ останавливается и кричитъ:

Addunami stu meccia,
Si tu m' 'u pò' addunà!

(Зажги ка мнѣ эту свѣтильню, коли можешь зажечь ее). Но попытки остаются безуспѣшными, и карнавалъ шествуетъ далѣе, приговаривая съ самодовольствомъ:

'Un m' 'n pò' addumari, no!

(Не зажечь тебѣ, нѣтъ!) Сл. II, II, 182—183.

Caterina Pigorini Vergi, авторъ недавно явившихся хорошенькихъ путевыхъ этюдовъ по Калабріи, даетъ въ *Archivio* III, I, стр. 110—111, нѣсколько свѣдѣній о ряженыхъ на маслинцѣ въ Маркахъ: они ходятъ обществами, подъ руководствомъ избраннаго вождя или головы; между ними всегда есть одинъ, ряженный калѣвкой или горбатымъ, въ дурачкомъ костюмѣ: это шутъ, надъ которымъ другіе потѣшаются, награждая палочными ударами его спину, защищенную мѣшкомъ съ паклей; онъ отвѣчаетъ такими же остротами и отбивается отъ пристающихъ. Маски сдѣланы обыкновенно изъ толстой бумаги, испятнаны всевозможными красками и снабжены четырьмя отверстиями; иногда ихъ замѣняетъ покрывало или повязка. Нарядъ мужчинъ нѣсколько воинственный: на нихъ бумажные шлемы съ плюмажемъ изъ лентъ или перьевъ индѣйскаго пѣтуха; женщины въ старомодныхъ соломенныхъ шляпахъ съ цвѣтами, пестрыхъ шарфахъ и юбкахъ, приподнятыхъ лентами, очевидно, изображаютъ сивьоръ; у всякой семьи хранятся въ сундукахъ всякаго рода древній скарбъ, специально назначенный для маскированія. Вооруженные палками, которыми они отбиваются отъ назойливыхъ любопытныхъ, ряженые пляшутъ il saltarello (иначе: sprunta pie'), вступая попарно въ кухню дома, гдѣ ихъ уже ожидаютъ; впереди идутъ ихъ „атаманъ“ и музыканты. Когда всѣ вошли, они начинаютъ плясать родъ кадрили (fallo in sei), которая танцуетъ лишь въ пору карнавала, при чемъ всѣ молчать, чтобы не выдать себя; молчаніе прерывается, и маски снимаются, когда хозяинъ подаетъ блюдо загітныхъ scarcafusi: кушанье изъ тѣста, замѣшапнаго на яицѣ, варенаго и затѣмъ поджаренаго въ жиру и парѣзаннаго полосками. Scarcafusi—то-есть, смотай веретено; на то была зима, а теперь настаетъ время тканья и сладкой дремн; по пословицѣ, мартъ и апрѣль—время „dello bello tesse“ e dello dolce dormire. Такъ объясняетъ авторъ значеніе и названіе обрядоваго блюда; припомнимъ, съ своей стороны, веретено въ рукахъ старухи калабрійскаго карнавала; подобное ряженіе и тотъ же символъ встрѣчаются уже въ описаніи обрядности греко-римскихъ календъ.

Драматическій обрядовой моментъ, ярко сказывающійся въ обиходѣ карнавала, естественно привлекалъ къ себѣ другія игры того же характера, относительно которыхъ можетъ быть поднятъ вопросъ: привлечены ли онѣ случайно къ празднованію карнавала, или унаслѣ-

дованы имъ изъ болѣе древней обрядности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи о масляницѣ являются раженые, представляющіе двѣнадцать мѣсяцевъ; при нихъ выступаетъ иногда и старикъ, изображающій собою годъ; каждый изъ нихъ говоритъ о себѣ, характеризуя свои особенности, дары или невзгоды, приносимые имъ людямъ (сл. II, II, стр. 239 и слѣд.; II, III, стр. 468; II, IV, стр. 563). Д'Анкона видитъ въ этой игрѣ родъ тѣхъ *contrastî*, которые до сихъ поръ столь распространены въ италіанской народной поэзіи. Замѣтимъ однако, что въ настоящемъ случаѣ все ограничивается діалогомъ или, лучше сказать, рядомъ заплелій, и нѣтъ драматическаго момента спора или дѣйствія, какими отличаются, напримѣръ, нѣмецкій „споръ лѣта и зими“; нѣтъ и того движенія, какое находимъ, напримѣръ, въ сказкѣ о двѣнадцати мѣсяцахъ, извѣстной въ различныхъ пересказахъ, между прочимъ—въ чешскомъ и абруцкомъ (*De Nino, Usi e costumi abruzzesi*, vol. 3-e, № XXXIV). Замѣчательнъ и самый сюжетъ: перекличка и характеристика двѣнадцати мѣсяцевъ въ періодъ карнавала; едва ли мы не имѣемъ дѣло съ остаткомъ обрядности календѣ, открывавшихъ новый годъ и сопровождавшихся, какъ извѣстно, гаданіями о будущемъ. Перечень двѣнадцати мѣсяцевъ, различными образомъ опредѣлявшихъ судьбу аграрнаго года, понятіе въ этой связи, чѣмъ въ той, въ какую поставило его нынѣ позднѣйшее передвиженіе обрядоваго календаря.

При характеристикѣ современныхъ обрядовъ и повѣрій нельзя упустить изъ виду возможности такихъ передвиженій и историческихъ наслоеній. Говорю это по поводу мнѣнія, высказаннаго Дорзой (*La tradizione greco-latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria citeriore*, Arch. II, I, стр. 39 и слѣд.; II, IV, стр. 529 и слѣд.), который слишкомъ часто привязываетъ калабрійскіе обычаи и вѣрованія непосредственно къ ихъ классическимъ прототипамъ, тогда какъ между тѣми и другими необходимо предположить періодъ посредствующей выработки, въ чемъ нерѣдко принимала участіе и церковь. Нѣтъ ничего легче, какъ предположить связь между памятью о языческой Венерѣ и мѣстными названіями: *Santa Venere* или *Venerina*, *Porto Venere* и т. под.; но необходимо предварительно уяснить себѣ образованіе легенды о св. Венерѣ-Параскенѣ, гдѣ нѣтъ ничего напоминающаго классическую богиню, съ которою мало имѣютъ общаго и греко-румыно-славянскія представленія о Венерѣ-Параскенѣ. Это общее, впрочемъ, крайне интересно, и мы впервые познакомились съ нимъ изъ сообщеній Дорзы: въ населенной Албанцами *Santa*
часть ссxxxiv, отд. 2.

Sofia di Epige есть улица и церковь имени св. Венеры; проходя мимо нея или собираясь въ нее въ день празднованія святой (27-го іюля), дѣвушки обращаются къ ней съ такою молитвой: „Матушка св. Венера, мы пришли къ тебѣ съ горячею молитвой: всѣ наши товарки повѣшили замужъ и удалились—пошли и намъ судьбу и не оставь насъ, что корыто съ бѣльемъ въ рѣкѣ“. Такъ поютъ италянскіи Албанки; такъ пѣли, вѣроятно, еще ихъ прабабушки въ Албаніи и Греціи. Не изъ Италіи же, не изъ страны воспоминаній о Венерѣ, пришли къ намъ причитанія нашихъ дѣвушекъ къ Парасковѣ-Венерѣ: „Пятница Параскева, покрой меня поскорѣе!“ то-есть, пошли мнѣ жениха.

Поздняго, греческаго происхожденія оказывается и празднованіе русалій въ албанскихъ колоніяхъ Калабріи, что не мѣшаетъ Дорѣ говорить объ антестеріяхъ и флораліяхъ. Празднуютъ русалии въ три первые дня Пасхи; ихъ старое названіе gusalet—русалия, теперь полузабытое, уступило мѣсто другому: picizit или veschiagelli. Главная роль въ обрядѣ принадлежитъ парнямъ, одѣтымъ въ военный костюмъ восточнаго стиля, и женщинамъ, которыя, сплетая руками, исполняютъ древній народный танецъ (valla), двигаясь по улицамъ, заходя и въ дома. Тѣ и другія пляшутъ подъ звуки пѣсень, исполняемыхъ антифонически, старыхъ воинственныхъ пѣсень, восходящихъ къ XV вѣку, къ памяти о подвигахъ Скандербега, Константина и др. Группой юношей, picizit, руководятъ старикъ, не ряженый, толпой женщинъ—юноша; къ нимъ присоединяются еще ряженые, съ лицами, вымазанными мѣломъ, мукой или сажей, одѣтые въ козы шкуры, съ колокольцами и погремушками у пояса; въ рукахъ у нихъ разнаго рода кухонная утварь, руки замазаны сажей: прохожіе испытываютъ то и другое на себѣ и не сердятся на злые шутки и прибаутки, столь же традиціонныя въ этомъ обрядѣ, какъ и музыкальный инструментъ, родъ свирѣли, сдѣланной изъ коры фиговаго дерева; подъ звуки этой свирѣли медленно движутся picizit, прежде чѣмъ пуститься въ пляску. Періодъ gusalet открывается въ полночь съ великой субботы на Христовъ день, когда по греческому обычаю колоколъ возвѣститъ о Христовомъ воскресеніи. И вотъ, въ то время, какъ съ одной стороны группы набожныхъ поютъ подъ окнами спящихъ „Христосъ воскресъ!“ (Χριστός ἀνέστη), другіе пляшутъ по деревнѣ, приглашая повеселиться: „Сегодня, красавица, воскресенье, Христово воскресенье. Проснитесь же юноши и пойте, проснитесь, дѣвушки, и начинайте плясать. Кто не успѣлъ принарядиться въ праздничное платье, пусть остается дома“, и т. д. Во вторникъ вечеромъ праздникъ кончается

грустно пѣсней: „На будущій годъ, объ это время, одни изъ насъ еще будутъ въ живыхъ, другихъ не будетъ; но хоть и малое числомъ, мы не посрамямъ нашихъ товарищей“.

Знакомя съ содержаніемъ послѣднихъ выпусковъ Архива, мы остановились преимущественно на отдѣлѣ обрядовыхъ сообщеній, минуя другіе, посвященные, напримѣръ, библиографіи и сравнительно-исторической разработкѣ того или другаго повѣствовательнаго сюжета. Укажемъ, въ восполненіе этого пробѣла, на три небольшія работы, любезно доставленныя намъ ихъ авторами.

Двѣ изъ нихъ касаются старо-христіанскаго романа о Варлаамѣ и Иосафѣ, о которомъ намъ приходилось говорить на страницахъ этого журнала (1877 г. іюль). Браунгольцъ ¹⁾ избралъ темой своей диссертациіи его первую, „не христіанскую“ притчу, источники которой онъ находитъ въ буддистскомъ разказѣ (стр. 4—7). Авторъ слѣдуетъ даѣе за ея различными европейскими отраженіями; отношенія италіанскаго пересказа къ его предполагаемому провансальскому оригиналу, будутъ, вѣроятно, болѣе полно мотивированы въ книгѣ, въ которую авторъ предполагаетъ преобразовать свою диссертацию.

Другая притча Варлаама дала сюжетъ для небольшого этюда Гастона Париса, прелестно написаннаго и изданнаго, въ подражаніе извѣстному италіанскому обычаю, по случаю свадьбы, какъ брачный подарокъ ²⁾. Дѣло идетъ объ извѣстной темѣ: птичка, попавшаяся въ руки охотника, либо хозяина сада, предлагаетъ, въ видѣ выкупа за свою свободу, три житейскія правила, сводящіяся къ слѣдующимъ: не гонись за недосигаемымъ, не плачься о безвозвратно утраченномъ, не вѣрь въ невѣроятное (стр. 36). Эти правила она возвѣщаетъ пойманному ея—уже находясь на свободѣ, и тутъ же прибавляетъ, что тотъ не отпустилъ бы ее, кабы зналъ, какой драгоценный и притомъ объемистый камень или жемчужину онъ нашелъ бы въ ея внутренностяхъ. Хозяинъ въ отчаяніи, что выпустилъ изъ рукъ такое сокровище, хотѣлъ бы снова заманить къ себѣ птичку, а та глумится надъ его простотой и перазуміемъ: гдѣ же такому большому камню помѣститься въ столь малой птичкѣ? Сказано: не вѣрь невѣроятному. Эти данныя стараго аполога своеобразно разработаны въ старо-французскомъ lai, изданномъ Парисомъ. Хозяинъ велико-

---

¹⁾ *Braunholz*, Die erste nichtchristliche Parabel des Barlaam und Iosaphat, ihre Herkunft und Verbreitung. Halle. 1883.

²⁾ Le lai de l'oiselet, poème français du XIII-me siècle. Paris. 1884.

дѣльнаго сада, гдѣ пость птичка, виланъ, то-есть, по понятіямъ ридарскаго общества, нѣчто грубое и неотесанное, жалкое, далекое отъ понятій *courtoise* и поэзіи, къ которой такъ присталъ и смѣющійся садъ, и птичье щебетанье. Стоитъ вилану протянуть руку ко всей этой прелести, и она исчезнетъ; въ *lai* птичка-совѣтница не только глумится надъ крестьянникомъ, но и улетаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ блекнетъ и самый садъ, точно онъ жилъ пѣсней птички:

*Les fusilles cheffrent don pint,
Li vergiers failli et secha,
Et la fontaine restancha.*

Авторъ (р. 56—57) говоритъ по этому поводу о символикѣ птицы въ народной пѣснѣ, и о птицѣ въ восточныхъ эротическихъ или мистическихъ аллегоріяхъ. Какимъ только путемъ проникли онѣ на Западъ? (стр. 57). А какимъ путемъ проникъ туда же византийскій эротическій романъ о *Floire et Blanceflor*, на который въ послѣднее время снова обратили усиленное вниманіе по поводу вопроса объ источникахъ Боккачіева *Filosoro*? Герцогъ ¹⁾ посвятилъ ему особую, чрезвычайно добросовѣстную монографію, въ которой подробно разсматриваетъ двѣ рецензіи романа; изъ нихъ одна была извѣстна въ Италіи еще до Боккачіо, а обѣ дали ему матеріалъ для художественнаго свода. То, что онъ говоритъ о „*regerendo Illario, il quale.. in greca lingua scrisse i cosi del giovane Re*“, остается въ области его вымысла: его источниками были тексты, уже нересказанные съ предполагаемаго греческаго подлинника. Что въ 1338 году, когда написанъ *Filosoro*, Боккачіо могъ лишь плохо знать греческій языкъ, это въ счетъ не идетъ, а лишь переноситъ вопросъ на другую почву. Положимъ, неаполитанская греческая колонія съ монахомъ Варлаамомъ была плохую школой; но едва ли лучшую прошелъ тотъ анонимный пересказчикъ, который впервые познакомилъ Западъ съ приключеніями *Floire et Blanceflor*. Пересказчикъ не есть eo ipso переводчикъ, и требованія знанія языка у перваго иныя, чѣмъ у втораго.

Нѣкоторыя изъ точекъ зрѣнія, указанныхъ Герцогомъ, были уже высказаны Крешини въ небольшомъ этюдѣ объ отношеніяхъ *cantare di Fiorio e Biancifiore* къ источникамъ Боккачіева романа. Ему же принадлежитъ интересная поправка къ поэтической и реальной біографіи Боккачіо ²⁾. Въ Боккачіевомъ „Видѣніи Любви“

- ¹⁾ *Herzog*, Die beiden Sagenkreise von Flor und Blancheffleur. Eine litterarhistorische Studie. Wien. 1884.

²⁾ *Crescini*, Due studi riguardanti opere minori del Boccaccio. Padova. 1882.

(Amorosa Visione) являлась кавал-то Lucia, которую отождествляли съ Ліей (Lia) его же пасторами, Ameto, заставляя послѣднюю играть какую-то роль въ исторіи увлеченій и привязанностей поэта. Антопа-Траверзи остановился на вопросѣ о Ліи, которую придется совершенно исключить изъ сердечной біографіи Боккачіо, тогда какъ Креппани доказалъ, что подѣ Лучіей „Видѣнія“ слѣдуетъ разумѣть Фіамметту, и что самое имя ея есть результатъ недоразумѣнія, слишкомъ долго удержавшагося въ исторіи литературы: не Lucia—а lucia, вм. lucea, то-есть, сіяла: вмѣсто обычнаго

Si eccellente o tanto graziosa
Quivi a lato ad Amor vidi Lucia

(я видѣлъ: рядомъ съ Амуромъ стояла прекрасная и граціозная Лучія) слѣдуетъ читать:

Si eccelente e tanto graziosa
Quivi a lato ed Amor vidi lucia

(я видѣлъ: рядомъ съ Амуромъ стояла она, прекрасная, граціозная и сіяющая), что подтверждается и вариантомъ одной рукописи конца XIV вѣка (Magliabech. II, II, 28), гдѣ вмѣсто lucia читается lucea. Послѣднимъ сообщеніемъ мы обязаны рукописной замѣткѣ автора, внесенной имъ въ нашъ экземпляръ его этюда.

Тщательный разборъ частныхъ, повѣрка положеній, послѣдовавшихъ какъ аксіомы, особливо же работы надъ рукописнымъ матеріаломъ, обѣщаютъ еще много новыхъ открытій въ біографіи Боккачіо. Для насъ есть старый трудъ Вальделли, небольшой очеркъ Витто, повня работы Ландау и Кертинга, наконецъ Антона-Траверзи, который обставилъ свой переводъ книги Ландау такими обстоятельными комментаріями, что обратилъ ее въ новую книгу, замѣняющую собой цѣлую бібліотеку. Заслуга этого рода сводовъ не столько въ ихъ положительной, такъ-сказать, строительной сторонѣ, сколько въ отрицательной, въ указаніи того многого, что мы еще не знаемъ. Отвѣчая одному изъ критиковъ своего перевода, Антона-Траверзи собралъ цѣлый рядъ вопросовъ, относительно которыхъ критики еще не пришли къ положительному заключенію. Спорятъ о годѣ и мѣстѣ рожденія Боккачіо, о томъ, былъ ли онъ законнымъ или не законнымъ сыномъ своего отца, была ли его мать Француженка или пѣтъ; о времени его перваго знакомства съ Маріей-Фіамметтой; о хронологической послѣдовательности его мелкихъ лирическихъ піесъ и т. п. На нѣкоторые изъ этихъ спорныхъ пунктовъ обратилъ вниманіе

Антоня-Траверзи въ цѣломъ рядѣ статей¹⁾. Авторъ рьяно защищаетъ противъ Кертинга реальность отношеній, существовавшихъ между Боккачю и его Фіамметтой. Это дѣло вкуса, но во всякомъ случаѣ, когда трудами Антона-Траверзи и другихъ будутъ собраны матеріалы для новой біографіи Боккачю, вопросъ о его нравственности или безнравственности удалится въ подобающія границы. Образъ Боккачю, человѣка и поэта, отъ этого лишь выиграетъ.

Александръ Веселовскій.

---

¹⁾ Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: *Antonia Traversi. La Lia dell' Ameto; Cicero pro domo sua* (отвѣтъ критику *Rassegna Settimanale*); *Della patria, della famiglia e della povertà di Giovanni Boccaccio. Firenze 1881; Il Boccaccio a Napoli presente all'esame del Petrarca. Ancona, 1881; Di una cronologia approssimativa delle rime del Boccaccio. Ancona. 1883.*

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

И. Поддубнаго. Учебный атласъ Россіи. С.-Петербургъ. 1884. Цѣна 1 р.

Составитель учебнаго атласа Россіи, г. Поддубный, уже давно трудится надъ усовершенствованіемъ картографическаго метода преподаванія географіи. Лѣтъ десять тому назадъ имъ изобрѣтенъ былъ особенный аппаратъ для приготовленія на классной доскѣ географическихъ сѣтокъ. Въ 1880 г. имъ издана была, приспособленная къ домашнему употребленію, доска для черченія географическихъ картъ, частей свѣта и отдѣльно каждаго государства. Новый трудъ г. Поддубнаго преслѣдуетъ болѣе обширныя цѣли, и при дальнѣйшемъ усовершенствованіи можетъ много содѣйствовать улучшенію преподаванія географіи Россіи въ нашихъ школахъ. Кромѣ общей всѣмъ атласамъ задачи, г. Поддубный преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы, при помощи графическихъ знаковъ, нагляднѣе представить всѣ наиболѣе выдающіяся особенности материка Россіи, наиболѣе выдающіеся населенные пункты, всѣ виды промышленности Россіи и, наконецъ, невозможныя статистическія данныя, касающіяся нашего отечества. Задача эта осуществлена на 20 страницахъ, въ объемѣ полулиста, при помощи 130 картъ, діаграммъ и плановъ разныхъ размѣровъ. Такъ, на первомъ листѣ атласа, вмѣстѣ съ основною картою Европейской Россіи, помѣщаются малыя карты „почвенной Россіи, южнаго берега Крыма, истоковъ и устьевъ Волги, Днѣпровскаго лимана, окрестностей Петербурга и Москвы“ и, наконецъ, діаграммы, представляющія сравнительную высоту горъ Европейской Россіи, сравни-

---

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

представляться весьма мало, такъ какъ побочныя или дополнительныя карты изображены въ значительно меньшемъ масштабѣ и по причинѣ отсутствія даже основныхъ физическихъ данныхъ будутъ представляться ученикамъ совершенно другою картою по сравненію съ основною. Диаграммы, по нашему мнѣнію, въ IV классѣ могутъ имѣть больше примѣненія, чѣмъ специальныя карты. Педагогическій тактъ подскажетъ каждому преподавателю, какими діаграммами онъ можетъ воспользоваться при начальномъ прохожденіи географіи Россіи, и какими при повтореніи ея.

Невѣрности и неточности въ такомъ сложномъ трудѣ, и притомъ не имѣющемъ себѣ образца, неизбежны. Для примѣра укажемъ недостатки на первомъ листѣ. Основная карта носитъ названіе „Физической карты Европейской Россіи“, а между тѣмъ на картѣ изображенъ и Кавказскій край, который относится къ Азіатской Россіи. Далѣе на той же картѣ нѣтъ сѣвернаго полярнаго круга, горь Олонецкихъ, Каменной гряды, Чатырь-Дага, важнаго для норвежскихъ рыболововъ залива Варангера, рѣки Угры и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ; высота суши обозначена въ футахъ, а глубина морей въ сажняхъ; это послѣднее тѣмъ болѣе странно, что на картѣ Азіатской Россіи глубина морей обозначена въ футахъ. Встрѣчаются опечатки: Николскъ вмѣсто Никольскъ, Сальвычегодскъ вмѣсто Сольвычегодскъ, Елизаветополь вмѣсто Елизаветполь. Гидрографическая часть карты теряетъ много въ наглядности оттого, что рѣки изображены не черною краскою, а сипею. На малой картѣ „Почвенная Россія“ также встрѣчаются неточности. Такъ, черноземная почва захватываетъ всю Бессарабію, чего въ дѣйствительности нѣтъ; въ Привислянскомъ краѣ не показано каменистой почвы, хотя тамъ и есть горы. На другой побочной картѣ, изображающей дѣленіе Европейской Россіи на области, не внесены губернскіе города, вслѣдствіе чего карта лишается смысла. На діаграммѣ, представляющей относительную длину рѣкъ, не показано ни одной закавказской рѣки, хотя на основной картѣ Закавказскій край помѣщенъ. На картѣ „Окрестности Петербурга“ Вааламъ не нашелъ себѣ мѣста, хотя и легко было бы внести его.

Сборникъ арифметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. 1812 зад. и болѣе 3500 численныхъ примѣровъ. Составилъ *Т. Лубенца*. Изданіе третье, исправленное. С.-Пб. 1884 г. Стр. 209 въ 8-ку. Цѣна 40 коп.

Второе изданіе этого задачника, появившееся въ печати въ 1883 году, было уже рассмотрѣно, и отзывъ о немъ былъ напечатанъ

въ февральской книгѣ Ж. М. Н. Пр. за 1884 г. Въ разборѣ этомъ указаны были какъ достоинства, такъ и недостатки 2-го изданія этого задачника.

Въ вышедшемъ нынѣ въ свѣтъ третьемъ изданіи того же задачника отпечатанномъ въ 1884 году, нѣкоторые изъ указанныхъ неточностей и недосмотровъ предшествовавшаго изданія исправлены авторомъ, но къ сожалѣнію, устраниены только тѣ недосмотры, о которыхъ упоминалось въ рецензіи, тогда какъ весь задачникъ требовалъ тщательнаго просмотра и исправленія, да притомъ же и самыя исправленія сдѣланы не съ достаточною точностью и осмотрительностью.

Чтобы показать, въ какой степени небрежно отпечатано это послѣднее рассматриваемое здѣсь изданіе, и какъ неудовлетворительно исправлены авторомъ нѣкоторые изъ указанныхъ въ прежней рецензіи недосмотровъ, представимъ нѣсколько выписокъ.

Во второмъ изданіи (1883 г.), при перечисленіи достоинствъ нашихъ „кредитныхъ билетовъ“ (стр. 282 втор. изд.) авторъ присовокупляя невѣрную замѣтку, что „кредитные билеты, или бумажки, имѣютъ равную цѣнность съ золотомъ и серебромъ“. Въ рецензіи указано было на невѣрность этого заключенія. Въ рассматриваемомъ третьемъ изданіи авторъ замѣняетъ эти слова слѣдующими: „Кредитные билеты, или бумажки, до послѣдняго времени имѣли почти равную цѣнность съ золотомъ и серебромъ“ (стр. 48 и 192). Поправка эта невѣрна и показываетъ, что авторъ совершенно незнакомъ ни съ колебаніемъ нашей валюты, ни съ исторіей паданія курса нашего кредитнаго рубля.

Тутъ же, на стр. 192, находимъ, что „новый стиль принять во всѣхъ Христіанскихъ государствахъ Европы и Америки“, — что не вѣрно и не согласно съ прежними показаніями автора.

На стр. 183 читаемъ: „одинъ кубическій футъ равняется по объему 1 четверику“, тогда какъ кубическій футъ = 1728 к. д., а четверикъ содержитъ въ себѣ только 1600 куб. д.; точность эта осталась не исправленною.

Въ примѣрномъ вычисленіи площадей, на стр. 180, въ политипажѣ, изображающемъ чертежъ мѣстности, у треугольника III, основаніе показано „48 с.“, тогда какъ должно было поставить 84 сажени.

На страницахъ 48 и 191, въ статьѣ о золотыхъ монетахъ, цѣнность русскаго червонца показана равною „3 руб.“. Такъ какъ прочіи золотыя монеты показаны въ номинальной цѣнѣ золота противъ

серебра, то-есть, имперіаль — въ 10 р. 30 к., а полуимперіаль — въ 5 р. 15 к., то обозначенная цѣна червонца „въ 3 руб.“ оказывается несогласною съ вышеуказанными цѣнами золотыхъ монетъ. Какъ означенныя цѣны имперіала и полуимперіала, такъ и цѣну червонца въ 3 р. 9 коп., мы называли „номипальными“, такъ какъ ни одно банкирское учрежденіе, ни государственный банкъ въ настоящее время не отдадутъ трехрублеваго червонца за три металлическихъ рубля съ приплатою девяти копѣекъ.

Наконецъ, въ статьѣ о золотыхъ монетахъ цѣнность имперіала (на стр. 48) показана равною „6 р. 15 коп.“ Это уже очевидная ошибка.

Указанный нами въ предшествовавшей рецензій образецъ счета крестьянина Барсукова, съ повторяющимися расходами на водку цѣлыми ведрами, мы признавали неумѣстнымъ для дѣтей; авторъ измѣнилъ этотъ счетъ, назначивъ крестьянину Барсукову, вмѣсто прежнихъ „трехъ“ ведеръ водки, только „полтора“ ведра (и этого, конечно, болѣе чѣмъ достаточно); но за то оба итога счетовъ оказались невѣрными.

Множество словъ, имѣющихъ мѣстное или техническое значеніе, оставлено, по прежнему, безъ объясненія, напримѣръ, въ задачахъ подъ №№ 314, 316, 1458, 1602, 1603: „майданъ“, „лемехъ“, „дертъ“, „кряква“, „люцерпа“ и т. д.

Неудобнымъ находимъ мы также принятое авторомъ расположеніе чиселъ и именованій въ образцовыхъ примѣрахъ на раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ. Напримѣръ, на стр. 100, отъ умноженія 12 миль на 7 получается 84 версты, а отъ умноженія отвлеченнаго числа 42,000 на отвлеченное же число 7 получается 294,000 футовъ. На стр. 106, отъ дѣленія 633,218 золотниковъ на отвлеченное число 3 получаютъ лоты, а отъ дѣленія 211,072 лот. на отвлеченное число 32 получаютъ фунты.

Что касается хорошихъ сторонъ задачника г. Дубенца, то прежде всего нельзя не отнестись съ полною похвалою къ плану составленнаго имъ учебника: учащіяся, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ въ задачахъ дѣло съ ежедневными расчетами крестьянъ, при чемъ сообщаются необходимыя знанія для жизни каждаго земледѣльца, и такимъ образомъ дѣти пріучаются переносить ариметическія вычисленія въ практическую жизнь. Нельзя также не указать на весьма хорошо подобранные „матеріалы для самостоятельнаго составленія ариметическихъ задачъ“, въ которые входятъ необходи-

мыя въ сельскомъ хозяйствѣ свѣдѣнія (стр. 94—200). Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ:

1) Земледѣіе. Сюда вошли таблицы, показывающія количество сѣмянъ для посѣва на десятину, средній вѣсъ четверика сѣмянъ разнаго рода, число зеренъ въ фунтѣ и, конечно, приблизительно—величину средняго урожая сельско-хозяйственныхъ растений на одну десятину, при чемъ показаны средніе урожаи засѣвовъ ржи, пшеницы, овса и ячменя при трехпольномъ хозяйствѣ въ Россіи (губерніи Владимірская, Екатеринославская, Ярославская, Псковская), а также и въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ (напримѣръ, въ Германіи, Англии и Бельгіи).

2) Огородничество. Количество сѣмянъ и величина урожая съ пространства $\frac{1}{4}$ десятины. Число сѣмянъ овощей въ лотѣ и т. д.

3) Садоводство и лѣсоводство съ приложеніемъ сравнительной таблицы количества сельско-хозяйственныхъ работъ, производимыхъ: а) простыми орудіями и б) усовершенствованными орудіями.

4) Цѣна сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій.

5) Удобреніе.

6) Кормовыя нормы для скота.

7) Сельско-хозяйственныя производства: мука, крупа, крахмалъ, винокуреніе, масла разныхъ сортовъ и т. д.

8) Работы изъ лѣса: лыки, драпъ, лукошки и рѣшета, дуги, уголь, смола, скипидаръ, деготь и т. п.

Для составленія такого рода статей требовалось, конечно, не мало времени и наблюдательности. Подобныя свѣдѣнія, при болѣ тщательной обработкѣ, несомнѣнно, могли бы быть полезными не только для учащагося, но и для всякаго сельскаго хозяина, фабриканта, заводчика, управляющаго имѣніемъ и т. п. Вотъ причина, по которой изданія этого задачника слѣдуютъ весьма быстро одно за другимъ и, не смотря на крайне небрежное отношеніе редакціи къ учебному матеріалу этой книги, весьма быстро расходятся въ рабочемъ людѣ и между крестьянами. Задачникъ г. Лубенца можно считать за очень хорошую справочную книгу для сельскаго хозяина. Не то оказывается относительно примѣненія этого учебника къ преподаванію ариметики въ школахъ. Главными недостатками этого учебника надо считать спѣшность съ которою печатались послѣднія изданія, небрежность въ провѣркѣ задачъ, невнимательность къ корректурѣ и недостаточную точность въ научномъ отношеніи.

Чтобы фактами подтвердить сказанное, укажемъ, напримѣръ, на

множество невѣрныхъ рѣшеній въ предложенныхъ задачахъ. При бѣгломъ обзорѣ послѣднихъ 200 задачъ находимъ, что на задачи подъ №№ 1646, 1724, 1727, 1736 (гдѣ ошибочно поставленъ № 1536), 1757 и т. д., на стр. 208 и 209 даны невѣрныя рѣшенія. На стр. 191 читаемъ: „25 куб. дюймовъ вѣсятъ почти одинъ фунтъ“, но не сказано, о какомъ веществѣ тутъ идетъ рѣчь.

Касательно теоретическихъ указаній не можемъ не остановиться на таблицѣ (стр. 118), предлагаемой авторомъ подъ заглавiемъ „Таблица приведенiя дробей къ одному знаменателю“. Въ ней, во первыхъ, одинаковыхъ знаменателей не видно, а во вторыхъ авторъ не выяснилъ, какъ пользоваться этою таблицею для приведенiя, къ одинаковому знаменателю, напримѣръ, $\frac{5}{7}$, $\frac{1}{6}$ и $\frac{9}{11}$; самимъ же учащимся догадаться объ этомъ будетъ не легко.

На стр. 193 помѣщена таблица подъ названiемъ „Разчетъ дней въ году“. Устройство и употребленiе этой таблицы авторомъ также недостаточно выяснены: во первыхъ, не показано, что долженъ обозначать треугольникъ изъ чиселъ, находящiйся при нижнемъ основанiи квадрата, и какъ этими числами пользоваться; во вторыхъ, авторъ не оговорилъ, что эта таблица составлена только для простаго года, и не указано, какъ ею пользоваться въ томъ случаѣ, если въ вычисленiе входитъ годъ високосный; наконецъ, третьихъ, нижняя горизонтальная черта:

„| Декабрь | 31 | 62 | 0 | 121 | 151 | 182 | 212 | 243 | 274 | 304 | 33 |“

не вѣрна и потому приводитъ къ ложнымъ результатамъ.

Въ численныхъ примѣрахъ мы затрудняемъ себя выяснить, зачѣмъ авторъ въ двухъ рядомъ стоящихъ задачахъ или даже въ одной и той же задачѣ даетъ по нѣскольку разъ одинъ и тотъ же численный примѣръ; такъ, на стр. 62, въ задачѣ № 191 есть примѣръ $30 : 2$, и въ задачѣ № 192 находимъ тотъ же примѣръ. Въ задачѣ № 192 по два раза находимъ „ $0 : 2$ “ и „ $36 : 2$ “ (которые даже поставлены рядомъ). Такого же рода странности находятся и въ задачѣ № 202, гдѣ въ одномъ и томъ же столбцѣ по два раза повторяются примѣры 10×3 и 20×2 .

На опечаткахъ (которыя авторомъ или издателями не оговорены), мы останавливаться не будемъ, но не можемъ не указать хотя на главнѣйшiя невѣрности въ числахъ вообще и въ задачахъ, предложенныхъ для образца. На стр. 22 авторъ учить дѣтей считать черточки

или палочки и, поставивъ 69 черточекъ, говорить, что ихъ тутъ 70, и далѣе, поставивъ 79 черточекъ, насчитываетъ ихъ 80. На стр. 27, отъ дѣленія 80 на 4 получается въ частномъ 201, а отъ дѣленія двухъ нулей (00) на 5 получается въ частномъ 20. Даже въ таблицѣ умноженія, называемой авторомъ Пиф(а)горовою, находимъ, что $8 \times 2 = 91$ (стр. 76). На стр. 181, по двумъ параллельнымъ сторонамъ 20 с. и 100 с. предлагается вычислить площадь трапеціи, которой высота не дана, и т. п. ¹⁾.

Популярныя лекціи Жюна Тиндала. Тепло и холодъ. Матерія и сила. Съ дополненіями по французскому изданію *Муаньо*. Переводъ подъ редакціею профессора С.-Петербургскаго университета *Ө. Ө. Петрушевскаго*. Съ 28-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ *Н. В. Куньевымъ*. Второе изданіе. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 75 коп.

Второе изданіе перевода популярныхъ лекцій Тиндала совершенно тождественно съ первымъ. Оказывается, что издатель, предпринявъ второе изданіе, даже не увѣдомилъ о томъ г. Петрушевскаго, который, такимъ образомъ, былъ лишенъ возможности исправить оставшіяся въ первомъ изданіи неточности или шероховатости перевода ²⁾.

Книга, представляющая, переводъ съ французскаго изданія *Муаньо*, состоитъ изъ четырехъ частей: 1) Тепло и холодъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ дѣтской аудиторіи во время рождественскихъ ваканцій въ 1867 году. 2) Матерія и сила. Лекція, читанная въ Дюнди и въ большой залѣ Rinnald, въ присутствіи 3,000 рабочихъ. 3) Сила. Вездѣ въ королевскомъ институтѣ 6-го іюня 1862 года. 4) Сущность матеріи. Строеніе тѣлъ. Сцѣпленіе и растяжимость—добавленіе аббата *Муаньо*.

Классическія лекціи Тиндала не нуждаются въ критическомъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что на стр. 3 обложки задачника г. Лубенца напечатано, что книга эта, въ 3-мъ изданіи, одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія «какъ руководство». Между тѣмъ изъ опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства, напечатаннаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (июльск. кн., отд. правит. распоряженій, стр. 65), видно, что 3-е изданіе «Сборника арифметическихъ задачъ» г. Лубенца только разрѣшено «допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы издатель приложилъ къ „Сборнику“ листокъ съ исправленіемъ неточностей и ошибокъ, указанныхъ ученымъ комитетомъ».

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо г. Петрушевскаго; напечатанное въ № 128 газеты *Новости* за 1884 годъ.

разборѣ. Онѣ надолго останутся идеаломъ, къ которому долженъ стремиться всякій, желающій содѣйствовать популяризаціи науки.

Переводъ весьма хорошъ: онъ отличается яснымъ и удобопонятымъ языкомъ. Нѣкоторыя неточности и мелкіе промахи, попадающіеся въ небольшомъ числѣ, конечно, исчезли бы изъ втораго изданія, еслибы редактору дана была возможность пересмотрѣть книжку до напечатанія этого изданія. Отметимъ нѣкоторые изъ нихъ.

На стр. 7 сказано, что вода должна падать съ высоты 257 метровъ, чтобы пріобрѣсти повышеніе температуры на одинъ градусъ. Должно быть: „съ высоты 425 метровъ“, какъ вѣрно сказано на стр. 48 (еслибы подразумѣвались градусы Фаренгейта, то было бы 236 метровъ).

Чертежъ 3 не согласенъ съ текстомъ: по чертежу, свѣтящійся кружокъ долженъ подниматься, когда свинцовый столбъ удлиняется; въ текстѣ же сказано (стр. 14), что онъ въ этомъ случаѣ понижается. Подобное же можно сказать и о черт. 4: въ текстѣ говорится о ртути, а на чертежѣ представлена жидкость, смачивающая стекло. Черт. 9 не достааетъ буквъ а, в и с, о которыхъ упомянуто въ текстѣ.

На стр. 20 говорится о кускѣ свинца, длина котораго увеличилась отъ 3,510 до 3,511 сантиметровъ, а затѣмъ сказано: „Иная свинецъ сдѣлался длиннѣе на одну тысячную первоначальной длины... Это очевидно не вѣрно.

На стр. 98 говорится о соединеніи кислоты съ металломъ, что не соотвѣтствуетъ современному взгляду на образованіе соли.

На стр. 101 сказано, что известь состоитъ изъ углерода, кислорода и кальція. Вѣроятно, слѣдуетъ читать мѣлъ.

На стр. 110 читаемъ, что еслибы земля пала на солнце, то количество теплоты, развитой ударомъ, равнялось бы количеству теплоты, полученному отъ сожиганія 6345 тоннъ угля. Вѣроятно, должно быть: „отъ сожиганія угля, масса котораго въ 6345 разъ болѣе массы земли“.

На стр. 32 говорится, что въ Россіи ежедневно можно видѣть, какъ охлажденный туманъ переходитъ въ снѣгъ.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ, неудачно отредактированныхъ мѣстахъ:

На стр. 48 километръ названъ силою, между тѣмъ какъ онъ представляетъ единицу работы.

Выраженія „телеграфическія проволоки“ (стр. 2), „помощникъ зажжетъ нашу электрическую машину“ (стр. 54) и „натуральная философія“ (стр. 114, вмѣсто „естествознание“) лучше бы измѣнить.

Опечатокъ очень мало: на стр. 22, въ строкѣ 12 сверху, слѣдуетъ выбросить лишнее слово „теплоты“; на стр. 54 „глазахъ“ вмѣсто „газахъ“, на стр. 101 „протяженіями“ вмѣсто „притяженіями“.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о прибавленіи аббата Муаньо. Нельзя не пожалѣть о томъ, что это прибавленіе вошло въ русское изданіе. Оно представляетъ смѣсь трудно-понятныхъ метафизическихъ разсужденій о сущности матеріи, мало вѣроятныхъ гипотезъ и явно невѣрныхъ утвержденій. Въ первомъ отдѣлѣ, авторъ за основаніе своихъ разсужденій беретъ доктрину Восковича о томъ, что атомы суть „простые элементы безпростраственныя и слѣдовательно безформенныя, центры силы, простыя и динамическія монады“. Въ книгѣ популярнаго содержанія не мѣсто такой гипотезѣ или фразамъ въ родѣ слѣдующихъ: „сила, увлекающая тѣла къ поверхности земли, не есть вѣсь этихъ тѣлъ.... то, что заставляетъ падать тѣла, есть тяжесть....“, или: „частицы или монады, образующія въ природѣ всѣ тѣла, совершенно тождественны“ и т. п. Далѣе авторъ считаетъ теплоту, свѣтъ и электричество за особаго рода динамическія монады, весьма быстро движущіяся и тѣмъ иногда разлагающія сложныя тѣла. Частицамъ газовъ авторъ приписываетъ отталкивательную силу; всѣ частичныя дѣйствія онъ считаетъ объяснимыми на основаніи закона Ньютона! Между прочимъ онъ утверждаетъ, что давленіе никогда не заставляетъ переходить тѣла изъ жидкаго состоянія въ твердое, тогда какъ въ дѣйствительности в сѣ жидкости, кромѣ воды, отъ дѣйствія сильнаго давленія переходятъ въ твердое состояніе, если только ихъ температура не слишкомъ много выше температуры затвердѣванія. Далѣе авторъ говоритъ, что г. Сегень „первый сумѣлъ вполне объяснить сцѣпленіе“, и подробно развиваетъ его гипотезу, не установившуюся однако въ наукѣ. Послѣдняя часть прибавленія Муаньо весьма мало понятна. Достаточно сказать, что авторъ говоритъ о монадахъ, проходящихъ сквозь тѣло, распространяясь въ немъ въ видѣ теплоты и свѣта или циркулируя.... въ видѣ электрической или магнитной жидкости. Все это собьетъ съ толку читателя, узнаваемаго изъ лекцій Тиндала, что, на примѣръ, теплота есть состояніе движенія частицъ. Впрочемъ мы увѣрены, что большинство читателей не прочтеть добавленія Муаньо далѣе первой страницы.

Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ г. нымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири *Н. Раевскимъ*. 4-е, значительно исправленное, изданіе, съ 161 рисункомъ. С.-Пб. 1884 г.

Учебникъ г. Н. Раевского, заслужившій одобрительные отзывы предыдущихъ трехъ изданійхъ, является теперь въ четвертомъ, этотъ успѣхъ нельзя не признать вполне заслуженнымъ. Притомъ авторъ не ограничивается простою перепечаткою разъ составленна и успѣшно расходящейся книги, а съ каждымъ изданіемъ исправляетъ и улучшаетъ ее. Четвертое изданіе представляетъ дѣйствительно значительныя перемѣны, какъ обозначено въ заглавіи. Сущность перемѣнъ состоитъ въ томъ, что описательная часть нѣсколько сокращена, а анатомическая и физиологическая нѣсколько болѣе развиты. Такъ, исключено описаніе нѣкоторыхъ семействъ, которыя въ прежнихъ изданіяхъ печатались мелкимъ шрифтомъ, какъ менѣе важныя; вслѣдствіе того, число описанныхъ растительныхъ группъ вмѣсто 41-й уменьшилось до 32-хъ. Кромѣ того, органографическая терминологія перенесена въ физиологическую часть и напечатана мелкимъ шрифтомъ. Анатомическій и физиологическій отдѣлы не только пополнены въ текстѣ, но и снабжены большимъ числомъ рисунковъ, такъ что вмѣсто 142 рисунковъ 3-го изданія книга теперь содержитъ въ себѣ 161 рисунокъ. Такимъ образомъ книга получаетъ характеръ, болѣе соответствующій новому направленію ботаники, и есть, стремленію идти далѣе одного описательнаго содержанія.

При этомъ книга сохраняетъ уже прежде извѣстныя достоинства научной точности и мастерства въ изложеніи.

Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія для учителей сельскихъ училищъ, *Н. А. Соковина*. 3-е изданіе. Москва. 1884 г., въ 8-ю д. Стр. 372.

Цѣль изданнаго г. Соковиннымъ популярнаго курса земледѣлія выражена въ предисловіи къ его книгѣ слѣдующими словами: „Для учителя народной школы, помѣщенной въ селѣ, послѣ закона Божія русской грамоты важнѣе всего знать сельское хозяйство. Знаніе а непременно придастъ ему вѣсъ въ обществѣ и поставитъ его въ годное положеніе, разумно пользуясь которымъ, онъ можетъ провести въ народъ истину, принятая вездѣ за важныя условія богатства и благосостоянія. Незамѣтно, внушая съ дѣтства главнѣйшія условія благосостоянія, обличая причины частыхъ неурожаевъ, учитель сельск

школы, хотя и не сразу, а въ теченіе долгаго времени, но можетъ успѣть развить въ народѣ стремленіе къ усовершенствованію хозяйства и тѣмъ увеличить его богатство*. Кажется, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что такая цѣль должна быть признана правильною, и что серьезная попытка къ ея осуществленію достойна всякаго поощренія.

Книга г. Соковнина дѣйствительно отличается неоспорными достоинствами, относительно полноты содержанія, общедоступности и ясности изложенія и важности въ народномъ хозяйствѣ предметовъ, составляющихъ ея содержаніе.

За отсутствіемъ оглавленія въ 3-мъ изданіи¹⁾, считаемъ не лишнимъ перечислить заголовки восьми главъ, заключающихся въ книгѣ г. Соковнина.

Глава I (стр. 5 — 52): „О жизни и питаніи растений“. Къ ней приложена статья (стр. 53 — 57): „Облагороживаніе плодовыхъ деревьевъ“, то-есть, прививка, прищепъ и окулировка. Противъ перваго изданія глава эта значительно дополнена, въ ней добавлены 34 страницы, кромѣ указаннаго приложенія.

Глава II (стр. 58 — 79): „Климатъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи“. Къ ней приложена не достающая въ первомъ изданіи статья (стр. 80—96): „О лѣсоразведеніи“.

Глава III (стр. 97—150): „Почва“, съ приложеніемъ (стр. 151—168): „Простѣйшіе способы измѣренія земли“.

Глава IV (стр. 169 — 234): „Обработка полей“ (паханіе, борошеніе и укатываніе ихъ).

Глава V (стр. 235—280): „Удобреніе полей“.

Глава VI (стр. 281—316): „Посѣвъ“.

Глава VII (стр. 317 — 344): „Заботы земледѣльца о растеніяхъ во время ихъ роста“. Здѣсь говорится о вредныхъ на растенія влияніяхъ, какъ-то: о болѣзняхъ ихъ, о сорныхъ травахъ, о вредныхъ насекомыхъ и пр., о средствахъ противъ нихъ.

Глава VIII (стр. 345—372): „Жатва и сохраненіе растеній“.

Изъ приведеннаго здѣсь перечня видно, что сочиненіе г. Соковнина заключаетъ въ себѣ массу полезныхъ для селянина свѣдѣній, и что оно разработано по послѣдовательному плану. Предисловіе нужнѣйшія свѣдѣнія о жизни и питаніи растений, а также о важнѣйшихъ факторахъ, обуславливающихъ ихъ прозябаніе, то-есть, о климатѣ и почвѣ, г. Соковнинъ рассматриваетъ отдѣльными земледѣль-

¹⁾ Въ первомъ изданіи нѣтъ оглавленія.

ческіи работы, такъ-сказать, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Множество довольно хорошо исполненныхъ рисунковъ облегчаетъ пониманіе сказаннаго въ текстѣ.

Въ виду того обстоятельства, что книга г. Соковнина не впервые появляется въ печати, признаемъ возможнымъ ограничиться немногими замѣчаніями, относящимися преимущественно къ 3-му ея изданію.

Въ высокой степени достойнъ одобренія убѣдительный совѣтъ садить деревья въ мѣстностяхъ малолѣсныхъ, и тѣмъ болѣе въ безлѣсныхъ степяхъ (стр. 75—76). По справедливому замѣчанію г. Соковнина, „народная школа и учитель, въ этомъ случаѣ, могутъ оказать большую и даже непосредственную услугу. Каждому учителю положительно не будетъ стоить никакихъ трудовъ, гуляя съ дѣтьми, хотя бы для забавы, заставляя ихъ сажать деревья, поливать ихъ и вообще наблюдать и ухаживать за ними. Пусть каждый учитель заведетъ у себя въ школѣ порядокъ, чтобы каждый вновь поступающій ученикъ былъ обязанъ посадить деревцо и затѣмъ, во все время пребыванія своего въ школѣ, ухаживалъ за нимъ; этимъ онъ не только поможетъ дѣлу разведенія лѣсовъ, но и установитъ благотворную, тѣсную связь школы съ жизнью народа...“. Въ этихъ видахъ нельзя не поблагодарить г. Соковнина за приобщеніе къ подлежащей главѣ особое приложение о лѣсоразведеніи. В томъ, что народная школа дѣйствительно можетъ служить проводникомъ для разведенія древесныхъ насажденій въ степяхъ, убѣждаетъ примѣръ барона Корфа, относящійся къ Александровском уѣздѣ Екатеринославской губерніи.

Мы привели выдержку изъ книги г. Соковнина какъ указаніе въ какомъ направленіи она написана, и полагаемъ, что встрѣчающіеся въ ней, хотя и по рѣдкіе, но болѣею частію незначительныя недосмотры возмѣщаются съ избыткомъ тѣмъ общимъ духомъ, въ которомъ проникнута вся книга, преслѣдующая несомнѣнно благую цѣль—развитіе въ народѣ болѣе вѣрныхъ понятій о земледѣліи, какъ основаніи его благосостоянія. Считаемъ, однако же, не лишнимъ указать на нѣкоторыя въ ней ошибки и неточности.

Такъ, напримѣръ, на стр. 58 заявляется, что человѣкъ „можетъ имѣть громадное вліяніе на климатъ и даже совершенно измѣнить его“—посредствомъ осушенія болотъ, уничтоженія лѣсовъ пр. Вопросъ о такомъ вліяніи лѣсовъ на климатъ слѣдуетъ до сих поръ считать спорнымъ, хотя и нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе

совъ обуславливаетъ болѣе равногѣрное распредѣленіе влаги по пространству и по времени.

На стр. 59, въ выносѣ, сказано: „Средняя теплота дня опредѣляется такимъ образомъ: смотрятъ на термометръ и замѣчаютъ градусы тепла утромъ, послѣ полудня и вечеромъ, потомъ складываютъ всѣ замѣченные градусы вмѣстѣ и дѣлятъ на три“. Понятно, что такой способъ, безъ обозначенія часовъ, въ которые должно быть производимо наблюденіе термометра, въ высшей степени неточенъ, — хотя, конечно, не возможно и не слѣдуетъ требовать отъ простаго хозяина вычисленія средней теплоты по математически точнымъ методамъ. Замѣтимъ еще, что г. Соковнинъ, говоря о градусахъ тепла, не упоминаетъ по какому термометру ихъ наблюдать; можно догадываться, что онъ имѣлъ въ виду общеупотребительный въ Россіи термометръ Реомюра, который въ научной метеорологіи нынѣ вездѣ замѣненъ стоградуснымъ термометромъ Цельсія.

На стр. 63 значитъ: „Всякому извѣстно, что у насъ самымъ холоднымъ мѣстомъ считаютъ то, гдѣ лежитъ городъ Кола“. Это, однакоже, не только не всякому извѣстно, но и положительно невѣрно, если даже понимать подъ словами „у насъ“ одну Европейскую Россію, не касаясь Сибири.

На стр. 65 сказано: „Физическимъ положеніемъ страны называется ея положеніе относительно высоты надъ уровнемъ воды въ океанѣ“. Такое объясненіе явно неточно, такъ какъ подъ физическимъ положеніемъ страны, какъ извѣстно, понимается и многое другое.

На стр. 115—119, говоря о черноземѣ, г. Соковнинъ подъ этимъ названіемъ понимаетъ то черноземную почву вообще (какъ это и понимается обыкновенно), то одинъ humus, то наконецъ, вообще заключающіяся въ такой почвѣ органическія (горючія) вещества. Такая неточность, конечно, затрудняетъ пониманіе излагаемаго.

На стр. 264, разсуждая о такъ-называемомъ зеленомъ удобреніи, г. Соковнинъ продолжаетъ: „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ, оставляютъ поля подъ залежъ (то-есть; не трогаютъ полей нѣсколько лѣтъ сряду и позволяютъ имъ заростать травой), поступаютъ какъ бы съ желаніемъ удобрить ихъ растеніями. Если подобныя поля черезъ нѣсколько лѣтъ получаютъ свое утраченное плодородіе, то это бываетъ только потому, что они удабриваются тѣми сорными травами, которыя растутъ и сгниваютъ на нихъ“. Такое ограниченіе значенія залежи нельзя признать основательнымъ: дѣло въ томъ, что залежъ сама, и помимо вырастающихъ на ней

травъ, способствуетъ улучшенію почвы, истощенной нѣсколькими слѣдовавшими другъ за другомъ урожаями; предоставляя, подобно пару, отдыхъ почвѣ, залежь благопріятствуетъ растворенію въ ней минеральныхъ питательныхъ веществъ, которыя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣютъ время накопиться въ почвѣ удобной для питанія растений.

Непріятно поражаетъ масса опечатокъ, встрѣчающихся почти на каждой страницѣ новаго изданія книги г. Соковнина. Конечно, на большей части изъ нихъ, какъ легко исправимыхъ, нѣтъ надобности останавливаться. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти опечатки являются, по видимому, описками автора, искажающими смыслъ сказаннаго. Такъ, на примѣръ, на стр. 80 сказано, что всѣ древесныя породы дѣлятся на три рода: „на хвойныя, у которыхъ вмѣсто листьевъ хвоя, какъ на примѣръ дубъ, береза и пр., и мягкія древесныя породы, какъ на примѣръ тополи, вербы и пр.“. Здѣсь, конечно, по ошибкѣ автора или наборщика, пропущена цѣлая строка, и разумѣется, слѣдуетъ читать: „Древесныя породы дѣлятся на три рода: на хвойныя, какъ на примѣръ, сосна и ель, на лиственные твердыя, какъ на примѣръ, дубъ, береза и пр. и лиственные мягкія“, и т. д. На стр. 96 (на 5-й строкѣ сверху) слѣдуетъ читать словныя шишки, вмѣсто: сосновыя. На стр. 186 говорится, что въ западной Европѣ есть фабрики, исключительно занимающіяся приготовленіемъ желѣзныхъ отвальныхъ досокъ (къ плугамъ), „которыя дѣлаются такъ легко и скоро, что небольшая фабрика выпускаетъ ихъ въ день до 30,000 штукъ“. Тутъ, конечно, или въ нуляхъ ошибка, или же, вмѣсто въ день, слѣдуетъ читать: въ годъ или, по крайней мѣрѣ, въ мѣсяцъ.

Къ общимъ недостаткамъ разсматриваемой книги слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что она имѣетъ въ виду преимущественно южную Россію, условія которой автору ближе знакомы. Нѣкоторыя выраженія даже непонятны обитателю сѣверной Россіи, на примѣръ употребленное нѣсколько разъ (на стр. 113 и 265) слово бажи.

Наконецъ, самый важный недостатокъ настоящаго 3-го изданія, заключается въ томъ, что оно составляетъ дословную перепечатку вышедшаго въ 1872 году втораго изданія. Между тѣмъ, въ теченіе прошедшихъ съ тѣхъ поръ двѣнадцати лѣтъ, наука земледѣлія сдѣлала весьма важныя успѣхи. Укажемъ, на примѣръ, на замѣчательныя изслѣдованія Л. Грандо о роли органическихъ веществъ въ дѣлѣ удобренія, а также на значительныя успѣхи по земледѣльческой химіи,

растительной физиологіи, земледѣльческой механикѣ и пр. Нельзя также не вспомнить о подробномъ изученіи многихъ насѣкомныхъ, повреждающихъ у насъ въ Россіи хлѣбныя и другія полевныя растенія; изслѣдованія эти производились въ особенности въ исходѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ; между тѣмъ на труды эти не обращено г. Соковниннымъ никакого вниманія.

Общедоступный систематическій курсъ рисованія для упражненій въ классѣ и дома, 5 тетрадей, изданіе второе. Составлено и издано О. Зотовымъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 15 коп. за каждую тетрадь.

Это новое изданіе курса г. Зотова состоитъ изъ пяти тетрадей налитографированныхъ оригиналовъ, очень малыхъ размѣровъ (5 × 3 вер.), о 12 листахъ каждая, съ сопровождающимъ ихъ краткимъ пояснительнымъ текстомъ, и словаря (на 2 стр.) техническихъ терминовъ, употребляемыхъ при обученіи рисованію.

Свой курсъ рисованія авторъ начинаетъ (тетрадь 1-я, приготовительный классъ) срисовываніемъ съ оригиналовъ, на которыхъ изображены знакомые предметы, животныя и насѣкомыя, какъ напримѣръ, столъ, постель, корабль, домъ, кружка, кафтанъ, чашка, бабочка, кошка, метелка, муха, жукъ и пр.; сперва, на первыхъ шести страницахъ, всѣ эти животныя и предметы изображены различными прямыми штрихами, а потомъ, на послѣднихъ шести страницахъ, и кривыми линіями. Въ тетради заключается всего 134 рисунка. Ученикъ, какъ это требуетъ авторъ въ сопровождающемъ рисунки наставленіи, долженъ ихъ срисовывать въ увеличенномъ видѣ въ тетрадяхъ, разлинованныхъ на клѣточки, а затѣмъ повторить эти рисунки наизусть.

Вторая тетрадь (классъ первый) содержитъ въ себѣ перспективное изображеніе тѣлъ съ оттушевкою ихъ. 36 рисунковъ этой тетради изображаютъ плоскости, какъ прямую, такъ и кривыя, въ различныхъ положеніяхъ, геометрическія тѣла, сперва въ отдѣльности, а потомъ составленныя въ группы, и наконецъ, перспективное изображеніе станка о четырехъ стойкахъ и пяти полкахъ съ показаніемъ пунктиромъ сходящихся въ одну точку горизонтальныхъ, параллельныхъ между собою въ натурѣ, линій. Въ приложенномъ текстѣ авторъ объясняетъ весьма кратко: что такое тѣнь, тѣнь собственная и падающая, и что такое рефлексъ, а также даетъ наставленія касательно техники тушевки.

Третья тетрадь (классъ второй) посвящена рисованію орнамен-

товъ. Рисунковъ въ этой тетради всего 23, въ томъ числѣ нѣкоторыя въ контурахъ, а остальные оттушеваны. Начинается рядъ эти оригиналовъ изображеніемъ въ контурѣ цвѣтка въ двухъ видахъ, одномъ и томъ же листѣ, со вспомогательными линиями и безъ нихъ; но на послѣднемъ пропущенъ средній листъ, который представле на наброскѣ того же цвѣтка; затѣмъ слѣдуютъ, также въ однихъ только контурахъ, розетка и нѣсколько различныхъ листьевъ, а въ томъ, на остальныхъ рисункахъ этой тетради, изображено нѣсколько оттушеванныхъ орнаментовъ, съ обозначеніемъ у двухъ розетокъ и контуровъ и вспомогательныхъ линий отдѣльно. Въ пояснительномъ текстѣ авторъ указываетъ на пользу рисованія орнаментовъ вообще и въ особенности рисованія ихъ карандашомъ или тушью съ натуры, то-есть, съ гипсовыхъ слѣпковъ, а также на пользу сочиненія орнаментовъ.

Въ четвертой тетради (классъ третій) помѣщены рисунки различныхъ частей фигуры человѣка, а именно: глаза, рта, носа, кисти руки и слѣдка ноги въ различныхъ поворотахъ; всѣхъ оригиналовъ въ тетради 26 и всѣ оттушеваны. Въ пояснительномъ текстѣ авторъ говоритъ о пользѣ рисованія отдѣльныхъ частей человѣческой фигуры и высказываетъ свое убѣжденіе, что приведенные примѣры могутъ служить вполне достаточнымъ матеріаломъ, чтобы научить правильному рисованію рта, носа и т. д. и основательно усвоить понятіе о ихъ формѣ, а также увѣряетъ, что ученику, по добросовѣстномъ перерисованіи помѣщенныхъ въ этой тетради оригиналовъ, не будетъ затруднительно перейти къ срисовыванію оригиналовъ, помѣщенныхъ въ послѣдней, пятой тетради (4-й классъ), стоящихъ изъ ряда головокъ, рукъ и ногъ, частью въ однихъ контурахъ, частью оттушеванныхъ, которые, какъ увѣряетъ авторъ, заимствованы съ картинъ Рафаэля. Къ этимъ оригиналамъ присоединены, на двухъ первыхъ страницахъ тетради, шесть изображений схемы головы съ показаніемъ видоизмѣненной главныхъ, основныхъ линий при различныхъ поворотахъ головы. Къ этой же тетради приложенъ и вышеупомянутый маленькій словарь, въ которомъ авторъ объясняетъ 83 художественные термина, употребляемые при обученіи рисованію.

Въ виду того, что собраніе оригиналовъ авторомъ названо съ математическимъ курсомъ рисованія и предназначено для упражненій школъ и семьѣ, слѣдуетъ рассмотреть, на сколько эти оригиналы оправдываютъ ихъ названіе, удовлетворяя, требованіямъ школы с

часть ссхххiv, отд. 3. 2

нительно правильнаго преподаванія рисованія, то-есть, на сколько отъ перерисовыванія ихъ можно ожидать развитія глазоубра ученика, приобрутенія твердости руки, развитія въ учащемся эстетическаго чувства и способности графически изображать предметы видимой природы и, наконецъ, на сколько подобная метода можетъ подготовити ученика къ сочиненію орнамента или хотя бы только къ видоизмѣненію данныхъ мотивовъ.

Начинать обученіе рисованію срисовываніемъ различныхъ предметовъ, болѣе или менѣе сложныхъ, не смотря на то, что они составлены только изъ комбинаціи прямыхъ и кривыхъ линій, не объяснивъ сперва, что такое прямая, отвѣсная, горизонтальная, наклонная линія, какъ опредѣляется на глазъ ихъ длина, взаимное положеніе и т. д., кажется намъ совершенно нераціональнымъ и несистематическимъ. Точно также не можемъ признать систематическимъ курсъ рисованія, въ которомъ отъ упомянутыхъ прямолинейныхъ фигуръ переходятъ къ рисованію криволинейныхъ, не объяснивъ предварительно приемовъ черченія отъ руки круга, спирали и другихъ кривыхъ. Рисунки, подобные помѣщеннымъ въ первой тетради, не могутъ способствовать и развитію эстетическаго чувства въ ученикѣ, потому что изображаютъ предметы не такъ, какъ они намъ представляются въ дѣйствительности, но въ какомъ-то безотрадно-схематическомъ видѣ. Не можетъ приносить пользы и копированіе рисованныхъ и оттушеванныхъ перспективныхъ изображеній различныхъ геометрическихъ тѣлъ, безъ предварительнаго объясненія, хотя бы только нагляднымъ образомъ, главнѣйшихъ правилъ перспективы. Въ курсѣ же рисованія г. Зотова имѣется всего только одинъ рисунокъ, предназначенный, вѣроятно, для объясненія перспективныхъ правилъ (онъ помѣщенъ на второмъ листѣ второй тетради), и даже этотъ единственный рисунокъ не снабженъ ни какимъ поясненіемъ, такъ что учащійся едва ли самъ догадается о цѣли, съ которою приложенъ этотъ рисунокъ. Между тѣмъ уже давно убѣдились въ бесполезности подобнаго срисовыванія съ оригиналовъ и даже во вредѣ его, такъ какъ этимъ педагогическимъ приемомъ учащійся невольно приучается къ бессознательному копированію не растолкованныхъ ему фигуръ.

Независимо отъ совершенной несистематичности означеннаго собранія оригиналовъ, существенный недостатокъ ихъ, какъ оригиналовъ для перерисовыванія, заключается въ ихъ чрезмѣрно малой величинѣ, въ недостаточной вѣрности рисунка и въ неясности тушевки.

Приложенныя ко всѣмъ тетрадямъ „наставленія учителя“ вовсе не нужны для преподавателя, знающаго свой предметъ, а для учащагося безъ преподавателя недостаточно обстоятельны и непонятны. Приложенный къ нимъ словарь нѣкоторыхъ терминовъ такъ оказывается воиолгѣ бесполезнымъ и даже вреднымъ по своей неясности; въ доказательство достаточно указать на слѣдующія, въ примѣръ, объясненія: „пластикъ, знатокъ изящныхъ искусствъ, плафонъ, расписной потолокъ; конусъ, геометрическое тѣло, имѣющее видъ сахарной головы“, и т. д.

Что касается до пользы, которую можетъ ожидать учащійся отъ прилежнаго перерисовыванія всѣхъ перечисленныхъ выше оригиналовъ, то по сему предмету самъ авторъ въ объясненіи къ первой тетради говоритъ: „Признавая возможнымъ для учащихся вполне освоиться съ приемами рисованія по настоящимъ тетрадямъ, мы все-таки должны напомнить имъ, что этимъ далеко не исчерпываются художественныя ихъ познанія, и что при переходѣ къ гипсу и особенностямъ къ живой натурѣ, они встрѣтять тѣ же затрудненія, которыя встрѣчали и при началѣ обученія рисованію по настоящимъ тетрадямъ“. Эти слова автора равняются полному признанію въ томъ, что преподаваемые имъ приемы рисованія геометрическихъ тѣлъ, головъ въ перспективѣ не достигаютъ своей цѣли, не могутъ научить рисованію тѣхъ же предметовъ и головъ съ натуры, чего можно и должно достигать при правильномъ обученіи искусству рисованія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ ВЪ 1882 И 1883 ГОДАХЪ ¹⁾).

Въ теченіе 1882 и 1883 годовъ въ личномъ составѣ обсерваторіи произошли слѣдующія перемѣны: Весною 1882 года, послѣ довало высочайшее утвержденіе при обсерваторіи новой должности астрофизика на правахъ и преимуществахъ старшихъ астрономовъ. На эту должность опредѣленъ съ начала 1883 года доктор Гассельбергъ, снискавшій общую извѣстность многочисленными прѣвосходными трудами по астрофизикѣ, произведенными имъ здѣсь въ теченіе семи лѣтъ въ должности адъюнкта-астронома. На открытую съ его производствомъ вакансію адъюнкта-астронома назначенъ докторъ математическихъ наукъ Г. О. Струве, выказавші уже прежними трудами свои дарованія, какъ по части математическихъ изслѣдованій, такъ и по примѣненію математики къ физикѣ

---

¹⁾ Извлечено изъ отчета, составленнаго директоромъ обсерваторіи О. I Струве и представленнаго изъ комитету обсерваторіи. Такъ какъ въ минушемъ году въ то самое время, когда комитетъ обыкновенно собирается въ Пулковѣ для выслушанія отчета, происходило священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ, и какъ никакое другое время года не представляло удобствъ для посѣщенія обсерваторіи комитетомъ, то посѣщеніе это было отерчено на годъ, а потому въ состоявшемся 27-го мая текущаго года, въ Пулковѣ собраніи комитета, г. директоромъ обсерваторіи прочитанъ былъ отчетъ за дѣла года.

астрономѣ. Осенью 1883 года оставилъ службу при обсерваторіи полковникъ Н. Я. Цингеръ, главною обязанностію котораго было руководство тамошними занятіями офицеровъ геодезическаго отдѣленія Николаевской академіи генеральнаго штаба, и которій велъ эти занятія съ замѣчательнымъ усердіемъ и знаніемъ дѣла, успѣшно работая въ то же время и надъ важными научными изслѣдованіями. Исполненіе должности полковника Цингера, какъ преподавателя офицерамъ геодезическаго отдѣленія академіи, временно исполняется нынѣ В. К. Делленомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ обсерваторія особенно озабочена была приобрѣтеніемъ и устройствомъ новыхъ инструментовъ. Важнѣйшій изъ нихъ есть новый 30-ти-дюймовый рефракторъ, изготовленіе котораго представляется особенно сложнымъ. Въ исходѣ 1882 года окончена была шлифовка объектива для этого рефрактора, и въ ночь на новый 1883 годъ исполнители этого дѣла, гг. Кларкъ, извѣстили О. В. Струве телеграммою, что ихъ трудъ оконченъ, и пригласили его приступить къ обусловленному въ контрактѣ испытанію объектива. Вслѣдствіе того въ мартѣ мѣсяцѣ 1883 года директоръ обсерваторіи отправился въ Америку, въ сопровожденіи адъютанта-астронома Г. О. Струве. Результаты этой поѣздки видны изъ слѣдующихъ словъ отчета г. директора:

„Приѣхавъ въ Америку, я сперва снова посѣтилъ Вашингтонскую обсерваторію, чтобъ освѣжить въ памяти впечатлѣніе объ оптическій силѣ извѣстнаго тамошняго 26-ти-дюймоваго рефрактора, до приступа къ испытанію нашего объектива, который по условію долженъ былъ превзойти вашингтонскій относительно силы свѣта и не долженъ былъ уступать ему въ отчетливости изображеній. По окончаніи занятій въ Вашингтонѣ мы направились въ Кембриджпортъ, гдѣ гг. Кларкъ уже приготовили для новаго объектива предварительную установку, позволявшую направлять его на всѣ части небснаго свода. При первомъ взглядѣ на объективъ мы нѣсколько смутились, замѣтивъ на немъ, близъ середины, страшное пятно, происходящее отъ мѣстнаго накопленія большаго числа мельчайшихъ пузырьковъ, каковыя всегда встрѣчаются въ объективахъ нѣсколько большихъ размѣровъ, но обыкновенно распределены бываютъ на всю стеклянную массу и потому не такъ бросаются въ глаза. Но это первое впечатлѣніе совершенно исчезло и превратилось въ искреннее удивленіе, когда мы въ первый разъ, при довольно хорошихъ атмосферическихъ условіяхъ, взглянули черезъ трубу. Сразу представились

намъ двойными маленькая звѣзда въ сосѣдствѣ Прокциона и ея спутникъ Регула, звѣзды въ старомъ нашемъ рефракторѣ, едва позволяя подозревать раздвоеніе: явное доказательство превопой отчетливости изображеній. Еще больше мы были изумлены этомъ отношеніи при взглядѣ на извѣстную двойную звѣзду 42 тае, когда, при увеличеніи въ 1800 разъ, обѣ звѣзды, отстоя одна отъ другой лишь на $0.''6$, представились какъ два маленька солнца, раздѣленные большимъ темнымъ промежуткомъ. Въ удельной силѣ свѣта новаго объектива мы убѣдились въ особенн разсмотрѣпемъ разныхъ туманностей, въ которыхъ съ легко различали многія подробности строенія, существованіе коихъ въ старый рефракторъ едва позволялъ подозревать. Такъ напри извѣстная туманная звѣзда въ Близнецахъ въ старый нашъ рефторъ видна окруженною сплошною туманною массою. Въ вашинскій рефракторъ, а также въ гигантскій рефлекторъ лорда Р туманная масса представляется раздѣленною на двѣ части темн кольцомъ; а чрезъ новый нашъ объективъ съ легкостью видѣли звѣздообразный центръ съ облегающею его туманностью окру пными двумя концентрическими туманными кольцами, на подобіе темн Сатурна, видимой подъ прямымъ угломъ къ плоскости кол На основаніи этого испытанія несомпѣнно, что въ новомъ объек дѣйствительно мы будемъ имѣть могущественнѣйшее и совер нѣйшее оптическое орудіе нынѣшняго времени, далеко оставляя за собою прежнія, и которое, можетъ быть, удержитъ за собою первенство въ теченіе многихъ лѣтъ, пока новыя изобрѣтенія представятъ возможности увеличивать размѣры объективовъ безъ тери въ прозрачности. Честь и слава искуснымъ художникамъ!

Въ іюні 1883 года новый объективъ благополучно прибыл Пулково и вставленъ былъ въ оправу, въ которой и останется, ч многіе годы служить орудіемъ для наблюденій здѣшнихъ астр мовъ.

Какъ на пути въ Америку, такъ и возвращаясь оттуда, О Струве останавливался на время въ Гамбургѣ, чтобъ окончате переговоры съ братьями Репсольдъ обо всѣхъ подробностяхъ тировки инструмента. Изъ частныхъ этихъ совѣщаній слѣд упомянуть по крайней мѣрѣ о томъ, что на окулярномъ к трубы, гдѣ устроены всѣ приспособленія для точнѣйшаго наведе я на искомый предметъ, будутъ помѣщены также искатель въ 6 мовъ отверстія, циферблатъ, связанный электрическимъ токомъ

главными часами, и спектральный снарядъ, посредствомъ котораго каждый видимый въ главную трубу любопытный предметъ можетъ чрезъ нѣсколько секундъ быть изслѣдованъ также въ физическомъ отношеніи. Въ теченіе зимы 1883—1884 годовъ гг. Репсольдъ уже окончили монтировку, которая не замедлила привлечь въ ихъ мастерскую нѣсколькихъ иностранныхъ астрономовъ. Какъ и нужно было ожидать, они единогласно отзываются съ восхищеніемъ о тщательномъ исполненіи всѣхъ частей и объ остроумныхъ идеяхъ, въ первый разъ примѣненныхъ при сооруженіи этого инструмента. Такимъ образомъ ничто не мѣшало бы немедленно перевезти инструментъ въ Пулково и установить его на назначенномъ мѣстѣ, если бы постройка вращающейся башни была уже доведена до достаточной степени устройства. Но, къ сожалѣнію, случайныя обстоятельства воспрепятствовали лѣтомъ 1883 года С.-Петербургскому металлическому заводу вести эту постройку съ предполагаемою быстротою, и лишь въ ноябрѣ минувшаго года могъ быть произведенъ г. Струве осмотръ на заводѣ еще не окончательно отдѣланной башни. При этомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея устройства оказались желательными довольно значительныя измѣненія; между прочимъ большіе размѣры башни заставили, ради безопасности прислуги и во избѣжаніе легко могущихъ встрѣтиться затрудненій во время наблюденій, отказаться отъ подъемныхъ крышекъ, съ открытіемъ которыхъ открывался бы весь сквозной прорѣзъ, какъ это съ легкостью дѣлается въ старихъ башняхъ обсерваторіи, имѣющихъ меньшіе размѣры; пришлось удовольствоваться надвижными крышками, передвигающимися вдоль самаго прорѣза, такъ что можетъ открываться попеременно только половина прорѣза. Приведеніе въ исполненіе этой переиѣны замедлило отдѣлку башни на заводѣ. При такихъ обстоятельствахъ только въ началѣ мая 1884 года могли быть привезены въ Пулково рельсы, на которыхъ должна двигаться башня; остальная часть башни должна прибыть только въ теченіе лѣта, и тогда же послѣдуетъ установка ея, и затѣмъ постановка самаго инструмента. Приступить же къ правильнымъ наблюденіямъ въ новый рефракторъ предполагается въ сентябрѣ текущаго года.

Въ числѣ предложенныхъ приспособленій имѣется въ виду примѣнить въ послѣдствіи электричество для вращенія башни и передвиженія крышекъ разрѣза, что до тѣхъ поръ будетъ производиться людьми. Нужныя для этой цѣли, а также на электрическое освѣщеніе всей обсерваторіи суммы уже Всемилостивѣйше назначены Его

Императорскимъ Величествомъ; но приступить къ приготовленіямъ для этихъ приспособленій возможно будетъ только съ осени 188 года.

Прочіе главные инструменты обсерваторіи, находящіеся въ постоянномъ употребленіи, въ теченіе отчетнаго періода находились въ удовлетворительномъ вообще состояніи. При старомъ рефракторѣ с середины лѣта 1883 года поступилъ въ обыкновенное употребленіе новый микрометръ Реисольда, который несомнѣнно значительно удобнѣе, чѣмъ старый, Мерцовскій, какъ относительно освѣщенія поля при темныхъ пятнахъ и нитой въ темномъ полѣ, такъ и относительно легкости отсчитыванія и проч. Какъ показало изслѣдованіе Г. (Струве, главная часть этого прибора, именно микрометрической винтъ не менѣе хорошъ, чѣмъ старый винтъ Мерцовскаго микрометра, которымъ въ обсерваторіи пользовались въ теченіе 45 лѣтъ. Въ новѣйшее время наблюденія разностей прямыхъ восхожденій посредствомъ рефрактора получили еще значительно большую точность приспособленіемъ къ нему хронографа Гиппа, связаннаго съ превосходными часами Говю, установленными въ центральной залѣ.

При большомъ пассажномъ инструментѣ лѣтомъ 1882 года reached употреблявшійся съ 1866 года превосходный уровень; онъ замѣненъ новымъ, изготовленнымъ г. Гербстомъ въ механической мастерской обсерваторіи.

Прохожденія звѣздъ наблюдаются въ Пулковѣ, какъ по часамъ Тиде, помѣщеннымъ въ подвалѣ въ пространствѣ съ постояннымъ давленіемъ воздуха, такъ и по часамъ Говю, установленнымъ въ центральной залѣ, съ которыми постоянно сравниваются часы Кессельса установленные опять въ томъ же углубленіи въ стѣнѣ этой залы, въ которомъ они находились во время первыхъ нашихъ фундаментальныхъ опредѣленій. Къ нимъ въ новѣйшее время придѣлана, по способу профессора Крюгера, барометрическая компенсація, такъ превосходно дѣйствующая, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не замѣтно было достовѣрнаго вліянія перемѣнъ въ давленіи воздуха на часы. На основаніи этого опыта, предполагается въ ближайшемъ время ввести ту же компенсацію и въ другихъ часахъ обсерваторіи въ особенности въ часахъ Говю.

Число переносныхъ инструментовъ обсерваторіи, служащихъ для астрономическихъ наблюденій, въ послѣдніе два года увеличилось только однимъ хронографомъ Гиппа, доставленнымъ Николаевскою академіей генеральнаго штаба въ замѣнъ за уступленные ей

пассажные инструмента стараго устройства съ принадлежащими къ нимъ болѣе простыми хронографами. Къ новому хронографу г. Гипль прибавилъ механическое приспособленіе для отсчитыванія секундъ, посредствомъ котораго утомительное превращеніе хронографическихъ знаковъ во времена употребленныхъ часовъ значительно сокращается.

Такъ-называемый универсальный пассажный инструментъ, изготовленный въ 1881 году по указаніямъ В. К. Деллена въ механической мастерской обсерваторіи, вполне выдержалъ строгое испытаніе относительно его общепримѣнимости для всѣхъ геодезическихъ цѣлей и точности результатовъ. Въ новѣйшее время къ нему сдѣланъ чугунный штативъ, для удобнаго употребленія его при полевыхъ работахъ.

Каменная часть башни для новаго рефрактора окружена вѣшнею каменною стѣною, для защиты внутренней стѣны отъ прямого нліанія солнечныхъ лучей, свѣжныхъ заносовъ и непогодъ. Такимъ образомъ образовалась вокругъ башни довольно просторная галлерей, не имѣющая особаго назначенія, такъ какъ, съ одной стороны, ея устройство не позволяетъ пользоваться ею для наблюденій, а съ другой — она непригодна для кабинетныхъ работъ, потому что не должна быть отапливаема. Предположено превратить эту галлерей въ историческій музей астрономическихъ инструментовъ. Въ теченіе 45 лѣтъ въ Пулковѣ накопилось довольно значительное число инструментовъ устарѣлаго устройства, вышедшихъ поэтому изъ употребленія. Эта коллекція образуетъ основаніе предполагаемаго музея; но кромѣ того, въ него имѣютъ поступить всѣ инструменты бывшей малой академической обсерваторіи, а также инструменты обсерваторіи Виленской, которыя обѣ нынѣ упразднены. Такимъ образомъ, будущій музей пріобрѣтетъ около 60-ти нумеровъ разныхъ инструментовъ, принадлежащихъ промежутку времени съ 1747 года, когда сгорѣла первая академическая обсерваторія, по 1830 годъ. Вмѣстѣ съ собственною коллекціей Пулковской обсерваторіи они наглядно будутъ представлять исторію оптики и техники въ примѣненіи къ астрономіи безъ малаго за полтора столѣтія.

Обращаясь къ обзору произведенныхъ въ Пулковѣ, въ теченіе 1882 и 1883 годовъ, астрономическихъ наблюденій.

Старый рефракторъ въ теченіе безъ малаго 45 лѣтъ былъ исключительно въ рукахъ г. директора обсерваторіи; но въ послѣдніе годы, при значительномъ увеличеніи другихъ занятій, преимущественно вы-

званныхъ устройствомъ новаго рефрактора, О. В. Струве уже не былъ въ состояніи посвящать наблюденіямъ столько силъ и времени, сколько нужно, чтобы вполне воспользоваться этимъ превосходнымъ инструментомъ. Въ такихъ видахъ правильныя наблюденія старымъ рефракторомъ лѣтомъ 1883 года поручены были адъютантъ-астроному Г. О. Струве, который уже приобрѣлъ навыкъ въ микрометрическихъ измѣреніяхъ. За собою О. В. Струве удержалъ только продолженіе наблюденій нѣкоторыхъ особенно интересныхъ двойныхъ звѣздъ, за которыми онъ слѣдилъ уже въ продолженіе около полустолѣтія, и для которыхъ возможно продолжительное производство наблюденій однимъ и тѣмъ же лицомъ представляется особенно важнымъ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ О. В. и Г. О. Струве сдѣлаво 374 измѣренія двойныхъ звѣздъ. Весьма значительная часть этихъ измѣреній относится къ трудно наблюдаемымъ парамъ звѣздъ, въ которыхъ главная звѣзда имѣетъ большое собственное движеніе на небесномъ сводѣ, и для которыхъ были желательны нѣкоторыя дополнительныя измѣренія, чтобы дать желаемую опредѣленность заключеніямъ, имѣющимъ быть обнаруженными въ предпринятой О. В. Струве обработкѣ старыхъ его наблюденій надъ этими свѣтилми. Къ выше приведенному итогу присоединяются 8 полныхъ рядовъ измѣреній колецъ Сатурна, произведенныя О. В. Струве осенью 1882 года, и предпринятый Г. О. Струве новый рядъ измѣреній взаимныхъ положеній спутниковъ Сатурна, для точнѣйшаго опредѣленія массы планеты и элементовъ орбитъ спутниковъ. Такихъ наблюденій удалось весной нынѣшняго года собрать уже 87.

Снова открытая г. Вруксомъ осенью 1883 г. комета 1812 года, для которой періодъ обращенія въ 72 года уже предсказанъ былъ покойнымъ Энке, не могла не обратить на себя общаго вниманія астрономическаго міра. Понятно, что и на Пулковѣ слѣдили за нею съ надлежащею внимательностью. Въ промежутокъ времени съ 7-го сентября 1883 г. по 21-е января 1884 она наблюдалась Г. О. Струве, не смотря на весьма неблагоприятную въ ноябрѣ и декабрѣ погоду, 43 вечера. Особенно замѣчательны были странныя измѣненія въ свѣтѣ этой кометы, тщательно замѣчавшіяся наблюдателемъ.

Наблюденія прямыхъ восхожденій большимъ пассажнымъ инструментомъ для составленія каталога фундаментальныхъ звѣздъ для эпохи 1885 г. производились въ отчетное время весьма успѣшно. Всего А. Э. Вагнеромъ наблюдено 4914 прохожденій свѣтилъ, при 1834 отчетахъ меридіанныхъ марокъ и 784 нивелировкахъ оси. Съ

начала апрѣля нынѣшняго года г. Вагнеръ, желая выиграть болѣе времени для обработки наблюдений, передалъ г. Витраму производство известной части ихъ. Г. Витрамъ получилъ до сихъ поръ 125 наблюдений при 72 отчетахъ меридианныхъ марокъ и 37 нивелировокъ оси.

Не менѣе успѣшно подвинулись соответствующія наблюдениа г. Нурена помощью вертикальнаго круга. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ имъ собрано не менѣе 2954 наблюдений, изъ коихъ 2724 двухстороннихъ, то-есть, произведенныхъ въ обонхъ положеніяхъ круга. Въ томъ числѣ наблюденія обонхъ краевъ солнца считались за одно. Г. Нуренъ поставилъ себѣ задачей, — для каталога фундаментальныхъ звѣздъ собрать по крайней мѣрѣ по 8 полныхъ наблюдений каждой звѣзды, какъ въ верхней, такъ и въ нижней кульминаціи. Больше половины этого труда теперь, уже до наступленія эпохи каталога, окончено. Конечно, такая концентрація работы на сравнительно короткое время имѣетъ важное преимущество для обработки наблюдений и вывода достовѣрнѣйшихъ результатовъ.

Три года тому назадъ наблюденія, производимыя г. Ромбергомъ помощью меридианнаго круга, были прерваны, чтобы предоставить наблюдателю болѣе досуга лично заняться обработкою прежнихъ своихъ многочисленныхъ наблюдений, дабы не накопилось неодолимой массы сыраго матеріала. Теперь эти вычисленія на столько подвинулись, что можно было бы приступить къ составленію новой программы для будущихъ правильныхъ работъ этимъ инструментомъ. Впрочемъ, ни недостатокъ такой программы, ни даже продолжительная глазная болѣзнь не помѣшали въ послѣдніе два года неутомимому наблюдателю предаваться любимому своему занятію и собрать не менѣе 3120 наблюдений, въ видѣ случайныхъ.

Рядъ наблюдений, предпринятыхъ г. Баклундомъ помощью 4-дюймоваго гелиометра Репсольда для точнѣйшаго опредѣленія элементовъ движенія спутниковъ Юпитера и массы этой планеты, теперь окончень въ предполагаемыхъ предѣлахъ. Остаются только нѣкоторыя доополнительныя изслѣдованія инструмента относительно вліанія температуры на микрометрической винтъ и т. п., чтобы приступить къ выводу результатовъ и получить вѣрную оцѣнку достигнутой точности.

Установленный въ западной вращающейся башнѣ 6-дюймовый рефракторъ работи гг. Репсольдовъ служилъ въ послѣдніе годы преимущественно для учебныхъ цѣлей и, вмѣстѣ со старымъ гелиоме-

тремя обсерваторіи, для удовлетворенія любопытства ея посѣтителей. Другой 6-дюймовый рефракторъ тѣхъ же мастеровъ, находящійся съ середины іюня 1883 года на частной обсерваторіи въ Первицѣ, употребленъ былъ генералъ-лейтенантомъ Маевскимъ для опредѣленія взаимныхъ положеній всѣхъ доступныхъ силъ этой трубы звѣздъ въ двухъ кучахъ: G. C. 802 и G. C. 4548 Гершеля. Но г. Маевскій смотритъ на эти опредѣленія только какъ на подготовительную работу, чтобы приняться уже съ полною увѣренностью въ успѣхъ за болѣе серьезную задачу, именно за наблюденія, которыя должны доставить матеріалъ для точнаго вывода собственныхъ движеній большаго числа телескопическихъ звѣздъ, о которыхъ до сихъ поръ наши познанія еще чрезвычайно ограничены.

Безчисленное количество статей и наблюденій, появляющихся постоянно по астрофизикѣ, ясно доказываетъ, какіе обширные размѣры приняла въ послѣднее время дѣятельность по этой новой отрасли астрономіи. Спектроскопія почти ежедневно обогащаетъ насъ наблюденіями надъ свѣтиломъ разныхъ свѣтилъ; но всѣ заключенія изъ этихъ наблюденій останутся совершенно шаткими, пока, съ одной стороны, молекулярная теорія свѣта не будетъ строже разработана, а съ другой — явленія, замѣченныя въ свѣтилахъ, не будутъ объяснены опытами. Въ послѣднемъ направленіи въ особенности трудился и астрофизикъ Пулковской обсерваторіи г. Гассельбергъ, собирая многочисленныя данныя о спектрахъ, играющихъ столь важную роль въ составѣ небесныхъ тѣлъ водорода и азота, въ разныхъ ихъ соединеніяхъ и видоизмѣненіяхъ при различныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. При своихъ опытахъ онъ пользовался преимущественно превосходнымъ спектроскопомъ, изготовленнымъ Пражловскимъ, съ присоединеніемъ къ нему двухъ полныхъ призмъ, наполненныхъ, по предложенію Рутерфорда, сѣроуглеродомъ. Свѣторазсѣяніе составленнаго такимъ образомъ прибора тѣмъ болѣе удивительно, что оно сопровождается также образцовою отчетливостью изображеній. Доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что г. Гассельбергу удалось въ спектрѣ водорода на одномъ пространствѣ между извѣстными линиями H δ и H ϵ измѣрить не менѣе 400 свѣтлыхъ линий, съ точностью, не уступающею точнѣйшимъ измѣреніямъ въ спектрѣ солнца.

Подобнымъ же образомъ извѣстный лентообразный спектръ азота съ легкостью могъ быть разложенъ на огромное число отдѣльныхъ линий, которыхъ въ видимой части спектра г. Гассельбергъ насчи-

талъ около 2000, и число которыхъ въ невидимой, ультрафіолетовой части, вѣроятно, еще гораздо больше. Въ видимой части этого спектра, въ красномъ и оранжевомъ цвѣтѣ онъ прямо микрометромъ спектроскопа измѣрилъ около 300 линий. Въ синемъ же и фіолетовомъ эти линіи оказались слишкомъ слабыми для прямого измѣренія. При такихъ обстоятельствахъ, съ почти неожиданнымъ успѣхомъ, онъ прибѣгнулъ къ фотографическому способу. При употребленіи весьма чувствительныхъ бромисто-серебряно-желатиновыхъ пластинокъ фотографическіе снимки этой части спектра представили столь явственный составъ изъ частію весьма замѣчательно группированныхъ линій, что ихъ измѣреніе не представляло никакого затрудненія. Напротивъ, оно значительно легче прямого и еще болѣе точно, такъ какъ снимки можно было разсматривать черезъ микроскопъ и измѣрять помощью дѣлительной машины. Такихъ линій г. Гассельбергомъ теперь уже измѣрено около 360, но это количество представляетъ едва половину работы въ намѣченныхъ имъ предѣлахъ.

Тѣ же сухія пластинки, которыя теперь сравнительно дешево можно приобрѣтать покупкою, съ марта текущаго года начали примѣнять въ Пулковѣ и для фотографированія солнца. Прежде для этой цѣли пластинки готовились каждый разъ особо, мокрымъ способомъ, который, за недостаткомъ теплаго помѣщенія въ самомъ сосѣдствѣ гелиографа, не могъ уже служить, когда температура опускалась ниже нуля. Не смотря на то, г. Гассельбергу, при содѣйствіи Г. О. Струве, удалось въ 160 различныхъ дней получить 208 удачныхъ снимковъ солнца.

Къ Пулковскому собранію такихъ снимковъ прибавилось въ 1883 году еще около 800, полученныхъ въ теченіе 10 лѣтъ на упраздненной Виленской обсерваторіи. Коллекцію эту, пока остающуюся упакованною въ ящикахъ, въ которыхъ она привезена въ Пулково, предполагается впоследствии обработать въ связи съ собственными снимками Пулковской обсерваторіи.

Весною 1883 г., во время путешествія О. В. Струве въ Америку, г. Гассельбергъ пользовался старымъ Пулковскимъ рефракторомъ для изслѣдованія спектровъ около 80 звѣздъ краснаго цвѣта, по каталогамъ Шьеллерупа и Линдемана. Между ними онъ нашелъ 9 звѣздъ, принадлежащихъ къ рѣдко встрѣчающемуся типу III а. Кромѣ того, г. Гассельбергъ спектроскопически изслѣдовалъ блестящія кометы, явившіяся въ послѣдніе два года, между которыми кометы Вельса и большая сентябрьская 1882 года представляли особенный инте-

ресъ: въ первой около перигелия, почти внезапно, обычной углеводородный спектръ смѣнился блестящими линиями натрія, второй эти линии натрія, усмотрѣнныя при самомъ ея появленіи, исчезли при удаленіи кометы отъ солнца и уступили мѣсто обыкновенному спектру. Послѣ того г. Гассельбергу удалось воспроизвести же самыя явленія въ лабораторіи, при дѣйствіи электрическаго тока на смѣсь изъ углерода и натрія, чѣмъ, конечно, электрическая теорія кометнаго свѣта получила весьма сильное подкрѣпленіе.

Въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній астрофизической лабораторіи въ первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить изготовленную профессоромъ ландомъ дифракціонную рѣшетку, подарокъ обсерваторіи отъ Дж. Гопкинскаго университета въ Балтиморѣ. Этою рѣшеткою, которой на каждый дюймъ приходится 14438 линій, явленія дифракціи представляются дѣйствительно поразительнымъ образомъ. Г. Гассельбергъ и Г. О. Струве желаютъ воспользоваться чудеснымъ приборомъ для новаго, точнѣйшаго опредѣленія длины волны свѣта, въ которомъ особенно нужна спектроскопія въ вышнемъ ея состояніи. Но прежде чѣмъ приступить къ такой обширной работѣ, нужны еще различныя пріобрѣтенія и въ особенности удобное мѣсто для работъ.

Изъ числа другихъ пріобрѣтеній лабораторіи слѣдуетъ упомянуть о покупкѣ динамоэлектрической машины Крѣтлингера, вращаемой силой, и о снарядѣ для измѣренія солнечныхъ лучей. Послѣдній снарядъ, устроенный Симсомъ по указаніямъ г. Гассельберга, первоначально для Виленской обсерваторіи, поступилъ въ Геттингенъ вмѣстѣ съ виленскими снимками солнца, для дальнѣйшей обработки которыхъ онъ необходимъ.

Дальнѣйшее оборудованіе томовъ наблюденій, произведенное въ Пулковѣ, пріостановлено до пополненія вышедшаго ряда пропущенными до сихъ поръ томами VIII, X и XII-мъ. Объ этихъ томахъ можно сообщить слѣдующее:

Вычисленія, относящіяся къ каталогу звѣздъ, опредѣленныя меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1869 годъ, имѣющемуся въ VIII томѣ, совершенно окончены трудами г. Баклунда, дѣйствіи некоторыхъ другихъ астрономовъ обсерваторіи. Спеціальныя каталоги отдѣльныхъ опредѣленій, приведенныхъ къ средней долготѣ 1855.0, уже отпечатаны на 17-и листахъ, для первыхъ двухъ томовъ отъ -15° склоненія до экватора и отъ экватора до $+30^{\circ}$; для

остальныхъ текстъ окончательно составленъ, и печатаніе начато. Общій каталогъ, соединяющій всѣ предыдущіе въ одно цѣлое, также составленъ уже г. Ваклундомъ, но требуетъ еще некоторой правки. Затѣмъ для этого тома остается только написать введение, для котораго г. Ваклундъ теперь собираетъ матеріалы.

Первое отдѣленіе X-го тома, предназначеннаго для второй части микронетрическихъ измѣреній О. В. Струве, относящееся къ звѣздамъ V и VI-го Гершелевыхъ классовъ, уже отпечатано, и введение къ нему окончательно составлено. Для втораго отдѣленія, обнимающаго звѣзды съ большимъ собственнымъ движеніемъ, текстъ также на столько приготовленъ, что печатаніе можетъ быть начато, какъ только другія занятія оставятъ г. Струве время серьезно заняться этимъ предметомъ. Остается написать введение къ этому отдѣленію и составить текстъ для остальныхъ двухъ отдѣленій (наблюденія системъ звѣздъ, открытыхъ другими наблюдателями, и продолженіе измѣреній, изданныхъ въ IX-мъ томѣ), которыя едва ли нуждаются въ болѣе пространныхъ введеніяхъ.

Для введенія къ XII-му тому въ эти два года окончены только изслѣдованія о фигурѣ цапфъ и рассмотрѣны уравненія для вывода окончательныхъ поправокъ къ принятымъ положеніямъ фундаментальныхъ звѣздъ. Составленіе введенія начато, и г. Вагнеръ надеется, что при облегченіи, доставляемомъ ему участіемъ г. Витрама въ наблюденіяхъ, ему удастся окончить оное въ непродолжительномъ времени.

Переходя къ томамъ слѣдующаго ряда наблюденій Пулковской обсерваторіи, должно сказать слѣдующее:

Къ отпечатанному XIV-му тому, представляющему вторую часть наблюденій склоненій фундаментальныхъ звѣздъ для эпохи 1865 года, г. Нуреномъ составлено введеніе.

Теперь на очереди обнародованія находятся многочисленныя наблюденія г. Ромберга, произведенныя помощью меридіаннаго круга съ 1874 по 1882 годъ. Для нихъ назначены томы XV-й и XVI-й, и можно было бы немедленно начать печатаніе ихъ, еслибы не предполагалось сперва окончить запоздавшее изданіе VIII-го тома, относящагося къ старымъ опредѣленіямъ того же рода. Для XV-го тома рукопись уже готова; для слѣдующаго, XVI-го, въ которомъ должны быть помѣщены наблюденія съ 1878 по 1882 годъ, вычисленія почти окончены. Окончательное составленіе каталоговъ изъ приготовленнаго матеріала будетъ исполнено самимъ г. Ромбергомъ. Часть этой

работы уже сдѣлана. Она состоитъ изъ рукописнаго каталога, отнесеннаго къ эпохѣ 1875 г. и содержащаго въ себѣ около 3000 положеній двойныхъ звѣздъ и звѣздъ, имѣющихъ быстрыя собственныя движенія.

Наблюденія, произведенныя г. Нюрепомъ пассажнымъ инструментомъ въ первомъ вертикалѣ для новаго опредѣленія коэффициента абераціи, имѣ самимъ строго приведены къ искомымъ разстояніямъ отъ зенита. Изъ нихъ онъ вывелъ этотъ коэффициентъ $= 20''$. 51. Кромѣ того, г. Нюренъ могъ воспользоваться при окончательномъ выводѣ еще не обнародованнымъ опредѣленіемъ, полученнымъ изъ многочисленныхъ, наблюденныхъ г. Вагнеромъ, прохожденій чрезъ меридіанъ трехъ близкихъ къ полюсу звѣздъ, именно самой Полярной, δ Малой Медвѣдицы и β Цефея, и давшимъ коэффициентъ абераціи $= 20''$. 483. Соединяя потомъ эти два новыя опредѣленія пятию прежними, независимо полученными въ Пулковѣ со времени основанія обсерваторіи и удивительно согласными между собою, г. Нюренъ окончательно получилъ величину $20''$. 492 съ вѣроятною ошибкою $0''$. 006, на $0''$. 047 болѣе противъ числа, употреблявшагося до сихъ поръ во всѣхъ астрономическихъ вычисленіяхъ по первому опредѣленію В. Я. Струве.

Можно надѣяться, что отнынѣ окончательно выведенный г. Нюрепомъ коэффициентъ вступитъ мало по малу въ общее употребленіе въ эфемеридахъ и другихъ астрономическихъ вычисленіяхъ. Одна сама Пулковская обсерваторія, для предпріятого ею продолженія таблицъ Бесселевыхъ величинъ на ближайшія пять лѣтъ, сочла полезнымъ, ради однородности, придерживаться еще прежней величины. Съ продолженіемъ таблицъ, вычисляемое А. П. Шидловскимъ, предполагается издать въ сентябрѣ текущаго года. Перейти въ этихъ таблицахъ къ новому коэффициенту предположено тогда, когда къ имѣющимъ нынѣ новымъ числамъ абераціи и путаціи прибавится и новое опредѣленіе прецессіи, имѣющее быть выведеннымъ изъ сравненія новой обработки Брадлеевыхъ наблюденій г. Ауверсомъ съ Пулковскими наблюденіями тѣхъ же звѣздъ. Печатавіе классическаго труда г. Ауверса постоянно подвигается впередъ.

Особенно оживлена была въ послѣдніе два года дѣятельность пулковскихъ астрономовъ по разнороднымъ изслѣдованіямъ въ области астрономическихъ изысканій. Въ этомъ отдѣлѣ особенно высшее значеніе слѣдуетъ приписать теоретическимъ изслѣдованіямъ докт. Бакулунда о движеніяхъ кометы Энке, приведеннымъ уже къ ве-

замѣчательнымъ заключеніямъ и обѣщающимъ еще болѣе важныя результаты въ недалекомъ будущемъ.

Отъ вычисленія абсолютныхъ возмущеній этой кометы, какъ извѣстно, ожидается большое облегченіе для дальнѣйшаго изслѣдованія ея теоріи. Изъ шести частей, на которыя, по предложенію Гансена, раздѣлена для этой цѣли орбита кометы, четыре части уже прежде были обработаны гг. Астеномъ и Баклундомъ. Обработка пятой части теперь окончена г. Витрамомъ, который принялъ на себя также вычисленія для шестой части, послѣ отказа отъ нихъ ассистента Дерптской обсерваторіи г. Грофе.

Изъ теоретическихъ изслѣдованій заслуживаютъ также вниманію труды Г. О. Струве по части теоретической оптики. Дальнѣйшее развитіе подобныхъ изслѣдованій въ высшей степени желательно, чтобы получить ясный и рѣшительный отвѣтъ на безчисленные вопросы, представляемые астрофизикой и тонкостью современныхъ чисто-астрономическихъ наблюденій.

Вообще, въ теченіе отчетнаго періода пулковскіе астрономы помѣстили въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ 18 сочиненій и статей, а въ другихъ журналахъ и повременныхъ сборникахъ 13 сочиненій и статей. Кромѣ того, самою обсерваторіей изданы: а) O. Struve, Jahresbericht am 19 Mai 1882 dem Comité der Nicolai Hauptsternwarte abgestattet vom Director der Sternwarte, б) (Zinger), Vierstellige Logarithmen trigonometrischer Functionen in Zeit ausgedrückter Winkel и в) изслѣдованіе (диссертація на степень магистра) А. М. Жданова: „Способъ Гельдена для опредѣленія частныхъ вычисленій малыхъ планетъ“. Кромѣ того, адъютантъ-астрономъ обсерваторіи Д. Н. Дубяго занимался изданіемъ „Курса теоретической астрономіи“ А. Н. Савича, при чемъ послѣ смерти автора ему пришлось обработать самостоятельно послѣднія главы этой книги, для которыхъ самимъ авторомъ былъ только собранъ матеріалъ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ участіи г. директора Николаевской обсерваторіи въ обнародованіи богатаго матеріала удивительно точныхъ наблюденій двойныхъ звѣздъ, оставленнаго покойнымъ барономъ Дембовскимъ. Римская академія dei Lincei поручила О. В. Струве, вмѣстѣ съ директоромъ Миланской обсерваторіи Скиапарелли, изданіе этихъ наблюденій. Первая часть ихъ уже вышла въ свѣтъ въ исходѣ 1883 года. Вторая часть, еще гораздо болѣе объемистая, представляетъ во всемъ лишь повтореніе, послѣ почти 50-лѣт-

ного промежутка, измѣреній, давшихъ столь высокое мѣсто въ исторіи науки труду В. Я. Струве, извѣстному подъ названіемъ *Mensurae Micrometricae*. Она уже окончена печатаніемъ. Въ совокупности съ *Mensurae Micrometricae*, наблюденія Дембовскаго будутъ на столѣтіи служить исходною точкою для изслѣдованія движеній, происходящихъ въ большинствѣ звѣздныхъ системъ.

Библіотека обсерваторіи увеличилась за послѣдніе два года на 567 томовъ книгъ и 464 брошюры и оттиска статей изъ періодическихъ изданій. Въ числѣ приращеній ея особенно любопытны двѣ старинныя персидскія рукописи, найденныя въ Самаркандѣ и припесенныя въ даръ отъ Туркестанскаго военнаго управленія. Между прочимъ, въ нихъ содержатся рукописный каталогъ звѣздъ Улугъ-Бей и его не менѣе извѣстное сочиненіе о хронологическихъ большихъ эпохахъ, представляющее мѣстами отклоненіе отъ напечатанныхъ въ XVII столѣтіи на латинскомъ языкѣ изданій.

Портретная галлерей обсерваторіи обогатилась только однимъ портретомъ Христіана Гюйгенса, превосходно списаннымъ съ найденаго въ Лейденѣ оригинала. Доставленіемъ этой копии Николаевская обсерваторіи обязана директору Лейденской обсерваторіи г. Бакгуизену.

Кромѣ упомянутого путешествія О. В. и Г. О. Струве въ Америку, принадлежація къ составу обсерваторіи лица совершили въ отчетномъ періодѣ слѣдующія ученыя путешествія: гг. Вагнеръ, Гассельбергъ и Дубяго посѣтили въ 1883 г. общее собраніе Астрономическаго Общества въ Вѣнѣ. Сверхъ того, каждый изъ нихъ имѣлъ еще особыя порученія и задачи.

Г. Вагнеръ былъ уполномоченнымъ О. В. Струве въ созданномъ въ Вѣнѣ собраніи директоровъ международнаго центрального учрежденія для астрономическихъ телеграммъ. Организованное около двухъ лѣтъ тому назадъ, это учрежденіе имѣетъ цѣлью по возможности быстро распространять въ астрономическомъ мірѣ важнѣйшія открытія и, состоя въ непосредственномъ завѣдываніи редактора *Astronomische Nachrichten*, профессора Крюгера въ Килѣ, управляется опредѣленнымъ числомъ представителей разныхъ странъ, въ томъ числѣ О. В. Струве, какъ представителемъ Россіи. Вѣское собраніе этихъ представителей имѣло установить различныя подробности организаціи названнаго учрежденія. Со стороны телеграфнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ предоставленъ обсерваторіи безвоз-

мединѣи обмѣнѣ астрономическихъ делешъ со всѣми обсерваторіями Россіи.

Случайное совпаденіе времени собранія Астрономическаго общества съ всемірною электрическою выставкою въ Вѣнѣ было главнымъ поводомъ для отправления туда г. Гассельберга. Воспользовавшись предварительно проѣздомъ черезъ Берлинъ, чтобы ознакомиться съ важнѣйшими усовершенствованіями, введенными по части примѣненія электричества знаменитою фирмою Сименса и Гальске, г. Гассельбергъ могъ тѣмъ болѣе вынести пользы изъ обзора Вѣнской выставки, гдѣ ему удалось собрать много данныхъ, особенно важныхъ для Пулковской обсерваторіи, въ виду предстоящаго введенія тамъ электрическаго освѣщенія и примѣненія электродвигательной силы.

Г. Дубяго воспользовался своимъ путешествіемъ, чтобы посѣтить обсерваторіи — Киевскую, частную нашего соотечественника В. П. Энгельгардта въ Дрезденѣ, Страсбургскую, нѣкоторыя италіанскія, Вѣнскую и Варшавскую, и тѣмъ оживить сношенія Николаевской обсерваторіи съ этими учрежденіями.

Географическая и геодезическая дѣятельность Николаевской обсерваторіи въ отчетномъ періодѣ должна быть признана очень скромною, если смотрѣть на нее какъ на собраніе положительныхъ данныхъ для непосредственнаго обогащенія математической географіи и геодезіи. Также, впрочемъ, было и въ предшествовавшіе годы. Но справедливо было уже замѣчено, что дѣятельность обсерваторіи въ этомъ направленіи можетъ только въ исключительныхъ случаяхъ состоять въ собраніи положительныхъ данныхъ означеннаго рода съ тѣхъ поръ, какъ при ея содѣйствіи образовано большое число превосходныхъ дѣятелей въ разныхъ вѣдомствахъ, на которыя возложено практическое исполненіе потребныхъ для Имперіи географическихъ задачъ. Поэтому, за рѣдкими исключеніями, обсерваторія бываетъ призвана только содѣйствовать работамъ другихъ вѣдомствъ своими совѣтами и приготовленіемъ для исполнителей ихъ удобнѣйшихъ средствъ и способовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ею оказаны значительныя услуги и въ теченіе отчетнаго періода.

Самъ г. директоръ обсерваторіи участвовалъ въ коммиссіяхъ, образованныхъ при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ изъ представителей разныхъ министерствъ и вѣдомствъ: вопервыхъ, для введенія однаго общаго для всѣхъ странъ и государствъ перваго меридіана и вселенскаго времени, и вторыхъ, для согласованія дѣй-

ствій всѣхъ занимающихся въ имперіи изслѣдованіемъ поверхности земли съ цѣлями общегосударственными.

Въ новѣйшее время О. В. Струве представилась другого рода задача. По желанію начальника главнаго штаба и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, онъ принялъ на себя починъ въ организаціи содѣйствія прусскимъ геодезистамъ при возложенной на нихъ, въ интересахъ европейскаго градуснаго измѣренія, телеграфной связи прусскихъ долготъ съ русскими, именно Берлина и Кёнигсберга съ Варшавой. Это дѣло еще только что начато, но всѣ прикосновенныя правительственныя учрежденія изъявили О. В. Струве полную готовность исполнить все испрашиваемое для облегченія этого предпріятія:

В. К. Делленъ занимается преимущественно изученіемъ служащихъ для геодезическихъ цѣлей инструментовъ и изысканіемъ удобнѣйшихъ способовъ наблюденій и вычисленій. Прежде упомянутый универсальный пассажный инструментъ, устроенный по его указаніямъ г. Гербстомъ, представилъ особенно богатый предметъ такихъ изысканій. Будучи установленъ на прочномъ столбѣ въ одной изъ малыхъ вращающихся башенъ, Николаевской обсерваторіи этотъ инструментъ удовлетворяетъ въ самомъ дѣлѣ всѣмъ уточненнѣйшимъ требованіямъ высшей геодезіи, какъ по измѣренію горизонтальныхъ угловъ и азимутовъ, такъ и по опредѣленію широты и абсолютнаго времени и, сверхъ того, по выводу абсолютныхъ долготъ изъ наблюденій азимутовъ луны. Остается только приспособить къ нему вертикальный кругъ, и онъ будетъ въ полнѣйшемъ смыслѣ универсальнымъ для всѣхъ операций высшей геодезіи. Какъ и другіе геодезическіе инструменты обсерваторіи, онъ снабженъ драгоценною для достиженія высшей точности повѣрительною трубою. При ея употребленіи несомнѣнно примѣненіе новаго инструмента будетъ также удобно и на обыкновенныхъ подставкахъ, какія употребляются на нашихъ триангуляціяхъ. Чтобы доказать послѣднее предположеніе на дѣлѣ, въ настоящее время производятся подъ руководствомъ г. Деллена ряды наблюденій слушающими его курсъ офицерами, на высокомъ сигналь обсерваторіи, въ совершенно открытой вѣтру мѣстности лѣтомъ текущаго года должна быть произведена небольшая опытная, такъ-сказать, образцовая, триангуляція въ окрестностяхъ Пулковы. Для этой триангуляціи поставлено условіемъ, чтобы каждыя триангуляціонныя пункты были вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ-называемыми астрономическими, то-есть, чтобы на немъ, кромѣ чисто-тригонометри-

трическихъ измѣреній, были также точно опредѣлены широта и азимуть. При употребленіи такого инструмента и предлагаемыхъ теперь г. Делленомъ способовъ наблюденій и вычисленій, это условіе легко выполнимо безъ потери времени и даже съ выигрышемъ его, если припять въ расчетъ, сколько обстоятельныхъ и частію весьма дорогихъ приготовленій требуетъ превращеніе нѣкоторыхъ далекихъ между собою триангуляціонныхъ пунктовъ въ астрономическіе. Если это условіе будетъ введено во всѣхъ первоклассныхъ триангуляціяхъ, то въ сравнительно кратчайшее время будетъ получаться несравненно богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованія такъ-называемой истинной фигуры земли, въ сравненіи съ тѣмъ, какой собирается нынѣ употребительнымъ путемъ, сопряженнымъ съ большимъ трудомъ и большими издержками какъ у насъ, такъ еще болѣе за границею.

Упомянемъ встать о другихъ трудахъ г. Деллена, хотя преимущественно имѣющихъ чисто-астрономическое значеніе, но состоящихъ въ связи и съ задачами математической географіи. Измѣненія видимаго діаметра освѣщенной части луны, зависящія отъ силы трубы, вліяютъ на выводимыя изъ наблюденій этого свѣтила абсолютныя долготы, для астрономовъ же еще болѣе важно знать истинный діаметръ ея. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для опредѣленія этой величины признаются наблюденія покрытій и открытій звѣздъ на темномъ краѣ луны. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, за рѣдкими исключеніями, только одно изъ этихъ явленій возможно наблюдать на темномъ краѣ. Совокупность множества такихъ наблюденій со временемъ могла бы привести къ довольно точному результату, но пока старанія ученыхъ, по разнымъ причинамъ, оставляютъ желать еще многого. Съ другой стороны, всѣ неудобства, связаннаго съ такими односторонними наблюденіями, произведенными въ разное время, исчезли бы совершенно и уступили бы мѣсто точнѣйшему опредѣленію искомой величины, если бы хотя нѣкоторыя обсерваторіи согласились воспользоваться одновременно однимъ полнымъ луннымъ затмѣніемъ, которое дозволило бы пронаблюдать покрытія и открытія однихъ и тѣхъ же мелкихъ звѣздъ, видимыхъ въ большомъ числѣ въ нынѣшнія сильныя зрительныя трубы во время такого затмѣнія. Успѣхъ такого предпріятія требуетъ значительныхъ приготовленій, въ особенности обширныхъ предварительныхъ вычисленій моментовъ и мѣстъ покрытій и открытій на краѣ луны для всѣхъ звѣздъ, лежащихъ на ея пути во время затмѣнія, и притомъ отдѣльно для каждой обсерваторіи, которую желательно привлечь къ содѣйствію. Обширность этихъ вычисленій и

недостатокъ достаточно подробныхъ звѣздныхъ картъ прежде не дозволяли приступить къ подобнымъ наблюденіямъ. Но въ новѣйшее время усовершенствованные способы вычисленій и появленіе многихъ подробныхъ картъ поставили это дѣло иначе. Два раза уже г. Делленъ исполнялъ нужныя приготовительныя вычисления для Пулкова, но оба раза неблагоприятная погода мѣшала воспользоваться ими. Въ третій разъ такая работа исполнена имъ для нѣкоторыхъ австрійскихъ обсерваторій, съ которыхъ должно было быть видимо апрѣльское полное затмѣніе текущаго года, но пока еще не извѣстно, удалось ли тамошнимъ астрономамъ проявиться желаемыя наблюденія. Гораздо лучшія условія представить предстоящее 4-го октября (22-го сентября) полное затмѣніе луны, которое будетъ видимо не только на всѣхъ европейскихъ обсерваторіяхъ, но и на Мысѣ Доброй Надежды и въ Индіи; приготовительныя вычисления для него производятся также подъ руководствомъ г. Деллена. Такимъ образомъ можно надѣяться въ одну ночь достигнуть результата, далеко превышающаго по точности тѣ наблюденія, собирацію коихъ посвящаются труды астрономовъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

По учебной дѣятельности обсерваторіи должно отиѣтити, за отчетный періодъ, слѣдующіе факты:

Два года назадъ сверхштатными астрономами при Николаевской обсерваторіи состояли Л. О. Струве и А. М. Ждановъ. Послѣ успѣшныхъ занятій здѣсь, оба они были командированы за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, первый въ апрѣлѣ 1883 г., послѣдній въ мартѣ нынѣшняго года. На ихъ мѣсто поступили сюда: лѣтомъ 1882 г. князь Н. П. Долгоруковъ, недавно сдавшій въ С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра, и въ началѣ нынѣшняго года магистрантъ Новороссійскаго университета С. А. Волынецъ.

На курсѣ практической астрономіи и геодезіи, читаемомъ въ Николаевской обсерваторіи для офицеровъ академіи генеральнаго штаба, въ 1882 г. состоялъ одинъ только штабсъ-капитанъ Антоновъ. Это обстоятельство не мало затрудняло задачу полковника Цингера, такъ какъ для полевыхъ работъ, напримѣръ, для измѣренія базиса, требуется совокупное участіе нѣсколькихъ лицъ. Конечно, г. Цингеръ самъ лично постоянно участвовалъ въ этихъ работахъ, которыя, кромѣ того, облегчались добровольнымъ участіемъ въ нихъ разныхъ членовъ обсерваторіи, въ особенности сверхштатныхъ астрономовъ. Такимъ образомъ г. Антоновъ могъ пройти весь курсъ въ желаемой

полнотѣ и оставить Пулково подготовленнымъ производителемъ геодезическихъ работъ. Въ начавшійся съ осени 1882 г. курсъ поступилъ одинъ только офицеръ академіи генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ Витковскій; но теперь неудобства отъ недостаточнаго числа участниковъ болѣе чѣмъ на половину устранены тѣмъ обстоятельствомъ, что по соглашенію между начальникомъ академіи и директоромъ гидрографическаго департамента дозволено командированному на обсерваторію для усовершенствованія въ практической астрономіи лейтенанту Вилькицкому участвовать въ курсѣ, читаемомъ для офицеровъ академіи генеральнаго штаба, и пользоваться средствами академической обсерваторіи. Съ осени 1883 года этотъ курсъ, какъ выше сказано, читается В. К. Делленомъ.

Недостаточность подготовки большинства геодезистовъ, выходявшихъ въ послѣдніе годы изъ академіи генеральнаго штаба, должна была естественно возбудить вопросъ объ измѣненіи основаній теперешняго положенія геодезистовъ. Учрежденіе разряда геодезистовъ при корпусѣ военныхъ топографовъ и попытка облегчить теоретическій курсъ геодезическаго отдѣленія при академіи устраненіемъ изъ него большей части военныхъ наукъ, какъ показала опытъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, не только не увеличили, а напротивъ того, уменьшили число офицеровъ, желавшихъ посвящать себя геодезической дѣятельности, и имѣли послѣдствіемъ еще то, что геодезическое отдѣленіе стало пополняться по преимуществу офицерами корпуса топографовъ, которые, за немногими исключеніями, далеко уступали прежнимъ офицерамъ-геодезистамъ по солидности какъ общаго, такъ и спеціально-математическаго образованія и развитія. Такая неудовлетворительность общей подготовки большинства офицеровъ особенно выяснялась при поступленіи ихъ на двухгодичный практический курсъ въ Пулково и была причиною того, что нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на старательность, не могли быть допущены къ переводу въ разрядъ геодезистовъ. По новому положенію, Высочайше утвержденному 25-го іюня 1883 года, между геодезическимъ и общимъ отдѣленіями академіи генеральнаго штаба устанавливается болѣе тѣсная связь, подобная существовавшей пятнадцать лѣтъ назадъ; для геодезистовъ увеличиваются требованія при приѣмѣ, и расширяется самый курсъ въ академіи. Такимъ образомъ есть надежда, что на будущее время Россія будетъ имѣть геодезистовъ, гораздо солиднѣе подготовленныхъ, хотя бы и въ меньшемъ числѣ.

Военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба предположено въ ближайшіе годы произвести рядъ телеграфныхъ опредѣленій долготъ на большомъ числѣ пунктовъ въ западныхъ губерніяхъ, съ прибавленіемъ къ нимъ и точнѣйшихъ опредѣленій широтъ. Въ текущемъ году на эту работу назначены геодезисты капитаны Цоляновскій и Міончинскій, кончившіе курсъ въ Николаевской обсерваторіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Дерптскаго университета въ 1883 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе медалей; ученые труды преподавателей и другихъ лицъ; публичныя лекціи; командировки съ ученою цѣлію; свидѣнія объ учащихъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; кляники; Общество естествоиспытателей.

Наличный составъ преподавателей въ Дерптскомъ университетѣ къ концу 1883 года былъ слѣдующій: штатныхъ преподавателей состояло: на богословскомъ факультетѣ—5 ординарныхъ профессоровъ, на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 4, экстраординарный 1, доцентъ 1; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарный 1, доцентовъ 4, прозекторъ 1, ученый аптекаръ 1; на историко-филологическомъ—ординарныхъ профессоровъ 10, доцентовъ 3, лекторовъ 4; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарный 1, доцентъ 1. Сверхъ того состояли по штату: профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, преподаватель началъ архитектуры (онъ же архитекторъ университета) и 5 учителей искусствъ. Вообще имѣлось штатныхъ преподавателей: 1 профессоръ православнаго богословія, 39 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ, 9 доцентовъ, 1 прозекторъ, 1 ученый аптекаръ, 4 лектора, преподаватель началъ архитектуры и 5 учителей искусствъ, всего 64. Сверхштатныхъ преподавателей было 2: ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи и учитель зубоврачебной техники. Приватъ-доцентовъ имѣлось 3:

по фармакологіи, фармаціи и по ботаникѣ. Всего такимъ образомъ преподавателей разныхъ категорій состояло 69 лицъ. Въ 1883 году на преподавательскія должности баллотировались 8 лицъ; изъ нихъ выбаллотировано 7, забаллотировано 1 лицо на должность ординарнаго профессора.

Въ 1883 году нѣкоторыя изъ кафедръ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени оставались вакантными, а именно: государственнаго и народнаго права—съ 1-го августа по конецъ года, общей патологій и патологической анатоміи—съ 28-го мая тоже по конецъ года, акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней—съ 23-го февраля по 20-е ноября, географіи, этнографіи и статистики — съ 1-го ноября по конецъ года, и зоологій — съ 1-го мая по 20-е октября. На двѣ изъ названныхъ кафедръ, именно общей патологій и патологической анатоміи и географіи, этнографіи и статистики избраны уже были кандидаты, и какъ по этимъ двумъ кафедрамъ, такъ и по остальнымъ тремъ, перерыва въ лекціяхъ не происходило, вслѣдствіе порученія чтенія преподавателямъ другихъ кафедръ.

Факультеты Дерптскаго университета имѣли въ теченіе года слѣдующее число засѣданій: богословскій 7, юридическій 12, медицинскій 15, историко-филологическій 16, физико-математическій 12. По физико-математическому и медицинскому факультетамъ издапы и введены новыя учебныя планы, а по послѣднему и новыя правила для испытаній на званіе уѣзднаго врача и провизора. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ научными занятіями, независимо отъ общихъ мѣръ, какъ-то назначенія стипендій и пособій, освобожденія отъ взноса платы за слушаніе лекцій и присужденія медалей за научные труды, изданія лучшихъ сочиненій на счетъ университетскихъ суммъ, производства испытаній семестральныхъ и на ученые степени, производились по всѣмъ факультетамъ бесѣды, респетиціи, практическія работы, письменныя упражненія, и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ занятій студентовъ обнаружались, какъ на испытаніяхъ, такъ и въ письменныхъ трудахъ, представленныхъ ими въ факультеты для соисканія наградъ и для приобрѣтенія ученыхъ степеней. Сочиненій, отличающихся особенною основательностію, полнотою и самостоятельностью, представлено было: отъ юридическаго факультета — 5, отъ медицинскаго — 10, отъ историко-филологическаго — 8, отъ физико-математическаго — 12.

Для соисканія наградъ медалями факультетами предложены были слѣдующія темы: богословскимъ факультетомъ — „Историческое и критическое изслѣдованіе второй части пророчествъ Захаріи (гл. IX—XIV)“, юридическимъ — „Объ отвѣтственности владѣльца за причиненный животными убытокъ“ и „*Nomines regis* во время датскаго господства въ Эстляндіи“; медицинскимъ — „Произвести изслѣдованіе на одномъ изъ млекопитающихъ животныхъ развитія первоначальныхъ аортъ, обративъ особенное вниманіе на отношенія оныхъ къ образованію сердца“ и „Сравнительное изслѣдованіе эллаговой и гранатной дубильныхъ кислотъ и существующихъ въ *Nuphar alba* и *Nuphar luteum* дубильныхъ веществъ“; историко-филологическимъ — „Историческое и сравнительное изслѣдованіе образованія греческихъ и латинскихъ формъ женскаго рода“ и „*De syntaxi congruentiae Ciceroniana*“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены награжденія медалями студенты: богословскаго факультета Леціусъ — серебряною, юридическаго: фонъ-Эпштейнъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ и Соколовскій, медицинскаго: Тюрстигъ и Фридолинъ, и историко-филологическаго: Меклеръ, Иогансонъ и Вѣмъ — золотыми медалями.

Преподаватели Дерптскаго университета и другія служащіе въ ономъ лица издали въ свѣтъ и напечатали въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ слѣдующія ученыя сочиненія и статьи: профессоры: Алекс. фонъ-Эттингенъ напечаталъ „*Ueber Bildung und Sittlichkeit*“, Мюлау помѣстилъ въ *Rhien-Biblisches Handwörterbuch* нѣсколько статей по библейской географіи; Гёршельманъ напечаталъ „*Drei Predigten über die evangelische Wahrheit*“ и помѣстилъ: въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland* — „*Wo stehen wir?*“ и въ *St.-Petersburger Evangelisches Sonntagsblatt* — нѣсколько статей; Бонвечъ напечаталъ „*Festvortrag zur Lutherfeier am 30-ten October 1883*“ и помѣстилъ: въ *Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland* — статью „*Der Separatismus kirchengeschichtlich beleuchtet*“ и въ *Schüres Theologische Literaturzeitung* — нѣсколько рецензій о книгахъ богословскаго содержания; Энгельманъ помѣстилъ статьи: въ *Dorpater juristische Zeitschrift* — „*Die Zwangsvollstreckung auswärtiger richterlicher Urtheile in Russland*“, въ *Baltische Monatsschrift* — разборъ сочиненія пр. Мартенса о международномъ правѣ, въ *Kirchenthal's Centralblatt für Rechtswissenschaft* — нѣсколько рецензій и „*Bibliographie der russischen Rechtsliteratur*“ и, по порученію Императорской Ака-

деміи Наукъ, сдѣлалъ отзывъ о сочиненіи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“; Осв. Шмидтъ напечаталъ въ *Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft* статью „Ueber das Verhältniss des russischen Criminalprocesses zum provinziellen Liv-Est- und Curlands“; Эрдманъ помѣстилъ въ *Baltische Wochenschrift* статью „Die neue Wechselordnung“; Драгендорфъ издалъ: „Plant Analysis qualitative and quantitative“ и „Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft. Bd. VI, Heft 3“; Стида напечаталъ статьи: въ *Archiv für Anthropologie* — „Litteratur über Urgeschichte und Archaeologie Russlands“ и „Berichte aus der russischen Litteratur über Anthropologie und Ethnologie“, въ *Russische Revue* — „Der vorgeschichtliche Mensch der Steinzeit am Ladoga-Ufer“, въ *Biologisches Centralblatt* — рефератъ о *Physische Anthropologie der Bayern* Ранке — и въ *Biographisches Lexicon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker* — „Beiträge über Aepinus, Agassiz, Asche, Baer“ и др.; Гофманъ помѣстилъ въ *Archiv für experimentalle Pathologie und Pharmacologie* двѣ статьи: „Mittheilung über den Kefir“ и „Bericht über einige Versuche Infectionsfieber durch Chinin-Infusion zu coupiren“; фонъ-Валь напечаталъ: двѣ статьи въ *St.-Petersburger medicinische Wochenschrift* и одну въ *Volkmanns Klinische Vorträge*; Розенбергъ помѣстилъ статью въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft*; Кёрберъ напечаталъ статью въ *Eulenberg-Vierteljahrschrift für gerichtliche Medicin*; Рельманъ издалъ „Bericht über die Wirksamkeit der Universitäts-Augenklinik zu Dorpat für das Jahr 1882“ и въ *Klinische Monatsblätter für Augenheilkunde* — „Die Universitäts-Augenklinik zu Dorpat“; Гансъ Мейеръ напечаталъ статью въ *Archiv für experimentalle Pathologie und Pharmacologie*; Эммигаузъ помѣстилъ статью въ *Mendels Neurologisches Centralblatt*; Левъ Мейеръ издалъ „Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache I. Bd., Hälfte, 2 Auflage“ и помѣстилъ статью въ *Bezenbergers Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*; Тейхмюллеръ напечаталъ въ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* — „Ueber den Ursprung des Bewusstseins“; Врикнеръ помѣстилъ статьи: въ *Onckens Weltgeschichte in Einzeldarstellungen* — „Catharina“, въ *Allgemeine Zeitung* — „Zur Frage von Krieg und Frieden“ и „Der Grossfürst Paul Petrowitsch“, въ *Russische Revue* — „Ueber eine russische Gesandtschaft in Paris 1861“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* — „Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ“ и разборъ книги Гебгарда о Витзенѣ;

Мендельсонъ издалъ „*Periodani ab excessu divi Marci libri acto*“; Гаусманъ помѣстилъ статьи: въ *Allgemeine Deutsche Biographie*— „*Magnus, König von Livland*“ и „*Eberhard von Munheim, Ordensmeister von Livland*“, а въ *Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft*— „*Ein Brief aus Dorpat vom Jahre 1656*“; Бодуэнъ де-Куртенэ напечаталъ: въ *Протоколахъ Казанскаго Общества естествоиспытателей*— „*Браткія историческія свѣдѣнія, касающіяся говорящей машины Фабера*“ и въ *Archiv für slavische Philologie*— „*Der Dialect von Cireno (Kirchheim)*“; Карлъ Шмидтъ помѣстилъ въ *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg* статью „*Hydrologische Untersuchungen XXXIII bis XLIII*“; Гревингъ напечаталъ три статьи: въ *Correspondenzblatt des Naturforscher-Vereins in Riga*; въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft* и въ *Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft*; Руссовъ напечаталъ три статьи: въ *Botanisches Centralblatt* и въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft*; Вейраухъ помѣстилъ статьи: въ *Meteorologische Zeitschrift der österreichischen Gesellschaft* и въ *Nouveaux Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*; Липдштедтъ напечаталъ пять статей въ *Astronomische Nachrichten*, въ *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg*, въ *Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris*, въ *Annales de l'Ecole Normale*; Браунъ издалъ отдѣльно: „*Die thierischen Parasiten des Menschen nebst Anleitung zur practischen Beschäftigung mit der Helminthologie*“ и „*Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der breiten Bandwurms*“ и помѣстилъ восемь статей: въ *Zoologische Anzeiger*, въ *Baltische Wochenschrift*, въ *Deutsche Zeitschrift für Thiermedizin*, въ *Virchow-Archiv für pathologische Anatomie*, въ *Marten's Archiv für Naturgeschichte* и въ *Nachrichtenblatt der deutschen malakologischen Gesellschaft*. Доценты: Вергобоъ напечаталъ: „*F. von Martens Völkerrecht Deutsche Ausgabe. Bd. I*“ и „*Die bewaffnete Neutralität 1780—1783*“; Вунге помѣстилъ въ *Zeitschrift für physiologische Chemie* статью „*Ueber Sauerstoffbedarf der Darmparasiten*“; Шредеръ издалъ „*Mātrayani Samhitā, II Buch*“ и помѣстилъ въ *Kuhn-Literaturblatt für orientalische Philologie* рецензію сочиненія „*The Crāna Sūtra of Apastamba*“; Лембергъ напечаталъ въ *Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft* статью: „*Ueber Bildung und Umwandlung von Silicaten*“. Приватъ-доценты: Клинге напечаталъ „*Holzgewächse von Liv- Est- und Curland*“; Манделинъ

помѣстивъ въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland двѣ статьи: „Ueber Vanadin-Schwefelsäure, ein neues Reagens für Alcaloide“ и „Die erste internationale pharmaceutische Ausstellung in Wien 1883. Ученый аптекарь Мазингъ въ томъ же изданіи напечаталъ статью „Ueber das Alcaloid in Delphinium consolida“. Лекторъ Веске напечаталъ: „Finnische Sprachlehre für Esten. Th. II“.

Нижеслѣдующіе профессора читали въ теченіе года публичныя лекціи: Ферд. Гёршельманъ — по вопросу: „Гдѣ мы стоимъ?“, Бонпечъ—„О сепаратизмѣ“ и „О реформаторѣ Мартиѣ Лютерѣ“, Эрлманъ—„О семействѣ“, Кёрберъ—„Ворьба съ осною“, Гансъ Мейеръ—„Объ алкоголизмѣ“, Л. Мейеръ—„Исслѣдованія по языковѣдѣнію въ ученомъ Эстонскомъ Обществѣ“, Тейхмюллеръ—„О вегетаризмѣ“, Брикнеръ—„О столицахъ Россіи въ теченіе ея исторіи“, Гаусманъ—„Исторія соборной церкви (Domkirche) въ Дерптѣ“, Карлъ Шмидтъ—„О питательныхъ средствахъ и о процессѣ питанія“, Арт. фонъ-Эттингенъ—„Объ общей механикѣ“, Гельмлингъ—„О значеніи гипотезъ въ индуктивныхъ наукахъ“, Линдштедтъ—„О практической механикѣ“, Браунъ—а) „О рыболовствѣ въ Лифляндской губерніи“, б) „О зараженіи челоука широкимъ глистомъ“, в) „О фаунѣ моллюсковъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“ и г) „О физическихъ условіяхъ Финскаго залива“.

Нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей, въ 1883 году командированы были съ научною цѣлью, именно: а) за границу: профессора: Гофманъ — для участія въ устроенномъ въ Висбаденѣ конгрессѣ по дѣченію внутреннихъ болѣзней, Кёрберъ—для посѣщенія гигиенической выставки въ Берлинѣ, Тейхмюллеръ—для продолженія начатыхъ имъ изслѣдованій по исторіи древней философіи, Вильг. Гёршельманъ—для сопоставленія матеріала издаваемого имъ вмѣстѣ съ (Стрисбургскимъ профессоромъ Студоманомъ изданія „Cognus medicorum Graecorum“; доценты: Кохъ — для продолженія занятій по заразительнымъ болѣзнямъ, Мазингъ — для лингвистическихъ изслѣдованій; приватъ-доцентъ Подвысоцкій — для продолженія занятій по химико-физиологической фармакологіи и физиологической химіи; лекторъ де-Виво—для продолженія изслѣдованій нѣкоторыхъ нарѣчій Кампаніи; б) внутри Россіи: профессоръ Арт. Эттингенъ—для участія на бывшемъ въ Одессѣ съѣздѣ естествоиспытателей, доцентъ Мазингъ—для продолженія занятій въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ по сравнительному языковѣдѣнію, и

приватъ-доцентъ Клинге — для изслѣдованія флоры западной части Курляндской губерніи.

Студентовъ въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1883 года состояло 1,311; въ теченіе года поступило 487 (изъ гимназій 272, аптекарскихъ помощниковъ 47, изъ другихъ университетовъ 50, вторично поступившихъ 118); въ теченіе года выбыло 381 (до окончанія курса 224, по окончаніи курса 157¹⁾); затѣмъ къ 1-му января 1884 года находилось на лицѣ 1,417. Эти послѣдніе распредѣлились: а) по факультетамъ и отдѣленіямъ: на богословскомъ 186, на юридическомъ—240 (изучавшихъ правовѣдѣніе 234, изучавшихъ дипломатію 6), на медицинскомъ—710 (изучавшихъ медицину 610, изучавшихъ фармацію 100), на историко-филологическомъ—173 (по историко-филологическому отдѣленію 121, по камеральному 52), на физико-математическомъ—108 (по математическому отдѣленію 42, по отдѣленію естественныхъ наукъ 66); б) по вѣрноповѣданіямъ: православныхъ 79, римско-католиковъ 95, лютеранъ 1,050, реформатовъ 38, евреевъ 155; в) по сословіямъ: синовей дворянъ и чиншниковъ 518, духовнаго званія 126, почетныхъ гражданъ и купцовъ 338, мѣщанъ и разночинцевъ 246, крестьянъ 128, иностранныхъ подданныхъ 61; г) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 1,166, изъ другихъ учебныхъ заведеній 151, аптекарскихъ помощниковъ 100; д) по учебнымъ округамъ, къ коимъ принадлежатъ заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго округа 151, Московскаго 21, Казанскаго 3, Харьковскаго 9, Одесскаго 26, Кіевскаго 40, Виленскаго 25, Варшавскаго 38, Дерптскаго 1068, изъ заграничныхъ заведеній 36. Постороннихъ слушателей въ теченіе года поступило 46, и всѣ они выбыли (до окончанія курса 29, по окончаніи курса 17), такъ что къ началу 1884 года не оставалось ни одного. Изъ общаго числа 1,417 студентовъ стипендіями пользовались 45 лицъ, всего на сумму 7,187 р. 11 коп., въ томъ числѣ на счетъ суммъ государственнаго казначейства 4,171 руб. 41 коп. и изъ пожертвованныхъ капиталовъ 3,015 руб. 70 коп. Пособія выданы 41 студенту, всего 1,155 руб.

¹⁾ По богословскому факультету 17, по юридическому 22, по медицинскому 84 (студентовъ медицины 49, студентовъ фармаціи 35), по историко-филологическому—21 (историко-филологическаго отдѣленія 20, камеральнаго отдѣл. 1), по физико-математическому—13 (математическаго отдѣленія 3, отдѣленія естественныхъ наукъ 10).

на счетъ суммъ государственнаго казначейства. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было 198 студентовъ на 2,970 руб. Такимъ образомъ всякаго рода вспомоцествованіями воспользовались всего 284 студента на общую сумму 11,312 руб. 11 коп.

На основаніи дѣйствующаго устава, совѣтомъ Дерптскаго университета возведены въ степень почетнаго доктора богословія слѣдующія три лица: Эстляндскій генераль-суперинтендентъ Вольдемаръ Шульцъ, оберъ-пасторъ при Рижской церкви, магистръ богословія Іоаннъ Люткенсъ и генераль-суперинтендентъ въ Целле Максъ Фроммель. На основаніи того же устава, утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора, магистры: Дарій Нагуевскій — древне-классической филологіи, Іоаннъ Кейслеръ — политической экономіи и 31 лѣкарей — медицины; б) въ степени магистра, кандидаты: Оскаръ Вазицеръ и Эрнестъ Штернъ — древне-классической филологіи, Людвигъ Струве и Теодоръ Витрамъ — астрономіи и провизоръ Рихардъ Таль — фармаціи; а) въ степени кандидата утверждены 44 студента (по богословскому факультету 9, по юридическому 13, по историко-филологическому 10, по физико-математическому 12); въ званіи дѣйствительнаго студента—32 (по богословскому факультету 11, по юридическому 10, по историко-филологическому 7, по физико-математическому 4). Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лѣкаря—39, уѣзднаго врача—9, провизора—32, аптекарскаго помощника—84, зубнаго врача—4, повивальной бабки—1. Для приготовленія къ профессорскому званію командированы университетомъ за границу: магистры Эрманъ и Струве и кандидатъ Видеманъ.

Денежныя средства Дерптскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: по финансовой смѣтѣ назначено изъ государственнаго казначейства на содержаніе университета 247,641 руб. 85 коп. (на личный составъ 151,456 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 86,885 руб. 85 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 6,800 руб. на награды и пособія 2,000 руб., состоящему при университетѣ Обществу естествоиспытателей 500 р.), дѣйствительно же ассигновано, за вычетомъ 2%, 247,186 руб. 85 коп.; въ теченіе года израсходовано 242,100 руб. 93 коп., затѣмъ къ 1-му января 1884 года имѣлось въ остаткѣ 5,085 руб. 92 коп.; б) спеціальныя средства, въ составъ которыхъ входятъ: сборъ со студентовъ въ пользу университета, плата за матринулы и за пользованіе больницъ въ клиникахъ и доходъ, полу-

чаемнй отъ продажи произведеній ботаническаго сада: отъ 1882 года оставалось 1,393 руб. 39 коп., въ 1883 году поступило 41,677 руб. 88 коп., въ теченіе года израсходовано 29,519 руб., къ началу 1884 года остатка имѣлось 18,551 руб. 43 коп.; в) пожертвованные капиталы: остатка отъ 1882 года было 78,467 руб. 77 коп., поступило въ теченіе 1883 года 7,470 руб. 8 коп., израсходовано въ тотъ же періодъ 4,957 руб. 30 коп., къ 1-му января 1884 года оставалось 80,980 руб. 55 коп. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующіе: 2,352 руб.—на жалованье сверхштатному ординарному профессору, 848 руб. 65 коп. — на усиленіе штатной суммы офтальмологической клиники, 800 руб.—на квартиры педелямъ, 656 руб. 90 коп.—на приобрѣтеніе портрета Государя Императора, 495 руб. 12 коп. — на бібліотеку статистическаго кабинета, 400 руб. — на наемъ писца для университетскаго правленія, и 400 руб.—на квартирные деньги чиновникамъ.

Дерптскій университетъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи шесть клиническихъ учрежденій: а) медицинская клиника, б) хирургическая, в) акушерская и женская, г) офтальмологическая, д) университетское отдѣленіе окружной лѣчебницы, е) отдѣленіе терапевтической клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Движеніе больныхъ въ этихъ учрежденіяхъ и число практиковавшихся въ нихъ лицъ въ 1883 году представляются въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ медицинской клиникѣ: къ 1-му января 1883 года больныхъ находилось 4, въ теченіе 1883 года поступило 278, изъ нихъ выздоровѣло 59, получили облегченіе или оказались неизлечимыми 177, умерло 34, къ 1-му января 1884 года оставалось на излеченіи 12; практикантовъ было 118 (въ I семестрѣ 62, во II—56); въ хирургической клиникѣ: отъ 1882 года оставалось 22, въ 1883 году принято 431, изъ нихъ выздоровѣло 168, получили облегченіе или неизлечимыхъ 250, умерло 25, къ 1884 году находилось 10; практикантовъ—125 (въ I семестрѣ 62, во II—60); болѣе важныхъ операцій произведено было 75; въ офтальмологической: къ началу 1883 года больныхъ имѣлось 9, вновь поступило 253, выздоровѣло 40, выбыли или оказались неизлечимыми 220, умеръ 1, оставался къ 1884 году на излеченіи 1; практикантовъ—47 (въ I семестрѣ 37, во II—10); въ акушерской и женской: отъ 1882 года оставалось 5, въ 1883 году принято 174, выздоровѣло 157, выбыли или оказались неизлечимы 16, къ началу 1884 года оставалось 6; практикантовъ — 79 (въ I семестрѣ — 54, во II — 25); въ универси-

тетскомъ отдѣленіи окружной лѣчебницы: въ теченіе 1883 года больныхъ поступило 306, изъ нихъ умерло 260, получили облегченіе или оказались неизлечимы 26, умерло 20, практикантовъ — 17 (въ I семестрѣ 7, во II — 10; незначительность числа практикантовъ объясняется тѣмъ, что практическія занятія въ лѣчебницѣ обязательны лишь для казеннокоштныхъ студентовъ); вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій сдѣлано было 95; въ отдѣленіи терапевтической клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней: съ 1883 года больныхъ осталось 50, въ 1883 году принято 74, выздоровѣло 24, получили облегченіе или оказались неизлечимы 47, умерло 3, осталось къ 1884 году на излеченіи 50; практикантовъ — 43 (въ I семестрѣ 18, во II—25).

При Дерптскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, составъ и дѣятельность котораго въ 1883 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Общество состояло изъ 190 членовъ, въ томъ числѣ 20 почетныхъ, 155 дѣйствительныхъ и 15 членовъ-корреспондентовъ. Засѣданій Общества было 8, и на нихъ 15 членами сдѣланы 21 сообщеніе. Общество выпустило въ свѣтъ III выпускъ VI тома своихъ Протоколовъ засѣданій и одинъ выпускъ второй серіи своего періодическаго изданія *Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Curlands*. На средства Общества профессоръ Браунъ совершилъ научную поѣздку, съ цѣлью изслѣдованія фауны Финскаго залива; результаты этого изслѣдованія будутъ напечатаны особою статьею въ повременномъ изданіи Общества. Общество обмѣнивалось своими изданіями съ 154 другими обществами и корпораціями—36 русскими и 118 заграничными. Библіотека Общества увеличилась частью обмѣномъ, частью въ видѣ дара 135 періодическими изданіями, 38 сочиненіями и 40 диссертациями; коллекціи его также обогащены разными подарками. Доходъ Общества въ 1883 году составляли 1,357 руб. 15 коп.; изъ этой суммы израсходовано на напечатаніе двухъ вышеозначенныхъ изданій, на пособія по научнымъ поѣздкамъ, на пополненіе бібліотеки и коллекцій и на разные предметы по административной части всего 826 руб. 32 коп., 317 руб. 98 коп. обращены въ основной капиталъ, и затѣмъ къ 1-му января 1884 года наличныхъ средствъ Общество имѣло 212 руб. 85 коп.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

О состояніи историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ въ 1883—1884 учебномъ году: число студентовъ; преподаваніе, занятія студентовъ въ гимназіи; занятія бывшихъ студентовъ института.

Въ 1883 году принято въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института безъ повѣрочныхъ испытаній 17, выдержавшихъ повѣрочныя испытанія 15. Къ концу мая 1884 года въ I курсѣ института состояло 33 студента, во II курсѣ 25, въ III курсѣ 20, изъ которыхъ 14 на разрядѣ древнихъ языковъ и 6 на разрядѣ исторіи и географіи; въ IV курсѣ 21, изъ нихъ 6 на разрядѣ древнихъ языковъ, 3 на разрядѣ русской словесности, 12 на разрядѣ исторіи и географіи. Итого, въ концѣ мая 1884 года въ институтѣ числилось 99 студентовъ, изъ нихъ 81 на штатныхъ вакансіяхъ и 18 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ. Изъ 99-ти студентовъ было 55 воспитанниковъ гимназій и 44 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Изъ числа студентовъ IV курса Капитонъ Сперанскій, уволенный по болѣзни въ отпускъ, скончался 31-го мая; оканчиваютъ курсъ 20 студентовъ.

Въ преподаваніи произошли нѣкоторыя перемѣны за истекшій 1883—1884 учебный годъ, вслѣдствіе временнаго закрытія разряда русской словесности, выхода изъ службы при институтѣ профессора Наука и командировки за границу съ ученою цѣлью профессора Шебора. Въ засѣданіи 14-го іюня 1883 года конференція института опредѣлила представить г. министру народнаго просвѣщенія о временномъ закрытіи въ институтѣ разряда русской словесности. Многие изъ студентовъ, переходя въ III курсъ, изъявляютъ желаніе быть на разрядѣ русской словесности. Но число учительскихъ вакансій по русскому языку въ послѣдніе годы значительно уменьшилось. Параграфомъ 39-мъ правилъ для студентовъ института требуется, чтобы всѣ студенты, не смотря на различіе разрядовъ, основательно изучали древніе языки, дабы въ случаѣ нужды, ихъ можно было назначить учителями древнихъ языковъ въ гимназіи; но въ теченіе многихъ лѣтъ замѣчено, что студенты, поступающіе на разрядъ русской словесности, занимаясь своею спеціальностью, упускаютъ изъ виду указанное требованіе, и многіе изъ нихъ, по окончаніи курса, не могутъ быть рекомендованы на мѣста учителей по древнимъ языкамъ. Въ виду такого положенія дѣла конференція нашла необхо-

двинимъ на время закрыть въ институтѣ разрядъ словесности, дабы направить студентовъ на занятія по которымъ имъ главнымъ образомъ приходится писки мѣста. Такъ, по распоряженію министерства, въ закрыто историческое отдѣленіе, потому что истори шееся въ то время географіей, не могли быть на рію и географію, а мѣсть по одной исторіи открыт Для закрытія разряда русской словесности приход кратить чтеніе курсовъ по славянскимъ нарѣчіямъ ской словесности перенести въ два первые курса. учебныя силы остаются на лицо, и при первой и открытъ разрядъ русскаго языка и словесности не тому ни малѣйшаго затрудненія. Для замѣщенія же пихъ классахъ гимназій, гдѣ нерѣдко поручается ского и латинскаго языка одному преподавателю, и гутъ быть подготовляемы нѣкоторые студенты и нихъ языковъ, куда они поступаютъ выслушавъ обі тельной грамматики русскаго и церковно-славянск представленія конференціи о временномъ закрытіи словесности и о перемѣнахъ въ учебномъ планѣ паемыхъ какъ этимъ закрытіемъ такъ и увольненіем институтѣ профессора Шаука, уже послѣдовало и нистра. Вслѣдствіе сего произошли слѣдующія перем тамъ, удостоеннымъ перевода изъ II курса въ III, пр одинъ изъ двухъ разрядовъ, древнихъ языковъ или фій. 2) Чтеніе курса славянскихъ нарѣчій прекраще году въ III курсѣ, а въ 1884—1885 будетъ прекра 3) Чтеніе исторіи русской словесности перенесено курса, такъ что въ I-мъ съ начала 1883—1884 учел дается исторія древней русской литературы, во лекціи въ недѣлю въ каждомъ курсѣ. 4) Курсъ литературы, до сихъ поръ читавшійся во II и III ку лекціяхъ въ недѣлю въ каждомъ курсѣ, будетъ разрядѣ древнихъ языковъ въ III курсѣ, съ 1884 трехъ лекціяхъ въ недѣлю, вслѣдствіе чего на I языковъ въ III курсѣ прибавляется одна лекц прибавленіемъ одной лекціи общее число лекцій нихъ языковъ стало 25, а на разрядѣ исторіи и ге IV курсѣ въ замѣнъ особаго курса по греческой и часть ссхххiv, отд. 4.

профессоромъ Наукомъ, введены два новыхъ курса: курсъ греческой діалектологіи, читаемый профессоромъ Никитинымъ при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, и введеніе въ изученіе греческой эпиграфики, читаемое, при одной лекціи въ недѣлю, магистромъ Латышевымъ, который былъ избранъ конференціею въ преподаватели института для замѣщенія дополнительныхъ лекцій, освободившихся вслѣдствіе назначенія доцента Никитина экстраординарнымъ профессоромъ института по греческой словесности. Необходимыя свѣдѣнія по метрикѣ были въ 1883—1884 году сообщаемы соответствующими профессорами при чтеніи поэтовъ греческихъ и римскихъ. Но съ начала слѣдующаго 1884—85 учебнаго года будетъ возобновленъ, согласно съ предложеніемъ г. министра, особый курсъ метрики, на латинскомъ языкѣ, во II курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, поручаемый профессору Миллеру. На чтеніе метрики будутъ употреблены тѣ двѣ лекціи въ недѣлю во II курсѣ, которыя профессоръ Миллеръ употребляетъ на толкованіе Вергилія. Такая замѣна наиболее удобна потому, что Вергилій читается въ I курсѣ.

Вслѣдствіе командированія профессора Шебора за границу съ ученою цѣлью, на годъ, преподаваемые имъ курсы были распредѣлены въ истекшемъ 1883—1884 году слѣдующимъ образомъ: 1) преподаваніе латинской этимологіи и руководство этимологическими письменными упражненіями въ I курсѣ, чтеніе Ливія и Овидія во II курсѣ было поручено магистру Латышеву; 2) преподаваніе латинскаго синтаксиса и руководство синтаксическими упражненіями во II курсѣ—преподавателю Мусселіусу; 3) чтеніе Плавта въ IV курсѣ профессору Помяловскому.

Преподавателю Латышеву было поручено, кромѣ того, въ III курсѣ чтеніе Фукиды для студентовъ разряда древнихъ языковъ, чтеніе *Hellenicon* Ксенофонта и руководство письменными переводами старускаго языка на греческій на разрядѣ исторіи и географіи.

Съ 1883—1884 года введено на разрядѣ исторіи и географіи повтореніе студентами общихъ краткихъ курсовъ всеобщей и русской исторіи, такъ что студенты сдаютъ отчетъ въ этомъ повтореніи въ концѣ каждаго полугодія, во время повѣрки домашнихъ чтеній студентовъ разряда древнихъ языковъ, при чемъ въ III курсѣ повторяется древняя исторія, въ IV средняя и новая, а русская исторія раздѣляется на два года или четыре полугодія.

За сямъ преподаваніе Закона Божія и философіи ведено было по установленному плану въ первыхъ трехъ курсахъ института, при

чемъ одна лекція въ недѣлю по философіи въ III курсѣ посвящалась на чтеніе въ подлинникѣ I книги Метафизики Аристотеля.

По греческому языку и греческой словесности изъ авторовъ были читаны въ I-мъ курсѣ Одиссея и „Горгій“ Платона; во второмъ курсѣ вторая Филиппика Демосоена, „Ипполитъ“ Еврипида, нѣсколько главъ изъ Пінтики Аристотеля, Геродотъ и Фукидидъ; въ III-мъ курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ была прочитана „Електра“ Софокла; со студентами разряда древнихъ языковъ были читаны „Екклисіазуси“ Аристофана, исторія императоровъ Геродіана, Фукидидъ, и разобраны въ метрическомъ отношеніи хоры комедіи „Ахарняне“; со студентами разряда исторіи и географіи читаны „Ελληνικά Ксенофонта; въ IV-мъ курсѣ со студентами всѣхъ трехъ разрядовъ прочитанъ „Промеѳей“ Эсхила. При чтеніи Эсхила и Софокла въ III-мъ и IV-мъ курсахъ студенты были привлекаемы къ составленію критико-эзегетическихъ объясненій къ читаемымъ авторамъ по схолиастамъ и повнымъ комментаторамъ. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I-мъ и II-мъ курсахъ Илиаду, Одиссею, *Memorabilia* Ксенофонта и *περί παρατροπείας* Демосоена; въ III-мъ курсѣ „Протагора“ Платона и одну изъ трагедій Еврипида, „Медю“ или „Ифигенію Таврическую“, на выборъ; въ IV-мъ курсѣ въ первомъ полугодіи „Антигону“ Софокла или вторую книгу Фукидида, во второмъ полугодіи „Гръч о вѣнцѣ“ Демосоена или „Юдина Царя“ Софокла. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена за первое полугодіе въ декабрѣ, за второе полугодіе въ концѣ марта и апрѣля. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ III-мъ курсѣ) съ латинскаго языка на греческій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. По исторіи греческой литературы въ III-мъ курсѣ для студентовъ разряда древнихъ языковъ была изложена исторія греческой драмы и греческой прозаической литературы. Греческія государственныя древности были прочитаны въ III-мъ курсѣ для обоихъ разрядовъ; греческія религіознообрядовыя древности въ IV-мъ курсѣ для студентовъ разряда древнихъ языковъ. Въ томъ же курсѣ и разрядѣ были прочитаны въ истекшемъ учебномъ году два новые курса, греческой діалектологіи и эпиграфики. По діалектологіи профессоръ Никитинъ далъ общій обзоръ греческихъ діалектовъ и важнѣйшихъ источниковъ и пособій греческой діалектологіи; изложилъ въ сопоставленіи съ соотвѣтствующими формами другихъ діалектовъ фонетическія и морфологическія особенности лесвійскаго, віотійскаго, ѳессалій

скаго, аркадскаго, лаконскаго и критскаго. По эпиграфикѣ преподаватель Латышевъ прочиталъ курсъ исторіи греческаго алфавита слѣдующаго содержанія: введене; разностороннее значеніе надписей для историко-филологической науки; исторія изученія надписей; главные сборники надписей, общіе и спеціальныя; періодическія изданія, важныя для эпиграфики; происхожденіе греческаго алфавита; приспособленіе финикійскаго алфавита къ изображенію звуковъ греческаго языка и дальнѣйшее усовершенствованіе его самими Греками; вопросъ о времени происхожденія письменности въ Греціи; связь его съ вопросомъ о происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ; несостоятельность мнѣнія Фр. А. Вольфа о позднемъ развитіи письменности у Грековъ и доказательства въ пользу его древности; различныя способы письма у Грековъ: древнѣйшій, переходный (*βοοστροφῆδόν*) и позднѣйшій; письмо *στοιχεῖδόν*; классификація древнихъ греческихъ алфавитовъ; теоріи Франца, Теод. Моммзена, Ленормана, Кирхгофа; памятники древнѣйшаго періода развитія греческаго алфавита: надписи Мелосскія, надписи Эерскія; древнѣйшіе памятники іоническаго алфавита — надписи абу-симбельскія; аттический алфавитъ, его особенноти и видоизмѣненія съ древнѣйшихъ временъ до Евклида; образцы; договоръ Аѳинянъ съ Халкидянами.

По латинскому языку и римской словесности были читаны слѣдующіе авторы: въ I курсѣ четвертая книга Энеиды Вергилія и пятая книга Цицерона *in Verris*; во II курсѣ профессоръ Миллеръ изложилъ главныя основанія латинской метрики въ предисловіи къ чтенію Вергилія, и затѣмъ была прочитана первая книга Энеиды съ объясненіями на латинскомъ языкѣ; преподаватель Латышевъ читалъ Тита Ливія и *Tristia* Овидія; въ III курсѣ были читаны Исторія Тацита и оды Горация, а на разрядѣ древнихъ языковъ, кромѣ того, басни Федра; въ IV курсѣ для всѣхъ трехъ разрядовъ сатиры и эпистолы Горация и Тибуллы; для разрядовъ древнихъ языковъ и русской словесности *Trinummus* Шлава. Безъ руководства преподавателей студенты читали Цезаря *de bello gallico*, Тита Ливія, *Метаморфозы* и *Tristia* Овидія, *Георгіки* Вергилія, Цицерона *divinatio in Caecilium*; въ IV курсѣ въ первомъ полугодіи *Fasti* Овидія, первую книгу Тибулла, или *Adelphi* Теренція—на выборъ; во второмъ полугодіи на выборъ Тацита *Vita Agricolaе*, или Катулла LXIV—CXVI. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Сту-

денты III курса слушали курсъ римскихъ государственныхъ древностей, въ которомъ, послѣ общаго введенія, изложено государственное устройство и управленіе царскаго и республиканскаго періодовъ. Студенты разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ вмѣстѣ слушали курсъ исторіи римской литературы. Въ I и II курсахъ были читаны грамматическіе курсы.

Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій было представлено студентами 5. На тему, предложенную профессоромъ Помяловскимъ „Поэма Силія Италика какъ историческій источникъ“, удовлетворительное сочиненіе представилъ студентъ IV курса Гармонинъ. Эта работа свидѣтельствуетъ о трудолюбіи автора. Онъ взялъ на себя не легкую задачу внимательно прочесть Эпосъ Силія и сопоставить его повѣствованіе съ разказами Ливія и Полибія. Знакомство автора съ этими источниками непосредственно. Приемы его изложенія просты и естественны: онъ передаетъ сперва разказъ Силія и затѣмъ указываетъ, въ чемъ онъ отстаетъ отъ историковъ, стараясь, по возможности, указать и на вѣроятныя причины этихъ отступленій. Всюду видны: вниманіе, осторожность, сознательность. Сочиненіе не окончено: допущено оно до битвы при Тразименскомъ озерѣ; по тема довольно обширна, и авторъ, стѣсненный срокомъ, предпочелъ внимательно отдѣлать нѣсколько главъ, чѣмъ представить поверхностный очеркъ цѣлаго. На тему, предложенную преподавателемъ Нейлисовымъ „перевести первую книгу исторіи Готеской войны Проконія“, представилъ весьма тщательную работу студентъ III курса Молчановъ онъ перевелъ 15 главъ I книги о Готеской войнѣ и представилъ филологическія объясненія. Переводъ отличается близостью къ подлиннику и вполне безупреченъ относительно русскаго языка. Въ примѣчаніяхъ авторъ указываетъ на отличія языка Проконія отъ языка авторовъ классическаго періода (употребленіе наклоненій при союзахъ *et* и *quod*, своеобразное употребленіе отрицаній *non* и *ne*), въ особенности же на частое употребленіе словъ и выраженій *Θουκιδιδος*. Изъ приведенныхъ Молчановымъ многочисленныхъ примѣровъ можно заключить, что Проконій не подражалъ *Θουκιδиду* сознательно и намѣренно, но что употреблялъ слова и выраженія *Θουκιδидας* вслѣдствіе близкаго и точнаго съ этимъ авторомъ знакомства. Студентъ III курса Бережковъ представилъ преподавателю Ней-

лису очеркъ личности Велизарія и его подвиговъ на основаніи сочиненій Прокопія. Бережковъ хорошо ознакомился съ исторіей войнъ Готеской, Вандальской и Персидской, а также съ 'Авіхбота. Изложеніе у Бережкова живое, а языкъ правильный. Студентъ III курса Чернявскій представилъ удовлетворительное сочиненіе на тему, предложенную профессоромъ Владиславлевымъ: „сравнить Большую Этику съ Николаховскою и Евдемовскою“.

По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ въ I курсѣ излагалось ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка; практическія упражненія студентовъ состояли въ письменномъ разборѣ отрывковъ изъ кирилловскихъ и глаголическихъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности въ фонетическомъ, этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ. Во II курсѣ читались лекціи по сравнительной морфологій русскаго языка. Въ IV курсѣ на разрядѣ русской словесности—ученіе о звукахъ и формахъ юго-славянскихъ нарѣчій. Практическія упражненія студентовъ состояли въ чтеніи и разборѣ нѣкоторыхъ памятниковъ, преимущественно древнихъ, юго-славянской письменности.

По русской словесности въ I курсѣ была прочитана исторія древней русской литературы до конца XVI столѣтія; во II курсѣ—исторія русской литературы XVIII вѣка. Всѣ студенты II курса подали курсовыя сочиненія на слѣдующія темы, предложенныя профессоромъ Ждановымъ: „Феофанъ Прокоповичъ какъ сатирикъ“; „Разборъ отеческаго завѣщанія сыну Посошкова“; „Елифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій“; „Русскій театръ при Петрѣ Великомъ“. Въ истекшемъ 1883—1884 году разрядъ русской словесности оставался только въ IV курсѣ. Студенты этого разряда слушали окончаніе курса исторій русской литературы со студентами II курса. Кромѣ того, они слушали особый спеціальный курсъ—обозрѣніе народно-русской словесности по такой программѣ: теоретическое и историческое изученіе литературы; слово, мнѣе, поэзія; ихъ взаимная связь; поэзія и проза; задачи исторій литературы; народная словесность; стиль народно-поэтическихъ произведеній; заговоры; свадебныя обряды и пѣсни, причитанья; народныя праздники и праздничныя пѣсни; колядки; былевая поэзія.—Практическія занятія профессора Жданова со студентами разряда русской словесности состояли въ слѣдующемъ: 1) было читано съ объясненіями Слово о полку Игоревѣ; 2) было составлено и прочитано студентами нѣсколько рефератовъ на предложенныя профессоромъ темы. Студентъ IV курса Колеровъ написалъ

сочиненіе на тему: „Символика великорусскихъ пѣсенъ“. Студентъ того же курса Семидаловъ представилъ сочиненіе „Капнисть его комедія „Ябѣда“. Оба сочиненія заслуживаютъ одобренія. Профессоръ отзывастся съ похвалою о трудолюбіи и живомъ научномъ интересѣ, которые выказали студентъ Семидаловъ и Колеровъ, и думаетъ, что послѣ нѣкотораго исправленія и пополненія сочиненій ихъ могутъ появиться въ печати.

По всеобщей исторіи въ I курсѣ была прочитана древняя исторія во II курсѣ средняя и въ III на разрядѣ исторія и географія новаго времени. На томъ же разрядѣ въ III курсѣ были спеціальными занятиями историческими источниками древней исторіи: былъ читанъ обзоръ дошедшихъ до насъ авторовъ греческихъ и латинскихъ до конца I столѣтія Р. Хр., и разобраны образцы латинскихъ надписей. Студенты представляли на лекціяхъ отчеты о прочитанныхъ ими частяхъ изъ древнихъ авторовъ. Въ вечернихъ бесѣдахъ на дому у профессора Соколова желающіе изъ студентовъ занимались чтеніемъ греческихъ надписей. Въ IV курсѣ студенты того же разряда упражнялись по руководству профессора Астафьева въ пробныхъ лекціяхъ; причемъ имъ сообщены были нѣкоторыя правила методики преподаванія исторіи и указаны важнѣйшія пособія. Кромѣ того студенты были ознакомлены съ важнѣйшими средне-вѣковыми источниками. Разсматривались слѣдующіе источники: Павелъ діаконъ, Григорій Турскій, Эйнгардъ, Нитардъ, Лѣтописи Фульдская, Бертиніанская, Вестафальская, хроники Региона, Рихера, Видукинда, Руотгерова біографъ арх. Врунопа, Луитпрандъ и Титмаръ Мерзебургскій.

По русской исторіи въ I курсѣ пройденъ общій курсъ русской исторіи до вокняженія Іоанна III, во II курсѣ отъ Іоанна III до Екатерины II. Въ III и IV курсахъ на разрядѣ исторія и географія: 1) прочитаны съ объясненіями слѣдующіе памятники: о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Котошикина; мемуары XVI вѣка: Нартова, Вебера, Маркопича, Соимопова, Бассевича, Берхголы, Целюева; во 2-хъ обзорнѣе юридическихъ памятниковъ: о договорахъ Олега и Игоря съ Византією, о церковныхъ уставахъ Владимира и Ярослава, о Русской Правдѣ и другихъ юридическихъ памятникахъ до XIV вѣка; въ 3-хъ, прочитано обзорнѣе политическихъ событій въ царствованіе Александра I съ 1801 до 1812 года.

Студенты разряда исторія, географія III и IV курсовъ писали годичныя сочиненія. На тему, предложенную профессоромъ Соколовымъ „Командированіе Тита Квинція Фламиніана въ Грецію“, представилъ

чиненіе студентъ III курса Шубинъ. Онъ старался оцѣнить личность Фламинина и опредѣлить, на сколько успѣхи Фламинина зависѣли отъ его предусмотрительности; онъ обратилъ вниманіе и на эпиграфическіе памятники, такъ что сочиненіе Шубина можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Но оно передаетъ разказъ древнихъ слишкомъ кратко, и потому не вполне точно, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько ошибокъ относительно тогдашняго состоянія разныхъ областей Еллады; а также и текстъ древнихъ не вездѣ вѣрно понятъ. Автору не достаетъ яснаго пониманія политическихъ событій. Для оцѣнки самой личности Фламинина надобно было принять въ соображеніе и тѣ факты, которые произошли послѣ 194 года. Не всѣ относящіяся къ предмету надписи приняты во вниманіе.—На темы, предложенныя профессоромъ Астафьевымъ, представили удовлетворительныя сочиненія студенты IV курса Добрянскій—на тему „Янъ Гусъ въ Констанцѣ“ и Смирновъ—на тему „Жизнь и дѣятельность св. Бонифація“.—На темы, предложенныя профессоромъ Замисловскимъ, представили весьма удовлетворительныя сочиненія студенты IV курса Бѣлавинъ—на тему „Донесенія графа Сольса 1767—1772 годовъ“, Ерюхинъ—на тему „Города и области Сѣверной Двины въ XVI и XVII вѣкахъ“, Шафрановъ на тему „Дипломатическія сношенія Богдана Хмельницкаго“, Эйгорнъ—на тему „Сношенія южно-русскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, Якубовъ—на тему „Отношенія Великаго Новгорода къ Чудскимъ племенамъ“.—Студенты III курса писали годичныя сочиненія на темы: „Князь Владиміръ Володаревичъ“, „Быть Пскова“ и „Критическое обзорѣніе записокъ Маржерета“.

По географіи въ I курсѣ былъ прочитанъ общій повторительный курсъ географіи, при чемъ обращено было главное вниманіе на знаніе карты. На разрядѣ исторіи и географіи въ III курсѣ по политической географіи было прочитано: во 1-хъ систематическое обзорѣніе расъ и народовъ; во 2-хъ, обзорѣніе Германской имперіи, въ 3-хъ, обзорѣніе Британской монархіи. Кромѣ того, въ началѣ курса четыре лекціи было посвящено на обзорѣніе методовъ географіи какъ науки и литературы всеобщей географіи. Для студентовъ того же курса и разряда былъ прочитанъ курсъ математической географіи по программѣ прошлаго года. Въ IV курсѣ по политической географіи весь учебный годъ былъ посвященъ курсу географіи Россійской имперіи, и было прочитано о положеніи, границахъ и пространствѣ Россіи, за тѣмъ орографія, климатологія и гидрографія всей Россіи.

Для студентовъ того-же курса и разряда былъ прочитанъ преподавателемъ Мушкетѣвымъ въ первый разъ курсъ физической географіи по слѣдующей программѣ: Введеніе: общее понятіе о землевѣдѣніи; предметъ физической географіи и мѣсто ея въ ряду другихъ наукъ; гипотеза Лапласа и фазы развитія земли; плотность земли; внутренняя температура земнаго шара; общій обзоръ земли; распредѣленіе суши, воды и воздуха. Глава I. Суша: горизонтальное расчлененіе суши; материки и острова; вертикальное расчлененіе суши или рельефъ ея; общія понятія объ орографіи; равнины и страны гористыя; низменности, плоскія возвышенности и горныя крижи; опредѣленіе дренности горныхъ кражей; древность Уральскаго и Кавказскаго кражей; особенныя формы рельефа; вулканы; землетрясенія; медленныя или вѣковыя колебанія земной коры. Глава II. Вода: открытыя моря; соленость, температура и свѣченіе морской воды; глубина морей; волны, морскія теченія, приливы и отливы; ледъ морей; воды суши; внутреннія моря и озера; проточныя воды; подземная вода; происхождение источниковъ; ручьи и рѣки; особенности рѣчныхъ системъ Европейской Россіи; замерзаніе воды суши; свѣжныя поля и ледники; условія образованія ледниковъ; движеніе ихъ; географическое распространеніе ледниковъ. Глава III. Атмосфера: составъ и высота воздушной оболочки земнаго шара; распредѣленіе теплоты на земной поверхности; изотермы, изотеры и изохимены; давленіе атмосферы; происхождение и раздѣленіе вѣтровъ; водяные пары и влажность атмосферы; роса, иней, дождь, снѣгъ, крупа, градъ; распредѣленіе дождей на земной поверхности; атмосферныя возмущенія, вихри и циклоны; атмосферное электричество; земной магнетизмъ; полярное сіяніе. Глава IV. Органическая жизнь: географическое распредѣленіе растеній животныхъ; климатъ; материковая и островная фауна и флора; морская фауна и флора; круговоротъ углерода; образованіе торфяниковъ и растительныхъ почвъ; круговоротъ извести; коралловыя постройки; общія понятія объ измѣненіяхъ земной поверхности подъ вліяніемъ вулкановъ, морей, проточныхъ водъ, атмосферы и органической жизни; человекъ и его вліяніе на измѣненіе земной поверхности, климата, міра растительнаго и животнаго.

Запятія новыми языками ведены были прежнимъ порядкомъ.

Занятія студентовъ IV курса въ гимназій при институтѣ состояли, по заведенному порядку, въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ руководствомъ наставниковъ и въ вечернихъ бесѣдахъ съ ними разбирали часть осхххiv, отд. 4.

свои уроки и знакомились съ учебниками, принятыми въ гимназіяхъ, или вновь вышедшими. Руководство студентовъ по преподаванію исторіи въ гимназіи было поручено состоящему въ гимназіи при институтѣ наставнику-руководителю по исторіи Андреянову, руководство по преподаванію географіи—преподавателю географіи въ институтѣ и институтской гимназіи Голубову. Наставники-руководители вообще отзываются съ похвалою объ усердіи и добросовѣстности студентовъ IV курса въ ихъ занятіяхъ въ гимназіи. Нѣкоторые изъ студентовъ давали довольно много уроковъ въ гимназіи, замѣняя преподавателей во время ихъ болѣзни. Студентъ разряда древнихъ языковъ Сѣверовъ, по отъѣзду наставника-руководителя по греческому языку, завѣдывающаго гимназіею при институтѣ, далъ съ успѣхомъ значительное число уроковъ въ VII и V классахъ, по случаю продолжительной болѣзни преподавателя, и умѣлъ въ это время заслужить уваженіе и расположеніе къ себѣ учениковъ.

Въ гимназіи при институтѣ въ 1883 году былъ седьмой выпускъ воспитанниковъ. Окончили курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 15 чело-вѣкъ. Всѣхъ воспитанниковъ гимназіи въ концѣ апрѣля текущаго года было 202.

Конференція института въ августѣ и сентябрѣ 1883 года получила увѣдомленіе объ опредѣленіи на мѣста учителей тѣхъ изъ студентовъ института выпуска 1883 года, которые не получили немедленнаго назначенія. Въ ноябрѣ получили назначеніе стипендіатъ Виленскаго учебнаго округа Юрашкевичъ — учителемъ древнихъ языковъ въ Ковенскую гимназію. Студентъ Сольскій, не державшій, по болѣзни, выпускныхъ экзаменовъ въ 1883 году, скончался 9-го іюня того же года.

Въ засѣданіи конференціи 15-го сентября г. Латышевъ избранъ въ наставники института, вмѣсто г. Андреянова, уволеннаго, согласно прошенію, отъ этой должности.

Въ октябрѣ 1883 года г. министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству конференціи, утверждены экстраординарными профессорами института: г. Шеборъ по предмету латинской словесности и г. Ждановъ по предмету русской словесности.

Въ засѣданіи 31-го мая 1884 года конференція института предназначила студентовъ четырнадцатаго выпуска, окончившихъ нынѣ курсъ въ институтѣ, на нижеслѣдующія учительскія мѣста, частію уже оторывшіяся, частію же имѣющія открыться въ теченіе лѣтнихъ вакацій.

Студенты разряда древнихъ языковъ: 1) Эльпидифоръ Стретовъ, Кавказскій стипендіатъ, предназначенъ въ Кубанскую войсковую гимназію преподавателемъ латинскаго языка; 2) Владимъ Сѣверовъ—въ Орловскую гимназію—на древніе языки; 3) Димитъ Гармонипъ, стипендіатъ духовнаго вѣдомства, долженъ поступити на службу по назначенію духовнаго вѣдомства въ одно изъ духовныхъ учебныхъ заведеній преподавателемъ древнихъ языковъ; 4) Л Орда предназначенъ въ Бобруйскую прогимназію на древніе языки; 5) Иванъ Вейбертъ—въ Кутаисскую гимназію—на древніе языки; 6) Гавріилъ Зевинъ—въ Менаклинскую прогимназію—на древніе языки.

Студенты разряда русской словесности: 1) Ѳеодоръ Колерс стипендіатъ Дерптскаго учебнаго округа,—въ Дерптскую гимназію на русскій языкъ; 2) Николай Семидаловъ—въ Енисейскую женскую гимназію на русскій языкъ и исторію.

Студенты разряда исторіи и географіи: 1) Виталій Эйнгорнъ въ Нижегородскій дворянскій институтъ на латинскій языкъ; 2) Александръ Ерюхинъ—во 2-ю Харьковскую гимназію на исторію и географію; 3) Иванъ Платоновъ—въ Аккерманскую прогимназію на греческій языкъ; 4) Константинъ Ягубовъ—въ Гельсингфорскую гимназію на исторію и географію; 5) Константинъ Вивинъ—въ Тифлискую гимназію на исторію и географію; 6) Плай Поповъ—въ гимназію въ Каменской станицѣ на древніе языки; 7) Григорій Добрянскій—въ Кутаисскую четырехклассную гимназію на древніе языки; 8) Петръ Шафрацовъ изъявилъ ланіе предварительнаго поступленія на учительское мѣсто поступити на два года въ археологическій институтъ, о чемъ постановлено донести предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. Студенты Михаилъ Архангельскій, Алексѣй Смирновъ и Григорій Полице не получили пока назначенія, какъ не окончившіе еще всѣхъ обязательныхъ испытаній. Предназначеніе Евстафія Крылова, по прочему, на нѣкоторое время отсрочено.

На имѣющуюся въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи вакансію латинскому языку предназначенъ остававшійся доселѣ безъ назначенія студентъ прошлагодняго выпуска Голубевъ.

Бывшій воспитанникъ института г. Корольковъ возвратился февралѣ текущаго года изъ Греціи послѣ двухлѣтней командировки и съ 1-го марта назначенъ преподавателемъ древнихъ языковъ второй Московской гимназіи. Въ продолженіе втораго года свѣдѣній о немъ не имѣемъ.

пребыванія въ Греціи онъ работалъ съ большимъ усиліемъ, приобрѣлъ основательную подготовку къ научной и профессорской дѣятельности по многимъ отраслямъ науки классической древности. Г. Корольковъ избранъ членомъ-корреспондентомъ нѣмецкаго археологическаго института. На русскомъ языкѣ до сихъ поръ появились дѣи его статьи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1883 и 1884 годы: „О мегарскихъ надписяхъ“ и „О новыхъ елевсинскихъ раскопкахъ“. Съ перваго выпуска Mittheilungen Аѳинскаго нѣмецкаго института за текущій годъ начался рядъ статей г. Королькова, заключающихъ въ себѣ превосходныя копія вѣтійскихъ надписей, болшею частью найденныхъ имъ самимъ, или списанныхъ и объясненныхъ имъ гораздо лучше прежнихъ издателей.

Съ лѣта 1883 года работаетъ въ Греціи воспитанникъ института двѣнадцатаго выпуска А. В. Никитскій, приславшій вполне удовлетворительный отчетъ за первое полугодіе командировки. Въ апрѣлѣ и маѣ текущаго года онъ работалъ въ Олимпіи, потомъ вернулся въ Аѳины чрезъ Аркадію и Арголиду, при чемъ обстоятельно осмотрѣлъ только что открытый Шлиманномъ древній дворецъ царей Тиринеа.

Въ апрѣлѣ сего года конференція обратилась къ г. министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ исходатайствованіи командированія въ Грецію съ ученою цѣлью на два года, съ 1-го августа 1884 года, Г. Новосадскаго, окончившаго курсъ въ институтѣ въ 1883 году и состоящаго нынѣ преподавателемъ древнихъ языковъ въ Таганрогской гимназій.

НѢСКОЛЬКО КРИТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ КЪ ПЛАВТУ.

Менѣе быстро, чѣмъ желательно для филологовъ, интересующихся Плавтомъ, но довольно скоро въ виду трудности дѣла, подвигается впередъ второе критическое изданіе ¹⁾ Плавта, начатое, какъ извѣстно, Ричлемъ въ 1861 г. и продолжаемое тремя его учениками: Гётцомъ (G. Goetz), Лёве (G. Löwe) ²⁾ и Шёллемъ (Fr. Schöll), которыхъ маститый учитель избралъ себѣ въ сотрудники по изданію. Самъ Ричль успѣлъ выпустить вторымъ изданіемъ лишь комедію *Trinummus* (1871 г.); среди кипучей работы и приготовленій къ продолженію изданія неумолимая смерть скосила гениальнаго возстановителя Плавта (9-го ноября 1876 года). Богатый матеріалъ, собранный для изданія и отчасти разработанный Ричлемъ, перешелъ по его желанію въ руки упомянутыхъ трехъ молодыхъ ученыхъ, которые въ исполненіе воли покойнаго учителя взялись за продолженіе начатаго имъ дѣла ³⁾. Полтора года по смерти Ричля издана Г. ⁴⁾ ко-

---

¹⁾ Первое изданіе доведено Ричлемъ до конца; оно обнимаетъ, кромѣ извѣстныхъ *Prolegomena*, девять комедій, именно: *Trinummus*, *Miles*, *Vaschides*, *Stichus*, *Pseudulus*, *Menaechmi*, *Mostellaria*, *Persa*, *Mercator*.

²⁾ Г. Лёве, бібліотекаръ Гёттингенскаго университета, скончался 16-го декабря 1883 года, вслѣдствіе паденія въ припадкѣ головокруженія въ отверстіе подъемной машины. Въ немъ еилологическая наука утратила одного изъ даровитѣйшихъ и добросовѣтнѣйшихъ своихъ представителей. Кромѣ изданія (сообща съ Гётцомъ) комедій: *Asinaria*, *Amphitruo* и *Poenulus*, покойный ознаменовалъ себя между прочимъ слѣдующими выдающимися трудами: *De glossariorum lat. fontibus*, 1875; *Prodromus corporis glossariorum lat.* 1877; *Analecta Plautina* (сообща съ Гётцомъ и Шёллемъ), 1877.

³⁾ См. предисловіе къ изданію *Epidicus*.

⁴⁾ Г.—Гётцъ, Л.—Лёве, —Ш.—Шёлль.

медія *Epidicus*, не только не изданная прежде Ричлемъ, но даже и не разработанная имъ ¹⁾. Методъ издателя и цѣль, къ которой онъ стремился, ясно обозначены имъ въ предисловіи къ изданію. Эпидикъ былъ встрѣченъ въ ученомъ мірѣ съ большимъ сочувствіемъ и съ пожеланіями возможно скорѣйшаго появленія въ свѣтъ остальныхъ твореній Плавта. Въ слѣдующемъ (1879) году тотъ же ученый выпустилъ комедію *Circulio*; въ 1881 г. изданы три пьесы, именно: *Asinaria*—Г. и Л., *Aulularia*—Г., наконецъ *Truculentus*—III. Слѣдующій затѣмъ годъ (1882) далъ намъ комедію *Amphitruo* въ изданіи Г. и Л., а въ 1883 г. выпущены Г.—*Mercator* и *Stichus*. Въ началѣ марта текущаго года вышелъ *Roepulus* въ изданіи Г. и Л., вслѣдъ за которыми долженъ выйти по имѣющійся уже пинѣ въ продажѣ *Trinummus*; обработкой его для 3-го изданія занятъ нынѣ Шелль. Затѣмъ на очереди комедія *Captivi*, выпустить которую предположено, по возможности, еще въ текущемъ году. Изъ этого перечня видно, что дѣятельность почтенныхъ издателей главнымъ образомъ направлена на публикацію комедій, не вошедшихъ въ составъ перваго Ричлевскаго изданія, такъ какъ до сихъ поръ переизданы лишь три, именно *Trinummus*, *Mercator* и *Stichus*. За это нельзя не благодарить издателей, хотя въ новомъ выпускѣ прежде изданныхъ Ричлемъ комедій ощущается сильная потребность уже потому, что первое изданіе давно распродано. Въ виду этого нельзя не жалѣть о преждевременной кончинѣ Л., которая можетъ неблагоприятно отозваться на ходѣ изданія, такъ какъ замѣнить столь опытнаго и даровитаго ученаго не легко, а безъ новаго сотрудника дѣло можетъ затянуться.

Главное достоинство этого въ своемъ родѣ единственнаго изданія заключается въ установкѣ текста на основаніи строго научной оцѣнки рукописнаго матеріала ²⁾ и всего, что сдѣлано до настоящаго времени по критикѣ текста произведеній Плавта; далѣе—въ полнотѣ, точности и абсолютной надежности критическаго аппарата, могущаго почти замѣнить автописю рукописей и рѣдкихъ изданій. Критическій аппаратъ, кромѣ того, знакомитъ читателя почти со всѣми

¹⁾ См. предисловіе р. 21.

²⁾ Къ числу источниковъ текста восьми первыхъ комедій (*Amph.*—*Epid. incl.*) привлеченъ мало извѣстный дотогѣ *cod. Britannicus* (J), см. предисл. къ *Epid.* р. 17 sqq. и недавно открытый *cod. Ambrosianus* (E), см. предисл. къ *Circ.* р. 7.

достоинными вниманія попытками ученыхъ исправить испорченное рукописное преданіе; въ числѣ этихъ попытокъ видное мѣсто занимаютъ эмэндаціи и конъектуры самихъ издателей, отчасти принятыя въ текстъ, отчасти же приведенныя въ аппаратъ или въ предисловіяхъ. Само собою однако разумѣется, что дѣло направленія текста далеко не окончено, и что всякая піеса представляетъ множество мѣстъ, нуждающихся въ эмэндаціи; но остающаяся работа во всякомъ случаѣ значительно облегчается благодаря упомянутымъ качествамъ этого замѣчательнаго изданія.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены поговорить о нѣсколькихъ отчасти испорченныхъ, отчасти неподлинныхъ мѣстахъ въ комедіи Mercator. Большинство изъ разбираемыхъ нами мѣстъ издавна обращало на себя вниманіе критиковъ ¹⁾, въ томъ числѣ и послѣдняго издателя и его сотрудниковъ, но представляющія затрудненія не рѣшены до сихъ поръ удовлетворительно. Результатомъ желанія по мѣрѣ силъ содѣйствовать разрѣшенію этой трудной задачи, являются слѣдующія замѣтки.

I.

v. 88.

Aedificat nauem cercurum et mercis emit:
v. 88. Parata nauī (В patraui) imponit: etc.

Слово „parata“ въ v. 88 представляетъ, безъ сомнѣнія, чтеніе испорченное, ибо простой abl. при „imponere“, составляющій рѣдкое явленіе въ латинскомъ языкѣ вообще (Suet. Caes. 66; Neg. 50 ?), у Плавта, кромѣ даннаго мѣста, не встрѣчается ²⁾; между тѣмъ не соединять „parata“ съ „nauī“ нѣтъ возможности. Ричль въ своемъ

¹⁾ Благодаря любезности проф. Шелля намъ удалось, при перепискѣ нашихъ замѣтокъ, воспользоваться статьей О. Риббека, содержащей въ себѣ эмэндаціи цѣлаго ряда мѣстъ въ ком. Mercator. Напечатана эта статья въ видѣ прибавленія къ объявленіямъ о происшедшихъ въ прошломъ академическомъ году промоціяхъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. При ссылкахъ на эту статью мы пользуемся сокращеніемъ: Рибб. съ указаніемъ страницъ.

²⁾ Imponere съ in c. acc. у Плавта 10 разъ: Asin. 659; Bacch. 490, 69; Mil. 1187; Menaech. Prol. 26; Most. 434; Perna 691; Rud. 357, 490, 1236; съ in c. abl. Aulul. 386, c. dat. Asin. 239; Most. 430; Poen. 1025 sq. (eo) absol. Mil. 923; Most. 782.

изданіи (въ примѣчаніи) предлагалъ читать „*patatae nauī*“, но самъ очевидно не считалъ такое исправленіе удачнымъ. Чтеніе В наводитъ насъ на мысль, что тутъ кроется нѣчто иное, чѣмъ столь легко восстанавливаемое и не совсѣмъ подходящее сюда „*patatae*“, а именно слово „*pater*“; въ виду этого мы предложили бы читать:

*Aedificat nauem securum et mercis emit
Pater atque nauī imponit: o. q. s.*

Замѣтимъ еще, что послѣ в. 86 слѣдуетъ ставить двоеточіе вмѣсто точки.

II.

v. 136—175.

Mercator принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ *fabulae retractatae*, то-есть, къ тѣмъ піесамъ, которыя при повторявшихся представленіяхъ подверглись въ большей или меньшей степени измѣненіямъ¹⁾. Въ нашей комедіи измѣненія, по видимому, ограничились перестановками стиховъ²⁾ и довольно значительными вставками; не вѣроятно, однако, чтобы предприняты были значительныя урѣзки или выпуски³⁾. Вставками⁴⁾ испещрена особенно 1-я сцена 1-го акта,

¹⁾ См. *Ричль* Praef. къ изданію *Mercator* p. VI sqq.; *Ладесма* — *Philol.* XVII (1861), p. 479 sq.; *Рибб.* p. 4 sqq.

²⁾ Нѣкоторыя перестановки нужно отнести на долю переписчиковъ. — См. *Рибб.* p. 14 sqq.

³⁾ См. *Ладесма*, *ibid.*

⁴⁾ Отъ интерполяцій, имѣвшихъ цѣлью расширеніе подлиннаго Плавтова текста (см. отмѣченныя *Ричль* и *Рибб.* p. 8 sqq. интерполяціи въ прологѣ (I, 1), затѣмъ в. 145—160, 161—164, 166—172), — фабриковавшихся съ древнихъ временъ вплоть до новыхъ вѣковъ, нужно отличать интерполяціи другаго рода, именно такъ-называемыя диттограѳіи, то-есть, параллельные стихи, и еще цѣлыя группы стиховъ, слившіяся мало по малу съ подлиннымъ текстомъ. Сюда относятся: 1) умышленныя передѣлки, относящіяся къ глубокой древности, но всебъ вѣроятности ко временамъ возобновленія на сценѣ комедій Плавта. Очень часто трудно, иногда даже невозможно отличить подлинныя отъ передѣлокъ, что свидѣтельствуешь о недюжинномъ повѣтическомъ талантѣ ихъ авторовъ. Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ передѣлокъ принадлежатъ самому Плавту. Притѣръ такой диттограѳіи въ нашей комедіи см. в. 620—624 рядомъ съ 616—619. Срав. *Рибб.* p. 5 sq. 2) Стихотворныя или обращенныя мало по малу въ стихотворныя объяснительныя замѣтки и параграфы подлинныхъ стиховъ, помѣщенныя перво-

раздѣляющая въ этомъ отношеніи участь большинства прологовъ къ комедіямъ Плавта. Интерполяции отмѣчены въ ней Ричлемъ, Дзяцко и др. Риббекъ ¹⁾ находитъ ихъ еще большее число, какъ въ прологѣ, такъ и въ прочнхъ частяхъ піесы. Сильно пострадала въ этомъ отношеніи, между прочимъ, и 2-я сцена 1-го акта, а именно v. 136—175, о которыхъ мы собираемся здѣсь говорить. Въ этой части комедіи поражаетъ насъ растянутость діалога, проще — излишняя болтовня именно тамъ, гдѣ можно менѣе всего ожидать ее. Рабъ Аканеіонъ въ попыхахъ прибѣгаетъ съ пристани домой, чтобъ извѣстить господина о встрѣчѣ его отца съ Пасикомпсой на кораблѣ. Боясь, чтобъ Демифонъ не встрѣтился съ Хариномъ раньше и не огоршилъ его неожиданными разпросами на счетъ Пасикомпсы, Аканеіонъ бѣжитъ, не щадя легкихъ, такъ что является къ Харину задыхающимся и даже харкающимъ кровью. Встрѣтившись наконецъ съ господиномъ, онъ намекаетъ послѣдному на то, что случилось нѣчто весьма непріятное, но высказываетъ желаніе прежде отдохнуть, чѣмъ говорить. Это понятно; понятны и слѣдующія затѣмъ характерныя реплики (v. 138—144 incl.). Сцена была бы комична, еслибы раздраженный Аканеіонъ вслѣдъ затѣмъ, хотя бы изъ желанія помучить господина, сталъ медлить сообщеніемъ того важнаго извѣстія, ради котораго первоначально готовъ былъ надорвать свои легкія, чѣмъ, конечно, довелъ бы возбужденіе Харина до крайнихъ предѣловъ. Но вмѣсто чего-нибудь подобнаго мы находимъ тутъ 27 стиховъ, гдѣ господинъ и рабъ велутъ себя самымъ страннымъ образомъ: Харинъ совершенно не кстати философствуетъ, выражаясь вдобавокъ въ высшей степени неловко (v. 145 sq.), торжественно (держа правую руку Аканеіона въ своей) обѣщаетъ рабу свободу въ близкомъ будущемъ, требуя отъ него послушанія—не извѣстно съ какою цѣлью (v. 149 sqq.); льститъ ему (v. 153 sq.), упрекаетъ въ какомъ-то не понятномъ для насъ непослушаніи (v. 157), требуетъ отъ него исполненія своего желанія, которое онъ хочетъ высказать потихоньку (v. 159), набрасывается на Аканеіона за отпущенную имъ шутку, на которую онъ самъ вызвалъ его (v. 159, 160, 161), спрашиваетъ, что рабъ привнесъ ему (v. 161), приходитъ въ ужасъ отъ намековъ послѣдняго на случившуюся бѣду

начально либо на поляхъ, либо между строками и перешедшія затѣмъ по явнѣ книжничковъ и переписчиковъ въ текстъ. См. v. 374, 375, 610 и наши замѣтки ниже.

¹⁾ Рибб., р. sqq.

(v. 162), умоляетъ раба избавить его наконецъ отъ мучительной неизвестности (v. 166), угрожаетъ ему побоями, требуя, чтобы тотъ говорилъ или убирался прочь (v. 168), наконецъ опять умоляетъ его сказать, въ чемъ дѣло. Въ репликахъ Аканеіона замѣчается прежде всего повтореніе (v. 153, 167; 138, 151); дагѣ въ v. 169 Аканеіонъ хочетъ „multa exquirere“, но не предлагаетъ затѣмъ ни одного вопроса, которые, впрочемъ, были бы здѣсь и совершенно некстати. Опѣять по достоинству нужно еще v. 160, 162, 171 и сравнить v. 170, 171 съ v. 179, 180. Однимъ словомъ, поведение и рѣчи обоихъ дѣйствующихъ лицъ, и особенно Харина, совершенно непонятны со стороны драматическаго искусства, такъ что принимать эту часть сцены цѣликомъ за Плавтовскую значило бы навязывать Плавту нѣчто недостойное его, какъ поэта.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Ричля, признавашаго v. 150—165 (incl.) за неподлинныя и высказавшаго сомнѣніе на счетъ принадлежности Плавту v. 145—148 (incl.). Къ рѣшительно отвергнутымъ Ричлемъ стихамъ (150—165) мы считаемъ нужнымъ присоединить и v. 149, ибо безъ слѣдующихъ онъ не имѣетъ рѣшительно никакого смысла '). За то v. 161 и 165, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ удержать, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ важные моменты развитія этой части сцены, приближая ее постепенно къ развязкѣ (v. 180). Съ v. 144 естественно и просто вьжется v. 161. „Не желаю я этого рода благополучія“, говоритъ Аканеіонъ, — „которое дается мнѣ цѣной страданія (cruciatu)“. Страданіе причиплетъ Аканеіону, очевидно, „maledicentia“ Харина, то-есть, раздраженный тонъ его рѣчи и грубое, обидное выраженіе „uogato“, употребленное имъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Аканеіона, что онъ ради своего господина надорвалъ легкія, такъ что харкаетъ кровью. Харинъ, не желавшій въ сущности обидѣть Аканеіона, а говорившій такъ подъ вліяніемъ понятнаго въ его положенія возбужденія, находитъ упрекъ Аканеіона несправедливымъ и восклицаетъ: „Vao tibi“. На это послѣдній не безъ нѣкотораго злорадства отвѣчаетъ: „Tibi equidem a portu adporto hoc“. Мы отстаиваемъ подлинность этого стиха не только вслѣдствіе его тѣсной связи съ v. 144, но и ради его прямого отношенія къ v. 173 sq.; объ этомъ, однако, ниже. Слова Аканеіона заставляютъ Харина, увлекшагося нѣсколько препирательствомъ съ рабомъ, встрепенуться, и онъ спрашиваетъ съ беспокойствомъ

Сравни. Рыбб. р. 4.

и нетерпѣнъ: „quid fers? dic mihi“. Пропуская затѣмъ слѣдующіе три нелѣпные стиха (съ v. 163 сравн. v. 641), мы переходимъ къ v. 165. Если Харинъ къ вопросу: „quid fers? dic mihi“ присоединить еще „quid istuc ost mali?“, то это вполне соотвѣтствуетъ настроенію. „И не спрашивай“, отвѣчаетъ Аканеіонъ,— „случилось въ личайшее несчастье“. Не естественно ли и съ психологической точки зрѣнія понятнo, что подобный отвѣтъ вызываетъ Харина на догадки какое несчастье могло случиться? Вопросъ его долженъ касаться, и нечно, чего-либо весьма цѣннаго или для него дорогаго, ибо Аканеіонъ упомянулъ о „maximum infortunium“. И дѣйствительно, въ v. 173 Харинъ спрашиваетъ: не погибъ ли корабль. Отвѣтимъ, что на послѣднемъ находится все пріобрѣтенное Хариномъ въ теченіе двухлѣтнаго странствованія по чужимъ краямъ состояніе. Но однимъ этимъ обстоятельствомъ, думаемъ мы, объясняется, почему Харинъ спрашиваетъ именно о кораблѣ, а не о чемъ-либо другомъ. На этотъ вопросъ навело Харина, очевидно, замѣчаніе Аканеіона, что неблагопріятныя вѣсти онъ приноситъ ему съ пристани. Поэтому Харинъ и въ слѣдующемъ вопросѣ не выходитъ изъ предѣловъ и слѣдней; къ общему вопросу (v. 175) онъ переходитъ уже послѣ того какъ получаетъ успокоительный отвѣтъ на вопросы, касавшіеся всего возможнаго для него несчастья въ предѣлахъ пристани. Догадки, очевидно, исчерпаны. Изъ сказаннаго, кажется, ясно, что v. 173 находится въ тѣсной связи съ v. 165 и v. 161, и что рядъ стиховъ, отдѣляющій v. 165 отъ v. 173, есть такая же интерполяция, какъ и v. 145—146 и 162—164 (incl.). Въ пользу нашего мнѣнія относительно v. 166—172 (incl.) можно привести, кромѣ всего сказаннаго, еще и то обстоятельство, что стихи эти дошли до насъ въ рукописяхъ въ такомъ порядкѣ ¹⁾, въ которомъ оставить ихъ не возможно, такъ какъ въ v. 169, слѣдующемъ въ рукописяхъ послѣ v. 166, кромѣ вообще понятнаго и подозрительнаго „multa exquirere“, является еще и чѣмъ не мотивированное „grius quam uaralem“. Между тѣмъ, привести упомянутый рядъ стиховъ въ болѣе удовлетворительный порядокъ тоже не возможно. Въ той послѣдовательности, въ которой читаемъ ихъ у Ричля и Гетца, ничѣмъ не мотивированнымъ является v. 167, такъ какъ употребленное Хариномъ въ предъидущемъ стихѣ „obsesco“ не объясняетъ замѣчанія Аканеіона, hoc sis uide ut palatium“ е. q. s. Ладевинъ, въ указанной нами выше статьѣ, не сог-

¹⁾ См. изд. Гетца, критическій аппаратъ.

шаясь съ распредѣленіемъ Ричля, предлагаетъ другое, въ которомъ однако упомянутое нами затрудненіе, представляемое рукописнымъ порядкомъ (v. 166, 169), не устраняется. И такъ, мы предлагаемъ читать разсмотрѣнную нами часть 2-й сцены 1-го акта слѣдующимъ образомъ:

v. v. 138, 139, 140, 141, 142 — затѣмъ:

v. 143. Char. Sin, saluti quod tibi esse censeo, id consuadeo?

v. 144. Ac. Aprae istius modi salutem, cum cruciati quae aduenit.

v. 161. Char. Vae tibi. Ac. Tibi equidem a portu adporto hoc. Char.
Quid fors? dic mihi:

v. 165. Quid istuc est mali? Ac. Ne rogites: maximum infortuniumst.

v. 173. Char. Obsecro, num nauis periit? Ac. Saluast nauis: ne time.

III.

v. 195—197.

Char. Nequiquam mare subterfugi saeuis tempestatibus
Equidem me iam censebam esse in terra atque in tuto loco,
Verum uideo med (l. l. me) ad saxa ferri saeuis fluctibus.

Вотъ чтеніе интересующихъ насъ трехъ стиховъ, выведенное изъ рукописнаго преданія; болѣе значительное отступленіе отъ прочихъ рукописей (CDF) мы находимъ въ В, гдѣ v. 195 читается такъ: nequiquam mare sub^t a tuis temptatib; (=temptatibus). Здѣсь однако врядь ли кроется что-нибудь другое, чѣмъ чтеніе, представляемое прочими рукописями; по крайней мѣрѣ всѣ попытки извлечь изъ чтенія В что-нибудь другое оказались неудачными ¹⁾. Издатели до Ричля соединяли „saeuis tempestatibus“ съ „nequiquam mare subterfugi“ ²⁾ и, не видя никакихъ затрудненій, переходили къ слѣдующему стиху; Ричль же находилъ, что между v. 165 и слѣдующимъ выпалъ стихъ, къ которому относилось неудобосоединимое съ предыдущимъ „saeuis tempestatibus“. Подозрѣваемый пропускъ Ричль дополнялъ слѣдующимъ образомъ:

saeuis tempestatibus
Afflictatus multum, summis me exemi ex periculis.

¹⁾ См. *Рубб.*, p. 25.

²⁾ *Воме*: Nequiquam mari(s) subterfugi saeuis tempestatibus (=dat.). Относительно subterfugere сравн. *Сарт.* 5, 2, 17 и *Васк.* 4, 6, 2.

Мы, съ своей стороны, считаемъ выраженіе „saeuis tempestatibus“ принадлежащимъ къ слѣдующему (196) стиху, находя въ немъ противоположеніе къ выраженію: „in terra atque in tuto loco“. Связь затруднительнаго „saeuis tempestatibus“ мы восстанавливаемъ вставкой предлога „ex“ передъ „saeuis t.“. Этимъ путемъ достигается сжатое и весьма энергичное выраженіе мысли, вполне подходящее къ настроенію говорящаго лица. Перейдемъ къ в. 197. Эпитетъ „saeuis“ при словѣ „fluctibus“ послѣ „saeuis tempestatibus“ въ в. 195 возбуждаетъ подозрѣніе. Правдоподобно предположеніе, что „saeuis“ попало въ в. 197 изъ в. 195 и имѣло подлинное прилагательное передъ „fluctibus“. Кохъ ¹⁾ предлагаетъ читать „salsis fluctibus“; намъ эта конъектура кажется неудачною, такъ какъ въ данномъ мѣстѣ мы имѣемъ дѣло съ выраженіемъ образнымъ, для котораго эпитетъ „salsi“ при „fluctus“, съ одной стороны, черезчуръ реаленъ, а съ другой—какъ epith. organs, не довольно выразителенъ. Харинъ намекаетъ на постигнушую его бѣду, которая удаляетъ его отъ представляющагося его воображенію счастья подобно волнамъ, не дающимъ кораблю пристать къ берегу, уносящимъ и натапливающимъ его на скалы, которыя грозятъ ему вѣрною гибелью. Такимъ образомъ при „fluctus“ требуется эпитетъ, характеризующій эту противодѣйствующую силу; болѣе всего подходящимъ является „aduorsis fluctibus“. Въ виду всего сказаннаго мы предложили бы читать разсмотрѣнные нами три стиха такъ:

Nequiquam mare subterfugi: ex saeuis tempestatibus
 Equidem me iam consobam esse in terra atque in tuto loco:
 Verum uideo med ad saxa ferri aduorsis fluctibus.

Начало слѣдующаго затѣмъ стиха мы читаемъ вмѣстѣ съ Лангеномъ ²⁾ такъ:

Loquero porro, quid tumst actum.

Замѣтимъ кстати, что вставлять въ в. 197 „iterum“ (Ричль Риббекъ) или „denuo“ (Бухелеръ) или писать „eadem ad saxa“ (Бергъ ³⁾) не только не нужно, но даже неумѣстно, такъ какъ тутъ рѣчи нѣтъ о вторичномъ „ferri ad saxa“, какъ напримѣръ, въ Most.

¹⁾ Emendationes Plaut. p. 13.

²⁾ Langen, Beiträge zur Krit. und Erkl. des Pl. p. 193; сравн. Беккера въ Studemunds Stud. I, p. 152 и Рибб. p. 25.

³⁾ См. изд. Гетца и Рибб. p. 25.

v. 677 (cf. *ibid.* v. 659 sq. и v. 622). Въ разсматриваемомъ мѣстѣ образное выраженіе „*ferri ad saxa*“ заключаетъ въ себѣ усиленіе представленія сравнительно съ „*sacuae tempestates*“ и употреблено поэтѣмъ ради образнаго же „*esse in terra atque in tuto loco*“ (въ дѣйствительности вѣдь Харинъ на сушѣ и вѣдь опасности отъ морскихъ бурь; о новыхъ странствованіяхъ онъ теперь еще не думаетъ, cf. v. 644) точно также, какъ послѣднее ради необразнаго „*ex sacuis tempestatibus*“. Упомянутое столь характерное для нашего мѣста усиленіе мысли исчезло бы однако безслѣдно со вставкой слова „*iterum*“ или чего-нибудь подобнаго. Для большей ясности мы приведемъ все мѣсто въ переводѣ: „Напрасно я ускользнулъ отъ моря! Послѣ свирѣпныхъ бурь я считалъ себя уже на твердой землѣ и въ безопасности; на дѣлѣ же я вижу (*iterum uideo oppros. къ sensebam*), что враждебныя мнѣ волны уносятъ и натакиваютъ меня на скалы“. Смыслъ этой рефлексіи, очевидно, слѣдующій: „Избѣгши опасностей моря, я полагалъ, что я уже вѣдь всякой опасности; между тѣмъ теперь я вижу себя на краю неизбежной гибели“. Не забудемъ, что влюбленные герои паллаты разлуку съ своими „*amicas*“ считаютъ для себя равносильною погибели.

IV.

v. 276.

Демифонъ кончаетъ разказъ про свой страшный сонъ. Опъ догадывается, что приснившаяся ему „*formosa carpa*“ есть та же, вскружившая ему голову Пасикомпа, съ которою онъ утромъ встрѣтился на кораблѣ; но кого долженъ онъ подразумѣвать подъ видѣнными во снѣ обезьяной и возликомъ, которые ему „*malum adportant*“, этого онъ въ толкъ не возьметъ (v. 268). Въ это самое мгновеніе на сцену является Люсимахъ въ сопровожденіи раба, припеспаго ему, очевидно изъ деревни, разныя новости, между прочимъ и извѣстіе о какихъ-то продѣлкахъ буйнаго возла. Первое, что слышитъ Демифонъ изъ устъ Люсимаха, это сердитое приказаніе послѣдняго осконить буйствующаго въ деревнѣ возла:

v. 272. *Profecto ego illum hircum castrari uolo,
Qui ruri nobis exhibet negotium.*

Сувѣрный Демифонъ, занятый своимъ сномъ, естественно принимаетъ появленіе Люсимаха, отдающаго столь грозное приказаніе,

за дурную примѣту и слова его за дурное для себя предзнаменованіе, и явливаетъ свои опасенія въ слѣдующей рѣчи:

v. 274. Nos omen mihi illuc nec auspiciū placet:
Quasi hircum metuo ne ixor me castret mea
Atque illius haec nunc simiae partis ferat.

Такъ представляетъ эти стихи вульгата на основаніи рукописей ВСД, въ которыхъ мы существенныхъ отступленій другъ отъ друга въ данномъ случаѣ не находимъ¹⁾. Въ палимпсестѣ (А) послѣдній изъ приведенныхъ стиховъ, однако, читается иначе, а именно:

ас²⁾ ?) metuo ne illaec simiae partis ferat.

Ричль, опираясь на чтеніе А, первоначально предложилъ было читать „metuo hercle ne illaec“ е. q. s., но затѣмъ совсѣмъ забраковалъ этотъ стихъ, какъ велевкую, бессмысленную и противорѣчащую содержанію піесы интерполяцію, въ которой вдобавокъ выраженіе „partis ferat“ не латинское³⁾. Противъ Ричля отстаивалъ этотъ стихъ Шпенгель (А. Spengel)⁴⁾, но весьма поверхностно⁵⁾. Соблазнительно на первый взглядъ изліціе и близко подходящее къ А чтеніе Бюхелера⁶⁾: „simitu ne illaec simiae partis ferat“; не смотря, однако, на упомянутыя качества, исправленіе это не удачно, такъ какъ имъ не уничтожается самое существенное затрудненіе, заключающееся, какъ увидимъ, именно въ словѣ „illaec“; кромѣ того, „simiae“ безъ ближайшаго опредѣленія не имѣетъ тутъ смысла. Въ изданіи Гётца интересующій насъ стихъ помѣщенъ въ текстъ согласно съ чтеніемъ А, но въ скобкахъ.

Высказанные Ричлемъ противъ подлинности разсматриваемаго стиха доводы, безъ сомнѣнія, весьма вѣски, и игнорировать ихъ нельзя; но они все-таки не на столько убѣдительны, чтобы нельзя было попытаться отстоять этотъ стихъ, конечно, исправивъ его предварительно, такъ какъ онъ очевидно дошелъ до насъ испорченнымъ. И такъ, перейдемъ къ разбору преданія. „Metuo“ палимпсеста пред-

¹⁾ Замѣтимъ однако, что D въ v. 276 представляетъ II, то-есть, поп.

²⁾ Передъ metuo въ А замѣтны несудобочитаемые слѣды двухъ буквъ; Штудемундъ видитъ въ нихъ «ас», см. *Neue Jahrb. für Philol.* 1866, p. 55.

³⁾ См. предисловіе къ его изд. ком. Merc., p. VII и *Opusc. Philol.* II, p. 702 sqq.

⁴⁾ А. Spengel, T. Maccius Plautus, p. 66 sq. и *Philologus* ol. XXIII, p. 673.

⁵⁾ *Ritschl*, *Opusc. Philol.* II, p. 702 sqq.

⁶⁾ *Rhein. Mus.* v. 1860, p. 430.

ставляетъ собою столь неловкое повтореніе того же самаго глагола, употребленнаго въ предыдущемъ стихѣ, что нельзя не сомнѣваться въ его подлинности; по нашему мнѣнію, оно попало въ в. 276 по винѣ переписчика либо изъ предшествующаго стиха, либо — и это кажется намъ еще правдоподобнѣе — изъ надстрочной приписки (см. ниже), и вытѣснило часть подлиннаго текста. Что далѣе „illaes“ палимпсеста и „haes“ (hēs C, hēs D) Палатинскихъ не вѣрно, это ясно съ перваго взгляда. Такъ не могъ написать не только Плавтъ, но даже и предполагаемый интерполяторъ, такъ какъ ни тотъ, ни другой не могли „сочинить“ этого стиха, не имѣя въ виду в. 229—254, значить, цѣлаго ряда стиховъ, исключающихъ всякую возможность отождествленія жепы Демифона ¹⁾ съ обезьяной, которой послѣдній во снѣ отдалъ на сбереженіе свою козочку ²⁾. Если спросимъ, кого Демифонъ въ данную минуту опасается въ роли обезьяны, видѣнной имъ во снѣ, то а priori самый естественный отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ: Лусимаха, который по плану піесы долженъ былъ въ отношеніи къ Демифону играть эту роль и въ самомъ дѣлѣ играетъ ее; только мы не должны отождествлять эту роль съ „castrage“ ³⁾, о которомъ въ монологѣ Демифона и рѣчи не было, и должны не упускать изъ виду, что въ роль обезьяны въ сновидѣвіи Демифона входили и угрозы (в. 243 sq.):

Respondet: ni illam properem ab sese abducere,
Domum se ad uxorem intro ducturam meam,

угрозы, исполненіе которыхъ должно было имѣть для Демифона весьма непріятныя послѣдствія, и на которыя онъ намекаетъ в. 275, представляя ихъ, однако, въ комически-преувеличенномъ видѣ, сообразно съ в. 272. И такъ, вотъ чего Демифонъ опасается со стороны Лусимаха въ роли обезьяны, продолжающей преслѣдовать его и на яву. Во снѣ, видѣнномъ Демифономъ, дѣло, правда, не доходитъ до исполненія обезьяной ея угрозы; но это нисколько не могло помѣшать Демифону опасаться этой катастрофы въ дѣйствительности, именно въ

¹⁾ Обратимъ вниманіе на в. 230, гдѣ словомъ «сарга» D. очевидно обозначаетъ свою жену.

²⁾ Нельзя же объяснять это отождествленіе поверхностнымъ знакомствомъ интерполятора съ предшествующимъ непосредственно монологомъ, на которомъ основывается мнимая интерполация.

³⁾ Это отождествленіе, впрочемъ, окажется невозможнымъ, коль скоро мы вмѣсто haes гезр. illaes будемъ читать hic гезр. illic. См. ниже.

виду рѣчи Лусимаха, которой онъ придалъ значеніе дурнаго для себя предпаменованія. Поводомъ къ отождествленію Лусимаха съ обезьяной служить Демифону, очевидно, то обстоятельство, что Лусимахъ является виновникомъ кастраціи козла, обрекая его на это наказаніе и говоря такимъ образомъ: „Боюсь, какъ бы этотъ человѣкъ, обрекающій козла на кастрацію, не навлекъ и на меня подобнаго наказанія, поступивъ со мною такъ, какъ угрожала поступить видѣнная мною во снѣ обезьяна, то-есть, выдавъ женѣ моей мою тайну“. Не забудемъ, что Демифонъ приводитъ свой сонъ въ связь съ восплавашею въ немъ страстью къ Пасикомисѣ (v. 253 sqq. и 266). Сначала онъ подозрѣваетъ только, что приснившаяся ему „formosa carpa“ означаетъ Пасикомису; теперь у него уже являются догадки и на счетъ обезьяны. Такимъ образомъ Плавтъ, или пока, если угодно, предполагаемый интерполяторъ долженъ былъ употребить въ данномъ стихѣ не „haec“ или „haec“, „hic“ или „hic“, то-есть, форму указательнаго мѣстоименія, посредствомъ котораго Демифонъ указываетъ на говорящаго Лусимаха. Перейдемъ теперь къ выраженію „partis ferat“. Мы должны сознаться, что оно въ дошедшихъ до насъ памятникахъ латинской рѣчи, исключая разбираемый стихъ, не встрѣчается, но полагаемъ, что въ видѣ существованія оборотовъ: partes habere (Ter. Eun. 1, 2, 71), p. sustinere (Cic. Nat. resp. 28), p. suscipere (id. Fam. 3, 10), p. imponere alicui (Anton. ap. Cic. post. epist. 8, l. 10 ad. Att.), p. excipere (Ne. Dion. 8), p. subire (Quint. 6, 1), встрѣчающихся точно также врядъ ли чаще, чѣмъ по одному разу, выраженіе „partes ferre“ нельзя относить къ числу невозможныхъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: каковъ былъ или могъ быть первичный видъ этого спорнаго стиха. Конецъ его сохранился во всѣхъ рукописяхъ въ одинаковомъ и безъ сомнѣнія первоначальномъ видѣ: „simiae partis ferat“. Въ первой половинѣ долженъ былъ найдти gen. указательнаго мѣстоименія „ille“, относящійся къ формѣ „simiae“ и указывающій на упомянутую въ предшествующемъ мѣстѣ логъ Демифова „simia“; этотъ gen. сохранился въ Палатинскихъ рукописяхъ. Далѣе тутъ требуется nom. указательнаго мѣстоименія муж. р., посредствомъ котораго Демифонъ указываетъ на Лусимаха въ испорченномъ видѣ (haec A, haec B, hec C, hec D) эта форма сохранилась тоже въ нашихъ рукописяхъ. Соединительный союзъ „atque“ (ac A, см. выше), представляемый Палатинскими рукописями не возбуждаетъ подозрѣній; о значеніи его въ данномъ случаѣ на еще придется поговорить ниже. Что касается наконецъ частицы „n

уцѣлѣвшей въ палимпсестѣ, то слѣды ея мы находимъ въ „*p̄c*, *p*, *p̄nc*“ Палатинскихъ рукописей. Основываясь на этихъ данныхъ, мы полагаемъ, что подлинный видъ интересующаго насъ стиха могъ быть слѣдующій:

Atque illius hic ne simiae partis ferat.

Мы предпочитаемъ это сочетание словъ, долженствовавшихъ войти въ составъ первой половины разсматриваемаго стиха, другимъ возможнымъ комбинаціямъ, такъ какъ оно ближе подходитъ къ традиціи и даетъ возможность объяснить постепенную порчу текста въ этомъ стихѣ. Началась же она, вѣроятно, съ замѣны формы „*hic*“ формой „*haec*“ resp. „*illaec*“. Порча эта могла быть или случайная (*hic*, *hec*, *haec*), или — и это намъ кажется еще правдоподобнѣе — намеренная, вызванная желаніемъ исправить мнимо-ошибочное „*hic*“. Это исправленіе (къ худшему) должно было казаться необходимымъ тому, кто, упуская изъ виду связь даннаго стиха съ предыдущимъ монологомъ, относилъ „*illius simiae*“ къ Люсимаху въ качествѣ браннаго выраженія, употребленнаго Демифономъ по отношенію къ его сосѣду, другими словами, кто понималъ разбираемый стихъ такъ: „Бойсь, чтобы жена моя не оскончила меня, какъ козла, и чтобы она не играла роли вотъ той обезьяны“, то-есть, Люсимаха, отдающаго приказаніе кастрировать буйнаго козла. Если мириться съ „*haec*“ = „*illaec*“ преданія, то слѣдовало бы, несмотря на тавтологію и противорѣчащее упомянутому толкованію „*atque*“, все-таки скорѣе толковать разсматриваемый стихъ именно такъ, чѣмъ отождествлять жену Демифона съ упомянутой въ монологѣ обезьяной. Такое толкованіе даннаго стиха и вызванная имъ порча пошлѣны, но не правдоподобно, чтобы какому-либо интерполатору могло прійти въ голову сочинить стихъ такого содержанія. Какая бы, однако, ни была причина упомянутой порчи, относить ее нужно къ весьма отдаленнымъ временамъ, такъ какъ она проникла во всѣ имѣющіяся у насъ рукописи, въ которыя она, слѣдовательно, должна была перейти черезъ большій или меньшій рядъ списковъ изъ общаго ихъ источника ¹⁾. Далѣе уже въ сискѣ, легшемъ въ основаніе нашей Палатинской рецензіи, читалось послѣ „*hic*“ или

¹⁾ Ричль, очевидно, черезчуръ увлекся желаніемъ доказать что *v. 276* есть интерполация, если онъ отрицаетъ всякую связь между *v. 274—276* и предыдущимъ монологомъ Демифона. Не понимаемъ, зачѣмъ для этого нужно было бы отождествленіе Люсимахова „*hircus*“ съ присявншимся Демифону „*haecus*“. См. *Ориг.* II, p. 705.

„haec“ не „ne“, а „nunc“ или „nunc“; по нашему мнѣнiю, оно оди не вставлено ради восстановленiя метра въ замѣтъ выпавшаго „a“ такъ-сказать, образовалось постепенно изъ этого словечка: ne-nunc. Слѣды этой метаморфозы мы видимъ въ „nunc“, представимъ рукописью С.

До этихъ предѣловъ дошла порча разсматриваемаго стиха Палатинскихъ рукописяхъ. Въ А или его источникѣ порча косну и начала стиха. Читаемое тутъ „metuo“, какъ нами замѣчено вношло въ текстъ, очевидно, по вилѣ переписчика либо изъ предыдущаго стиха, либо вѣрнѣе изъ надстрочной приписки и вытѣсло слово „Plus“, вслѣдствiе чего atque замѣнено словомъ „ac“ и „In“ двусложнымъ „Inac“ ради восстановленiя метра. Надстрочною припиской слова „metuo“ послѣ „atque“ какой-нибудь древнiй ученый хотѣлъ отмѣтить, что тутъ слѣдуетъ мысленно повторить „metuo“ ту же самую мысль можемъ выразить, переводя „atque—ne“ средствомъ „и къ тому (и вдобавокъ), чтобы—не“¹⁾).

Въ виду всего сказаннаго мы полагаемъ, что в. 276 есть интерполяцiя, а подлинный, но испорченный стихъ, не только лишнiй въ рѣчи Демифона, а необходимый, такъ какъ черезъ предшествующiй стихъ получаетъ надлежащее освѣщенiе и прiдѣлывается въ связь съ содержанiемъ предыдущаго монолога. Если черкнуть его, то не ясно, въ силу чего Демифонъ опасается, жена подвергнетъ его наказанiю, которымъ Люсимахъ угрожаетъ козлу. Тогда заключалась бы въ в. 275 просто пошлая, ничѣмъ мотивированная выходка; трудно представить себѣ, что только въ возможности пустить такую въ ходъ Плавтъ заставляеть Люсимахъ распространяться о кастрацiи буйнаго козла. Въ другомъ смъ представляется дѣло, если Демифонъ, отождествляя Люсимахъ видѣнною имъ во снѣ обезьяной, подозрѣваетъ въ сосѣдѣ будущаго обличителя.

V.

V. 368—376.

Харинъ, встревоженный извѣстiемъ о неожиданной встрѣчѣ съ Пасикомпой, вдругъ сталкивается съ нимъ на улицѣ. Демиф

¹⁾ См. Ribbeck, Beiträge zur Lehr

t. Partikeln, Lpzg. 1869, p. 2

замѣтивъ смущеніе (v. 365) и блѣдное лицо сына, обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: v. 367 *Unde incedis? quid festinas, gnate mi?* на что сынъ отвѣчаетъ уклончивымъ „*recte pater*“. Затѣмъ слѣдуютъ стихи:

v. 368 *Dem. Ita volo, sed istuc quid est tibi quod commutatust color?*

Numquid tibi dolet? Char. Nescioquid meo animost aegre, pater.

Poste hac nocte non quieui satis mea ex sententia.

Dem. Per mare ut uectu's, nunc oculi terram mirantur tui.

Char. Magis opinor. Dem. Id est profecto: uerum actutum abscesserit.

Ergo edepol palles: si sapias, eas ac decumbas domi.

Этотъ рядъ стиховъ представляетъ не одно затрудненіе. Вопервыхъ, непонятенъ отвѣтъ Харина „*magis opinor*“ на замѣчаніе Демифона v. 371; далѣе слова: „*id est profecto: uerum actutum abscesserit*“ и „*ergo edepol palles: si sapias, eas ac decumbas domi*“, въ устахъ одного и того же лица совсѣмъ не вяжутся другъ съ другомъ. Наконецъ, стихи „*poste hac nocte non quieui satis mea ex sententia*“ и „*ergo edepol palles: si*“ е. q. s., тѣсно связанные по смыслу, являются разрозненными.

Прежде, чѣмъ перейти къ попыткѣ рѣшить эти затрудненія, замѣтимъ, что нѣсколько ниже, именно послѣ v. 52 этой же сцены всѣ рукописи представляютъ три стиха, весьма схожіе съ v. 369, 371, 372. Ричль призналъ упомянутые стихи за параллельные къ послѣднимъ и помѣстилъ ихъ въ своемъ изданіи послѣ v. 372 въ скобкахъ; въ скобкахъ же находимъ мы ихъ и въ изданіи Гётца. Эти стихи читаются такъ:

Dem. Usquen paluisti? Char. Perpetuo recte, dum quidem illic fui.

Verum in portum huc ut sum aduectus, nescio qui animus mihi dolet.

Dem. Nausea edepol factum credo: uerum actutum abscesserit.

Не раздѣляя вполне взгляда Ричля и другихъ относительно этихъ стиховъ, мы считаемъ за интерполяцію лишь послѣдніе два. Генезисъ ихъ мы представляемъ себѣ такъ: „*Nausea edepol factum credo*“ есть, очевидно, не совсѣмъ удачный парафразисъ v. 371 (и начала v. 372 „*magis opinor*“)¹⁾. Своеобразное обозначеніе Демифономъ состоянія чловѣка, очутившагося послѣ продолжительнаго морскаго путешествія среди разнообразія, представляемаго городомъ, легко

¹⁾ См. ниже.

могло вызвать такую замѣтку, помѣщенную ея авторомъ между v. 371 и слѣдующими, къ которымъ она относится. Впослѣдствіи приставленъ былъ къ ней казавшійся подходящимъ конецъ слѣдующаго (372) стиха „uerum actutum abscesserit“. При помощи вставки слова „ederol“ сфабрикованъ былъ, правда, правильный, но рядомъ съ v. 371 sq. лишній стихъ, вызвавшій вдобавокъ невѣрное распределение слѣдовавшаго за нимъ подлиннаго стиха (372) между обими дѣйствующими лицами (см. ниже).—Перейдемъ теперь къ среднему изъ разсматриваемыхъ стиховъ. Это бесспорно—интерполяция, вызванная желаніемъ дополнить отвѣтъ Харина „perpetuo recte“ е. q. s. на вопросъ отца „usquen ualulist?“¹⁾. При этомъ интерполяторъ воспользовался находившимся, очевидно, тутъ же рядомъ v. 369. Дополнение это, конечно, лишнее и неловкое (сравн. v. 369), но оно вѣрно досказываетъ мысль, заключающуюся *implicite* въ словахъ Харина: „perpetuo recte, dumquidem illic fui“. Остается поговорить о первомъ изъ занимающихъ насъ стиховъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ его подлинности, такъ какъ самъ по себѣ, то-есть, безъ слѣдующей за нимъ явной интерполяции, онъ оказывается не только не лишнимъ¹⁾, но даже весьма подходящимъ къ той части сцены, къ которой онъ принадлежалъ до перемѣщенія его туда, гдѣ онъ читается теперь въ рукописяхъ. Мы полагаемъ, что этотъ стихъ первоначально предшествовалъ непосредственно v. 369²⁾. Демифонъ, озабоченный блѣдностью Харина, обращается къ нему съ вопросомъ: „usquen ualulist?“³⁾, то-есть, былъ ли ты все время здоровъ?—полагая, очевидно, что блѣдный видъ сына находится въ связи съ нездоровьемъ, случившимся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они не видали другъ друга, то-есть, съ вечера прошлаго дня,—ибо на канунѣ Харинъ, конечно, былъ совершенно здоровъ. Харинъ однако не безъ цѣли распространяетъ Демифоново „usquo“ на все время своего отсутствія изъ родительскаго дома и съ понятнымъ для зри-

¹⁾ Что v. 373 не есть диттография v. 369, доказываютъ ничего общаго между собою не имѣющіе отвѣты Харина въ обоихъ стихахъ.

²⁾ Что v. 373 и 369 находились первоначально въ непосредственномъ со-
сѣдствѣ, это видно изъ интерполяции (v. 374). Послѣ v. 368 могли бы слѣдовать
оба упомянутые стиха безразлично; но v. 369 представляетъ собою естественное
продолженіе v. 373, ибо отвѣтъ Харина „perpetuo recte, dumquidem illic fui“
вызываетъ Демифона на вопросъ „dumquid tibi dolet“. Въ виду этого мы
предпочитаемъ такой порядокъ: v. 368, 373, 369.

³⁾ Cf. Pansa v. 24 sq.

тепей, но не для отца сарказмомъ отвѣчаетъ: „Perpetuo recte, dum quidem illic fui“.

Теперь вѣдь Харинъ хотя и не боленъ, но сильно разстроенъ, а именно по винѣ отца. Не понимая направленного противъ себя упрека, Демифонъ естественно заключаетъ изъ этого отвѣта, что Харину теперь, по возвращеніи на родину, нездоровится, и поэтому онъ съ беспокойствомъ спрашиваетъ: „numquid tibi dolet?“ то-есть, развѣ у тебя болеть что? (=значитъ, ты не здоровъ, если такъ говоришь?). Съ понятнымъ опять-таки для зрителей, но не для Демифона намекомъ на истинную причину своего расстройства Харинъ отвѣчаетъ: „nescio quid meo animos aegre, pater“, то-есть, физической боли я не чувствую, но я что-то разстроенъ (мнѣ что-то не по себѣ). Сознавая, однако, необходимость дать отцу болѣе удовлетворительное объясненіе причины своей бѣдности, чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ разпросамъ, Харинъ прибавляетъ: „Затѣмъ я эту ночь спать не довольно хорошо“. На это Демифонъ по рукописному преданію отвѣчаетъ: „Такъ какъ ты вѣчалъ моремъ, то теперь глазамъ твоимъ земля кажется странною“. Къ этому (371) стиху мы должны будемъ еще возвратиться, а потому не будемъ объяснять теперь его смысла и связи съ предыдущимъ, а перейдемъ къ слѣдующему, съ котораго начинаются упомянутыя нами выше затрудненія. Послѣднія столь трудно преодолимы, что мы легко могли бы быть введены въ искушеніе считать в. 371 sq. интерполяціей, какъ это дѣлаетъ Уссингъ въ своемъ изданіи. Этимъ путемъ мы, правда, избавились бы отъ всякихъ затрудненій, ибо в. 370 какъ нельзя лучше вѣзется съ в. 376 ¹⁾, но мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Уссинга уже потому, что своеобразность высказываемой Демифономъ мысли говорить въ пользу подлинности данныхъ стиховъ. И такъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію в. 372. На замѣчаніе отца „per mare ut uestu's“ е. q. s. Харинъ отвѣчаетъ по рукописному преданію: „magis opinor“, а Демифонъ подхватываетъ „id est profecto: uerum actutum abscesserit“. Тутъ прежде всего спрашивается, что значитъ это странное „magis opinor“? Мы не знаемъ, какъ понималъ это выраженіе Ричль, державшійся преданія, и какъ понимаетъ его Гётцъ, слѣдующій въ этомъ отношеніи Ричлю,

¹⁾ Риббекъ р. 7 замѣчаетъ по этому поводу: optime quidem, nisi v. 371 sq. intercederent, Charini uerba v. 370 „poste hac nocte non quieui satis mea ex sententia“ Demiphonis v. 376 exciperentur: „ergo edepol palles“ е. q. s.

но сомнѣваемся вообще въ возможности дать ему удовлетворительное объясненіе. Сколько мы знаемъ, въ дошедшихъ до насъ памятникахъ латинской рѣчи „magis opinor“ не встрѣчается, но у Теренція мы находимъ разъ „magis putare“, именно въ слѣдующемъ случаѣ: (Heaut. 5, 1, 16) *si magis noris scil. Surum, magis putes ita gem esse scil. eum esse ueteratorem*“, то-есть: „если бы ты болѣе (лучше) зналъ Сура, ты еще болѣе былъ бы утверждень въ высказанномъ тобою мнѣніи, что онъ хитрецъ“¹⁾. Изъ этого примѣра видно, что „magis opinor“ могло бы лишь значить: „я еще болѣе утверждень въ высказанномъ мною мнѣніи“, точно также, какъ „magis dico“— „я еще болѣе настаиваю на сказанномъ мною“. И такъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ: возможно ли вообще соединить „magis“ съ „opinor“,²⁾ и возможно ли абсолютное выраженіе „magis opinor“, какое мы встрѣчаемъ въ в. 372, мы должны сознаться, что въ качествѣ отвѣта Харина на замѣчаніе отца, „magis opinor“ не имѣетъ смысла. Боте (Bothe) въ своемъ изданіи объясняетъ занимающее насъ мѣсто такъ: „magis opinor, h. e. opinor gem ita se habere, ut dicis, quam geuera animo meo aegre esse“; но невѣрность этого объясненія послѣ сказаннаго нами выше относительно „magis opinor“ очевидно. Боте, кромѣ того, совершенно игнорируетъ в. 370, къ которому именно относятся слова Демифона; послѣдній вѣдь не опровергаетъ сказаннаго Хариномъ въ в. 369, а объясняетъ, почему тотъ плохо спалъ послѣднюю ночь. Съ толкованіемъ Боте нельзя согласиться въ виду содержанія реплики Демифона (в. 371); кромѣ того немыслимо, чтобы Демифонъ не обратилъ никакого вниманія на замѣчаніе сына, въ которомъ заключается вполнѣ удовлетворительное объясненіе безпокоившаго его обстоятельства (см. в. 376). Сознывая невозможность удовлетворительнаго объясненія этого мѣста, ученые пытались помочь дѣлу то поправками испорченнаго по ихъ мнѣнію текста, то измѣненіемъ традиціоннаго распредѣленія в. 372 между говорящими лицами. Шелль³⁾ предлагаетъ читать „масео

¹⁾ Сравн. Cic. Lael. 7. *Tum magis id diceres, Fanni, si nuper in hortis Scipionis adfuisses*. Въ точно такой же сочетаніи (услов. предл.) мы, помнится, читали гдѣ-то у Цицерона „magis assentire“; но въ настоящее время locus non reperit.

²⁾ Мы лично сомнѣваемся въ возможности употребленія этого оборота иначе, чѣмъ употреблено „magis puto“ у Теренція, „magis dico“ и „magis assentior“— у Цицерона.

³⁾ См. *Лѣтца Praef.* къ изд. Merc. p. XIII.

оріног“: но эта конъектура не удачна, такъ какъ того, кто говоритъ про себя, что онъ „масет“, нельзя, соглашаясь съ нимъ, утѣшать словами: „uegum actutum abscesserit“¹⁾. Первый, но недовольно рѣшительный шагъ къ исправленію этого труднаго мѣста сдѣлалъ Гильёмомъ²⁾, предложившимъ читать:..

Dem. Per mare ut uestu's. nunc oculi terram mirantur tui
Magis. Char. Orinog. Dem. Id est e. q. s.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ чтеніи, такъ какъ оно сопрягается съ послѣдующимъ, то-есть, съ чтеніемъ, предложеннымъ извѣстнымъ издателемъ Плавта—Вейсе. Послѣдній считъ слова „magis orinog“³⁾ принадлежащими Демифону⁴⁾, соединяя „magis“ съ „mirantur“, какъ предлагалъ уже упомянутый нами Гильёмъ. Слѣдующее затѣмъ „id est profecto: uegum actutum abscesserit“ Вейсе отвелъ Харину. Это измѣненіе традиціи нельзя не одобрить⁵⁾, какъ потому, что слова „magis orinog“ получаютъ благодаря ему удовлетворительный смыслъ, такъ и въ виду того, что „id est profecto“ e. q. s. въ самомъ дѣлѣ могъ въ данномъ случаѣ сказать только Харинъ, въ интересѣ котораго было подтвердить предположеніе отца и такимъ образомъ отвести ему глаза. Наконецъ, такое распредѣленіе дѣлаетъ возможнымъ переходъ отъ v. 372 къ v. 376.

Перейдемъ теперь къ изложенію связи между v. 370 и 371 sqq. Итакъ, по принятому нами чтенію Вейсе, Демифонъ на замѣчаніе Харина о плохо проведенной имъ ночи отвѣчаетъ: „Я думаю, что послѣ морскаго путешествія теперь глазамъ твоимъ земля кажется черезчуръ странною“. Этими Демифонъ, очевидно, хочетъ сказать: „Понятно, что тебѣ не спалось, ибо глаза твои, привыкшіе къ однообразію моря, теперь черезчуръ возбуждены разнообразіемъ, представляющимся для нихъ на землѣ. Гдѣ жъ имъ тутъ было смыкаться!“ Замѣчаніе это столько же интересно съ психологической точки зрѣнія, на сколько

¹⁾ Относительно „масего“ сравн. Сарт. 1, 2, 31 (130 Brix), Anul. 3, 6, 28 (564).

²⁾ Guilielmus (Guilielmus), уроженецъ города Любека, жившій во Франціи (XVI в.). Его „Plautinarum quaestionum commentarius“ напечатанъ въ Парижѣ 1583 г.

³⁾ Вейсе читаетъ «оріно», но въ этомъ нужды нѣтъ, ибо «est» можно считать за краткій слогъ.

⁴⁾ Сравн. v. 375.

⁵⁾ Чтеніе Вейсе одобряетъ *Ладески*; см. *Philolog.*, XVII, p. 478.

вѣрно съ физиологической. Видя, что выдумка на счетъ безсонной ночи не возбуждаетъ въ отцѣ никакихъ подозрѣній, Харинъ торопится подтвердить предположеніе Демифона и, чтобъ отдѣлаться отъ дальшѣйшихъ разпросовъ, заявляетъ, что это „actutum abscesserit“; на что Демифонъ замѣчаетъ (v. 376): „Оттого-то (то-есть, отъ того, что ты не выспался, какъ слѣдуетъ) ты и блѣденъ: будь ты умнѣе, такъ пошелъ бы да прилегъ дома“. Какъ видно, Харинъ достигъ своей цѣли, успѣвъ убѣдить отца, что блѣдность его происходитъ отъ плохо проведенной имъ ночи; но совѣтъ Демифона пойдти домой и прилечь не входитъ въ его расчетъ; поэтому у него вдругъ находятъ важныя дѣла (v. 377), которыми онъ считаетъ нужнымъ заняться, не смотря на усталость. Но строгій въ этомъ отношеніи (v. 379) во всякое другое время родитель вдругъ превращается въ снисходительнаго папеньку, находящаго, что дѣлами Харинъ можетъ заняться, не сегодня, такъ завтра, а то и послѣ завтра (v. 378). Эти неожиданныя поблажки возбуждаютъ въ Харинѣ подозрѣніе; поэтому онъ желаетъ, во что бы то ни стало, избавиться отъ необходимости слѣдовать совѣту отца. Въ высшей степени ловко онъ подѣвжаетъ къ послѣднему, припоминая ему его собственныя проповѣди по части житейской мудрости (v. 378 sq.). Тогда Демифонъ, не будучи въ состояніи устоять противъ такихъ аргументовъ, заявляетъ, что не хочетъ перечить сыну (v. 380). Тутъ только Харинъ убѣждается окончательно, что Демифонъ ничего не подозрѣваетъ объ его настоящихъ отношеніяхъ къ Пасикомисѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ отецъ-де вель бы иную рѣчь (v. 381—383). Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій рядъ стиховъ, представляющій вполне соотвѣтственное развитіе діалога, конечно, по мимо интерполяцій, помѣщаемыхъ нами въ скобкахъ:

- v. 367. D e m. Unde incedis? quid festinas, gnate mi? C h a r. Recta, pater.
 368. D e m. Ita volo. Sed istuc quid est, tibi quod commutatus color?
 373. Usquen ualunisti? C h a r. Perpetuo recte, dum quidem illie fui.
 374. (Verum in portum huc ut sum aduectus, nescio qui animus mihi dolet)
 369. D e m. Numquid tibi dolet? C h a r. Nescio quid meo animost aegre, pater.
 370. Poste hac nocte non quieui satis mea ex sententia.
 371. D e m. Por mare ut uectus, nunc oculi terram mirantur tui
 375. (Nausea edepol factum credo: uerum actutum abscesserit)
 372. Magis, opinor. C h a r. Id est profecto: uerum actutum abscesserit.
 376. D e m. Ergo edepol palles: si sapias, eas ac decumbas domi.

Намъ остается отвѣтить на вопросъ: какъ в. 373—375 очутились тамъ, гдѣ мы читаемъ ихъ въ рукописяхъ. Перемѣщеніе ихъ кажется намъ не случайнымъ. Какому-нибудь древнему редактору текста Плавта бросилась, очевидно, въ глаза в. 374—375, какъ лишніе въ разсмотрѣнномъ нами мѣстѣ; но, не желая совсѣмъ удалить ихъ изъ текста и вида, что в. 374 не имѣетъ самостоятельнаго значенія, онъ прихватилъ къ нему еще и в. 373 и помѣстилъ всѣ три тамъ, гдѣ къ этому оказалась первая, хотя бы чисто внѣшняя возможность, именно послѣ в. 389. Этою вставкой объясняется, какъ вѣрно замѣтилъ Ричль, „sed“ въ началѣ в. 390, которое пужно вычеркнуть, коль скоро мы удалимъ не принадлежащія сюда три стиха. Лучшее всего будетъ тогда читать съ Ричлемъ:

Quid ais? esquam tu aduexisti e. q. s. ¹⁾.

VI.

v. 385.

Харинъ, убѣдившись въ томъ, что Демифонъ ничего не знаетъ про его отношенія къ Пасикомисъ, отходить отъ него и въ порывѣ радости говоритъ про себя:

„saluos sum, siquidem“ e. q. s. v. 381—383.

Замѣтивъ это, Демифонъ въ недоумѣніи восклицаетъ (v. 384):

Quid illuc est, quod ille a me solus se in consilium seposat?

и затѣмъ продолжаетъ (v. 385 sq.):

Iam non uereor ne me amare hic potuerit resciscere:

Quippe haud etiam quicquam feci, amantes ut solent.

¹⁾ Риббекъ (р. 7) предлагаетъ: hem quid ais? esquam tu aduexisti e. q. s.— Мы рѣшительно не соглашаемся съ Пробстомъ (*A. Probst, Beiträge zur lat. Grammatik, II, p. 127*), отставляющимъ это «sed». Намъ кажется, что Пробстъ просто не понимаетъ, почему Ричль удалялъ эту частицу въ данномъ мѣстѣ изъ текста. Если бы въ в. 390, по удаленіи интерполяціи, мы имѣли дѣло съ «Uebergang zum Neuen», то никто не оставался бы передъ «sed»; но буда въ томъ, что именно этого «Uebergang» нѣтъ, какъ замѣтитъ всякій, кто потрудится прочесть в. 389. Въ пользу удержанія «sed» въ данномъ мѣстѣ не возможно орудовать самымъ давнымъ давно извѣстной истиной, что въ формулѣ «sed quid ais» частица «sed» не выражаетъ противоположенія въ полномъ смыслѣ этого слова. Настоящее значеніе формулы «sed quid ais» ясно видно, напримѣръ, изъ *Trinsumus, v. 193, 196*. Сравнивъ эти стихи съ нашимъ в. 390, всякій убѣдится въ неумѣстности «sed» въ последнемъ.

Средній (v. 385) изъ приведенныхъ нами стиховъ рукописи представляютъ въ невозможномъ со стороны метрики видѣ, а именно:

Iam non pereor ne illam me amare hic poterit resciscere.

Речь думалъ помочь дѣлу, читая съ Гюетомъ „eam“ (одинъ слогъ) вм. „illam“; съ этимъ исправленіемъ, однако, трудно согласиться, ибо мѣстоименіе „eam“ допустить здѣсь врядъ ли возможно. Бриксъ ¹⁾, сохраняя „illam“, предлагаетъ вычеркнуть „iam“. Мы не намѣрены брать подъ защиту словечко „iam“, считая его въ данномъ мѣстѣ невозможнымъ, но исправленіе Брикса все-таки кажется намъ неудачнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) Слово „illam“ тутъ не на столько нужно, чтобъ ему принести въ жертву какое-либо другое слово, входящее въ составъ рассматриваемаго стиха. 2) Вставка легко дополняемаго, хотя и не нужнаго „illam“ со стороны какого-нибудь мало заботившагося о метрѣ любителя Плавта гораздо болѣе понятна и правдоподобна, чѣмъ приписка въ началѣ стиха слова „iam“, которое никому не могло показаться нужнымъ. 3) Главное затрудненіе, представляемое занимающимъ насъ стихомъ, уничтожается не выпускомъ слова „iam“, а замѣной его другимъ словомъ, которое, очевидно, въ немъ скрывается. Въ виду этого мы вполне одобряемъ Гётца, выкинувшего лишнее „illam“ изъ текста. Упомянутое нами выше затрудненіе заключается въ томъ, что v. 385, начинаясь съ „iam“, совершенно не вяжется съ предыдущимъ вопросомъ (v. 384), вслѣдствіе чего послѣдній не имѣетъ смысла. Мы недоумѣваемъ, какъ это Демифонъ отъ вопроса, свидѣтельствующаго о томъ, что поведеніе сына въ данную минуту возбуждаетъ въ немъ не только любопытство, но и беспокойство и подозрѣніе, вдругъ переходитъ къ заявленію, что онъ „уже“ не боится, что Харинъ могъ узнать про его любовь къ Пасикомпсѣ. Мы ожидаемъ совершенно противоположнаго заявленія послѣ подобнаго вопроса (ср. v. 119 sq.), напримѣръ: „не пронюхалъ ли онъ, что я влюбленъ?“ или „боюсь, что онъ и т. д.“ ²⁾. Мы находимъ далѣе, что „iam non pereor“, кромѣ того, не вяжется и съ v. 386. Если Демифонъ, какъ онъ утверждаетъ, не сдѣлалъ до сихъ поръ никакой глупости, которая могла бы обнаружить его чувства къ Пасикомпсѣ, то онъ можетъ вообще „non pereor“, а не „iam non pereor, ne ....“. Въ самомъ дѣлѣ, Демифонъ

¹⁾ *Philol.*, XII (1857), p. 654.

²⁾ Обратное явленіе см. v. 381 sqq.

до сихъ поръ не высказывалъ опасенія на счетъ того, что Харинъ, пожалуй, уже знаетъ объ его видахъ на Пасикомпсу, такъ какъ ему и въ голову не приходитъ, что Аканеионъ надорвалъ легкiя, чтобы предупредить Харина. Уже передъ самой встрѣчей съ сыномъ онъ замѣчаетъ лишь (v. 333 sq.), что „praesautost opus, ne hic illam me animum adiecisse aliqua sentiat“. Если мы просто выкинемъ изъ текста „iam“ (или станемъ соединять его, не смотря на противорѣчащую этому разстановку словъ, съ *potuerit*), то отъ этого мы ничего не выиграемъ, такъ какъ переходъ отъ v. 384 къ слѣдующему все-таки останется непонятнымъ. Для того, чтобы связь между этими двумя стихами была ясна, требуется опредѣленіе ихъ логическаго отношенія. Въ виду сказаннаго мы полагаемъ, что „iam“ есть не что иное, какъ описка или безмысленное измѣненіе подлиннаго „nam“. Мы представляемъ себѣ логическое отношеніе между v. 384 и слѣдующимъ такъ: Харинъ разсуждаетъ съ самимъ собою, удалившись нѣсколько отъ отца. Послѣдній недоумѣваетъ, что это значить: не вѣди онъ себя въ высшей степени осторожно и благоразумно, онъ подумалъ бы, что это находится въ связи съ его—Демифона—страстью къ Пасикомпсѣ; но такъ какъ послѣдняго ему опасаться нечего, то тутъ, очевидно, другая причина; но какая именно? Эту логическую связь вполне выражаетъ союзъ „nam“ съ опущеніемъ посредствующей мысли: „я спрашиваю, недоумѣваю“, которую мы при переводѣ для ясности можемъ выразить ¹⁾: „что это значить, что сынъ мой, удалившись отъ меня, разсуждаетъ съ самимъ собою? Недоумѣваю, ибо я увѣренъ, что онъ не могъ узнать про мою любовь; я вѣдь и т. д.“. Впрочемъ, необходимости въ вставкѣ „недоумѣваю“ нѣтъ, коль скоро мы „nam“ переведемъ посредствомъ „вѣдь“, которое въ данномъ и подобныхъ случаяхъ представляетъ равносильный латинскому „nam“ факторъ русской рѣчи.

¹⁾ Эта мысль заключается уже въ самой вопросительной формѣ предшущаго предложенія (384). Съ предлагаемымъ нами въ разсчитываемомъ мѣстѣ «nam» полезно будетъ сравнить употребленіе этой частицы въ слѣдующихъ случаяхъ: Aulul. 603 (Goetz); Capt. 464, 478 (Fleckois.), Cist. 1, 2, 5, Menacch. 96 (Vahlen), Mil. 947. (Fleck.), Most. 133, 874, 1043 (Lor.), Persa 471. (Ritschl), Poen. 452. (Götz и L.), Pseud. 792. (Fleck.), Rud. 924. (Fleck.), Truc. 77, 856. (Schöll), Trin. 25. (Brix.). См. также примѣчаніе Брисса къ послѣднему мѣсту.

Char. Ea causa equidem illam emi, dono quam darem matri meae.

Dem. Ne duas neu te aduexisse dixeris. Char. Di me adiuant.

Dem. Labefacto paulatim. uerum quod praeterii dicere,

Neque illa matrem e. q. s.

Если въ данномъ мѣстѣ, приведенномъ на основаніи Палатинской традиціи, Демифоново „labefacto paulatim“ является непонятнымъ, то благодаря палимпсесту, въ которомъ ¹⁾ v. 401 и слѣдующій читались въ обратномъ порядкѣ, мы избавлены отъ этого затрудненія, заставившаго Ричля предполагать лауну ²⁾ между „ne—dixeris“ и „di me adiuant“ и отводить восклицаніе „di me adiuant“ Демифону вопреки преданію. Въ чтеніи палимпсеста Демифоново „labefacto paulatim“ ³⁾ мотивировано предыдущимъ заявленіемъ Харина „ea causa equidem“ e. q. s., въ которомъ Демифонъ видитъ уступку со стороны сына ⁴⁾, не понимая, что послѣдній хитритъ. Это станетъ вполне понятнымъ, если мы обратимъ должное вниманіе на смыслъ v. 400. Демифонъ убѣжденъ, что Харинъ привезъ Пасикомпу въ подарокъ для матери, но, желая самъ овладѣть приглянувшейся ему красавицей, онъ доказываетъ Харину, что Пасикомпа не годится для ихъ обихода, такъ какъ она не въ состояніи будетъ справиться съ ожидающею ея въ ихъ домѣ работой. Харину, вовсе не собиравшемуся дарить свою возлюбленную матери,—это, конечно, на руку (см. v. 412); но, чтобы не возбудить подозрѣній въ отцѣ, онъ притворяется пораженнымъ его замѣчаніемъ и въ смущеніи объявляетъ, что онъ купилъ дѣвушку именно для той цѣли, для которой она, по мнѣнію отца, оказывается непригодною. Не понимая этой хитрости, Демифонъ естественно воображаетъ, что Харинъ поддается его убѣжденіямъ, начиная сознавать, что онъ привезъ матери подарокъ, который лучше не дарить. Тутъ-то у Демифона отъ радости по поводу мнѣ-

¹⁾ Какъ видно изъ сохранившихся въ немъ слѣдовъ. См. изд. Гётца. Брит. аппаратъ.

²⁾ См. изданіе Ричля.

³⁾ Или, какъ кажется,—скорѣе „paulatim labefacto“. См. изд. Гётца. Брит. аппаратъ.

⁴⁾ См. Шпетеля Т. Масс. Pl. p. 26.

мага успѣха вырывается самодовольное „labefacto paulatim“. Ободренный этой воображаемой побѣдой, Демифонъ затѣмъ уже прямо запрещаетъ Харину не только дарить Пасикомису, но даже и заикаться матерю о ней. Этого только и нужно было Харину, который въ восторгѣ восклицаетъ (конечно, въ сторону, чтобъ отецъ не слыхалъ): „Di me adiuvant“. Затѣмъ, однако, Харинъ опять овладѣваетъ собою и съ напускнымъ удивленіемъ спрашиваетъ (v. 405): qui uero? Мы не колеблемся отвести восклицаніе „di me adiuvant“ съ Палатинскими рукописями ¹⁾ именно Харину, такъ какъ въ устахъ Демифона оно не имѣетъ смысла. „Di me adiuvant“ могъ въ данномъ случаѣ сказать лишь Харинъ, выдающій содѣйствіе богамъ въ томъ, что отецъ запрещаетъ ему какъ разъ то, чего онъ и не намѣревался дѣлать. Выдумка Аканеіона (v. 201), будто Пасикомиса предназначена Хариномъ въ подарокъ матерю, имѣла цѣлью скрыть отъ Демифона отношеніе Харина къ Пасикомисѣ; но, само собою разумѣется, что осуществленіе этой выдумки могло бы имѣть весьма неприятыя послѣдствія для Харина ²⁾, и во всякомъ случаѣ не могло принести ему пользы. Теперь же дѣло принимаетъ благопріятный для Харина оборотъ. Если Демифонъ рѣшительно возстаеъ противъ поступленія Пасикомисы въ его домъ, то Харинъ можетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ (см. v. 421. 427 sq.) сохранить ее для себя. Оттого онъ далѣе, безусловно соглашаясь съ отцомъ (v. 412), зондируетъ его на счетъ его намѣреній относительно Пасикомисы (v. 413) и затѣмъ предлагаетъ возвратить ее прежнему владѣльцу.

По нашему мнѣнію, „di me adiuvant“ въ устахъ Харина представляетъ pendant къ Демифонову „labefacto paulatim“ и производитъ сильный комическій эффектъ, который исчезаетъ, коль скоро мы отведемъ это восклицаніе Демифону. Въ виду сказаннаго мы предлагаемъ читать разсмотрѣнное нами мѣсто такъ:

Char. Ea causa equidem illam emi, dono quam darem matri meae.

Dem. Labefacto paulatim. uerum quod praetori dicoro,—

Ne duas neu te aduexisse dixeris.—Char. Di me adiuvant.—

Dem. Neque illa matrem e. q. s.

¹⁾ Кому приписывается оно въ палимпсестѣ—не извѣстно, такъ какъ отъ этого стиха тамъ сохранилось лишь начало.

²⁾ Сравни. содержаніе ком. Casina.

VIII.

v. 448.

Демифонъ съ Хариномъ спорятъ, кто болѣе влюбленъ въ Пакомпсу—старикъ ли, о которомъ якобы хлопочетъ Демифонъ, молодой человѣкъ, въ пользу котораго будто дѣйствуетъ Харинъ; наконецъ, послѣдній говоритъ (v. 446 sq.):

Numquam edepol fuit neque fiet ille senex insanior
Ex amore, quam ille adulescens, quoi ego do hanc operam, pater.

На это Демифонъ отвѣчаетъ (v. 448):

Quiésce, inquam: istanc rem ego recte uidero.

Размѣръ тутъ троханческій, такъ что „quiésce“ приходится падать либо съ сокращеніемъ предпослѣднаго слога (см. С. F. W. Müller, *Plaut. Pros.*, p. 251), либо съ такъ-называемымъ синицеизсомъ. Возможность допущенія послѣднаго въ формахъ глагола *quiesco*, включеніемъ сюда и прилагательнаго *quietus*, отстаиваетъ Флеккейзенъ (*Neue Jahrb.* 1870, p. 74 sqq.), ссылаясь, кромѣ разсматриваемаго стиха, еще на три мѣста у Плавта (*Amph.* 169, *Persa* 78, *Epid.* 338), въ которыхъ при имѣющемся у насъ рукописномъ изданіи необходимо произносить упомянутыя формы съ синицеизсомъ (*Amph.* 169 и *Epid.* 338: *quietus*; *Persa* 78: *quicrint*). Мюллеръ (*Nachträge zur Plaut. Prosodie* p. 30; cf. *Plaut. Pros.* p. 277), встаетъ противъ Флеккейзена, находя, что эти стихи дошли до насъ въ испорченномъ видѣ, и указываетъ путь къ ихъ исправленію. Что касается спеціально занимающаго насъ стиха, то Мюллеръ считаетъ его не подлиннымъ и предлагаетъ выкинуть его изъ текста. Мы не согласны съ этимъ радикальнымъ способомъ устраненія трудностей, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ мотивированъ въ сущности лишь трудностью, заключающеюся въ словѣ „quiésce“; другой доводъ, приводимый Мюллеромъ противъ подлинности этого стиха неоснователенъ. Мюллеръ именно не находитъ въ предшествующихъ стихахъ ничего такого, къ чему могло бы относиться „quiésce istanc rem ego recte uidero“. Намъ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, что „istanc res“ относится къ предыдущей рѣчи Харина. Демифонъ останавливаетъ расходившагося сына и замѣчаетъ: „Мой взглядъ на дѣло, о которомъ ты говоришь (то-есть, кто болѣе влю-

ленъ въ Пасикомпсу: старикъ ли, или юноша), будетъ повѣрнѣе¹⁾. Этой ссылкой на свой отцовскій авторитетъ Демифонъ полагаетъ конецъ спору, такъ что Харинъ переходитъ къ другой попыткѣ остановить продажу Пасикомпсы. Переходъ къ этой попыткѣ выраженъ именно въ концѣ разсматриваемаго стиха (*quid ais? † quid est?*), такъ что мы недоумѣваемъ, какъ Мюллеръ думаетъ обойтись тутъ безъ v. 448.

Ричль, очевидно, не считая возможнымъ читать „*quiesce*“ или „*quiesce*“, предложилъ въ своемъ изданіи такое чтеніе:

Nem quiesce, inquam: istanc rem ego recte egero.
(Ср. его же изд. *Perza*, v. 78 и примѣч.).

Новѣйшій издатель разсматриваемой комедіи—Гётцъ, не соглашавшійся когда-то съ Флеккейзенемъ (см. *Act. soc. phil. Lips.*, vol. VI, p. 288), затѣмъ, очевидно, сталъ на его сторону, такъ какъ отказался отъ Ричлевой редакціи нашего стиха²⁾. Мы вполне согласны съ взглядомъ Мюллера на двусложное „*quiesce*“ и „*quiesce*“; но находя не только не нужнымъ, но даже невозможнымъ объявить занимающій насъ стихъ не подлиннымъ, полагаемъ, что рукописное „*quiesce*“ испорчено. Палеографически весьма близко къ „*quiesce*“ подходит „*qui scis*“ (*quei scis*); это же выраженіе какъ нельзя лучше годится сюда и по смыслу, особенно въ виду Демифонова „*si tu scias*“ v. 445 = „еслибы ты зналъ = но ты не знаешь, — не можешь знать“. Сказавъ разъ, что Харинъ не можетъ знать, до чего старикъ влюбленъ въ Пасикомпсу; Демифонъ на новое возраженіе сына отвѣчаетъ уже сердито: „*qui scis? inquam*“, то-есть: „почемъ ты знаешь? говорю тебѣ = ты этого не можешь знать, повторяю тебѣ = сказано тебѣ, что ты этого не знаешь“. Рядомъ съ предлагаемымъ нами „*qui scis? inquam*“ весьма характерно самоувѣренное „*istanc rem ego recte uidero*“.

Итакъ, мы восстанавливаемъ интересующій насъ стихъ слѣдующимъ образомъ:

Dem. Qui scis? inquam: istanc rem ego recte uidero. Char. Quid ais?
Dem. Quid est?

¹⁾ См. *Draeger*, *Hist. Synt.* I § 138, p. 259 sq.

²⁾ См. еще его же изд. *Epid.* v. 338 примѣч., *Amph.* v. 169 примѣч.

IX.

v. 490.

Странно видѣть на страницахъ критическаго изданія слово въ латинскомъ языкѣ невозможное, введенное въ текстъ вопреки Пала-тинскимъ рукописямъ и свидѣтельству Феста (Paul. p. 11), только благодаря тому, что оно представляется рукописью А, правда, драго-цѣнною для критики текста, но все-таки далеко не непогрѣшимою. Мы говоримъ о словѣ „auctorarium“, читаемомъ въ v. 490.

Eat. Tanti quanti, uin tuti illam emi? Char. Auctorarium (A, Auctarium
B C D F).

Adicito, uel mille nummum plus quam poscet.

Извиненіемъ для издателя до извѣстной степени можетъ служить то обстоятельство, что въ чтеніи прочихъ рукописей нашъ стихъ страдаетъ зипіемъ. Не будь послѣднѣго, то врядъ ли кто сталъ бы защищать стоящее совершенно особнякомъ и не опирающееся ни на какую аналогію „auctorarium“ или предлагать вмѣсто него столько же невозможное „auctuarium“ ¹⁾. Однако, значеніе этого обстоя-тельства уничтожается двумя соображеніями: 1) hiatus при перемѣнѣ гово-рящихъ лицъ возможно допустить; кромѣ того, въ данномъ случаѣ появленіе его легко поддается объясненію и стихъ исправленію. Уже Царей (Papeus) и за нимъ Ричль устранили hiatus вставкой словечка „immo“, которое, какъ нельзя лучше, подходитъ къ нашему мѣсту и опущеніе котораго переписчикомъ легко объясняется предыду-щимъ „emi“. 2) Появленіе неслыханнаго „auctorarium“ вм. „aucta-rium“ не менѣе легко объясняется опiscoй; переписчикъ, очевидно, написалъ сначала „auctog“, но замѣтивъ затѣмъ свою ошибку, при-бавилъ къ этому слову окончаніе—arium, забывъ предварятельно выскоблить окончаніе og въ словѣ „auctog“. Въ виду сказаннаго, мы возвращаемся къ чтенію, предложенному Ричлемъ въ 1-мъ изданіи:

Tanti quanti poscit, uin tanti illam emi? Immo auctarium
Adicito, uel mille nummum plus quam poscet.

X.

v. 573.

Люсимахъ, помѣстившій у себя купленную имъ для Демифона Пасикомпсу, желаетъ поживиться на счетъ влюбленнаго сосѣда хоть

¹⁾ Bugge, Op. ad. Madvig. p. 156.

хорошимъ обѣдомъ и поэтому старается навести послѣдняго на мысль о необходимости прежде попить вмѣстѣ съ нимъ и Пасикомпсой, чѣмъ заключить ее въ старческія объятія. Но Демифонъ не понимаетъ тонкаго намека Люсимаха (v. 565) и хочетъ безъ дальнихъ размышленій пробраться къ Пасикомпсѣ. Люсимахъ останавливаетъ его и старается ему объяснить, что прежде слѣдуетъ сдѣлать кое-что другое, такъ какъ, войдя въ домъ, онъ, навѣрное, захочетъ сейчасъ же любовничать съ дѣвушкой. Демифонъ соглашается съ послѣднимъ замѣчаніемъ, не обращая вниманія на первое (v. 569), и говорить:

Tu quidem

Meum animum gestas: scis quid acturus siem.

Послѣ этого слѣдуетъ стихъ, представляющій для критиковъ и толкователей Плавта не малое затрудненіе:

Lus. Pergorse facies. Dem. Quodne amem? (Il. ames). Lus. Tanto minus.

Люсимахово „pergorse facies“ относится къ намѣренію Демифона отправиться къ Пасикомпсѣ и любовничать съ ней, не закусивъ прежде хорошенько. Но недогадливый Демифонъ относитъ замѣчаніе сосѣда лишь къ первому обстоятельству и спрашиваетъ ¹⁾: „Не въ томъ ли отношеніи (не потому ли) я поступилъ не хорошо, что хочу обнимать и цѣловать дѣвушку“ ²⁾? На это по рукописному преданію Люсимахъ отвѣчаетъ: „Tanto minus Ieiunitatis ³⁾ plenus“ е. q. s. Уже большинство старинныхъ издателей вѣрно ставили точку послѣ „tanto minus“, начиная съ „ieiunitatis“ новое предложеніе; эта интерпункція принята во всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ „tanto minus“ представляетъ собою отвѣтъ Люсимаха на предложенный Демифономъ вопросъ „quodne amem“? Дополнить этотъ эллиптический отвѣтъ нельзя ничѣмъ другимъ, какъ словами: „pergorse

¹⁾ Мы не будемъ касаться рукописнаго „ames“, такъ какъ исправленіе „amem“, предложенное Скалигеромъ, безъ сомнѣнія, вѣрно.

²⁾ „Amare“ тутъ не значитъ „любить, быть влюбленнымъ“, а „ласкать, целовать“ = *ausculari et amplecti*, какъ вѣрно парафразируетъ Парей (Pareus). Ср. v. 570 sq.

³⁾ „Ieiunitatis“ сохранилось въ цитатѣ Нонія р. 233, 1. Слѣды этого слова видны въ испорченномъ чтеніи OD. ianutatis; прочія рукописи и самыя старинныя изданія представляютъ „iam aetatis“.

facies". Гюетъ ¹⁾ и за нимъ Кохъ ²⁾, находя такой отвѣтъ не подходящимъ по смыслу, усумнились въ вѣрности преданія и предлагали читать „tanto magis“. Съ этою конъектурой, однако, нельзя согласиться, потому что Люсимахъ не одобряетъ лишь намѣре Демифона сейчасъ же отправиться къ Пасидкомпсѣ (cf. v. 570: *nonne si e. q. s.*), но въ сущности ничего не имѣетъ противъ любимыхъ попользованій сосѣда, только бы удалось предварительно объѣдать хорошенъко (v. 569). Въ виду этого обстоятельства мы видѣли бы ничего страннаго въ отвѣтъ Люсимаха „tanto minus“ еслибы только можно было толковать его въ смыслѣ простаго отрицанія. Но дѣло въ томъ, что въ „tanto minus“, какъ и въ „tanto magis“ и имъ подобныхъ выраженіяхъ, заключается извѣстнаго рода градация (сравни наше „тѣмъ скорѣе, тѣмъ менѣе“, „тѣмъ лучше, тѣмъ хуже“ и т. п.), такъ что „tanto minus peripse facies“ представляетъ собою усиленное „non peripse facies“, точно также какъ „tanto magis p. f.“—усиленное „peripse facies“. Въ подтвержденіе сказаннаго мы приведемъ нѣсколько однородныхъ примѣровъ изъ Плавта именно:

Vasch. 3, 5, 26 sqq. (555 sqq.).

— Dic modo hominem qui sit: si non fecero
Ei male aliquo pacto, me esse dicito ignauissimum.
Noquam homost, uerum hercle amicus est tibi. # Tanto magis
Dic quis est e. q. s.

„Tanto minus dicas“ e. q. s. могъ бы сказать Пистоклеръ въ данномъ случаѣ только тогда, еслибъ онъ передъ тѣмъ сказалъ „dixeris (noli dicere) hominem qui sit“.

Rud. 4, 7, 4 sqq. (1230 sqq.).

Loquom uidetur tibi ut ego alienum quod est
Meum esse dicam? # Quodne ego inueni in mari?
Tanto ille melius optigit qui perdidit:
Tuom esse nihilo magis oportet nidulum.

„Tanto melius optigit“ = усиленному „bene optigit“. Хорошо потерявшаго чемоданъ, что послѣдній выловленъ изъ моря, и тѣмъ

¹⁾ Guyet (1575—1655). Его изданіе Плавта и *Lectiones Plaut.* вышли 1658 году.

²⁾ Koch, Emend. Plaut. 13. *Philolog.* vol. XXXIII (a. 1874), p. 707. *Philolog. Anzeiger* a. 1873, p. 250 sqq. (анонимная статья противъ Коха).

лучше, что выловилъ его именно Грипъ, котораго Демонъ можетъ заставитьъ возвратить чемоданъ его владѣльцу.

Stich. 4, 2, 26 sq. (606 sq.).

Non tu scis quamde afficientur homines noctu hic in uia?

‡ Tanto pluris, qui defendant ire aduersum iussero.

Когда Памфилъ остается въ гостяхъ до поздней ночи, то за нимъ приходятъ рабы, чтобы проводить его домой; теперь, благодаря предостереженію Геласима, ихъ будетъ тѣмъ больше.

•Ibid. 5, 5, 8 (749).

Sagarino. ‡ Quid est? ‡ Totus doleo. ‡ Totus? tanto miserior.

Стихъ (Stichus) высказываетъ собственно слѣдующую мысль: *si doles, miser es; si totus doles, tanto miserior es*. Часто у Плавта мы встрѣчаемъ въ репликахъ выраженія „tanto melior“ и „tanto nequior“. См. Men. 2, 3, 79 (424 Vahl.); Persa 2, 5, 25 (326); Bacch. 2, 2, 33 (211); Truc. 5, 61 (953) et passim. Смыслъ этихъ репликъ всегда одинъ и тотъ же, а именно: „ты вообще достоинъ похвалы (или порицанія), а по этой причинѣ (за то, что ты говоришь, дѣлаешь и т. д.) тѣмъ болѣе“. Изъ сказаннаго, кажется, ясно, что Лусимахъ въ данномъ случаѣ не могъ на вопросъ Демифона „quodne amet?“ отвѣтить „tanto minus“. Еслибы предложенное Гюетомъ и Кохомъ „tanto magis“ не противорѣчило смыслу разсматриваемаго мѣста (см. выше), то трудно было бы не признать эту конъектуру за весьма удачное исправленіе. Мы съ своей стороны не считаемъ однако слова „tanto minus“ испорченными, но полагаемъ, что необходимо отвести ихъ Демифону, который въ такомъ случаѣ на предложенный имъ ироническій вопросъ-догадку самъ отвѣчаетъ „tanto minus“ (scil. *peruorse faciam*¹⁾). Такимъ образомъ слова „quodne amet? tanto minus“ составляютъ возраженіе Демифона на замѣчаніе Лусимаха „peruorse facies“. Смыслъ этого возраженія слѣдующій: „Я вообще не нахожу ничего несообразнаго въ томъ, что хочю отправиться къ любимой мною дѣвушкѣ, и тѣмъ менѣе въ томъ, что желаю любезничать съ нею“. Этими самымъ Демифонъ обнаруживаетъ рѣшимости привести въ исполненіе свое намѣреніе—не теряя времени, отправиться къ Пасикомпсѣ. Тогда Лусимахъ, види, что ему угрожаетъ опасность лишиться хорошаго обѣда, если не заговорить съ влюб-

¹⁾ Ср. Stich. 5, 5, 8 (749): Totus? tanto miserior.

леннымъ сосѣдомъ болѣе понятнымъ языкомъ, переходитъ къ изъясненію, которое по части вразумительности не оставляетъ ничего болѣе желать и въ самомъ дѣлѣ производитъ на Демифона желаемое дѣйствіе. Предлагаемое нами легкое измѣненіе преданія заключаетъ въ себѣ еще то преимущество, что тогда v. 574 sqq. получаютъ естественную связь съ v. 573, между тѣмъ какъ переходъ отъ приписываемаго Люсимаху „tanto minus“ къ слѣдующимъ затѣмъ патетическимъ вопросамъ въ высшей степени затруднителенъ.

XI.

v. 607 sq.

Рукописи представляютъ слѣдующіе два стиха:

Char. Disperii: illaес interemit me modo oratio
Odio sane oratio, quom rem agas, longinquom loqui ¹⁾.

Первый стихъ неполный, такъ какъ въ 6-й стопѣ не достаетъ арвеса. Для пополненія этого стиха Ричль въ своемъ изданіи вставилъ „huius“ послѣ „modo“, а въ Neue Plaut. Exc. p. 84 предлагалъ читать „modod“. Вполнѣ удовлетворительное и стоящее внѣ всякаго сомнѣнія исправленіе этого стиха дано Шёллемъ; оно и принято по справедливости въ текстъ втораго изданія комедіи „Mogscator“. Шёлль вставляетъ „odio“, послѣ „modo“ такъ что стихъ читается теперь такъ:

Disperii: illaес interemit me modo odio oratio.

Насъ, однако, удивляетъ, что послѣ этого исправленія ни Шёлль ни Гётцъ не усумнились въ подлинности слѣдующаго стиха ²⁾, который представляетъ собою, очевидно, только неуклюжее объясненіе слова „odio“ въ оборотѣ interemit me odio illaес oratio“, вышедшаго по винѣ переписчика послѣ „modo“, благодаря ихъ внѣшнему сходству между собою. Противъ подлинности упомянутаго стиха говорить вопервыхъ, странный, лучше сказать — невозможный оборотъ „odi est oratio longinquom loqui“ вмѣсто „longinquom loqui“ или „longinqua oratio odio est“, а вовторыхъ, то обстоятельство, что по содержанію своему онъ лишний, какъ тамъ, гдѣ его представляютъ

¹⁾ Въ А отъ перваго стиха не сохранилось никакихъ слѣдовъ; отъ втораго же сохранилось въ началѣ od....., а mloqui въ концѣ.

²⁾ Это теперь сдѣлано Риббекомъ, l. с. p. 12.

рукописи, такъ и тамъ, куда перемѣстили его (по примѣру Боте) Ричль и за нимъ Гётцъ. Если послѣ в. 607 занимающій насъ стихъ представляетъ собою лишнее и въ устахъ Харина смѣшное объясненіе того, почему его именно „odio“ interemit oratio Eutychi, то послѣ 609-го стиха онъ былъ бы не что иное, какъ неумѣлое повтореніе мысли, высказанной коротко и ясно двумя стихами раньше. Трудно представить себѣ, что Плавтъ написалъ что-нибудь подобное. И такъ, мы убѣждены въ томъ, что рассматриваемый стихъ обязанъ своимъ существованіемъ не Плавту, а просто объяснительной припискѣ къ в. 607, сдѣланной на поляхъ или подъ строкой какимъ-нибудь древнимъ толкователемъ Плавта. Приписка эта мало по малу обращена была въ стихъ, какъ множество ей подобныхъ. Весьма возможно, что она первоначально имѣла даже нѣсколько другой, притомъ болѣе правильный видъ, хотъ бы слѣдующій:

Odiosa sane est ratio, quom rem agas, longinquom loqui.

XII.

v. 724 sqq.

Дориппа пристаеъ къ мужу, чтобъ онъ сказалъ, что это за дѣвушка, которую она только что застала у себя въ домѣ, и въ которой она подозрѣваетъ возлюбленную своего благовѣрнаго. Лусимахъ, не зная, что сказать, извиняется тѣмъ, что Дориппа не даетъ ему говорить, приставая къ нему, точно онъ въ чемъ провинился (v. 724 sqq.). Слѣдующій затѣмъ стихъ въ рукописяхъ читается такъ:

Do g. Scio innoxius. Lu a. Audacter quamuis dicitō.

Что въ „scio innoxius“, невозможномъ тутъ въ виду метра, кроется „si innoxius“, замѣтилъ уже Боте; онъ же счелъ нужнымъ приписать весь рассматриваемый стихъ Дориппѣ. Ричль въ своемъ изданіи держится чтенія и распредѣленія Боте, съ чѣмъ трудно не согласиться. Поэтому напрасно Гётцъ возвратился къ традиціи, влагая слова „audacter quamuis dicitō“ въ уста Лусимаха. Послѣдній вѣдь только что жаловался на то, что жена не даетъ ему ни слова сказать и третируетъ его, точно виновнаго; поэтому немислимо, чтобъ онъ вслѣдъ затѣмъ поощрялъ ея и безъ того черезчуръ подвижный языкъ. Кромѣ того, спрашивается: что такое хотѣла или могла добавитъ Дориппа къ сказанному ею „si innoxius“ въ отвѣтъ на замѣ-

чаніе Люсиаха: „non possum (scil. dicere), ita instas: urges quasi pro poxiu“? Очевидно, ничего другаго, какъ „говори смѣло“, то-есть, именно тѣ слова, которыя рукописями приписываются Люсиаху. Гѣтцъ уклонился отъ Воте-Ричлевской редакціи этого стиха, считая, очевидно, слѣдующую затѣмъ реплику Дориппы „dic igitur“ за аподозисъ къ протазису „si innoxii’s“. По нашему мнѣнію, однако, предложеніе „audacter quamuis dicito“ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи предпочтеніе передъ „dic igitur“ уже ради употребленнаго въ немъ т. п. *improbat*. II, не говоря о томъ, что слова эти въ устахъ Люсиаха, какъ мы показали выше, не имѣютъ смысла. Въ качествѣ аподозиса къ „si innoxii’s“ отводимое Дориппѣ „audacter quamuis dicito“ имѣетъ болѣе общее значеніе: „говори (изъясняяся) смѣло“ (буквально „какъ хочешь, смѣло“=съ полнѣйшею смѣлостью, то-есть, безъ всякихъ опасеній)¹⁾; слѣдующее же затѣмъ „dic igitur“ мы рассматриваемъ за вызовъ, спеціально относящійся къ требуемому Дориппой разъясненію на счетъ того, чья Пасикомпса: „dic igitur; quolast illa mulier?“ то-есть, „ну, сказывай: чья это женщина?“

XIII.

v. 758.

(L y s.). Non ego sum, qui te dudum conduxi.

Представляемое въ данномъ случаѣ рукописями „conduxi“ не можетъ быть вѣрно, такъ какъ въ относительномъ предложеніи послѣ отрицательнаго „non ego sum“ глагольная форма перваго лица должна быть выражена непреиѣнно въ *coniunctiuus*. Сознывая это, Ричль ввелъ въ своемъ изданіи въ текстъ такъ-называемую синкопированную форму *coni. perf.* „conduxi“ вмѣсто невозможнаго „conduxi“. Въ настоящее время, однако, дознано, что формы „amassim, prohibessim, faxim, ambissim“ и т. п. вовсе не синкопированныя формы *coni. perf.*, а формы *coni.* (лучше *opt.*) существовавшаго когда-то въ латинскомъ языкѣ, но вышедшаго изъ употребленія аориста. Тщательное изслѣдованіе синтаксическаго употребленія этихъ формъ показало, что онѣ никогда не употребляются въ значеніи *coni. perf.*, то-есть, никогда не выражаютъ дѣйствія совершеннаго (окопченнаго),

¹⁾ „Quamuis audacter“, очевидно, относится къ Люсиахову „quin si liceat—; non possum“.

предшествующаго настоящему, а всегда обозначаютъ дѣйствіе предстоящее, будущее ¹⁾. Такимъ образомъ „conduxit“ въ разсматриваемомъ стихѣ оказывается невозможнымъ, такъ какъ эта форма требуемаго „conduxerit“ замѣнять не можетъ. Въ силу этого обстоятельства Гётцъ отказался отъ чтенія, предложеннаго Ричлемъ, и возвратился къ преданію, которое, однако, не менѣе ошибочно, чѣмъ отвергнутая имъ конъектура. Между тѣмъ, занимающее насъ мѣсто исправлено, безъ сомнѣнія, вѣрно уже Ацидалиемъ ²⁾, писавшимъ тутъ „conduxit“ вмѣсто „conduxi“ ³⁾. Намъ кажется, что въ пользу остроумнаго исправленія Ацидалиа свидѣтельствуеетъ реплика повара „Immo hercle tu istic ipsu's“ вообще и употребленное въ ней мѣстоименіе „istic“ въ особенности. Рукописи (BCDF) ⁴⁾, правда, представляютъ „immo hercle tu istuc ipsus“, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ „ipsus“ рукописей кроется „ipsu's“=ipsus es, такъ какъ иначе въ предложеніи недостаетъ сказуемаго. Нельзя же, не смущаясь невозможнымъ тутъ „conduxi“, предполагать съ Пареемъ и другими старинными учеными въ репликѣ повара эллипсисъ сказуемаго и дополнять „fecisti“. Но коль скоро мы въ рукописномъ „ipsus“ усмотримъ требуемое „ipsu's“, мы по необходимости должны „istuc“ исправить въ „istic“, какъ это сдѣлано уже Пиладомъ ⁵⁾ и Ацидалиемъ. Получаемая такимъ путемъ реплика „immo hercle tu istic ipsu's“ въ свою очередь прямо ведетъ къ чтенію „conduxit“ вмѣсто вообще невозможнаго „conduxi“. Въ самомъ дѣлѣ, если поваръ возражаетъ Люсимаху словами: „ты самъ (именно) тотъ (tu ipsu's), о которомъ ты говоришь (istic)“, то изъ этого слѣдуетъ, что Люсимахъ передъ тѣмъ отрицалъ тождественность своей личности съ кѣмъ-то другимъ, о которомъ онъ высказывалъ нѣчто. Это именно выражено въ словахъ Люсимаха „non ego sum, qui te dudum conduxit“. Указанною нами тѣсною связью между мѣстоименіемъ „istic“ въ репликѣ повара и

¹⁾ См. *Labbert*, Grammatiscbe Studien I. Der Coni. Perf. und das Fut. exact. im älteren Latein. Breslau, 1867.

²⁾ Val. Acidalius (1567—1595). Его „In comœdias Plauti quae exstant diuinationes et interpretationes“ напечатаны въ 1607 г. См. *Bursian*, Gesch. der class. Philol. in Deutschl. (1883) I, p. 242 sq.

³⁾ См. *Labbert* l. c. p. 46 sq.

⁴⁾ Изъ остатковъ этого стиха, сохранившихся въ рукописности, нельзя заключать, читалось ли въ этой рукописи „istuc“ или „istic“.

⁵⁾ Pylades Baccardus умеръ около 1506 г. Объ его изданіи Плавта см. *Ричль* Op. Philol. II, p. 62 sqq.

формой „conduxit“ въ заявленіи Люсимаха мы объясняемъ упомянутую порчу подлиннаго „istic“ въ „istuc“, представляемое нашими рукописями. Въ этой порчѣ нельзя не видѣть поползновенія какого-нибудь древняго корректора исправить преданіе, дошедшее до него испорченнымъ. Но дѣло въ томъ, что этотъ корректоръ принялъ порченное за вѣрное, а вѣрное за порченное, такъ что изъ его рукъ вмѣсто исправленія вышла двойная порча. Чувствуя, что отвѣтъ по вару „immo hercle tu istic ipsus (=Ipsus es)“ не вяжется съ замѣчаніемъ Люсимаха „non ego sum, qui te dudum conduxi“, но не замѣчая порчи въ словѣ „conduxi“, остававшейся впрочемъ не замѣченной, на сколько намъ извѣстно, до Ацидалія, корректоръ измѣнилъ „istic“ въ „istuc“, понимая реплику повара такъ, какъ толкуеть ее Парей и др. Итакъ, исправляя „istuc“ въ „istic“, мы должны отказаться и отъ бессмысленнаго „conduxi“, вызвавшаго, очевидно, порчу слова „istic“, и вмѣстѣ съ Ацидалиемъ читать „non ego sum, qui te dudum conduxit“.

XIV.

v. 902 sqq.

Представляемъ рядъ стиховъ, которымъ посвящена настоящая замѣтка, въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ они сохранились въ рукописяхъ; при этомъ мы однако игнорируемъ очевидныя описки переписчиковъ, не имѣющія въ данномъ случаѣ никакого значенія для критики.

Char. . . . . v. 901.

Sed qui ego-istuc credam? uidisti an de audito nuntias?

Eut. Egomet uidi. Char. Quis eam adduxit ad uos? Eut. Inique rogas.

Char. Vera dicis. Eut. Nil, Charino, te quidem quicquam pudet.

{ Quid ima refert (CD) qui cum istac (BC) uenerit dum istuc sit.

{ Quid amare fort (B) quicum (DF) istac " " " "

{ Quid tua refert (F) " " " " " " " "

Eut. Est profecto. Char. Opta ergo ob istunc nuntium quiduis tibi.

Прежде всего видимъ, что v. 903 несправенъ въ метрическомъ отношеніи, ибо въ арисѣ шестой стопы мы имѣемъ одинъ краткій слогъ вмѣсто долгаго или двухъ краткихъ. Такъ какъ однако нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности слова „inique“¹⁾, то

¹⁾ См. Рыбб. р. 27. Гётцъ, однако, читаетъ тутъ «hem quid id rogas?»

ученые полагають, что тутъ выпало какое-нибудь односложное словечко, стоявшее передъ „inique“, напримѣръ, „em“ (Ричль), или „ut“ (Вюхелеръ ¹⁾), или „ah“ (Вриксъ). Это предположеніе весьма правдоподобно въ виду того, что пропуску переписчикомъ такого односложнаго словечка легко могло способствовать предшествовавшее ему непосредственно сокращеніе имени Евтиха (eu). На нашъ взглядъ сюда болѣе всего подходитъ предложенное Вюхелеромъ „ut“. Слѣдующій затѣмъ стихъ, очевидно, не относится сюда, такъ какъ онъ не влечется ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Въ словахъ Евтиха „(ut) inique rogas“ не заключается ничего такого, къ чему могло бы относиться Харниново „uega dicis?“ (или даже „uega dicis“); точно также не могъ Евтихъ упрекнуть Харина и въ безстыдствѣ за то, что тотъ спросилъ, съ кѣмъ явилась его возлюбленная въ домъ Евтихова отца. Между тѣмъ, только къ этому вопросу могъ бы относиться упрекъ Евтиха, непосредственно предшествуя словамъ послѣдняго „qui tua refert“ е. q. s. Въ виду этого Боте удалилъ отсюда разсматриваемый стихъ и помѣстилъ его послѣ v. 911; тутъ мы находимъ его и въ изданіи Ричля, и въ изданіи Гётца.

Уссингъ, по своему обыкновенію развязно рѣшать самые трудные критическіе вопросы, просто удаляетъ его изъ текста ²⁾. Не соглашаясь съ Уссингомъ, мы однако находимъ перемѣщеніе занимающаго насъ стиха, сдѣланное Боте, неудачнымъ. Какъ видно изъ v. 905, Харинъ вѣрить словамъ Евтиха; но ему нужно видѣть свою возлюбленную: тогда только онъ успокоится окончательно (v. 907). Намѣреваясь поэтому немедленно отправиться съ Евтихомъ въ домъ его родителей, онъ сбрасываетъ съ себя дорожный востомъ и велитъ привести себѣ палліумъ, Евтихъ, обрадованный этою перемѣной въ поведеніи друга, восклицаетъ: „Eh, nunc tu mihi places“. Но Харинъ, отдавая рабу свою хламиду и надѣвая палліумъ, вдругъ говорить:

— care, puere, chlamydem atque istic stā ilico,

Ut, si haec non sint uega, inceptum hoc itinor perficere exequar.

Съ этимъ замѣчаніемъ Харина, въ которомъ Евтихъ усматриваетъ выраженіе недовѣрія къ себѣ, какъ нельзя лучше влечется его укоризненный вопросъ: „non mihi credis?“

¹⁾ Съ Вюхелеромъ соглашается и Риббекъ, р. 27.

²⁾ Почему не выкинуть бы тогда уже кетати и «quis eam adduxit» е. q. s. вплоть до «opta ergo» е. q. s.?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Харинъ объясняетъ Евтиху, что словамъ его онъ вѣритъ, но желаетъ скорѣе видѣть дѣвушку, чтобы собственными глазами убѣдиться, что это въ самомъ дѣлѣ его возлюбленная; иначе онъ не избавится отъ невольно имъ овладѣвающаго сомнѣнiя, которое онъ и выразилъ выше (v. 911). Эта тѣсная связь между v. 911 и v. 913 sq., исключающая всякую мысль о порчѣ преданiя (выпаденiи v. 912) въ данномъ мѣстѣ, нарушается перемѣщенiемъ сюда стиха „uega dicis?“ e. q. s. Но противъ этого перемѣщенiя говорятъ, кромѣ того, и слѣдующiя обстоятельства: 1) съ вопросомъ Харина „uega dicis?“, выражающимъ недовѣрiе именно къ словамъ Евтиха, не вяжется слѣдующее затѣмъ его же заявленiе: „omnia equidem credo, quae dicis mihi“¹⁾), такъ какъ отвѣтъ Евтиха на упомянутый вопросъ Харина не заключаетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ можно было бы объяснить эту внезапную метаморфозу въ настроенiи послѣдняго; 2) переходъ отъ v. 911 къ вопросу „uega dicis?“ является въ высшей степени неестественнымъ, не говоря уже о томъ, что такой вопросъ послѣ v. 905, съ котораго дѣйствiе вступаетъ въ новый фазисъ развитiя, вообще неумѣстенъ. Однимъ словомъ, вставкой занимающаго насъ стиха между v. 911 и v. 913, тѣсно связанными другъ съ другомъ, создаются затрудненiя, которыя по справедливости могли бы заставить насъ усумниться въ вѣрности преданiя, еслибы рукописи представляли упомянутый стихъ тамъ, гдѣ помѣщаетъ его Боте, а за нимъ Ричль и Гётцъ. Оставляя пока нерѣшеннымъ вопросъ, куда принадлежитъ v. 912, мы переходимъ къ слѣдующему за нимъ въ рукописномъ преданiи стиху, именно къ v. 904 изданiя Гётца, дошедшему до насъ въ значительно испорченномъ видѣ. Начало его, испорченное въ BCD, вѣрно сохранилось или, лучше сказать, исправлено въ F: „quid tua refert“²⁾). Хромающiй въ метрическомъ отношенiи конецъ v. 904 исправленъ уже Камерарiемъ, измѣнившимъ рукописное „sit“ въ „siet“. Большое затрудненiе представляютъ слова „istac“ въ предложенiи „qui cum istac uenerit“ и „istuc“ въ предложенiи „dum istuc siet“. Первое не го-

¹⁾ Въ этомъ отношенiи предположенiе «si haec non sint uega» не можетъ идти въ параллель съ вопросомъ «uega dicis?»

²⁾ Риббекъ (р. 27) видитъ въ «quid ima refert» (CD) слѣды подлиннаго «quid enim tua refert», но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ происхожденiе бессмысленнаго «ima» изъ «tua» легко и просто объясняется палеографически.

дѣтся сюда ни въ качествѣ нарѣчія, ни въ качествѣ *ablatiuus* (*qui cum istac BC*)¹⁾. Ричль измѣнилъ въ своемъ изданіи рукописное „*istac*“ въ „*istuc*“, которое мы встрѣчаемъ въ текстѣ и у Гѣтца. Но „*istuc*“ не могъ употребить Евтихъ, говоря о домѣ своихъ родителей“, возражають многіе ученые²⁾. На первый взглядъ такое возраженіе кажется основательнымъ; но стоитъ вникнуть въ смыслъ рассматриваемаго мѣста, чтобъ убѣдиться въ томъ, что въ данномъ случаѣ оно неумѣстно. Почему Евтихъ непременно долженъ былъ сказать: „что тебѣ за дѣло, съ кѣмъ она пришла къ намъ (*ad nos*)“, или: „вотъ сюда (*huc*, указывая на родительскій домъ)“, а не „съ кѣмъ она пришла туда“, то-есть, туда, куда ты говоришь (*istuc*)? Что мѣсто, о которомъ передъ тѣмъ говорилъ Харниъ (v. 903), совпадаетъ съ домомъ родителей Евтиха, это совершенно безразлично³⁾. Изъ возможности употребленія въ данномъ случаѣ нарѣчія „*istuc*“, конечно, еще не слѣдуетъ, что въ рукописномъ „*istac*“ не скрывается нѣчто другое⁴⁾; но въ пользу эмендаціи Ричля говорить еще и другое обстоятельство, на которое мы укажемъ ниже. Теперь перейдемъ къ предложенію „*dum istuc siet*“. Со временъ Камерарія эти слова отводятся Харнину вопреки рукописному преданію; въ новѣйшихъ изданіяхъ принята вромѣ того въ текстъ безспорно удачная эмендація Ацидалія „*istic*“ вмѣсто „*istuc*“, представляемаго рукописами. Измѣненіе традиціи, предпринятое Камераріемъ, вызвано слѣдующими въ рукописяхъ послѣ „*dum istuc (istic Acid.) sit (siet Camer.)*“ словами „*est profecto*“. Эти слова безспорно принадлежать Евтиху; но имъ должно непремѣнно предшествовать какое-нибудь замѣчаніе Харнина, къ которому относилось бы „*est profecto*“ въ качествѣ отвѣта; рукописное преданіе въ данномъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, испорчено, такъ какъ оно именно этого звена не представляетъ⁵⁾. Последнее Камерарій усмотрѣлъ въ

¹⁾ Ср. вопросъ Харнина «*quis eam adduxit ad nos*» = «*quis cum ad nos venit?*».

²⁾ *C. F. W. Müller, Nachtraege*, p. 42; *Pubb.* p. 27.

³⁾ Мы не согласны съ Риббекомъ, утверждающимъ (p. 27), что «*de patris sui domo «huc», non «istuc» Eutyclus dixisset*». Это замѣчаніе было бы вѣрно, еслибъ Евтихъ въ данную минуту находился дома.

⁴⁾ Но врядъ ли предлагаемое Мюллеромъ (l. c.) «*ista huc*». Ацидалій предлагалъ читать «*istaec*».

⁵⁾ Старинные издатели (до Камерарія), не заботясь о метричѣ, обходили это затрудненіе слѣдующимъ образомъ:

Quid tua refert, qui cum istae uenerit, dum istuc? †† Sic est Profecto. Opta ergo e. q. s.

словахъ „dum istuc¹⁾ siet“, объясняя порчу преданія выпаденіемъ обозначенія говорящаго лица (Cha = Charinus) передъ „dum istuc siet“, вслѣдствіе чего эти слова слились съ предыдущимъ вопросомъ Евтиха. Какъ ни заманчивъ на первый взглядъ такой исходъ изъ затрудненія, намъ онъ тѣмъ не менѣе кажется сомнительнымъ. Дѣло въ томъ, что такого рода отвѣты (dum с. conl. безъ аподозиса) встрѣчаются у Плавта крайне рѣдко²⁾ (въ сущности всего два раза) и всегда выражаютъ условное согласіе съ какимъ-нибудь предложеніемъ или просьбой, высказываемыми собесѣдникомъ. Подтвердимъ сказанное примѣрами:

Aul. 2, 2, 34 (211):

Megad. Quaeso, quod te percontabor, ne id te pigeat proloqui.

EucL. Dum quidem nequid percontaris, quod mi haud iubeat proloqui.

Merc. 425,

Dem. Me tibi illam posse opinor iuculente uendere³⁾.

Char. Dum quidem hercle ne minoris uendas quam ego emi, pater.

Отчасти относятся сюда еще Curs. 5, 3, 26 (704).

Phaedr. . . . . dicam meam sententiam,

Siquidem uoltis quod decrero facere. Ther. Tibi permittimus.

Carpr. Dum quidem hercle ita iudices, ne quisquam a me argentum auferat.

Въ этомъ примѣрѣ предложеніе „dum quidem“ е. q. s. относится правда, къ сказанному Терапонтитгономъ и отъ имени Каппадока „tibi permittimus“, но оно могло бы слѣдовать и непосредственно послѣ рѣчи Федрома.

Къ этимъ примѣрамъ полезно будетъ присоединить для сравненія тѣ, въ которыхъ аподозисъ выраженъ, но могъ бы быть опущенъ безъ ущерба для смысла.

Persa 4, 4, 105 (657):

Vin mea esse? † Dum quidem ne nimis diu tua sim, uolo.

Stich. 3, 1, 25 (426):

Ducam hodie amicam⁴⁾ † Vel decem, dum de tuo.

¹⁾ Камерарій не трогалъ рукописнаго «istuc».

²⁾ У Теренція, на сколько намъ лично извѣстно, подобные отвѣты не встрѣчаются вовсе.

³⁾ Въ этомъ обращеніи заключается гредомеііе, на которое нужно согласіе Харина. Ср. v. 330 sqq.

⁴⁾ Рабъ нуждается въ согласіи господина.

Ibid. 5, 4, 5 (687):

Qui praetereat, commissatum uolo nocari. † Conuenit,
Dum quidem hercle, quisque ueniet, ueniat cum uino suo.
Truc. 4, 2, 23 (736):

. . . . . quando scis, sine alios discere.
† Discant, dum mihi commentari liceat.

Сюда же относится Capt. 2, 2, 88 (335 Br.)¹⁾:

. . . . . sed ted oro hoc, Hegio.
† Quid uis? dum ab re ne quid orea, faciam.

Какъ видно, Merc. v. 904 не подходитъ къ разсмотрѣнной категоріи примѣровъ, ибо обращеніе Евтиха къ Харину (v. 903 sq.) не имѣетъ ничего общаго съ тѣми обращеніями къ собесѣднику, послѣ которыхъ можетъ слѣдовать и фактически, хотя бы и рѣдко, слѣдуетъ отвѣтъ съ „dum“ с. conі. безъ аподозиса. Такъ какъ въ другихъ случаяхъ мы подобныхъ отвѣтовъ не встрѣчаемъ, а создавать посредствомъ конъектуръ ἀκατ̄ λεγόμενα рисковано, то мы оставляемъ слова „dum istic siet“, согласно съ преданіемъ, за Евтихомъ, сравнивая v. 904 со слѣдующими аналогичными примѣрами:

Cas. 2, 5, 22 sqq. (226 sqq. Gerp.).

Олимпіонъ жалуется Сталинону на то, что жена и сынъ послѣд-
няго и вся дворня враждебно относятся къ нему, Олимпіону, за
поддержку, оказываемую имъ Сталинону.

На это Сталинонъ отвѣчаетъ:

— Quid id (scil. istos tibi esse inimicos) refert tua?
Unus tibi hic dum propitius sit Iuppiter,
Tu istos minutos caue deos flocci feceris.
Trin. 4, 2, 136 sq. (978 sq.).

Char. Quis ego sum igitur, si quidem is non sum, qui sum?

S u c o p h. Quid id (scil. quis sis) ad me attinet?

Dum ille ne sis, quem ego esse nolo, sis mea causa qui lubet.

Въ этихъ примѣрахъ мы, правда, имѣемъ аподозисъ послѣ про-
тиса съ „dum“, но въ первомъ случаѣ онъ вызванъ тѣмъ, что Ста-
линонъ сравниваетъ себя съ Юпитеромъ, а во второмъ онъ могъ бы
быть опущенъ безъ ущерба для смысла, точно также, какъ въ Merc.
v. 904 предложеніе „dum istic siet“ можетъ быть дополнено словами:

¹⁾ Ср. изд. Fleckeis. Capt. v. 338.

uenerit quicum lubet⁴⁾). Къ разсматриваемой категоріи примѣровъ относятся еще Ter. Eun. 3, 2, 28 sq. (319 sq.).

— Hanc tu mihi uel ni, uel clam, uel precario
Fac tradas: mea nil refert, dum potiar modo.

Съ приведенными мѣстами не мѣшаетъ сравнить Aul. 239 sq. 489 sqq.; Car. 3, 5, 24 (678); Epid. 678 sq.; Most. 1, 1, 68 sq. (79 sq. Log.).

Смыслъ занимающаго насъ стиха, оставляемаго нами цѣликомъ за Евтихомъ, будетъ слѣдующій: „Что тебѣ за дѣло, съ кѣмъ она пришла туда? была бы она только тамъ“⁵⁾), то-есть: для тебя важно лишь то, чтобъ она была тамъ, а съ кѣмъ она пришла туда, до этого тебѣ дѣла нѣтъ; первое тебѣ уже извѣстно, такъ что твой вопросъ, касающійся послѣдняго обстоятельства, является неумѣстнымъ и обиднымъ для меня (inique rogas), ибо онъ доказываетъ, что ты мнѣ не довѣряешь. Коль скоро мы, однако, оставимъ за Евтихомъ весь v. 904, то между нимъ и слѣдующимъ возникаетъ лагуна. По нашему мнѣнію, она произошла вслѣдствіе перестановки v. 904, и слѣдовавшаго первоначально за нимъ v. 912, который такимъ образомъ очутился впереди v. 904, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, не имѣетъ никакого смысла. Итакъ, если помѣстятъ v. 912 послѣ v. 904, то мы получимъ слѣдующій рядъ стиховъ, не представляющій указанныхъ нами затрудненій и дающій удовлетворительный смыслъ:

Char.

Sed qui ego istuc credam? uidisti an de audito nuntias?

Eut. Egomet uidi. Char. Quis eam adduxit ad uos? Eut. Ut inique rogas:
Quid tua refert, quicum istuc uenerit? dum istuc siet.

Char. Vera dicis? Eut. Nil, Charine, te quidem quicquam pudet.

Est profecto. Char. Opta ergo ob istunc nuntium quiduis tibi.

Заключая изъ отвѣта Евтиха „ut inique rogas: quid tua“ e. q. s., что онъ не намѣренъ отвѣчать на дальнѣйшіе разспросы, Харинъ

⁴⁾ Такъ именно пришлось бы дополнить слова «dum istuc siet», еслибъ мы отвели ихъ Харину; но развѣ могъ что-нибудь подобное сказать Харинъ, только что серьезно спросившій «quis eam adduxit ad uos?» и недовѣряющій извѣстію, принесенному Евтихомъ?

⁵⁾ «Istuc» нужно объяснить тутъ точно также, какъ предыдущее «istuc» (см. выше), на которое оно опирается. Нѣсколько измѣненное употребленіе этихъ мѣстоименныхъ нарѣчій въ данномъ случаѣ подало, вѣроятно, поводъ къ порчѣ преданія. Въ виду этого мы не рѣшаемся предложить читать «istacc» вм. «istuc», хотя оно даю бы вполне удовлетворительный смыслъ.

предлагаетъ другу послѣднй рѣшительный вопросъ: „*uerga dicis?*“ Вопросъ этотъ можетъ, конечно, относиться лишь къ принесенному Евтихомъ извѣстiю, что Пасхиомпса обрѣтается въ домѣ его родителей, и онъ тѣсно примыкаетъ къ словамъ Евтиха „*dum istic siet*“, въ которыхъ послѣднй наираетъ именно на это обстоятельство. Евтихъ отвѣчаетъ на вопросъ Харина рѣшительнымъ „*est profecto*“ (scil. *in nostris aedibus; cf. v. 900*), но, выведенный изъ терѣнiя недоверiемъ Харина, предпосылаетъ своему отвѣту упрекъ: „*nil, Charine, te quidem quicquam pudet*“.

Тутъ Харинъ, повѣривъ наконецъ словамъ Евтиха, въ порывѣ радости восклицаетъ: „*opta ergo ob istunc, nuntium quiduis tibi*“.

©. Шиберъ.

О НОВЫХЪ РАСКОПКАХЪ ВЪ ПОМПЕЯХЪ.

Въ послѣднія десять лѣтъ друзья древности принялись за изслѣдованіе мѣстностей древней культуры съ рвеніемъ, небывалымъ въ прежнія времена, и обширная территория, гдѣ развитіе греко-римскаго искусства оставило слѣды своего существованія, сдѣлалась въ разныхъ пунктахъ предметомъ розысковъ. Въ работахъ этихъ, соперничая другъ съ другомъ, участвуетъ большинство европейскихъ націй; не говоря уже о розысканіяхъ, имѣющихъ важность для мѣстной исторіи—на Рейнѣ, въ Швейцаріи, въ Англіи и Франціи, италіанское правительство производитъ раскопки на исторической почвѣ своей страны; Французы избрали поприщемъ своихъ трудовъ главнымъ образомъ Архипелагъ, Нѣмцы продолжаютъ свои изслѣдованія въ Пергамѣ¹⁾, Англичане производятъ раскопки въ Сардахъ, Австрійцы — въ юго-западной части Малой Азіи, наконецъ американское общество—въ Ассосѣ. Результаты этихъ работъ расширяютъ и углубляютъ въ разныхъ отношеніяхъ наши свѣдѣнія о классической древности, и литература о новыхъ находкахъ приняла значительные размѣры. Такъ какъ однако литература эта не всякому легко доступна, то не лишнимъ будетъ сообщить здѣсь сводъ главныхъ результатовъ упомянутыхъ изслѣдованій. На первый разъ останавливаемся на новыхъ раскопкахъ въ Помпеяхъ.

Раскопки эти дѣлаются по почину италіанскаго правительства. Работы, произведенныя здѣсь за послѣдніе годы, дали не очень много важныхъ находокъ. Можно обойти молчаніемъ массу вновь найденныхъ мелкихъ произведеній искусства, въ родѣ глиняныхъ сосу-

---

¹⁾ См. Ж. М. Н. Пр., декабрь 1882 г. стр. 472 и слл.

довъ, лампъ, мраморныхъ головъ, статуэтокъ изъ бронзы и т. п. Но изъ длиннаго ряда вновь открытыхъ стѣнныхъ картинъ нѣкоторыя заслуживаютъ полнаго вниманія. Сюжеты этихъ картинъ большою частью уже были извѣстны прежде по своему типу, такъбы: Селена, приближающаяся къ Эндимиону; встрѣча Ифигеніи съ Орестомъ и Пилломъ въ Тавридѣ; Оезей, получающій отъ Ариадны мотокъ нитокъ, съ помощью котораго онъ находитъ выходъ изъ лабиринта; затѣмъ ландшафты, сцены охоты и изображенія танцовщицъ. Замѣчательно, между прочимъ, изображеніе Вакха ¹⁾, какъ по странному виду самого бога, такъ и по окружающей его обстановкѣ. Вакхъ изображенъ юношею, стоящимъ спокойно и опирающимся лѣвою рукою на длинный жезлъ (*ὄβριος*); правою рукою онъ держитъ сосудъ и понтъ виною пантеру; голова его увѣнчана виноградною зеленью, а вмѣсто платья онъ покрытъ множествомъ виноградныхъ кистей; только на рукахъ видны рукава платья. Рядомъ съ богомъ возмъшается гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Съ противоположной стороны эта гора имѣетъ крутой обрывъ и затѣмъ переходитъ въ равнину, слѣгка отлогую, на переднемъ краю которой виднѣется утесъ.

Если принять во вниманіе, что картина находится въ Помпеяхъ, то не можетъ быть сомнѣнія относительно смысла изображенія. Вакхъ, сплошь покрытый виноградомъ, стоитъ воглѣ своей любимой горы—Везувія, получившаго отъ бога способность производить самны благородныя лозы ²⁾.

Помпейскій живописецъ представилъ гору съ восточной стороны въ томъ видѣ, какой она имѣла до страшнаго изверженія 79 года по Р. X. Ниже густо обросшей вершины уже тогда находилось покрытое пепломъ поле древняго кратера, окруженное острыми утесами. Сюда бѣжалъ, по словамъ Флора ³⁾, Спартакъ, и къ удивленію рим-

¹⁾ Объ этой картинѣ говоритъ *Fiorelli* въ *Notizie degli scavi di antichità*, Roma, 1880, стр. 230, табл. VII.

²⁾ *Hic est pampineis viridis modo Vesuvius umbris,
Presserat hic madidos nobilis uvâ lacus.*

Haec iuga quam Nysae colles plus Bacchus amavit.

Ср. *Plin. nat. hist.* III, 5, 60.

³⁾ II, 8. *Prima sedes velut beluis mons Vesuvius placuit. Ibi cum obsiderentur a Clodio Glabro, per fauces cavi montis vitineis delapsi vinculis ad imas eius descendere radices et exitu inviso nihil tale opinantis ducis subito impetu castra rapuerunt.* Ср. *Fiorelli*, *Pompei et la regione sotterata dal Vesuvio nell'anno LXXIX.* Napoli 1879.

скихъ полководцевъ, нашелъ здѣсь подземный выходъ въ подошвѣ горы.

Другая картина ¹⁾ переноситъ насъ въ Малую Азію. Въ серединѣ картины возвышаются стѣны города, снабженныя бойницами и укрѣпленныя крѣпостными башнями. Надъ стѣною возвышается храмъ о четырехъ колоннахъ спереди; за храмомъ виднѣется вдали гора. Вся мѣстность съ лѣвой стороны освѣщена бѣлымъ свѣтомъ луны, которая, впрочемъ, на картинѣ не изображена. Передъ нами Троя. Въ стѣнѣ города продѣлано большое отверстіе; вынутыя камни нагромождены сбоку. Отверстіе это назначено для того, чтобы пропустить деревяннаго коня въ городъ. Конь, окрашенный бѣлою краскою, стоитъ на четырехугольномъ базисѣ, снабженномъ четырьмя маленькими колесиками, и находится ближе къ зрителю, въ равнинѣ, возвышающейся по направленію къ городской стѣнѣ. Къ коню привязаны три каната, изъ которыхъ каждый тащатъ четыре или пять человѣкъ, между тѣмъ какъ еще одинъ человѣкъ, находящійся сзади, толкаетъ упомянутаго коня, а впереди идетъ флейщикъ, игрою своею ободряющій тянущихъ канаты. Три человѣка выражаютъ явственно свою радость. Группа женщинъ стоитъ ближе къ стѣнѣ. Группа эта еще освѣщена бѣднымъ свѣтомъ луны, между тѣмъ какъ мужчины, занятыя около коня, освѣщаются краснымъ блескомъ костра. Фигура въ длинномъ одѣяніи, съ факеломъ въ рукахъ, вблизи городской стѣны, представляетъ или Елену, готовящуюся дать Грекамъ сигналъ, или Кассандру, предрекающую несчастіе.

Картина эта не отличается особенною тщательностью выполненія, но служитъ для насъ доказательствомъ, что живописцы древности умѣли, кромѣ обыкновеннаго дневнаго свѣта, изображать и эффектъ искусственнаго освѣщенія; мастерская группировка многочисленныхъ лицъ картины даетъ право назвать очень искуснымъ художника, создавшаго оригиналъ, съ коего упомянута я картина составляетъ копію.

Другая, не менѣе оживленная картина изображаетъ египетскіе религиозные обряды. На картинѣ представлена процессія изъ 21-й женщины, изъ которыхъ каждая несетъ какую-либо вещь, необходимую для жертвоприношенія; двѣ изъ нихъ имѣютъ нѣчто въ родѣ роговъ на лбу; одна несетъ крокодила, другая — аписа. На платкѣ, покрывающемъ грудь одной изъ женщинъ, имѣются знаки, представляющіе,

¹⁾ А. May въ *Bulletino dell'istituto di corrispondenza archeol.* 1883, стр. 127 и слл.

по всей вѣроятности, іероглифы. Что въ началѣ нашей эры египетская религія проникла и въ Помпеи, это доказывается уже существованіемъ тамъ храма Изиды ¹⁾ близъ театра, а теперь вновь подтверждено описанною картиною.

Упомянемъ еще о нѣсколькихъ картинахъ, совершенно круглыхъ, найденныхъ въ той же комнатѣ. Первая ²⁾ изъ нихъ представляетъ голову безъ бороды, съ изогнутымъ носомъ. Глаза широко раскрыты и имѣютъ пронзительный взглядъ. Темные волосы въ безпорядкѣ окружаютъ лобъ и щеки. На вискахъ помѣщены два крыла. Цвѣтъ лица вообще темный, лишь нѣкоторыя мѣста выдаются очень свѣтлыми пятнами. На первый взглядъ кажется, что это голова Медузы; но такъ какъ, суди по выраженію лица, голова эта принадлежитъ мужчине, то подобное предположеніе не возможно, и приходится принять голову за олицетвореніе вѣтра; а такъ какъ въ чертахъ лица видна необузданная сила, то здѣсь надо видѣть изображеніе Бorea ³⁾. Вторая, также крылатая, голова ⁴⁾ имѣетъ совершенно иной характеръ. Красивая, правильная черты лица не лишены энергіи, при всей своей кротости; волосы кудрявы, но не лежатъ въ безпорядкѣ, и лицо, написанное свѣтло-желтою краскою, производитъ впечатлѣніе чрезвычайно мягкое и пріятное; кажется, что это изображеніе Зефира. Третья голова (№ 87) бородатая, съ гладкими волосами и суровымъ, мрачнымъ выраженіемъ лица. Очевидно, представленъ тутъ вѣтеръ, наносящій пасмурную погоду и дождь, можетъ быть—Эвръ.

Изъ надписей, найденныхъ въ послѣдніе годы, нѣкоторыя относятся къ обыденной жизни, и хотя не лишены интереса, но представляютъ мало новаго и поучительнаго. На одной кружкѣ начертаны буквы: GFTHY ⁵⁾, которыя Фиорелли объясняетъ такъ: *gatum factum thupno*. На амфорѣ, найденной въ одномъ магазинѣ, было начертано слѣдующее: *liquamen flos optimum*. На косякѣ дверей въ одной гостинницѣ красными буквами написано: *Hospitium Hygini*

¹⁾ *Overbeck, Pompeji*, стр. 101, Fig. 65.

²⁾ *Bulletino dell' inst.* 1882, стр. 107, № 81; *Presaha, Pompeji, die neuesten Ausgrabungen von 1874—81. Abth. IX, T. VI.*

³⁾ Онъ самъ характеризуетъ себя у Ovid. *Met.* VI, 687:
quid enim mea tela reliqui,

Sacvitiam et viros itaque animoque minas?

Въ этомъ изображеніи поражаетъ, впрочемъ, отсутствіе бороды.

⁴⁾ *Bulletino*, стр. 107, № 83.

⁵⁾ *Fiorelli* въ *Notizie degli scavi di antichità, Roma.* 1880, стр. 230.

Figm. Кроме того, попадаются начертанія, начертанныя на извести, не приличныя по содержанию, а по формѣ грѣшачія противъ грамматики или правописанія.

Уже прежде ¹⁾ извѣстны были надписи, содержащія въ себѣ объявленія объ имѣющихъ быть играхъ, при которыхъ зрители будутъ опрыскиваемы благовонными жидкостями и защищаемы отъ солнца посредствомъ растянутыхъ парусовъ; такія же надписи-объявленія найдены вновь на наружной стѣнѣ одного зданія ²⁾: *Pompa Venatio..... sparsiones vela erunt*. Равнымъ образомъ, найдены надписи, содержащія въ себѣ приглашенія на выборы должностныхъ лицъ.

Надпись большой важности открыта благодаря тщательнымъ розысканіямъ А. Мау. Великолѣпный храмъ ³⁾ на юго-западѣ отъ форума, раскопанный около шестидесяти лѣтъ тому назадъ, считался обыкновенно посвященнымъ Венерѣ. Позднѣе нѣкоторые ученые выдавали его за храмъ Меркурія, а недавно еще Ниссенъ утверждалъ ⁴⁾, что храмъ этотъ былъ посвященъ Церерѣ. Ни одно изъ этихъ толкованій не находило опоры въ какомъ-либо достовѣрномъ свидѣтельствѣ, и лишь въ 1882 г. спору этому положенъ былъ конецъ открытіемъ Мау, устранившимъ всякое сомнѣніе. Мау нашелъ надпись ⁵⁾ на мраморныхъ плитахъ храмоваго пола, до сихъ поръ скрывавшуюся въ пескѣ. Буквы этой надписи 0,04 метра вышины, образованы дырами, просверленными въ камнѣ одна возлѣ другой и затѣмъ вновь наполненными металломъ. Послѣ тщательнаго очищенія плить удалось разобрать самую существенную часть надписи, строки которой имѣютъ длину въ 2,55 метра. Воспроизводимъ эти строки, написанныя въ подлинникѣ справа на лѣво, латинскими прописными буквами, между тѣмъ ранѣе въ подлинникѣ нѣкоторыя буквы имѣютъ необыкновенную форму:

V. KAMP.....ISSTVR. KVM.
 BENNI· I.....APPELLVNEIS.
 EITIV.....
 .ANNV· AAMAN...ED.

¹⁾ Corp. Inscr. Lat. IV, 1477 sqq.

²⁾ *Notizie degli scavi*, 1879, стр. 281.

³⁾ *Overbeck*, Pompeji, табл. № IX.

⁴⁾ *Pompejanische Studien*, стр. 330.

⁵⁾ *Bulletino dell' inst.* 1882, стр. 189 и сл., 205 и сл., 223.

При помощи прежде найденныхъ въ Помпеяхъ надписей, собранныхъ и комментированныхъ въ известной книгѣ *Θ. Моммзена*: „Die unteritalischen Dialecte“, вышеприведенныя слова можно дополнить на столько, что смыслъ ихъ будетъ совершенно ясенъ. Въ первой строкѣ стояло еще имя отца магистрата въ род. пад. Буквы *ISSTVIR* суть остатокъ слова *quaisstur = quaestor*. *KVMBENNI* — неполный родительный отъ *kumbeniels = conventus*, въ смыслѣ сенатъ, за которымъ слѣдовало *tanginud (= consilio* ¹⁾), состоящее изъ осьми буквъ, умѣщающихся какъ разъ въ пробѣлѣ. Буквы *EITIV* суть остатокъ творительнаго надежа *eitiuvad*, означающаго, какъ видно по другимъ надписямъ, *resunia* ²⁾). *ANNV* слѣдуетъ дополнить *ursannu = orogandum*, а *AAMAN...ED = aamanaffed*, что значить: *iussit, curavit* ³⁾). Такимъ образомъ, весь текстъ надписи дополняется слѣдующимъ образомъ: *V. Kampaniis.... kvaisstur. kumbenniels. tanginud. Apelluneis. eitiuvad.... ursannu. aamanaffed*, что значить: „Квесторъ Кампаній повелѣлъ приготовить дѣло по приказанію сената на деньги Аполлона“. Слѣдовательно, въ этой вновь открытой надписи оказывается, что спорный храмъ былъ посвященъ не Церерѣ и не Венерѣ, а Аполлону, а далѣе—что храмъ имѣлъ свои собственные доходы, изъ которыхъ покрывались издержки на необходимыя поправки. Кромѣ того, надпись эта важна какъ новый памятникъ осскаго языка, на которомъ когда-то говорилъ могущественный народъ Самнитянъ; съ политической гибелью этого народа погибло и его нарѣчіе. Въ Помпеяхъ между надписями, сдѣланными на извести непосредственно передъ гибелью города, нѣтъ ни одного на осскомъ языкѣ. Такого рода надписи сохранились только на камняхъ и сдѣланы, надо полагать, задолго до гибели города. Моммзень ⁴⁾ утверждаетъ, что осскій языкъ пересталъ быть въ употребленіи въ Помпеяхъ около времени Союзнической войны. Во время изверженія Везувія, разрушившаго Помпей, упомянутая надпись была уже, по видимому, очень повреждена.

Э. Шульце.

¹⁾ Для того, чтобы судить о вѣрности этихъ дополненій, ср. *Моммзен*, *Die unteritalischen Dialecte* стр. 183; № 24: *Viinikiis kvaisstur pumpanians kumbeniels tanginud ursannam deded*—*Vicinius quaestor Pompeianus conventus iussu faciendam dedit*.

²⁾ См. *Моммзен*, стр. 147, *tabula Bantina* v. 19, стр. 183, № 24.

³⁾ Тамъ же стр. 181, № 21; стр. 183, № 25.

⁴⁾ *Unterit. Dial.*, стр. 116.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (24-го апрѣля 1884 г.). О свидѣтельствovanіи выписей изъ актовъ книгъ Виленскаго центральнаго архива	3
2. (2-го іюня 1884 г.). Объ учрежденіи въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 12-ти стипендій имени Государя Императора Александра II	4
3. (24-го апрѣля 1884 г.). Объ усиленіи надзора за учебными заведеніями Восточной Сибири	75
4. (1-го мая 1884 г.). О преобразованіи Ташкентской и Вѣрненской прогимназій въ гимназій	77
5. (1-го мая 1884 г.). Высочайше утвержденное положеніе объ Александровскомъ женскомъ двухклассномъ училищѣ въ г. Киржачѣ	80
6. (8-го мая 1884 г.). О новомъ штатѣ Кавкасскаго музея и Тифлисской публичной библіотеки	82
7. (29-го мая 1884 г.). Объ открытіи въ гор. Могилевѣ на Двѣрѣ шестикласснаго реальнаго училища	84
8. (30-го мая 1884 г.). Объ учрежденіи новой кафедры въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ	85
9. (5-го іюня 1884 г.). Объ учрежденіи въ гор. Харьковѣ практическаго технологическаго института	86
10. (6-го іюня 1884 г.). О расходѣ на содержаніе и ремонтъ зданій	

предполагаемаго въ учрежденію въ гор. Харьковѣ технологическаго института	87
11. (6-го іюня 1884 г.). О расширеніи зданій Императорскаго Харьковскаго университета и объ отпускѣ 6000 руб. на содержаніе при этомъ университетѣ 20-ти стипендіатовъ	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

4-го мая 1884 года (№ 4)	4
5-го мая 1884 года (№ 5)	6
12-го іюня 1883 г. (№ 6)	88

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ	6
------------------------------	---

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (26-го мая 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени умершаго генералъ-адъютанта Лесовскаго при Кронштадтской Александринской женской гимназій	12
2. (26-го мая 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей журнала „Русскій Архивъ“ среднеучебнымъ заведеніямъ	13
3. (27-го мая 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени жены потомственнаго гражданина Маріи Θεодоровны Морозовой при Московской 4-й гимназій	14
4. (27-го мая 1884 г.). Положеніе о постоянномъ фондѣ, основанномъ профессоромъ института сельскаго хозяйства и гѣсоводства въ Новой Александріи А. М. Карпинскимъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ и пособій недостаточнымъ студентамъ сего института	—
5. (2-го іюня 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о преподавателяхъ учебныхъ заведеній, состоящихъ на государственной службѣ, и о таковыхъ же по вольному найму	16
6. (7-го іюня 1884 г.). Правила для стипендіи въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра имени бывшихъ профессоровъ сего университета: на историко-филологическомъ факультетѣ Ивана Яковлевича Нейкирха и на медицинскомъ факультетѣ имени Вилибальда Готлибвича Вессера	17
7. (9-го іюня 1884 г.). Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аркадія Андреевича Толочанова при Ломжинской мужской гимназій	18
8. (10-го іюня 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Юлиана Θεодоровича Штохина при Корочанской Александровской мужской гимназій	19
9. (17-го іюня 1884 г.). Положеніе о калмыцкой стипендіи имени Императора Александра II при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ	20

10. (21-го іюня 1884 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича при женскомъ училищѣ Русскаго благотворительнаго общества въ Дерптѣ	90
11. (21-го іюля 1884 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени полковника Юсафа Михайловича Назарова при Новочеркасскомъ реальномъ училищѣ	—
12. (28-го іюня 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей учебнымъ заведеніямъ „Географическаго словаря западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель“ Головацкаго	91
13. (30-го іюня 1884 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о недонушеніи выдачи въ ссуду принадлежащихъ женскимъ гимназіямъ капиталовъ	92
14. (5-го іюля 1884 г.). Правила о приѣмѣ и содержаніи въ Казанскомъ университетѣ студентовъ на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго дѣйствительною тайною совѣтницею Державиной	93
15. (8-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ съ рекомендаціей учебнымъ заведеніямъ книги „Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году“	94
16. (15-го іюля 1884 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о печатаніи на оборотѣ аттестатовъ, выдаваемыхъ окончившихъ курсъ женскихъ гимназій лицамъ, правилъ о ихъ обязанностяхъ, какъ домашнихъ учительницъ и наставницъ, къ учебному начальству, дающихъ имъ право на пенсію	—

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

28-го апрѣля 1884 г. (№ 4)	21
21-го іюня 1884 года (№ 5)	96

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Русская грамматика. Составилъ А. Преображенскій“	31
О книгѣ: „Общій курсъ словесности. Составилъ М. Калмыковъ“	—
О книгѣ: „Русская хрестоматія. Составили И. Виноградовъ и А. Андреевъ“	—
О книгѣ: „Neuere und neueste Geschichte zum Gebrauch in den obersten Klassen höherer Lehranstalten, herausgegeben von Frese“	—
О книгѣ: „Курсъ географіи Европы. Составилъ Ив. Штучеръ“	32
Объ изданіи: „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“	—
О книгѣ: „Справочная книга для инженеровъ, механиковъ, техниковъ и строителей. Составилъ инженеръ-механикъ П. Я. Малцовъ“	—

О книгѣ: <i>К. Гораций Флакк.</i> Въ переводѣ <i>А. Фета</i> “	32
О автографическихъ тетрадяхъ: 1) „Географическіе чертежи Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи“, 2) „Географическіе чертежи Европы и европейскихъ государствъ“, 3) Географическіе чертежи Россіи. Составилъ <i>Милайлосъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>М. П. Фабриусъ.</i> Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго“	—
О книгѣ: „Азбука домоводства и домашней гигиены. <i>М. Кюма</i> “	—
О брошюрѣ: „Памятныя таблицы по всеобщей и русской исторіи, Составилъ <i>А. Сукрузо</i> “	109
О книгѣ: „Переводныя векселя. Составилъ <i>А. Скрибинъ</i> “	—
О книгѣ: „Популярный курсъ начальныхъ основаній земледѣлія. <i>Н. А. Сокошчина</i> “	—
О книгѣ профессора университета св. Владиміра <i>О. Гююкаю</i> „Краткое образованіе педагогика“	—
О книгѣ: „Элементарная начертательная геометрія. Составилъ <i>А. Фроловъ</i> “	110
О книгѣ: „Дополненіе къ Элементарной начертательной геометріи. Составилъ <i>А. Фроловъ</i> “	—
О книгѣ: „Латинская грамматика д-ра <i>Фердинанда Шульца</i> , ботаническая <i>Юріемъ Ходобаемъ</i> “	—
О книгѣ: „Ураженія къ латинской грамматикѣ д-ра <i>Фердинанда Шульца</i> , составленной <i>Ю. Ходобаемъ</i> и <i>П. Виноградовымъ</i> “	—
О книгѣ: „ <i>И. Поддубный.</i> Учебный атласъ Россіи“	—
О книгѣ: Систематическій курсъ ботаники. Составилъ <i>Н. Ржевскій</i> “	—
О книгѣ: „Популярныя лекціи <i>Джона Тиндалла.</i> Тепло и холодъ. Матерія и сила. Переводъ <i>Ө. Ө. Петрушевскаю</i> “	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Шекспиръ для юношества. Въ переводѣ <i>А. И. Соколовскаю</i> “	33
О книгѣ: „Казачья дума о трехъ азовскихъ братьяхъ. <i>М. А. Андриесскаю</i> “	—
О книгѣ: „Иллюстрированная хрестоматія. Составилъ <i>А. Тарнаевскій</i> “	—
О книгѣ: „Практическая русская грамматика. Составилъ <i>К. Козьминъ</i> “	—
О книгѣ: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Составилъ <i>Ив. Романченко</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>А. Арзамельскою</i> : 1) „Домби и сынъ“, 2) „Оливеръ Твистъ. <i>Диккенса</i> “	34
О книгѣ: „Віографіи замѣчательныхъ людей. Составила <i>А. П. Мунтъ</i> “	—

О книгѣ: „Біографіи образцовыхъ русскихъ писателей. А. Павлова“ . . . . .

О книгѣ: „Крутиковъ. Разказъ А. Г. Коваленской“ . . . . .

О книгѣ: „Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Составилъ Н. П. Черепнинъ“ . . . . .

Отзывы особой комиссіи, разсматривавшей труды по исторіи и географіи, удостоенные премій императора Петра Великаго въ 1884 году (разборъ трудовъ гг. Коляловича, Замысловскаго, Штудера и Рождественскаго) . . . . .

Официальныя извѣщенія . . . . .

Открытіе училищъ . . . . .

Каталогъ руководствъ и учебныхъ пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

П. В. Голубовскій. Объ Узакъ и Половцахъ . . . . .

Я. Г. Гуревичъ. Происхожденіе войны за Испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. I—VIII 23

Н. И. Веселовскій. Приѣмъ въ Россіи и отпускъ средне-азиатскихъ пословъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ . . . . .

П. А. Сырку. Значеніе румыновѣдѣнія для славянской науки . . . . .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

— Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества . . . . .

И. В. Помяловскій. Путь къ Синаю. А. В. Елисеева. 1884. . . . .

Н. И. Петровъ. Палинодія Захарія Комнстенскаго. В. З. Заитневича. 1883. . . . .

А. Н. Веселовскій. Разысканія о греческихъ богатирскихъ былинахъ. Г. Дестуниса. 1883. . . . .

Ө. Г. Мищенко. Къ вопросу о Геродотовыхъ Скиахъ . . . . .

Г. С. Дестунисъ. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества . . . . .

М. А. Веневитиновъ. Нѣмецкій переводъ Хожденія игумена Данила . . . . .

П. А. Ровинскій. Черногорецъ и Черногорка . . . . .

А. С. Будиловичъ. Географическій словарь западно- и южно-славянскихъ земель. Я. Головацкаго. 1884. . . . .

П. А. Кулаковскій. Два сочиненія о жизни и трудахъ І. Добровскаго. . . . .

	СТРАН.
Г. А. Д—скій. В. <i>Адресскій</i> . Египетъ. 1884.	331
П. О. Морозовъ. Новые материалы для исторіи русскаго театра	352
Ө. И. Успенскій. Сношенія Рима съ Москвою (разборъ трудовъ по русской исторіи о. П. Пирлинга)	368
А. С. Архангельскій. В. <i>Богородицкій</i> . Гласныя безъ удараенія въ обще-русскомъ языкѣ 1884.	412
П. Г. Виноградовъ. Очерки западно-европейской историографіи. IX—X	172 и 414
А. Н. Веселовскій. Новости по изученію италянскон литературы	428

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

П. В. Колумбусъ. Къ вопросу о преподаваніи бухгалтеріи	1
Наша учебная литература (разборъ 18 книгъ)	5 и 43

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Научныя предпріятія Православнаго Палестинскаго Общества	1
Педагогическіе курсы для преподавателей начальныхъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи въ 1882 году	17
Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ 1882 и 1883 годахъ	62
Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній	31 и 82
Л. Д—ръ. Письмо изъ Париза.	48

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Э. К. Штернъ. Что значить сочетаніе <i>patres conscripti</i>	1
А. Д. Войсманъ. Замѣтки къ трагедіи Еврипида <i>Ἰκκολοτος</i>	12
В. К. Ериштедтъ. <i>Παύσιος</i>	23
О. А. Шеборъ. Нѣсколько критическихъ замѣтокъ къ Плавту	31
Э. М. Шульце. О новыхъ раскопкахъ въ Помпеяхъ	75

Въ приложеніи:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (<i>продолженіе</i>)	169
---	-----

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонезскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Вазета“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками, составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Изданіе, съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна **60** коп.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ТРАГЕДІЯ ЕВРИПИДА.

«ИППОЛИТЪ» (ἸΠΠΟΛΥΤΟΣ).

Греч. текстъ съ русскими примѣчаніями, составленными проф. *А. Д. Вейсманомъ*. С.-Петербургъ. 1884 г. Цѣна 80 коп. Можно получить у автора (Вас. О., 5 лин. 32, кв. 22) и въ книжныхъ магазинахъ Риккера и др.

1-го АВГУСТА вышла и разслана подписчикамъ VIII-я,
АВГУСТОВСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Патриархъ Никонъ по вновь открытымъ матеріаламъ, 1658 г.—II. Новый Іерусалимъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ.—III. Записки Густава фонъ-Штрадмана, 1779—1780 г.—IV. Записки Д. М. Рестиславскаго, проф. Спб. духовной акад.: о бѣломъ духовенствѣ.—V. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ: его рукописи въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ.—VI. Война съ польскими католиками 1831 г. въ переноскѣ императора Николая I.—VII. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Разсказъ Мокнацкаго.—VIII. Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.—IX. Александровская колона въ С.-Петербургѣ 30 августа 1834—1884 гг.—X. Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—XI. Русскій губернаторъ въ Польшѣ. Изъ записокъ отставнаго губернатора, 1866—1868 гг.—XII. Воспоминанія о походѣ 1877—1878 гг. Очерки В. О.—XIII. А. Е. Викторевъ, † 1883 г.—XIV. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.—XV. Памятникъ на могилѣ Артемія Волынскаго, Ерешкина и Хрущева.—XVI. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ-группа: лордъ Рогланъ, маршалъ Пеллессе и Омерьянъ подъ Севастополемъ въ 1855 г. Гравюра портрета, исполненнаго съ натуры и присланнаго вождемъ союзной арміи кн. М. Д. Горчакову въ Севастополь въ маѣ 1855 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1884 г. разошлась по подпискѣ вся
сполна, до послѣдняго экземпляра.

Вышло второе изданіе первыхъ шести книгъ „Русской
Старины“ 1884 года, а потому подписка продолжается и гт.
подписчики получаютъ все двѣнадцать книгъ этого журнала
за 1884 г. съ гравюрами и портретомъ А. С. Пушкина,
отпечатаннымъ красками.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подпи-
сываться въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА на Нев-

скомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора, а въ Москѣ подписка принимается въ магазинѣ Мамонтова.

Ипогородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подческая, домъ № 7.

Продаются книги:

I. „Царица Прасковья“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, очеркъ *М. И. Семевскаго*, цѣна два рубля съ пересылкою; для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ цѣна одинъ рубль.

II. „СЛОВО И ДѢЛО“, очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. *Мих. Ив. Семевскаго*: Тайная канцелярія. — Проповѣдникъ явленіи антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Петръ Великій какъ юмористъ и проч. Цѣна книги съ рисунками и текстомъ въ Россіи, XVIII в., для подписчиковъ «Русской Старины» на 1884-й годъ одинъ руб. съ пересылкою. (Осталось 150 экз.).

III. „Записки сельскаго священника“, изданіе исправленнаго, цѣна одинъ рубль.

Печатается книга: „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна Виллиамъ Монсъ“, 1698—1724 гг., очеркъ *М. И. Семевскаго* изъ русской исторіи XVIII в. Изданіе второе.

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего года, именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877—1879 гг.; 1880 г. (второе изд.), 1881 г., 1882 г. (29 экз.) и 1883 г. (69 экз.) Цѣна за годъ восемь руб.

Правописание всей рукописи Русское. Есть и некоторыя черты Русскаго выговора: е и ю вм. ѣ; нѣнк, смотреннѣ; ж вм. жд; вожь, подажь, огражени, падежь: ч вм. ц; чюжь, вѣча (=вѣща).

Триодъ Савина до 1226 г.

Рукопись въ 4-у на 187 л., неполная. Находится въ библиотекѣ Петербургской Духовной Академіи; прежде принадлежала Новгородскому Софійскому собору.

Триодью называется сборникъ возсгдоданій съ измѣняемыми молитвословіями для подвижныхъ праздниковъ церковныхъ пасхальнаго круга, съ канонами въ 2, 4 и преимущественно въ 3 пѣсни (триѡдѣон—трипѣснецъ), которыя поются только въ буднишніе дни. Книгъ такихъ двѣ. Одна называется постною, другая цвѣтною. Въ постной заключаются молитвословія и пѣснопѣнія на дни съ недѣли мытаря и фарисея, до конца страстной недѣли. Цвѣтная триодъ содержитъ въ себѣ молитвословія и пѣснопѣнія съ дней Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ включительно.

Такихъ книгъ сохранилось отъ древности Русской нѣсколько: есть и XII в.

Триодъ Савина, заключающій въ себѣ обѣ части, однако не полна: всѣхъ началъ нѣтъ, кое чего пѣтъ и въ срединѣ и въ концѣ; начинается съ четверга сыропустной недѣли, оканчивается недѣлею всѣхъ святыхъ.

Время написанія опредѣляется записью на послѣднемъ 187 л. непосредственно за стихомъ: апостоли пророци и мученици преподобнии молите:

Азъ поинѣ грѣшныи Сава мирьско има Гръцинѣ. написахъ книгы свои. сѣма црѣма. Константина. и Оленѣ. А которыи поинѣ. станеть по мнѣ. да поминаеть ма просфорю въ соубѣ. своего дѣла спѣсѣнна. . . .

Сава Гръцинѣ помянутъ въ Новг. лѣтописи: онъ былъ священникомъ въ церкви Константина и Елены, освященной 6 ноября 6732=1224 г., и оставался на этомъ мѣстѣ до 2 марта 6734=1226 г., когда постриженъ въ игумена Юрьева монастыря. По записи можно думать, что она писана Савою уже тогда, когда онъ не думалъ на долго остаться на мѣстѣ священника.—Подъ поминаніемъ просфорю надобно разумѣть обычай поминанія въ молитвѣхъ на проскомидіи о здравіи или за упокой при выниманіи частицъ изъ просфоръ, подаваемыхъ для этого тѣми, кто этого желаетъ.

во, 2-мъ спискѣ:

А си грамота написана бѣ ѿ распатѣ было ꙗ. Гѣ и с. Гѣ.
1. Гѣ безъ лета.

Оба списка писаны одинаковой величины довольно крупнымъ и тщательнымъ уставомъ, первый болѣе раздѣленнымъ по буквамъ, второй болѣе сжатымъ.

Буквы перваго списка:

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Я	Ї	К	Л	М	Н	О
							З	И	Я					Н	
							З	Я							
Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Ю	Ѧ
Р		П	У			У									
			У			У									

Буквы втораго списка:

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Я	К	Л	М	Н	О	Ѧ
					Е	Ж	З			К	Л	М	Н		
						Ж	З								
Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Ю	Ѧ
Р			У										Б		

Главныя черты правописанія однѣ и тѣ же; но языкъ, а по н самое употребленіе буквъ не одно и то же. Въ обоихъ, впрочемъ языкъ Русскій народный, что даетъ этому памятнику особенное значеніе.

Вотъ начало перваго списка:

Что ся дѣиѣ по вѣрьмень. то ѿидето по вѣрьмень. казано будѣте добрымъ людѣмъ. а любо грамо | тоу оутвѣрди. Како то будѣте всемъ вѣдомъ. или кто послѣ живын устанѣт | того Гѣ коли Алъ | брагѣ. вѣдѣка Ризкнй оумьрлѣ. Ѧздоумалѣ к | Смольпескымъ. Мѣстиславѣ. Двѣтъ сѣѣ. прислалѣ въ Ри | гоу свѣ

лоучьшого попа. крьменѣ. ѿ съ нимъ оумна мѹжа Пантельѣ. и своего горда Смольнеска. та два была послѣмъ оу Ризѣ. изъ Ригы ѿхали на Гочкын берьго. тамо твердяти миръ. оутвърдили миръ что былъ не мирнои промьжю Смольньска. ѿ Ригы. и Готскымъ берьгомъ. всемъ коупчемъ. и пр.

Прежде всего бросается въ глаза въ этой грамотѣ неправильное употребленіе ѣ и е, поставленныхъ одно вмѣсто другого: оутвърдѣть вм. оутвердѣть, ѿстанѣться вм. ѿстанется, всемъ вм. всѣмъ и пр.

Другая особенность, бросающаяся въ глаза еще болѣе, это—смѣшеніе ѣ съ о и ь съ е=ѣ: ѿидето вм. ѿидеть=ѿидеть, вѣдомъ вм. вѣдомо, берьго вм. берегъ, былъ не мирно вм. было не мирно, по вѣремьсмъ вм. по перемьсмъ, боудѣте вм. боудеть, послѣ вм. послѣ, князѣ вм. князь и пр. Указывая на возможность смѣшивать гласныя глухія ѣ и ь съ гласными ясными о и е, эта черта едва ли однако не указываетъ еще и на то, что грамота писана не Русскимъ, а иностранцемъ, хотя и хорошо знавшимъ Русскій языкъ.

Затѣмъ въ отношеніи къ написанію гласныхъ. въ этой грамотѣ замѣчательно:

— е вм. и: крьменѣ.

— е (=ъ) вм. старо-Славянскои а въ род. ед. ж. р.: волю (волѣ), земль (землѣ), бѣе, стѣе, иное, сек.

— и вм. ѣ: Ризкын, книгын, Ризѣскимъ (хотя не рѣдко и ѣ на мѣстѣ: Смольнескын, Ригы, Гочкын, всякын и пр.

— ѣ вм. вѣ: ѣздоумалъ, оустоко.

Въ отношеніи къ употребленію согласныхъ видимъ:

— соблюденіе з, ц, с: оу Ризѣ, березѣ, послуоуи, послуоуѣхъ, Полоцѣ.

— смѣна ц и ч: коупчи, коупчемъ, Гочкомъ, Нѣмчицю, бприца.

Въ грамматическомъ отношеніи замѣчательно:

— соблюденіе двойств. числа: та два была, двою послуоуоу, ѿ двою капню.

— винит. жен. ед.—имен.: дати емоу гривна серебра, такова правда оузяти, дати емоу коуна Смольнеская.

— прошедшее простое: аж быхомъ.

— употребленіе хотъ иногда достигательнаго: не звати на погѣ битоса.

— употребленіе неопредѣленнаго самостоятельно: Роусиноу не звати Латина.

— употребленіе са отдѣльно отъ глагола передъ нимъ: что са дѣете.

Вотъ начало изъ второго списка:

Что са въ которое вѣрема начнеть дѣяти то оутвържаютъ грамотою, а быша са не забыли. познайте на память держите нѣнѣнии и по сѣмъ веремени боудючи. къ комуу си грамота придетъ того лѣта. коли еишъ Алѣбрахтъ Рижьскыи мъртвъ. князь Мьстиславъ Двѣчъ послагъ свое моуже. кремена попа Пантелея сотьскоу ѿ Смоленанъ въ Ригоу. а из Ригы на Готьскыи берегъ. оутвържавати мпръ. розлюбе на сторону ѿверечи. которое было меж Немци и Смоленаны и пр.

Смѣшаніе ѣ съ е и въ этомъ спискѣ есть: вѣрема, сѣмъ, ѿвѣречи, Немѣчьскыи, Немци, стареншомоу, детьскии.

Нѣтъ почти смѣшенія ѣ съ о и ѣ съ е, кромѣ обычныхъ случаевъ перехода ѣ въ о и ѣ въ е: долгъ, оумолвити, держите, до росердье, възвержетъ, должнѣ.

Затѣмъ:

— с вм. н: кремена.

— е вм. а и ѣ: свое моуже, оу своею жонѣ, бладне, ее, без всакни векше, въ стѣе Бѣе (есть и въ Бѣи), того поуе, иметь тате.

— о вм. е: коупцомъ, Немьцомъ, оутвържонъ, неразроушонъ, до жонъ, соужона, тажо, ожо, жоны, с жоною.

— и опущено: розлюбе, добросердье, распатъ, выбьютъ.

— и вм. ѣ: детьскии, Немецьскии (чаще ѣ: Рижьскыи, Роускыи, Немецьскыи, княгыни, всакыи, Ригы).

— оу вм. вѣ: оу насиле.

Въ отношеніи къ 'согласнымъ слѣдуетъ замѣтить:

— соблюденіе з, с, ц: въ Ризѣ, березѣ, Волоцѣ, послуси (есю однако и Смоленскѣ), Волочьскыи, Немецьскыи (есть и Немецскии).

— ѣ вм. оу: в того товаръ взати въ стѣе Бѣе.

Въ грамматическомъ отношеніи:

— соблюденіе двойственнаго чысла: роукавидѣ пьрстаты, двѣ вѣкши, отъ двою капию; впрочемъ, при исчисленіи пословъ по двѣ отъ каждаго города стоятъ глаголъ во множественномъ—соуть.

— винит. на а: платити гривна, взати правда.

— прошедшее простое: а бы, а быша, бысть.

— употребленіе неопредѣленнаго самостоятельнаго: за два чѣи платити за нь.

— употребленіе са отдѣльно отъ глагола передъ нимъ: аще вощныи поудъ исказитъ (чаще са послѣ глагола), а быша са не были.

Обращаясь къ содержанію Смоленской грамоты, считаю не бл

полезнымъ упомянуть, что хотя и нельзя сомнѣваться въ давности торговли всего Русскаго Подвинья и Верходнѣпровья съ заморскими землями, но и не на чемъ основывать догадки относительно правъ торговцевъ Русскихъ и иностранныхъ до начала XIII в. Къ 1210 году относится сказаніе Генриха Латыша о мирѣ Нѣмцевъ съ Полоцкимъ княземъ: *Rigenses decreverunt ad regem de Plosceke nuntios destinare, si forte cum eo aliquam formam pacis possent invenire. Et missus est Arnoldus frater militiae cum sociis suis ad regem... in Russiam, si forte pacem recipiat et mercatoribus Rigensibus viam suam in terram aperiat. Qui benigno recipiens cum affectu... misit cum eis Ludolfum virum prudentem et praedivitem de Smolensko. Qui postquam in Rigam venerunt et regis voluntatem exposuerunt, placuit Rigensibus pacis formula, et facta est pax perpetua inter regem et Rigenses, ita tamen, ut Livones debitum tributum regi persolvant annatim vel episcopus pro eis* (Henr. Lit. XIV, 7, 9). Позже, въ 1212 году нарушенный было миръ былъ возобновленъ съ условіемъ *ut via mercatoribus in Duna semper aperta praestaretur* (Henr. Lit. XVI, 2). Торговля сношенія Нѣмцевъ со Смоленскомъ утверждены были договоромъ ихъ со Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ, бывшимъ на княжествѣ Смоленскомъ до 1214 г., когда онъ сдѣлался княземъ Киевскимъ. Объ этомъ договорѣ есть упоминаніе въ грамотѣ Смоленской, писанной послѣ 1230 г., (А како боудѣтъ Немѣчьскыи гъсть Смоленьскѣ, а почынѣтъся кто ѿ нихъ просити въ иноую землю, то како то было при моемъ оѣи при Мъстиславѣ при Романовици и при моемъ братѣ при Мъстиславѣ, онемъ ся прашати, а мнѣ е по доумѣ поуцати). Подъ 1222 г. у Генриха Латыша находимъ показанія еще объ одномъ договорѣ Русскихъ съ Нѣмцами: *Misit rex de Smolensko et rex de Ploscekow et quidam alii reges de Russia nuncios suos in Rigam petentes ea quae pacis sunt. Et renovata est pax per omnia, quae jam dudum ante facta fuerant* (XXVI: 1). Всѣ эти договоры были вѣроятно довольно общи, и потому необходимъ былъ договоръ подробный съ обозначеніемъ разныхъ условій, которыми бы обезпечивались торговля сношенія Нѣмцевъ съ Русскими. Эти-то условія находимъ въ Смоленской грамотѣ 1229 года. Ранѣе этой договорной грамоты съ Нѣмцами сохранилась, и то въ спискѣ, хотя и очень древнемъ, XIII в., только одна подобная грамота Новгородская, писанная 1199—1201 г.

Договоръ заключенъ Смоленскомъ съ Ригюю и съ Готскимъ берегомъ. Со Смоленской стороны посланы были попъ Еремія и мужъ Пантелеймонъ. Хлопотали о заключеніи Рольфъ изъ Касселя и Оома Михалевиць изъ Смоленска; оба вѣроятно Нѣмцы. Въ концѣ

грамоты еще упомянуты: Регенботъ и Тетартъ Адамъ, купцы Готскаго берега, Мемсберъ и Фридрихъ Думбе изъ Любека, Генрихъ Готь и Ильдигеръ изъ Гжата, Конрадъ Шхель (=Кривой) и Юганъ Кинтъ изъ Мюнстера, Бернаръ и Фолкеръ изъ Грюнига, Ермбрехтъ и Албрехтъ изъ Дортмунда, Гесрихъ и Цижикъ изъ Бремсна, Албрехтъ Слукъ, Бернардь, Вальтеръ и Албрехтъ судья Рижскій—изъ Рнги.

Условія поставлены слѣдующія:

- за убійство свободнаго человѣка—10 гр. серебра.
- за убійство холопа 1 гр.
- за глазъ, ногу, руку и т. п. 5 гр.
- за зубы—3 гр.
- за удары съ сняжками или кровью 1¹/₂ гр.
- за ударъ по уху—²/₃ гр.
- попу и послу—въ двое.
- за рану—1¹/₂ гр.
- за вину Русскаго въ Нѣмецкой землѣ и Нѣмца въ Руси въ дыбу или въ погребъ не сажать.
- если впрочемъ не будетъ поруки, то оковать въ желѣзо можно.
- должникъ обязанъ платить свой долгъ прежде всего иноземцу: Русскій Нѣмцу, Нѣмецъ Русскому.
- если бы и князь велѣлъ конфисковать его имущество, то все же должникъ быть прежде уплаченъ долгъ.
- если кто умретъ не заплативъ, хоть бы и холопъ, то платить долженъ тотъ, кто получаетъ его наслѣдіе.
- при судѣ должны быть два свидѣтеля (послуха): одинъ Русскій, другой Нѣмецъ.
- безъ согласія обѣихъ судящихся сторонъ не можетъ быть между Русскимъ и Нѣмцемъ суда ни желѣзомъ горячимъ, ни поединкомъ. Если же на поединокъ выступаютъ Нѣмцы между собою въ Руси, или Русскіе въ Нѣмецкой землѣ, то никому нѣтъ до этого дѣла.
- за обезпеченіе жены мужъ получаетъ 10 гр. серебра; за насиліе свободной женой честной—5 гр., не совѣмъ честной—1 гр. сер.; рабѣ, если будутъ свидѣтели, 1 гр. сер.
- за связаніе безъ вины—3 гр. сер.
- при неплатежѣ долга надобно взять дѣтскаго у тиуна, чтобы тотъ помогъ взять долгъ, и если дѣтскій не кончитъ въ 8 дней, то требовать ему поруки изъ горожанъ; если же горожане дадутъ ему волю, то они и платятъ долгъ.

— при приходѣ Латинскихъ гостей къ Волоку (отъ Двины къ Диѣпру) тиунъ долженъ послать людей для перевоза товара. Если при перевозѣ товара что нибудь погибнетъ, то выплачиваютъ потерю всѣ Волочане.

— въ городѣ свободно продавать все.

— свободно везти товары и на сторону, въ другое владѣнье— Русскому до Любека.

— если кто у гостя купитъ товаръ, то ворочать его уже нельзя.

— судится гость— Нѣмецъ только въ Смоленскѣ, а Русскій только въ Ригѣ и на Готскомъ берегу.

— нельзя призвать ни на Нѣмца дѣтскаго, ни на Русскаго бырича, не заявивши прежде старостѣ тѣхъ гостей, изъ которыхъ кого нибудь обвиняютъ.

— гостя на войну идти заставлять нельзя.

— съ пойманнымъ воромъ своя воля.

— пересуда нѣтъ: разъ передъ судьями и передъ добрыми людьми оконченное дѣло не можетъ быть возобновлено въ другомъ городѣ.

— путь между Готскимъ берегомъ и Смоленскомъ всѣмъ свободный безъ мыта.

— Латинскіе гости, пришедъ въ Смоленскъ, даютъ княгитѣ въ даръ поставъ частины, а Волоцкому тиуну рукавицы, чтобъ онъ помогъ перевезти товаръ безъ задержки.

— вѣсець (вѣшающій) получаетъ за извѣсь двухъ капей ¹⁾ воску одну Смоленскую куну ²⁾, за извѣсь гривны золота ³⁾ одну ногату ⁴⁾ Смоленскую; за извѣсь сосудовъ серебрянныхъ съ гривны серебра одну ногату, за гривну серебра (деньгами) двѣ вѣшки ⁵⁾. Если же вѣсець продасть (?), то ничего не платитъ. За переплавъ гривны серебра одна куна Смоленская.

— если изломится или какъ нибудь легче станеть гиря вѣсчая (капь), то провѣрять съ образцовыми, одною лежащею въ Русской церкви св. Богородицы, и другою лежащею въ Латинской церкви.

— при перевозѣ черезъ Волокъ метать жребіи, кого прежде везти, и во всякомъ случаѣ прежде перевозить Нѣмцевъ.

— Рижское правительство даетъ свободу всѣмъ правымъ купцамъ ѣздить по Двинѣ и по ея берегу.

¹⁾ Капь=4 Рижск. пуда.

²⁾ Куна= $\frac{1}{100}$ гривны.

³⁾ Гривна Смоленская= $\frac{2}{3}$ фунта: въ 2 сѣно; а за гривну серебр. по 4 гривны кунами.

⁴⁾ Ногата= $\frac{1}{20}$ гривны.

⁵⁾ Вѣшка= $\frac{1}{24}$ ногаты (Прозор. 206).

— если судно разобьется, то товара потопшаго никто не смѣе брать, кромѣ владѣльца его и нанятыхъ имъ людей, и этимъ людямъ платитъ по уговору при свидѣтеляхъ. Это же и въ князьяхъ Полотскомъ, Вптебскомъ и Смоленскомъ.

Договорная грамота Смоленска съ Ригю до 1229 года или послѣ 1230 года.

Написана на длинномъ кускѣ пергамина на восьмидесяти страницахъ шириною болѣе пяти вершковъ, тѣсно, но довольно красивымъ уставомъ, почти такого же размѣра, какъ и выше рассмотрѣныя грамоты. Хранится въ Рижскомъ архивѣ.

Буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О
П Р С Т У Ф Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ѣ Ю Я

Правонаписаніе Русское съ частымъ употребленіемъ ѣ, вѣ, е и оборотъ.

При грамотѣ приложена печать изъ двухъ серебряныхъ пластинокъ: на одной св. ликъ съ обозначеніемъ имени до того непонятнымъ, что нельзя отличить никакой буквы; на другой тоже лики святого, какъ будто въ княжеской одеждѣ, и съ боковъ его буквы

оаги гави

о р

Можно подумать, что это крестное имя князя, утвердившаго грамоту; но, сколько знаю, ни одинъ изъ князей Смоленскихъ носилъ этого крестнаго имени. Въ самой грамотѣ для опредѣленія времени ея написанія есть только слѣдующее мѣсто:

а како боудѣтъ Немьчьскыи гъсть Смоленскѣ. а почыпѣтъ кто ѿ нихъ просити. въ иноую землю. то како то было при мѣсто оцѣ при Мьстиславѣ. при Романовици и при моемъ братѣ при Мьстиславѣ. Онѣмъ са прашати а мнѣ е по доумѣ поуцати.

Мстиславъ Романовичъ былъ Смоленскимъ княземъ до 1214. Подъ другимъ Мстиславомъ, названнымъ здѣсь, нельзя разумѣть никого, кромѣ Мстислава Давидовича, отъ имени котораго заключенъ былъ договоръ въ 1229 г. и который умеръ въ 1230 г. И

этого послѣдняго показанія слѣдуетъ заключать, что рассматриваемая грамота писана послѣ 1230 г., но когда и отъ имени какого князя, сказать трудно. Кто заступилъ мѣсто Мстислава Давидовича въ Смоленскѣ непосредственно послѣ него—неизвѣстно. Въ 1232 году является Смоленскимъ княземъ Святославъ Мстиславовичъ, сынъ Мстислава Романовича, племянникъ Мстислава Давидовича. Подъ 1235 г. упоминается Смоленскій князь Изяславъ, по позднѣйшимъ лѣтописямъ тоже сынъ Мстислава Романовича, слѣдовательно также племянникъ Мстислава Давидовича. Подъ 1239 г. видимъ въ Смоленскѣ еще внука Романа, Всеволода Мстиславича; подъ 1240 г. еще внука Романа, Ростислава Мстиславича. Все это племянники двухъ вышеупомянутыхъ Мстиславовъ. А князь, непоименованный въ грамотѣ, былъ братомъ Мстислава Давидовича, называлъ себя сыномъ Мстислава Романовича, вѣроятно по праву этого послѣдняго, какъ заступившаго мѣсто отца въ родѣ, или же по духовному родству. Мстиславъ Романовичъ является дѣйствующимъ уже въ 1178 г., выдаетъ дочь замужъ (слѣдовательно будучи около 35 лѣтъ) въ 1195 г., и умираетъ въ 1223 г. старикомъ слишкомъ 60-ти лѣтъ. Мстиславъ Давидовичъ былъ, какъ кажется, значительно моложе его, и по какому бы то ни было отношенію могъ считаться братомъ князя, непоименовавшего себя въ грамотѣ.

Но можно ли заключать изъ этого, что грамота писана послѣ 1230 г., послѣ смерти Мстислава Давидовича? Конечно, можно, но не рѣшительно (какъ мною сдѣлано въ Древнихъ Памятникахъ стр. 51—52)¹⁾. Мстиславъ Давидовичъ могъ быть и не одинъ разъ на столѣ Смоленскомъ, могъ быть, напримѣръ, до 1223 г. на какомъ-нибудь такомъ княженіи, котораго положеніе давало ему возможность вести переговоры съ Нѣмцами, могъ вести эти переговоры и даже заключать съ ними сдѣлку ранѣе того договора 1229 г., который уцѣлѣлъ и выше рассмотрѣнъ. Такимъ образомъ, послѣ этой первой его сдѣлки съ Нѣмцами, другимъ княземъ, все-таки до 1229 г., могъ быть заключенъ рассматриваемый договоръ. Все это могло быть; но въ лѣтописяхъ на это не находимъ никакихъ подтвержденій, также какъ и опроверженій. Подтверженіе, какъ мнѣ теперь кажется, есть только въ самой рассматриваемой грамотѣ, въ ея содержаніи сравнительно съ грамотою 1229 г.

Содержаніе обѣихъ грамотъ довольно сходно, но есть и важныя отличія. Вотъ содержаніе рассматриваемой грамоты:

---

¹⁾ Востр. вѣд. 102—104.

— Начала точно нѣтъ. Первые слова: «а радъ мой съ Немьци таковъ. аже боудуть мои Смолнани въ Ризѣ, вольное тѣргованье имъ въ Ризѣ» и пр. почти то же, что въ статьяхъ III, XXIII и XXXVII грамоты 1229 г., только короче и безъ упоминанія согласія Нѣмцевъ, съ прибавкою при томъ условія: «а мѣста на корабли вольнаи како Немѣчичю тако и Смолнаниноу». Далѣе слѣдуютъ условія:

по убійству мужа или выдать убійць (разбойники) или платитъ 10 гривенъ серебра.

— за убійство посла или попа при тѣхъ же условіяхъ—въ двое.

— за око, ногу, руку или другую хромоту—5 гривенъ сер., а за зубъ 3 гривны.

— за ударъ деревомъ до крови или по лицу 3 гривны (по договору 1229 г. 1½ гривны).

— за ударъ мечемъ или ножемъ безъ хромоты 3 гр. (по договору 1229 г. 1½ гр.).

— не сажать Русскаго гостя въ дыбу, а въ случаѣ нѣтъ поруки, всадить въ желѣза. О правѣ Нѣмецкихъ гостей ничего нѣтъ.

— въ случаѣ отдачи въ долгъ гостемъ и Русскимъ, и Нѣмецкимъ, своего товара долгъ уплачивается прежде всего Русскимъ Нѣмцу и Нѣмцемъ Русскому.

— если Нѣмецъ должникъ Смольнянина провинится передъ своими властями и долженъ быть наказанъ (раз. имуществомъ), то прежде долженъ быть выплаченъ долгъ Смольнянину. О такомъ же правѣ Нѣмцевъ не упомянуто.

— по смерти должника Нѣмца Смольнянинъ получаетъ должное отъ наследника. О такомъ же правѣ Нѣмца нѣтъ ничего.

— условіе о свидѣтеляхъ, что они должны быть всегда изъ Нѣмцевъ и Смольнянъ, таково же какъ и въ договорѣ 1229 г., но выражено иначе.

— такъ же и условіе о судѣ жегѣзомъ и о судѣ поединкомъ.

— за неповинное связанье и посаженье въ желѣза три гривны серебра.

— объ обязанностяхъ дѣтскаго то же, что и въ договорѣ 1229 г., только иначе и съ большими подробностями.

— о свободномъ бесплатномъ проѣздѣ между Смоленскомъ и Ригю, и Готскимъ берегомъ то же. И тутъ же о Волокѣ: «а на Волоцѣ како то есть пошло».

— о невозвращеніи купленнаго товара.

— о судѣ Смольнянина съ Нѣмцемъ въ Смоленскѣ и въ Ригѣ

то же, и тутъ же означено, что такой судъ есть окончательный, то-есть безъ пересуда.

— даѣе за урывъ бороды у гостя 3 гривны серебра, а у боярина или куноемца (собирателя денегъ) 5 гривенъ (въ договорѣ 1229 г. этого нѣтъ).

— о переходѣ Нѣмецкихъ гостей изъ Смоленска даѣе: «мигъ е по доумѣ поущати» (по договору 1229 г. безусловная свобода).

— за убійство княжескаго городскаго тиуна 20 гривенъ, какъ и послу; въ договорѣ 1229 г. этого нѣтъ.

— объ оскорбленіи женъ то же, только съ позволеніемъ и убить оскорбителя; за насиліе вольной честной женщины—10 гривенъ серебра, а не 5, какъ въ договорѣ 1229 г.; за насиліе рабы—1 гривна.

— За этимъ слѣдуетъ окончаніе: «То же есмь с вами радъ свои докончалъ. про свое моуже. и про свое Смолянны. аже въедеть братъ мои которыи въ Смольнскъ. а оучинитса вамъ свада съ ихъ моужьми. намъ са вѣдати съ ними самѣмъ. или гостъ ис которое земле приедеть. въ мои Смольнскъ. а боудеть вы съ нимъ свада. а вѣдаитса съ ними сами».

Припомня содержаніе договора 1229 г., нельзя не сказать, что въ этой грамотѣ нѣтъ многого, что есть въ ней. Изъ этого можно заключить, что договоръ 1229 года писанъ позже.

Столько же къ этому заключенію ведетъ и то, что эта грамота уже не повторялась послѣ, а договоръ 1229 года много разъ былъ переписываемъ и подтверждаемъ.

При томъ же эта грамота не есть полный договоръ, а только предложеніе Смоленскаго князя, въ которомъ обозначено, чего онъ хочетъ для Смольнянъ, Нѣмцами не утвержденное; такъ что обоюдный договоръ долженъ былъ во всякомъ случаѣ слѣдовать за нею.

Ирмологій до 1249 г.

Рукопись въ малую 4-у или въ 8-у—163 лл., не полная и попорченная. Доставляема мнѣ была отъ купца Т. Самсонова. Уставное широкое письмо; надъ строками крюки¹⁾).

—Правописаніе Русское.

Въ концѣ книги есть начало записи.

---

¹⁾ Снимка азбуки Ирмологія до 1249 г. въ бумагахъ И. И. Срезневскаго не удалось найти. *Примеч. изд.*

Написаны быша книги сия
стажаниемъ владыки Спиридона.
свatomъ Никѡноу. въ радѣ. а конца
шаса мѣа марѣта въ .кѣ. днь. а дап Гѣ

Конца, бывшего на слѣдующемъ листкѣ, какъ и самаго листка,—
нѣтъ. Подъ владыкою Спиридономъ можно понимать Новгородскаго
архіепископа Спиридона, умершаго въ 1249 г. Выраженіе «свatomъ
Никѡноу», безъ сомнѣнія означаетъ церкви св. Никона; а «въ радѣ»
значитъ должно почти то же, что теперь «въ гостинный дворъ»; но
гдѣ была эта церковь или церковный придѣлъ — не могу опредѣ-
лить. Въ Новгородѣ такой не было.

Объ ирмосахъ было уже мною говорено. Собраніе ирмосовъ на-
зывается ирмологіонъ = ирмологій = ирмодой.

Такихъ рукописей отъ XIII вѣка сохранилось нѣсколько, между
прочимъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (4°: 196 л.) и въ Новго-
родскомъ Софійскомъ соборѣ (4°: 154 л.).

Трефологій 1260 г.

Рукопись Синодальной библіотеки въ большую 4-у на 232 л.
Письмо уставное, тщательное, толстое и широкое. Вотъ буквы:

А Б В Г Д Е Ж З И ІА ІБ ІВ ІГ ІД ІЕ ІЖ ІЗ ІИ ІІА ІІБ ІІВ ІІГ ІІД ІІЕ ІІЖ ІІЗ ІІИ ІІІА ІІІБ ІІІВ ІІІГ ІІІД ІІІЕ ІІІЖ ІІІЗ ІІІИ ІІІІА ІІІІБ ІІІІВ ІІІІГ ІІІІД ІІІІЕ ІІІІЖ ІІІІЗ ІІІІИ
П Р С Т У Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ѧ Ѣ Ю Я

Правописаніе Русское.

Въ концѣ книги есть запись:

Въ Гѣ. 5. 2. н. априла въ кѣ. 3+
Гѣ Гѣ+ концѣшаса книги сп
отъ раба бжнн Леоукы.

Трефологіемъ (Трефологіонъ) или Анофологіемъ, Цвѣтословомъ,
Цвѣтной минеей или Праздничной минеей называется сборникъ по-
слѣдованій на особенно важные праздники, выбранныхъ изъ мѣсяч-
ныхъ миней.

Въ рукописи 1260 года заключаются послѣдованія на праздники
съ февраля по августъ.

родци. докончахомъ миръ. с посломъ Нѣмьцкымъ. Шивордомъ. и с Любьцкы | мь посломъ Тидрикомъ. и с Гьцкы | мь посломъ (Шгъ-стенъмъ. и съ вѣмъ Латиньскымъ газыкомъ.

По этому началу видно, когда написана грамота; она написана отъ имени двухъ князей, Александра Ярославича Невскаго и сына его Дмитрія, слѣдовательно, въ 1259—1263 г., когда первый былъ у Татаръ, а второй, посланный отцомъ, правилъ Новгородомъ. Въ 1263 г. Александръ умеръ, а въ 1264 г. Дмитрій былъ прогнанъ Новгородцами. Посадникъ Михаилъ (Федоровичъ) занялъ это мѣсто въ 6765=1257); тогда же и тысяцкій Жирславъ (Жирохъ), очевидно послѣ Миши (ср. 4-я Новгород. лѣт.) Война съ Нѣмцами произошла въ 1262 г.—вслѣдствіе чего и заключенъ миръ.

Далѣе записаны нѣкоторыя условія почти постоянно со ссылками на старыи миръ и съ указаніями на старую правду и грамоту.

Не могла не быть между Новгородцами и Нѣмцами старая правда и грамота, такъ какъ сношенія между ними начались очень издавна.

Уже въ началѣ XII вѣка, если не ранѣе, были сношенія Новгорода съ разными Варягами, какъ свидѣтельствуютъ сказанія о нихъ сочинителя Повѣсти временныхъ лѣтъ, и сказанія Новгородской лѣтописи (6638, 6660; 6696). Въ половинѣ XII вѣка была уже въ Новгородѣ Нѣмецкая (=Варяжская) церковь (она сгорѣла въ 6660),

Та старая правда и грамота, о которой упомянуто въ выше-означенной грамотѣ 1262—1263 г. приложена къ ней въ спискѣ. Начинается она съ 45-й строки первой страницы и продолжается до конца.

Начинается она такъ:

Се изъ князь Ярославъ Володимѣри
чь. сгадавъ с посадникомъ с Мпирошкоу
и с тысяцкымъ Гяковомъ. и съ вѣми Но
вгородьци. потвердикомъ миру старо
го. с посломъ Арбоудомъ. и съ вѣми Нѣмь
цкыма сыи. и съ Гты. и съ всемъ Лат
иньскымъ газыкомъ. послагъ ксьмь по
сла своего Григоу на сей правдѣ:

По этому началу можно опредѣлить время грамоты: князь Ярославъ княжилъ въ Новгородѣ въ 1182—1184, 1187—1196, 1197—1199. Мпирошка посадничалъ съ перемѣжками въ 1189—1203; слѣдовательно грамота писана не ранѣе 1189 и не позже 1199, во всякомъ случаѣ не позже 1199 года.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

Preservation photocopying and binding

by

Acme Bookbinding

Charlestown, Massachusetts

1995

